

Джеймс Бейли родился в 1929 г., учился в Южнокалифорнийском университете, закончил аспирантуру в Гарвардском университете под руководством К. Ф. Тарановского. Почти 30 лет преподавал на кафедре славянских языков в Висконсинском университете. Профессор с 1972 г. и Professor Emeritus с 1995 г. Заведовал кафедрой славянских языков (1974—1977) и руководил Программой по фольклору (1985—1987). Его «Избранные статьи по русскому народному стиху» вышли в издательстве «Языки русской культуры» в 2001 г. В новой книге собраны статьи по русскому литературному стиху — и доклассическому (стих русского канта XVII—XVIII вв.) — и классическому (ритм русского 5-стопного ямба начала XX в., исследованный на огромном материале), и, конечно, по литературным подражаниям русскому народному стиху. Среди публикаций профессора Бейли — книги «Toward a Statical Analysis of English Verse», «Three Russian Lyric Folk Song Meters», «Anthology of Russian Folk Epics» (в соавторстве с Т. Г. Ивановой).

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

Е. В. Падучева

Е. В. Падучева

ДИНАМИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ
В СЕМАНТИКЕ
ЛЕКСИКИ

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Е.В.Падучева

ДИНАМИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ
В СЕМАНТИКЕ
ЛЕКСИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16099

Падучева Е. В.

П 16 Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-161-6

Языковое поведение слова (сочетаемость, состав грамматических форм и их значение, фразовое ударение и т. д.) определяется его значением, а значение изменчиво, подвижно. Описываются продуктивные модели семантической деривации, т. е. модели преобразования лексических значений. Выявляются смысловые компоненты и параметры лексического значения, которые объединяют слова в крупные и мелкие классы и лежат в основе лексической системы языка. Показано, что семантическая деривация в первую очередь затрагивает именно эти компоненты и параметры.

Книга рассчитана на лингвистов, специалистов по компьютерной лексикографии, студентов и преподавателей русского языка.

ББК 81.031

На переплете: Дама с Единорогом. Музей Клони, Париж

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-161-6

© Е. В. Падучева, 2004

Оглавление

Сокращения и условные обозначения	11
Предисловие	13

Часть I

Параметры лексического значения

<i>Вступление.</i> О системном подходе к семантике лексики	25
<i>Глава 1.</i> Таксономическая категория глагола	30
§ 1. От классов глаголов по Вендлеру к таксономическим категориям	30
§ 2. Таксономическая категория как параметр лексического значения	31
§ 3. К формальному представлению значения слова. Семантическая декомпозиция Т-категории	34
3.1. Компоненты толкования как значения признаков	35
3.2. Разновидности действий, их признаки и форматы толкования	36
3.3. Категории глаголов действия (совершенный вид)	39
§ 4. Способ действия	41
<i>Глава 2.</i> Тематический класс как формальный аналог семантического поля	42
§ 1. Тематические классы и тематические компоненты	42
§ 2. Строевые компоненты	45
§ 3. Компонент «контакт»	48
<i>Глава 3.</i> Диатеза	51
§ 1. У истоков понятия диатезы	51
§ 2. Ситуация и ее участники	52
2.1. Участник и роль. Участник и синтаксический актанта	52
2.2. Семантическое обоснование ролей	55
2.3. Инкорпорированные участники	57
2.4. Коммуникативный ранг участника	58
§ 3. Обязательные и необязательные участники	60
§ 4. Проблема пропадающих актанта	60
§ 5. Диатетический сдвиг	62
§ 6. Расширение сферы применения понятия диатезы	66
6.1. Прямая и косвенная диатеза	66
6.2. Диатеза с Наблюдателем	67

6.3. Расщепление генитивной группы; диатезы с внешним Посессором	67
6.4. Сдвоенные роли	71
<i>Приложение. Актанты и сирконстанты</i>	<i>72</i>
<i>Глава 4. Таксономический класс и другие характеристики участника</i>	<i>80</i>
§ 1. Таксономический класс	80
§ 2. Онтологическая метафора и ее роль в семантике лексикона	89
§ 3. Таксономический класс и семантическая роль: пример соотношения	91
<i>Глава 5. Акцентный статус компонента как фактор лексического значения</i>	<i>93</i>
§ 1. Рематическое выделение	93
§ 2. Тематическое выделение. Коммуникативный ранг участника и компонента	95
§ 3. Актуализация компонента: смещение фокуса внимания с компонента на компонент	98
§ 4. Импликатура и инференция	101
4.1. Механизм возникновения импликатур	101
4.2. Типы импликатур	107
§ 5. Влияние акцентного статуса компонента на сочетаемость	110
<i>Глава 6. Принцип композиционности и правила соединения значения частей в значение целого</i>	<i>113</i>
§ 1. Правила композиции смыслов	113
§ 2. Примеры	119
§ 3. Атрибутивный статус компонента в толковании и статус атрибута ремы в синтаксисе	123
§ 4. Акцентные сдвиги и реструктуризация толкования	128
<i>Экскурс 1. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы</i>	<i>130</i>
§ 1. Базовые и инцидентные компоненты толкования	130
§ 2. Состав участников ситуации вины	132
§ 3. <i>Вина</i> как плохой поступок	135
§ 4. <i>Вина</i> как состояние	140
§ 5. Просодические свойства слов <i>вина</i> и <i>виноват</i>	142

Часть II

Многозначность и семантическая деривация

<i>Глава 1. Семантическая деривация</i>	<i>147</i>
§ 1. Регулярная многозначность. Проблема сохранения единства слова	147
§ 2. Параметры и компоненты	150
§ 3. Едины ли модели деривации в разных языках	153
<i>Глава 2. Метонимия и метафора как основные механизмы семантической деривации</i>	<i>155</i>

§ 1. Языковая концептуализация реальности. Семантическая структура как концепт	155
§ 2. Механизмы семантической деривации: метонимия и метафора	157
§ 3. К типологии метонимических переносов	160
§ 4. Примеры метонимических переносов	162
§ 5. Роль метонимии в поэтике Пастернака	168
§ 6. Метафора: к проблеме языковой категоризации действительности	169
§ 7. Метафоры, по которым мы живем	172

Часть III

Тематические классы глаголов: Исходное значение и семантические дериваты

<i>Глава 1.</i> Фазовые глаголы и семантика начинательности	179
§ 1. Понятие фазового глагола	179
§ 2. Собственно фазовые и просто фазовые глаголы	181
§ 3. Совершенный вид и начинательный способ действия	193
<i>Глава 2.</i> Глаголы восприятия. Опыт выявления структуры тематического класса	197
§ 1. Глаголы восприятия как тематический класс	197
§ 2. Таксономические категории глаголов восприятия	202
2.1. Категориально-диатетическая парадигма	202
2.2. Таксономическая категория	204
§ 3. Диатезы	208
3.1. Диатезы с Экспериментом	209
3.2. Диатезы с Наблюдателем	210
3.3. Глаголы с “врожденным” Наблюдателем	213
§ 4. Тематические подклассы глаголов восприятия	214
§ 5. Некоторые глаголы восприятия крупным планом	217
5.1. <i>увидеть</i> и <i>заметить</i>	217
5.2. <i>видеть</i> и <i>смотреть</i> : компонент «фиктивное движение»	231
5.3. <i>выглядеть</i> и <i>казаться</i>	236
5.4. <i>появиться</i> и <i>показаться</i>	237
5.5. Глагол <i>обнаружить</i>	243
§ 6. О сирконстантах глагола <i>видеть</i>	251
<i>Приложение.</i> Глаголы восприятия	253
<i>Глава 3.</i> К семантике глаголов знания. Фактивность	256
§ 1. Понятие пресуппозиции в логике и в лингвистике	256
§ 2. Фактивные и нефактивные предикаты	259
§ 3. Глаголы, подчиняющие косвенный вопрос	262
§ 4. Примеры	265
§ 5. Фактивность и знание	266
§ 6. Глаголы воздействия на ментальное состояние	269

Глава 4. Семантическая парадигма глагола эмоции	273
§ 1. Глаголы эмоции как тематический класс	273
§ 2. Таксономическая категория глагола эмоции	275
§ 3. Роли и диатезы	278
§ 4. Производные тематические классы	284
§ 5. Семантическая парадигма глагола эмоции	286
§ 6. Некоторые итоги	303
Глава 5. Глаголы принятия решения	307
§ 1. Волитивная составляющая в семантике глаголов принятия решения	307
§ 2. Прямая и косвенная диатеза в парадигме значений глагола <i>решить</i>	311
§ 3. О семантике выбора: <i>выбрать</i> и <i>предпочесть</i>	318
3.1. Ментально-волитивное значение <i>выбрать</i>	319
3.2. Прочие значения <i>выбрать</i> ; проблема инварианта	327
3.3. Контекст снятой утвердительности и другие общие факторы	328
§ 4. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола <i>назначить</i>	330
4.1. Прямые диатезы	331
4.2. Косвенные диатезы	335
4.3. Обсуждение результатов	336
§ 5. Глаголы <i>рисковать</i> — <i>рискнуть</i> и проблема системности лексики	337
5.1. Глагол <i>рисковать</i> как яркая индивидуальность	337
5.2. О тематическом классе глаголов <i>рисковать</i> — <i>рискнуть</i>	340
5.3. Лексические значения глаголов <i>рисковать</i> — <i>рискнуть</i>	342
5.4. Разбор примеров	353
Глава 6. Речевые действия	355
§ 1. К определению речевого действия	355
§ 2. Перформативы и квазиперформативы	357
§ 3. Глаголы речевого действия и теория речевых актов	359
§ 4. О структуре толкования глагола речевого действия. Примеры толкований	360
§ 5. Регулярная многозначность	370
Глава 7. Движение	373
§ 1. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения	373
1.1. Английское <i>come</i> в сопоставлении с русскими <i>идти</i> и <i>прийти</i>	373
1.2. Непроизводные и приставочные глаголы движения. Наблюдатель	377
1.3. Непроизводные глаголы движения	377
1.4. Приставочные глаголы движения	379
§ 2. Стативные дериваты глаголов движения	384
§ 3. Движение времени	391
3.1. Модели времени	392
3.2. Статическое время и семантика глагола <i>следовать</i>	396
3.3. Пример из древнерусского	399

<i>Глава 8.</i> Парадигма регулярной многозначности глаголов звука	401
§ 1. Структура парадигмы	401
§ 2. Дефектные парадигмы	408
§ 3. Семантическая деривация	411
3.1. Изменение тематического класса глагола	411
3.2. Изменение таксономической категории глагола	413
3.3. Диатетические сдвиги	414
3.4. Изменение таксономического класса участника	416
§ 4. Метафорические и метонимические переносы; вовлечение в ситуацию несобственных участников	417
§ 5. О глаголе <i>звучать</i>	419
<i>Глава 9.</i> Бытийные глаголы и генитивный субъект	425
§ 1. Существование и местонахождение	425
§ 2. Глагол <i>быть</i> и его синонимы: <i>находиться, присутствовать,</i> <i>иметься, существовать</i>	427
2.1. <i>находиться; быть</i> в значении ‘находиться’	428
2.2. <i>присутствовать; быть</i> в значении ‘присутствовать’	431
2.3. <i>иметься; быть</i> в значении наличия	433
2.4. <i>существовать; быть</i> в значении ‘существовать’	437
§ 3. К семантике бытийного глагола: родительный субъекта в отрицательном предложении	440
3.1. Генитивная конструкция: синтаксис или семантика?	440
3.2. Семантика генитивной конструкции	443
3.3. Две группы генитивных глаголов: экзистенциальная и перцептивная	444
3.4. Кажущиеся контрпримеры	450
3.5. Контексты, препятствующие употреблению ГК при генитивном глаголе	452
3.6. Форсированные употребления генитивной конструкции	454
§ 4. Генитивный субъект глагола <i>быть</i>	458
Постскриптум	465
<i>Приложение.</i> Генитивные глаголы	469

Часть IV

Лексическое значение и грамматика

<i>Глава 1.</i> Семантические источники моментальности русского глагола	475
§ 1. Что такое моментальный глагол?	475
§ 2. Таксономические категории моментальных глаголов	477
§ 3. Тематические классы моментальных глаголов	480
§ 4. Онтологические категории глаголов НСВ, парных к моментальным	483
<i>Глава 2.</i> Глаголы с участником Результат и их аспектуальные свойства	486
§ 1. Участник Результат и его коммуникативные ранги	486

§ 2. Участник Результат и актуальное значение глагола несовершенного вида	489
2.1. Глаголы выбора	489
2.2. Фазовые глаголы	490
2.3. Глаголы ментального воздействия	490
2.4. Глаголы создания интеллектуального объекта	491
§ 3. Глаголы создания материального объекта	492
§ 4. Заключение	493
<i>Глава 3. Вид и время причастий на н/т</i>	<i>495</i>
§ 1. Вид	495
1.1. Форма со связкой	496
1.2. Форма без связки	497
§ 2. Время	501
§ 3. Обсуждение результатов	502
<i>Глава 4. Семантика совершенного вида и начинательность</i>	<i>504</i>
<i>Эккурс 2. ДАВНО и ДОЛГО: к вопросу о статальном компоненте в семантике совершенного вида</i>	<i>515</i>
§ 1. Дейктичность <i>давно</i>	515
§ 2. Два значения или одно?	518
§ 3. Коммуникативная структура	523
Заключение	525
Библиография	539
Список сокращений при указании источников примеров	570
Предметный указатель	571
Приложение 1. Тематические классы и тематические компоненты	585
Приложение 2. Семантические роли	587
Приложение 3. Таксономические классы имен	588
Именной указатель	590
Лексический указатель	594

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

акт.	актуальное (= актуально-длительное) значение несов. вида
БД	база данных
буд.	будущее время
вин.	винительный падеж
ГГ	генитивная группа
ГК	генитивная конструкция
д	производная диатеза
дат.	дательный падеж
<i>З/кдр</i>	За кадром (коммуникативный ранг)
ИГ	именная группа
инф.	инфинитив
КВ	косвенный вопрос
компл.	комплемент, т. е. придаточное дополнительное
МР	момент речи
МН	момент наблюдения
мн. ч.	множественное число
наст.	настоящее время
НСВ, несов. вид	несовершенный вид
<i>Об</i>	объект
ПГ	предложная группа
<i>Периф</i>	Периферия (коммуникативный ранг)
перф.	перфектное значение; перфектное состояние
прош.	прошедшее время
ППГ	предложно-падежная группа
<i>Сб</i>	субъект
СВ, сов. вид	совершенный вид
СД	сфера действия
СС	Субъект сознания
СФ	семантическая формула
сущ.	существительное
Т-категория	таксономическая категория
Т-класс	таксономический класс
твор.	творительный падеж
ТО	точка отсчета
трив.	тривиальное значение несов. вида (многократное)
d (от англ. <i>direct</i>)	прямая диатеза
i (от англ. <i>indirect</i>)	косвенная диатеза

⇒	семантическая деривация
⇐	происходит из
→	знак замены (в частности, метафорического и метонимического переноса)
⊃	семантическое следование; $x \supset 'y'$ означает, что в значение выражения x входит компонент $'y'$
<	предшествование (например, $t_1 < t_2$ означает, что момент t_1 предшествует моменту t_2)
¬	отрицание
&	конъюнкция
∨	дизъюнкция
≡	эквивалентность
∅	нулевая форма, нулевой знак, в т. ч. — анафорический нуль
i, j	референциальные индексы, в т. ч. — в контексте ∅;
T, R	индексы Темы и Ремы; например: [Курица] _T [не птица] _R
#	знак формулы; например, (12#)—формула предложения (12)
*	некорректное сочетание или форма
◦	невозможность понимания формы в обсуждаемом значении
?	сомнительно
??	очень сомнительно
˘	знак интонационной транскрипции: безударность
/	повышение тона
\	понижение тона
—	понижение тона без выделения (Кодзасов, Кривнова 2001: 394)
	граница между Темой и Ремой
√	знак отсутствия у глагола формы противоположного вида (видовой пары)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В свое время трансформационная грамматика ввела в обиход порождающие, т. е. динамические, объяснительные модели в синтаксисе. Много интересного обещает сейчас аналогичный — динамический — подход к семантике лексики: подход, при котором значения слова связываются друг с другом за счет того, что одни значения рассматриваются как производные от других. Трансформации в синтаксисе никогда не были синонимическими. Имеет смысл не замалчивать, а эффективно использовать это свойство трансформаций, обратившись к преобразованиям, фиксирующим изменение смысла слова, — они получили название *с е м а н т и ч е с к и х д е р и в а ц и й*, в противоположность лексическим деривациям, которыми занимается словообразование.

В теоретической лингвистике начиная с конца 50-х годов, ознаменованных хомскианской революцией, господствовала установка на *п о р о ж д е н и е* (предложения из слов, слова из морфем и т. д.). В 80–90-е годы возобладали, отчасти подспудная, т. е. не вполне эксплицированная, новая парадигма: в центре внимания оказалась интерпретация — *п о н и м а н и е*. Эта парадигма обладает важным преимуществом: она не требует гипотезы о том, что лингвист может приписать любому предложению данного языка теоретически обоснованную синтаксическую структуру. Синтаксиса, который давал бы такую возможность, до сих пор ни для одного языка нет, и светлое будущее “автономного синтаксиса” просматривается с трудом. Переход от порождения к интерпретации вводит в законные теоретические рамки работу с отдельными словами и конструкциями, а задачи, ориентированные на глобальную синтаксическую структуру, можно отложить на потом.

Механизм порождения текста говорящими остается во многом загадкой. Между тем процедура интерпретации вполне поддается изучению — хотя бы методом самонаблюдения: каждый из нас постоянно оказывается в ситуации, когда он должен привести аргументацию в пользу своего понимания текста (как на родном, так и на не родном языке), и тот, кто владеет более основательными знаниями языка, знаниями о мире, коммуникативными навыками, риторической компетенцией и проч., имеет большие шансы на успех. Преобразования смысла — дело обычное. Между тем механизм изначального порождения смысла — всегда вместе с формой — пока во мраке, и ссылки на врожденность языковой способности не обогащают наши представления о том, в чем эта способность состоит.

Развитие семантики направило усилия лингвистов на поиски семантических объяснений языкового поведения языковых единиц. Это новое направление очевидным образом связано с успехами *л е к с и ч е с к о й* семантики. Стало ясно, что языковое поведение слова (сочетаемость, неполнота грамматических парадигм и проч.) в существенной степени предопределено его значением; то, что, скажем, у слова *тереть* его несов. вид может иметь значе-

ние актуально развертывающегося процесса / деятельности, а у *терять* — нет, объясняется различной лексической семантикой этих слов.

Однако слова, как правило, многозначны; т. е. значений у слова много, и каждое значение предопределяет свои возможности языкового поведения. Еще Ю. С. Маслов, который вывел проблему славянского вида в лексическую плоскость, отметил также, что актуальное значение несов. вида невозможно, например, для *Он приходит в дом*, но несколько не запрещено для *Он приходит в себя*, и это имеет семантическое объяснение.

Многозначность — в природе языка, по крайней мере р е г у л я р н а я многозначность (Апресян 1974), т. е. полисемия. Между тем предшествующая эпоха в лингвистической семантике была посвящена синонимии и без уважения относилась к многозначности. Словарь омонимов русского языка (М., 1986) казался причудой О. С. Ахмановой и не вызвал интереса. Только сейчас лингвистическая семантика, взращенная на синонимии, может считать себя подготовленной к встрече с многозначностью. Можно даже сказать иначе: лингвистика у в и д е л а многозначность как проблему тогда, когда представились возможности ее решения.

В традиционных толковых словарях значения слова описываются независимо одно от другого — как если бы они совершенно случайно оказались имеющими общую звуковую оболочку. В Мельчук 1998: 346 сл. вообще отрицается слово как лингвистически полезная сущность; есть только лексема — слово, взятое в одном его значении, — и вокабула, та самая общая оболочка. Но для говорящих слово — несомненная реальность, и этот факт нельзя игнорировать. Настоящая книга развивает подход к семантическому описанию лексики, при котором сохранено деление слова на лексемы-значения, но преодолены сопутствующие ему отрицательные последствия: предлагаемый выход — в установлении р е г у л я р н ы х с е м а н т и ч е с к и х с в я з е й между разными значениями слова.

Путь к восстановлению единства слова мы видим в описании общих моделей (семантических дериваций), которые преобразуют одно значение в другое. Весь набор значений полисемичного слова предстает при этом как иерархическая система, в которой значения связаны друг с другом. Но этого мало: иерархия становится деревом деривационных связей; значения выводятся одно из другого (и в конечном счете возводятся к общему корню) последовательностью применений тех или иных моделей деривации. Моделей деривации много, но все-таки не бесконечно много. И главное — они воспроизводимы: применимы ко многим разным словам, иногда к сотням и тысячам слов.

Следует оговорить, что семантическая деривация — это, в существенной степени, п р и е м описания многозначности. Не предполагается, что все семантические переходы, о которых идет речь, когда-либо реально происходили — в таком же смысле, как, скажем, переход О носового в У в истории русского языка. Скорее, имеется в виду синхронное соотношение, т. е. м о т и в и р о в а н н о с т ь одного значения другим — что, впрочем, часто верно и для обычной лексической деривации, словообразования (см. о динамическом подходе к словообразованию в Земская 1992). Регулярная многозначность м о д е л и р у е т с я как семантическая деривация — как переход более исходного значения в производное от него. В существующей лексикографической прак-

тике явно контекстные семантические сдвиги (meaning extensions или meaning shifts) представляются как многозначность. При динамическом подходе, напротив, любая многозначность должна быть представлена как результат семантического сдвига: такова модель.

По мере того как совершенствовались методы описания значения, многозначность давала о себе знать как все большая угроза: чуть ли не любое слово при ближайшем рассмотрении оказывалось неоднозначным, а у некоторых значения исчислялись десятками.

Носитель языка обычно не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения; регулярная многозначность — это, во многом, следствие несовершенства нашего способа представления смысла.

При динамическом подходе к семантике слова необходимо выявить контексты, релевантные для его значения, и проследить изменение исходного значения под влиянием контекста. Динамическое устройство словаря предполагает, что для производных значений указываются модели перехода, связывающие их с исходными. Динамический словарь дает не перечень, а систему — п а р а д и г м у — значений. Такие семантические переходы, взятые в своей совокупности, могут составить своего рода г р а м м а т и к у с л о в а р я, ср. Апресян 1967: 189—215.

Контекстные сдвиги значения никогда нельзя полностью отразить в словаре, в статическом виде: они постоянно происходят в тексте, и их можно описать только общими правилами. Н. В. Перцов (1996: 46) приводит фразу *Все мы вышли из гоголевской “Шинели”* как пример употребления слова *выйти*, которое не находит себе места даже в самых подробных перечнях значений этого слова. Этот пример можно развить. Дело в том, что знаменитая фраза неоднозначна. С. Г. Бочаров (1985: 169) пишет о “Бедных людях” Достоевского, имея в виду нарочитое подражание Гоголю — скорее всего, с целью отталкивания: “Новый писатель „выходит“ из Гоголя {...} и в одном и в другом значении этой амбивалентной формулы”. Ясно, что моделировать говорящего, который легко справляется с такими употреблениями слов, можно только при динамическом подходе к семантике. Норма на каждом шагу сталкивается с живым процессом новообразования (метафорическими, метонимическими и прочими переносами), при котором продолжают действовать те же механизмы, что и в узаконенных словарных значениях слова. Механизмы новообразования аналогичны для изысканнейших литературных текстов и обыденного сленга, см. Nunberg 1978: 163 (хотя и не тождественны, см. Розина 2002).

Динамический подход к значению — это путь к сохранению единства слова без ущерба для точности лексикографического описания отдельного значения. Установка делается не на инвариант, а на исходное значение. Можно говорить даже об определенной экономии: при динамическом подходе из толкования одного слова строится толкование другого. Между тем поиски инварианта возможны только тогда, когда все разные значения уже описаны.

Теоретически, описание моделей (т. е. правил) семантических переходов должно позволить порождать из исходного значения слова всю парадигму — тогда помещать в словарь можно было бы только корневую лексику, с указанием о наличии производных такого-то типа, — с тем чтобы толкования порождались правилами. Однако формальные правила преобразования толкования

исходного значения в толкование производного — это все-таки скорее теоретическая возможность, чем осуществимая реальность. Установление деривационных связей между лексемами парадигмы не означает отмены соответствующих словарных статей. Модели деривации нужны для систематизации словаря, для объяснения многообразия значений слова; иногда они приводят к увеличению числа лексем, а не к уменьшению. Впрочем, по отношению к окказиональным и маргинальным употреблением возможность получать толкования с помощью своего рода грамматики лексикона представляется заманчивой.

В Langacker 1987 и в ряде других работ когнитивного направления предлагается путь к объединению значений, состоящий в том, что слову приписывается некая когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу, но ни одного из реальных значений не описывает. Наш опыт показывает, что можно продвинуться достаточно далеко, не вводя этого дополнительного (надязыкового, когнитивного, глубинного) уровня представления лексического значения: как правило, все регулярные дериваты можно исчислить преобразованиями одного из значений, принятого за исходное. Во всяком случае, идея исходного значения в большей мере соответствует нынешней лексикографической практике, а существование у слова или предложения когнитивной структуры, которая отражала бы не языковые, а какие-то другие способности человека, пока не доказано. Ср. о когнитивном подходе к языку в Кибрик 2003.

Наличие продуктивных моделей семантического перехода позволяет не скупиться на количество значений, различаемых у слова в словаре: можно допустить и такие лексемы, существование которых семантически предсказуемо и значение которых описывается общим правилом. Проблема проведения границы между значением и употреблением при этом сходит на нет. Все, что требует отдельного “лексического правила” (см. Dowty 1979: 360, Pinker 1989), может быть также содержанием отдельной словарной статьи.

Динамическая модель размывает границу между нормой и инновациями (которая — граница — доставляет столько хлопот составителям словарей). В этом смысле она моделирует говорящего, который в равной мере умеет интерпретировать речевые произведения обоих типов — и принадлежащие норме, и окказиональные.

Разумеется, не всякая многозначность регулярна; скажем, едва ли есть общий переход, связывающий два значения слова *засунуть*: ‘с трудом’ и ‘неизвестно куда’ (хотя связь между ‘неизвестно’ и ‘плохо’, конечно, есть); неясно, есть ли общее правило, связывающее *угодить* = ‘сделать приятное’ и *угодить* = ‘попасть в плохое положение/ место’; или *заклучить* в значении ‘лишить свободы’ и в значении ‘сделать вывод’. Такие соотношения остаются за пределами нашего рассмотрения.

Программа динамического (порождающего) словаря (*generative lexicon*) была провозглашена в Pustejovsky 1998. Надо, однако, иметь в виду, что преимущества, достигаемые за счет динамизма, существенно зависят от глубины и степени разработанности принятого способа представления смысла слова. Семантические формулы (толкования, декомпозиции), которыми мы пользуемся, опираются на многолетнюю словарную традицию московской семантической школы (прежде всего на труды И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна); на вдохновенные лексикологические изыскания Анны Вежбицкой. Чем лучше разра-

ботан аппарат представления значений, чем больше опыт у лексикографа, тем большим предсказательным потенциалом будет обладать толкование.

Подход к значению, развиваемый в данной книге, является динамическим не только в парадигматическом смысле (когда речь идет о “переходе” одного смысла в другой в пределах слова), но и в синтагматическом: композиция смыслов — соединение значения частей в значение целого — тоже имеет свою динамику.

Мы исходим из того, что описание смысла текста состоит из двух частей: словарь (лучше всего — лексическая база данных) и грамматика (сюда входит собственно грамматика и грамматика лексики — так сказать, лексическая база знаний, которая, в частности, содержит лексические правила, позволяющие получать из одних значений другие). В книге речь идет о словаре, т. е. о смыслах слов. И главное требование к словарю — чтобы он соответствовал запросам грамматики (например, если грамматика апеллирует к различию действий и состояний, то эти категории должны быть отражены в словаре). Но есть и другие.

Толкование лексемы — это своего рода структурная формула, наподобие структурной формулы в химии. Формула позволяет давать ответ на многообразные вопросы. Как слово будет реагировать на контекст? Какие семантические компоненты оно готово, под влиянием контекста, включить в свой состав? Какие собственные компоненты отбросить? Какими разными сторонами эта семантическая структура может “поворачиваться” к говорящим — так, что одни компоненты уходят в тень, а другие выступают на свет, актуализуются, попадают в фокус внимания? Как компоненты смысла разворачиваются во временную последовательность, в своего рода сценарий?

Динамическое устройство словаря предполагает инвентарь семантических дериваций. Инвентаризация нужна не только для синхронной, но и для диахронической семасиологии: в ходе исторического развития языка осуществляются, вообще говоря, те самые семантические переходы, которые мы наблюдаем в синхронии. Инвентарь семантических переходов — это насущная задача для семантической типологии (о возможностях использования инвентаря моделей семантической деривации в историческом языкознании см. Зализняк 2001).

Среди изменений научной парадигмы по сравнению с эпохой 70-х следует упомянуть возросшее внимание к соотношению языкового выражения с действительностью. Хомский в книге Chomsky 1977 еще продолжает считать главной задачей лингвистики описание соответствия между “звуком и значением языкового выражения” (см. об этом Van Valin, LaPolla 1997: 9). А тем временем в компетенцию лингвистики постепенно входит третья вершина треугольника Фреге — денотат; все чаще значение выступает не только как смысл по отношению к форме языкового выражения, но и, по Фреге, как концепт по отношению к внеязыковому объекту; входит в обиход понятие *к о н ц е п т у а л и з а ц и я* ситуации (Wierzbicka 1996: 55) и термин *к о н ц е п т у а л ь н а я* структура, который подчеркивает некоторую произвольность связи между действительностью и ее отражением в языке. По-видимому, эту произвольность надо считать определяющей для новой лингвистической парадигмы постхомскианского периода. Важный вклад в разработку этой проблематики вносят работы, посвященные языковой модели мира, см. Апресян 1995, т. II; Урысон

1995; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2003. Разные языки по-разному концептуализуют состояние страха, ощущение счастья и даже причинное отношение.

На заре лингвистической семантики кардинальную роль в ней играла синонимия. Через синонимию лингвистика пришла к понятию смысла: в 60-е годы смысл определялся—со ссылками на Пирса, Якобсона, Фреге, Куайна—как инвариант синонимических преобразований. Сейчас рабочая гипотеза лингвиста скорее состоит в том, что двух слов с одинаковым смыслом не существует: есть слова, близкие по смыслу. Работа с синонимами—это дань технике структурализма: “всегда полезно сопоставить друг с другом близкие по смыслу слова, чтобы заострить внимание на их различии”, говорит Годдард (Goddard 1998: 150), приступая к анализу слов *order*, *tell*, *suggest*. Другой пример—значения ‘счастлив’ и ‘доволен’ английского слова *happy* (Wierzbicka 1992b): сопоставление обнаруживает, насколько *happy* “снижено” по сравнению с русским *счастливый*.

Впрочем, антонимы и квазиантонимы в этом отношении ничуть не хуже синонимов, ср. о *threaten* ‘угрожать’ и *warn* ‘предупреждать’ в той же книге Goddard 1998. Не менее полезно отражение слова в других его семантических и лексических дериватах; в переводных эквивалентах и проч. Так, завеса над смысловым различием между *откровенный* и *искренний* приподымается наличием глагола *разоткровенничаться*—и отсутствием аналогичного производного у слова *искренний* (см. об этом в статье Н. Работного, Знамя 2002, № 1). В этом смысле словарь синонимов под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна (НОСС)—гигантская лаборатория структурного семантического анализа: значение слова выявляется через его отражение в словах, близких по смыслу; словах, противоположных по смыслу; конверсивах, дериватах и т. д. Надо сознавать, однако, что семантическое расстояние между разными словами—даже между относительно близкими синонимами—обычно достаточно велико. Минимальные и повторяющиеся семантические соотношения бывают только между исходным значением слова и его семантическими дериватами.

Обратим внимание еще на одну характерную особенность нынешней научной парадигмы—это лексикографическая установка современного научного дискурса. Показательный пример—Предисловие Ю. Д. Апресяна к словарю синонимов (НОСС 1997), где лингвистическая концепция и общие лексикографические принципы, заложенные в словарь, излагаются тоже в виде словаря—на этот раз в виде словаря терминов. Словарь стал излюбленным жанром, ср. М. Павич. Хазарский словарь. СПб.: Азбука, 1999; Г. Хазагеров. Скифский словарь (Знамя. 1999. № 12); М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. М.: НЛЮ, 2000, и мн. др. Создается впечатление, что в эпоху возрастания энтропии алфавит остается единственным залогом какого бы то ни было порядка. В этом смысле работа над словарем, из которой родилась эта книга, отвечает духу времени.

Задача описания многозначности и системного представления лексики возникла в ходе работы над системой “Лексикограф”—над компьютерной базой данных по семантике русского глагола, см. Кустова, Падучева и др. 1993; Кустова, Падучева 1994. Многие принципиальные идеи, возникшие в рамках проекта “Лексикограф”, отражены в публикациях Кустова 1996, 1998а, 1999а, 2001, Розина 1998, 1999а, 2000 и др.

Концепция “Лексикографа” опирается прежде всего на фундаментальные труды Мельчук 1974, Апресян 1974, обосновавшие переход от толкования слова самого по себе к толкованию сентенциальной формы с переменными по актантам. Эти исследования фактически определили нынешнее направление русской и мировой лексикологии и лексикографии¹, см. обзор в Падучева 1975.

В новаторских работах Мельчук 1974 и Апресян 1974, однако, не отводилось сколько-нибудь существенного места традиционному аспекту словарных определений — таксономическому. Внимание к таксономии было привлечено в Wierzbicka 1980a и Dowty 1979, где была намечена связь между таксономической категорией слова и его форматом толкования. Таксономический бум произвела, конечно, книга Lakoff, Johnson 1980 “Metaphors We Live by”, обратившая внимание лингвистов на тот (впрочем, известный, но) забытый факт, что категории играют важную роль в метафорических, а также и метонимических переносах — на которых стоит вся динамика лексической семантики; на то, что для словарного толкования важно родовое понятие — *ср. genus proximum* и *differentia specifica* аристотелевской логики. В результате этого таксономического переворота в лексическую семантику были инкорпорированы вендлеровские глагольные классы, которые до того имели хождение только в аспектологии.

Отметим положительные импульсы, идущие от когнитивной лингвистики. В основе динамического подхода к семантике лежит гипотеза о регулярности связей между значениями — как слова, так и любой другой языковой единицы. Поиски связей между значениями слова во многом стимулированы работой Janda 1985. Другая важная идея — сдвиг акцента (фокуса внимания) и противопоставление *figure — ground* (фигура — фон). Она носилась в воздухе, но радиация исходила, скорее всего, от Л. Талми, см. Talmy 2000 и ссылки на его же работы 70–80-х годов в библиографии.

Эта книга посвящена, в основном, глагольной лексике. Но некоторые аспекты разрабатываемого подхода к семантике лексики (например, сдвиг акцента в семантической парадигме слова) лучше демонстрируются на других частях речи — на именах, см. Экскурс 1, посвященный существительному *вина*; на наречиях, см. Экскурс 2 о *давно* и *долго*; на частицах, см. о *еще* и *уже* в связи с семантикой совершенного вида в гл. IV.4.

В книге четыре части. В части I обосновывается принцип системности в лексике и дается обзор параметров, характеризующих глагольную лексику в целом; они и обеспечивают системный подход к значению, поскольку могут быть положены в основу семантической парадигмы слова. В части II речь идет о метафоре и метонимии как основных механизмах семантической деривации. Часть III, центральная, посвящена глаголам различных тематических классов; каждый класс рассматривается с точки зрения свойственных ему деривационных возможностей. Часть IV касается взаимодействия лексической семантики с грамматикой.

* * *

Автор благодарит своих коллег по проекту “Лексикограф” — Г. И. Кустову, Е. В. Рахилину, Р. И. Розину, Т. Е. Янко, Н. М. Якубову, С. Ю. Семенову,

¹ Сопоставимы по влиятельности, пожалуй, только работы Ч. Филлмора, такие как Fillmore 1968a, 1971a, b.

О. Н. Ляшевскую, М. В. Филипенко, Е. Н. Хасину. Многие решения являются, в сущности, плодом наших совместных усилий. От Е. В. Рахилиной исходила изначальная убежденность в том, что формализация толкований — которой необходимо требует база данных — в принципе возможна. При ее участии формулировалась важная для “Лексикографа” установка на *с х е м а т и ч е с к и е* толкования, которые скорее делят слова на классы, в которых выражается их сходство, чем выявляют различия и неповторимую семантическую индивидуальность каждого слова в отдельности. Г. И. Кустовой принадлежит ряд принципиальных идей, позволивших осуществить форматирование толкования: ею составлена добрая половина словарных статей в исходном варианте глагольной базы данных. Е. Н. Хасина была для нас гораздо больше, чем программист. Ей мы обязаны тем, что наши лексемы обрели жизненное пространство, в котором нам стало приятно на них смотреть.

Моему учителю Вяч. Вс. Иванову я обязана принципиальной для данной работы идеей о том, что язык не обозначает объекты и ситуации реального мира, а, в каком-то смысле, их создает. Т. В. Булыгиной, безвременно ушедшей из нашего научного сообщества, я обязана незабываемыми часами, проведенными за обсуждением проблем, потом вошедших в эту книгу. Н. Д. Арутюновой все мы должны быть бесконечно благодарны за творческую атмосферу и “человеческий фактор” в нашей лингвистике, который не угасает благодаря ее конференциям, семинарам и личному присутствию. Я благодарю Барбару Парти за благожелательные — хочется сказать, щедрые — консультации, которые дали возможность погрузить привычную нам лингвистику в “международный” контекст; В. Б. Борщева за неутомимые дискуссии и дружескую помощь; Р. И. Розину, надежного соратника, за помощь и поддержку в трудные минуты сомнений в осуществимости программы “Лексикограф”; М. В. Филипенко, моего строгого и вдумчивого читателя; Ю. Д. Апресяна и его семинар за нелюбезную критику, которая дала возможность исправить многие недочеты первоначальных версий.

Я благодарю всех тех, кто читал, в начальных вариантах, отдельные разделы этой книги, — И. М. Богуславского, Д. О. Добровольского, Л. Л. Иомдина, Анну Зализняк и А. А. Зализняка, А. Е. Кибрика, С. В. Кодзасова, С. А. Крылова, Н. В. Перцова, В. А. Плунгяна, Е. Н. Саввину, С. Ю. Семенову, А. С. Чехова, И. Б. Шатуновского, В. А. Успенского — за замечания, предложения, возражения и поправки; тех, кто участвовал в обсуждениях моих докладов в России и за рубежом, — Р. Бенаккио, Д. Вайса, Р. Ляковского, Ф. Лемана, В. Лефельдта, Х. Р. Мелига, Т. Ройтера, И. Мельчука, А. Тимберлейка, Х. Томмола, Ф. Фичи.

Я благодарю студентов, которые слушали мои лекции в МГУ и РГГУ, заставляя более тщательно обдумывать каждую мысль (а иногда и помогали в работе; в частности, А. Соловьевой я обязана картотекой глаголов с закадровым наблюдателем).

Я благодарна А. Барентсену и Л. Лённгрену, которые предоставили в мое распоряжение корпуса русских текстов в электронной форме. При подборе примеров к гл. III.1 и к § 3 гл. I.4 использовалась программа поиска, разработанная А. В. Санниковым.

Трудно переоценить тот вклад, который внесла в эту книгу Н. М. Якубова, мой постоянный, на протяжении почти года, советчик и собеседник, заинтересованный в том, чтобы книга дошла до конца. Я благодарю Е. А. Мишину и С. Ю. Семенову за подбор и проверку примеров; С. А. Крылова — за нелегкий труд приведения в порядок библиографии; О. Н. Ляшевскую — за предметный указатель; И. С. Пекунову за помощь в оформлении рисунков и таблиц.

Я благодарю Маргариту Норайровну Григорян — редактора, каких сейчас не бывает, — за душевное участие и колоссальный труд, вложенный в подготовку этой книги к печати.

* * *

Работа была выполнена при финансовой поддержке Международного фонда INTAS, грант INTAS-96-0085 “A formal description of the verb lexicon, semantic prediction of morpho-syntactic combinability and meaning shifts”; фонда National Science foundation, грант № BCS-9905748 “Интеграция лексической и композиционной семантики: генитивы в английском и русском”; Российского гуманитарного научного фонда, который поддерживал “Лексикограф” в течение многих лет: гранты № 95-06-17044 “Словарь как база данных”; № 97-04-06-358а “Грамматика сочетаемости”; № 99-04-0262а “Тематические классы и парадигмы регулярной многозначности русского глагола”; № 02-04-00294а “Таксономические классы актантов и парадигмы многозначности глагола”; и Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 01-06-80419 “Компьютерные подходы к выявлению системной организации в лексике”.

Часть I

**ПАРАМЕТРЫ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Вступление

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

Задача системной организации лексики, возникающая из общих структуралистских предпосылок, была поставлена давно, но долгое время казалась безнадежной.

Начать с того, что лексическая система, если она есть, должна быть несопоставима с фонетической и грамматической системами языка в количественном плане: фонетическая и грамматическая системы функционируют на десятках, максимум — сотнях единиц; между тем лексическая система строится на гигантском массиве, состоящем из десятков и сотен тысяч единиц, к тому же слабо защищенных от социальных и прочих воздействий и потому подверженных резким и, на первый взгляд, несистемным изменениям.

Надежда на возможность представить лексику как систему становится реальностью в компьютерную эпоху (как стал разрешимым, например, целый ряд математических задач, требующих нечеловеческого перебора разных возможностей). Технология баз данных дает возможность выявить и эффективно использовать параметры, по которым многожды противопоставлены друг другу слова языка — равно как и разные значения одного и того же слова. И это несмотря на то, что и сами параметры и их значения исчисляются сотнями; что существенным всегда может оказаться не один параметр, а та или иная их комбинация; что релевантные параметры разные у разных классов; и т. д.

Слова как люди: ни одно не равно другому — ни по смыслу, ни по сочетаемости или каким-либо другим признакам. Однако, можно думать, эти индивидуальные различия складываются из параметров и значений параметров, повторяющихся на большом числе слов. Неповторяющиеся различия с большим трудом поддаются идентификации носителями языка и в некоторых — хотя, конечно, не во всех — отношениях пренебрежимы.

Сформулируем общие принципы предлагаемого системного подхода к семантике лексики.

Принцип 1. Слову должна быть сопоставлена “формула значения”, которая позволяет предсказывать или объяснять те или иные аспекты его непосредственно наблюдаемого поведения. Покажем на примерах, что имеется в виду.

• Сочетаемость с подчиненными словами — и с актантами, и с сирконстантами; почему, например, возможно *издалека звучит*, но не *издали мелькает*:

(1) а. Откуда-то *издалека* звучит колокол;

б. *Что-то *издали* мелькает, словно волк бежит (Словарь Даля).

• Сочетаемость с подчиняющими операторами — с отрицанием, модальными показателями и проч. Скажем, почему невозможно отрицание при *оказаться* в (2):

(2) *Оказалось*, что он женат.

• Сочетаемость с теми или иными грамматическими категориями, в частности: возможность употребления глагола в императиве (Булыгина, Шмелев 1997: 153); допустимость пассивной конструкции (ср. отсутствие пассива у *видеть*; у *обнаружить* в контексте *Он обнаружил признаки жизни* пассив невозможен: **Им обнаружены признаки жизни*, хотя в контексте *Химическое исследование обнаружило признаки яда* употребление пассива нормально: *Химическим исследованием обнаружены признаки яда*); наличие у глагола видовой пары и полнота парадигмы аспектуальных значений.

• Словообразовательный потенциал; почему от *наблюдать* образуется два отглагольных имени — *наблюдение 1*, процесс, и *наблюдение 2*, результат, а от *заметить* — только *замечание*; почему существительное *звон*, образованное от *звонить*, процесс, обозначает не процесс, а звук.

• Более тонкие аспекты сочетаемости: допустимость / недопустимость вводного употребления глагола (см. Зализняк, Падучева 1987); допустимость подчиненного косвенного вопроса — почему, например, возможно *знаю, зачем*, но не **сожалею, зачем* (*я это сделал*); допустимость перформативного употребления — оно возможно для *обещаю*, но не для *доказываю*; родительный субъекта при отрицании, ср. *сомнений не возникло*, но **сомнений не исчезло*; конативность как возможность употребления глагола в значении безуспешной попытки: почему возможно *решал, но не решил* и невозможно **обещал, но не пообещал*; фактивность как наличие у глагола фактивной презумпции; положительная и отрицательная имплицативность — положительная, как у *осмелился, удалось, успел* (*удалось отправить* \supset ‘отправил’), и отрицательная, как у *забыл, избежал, опоздал, постеснялся* (*забыл отправить* \supset ‘не отправил’); применимость трансформаций разного рода (в Levin 1993 несколько десятков семантически релевантных классов глаголов выявлено на основе “альтернатив” — таких как декаузативация или опущение неспецифицированного объекта); почему, например, формально одно и то же преобразование в (3а) допустимо, а в (3б) — нет:

- (3) а. Войны *истоцили* казну — Казна *истоцилась* от войн;
б. Брат *продал* дачу — *Дача *продалась* от брата.

• Место фразового ударения. Почему в предложении с глаголом *решишь* место ударения можно варьировать, а *предпочесть* всегда безударно (знаки интонационной транскрипции ориентируются на Кодзасов, Кривнова 2001: 394):

- (4) *решил* \, что делать —; *решил* \sim уехать \.
(5) *предпочел* \sim уехать \; ?*предпочел* \ уехать.

Почему неестественно (требует мощного контекста) главное фразовое ударение на *подозревать* в наст. времени и нормально в прош.:

- (6) а. Я *подозреваю* /, что там есть проход \;
б. ?Я *подозреваю* \, что там есть проход —;
в. Я *подозревал* \, что там есть проход —.

На большую часть этих вопросов даются ответы в III и IV частях книги.

Один из аспектов наблюдаемого поведения слова — регулярная многозначность того или иного типа. Так, многозначность ‘находиться’ — ‘существовать’ (особенно в варианте ‘начать находиться’ — ‘начать существовать’), о многозначности этого типа см. Lyons 1968/1978: 413, Kimball 1973a, Levin, Rappaport

Novav 1995: 120) свойственна глаголам *появиться* и *быть*. В (7а), (8а) глагол означает ‘начать находиться’, а в (7б), (8б) — ‘начать существовать’ (пример (7) из Lyons 1968/1978: 413):

- (7) а. Через минуту кофе *будет* здесь = ‘начнет находиться’;
б. Кофе *будет* через минуту = ‘начнет существовать’.
- (8) а. *Появился* Петя = ‘начал находиться’;
б. Теперь *появился* новый лекарственный препарат = ‘начал существовать’.

В каком-то смысле, все семантические дериваты слова заложены в его исходном значении. Так что деривационный потенциал — это характеристика слова, которая, в принципе, тоже составляет один из аспектов его языкового поведения.

Принцип 2. Большую часть сочетаемостных ограничений и других аспектов языкового поведения слова можно предсказать и объяснить, оперируя такими семантическими компонентами и параметрами значения, которые являются общими у данного слова со многими другими.

Семантическая формула в системе “Лексикограф” включает толкование (представление) значения. Толкование выявляет в значении слова набор компонентов пропозициональной структуры, таких как «движение» (‘X движется’), «каузация» (‘Р каузирует Q’), «знание», «восприятие» и под. Систематизация лексики достигается за счет семантических компонентов, которые повторяются в значении большого числа слов. Толкования не ставят задачей исчерпывающую экспликацию значения слова; это *схематические* толкования; они призваны выявить сходства и различия между классами слов.

Формула фиксирует в значении слова ряд *параметров*, общих для всех слов (того или иного типа). Параметрами глагольного значения являются таксономическая категория, тематический класс, диатеза, таксономический класс участника, см. ниже. Параметры задают парадигму значений слова.

Компоненты в составе толкования определенным образом структурированы. Например, в семантику глаголов *спрятать* и *скрыть* входят компоненты «восприятие» и «движение», которые, однако, занимают разное место в структуре целого.

Требования к толкованию слова (иначе — к словарному представлению слова, к экспликации лексического значения) в разных лингвистических концепциях разные. Мы исходим из того, что толкование не обязано (поскольку, скорее всего, и не может) быть исчерпывающим. Оно должно быть достаточным для того, чтобы объяснять наблюдаемые особенности языкового поведения слова — такие как корреляция между значением и глагольным видом; между значением и просодией; между значением и синтаксической сочетаемостью; между значением слова и его словообразовательным потенциалом. Толкование — это “структурная формула” значения, из которой выводимо многое, хотя и не обязательно всё. Наибольший интерес представляют те особенности поведения, которые касаются — больших или маленьких, — но классов слов.

Принцип 3. Слова, как правило, многозначны. Однако разные значения слова обычно связаны между собой, причем эти связи повторяются. Иначе говоря, многозначность, как правило, в той или иной степени регулярна. Следующий ход: регулярная многозначность может быть представлена как переход от одного значения к другому, т. е. как *изменение* значения. Найдя для каждого

нового значения соответствующий переход, мы можем объединить значения слова в связанное дерево.

Можно объявить, что какой-то связи между двумя значениями данного слова соответствует семантический переход, как только аналогичная связь между значениями обнаружится в другом слове, ср. определение регулярной многозначности в Апресян 1974: 189. А поскольку всякая многозначность в какой-то степени регулярна, то обычно если есть два слова, связанные данным переходом, найдется и больше.

Итак, переход от одного значения к другому может мыслиться как способ представления мотивированности одного значения другим.

Чаще всего из двух значений многозначного слова одно естественно принять за исходное, а другое — за производное; тогда представление многозначности в виде изменения значения — это не только прием. Но бывает регулярная многозначность с неясным направлением перехода. Например, какое значение глагола *гремять* исходно в (9) — то, которое представлено примером (9а) или примером (9б)?

(9) а. Студенты *гремят* кружками; б. *Гремят* кружки.

Такое же неясное направление производности в примере (10): что исходно, возвратное употребление или невозвратное?

(10) а. *растворить, увеличить, радовать*;
б. *раствориться, увеличиться, радоваться*.

Или возьмем пример (11):

(11) а. На работе он *застал* только секретаря;
б. Елена на днях *застала* меня целующим руки у Зои! (Тург., МАС)

Вопрос: компонент ‘и это плохо для X-а’ возникает под влиянием контекста в (11б) или, наоборот, утрачивается в (11а)?

Непростая аргументация требуется, чтобы понять, какое значение, волитивное или ментальное, является исходным у глагола *решить*, см. гл. III.5.

ПРИНЦИП 4. Тот семантический компонент или параметр, который различает значения слова, может различать и разные слова. Так, в (12) таксономическая категория различает значения одного слова, а в (13) — разные слова:

(12) а. *косить* — деятельность (*Егерь косил глазом на соседа*);
б. *косить* — свойство (*Дуня косит на правый глаз*).

(13) *продавать* — деятельность, *торговать* — занятие.

Это и не удивительно: в семантическом плане семантическая и формально выраженная деривация не различаются (Апресян 1974: 188). Так, в русском языке *глядеть* и *выглядеть*, *нюхать* и *пахнуть* — это разные слова, а в английском — два значения слов *look* ‘смотреть’ и *smell* ‘пахнуть’. Как правило, однако, разные слова, даже близкие по смыслу, отличаются одно от другого сразу многими параметрами и компонентами; а разница между значениями одного слова может быть минимальной, т. е. сводимой к одному параметру.

* * *

Далее главы 1—4 части I посвящены параметрам лексического значения. Имеется четыре параметра, по которым значения глагола — его лексемы — могут отличаться друг от друга: 1) таксономическая категория, т. е. приблизительно —

аспектуальный класс по Вендлеру; 2) тематический класс глагола; 3) диатеза; 4) семантическая характеристика участников обозначаемой глаголом ситуации, прежде всего — таксономический класс и референциальный статус. В главе 5 речь идет об акцентном статусе компонентов толкования. Глава 6 ставит в общем виде проблему семантического взаимодействия слова с его контекстом.

Глава 1

ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА

§ 1. От классов глаголов по Вендлеру к таксономическим категориям

До наступления эпохи толкований с ее ориентацией на семантическое разложение слова семантический анализ лексики в существенной степени опирался на классификации. Одна из наиболее влиятельных — классификация глаголов, предложенная Вендлером (Vendler 1967), которая в особенности стала таковой после того, как была осознана ее аспектуальная значимость (в работах Miller 1970, Mehlig 1981, Булыгина 1982 и др.). В Lakoff, Johnson 1980 вендлеровские классы были подняты до уровня онтологических категорий. Мы будем, для простоты, говорить о таксономических категориях.

Вендлер — по-видимому, следуя философской традиции, — интересовался только глаголами с субъектом-лицом. Поэтому из его поля зрения выпала агентивность (контролируемость): противопоставление действий “происшествиям” (этот удачный перевод для англ. *happening* из Wierzbicka 1980a: 177 предложен в Булыгина 1982) у него не выявлено, поскольку неконтролируемые процессы и переходы среди его примеров не фигурируют. Это упущение было восполнено в классификации, предложенной в Dik 1978, где контроль составляет отдельный различительный признак.

Понятие контроля и различение контролируемой и неконтролируемой каузации сделало более выпуклой роль каузации в семантической структуре глагольной лексемы. После чего естественно было соединить аспектуальную классификацию по Вендлеру и классификацию, основанную на ролевых характеристиках глаголов, вытекающую из работ Филлмора о семантическом падеже: Филлмор противопоставил субъекта-Агенса, т.е. целого лагающего Каузатора, природным силам, инструментам и событиям. Возникла таксономия, в которой нашлось место для категории действие (отсутствующей у Вендлера): действия были противопоставлены происшествиям. Именно действие, будучи основной таксономической категорией глагола, не позволяет рассматривать аспектуальные классы отдельно от агентивности.

Аспектология долгое время была главной областью применения глагольных категорий (Mehlig 1981, Булыгина 1982, Падучева 1996). Новое применение нашли категории в связи с проблемой регулярной многозначности. Одно из средств борьбы с регулярной многозначностью — параметризация значения и выявление параметров, которые легко меняют свое значение. К числу таких параметров, как выяснилось, принадлежит и таксономическая категория (Т-категория). Например, глагол *закрывать* (как и масса ему подобных) может обозначать действие (*закрывает кастрюлю крышкой*), процесс (*тучи постепенно закрывают небо*) и состояние (*эта шляпа закрывает мне экран*).

На определенном этапе развития семантики возник вопрос: какова роль семантических классификаций в эпоху “радикальной” семантики, нацеленной на семантическое разложение (декомпозицию) значения? Как известно, у Вендлера подход к таксономическим категориям глаголов чисто сочетаемостный: необходимость в различении состояний (*states*), деятельности (*activities*), достижений и, шире, действий с акцентом на результате (*achievements*) и предельных действий (*accomplishments*) он обосновывает тем, что глаголы этих классов по-разному сочетаются с обстоятельствами времени и видом глагола.

В работах Анны Вежбицкой таксономическая категория глагола впервые была поставлена в связь с его форматом толкования: было показано, что состояния, деятельности, действия с акцентом на результате и предельные действия имеют разную “формулу” толкования (Wierzbicka 1980a: 181). Тем самым категории получили собственно семантическое, а не только сочетаемостное обоснование.

В формальной семантике связь между категорией и форматом толкования была намечена в Dowty 1979: 124. Легко устанавливаются следующие терминологические соответствия (слева термины из Dowty 1979, справа — из Wierzbicka 1980a, Булыгина 1982, Падучева 1996):

Non-agentive Accomplishments (как *to fall*) — происшествия;

Intentional Agentive Accomplishments (как *to murder*) — действия;

Non-Intentional Agentive Accomplishments — происшествия с действующим субъектом, как *уронить* (термин “ненамеренная агентивность” представляется внутренне противоречивым);

Stative Causatives, как в *Кофе возбуждает, Его чрезмерная активность меня настораживает* — предрасположения;

Simple Achievements (как в *discover a solution*) — достижения и действия с акцентом на результате.

В § 3 мы проследим более подробно связь вендлеровских и поствендлеровских категорий с форматированными толкованиями и покажем, какое место нашли себе категории в “радикальной” семантике.

§ 2. Таксономическая категория как параметр лексического значения

Итак, таксономическая категория (Т-категория) глагола объединяет два противопоставления, связанные между собой, — аспектуальный класс по Вендлеру и агентивность (т. е. контролируемость, намеренность). Различаются, в частности, категории: действие (*вычислить, открыть*), деятельность (*гулять, прыгать*), процесс (*кипеть*), состояние (*голодать*), происшествие (*уронить, испугать*), тенденция (*задышаться; задыхаюсь* ≈ ‘если так пойдет, то задохнусь’), свойство (*хромать, расплываться*), соотношение (*совпадать, превосходить*), предстояние (*я уезжаю*), предрасположение, иначе — диспозиция (*подавлять, настораживать, впечатлять*). Действие и деятельность — агентивные категории; остальные категории неагентивные.

Категория может быть в разных употреблениях глагола разной; например, *соединять* может быть действием (*Теперь соединяйте концы веревки*) и соотно-

шением (*Дорога соединяет Феропонтово с Вологдой*); глагол *напомнить* (см. Postal 1970 об англ. *remind* и Туровский 1991 о *напомнить*) может обозначать действие и происшествие:

- (1) а. Она *напомнила* мне, что завтра выходной [действие];
б. Бой часов *напомнил* мне, что пора уходить [происшествие].

Глагол *стучать* в контексте субъекта-лица обозначает действие, направленное на достижение определенной цели; а если субъект — природная сила или событие, этот же глагол обозначает процесс / происшествие, т. е. меняет категорию:

- (2) а. человек *стучит* в окно [действие]; б. дождь *стучит* в окно [процесс].

Другие примеры слов, у которых значения различаются категорией:

- (3) а. Я *застал* его на даче [действие: 'X прибыл в Место W с целью войти в контакт с Y-ом, когда Y еще был в W'];
б. Война *застала* его в Ленинграде [происшествие: 'произошло событие, касающееся Y-а, когда Y находился в Месте / состоянии W'];
(4) а. Кони *звенят* уздечками [процесс]; б. Эти бокалы приятно *звенят* [свойство].
(5) а. Шина *спустила* [происшествие]; б. Шина *спускает* [свойство].
(6) а. Он мужественно *плыл* против течения [деятельность];
б. По реке *плывет* бревно [процесс].

Во фразе *Собака кусается* глагол *кусаться* обычно трактуется как свойство. Однако в контексте *Ну что ты кусаешься!* тот же глагол, в одном из своих значений, обозначает деятельность.

Мена категории — это категориальный сдвиг. Категориальный сдвиг происходит, например, при деагентивации (см. Падучева 2001а):

- (7) а. Машинист *увеличил* скорость [действие];
б. Возникшее чувство вины *увеличило* ее страдания [происшествие].

Как и другие параметры лексического значения (см. ниже о тематическом классе, диатезе и таксономическом классе участника), категория различает, с одной стороны, разные значения одного слова, а с другой — разные слова. Примеры близких по смыслу слов, у которых значения различаются категорией:

есть [действие] — *питаться* [занятие]; *красть* [действие] — *воровать* [занятие].

У глаголов *дотронуться* и *коснуться* парный НСВ имеет разные категории: *дотрагивается* — действие, а *касается* — состояние.

Из таксономической категории глагола вытекает масса полезных следствий в аспектуальном плане, см. Падучева 1996: 103. Так, категория предопределяет:

— наличие видового коррелята и его семантический тип:

- (8) а. *огласить* — *оглашать* [действие]; б. *гласить* [соотношение; нет парного СВ];
— полноту / неполноту парадигмы видовых значений:

- (9) а. *выступил* — *выступает* ансамбль [действие, есть акт. значение у НСВ];
б. подбородок *выступает* [статив, нет акт. значения];

— способность мотивировать маркированные способы действия; так, глаголы, обозначающие деятельность, обычно имеют производный делимитатив и инхоатив, а для других категорий это не обязательно (как для процессов) или невозможно (ср. Апресян 1988):

- (10) а. *глядеть* — *поглядеть* [деятельность];
б. *видеть* [состояние; нет делимитатива].

Таксономическая категория скоррелирована с актантной структурой; так, участник Агенс может быть только у глагола действия.

Изменение категории может сопутствовать мене диатезы глагола, см. гл. 3; отличив диатетический сдвиг от категориального, мы получаем два “чистых” соотношения. Так, в примере (11) глаголы в (а) и (б) различаются категорией — в (а) действие, в (б) — свойство; и диатезой — в (а) участник Инструмент имеет ранг Периферия, а в (б) он субъект:

- (11) а. повар *режет* мясо острым ножом; б. нож *режет* хорошо.

Аналогично:

- (12) а. вода *течет* в лодку [процесс];
 б. лодка *течет* [свойство] (пример из Янко 1999).
 (13) а. человек *смотрит* в окно [деятельность];
 б. окна *смотрят* на юг [свойство/соотношение].

Таксономическая категория оказалась у многих глаголов подвижной. Так что достаточно часто категория является не признаком слова, а параметром, который принимает у разных его лексем разное значение. В силу изменчивости таксономической категории, у слова возникает категориальная парадигма.

В Падучева, Розина 1993 была описана категориальная парадигма глаголов контакта с поверхностью, типа *залить*, *усыпать* (см. об этих глаголах также Гаврилова 1975, Wierzbicka 1980б, 70–82, Levin, Rappaport Novav 1991). Единая категориальная парадигма у английских базовых глаголов восприятия была выявлена Личем (Leech 1975: 19–23). Глаголы восприятия — это, исторически, первый тематический класс глаголов, для которого было отмечено существование категориальной парадигмы. Как будет показано в гл. III.2, эта парадигма на самом деле не чисто категориальная, а категориально-диатетическая: мена категории совмещена в ней с меной диатезы.

Примеры (14)–(16) показывают, что глагол с субъектом-лицом может обозначать не действие, а происшествие:

- (14) Я *порвал* пиджак, зацепившись за гвоздь [происшествие: каузативное; с субъектом ответственности];
 (15) Во время строительных работ Иван *выкопал* снаряд [происшествие: каузативное; с действующим субъектом; результат не является достижением заранее поставленной цели];
 (16) Ребенок *упал* в канаву; Вера чудом *избежала* ареста [происшествие: некаузативное].

Итак, необходимость в понятии таксономической категории не вызывает сомнений. Подчеркнем независимость Т-категории от тематического класса глагола (гл. I.2): состояния могут быть физическими, физиологическими, ментальными, эмоциональными и т. д. — так что, скажем, у глаголов *находиться*, *голодать*, *знать*, *радоваться* одна Т-категория, но разные тематические классы; с другой стороны, ментальный глагол может обозначать действие, деятельность, состояние, происшествие — так что у глаголов *решать* {задачу}, *размышлять*, *понимать*, *забыть* один тематический класс, но разные Т-категории.

§ 3. К формальному представлению значения слова. Семантическая декомпозиция Т-категории

Вопрос о категориях возникает в связи с проблемой формализованного представления значения слова. Дело в том, что категория глагола — это не просто один из параметров лексического значения, а параметр, определяющий всю структуру толкования. Таксономическая категория играет такую же важную роль для семантики слова, как часть речи — для грамматики.

Формализация семантических дериваций требует формального представления значения слова. Трансформационные синтаксические теории 60–70-х годов если и не привели к построению трансформационных грамматик (по крайней мере, русского языка), то, во всяком случае, оставили след в лингвистике в виде четкого понятия синтаксической структуры предложения: лингвистика получила в свое распоряжение дерево зависимостей и дерево составляющих. Сейчас тоже речь идет о трансформациях, но о трансформациях лексических структур, и о трансформациях не синонимических, а изменяющих смысл исходной лексемы.

В рамках проекта “Лексикограф” (см. Кустова, Падучева и др. 1993, Кустова, Падучева 1994а) был разработан вариант формализованного представления значения глагольных лексем: толкования в системе “Лексикограф” имеют определенный формат. Необходимость в форматировании толкований объясняется несколькими разными причинами.

Во-первых, для базы данных формат был нужен потому, что он позволяет сопоставлять толкования разных слов друг с другом.

Во-вторых — в связи с проблемой многозначности. Слово имеет много близких друг к другу значений — семантических дериватов исходного значения. По отношению к формализованным представлениям значений можно говорить о моделях (общих правилах) преобразования исходного значения в производное: к формальному объекту применимы простые операции, типа замещения и перемещения частей. А формализация предполагает форматирование.

Идея представления лексического значения в таком виде, при котором над ним можно производить формальные операции, сейчас получила широкое распространение, ср., например, квазилогические формулы в Jackendoff 1993. Характерное название имеет статья Levin, Rappaport Hovav 1998: “Building verb meanings”. Статья посвящена возможности построения одних значений многозначного слова из других; в ней тоже используются форматированные толкования.

Наконец, в-третьих, и это для нас сейчас главное, формат толкования может рассматриваться как своего рода экспликация — декомпозиция — таксономической категории: категория может быть истолкована так же, как слово.

З а м е ч а н и е. Форматированные толкования используются в Wierzbicka 1987, где семантические компоненты идентифицируются как значения признаков исходная предпосылка, диктум и иллюкутивная цель. Цель форматирования у А. Вежицкой — отразить общность структур в тематическом классе глаголов речи. Наше форматирование ориентировано на экспликацию семантики таксономической категории.

3.1. Компоненты толкования как значения признаков

Толкование в системе “Лексикограф” — это последовательность отдельных синтаксически независимых компонентов предикативной структуры, аналогично толкованиям в Wierzbicka 1987 или Goddard 1998 (структурные связи между компонентами выражаются выстраиванием их в последовательности и разного рода пометами), ср. синтаксически связные толкования в ТКС. Семантические компоненты — это элементарные составляющие смысла. Примеры компонентов: ‘X перемещается’; ‘Y действует с целью’; ‘идет процесс в X-е’.

Каждый компонент является значением какого-то признака, например: экспозиция, способ (деятельности), каузация, результат. Еще один признак — цель. Так, два значения глагола *укрыться* — *укрыться* чем? и *укрыться* куда? — различаются компонентом «цель»; третье (по МАС) значение *укрыться*, как в контексте *от меня не укрылось, что...*, относится к категории происшествий, и цель тут неуместна. Цель — одно из различий между двумя значениями *заслонить*, ср. ‘заслонить кого-то от вредного воздействия’ и ‘заслонить кому-то что-то’.

В толковании лексемы различается категориальный каркас и семантическое ядро (лексический инвариант; примерно то, что в Levin, Rapoport Novav 1998 называется “константа”). При категориальных сдвигах ядро остается неизменным. Например, у глагола *резать* семантическое ядро — ‘давить твердым предметом, имеющим острый край’. Ядро представлено в полном виде в контекстах типа *мама режет хлеб*, где категория у *резать* — действие, имеющее результат, но так или иначе сохраняется даже в контексте *шляпа режет лоб*, когда категория *резать* — свойство и результат, т. е. части, отсутствует.

Каждый признак имеет определенный набор возможных значений — это и есть компоненты толкования. Компоненты могут быть двух видов: одни (как ‘X воздействует на Y’, ‘X деформируется’, ‘X нагревается’) эксплицируют семантическое ядро, другие — категориальную принадлежность данной лексемы. Категориальных компонентов немного, а список ядерных компонентов открыт¹.

Толкования в системе “Лексикограф” не претендуют на полноту, т. е. на исчерпывающее описание смысла: это с х е м а т и ч е с к и е толкования. Они отражают только те семантические свойства, которые данная лексема разделяет с достаточно большим классом других. Например, глаголы *звенеть* и *греметь* совпадают по своим семантико-синтаксическим свойствам, и их схематические толкования одинаковы (гл. III.8) — хотя они, разумеется, не синонимы.

Ниже приводится, в сокращенном виде, словарная статья глагола *разрѣзать* — в его исходном значении намеренного действия.

Словарная статья представляет собой своего рода структурную формулу лексемы.

В поле Актантная структура для каждого участника указано (соответственно, в 1-м, 2-м, 3-м, 4-м и 5-м столбце) его имя, которое используется в толковании, синтаксическое оформление, ранг, семантическая роль и таксономия — таксономический класс участника (для предикатных актантов — категория), а

¹ О других аспектах толкований, в частности об акцентном и асертивным статусе компонентов, см. в гл. 5.

возможно и какие-то другие семантические характеристики, см. подробнее об актантной структуре в гл. 3. Так называемая “легенда” указывает (для неисходных значений), как данное значение связано с исходным, что позволяет задать на множестве значений иерархическую структуру. В поле Тема указывается принадлежность глагола к тематическому классу, см. гл. 2.

разрѣзать 1.1 (как в *разрезать арбуз*)

Легенда — исходная лексема парадигмы

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
X	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Агенса	ЛИЦО
Y	<i>Об</i>	<i>Центр</i>	Пациенса	ПРЕДМЕТ
Z	сущ. твор.	<i>Периф</i>	Инстр	ПРЕДМЕТ: имеет острый край
W	<i>на + сущ. вин.</i>	<i>Периф</i>	Результат	ЧАСТИ ПРЕДМЕТА

T-категория — действие: обычное

Схематическое толкование —

- 0) *экспозиция* — до t, предшествующего МН (моменту наблюдения) Y был целый
- 1) —
- 2) —
- 3) —
- 4) *деятельность* — в t до МН X действовал с целью
- 5) *способ* — воздействовал на Y: с помощью Z-а
- 6) *каузация* — это вызывало
- 7) *процесс в Объекте* — шел процесс в Y-е: синхронный деятельности: имеет предел: Y утрачивал целостность
- 8) *результат* (совпадающий с целью; он же — предел процесса) — наступило и в МН имеет место состояние: существует W — отдельные части Y-а
- 9) *следствие* — тем самым Y не существует как единый предмет
- 10) —

Тема — деформация

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ — **разрѣзать** 1.1, действие

В поле Аспектуальная характеристика указывается вид данной лексемы, и если это СВ (который в большинстве случаев является исходным членом видовой пары), то парный НСВ. Глаголам НСВ посвящена отдельная словарная статья — как в обычных словарях, но с более полной информацией. Вопрос о том, являются ли члены видовой пары одним словом, мы оставляем в стороне (ср. в этой связи о *рисковать* в гл. III.5).

T-категории образуют достаточно сложную (не вполне иерархическую) систему. Основные категории для глаголов сов. вида — действия, предельные процессы и происшествия. В разделе 3.2 мы рассмотрим категориальные подклассы глаголов действия.

3.2. Разновидности действий, их признаки и форматы толкования

Категория действие задается следующей конфигурацией компонентов (которые обязательно должны входить в толкование):

- 4) *деятельность* — X действовал с целью
- 6) *каузация* — это вызвало
- 8) *результат* (совпадающий с целью) — ...

Признаки деятельность и каузация принимают у всех действий именно то значение, которое указано. Признак результат тоже обязательный, но компоненты, характеризующие результат, у разных действий разные (ср. открытое окно, разделенный на части хлеб и т. д.)².

Внутри категории действие выделяются более мелкие — аспектуальные и прочие — разновидности действий. Всё это лингвистически релевантные классы глаголов, различающиеся своим языковым поведением, см. раздел 3.3.

У каждого признака есть одно немаркированное значение, которое дает самую общую разновидность действий, и по крайней мере одно маркированное. Частные разновидности действий получаются за счет маркированных значений. Глаголы, которые имеют немаркированные значения по всем признакам, например *открыть*, *вытереть*, называются д е й с т в и я о б ы ч н ы е.

СПОСОБ (т. е. вид деятельности), строка 5. Немаркированное значение по этому признаку имеют п р е д е л ь н ы е глаголы, т. е. те глаголы совершенного вида, у которых есть парный несовершенный вид в значении актуальной деятельности; это глаголы с переменным акцентом: они допускают перенос акцента с результата на деятельность. Например, у *вытереть* есть парный НСВ *вытирать*, так что деятельность называется тем же словом, что ее результат. Способ может быть задан указанием инструментов или средств, которыми пользуется Агенс; например, для *красить* должны быть упомянуты участники *кисть* и *краски*.

Маркированное значение признака способ — у глаголов с акцентом на результате; у них деятельность называется другим глаголом (например, для *прийти* — *идти*, для *найти* — *искать*); невозможность переноса акцента на деятельность означает отсутствие у парного НСВ акт. значения. Третье значение признака способ — ‘способ не специфицирован’, см. § 4.

Поскольку моментальные глаголы, типа *подумать*, *предпочесть*, относятся к действиям (у них есть присущий деятельности элемент целеполагания), в их семантическую формулу входит деятельность — которая, однако, не занимает времени; точнее, этот отрезок времени не может быть в фокусе внимания. Так что тут фиксирован акцент на результате. Заметим, что моментальными могут быть только идеальные действия — ментальные, волитивные, речевые. Глаголы типа *расколоть* не моментальные, а сверхкраткие, см. ниже.

ПРОЦЕСС В ОБЪЕКТЕ, строка 7. Немаркированное значение этого признака у глаголов *забить* ⟨звонко⟩, *покрасить* ⟨забор⟩: эти действия предполагают деятельность с н а к о п л е н и е м э ф ф е к т а (см. Гловинская 1982: 72). В толкование таких глаголов входит компонент ‘идет процесс в объекте, синхронный деятельности субъекта’, ср. понятие накопителя — (incremental theme) и continuous causation в Dowty 1991 и Filip 1999.

Среди глаголов, у которых синхронного процесса в объекте нет, выделяются к о н а т и в ы (от лат. sonatus ‘попытка’), т. е. глаголы попытки. Если нет процесса в объекте, синхронного деятельности субъекта, значит результат обеспечивается не одной только деятельностью субъекта (субъект не обладает достаточными ресурсами для получения результата): успех зависит от удачи

² Аналогичным образом могут быть заданы конфигурации для категорий происшествие (каузативное/некаузативное) и процесс (предельный/непредельный).

или какого-то еще непредсказуемого фактора. Так, в ситуации, описываемой глаголом *убедить*, деятельность субъекта не гарантирует накопление эффекта: не то, чтобы убеждаемый становился все более убежденным по мере своего убеждения (как гвоздь, вбиваемый в стену).

У конативов действие состоит как бы из двух частей — попытки и успеха. Иными словами, конативы — это глаголы, которые в несов. виде обозначают попытку достичь результата, ср. *убеждать*, *объяснять*, *соблазнять*, *решать*. Отсюда свойство конативов — презумпция попытки в отрицательном контексте: *не убедил* ⊃ ‘убеждал’, т. е. ‘пытался убедить’³.

Конативы есть не только среди предельных глаголов (таких как *убедить*), но и среди действий с акцентом на результате; последние называются до-с-т-и-ж-е-н-и-я-м-и (*выиграть*, *найти*). Действия с акцентом на результате не все являются достижениями; так, *найти*, *достичь*, *выиграть* — это конативы, т. е. достижения; а *прийти*, *пообещать* — нет: *не нашел* ⊃ ‘искал’, тогда как из *не пришел* не следует ‘шел’.

З а м е ч а н и е. В грамматиках говорят о конативном значении несов. вида — это аспектуальное значение безуспешной попытки. У глаголов СВ, которые мы относим к лексическим конативам, значение безуспешной попытки возникает под отрицанием: *не убедил* ⊃ ‘убеждал’. Имеется класс глаголов НСВ, которые, напротив, не допускают употребления в значении безуспешной попытки (Падучева 1996: 45): **предупреждал*, но *не предупредил* при допустимом *объяснял*, но *не объяснил* (примеры из Бондарко 1971); это глаголы с гарантированной каузацией, см. гл. IV.1.

Второе маркированное значение признака процесс в объекте — ‘процесс в объекте: несинхронный деятельности субъекта’. Это значение соответствует случаю, когда деятельность субъекта состоит в придании объекту импульса движения или другого процесса, после чего заканчивается, а дальше процесс идет сам по себе. Например: *сбросить* ⟨*со стола*⟩; *бросить* ⟨*на пол*⟩; *отравить*. О следствиях несинхронности деятельности процессу в субъекте см., в связи глаголом *убить*, в Падучева 1992в.

У глаголов с накоплением эффекта, т. е. немаркированных по признаку процесс в объекте, действие может протекать:

— в обычных временных интервалах (немаркированное значение); например, *собрать игрушки*;

— в сверхдолгих (*воспитать*);

— в сверхкратких (*расколоть орех*).

Сверхдолгота свойственна процессам, синхронным деятельности (*воспитать*, *вырастить*), когда деятельность тоже сверхдолгая. Сверхкраткость, напротив, существенна и для процессов, не синхронных деятельности; более того, именно в этом случае она наиболее ощутима, поскольку именно у таких глаголов НСВ не имеет “хорошего” акт. значения, ср. *отравлять*, *взрывать*. Для процесса, синхронного деятельности, сверхкраткость не играет существенной роли; так, у глаголов *включить*, *выключить* есть нормальный парный НСВ со значением актуальной деятельности.

³ См. о конативах Томмола 1986: 79 и сл. О глаголах с презумпцией попытки см. Апресян 1980: 64–65, Гловинская 1982: 89–91.

У глаголов с процессом в объекте, не синхронным деятельностью субъекта, имеется еще одно противопоставление. Глагол *сбросить* отличается от *бросить* (как в *бросить в нее камень*) тем, что в первом случае фиксируется только исходный пункт движения (*сбросил на пол* — начальный импульс, контролируемый Агенсом, гарантирует успех), а во втором итог процесса неконтролируемый; достиг ли Агенс своей цели — неизвестно.

З а м е ч а н и е. Различие между предельными и моментальными глаголами иногда приравнивается к различию в паре *achievement* — *accomplishment*, а это последнее пытаются свести к какому-то одному противопоставлению. Например, в Van Valin, LaPolla 1997: 104 различаются предикаты моментального и постепенного перехода в новое состояние: INGR (от *ingressive*), как в глаголе *explode* ‘взорваться’, и *BECOME*, как в *melt* ‘таять — растаять’. Наша техника описания значения выявляет более тонкие семантические противопоставления, а этого не использует вовсе.

РЕЗУЛЬТАТ, строка 8. Немаркированное значение признака результат — когда результатом является изменение состояния: Пациент-субъект перешел в новое состояние: *высушил одежду* \supset ‘одежда стала сухая’. Маркированное значение — количественный результат: Пациент-субъект возник в некотором количестве / изменился количественно (*выплавил 10 тонн стали*). Об отражении этих различий в языковом поведении см. в разделе 3.3.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (или РАМКА), строка 10. Маркированное значение этот признак принимает, например, на глаголах интерпретации, см. об интерпретациях в гл. III.5 § 5 в связи с глаголом *рисковать*. Маркированное значение выражается компонентами типа ‘говорящий считает, что Р хорошо / плохо’; ‘Наблюдатель слышит звук’. Так, *покрасить* — действие обычное, а *украсить* — интерпретация. Немаркированное значение — это отсутствие рамочного компонента.

3.3. Категории глаголов действия (совершенный вид)

Перечислим категории, которые могут быть заданы с помощью вышеописанного аппарата, и свойства глаголов, в которых проявляется их категориальная принадлежность.

действие: обычное

— *вымыть* ⟨тарелку⟩, *вымести* ⟨мусор⟩, *открыть* ⟨окно⟩. К категории “действие: обычное” принадлежит глагол, который имеет немаркированное значение по признакам: способ; процесс в объекте; результат. У действий обычных есть парный НСВ со значением акт. деятельности.

действие: обычное: конатив

— *вспомнить*, *добиться*, *догнать*, *поймать*, *решить* ⟨задачу⟩, *убедить*, *уговорить*. Особенность языкового поведения — отрицание предполагает попытку (см. Апресян 1980: 64): *из не уговорил* нормально следует ‘уговаривал’. Впрочем, контекст может снимать инференцию попытки. Так, вопрос *Почему ты не уговорил его остаться?* попытки не предполагает.

действие: с акцентом на результате

— *послать*, *прийти*, *прислать*; *стащить*, *украсть*. Отражение категориальных свойств глагола в поведении: отсутствует парный НСВ в значении актуальной деятельности.

действие: с акцентом на результате; достижение

— *выиграть, найти, понять, попасть* ⟨на концерт⟩, *удержать* [не уронив]. Отражение категориальных свойств в поведении: из акцента на результате вытекает отсутствие парного НСВ акт.; кроме того, поскольку достижения — это конативы, *не нашел* предполагает ‘искал’, т. е. ‘пытался найти’.

действие: с акцентом на результате; интерпретация

— *нарушить, испортить*; ср. *украсил свою каморку портретом Байрона*. К интерпретациям можно отнести глагол *выручить*, у которого акт. значение НСВ сомнительное.

действие: с акцентом на результате; с несинхронным процессом

— *убить, отравить, взорвать, выкинуть*. Глаголы типа *бросить* называются глаголами каузации импульсом. Однако несинхронность более существенна, чем тип каузатора, поскольку именно она определяет отсутствие у НСВ акт. значения, требующего синхронной позиции Наблюдателя по отношению к ситуации в целом, см. гл. IV.1.

действие: сверхкраткое

— *ударить, сбросить* ⟨горшок с балкона⟩.

действие: сверхкраткое: конатив

— *выбить* ⟨из рук⟩, *расколоть*. У сверхкратких конативов, в отличие от просто сверхкратких действий, отрицание предполагает попытку: *не выбил* ⊃ ‘пытался’.

действие: сверхкраткое; с несинхронным процессом;
с неконтролируемым итогом

— *бросить* ⟨в нее камень⟩, *выстрелить* ⟨в зайца⟩. К моменту окончания действия процесс еще не дошел до своего итога; так что цель остается недостигнутой при совершении действия. Так, *толкнуть* ⟨кого-л. в канаву⟩ неоднозначно: упал человек или нет — неизвестно.

действие: моментальное

— *воздержаться, отказаться, прекратить* ⟨занятия⟩. Актуальное значение у несов. вида отсутствует. И никакого глагола, называющего деятельность, тут нет и быть не может, что отличает моментальность от акцента на результате.

действие: с количественным результатом

— *накопать* ⟨три мешка картошки⟩; *выплавить* ⟨10 тонн стали⟩. У парного глагола НСВ значение акт. деятельности отсутствует: *выплавляет 10 тонн стали* = ‘в год’.

действие: сверхдлгое

— *вырастить, воспитать*. Парный НСВ имеет не актуальное, а стативное значение.

§ 4. Способ действия

В Levin, Rappaport Novav 1995: 147, 155 противопоставлены глаголы способа (verbs of manner) и глаголы результата (verbs of result): у первых способ действия специфицирован, у вторых — нет⁴. Это противопоставление использовано в Падучева 2001a, где показано, что глаголы результата входят в более широкий класс глаголов изменения состояния (которые не обязательно являются действиями).

У глаголов действия *упростить*, *улучшить* способ обозначен как неспецифицированный; такое действие называется абстрактным (термин из Плунгян, Рахилина 1990). В семантике *расшиатать* фиксирован и результат и способ; а его квазиантоним *укрепить* абстрактный. Абстрактными часто бывают глаголы тематического класса “приобретение признака”, ср. *облегчить* ⟨сани⟩. Из абстрактности можно вывести такое сочетаемое свойство глагола, как отсутствие характерного инструмента. Ср. глаголы *нарисовать* и *изобразить*; первый — глагол способа, второй — абстрактный; отсюда *рисует карандашом*, но **изображает карандашом*.

Абстрактность — в отличие от таких признаков, как акцент на результате, моментальность, количественный результат, сверхкраткость и сверхдолгость, несинхронность процесса и деятельности, — не является категориальным признаком. Это признак семантический. Абстрактность влияет на аспектуальные свойства глагола, например на наличие НСВ акт., не непосредственно, а лишь при каких-то “отягчающих” обстоятельствах. Так, у глаголов *добиться* ⟨разрешения⟩, *достать* ⟨денег⟩ (действие: обычное: конатив: абстрактное) способ не специфицирован, но они не отличаются в аспектуальном отношении от обычных конативов (*уговорить*, *решить* ⟨задачу⟩); глагол *предотвертять* (действие: с акцентом на результате: достижение: абстрактное) подобен глаголу *найти*; у глаголов *увеличить*, *задержать* ⟨выход книги⟩ (действие: с количественным результатом: абстрактное) акт. значение НСВ примерно так же неестественно, как у *выплавить* (действие: с количественным результатом, но не абстрактное).

Эффект от неспецифицированного способа возникает при наличии какого-то другого компонента значения, например интерпретации (*испортить*): глаголы интерпретации всегда абстрактные. Действия сверхдолгие известны только абстрактные (*вырастить*, *воспитать*). Иными словами, эффект от абстрактности бывает разный и предопределен не абстрактностью, а этими дополнительными компонентами.

⁴ См. о способе также в Апресян 1980a.

Глава 2

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАСС КАК ФОРМАЛЬНЫЙ АНАЛОГ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

§ 1. Тематические классы и тематические компоненты

Тематический класс объединяет слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре. Различаются, например:

- бытийные глаголы (*быть, существовать, водиться*);
- фазовые (*начать, кончить*);
- глаголы обладания (*дать, иметь, купить, подарить*);
- физического воздействия (*ударить, разбить*);
- движения (*уйти*); перемещения объекта (*тянуть, толкать, бросить*);
- принятия положения (*наклониться, сесть*);
- создания (*построить, сварить*); в том числе — создания образа (*нарисовать, скопировать*);
- возмездительного действия (*наказать, оштрафовать*);
- речи и передачи сообщения (*написать, сказать*), а также семиотические, как *постучать (в дверь)*;
- восприятия (*видеть, нюхать*);
- чувства (*пугать, радоваться*);
- принятия решения (*выбрать, предпочесть, решить*);
- ментальные глаголы: знания и мнения (*вспомнить, выяснить, догадаться, забыть, напомнить, объяснить, осознать, помнить, понять, решить (задачу), узнать*);
- глаголы звука (*звенеть, грохотать*);
- каузации (*вызвать, заставить*);
- приобретения признака (*пожелтеть, высохнуть*).

Одна из первых семантических классификаций русских глаголов — в книге Кузнецова 1988. Идейным наследником этой работы является словарь Бабенко 1999. Другое направление представлено словарем под ред. Н. Ю. Шведовой (Шведова 2000). Подробная семантическая классификация английских глаголов, ориентированная на синтаксическую вариативность, содержится в Levin 1993. Тематическая классификация противопоставлена обычной семантической в Смирницкий (1956: 174).

Строго говоря, понятие тематического класса не имеет прямой связи с классификацией: нет исходного предположения о том, что каждый глагол должен попасть в какой-то класс, который окажется семантически релевантным. Разумно ставить задачу о б ъ е д и н е н и я слов в (лингвистически релевантные) тематические классы — а не “разбиения” слов на классы, как при обычных классификациях.

Слова одного тематического класса имеют нетривиальный (Апресян 1974: 185) общий компонент в толковании. В § 2 мы рассмотрим подробно понятие

строевого компонента; и тогда нетривиальный общий компонент определим как “нестроевой”. Строевые компоненты, такие как каузация, начинательность, могут входить или не входить в семантическую формулу слова, не изменяя его принадлежности к тематическому классу или подклассу. Например, в тематический класс глаголов восприятия входит не только *видеть*, но и его каузатив *показывать*; компонент «движение» есть не только в *пройти*, но и в *пропустить*.

Тематический класс — понятие более узкое, чем семантический класс. Скажем, таксономические категории тоже делят глаголы на семантические классы, но эти классы не тематические. Тематический класс — это формальный аналог семантического поля, см. о полях Faber, Mairal 1997, Faber, Pérez 1997.

В семантическую структуру слова могут входить смысловые компоненты, диагностические сразу для нескольких тематических классов. Поэтому слово (в одном и том же значении, т. е. одна лексема) может принадлежать одновременно к двум и более разным тематическим классам; например, *убедить* — к глаголам речи и воздействия на ментальное состояние; *застать* — к глаголам движения и местонахождения. У *требовать* есть компонент ‘говорить’, а также модальный компонент ‘необходимо’, и именно этот последний остается единственным в выветренных употреблениях, типа *Обувь требует ремонта*. А. И. Смирницкий приводит в пример слово *лошадь*, которое принадлежит одновременно к классу ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ТРАНСПОРТ, не будучи неоднозначным.

Для принадлежности глагола к тематическому классу безразлично, какое место в структуре занимает тематический компонент. Так, компонент «незнание» в значении глаголов *скрыть*, *спрятать* глубоко “упакован” в его семантической структуре и, скорее всего, недостаточен для отнесения этих глаголов к классу ментальных. У *оглянуться* = ‘посмотреть назад, повернувшись’ компонент «принятие положения» играет подчиненную роль по отношению к компоненту «восприятие», так что *оглянуться* относится к классу восприятий.

С другой стороны, глагол может принадлежать к двум и более тематическим классам в разных контекстах, т. е. иметь два и более значений; например, *стучать* в одних контекстах глагол звука, а в других — подачи сигнала:

(а) *стучать* кулаком по столу; (б) *стучать* в дверь (кому-то).

Тематический класс важен как параметр глагольного значения по нескольким причинам.

В о-п е р в ы х, тематический класс часто имеет характерные проявления в синтаксисе — например, у класса обычно есть характерный (диагностический) участник. Так, у глагола передачи сообщения обязательно имеется Адресат (*сказал о т ц у*); у глагола создания — Результат (*связал с в и т е р*); у глагола движения обычно есть участник Конечная точка (*иду д о м о й*), а также Среда: *плывет н о р е к е*; поэтому контекст предлога *по* в строчках *Язык Италии золотой / Звучит по улице веселой* (П.) добавляет к собственному значению глагола *звучать* компонент «движение» — то ли звука, то ли Наблюдателя.

Наличие у глаголов одного тематического класса участника в определенной роли не удивительно: роль, как мы увидим в гл. 3, задается компонентом в

толковании; общий компонент — это, как правило, и общая роль, т. е. общий участник.

У глаголов с одной и той же ролью много общих свойств. Например, участник Результат предопределяет нетривиальную зависимость значения глагола от отрицания, имперфекта, буд. времени: *отрезал* ⊃ ‘есть Результат’, *не отрезал* ⊃ ‘нет Результата’; *выбрал* ⊃ ‘есть Результат’, а если *выберу*, то нет Результата в текущий момент; так что у глагола в прош. и буд. времени разное число участников, см. гл. IV.2.

В о-в т о р ы х, члены одного тематического класса склонны иметь общий деривационный потенциал, т. е. один и тот же набор семантических дериватов. Это было продемонстрировано в Падучева 1998а на примере единой парадигмы производных значений у глаголов звука.

Тематический класс глагола может быть скоррелирован с его таксономической категорией. Так, среди глаголов восприятия много моментальных (см. гл. IV.1): сов. вид глагола восприятия обычно обозначает происшествие, а не действие с накоплением эффекта. Такая корреляция соответствует моментальности реального восприятия, ср. глаголы *увидеть*, *услышать*, *заметить*.

Тематический класс может быть единым во всех употреблениях слова; так, глаголы *думать*, *считать*, *прогнозировать* всегда ментальные. Однако есть много глаголов с подвижным тематическим классом. Например:

- (1) *выбрал* местом отдыха Ялту [ментально-волевое действие];
выбрали председателем Иванова [социальное действие];
выбрать незрелые ягоды ⟨и выкинуть⟩ [физическое действие].
- (2) а. *ударил* кулаком по столу [выразил эмоцию / произвел звук];
б. *ударил* в колокол [семиотическое действие].
- (3) а. Самовар пошипел-пошипел и *заглох* = ‘перестал звучать’;
б. Мотор *заглох* = ‘перестал функционировать’.

Переменный тематический класс имеет глагол *решить* — он может относиться к глаголам принятия решения (*решил* ≈ ‘стал иметь намерение’), см. (4), и к глаголам мнения (*решил* ≈ ‘подумал’), см. (5):

- (4) Я *решил* поехать в Крым.
- (5) У вас не горел свет, и я *решил*, что вы уехали.

Глагол *видеть* дает пример сдвига тематического класса, на который было обращено внимание еще в Wierzbicka 1969:

- (6) а. Я *вижу* Джона [восприятие];
б. Я *вижу*, Джона здесь нет [evidential inference; в переводе А. Д. Шмелева — ‘заключение по очевидности’].

В (6б) глагол *видеть* переходит в тематический класс ментальных предикатов. Соответственно меняется сочетаемость: глагол подчиняет отрицательную пропозицию, что исключено для *видеть* в исходном значении восприятия; становится возможным участник Основание, который оформляется предлогом *по*; например: *вижу по выражению лица* (ср. *догадался по его смущенной улыбке*); становится допустима несинхронность ситуаций, описываемых главным предложением и придаточным:

Теперь я *вижу*, в чем *была* моя ошибка (пример из Арутюнова 1998: 421).

Другие примеры тематических сдвигов. Глаголы *тронуть*, *поразить* могут относиться, в разных контекстах, к физическим действиям и эмоциям; гла-

гол *колебаться* может иметь значение перемещения и ментального состояния; глагол *передать* может употребляться в значении перемещения и речевого действия; глагол *удалить* — в значении перемещения и уничтожения. Так что тематический класс — это тоже параметр, который может принимать разные значения на одном и том же слове.

Один из путей, приводящих к изменению тематического класса глагола, — изменение таксономического класса участника (см. гл. 4):

- (7) а. встретить незнакомое *слово* [восприятие];
- б. встретить *знакомого* [межличностный контакт: Перцепт — ЛИЦО].
- (8) а. *человек* идет [направленное перемещение];
- б. *дорога* идет [пространственное расположение; сдвиг под влиянием контекста имен, обозначающих неподвижные объекты, вдоль или по которым естественно перемещаться, типа *тропа, улица, забор*].

Изменение тематического класса глагола как результат таксономической спецификации участника-Субъекта можно проследить на глаголе *звучать*, который относят к глаголам звука. Субъект у этого глагола не Каузатор (как в *солдаты грохочут сапогами*) и не Источник звука (как в *грохочут сапоги*), а сам звук: *В парке звучала музыка*. Глагол *звучать* сменил свой тематический класс на протяжении последнего столетия. А именно, он утратил диагностического для глаголов звука участника Источник звука и сейчас может быть отнесен к глаголам восприятия — с Наблюдателем за кадром, см. гл. III.8.

Другой путь изменения тематического класса глагола — за счет акцентного статуса компонентов в толковании (см. гл. 5):

- (9) а. дверь *хлопнула* [= ‘произвела звук, ударив’, акцент на издавании звука];
- б. *хлопнула* Пашку суповой ложкой по голове [= ‘ударила, произведя звук’, акцент на нанесении удара].

Впрочем, различие между (9а) и (9б) касается и таксономического класса участника: в (9б) Пациент — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

Изменение тематического класса может быть сопряжено с изменением категории; так, глаголы действия могут в одном из своих производных употреблений обозначать относительное расположение предметов в пространстве: *загораживать, скрывать, касаться, упираться*, см. гл. III.7.

Есть крупные классы глаголов, которые не являются ни категориальными ни тематическими, например, глаголы интерпретации (гл. III.5 § 5); глаголы изменения состояния (Падучева 2001а).

§ 2. Строевые компоненты

Понятие тематического класса приобрело более ясные очертания после того, как возникло понятие строевого компонента. Строевые компоненты в составе значения слова могут меняться, не меняя его принадлежности к тематическому классу. Обычно это компоненты, которые входят в значение очень многих слов.

Строевые компоненты имеют максимально широкую сочетаемость и не являются темообrazующими: не они определяют специфическую лексическую

семантику слова. Чтобы выявить принадлежность слова к тематическому классу, надо “очистить” его семантическую формулу от строевых компонентов. Строевые компоненты меняют лексическое значение, сохраняя тему. Многие лексические функции (Мельчук 1974) описывают изменения лексического значения, порожаемые строевыми компонентами.

Укажем некоторые продуктивные строевые компоненты.

1) **Каузация** в различных ее разновидностях (см. о типах каузации Падучева 1994; Апресян 1998а). Так, *показать* = ‘каузировать видеть’. Представление о широкой сочетаемости этого компонента дает следующий список. Можно каузировать:

изменение состояния: *открыть, закрыть*; деформацию: *размолоть*; возникновение сущности: *учредить (комиссию)*; создание предмета: *построить (гараж)*; создание изображения: *нарисовать (картинку)*; уничтожение: *израсходовать*; контакт: *приколоть*; перемещение предмета: *нести (арбуз)*; положение в пространстве: *посадить (на стул)*; местонахождение: *поставить (портфель)*; изменение значения параметра или признака: *увеличить (скорость)*; наступление ситуации: *перенести (собрание); пробудить (жажду)*.

Можно каузировать восприятие. Так, *выдать Z-у X-а за Y-а* = ‘каузировать Z-а принять X-а за Y-а’ (обычно по внешнему виду).

Поскольку компонент «каузация» строевой, каузатив относится к тому же классу, что исходный глагол. Не случайно, например, у *показать* та же неоднозначность ‘восприятие’ — ‘знание / мнение’, что у *видеть* (*показал, что*).

2) **Начинаемость** можно видеть, например, в следующих словах: *уснул* = ‘начал быть в состоянии’; *побелел* = ‘начал иметь признак’; *возник, уничтожился* = ‘начал существовать / не существовать’; *появился, исчез* = ‘начал быть / не быть в поле зрения’; *увидел* = ‘наступило: X видит’; *Р прекратилось* = ‘наступило не Р; Y лишился X-а = ‘наступило состояние: Y не имеет X-а’; *X облысел* = ‘наступило состояние: X лысый’; *X заглох* = ‘наступило состояние: X не звучит’.

3) **Отрицание**. Глаголы *остановиться* и *промолчать* естественно отнести к тем же тематическим классам, что, соответственно, *идти* и *сказать*; *промахнуться* — к тому же классу, что *попасть в*, а следовательно — *бросить в*; *заглохнуть* — к тому же, что *звучать*; *исчезнуть, пропасть* — к тому же классу, что *возникнуть, найтись*. Во всех этих парах различие значения задает строевой компонент — отрицание. Например, отрицание отличает *скрывать* от *показывать*:

Y показывает X (Z-у) = ‘Y делает так, чтобы Z видел X’;

Y скрывает X (от Z) = ‘Y делает так, чтобы никто (или Z) не видел X’.

У одного из членов антонимической пары (*завязать* — *развязать*, *создать* — *уничтожить*) обязательно есть НЕ в какой-нибудь позиции в толковании; из двух антонимичных друг другу слов всегда одно исходное, а другое производное (Wierzbicka 1972).

4) **Оценка**; глагол *подозревать* относится к тому же тематическому классу, что *считать*; *застичь*, несмотря на компонент ‘X нежелательно для Объекта’, к тому же классу, что *застать*.

5) Строевыми являются многие **аспектуальные** значения: предельность (ср. *идти* и *дойти*), узуальность, итерация; сверхдолгота временного интервала (ср. *кормить* и *воспитывать*, *украсть* — действие и *воровать* —

занятие); удача входит в семантику конативов, т. е. действий в условиях недостаточности ресурсов.

6) *Модальность* (*впустить* = ‘разрешить / дать возможность перемещаться внутрь’) входит в пассивно-потенциальное значение: *материал хорошо гладится; книга хорошо продается* = ‘родовой субъект может успешно продавать (эту книгу)’. Поскольку (см. гл. 4) органам соответствует способность, мы вправе усматривать в семантике глаголов *видеть, слышать, понимать* модальный компонент с инкорпорированным участником ОРГАН. Отсюда синонимическое соотношение: *как я заметил / понял* \approx *как я мог заметить / понять* и родовой статус Эксперимента: *можно видеть* = ‘любому можно видеть’.

7) Компонент «знание», который входит в состав значения большого числа слов (см. Апресян 2001), видимо, следует отнести к числу строевых. Так, компонент «знание» входит в состав фактивной и контрфактической презумпции, см. гл. III.3. У глаголов *показаться, послышаться*, которые фиксируют необязательное совпадение Образа с каким-либо Стимулом, есть компонент ‘Субъект не знает, есть ли Стимул’. А при определенном фразовом акценте возникает даже контрфактическая презумпция: ‘говорящий знает, что Стимула нет’. Толкование глаголов *скрывать, прятать(ся)* выявляет в их семантике компонент ‘не знать’. В смысл слов *застичь, застукать, накрыть* входит компонент ‘X не хочет, чтобы Y увидел его (в месте W) / знал о его существовании / свойствах’, в частности о местонахождении. У *застать, обнаружить* этот компонент факультативный: *У него обнаружили в ботинках наркотики*. В смысл слов *подглядывать, шпионить, следить* входит компонент ‘Y не хочет, чтобы X знал, что он его видит’.

8) На роль строевого претендует компонент «ожидание», который входит в семантику большого числа самых разных слов:

спас, предотвратил \supset ‘ожидалось, что будет плохое’;
удовлетворен X-ом = ‘X соответствует ожиданиям’;
разочаровался в X-е \supset ‘ожидал, что X лучше’;
продолжил \supset ‘ожидалось, что прекратит’;
очутился в овраге, оказался на кладбище \supset ‘не ожидал этого’.

Компонент «ожидание» входит в семантику частицы *уже*, см. Падучева 1974: 147 и 1992б (*уже* P \supset ‘ожидалось, что будет P’; поэтому НЕВЕРНО (*уже* P) = *еще не* P), и союза *хотя* (Крейдлин, Падучева 1974а):

Q, *хотя* P = ‘P; поэтому ожидалось, что не Q; Q’.

Например: *В окнах горел свет, хотя было уже за полночь*.

Ожидание обычно входит в смысл отрицательного предложения с глаголом СВ (Падучева 1974: 151): *Она не оглянулась* \supset ‘ожидалось, что оглянется’.

Компонент «ожидание» составляет одно из семантических различий между *увидеть* и *заметить*; так, *увидеть* можно, в принципе, и то, что ты предполагал или даже хотел, т. е. ожидал увидеть, а у *заметить* объектом восприятия обычно является нечто неожиданное, см. гл. III.2 § 5.1.

Один и тот же компонент может быть в одном слове строевой, а в другом — тематический. Так, компонент ‘каузировать’ является строевым у каузативных глаголов, типа *показать, поставить*, и тематическим в классе глаголов общей каузации — таких как *вызвать, привести к*. Компонент ‘наступить’ тематиче-

ский в классе фазовых глаголов (*начаться, прекратиться* и под.) и строевой в глаголах СВ типа *увидеть, понять*.

§ 3. Компонент «контакт»

Один и тот же семантический компонент может по-разному проявляться в языковом поведении слова — в зависимости от того, какое место он занимает в семантической структуре глагола. Сравним, например, глаголы *помешать* и *закрывать*. Оба включают компонент «создание препятствия / преграды». Но в семантике *помешать* это основной ассертивный компонент, а у *закрывать* — следствие (которое не обязательно имеется в виду) определенного физического действия — приведения одной сущности в контакт с другой. Так что эти два глагола не обнаруживают существенных сходств в языковом поведении.

В этом смысле интересен компонент «контакт», который входит в семантику большого числа глаголов, но в разном качестве. Можно различить следующие группы глаголов на основе места этого компонента в их толковании.

I. У ряда глаголов «контакт» является основным или даже единственным ассертивным компонентом в толковании:

коснуться, дотронуться, притронуться, обнять, привлечь (к себе), примкнуть.

Например, X *коснулся* Y-а \supset 'X пришел в контакт с Y-ом'.

Совершенный вид этих глаголов никак не специфицирует динамического аспекта ситуации (того, как наступает состояние), и несов. вид имеет только стативное значение; он обозначает с о с т о я н и е контакта:

коснуться — *касаться*, *обнимать* [в одном из значений], *привлечь* — *привлекать*, *примкнуть* — *примыкать*, *тронуть* — *трогать*.

Глаголы *держать, схватить* обозначают контакт с приложением силы. У *держать* нет инцептива (ср. *взять*); у *схватить* нет статива.

II. Есть большая группа глаголов, семантика которых предполагает физический контакт ради достижения некоторого «нефизического эффекта». Это может быть, например: контакт массы / эластичного предмета с поверхностью, как у глаголов *покрыть, усыпать, наполнить* (*наполнила комнату ароматом духов*); контакт с краями отверстия во вместилище / прохода в помещении. И цели могут быть разные: создание преграды для входа / выхода; защита от внешних воздействий, ср. *закрывать квартиру / закрыть кастрюлю* (Падучева, Розина 1993). У этих глаголов тоже несов. вид обычно имеет стативное значение — в качестве одного из возможных, как в (1), или даже единственного, как в (2):

- (1) *наполнять, заливать, покрывать*;
- (2) *обагрять, затуманивать, преграждать, застилать (от застлать)*.

Основой для нестативного понимания несов. вида является то, что приобретению контакта может предшествовать перемещение участника: чтобы закрыть кастрюлю, надо переместить крышку; поэтому НСВ *закрывать* имеет акт. значение.

У многих глаголов этой группы есть чисто стативные дериваты, утратившие видовую соотносительность; так, *запирать* в (3) едва ли имеет парный СВ:

- (3) крепость *запирает* вход в ущелье.

В то же время компонент «прочный контакт» обычно не оказывает влияния на видовую парность: у глаголов *приклеить*, *прикрепить*, *пришить* контакт является результатом специфической деятельности, которая создает основу для акт. значения НСВ.

III. Есть глаголы, у которых контакт является п р е д п о с ы л к о й воздействия на X (или взаимодействия с X-ом). Здесь контакт обычно так или иначе специфицирован:

- (4) а. контакт: резкий, кратковременный — *побить*, *столкнуться*, *стукнуть*, *ударить*;
 б. контакт: сообщающий импульс движения — *бросить*;
 в. контакт: каузирующий перемещение, синхронное воздействию, — *волочить*, *тащить*, *толкать*, *тянуть*.

В глаголах этой группы компонент «контакт» не проявляет себя в аспектуальном плане (глаголы каузации перемещения и звука вообще исходно имперфективные), но эти глаголы интересны своими диатезами. Они подвержены преобразованию расщепления — им свойственна конструкция с внешним посессором (см. Пискунова, Минлос 2002):

- (5) Ребенок *тянул* подол матери — Ребенок *тянул* мать за подол.

Возможность расщепления появляется за счет того, что возникает дополнительный участник: различаются Пациент и Место контакта (воздействия). Однако обычно одна из двух конструкций — исходная или расщепленная — оказывается странной:

- (6) а. порезал *кончик пальца*;
 б. *порезал пальцу кончик.
 (7) а. ударил *его палкой по спине*;
 б. ударил палкой *его спину*.

Вообще приведение в контакт необходимо для самых разных физических воздействий. Например, чтобы *растворить* вещество, надо привести его в контакт с растворителем; предпосылкой издавания звука является контакт источника звука с движущимся предметом.

Так что диатеза с внешним посессором (гл. 3 § 6.3) предопределена не компонентом «контакт», а только наличием в ситуации двух участников, связанных отношением часть — целое. В принципе, перераспределение фокуса внимания, вызываемое экстрапозицией посессора, и не должно давать синонимических структур — синонимия является следствием тех или иных нейтрализаций.

IV. Имеется еще одна возможность: контакт может быть с л е д с т в и е м других, более содержательных компонентов. Контакт возникает как следствие в семантике глаголов обладания (*иметь*); местонахождения (*быть в городе*); положения в пространстве (*сидеть на стуле*).

Через такой “следственный” компонент «контакт» можно объяснить семантическую деривацию от физического значения глагола к ментальному, как у глагола *столкнуться* (с непонятым явлением).

Компонент «контакт» может дремать как потенциальное следствие в исходных значениях, но проявлять себя в производных (выветренных) значениях. В примерах (8), (9) в (а) глагол имеет значение восприятия/знания, в (б) — только контакта:

- (8) а. Я *видел* многое; б. Эти стены *видели* многое.
(9) а. Иван *не знает*, что вы приехали;
б. Ее изнеженные пальцы *не знали* игл (П.) = ‘никогда не были в контакте с иглами’.

* * *

Итак, мы видим, что тематический класс — это важный фактор, одновременно систематизирующий глагольную лексику и обеспечивающий компактное описание регулярной многозначности. Подчеркнем различие между тематическим классом и Т-категорией. Состояния могут быть физическими, физиологическими, ментальными, эмоциональными и т. д.: одна Т-категория, но разные тематические классы. С другой стороны, ментальные глаголы могут быть действиями, состояниями, происшествиями: один тематический класс, но разные Т-категории.

Глава 3

ДИАТЕЗА*

§ 1. У истоков понятия диатезы

Понятие диатезы было введено в 1970 году в статье Мельчук, Холодович 1970 (см. также Мельчук 1998)— в целях уточнения понятия залога. Диатеза была определена как соответствие между единицами семантического и синтаксического уровня; слегка модернизируя, можно сказать — как соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями.

У глагола в разных его употреблениях в предложении могут быть разные диатезы; т. е. диатеза может меняться. Изменение диатезы, маркированное формой глагола, — это и есть залог. Если у нас в арсенале есть такие семантические роли, как Агенс и Пациенс, и такие синтаксические позиции, как субъект⁵ (сокращенно — *Сб*), объект (*Об*) и агентивное дополнение (*Периф*, от “периферийная позиция”), то изменение диатезы при переходе от активного залога в (1а) к пассивному в (1б) можно представить формулой (1#):

- (1) а. Разбойники *убили* крестьянина;
б. Крестьянин *был убит* разбойниками.
(1#) ⟨Агенс-Сб, Пациенс-Об⟩ ⇒ ⟨Пациенс-Сб, Агенс-Периф⟩.

Пример (2) демонстрирует мену диатезы, которая не маркируется в глаголе, т. е. не является залогом (роль Тема здесь приписана, в соответствии с Talmy 2000, тому участнику, который перемещается):

- (2) а. Сторож *наполняет* бассейн водой; б. Вода *наполняет* бассейн.
(2#) ⟨Агенс-Сб, Место-Об, Тема-Периф⟩ ⇒ ⟨Тема-Сб, Место-Об⟩.

Как правило, среди нескольких диатез глагола есть одна, которая принимается за и с х о д н у ю (Храковский 1974, Падучева 1974: 225); так, в примерах (1) и (2) исходная диатеза, соответственно, в (1а) и в (2а).

Трансформационная грамматика 70-х годов игнорировала тот факт, что мена залога связана с изменением смысла; например, замена активной конструкции на пассивную считалась синонимическим преобразованием. Сейчас это упрощение представляется неоправданным: всякий диатетический сдвиг, т. е. изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями, влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного (или синтаксического) р а н г а участ-

* Дополненный вариант статьи, опубликованной в *Russian Linguistics*, 2002, № 2.

⁵ Субъектом (синтаксическим) глагола в личной форме мы называем его подлежащее (но у причастия и деепричастия субъект тот же, что у личной формы; в отрицательном предложении субъект может быть в род. падеже, см. гл. III.9); объектом — прямое дополнение (при отрицательном глаголе — тоже, быть может, в род. падеже). Слово *субъект* может использоваться также в значении ‘семантический субъект’ (Падучева 1985: 182) в таких сочетаниях, как *субъект оценки*, *субъект речи*, *субъект восприятия* и под.

ников: предложение (1б) говорит о крестьянине, его тема — крестьянин; а (1а) — о разбойниках. В следующих разделах мы поговорим подробнее о ситуации, концепте ситуации, участниках (концепта) ситуации, их ролях, рангах и иерархии рангов, после чего вернемся к понятию диатезы.

§ 2. Ситуация и ее участники

В работах Филлмора 60-х и 70-х годов (Fillmore 1968a, b, 1977/1981) было введено понятие глубинного падежа и падежной рамки. Хомский (Chomsky 1981) проложил для этой проблематики дорогу в порождающую грамматику и внес терминологическое изменение: глубинные падежи были заменены на тета-роли (т. е. тематические роли, см. Gruber 1976). Современное состояние вопроса хорошо отражено в Dowty 1991, Van Valin, Wilkins 1996. В России наряду с глубинным падежом получил распространение термин семантическая роль, которым мы и пользуемся.

2.1. Участник и роль. Участник и синтаксический актант

Слову в словаре обычно соответствует несколько лексем. Глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании, описывает некую с и т у а ц и ю. Тем самым лексема (или говорящий с помощью данной лексемы) к о н ц е п т у а л и з у е т определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать “концепт ситуации”, и этот концепт включает определенный набор участников. Концепты, построенные с помощью одного и того же глагола, но в разных морфо-синтаксических конфигурациях, могут различаться только рангами участников, как в примерах (1), (2). В этом случае мы скажем, что употребления глагола различаются диатезой, а значение одно и то же. В примерах (3), (4) глагол тоже употреблен в (а) и (б) в разных конфигурациях. Вопрос в том, сводится ли различие к мене диатезы или же глагол имеет в (а) и (б) разные значения:

- (3) а. Внешне он [гость] ничем не *отличался* от многочисленных остальных гостей-мужчин (ММ);
- б. Сложением девица *отличалась* безукоризненным (ММ).
- (4) а. Тайна такого движения лежала в гибкости вещества, которым изобретатель *заменил* живые мускулы (Н.); б. Легенда *заменила* настоящую правду.

Описание значения слова (обычно — одной из его лексем) мыслится как “сценарий” некой типовой ситуации: должны быть указаны участники ситуации, их свойства; отношения участников друг к другу и происходящие с ними события. Эти свойства, соотношения и т. д. и составляют значение лексемы.

В словарном толковании глагола (или лексемы) каждому участнику соответствует *п е р е м е н н а я* (Апресян 1974: 120), а соотношениям и свойствам — определенные компоненты толкования, предикаты с этими переменными. Компоненты толкования определяют *р о л и* участников в ситуации — такие как Агенс, Средство, Тема, см. § 2.2.

При употреблении глагола **в предложении** участнику с данной ролью обычно соответствует тот или иной подчиненный глагола, например, подлежащее, дополнение, обстоятельство — **с и н т а к с и ч е с к и й а к т а н т**; **в**

словаре участнику с данной ролью сопоставлена синтаксическая позиция — синтаксическая форма того языкового выражения, которое будет, в том или ином предложении, синтаксическим актантом глагола. Например, у глагола *грохотать* (как в *Солдаты грохочут сапогами*) участникам Каузатор и Источник звука сопоставлены, соответственно, позиция субъекта и существительного в твор. падеже.

Синтаксический актант участника фиксирует его концепт и референциальный статус в данном предложении. Концепт может быть задан либо отдельной лексемой (например, слово *бабушка* задает концепт участника Агенса глагола *читать* в предложении *Бабушка читает*), либо именной группой (например, во фразе *Машин учитель рисования заболел* концепт участника Тема глагола *заболеть* — *Машин учитель рисования*). Референциальный статус задается в разных случаях по-разному, но у собственных имен (типа *Машиа*, *Варшава*) статус обычно конкретно-референтный, т. е. при употреблении в высказывании они соотносятся с конкретным объектом, а нереперентный статус выражается кванторными словами (*в с я к и й учитель, к а к а я-н и б у д ь иностранка*), хотя может быть выражен и более сложным образом, см. Падучева 1985: 79–102.

Кроме роли и синтаксической позиции, участникам в словаре соответствуют таксономические классы (в логике это предметные области переменных или категориальные предпосылки предиката) — такие как ЛИЦО, ПРЕДМЕТ и под., см. гл. 4.

Переменная — это, в лингвистическом обиходе, буква (например, латинская — X, Y, Z), которая в пределах толкования служит именем участника. Буква отождествляет участника в составе разных компонентов толкования, а также, в силу не полностью сформулированных конвенций, участников с близкой ролью у лексем одного слова.

Поскольку участник — это, прежде всего, роль, разные буквы соответствуют обязательно разным ролям, т. е. используются не только для отождествления, но и для дифференциации ролей. В пределах словаря переменные не принимают значений (роли не имеют исполнителей); но они могут квантифицироваться; в толкование может быть включено сведение об обязательной кореферентности участников с разными ролями.

Итак, участнику с данной ролью в предложении обычно соответствует выражающий его синтаксический актант. Обычно, но не всегда: подчиненный глаголу член предложения, выражающий участника с данной ролью, может быть по разным причинам принципиально невозможен. Укажем некоторые из этих причин.

1. Участник, упомянутый в толковании, не имеет в исходной диатезе глагола соответствующего члена предложения, если он инкорпорирован. Так, в ситуации, описываемой глаголом *видеть*, обязательно присутствуют глаза, см. Апресян 1995: 145; однако не говорят **Он увидел ее глазами*, поскольку участник *глаза* инкорпорированный. См. об инкорпорированных участниках в § 2.3.

2. Не соответствует синтаксического актанта участнику-Наблюдателю (см. о Наблюдателе в § 2.4 и в гл. III.2). Так, в ситуации примера из Апресян 1986а, с глаголом *показаться*, обязательно присутствует Наблюдатель — участник с ро-

лю Эксперимента, который, однако, не может быть обозначен никаким членом предложения:

(5) На дороге *показался* всадник.

В простом случае Наблюдатель кореферентен говорящему (см. уточнения в Падучева 1996: 266).

3. Участник не имеет поверхностного выражения, если он, в силу особой семантики слова, выражается *дейктически* (ср. о *прийти* в гл. III.7). Так, у *взять*, несмотря на то, что это глагол перемещения, не выражается Конечная точка, поскольку в исходном употреблении глагола она фиксирована дейктически: в предложении *Зачем ты взял со стола яблоко?* говорится прежде всего про яблоко, которое человек в течение какого-то времени держит *при себе*, см. Рахилина 1990: 100—101. Конечная точка, если она выражена, свидетельствует об изменении значения *взять*: *Он взял эту книгу в Германию* значит ‘взял с собой, переместившись в Германию’.

4. Участник не может быть выражен в предложении, если соответствующая ему переменная квантифицируется уже в толковании — слова или словоформы. Квантификация часто возникает в контексте модальности. Так, значение словоформы *чувствуется* в (6) задается толкованием (6#), выявляющим генерализованного Агенса:

(6) Прогресса не *чувствуется*;

(6#) *X-а не чувствуется* ≈ ‘*н и к т о* не может почувствовать X’.

Аналогично в примерах: *Катастрофа не просматривается*; *Плохие новости лучше продаются* (Жванецкий).

5. Участник может быть невыразим в одной из производных диатез глагола. Так, в (7) действие состоит в удалении “лишнего”; участник подразумевается, но при данной диатезе не может быть назван:

(7) вымел *пол* = ‘вымел мусор с пола’;
прополол *грядку* = ‘выполол сорняки с грядки’;
вытер *стол* = ‘вытер грязь/пыль со стола’.

Часто бывают синтаксически невыразимы участники у глаголов с отрицательным значением, ср. *промахнуться* = ‘целиться в Y из Z-а и не попасть’ (Мельчук, Холодович 1970); у глагола *промолчать* (= ‘не высказаться по поводу’) повод выясняется только из контекста:

(8) Тютчевская публикация в “Северной лире” весьма значительна. Ее положительно оценил “Московский вестник”. Ее благосклонно встретил Вяземский. Пушкин *промолчал* (Г. Красухин. Великий спор).

Невыразимость участника может быть вызвана чисто синтаксическим ограничением. Например, в Апресян 1974: 128 говорится, что при одном глаголе участники с ролью Инструмент и Средство не могут быть выражены одновременно, если они оба требуют творительного падежа (**писать письмо авторучкой синими чернилами*):

(9) а. его *левая рука* судорожно хрустела бумажками;
б. **левой рукой* он судорожно хрустел бумажками.

Через участника легко определить понятие *валентности*: семантическая валентность глагола — это то же, что роль участника (например, у *нобить* есть два участника — Агенса и Пациенса; и, соответственно, две валентности);

синтаксическая валентность — это морфо-синтаксическая форма того языкового выражения, которое сопоставляется участнику с данной ролью в предложении.

2.2. Семантическое обоснование ролей

Каждый участник — его имя — входит в толковании в один или несколько семантических компонентов, которые являются семантическим обоснованием его роли, ср. Jackendoff 1990: 60.

Известные примеры ролей — Агенса, Причина, Место, Исходная точка, Конечная точка, Инструмент, Средство, Адресат. Так, Агенса — это такой участник X, которому соответствует компонент ‘X действовал (с целью)’; т.е. Агенса — это тот, кто действовал (Wierzbicka 1980a: 162). Инструмент — это участник Z, такой что Z воздействовал на Y, причем существует Агенса, который привел Z в действие для достижения своей цели (т.е. и с п о л ь з о в а л Z). В обоснование роли Средство входит, в дополнение к тем компонентам, которые обосновывают Инструмент, компонент ‘Z был истрачен в ходе деятельности или начал находиться в связанном состоянии’ (Апресян 1974: 128); так, если сторож наполнял бассейн водой из шланга, то вода — Средство — остается в бассейне (в связанном состоянии), тогда как шланг — Инструмент — будет убран. Глаголы движения предполагают участников Исходная точка и Конечная точка; глаголы местонахождения — участника Место. Участник Причина (т.е. Каузатор, но не Агенса) — это событие/состояние X, которому соответствует компонент ‘X вызвал/воздействует на Y’: *Приезд жены [X] нарушил привычный распорядок жизни [Y]*. Участник Z является Адресатом, если в толковании глагола есть компонент ‘X каузирует Z знать/иметь нечто’; Z — Бенефициант, если в толковании есть компонент ‘Z-у стало лучше’. Актанту Y приписывается роль Содержание, если в толковании есть компонент ‘X имеет/перерабатывает информацию Y’, ср. *читать <книгу>, решать <задачу>, обдумывать <проблему>, знать <о приезде>*. Эксперименту соответствует компонент ‘X воспринимает (видит, слышит, ощущает) Y’.

Про Агенса и Пациенса иногда говорят, что это не роль, а гиперроль (см. Lakoff 1977, DeLancey 1984; ср. макророли в Van Valin, Wilkins 1996). Дело в том, что конкретные компоненты толкования у разных глаголов, предполагающих роль Пациенса, могут быть различны; общее у всех Пациенсов то, что участник подвергается воздействию и изменению — изменяться может значение какого-то параметра (Y *увеличил* X); состояние (Y *успокоил* X); объект может возникать и исчезать (Y *построил* X; *съел* X). Еще одна гиперроль — Тема. Эта роль приписывается носителю свойства; но Темой называют также перемещающийся объект:

Новорожденный весил 4 кг; Иван хромает; Принеси чашку.

Участники одного глагола взаимосвязаны. С одной стороны, участники могут быть несовместимы при одном глаголе: Причина несовместима с Инструментом. С другой стороны, один участник может предполагать наличие другого; например, Пациенс предполагает Агенса или Каузатора; Средство (и Инструмент) предполагает наличие, у того же глагола, участника Агенса (Fillmore 1977/1981).

Исторический экскурс

Полезно показать место предлагаемой концепции семантической роли среди других. Проведем сопоставление по двум наиболее важным параметрам: отделение роли от коммуникативного ранга и способ приписывания ролей.

Филлмор (Fillmore 1977/1981) задает информацию о коммуникативном ранге в качестве *и с х о д н о й* при переходе от глубинной структуры к поверхностной, в частности при приписывании участнику синтаксического статуса субъекта или объекта. Однако в число рангов не входит ранг За кадром, что не дает возможности представить картину во всей ее полноте. Что же касается семантической экспликации роли через толкование, то эта идея у Филлмора полностью отсутствует: роль “приписывается” участнику согласно достаточно смутным общим принципам.

В Апресян 1974 информация о коммуникативном ранге не отделена от информации о семантической роли: субъект и объект фигурируют в числе ролей, наряду с Инструментом или Местом. С другой стороны, это, в исторической перспективе, первая работа, где для большого числа ролей (отличных, естественно, от Агенса, Пациенса, Эксперимента, Каузатора и под., выполняемых участниками в ранге субъекта и объекта) дано семантическое определение в том стиле, как это было сделано позже, например, в Jackendoff 1990.

В ТКС не предусматривается отождествления семантических ролей разных слов (cross word identification): роли участников различаются только по отношению к ситуации, описываемой данным глаголом (например, одно из значений *вырезать* характеризуется ролями: 1 [кто вырезает], 2 [что вырезает], 3 [чем вырезает] и 4 [из чего вырезает]). Цифры 1—4 соответствуют глубинно-синтаксическим актантам; в случае *вырезать*, счастливым образом, 1 соответствует субъекту, 2 — объекту, а 3 и 4 — Периферии. Но глубинно-синтаксические актанты ни с коммуникативными, ни с какими-либо другими содержательными различиями не связаны; так, 1 и 2 актанты лексемы *скорость* (участники, отвечающие на вопрос [чего/кого] и [каково значение величины]) уже не будут субъектом и объектом, см. ТКС: 80. Впрочем, участникам сопоставляются переменные — X, Y, Z, W и т. д., и внимательный читатель может проследить по этим переменным траекторию перемещений участника с данной ролью при диатетических сдвигах, порождающих метонимически связанные значения слова.

В подходах, где роли не имеют семантического обоснования, вводились разного рода принципы, определяющие “приписывание ролей”. Все эти принципы при семантическом подходе к ролям становятся излишними.

Принцип 1°. Некоторые роли обязательны для каждого глагола. Не выполняется; например, у *резать* и *лежать* множества ролей не пересекаются.

Принцип 2°. У одного участника может быть не более одной роли. Не соблюдается: один и тот же участник может фигурировать в нескольких разных компонентах толкования и, следовательно, иметь несколько ролей. Так, в сочетании *извиниться перед ним* одно и то же лицо является Адресатом и Бенефициантом; см. также в Падучева, Розина 1993 о ролях Место/Пациенс и Пациенс/Средство, приписываемых, соответственно, актантам *бассейн* и *вода* в контексте предложения:

(10) *Сторож наполнил бассейн водой.*

В Апресян 1974: 129 допускается так называемое совмещение валентностей; например, синтаксический актант *на пароходе* в сочетании *ехать на пароходе* соответствует двум участникам — Инструмент и Место (ср. Муравенко 1998). В Jackendoff 1990: 60 дается толкование глагола *to chase* ‘преследовать’, включающее компоненты:

‘Y движется’,

‘X движется по тому же пути, что Y’,

‘X хочет прийти в контакт с Y-ом’,

из которого следует, что X имеет две роли, а Y — три.

Принцип 3°. Два участника одного глагола не могут иметь одну и ту же роль. Не соблюдается. Так, у глаголов с участником Контрагент, например *покупать*, *продавать*, на самом деле два Агенса, которые различаются рангами (один центральный, а другой периферийный) и воздействуют на разных Пациенсов. Запрет на повторение одинаковых ролей возникает на синтаксическом уровне, ср. невозможность двух не сочиненных вин. падежей при одном глаголе в русском и аналогичные запреты в других языках.

2.3. Инкорпорированные участники

Инкорпорированный участник есть у многих глаголов. Это, например, *глаза* у глагола *видеть*; *уши* у *слышать*; *ноги* у *ходить*; *руки* у *держат*, *принести*, *взять* (так, в МАС *брать* определяется как ‘принимать на руки, схватывать руками’; прочие части тела тоже легко инкорпорируются); у *говорить* — *голос*; у *гореть* — *огонь*. В семантике *звенеть* инкорпорирован участник *звон*; аналогично для прочих глаголов звука; в *пылесосить*, *утюжить* и под. инкорпорирован соответствующий инструмент, ср. Бирюлин 1984; Jackendoff 1990: 61, Kiparsky 1997.

У инкорпорированного участника концепт не переменный, как у других, а фиксирован с точностью до лексемы уже в словаре. Референциальный статус инкорпорированного участника может быть родовым (например, таков статус инкорпорированного участника *женщина* в концепте ситуации ‘он женат’). Но чаще всего инкорпорированный участник находится в денотативной зависимости (Падучева 1985: 151) от другого участника той же ситуации (например, у глаголов *видеть*, *целовать* участник *глаза/губы* является частью — и денотативно зависит от — того, кто видит/целует) и имеет предопределенную референцию. Во фразе *Мы все его видим* в концепте ситуации присутствует не одна пара глаз, но у каждого из видящих глаза свои, что создает “дистрибутивную единственность” (см. Падучева 1985: 157, Шмелев А. 1996: 85), аналог конкретной референции.

При употреблении глагола в исходной диатезе инкорпорированный участник имеет ранг За кадром: ему не соответствует синтаксического актанта. Он может появиться на поверхности лишь в том случае, если в предложении в концепт, заданный толкованием, добавлен атрибут или квантификатор:

- (11) *Простым глазом* мы можем увидеть около 6 тысяч звезд (Зощенко. Возвращенная молодость); видел *своими глазами*; Я *своими полуслепыми глазами* и то вижу, что рубашка неглаженная; видел *одним глазом* (ср. **вижу глазами*).
- (12) поднял мой рюкзак *одной рукой* (ср. **поднял рукой*; **поднял руками*).
- (13) уздечки звенели *тихим звоном* (ср. **звенели звоном*).

Можно сказать, что в этом случае инкорпорированный участник “экскорпорируется” — покидает свою позицию За кадром и входит в перспективу, приобретая переменную, роль и синтаксическую форму. Это производная диатеза глагола.

Пример (14) интересен тем, что здесь участник *ноги* экскорпорируется при отсутствии атрибута или квантификатора — очевидно, потому, что возможно выветренное употребление слова *прийти*, при котором *ноги* не являются участником ситуации:

- (14) Неужели Х. жив (...) потому что он может прийти на это собрание, а Марсель Пруст потому, что он никуда уже *ногами* не придет, — мертв (Цветаева).

Так называемый эллипсис неспецифицированного объекта (Unspecified object deletion, см. Levin 1993: 27) в некоторых контекстах сводится к инкорпорированию участника. В самом деле, обязательный участник не может иметь в предложении соответствующего ему члена предложения, если он оказывается в тех же условиях, что *глаза* в *видеть*, т. е. если его концепт ничего не добавляет к категориальной предпосылке предиката. Так, у *женат* категориальная предпосылка относительно второго участника — ЖЕНЩИНА; поэтому

- (15) *Он женат на женщине. ⇒ Он женат.

Различие между *Он женат* и *Он на ком-то женат* — в том, что в одном случае участник *женщина* инкорпорирован и за кадром, а в другом он входит в перспективу.

Пример (16) показывает, что инкорпорирование может быть обязательным. Слово *письмо* предполагает Адресата; но в контексте, где про Адресата ничего не известно, причин для его коммуникативного выделения нет и Адресат инкорпорировается:

- (16) *Это письмо от обвиняемого кому-то ⇒ Это письмо обвиняемого.

Переменная идентифицирует участника в пределах словарной статьи данной лексемы, максимум — в пределах семейства лексем одного слова. Синтаксическая позиция не задает участника однозначно, поскольку может измениться диатеза; роль — потому, что у участника может быть более чем одна роль, да и разные участники с одинаковой ролью не исключены (ср. Dowty 1991); Т-класс — поскольку Т-классы разных участников тоже могут быть одинаковы (например, у *разговаривать* оба участника имеют Т-класс ЛИЦО). Но там, где не возникает неоднозначности, участник может быть назван любым из своих атрибутов, например: “участник субъект”, “участник Агенс”, “участник МЕСТО”. Инкорпорированного участника (у которого нет переменной в исходной диатезе) можно, слегка упрощая, идентифицировать его лексемой — например, можно говорить об участнике *уши* слова *слышать*.

2.4. Коммуникативный ранг участника

Вернемся теперь к соотношению между ролью участника и соответствующей ему синтаксической позицией. Дело в том, что синтаксическое оформление участника определяется не только ролью, но и параметром, который до сих пор в должной мере не принимался во внимание, — **к о м м у н и к а т и в н ы м р а н г о м**, ср. на эту тему Dik 1989: 209, Gruber 1976, Givón 1990, Тестелец 2001: 420, Кибрик 2003: 121. Ранг — это место участника в иерархии степеней тематичности (ср. topicality hierarchy в Croft 1991: 151).

Семантическая роль определяется поведением участника в обозначаемой глаголом ситуации: роль — это, например, Агенс, Инструмент, Адресат, Место. А ранг — это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего⁶. Субъект и объект — это участники, входящие в центр зоны внимания; остальные участники относятся к

⁶ Филлмор (Fillmore 1977/1981) в этом контексте употребляет термин перспектива, который, по-видимому, идет от Р. Якобсона — в Jakobson 1936/1985 противопоставляются центральные

периферии этой зоны; кроме того, участник ситуации может быть синтаксически невыразим при данном глаголе, т. е. находиться, так сказать, за пределами периферии — за кадром. Таков, например, участник-Наблюдатель при глаголе *показаться* в примере (5); см. также пример (7).

Понятие ранга отражает тот факт, что противопоставление субъекта и объекта прочим членам предложения коммуникативно значимо — оно выполняет определенную прагматическую функцию. Диатеза глагола определенным образом ранжирует участников, иногда “вопреки” их роли. Так, в (17) субъектом является участник, который по своей роли мог бы претендовать только на статус Периферия:

- (17) Его рассказы [Место] *пестрят* междометиями;
Эти реки [Место] *изобилуют* рыбой.

У глагола *содержать* (в значении, представленном фразой *Книга содержит массу опечаток*) тоже сдвинутая диатеза: участнику Место соответствует ранг субъект.

З а м е ч а н и е. Диатеза отражает ранжировку как она задана словарем и синтаксисом (так сказать, ранжировку по умолчанию; ср. Dowty 1991: 564); она может далее корректироваться линейно-интонационной структурой. Так, во фразе *Нами были получены следующие данные* пассив вывел Агенса из тематической позиции, предусмотренной для него словарем (ср. *Мы получили следующие данные*); но затем линейно-интонационная структура возвращает его в начальную позицию. Согласно Mel'čuk 2001, позиция агентивного дополнения в этом примере не является тематической.

Принципиальное значение для формирования понятия ранга имели соображения, высказанные в Wierzbicka 1980b: 70. В (18) при переходе от (18а) к (18б) происходит повышение в ранге (promotion) участника Место и понижение (demotion) участника ТЕМА; в позиции объекта в обоих случаях находится участник, который представляет главный интерес:

- (18) а. загрузил наши кирпичи на свой грузовик;
б. загрузил детский грузовик кирпичами.

То же в примере (19); в (19а) предметом внимания является участник *щель* (который занимает позицию объекта и имеет высокий ранг), а в (19б) — *деньги*:

- (19) а. заткнул деньги в щель; б. заткнул щель ватой.

Движение в обратном направлении — рецессия; в Veurens 1980 возвратные глаголы разделены на два класса: рефлексивные и рецессивные. У рефлексивных глаголов (как *одеться*) субъект остается на месте, а у рецессивных (как *сломаться*, *открыться*) он отступает на периферию или за кадр (*Ветер открыл окно — Окно открылось*).

Определение диатезы должно принимать во внимание тот факт, что роль может быть не вполне независима от синтаксической позиции. Так, Контрагент (Апресян 1974: 127) должен иметь ранг Периферия, иначе это Агенса:

- (20) Я получил от него указание; Я знаю это от Ивана; Она родила ребенка от иностранца.

падежи, входящие в перспективу, и периферийные, не входящие. В Dik 1989 соответствующая глава называется “Perspectivising the state of affairs: Subject and Object assignment”.

Средство (согласно Fillmore 1977/1981: 528) не может занимать позицию объекта. А Пациенс, напротив, должен быть объектом.

З а м е ч а н и е. Даути (Dowty 1991) не признает — на наш взгляд, справедливо — такие роли, которые целиком предопределены перспективой — т. е. рангом; имеются в виду понятия Фигура и Фон, которые в Talmy 1985 трактуются как роли (например, во фразе *Дерево рядом с домиком* Талми считает Фигурой *дерево*, а *Домик рядом с деревом* — *домик*).

§ 3. Обязательные и необязательные участники

У глагола в предложении может быть много разных подчиненных ему падежных и предложно-падежных групп, а также наречий и наречных групп (адвербиалов). Все они обозначают каких-то участников в концепте ситуации, заданном с помощью данного глагола. Принято считать, что участники (означаемые), равно как и подчиненные глагола (означающие), бывают двух видов: *а к т а н т ы* (для означаемых; соответственно, для означающих — синтаксические актанты) и *с и р к о н с т а н т ы* (для означаемых; для означающих — обстоятельство; термина синтаксический сирконстант нет). Это деление терминологически идет от Теньера, а по существу — от традиционной грамматики, которая отличала в предложении обстоятельство от подлежащего и дополнений. Например, в (1) *я* и *дыню* — синтаксические актанты (и актанты), а *на улице* — обстоятельство (и сирконстант):

(1) *Я* купил *дыню* на *улице*.

Актанты и сирконстанты — это, так сказать, главные и второстепенные участники ситуации, и это деление полезно для многих задач. Другое дело, что для разных задач это деление не обязательно совпадает, см. Успенский 1977, — поэтому различительные критерии так трудно сформулировать (попытки в этом направлении сделаны в Плунгян, Рахилина 1990, 1998, Падучева 1997а, 1998б, Филипенко 1998), см. *Приложение*.

Деление участников на актанты и сирконстанты казалось важным, когда речь шла, как в Мельчук, Холодович 1970, об исчислении диатез и залоговых конструкций. Но в принципе сирконстанты принимают участие в диатетических сдвигах наряду с актантами, см. Храковский 1998. Так что для понятия диатезы это деление не имеет принципиального значения.

§ 4. Проблема пропадающих актантов

В § 1 диатеза была определена как соответствие между ролями и синтаксическими позициями (а следовательно, рангами) участников. Тогда диатетический сдвиг — это перераспределение рангов участников, а мена залога — диатетический сдвиг, маркированный глагольной формой.

Эти определения, как легко видеть, основаны на том, что позиции участников с данной ролью могут меняться, оставляя набор ролей (семантических валентностей) глагола неизменным. Между тем на первом же этапе применения этих определений возникают затруднения: в ходе преобразований, которые

естественно относить к залоговым, а значит, диатетическим, участники могут не только менять ранги, но и, казалось бы, пропадать вовсе. Примером этого рода является “безагенсный” пассив:

- (1) *сообщается* о потерях;
занятия *проводятся* на воздухе;
подача газа *была приостановлена*.

В активном залоге глаголы *сообщать*, *проводить*, *приостановить* имеют Агенса. Между тем в пассиве, пример (1), Агенса не то что меняет ранг, а уходит из концепта ситуации вообще. А в таком случае употребление глагола в безагенсном пассиве не соответствует определению залога через диатетический сдвиг.

Существуют, однако, возможности интерпретации безагенсного пассива, которые позволяют вместить его в рамки наших определений. В Плуноян 2000: 199 предлагается считать исходными для примеров типа (1) конструкции типа (2), “неопределенно-личные”, т. е. с субъектом — “неопределенным лицом”:

- (2) *сообщают* о потерях;
занятия *проводят* на воздухе;
подачу газа *приостановили*.

В таком случае в пассивном залоге это неопределенное лицо просто меняет синтаксическую позицию: переходит из позиции подразумеваемого субъекта в подразумеваемое же агентивное дополнение.

Возможна и другая трактовка — конструкция типа (1) может быть получена из агентивной пассивной конструкции в (1′) трансформацией “опущение неспецифицированного Агенса”:

- (1′) *сообщается* <кем-то> о потерях;
занятия *проводятся* <кем-то> на воздухе;
подача газа *была приостановлена* <кем-то>.

В Плуноян 2000: 214 этот переход представлен как “интерпретирующая актанта́ная деривация” — опущение участника, выражающее его неопределенность. При такой трактовке (1) соотносится семантически с (1′) примерно так же, как (3а) с (3б) — в (3а) опущен неспецифицированный объект:

- (3) а. Больной поел; б. Больной поел *чего-то* <еды>.

Пропавшего участника усматривают иногда у медиальных декаузативов. Медиальная декаузативация, в том числе в примерах типа (4), трактуется в Плуноян 2000: 209 (вслед за Comrie 1985) как “понижающая актанта́ная деривация” — Каузатор утрачивает актанта́ный статус, так что у декаузативной ситуации на одного участника меньше. Исходный глагол представляет ситуацию как каузированную некой активной силой (в частности, лицом), а производный обозначает ситуацию, которая не имеет внешнего Агенса и происходит как бы сама по себе:

- (4) а. Порыв ветра *разбил* окно;
б. Окно *разбилось* от порыва ветра;
в. Окно *разбилось*.

Но такое осмысление семантического соотношения между (а) и (в) в (4) противоречит интуиции. В Падучева 2001а было обосновано соотношение

между *разбить* и *разбиться* как мотивированное двумя сдвигами — декаузативацией, которая является обычным диатетическим сдвигом, подобным пассиву, и не меняет числа участников, и интерпретирующей актантной деривацией, которая обеспечивает опущение участника Каузатор в ситуации, когда о его референте ничего не сообщается: причина наступившего изменения состояния может быть неизвестна, несущественна — или, напротив, она слишком явно подразумевается контекстом. Декаузатив на самом деле полностью аналогичен пассиву, разница только в том, что в пассиве Каузатор — Агенс, а в декаузативной конструкции — все что угодно, но не Агенс. Тогда Каузатор в (4в) — неопределенная причина в том же смысле, в каком Агенс — неопределенное лицо в (1).

§ 5. Диатетический сдвиг

В § 1 мы представляли диатезу сокращенно — как набор пар вида ⟨роль, позиция⟩. В полном виде диатеза — это таблица, в которой строка соответствует участнику, а столбцы — его атрибутам: первый столбец — переменная, т. е. имя участника; второй — его синтаксическая позиция (форма) и тем самым ранг, третий — роль, четвертый — таксономический класс.

Диатеза — это то же, что актантная (ролевая) структура, ср. термин аргументная структура в Grimshaw 1990. Но термин актантная структура неоднозначен — он может употребляться также в значении набора ролей лексем, так что у лексем, которые различаются только диатезой, актантная структура будет общей⁷.

Набор морфо-синтаксических позиций, сопоставленных каждому из участников, мы назвали выше конфигурацией. Изменение конфигурации является диатетическим (ранговым) сдвигом, если меняются только ранги участников, а роли и другие аспекты значения слова остаются неизменными. Таков, например, сдвиг актив — пассив, см. пример (1) из § 1 и правило (1#) (Т-классы в диатезах мы опускаем):

- (1) а. Разбойники *убили* крестьянина; б. Крестьянин *был убит* разбойниками.
 (1#) X | Сб | Агенс ⇒ Y | Сб | Пациенс
 Y | Об | Пациенс X | Периф | Агенс

Набор ролей у глагола остается неизменным, так что мена конфигурации в (1) — это чисто ранговый сдвиг. Рассмотрим, далее, предложение (2б):

- (2) а. Я открыл дверь *своим ключом*;
 б. *Новый ключ* открыл дверь без труда.
 (2#) X | Сб | Агенс Z | Сб | Инструмент
 Y | Об | Пациенс ⇒ Y | Об | Пациенс
 Z | Периф | Инструмент X | З/кдр | Агенс

В позиции субъекта тут оказывается Инструмент. Инструмент предполагает Агенса, который в (2б) отсутствует. Но Агенс отсутствует только на синтаксическом уровне. Он остается в числе участников ситуации, описываемой глаголом *открыть* (это он является субъектом оценки для *без труда* в (2б)), но

⁷ Модель управления по И. А. Мельчуку (1974: 70) задает не одну, а сразу все диатезы лексем — с помощью сложных правил о несовместимости синтаксических позиций.

в контексте, где Инструмент возвысился до ранга субъекта, уходит за кадр. Таким образом, соотношение между (2а) и (2б) — это чисто ранговый сдвиг.

Продвижение периферийного участника в ранг субъекта — продуктивный процесс (см. о диатезах этого типа в Кузнецова О. 1966, Григорьян 1986 и 2000, Nishimura 1993):

Этот могущественный предмет [деньги] с легкостью *покупал* все, что вам было угодно (Зощенко. Возвращенная молодость); Мне и рубля не *накопили* строчки (Маяковский).

Ранговые сдвиги, такие как в *Он загородил проход мешками — Мешки загородил(и) проход*; *Эта новость наполнила сердце радостью — Сердце наполнила радость*; *На рисунке изобразили пляшущих человечков — Рисунок изобразил пляшущих человечков*; *Ветер хлопал дверью на террасе — На террасе хлопала дверь*; *Соппротивление только укрепило ее намерения — От соппротивления ее намерения только укрепились*; *Она смотрела вдаль усталыми глазами — Ее усталые глаза смотрели вдаль*, представляют интерес в связи с метонимией и семантикой фокуса внимания, см. гл. 5 (о метонимической трактовке примеров этого типа см. Шмелев Д. 1973: 227).

Еще пример:

(3) а. Сигарета прожгла дырку на скатерти; б. Сигарета прожгла скатерть.

Диатетический сдвиг, который соотносит друг с другом эти употребления глагола *прожечь* (а также *пробить*, *прорезать*, *проломить* и др., см. Апресян 1974: 205), описывается правилом (3#). Участник Z уходит за кадр. Меняется роль участника Y — он становится еще и Пациентом; но именно в этом выражается его повышение в ранге:

(3#)	X	Сб	Каузатор	⇒	X	Сб	Каузатор
	Z	Об	Результат		Y	Об	Место/Пациент
	Y	Периф	Место		Z	З/кдр	Результат

Соотношение между употреблениями *резать* в (4а) и (4б) — это тоже мена рангов:

(4) а. Я *резал* мясо тупым ножом;
 б. Нож *резал* плохо, у меня вся рука в мозолях.

(4#)	X	Сб	Агенс	⇒	Z	Сб	Инстр
	Y	Об	Пациент		Y	Об	Пациент
	Z	Периф	Инстр		X	З/кдр	Агенс

В предложении (4в) *резать* не процесс, как в (4б), а свойство:

(4в) Эти ножницы *режут* только бумагу;

но (4в) получается меной таксономической категории из (4б); так что изменение конфигурации по правилу (4#) дает чисто ранговое смещение.

З а м е ч а н и е. Закадровый Агенс есть у глагола *резать* в значении неагентивного процесса в примере (4б), поскольку в исходном употреблении *резать* — действие. Этим глагол *резать* отличается, например, от *гореть*, который обозначает процесс в исходном употреблении, и описываемая им ситуация не подразумевает целеполагающего Агенса — ни в роли каузатора, ни в роли инициатора (instigator) процесса (инициатор в семантике *гореть* постулируется в Апресян В. 1991). Хотя дрова горят обычно потому, что их кто-то разжег, а солома — нет, предложения *Дрова горят* и *Солома горит* описывают ситуацию с одним и тем же набором участников.

Фраза *Дрова горят хорошо* предполагает, из-за *хорошо*, субъекта оценки, но им, скорее всего, является говорящий.

В примере (5) дело обстоит иначе; здесь мена конфигурации сопровождается изменением таксономической категории глагола:

(5) а. Маша *залила* картошку в о д о й; б. В о д а *залила* луга.

У участника *вода* в (5а) и (5б) разные Т-классы: в (5а), где *залить* выступает как глагол действия, *вода* — Средство, которое Агенс использует для достижения своей цели, ее Т-класс — МАССА; в (5б) *вода* имеет Т-класс ПРИРОДНАЯ СИЛА и роль Каузатор: в отличие от Агенса, Каузатор не способен пользоваться инструментами и средствами; слово *вода* в (5б) сохраняет, в качестве побочного, Т-класс, который она имела в (5а), но не роль Средства. Таким образом, преобразование в примере (5) — это не чисто ранговый сдвиг: кроме рангов, меняются Т-классы и роли участников глагола *залить*, а также категория самого глагола — т. е. его собственное значение.

И еще один пример, более сложный:

(6) а. залить б е н з и н [Y] в бак [Z]; б. залить бак [Z] б е н з и н о м [Y].

Будем считать исходной диатезой глагола *залить* ту, которая представлена примером (6а). В (6б) участник Z переходит из периферии в центр, получая ранг объекта. При этом, однако, роли участников не остаются неизменными:

(6#) а. ⟨Тема-Об, Место-Периф⟩ ⇒
б. ⟨Место/Пациенс-Об, Тема/Средство-Периф⟩.

Толкование глагола в диатезе (6б), смещенной, включает компонент ‘т е м с а м ы м Z изменил состояние’ — он и обосновывает для участника Z повышение в ранге до объекта и вторую роль — Пациенс. Одновременно, уход на периферию не остается бесследным для участника Y: становится явной его роль Средства.

Как мы видели в § 2, роль бывает не независима от позиции. И изменение ролей участников при переходе от (6а) к (6б), вообще говоря, можно представить как следствие изменения их синтаксических позиций: участник *бак* получил роль Пациенс потому, что он попал в позицию объекта; а *бензин* получил роль Средство, будучи вытеснен на периферию. Иными словами, новая конфигурация выражает тот факт, что именно изменение состояния бака было целью Агенса. Так что если речь идет о ролях, то их изменение можно считать выражением ранга; значение *залить* в (6а) и (6б) могло бы быть одно и то же. Однако между (6а) и (6б) имеется смысловое различие, которого не видно на уровне ролей. Правило (6#) применимо к глаголам, описывающим приведение массы (или эластичного предмета) в контакт с местом (по объему, по поверхности, периметру, поперечнику), см. Падучева, Розина 1993. Предложения (6а) и (6б) означают, соответственно, (6а#) и (6б#):

(6а#) ‘X переместил Y [МАССА] в Z [МЕСТО]’;
(6б#) ‘X переместил в Z [МЕСТО] Y [МАССА]; тем самым Z изменил состояние’.

Формула (6а#) выражает перемещение: нечто произошло с массой; а (6б#) — изменение состояния: нечто произошло с местом. Так что в примере (6) мена конфигурации приводит к изменению тематического класса глагола: в (6а) *залить* — глагол перемещения объекта, а в (6б) — изменения состояния; сдвиг, описываемый формулой (6#), не чисто ранговый.

Примеры типа (б) привлекли к себе внимание в связи с семантикой “полного охвата” — холистической интерпретацией (см. Fillmore 1968a, Апресян 1974: 279; Pinker 1989: 78; Levin 1993: 52), характерной для глаголов контакта с поверхностью. В самом деле, (6б), в отличие от (6а), означает, что был заполнен весь бак.

За холистическую интерпретацию *залить* отвечает приставка *за-*, которая в контексте фразы (6б) означает ‘полностью’ и имеет сферой действия Место. Филлмор (в Fillmore 1977/1981: 528) пишет: “если {...} предмет подвергается воздействию как бы полностью, то этот новый статус {...} служит основанием для включения его в перспективу предложения”. Едва ли семантика полного охвата сама по себе предопределяет ранг участника; но она помещает этого участника в фокус внимания, а это обеспечивает ему высокий ранг.

В русском языке мена диатезы по модели (6#) допускает лишь небольшое число глаголов. В самом деле, чтобы у глагола были возможны обе диатезы, нужно, чтобы приставка наряду со значением перемещения, направленного на Конечную точку, как в (6а#), имела значение изменения состояния, как в (6б#), обеспечивающее диатезу {...Место / Пациент-Об, Тема / Средство-Периф}. У *за-* такое значение перемещения есть, но это должно быть перемещение за край — как в *засыпать, завалить, загрузить*, см. Зализняк 1995. Скажем, для *застелить* перемещение такого рода исключено. Поэтому:

(7) а. *застелил скатерть на стол; б. застелил стол скатертью.

Семантика полноты охвата не является общей для всех глаголов, допускающих мена диатезы по правилу (6#) от (а) к (б). Так, приставка *по-* не выражает значения полноты охвата; поэтому у глаголов с *по-* ранговый сдвиг не сопряжен с холистической интерпретацией:

(8) а. посыпал соли на хвост; б. посыпал хвост солью;

(9) а. повязал платок на шею; б. повязал шею платком.

У глаголов с приставкой *об-*, обозначающих круговое движение, различие в полноте охвата тоже просматривается с трудом:

(10) а. обмотал шею шарфом; б. обмотал шарф вокруг шеи.

Итак, мена конфигурации в примерах (5), (6) в отличие от (1)–(4) не является диатетическим (ранговым) сдвигом; ей соответствует продуктивное лексическое правило (lexical rule, Dowty 1979: 360), которое преобразует словарное толкование. Это правило меняет не только ранги участников, но и тематический класс глагола, приписывает интерпретацию полноты охвата — словом, строит из одного толкования другое.

Как и все другие параметры лексического значения глагола, диатеза может различать не только разные значения одного слова, как в примере (7), но и разные слова. Так, с некоторой натяжкой, можно считать, что у глаголов *бояться* и *пугать* одна и та же актанта структура, но разные диатезы:

(11) а. бояться ⟨Эксперимент-Сб, Содержание-Об⟩;

б. пугать ⟨Каузатор-Сб, Эксперимент-Об⟩.

Пары типа *бояться* — *пугать* были названы в Апресян 1974: 256 конверсивами. Надо сказать, что подлинными конверсивами, т. е. слова, семантическое соотношение между которыми сводится к чисто ранговому, встречаются редко,

если вообще существуют. Слова *бояться* и *пугать* рассматриваются в гл. III.4, где показано, что конфигурация оказывает влияние на набор ролей участников. Ср. также глаголы *купить* и *продать*, типичные конверсивы. Нельзя сказать, что роль у покупаемого — Товар: покупающий приобретает Ценность; а Товар — это то, что продается. Так что набор ролей у *продать* и *купить* разный. Иначе говоря, в толкованиях глаголов *купить* и *продать* Агенсы различаются целями: цель Покупателя — в обмен на деньги получить Ценность; цель Продавца — получить деньги в обмен на Товар.

Говоря о диатезе, следует подчеркнуть особый статус рефлексивов. Перемежная толкования, как уже говорилось, не может быть использована для референциальной идентификации участников; скажем, во фразе *Слишком он любит самого себя* у *любит* два разных участника: глагол *любить* предполагает две роли. Поэтому наших атрибутов участника недостаточно для описания такого залогового преобразования, как рефлексивизация. Чтобы представить рефлексивизацию как диатетический сдвиг, необходимо включить в диатезу референциальный идентификатор, т. е. информацию о кореферентных связях между участниками, ср. Храковский 1981, Geniušienė 1987: 53. В Плуноян 2000: 212 рефлексивизация описывается не как диатетический сдвиг, а как интерпретирующая актантная деривация.

§ 6. Расширение сферы применения понятия диатезы

6.1. Прямая и косвенная диатеза

Сфера применения понятия диатезы со временем расширилась (например, в широком смысле диатеза понимается в статье Крылов 2001). Примером нестандартных диатез являются (выявленные в Падучева 1999б) прямая и косвенная (иначе — параметрическая) диатезы у глаголов, подчиняющих косвенный вопрос или параметрическое имя. Так, в (1а) прямая диатеза: один из участников — Результат выбора; а в (1б) косвенная — Результат выбора не указан и указан быть не может:

- (1) а. Американцы *выбрали* президентом Буша;
 б. Американцы *выбрали* президента.

Понятие косвенной диатезы позволило обнаружить важное синтаксическое явление — корреляцию между диатезой и видом в нескольких различных тематических классах глаголов (см. об этом в гл. III.3 и IV.2); например, в контексте *выбирают президента* несов. вид имеет обычное значение, а в контексте *выбирают президентом Буша* форма НСВ может быть понята разве что в значении наст. исторического.

Параметрическая диатеза — это синтаксическая конструкция с нетривиальным сочетаемостным ограничением, см. Падучева 1980; а именно, если участник Параметр занимает при глаголе позицию объекта, то значение параметра уже не может быть выражено синтаксическим актантом глагола (**выбрал себе жену Марию; *назначила цену своей любви смерть*). Значение параметра, выраженное неререферентным именем, может присоединяться — аппозитивной связью — к имени параметра (*выбрал себе профессию машиниста; назначил пенсию в 500 тысяч*), но никогда не к самому глаголу.

Прямая / косвенная диатеза может различать значения одного слова и слов между собой. Так, у глагола *решить* есть прямая диатеза, как в (2а), и косвенная, как в (2б):

(2) а. решил уехать \; б. решил \, что делать _ .

А глагол *предпочесть* отличается от *решить* тем, что у него единственная возможная диатеза — прямая: *предпочел уехать *.

6.2. Диатеза с Наблюдателем

Диатеза с Наблюдателем может быть продемонстрирована на глаголах восприятия:

(3) а. Охотник *обнаружил* на опушке следы медведя;
б. На опушке *обнаружились* следы медведя.

В (3б) мена диатезы маркирована возвратной частицей: в результате декаузативации участник Перцепт перемещается в позицию субъекта, а Эксперимент покидает субъектную позицию, которую он занимал в (3а), и уходит за кадр, становясь Наблюдателем.

6.3. Расщепление генитивной группы; диатезы с внешним Посессором

— Своими брюками ⟨...⟩ вы нарушаете праздничную атмосферу здешних мест...

С. Довлатов. Чемодан

К диатетическим сдвигам можно отнести расщепление (расчленение) генитивной группы (ГГ)⁸. В примерах (4), (5) у глагола в предложении (а) исходная диатеза, тогда как диатезу глагола в (б) можно назвать расщепленной:

(4) а. [Сын Маши Смит] пошел в школу;
⇒ б. [У Маши Смит] [сын] пошел в школу.
(5) а. [Жалобы этой женщины] мне надоели;
⇒ б. [Эта женщина] надоела мне [своими жалобами].

В генитивной группе различается о п о р н о е имя (например, в (5а) — *жалобы*) и подчиненный ему генитив — слово в род. падеже или группа с генитивной вершиной (в (5а) — *этой женщины*). Исходя из того, что генитивная группа выражает, в широком смысле, посессивное отношение, можно назвать генитив Посессором, а опорное имя — Обладаемым (Payne, Varshi 1999)⁹. Тогда в (4б) мы имеем, согласно Кибрик 2000, конструкцию с экстрапозицией Посессора, который теперь непосредственно подчинен глаголу, наряду с Обладаемым (у *Маши* и *сын* подчинены *пошел*), а в (5б) — конструкцию с Подъемом Посессора (Посессор непосредственно подчинен глаголу: *эта женщина* подчинено *надоела*) и экстрапозицией Обладаемого в более периферийную позицию: *жалобы* в им. падеже, а в (5б) — в твор. Оба расщепления дают конструкцию с внешним Посессором, синтаксически отделенным от своего Обладаемого.

⁸ Это явление описано в Апресян 1974: 152—155 как расщепление валентностей.

⁹ Посессивные группы во всех существенных отношениях ведут себя так же, как генитивные: *мой сын пошел — у меня сын пошел; твои жалобы надоели — ты своими жалобами надоела*.

В Падучева 1974: 235 конструкции типа той, что представлена примером (4), интерпретировались как диатеза с детерминантом (термин детерминант принадлежит Н. Ю. Шведовой; он упоминается в связи с расщеплением в Мельчук 1995: 139). Термин детерминант удачно отражает существо дела; так, Посессор, который в исходной структуре входил в состав субъекта, в позиции детерминанта соотносится со всем предложением, в частности служит контролером для всех нулевых заместителей:

- (6) [Диагональ ромба_i] [является его_i осью симметрии] ⇒
[У ромба_i] [диагональ ∅_i является осью симметрии ∅_i].

Аналогично в примере (7) (из Падучева 1974: 235); в диатезе с детерминантом у глагола *соответствуют* возникает “лишняя” (по сравнению со словарным набором ролей) синтаксическая позиция — для детерминанта с предлогом *у*; а у подчиненных глагола, напротив, пропадает синтаксическая позиция; чьи *валентности* и чьи *актанты* — это показывает детерминант:

- (7) а. Синтаксические валентности *наречий* не соответствуют *их* семантическим актантам.
⇒ б. У *наречий* синтаксические валентности не соответствуют семантическим актантам.

В Мельчук 1995: 150 этот тип расщепления подробно рассмотрен на примере посессивной группы с опорным словом Т-класса ЧАСТЬ ТЕЛА и назван фокализацией.

Конструкция с подъемом Посессора и экстрапозицией Обладаемого рассматривались в Арутюнова 1976: 156—161 на примерах типа:

- (8) [Его поведение] меня удивило ⇒ [Он] удивил меня [своим поведением].
(9) [Величие гор] поражает ⇒ [Горы] поражают [своим величием].

Расщеплению подлжит и экскорпорированный участник:

- [Ее усталые глаза] смотрели вдаль ⇒ [Она] смотрела вдаль [усталыми глазами].

Расщепление посессивной группы естественно представлять как диатетический сдвиг, поскольку здесь, как и при мене диатезы в классическом смысле слова, соответствие между участником с данной ролью и его синтаксической позицией меняется по крайней мере в двух местах; так, в примерах (4), (5) появляется, во-первых, запрет посессивной валентности у опорного имени и, во-вторых, лишняя синтаксическая позиция — для Посессора в (4) и для Обладаемого в (5) — у глагола¹⁰.

Д. Н. Шмелев (1973: 226), обсуждая диатетический сдвиг

- (а) Он осветил картину рефлектором ⇒ (б) Рефлектор осветил картину,

где участник в твор. падеже переходит в позицию субъекта, выдвигает в качестве возражения пример (в), где твор. падеж по-прежнему присутствует:

- (в) Рефлектор осветил картину слабым светом.

Из нашего материала видно, однако, что (в) является результатом расщепления (г) —

- (г) Слабый свет рефлектора осветил картину —

¹⁰ Расчлененная — с лишней валентностью — диатеза глагола *колотить* (**колотил голову Петра* ⇒ *колотил Петра по голове*) отражена в Мельчук 1974: 137 как одна из возможностей в модели управления.

и не может служить опровержением сдвига (а) \Rightarrow (б).

Различие между слитной и расщепленной диатезой может быть маркировано рефлексивным показателем; см. примеры, которые приводятся, в другой связи, в Апресян 1974:

[Голова куклы] *вращается* \Rightarrow [Кукла] вращает [головой];
[Направление ветра] *изменилось* \Rightarrow [Ветер] *изменил* [направление].

Расщеплению может быть подвергнута далеко не всякая генитивная группа и не всегда. Обязательное условие — стативность предиката. Так, в примере (4) конструкция с детерминантом допустима при условии, что *пошел* интерпретируется в стативном значении ‘начал ходить в школу’ (см. о стативном и событийном компоненте в семантике СВ в гл. IV.3 и о предлоге *у* в этой связи — в Вайс 1999), ср. *У Маши муж писатель* и **У Маши муж подарил мне свою книгу*; вариации типа *Окна гостиницы выходят на юг/Гостиница выходит окнами на юг* возможны только при стативном значении *выходить*.

Возникает вопрос, какой вклад вносит расщепление в семантическую интерпретацию предложения. В Кибрик 2000 отмечено, что расщепление генитивной группы возможно в русском языке в позиции субъекта, объекта и обстоятельства. Расщепления в объектной позиции в высокой степени лексикализованы, см. Podlesskaya, Rakhilina 1999. Мы ограничимся расщеплением посессивной группы в позиции тематического субъекта и тематического обстоятельства, как в примере (11) ниже. В этом случае экстрапозиция Посессора переводит Посессора в тематическую позицию, см. *у Маши* в (4б), а экстрапозиция Обладателя переводит Обладательное на периферию — в рематическую позицию, см. *жалобами* в (5б).

То, что диатетические сдвиги в целом связаны с изменением коммуникативного ранга участников, можно считать установленным фактом. Что же есть специфического именно для диатез с внешним Посессором?

В Кибрик 2000 используется для описания семантики расщепления понятие фокус эмпатии (см. Chafe 1976/1982, Kuno, Kaburaki 1977; в последней работе эмпатия определяется как “отождествление говорящего с лицом, участвующим в описываемом событии”, с. 628). Представляется более обоснованным обращение к двум (взаимно дополнительным) другим понятиям — автономная референция (Keenan 1976) и референциальная (или денотативная) зависимость (см. Падучева 1979, 1985: 151). А именно, речь идет о зависимости референции имени от аргумента (argument dependence). Так, слово *сын* (как и другие реляционные имена — *причина*, *часть*) не обладает автономной референцией; в (4а) оно находится в референциальной зависимости от своего аргумента — имени *Маша Смит*, которое уже не зависит ни от какого другого имени¹¹. Заметим, что референциальная зависимость остается у слова *сын* и в (4б), где оно уже не подчиняет себе своего аргумента.

Э. Кинэн рассматривает автономную референцию как одно из свойств подлежащего. Скорее всего, данное свойство подлежащего — следствие его предпочтительно тематической позиции в начале предложения (которая отразилась

¹¹ Как сказано в Langacker 1993, основная функция посессива состоит в том, что “одна сущность используется как точка отсчета для установления ментального контакта с другой сущностью”.

в традиционном определении: “подлежащее — это то, о чем говорится в предложении”, т. е. тема). Поэтому можно думать, что имеется более общий Принцип “референциальной упорядоченности” построения предложения, связывающий структуру имени с его местом в коммуникативной структуре предложения (ср. о связи номинации объекта с его местом в актуальном членении предложения в Падучева 1978):

Референциально автономное имя (в частности — имя с референцией, известной говорящим) должно быть введено в рассмотрение раньше, чем имена, которые от него референциально зависят.

Так, сочетание *Маша Смит и ее муж*, при отсутствии специальных “возмущающих” коммуникативных обстоятельств, конечно, лучше, чем *муж Маши Смит и она (сама)*.

Предложение построено удачно, если в нем есть единая “референциальная вершина”, от которой зависят все неавтономные имена и которая занимает в предложении позицию темы. В русском языке темой может быть подлежащее, детерминант с предлогом *у*, как в (4б), и почти любая ИГ, вынесенная в начальную позицию. Так что предложение (5б) лучше, чем (5а), поскольку в нем Посессор оказывается, в результате сдвига, в позиции подлежащего.

Еще лучше, если референциальная вершина является одновременно анафорической, т. е. контролирует местоимения и нулевые заместители: это придает построению референциальную компактность. Так, предложение (10б) лучше, чем (10а), поскольку в нем Посессор хотя и не субъект, но продвинут в позицию темы (меной порядка слов):

(10) а. Муж *Маши* побил *ее*; б. *Машу* побил *ее* муж.

В (11) от Посессора *разносторонний треугольник* референциально зависит не только *сторона*, но и *угол*:

(11) а. [Против наибольшей стороны разностороннего *треугольника_i*] [лежит наибольший *его_i* угол] ⇒ б. [У разностороннего *треугольника_i*] [против наибольшей стороны $\emptyset_i лежит наибольший угол $\emptyset_i].$$

Отсюда так наз. “миропорождающая” роль детерминанта (Богуславский 1996: 444 и сл.) — в самом деле, детерминант замыкает валентности сразу всех реляционных имен предложения.

Референциальная компактность построения играет важную роль в предложениях с кванторными прилагательными; так, (12б) существенно лучше, чем (12а):

(12) а. [Биссектриса угла при вершине *всякого* равнобедренного треугольника] является осью симметрии ⇒ б. [У *всякого* равнобедренного треугольника] [биссектриса угла при вершине] является осью симметрии.

Другая область, где референциальные зависимости дают себя знать, — возвратные местоимения. Именная группа, в которой референциальные зависимости делают круг (как, например, в сочетании *слуга своего господина*), референциально неполноценна, т. е. не может иметь конкретной референции, Падучева 1985: 203.

Что касается понятия эмпатии, то оно применимо, строго говоря, только к именам лиц. Поэтому его можно сопоставить с понятием носитель точки зрения (НТЗ), которое в Падучева 1978 демонстрируется на примерах типа (13):

- (13) Однажды царь жестоко поссорился со старшим сыном и в припадке бешенства избил его [НТЗ—царь]. От страшного потрясения и побоев царевич Иван слег и скоро умер [НТЗ—царевич Иван]. Смерть *старшего брата* [НТЗ—Федор] открыла перед *Федором* путь к трону.

Показательно, что в последнем предложении носитель точки зрения тематической позиции не занимает.

Понятие фокуса эмпатии демонстрируется в Kuno, Kaburaki 1977 на примере посессивных групп с Посессором—лицом; так, (14а) лучше, чем (14б), поскольку в (14а) фокус эмпатии—референциально независимое имя—находится в тематической позиции.

- (14) а. *John hit his wife*; б. *Mary's husband hit her*.

Однако то же самое явление можно продемонстрировать на предложениях, участниками которых не являются люди; так, (15а) лучше, чем (15б):

- (15) а. *Событие* более важно, чем *его причина*;
б. *Причина события* менее важна, чем *само событие*.

А если участники не люди, то с кем в предложении говорящий может идентифицироваться, т. е. на чью точку зрения встать? И вообще, при чем здесь говорящий? Говорящий важен лишь в том случае, если считать, что он участвует в определении Темы. Скорее важен слушающий, которому легче отсчитывать референцию начиная с референциально независимого имени в тематической позиции.

Поскольку понятие эмпатии определено нечетко, оно иногда смешивается с понятием Наблюдателя. Так, в Israeli 1997: 24 два понимания слова *теряться* приписываются разнице в эмпатии:

- (16) а. Когда мы с Максимом ходим в универмаг, он всегда *теряется*;
б. Когда я вхожу в этот огромный универмаг, я всегда *теряюсь*.

Между тем достаточно сказать, что первое из двух значений *теряться* (оба предусмотрены в МАС) относится к тематическому классу глаголов восприятия и требует Наблюдателя (так что *потерялся*—как и *нашелся*, *утратился*—предполагает субъекта, который вначале имел нечто в зоне внимания, а потом перестал иметь), а второе обозначает эмоцию ‘от волнения не знать, как поступить’ и Наблюдателя не требует. В любом случае эмпатия здесь ни при чем.

6.4. Сдвоенные роли

Соотношение между ролями участников и их позициями усложняется за счет того, что один синтаксический акт может кодировать одновременно несколько ролей, см. (17) (примеры этого рода приводятся в Вайс 1999—мы предлагаем им иную интерпретацию):

- (17) Проблема залога обсуждается у *Пешковского*.

Вопрос в том, как идентифицировать семантическую роль участника, обозначенного группой *y* + род. (*y Пешковского*).

Следующая серия диатетических сдвигов меняет ранги участников глагола *обсуждать(ся)*:

- (18) а. В своем “Синтаксисе” [Y] Пешковский [X] *обсуждает* проблему залога [Z];

- б. В “Синтаксисе” [Y] Пешковского [X] *обсуждается* проблема залога [Z];
 в. У Пешковского [Y/X] *обсуждается* проблема залога [Z].

Из (18а) — (18в) видно, что группа *у + род.* имеет двойную функцию: она обозначает, во-первых, Агенса (*у Пешковского обсуждается Z* \supset ‘Пешковский обсуждает Z’) и, во-вторых, метонимически, созданные им тексты — те тексты, в которых обсуждается *Z* (*у Пешковского обсуждается Z* \supset ‘в текстах Пешковского обсуждается Z’): группа *у + род.* выражает обязательного для глагола речи (см. гл. III.6) участника Текст.

Цепь превращений, представленная примером (18), возможна для многих возвратных глаголов речи: *у X-а излагается, оговаривается, рассказывает, описывается, обсуждается, сообщается* (на первой странице), *объявляется, отмечается, замечается, упоминается* и др.; а также для ряда ментальных глаголов, предполагающих, опять-таки, результат в виде текста: *у X-а исследуется, расследуется, изучается, анализируется, вскрывается, выясняется* (причина), *определяется* (так-то), *вычисляется, устанавливается* и др. Интересно, что в близком по структуре предложении (19) совмещения ролей нет — группа *у + род.*, обозначая, как и в (18), совокупность текстов, не выражает Агенса глагола *проследживать*:

- (19) Эта мысль *проследживается* у Тютчева.

* * *

Итак, мы заключаем. Не существует объектов, “объективно” присутствующих во фрагменте действительности. Все зависит от концептуализации, которую предлагает выбранный говорящим глагол (ср. Успенский 1977: 78); от того, какие объекты выделяет в этом фрагменте говорящий, используя данный глагол в данной его диатезе. Диатеза — важный параметр лексического значения глагола, необходимый для выявления единства значения слова в разных контекстах. Ранговый сдвиг следует принимать во внимание даже в том случае, когда он не является единственным следствием изменения синтаксического контекста глагола.*

Приложение

Актанты и сирконстанты

Мы разберем по отдельности несколько задач, в которых используется деление участников на актанты и сирконстанты¹², и покажем, что деление проводится для разных задач по-разному.

ЗАДАЧА 1 — представление информации об участниках в словаре. Словарь в классической модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” задает сведения только об актантах глагола, а актантами являются те участники, которым соответствуют переменные

* Автор выражает благодарность Барбаре Парти, В. Б. Борщеву и Е. В. Рахилиной за обсуждение и критику первоначальных версий этой главы.

¹² Различие между актантами и сирконстантами соответствует противопоставлению подлежащего и дополнений обстоятельствам традиционной грамматики, см. Мельчук 1974: 287. В американской лингвистике приблизительно то же противопоставление передается терминами аргумент — адьюнкт.

в толковании. Предполагается, что сведения о сирконстантах должны содержаться в грамматике, практически — в словарных статьях отдельных слов; так, обстоятельство причины выражается целой совокупностью предлогов — *от*, *из-за*, *с* и др., и в Иорданская, Мельчук 1996 описано значение и сочетаемость для каждого в отдельности¹³.

Критериев, выявляющих актантный статус участника, фактически нет. В Мельчук 1974: 134 говорится: “актанты ситуации определяются ⟨...⟩ толкованием соответствующего слова”; точнее было бы сказать, что они задаются толкованием. Согласно Апресян 1974: 21, участник обязательный (т. е. актант: Ю. Д. Апресян термин сирконстант не употребляет), если толкование не может быть дано без его упоминания. Аналогично, в Богуславский 1996: 23 говорится, что актант — это участник, которого “необходимо упомянуть в толковании, чтобы истолковать слово исчерпывающим и избыточным образом”.

Выявляя актанты, толкователь использует своего рода структурный принцип: актанты играют смыслообразительную роль — один глагол может отличаться по смыслу от другого набором своих актантов. Например, участие денег отличает ситуацию покупки от изъятия; обязательным наличием Инструмента глагол *высечь* отличается от *побить*, поскольку чтобы высечь, нужен инструмент, а побить можно и руками, так что у *побить* Инструмент, скорее всего, сирконстант¹⁴; наличие Инструмента у глагола *прибить* (Апресян 1980: 55) отличает его от *прикрепить*. У *резать* Инструмент — обязательный участник, актант, поскольку толкование должно указать, что он имеет острый край, см. толкование *резать* в ТКС. Однако структурный принцип не всегда выдерживается.

Другой принцип — семантическая обязательность. В Богуславский 1996: 101 говорится, что актанты — это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты — факультативные.

Принцип обязательности не является общепризнанным. Согласно Апресян 1974: 125, актанты могут быть семантически факультативными. Примеры (1), (2), казалось бы, это подтверждают — *сказать* ⟨что-то⟩ можно просто с целью выразить свою мысль, а можно в ответ на что-то, сказанное ранее:

(1) Что он сказал?; (2) Что он *на это* сказал? [участник *на это* факультативный].

Еще пример: *побить* можно за что-то или просто так —

(3) а. Его побили хулиганы;
б. Его побили за *предательство* [участник за *предательство* факультативный].

Однако факультативный актант, поскольку ему соответствует в толковании вводящий его семантический компонент, изменяет значение слова¹⁵; а тогда

¹³ При этом правила сочетаемости, сформулированные в словарной статье предлога, все равно требуют обращения к семантическим свойствам (таким как контролируемость, желательность и проч.), которые должны быть ясны из словарной статьи глагола.

¹⁴ Другое дело, что, чтобы *бить* / *колотить* (см. о *колотить* Мельчук 1974: 136), необходимо привести в контакт двух участников; однако в *колотить бутылкой по забору* ни один участник не Инструмент.

¹⁵ Факультативный компонент — это дизъюнкция двух толкований, из которых одно включает этот компонент, а другое — нет, ср. о дизъюнкции в толкованиях Урысон 1998.

у каждой л е к с е м ы, т. е. слова, взятого в определенном значении, все актанты — обязательные участники ситуации. Так, в (2б) предложная группа *на* + вин. переводит глагол *сказать* в тематический класс глаголов реакции — к которому относятся также глаголы *ответить*, *возразить*, *отказаться*; *нахмуриться*, *побледнеть* и др. Смысл глагола *побить*, который нормально не включает идеи ‘за что-то’, в (3б) расширяется за счет компонента «нанесение ущерба в целях восстановления справедливости» (Падучева 1997а), что переводит глагол в тематический класс глаголов возмездительного действия, таких как *оштрафовать*, *поблагодарить*.

Примеры (4), (5) показывают, как отсутствие актанта Адресат изменяет значение глагола *сказать*:

- (4) Неужели он *сказал* это вслух?
 (5) Ты *сказал* так тихо, что никто не слышал.

Согласно Wierzbicka 1996, глагол *сказать* не предполагает Адресата в качестве обязательного участника — в самом деле, *сказать* допустимо в контекстах типа (4), (5). Однако тут *сказать* ≈ ‘произнести’; только участие в ситуации Адресата превращает значение ‘произнести’ в более обычное ‘сообщить’.

В (6) предложная группа с предлогом *перед* придает глаголу *краснеть* значение ‘стыдиться’:

- (6) Мне еще придется *перед ним* краснеть.

Но даже если принять принцип обязательности актанта для лексем, это не решает дела, поскольку неверно, что участники, которых обычно считают сирконстантами, факультативные. Наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как Цель или Причина, есть сирконстанты, которые характеризуют ситуацию по ее обязательным параметрам: из действия нельзя изъять время (если на вопрос *Когда произошло?* ответ *Никогда*, это значит ‘не произошло’); из движения, например бега, — скорость; из звука — громкость, ср. Падучева 1997а, Филипенко 1998. Обязательность участника-сирконстанта зависит от того, является ли он параметром или атрибутом: параметр, например Время, если он у данной ситуации есть, обязательно принимает какое-то значение.

Итак, нужды толкования выделяют из числа потенциальных участников глагольной ситуации привилегированную группу — актантов: для них словарь указывает как роль, так и ее синтаксических исполнителей, не обеспечивая сирконстантов ни тем ни другим.

ЗАДАЧА 2 — описание сочетаемости на синтаксическом уровне. Здесь появляется целый ряд новых критериев.

1. *Синтаксическая обязательность*: актант синтаксически обязателен, т. е. без него предложение неправильно; сирконстант не обязателен.

Этот критерий верен по отношению к сирконстанту, которого, действительно, всегда может не быть — например, вместо (1) можно сказать (1') *Я купил дыню*; но не для актантов, поскольку, как известно, актант тоже может быть “опущен”. Так, *Иван пришел* грамматически правильно, хотя у *прийти* есть обязательный участник Конечная точка.

Существуют разные виды “опущений” актантов — синтаксических нулей, которые имеют вполне определенные правила интерпретации:

а) анафорический нуль:

Ты был в Париже, а я не был [= ‘не был в Париже’];

б) дейктическая интерпретация: *Ваня пришел* = ‘пришел сюда’; во фразе *Он убежал* может быть неизвестно куда?; но если неизвестно откуда?, то фраза бессмысленна — поскольку переменная связывается дейктически;

в) квантификация: *Он скрывает свое прошлое* = ‘скрывает от всех’; *отличается мягкостью* = ‘отличается от всего / от всех’;

г) инкорпорирование актанта (подвергнутого интерпретирующей актантной деривации), как в примерах *он читает, он ест, он женился*. Во фразе *Он поехал в Варшаву* опущен, будучи неспецифицированным, обязательный для *ехать* участник Транспортное средство.

Ясно, что говорить о синтаксической обязательности актантов имеет смысл только относительно заданных правил опущения. Причем обязательность соответствующей синтаксической позиции не прямо связана с семантической обязательностью участника. Так, участник Место у *поселиться* синтаксически обязателен, а участник Множество выбора у *выбрать* — нет, хотя семантически обязательны оба.

2. *Избирательность*: актанты избирательны и потому индивидуальны для каждого глагола; а сирконстанты неразборчивы, сочетаются со всеми / многими глаголами. Это убеждение и породило тезис о том, что сочетаемость с актантами должна быть описана в словаре, а вся остальная — в грамматике. Тезис не следует, однако, понимать в том смысле, что присутствие в ситуации сирконстантов, а следовательно, сочетаемость глагола с сирконстантами ничем не ограничены, см. примеры обратного в Плулган, Рахилина 1990.

Сочетаемость глагола с сирконстантами вообще привлекала относительно мало внимания. Известны, однако, семантические ограничения сочетаемости глагола с обстоятельством времени (Падучева 1996: 172). Например, показатель времени не сочетается с постоянными свойствами. Не менее жестки ограничения сочетаемости глагола с обстоятельством места, см. Падучева 1996: 149. Так, не сочетаются с показателем места многие стативные глаголы (**Он всюду претендует*). Известный пример — *Я знал ее в Париже*, где обстоятельство места переосмысляется как обстоятельство времени, поскольку обстоятельство места несовместимо с данным состоянием; ср. об этом Maienborn 2001. Даже обстоятельство причины сочетается не со всеми глаголами — например, оно неуместно для глаголов, обозначающих природные явления, типа *расти* (Мельникова 2002).

3. *Идиоматичность*. Долгое время господствовало убеждение, что синтаксическое оформление у участников-сирконстантов менее идиоматично, чем у актантов. Неверно, однако, что выражение необязательных участников неидиоматично, см. о сложной системе выражения сирконстанта Причина в русском языке в Иорданская, Мельчук 1996.

Напротив, не идиоматично выражаются многие актанты: Агенса — всегда именительным падежом, Инструмент — всегда творительным, Адресат — дательным. Особое оформление Инструмента у глагола *стрелять* (из ружья) семантически связано с движением изнутри наружу.

4. *Синтаксический контроль* (Плунгян, Рахилина 1998). Хотя первичной при выявлении участников-актантов считается семантика, на самом деле актантный статус участника не полностью независим от синтаксиса. А именно, какую бы роль ни играл участник, обозначаемый подлежащим или прямым дополнением, он актант. Обратное неверно: обстоятельства тоже часто бывают актантами, ср. *поселиться в, уехать из, выбрать из*.

Обратим внимание в этой связи на участника Причина (неагентивный Каузатор): если он не подлежащее, его актантный статус становится не гарантированным, см. об этом в § 4. Так, роль у группы *порыв ветра* в (7а) и (7б) одна и та же, но Каузатор в (7а) безусловно актант, а (7б) допускает разные трактовки:

(7) а. *Порыв ветра* распахнул окно; б. Окно распахнулось *от порыва ветра*.

Синтаксический контроль мог бы быть уместен при анализе глаголов интерпретации, например *изловчиться*:

(8) Попугай *изловчился* и укусил меня (пример из Богуславский 1996).

Предположительно, связь между глаголом и его актантом синтаксическая; а связь между действием *укусил* и его интерпретацией *изловчился* а н а ф о р м а л ь н а я, поэтому *укусил* в (8) не является синтаксическим актантом *изловчился*.

5. *Коммуникативная структура*. Отметим одно коммуникативное различие между актантами и сирконстантами: сирконстант в исходной темо-рематической структуре фразы тяготеет к позиции ремы, см. пример (1). Очевидно, дело в том, что и субъект и объект занимают, в силу своего коммуникативного ранга, тематические позиции, см. Падучева 1998б.

Итак, синтаксический подход фиксирует определенные вехи, но однозначных критериев актантного статуса участника не дает.

ЗАДАЧА 3 — правила композиции смыслов (Падучева 1999в). Речь идет о правилах соединения толкования глагола с концептом участника, выраженным в подчиненном члене предложения. Правила должны: а) предсказать возможность присутствия данного участника в концепте ситуации; б) указать, как “вставляется” концепт синтаксического актанта или сирконстанта в толкование глагола при построении концепта ситуации.

Для актанта возможность его присутствия в концепте ситуации задана словарем: актанту соответствует в толковании переменная “актантного компонента” — того, который задает роль этого участника в ситуации. Когда в предложении глагол соединяется с синтаксическим актантом, происходит, в логической терминологии, связывание переменной: она получает предметную область (концепт) и обобщенный квантор (референциальный статус).

Аналогичного “сирконстантного компонента” и сирконстантной переменной у глагола в словаре нет, так что включение концепта участника, выраженного обстоятельством, в концепт ситуации с данным глаголом происходит иначе.

Сирконстанты можно разделить на два семантических типа — параметры и атрибуты. Если сирконстант является параметром, то адъюнкт одновременно добавляет переменную в семантическое представление предложения (иначе —

участника в концепт ситуации) и связывает ее, см. McConnell-Ginet 1982¹⁶. Присоединяясь к глаголу, сирконстант выявляет участника, который входит в смысл глагола как семантическое следствие из толкования, хотя и не входит в само толкование. Так, в примере (9) *говорит* \supset ‘произносит звук’, а звук имеет громкость; *громко* идентифицирует ее как большую; поэтому:

- (9) *У говорит громко* \supset
 ‘ПРОИЗНОСИТ ЗВУКИ С ГРОМКОСТЬЮ (Y, X) & БОЛЬШОЙ (X)’.

Для сирконстанта-атрибута сферой действия может служить не переменная, а инкорпорированный участник или компонент, который уже присутствует в толковании глагола. Так, *читал наизусть* = ‘читал, держа текст в памяти’ (*текст* — участник глагола *читать*); *тонко* в *Порежь колбасу тонко* — атрибут к актанту Части глагола *порезать*; наречие *босиком* присоединяется как атрибут к инкорпорированному актанту *ноги* в толковании *ходить*. У глагола *мчаться*, в отличие от *бежать*, скорость имеет атрибут в самом толковании (поскольку нужно указать, что она большая), являясь, видимо, инкорпорированным сирконстантом; отсюда у *мчаться* более ограниченная сочетаемость с показателями скорости по сравнению с *бежать*, см. о *мчаться* в Филипенко 1998.

Обстоятельство актуализует тот или иной параметр обозначаемой глаголом ситуации (логически необходимый, но не выявленный в толковании: время, место, скорость, громкость и т. п.), добавляя к толкованию глагола новый компонент, с новой переменной, и связывая эту переменную.

Так что все участники-актанты ситуации, которая может быть обозначена данным глаголом, заданы словарем. А участника-сирконстанта (переменную) добавляет в концепт ситуации фраза, в которой есть соответствующее обстоятельство. При этом значение глагола остается неизменным:

- (10) а. Он переходил улицу; б. Он *медленно* переходил улицу.

Впрочем, сирконстанты иногда тоже меняют значение глагола — поскольку соединение смыслов может быть не композиционно, см. гл. 6. Например, сирконстант-атрибут может изменить исходный смысл слова — таким образом, чтобы создать в обозначаемой ситуации подходящую для себя сферу действия. Так, *еще больше* в (11) превращает глагол изменения состояния *побледнеть* в градуальный, которым он не являлся сам по себе; *постепенно* в (12) представляет ситуацию как упорядоченную во времени последовательность этапов накопления какого-то признака — каковой она сама по себе не была¹⁷:

- (11) а. Он побледнел; б. Он побледнел *еще больше*.
 (12) а. Он решил эту задачу; б. Он *постепенно* решил эту задачу¹⁸.

Итак, задача 3 дает следующую формулировку различия между актантом и сирконстантом. Актант обозначает участника, присутствие которого в ситуации

¹⁶ В неформальной семантике сочетаемость глаголов с сирконстантами описана, на обширном материале, в Филипенко 2003.

¹⁷ Примеры этого рода можно трактовать в духе “грамматики конструкций” по Goldberg 1995: если рассматривать подчиненную глаголу группу как сирконстант, то можно “объяснить” появление у глагола нового участника, не вводя новой лексемы в словарь. Другое решение — признать эту группу синтаксическим актантом и включить в словарь отдельную лексему.

¹⁸ См. о *постепенно* в Апресян 1980: 72, Филипенко 1997.

продиктовано словарем; он входит в концепт ситуации с данным глаголом всегда. Сирконстант же вводит участника в концепт ситуации только своим присутствием в данном предложении.

Поэтому актант и сирконстант различаются с точки зрения “интерпретации отсутствия”: если в предложении нет обстоятельства того или иного типа, никакого участника-сирконстанта не подразумевается — этот аспект ситуации просто не входит в ее концепт, остается за пределами зоны внимания говорящего; между тем участник-актант всегда присутствует в концепте ситуации с данным глаголом — даже если не имеет поверхностного выражения. Фраза *Я выбрал Венгрию* непонятна, поскольку не упоминает участников Множество выбора и Назначение выбранного предмета (см. подробнее о *выбрать* в гл. III.5); онегинское *Я выбрал бы другую* нам понятно только потому, что и множество выбора, и назначение ясны из контекста. Иначе говоря, актант вводится в концепт ситуации толкованием глагола, а сирконстант — соответствующим членом предложения. Поэтому обстоятельство, в отличие от дополнения, не может быть опущенным: если его нет, соответствующего участника просто нет.

Итак, при всей шаткости “естественной” границы между актантами и сирконстантами, которая за д а е т с я словарем, это деление играет важную роль в общей системе соответствий между текстом и смыслом.

Важно отдавать себе отчет, что задачи 1 и 3 оперируют, вообще говоря, разными понятиями актанта. Глагол *прибить* (в значении сознательного действия), согласно толкованию из Апресян 1980: 55, имеет в числе прочих актант Инструмент. Однако Инструмент, если он не выражен, как в (13), не подразумевается как входящий в концепт ситуации, т. е. не является актантом для задачи 3:

(13) Ваня наконец *прибил* мне вешалку.

Отсутствует и не подразумевается — уходит за кадр — актант Транспортное средство глагола *поехать* в примере *Иван поехал в Варшаву*: на поезде, на машине или автобусом — неважно.

Обратный пример — с глаголом *видеть*. Актантами *видеть* считаются обычно только субъект и объект восприятия (и только они фигурируют в исчислении диатез в Мельчук 1998: 163). Между тем Место объекта восприятия, скорее всего, тоже актант, ср. Wierzbicka 1980a: 121 и толкование *видеть* в гл. III.2.

Предсказать полностью сочетаемость глагола с его подчиненными, если помещать в словарь только информацию об актантах, нельзя. В Апресян 1980: 55 (и в особенности в работе Апресян 1996, ориентированной на описание сочетаемости) вообще нет деления участников на актанты и сирконстанты: утверждается, что необходимо указать всех участников ситуации; их положения, состояния, свойства, взаимоотношения, действия и способ их осуществления. Впрочем, в этом случае толкование, приводимое Апресян 1980: 55 для слова *прибить*, оказывается неполным, поскольку не принимает во внимание участников, выраженных в (14) как *мне*, *в прихожей* и *за пять рублей*:

(14) Он *прибил* мне вешалку в прихожей за пять рублей.

Вопрос о том, что участник-сирконстант иногда все-таки может быть предсказан как выводимый из толкования, ставится в гл. III.2 в связи с глаголом *видеть*.

Инкорпорированный участник упоминается в толковании и потому обязателен; но он подобен сирконстанту в том смысле, что если он не эскорпорирован, то находится за кадром.

Глава 4

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ КЛАСС И ДРУГИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКА*

§ 1. Таксономический класс

Семантика глагола, как правило, накладывает определенные ограничения на тип участника ситуации. Так, *смеяться*, *плакать* может — в исходном, неметафорическом употреблении этих глаголов — только человек; *течь* — только жидкость или вязкая масса, и т. д. Поэтому семантическое представление глагола обычно включает характеристику имен, которые могут заполнять его валентности. Прежде всего, это таксономический класс (Т-класс) участника.

Каждому участнику глагольной лексемы в словаре соответствует переменная — имя участника, см. гл. 3 § 2. Участник характеризуется своей ролью — например, Агенса, Инструмента; и синтаксической позицией — например, субъект, объект. При употреблении глагола в предложении участнику с данной ролью обычно соответствует синтаксический актанта. Т-класс участника (с данной ролью) — это, грубо говоря, Т-класс имен, которые могут быть его синтаксическими актантами. Например, Т-класс Агенса глагола *решишь* — ЧЕЛОВЕК, поскольку возможно *мама решила*, *Петя решил*, но не **камень решил*, **дерево решило*.

Значение глагольной лексемы существенно зависит от таксономического класса участника. Так, *входить в комиссию* = ‘быть членом’ не то же, что *входить в чемодан* = ‘вмещаться’, и различие значений определяется, прежде всего, таксономическим классом участника, оформляемого предлогом *в*: в одном случае это МНОЖЕСТВО (состоящее из элементов), в другом — ВМЕСТИЛИЩЕ.

Между участниками возможно своего рода согласование по Т-классу; например, допустимо *вся вода вошла в бак*, но не **вся вода вошла в вагон* (ср. известный анаколуп *сорок бочек арестантов*); осмысленно *Венгрия входит в НАТО*, но не **Венгрия входит в ученый совет ВИНТИ*. Но постольку поскольку Т-классы имен используются только для различия значений глаголов, не требуется, чтобы все элементы данного класса (скажем, класса ВМЕСТИЛИЩЕ) были допустимы во всех контекстах, апеллирующих к этому классу.

Замена одного класса участника на другой может изменить значение глагола. Так, в контексте *назначить <больному> хвойные ванны <в качестве лечебного средства>* глагол *назначить* имеет иное значение, чем в *назначить свиданье* или *консультацию*, см. гл. III.5. У глагола *грозить* СЯП различает два не собственно агентивных значения: 1) ‘обнаруживать враждебные намерения’

* Опубликовано в: Русский язык в научном освещении, 2002, № 3.

(Отсель грозить мы будем шведу) и 2) ‘предстоять как бедствие’ (И старость в отдалении / Красавице грозит). В одном случае субъект — ЛИЦО, в другом — СОБЫТИЕ: наступление старости.

Или возьмем глагол *разбить*. Значения, выделяемые у этого глагола в МАС, различаются прежде всего таксономическим классом участника:

разбить 1 = ‘ударив, расколоть, разломать, раздробить’ (о материальных предметах определенной физической природы) [это значение складывается из значения ‘бить’ и приставки *раз-*];

разбить 2 = ‘повредить ударом’ (о части тела), например, *разбить нос*;

разбить 3 = ‘привести в негодность’ (об артефактах с определенным назначением), например, *разбить дорогу*;

разбить 4 = ‘нанести поражение’ (о боевой единице), например, *разбил вражеский флот*;

разбить 5 = ‘опровергнуть’; например, *разбить аргументы*.

При описании семантики глаголов оказались полезными такие таксономические классы, как ВЕЩЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ, МАССА, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПРИРОДНАЯ СИЛА, СОБЫТИЕ, ЧЕЛОВЕК (ЛИЦО) и мн. др.

Один из таксономических классов имен — УСТРОЙСТВО, предназначенное для выполнения какой-то функции; так, *звенеть* в *звенит звонок* (*звонок* — УСТРОЙСТВО) имеет иное значение, чем в *звенят цикады*. И дериваты этих значений тоже разные, ср. *прозвенел звонок*, но **прозвенели цикады*. Разновидность устройств — ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА (*машина*, *поезд*, *телега* и под.): будучи вполне неодушевленными, они перемещаются подобно людям (разве что не способны пользоваться транспортным средством), ср. *машина ехала*, *повернула*, *замедлила ход*, *остановилась* и т. д.; подобно людям, они как бы сами контролируют время своего прибытия в определенную точку, т. е. в каком-то смысле агентивны. Этим объясняется то, что, скажем, для слова *автобус* маловероятно участие в генитивной конструкции субъекта (о роли агентивности в семантике генитивной конструкции см. гл. III.9): ?*Автобуса не пришло* (пример из Борщев, Парти 2002) почти так же плохо, как **Пети не пришло*.

В Муравенко 1998: 76 рассматривается сочетание глаголов прибытия (таких как *зайти*, *попасть*, *приехать*, *прийти*, в том числе — переходных: *отвести*, *привезти*) с обстоятельствами типа *на концерт*, *на лекцию*; обращено внимание на то, что эти обстоятельства обозначают не место, а мероприятие, которое обычно проводится в определенном месте. Так что МЕРОПРИЯТИЕ — это лингвистически релевантный таксономический класс имен. Он фигурирует также в семантике глаголов *быть*, *присутствовать*, см. гл. III.9.

Другой интересный таксономический класс — ЧАСТЬ ТЕЛА, см. Iordanskaja, Rarepno 1996, Вежбицкая 1999: 526. Упоминание о части тела входит в семантику огромного числа глаголов. Это, например, глаголы движения — *взять*, *дать*, *принести*; физиологические глаголы, типа *жевать*, *кусать*; глаголы, обозначающие языковые жесты, — *кивать*, *кланяться*, *махать*, и т. д., не говоря о глаголах, у которых часть тела — инкорпорированный участник, как у *жмуриться*, *моргать*. В Апресян 1995: 541 идет речь о значениях слова *греть* в сочетаниях *греть руки* и *греть кофе*; можно думать, что особенность сочетания *греть руки* порождена Т-классом ЧАСТЬ ТЕЛА.

К таксономическому классу ПАРАМЕТР (см. об этом классе Падучева 1980, Апресян 1986а, Семенова 1991) принадлежит субъект глагола *измениться*: изменяются, в исходном значении слова, параметры, а не конкретные вещи или люди, ср. Mel'čuk 1992. Понятно, что значит *изменился адрес, изменился фасон*; а что такое *изменился дом*? Сказав *Как изменилася Татьяна!*, Пушкин тут же должен пояснить, в чем состояло изменение. Тот же таксономический класс — ПАРАМЕТР — фигурирует в актантных структурах многих других глаголов, таких как *исправить* ⟨ошибку⟩, *понять* ⟨смысл⟩, *проверить* ⟨состояние⟩, *измерить*, *расследовать* ⟨обстоятельства⟩, *угадать* ⟨ответ⟩, *узнать* ⟨время⟩, *наблюдать* ⟨за положением⟩.

Если какое-то данное значение глагола требует определенного таксономического класса участников, то неудивительно, что изменение таксономического класса участника меняет значение глагола. Замена класса участника, исходного для данного глагола, на несвойственный является одним из видов семантической деривации, см. в Розина 2002 о категориальных сдвигах в классе глаголов с участником ЛИЦО.

Действительно, во многих случаях изменение значения глагола естественно охарактеризовать именно как следствие изменения Т-класса участника. Так, первое значение глагола *плыть* МАС определяет как ‘передвигаться в воде с помощью определенных движений тела (о человеке и животных)’; если же речь идет о корабле, лодке (второе значение), то компонент, так характеризующий способ перемещения, выпадает из толкования.

Есть связи между таксономией участников и компонентами толкования, которые носят регулярный характер. Например, значения глаголов, у которых Пациенс — ЧЕЛОВЕК (или даже шире, ОДУШЕВЛЕННОЕ СУЩЕСТВО), отличаются от значений, где Пациенс — МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, поскольку человек (и животное) могут *реагировать* на воздействие, например испытывать болевые ощущения (Кустова 2001), ср. *колотить палкой по забору* и *колотить палкой собаку*.

В применении к объекту определенного Т-класса действие может дать эффект, который в других случаях этого последствия не имеет. Например, для класса РАСТЕНИЕ *высохнуть* значит ‘перестать существовать’.

Как правило, “воздействие” идет от Т-класса имени к компонентам толкования глагола, как у *плыть* или *разбить*. Однако возможно и обратное. Так, глагол *изменить*, в силу примитивности своего значения, практически однозначен и обычно сам воздействует на Т-класс имени. Например, пытаясь осмыслить сочетание *дом изменился*, мы склонны скорее параметризовать слово *дом* (может возникнуть понимание ‘атмосфера в доме изменилась’ или что-то в этом роде), чем “приспосабливать” к Т-классу этого участника значение глагола.

Таксономическая предпосылка глагола, т.е. требование, которое глагол предъявляет к таксономическому классу своего актанта, может смазываться из-за разного рода метонимических переносов, ср.:

- (1) а. заработал *торговлей* компьютерами; б. заработал на компьютерах.

Глагол *заработать* предполагает в качестве источника заработка деятельность; но в (1б) подчиненное слово может быть соотнесено с деятельностью лишь метонимически.

Еще пример. На семантическом уровне 1-м актантом глагола *вызвать* и других предикатов каузации является ситуация (Wierzbicka 1980a: 162), как в (2а). Однако на синтаксическом уровне подлежащим может быть именная группа, обозначающая человека или предмет, как в (2б):

- (2) а. *Короткое замыкание* вызвало пожар;
 б. *Ваня* опять вызвал всеобщее беспокойство.

Опять-таки, в (2б) метонимический сдвиг: предмет метонимически замещает ситуацию с его участием.

Важную роль играет Т-класс у глаголов каузированного психического состояния (*испугать, обрадовать, огорчить, разгневать, расстроить, угнетать* и под.). Это мощный класс каузативных глаголов, у которых подлежащее не лицо, а СИТУАЦИЯ, т. е. СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС (*отъезд, вялость, шум*) или ИНФОРМАЦИЯ о ситуации (*известие, замечание*). Эти глаголы входят в псевдопассивную конструкцию, ср. (3):

- (3) Эта новость меня *огорчила* — Я *был огорчен* этой новостью;
 Шум в коридоре меня *испугал* — Я *был испуган* шумом в коридоре.

В настоящей пассивной конструкции в русском языке субъект должен относиться к классу ЛИЦО (Апресян 2002).

Как и другие параметры глагольного значения (категория, диатеза, тематический класс), таксономический класс участника может различать, с одной стороны, разные значения слова, а с другой — разные слова. Пример пары слов, различающихся таксономическим классом участника, — *лить* и *сыпать*: *лить* отличается от *сыпать* тем, что первый описывает перемещение жидкой массы, а второй — сыпучей. Одно из различий между *раздражать* и *сердить* — в том, что *раздражать* могут самые разные вещи, а *сердит* прежде всего человек.

Таксономический класс имени обычно может быть использован как *genus proximum*, родовая категория, в словарном определении его значения (ср. Кнорина 1988). Например:

- молоток* (по МАС) — ‘инструмент в виде... служащий для...’;
вино (по СЯП) — ‘алкогольный виноградный напиток’.

В ТКС толкование слова *вина* начинается словами *тот факт, что* — как если бы родовая категория для этого слова была ФАКТ. Значение факта действительно может возникнуть у слова *вина*, но только в специальном фактивном контексте и под влиянием этого контекста — *установить, доказать вину X-a* = ‘установить, доказать тот факт, что вина X-a имеет место’. Признать ФАКТ в качестве родовой категории можно разве что у слов типа *отцовство* (Арутюнова 1988), для которого в МАС в качестве исходного дается употребление именно в фактивном контексте *установить отцовство*.

Одно слово (в одном значении!) может принадлежать к нескольким таксономическим классам, которые не исключают один другого. Например, одна и та же сущность (*бак*) может быть вместилищем (*залить бензин в бак*) и просто материальным предметом, который изменил функциональное состояние — стал годным к употреблению (*залить бак бензином*). Интересно слово *снег*. Оно принадлежит к разным таксономическим классам в контекстах *идет снег, зарыть в снег* и *земля покрыта снегом*.

Еще несколько примеров имен с неединственным Т-классом (по словарям ТКС и НОСС 1997, 2000): *больница, почта* — учреждение и место, где оно находится; *ветер* — перемещение воздуха и перемещающийся воздух, в большинстве контекстов — последнее: ветер обычно концептуализуется как субстанция, а не как процесс; отсюда сочетаемость (*дует, гуляет, раздувает, подгоняет, качает*) и все коннотации — вольнолюбие, переменчивость и проч.; *дождь* — это вода, падающая с неба, и выпадение осадков в виде воды (*во время дождя*); *выстрел* — это событие, сопровождаемое звуком, и звук (ср. также употребление в контексте измерения расстояния: *на расстоянии пушечного выстрела*); *голод* — ощущение (*испытываю голод*) и неудовлетворенная потребность (*умер от голода*); *приказ* — речевое действие и текст (*в приказе отмечено*) и т. д.

В каждом данном контексте слово, как правило, выступает в каком-то одном из в принципе имеющихся у него классов. Исключения иногда возможны — для метонимически связанных друг с другом классов, но в строчках Мандельштама

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок

у слова *звонок* совмещение (описанное в Успенский Б. 1996: 323) классов ЗВУК и УСТРОЙСТВО (материальный предмет) — которое все-таки невозможно в обычном языке.

Обращение к таксономическому классу позволяет выразить важные различия в семантике глаголов разных языков, которые в словарях считаются переводными эквивалентами друг друга. Например, для англ. *destroy* основной перевод на русский язык — ‘разрушать’; однако русское слово *разрушать* не употребляется в ситуации, где речь идет об одушевленных существах, а англ. *destroy* уместно в контексте *destroyed the animals infected by foot-and-mouth disease* ‘убивали животных, зараженных ящуром’.

Для семантики каузативного глагола таксономический класс объекта более существен, чем класс субъекта, см. Fillmore 1968a. Таксономические классы субъектов, упоминаемые в толкованиях каузативных глаголов, очень немногочисленны: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДНЫЕ СИЛЫ, СИТУАЦИЯ, ИНСТРУМЕНТ (неизученный класс каузаторов — БОЛЕЗНЬ, см. DeLancey 1984) — не сравнить с той сложной системой таксономических противопоставлений, которые нужны для объектов.

Изменение таксономического класса участника-объекта каузативного глагола обычно приводит к изменению тематического класса глагола. Между тем мена таксономического класса субъекта каузативного глагола чаще приводит к изменению не тематического класса, а таксономической категории. Так, глаголы *стучать, разрушать, разбудить* в контексте субъекта-лица обозначают действие, направленное на достижение определенной цели; а если субъект — природная сила или событие, эти глаголы обозначают процесс / событие:

- (4) *Человек* стучит в окно [действие]; *дождь* стучит в окно [процесс];
Рабочие разрушают мост [действие]; *Река* разрушает мост [процесс];
Отец разбудил ребенка [действие]; *Шум в коридоре* разбудил ребенка [событие].

Таксономические классы образуют иерархию. Например, класс ВМСТИЛИЩЕ можно трактовать в узком смысле — как то, куда человек помещает нечто с той или иной целью, прежде всего для хранения; тогда ВМСТИЛИЩЕ и ПО-

МЕЩЕНИЕ будут подклассами класса МЕСТО (третий подкласс — УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА, в него входят слова *лес*, *море* и т. д.).

Другие примеры иерархии классов. Т-классы СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС являются подклассами класса СИТУАЦИЯ; Т-классы ВЕЩЕСТВО (как *вода*) и МНОЖЕСТВО (как *люди*) являются подклассами класса МАССА, который полезен для выражения однотипности сочетаний *много воды* и *много людей*; *бассейн заполнен водой* и *перрон заполнен пассажирами*; ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО — подкласс класса УСТРОЙСТВО; УСТРОЙСТВО — подкласс класса МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ.

Особая проблема — соотношение между индивидом и множеством. У глаголов физического действия классы ЧЕЛОВЕК и КОЛЛЕКТИВ, т. е. множество людей (обычно структурированное), часто взаимозаменяемы — в том смысле, что замена одного класса на другой не влияет на лексическое значение глагола (например, возможно в равной мере *Террорист взорвал склад* и *Террористы взорвали склад*). Но для глаголов речи, эмоции или волитивного состояния это не столь очевидно; многие внутренние состояния свойственны индивиду, а не множеству лиц, ср. известное соображение Фреге (1977) о семантике словосочетания *воля народа*.

Существенным с точки зрения участия в данной ситуации может оказаться не только таксономический класс, но и какие-то специфические признаки объекта. Например, инструментом при глаголе *резать* должен быть предмет, имеющий острый край; объектом при *разрубить* — нечто твердое, не вязкое, см. Апресян 1974: 63; то же для *разбить*. В семантическом описании глагола *обещать* в качестве содержания обещания фигурирует не просто действие, а действие, относящееся к будущему. У глагола *выйти* участник Исходная точка, которая характеризуется таксономически как УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА, в Апресян 1995: 490 специфицируется как *з а м к н у т ы й* участок. В семантике глаголов контакта с поверхностью (Падучева, Розина 1993) важную роль играет противопоставление неподвижный — подвижный — самодвижущийся (*self-movable*). Так, в (5а), где словоформа *камни* может быть понята как обозначающая самодвижущийся объект, *заваливают* имеет два значения — статальное и процессное, а в (5б), поскольку камень не самодвижущийся предмет, тот же глагол допускает только статальное понимание:

(5) а. *Камни* заваливают вход в ущелье; б. *Камень* заваливает вход в ущелье.

Спецификация участника — важный механизм семантической деривации. Для семантики глагольной лексемы может быть существен референциальный статус актанта, в частности определенность имени. Так, в (6) референциальное противопоставление отражает различие в лексическом значении глагола *найти*:

(6) а. Где бабушка нашла *свои очки*? [+ Определенность; презумпция — искала];
б. Ваня нашел на дороге *кошелек* [— Определенность; случайно].

В Апресян 1974 (см. с. 30, 62 и др.) проводилось разграничение между семантикой и сочетаемостью: сочетаемость не считалась частью значения. Последующее развитие лингвистики стало, однако, ориентироваться на предсказание сочетаемости из семантики (см. Wierzbicka 1988), и теперь задача ставится по-иному. Возьмем, например, глаголы *начаться* и *наступить*. Они различаются таксономическим классом субъекта (начинаются процессы, а на-

ступают состояния), т. е. сочетаемостью. Но эти глаголы различаются также и толкованием. Например, то, что началось, имеет начальную фазу, возможно, также срединную фазу и конец; а состояние не имеет таких фаз, оно наступает всё целиком. Но в таком случае можно сказать, что и различие в Т-классе субъекта этих глаголов вытекает из их толкований — отсюда многие другие сочетаемостные различия; например, *наступить* — генитивный глагол (т. е. требует при отрицании генитивного субъекта: *настоящих холодов еще не наступило*), а *начаться* — нет, см. гл. III.1.

Лексические функции, согласно Мельчук 1974, описывают идиоматическую сочетаемость¹⁹. Но при динамическом подходе к семантике (который имеет целью показать, как значение слова изменяется под влиянием контекста и как одно значение слова вытекает из другого) лексическая функция оказывается одним из значений слова, выветренным под влиянием контекста. Так, значение глагола *произвести* в контексте *произвести впечатление* — явный семантический дериват от *произвести* в контексте *Завод произвел за год 10 тыс. тонн стали*; см. в Падучева 1991 о том, что значение лексической функции, например *Орег 1*, зависит от таксономического класса имени; так, если *Орег 1 (беспокойство) = испытывать*, а *Орег 1 (давление) = оказывать*, то это объясняется тем, что беспокойство — это эмоция, а давление — воздействие, ср. Reuther 1998.

В работе Зализняк, Падучева 1974 была высказана мысль, что местоимения *весь (вся, всё)*, ед. число, и *все*, которое в словарях представлено как мн. число от *весь*, — это разные слова: *весь* обозначает полный охват частей (единого объекта), ср. *вся рука; вся семья*, а *все* применимо к именам, обозначающим раздельное множество одинаковых предметов, т. е. к чему-то исчисляемому, ср. *все дома*. В сочетаниях *все руки (измазаны)*, *все чернила (исписал)* у *все* усматривается особая форма 4-го рода (*pluralia tantum*), которая носит чисто согласовательный характер, употребляясь в таких контекстах, когда единый объект обозначен существительным, имеющим форму мн. числа (Зализняк А. А. 1967: 75).

В Булыгина, Шмелев 1997: 195 эта трактовка была оспорена — на том основании, что одно и то же имя во мн. числе иногда обозначает раздельное множество, а иногда является именем совокупности; так, сочетание *все эти годы* чаще обозначает период, целиком занятый действием, а не раздельное множество годов. Существенно, однако, что в каждом данном контексте таксономический класс имени обычно очевиден, и слово *все* имеет значение, соответствующее этому классу; ср. различные значения слова *все* в (7а) и (7б):

- (7) *все руки измазаны* = ‘обе руки целиком’;
все руки были подняты за меня = ‘все элементы множества рук’.

Если, скажем, в качестве номинации чего-то в комнате выбрано слово *мебель*, то объект концептуализуется как совокупность; а если *столы и стулья*, то как множество. Неоднозначность слова *все* возникает в контексте неоднозначной категоризации.

¹⁹ Имеются в виду прежде всего лексические функции типа *Орег*; например, *Орег 1* — это глагол, связывающий имя ситуации с ее субъектом (Мельчук 1974: 94).

В первых работах Филлмора о падеже семантическая роль участника не была отличена от таксономического класса и других составляющих глубинного падежа. Между тем отделение ролевой информации от таксономической дает целый ряд преимуществ. Так, отличив семантическую роль участника от таксономической характеристики, мы можем исключить различие по одушевленности из числа тех, которые должна отразить роль. В Dik 1978 предлагается отождествить роли подлежащего в предложениях *The man died* ‘человек умер’ и *The snow melted* ‘снег растаял’, хотя в Fillmore 1968а считалось, что это разные глубинные падежи.

Одно и то же действие можно осуществить инструментом и частью тела человека, ср. *ударить кулаком* и *ударить палкой*; так обозначает ли синтаксический актант в твор. падеже участников с разными ролями или же роль одна, и участники различаются только таксономически? Мы считаем предпочтительным второе решение²⁰ (ср. аргументы в пользу первого в Апресян 1974: 129); оно позволяет иметь единую роль, оставляя возможность различить, например, глаголы *ударить* и *рубить*: у *рубить* участник с ролью Инструмент не может быть, иначе как в переносном употреблении, частью тела Агенса (ср. Laskowski 2001).

С другой стороны, один и тот же Т-класс может быть у участников с разной ролью. Например, участник-ЧЕЛОВЕК может быть Агеном, Экспериментом, Пациентом, так что Т-класс ЧЕЛОВЕК не гарантирует участнику роли Агенса — даже если речь идет о позиции субъекта: в *Петя упал* субъект не Агенса; МЕСТО (участок пространства, имеющий более или менее четкие границы) может быть Т-классом для участников Конечная и Начальная точка у глагола движения (*взять, приехать*), равно как и для участника Место у глагола местонахождения (*лежать, находиться*).

Таксономия не предопределяет роли: одно и то же слово *дом*, оставаясь в одном и том же Т-классе ПОМЕЩЕНИЕ, может выступать в разных ролях, ср. *покинул дом* и *населяют дом*. У наречия роль может быть однозначно предопределена формой, ср. *там, туда, оттуда*; но наречие не прототипический актант.

Противопоставляя роль и Т-класс участника, нельзя, конечно, отрицать, что между ролью и Т-классом есть тесные связи. Для каждой роли есть Т-класс объектов, которые являются первыми претендентами на исполнение этой роли. Но множество потенциалных исполнителей гораздо шире. Так, участник с ролью Инструмент — это прежде всего *топор, молоток, нож* и т. д. Но при необходимости в качестве инструмента в ходе какой-то деятельности можно использовать камень (как известно, булыжник — орудие пролетариата), который является природным объектом и не создан для того, чтобы быть орудием чего бы то ни было. Аналогично, Средство — очень часто ВЕЩЕСТВО, как *соль, стиральный порошок, яд*; однако *стрела*, которая не ВЕЩЕСТВО, тоже может, согласно определению из Апресян 1974, быть Средством. Участник Лишнее (у глаголов *выбить, очистить, прополоть, стереть, стряхнуть*, Кустова 2001) часто ВЕЩЕСТВО/МАССА; однако у глагола *вылечить* Лишнее — БОЛЕЗНЬ.

²⁰ Анна Вежицкая явно отождествляет инструмент и часть тела: “...,instrument“ (i. e. either a part of X’s body, coming in contact with Y’s body, or something that comes in contact both with X’s and Y’s bodies)”, Wierzbicka 1980a: 171.

Мы не располагаем сколько-нибудь полным списком Т-классов имен: их число будет расти по мере расширения объема семантически обработанного словаря глаголов. Можно, однако, продемонстрировать на примере общий критерий, обосновывающий тот или иной Т-класс, т. е. доказывающий его право на существование. Чтобы обосновать Т-класс, например ВМЕСТИЛИЩЕ, достаточно предъявить по крайней мере два глагола, таких, что у каждого из них есть ощутимо разные значения и различие сводится к тому, что одно значение требует участника из класса ВМЕСТИЛИЩЕ, а другое — из какого-то другого. Такой парой глаголов в данном случае могут быть *входить* (*в чемодан [ВМЕСТИЛИЩЕ] / в НАТО*) и *быть* (*в зале [ВМЕСТИЛИЩЕ] / в отчаянии*).

Требование о том, чтобы глаголов было “по крайней мере два”, вытекает из определения регулярной многозначности (Апресян 1974: 187). На самом деле, если есть два глагола, то, скорее всего, найдется и больше.

Из сказанного не следует, что если слово допускает участников разных Т-классов, то оно всегда имеет в контексте этих Т-классов разные значения. Например, у глагола *видеть* Перцепт может относиться к категории МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ (*вижу на горизонте корабль*) и СИТУАЦИЯ (*видел, как он вышел из зала*), но все словари считают, что значение *видеть* в этих контекстах одно и то же²¹. Противопоставление ЛИЦО — ПРЕДМЕТ, существенное в столь многих контекстах, не релевантно для субъекта глагола *показаться*. Другой пример. Слово *опять* маркирует повторное наступление события (*опять расстроилась*) и состояния (*опять волнуется*); но значение *опять* одно и то же. В конечном итоге тождество значения определяется возможностью построить единое толкование.

Примером удачного решения таксономической проблемы может служить трактовка слова *судьба* в ТКС. У слова *судьба* различены два значения: 1) высшая сила, которая определяет важные события в жизни человека, ср. *судьба решила иначе*; 2) жизненный путь, т. е. важные события, которые мыслятся как заранее предопределенные *судьбой* 1 (*судьба Вячеслава Иванова*).

В Шмелев 1994 было предложено поменять местами эти два значения — представить значение 1 как производное от значения 2, исходя из того, что “*судьба* 1 является метафорой того, кто определяет *судьбу* 2”, т. е. жизненно важные для человека события. Тут сразу возникают, однако, два возражения. Одно — на чисто семантическом уровне: лексему *судьба* 2 нельзя истолковать, отбросив идею предопределенности; а значит, в ее значение входит тот, кто предопределяет, т. е. *судьба* 1. Второе — то, что пропадает важная этимологическая связь между словами *судьба* и *судить*: исторически *судьба* — это имя деятельности от *судить* (как *ходьба* от *ходить* или *учеба* от *учиться*); а переход от имени действия к имени деятеля соответствует классической регулярной многозначности, представленной словами типа *защита*, *обвинение*, см. Апресян 1974: 203. (Заметим, что раньше эта модель была в русском языке более продуктивной. Так, слово *тварь*, которое сейчас имеет значение ‘то, что сотворено’, раньше обозначало и процесс творения, см. Фасмер, т. 4: 32.)

²¹ Отметим, однако, что *видеть* в ситуативном контексте, с союзом *как*, может приобретать, при определенной интонации, контрфактическое значение (— *Я стараюсь*. — *Я вижу*\, *как ты стараешься* = ‘вижу, что НЕ стараешься’), невозможное в контексте имени.

T-класс участника часто позволяет раскрыть природу ограничения сочетаемости. Так, для большой группы глаголов типа *залить* ⟨*рвы водой*⟩, *наполнить* ⟨*корзины грибами*⟩, *усыпать* ⟨*могилу цветами*⟩ существен компонент «контакт с внутренней поверхностью» и «полнота охвата поверхности», см. Падучева, Розина 1993. Отсюда у данной группы глаголов участник с таксономическим классом МАССА.

§ 2. Онтологическая метафора и ее роль в семантике лексикона

Из всех органов чувств у него одна интуиция.

А. Генис. Трикотажд

В Мельчук 1974 и Апресян 1974 таксономии не отводилось сколько-нибудь существенного места. Так, слова *учеба* и *победа* интерпретируются в ТКС, соответственно, как S_0 (*учиться*) и S_0 (*победить*), и информация о том, что *учеба* — это деятельность, а *победа* — событие, ниоткуда не может быть получена (в том числе и из словарных статей *учиться* и *победить*). А между тем эта информация позволяет сделать массу предсказаний о различии в языковом поведении этих слов, ср. *во время учебы* — **во время победы*; *началась учеба* — **началась победа* и под. В то же время, возможно *до/после победы*, *до/после учебы*, но не *до/после флага*, *до/после глобуса*, хотя возможно *до/после школы*, *бани*.

Внимание к таксономии привлекла книга Lakoff, Johnson 1980, в которой было заявлено, что онтологические категории (такие как ПРЕДМЕТ и СУБСТАНЦИЯ; ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЦЕСС, СОБЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ), т. е. то, что мы называем таксономическими категориями и классами, — это метафоры: соответствующие концепты основаны на метафорическом переносе свойств одних объектов на другие.

Предъявляемый пример метафорического концепта — ВМЕСТИЛИЩЕ (CONTAINER). Центр этого класса составляют прототипические вместилища — *дом*, *чашка*; денотаты этих имен — объекты, которые имеют ограничивающую поверхность; дальше идут *лес*, *поле*, которые имеют видимые границы и, соответственно, внутреннюю и внешнюю область. Но кроме того, к той же категории относятся *вода* и *воздух*; а на периферии находятся чувства и состояния, которые язык тоже мыслит как вместилища (*Он в ярости*; *Я в тревоге*)²². При таком расширительном понимании таксономического класса получается, что принадлежность слов к одному и тому же классу опирается в существенной степени на сходство сочетаемости — которая, по крайней мере частично, основана на стершихся и уже семантически не полностью мотивированных метафорах. Т. е. класс выявляется из сочетаемости. Между тем наша задача — выявить классы, которые позволяют сочетаемость описать.

Тем не менее, возможность применения метафорических концептов в лексикографии нельзя считать исключенной. В работах Апресян 1995, Урысон 1995а речь идет о словах типа *воля*, *воображение*, *интуиция*, *память*, *слух*,

²² См. о пространственной метафоре эмоций в Булыгина, Шмелев 2000.

сознание, ум (интересно в этой связи также слово *нервы*). Словари последовательно указывают для таких слов ближайшую родовую категорию СПОСОБНОСТЬ. Между тем язык склонен всякую способность человека локализовать в соответствующем органе: *хорошие глаза, низкий голос, острый ум, дырявая память*. Сочетаемость и контекстные изменения смысла скорее роднят *ум, воображение* с такими словами, как *рука, желудок*, что дает основание сопоставить им метафорический концепт ‘орган’ (в своем исходном конкретном значении — обособленная часть тела, способная производить определенные действия, выдавать адекватные реакции и под.), ср. *органы речи; органы дыхания; пищеварительные органы*²³. (Обоснование концепта ‘орган’ в этом широком смысле дано в Щеглов 1964; в качестве примеров “органов” приводятся *рука, разум, воля*.)

В самом деле, слово *способность* определяется в словаре как ‘свойство мочь’ (*лишил его способности*). Но в соответствующем контексте *способность* может быть также именем факта (*обнаружил, доказал способность*); параметрическим именем (*покупательная способность понизилась*), именем количественно измеряемой субстанции (*способность велика*) и даже названием органа (*умственные способности напряжены*). Для слова *память* все эти употребления (кроме последнего!) исключены. См. про *память* Урысон 2003: 38.

С другой стороны, только метафорический концепт ОРГАН оправдывает такие употребления слова *память*, как: *напрягать память; развивать память; память воскресила, изменила, отказала; отшибло память* (как *палец*), *потерял память* (как *потерял почку*). *Память слабеет* значит, что орган памяти функционирует хуже.

По аналогии с другими именами органов (например, *сердце, легкие*) “орган памяти” представляется как имеющий границы; поэтому он может мыслиться и как ВМЕСТИЛИЩЕ. В этом таксономическом классе слово *память* выступает, в частности, в сочетаниях с глаголами *врезаться в ~, изгладиться из ~и; ~ сохранила/хранит; храни в ~и; поройся в ~и*.

Однако в сочетании *вернулась память* родовая категория для слова *память* — СПОСОБНОСТЬ: *вернулась способность* — нормальное сочетание, как и *вернулось зрение*, между тем **вернулись глаза* невозможно.

В сочетаниях *хорошие глаза, слабые мозги* речь идет об органах, хорошо или плохо выполняющих свою функцию. В сочетании (*не*) *хватило ума* количественно измеряемая субстанция — это мощь ума, сила его активности (не способность!). Такой же метонимический перенос — от органа к его мощности — допускают имена “настоящих” органов: *мозгов не хватает; насколько хватает глаз*.

Важная роль метафорических концептов в лексикографии — таких как ВОЛЯ, ВРЕМЯ, ГОЛОС и др. — обосновывается в гл. III.5, III.7 и III.8. (Слово *душа* причисляется в Урысон 1996а к классу “метафизических органов”.) Отметим слово *свет*, которое подводится под родовой концепт МАССА — отсюда упо-

²³ Ср. в Иванов 1980 о том, что др.-греч. *φρένες, φρεσί(ν)* употребляется в гомеровских текстах в значениях: а) ‘внутренности’; б) ‘орган, отвечающий за внутреннюю жизнь человека’; см. там же отсылки к работам Oprians 1954 и Porree, Eccles 1977 о языковых представлениях, связывающих органы и способности.

требления типа *Сквозь стекла пепельный свет с улицы обливал их обоих* (Н.), а также участие глагола *осветить* в диатетических сдвигах типа *Я осветил надпись неярким светом (фонарем) — Неяркий свет (фонарь) осветил надпись — Надпись осветилась неярким светом (*фонарем)*, см. гл. IV.4.

§ 3. Таксономический класс и семантическая роль: пример соотношения

Несколько слов о корреляции между Т-классом и ролью — на примере глаголов создания образа (см. *image creation verbs* в Levin 1993: 169), в актантную структуру которых входит участник Образ. Тот же участник входит в актантную структуру глаголов восприятия. Синтаксический объект глагола *видеть* в (1) выражает сразу двух участников — Стимул и Образ:

(1) Я вижу *Машу* [Стимул/Образ].

У глаголов идентификации для каждого из этих двух участников есть синтаксическая позиция при глаголе, см. (2); ср., однако, (3):

(2) Он у з н а л в *бродяге* [Стимул] *родного брата* [Образ].

(3) Он *меня* [Стимул/Образ] не у з н а л = 'не узнал во мне [Стимул] *меня* [Образ]'.

Только в контексте, где объект принадлежит к таксономическому классу ОБРАЗ, роль участника-объекта глагола *видеть* идентифицируется однозначно — как Образ:

(4) Я увидел вдали *очертания* [Образ] гор.

В самом деле, *очертания* возникают только в сознании, их нет в реальности. К Т-классу ОБРАЗ относятся такие слова, как *зрелище, контур, образ, панорама, пейзаж, профиль, силуэт, вид, фигура, тень*. В толкование этих слов входит Наблюдатель²⁴.

С другой стороны, есть глаголы создания изображения, такие как *нарисовать, изобразить, набросать, воспроизвести, показать, представить, отобразить, отразить, запечатлеть*; а также *переписать, скопировать, сфотографировать, затранскрибировать, застенотографировать, выгравировать*:

(5) Художник *нарисовал* макет обложки — условный городской пейзаж в серо-коричневых тонах (Довлатов. Ремесло).

Участник Образ выявляет семантическое родство глаголов создания изображения с глаголами восприятия: Изображение — частный вариант Образа²⁵. У глаголов создания изображения та же неоднозначность, что у глаголов восприятия, — синтаксический объект может обозначать и Тему, и Изображение (см. Fillmore 1977, Апресян 1991):

(6) Я нарисовал *Машу* [Тема/Изображение-Об].

²⁴ Ср. о присутствии Наблюдателя в значении слова *лужайка* в Урысон 1996б. Есть и другие слова, обозначающие место, которое составляет поле зрения Наблюдателя: *на горизонте, на фоне, в тумане, в облаках, вдали, в лазоревой дали*.

²⁵ В Борщев, Кнорина 1990: 115 слово *образ* понимается в более широком смысле, включающем ментальный образ (*теория поля*), проявление (*слезы радости, след тигра*).

Слова *картина, рисунок, акварель, иллюстрация, портрет, натюрморт, этюд, эскиз, диаграмма, график* образуют Т-класс ИЗОБРАЖЕНИЯ. В контексте имен этого класса роль объекта идентифицируется однозначно — как Изображение:

(7) написал *портрет* [Изображение] Маши.

Объектом у глаголов создания изображения могут быть также слова типа *звездочка, стрелка, знак, квадрат, кружочек, линия, кривая*; их Т-класс — ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ. Для них противопоставление Тема — Изображение снимается.

В актантную структуру глагола создания изображения, помимо участников Тема и Изображение, может входить участник Место (изображения), например:

(8) Я [Агенс] нарисовал машин *профиль* [Изображение] *на асфальте* [Место];
Боб [Агенс] написал ее *портрет* [Изображение] *на входной двери* [Место].

Слово *карикатура* относится к двум Т-классам — ИЗОБРАЖЕНИЕ и МЕСТО; поэтому допустимо и (9а) и (9б):

(9) а. Он нарисовал *карикатуру* [Изображение] на Чубайса;
б. *На карикатуре* [Место] его *изобразили* лежащим под колесами мотоцикла (Азольский. Степан Сергеевич); *На карикатурах* [Место] и в фильмах они *выглядели* оборванными бродягами и бандитами (Кузнецов. Бабий Яр).

Между предметом и его изображением имеется естественная метонимическая связь, так что Изображение (как и отражение) может замещать Тему: *видел Николая II на портрете* = ‘изображение Николая II’ (как *видел себя в зеркале* = ‘свое отражение’).

* * *

Итак, мы заключаем, что таксономический класс и другие семантико-прагматические характеристики участника непосредственно влияют на значение глагола: изменение Т-класса обычно приводит к изменению значения.

Глава 5

АКЦЕНТНЫЙ СТАТУС КОМПОНЕНТА КАК ФАКТОР ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ*

Эта мысль привлекательна тем, что она истинна.

Современный философ

Во многих современных концепциях толкование лексемы мыслится как набор семантических компонентов предикативной структуры (см., например, Wierzbicka 1980a, 1987). В синтаксическом отношении эти компоненты независимы, но в коммуникативном плане они неравноценны. Понятие акцентного статуса семантического компонента предназначено охватить несколько разных, хотя и связанных между собой, коммуникативных противопоставлений — таких как:

- рематическое выделение и противопоставление презумпция — ассерция;
- тематическое выделение и шкала коммуникативных рангов участников;
- актуализация компонента за счет смещения фокуса внимания.

Кроме того, имеется традиция различения ординарных и неустойчивых компонентов: разного рода имплицатуры и инференции (*inferences*) порождаются и блокируются контекстом и потому имеют пониженный статус.

Термин акцентный статус предлагается как обобщающий для этого рода противопоставлений, которые мы попытаемся ниже очертить и сопоставить.

§ 1. Рематическое выделение

Семантика предложения строится на взаимодействии двух структур — пропозициональной (аргументно-предикатной) и коммуникативной, ср. Mel'čuk 2001. Коммуникативная структура подвергается в последнее время массивному наступлению с разных сторон, но многое пока еще остается неясным.

Говоря о коммуникативной структуре высказывания, обычно имеют в виду оппозиции, выражаемые интонацией и порядком слов (линейно-интонационной структурой). Есть, однако, различия, которые возникают на предшествующих уровнях — синтаксическом и даже лексическом, и именно они будут предметом нашего внимания.

В работах, посвященных коммуникативной структуре, основное внимание обычно уделяется *р е м а т и ч е с к о м у* акценту. Между тем есть близкое, но иное явление — мы будем называть его *т е м а т и ч е с к и м* *в ы д е л е н и е м*.

Рематический акцент падает на утверждаемое и противопоставлен данности — тому, что принимается за исходное. Это различие хорошо формулируется в терминах ассерция — пресуппозиция (презумпция) и имеет широкую сферу

* Опубликовано в: Известия РАН. Серия литературы и языка, 2003, № 1.

применения; например, оно позволяет представить в общем виде взаимодействие семантических компонентов предиката с отрицанием: если в толкование слова входят два структурно равноправных компонента, то отрицается только ассертивный.

Так, глаголы со значением 'бояться' и 'надеяться' оба включают: а) предположение о наступлении события; б) его оценку. Но различие не только в "знаке" оценки, отрицательной для *бояться* и положительной для *надеяться*, а еще и в том, что для *бояться* (в его основном значении) оценочный компонент — ассерция, а для *надеяться* — пресуппозиция (см. Wierzbicka 1969, Зализняк 1983):

- (1) *боюсь* X = 'думаю, что X вероятно' [презумпция];
 'считаю наступление X нежелательным' [ассерция];
надеюсь на X = 'думаю, что X вероятно' [ассерция];
 'считаю наступление X желательным' [презумпция].

Соответственно:

не боюсь X = 'не считаю X нежелательным, думая, что X вероятно';
не надеюсь на X = 'не думаю, что X вероятно, считая X желательным'²⁶.

В обоих случаях отрицается ассерция.

Пример рематического выделения в семантике лексемы был предъявлен в Fillmore 1971b — толкование англ. глаголов *accuse* 'обвинить' и *criticize* 'осудить' содержит одинаковые компоненты, но совершение действия у *accuse* ассерция, а у *criticize* пресуппозиция (см., впрочем, уточнения на этот счет в Булыгина, Шмелев 1997: 409).

В одном ряду с пресуппозицией находятся два других понятия, характеризующих семантический компонент с точки зрения его поведения под отрицанием, — импликация и атрибутив.

Имплицацией (по Karttunen 1973) называется компонент, который присутствует в утвердительном контексте, а в отрицательном отрицается²⁷. Например, импликацией является второй аргумент глагола *вызвать*:

- а. Его появление *вызвало* замешательство \supset 'замешательство имело место';
 б. Его появление *не вызвало* замешательства \supset 'замешательство не имело места'.

Об импликациях, в том числе о глаголах с отрицательной импликацией, см. гл. III.3.

Атрибутив (или атрибутивный компонент, термин из Падучева 1996: 243; в Богуславский 1985: 30, Зельдович 1998 — слабый компонент; ср. в Зализняк 1987 близкое понятие неустойчивый компонент) — это компонент, который является модификатором какого-то другого компонента толкования. Эта характеристика влияет прежде всего на поведение под отрицанием: в отрицательном контексте атрибутивный компонент может лишаться смысла и выпадать; например, отрицанием для высказывания *Нагрянула полиция* [\approx 'Полиция появилась; это было неожиданно; это было плохо'] будет скорее *Полиция не*

²⁶ Противопоставление ассерция — пресуппозиция связано и с фразовым ударением, ср. *Я боюсь \ идти к зубному врачу* и *Я боюсь ему надоесть * (пример из Зализняк 1992: 79).

²⁷ Термин импликация неоднозначный (например, он употребляется в другом значении в § 4.1). Для данного значения есть менее употребительный синоним — имплицатив, см. Экскурс 1.

появилась, чем *Полиция не нагрязнула*, см. более подробно об атрибутивных компонентах в гл. 6.

Ассерция, презумпция, импликация, атрибутив различаются рематическим акцентом, иначе — ассертивным статусом компонента.

Теперь о тематическом выделении. Если рематический акцент противопоставлен данности, известности компонента, то тематическое выделение противопоставлено *з а т у ш е в а н н о с т и*, уходу в тень, на задний план.

Для различий, относящихся к области тематического выделения, нет общепринятой терминологии. Английские термины — такие как *promotion* (ср. Wierzbicka 1980b: 80), *focalization* (Iordanskaja, Mel'čuk 1995), *foregrounding*, *topicalization* — отражают лишь частные аспекты явления.

§ 2. Тематическое выделение. Коммуникативный ранг участника и компонента*

Из тени в свет перелетая...

Арс. Тарковский. Бабочка

Нас будет интересовать то тематическое выделение, которое заложено в лексической семантике слов, — а не то, которое выражается порядком слов и просодией. По сути, противопоставления в предложении и в семантической структуре слова одни и те же.

Тематическим выделением естественно назвать приписывание участнику статуса темы. В американской лингвистике русским терминам *тема* и *рема* соответствуют англ. *topic* и *comment*. Вместо *comment* иногда употребляют термин *focus*, ср. Comrie 1989: 63, Van Valin, LaPolla 1997: 208. Этот последний мы никогда не переводим русским “фокус”, поскольку в русской системе терминов с этим словом связано скорее тематическое, а не рематическое выделение (*в фокусе внимания* = ‘в позиции темы’); так, в Iordanskaja, Mel'čuk 1995 фокализация понимается как вынос участника в тематическую позицию.

До последнего времени тематическое выделение не было четко отграничено от рематического акцента. Несколько примеров, взятых из самых авторитетных источников. В Апресян 1974: 257 рассматривается пара предложений — с глаголом *выиграть* и его конверсивом *проиграть*:

(1) а. Перворазрядник *выиграл* у чемпиона; б. Чемпион *проиграл* перворазряднику, по поводу которой говорится: “Семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различие в логическом ударении (выделении, подчеркивании). Когда мы говорим (а), мы подчеркиваем в качестве *н о в о г о* тот факт, что перворазрядник играет или играл очень хорошо. Когда мы говорим (б), мы ⟨...⟩ подчеркиваем в качестве *н о в о г о* тот факт, что чемпион играет или играл не слишком хорошо ⟨разрядка моя. — Е. П.⟩”. С нашей точки зрения, (а) и (б) различаются тем, что в них *д а н н о е*: они говорят о событиях с разными людьми, (а) — об удивительном событии с перворазрядником, (б) — с чемпионом; разница — в выборе темы, т. е. в тематическом выделении, а не в рематическом акценте.

* В этом параграфе использована работа Падучева 1998б.

Тема в (1а) и (1б)—это то, что выражено подлежащим. Точнее—субъектом, в соответствии с определением из гл. 3 § 1.

Другой пример. В Апресян 1974: 261 была описана замечательная разновидность диатетического сдвига, при котором участник, обязательный на денотативном уровне, выходит из поля зрения при одной из языковых концептуализаций ситуации; так, во фразе (б) примера (2) в таком положении оказывается больной:

(2) а. Врач лечит *Ивана* от малярии хинином; б. Врач лечит малярию хинином.

Различие между (2а) и (2б) толкуется, однако, следующим образом:

А лечит 1 X-а от Y-а Z-ом =

‘А воздействует на X-а Z-ом, пытаясь прекратить Y’;

А лечит 2 Y (X-а) Z-ом = ‘А пытается прекратить Y, воздействуя на X-а Z-ом’.

Поскольку в Апресян 1995а: 62 сказано, что “деепричастные конструкции используются для формализации пресуппозиций”, получается, что различие между (2а) и (2б) сводится к противопоставлению ассерции и пресуппозиции, т. е. к рематическому выделению: компонент ‘А воздействует на X’, когда X явно выражен в предложении, как при *лечить* 1, имеет в толковании ассертивный статус, а когда X лишь подразумевается, как при *лечить* 2, он пресуппозиция.

Между тем разницу между *лечить* 1 и *лечить* 2 можно видеть в другом: *лечить* 1 ставит в фокус внимания больного, выражая его прямым дополнением; а при *лечить* 2 больной вообще не входит в перспективу—остается за кадром. Т. е. разница вполне аналогична той, которая выявилась на примере (1).

Похожий пример—в Апресян 1974: 204; двум употреблением глагола *выбивать* даются следующие экспликации:

(3) а. *выбивать* В из С X-ом (например, *пыль из ковра палкой*) =

‘каузировать В переставать находиться в С, ударяя по С X-ом’;

б. *выбивать* С X-ом (например, *ковер палкой*) =

‘ударять по С X-ом, каузируя В переставать находиться в С’.

Деепричастная часть толкования в (3б), как и в (2б), соответствует тому участнику, который присутствует в ситуации “имплицитно”, т. е. не отражен в поверхностной структуре предложения. Ю. Д. Апресян усматривает между (3а) и (3б) “различие в логических акцентах, в направлении осмысления ситуации” (с. 205). Между тем связь между синтаксисом и смыслом тут более прямая: во фразе (3а) участник *пыль* выражен прямым дополнением и входит в зону внимания говорящих, а в (3б) он за кадром.

И еще один пример. Ю. Д. Апресян (1974: 260) пишет о глаголах *покупать* и *продавать*, что они “обозначают одну и ту же ситуацию, характерные свойства которой могут быть в первом приближении описаны следующим образом:

(а) некая вещь В переходит от лица X к лицу Y;

(б) некая денежная сумма Z переходит от лица Y к лицу X;

(в) в случае *покупать* (а) и (б) представляются как каузированные Y-ом, а в случае *продавать*—как каузированные X-ом”.

В первом приближении это описание, конечно, верно; но оно гонится в том числе и для ситуации, когда X не продал Y-у свою вещь, а отнял у него деньги и что-то ему всучил: чтобы быть адекватными, толкования глаголов *купить* и *продать* должны отразить тот факт, что действия обоих лиц добровольные.

Нельзя сказать, что передача денег и товара каузирована одним из участников: она каузирована их договором. Договор — вещь взаимная, и, следовательно, действия обоих лиц симметричны. Конечно, в разных ситуациях инициатива может исходить от покупателя или от продавца, но этих различий семантика слов *купить* и *продать* не отражает, т. е. покупатель и продавец в этих двух ситуациях не различаются не только отношением к каузации, но и инициативой. Тогда в чем же состоит различие в значении этих слов? Что заставляет говорящего одну и ту же ситуацию назвать в одном случае куплей, а в другом продажей? Очевидно, говорящий выбирает один из двух взаимно конверсных глаголов в зависимости от того, кого из участников ситуации купли-продажи он решил сделать главной фигурой — т е м о й — своего сообщения: чью точку зрения на ситуацию он принял за основную; иначе — которого из двух Агенсов (того, который отдает деньги, или того, который отдает товар) он выбрал на роль субъекта.

Примеры (1)–(3) формируют представление о коммуникативном (или синтаксическом) р а н г е участника ситуации, см. гл. 3 § 2.4: синтаксическая позиция участника не может быть предсказана однозначно из его семантической роли; помимо роли участника, она кодирует его коммуникативную значимость.

Самый высокий ранг имеет субъект: в позиции субъекта находится тот участник, которого данный глагол выделяет как тему. Так, в примере (1) субъектом в (1а) является *перворазрядник*, а в (1б) — *чемпион*. Участник *малярия* в примере (2), как и *пыль* в (3), находясь в позиции объекта, тоже имеют высокий ранг — хотя бы потому, что объект может стать субъектом и темой при пассивизации. Все остальные члены предложения обеспечивают участнику всего лишь ранг Периферия. При этом различия в морфо-синтаксическом оформлении у этих остальных подчиненных глаголу членов предложения уже не имеют прямой коммуникативной значимости. Так, ранг участника *ковер* в (3а), выраженного предложной группой (*из ковра*), — Периферия. Еще ниже ранг у тех участников ситуации, которые вообще не упомянуты в предложении в явном виде, а лишь подразумеваются, как *пыль* в (3б) и *больной* в (2б). Эти участники имеют ранг За кадром.

Язык дает говорящему возможность по-разному фокусировать внимание, т. е. связь между семантической ролью участника в ситуации и его коммуникативным рангом относительно свободная. Конверсия, семантическая деривация и просто мена диатезы обеспечивают разного рода promotions и demotions — продвижения и затушевывания (ср. глаголы *дать* и *получить*): участники переходят из света в тень — и даже в полный мрак чистого подразумевания — и обратно, не меняя (или почти не меняя) своей роли в ситуации. Одушевленность не гарантирует участнику высокого ранга; так, одушевленный участник *больной* в примере (2) может остаться за кадром.

Итак, понятие ранга восполняет терминологический пробел, из-за которого различия в степени тематического выделения ускользали от внимания. Возникает вопрос, как отразить ранг участника в толковании.

В принципе, можно было бы всем употреблениям глагола, которые различаются только диатезой (т. е. гиперлексеме в смысле Успенский 1977), сопоставить одно и то же толкование, а различия между лексемами формулировать в терминах ранговых противопоставлений участников. Но ранговой характе-

ристике участника можно прямо сопоставить в толковании коммуникативный статус его компонента, считая, что компоненты тоже могут быть центральные и периферийные. В базе данных системы “Лексикограф” ранг выражается иконически — положением компонента в центральной vs. периферийной зоне толкования. Если в результате диатетического сдвига участник понижается в ранге, то, соответственно, его компонент перемещается в толковании из зоны Центр в зону Периферия или За кадром, см. гл. III.8.

Ранговый сдвиг происходит, например, при декаузативации, см. Падучева 2001a. Так, соотношение между (4а) и (4б)

- (4) а. Длинные перечисления [Y] *утомили* меня [X] ⇒
 б. От длинных перечислений [Y] я [X] *утомился*

описывается следующим преобразованием семантических формул (жирным шрифтом выделены компоненты, входящие в зону Центр):

- (4а#) Y *утомил* X-а [происшествие; каузатив] =
экспозиция: X был в нормальном состоянии
 : был способен действовать [пресуппозиция]
Каузатор: произошло / имело место Y [пресуппозиция]
это вызвало [ассерция]
новое состояние: X неспособен действовать [имплицатив]

- (4б#) X *утомился* (от Y) [происшествие; декаузатив] =
экспозиция: X был в нормальном состоянии
 : был способен действовать [пресуппозиция]
 (Каузатор: произошло / имело место Y
 это вызвало)
новое состояние: X неспособен действовать [ассерция]

Как показывают схемы (4а#) и (4б#), различие между *утомить* и *утомиться* определяется прежде всего коммуникативным рангом компонента Каузатор. У *утомить* этот компонент входит в Центр. А у возвратного глагола *утомиться* он в периферийной зоне толкования и к тому же факультативный, что показано скобками.

§ 3. Актуализация компонента: смещение фокуса внимания с компонента на компонент

Смещение фокуса внимания с одного компонента на другой (и соответствующее изменение значения слова) не обязательно связано с изменением рангов участников: меняться может актуализация компонентов, касающихся одного и того же участника.

Пример акцентного сдвига, ставший классическим, был приведен в статье Жолковский 1964: смыслы глаголов *облегчать*, *помогать*, *способствовать* состоят из одних и тех же семантических компонентов: ‘А прилагает усилия к достижению цели С’ и ‘Б присоединяет к ним свои’, но различаются “подчеркиванием” — т. е. расстановкой акцентов. В этом примере для выражения разницы в акцентах нужны разные слова. В других случаях акцентные различия могут не иметь формального выражения.

Когда фокус внимания перемещается с одного компонента толкования на другой, у слова может возникнуть новое значение, относящее его к другому тематическому классу. См. примеры из работы Падучева 1998а, где смещение фокуса внимания рассматривается как механизм семантической деривации:

- (1) а. банка *треснула* [деформация]; б. ветка *треснула* [звук].
- (2) а. матросы *скребли* палубу [воздействие]; б. *скребет* мышь [звук].
- (3) а. Где-то *тарыхтит* мотоцикл [звук];
б. Мотоцикл *тарыхтел* по пыльной дороге [движение].

Фокусировка внимания — это то же, что **п р о ф и л и р о в а н и е** компонента (термин когнитивной лингвистики, см. также об активных зонах толкования в Langacker 1987: 189).

Сдвиги фокуса внимания и их роль в семантической деривации можно проследить на производных значениях глагола *выйти*. Сокращенное толкование для исходного значения *выйти* (ср. Апресян 1995: 494):

- (4) X *вышел из* Y *в* Z = ‘X, идя, перестал находиться в пространстве Y, замкнутом, и начал находиться в пространстве Z’²⁸.

Например: *выйти из комнаты* (города, машины); *Отойдя от стойбища шагов триста, я вышел на отмель* (МАС); *выйти на улицу*.

Когда глагол *выйти* употребляется в значении движения, актанта Y, Исходная точка, и Z, Конечная точка, редко присутствуют в предложении одновременно, см. об этом в гл. III.7 (показательно, что МАС дает для *выйти* два разных значения, одно только с участником Y, другое — только с Z). В самом деле, в толковании исходного значения *выйти* содержится два синтаксически равноправных компонента: ‘перестать’, который в исходном значении *выйти* соответствует вопросу *откуда?*, и ‘начать’, соответствующий вопросу *куда?*; естественно, что в одних контекстах актуализуется один, а в других — другой.

Если присмотреться к производным значениям *выйти*, то оказывается, что в них смещение акцента невозможно, акцент жестко закреплён либо на одном компоненте, либо на другом²⁹. Выделив из множества значений *выйти* исходное, можно (опираясь на Апресян 1995: 492, где речь идет о финитных и инцептивных фазовых наращениях, которые делят значения *выйти* на два класса, а также на толкования на с. 494—501) представить систему производных значений *выйти*, не связанных с движением, как распадающуюся на два класса: одни значения актуализуют компонент ‘перестать’ (и сочетаются с предлогом *из*), другие — компонент ‘начать’ (и сочетаются с направлятельными предлогами *в* и *на*)³⁰.

²⁸ Чаще всего пространство Z открыто (Апресян 1990); но не обязательно: в песне А. Галича — *выхожу покурить в туалет*; или: “Раз **из** — то либо **в** (другую комнату), либо **на** (волю)”, Цветаева 1967: 218. Противопоставление замкнутое — открытое пространство снимается, если Y и Z не смежные.

²⁹ Гипотеза о том, что фокус внимания, который в исходном значении слова может быть подвижным, в производных фиксируется, высказывается в Гак 1998: 238; ср. также Кустова 1999б.

³⁰ Аналогичным образом, у *следовать* в значении перемещения есть участники *Откуда?* и *Куда?*, а в производном значении логического следствия — только *Откуда?*. Похожие явления следует ожидать в семантике глаголов *отойти*, *сойти*, *уйти* и других элативных глаголов, см. гл. III.7.

К производным значениям 1-й группы, с компонентом ‘перестать’, относятся:

- 1.1. ‘перестать находиться/пребывать: изменение устойчивого состояния’ (*выйти из больницы, тюрьмы*);
- 1.2. ‘перестать быть частью, членом’ (*выйти из состава комиссии, из бригады*);
- 1.3. ‘перестать быть в состоянии’ (*выйти из повиновения, из-под опеки*);
- 1.4. ‘перестать принадлежать к категории’ (*я вышел \ из этого возраста*);
- 2.1. ‘перестать существовать в каком-то количестве: израсходоваться, кончиться’ (*у нас за месяц вышло пять кг муки*);
- 2.2. ‘истечь, т.е. перестать существовать (о сроке) (этой тельняшке вышел срок службы)’;
3. ‘произойти, т.е. перестать быть в категории Y, будучи в ней в начале своего существования’ (*вышли мы все из народа; вышел из купеческой семьи*).

К производным значениям 2-й группы, с компонентом ‘начать’, относятся:

4. ‘переместившись, начать действовать’ (*выйти на прогулку, охоту*);
- 5.1. ‘начать пребывать: в (социальном) положении: высоком’ (*выйти в генералы, в отличницы*);
- 5.2. ‘начать пребывать: в гражданском состоянии’ (*выйти замуж*);
- 6.1. ‘начать существовать’ (*из покрывала вышло три платья; ...и у вас выйдет оригинальный роман*);
- 6.2. ‘начать существовать (о произведениях печати)’ (*вышел (в свет) очередной номер журнала «Караван»; на экраны вышел новый фильм*);
- 6.3. ‘начать иметь место’ (*вышла неприятность*);
7. ‘начать быть кем-то в результате работы, учебы’ (*из него вышел хороший инженер*).

В первой группе требует комментариев значение *выйти* 3 ‘произойти’, как в *выйти из народа*: тут компонент ‘X перестал быть Y-ом’ входит в толкование значения как фоновый; главный акцент сдвигается на более ранний этап — на компонент ‘X прежде был Y-ом’, который составляет предпосылку для ‘перестать’.

В значениях 6.1 и 7 из второй группы обращает на себя внимание предлог *из* — лексем, совместимые с этим предлогом, должны были бы относиться к первой группе. Существенно, однако, что предлог *из* в контексте этих лексем не может входить в рему: его компонент относится к фоновой части толкований. Так что это не исключение, а скорее даже подтверждение того, что у этих лексем акцентирован компонент ‘начать’.

В значениях, которые отличаются от исходного только заменой ‘идти’ на ‘перемещаться’, фокус остается свободным, ср. *судно вышло из бухты* и *судно вышло в открытое море*. Заметим, что в контексте, где пространства Y и Z не смежны, условие ‘X начал находиться в пространстве Z’ из определения (4) не обязательно выполняется — семантика СВ совместима с положением Наблюдателя во временном интервале, который соответствует пути X-а от Y-а к Z-у: *Автобус вышел из Бронниц в Москву в шесть утра* (пример приводится в Апресян 1995: 495–496, с другим анализом).

Смещение фокуса внимания допускает почти любой глагол СВ, см. гл. IV.3 и IV.4. В семантике сов. вида различается событийный и статальный компонент (Падучева 1996: 154), и какой из них окажется в фокусе, зависит от контекста.

§ 4. Импликатура и инференция

Понятие и термин импликатура (англ. *implicature*) были введены Г. П. Грайсом (Grice 1975). Слово *импликатура* надо понимать как импликатура д и с - к у р с а (англ. *conversational implicature*). Импликатура — это компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т. е. закодированное в языке, значение слов или конструкций, а выводится из него при учете контекста ситуации, с опорой на П р и н ц и п к о о п е р а ц и и и вытекающие из него коммуникативные постулаты — максимы языкового общения.

Коммуникативные постулаты Грайса делятся на четыре группы:

1) постулаты Количества (информативности): “Твое высказывание должно быть достаточно информативным”; “Оно не должно содержать лишней информации”;

2) постулаты Качества (истинности): “Говори правду” или, по крайней мере, “Не говори того, что ты считаешь ложным”; “Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований”;

3) постулат Отношения (релевантности): “Будь релевантен”, т. е. “Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу”;

4) постулаты Способа выражения: “Избегай неясных выражений”; “Избегай неоднозначности”; “Будь краток”; “Будь упорядочен”.

Понятие импликатуры можно продемонстрировать на следующих примерах (ниже предложение (б) выражает импликатуру (а); пример (1) из Fillmore 1976; пример (3) — из Grice 1975; пример (4), на базе отрывка из романа А. Lurie “Love and Friendship”, приведен в Падучева 1982):

(1) а. Левый глаз у нее видит хорошо;

б. ‘с правым что-то не в порядке’.

(2) а. Он придет в субботу или в воскресенье;

б. ‘говорящий не знает, в какой из этих двух дней’.

(3) а. А: У меня кончился бензин. В: Бензоколонка за углом.

б. ‘бензоколонка работает, так что А сможет заправиться’.

(4) а. А: Никому не рассказывайте! В: Джентльмен не рассказывает таких вещей.

б. ‘В — джентльмен’.

4.1. Механизм возникновения импликатур

В последние годы получило распространение следующее терминологическое разграничение (см., например, Brown, Yule 1983: 33, Bybee et al. 1994, Wilson, Sperber 1986): носителем импликатуры является говорящий; он, создавая сообщение, подразумевает (*implicates*) нечто. А интерпретация сообщения — это задача для адресата: адресат выводит всевозможные следствия из того, что сказано, и делает заключения — и н ф е р е н ц и и (*inferences*³¹) с целью понять, что говорящий имел в виду.

Полезно различить п о т е н ц и а л ь н ы е инференции, т. е. такие, которые в принципе можно было бы сделать на основе буквального смысла высказы-

³¹ Англ. слово *inference* ‘заключение’, ‘вывод’, ‘информация, извлеченная из сообщения, но прямо в нем не выраженная’, не имеет хорошего соответствия в русском языке, и мы используем транслитерацию *инференция*. Ср. термин *invited inference*, букв. ‘приглашенная’ инференция (введенный в работе Geis, Zwicky 1971), который отражает взаимодействие говорящего и адресата в интерпретации высказывания.

вания, и такие, которые соответствуют реальным импликатурам говорящего. Дело в том, что в своем поиске импликатур адресат может ошибиться. В Падучева 1982 приводится следующий диалог:

- Где здесь мебельный магазин?
- Мебельный магазин закрыт.

Говорящий потерпел коммуникативную неудачу: магазин нужен был ему как географический ориентир; между тем адресат реагировал в соответствии с потенциальной инференцией ‘спрашивающий хочет купить мебель’, которая не была в данном случае импликатурой говорящего.

Любое высказывание, даже самое элементарное, может служить основой для большого количества инференций, в особенности если исходить из того, что говорящий соблюдает Принцип кооперации. (В Green 1996: 110 вводится удобный термин: инференции дискурса — *conversational inferences*.) Из этих инференций импликатурами данного высказывания будут те, которые в нем задействованы, востребованы. Иначе говоря, инференция становится импликатурой, если она “эксплуатируется”, т. е. если говорящий считает, что адресат вычислит в высказывании этот компонент — в расчете на то, что он, говорящий, соблюдает Принцип кооперации. Расчет на инференции — это механизм, который позволяет говорящему передать в своем высказывании гораздо больше того, что в нем сказано явно.

Так, в примере (1) импликатура вытекает из максимы Количества: говорящий мог бы выразиться короче, если бы его утверждение было верно для обоих глаз; в примере (2) — из максимы Качества: если бы говорящий знал, какая из двух альтернатив верна, он мог бы сделать более сильное утверждение. В примерах (3), (4) вывод основан на максиме Релевантности. Так, в (4) импликатура (б) позволяет воспринять ответную реплику В как обещание выполнить просьбу.

Импликатура — это семантический компонент, обладающий целым рядом характерных свойств.

1. Импликатура отличается от ординарного компонента не э к с п л и ц и т н о с т ь ю. Грайс различает в содержании высказывания то, что говорится (*what is said*), и то, что передается неявно (*what is implicated*); импликатура относится ко второму разряду.

2. Импликатура отличается от инференции тем, что говорящий и м е е т е е в в и д у.

3. Импликатура н е к о н в е н ц и о н а л ь н а, т. е. не закодирована в лексическом значении какого-либо слова или конструкции. Это очевидно в примерах (3), (4).

4. Импликатуры п о д а в л я е м ы (*defeasible*). Тем самым интерпретация высказывания может быть неоднозначна. Ср. пример из Grice 1975: 51:

- (5) А: Smith doesn't seem to have a girlfriend these days.
- В: He has been paying a lot of visits to New York lately.

Высказывание В позволяет заключить, что, скорее всего, подруга есть; однако его можно понять и так, что у Смита нет времени на таковую. Так что первая импликатура подавляема.

5. Импликатура в ы ч и с л и м а, см. Levinson 1983: 113—114, Leech 1983: 24—25; а именно, она выводима из постулатов дискурса. Основой для вывода импликации являются, взятые в своей совокупности: буквальный смысл высказывания; постулаты дискурса; контекст; внеязыковые знания говорящих и, возможно, что-то еще. Заметим, что в примере (4) для получения нужной импликации ‘В не расскажет’ нужна аристотелевская силлогистика.

6. Импликатура отличается от логических и семантических следствий (entailments) тем, что опирается, помимо смысла высказывания, на Принцип кооперации и на контекст.

7. Импликатура отличается от пресуппозиций тем, что она может быть эксплицирована (reinforced) в последующем тексте, и это не вызовет ощущения тавтологии. Так, текст (а), где эксплицируется импликатура, нормальный, а текст (б), где повторяется пресуппозиция, звучит странно:

(а) Некоторым понравилось. Но не всем.

(б) Его преступление непростительно. А он совершил преступление.

8. Импликатура отличается от ассерции тем, что если она ложна, то высказывание в целом не является ложным. Автор высказывания с ложной импликацией не лжет, а всего лишь вводит в заблуждение — сознательно или бессознательно.

9. Импликации дискурса у н и в е р с а л ь н ы, т.е. должны вытекать из высказывания с данным смыслом в любом языке, и этим отличаются от конвенциональных компонентов.

Выигрышное поприще для демонстрации идей Грайса — слова, которые являются эквивалентами логических связей: отличие союзов от связей отчасти можно вывести из постулатов коммуникации.

Так, союз *или* отличается от логической дизъюнкции $p \vee q$ компонентом «незнание», пример (2): если бы говорящий знал, какой из дизъюнктивных членов верен, он мог бы сделать более информативное высказывание. Это было известно еще Тарскому (ср. Падучева 1985: 43)³².

Союз *если* отличается от логической импликации $p \rightarrow q$ наличием нескольких дополнительных компонентов; скорее всего, это импликация:

(б) *Если* матч транслируется, то Иван сейчас сидит перед телевизором.

Первый компонент — ‘говорящий не знает, имеет ли место q ’; иначе он мог бы сделать более сильное утверждение, не упоминая условия p вовсе. Второй — ‘говорящий не знает, имеет ли место p ’. В русском языке для того случая, когда p однозначно истинно, есть союз *раз*, см. Иорданская 1988:

(б') *Раз* матч транслируется, Иван сейчас сидит перед телевизором.

Третий дополнительный компонент — между p и q имеется содержательная связь — причинно-следственная (например, во фразе *Если Иван опаздывает, то Машиа сердится* эмоциональное состояние Маши понимается как обусловленное опозданием Ивана) или какая-то иная, например по договоренности (как во фразе *Если Ева на даче, то Адам в городе*). Этот компонент вытекает

³² Есть еще одно отличие: в естественном языке дизъюнкция, в исходном значении, разделительная: неразделительное значение возникает только в специальном контексте, например: *Если будет холодно или пойдет дождь, то прогулка не состоится*, см. Падучева 1964б. Разделительное значение у *или* тоже вытекает из общих постулатов коммуникации, см. раздел 4.2.

из постулата Качества: если такой связи нет, то какое основание говорящий может иметь для своего утверждения? Добавим еще четвертую импликатуру — ‘если не-*p*, то не-*q*’. В самом деле, *если* часто понимается в значении ‘если, и только если’ (ср. Падучева 1996: 239), что вытекает из постулата Количества — особенно в контексте, где противопоставлены только *p* и не-*p*:

(6'') *Если* позовешь, приду [имеется в виду: ‘а если нет, то нет’].

Наконец, союз *и* отличается от конъюнкции *p & q* тем, что в контексте, где *p* и *q* — события, в толковании *и* возникает по умолчанию дополнительный компонент, обусловленный одной из максим Способа, которая требует, чтобы события излагались в той последовательности, в которой они происходили (в Падучева 1996: 363 перечислены обстоятельства времени, которые заставляют отказаться от этой дефолтной интерпретации). Так, даже в примере (7б) говорящий будет искать интерпретации, соответствующей этой импликатуре (она возможна, например, если действие происходит на второй полке в вагоне поезда):

(7) а. Он снял брюки и лег; б. Он лег и снял брюки.

Глаголы *поторопиться* и *поспешить*, с исходным значением ‘сделать как можно быстрее’, допускают инференцию ‘сделать с л и ш к о м быстро, т. е. преждевременно или необдуманно’, ср. Апресян 1995: 186.

В последние годы “радикально прагматический” подход Грайса, при котором существенная часть значения высказывания передается в компетенцию прагматики, неоднократно подвергался критике, см., например, Davis 1998.

Одна из указанных Грайсом областей применения его “радикально прагматического” подхода — это тавтологии вида “*X is X*”. Альтернативный Грайсу анализ тавтологий предлагается в блестящем эссе Анны Вежицкой (Wierzbicka 1991: 391–452). Если значение тавтологии может быть предсказано на базе универсальных принципов, независимых от языка, то оно должно быть во всех языках одинаково. Между тем, говорит Вежицкая, конструкции вида “*X is X*”, формально совпадающие в разных языках, имеют разное значение — конвенциональное и, следовательно, лингвоспецифичное, т. е. не выводимое из общих принципов. И наоборот, один язык может иметь разные тавтологические конструкции с разным смыслом. Например, *Boys are boys* не то же, что *Boys will be boys*.

Вежицкая усматривает для конструкции “*X is X*” в англ. языке несколько разных моделей, каждую со своим значением:

(а) Реалистическое отношение к событиям жизни:

War is war ‘Война есть война’; Business is business ‘Бизнес есть бизнес’.

(б) Терпимость к человеческой природе:

Boys are boys ‘Дети есть дети’; Woman is woman ‘Женщина есть женщина’.

(в) Терпимость к тем или иным видам человеческой деятельности:

A picnic is a picnic ‘Пикник есть пикник’;
A holiday is a holiday ‘Праздник есть праздник’.

В английском языке модели (а)–(в) различаются формально — числом и артиклем. Между тем русские переводы по форме везде одинаковы, и мы

попытаемся показать, что русская конструкция “X is X” всегда имеет одно и то же значение.

Существенный аспект семантики конструкций этого типа отмечен в толковании, предлагаемом в Levinson 1983: 125 для высказывания *Boys are boys*: оно анализируется как содержащее импликацию ‘that’s the kind of unruly behavior you would expect from boys’ —

‘вот неправильное поведение — которого, однако, от мальчиков следует ожидать!’.

В этой формулировке существенно то, что хотя высказывание носит общий характер, делается оно по поводу конкретного поступка или события, который находится в зоне внимания говорящих. В этой связи важно замечание Вежицкой о том, что на фр. язык, где конструкция со значением ‘X есть X’ непродуктивна, фраза *Война есть война* будет переведена как *C’est la guerre*, так что конкретное событие обозначено — дейктическим *ce* ‘это’.

Конструкция “X есть X” имеет следующее толкование. (В толковании фигурирует, помимо участника X, участник x — конкретный объект или событие, по поводу которого делается высказывание; синтаксис оставляет его за кадром, т. е. в число синтаксических составляющих конструкции он не входит.)

X есть X (например, *Дети есть дети*) =

имело место событие, касающееся x-а
 x относится к категории X
 все объекты категории X обладают определенным свойством/требуют от человека определенного поведения по отношению к ним (и вызывают соответствующую реакцию)
 тем самым
 x обладает этим свойством/требует от человека данного поведения по отношению к нему (и вызывает эту реакцию)
 так что этого следовало ожидать/это следует принять как должное³³.

Сложность смысла высказываний вида “X есть X” обусловлена тем, что содержательно главный компонент ее значения — ‘x относится к категории X’ — присутствует в ее толковании в статусе За кадром: участник x, по поводу которого делается высказывание, в поверхностной структуре не отражен. Пока компонентам не приписаны коммуникативные ранги (см. § 2), это толкование больше годится для французской конструкции, представленной выше примером *C’est la guerre*, где участник x выражен (дейктически), и категоризация конкретного явления составляет ассерцию: русская конструкция выносит категоризацию x-а за кадр. Более того, то свойство, вытекающее из принадлежности x-а к категории X, которое интересует говорящего, составляет импликацию, т. е. тоже не выражается явным образом. Чтобы понять высказывание, нужно понять, какое свойство объектов категории X имеется в виду. Например, для *Дети есть дети* это, скорее всего, склонность к шалостям. Но возьмем высказывание

(8) Мать есть мать.

³³ Момент ожидания отмечает в семантике этой конструкции С. Левинсон. В русской фразе *Это же война!*, которая очень близка по смыслу к *Война есть война!*, говорящий, как справедливо отмечает Вежицкая, апеллирует к выражаемой частицей *же* очевидности (всего, что говорится) для адресата; см. о *же* в Padučeva 1987.

Оно могло быть сделано, например, в ситуации, когда женщина пожертвовала чем-то ради своего ребенка и заслуживает восхищения; когда она защищает его неблагоприятный поступок, но достойна снисхождения; когда она беспомощна и необходимо проявление заботы с нашей стороны; и еще во многих других ситуациях. В любом случае имеется в виду какая-то ассоциация (или коннотация, ср. Иорданская, Мельчук 1980), которая в данном контексте выходит на передний план. Импликатура может быть сформулирована в последующем тексте в явном виде, как в строчках из Окуджавы *Работа есть работа: работа есть всегда*.

Участника *x* может ни в тексте, ни в контексте не быть; тогда смысл конструкции состоит просто в том, чтобы обратить внимание на какое-то из свойств самой категории *X*, заключенное в имплицатуре. Имплицатурой может, в частности, быть сам факт существования данной категории явлений: признавая существование явления, мы должны принять как должное все его аспекты, в частности — отрицательные. Фраза *Терроризм есть терроризм*, которая звучит странно (поскольку призывает как бы к примирению с терроризмом) не аномальна, а скорее ложна в нашей культуре, поскольку мы не склонны признавать терроризм — в отличие даже от войны — законно существующим в нашем мире. В то же время для высказывания *Террорист есть террорист* вполне можно найти подходящий контекст: например, он оказался на свободе и совершил новый теракт, чего и следовало ожидать.

В Wierzbicka 1991: 411–412 приводится список “отношений и ожиданий” (attitudes and expectations), связанных с разными категориями объектов, и отмечается, что он неполон. Но этот список и не может быть полным, поскольку речь идет об имплицатурах, которые неперечислимы в рамках семантики. Взять хотя бы пример со с. 411, когда высказывание *Мужчина есть мужчина* имеет подтекст ‘от него можно ожидать чего угодно’ (причем речь идет о мертвце, обнаруженном в гардеробе). Ассоциация фиксирована только для тех оборотов, которые стали фразеологизмами, а в свободно образуемых сочетаниях любая инференция — любая ассоциация, связанная с категорией *X*, — может стать имплицатурой, нужной говорящему.

Естественно, что конструкция “*X есть X*” не принимает на роль *X*-а те категории, с которыми не связано определенных ассоциаций. Так, фраза *Вторник есть вторник* хуже, чем *Суббота есть суббота*, поскольку у обычного дня недели нет специальных признаков. Но как только в каком-то контексте возникает характерная ассоциация (например, если во вторник у говорящего важный семинар), тавтологическая конструкция *Вторник есть вторник* сразу становится осмысленной.

Свойство объектов класса *X*, составляющее имплицатуру, может быть как отрицательным, так и положительным. По-видимому, высказывания с положительной оценкой встречаются реже, чем с отрицательной, и, возможно, они слегка отличаются интонационно³⁴. Например, фраза *Мать есть мать* мо-

³⁴ В Булыгина, Шмелев 1997 конструкция “*X есть X*” сопоставляется с конструкцией “*X — это X*”, с помощью которой говорящий выражает скорее положительное отношение к *X*-у, ср. *Женщина есть женщина* и *В то время женщины — это были женщины*. Можно думать, дело здесь в том, что *есть* означает принадлежность к классу, т. е. тривиальность вытекающих свойств; а *это* выражает тождество и подчеркивает индивидуальность, уникальность *X*-а.

жет выражать чувство законной гордости; фраза *Праздник есть праздник* — положительное отношение к приготовлениям.

Итак, описание конструкции “*X есть X*” невозможно без обращения к понятию импликатуры: говорящий выделяет какое-то из свойств категории *X* как основное, актуализуя одну из бесчисленного множества инференций, связанных с этой категорией.

Единственное значение, которое можно приписать конструкции как целому, — это ожидаемость, очевидность наличия у *x*-а некоторого свойства, вытекающая из его принадлежности к категории *X* (или просто свойства у категории). В Булыгина, Шмелев 1997 в конструкции “*X есть X*” усматривается значение уступительности. Но «ожидание» охватывает уступительность: хорошие проявления *x*-а, если они представляются как очевидные, тем самым принижаются, а плохие оправдываются.

Итак, мы вправе заключить, что конструкция “*X есть X*” не может быть описана на чисто семантическом уровне: ее толкование обращено не к смыслу слова *X*, а к связанной с ним импликатуре, которая целиком на совести говорящего и, в принципе, может быть своей для каждого употребления высказывания этой формы.

Надо сказать, что ровно тот же принцип актуализации инференций работает на метафору. Ср. пример из Levinson 2000: 118 *Джон — это машина*. Набор инференций, вытекающих из причисления Джона к данной категории, неоднозначен: Джон может быть холодным; эффективным; нетворческим и т. д. Какая из ассоциаций-инференций оказывается в данном высказывании импликатурой, зависит от говорящего, а адресат выявляет по контексту — более или менее успешно — среди возможных инференций ту, которая имела в виду.

В статье Black 1962, одной из самых лингвистически содержательных работ о метафоре, для обозначения стандартных ассоциаций, которые не содержатся напрямую в значении слова, но связаны с ним в сознании данного языкового коллектива, используется термин импликация (\approx инференция). Тот же термин, примерно в том же значении, используется в работе Кустова 2001, где такие импликации позволяют предсказать свойственные глаголу семантические деривации. Например, у глаголов деформации, типа *бить*, *рвать*, *резать*, основной семантический компонент — «нарушение целостности объекта»; а импликации, порождающие новые значения, многочисленны и разнообразны:

- «повреждение, ущерб» (*порвать рубашу*, *порезать палец*);
- «невозможность функционирования» (*ветер порвал провода*);
- «уничтожение» (объекта: *порвать записку*) / «прекращение» (ситуации: *разорвать отношения*);
- возможно, даже «создание» (*пробить дверь* \supset ‘сделать дыру’).

При этом в производных значениях исходный компонент «нарушение целостности объекта» отходит на задний план или вовсе утрачивается.

4.2. Типы импликатур

Свойства, перечисленные в разделе 4.1, приписываются импликатурам в целом; между тем имеются разные их типы. Грайс различает общезначимые импликатуры (*generalized implicatures*) и частные (*particular*). Только

частные импликатуры, такие как в примерах (3), (4), действительно зависят от контекста. Конструкция “*X есть X*” в русском языке, как мы видели, тоже порождает частные импликатуры, т. е. в каждом контексте свои. Что же касается импликатур в составе “логических” союзов, то они общезначимые и от контекста не зависят.

Разные виды импликатур обладают разным набором свойств из числа приведенных в разделе 4.1. Так, частные импликатуры безусловно подавляемы, см. пример (5). При этом естественно, что если на импликатуре строилась связность текста, то ее ложность имеет последствием нарушение связности. В примере (4) из последующего контекста выясняется, что В все-таки расказал то, что не надо. В свое оправдание он говорит: *I never said I was a gentleman* ‘Я не говорил, что я джентльмен’. Тем самым он освободился от своего обещания. Однако в этом случае он должен признать, что его реплика в первом диалоге нарушила максимум Релевантности (делала текст бессвязным) и тем самым вводила в заблуждение.

Пример общезначимой импликатуры — компонент ‘не все’ в значении слова *некоторый*:

(9) *Некоторые* книги он прочел [предполагается, что не все].

Общезначимые импликатуры фактически не обладают одним из главных свойств типичной импликатуры — подавляемостью. Так, в примерах типа (9’), которые приводятся в доказательство подавляемости общезначимой импликатуры в значении *некоторый*, вторая фраза допустима разве что как поправка к первой:

(9’) *Некоторым* выставка понравилась. На самом деле, всем.

Общезначимым импликатурам посвящена книга Levinson 2000, где излагается некий общий принцип выявления импликатур, порождаемых постулатом Количества. А именно, если в языке имеется два выражения, близких по смыслу, из которых одно является в некотором смысле более сильным, чем другое (содержит больше информации), то употребление более слабого означает, что более сильное было бы ложным. Отсюда целая серия импликатур, порождаемых наличием пары слов, упорядоченных по информативности (ниже знак \supset связывает слово с импликатурой, порожденной его ассоциацией с более информативным). Примеры:

- {*и, или*): *или* \supset ‘не и’
- {*все, некоторые*): *некоторые* \supset ‘не все’
- {*все, многие*): *многие* \supset ‘не все’
- {*большинство, некоторые из*): *некоторые из* \supset ‘не большинство’
- {*обязательно, возможно*): *возможно* \supset ‘не обязательно’
- {*должно, может*): *может* \supset ‘не должно’
- {*всегда, иногда*): *иногда* \supset ‘не всегда’
- {*горячий, теплый*): *теплый* \supset ‘не горячий’
- {*знаю, считаю*): *считаю* \supset ‘не знаю’.

Употребление 2-го слова означает, что высказывание с 1-м, по мнению говорящего, было бы ложным (во всяком случае, за его истинность он не может поручиться). Так, *считает, что Р*, как давно признано в философской логике, имплицитует ‘не знает, Р или не Р’. Точнее было бы в этом контексте говорить

не об импликатурах, а об инференциях дискурса. Дело в том, что все эти заключения по своему содержанию отрицательные, т. е. малоинформативные, и потому, как правило, они не имеются в виду говорящим. Так (пример С. Левинсона), из *обручена* вытекает ‘не замужем’, но это не только не компонент значения слова *обручена*, но и не имеется в виду.

Однако общезначимая инференция может стать компонентом значения. Покажем это на примере (10). Глаголы с приставкой *про-* обнаруживают следующую характерную неоднозначность:

- (10) а. Мы сейчас *проехали* (или: *проезжаем*) Аникеевку;
 б. Мы *проехали* \ Аникеевку — теперь придется идти назад пешком.

В работе Зализняк 1994 неоднозначность глаголов с приставкой *про-* была представлена как различие в значении слова *мимо*: и (10а) и (10б) может быть перефразировано как ‘проехали мимо Аникеевки’; иначе — ‘рядом с Аникеевкой’. Будем считать, что в (10а) *мимо* 1, а в (10б) — *мимо* 2.

В значении *мимо* 1 нет ожидания будущего контакта движущегося предмета X с ориентиром Y, поблизости от которого проходит траектория X-а:

мимо 1 (как в *Мы [X] проезжаем мимо Аникеевки [Y]*) =
 | X перемещался;
 | в некоторый момент X находился рядом с Y-ом.

А значение *мимо* 2 возникает тогда, когда контакт с Y-ом предполагался, но не осуществился. Только ожидание (вытекающее из контекста) порождает значение несостоявшегося контакта, *мимо* 2. В исходном значении, *мимо* 1, компонент «отсутствие контакта с Y-ом» — это неинтересное отрицательное следствие, инференция, вытекающая из значения слова *рядом*. Это следствие не является компонентом значения слова *рядом*: если *рядом с Y-ом*, значит ‘не через Y’. Общезначимая импликатура:

(*через X, рядом с X-ом*): *рядом с X-ом* \supset ‘не через X’.

О глаголах с приставкой *про-* в Кронгауз 1998: 165 говорится, что им свойствен семантический сдвиг, при котором “импликатура переходит в ассерцию”. Точнее будет, однако, сказать, что в производном значении этих глаголов, как и в значении *мимо* 2 слова *мимо*, компонент «отсутствие контакта» одновременно а) переходит из потенциальной инференции в ординарный компонент значения, переосмысляясь как «несостоявшийся контакт», и б) получает статус ассерции. Таким образом, у *проехать мимо* выявляется два значения: 1) ‘проехать рядом с Y-ом’; 2) ‘не попасть в Y/не вступить в контакт с Y-ом, вместо этого проехав рядом с Y-ом’.

Наряду с инференциями дискурса, которые общезначимы, представляют интерес инференции, которые носят более частный характер и не являются обязательными. Примером такой инференции может служить компонент «перемещение», который усматривается у глагола *показаться*: предмет становится видимым, чаще всего за счет перемещения, так что «перемещение» возникает как естественная инференция. Для *показаться* в значении ‘стать видимым’ компонент «перемещение» не является обязательным и возникает лишь в определенных контекстах, например:

- (11) Тотчас из-за одного из памятников *показался* черный плащ. Клык сверкнул при луне, и Маргарита узнала Азazelло (ММ).

Между тем для акционального *показаться*, как в (12), инференция перемещения является ординарным — стабильным — семантическим компонентом:

- (12) Он надел эту шапочку и *показался* Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер (ММ).

Возможность перехода необязательной инференции в ординарный компонент демонстрирует глагол *исчезнуть*. Рассмотрим пример:

- (13) Швейцар смерил сердитого чиновника полным сомнения взглядом, но все же *исчез* за дверью (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса).

В толковании глагола *исчезнуть* в его исходном значении различается два компонента: главный, ‘перестать быть видимым’, — ассерция; и второй компонент, ‘переместиться’, не обязательный; он возникает на правах правдоподобного заключения — инференции — в контекстах типа *Иван появился на минуту, но тут же исчез* и не возникает в контексте *изображение исчезло*. Отсюда специальный эффект в примере (13): по смыслу противоречие, выражаемое с помощью уступительного *но все же*, — между сомнением швейцара и его перемещением, а не его видимостью; компонент «перемещение», имеющий статус инференции, не может вступать в такое противопоставление; нужен акцентный сдвиг, который бы перевел компонент «перемещение» в ординарный, что и имеет место в (13).

Надо сказать, что в примере (13) помимо акцентного сдвига задействован категориальный: контекст требует, чтобы перемещение субъекта имело характер сознательного действия. Так что *исчезнуть* в (13) выступает как глагол действия — каковым он в своем исходном словарном значении, конечно, не является.

Иначе ведет себя глагол *скрыться*: у него исходное значение акциональное и компонент «перемещение» ассертивный.

На этих примерах видно, что инференциальность — это особая характеристика семантического компонента, отличная от его ассертивного статуса. Компоненты, которые выводимы (= вычислимы) — из постулатов дискурса или из других компонентов того же толкования, — имеют меньший вес; это “более дешевые” компоненты (см. о выводимости сирконстантных компонентов в гл. III.2 § 6). Можно сказать, что импликатура и инференция — это характеристика компонента с точки зрения его *п р о и с х о ж д е н и я*. Отсюда естественность использования инференций для описания изменения семантики слова в диахроническом плане, см. Traugott 1997.

Глаголы *торопиться*, *спешишь*, с исходным значением ‘делать как можно быстрее’, могут иметь значение ‘быстро двигаться’, ср. *торопиться на поезд*. Но это не инференция, а контекстное приращение: компонент «перемещение» порождается контекстом.

§ 5. Влияние акцентного статуса компонента на сочетаемость

В работе Рахилина 1992 был приведен ряд примеров, показывающих, что не все коммуникативные аспекты семантики слова охватываются понятием релятивного акцента и, следовательно, могут быть сведены к противопоставлению ассерция — пресуппозиция. Почему, скажем, (1a) возможно, а (1б) — нет?

(1) а. глубокая книга; б. *глубокая брошюра.

Ср. также примеры из Филипенко 1992:

(2) а. красиво одевать; б. *красиво кутать.

Недопустимость сочетаний типа (б) в примерах (1), (2) можно объяснить, обратившись к понятиям тематического выделения и фокуса внимания, о которых шла речь в § 2: если в толковании слова некий семантический компонент находится в сфере действия того или иного семантического оператора (модификатора), внимание концентрируется на данном компоненте / аспекте; он актуализуется, так что остальные уходят на задний план и уже не могут быть темой — субъектом для того предиката, который мы пытаемся связать с этим словом на синтаксическом уровне. Например, в слове *кутать* в (2) выдвинуто на передний план то, что одежда теплая (и даже слишком теплая); поэтому синтаксически охарактеризовать действие *одевать* по другим параметрам уже нельзя: в толковании выделен в качестве темы один аспект действия, а остальные понижены в ранге — отодвинуты на задний план.

Ограничения сочетаемости такого рода рассмотрены в статье Иванова, Казенин 1993:

(3) а. Солома *горела* быстро; б. *Солома *полыхала* быстро.

(4) а. Он плотно *закрыл* дверь; б. *Он плотно *захлопнул* дверь.

В (3) в значении *гореть* оба компонента ('испускает огонь' и 'уничтожается под действием огня'), выделенные в Апресян В. 1991, доступны для внешних модификаторов. В значении *полыхать* темой является компонент 'огонь', который характеризуется как большой и яркий. А *быстро* требует тематического выделения компонента «уничтожение», который может быть актуализован у *гореть*, а в значении слова *полыхать* подавлен. В (4) глагол *захлопнуть* означает 'закрыть, издав хлопающий звук'; но в *закрыть* акцент на контакте двери с дверным проемом, и этот контакт может быть охарактеризован как плотный; а в семантике *захлопнуть* актуализован компонент издавания звука, сопровождающего установление контакта, и компонент 'контакт' недоступен для внешних модификаторов. См. другие примеры этого рода в гл. 6 § 4.

Понятие тематического выделения дает простое объяснение ограничениям сочетаемости наречий с аспектуальными формами и значениями. Известно, например, что наречия, которые характеризуют процесс (или действие в его развитии), т. е. сочетаются с глаголом НСВ, часто не сочетаются с парным глаголом СВ. Дело в том, что совершенный вид акцентирует достижение результата (гл. IV.3); а процессный компонент, даже если он и входит в семантику СВ (что верно для предельного глагола), в нем не актуализован, не имеет нужного акцентного статуса и потому недоступен для наречия — не может быть его сферой действия:

(5) а. мучительно *преодолевал*; б. *мучительно *преодоле*л;
а. медленно *возвращался*; б. *медленно *возвратил*ся;
а. *гореть* ярко; б. **сгореть* ярко.

* * *

Итак, акцентный статус — это обобщение для целого ряда противопоставлений: собственно коммуникативных — рематических (ассерция, пресуппозиция,

имплицитив, атрибутив); тематических, т. е. связанных с фокусом внимания, иначе — ранговых (Центр, Периферия, За кадром); “этимологических” (инференция, импликатура).

Наш анализ позволяет заключить, что имеются акцентные противопоставления, не сводимые к рематическому выделению. Первоначально тема и рема мыслились как взаимно дополнительные понятия: что не рема, то тема. Сейчас ясно, что это не так. В Мартемьянов 1964: 143 фигурировал “маршрут движения через ситуацию” как общий знаменатель для всех коммуникативных противопоставлений. Для ранговых различий полезны, однако, другие образы, такие как свет — тень или передний — задний план.

Как и другие параметры, акцентный статус компонента различает, с одной стороны, значения слова (или грамматической категории), а с другой — разные слова. В гл. III.2, например, идет речь о том, что из двух близких по смыслу глаголов, *увидеть* и *заметить*, перцептивный компонент имеет более высокий статус в семантике первого глагола, чем второго. Однако, как мы уже видели в других случаях, разные слова редко дают чистый пример различия по какому-то одному параметру; разницу между словами обычно нельзя свести к акцентному статусу компонентов — хотя из различия в статусе можно получить много полезных следствий³⁵.

Динамический подход к лексическому значению позволяет выявить акцентный статус компонента как важный фактор лексического значения: контекстные сдвиги значения гораздо чаще состоят в изменении акцентов, чем в вычеркивании компонентов из толкования.

³⁵ Многие проблемы остались за рамками настоящего обзора, например: имеют ли особый статус компоненты, в которых один из участников — говорящий; почему не имеет отрицания *очутиться*; возможна ли общая интерпретация для эффекта, который дает просодический сдвиг в контекстах типа *Тебе показалось* \.

Глава 6

ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОННОСТИ

И ПРАВИЛА СОЕДИНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ В ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛОГО*

Принцип композиционности (который называют иногда принципом Фреге) в самом общем виде формулируется так: “Значение языкового выражения является функцией от значений его частей и способов их синтаксического соединения”, Partee 1984: 318. Этот принцип играет важную роль в формальной семантике, но понимается в узком смысле, предполагающем некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом. Между тем, как отмечено в Partee 1984, при более широком понимании этот принцип должен найти себе место в любой теории языка. Одна из первых лингвистических работ, посвященных проблеме композиционности, — Weinreich 1966. Непосредственно относятся к делу правила зачеркивания в Апресян 1974: 81 и правила сочетаемости значений в Апресян 1980: 39. Важный вклад в проблему композиции смыслов вносит книга Богуславский 1996.

З а м е ч а н и е. Обратим внимание на то, что в логической формулировке композиционности учитываются только слова и синтаксические конструкции; нет упоминания ни о морфологии, ни о линейно-акцентной структуре. Лингвистически скорректированная формулировка — “значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций” — была дана в работе Падучева 1974: 12, где предложен один подход к описанию вклада семантики синтаксических конструкций в общую семантику предложения и приняты во внимание как морфология, так и актуальное членение. Ниже главное внимание уделено лексическому аспекту композиционности.

Мы понимаем принцип композиционности как установку на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, грамем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания. Речь идет, таким образом, не столько о принципе композиционности, который принимается как данное, сколько о самих правилах композиции смыслов.

§ 1. Правила композиции смыслов

Высказывание сопоставляет фрагменту реального мира некую семантическую структуру; возникает языковой конец данного фрагмента мира (о соотношении семантической и концептуальной структуры см. гл. II.2 § 1). Семантические структуры содержат, среди прочего, информацию о логических свойствах предложений — позволяют устанавливать между предложения-

* Переработанный вариант статьи Падучева 1999в.

ми отношение логического и семантического следования, противоречия, эквивалентности; именно возможность получения такого рода информации служит критерием адекватности толкований слов и предложений.

Говоря о семантике предложения или текста, мы будем ориентироваться на понимание уже сделанного высказывания слушающим, а не на порождение текста говорящим: речь идет о законах интерпретации, а не о порождении текста. Дело в том, что реально существует только такой смысл, который выражен каким-то текстом.

Итак, смысл целого строится из смыслов частей. Естественно, в то же время, что смыслы отдельных слов в составе предложения не просто “прикладываются” один к другому: при соединении в единое целое неизбежно происходит преобразование смыслов частей. Можно полагать, однако, что такие преобразования опираются на *о б щ и е п р а в и л а* — своего рода “семантические сандхи”. Их тоже надо описать в рамках задачи композиции смыслов.

Правила композиции смыслов мыслятся здесь как преобразование исходного лексико-синтаксического представления предложения в семантическое. Каждое правило касается отдельного словосочетания, но существенна установка на возможность в конечном счете прийти к смыслу целого.

Два главных компонента исходного представления смысла предложения (о других носителях смысла будет сказано ниже) — это лексический состав предложения и синтаксическая структура; синтаксис задает на множестве лексем отношение подчинения, по которому, в принципе, можно выявить предикатно-аргументные отношения между оператором и операндом в семантической структуре.

Каждое правило композиции решает две проблемы: 1) оно указывает способ соединения смыслов отдельных слов в единое целое в составе той или иной конструкции; 2) в явном виде представляет изменение значений слов под влиянием лексического и синтаксического контекста (и, возможно, наоборот, значения конструкций, измененные в контексте данного лексического наполнения). Заметим, что концепция “строгой” композиционности в формальной семантике вообще не предусматривает возможности изменения смысла слова под влиянием контекста, см. об этом Pustejovsky 1998: 59.

Говоря о композиции смыслов, мы должны способы представления смысла отдельных слов и синтаксической структуры предложения принять за данное. Синтаксис мыслится как заданный деревом зависимостей (самого общего вида, см., например, Падучева 1964а)³⁶; а смыслы слов должны быть заданы словарем; о представлении смысла слова см. гл. 1—5.

Смысл слова в высказывании не исчерпывается толкованием — словарное толкование может пополняться за счет разного рода инференций из составных частей толкования; за счет контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов в стиле Грайса; возможно, чего-то еще.

Ниже рассматриваются в основном такие сочетания слов, в которых хотя бы один из компонентов — глагол. Как и ранее, мы исходим из того, что глагол в каждом своем употреблении в высказывании порождает концепт некой ситу-

³⁶ Но в некоторых случаях нужны сведения и о составляющих, см. Гладкий 1973. См. о современных концепциях синтаксиса в Тестелец 2001.

ации. Толкование приписывает участникам — в этом концепте — семантические роли и таксономические классы, в соответствии с категориальными (таксономическими) предпосылками относительно каждого из участников; например, у глагола *подарить* в предложении

Отец подарил ему на день рождения рояль

участник-субъект — Агенс; объект — Пациенс (у него меняется Посессор); третий участник, обозначенный дативом, — Адресат. Т-класс у Агенса и Адресата — ЛИЦО, у Пациенса — ПРЕДМЕТ / СУБСТАНЦИЯ.

З а м е ч а н и е. В наших правилах композиции будут фигурировать не слова, а лексемы, т. е. слова, взятые в нужном значении. Было бы естественно, чтобы решение о том, какой своей лексемой слово представлено в данном предложении, принималось при участии правил, подобных правилам композиции. Так, в Апресян 1974: 179 идет речь об “осциллирующем” значении слова *быстро*, которое может значить ‘с большой скоростью’ и ‘немедленно’, т. е. ‘через короткий срок’. Эти два значения *быстро* действительно легко переходят одно в другое, поскольку связаны друг с другом как причина и следствие: если движение имеет большую скорость, то результат наступит через короткий срок (а если глагол акцентирует начало, то действие начнется через короткий срок). Но не все глаголы, предполагающие результат, предполагают также и скорость; слово *быстро* “ищет” в семантике подчиняющего глагола подходящую для себя сферу действия, и от исхода поиска зависит его — контекстно обусловленное — значение. Можно было бы представить этот поиск как правило композиции — правило контекстного изменения значения *быстро*. Однако задачу установления значения слова по контексту мы здесь оставляем в стороне. Говоря о композиционности, мы будем иметь дело не со словом, а с лексемой, т. е. словом в данном его значении: даже лексемы меняют смысл в контексте предложения, так что проблема композиции смыслов остается и для лексем.

Кроме лексики и синтаксиса, есть еще такие важные слагаемые смысла, как несинтаксическая словоизменительная морфология — вид и время глагола, число существительного и др.; и коммуникативная, т. е. линейно-акцентная, структура. Роль линейно-акцентной структуры можно показать на примере (1). В (1а) предметом удивления служит все содержание придаточного, а в (1б), с главным фразовым ударением на *свои*, только то, что деньги, которые он отдал, были его собственные:

- (1) а. Меня удивило, что он дал тебе свои деньги \ ;
 б. Меня удивило, что он дал тебе свои \ деньги.

Казалось бы, линейно-акцентная структура является отдельным фактором смысла, который можно для начала оставить в стороне, не касаясь предложений типа (1б) с маркированной просодией. Однако коммуникативная структура часто неотделима от семантики лексики, поскольку слово может иметь “врожденную” просодию (и даже предрасположение к порядку слов, см. о слове *редкий* в Падучева 1989а: 21). В Апресян 1974: 81 приводится в доказательство неаддитивности сложения смыслов следующий пример (который интересовал еще Есперсена):

- (2) Бутыль не вмещает пяти литров.

По общим правилам предложение (2) должно означать ‘вместимость бутылки не равна пяти литрам’, т. е. ‘бутыль вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров’; между тем (2) = ‘бутыль вмещает меньше пяти литров’.

Однако этот пример допускает иную интерпретацию, см. Богуславский 1985: 29. Дело в том, что смысл ‘вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров’ принадлежит предложению (2')

(2') Бутыль вмещает не пять \ литров,

для которого исходным утвердительным служит

(2'') Бутыль вмещает пять литров \ [или: *пять \ литров*].

А для (2) исходным утвердительным служит

(2''') Бутыль вмещает \ пять литров,

с главным фразовым ударением на глаголе. Предложение (2''') имеет смысл ‘вмещает пять литров или больше’, так что нужный смысл (2) — ‘меньше пяти литров’ — получается композиционно (т. е. аддитивно) из смысла исходного предложения и отрицания. Отсюда следует, однако, что линейно-акцентную структуру нам неизбежно придется принимать во внимание при формулировке правил композиции лексических смыслов в их синтаксическом контексте. О неотделимости семантической структуры от коммуникативной см. Богуславский 1996: 121.

Итак, имеется исходная лексико-синтаксическая структура, которая содержит — хотя бы и в неэксплицитном виде — сведения о предикатно-аргументных отношениях на множестве лексем, а также и некоторые сведения о коммуникативной структуре предложения. Можно различить три типа семантических взаимодействий глагола с другими лексемами в такой структуре, иначе — три типа семантических стыков (*junctures*).

I. Глагол соединяется с одним из своих актантов — аргументов. Общее правило, предлагаемое на этот счет формальной семантикой (см. Bach 1989), состоит в том, что происходит с в я з ы в а н и е одной из переменных в толковании глагола, т. е. либо фиксируется ее значение, как в (3а), либо она квантифицируется, как в (3б). В соответствии с этим правилом, предложениям (3а), (3б) можно приписать следующие структуры:

(3а) *Джон гулял*;

(3а#) Джон (х): ГУЛЯЛ (х);

(3б) *Каждый студент знает Джона*;

(3б#) КАЖДЫЙ х: студент (х) ЗНАЕТ (х, Джон).

В результате связывания переменной, участник ситуации, предполагаемый семантикой глагола, получает концепт и референциальный статус.

В другой терминологии участник (его роль) — это семантическая валентность глагола, и вместо связывания переменной говорят, что синтаксический актант заполняет такую-то валентность.

II. Глагол соединяется с сирконстантом — адьюнктом. Адьюнкт — это тот или иной параметр обозначаемой глаголом ситуации, логически необходимый, но не входивший в толкование глагола, — время, место, скорость, громкость и т. п. В простом случае дело обстоит так (McConnell-Ginet 1982: 167, ср. Филипенко 2003). Во-первых, адьюнкт вводит в толкование глагола новый компонент, а в ситуацию нового участника — за счет увеличения числа аргументов

предиката. Во-вторых, он связывает переменную, которая соответствует этому участнику, — придает ей значение. Так, в (4) ДВИЖЕТСЯ — это предикат в толковании глагола *бежать*; в контексте *быстро* возникает предикат ДВИЖЕТСЯ СО СКОРОСТЬЮ; *быстро* идентифицирует скорость как большую:

(4) *x бежит быстро* = ... & ДВИЖЕТСЯ СО СКОРОСТЬЮ (*x, y*) & БОЛЬШОЙ (*y*).

Некоторые детали будут рассмотрены ниже.

III. Глагол (такой как *знать*, *считать*) или другой пропозициональный оператор (НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, РАД, УДИВИТЕЛЬНО и под.) соединяется с пропозицией, составляющей его сферу действия:

(5) *Удивительно, что он все помнит* = УДИВИТЕЛЬНО (*он все помнит*).

Формальное отличие стыка типа III от I и II — в том, что здесь оператор пропозициональный, его аргумент — пропозиция, тогда как в I и II аргументами предикатов были переменные с той или иной областью значений. Пропозициональное значение имеет иную природу — например, оно несовместимо с квантификацией, см. Падучева 1991.

В простом случае синтаксической вершиной пропозиции является глагол — такой как *помнит* в (5); тогда сфера действия пропозиционального оператора — это подчиненная ему предикация. В примере (1) пропозиция определяется по слову, которое служит ремой предложения (см. на эту тему Падучева 1985: 117), это

(1') 'деньги, которые он тебе дал, его собственные'.

Теперь мы можем яснее сформулировать нашу задачу. В исходной структуре имеются два (знаменательных) слова, подчиняющее и подчиненное (или слово и именная группа; слово и предложение), каждое со своим смыслом. Правило композиции должно перевести их в пару <оператор, аргумент> и ответить на два вопроса.

1) Как происходит соединение смыслов? А именно, в какую часть толкования оператора “включается” концепт аргумента? Этот вопрос тривиально решается для случаев I и III, где у подчиняющего слова (оператора) есть переменная (аргумент), но составляет проблему для II. Проблема для III — как построить концепт аргумента? Например, (1') из (1).

2) Как изменяются смыслы одних слов в контексте других? Например, существительного в контексте подчиняющего глагола; глагола в контексте связанного с ним наречия и т. д. Контекстные сдвиги смыслов слов происходят на стыках I и II.

Можно думать, что указанные три типа семантических стыков исчерпывают синтаксические связи между словами, основанные на валентностях одного из них, — т. е. ту область, где семантика синтаксиса сводима к предикатно-аргументным связям лексем. За пределами нашего рассмотрения остаются, например, генитивные группы, типа *дом отца*, в которых — по крайней мере на первый взгляд — это не так.

З а м е ч а н и е. В Борщев, Парти 1999 рассматриваются две возможности семантического представления значения генитивной группы. 1) Подчиняющее имя изначально имеет реляционное значение, так что в его смысл входит предикат, выражающий семантику генитивного отношения (например, сочетание *ножка стола*

интерпретируется как ‘ножка, составляющая часть стола’). 2) Подчиненный генитив осуществляет смысловой сдвиг в значении подчиняющего имени, так что оно из категориального становится реляционным; например, слово *дом* в контексте подчиненного генитива *отца* означает ‘дом, в котором живет отец’: грубо говоря, ‘жилище отца’. Тогда сочетание *дом отца* неотличимо от *ножка стола*: в обоих случаях синтаксическая связь между словами интерпретируется как предикатно-аргументная, так что значение синтаксической конструкции предстает как вытекающее из лексических предпосылок подчиняющего слова, как в типе I.

Правила композиции смыслов формализуют те семантические операции, которые осуществляет человек, понимающий смысл не только отдельных слов, но и целого предложения. Представляется, что именно такая система правил полнее всего описывает семантическую компетенцию носителя языка.

Правила композиции отражают имеющиеся у человека представления о допустимых и недопустимых сочетаниях слов и потому должны диагностировать семантические аномалии. Например, они “заодно” уловят аномальность фразы

(6) Петрович *провозился* с шинелью *всего* две недели (Г.),

где *провозился* порождает инференцию, что операция длилась слишком долго, а *всего*, напротив, наводит на мысль, что *две недели* — это немного³⁷.

Противопоставление стыков I и II апеллирует к отличию актанта от сирконстанта: участник-актант обязательно входит в концепт ситуации, а сирконстант — только если его экспонент присутствует в предложении. Граница между актантами и сирконстантами может проводиться по-разному, см. гл. 3; но поскольку правила композиции предусмотрены для обоих типов участников, эта неопределенность им не помеха.

Очевидный вызов (*challenge*) принципу композиционности составляет дейксис. У чисто референтного выражения, после того как установлен его референт, сам смысл, т. е., по Фреге, способ отсылки к референту, становится безразличен для смысла целого (в других выражениях об этом писал еще Бертран Рассел); иными словами, в случае дейктической номинации сложение смысла дейктической именной группы со смыслом глагола некомпозиционно. Рассмотрим пример (7) — по мотивам Stalnaker 1972:

- (7) а. А ведь меня могло бы *здесь* не быть;
 б. Я *нахожусь здесь*;
 в. Я *нахожусь там, где я сейчас нахожусь*;
 г. *Могло бы быть неверно, что я *нахожусь там, где я сейчас нахожусь*;
 д. Для *того места, где я нахожусь*, могло бы быть неверно, что я *там* нахожусь.

Слово *здесь* по словарю означает ‘там, где я сейчас нахожусь’. Если, однако, во фразе (7б) заменить слово *здесь* на это его толкование, мы получим фразу (7в), которая является аналитической истиной, а постановка ее в контекст контрфактической модальности дает фразу (7г), которая и вовсе имеет противоречивый и аномальный смысл. Между тем (7а) ничуть не аномально. Дело в том, что *здесь* в (7а) просто обозначает место, а способ референции к нему (дейктический) остается за пределами и сферы действия оператора модальности:

³⁷ Впрочем, может быть, что слово *всего* имело для Гоголя смысл ‘в общей сложности’, и тогда никакой аномалии нет. Этим соображением я обязана М. В. Филипенко.

(7а) = (7д). Тем самым сложение смыслов в (7а) некомпозиционно: в синтаксической структуре дескрипция, выражающая значение *здесь*, находится внутри сферы действия оператора модальности, а в семантической — снаружи.

§ 2. Примеры

I. Связывание переменных — самый простой вариант правила композиции смыслов: на место переменной в толковании глагола подставляется ее значение. В результате, например, из *X любит Y* получается *Джон любит музыку*, и концепты актантов *X* и *Y* занимают соответствующее место в толковании глагола *любить*. Более сложных случаев с квантификацией мы здесь не рассматриваем.

Приписывание переменным их значений требует согласования таксономического класса актанта с категориальной предпосылкой предиката, т. е. с его требованиями к таксономии участника — исполнителя данной роли. Если категориальная предпосылка предиката и таксономический класс актанта не совпадают, сочетание в некоторых случаях все равно может быть осмыслено, но с помощью более сложных правил композиции. В Апресян 1974 предусмотрено два типа нестандартных соединений смыслов: добавление (приращение) и зачеркивание семантического компонента в толковании одной из двух соединяемых лексем. Продемонстрируем эти типы на примерах.

а) Добавление семантического компонента в семантику актанта. В примере (1) *река* понимается как ‘наличие реки’ — добавляется экзистенциальный элемент, поскольку у *способствовать* субъект-каузатор должен быть пропозициональный:

(1) Развитию торговли в Новгороде способствовала *река*.

В (2) предлог *до* во временном значении требует актанта-события; поэтому *до печати* понимается ‘до того, как дверь была о п е ч а т а н а (сургучной) печатью’; происходит приращение акционального компонента:

(2) *До печати*, нет сомнения, разговор этот мог считаться совершеннейшим пустяком, но вот *после печати...* (ММ).

Сочетание (3) может быть осмысленно, если *жена* понимается как метонимическое обозначение отрезка прожитого с ней времени:

(3) *две жены* тому тому назад.

б) Зачеркивание семантического компонента в семантике глагола. Так, в (4б) зачеркивается компонент ‘субъект действовал с целью’, который входит в семантику глагола *ехать* в (4а):

(4) а. Иван *ехал* на телеге в город;

б. Мимо *ехали* дрова (пример из Рахилина 1990).

При употреблении ментального глагола в контексте субъекта 1-го лица действует следующее правило зачеркивания. У ментальных глаголов знания — таких как *знать*, *подозревать*, *догадываться* — есть семантический компонент ‘говорящий знает, что Р’. Так, в семантику *подозревать* в (5) входят компоненты: 1) ‘Иван склоняется к мнению, что его обманывают’; 2) ‘говорящий знает, что Ивана обманывают’:

(5) Иван подозревает\, что его обманывают.

Но в контексте субъекта 1-го лица компонент 2 пропадает; поэтому главное фразовое ударение на *подозревать* становится неуместным — или требует мощного контекста:

- (6) а. Я подозреваю/, что его обманывают\;
 б. ?Я подозреваю\, что его обманывают _.

В контексте (7б) *подозревать* теряет категориальную предпосылку ‘У плохое’, которая входит в его смысл в более обычном контексте (7а):

- (7) а. Иван *подозревает*, что его хотят уволить;
 б. *Подозреваю/* что здесь будет празднество\.

Что же одерживает верх в случае несоответствия между категориальной предпосылкой оператора и собственной семантикой актанта? В предложении (8) предлог *благодаря* дает приращение оценочного компонента к семантике своего актанта — несостоявшаяся прогулка, вопреки обыденным представлениям, рассматривается говорящим как положительный факт:

- (8) Прогулка не состоялась *благодаря* плохой погоде.

Такое направление воздействия — от оператора к аргументу — находится в рамках обычных правил взаимодействия слова со своим контекстом: приращение смысла — это нормальное явление. Что же касается воздействия в обратном направлении, снизу, то оно скорее свойственно метафорическим и нестандартным осмыслениям. В рамках буквальных, неметафорических зачеркиваются только неустойчивые компоненты смысла — такие как, например, отрицательная оценка у *подозревать* в (7).

II. Если для стыков типа I стандартное правило соединения смыслов очевидно, то для стыков типа II общепринятой формулировки правил композиции нет.

Относительно характера семантических связей между глаголом и адвербиальным атрибутом (обстоятельством, сирконстантом) существует две концепции. В Богуславский 1996: 101—111 глагол в целом трактуется как аргумент адвербиала. Так что *бежать быстро* понимается, примерно, по Рейхенбаху (Reichenbach 1947: 303):

X бежит быстро = бежит (X) & БЫСТРЫЙ (этот бег).

Более глубокое проникновение в семантику этого сочетания дает подход, изложенный в McConnell-Ginet 1982: 167 (см. пример (4) из § 1), поскольку он выявляет параметр, по которому адвербиал характеризует ситуацию. Это позволяет поставить вопрос, как наличие данного параметра вытекает из семантики глагола.

Как уже говорилось, актанты отличаются от адьюнктов тем, что актанты глагола предусмотрены его толкованием в словаре, и семантическое соединение смысла глагола с концептом актанта сводится к связыванию переменной, тогда как для адьюнкта соответствующей переменной в толковании глагола нет. О двух типах адьюнктов (параметрах и атрибутах) и соответствующих двух типах правил соединения смыслов см. гл. 3, Приложение.

Перейдем теперь к нестандартным правилам композиции при стыке типа II. Ниже следует несколько примеров, когда при соединении с адьюнктом меняется толкование глагола — зачеркивается семантический компонент.

В примере (9б), из Зализняк 1987, показатель кратности отменяет значение единичности, которое по умолчанию имеет совершенный вид в контексте реально происшедшего события:

- (9) а. Он *поцеловал* ее на прощанье = ‘один раз’;
 б. Он *поцеловал* ее *трижды*.

Сравним показатель кратности с наречием скорости, как в *идет быстро*. Если при глаголах *идти*, *бежать* нет адьюнкта, выражающего скорость, то у слушающего не возникает никаких предположений о значении этого параметра. Между тем, как показывает пример (9), если при глаголе СВ нет адьюнкта, выражающего кратность, как в (9а), он по умолчанию понимается в значении единичности. Дело в том, что дефолтное значение параметра кратность — это неустойчивый компонент в семантике сов. вида (в противоречащем контексте неустойчивый компонент подавляется — в отличие от ординарного компонента, который в этом случае порождает аномалию, см. Зализняк 1987). А для параметра скорость дефолтного значения нет.

Другие примеры нестандартных правил композиции. Слова *бессознательно*, *импульсивно*, *случайно*, *нечаянно* зачеркивают компонент ‘потому что хотел’, который согласно Wierzbicka 1980а: 181 входит в семантическое разложение глагола действия:

- (10) *бессознательно* повернул рукоятку.

Наречия *нарочно*, *намеренно*, *сознательно*, присоединяясь к глаголам происшествия, меняют категорию глагола, переводя происшествие в целенаправленное действие:

- (11) Я *нарочно* забыл свою шагу и воротился за ней (П.).

В (12) *неправильно* зачеркивает имплицитное ‘правильно’:

- (12) Ты *неправильно* решил задачу.

В (13) *на время* вводит в семантику глагола *отдать* участника Срок, модифицируя исходное для *отдать* значение ‘отдать насовсем’:

- (13) Он отдал мне свой велосипед *на время*.

Различие между актантом как участником, обязательно присутствующим в ситуации, и сирконстантом (адьюнктом), который вводит участника в концепт ситуации своим “личным присутствием” в предложении, мы продемонстрируем на примере обстоятельств степени — *слегка*, *совсем*, *наполовину* и под.

Казалось бы, можно допустить, что обстоятельство степени зачеркивает имплицитно приписанное значение переменной Степень (полная, т. е. максимальная), которое предполагается семантикой всех измеряемых свойств и состояний. Т. е. аналогично тому, как участник Кратность отменяет значение однократности, участник Степень отменяет значение ‘степень — максимальная’, которое возникает по умолчанию:

- (14) *наполнил* = ‘наполнил до краев’; ср. *наполнил на две трети*;
дописал = ‘дописал до конца’; ср. *дописал до половины*;
затупился = ‘стал (совсем) тупым’; ср. *слегка затупился*;
успокоился = ‘стал (совсем) спокойным’; ср. *чуть-чуть успокоился*.

Однако при этом возникает трудность со словом *совсем* (в частности, в контексте глаголов, образованных от градуальных прилагательных, типа *оглох*,

затутился). В Апресян 1974: 82 предлагается следующее толкование для *совсем* (на примере контекста *Отец оглох*):

- (15) *Отец совсем оглох* = ‘стал глухой, и говорящий считает, что не может быть более глухим’.

Это толкование требует, чтобы *оглох / глухой* понималось как ‘оглох / глухой в некоторой степени’, что не соответствует интуиции. Если же понимать *оглох / глухой* иначе (т. е. как ‘оглох / глухой в максимальной степени’), то толкование, предлагаемое для (15), оказывается тавтологичным (вторая часть дублирует первую), а смысл предложения (16) — противоречивым:

- (16) *Отец не совсем оглох* = ‘стал глухой, и говорящий считает, что может быть более глухим’.

Толковать *оглох* как ‘стал глухой в максимальной степени’ плохо еще и потому, что *совсем* в этом случае отличается от всех других показателей степени — оно не отменяет дефолтного значения, а тавтологически повторяет его:

- (17) а. *Отец оглох* = б. Отец *совсем* оглох = ‘отец оглох в максимальной степени’.

Однако равенство (17) не может быть принято. Например, (17а) и (17б) существенно различны в своем поведении под отрицанием:

- (18) а. НЕ (*Отец оглох*) = *Отец не оглох* = ‘слышит нормально’ (*Ну что ты кричишь? Я не оглох*);
 б. НЕ (*Отец совсем оглох*) = *Отец не совсем оглох* = ‘слышит, но недостаточно хорошо’.

Так что истолкование глаголов градуального свойства как включающих дефолтное значение максимальной степени тоже неудовлетворительно.

Есть, однако, третья возможность: исключить участника Степень из толкования глагола, т. е. признать показатель степени адьюнктом, а не аргументом, как этого требует допущение о дефолтном значении максимальной степени. В соответствии с общим определением, адьюнкт одновременно вводит в ситуацию участника Степень и приписывает ему значение. Тогда *оглох* в (17а) понимается как абсолютное свойство, не имеющее степеней (т. е. степень не является участником в ситуации ‘оглох’, так же как скорость — в ситуации ‘бежит’), а в (17б) — как градуальное. Градуальным делает глагол *оглохнуть* показатель степени, который меняет его смысл.

III. Наконец, обратимся к пропозициональным операторам типа НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЗНАЮ, РАД. Они имеют максимально широкую сочетаемость, так что здесь композиция смыслов не осложнена необходимостью семантического согласования, как при стыках I, II (возможное объяснение — вставленный оператор ИМЕЕТ МЕСТО, см. Падучева 1986б, “сокровенная связка” по Н. Д. Арутюновой). Но зато возникает проблема сферы действия.

Для отрицания вопрос решается понятием пресуппозиции и противопоставлением пресуппозиция — ассерция, которое в свое время позволило сформулировать одно из наиболее общих правил композиции смыслов: отрицание воздействует на ассертивный компонент в семантическом разложении глагола, а пресуппозиция не отрицается.

Понятие пресуппозиции хорошо работает, например, на толкованиях фазовых глаголов. Так, *X перестал Р* означает (приблизительно) (19); отсюда (20):

- (19) 1) до некоторого момента X делал P [пресуппозиция];
 2) после этого момента X не делает P [ассерция].
- (20) *Иван перестал ходить на лыжах* =
 1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах [пресуппозиция];
 2) после этого момента Иван не ходит на лыжах [ассерция].

При отрицании ассерция отрицается, а пресуппозиция остается неизменной:

- (21) *Иван не перестал ходить на лыжах* =
 1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах [пресуппозиция];
 2) и после этого момента Иван ходит на лыжах [ассерция].

Обстоит ли дело так же просто в случае других пропозициональных операторов, точно не известно, но, скажем, в примере (1) из § 1 сферой действия оператора тоже является ассертивный компонент.

§ 3. Атрибутивный статус компонента в толковании и статус атрибута ремы в синтаксисе

Противопоставление презумпция — ассерция не решает всех проблем взаимодействия семантики глагола с отрицанием. В Богуславский 1985: 35 рассматривается следующий пример. В толковании глагола *касаться* два компонента:

X *касается* Y-a = '1) X находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'.

Отсюда получаем, например:

- (1) *Елка касается потолка* =
 1) елка находится в контакте с потолком;
 2) контакт слабый.

В (1'), которое является отрицанием (1), сферой действия отрицания оказывается компонент 1, а компонент 2 просто пропадает:

(1') *Елка не касается потолка* = 'Елка не находится в контакте с потолком'.

Это значит, что компонент 2 не является в семантике предложения (1) презумпцией (поскольку он, как мы видим, не сохраняется при отрицании), — это дало бы для (1') абсурдный смысл '1) X не находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'. Но он не является и ассерцией: если бы это было так, то, поскольку компонент 1 очевидно ассертивный, в (1) возникла бы конъюнкция ассерций, отрицание которой должно дать смысл 'то ли 1) X не находится в контакте с Y, то ли 2) контакт не слабый' — хоть и не абсурдный, но заведомо не совпадающий со смыслом предложения (1'), которое мы согласились считать отрицанием (1).

Другой пример из Богуславский 1985. Смысл глагола *прилететь* (о человеке) можно представить, огрубленно, как состоящий из двух компонентов:

X *прилетел* в Y = '1) X прибыл в Y; 2) передвигался по воздуху (т. е. в самолете)'.

Однако предложение (2') (произнесенное с нормальной интонацией), которое служит отрицанием (2), означает скорее 'не прибыл', чем 'то ли не прибыл, то ли прибыл не на самолете', как должно было бы быть при отрицании двух — конъюнктивно связанных — компонентов в толковании *прилететь*:

- (2) Иванов прилетел (в Москву).
 (2') Иванов не прилетел (в Москву).

В чем же здесь дело?

Компонент 2 в толковании глаголов *касаться* и *прилететь* претендует на самостоятельный коммуникативный статус, ср. об этом Богуславский 1985, Падучева 1996, Зельдович 1998. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В толкованиях глаголов *касаться* и *прилететь* компоненты 1 и 2 связаны таким образом, что компонент 2 указывает с в о й с т в о ситуации, описываемой компонентом 1; иначе говоря, компоненты 1 и 2 связаны атрибутивной связью. Можно думать, что именно атрибутивная связь между компонентами объясняет особое поведение этих глаголов в контексте отрицания.

Начнем с отрицания в таких предложениях, где атрибутивной связью связаны отдельные слова (так что атрибутивное отношение связывает компоненты толкования предложения, соответствующие отдельным словам), а потом перейдем к примерам типа (1), (2), где атрибутивным отношением связаны компоненты толкования предикатного слова.

В Падучева 1969 был рассмотрен следующий пример:

(3) а. Они смеялись *громко*; б. Они *громко* смеялись.

В обоих случаях между словами *громко* и *смеялись*, равно как и между соответствующими компонентами семантической структуры, имеется атрибутивная связь. В предложении (3а) *громко* — рема, и только рема соответствует в семантической структуре ассерция: *смеялись* — в пресуппозиции. Отрицание такой структуры не представляет затруднений: ассерция отрицается, пресуппозиция остается без изменений: *Они смеялись не громко*. Иное дело (3б), где главная рема — *смеялись*, но и *громко* рематично — образует побочную рему. Семантическая структура (3б) содержит поэтому два ассертивных компонента, т. е. конъюнкцию ассерций, а отрицание конъюнкции дает неопределенный смысл — перечень отрицательных возможностей. Так, отрицание предложения *Они громко смеялись* имеет следующий смысл:

(4) НЕ (Они громко смеялись) = ‘то ли не смеялись, то ли смеялись, но не громко’.

Из двух коммуникативных позиций, которые может занимать приглагольный атрибут, такой как *громко*, позиция (3б), препозитивная по отношению к глаголу, является исходной. Коммуникативную позицию *громко* в (3б) можно назвать позицией а т р и б у т а р е м ы, т. е. атрибута в обычной для него коммуникативной позиции — атрибутивной. (Структура (3а) с постпозитивным атрибутом, который оказывается е д и н с т в е н н о й ремой, получается за счет того, что в предложении возникает вторичная предикация: атрибутивный компонент попадает в несобственную для него коммуникативную позицию единственной ремы и выступает как предикат; в семантической структуре это дает единственную ассерцию.)

То, что атрибут ремы входит в ассерцию, доказывается его взаимодействием с оператором начинательности. Пример по мотивам Богуславский 1998:

(5) а. После этого они начали смеяться *громко*;

б. После этого они начали *громко* смеяться.

(5а) означает, что “до этого” они смеялись, но не громко: сферой действия начинательности является единственная ассерция — *громко*; а (5б) означает, что “после этого” начался их смех, и он с самого начала был громкий, т. е. начинательность в (5б) воздействует на оба компонента — и на смех и на громкость.

Коммуникативное различие между наречием в рематической позиции в (3а) и в позиции атрибута ремы в (3б) выражается порядком слов. Если у наречия место в предложении фиксировано, это различие не выражается формально, но на содержательном уровне существует все равно; так, (6) неоднозначно — то ли до этого момента не говорил, то ли говорил не по-немецки:

(6) После третьей рюмки он начал говорить по-немецки.

Итак, наречие в коммуникативной позиции атрибута ремы дает в семантической структуре вторую ассерцию; возникает конъюнкция ассерций (одна от глагола, вторая от наречия). Отрицание конъюнкции P и R можно представить, понимая знак \vee как разделительную дизъюнкцию, следующим образом:

$$(I) \neg(P \ \& \ R) \equiv \neg P \vee \neg R \vee (\neg P \ \& \ \neg R).$$

Смысл, соответствующий формуле (I), не может быть выражен иначе, как перечислением возможностей, т. е. набором из трех дизъюнкций. В нашем случае число дизъюнкций уменьшается — за счет того, что второй конъюнктивный член, R , имеет вид $Q(P)$, где Q — атрибут, характеристика, параметр P (например, в (II) *смеялись* — P ; *громко* — Q). Подстановка $Q(P)$ на место R в (I) дает

$$(II) \neg(P \ \& \ Q(P)) \equiv \neg P \vee \neg Q(P) \vee (\neg P \ \& \ \neg Q(P));$$

но третий член дизъюнкции в нашем случае исключен: если P отрицается, то $Q(P)$ лишается смысла, потому что Q является модификатором P — в предположении, что P имеет место. Это сокращает неопределенность — если третий дизъюнктивный член выпадает, остается:

$$(II') \neg(P \ \& \ Q(P)) \equiv \neg P \vee \neg Q(P).$$

При этом, поскольку $Q(P)$, как мы видели, имеет смысл только в предположении, что P истинно, можно переписать (II') как (II''):

$$(II'') \neg(P \ \& \ Q(P)) \equiv \neg P \vee (P \ \& \ \neg Q(P)).$$

Вернемся теперь к (3б). Его отрицание, по формуле (II''), описано в (4). Выразить этот неопределенный отрицательный смысл можно либо условным предложением, см. (7), либо с помощью особой линейно-интонационной конструкции, см. (8):

(7) Если они и *смеялись*, то не *громко*.

(8) Громко / они не смеялись \.

Имеются, однако, контексты, которые снимают неопределенность — дизъюнктивность — отрицательного смысла (II''), и тогда отрицание глагола с адвербиалом-атрибутом можно выразить отрицательной частицей при глаголе. Имеется два таких контекста.

1. Контекст ожидания. Отрицание конъюнкции $P \ \& \ Q(P)$ из формулы (II) выражается просто в том случае, если второй дизъюнктивный член формулы (II''), $P \ \& \ \neg Q(P)$, исключен контекстом, поскольку ожидалось, что если P будет иметь место, то именно с атрибутом Q (иными словами, ожидалось, что $P \rightarrow Q(P)$). Тогда смысл отрицательного предложения сводится к $\neg P$, а фрагменту $P \ \& \ \neg Q(P)$ соответствует импликация $P \rightarrow Q(P)$ в модусе ожидания, см. Богуславский 1985: 31 и 160. В семантическом представлении отрицательного предложения эта импликация играет роль своего рода комментария — фоновой пропозиции — к отрицаемому компоненту $\neg P$. Так, фраза (9)

нормальна в ситуации, когда заранее предполагался приезд Петрова в Москву именно для участия в конкурсе, пример из Падучева 1996: 244:

- (9) *Петров не приедет в Москву для участия в конкурсе* = 1) Петров не *приедет* в Москву; 2) предполагалось, что если Петров *приедет* в Москву, то для участия в конкурсе.

В “исходном” для (9) утвердительном предложении (9') *Петров приедет в Москву для участия в конкурсе* две ассерции (в самом деле, и то и другое может быть неверным): 1) Петров *приедет* в Москву; 2) цель приезда Петрова в Москву — участие в конкурсе. Компонент 2 — атрибут к компоненту 1. Но модальность ожидания связи между 1 и 2 позволяет построить для предложения с формулой (П'') удовлетворительное отрицание: атрибутивный компонент выпадает из сферы действия отрицания как отдельная пропозиция. Можно сказать иначе: модальность ожидания того, что событие должно иметь данный атрибут, “склеивает” две отдельные пропозиции (каждая со своей возможной истинностью — ложностью) в одну, которая уже легко поддается отрицанию. Так, в (9) отрицание при глаголе имеет широкую сферу действия за счет того, что все сочетание *приедет в Москву для участия в конкурсе* склеивается в единый предикат.

2. С л а б ы й к о м п о н е н т. Другой контекст, когда предложение с адвербиалом в позиции атрибута ремы имеет хорошее отрицание, представлен примером (10) (примеры этого рода — с несколько иной интерпретацией — рассматриваются в Зельдович 1998):

- (10) НЕ (Он *кое-как* справился с заданием) = *Он не справился с заданием*.

Атрибутивный компонент — порождаемый в (10) словом *кое-как* — утверждает малую, хотя и не нулевую, степень проявления признака, выражаемого “главным” компонентом Р. Здесь атрибутивный компонент ведет себя иначе, чем в контексте 1: никакого ожидания того, что если Р наступит, то будет иметь признак Q (т.е. что если он справится, то *кое-как*), нет. Смысл отрицательного предложения сводится к отрицанию главного компонента: атрибутивный компонент пропадает вовсе.

Г. М. Зельдович приводит целую серию адвербиалов, характеризующихся этим специальным поведением в контексте отрицания: *немного, слегка, с грехом пополам, отчасти, изредка* (в терминологии автора эти слова выражают “слабый смысл” — так охарактеризован коммуникативный статус семантических компонентов предложения, которые соответствуют этим словам). Эти слова имеют дефектную коммуникативную парадигму: для них главная коммуникативная позиция в предложении — это позиция атрибута ремы; самостоятельной ассерции они обычно не выражают. Кроме того, у этих слов имеется семантическая общность — они выражают семантику слабой степени. В этом смысле они близки к показателям слабой определенности (Падучева 1985: 90, 212), см. примеры (11)—(13):

- (11) НЕ (Он имел *определенные* заслуги перед обществом) =
Он не имел заслуг перед обществом.
(12) НЕ (Я испытывал *некоторое* недовольство происходящим) =
Я не испытывал недовольства происходящим.
(13) НЕ (Я *немного* отдохнула) = *Я не отдохнула*.

Отрицание в (14), в отличие от отрицания в (9), не порождает модальности ожидания:

- (14) — Иван говорит, что *слегка* простужен.
— Едва ли это так [= ‘едва ли он простужен’; нет ожидания того, что если он простужен, то слегка].

Теперь вернемся к примерам (1), (2). Замечательный факт состоит в том, что соотношения между словами в предложении и смысловыми компонентами в составе слова одинаковы: компоненты толкования глагола могут быть связаны между собой так же, как атрибут ремы с ремой в (3б). И наличие атрибутивного отношения между компонентами толкования дает тот же эффект, что наличие атрибутивной связи между глаголом и его подчиненным. А именно, имеется два типа контекстов, в которых атрибутивный компонент занимает в составе толкования предикатного слова коммуникативную позицию атрибута ремы и не препятствует наличию у предложения хорошего отрицания.

1. Для предложения (15) со словом *прилететь* отрицание возможно, поскольку мы допускаем контекст, который оправдывает ожидание того, что данное событие, если бы оно произошло, имело бы именно данный атрибут. Поэтому

- (15) *Иванов не прилетел* =
1) не прибыл; 2) ожидалось, что если прибудет, то самолетом.

2. В толковании слова *касаться* атрибутивный компонент имеет семантику слабой степени. Отсюда эффект, демонстрируемый примером (1), когда под отрицанием атрибутивный компонент выпадает из семантического представления бесследно. Глаголы *касаться*, с одной стороны, и *прилететь* — с другой, имеют в толковании атрибутивный компонент; однако у *касаться* этот компонент имеет семантику слабой степени и при отрицании просто выпадает; а у *прилететь* атрибутивный компонент с обычной семантикой; отрицание главного компонента требует в этом случае контекста ожидания.

В толковании слова коммуникативное противопоставление асертивного компонента атрибутивному, которое в предложении выражено порядком слов, как в (3а) и (3б), выражается не всегда, т. е. толкование может быть неоднозначно. Так, в (16) отрицание строится по формуле (II'') — сохраняется дизъюнкция возможностей: от балки ожидается не импликация ‘если контакт, то с давлением’, а контакт и давление сразу.

- (16) а. *Балка упирается в стену* =
1) есть контакт X-а со стеной;
2) в месте контакта X оказывает давление на стену.
б. *Балка не упирается в стену* =
то ли 1) нет (даже малейшего) контакта;
то ли 2) в месте контакта X не оказывает давления на стену.

Возможно смещение акцента на атрибутивный компонент — если фразовое ударение переносится на глагол. Так, в (17) рематическим оказывается как раз атрибутивный компонент — в том смысле, что именно он отрицается при отрицании предложения:

- (17) а. *Ты не оперся \ о мою руку* =
‘не перенес тяжесть тела’ [контакт, скорее всего, есть];

б. *X оперся на Y =*

- 1) X привел какую-то свою часть тела в контакт с Y-ом;
- 2) перенес тяжесть тела на Y.

Однако атрибутивный компонент толкования слова, скорее всего, все-таки не может стать главной ассерцией предложения: интонация слегка повышает акцентный статус атрибутивного компонента, но не до статуса ассерции. Пример из Зельдович 1998:

- (18) а. Вода поступает *по капле*, так что ведро наполнится не скоро;
- б. [?]Вода *капает*, так что ведро наполнится не скоро.

Атрибутивный компонент в толковании слова может быть препятствием для отрицания. Глаголов, которым противопоставлено отрицание, много среди бытийных. Так, предложения из (19) не имеют хорошего отрицания, поскольку их семантически центральный компонент имеет интенсифицирующий атрибут. Но контекст ожидания импликации $P \rightarrow Q(P)$ делает отрицание возможным — в (20) ожидание создается наличием этой ситуации на предшествующем временном интервале (примеры из Падучева 1997б):

- (19) *Выстрел не грянул; *Спор не разгорелся.
- (20) Буря уже не бушевала.

Итак, понятие атрибутивного компонента продвигает вперед проблематику взаимодействия глагола с отрицанием. Но отнюдь не исчерпывает ее. Например, остаются пока неизученными эффекты, связанные с присутствием в концепте ситуации Наблюдателя; именно Наблюдатель несет ответственность за отсутствие хорошего отрицания у предложения *Перед ним расстилалась бескрайняя равнина*:

X расстилается перед Y-ом =

- 1) X находится перед взором Наблюдателя;
- 2) Наблюдатель представляет X как широкое полотно.

§ 4. Акцентные сдвиги и реструктуризация толкования

В Апресян 1974 исследовалось только два типа правил взаимодействия смыслов — зачеркивание и добавление компонента. Между тем следует предусмотреть еще одну возможность — когда под влиянием модификатора компоненты толкования меняют актуализацию: сдвигается фокус внимания, толкование реструктурируется.

Так, присоединение к слову адьюнкта ставит в фокус компонент, составляющий его сферу действия, переводя другие на задний план, где они уже недоступны для новых адьюнктов. См. пример (1) (из Падучева 1996: 172):

- (1) а. Окно было открыто *пятнадцать минут*;
- б. Окно было открыто *час назад*;
- в. *Окно было открыто *час назад пятнадцать минут*.

Аномальность фразы (1в) имеет следующее объяснение. В семантику глагола СВ *открыть* входят два компонента: 1) произошло событие: изменилось состояние окна; 2) имеет/имело место результирующее состояние, в данном

случае — открытое окно. обстоятельство времени *час назад* акцентирует в семантике глагола событийный компонент, а обстоятельство длительности *пятнадцать минут* требует акцента на состоянии, ср. о статальном компоненте СВ в гл. IV.3 и IV.4. Пример (1в) показывает, что эти два акцента исключают один другой.

Аномалии в примере (2) имеют аналогичный источник — в семантике отглагольного имени прилагательное фокусирует результат, а глагол и обстоятельство — процесс, и эти две фокусировки не могут сосуществовать:

(2) *Удачная *переработка* рукописи длилась несколько лет.

В примерах (3), (4) наречие, в силу своей семантики, характеризует конечное состояние процесса, не сам процесс; поэтому оно сочетается с глаголом в совершенном виде и исключено при глаголе несов. вида (в актуально-длительном значении), который ставит в фокус процессный компонент семантики глагола:

(3) а. надежно *запер*; б. °надежно *запирает*;

(4) а. до конца *растаял*; б. °до конца *тает*.

Глаголы *запереть*, *таять* предельные, и в их семантике есть компонент «результатирующее состояние»; но он не в фокусе и потому не может иметь при себе атрибут.

Эти примеры показывают, что при синтаксическом соединении слов друг с другом (равно как и при соединении слов с граммемами) одни семантические компоненты актуализуются, а другие отходят на задний план, где они недоступны для других операторов. При этом речь не идет о зачеркивании соответствующего компонента, как в случае, когда один компонент прямо противоречит другому: компонент лишь меняет акцентный статус.

Мы привели примеры правил композиции смыслов (в том числе — примеры смысловых сдвигов, происходящих “на стыках” слов), которые имеют общий характер, т. е. применимы к достаточно крупным классам слов. Совокупность этих правил составляет важную часть семантической компетенции носителя языка. Правила делятся на композиционные (аддитивные), когда смысл целого складывается из смысла частей и семантики конструкции, и некомпозиционные, требующие изменений в толковании слов.

В дополнение к известным правилам композиции — таким как контекстное пополнение и выветривание смысла — предлагается новый тип правил: акцентный сдвиг. Это правила, которые сдвигают акцент с одного компонента в толковании слова на другой, делая возможными одни сочетания и исключая другие.

Принципиальное значение имеют обнаруженные аналогии в отношениях между компонентами в составе толкования слова и синтаксически выделяемыми частями в составе предложения. Помимо известной связи между ассертивным статусом компонента и релативной позицией слова, следует принять во внимание связь между атрибутивным статусом компонента в толковании слова и позицией атрибута ремы в предложении.

Эккурс 1. СЕМАНТИКА ВИНЫ И СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ В ТОЛКОВАНИИ ЛЕКСЕМЫ*

§ 1. Базовые и инцидентные компоненты толкования

Слово *вина* интересно тем, что на нем можно продемонстрировать один из важных аспектов взаимодействия смысла слова с контекстом. А именно, речь идет о сдвигах фокуса внимания, меняющих исходную концептуализацию ситуации. Сдвиг фокуса внимания можно трактовать как метонимический перенос — это один из главных механизмов семантической деривации. См. пример (1) (из Падучева 1998а):

- (1) а. Кувшин *треснул* = ‘произошла деформация — быть может, сопровождаемая определенным видом звуком’;
б. Что-то *треснуло* в лесу = ‘раздался звук — быть может, вызванный деформацией определенного вида’.

У слова *треснуть* мы готовы признать два значения, т. е. две лексемы. Однако смещение акцентов можно констатировать не только для разных лексем, но и для разных контекстов употребления одной и той же лексемы: даже лексеме нельзя дать толкование, которое годилось бы для всех контекстов ее употребления. Ниже мы увидим, например, что в контексте *Он признал свою вину* в семантике слова *вина* в фокусе внимания находится компонент ‘Х совершил плохой поступок’, а в *осознал свою вину* — компонент ‘поступок Х-а плохой’.

Слово *вина* производно от слова *виноват*, толкование которого можно мыслить следующим образом (см. о слове *вина* в ТКС; о слове *обвинить* в Булыгина, Шмелев 1997; о *виноватый*, *виновный* в Богуславская 2000):

X *виноват* <перед Y-ом> в Р / в Z-е =

- 1) X совершил поступок Р [ассерция];
- 2) поступок Р плохой³⁸ и/или привел / мог привести к плохому последствию Z (и субъект ущерба — Y) [фон];

поэтому

- 3) X несет моральную ответственность перед Y-ом / должен понести наказание [имплицатив];
- 4) X находится в плохом психическом состоянии (: испытывает угрызения совести) [имплицатив].

П р и м е р ы.

- (2) Это тренер *виноват* в том, что наша команда проиграла;
- (3) Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачем же обвинять ее? Чем она *виновата*, что ты ей больше не нравишься? (Л.)
- (4) Мы сами *виноваты*: мы были слишком мягкотелы, и вот развелась эта гниль в стране (С.).

* Переработанный вариант статьи, опубликованной в сб. Логический анализ языка: Языки этики. М.: ЯРК, 2000.

³⁸ Например, нарушает социальные или нравственные нормы.

Связь вины и ответственности демонстрирует пример (5):

- (5) Нищета и народное горе вокруг, за которые до сих пор он не отвечал, теперь лежали на его плечах, и он *виноват* был, что они всё еще длятся (С.).

Компонентам толкования приписаны акцентные статусы. Ассерция — это тот компонент, который подвергается отрицанию; фон — это компонент не в фокусе, т. е. приблизительно то же, что презумпция, но без жестких ограничений на правила взаимодействия с отрицанием. Импликатив — это следствие ассерции: он отрицается, если отрицается ассерция, см. гл. 5 § 1.

При употреблении слова в тексте его значение может пополняться за счет разного рода проходных (не входящих в толкование, неконвенциональных) — и н ц и д е н т н ы х — следствий каких-то компонентов толкования; усиленные контекстом, они могут стать актуальными компонентами смысла предложения.

Один из источников инцидентных следствий — аксиомы человеческого поведения, которые могут объяснять мотивы поступков, причины состояний и прочее; так, аксиома I объясняет сочетание *признать вину* (признание, по определению, есть нечто, что человек делает против желания, под давлением необходимости) или *свалить вину на другого*; ср. П³⁹:

- А к с и о м а I. Человеку свойственно стремиться избежать того, что ему неприятно.
А к с и о м а II. Человек должен испытывать угрызения совести по поводу своего дурного поступка.

Компонент 4 ‘X находится в плохом психическом состоянии’ в большинстве употреблений слова *вина* отсутствует, и в контекстах, где он возникает (ср. *чувствовать вину*), возможно, является инцидентным следствием аксиомы II. Сочетание *искупить вину* тоже можно было бы связать с аксиомой II. Мы будем, однако, считать, что импликативный компонент 4 входит в толкование слов *виноват* и *вина*, но легко утрачивается. Например, в контексте *Кто станет разбирать, виноват или нет?* речь идет только о причастности или непричастности X-а к Z. Большую роль играет контекст речевого акта: в высказывании *Я перед вами виноват!*, с субъектом 1-го лица, компонент 4 есть и находится в фокусе внимания.

Другой источник пополнения смысла слова дополнительными компонентами — следствия толкований входящих в него слов. Например, раз на X-е лежит *о т в е т с т в е н н о с т ь* за плохое положение вещей, значит X должен решать, что сделать, чтобы исправить положение или компенсировать ущерб, нанесенный Y-у; отсюда семантическая связь слова *виноват* с идеей долга, а следовательно — бремени.

В толковании *виноват* есть компоненты, которые определяют обязательное присутствие в ситуации вины Субъекта сознания (Падучева 1996: 263): субъект оценки требуется для *плохой* в компоненте 2; субъект модальности — для *должен* в компоненте 3.

Возможно, компонент 4 — это тоже мнение Субъекта сознания о том, в каком состоянии должен находиться X.

³⁹ Такого рода аксиомы лингвоспецифичны, поскольку они мотивированы контекстом культуры, см. понятие культурного сценария в Вежбицкая 1999: 653.

Слово *вина* описывает ту же ситуацию, что *виноват*, но дает говорящему более широкие возможности по-разному расставлять акценты (о предикатных именах и проблеме наследования именем актантной структуры глагола см. в Падучева 1991).

§ 2. Состав участников ситуации вины

Участник X во всех полновесных употреблениях слова *вина* является лицом. Если X — ситуация или же объект, не способный выбирать способ поведения и иметь внутренние состояния, происходит выветривание смысла — семантическая девальвация слова: имплицативные компоненты пропадают; остается *вина* как ‘причина чего-то плохого’, ср. лат. *accusare* ‘обвинять’ от *causa* ‘причина’. В словарях выветренное употребление подается как отдельное значение слова *вина*. Больше всего способствуют выветриванию предикативные контексты:

- (1) Я теперь уверена, что она [война] была *виною* всего, всех последовавших, донине постигающих наше поколение несчастий (ДЖ).
- (2) Замужество. Однако, в ВВС ужасно уважается невинность, возводится в какой-то абсолют. И этот род схоластики *виной* тому, что она чуть не утопилась (Бродский).

В непредикативных контекстах такие употребления, где X не является именем лица, кажутся не вполне корректными:

- Она чувствовала себя заложницей *по вине* этой глупой Родькиной растраты и не находила себе места от бессильного возмущения (ДЖ).
Спектакль был серый, но не по вине Сергея Леонидовича, а *по вине* пьесы (УК).

Участник Y, субъект ущерба, часто не выражен в поверхностной структуре как актант слова *вина*. Семантически он обязателен, если компонент 3 реализуется как моральная ответственность, а не как ожидание наказания. В юридическом контексте Y — это общество, так что участник Y становится инкорпорированным. Приблизительные синонимы, которые даются для слова *вина* в словарях, — *проступок*, *промах*, *оплошность*, *неловкость*, *ошибка* — не имеют участника Y и, соответственно, компонента ‘моральная ответственность X-а перед Y-ом’. Y может быть участником ситуации Z (например: *Это моя вина, что забыли позвать Ваню*; Z = ‘забыли позвать Ваню’; Y = Ваня). В ситуации САМ ВИНОВАТ субъект ущерба (Y) совпадает с субъектом вины (X), и компонент 3 подавляется.

Участник P — это сознательное, намеренное действие X-а. Так, в (3) человек отрицает свою вину именно на том основании, что его действие не было намеренным:

- (3) “Дадим суровый отпор врагам мирового империализма!” С этим плакатом Буш шел от Кадриорга до фабрики роялей. И только тут, наконец, милиционеры спохватились. (...) Его сунули в закрытую черную машину и доставили на улицу Пагари. (...) Буш отвечал на вопросы спокойно и коротко. *Вины* своей категорически не признавал. Говорил, что все случившееся — недоразумение, ошибка, допущенная по рассеянности (Довлатов).

Но решающее слово за Субъектом сознания: он может пренебречь ненамеренностью поступка.

Различаются прямая и опосредованная вина. Плохой поступок X-а — это прямая вина:

(4) Он не бил, кровь из носа не пускал, прямой *вины* на нем нет (УК).

Плохое последствие Z совершенного X-ом поступка P — это опосредованная вина. В (5) первое предложение выражает прямую вину, а второе — опосредованную:

(5) И третья *вина*: наглая непрерывная подача заявлений в Совнарком о глумлениях местных работников над церковью, о грубых кошунствах и нарушениях закона о свободе совести. Заявления же эти, хоть и не удовлетворённые {...}, приводили к дискредитации местных работников (С.).

У слова *вина* на прямую и опосредованную вину приходится одна и та же синтаксическая позиция. Между тем при *виноват*, в принципе, могут быть выражены и P и Z; в (6), как и в (3) из § 1, придаточное с *что* выражает опосредованную вину [Z], а твор. падеж (*чем*) — прямую [P]:

(6) {...} и чем я *виноват*, / Что слабых звезд я осязаю млечность? (Мандельштам)

Фраза (7) построена таким образом, что плохое состояние волка, к которому ягненок не имеет отношения, оформлено даже не как опосредованная, а как прямая его вина (поскольку местоимение стоит в творительном падеже, как в примере (3) из § 1):

(7) Ты *виноват* уж тем, что хочется мне кушать (Крылов).

Для упрощения формулировок можно считать, что в ситуации вины участник Z есть всегда, но в некоторых случаях совпадает с результирующим состоянием действия P. Собственно говоря, действие обычно плохо ровно тем, что привело к плохим последствиям.

Возможно дальнейшее “каузальное расщепление” действия — на инициацию и исполнение. Так, в (8) виной — т. е. тем, что Зина взяла на себя, — будет не P, а P' (*велела*), т. е. инициация действия P:

(8) Зина взяла *вину* на себя, сказав, что это она велела [P'] ему уйти [P].

P', P и Z связаны причинно-следственной, а следовательно, метонимической связью и обычно несовместимы в качестве подчиненных слова *вина*.

Вернемся к Субъекту сознания. Один из кандидатов на эту роль — участник Y (поскольку чаще всего плохой поступок — значит вредный для Y-а). Но это совпадение не обязательно — в (9) для Субъекта сознания нашлась синтаксическая позиция при глаголе:

(9) Он меня не видал, и, следственно, я не мог подозревать умысла; но это только увеличивало его вину в *моих глазах* (Л.).

Имплицитность Субъекта сознания создает почву для игры на точках зрения. Так, в (10) тот, кто говорит о вине, явно не считает поступок заслуживающим наказания — здесь слово *вина* как бы в кавычках:

(10) *Вина* этих людей [кулаков] была только в том, что они добросовестно трудились на своей земле.

В контексте предложения предикатное имя — такое как *вина* — подвергается действию двух механизмов, изменяющих его смысл. Один — это давление на предикатное слово “снизу”, со стороны его актантов; сюда относится выветривание, как в (1), (2). Другой механизм — воздействие “сверху”, когда смысл имени изменяется под влиянием подчиняющего глагола или предлога: у подчиняющего глагола имеются таксономические и прочие семантические предпосылки относительно его аргументов; они и трансформируют значение подчиненного имени.

Далее речь идет именно об этом втором механизме: коммуникативная структура слова *вина* меняется в контексте подчиняющего глагола или предлога.

Мы различим два значения слова *вина* — оба производные от *виноват*. В примере (11) *вина* 1, в (12) — *вина* 2:

(11) *Вина* Джулии состояла в том, что она оставила ребенка без присмотра.

(12) Ваня хотел свалить *вину* за разбитое окно на Петю.

Слово *вина* в примере (11) обозначает поступок Р лица X, который плох сам по себе и/или имел плохое последствие Z; здесь *genus proximum* для *вина* — ПОСТУПОК. Это, приблизительно, то значение, которое в терминологии модели “Смысл \leftrightarrow Текст” обозначается как S_2 — имя второго участника ситуации, данное через ту роль, которую он играет в этой ситуации. Иными словами, *вина* в этом значении соотносится с *виноват* как *наследство* с *наследовать*; *решение* (в значении ‘то, что человек решил сделать’) с *решить*; *выбор* (в значении ‘то, что человек выбрал’) с *выбрать* и т. д. В самом деле, для *вина* 1 выполняются оба свойства имен участников, отмеченные в Апресян 1974: 165:

1) *вина* 1 участвует в синонимических преобразованиях со связочными глаголами;

так что (11) \Leftarrow Джулия виновата в том, что оставила ребенка без присмотра;

2) валентность на Р, т. е. на второго участника, у *вина* 1 принципиально нереализуема. В самом деле, выражение, описывающее поступок Джулии (*она оставила ребенка без присмотра*), подчинено не слову *вина*, а связочному глаголу, который идентифицирует вину.

Отличие лексемы *вина* 1 от чистых дериватов типа S_2 состоит в том, что в толковании *виноват* несколько компонентов, и только один из них — первый — позволяет трактовать лексему *вина* 1 как S_2 . А есть еще имплицитивы — ‘X несет ответственность / должен понести наказание за Z’. Именно они отличают лексему *вина* 1 от типичного S_2 , такого как *преступление*.

В (11) акцент на поступке; нельзя, однако, забывать, что слово *вина* дает поступку *к о с в е н н у ю* номинацию (ср. о косвенных номинациях в связи со словом *риск* в гл. III.5 § 5). И хотя, быть может, поступок Р — это и есть вина X-а, тем не менее можно *раскаиваться* в поступке Р, но не в своей вине; *оправдывать* поступок, совершенный приятелем, но не вину приятеля; *наказать* человека за преступление, но не за вину. Отличие вины от плохого поступка создают имплицитивные компоненты — ответственность и угроза наказания: оба состояния наступают независимо от воли субъекта, поэтому в них нельзя раскаяться.

З а м е ч а н и е. Пример (13), казалось бы, опровергает положение о том, что у *вина 1* валентность на P/Z принципиально нереализуема: почему бы не считать, что *он остался без ключа* — это Z?

(13) Твоя *вина*, что он остался без ключа.

В действительности дело здесь в неточности формулировки. Так называемый “запрет валентности” на P/Z у лексиемы *вина 1* вытекает из того, что она сама по себе уже называет участника P слова *виноват*. Синтаксическая связь слова *вина* с другим наименованием той же сущности возможна, если содержанием этой связи является кореферентность, т. е. тождество (см. о таких связях в Падучева 1988). Именно так и обстоит дело в (13): союз *что* выражает кореферентность между сочетаниями *твоя вина* и *он остался без ключа*.

Лексема *вина 2*, представленная примером (12), обозначает состояние, в котором находится человек, совершивший “плохое” действие или действие, ведущее к плохому последствию (Z): это состояние ответственности, угрозы наказания, угрызений совести и т. д. У лексиемы *вина 2* никаких сложностей с реализацией участника Z нет: в (12) Z = *разбитое окно*.

Важный аспект значения имени — его онтологическая категория, родовый концепт. Как было подчеркнуто в Lakoff, Johnson 1980, для абстрактных слов роль родового концепта часто играет метафора (Арутюнова 1976: 95), или “вещная коннотация” (Успенский 1979). Лексема *вина 2* обозначает состояние, причем плохое; и вещная коннотация лексиемы *вина 2* — тяжелая масса. С лексемой *вина 1* никакой специальной метафоры не связано.

Итак, слову *вина* соответствуют две лексиемы. Коротко говоря, *вина 1* — это плохой поступок X-а, за который он теперь должен отвечать; а *вина 2* — состояние ответственности, в котором находится человек, совершивший дурной поступок.

Не следует думать, однако, что, произведя членение слова *вина* на две лексиемы, мы приходим к единицам, значения которых уже не подвержены контекстным модификациям: лексемам *вина 1* и *вина 2* нельзя дать такие толкования, которые годились бы для всех контекстов, — ровно так же, как его нельзя дать для слова *вина* в целом (ср. в этой связи замечание в Апресян, Гловинская 1996: 16 о контекстной вариативности толкования слова *ругать*).

Каждая из двух лексем имеет серию употреблений, в которых ее значение так или иначе меняется. Мы покажем, что эти сдвиги значения можно свести к смещению акцентов.

§ 3. *Вина как плохой поступок*

вина 1 = ‘плохой поступок / плохое последствие поступка, который совершил X и за который он несет ответственность и / или должен быть наказан’. Компонент 4 толкования *виноват* при этом отходит на задний план.

В настоящее время метаязык для описания предикатных слов разработан, как кажется, с достаточной полнотой. Между тем при переходе к именам мы сталкиваемся с совершенно новой трудностью — с отсутствием логико-семантического аналога для противопоставления нексуса и юнкции по Есперсену. Чем, например, отличается по смыслу нексусная конструкция в (а) от двух юнктивных, (б) и (в)?

- а. Орел уносит Ганимеда [название картины];
- б. орел, уносящий Ганимеда;
- в. Ганимед, уносимый орлом.

По форме — синтаксисом, а по смыслу — всего лишь сдвигом акцента, т. е. коммуникативной структурой (в контексте глагола восприятия все три возможности непосредственно противопоставлены: *я вижу, как орел уносит Ганимеда / орла, уносящего Ганимеда / Ганимеда, уносимого орлом*). Мы будем пользоваться, за неимением лучшего, синтаксической терминологией, считая, что (б) и (в) получены из (а) одной или двумя “трансформациями”:

1) мена семантической (согласно Падучева 1974: 153 — глубинной) вершины выражения; так, в (а) вершина — *уносит*, а в (б) — *орел*; вершина определяет таксономический класс выражения: в (а) это ДЕЙСТВИЕ, а в (б) — ЖИВОТНОЕ;

2) мена диатезы; так, (в) получено из (а) двумя акцентными преобразованиями: меной диатезы — с исходной активной на пассивную, (а) *Орел уносит Ганимеда* ⇒ (а') *Ганимед уносится орлом*, и, далее, меной семантической вершины, которая переводит (а') в (в); а в формировании значения (б) диатетический сдвиг не участвует.

Общее свойство всех контекстов употребления лексемы *вина* 1 — невозможность синтаксической связи с участником Z, вытекающая из того, что *вина* 1 сама по себе является косвенной номинацией Z. Рассмотрим поочередно несколько разных контекстов, проверяя выполнение этого свойства (чтобы убедиться, что это *вина* 1) и выявляя контекстные различия в толковании.

3.1. Лексема *вина* 1 может употребляться в контексте связочных глаголов — как подлежащее при глаголах *состоять, заключаться*. Так, в (1) *состоять* идентифицирует содержание вины. В примерах ниже переменные X, Y, P, Z обозначают участников ситуации вины; в скобках — значения, которые эти переменные принимают в данном предложении; курсивом выделен предикат, подчиняющий слово *вина*, и та часть предложения, которая не толкуется; жирным шрифтом выделена та переменная, которая составляет семантическую вершину толкования.

- (1) *Вина Джулии состоит в том, что она оставила ребенка без присмотра* =
 X (X = Джулия) совершил поступок P;
 P плохой;
 X несет ответственность за P.
 P состоит в том, что X оставил ребенка без присмотра.

Иначе говоря,

- (1) = ‘плохой поступок, который совершил X (X = Джулия) и за который он несет ответственность, *состоит в том, что X оставил ребенка без присмотра*’.

В примере (1) *вина* — это прямая вина (плохой поступок X-а); в примере (2) вина опосредованная: *развал лаборатории* — следствие какого-то поступка / поступков, совершенных X-ом; в толковании *виноват* следствие — это Z:

- (2) *Развал нашей лаборатории — вина заведующего* =
 имеет место ситуация Z (Z = *развал нашей лаборатории*);
 Z плохое;
 Z есть следствие некоего поступка P;
 P совершил X (X = *заведующий*);
 X несет ответственность за P.

Иначе говоря,

- (2) = ‘плохая ситуация Z, которая имеет место ($Z = \text{развал нашей лаборатории}$), *есть следствие* некоего поступка, совершенного X-ом ($X = \text{заведующий}$), за который он несет ответственность’.

Как мы видим, значение слова *вина* в (2) не в точности то же, что в (1): в (1) в фокусе внимания поступок, а в (2) — его последствие.

Толкование, предложенное для (2), позволяет предсказать взаимодействие глагола с отрицанием — компонент ‘Z плохое’ вычитается из семантики слова *вина*, поскольку присутствует в семантике подлежащего:

- (3) *Развал лаборатории — не его вина* = ‘плохая ситуация Z, которая имеет место, *не есть следствие* какого-либо поступка, совершенного X-ом ($X = \text{заведующий}$), за который он несет ответственность’.

В позиции подлежащего при *состоять* слово *вина* обозначает прямую вину, см. (1); а в предикативных употреблениях, как в (2), слово *вина* может обозначать и прямую вину, и опосредованную. Описанием прямой вины должна быть ситуация, в которой Агенсом является X. Поэтому в (4) прямая вина. А в (5), где подлежащее *мы* не обозначает X-а, — опосредованная:

- (4) В том-то и *вина* подсудимых, что они {...} сталкивались и сговаривались между собой, каков должен быть государственный строй после падения советского (С.).
- (5) В другой раз он [Сталин] говорит Горькому: “Это её [интеллигенции] будет *вина*, если мы разобьём слишком много горшков...” (С.).

Отметим различие между (4) и (5), состоящее в том, что в (4) акцентируется содержание вины, и акцент на слове *вина*; а в (5) указывается, чья вина, и акцент на генитиве (*ее \ вина*).

В (1), (2) связь между словом *вина* и содержанием вины выражена глаголом-связкой, т. е. как субъектно-предикатное отношение. А в (6) союз *что* выражает кореферентность слова *вина* и выражения, которое раскрывает содержание вины:

- (6) Ведь я вам ответил, Иннокентий. Ваша \ *вина*, что *не слышали* (УК).

Таким образом, само слово *вина* в контекстах (1)–(6) синтаксической валентности на содержание вины не имеет, что и естественно для лексемы *вина* 1.

В (7) придаточное, раскрывающее содержание вины, поступок, подчинено не слову *вина*, а глаголу; так что и здесь *вина* — это *вина* 1:

- (7) Он поставил мне в *вину* то, что я его не предупредил.

Вне специальных контекстов (связочного глагола, как в (1), (2), или кореферентности, как в (6)) *вина* 1 оставляет содержание вины не раскрытым:

- (8) Его наказали за *вину* другого.
- (9) Но какая-то дикая фантазия (или устойчивая злобность или ненасыщенная месть) толкнула генералиссимуса-Победителя дать приказ: всех этих калек сажать заново, без новой *вины*! (С.)

В примере (10) связь слова *вина* с содержанием вины (*не успели остеречь*) аппозитивная:

- (10) Мы все еще не распознали его детской доверчивости, затянуты были необычным повествованием и — *вина* на нас! — не успели остеречь против насадки.

Да нам в голову не приходило, что из простодушно рассказываемого нам здесь ещё не всё известно следователю!.. (С.)

3.2. В контексте сочетания *по вине* слово *вина* тоже имеет значение *вина* 1 — судя по исключенности подчиненного Z:

(11) ⟨...⟩ взыскивает с пастухов за барана, пропавшего не по их *вине* (УК).

Эта конструкция является результатом инверсии подчинительных отношений по сравнению с исходным *виноват*: в (12а) участник Z — содержание вины — выражен глаголом, который подчиняет слово *вина*, а не подчинен ему, как в исходном употреблении (12б):

(12) а. Баран пропал по *вине* пастухов ←

б. Пастухи виноваты в том, что пропал баран =
‘Баран пропал [это плохо], что было последствием некоего поступка пастухов’.

Вина в этом контексте всегда опосредованная: что именно сделали пастухи, мы не знаем, известно только последствие их поступка.

3.3. В контексте пропозициональных предикатов (типа *признать*, *доказать*) *вина* — это тоже *вина* 1:

(13) *Иван признал \ свою вину перед сыном* =

имеет место ситуация Z;

Z плохая (и наносит ущерб Y-у);

люди допускали, что Z есть следствие поступка P, совершенного X-ом
(X = *Иван*);

X признал, что P имело место;

X несет моральную ответственность перед Y-ом (Y = *сын*).

Иначе говоря,

(13) = ‘X признал, что он совершил поступок P, про который люди допускали, что он его совершил, и следствием которого является ситуация Z, плохая для Y-а, и поэтому несет моральную ответственность перед Y-ом’.

Второй имплицитив из толкования *виноват* — ‘плохое психическое состояние X-а’ — неустойчивый: в контексте примера (13) X может быть и испытывал чувство вины (угрызения совести, раскаяние в совершенном действии и под.), но в семантике слова *вина* это не выражено.

Может показаться, что для контекстов типа (14) у слово *вина* следует признать значение факта (в ТКС толкование слова *вина* начинается словами *тот факт, что*). В самом деле, (14) означает ‘никем не доказан факт’:

(14) ⟨При чём же тут мальчишки?⟩ Их *вина* никем не доказана (УК).

Такой трактовке противоречит, однако, то, что в (14), как и в (13), у слова *вина* нет синтаксической валентности, соответствующей участнику P/Z (нельзя, например, сказать *Никем не доказана их вина в том, что возник пожар*). В то же время известно, что в контексте пропозиционального предиката любое имя, даже предметное, может быть понято как выражающее пропозицию — за счет экзистенциального приращения:

(15) Он продолжал идти, несмотря на *боль* в ноге = ‘несмотря на наличие боли’.

Слово *вина* встраивается в пропозициональный контекст с помощью того же экзистенциального приращения:

- (16) Всё-таки я считаю, *вина* Бухарина не доказана (С.) = ‘не доказано наличие вины’.
- (17) И хоть документы следствия не вызывали сомнения в его личной *вине*, слова “сел за других” беспокоили (УК).

В юридических контекстах *доказать вину* \approx *доказать виновность*; а *виновность* действительно является именем факта:

- (18) Что их сегодня обвиняли и судили, никак не доказывает их реальной *виновности* даже в прошлом (С.).

Таким образом, *вина* в (14)—это *вина* 1, а значение факта возникает за счет экзистенциального приращения.

В пропозициональном контексте значение переменной Р (и Z) никогда не раскрывается в пределах того же предложения: в чем состоит плохой поступок, мы из данного предложения не узнаем.

Экзистенциальное приращение — не единственный способ построить из слова *вина* пропозицию. Так, в (19) — при наличии акцента на слове *вина* — акцентируется компонент ‘Z плохое’; он и становится сферой действия пропозиционального предиката:

- (19) Он осознал свою *вину* = ‘осознал, что совершенный им поступок Р плох или привел к плохому последствию Z’.

Под отрицанием имплицативный компонент Z ‘ответственность’, как и положено, отрицается вместе с ассертивным:

- (20) X отрицает свою *вину* = ‘не признает, что это он совершил действие, приведшее к плохому Z, и, следовательно, не готов нести моральную ответственность за Z’.

В отрицательном предложении существование вины является или не является презумпцией в зависимости от управления: притяжательное местоимение в (21) выражает презумпцию существования, а *за* в (22) — ее отсутствие.

- (21) Никто не знает *своей* вины, общее ощущение — хватают ни за что (С.).
- (22) Он не знает *за собой* вины = ‘не считает, что он совершил поступок, который привел к плохому последствию Z’.

3.4. Лексема *вина* 1 может вести себя как параметрическое имя в косвенной диатезе (гл. 1.3 § 6), т. е. разворачиваться в косвенный вопрос:

- (23) Он понял свою *вину* = ‘он понял, в чем состоит то плохое Z, которое есть следствие его действий’.

Как и всегда при косвенной диатезе, содержание Z известно только субъекту состояния, но не сообщается слушающему (а быть может, неизвестно и самому говорящему). Аналогично:

- (24) *напомнил ему его вину* = ‘напомнил, в чем состоит вина’ [как *напомнил его долг* = ‘в чем состоит долг’].
- (25) Бухарину слишком глупо и беспомощно было погибать совсем невиновному (он даже *нуждался* найти свою *вину!*) (С.) [= ‘понять, в чем он виноват’].

В (26) неоднозначность:

- (26) Теперь его *вина* стала явной = ‘теперь стало видно, в чем его вина/ что он совершил плохой поступок’.

В контексте слов *искупить*, *загладить*, *простить*, *отпустить вину* (= ‘снять моральную ответственность, не сердиться, не упрекать’) *вина* тоже понимается в значении плохого поступка, но взаимодействие смысла этих глаголов со смыслом *вина* некомпозиционно, т. е. требует специальных правил композиции смыслов.

§ 4. *Вина* как состояние

вина 2 = ‘состояние, в котором находится / чувство, которое испытывает человек, совершивший плохой поступок’.

Лексема *вина* 2 отличается от *вина* 1 ходом развертывания причинной связи между плохим поступком / поведением и следующим за ним состоянием (ответственности, угрызений совести и проч.): *вина* 1 означает ‘X — его поступок — был причиной плохого Z, и поэтому X пребывает в таком-то состоянии’, а *вина* 2 — ‘X находится в таком-то состоянии, потому что был причиной Z’. Союз *потому что* — конверсив к *и поэтому* (A, *потому что* B = B, *и поэтому* A).

Возможность синтаксической связи с P/Z, содержанием вины, показывает, что *вина* 2, в отличие от *вина* 1, не является номинацией поступка.

Употребляясь в значении состояния, слово *вина* вызывает в сознании образ субстанции (тяжелой по весу) — перемещаемой и локализуемой.

Опять-таки, есть несколько контекстов, где толкование лексемы *вина* 2 реструктурируется: в нем сдвигается акцент.

4.1. В (1)—(8) *вина* обозначает состояние (когда X несет ответственность за Z или подлежит наказанию):

- (1) *Вина за проигрыш [Z] лежит на тренере [X]* = ‘моральная ответственность за плохую ситуацию Z (Z = проигрыш) лежит на X-е (X = тренер), потому что X совершил действие / действия P, следствием которых было Z’.

Аналогично в примерах:

- (2) S возложил *вину* за Z на X-а.
 (3) На X-е лежит *вина* за Z.
 (4) На X-а ложится / падает *вина* за Z.
 (5) X свалил *вину* за Z [с себя] на X-а.
 (6) S переложил *вину* на плечи X-а.
 (7) “Если в стране недостатки и даже голод, то как большевик вы должны для себя решить: можете ли вы допустить, что в этом виновата вся партия? или советская власть?” — “Нет, конечно!” — спешит ответить директор льноцентра. “Тогда имейте мужество и возьмите *вину* на себя!” И он берёт! (С.)
 (8) Патриарх берёт на себя всю *вину* за составление и рассылку воззвания (С.).

Основной способ соединения слова *вина* с содержанием вины — предлог *за*; род. падеж в примере (9) (из Словаря Брокгауза и Ефрона) по современным нормам недопустим:

- (9) Вольсей был отставлен: на него взвалили всю *вину* неудачи.

4.2. В контексте *чувствовать*, *испытывать чувство* в фокус внимания попадает имплицативный компонент 4 — ‘плохое психическое состояние X-а’:

- (10) Я *чувствую* свою *вину* в этом деле = ‘X (X = я) находится в плохом психическом состоянии, которое вызвано тем, что X совершил плохой поступок P’.

- (11) Осмотр дома (...) он начал почему-то со двора. Может быть, потому, что по ч у в с т в о в а л свою *вину* перед Звездоней (УК).

То же в контексте классификатора *чувство*:

- (12) Душа Павлова рухнула под нестерпимым *чувством* вины (УК) [NB *вина* как тяжелая масса].
 (13) Я так и уснул в ту ночь с *чувством* жестокой вины перед Рыжиком (УК).

Лексема *вина* 2 часто обозначает чувство вины перед лицом Y, возникающее у субъекта X, несмотря на отсутствие плохого поступка (или плохого последствия поступка), который мог бы ее вызвать — ситуация «без вины виноватый». Так, в (14), (15) эта ситуация порождается тем, что Y терпит ущерб, которого X избежал:

- (14) Теперь она умерла, а мы, остальные, выжили. Хотя в ее смерти как будто бы меня обвинить нельзя, все же я *вины* с себя не снимаю (УК).
 (15) Привычное еще с войны, с госпиталя, не проходящее чувство *вины* перед обреченным угнетало меня (УК).

4.3. Внутренние состояния, как правило, метафорически трактуются в языке как субстанции — сыпучие или льющиеся массы. Это верно и для чувства вины:

- (16) И вся-то жизнь — биенье сердца,
и говор фраз да плеск *вины*,
и ночь над лодочкою секса
по слабой речке тишины (Бродский).

В контекстах *облегчить*, *преувеличить*, *смягчить*, *усугубить* слово *вина* выступает как название количественно измеряемой субстанции; при этом количество измеряется “на вес” — в полном соответствии с метафорическим концептом ‘тяжелая масса’, который мы выявили у этого слова в § 2:

- (17) Но у него за этой целью о б л е г ч и т ь свою “извечную *вину*” была и другая, невысказанная, может, не вполне осознаваемая: испытать себя холодом и жарой, испытать себя Сибирью, увериться в своей “полноценности” (УК).

Количественная оценка возможна для тех аспектов ситуации вины, которые поддаются измерению — насколько плохо Z; насколько тяжело предполагаемое наказание; насколько сильно испытываемое X-ом чувство:

- (18) Главные лица и соучастники сразу же метнулись в сторону, и в с я *вина* легла на одного Климова (УК).
 (19) Слезы, сознание до сих пор не выветрившейся п о л н о с т ь ю *вины* сделали свое дело, в конце концов я махнул рукой: быть по-твоему! Пойдём, пойдём на юбилей (УК).

Изначальная величина вины зависит от характера P (*вина тяжкая*, если преступление тяжелое, т. е. если P о ч е н ь плохое). Увеличивают / смягчают вину обстоятельства, при которых был совершен поступок (в основном, его мотивы). В юридическом контексте новая метонимия — речь идет о мере наказания:

- (20) Следователь обязан выяснить обстоятельства, также и оправдывающие обвиняемого, также и с м я г ч а ю щ и е его *вину* (С.).

- (21) Заведомо ложные доносы государственным учреждениям ⟨...⟩ при увеличении в а ю щ и х *вину* обстоятельствах (личная злоба, сведение личных счётов) (С.)

Отвлечение вины от виновного способствует созданию образа вины как массы:

- (22) Мы всегда выдаем себя сами, ⟨...⟩ хотя могли бы растворить всю *вину* в море точно таких же ситуаций, когда мы виноваты не были (УК).

Количественная оценка возможна только для лексемы *вина* 2. Если слово *вина* имеет счетное употребление, это *вина* 1:

- (23) Да и одна ли *вина* за тобой? А других не было? Ты действительно уверен, что не было больше ни одной? [т. е. уверен ли, что не было других плохих поступков] (УК).

Употребление имени ситуации (определенного типа) в значении количества субстанции — это регулярный семантический сдвиг (о регулярной многозначности действие — количество действия см. Апресян 1974: 200):

- (24) *накопление* [процесс] способствует — большие *накопления* [субстанция].
доказал *способность* [факт] — большие *способности* [субстанция].

§ 5. Просодические свойства слов *вина* и *виноват*

Отметим несколько контекстов, в которых слова *вина* и *виноват* имеют выветренные значения. Один из них — ситуация «не вина, а беда». Слово *вина* в (1) не реализует полностью своего значения, поскольку ситуация вины требует виновника, а тут как раз виновник отрицается:

- (1) Но все решительно матери — матери великих людей, и не их *вина* \, что жизнь потом обманывает их (ДЖ).

То же для *виноват*:

- (2) Детей жалко — они не *виноваты* \ = ‘находятся в плохом положении — как если бы были за что-то наказаны, хотя не совершили дурного поступка.’.

Это значение возникает только под отрицанием и связано с просодией.

Еще более очевидна связь с просодией у ситуации «твоя проблема». Нормой для слова *виноват* является безударность: ударение падает на X, и в этом своем употреблении *виноват* не присоединяет отрицания. Ударение на *виноват* дает ситуацию р а з д е л е н н о й вины; отрицание разделенной, т. е. даже частичной вины, не только снимает с X-а *вину*, но и разрушает ситуацию вины в целом:

- (3) а. Я \ виноват, что сын такой невоспитанный _ [полностью];
б. Я виноват \, что сын такой невоспитанный _ [частично];
в. Я не виноват \, что сын такой невоспитанный _ [«твоя проблема»].

Тягу к безударности наследует и слово *вина*. Главное фразовое ударение на *вина* (даже в предикативных употреблениях) почти невозможно — то, что Z — плохое, должно составлять презумпцию:

- (4) ?Развал лаборатории — это твоя *вина* \.

Итак, мы вправе сделать следующее заключение. Толкование — даже если речь идет о лексеме, не говоря уже о слове, — ориентируется только на некий основной, прототипический контекст употребления слова. Прочие контексты — а их много — так или иначе модифицируют толкование. Например, контекст глаголов чувства акцентирует в семантике слова *вина* компонент ‘психическое состояние X-а’; контекст ментального глагола акцентирует либо оценочный компонент, либо одно из звеньев каузальной цепи в качестве того Z, которое представляется адекватной формулировкой содержания вины. Так, в контексте *признал свою вину* акцентируется (и становится сферой действия подчиняющегося предиката) компонент ‘X совершил P’, а в контексте *осознал свою вину* — компонент ‘Z плохое’ (возможно, в варианте ‘плохое — Z’).

Изменения значения под влиянием контекста носят достаточно единообразный характер. В основном это сдвиги акцентов и перераспределение компонентов между передним планом и теневой, фоновой зоной. Вычеркивание компонентов происходит только при категориальном сдвиге, см. примеры (1), (2) из § 2.

Остается вопрос — не имеет ли различие между лексемами *вина 1* и *вина 2* ту же природу, что продемонстрированные нами различия между употреблением одной лексемы в разных контекстах. А именно, нельзя ли свести значения ‘вина 1’ и ‘вина 2’ к одному, а разницу в акцентах выводить из контекста. Выше говорилось, что *вина 1* близка к S_2 , а *вина 2* — к S_0 . Однако это не помогает, поскольку проблему семантических отношений между предикатными именами с разными индексами нельзя считать решенной. Так, в Апресян 1974: 195 соотношение между значениями S_2 и S_0 у слов *ассигнование*, *обвинение* представлено как регулярная многозначность, в то время как слова типа *требование*, *просьба* трактуются на с. 166 как выражающие нерасчлененное значение ‘ S_2 или S_0 ’ (при том, что единое значение с дизъюнкцией в роли семантической вершины весьма сомнительно, ср. Урысон 1998).

Атрибуция слова *вина* к одной из двух лексем может быть затруднена:

- (6) Юрий Андреевич обманывал Тоню и скрывал от нее вещи, все более серьезные и непозволительные. Это было неслыханно. Он любил Тоню до обожания. (...) В защиту ее уязвленной гордости он своими руками растерзал бы обидчика. И вот этим обидчиком был он сам. Дома в родном кругу он чувствовал себя неуличенным преступником. Неведение домашних, их привычная приветливость убивали его. В разгаре общей беседы он вдруг вспоминал о своей *вине*, цепенел и переставал слышать что-либо кругом и понимать (ДЖ).

Но все-таки вспоминает человек о своих поступках; а состояние / чувство вины возникает произвольно — как следствие возникшей в сознании мысли (ср. толкование глаголов чувства в Wierzbicka 1988), так что в (6) слово *вина* употреблено в значении ‘вина 1’. Контекстов, где бы реализовались оба значения слова *вина* одновременно (что позволило бы говорить о нерасчлененности значения), не обнаружено. Однако требование возможного совмещения двух значений в одном контексте не обязательно для объединения двух лексем в одну — достаточно наличия общих правил, позволяющих вывести различие значений из контекста или просто одно значение из другого.

Часть II

**МНОГОЗНАЧНОСТЬ
И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ**

Глава 1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

§ 1. Регулярная многозначность. Проблема сохранения единства слова

Итак, слову в естественном языке свойственна многозначность, и прежде всего — регулярная многозначность, т. е. полисемия. Многозначное слово полисемично (а не омонимично), если его значения связаны друг с другом системными, т. е. повторяющимися соотношениями.

Регулярную многозначность можно представить как следствие семантической деривации — это и будет динамическая модель многозначности. Термин семантическая деривация известен из книги Д. Н. Шмелева (Шмелев Д. 1964: 56; в Шмелев Д. 1973 это явление называется иначе). Термин удобен потому, что он приравнивает, в семантическом плане, соотношение между двумя значениями многозначного слова к соотношению между словом и его словообразовательным дериватом: семантическая деривация предстает как частный случай обычной лексической деривации — словообразования, см. Апресян 1974: 187. В самом деле, семантическая деривация отличается от словообразования только тем, что не требует формальных показателей. Не удивительно поэтому, что одно и то же семантическое соотношение может быть в одном языке словообразованием (ср. *расти* и *выращивать*), а в другом — семантической деривацией (ср. англ. *grass grows* ‘трава растет’ и *to grow melons* ‘выращивать дыни’)¹.

Семантическая деривация имеет направление, так что в тех случаях, когда регулярная многозначность моделируется деривацией, из двух значений многозначного слова либо одно предстает как семантический дериват другого, либо оба они производны от какого-то третьего. Первый тип соотношения представлен примером (1), где *растаять* в значении восприятия ‘перестать быть видимым’ производно от прямого значения того же глагола:

(1) а. Снег *растаял*; б. Корабли *растаяли* в тумане.

Второй тип — примером (2); *наполнять* в значении процесса, как в (2а), и в значении состояния, как в (2б), не образованы одно от другого, а оба производны от парного глагола СВ *наполнить*, но акцентируют разные компоненты в семантике СВ:

(2) а. Вода постепенно *наполняет* бассейн; б. Вода *наполняет* бассейн до краев.

¹ Не исключено, что возможности у семантической деривации уже, чем у обычного словообразования, т. е. некоторые изменения смысла обязательно имеют выражение. Определение полисемии через регулярность модели перехода от одного значения к другому широко распространено, ср. Ibarretxe-Antuñano 1999.

В самом деле, глагол СВ обозначает и процесс перехода (из одного состояния в другое) и наступившее состояние; глагол НСВ *наполнять* в (2а) фиксирует внимание на процессе, так же как, скажем, *таять*, семантически производное от *растаять*; а *наполнять* в (2б) — на наступившем состоянии, так же как, например, *понимать*, образованное от *понять*.

В деривационных соотношениях направление перехода существенно; два разнонаправленных перехода почти никогда не сводимы к одному “чередованию” (ср. термин *alternation* в Levin 1993). Так, в Мельчук 1998 различается транзитивация (*идут вокруг стола* ⇒ *обходят стол*, с. 184) и детранзитивация (*бросать камни* ⇒ *бросать камнями*, с. 186); не взаимнообратны каузативация и декаузативация (Падучева 2001а).

Можно думать, что множество разных моделей семантической деривации хотя и велико (как и множество словообразовательных моделей), но все-таки обозримо, и тогда основная масса значений слова создается за счет определенного, в какой-то мере универсального, множества семантических переходов, затрагивающих не отдельные слова, а классы — достаточно крупные, если соответствующие модели деривации продуктивны.

В ТКС разные значения слова, в том числе такие, которые связаны отношением регулярной многозначности, — это разные лексемы, и в словаре им соответствуют отдельные словарные статьи. Иногда разные лексемы одного слова отличаются друг от друга очень незначительно. Но чтобы значение слова во всех допустимых для него контекстах было представлено с достаточной полнотой, нужны максимальные и подробные лексемы (если уж принято, что контекстно обусловленные значения отражаются в словаре). Сама по себе дробность членения слова на лексемы не является недостатком. Она становится таковым в том случае, если ведет к разрушению единства слова. Но это можно предотвратить: представляется возможным такое семантическое описание лексики, при котором сохранено деление слова на лексемы-значения, но преодолены сопутствующие ему отрицательные последствия.

Восстановление единства слова лежит не на пути объединения дробных лексем в более крупные — объединить даже два разных контекстно обусловленных значения в одно невозможно без потери информации; так, в Крысин 1984 слово *резать* расчленено на двадцать две лексемы, и каждая словарная статья содержит какие-то лексикографически существенные сведения.

Единство слова не спасет и идея инварианта: если связи между лексемами имеют не радиальную, а цепочечную структуру, общего компонента в значении “крайних” лексем может и не быть. “Семантические мостики” между лексемами (в смысле Mel’čuk 1988) не решают проблемы, поскольку могут быть наведены разными способами. Так, в Апресян 1998б в множестве лексем глагола *выбрать* обнаружен мостик ‘использовать’. Между тем внутренняя форма слова *выбрать* отсылает и к другим мостикам или даже инвариантам: один — это идея отделения одного элемента множества от других или части от целого (ср. Перцов 1996), выражаемая приставкой *вы-* и объединяющая ментальные значения *выбрать* с физическими (Падучева 1999б); другой — это идея контакта как результата, выражаемая корнем *брать* (контакт может принимать разные формы, от физического до идеального, от обязательного до потенциального, ср. *выбрать из связки ключей нужный* и *выбрать ценку*), см. гл. III.5.

Инвариант (даже если он есть, как в случае с *выбрать*), решая проблему восстановления единства слова, никак не продвигает нас вперед в описании каждого отдельного значения. Сам вопрос об инварианте может быть поставлен только тогда, когда все варианты — частные значения — уже найдены, т. е. самая трудная часть работы проделана. Предлагаемый нами путь восстановления единства слова кажется более эффективным. А именно, единство слова может быть достигнуто за счет того, что толкования частных значений будут с т р о и т ь с я одно из другого (идея деривационных моделей преобразования значения содержится в Туровский 1985).

Модель семантической деривации — это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования исходной (тут полная аналогия со словообразовательной моделью), ср. понятие лексического правила в Dowty 1979: 293.

Итак, представляется плодотворным подход к семантическому анализу лексики, основанный на следующих положениях.

1) В множестве лексем полисемичного (но не омонимичного) слова, как правило, можно найти корневую лексему — такую, что все остальные являются ее прямыми или опосредованными семантическими дериватами². Смысл слова предстает тем самым как деривационная структура — множество лексем с заданным на нем отношением семантической производности (т. е. как множество значений, выводимых одно из другого).

2) Далее возникает задача исчислить модели семантической деривации, порождающие производные значения из исходных (или более близких к исходному). Одни и те же деривации должны повторяться в разных словах — что и служит доказательством существования моделей.

В примере (2) именно наличие общей модели показывает, какой из двух вариантов описания следует выбрать: нет общей модели, которая выводила бы, скажем, *наполнять*, процесс, из *наполнять*, состояние, или наоборот; в то же время процессный и стативный НСВ, парные к СВ, — обычное явление, ср. *открыл* — *открывает*, процесс, и *заслонил* — *заслоняет*, статив.

Семантические деривации позволяют представить совокупность значений слова как единую структуру — как п а р а д и г м у его лексем, такую же как парадигма грамматических форм у слова заданной части речи или грамматического разряда, см. Падучева 1998а.

Если бы модели деривации обладали абсолютной продуктивностью, то семантика корневой лексемы позволяла бы предсказать парадигму семантической деривации, единую по крайней мере для тематического класса или подкласса. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука достаточно хорошо заполнена реально имеющимися лексемами, поскольку действующие в этом классе модели семантической деривации имеют достаточно широкую продуктивность. Другой пример тематического класса с хорошо заполненной парадигмой — это глаголы контакта с поверхностью, типа *наполнить*, *залить*, *усыпать*, см. об этом классе Кузнецова О. 1966, Гаврилова 1973, Падучева, Розина 1993, Лённгрен 1996. Чаще всего, однако, парадигма к л а с с а бывает во многих отношениях дефектной. Имеет поэтому смысл говорить также о

² Корневая лексема может находиться и за пределами слова, как в примере (2).

семантической парадигме слова — как о деривационной структуре, где для каждой лексемы указано, через модели деривации, ее место в общей системе значений слов данного класса³.

§ 2. Параметры и компоненты

Выше в гл. I.1 — I.4 было обосновано понятие параметра лексического значения и показано, что во многих случаях семантическая деривация представляет собой не что иное, как изменение значения того или иного параметра; таковы, например, деагентивация, диатетический сдвиг, категориальный сдвиг.

Парадигма лексем слова в таком случае может мыслиться по образцу парадигмы грамматических форм — ее устройство определяется набором параметров. Параметрами грамматической парадигмы являются грамматические категории (например, для парадигмы прилагательного это будут род, число, падеж, одушевленность). Для семантической парадигмы это параметры лексического значения: категория, тематический класс, диатеза и таксономический класс участника.

Другой класс массовых дериваций касается не параметров, а смысловых компонентов, повторяющихся в значении большого числа слов: как уже говорилось, модели семантической деривации могут быть двух видов — одни меняют значение параметра, другие ориентированы на компоненты.

Рассмотрим несколько примеров смысловых компонентов, которые “задействованы” в семантических деривациях — в том смысле, что в ходе преобразования один компонент заменяется на другой, добавляется или исчезает.

ПРИМЕР 1. Переход ‘находиться’ → ‘существовать’ (особенно в контексте начинательности: ‘начать находиться’ — ‘начать существовать’) свойствен глаголам *появиться* и *быть*. Этот переход был продемонстрирован во Вступлении к Части I на примерах (7), (8). В (7а), (8а) глагол означает ‘начнет / начал находиться’, а в (7б), (8б) — ‘начнет / начал существовать’:

(7) а. Через минуту кофе *будет* здесь = ‘начнет находиться’;

б. Кофе *будет* через минуту = ‘начнет существовать’.

(8) а. *Появился* Петя = ‘начал находиться’;

б. Теперь *появился* новый лекарственный препарат = ‘начал существовать’.

ПРИМЕР 2. Переход ‘быть видимым’ → ‘существовать’ (Faber, Mairal 1997, Levin, Rapoport Novav 1995: 120), в варианте ‘начать / перестать быть видимым’ — ‘начать / перестать существовать’, обнаружил себя в семантике глаголов *появиться*, *исчезнуть*, *найтись*, *пропасть*, ср. Кустова 1999а; о неоднозначности ‘начать быть видимым’ — ‘начать быть’ см. Пупынин 2000: 38.

Компоненты ‘(начать) быть видимым’ и ‘(начать) существовать’ переходят один в другой также в глаголе *возникнуть*:

(1) а. Д о м а *возникли* из тумана = ‘начали быть видимыми’;

б. На месте пустырей *возникли* многоэтажные корпуса = ‘начали существовать’.

³ Термин семантическая парадигма используется в Апресян 1995: 357 — в несколько ином значении: для обозначения совокупности слов, связанных определенными деривационными отношениями.

См. подробнее о *возникнуть* в гл. III.1.

Регулярность многозначности ‘быть видимым’ — ‘существовать’ сыграла важную роль при выявлении семантики конструкции с родительным падежом субъекта, см. Падучева 1997б и гл. III.9. Генитивная конструкция оказалась безразлична к противопоставлению ‘(не) быть видимым’ — ‘(не) существовать’: основное употребление род. падежа подлежащего — в контексте несуществования; однако отсутствие предмета в поле зрения может приравниваться к несуществованию. Это объясняет род. падеж в контексте примера (2), не отрицающего существование Вани:

(2) *Вани* в комнате не было \supset ‘Наблюдатель там его не видел’.

Переход ‘быть видимым’ \rightarrow ‘существовать’ (т. е. ‘быть’) свойствен и ряду других слов, имеющих первичное значение ‘быть видимым’, например глаголу *обнаружить*. Так, *У обнаружил X* в исходном значении \approx ‘У увидел X’, т. е. X стал виден; а производное значение, как в (3), ‘X начал быть’:

(3) *X обнаружил* храбрость в бою [= ‘храбрость X-а в бою была; Наблюдатель У это увидел’].

Аналогично для производных значений глаголов *проявить*, *наблюдаться*:

проявил любезность \supset ‘был любезным’;

проявил мужество \supset ‘был мужественным’;

не наблюдается \supset ‘нет’.

(4) сумел *проявить* себя = ‘сумел сделать так, что его достоинства появились на свет, начали существовать’, а не просто ‘стали видимыми’.

В примере (5) из Ицкович 1974 в (5а) *наблюдаться* — пассив от *наблюдать* в значении ‘вести наблюдение’, акцент на деятельности, презумпция существования объекта или его параметра; а в (5б) генитивная конструкция, что означает ‘X-а нет в поле зрения субъекта сознания’, т. е. ‘стока нет’:

(5) а. Сток талых вод *не наблюдался*; б. Стока талых вод *не наблюдалось*.

Глагол *выглядеть* согласно НОСС 2000 может иметь значение ‘быть’ (X *выглядит* как Y \approx X *есть* Y):

(6) а. Через миллиард лет Вселенная будет *выглядеть* иначе = ‘будет иной’ (пример из НОСС 2000: 63);

б. До меня наш производственный процесс *выглядел* так: с утра мы садились и играли в сику (...). Потом вставали... (Вен. Ерофеев) [процесс с о с т о я л из этой последовательности действий].

Выражение *иметь вид* (контекстный синоним для *выглядеть*) часто употребляется в значении ‘быть тождественным’:

(7) Теперь уравнение *выглядит* так; Теперь уравнение *имеет* следующий *вид*.

Сочетание *представлять собой* значит, фактически, ‘быть’, хотя в исходном значении *представлять* значит примерно то же, что *показывать*:

(8) Ну скажи, что он *собой представляет?* = ‘кто он есть’.

Глаголы *встречаться*, *попадаться* часто выветриваются до значения ‘существовать’, ср. *попадаются*, выделенное курсивом в (9):

(9) Говорят, среди жуликов *попадаются* / И такие, которые НЕ *попадаются*. (...)
Даром сыщики утруждаются — / Эти жулики НЕ *попадаются* (Заходер).

Наконец, тот же переход от ‘быть видимым’ к ‘быть’ демонстрирует слово *являться*: Фасмер дает для *явить* этимологию во всех индоевропейских языках только ‘быть видимым’, а в современном языке *являться* — это прежде всего ‘быть’.

Инференцию несуществования может порождать, в контексте, широкий круг глаголов, ср. Псалом 67 (стихи 1–3) из старопечатной Псалтыри XVII в. (в упрощенной записи):

Да воскреснет Богъ и *разыдутся* врази его, и да *бѣжатъ* ѿ лица его ненавидящїи его, яко *исчезаетъ* дымъ да *исчезнутъ*, яко *таетъ* воскъ ѿ лица огня, тако да *погибнутъ* грѣшници ѿ лица Божїа.

Обратный переход — от ‘⟨перестать⟩ существовать’ к ‘⟨перестать⟩ быть видимым’ тоже возможен: *корабли растаяли в тумане* = ‘перестали быть видимы’, пример (16) из § 1; при более исходном, тоже переносном, значении *растаять* = ‘перестать существовать’ (*деньги растаяли как дым*).

ПРИМЕР 3. Переход ‘видеть’ → ‘находиться’ можно показать на примере:

(10) *заглянуть к X-y* = ‘зайти к X-y’, т. е. ‘начать находиться у X-a’.

В принципе, вопрос о том, как связаны компоненты, которые переходят один в другой, не обязан иметь ответ. Но в данном случае семантическое развитие очевидно. Чтобы увидеть, надо быть в том месте, откуда видно; так что это переход от ситуации к ее предварительному условию, как в косвенных речевых актах, см. Searle 1975.

Видение порождает определенный вид контакта между Экспериментом и Перцептом, и если Перцепт — лицо, возникает межличностный контакт; отсюда у *видеть* значение ‘посетить’. С другой стороны, видение требует нахождения Эксперимента в том же пространстве, что Перцепт; отсюда значение ‘начать находиться’. Английский глагол *to show* имеет, среди прочих, значение ‘бывать в обществе’, так что *the guest failed to show* = ‘гость не появился’ ≈ ‘не пришел’; ср. русское *носу к нам не кажет / не показывает* ≈ ‘не бывает у нас’.

ПРИМЕР 4. Компонент «знание». В знаменитой статье Вендлера “Telling the facts” (Vendler 1980/1987: 308) было показано, что глагол *сказать* в контексте косвенного вопроса меняет значение. Наблюдение Вендлера можно изложить так. Глагол *сказать*, у которого в контексте пропозиционального аргумента (*сказал, что P*) нет импликации истинности, т. е. компонента ‘я знаю, что P’, приобретает ее в контексте косвенного вопроса:

(11) а. Он *сказал, что* живет в Сан-Франциско. (А на самом деле он живет в Окленде);

б. Он *сказал* мне, *где* он живет = ‘он сделал так, чтобы я знал’ = ‘сообщил’.

Фраза (11б) не может иметь продолжение “А на самом деле он живет не там” (см. об этом подробнее в гл. III.3). Таким образом, компонент «знание» может возникать и утрачиваться при семантических переходах. См. о системообразующей роли компонента «знание» в Апресян 2001.

Компонент «знание» возникает на правах инференции (правдоподобного заключения) у многих глаголов восприятия, например у *видеть*. Этот компонент — одно из важных различий между *обнаружиться* и *показаться*: глагол *показаться* чисто перцептивный; между тем в семантике глагола *обнаружить*

видение легко превращается в знание, см. гл. III.2 § 5.5. Видение может превращаться и в обладание (*не видеть (как своих ушей)* = ‘не иметь’), которое тоже связано с нахождением в определенном месте.

Любая модель деривации, которая переводит один смысловой компонент в другой, самим своим существованием подтверждает наличие в семантике слова этого компонента. Если компонент в результате семантического перехода исчезает или заменяется на другой, это формирует его семантическую реальность, его *identity*, в большей степени, чем просто различие или сходство значений слов, выражаемое через его наличие или отсутствие. В этом смысле компоненты в значении слова аналогичны дифференциальным признакам в звуковом содержании фонемы: наличие фонетического перехода, при котором один признак переходит в другой (или позиции нейтрализации, при которой признак перестает быть существенным; или синтагматической зависимости между признаками; и т. д.), подтверждает наличие противопоставления и доказывает реальность каждого из признаков в большей степени, чем просто сопоставление слов, вроде известного *pig—fig*, с которого начинается книга Р. Якобсона “Fundamentals of Language”. То же самое, *mutatis mutandis*, верно для смысловых компонентов: регулярная многозначность аналогична фонетическому переходу. Не менее существенно отражение компонента в языковом поведении, см. о связи между компонентом «знание» и способностью подчинять косвенный вопрос в Падучева 1988.

§ 3. Едины ли модели деривации в разных языках

Неоднократно высказывалась идея о том, что модели семантической деривации в разных языках едины, см., например, Nunberg, Zaenen 1992. Эту мысль не так легко облечь в точную форму. В Levin, Rappaport Hovav 1995 приводится парадигма семантической деривации для английских глаголов положения в пространстве (*stand, lie, sit, hang*) — она состоит из четырех клеток:

1) агентивное значение сохранения положения:

We sat by the fire and chatted ‘Мы *сидели* у камина и разговаривали’;

2) агентивное значение принятия положения — инхоативное:

A strange woman came and sat next to her ‘Вошла странного вида женщина и *села* рядом с ней’;

3) значение пассивного положения в пространстве — для нецелелеполагающих материальных предметов:

The little parish church sits cozily in the middle of the village ‘Маленькая церквушка уютно стоит [букв. *сидит*] посреди деревни’;

4) агентивное значение каузации положения в пространстве:

I sat him down and gave him a drink ‘Я *посадил* его и дал выпить’.

То, что значения 1—4 разные, следует, в частности, из того, что у них разные наборы обязательных участников. Так, у значений 1 и 2 участник Место факультативный (он является адъюнктом, т. е. сирконстантом), а для значения 3 этот участник обязательный.

В русском языке у глаголов с тем же значением семантическая деривация покрывает из четырех клеток парадигмы только две. И инхоатив, и каузатив от глаголов положения в пространстве существуют, но образованы не семантической, а формально выраженной, лексической деривацией, т. е. словообразовательной моделью: от *сидеть* инхоатив *сесть* и каузатив *посадить*; от *стоять* инхоатив *встать* и каузатив *поставить*; от *висеть* инхоатив *повиснуть* и каузатив *повесить*. Таким образом, потенциал семантического развития, скорее всего, в существенной степени универсален, но граница между семантической и лексической деривацией часто проходит лингвоспецифично.

Глава 2

МЕТОНИМИЯ И МЕТАФОРА КАК ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

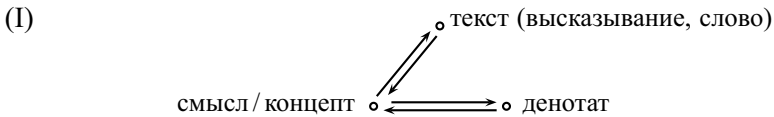
§ 1. Языковая концептуализация реальности. Семантическая структура как концепт

Что говорить, реальность — вещь субъективная.

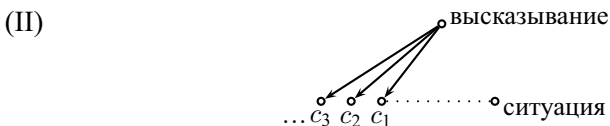
(Из периодики)

В работах по семантике последних лет наряду с термином семантическая структура (высказывания, предложения, текста) появляется термин концептуальная структура, см., например, Traugott 1997. Концептуальную структуру естественно считать результатом языковой концептуализации реальности (какого-то ее фрагмента), см. о концептуализации Wierzbicka 1996: 55, Croft 1991, Nuyts, Pederson 1997.

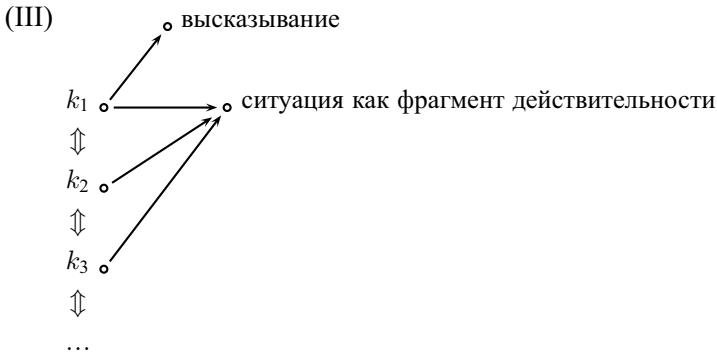
В поисках различия между семантической и концептуальной структурой обратимся к основам семиотики — к так называемому треугольнику Фреге. Одна и та же сущность является, по Фреге, смыслом в ее отношении к тексту (высказыванию, слову — т. е. форме) и концептом по отношению к денотату, см. схему (I).

До последнего времени в лингвистике всерьез принималось во внимание только соотношение между формой и смыслом. Отношение высказывания к действительности (составляющее содержание лингвистической теории референции) изучалось в известной степени независимо от лексической семантики или семантики синтаксиса. Так что основная парадигма недавних лет может быть представлена схемой (II) (c_1, c_2, c_3 — это разные смыслы одного высказывания; третья вершина треугольника оставалась по существу в стороне):

Нынешнюю парадигму задает схема (III), где k_1, k_2, k_3 — это разные концепты (или концептуальные структуры), соответствующие одной и той же ситуации действительности, а \Updownarrow — смысловое соответствие между ними:

В одном и том же внеязыковом контексте могут быть сделаны самые разные высказывания; например, по одному и тому же поводу один скажет (1а), а другой — (1б):

(1) а. Иван полюбил Марию; б. Моя дочь связалась с негодяем.

Фразы (1а) и (1б) дают разные концептуализации одного и того же фрагмента действительности. И если изучение отношения между концептом и денотатом, реальностью, практически невозможно — она не существует как формальный объект, — то описание соотношения (не синонимического) между разными концептами одного фрагмента — это лингвистически осмысленная задача: каждой концептуализации соответствует свое высказывание, и объектом изучения можно сделать отношение между этими высказываниями.

Дело в том, что львиная доля различий между концептуализациями одной ситуации приходится на два параметра — оценка и фокус внимания. Так, в (1а) фокус внимания — *Иван*, а в (1б) — *моя дочь*, которую зовут Мария. Этот последний параметр — смена фокуса внимания — и будет нас интересовать. А именно, мы будем рассматривать концептуализации одной и той же ситуации, которые отличаются друг от друга смещением фокуса внимания. Так что стрелка \Updownarrow в схеме (III) будет обозначать связь между такими концептами, сопоставленными одной ситуации, которые различаются только (или почти только) фокусировкой внимания.

Можно начать с концептуализации, равной смыслу некоторого высказывания (в каком-то отношении “ближайшего” к структуре ситуации); например, пусть $k_1 = c_1$: пока ситуация не концептуализована хоть каким-то высказыванием, она не существует; задать к а к у ю-т о концептуализацию и значит, в определенном смысле, создать саму ситуацию (ситуация и фрагмент действительности — это не одно и то же). А дальше можно рассматривать концептуальные структуры, связанные с первой теми или иными языковыми соотношениями. Фактически при этом отношение структур k_1, k_2, k_3 и т. д. к реальной ситуации отходит на второй план, а сдвиг фокуса внимания, определяющий соотношение между концептуальными структурами, оказывается добротной задачей лингвистической семантики.

Итак, идея Фреге состояла в том, что одна и та же сущность является смыслом по отношению к знаку и концептом по отношению к денотату. Употребляя термин концептуальная структура, мы не имеем в виду, что это структура, отличная от семантической; речь идет только о том, что эта структура соотно-

сится с фрагментом реальности — что реальная ситуация принимается в рассмотрение. Это позволяет описывать связи между структурами, возникающие благодаря тому, что они описывают одну и ту же внеязыковую реальность.

При любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит с х е м а т и з а ц и я реальной действительности (Борщев, Парти 1999). Но аспекты ситуации, затушеванные в данной концептуализации, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания: затушеванные аспекты связаны с актуализированным отношением часть — целое; или параметр — значение; причина — следствие; и т. п. И здесь приходит на ум понятие метонимии и метонимический сдвиг как вид семантической деривации.

Одна из продуктивных идей, связанных с концептуализацией, — это противопоставление фигура — фон (Gruber 1976, Talmy 1983, Langacker 1987). Оно иллюстрируется в Jackendoff 1996: 553 примером

(2) Кошка сидит на ковре.

В предложении (2) упоминаются два объекта, но отношение между именными группами синтаксически не симметрично: *кошка* занимает центральную позицию, а *ковер* на периферии. Эти объекты и в смысловом отношении не одинаковы. Кошка — центральная фигура, а ковер концептуализуется как участок пространства, нужный лишь для указания местоположения фигуры. Возвращаясь к терминам, которые мы использовали ранее, можно сказать, что данная концептуализация в фокус внимания ставит кошку. Если обернуть синтаксическое отношение, получится странное предложение *Ковер лежит под кошкой* — хотя “физическая ситуация” останется та же самая. Очевидно, дело в том, что в некоторых случаях фокусировка внимания предписана отношениями в реальной жизни (или узусом ее восприятия) и сдвигов не предусматривается. Иначе говоря, среди разных концептуализаций одни бывают более естественны, а другие практически исключены. Исчисление концептуализаций — это для лингвиста задача новая.

Нельзя забывать, что потенциал допустимых концептуализаций действительности в существенной степени зависят от языка. В статье Ikegami 1993 разбирается фраза из романа японского писателя Ясунари Кавабата “Снежная страна” (Нобелевская премия за 1968 г.), для которой перевод, максимально близкий к буквальному, выглядит так: “Пройдя через длинный туннель на границе, была снежная страна”. Перевод этой фразы на европейские языки требует, как минимум, указания субъекта: кто прошел через туннель? В дальнейшем описании фигурирует поезд; однако поезд не находится в фокусе внимания, и японский синтаксис не требует его включения в концепт ситуации — при том, что для английского и даже русского языка это обязательно.

§ 2. Механизмы семантической деривации: метонимия и метафора

В сущности, основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов — метонимические сдвиги и метафорические переносы.

1. Метонимия, или сдвиг фокуса внимания. Деривационные возможности глагола в существенной степени предопределены тематическим классом его исходной леммы. Тематическому классу в целом соответствует некая обобщенная ситуация, выражаемая, в той или иной форме, всеми словами этого класса. Так, глаголы звука (*звенеть, греметь, стучать* и под.) обозначают следующую обобщенную ситуацию: нечто пришло в движение; это движение передалось предмету, способному в этом случае издавать звук; возник звук (см. Wierzbicka 1980: 111). Точнее, это не обобщенная ситуация, а концептуальная структура, поскольку мы получаем ее не из наблюдений над ситуациями действительности, а из сравнения толкований соответствующих слов.

Имеется исходная, или базовая, концептуальная структура, которая свойственна ядерной части тематического класса и исходным значениям глаголов. Базовая структура подвергается разного рода модификациям.

Модификация концептуальной структуры может получаться за счет перемещения центра внимания с одного участника на другой — за счет диатетического сдвига, который повышает в ранге одного и понижает другого. Это семантическая деривация, которую можно отнести к разряду метонимических переносов. Так, в (1а) листья на периферии внимания говорящего, а в (1б) они перешли в центр:

- (1) а. Ветер шелестит *листьями* в аллее; б. *Листья* шелестят в аллее.

В (2б), наоборот, участник *лед* перешел из центра на периферию:

- (2) а. *Тонкий лед* затянул лужи; б. Мороз затянул лужи *тонким льдом*.

Другая разновидность сдвига фокуса внимания. Семантический компонент может иметь в исходном употреблении слова статус тривиального (логического) следствия, а в производном стать центральным. Так, большое число глаголов предполагает существование своего субъекта в качестве тривиального следствия (см. Keenan 1976/1982: 248):

- Соловьи поют. ⊃ Соловьи существуют.

В то же время глагол может допускать, в качестве производного, бытийное употребление, когда в определенной коммуникативной позиции с у щ е с т в о - в а н и е субъекта становится центральным компонентом смысла глагола:

- (3) а. Голос ее *звенел* [у *звенеть* обычное значение];
б. Вдали *звенели* голоса [бытийное значение: ‘были слышны звенящие голоса’].

2. Метафора, или категориальный сдвиг. Другой вид модификации базовой концептуальной структуры — спецификация таксономического класса участника (см. гл. I.4). Это, в широком смысле слова, м е т а ф о р и ч е с к и й перенос⁴. Так, мена таксономического класса участника-субъекта может привести к изменению Т-категории — глагол действия, см. (1а), станет глаголом происшествия, (1б):

- (4) а. Маша *закрыла* дверь; б. Ваша шляпа *закрыла* мне экран.

⁴ Расширение состоит в следующем: верно, что метафора — это категориальный (иначе — таксономический) сдвиг; а тогда назовем любой категориальный сдвиг метафорой.

Таксономическая спецификация участника может менять и тематический класс глагола. Так, глаголы звука в исходном значении обозначают нецеленаправленный процесс. Но если Каузатор специфицирован как целеполагающий субъект, то глагол может обозначать действие этого субъекта, при котором звук используется для достижения определенной цели. В случае глаголов звука это, как правило, семиотическая цель: Агнс производит звук с целью подачи сигнала или для передачи сообщения. Производная лексема попадает в класс семиотических глаголов:

(5) а. Дождь *стучит* по крыше; б. Кто-то *стучит* в дверь, откройте!

Глагол обозначает действие, если в его семантику входит компонент «цель», ср. соотношение между *хлопать* в значении издавания звука нецеленаправленным субъектом (как в *ветер хлопал флагами*) и *хлопать артисту* (с целью выразить одобрение).

В одной модели семантической деривации могут сочетаться несколько разных семантических модификаций исходной концептуальной структуры. Так, следствием спецификации участника (категориальный сдвиг) может быть его инкорпорирование — переход в ранг За кадром (метонимический сдвиг):

(6) выпить *спиртного* ⇒ выпить;
рыба не клюет *наживку* ⇒ рыба не клюет;
шина спустила *воздух* ⇒ шина спустила.

При инкорпорировании иногда меняется синтаксическая позиция другого участника:

(7) выделить *сестре долю* в общем хозяйстве ⇒ выделить *сестру* (МАС).

Инкорпорирование можно представить как результат совместного метафорического и метонимического переноса (категориального сдвига и смещения фокуса): метафорический перенос фиксирует категорию участника, а метонимический сдвиг уводит его За кадр. Так, в отрывке из стихотворения Олега Григорьева у глагола *стоять* имеется инкорпорированный актант ‘в очереди’, от которого остается на поверхности направительная валентность:

Люди *куда-то* стоят —
Прямо, потом назад,
В подворотню сквозь дом,
В угол и снова кругом.

Семантические деривации соединяют значения слова в единое иерархически устроенное целое. Например, у глагола *тонуть* значение корневой лексемы — ‘погружаться в воду’ (*укреплял полавки, чтобы сеть не тонула*); участник Среда ограничен таксономическим классом ЖИДКОСТЬ. При иной спецификации участника Среда возникает значение ‘вязнуть’ (*лыжи глубоко тонули в рыхлом снегу*). Еще одна спецификация участника субъекта (таксономическое сужение: субъект — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО) дает для *тонуть* значение ‘гибнуть’ — тот же процесс теперь имеет пределом прекращение существования. Далее на базе компонента ‘прекращение существования’ возникает значение ‘быть невидимым / неслышимым’ (*Окрестности тонули в туманном сумраке; Хлопки выстрелов тонули в свисте ветра*) — в силу общей связи (не)существования с (не)восприятием, см. гл. 1.

В следующих разделах мы рассмотрим метонимию и метафору более подробно.

§ 3. К типологии метонимических переносов

Можно различить три рода явлений, которые естественно охарактеризовать как метонимический перенос.

I. Метонимически связаны могут быть две концептуализации одной и той же ситуации. Причем та концептуальная структура, которая порождается буквальным смыслом метонимически употребленного слова, аномальна, т. е. воспринимается как образ, троп. Понимание предложения требует восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Классический пример такой метонимии — когда вместилище заменяет собой содержимое:

(1) *стаканы* пенились и шипели беспрестанно (Пушкин. Выстрел).

На самом деле в контексте (1) шипело и пенилось вино, но стаканы тоже присутствовали в ситуации; метонимический сдвиг только перенес их из периферии в центр. Еще пример:

(2) Вагоны шли привычной линией,

Подрагивали и скрипели.

Молчали желтые и синие,

В зеленых плакали и пели (Блок. На железной дороге).

Метонимический сдвиг и как правило возникающая при этом категориальная ошибка создают образ. В (2) смещение фокуса внимания с пассажиров (которые на самом деле молчали) на вагоны — важный момент в проведенной в этом стихотворении внешней точке зрения на проходящие поезда: это точка зрения погибшей женщины.

Как уже говорилось, возможность изучения метонимических соотношений возникла благодаря обращению лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью: связи по смежности существуют не между смыслами, а между объектами действительности. Если понимать семантическую структуру как результат концептуализации действительности, можно говорить о соответственных, метонимических, связях между компонентами концептуальных структур. Метонимический сдвиг — это смещение фокуса внимания: метонимия, “перенос по смежности”, дает перенос внимания на объект, смежный с данным. Смежность может быть пространственной, временной или причинно-следственной, как при сдвиге АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ в контексте

(3) когда мужик ⟨...⟩ Белинского и Гоголя с базаров понесет (Некрасов).

II. Метонимический сдвиг может связывать два значения слова, зафиксированных в словаре, — если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания.

Смещение фокусировки бывает двоякого рода: оно может касаться участников ситуации и компонентов толкования.

Примером первого рода (когда фокус внимания переносится на другого участника ситуации) могут служить два значения слова *рот*. МАС дает этому

слову следующее толкование: “отверстие между губами, ведущее в полость между челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость”. И действительно, слово *рот* имеет два прямых значения: *во рту* значит ‘в полости’, а *тонкий рот, в уголках рта* — приблизительно то же, что *тонкие губы, в уголках губ*, т. е. имеется в виду только отверстие. Впрочем, попадать в фокус и активизироваться могут оба участника одновременно; так, *раскрыть рот* значит разомкнуть губы (отверстие), тем самым сделав доступной полость (пример из Taylor 1989).

Пример второго рода, когда смещение фокуса касается компонентов толкования, будет подробно рассмотрен в гл. III.5 в связи с глаголом *рисковать* и в гл. III.8 о глаголах звука. Важный пример смещения фокуса внимания — метонимическое соотношение между событийным и стативным компонентом в семантике глагола совершенного вида (см. об этом в гл. IV.3 и IV.4), например:

- (4) а. Дверь вчера починили [акцент на событии];
 б. Дверь сейчас починили [акцент на состоянии].

III. К переносу фокуса внимания с одного участника на другого сводится семантика диатетических сдвигов и расщеплений, см. гл. I.3.

- (5) а. пробить дыру в стене; б. пробить стену.
 (6) а. Ветер хлопает дверью; б. Дверь хлопает.
 (7) а. Чиновники скрипели перьями; б. Скрипели перья.

В центр, т. е. в позицию субъекта, как в (6), (7), или объекта, как в (5), могут попадать то один, то другой из участников обозначаемой глаголом ситуации. С семантической точки зрения соотношение между (а) и (б) в (5)–(7) может быть представлено как перенос фокуса внимания с одного участника на другого.

Во многих случаях ситуация такова, что если один из участников выходит на передний план (т. е. в центр, на свет), то какой-то другой отступает на задний (на Периферию, в тень) или вообще уходит за кадр (см. об этом в гл. IV.2):

- (8) рубить лес [на дрова] — рубить дрова;
 уложить вещи в чемодан — уложить чемодан.

Возможность смещения фокуса внимания дает глагол *исправить*. Суть действия, обозначаемого глаголом, всегда одна — она состоит в том, что Агенса делает нечто с предметом (физическим или не физическим), Пациентом / Местом, устраняя в нем Недостатки (или повреждения). Но в позицию объекта при этом может попасть либо Пациент (*исправил текст*), либо Недостаток (*исправить ошибки в тексте*). В обоих случаях участник, не попавший в центр, уходит из перспективы — за кадр. Интересно, что глагол *поправить* допускает и третью диатезу, при которой в центре внимания оказывается ошибающийся субъект:

- (9) Я был склонен к мягкотелости. Меня *поправили* (пример из МАС).

Другой пример — глагол *следовать*. В принципе, *следовать* можно откуда-то, куда-то, за кем-то и т. д.; но в контексте (10а) нельзя сказать *откуда?*, а в (10б) нельзя сказать *за кем?*:

- (10) а. Иван *следует* за Петром; б. Поезд *следует* из Варшавы в Берлин.

Итак, мы выделили три типа метонимических переносов. Различие между типами II и I основано на том, что метонимия (как и метафора) бывает

живая, окказиональная, и стершаяся, т. е. уже закрепленная в значении слова. Тип I — это живая метонимия, которой соответствует продуктивное правило переноса (таков, например, перенос ВМСТИЛИЩЕ — СОДЕРЖИМОЕ в примере (1)), а тип II — стершаяся, отраженная в словаре, как у слова *рот*. При метонимии типа I возникают две концептуализации ситуации: метонимическая, которая соответствует буквальному смыслу, и прямая, которая должна быть восстановлена, см. примеры (1), (2); при метонимии типа II такой двойной концептуализации быть не должно. Живая метонимия обычно не фиксируется словарем — нельзя же для слова *рюмка* предусмотреть значение ‘водка’. Вообще, живая метонимия часто касается собственных имен, как в (3). Впрочем, полной последовательности здесь ожидать трудно.

Тип III, диатетический сдвиг, отличен от типа I в том отношении, что сдвиг фокуса внимания формально выражен. В то же время типы I и III сходны — в том, что оба могут использоваться в целях порождения художественного эффекта, ср. явно значимый перенос фокуса внимания с Агенса (т. е. того, кто спускает курок) на деталь Инструмента:

- (11) В граненый ствол уходят пули,
И *целкнул* в первый раз курок (П.).

§ 4. Примеры метонимических переносов

Перечни метонимических переносов, приводимые в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда неполны. Так, список из Ungerer, Schmid 1996 включает переносы: ВМСТИЛИЩЕ → ВМЕЩАЕМОЕ; АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ; МАТЕРИАЛ → ИЗДЕЛИЕ; ОЗНАЧАЮЩЕЕ → ЗНАК; ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ; ЦЕЛОЕ → ЧАСТЬ; ПРОИЗВОДИТЕЛЬ → ПРОДУКТ; МЕСТО → УЧРЕЖДЕНИЕ и др. Но он не включает таких важных типов переносов, как ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ → (занимающее его) СОБЫТИЕ; ИСТОЧНИК ЗВУКА → ЗВУК (см. гл. III.8); ЧАСТЬ ТЕЛА → БОЛЕЗНЬ (этой части тела), см. Шмелев Д. 1977: 104 (и классификации метонимических переносов в Якобсон 1987: 328; Гаспаров 1997: 404). Едва ли, вообще, этот перечень можно сделать полным, ср. газетный заголовок “Стриндберг продолжает эпатировать Москву”; в статье речь идет о новой постановке в Москве когда-то нашумевшей пьесы Стриндберга. К какому разряду отнести метонимическую связь между сочетаниями *истолковать слово* и *истолковать значение*?

Ниже приведены примеры метонимических переносов — в основном это метонимия, связанная с категориями времени и места.

ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ → (занимающее его) СОБЫТИЕ

Слова и выражения, которые в своем первичном значении обозначают отрезок времени, могут обозначать — в порядке переноса по смежности — события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимающие определенное пространство. Здесь можно говорить о метонимическом переносе ВРЕМЯ → СОБЫТИЕ:

- (1) *поговорим о будущем* = ‘о том, что будет происходить в будущем’; *расскажи про воскресенье* = ‘про то, что происходило / будет происходить в воскресенье’.

С таким же переносом употреблено слово *мгновенье* в контекстах *Мгновенье, ты прекрасно* или *Я помню чудное мгновенье*. В отрывке из “Пиковой дамы” наполнение *этой минуты* событиями ясно из контекста, и именно они имеются в виду:

- (2) Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. *Эта минута* решила его участь.

Ни один словарь не даст для слова *минута* значение ‘события, происшедшие в эту минуту’. В МАС значение слова *минута* в контексте

И здесь героя моего
В *минуту*, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим (П.)

характеризуется как ‘какой-либо определенный отрезок времени’. Между тем эпитет *злую* относится, конечно, не к отрезку времени, а к одновременным ему событиям.

В романских языках такое изменение значения отмечается словообразовательным аффиксом; эта словообразовательная модель продуктивна, например, во французском:

- (3) день — *jour / journée*; утро — *matin / matinée*; год — *an / année*.

В русском такого аффикса нет, и практически все слова, обозначающие отрезок времени, могут обозначать также и события, которые развертывались на этом отрезке; например:

- (4) и речь бежит из-под пера
не о *грядущем*, но о *прошлом* (Бродский. Конец прекрасной эпохи).
(5) за окнами обычный *день*,
накапывает дождь, бегут машины (Там же).

Само слово *время* подвержено таким же метонимическим сдвигам:

время сейчас такое [\approx ‘обстановка, условия жизни’]; эти, с такой силой обобщающие *время* и события стихи (Чуковская 1997); *время* было тревожное (ДЖ) [\approx ‘жизнь в это время была тревожная’]; Зрелищное понимание биографии было свойственно моему *времени* (Пастернак. Охранная грамота); сейчас не *время* шутить [\approx ‘сейчас окружающая нас реальность не такова, чтобы можно было шутить’]; дух *времени* — это господствующие взгляды и потребности людей, живущих в определенный период времени; Творчество — всегда противоборство с *временем* (Новый мир, 1997, № 6).

Л. К. Чуковская (1997: 251) приводит следующее высказывание Ахматовой:

Я убеждена, например, что мои стихи “И время прочь, и пространство прочь” никто не хочет печатать из-за слова *время*. Оно воспринимается не как фило-софская категория, а как “наше советское время”.

Когда *время* значит ‘погода’ (как у Пушкина: *Время ненадежно: ветер слегка подымается*), это тоже метонимический перенос; *хмурое утро* — это утро с хмурой погодой.

В принципе, любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, метонимическое значение отрезка реальности, занимающего этот период времени⁵.

- (6) (...) приходят тени из 13-го года под видом ряженных (Ахматова. Поэма без героя);
 1940 год ощущался как погребение эпохи (Чуковская 1997);
 (...) социальная структура Запада в общем до сих пор аналогична тому, что существовало в России до 1917 года. (...) в определенном смысле XIX век на Западе еще продолжается. В России он кончился (Бродский. Нобелевская лекция).

Бродский имеет в виду, что социальные структуры, характерные для XIX века, на Западе сохранились, а в России — нет. Далее то, что произошло в России, характеризуется как “социальная и хронологическая перемена”, т. е. как изменение в р е м е н и.

В американской прессе название отрезка времени *одинадцатое сентября* стало именем собственным для трагических событий, произошедших 11 сентября 2001 года.

ДЕЙСТВИЕ⁶ → ВРЕМЯ [момент]

Отглагольные имена событий обычно соединяются с тремя предлогами — *до*, *после* и *во время*, и каждый предлог актуализует свой компонент семантики имени — начало, конец и развитие события:

- (7) до приезда, после праздников;
 (8) в Рождество, во время войны (свадьбы; переезда).

ДЕЙСТВИЕ → ВРЕМЯ [продолжительность]:

- (9) *весь поход* молчал.

Этот тип метонимии упоминается в Шмелев Д. 1977: 100. В примере (10) дополнительный сдвиг, касающийся слова *дорога*:

- (10) Она *всю дорогу* плакала.

Согласно МАС, слово *дорога* имеет, в числе прочих, следующие два значения: 1) полоса земли, служащая для езды и ходьбы; 2) путешествие, поездка; например: *после дороги лег отдохнуть, в дороге не спал*. В (10) слово *дорога* употреблено в этом втором, процессном значении.

При этом получает семантическое объяснение аномалия в (11) — имена, образованные от моментальных глаголов, предлога *во время* не допускают, поскольку у них отсутствует процессный компонент, требуемый семантикой этого предлога:

- (11) *во время прихода; *во время ухода.

⁵ Для слова *эпоха* значение отрезка реальности, ограниченного определенными временными рамками (а не просто отрезка времени), фиксируется в словаре, ср. *эпоха 30-х годов, которая именуется 37-м годом* (Чуковская 1997: 321).

⁶ Слово *действие* мы используем в качестве обобщающей категории для действий, терминативных процессов, деятельностей, имеющих начало и конец (так сказать, мероприятий — таких как *концерт, лекция, свадьба*).

ДЕЙСТВИЕ → МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

На вопрос “Где он?” можно ответить: *на лекции, на концерте, на репетиции* и т. д. Аспект места выявляется в значении такого действия, которое мыслится как происходящее в определенном месте. Тот же метонимический переход в сочетании *письмо с дороги*: от слова *дорога* в процессном значении к месту, где идет процесс.

Место и время вообще могут иметься в виду одновременно⁷, ср. *на пробуксовке* в примере, который приводится, в другой связи, в Золотова 1988: 331:

Пришлось бы каждый рыбовоз протаскивать тракторами, портить машины, жечь *на пробуксовке* покрышки и горючее (Правда, янв. 1981).

СВОЙСТВО → МЕСТО

Этот переход можно видеть в значении слов *высота, духота, пустота, темнота, тепло, теснота, чистота* и др., ср. *темнота помещения и сидеть в темноте*. Эти слова способны обозначать часть пространства, поскольку имеют метафорическую категорию МАССА (заполняющая пространство)⁸:

(12) сидеть в *тепле*; жить в *тесноте*.

Менее продуктивен, но все-таки допустим переход в обратную сторону — от места к развертывающимся на этом месте событиям, процессам, действиям:

МЕСТО → ПРОЦЕСС (развертывающийся на этом месте):

О, как внезапно кончился *диван* (Вишневский. Одностишия).

В строчке Ахматовой, конечно, не имеется в виду реконструкция города: а тому *перулку* наступает конец.

Среди переходов типа ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ следует выделить переходы от граничных точек к примыкающим поверхностям и пространствам:

ПОВЕРХНОСТЬ → ПРОСТРАНСТВО (примыкающее к этой поверхности)

Здесь примером может служить слово *небо*. БАС дает толкование ‘видимое над поверхностью земли воздушное пространство в форме свода, купола’, представляя небо как трехмерную сущность — ПРОСТРАНСТВО. Однако сочетания типа *на небе, с неба, под небом, небо высокое* заставляют думать, что *небо* в русском языке изначально концептуализуется как поверхность — в форме свода. (В словарях говорится “в форме свода, купола”, но нужно — именно “свода”, поскольку купол представляется взору с двух сторон, и чаще всего — с внешней, ср. *видны купола*, тогда как свод люди видят обычно с внутренней стороны, поэтому *под сводам*, но **над сводам*.) Итак, *небо* имеет родовую категорию ПОВЕРХНОСТЬ, что объясняет употребления *на небе, с неба* и невозможное **из неба*.

В своем другом значении, *небо 2*, это слово обозначает воздушное пространство, примыкающее к тому “как бы своду”, который составляет денотат лексемы *небо 1*. Родовая категория ПРОСТРАНСТВО объясняет употребления

⁷ Как известно, обстоятельства места могут пониматься в значении времени (*Поеду я в Лондон или нет — не знаю, это решится в Висбадене* = ‘тогда, когда я буду в Висбадене’).

⁸ Слова *свет, тьма, мрак* тоже попадают в Т-классы МАССА и МЕСТО, ср. *на свету, во тьме, во мраке*.

В синем небе звезды блещут; Высоко в небе летит самолет; Прозрачно небо и т. д. Ясно, что значение *небо 2* — результат метонимического переноса: захват смежной области. То, что перенос именно в эту сторону, от *небо 1* к *небо 2*, видно из того, что он произошел не полностью; иначе **из неба* было бы возможно. Можно думать, что в толковании лексемы *небо 1* компонента ‘воздушное пространство’ нет (ср., однако, Урысон 1998).

Для нашего описания существенно, что *небо 1*, как и *свод*, имеет родовую категорию ПОВЕРХНОСТЬ — а не ВМСТИЛИЩЕ: для слов последней категории перенос на содержимое характеризуется высокой продуктивностью, см. пример (1) из § 3 *стаканы пенились*; а тенденция к переносу с поверхности на прилегающую область более слабая.

Если между двумя значениями слова есть продуктивное метонимическое отношение, то слово обычно не ощущается как многозначное. Так, словарное толкование для *рот*, о котором уже шла речь, различает два возможных денотата этого слова — отверстие и полость; а в толковании слова *небо* поверхность и пространство не различены, хотя из приведенных примеров в одних явно имеется в виду двумерное небо, а в других — трехмерное. Дело в том, что связь между двумя значениями слова *рот* более уникальна, а неоднозначность слова *небо* такая же, как у многих других слов.

Слово *море* тоже допускает и трехмерную, и двумерную трактовку (возможно *в море*, *из моря* и *на море*, *с моря*, см. Рахилина 1998), но его семантическая парадигма устроена иначе, чем у слова *небо*: исходная категория — не ПОВЕРХНОСТЬ, а УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА; употребление, при котором актуализуется поверхность, не воспринимается как изменение значения слова: можно сказать *в* и *на море*; аналогично: *в* и *на снегу*, *в* и *на доме*, *в* и *на шкафу*, и т. д. Вообще, слово с одним и тем же значением может принадлежать к нескольким категориям, которые не исключают одна другую, так, *печь* — это УСТРОЙСТВО и ВМСТИЛИЩЕ; *школа*, *почта* — это УЧРЕЖДЕНИЕ и ПОМЕЩЕНИЕ; *время* — это ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ (*время идет*), РЕСУРС (*тратить время*), МАССА (*много времени*); возможно, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (*убить время*). То же для слова *память*, см. гл. I.4.

ГРАНИЦА [линия] → ПЛОЩАДЬ [прилегающая]

Линии, которые ограничивают участки пространства, часто обозначают и саму территорию. Например, слово *круг* обозначает и границу — окружность, и все ограниченное ею внутреннее пространство. Поэтому можно сказать и *за Полярным кругом*, и *в Полярном круге* (Бродский. Конец прекрасной эпохи); впрочем, последнее — изыск.

Но переход не вполне продуктивен. Так, употребления сочетания *черта оседлости* в контексте примеров (13а)–(13в) (взятых из предисловия к двухтомнику Бабеля, изданному в 1972 г.), где *черта* должна пониматься с метонимическим переносом — как ‘территория, ограниченная этой чертой’, оцениваются скорее как удовлетворительные:

- (13) а. <...> не видящих иного выхода за *черту оседлости*;
 б. Одесса была крупнейшим центром еврейской *черты оседлости*;
 в. <...> не имея права жительства за пределами *черты оседлости*.

Можно сказать *в черте города, в прежних границах, в этих пределах* и т. д. Однако пример (14) не соответствует современной норме:

(14) заимки и дачи уже входили в *черту города* (Мам.-Сиб., БАС).

Метонимический перенос ограничен определенными синтаксическими рамками.

Тот же метонимический переход, но в линейном случае — от граничной точки к интервалу, который этой границей заканчивается или начинается, возможен для обозначений времени. Известный пример — *неделя*: первоначально — ‘воскресенье’; польск. *tydzień*, род. *tygodnia*, ‘неделя’ первоначально имело буквальное значение — ‘день недели с тем же названием, что данный’. Ср. также этимологию слова *год*: первоначально — срок окончания договора, т. е. момент времени, до которого можно ‘годить’.

Метонимический переход в обратную сторону — от временного интервала к границе — настолько продуктивен, что даже не замечается: *до субботы* значит ‘до начала субботы’, а *после субботы* — это ‘после конца’.

Захватывать соседнюю территорию могут не только границы, но и другие выделенные пространственные объекты, ср. *на реке, на даче, встретились на лыжне, поехал на мельницу, пошел на море* (в значении ‘на берег моря’) и т. д.

Почему метонимические связи между разными значениями слова необходимо фиксировать?

Метонимическая связь между значениями слова может быть причиной нарушения одной из самых общих семантических закономерностей: одно слово не может быть употреблено в предложении одновременно в двух своих значениях. Так, в примере (15) (который обсуждается в гл. III.8 § 3.4) *пианино* в его отношении к сказуемому *бередит* должно обозначать не сам музыкальный инструмент, а его звук, поскольку только звук может воздействовать на слух; между тем *разбуженное* относится к инструменту:

(15) Одним пальцем разбуженное *пианино* бередит слух (Бродский).

Такое совмещение двух значений в одном употреблении возможно только благодаря тому, что между инструментом и звуком имеется метонимическая связь. Другой пример. В строчке

(16) глядя задумчиво в *небо* высокое

эпитет *высокое* заставляет понимать *небо* в значении *небо* 1, а *глядеть в* — в значении *небо* 2. Употребление слова одновременно в двух значениях не звучит как каламбур, потому что они метонимически связаны.

Метонимические связи могут быть между компонентами значения слова или грамматической формы, и это позволяет объяснить межъязыковую общность некоторых моделей семантической деривации. Так, Л. Талми (Talmy 1985) обращает внимание на то, что в семантике глагола значение пребывания в состоянии часто (т. е. во многих разных языках) сочетается с вхождением в него, но не с выходом. См. пример (17) — глагол *hide* ‘прятаться’ может иметь значение перехода в состояние, (17а), и значение пребывания в состоянии, (17б); но не значение выхода из состояния (такое же совмещение значений у русского глагола СВ, см. пример (4) из § 3):

(17) а. He *hid* in the attic when the sheriff arrived ‘спрятался’;

б. He *hid* in the attic for an hour ‘прятался’;

в. *He *hid out of the attic* ‘*выпрятался’.

Если принять во внимание метонимические связи между событийным и статальным компонентами толкования глагола СВ, эта квазиуниверсалия получает естественное объяснение: состояние метонимически связано с порождающим его событием — как следствие с причиной; а между состоянием и выходом из него такой естественной связи нет.

§ 5. Роль метонимии в поэтике Пастернака

Роману Якобсону принадлежит открытие (именно открытие, см. Иванов 1987: 17) роли метонимии в прозе Пастернака. В отличие от Маяковского, для которого главный троп — метафора, лиризм Пастернака “в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого — ассоциация по смежности. (...) Элементарная форма ассоциации по смежности — захват ближайшего предмета. Поэт знает и другие метонимические отношения: от целого к части и наоборот, от причины к следствию и от следствия к причине (...) Но предпочтительный его прием — упоминание какого-нибудь рода деятельности вместо самого действующего лица; какого-то состояния, выражения или свойства, присущего личности, на месте и вместо самой этой личности...”, Якобсон 1987: 329–330.

Пример из стихотворения “Марбург”:

*Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.*

М. Л. Гаспаров (1997), подсчитав у Маяковского и Пастернака процент метонимов типа ВМЕСТИЛИЩЕ — ВМЕЩАЕМОЕ, ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ, АВТОР — ПРОИЗВЕДЕНИЕ (к этому последнему разряду принадлежит пастернаковское *На днях я вышел книгой в Праге*) по отношению к общему числу тропов, обнаружил, что он у двух поэтов примерно одинаков. Едва ли, однако, на этом основании можно заключить, как это делает автор, что Якобсон преувеличил “метонимичность” поэтики Пастернака. Скорее, дело в том, что у Якобсона более широкое определение метонимии. Мы склонны здесь следовать определению Якобсона, поскольку именно оно имеет плодотворные применения в лингвистике.

По Якобсону, главная особенность Пастернака (противопоставляющая его Маяковскому) — та, что у него “первое лицо отодвигается на задний план. (...) Его присутствие стало метонимическим”, Якобсон 1987: 329. М. Л. Гаспаров (1997: 406) говорит о Пастернаке другими словами, но по существу то же самое: “Субъект выражен через его отражение в окружающих предметах. Образ выводится не из состояния объекта, а из состояния субъекта, смежного с объектом”; примеры М. Л. Гаспарова:

вокзал, Москва плясали по насыти [на самом деле зритель находится в движущемся поезде];
гудели кобзами колодцы, скрипели скирды и тополя [оттого, что гудел и скрипел проносящийся мимо них поезд].

Повышенная роль воспринимающего субъекта в поэзии Пастернака была отмечена Ю. М. Лотманом: “Истинный мир (...) по Пастернаку (...) это мир

увиденный и почувствованный”; “Те подлинные связи, которые организуют мир Пастернака, — это почти всегда связи у в и д е н н ы е”, Лотман 1969: 227. Говоря о черновиках Пастернака, Ю. М. Лотман останавливается на строчке

Оплывает зажженная книга,

раскрывая технику монтажа зрительных образов на базе пространственного контакта: “Действительность слитна, и то, что в языке выступает как отгороженная от других предметов вещь, на самом деле представляет собой одно из определений единого мира”, Лотман 1969: 226.

По Jakobsonу (и Лотману), само деление на внешний и внутренний мир у Пастернака снято: внешний мир наделен одушевленностью, лирический герой присутствует в неодушевленных предметах. А. К. Жолковский, развивая мысль Jakobsonа и Лотмана, видит в стихотворении Пастернака “Зазимки” (о березе, которая смотрится в зеркало небосвода) не просто метафору (так анализируется сочетание *она подозревает* в Ковтунова 1995: 178), а метонимическое присутствие воспринимающего субъекта — “Пастернак, как всегда, метонимически замещает свое ‘я’ элементами быта и пейзажа” (Жолковский 1992: 299):

Она подозревает втайне,
Что чудесами в решете
Полна зима на даче крайней,
Как у нее на высоте.

До последнего времени изучение метонимии было уделом поэтики. Между тем для лингвистической семантики язык поэзии — это заманчивый вызов, который она обязана принять.

§ 6. Метафора: к проблеме языковой категоризации действительности

В Jakobson 1987: 331 о метафоре говорится: “Когда в какой-то поэтической системе метафорическая функция сильно акцентирована, традиционные классификации рушатся и предметы вовлекаются в новые конфигурации, подчиняются новым классификационным признакам”. Jakobson подчеркивает здесь именно тот аспект поэтической метафоры, который представляет интерес для лексической семантики: метафора замечательна тем, что выявляет в значении слова его “классификационные признаки”, т. е. его таксономические категории.

В работе Левин 1965 различается три типа метафор: I. Метафора-сравнение (*колоннада рожи*); II. Метафора-загадка (*били копыта по клавишам мерзлым*); III. Метафора-замещение (*жизнь сгорела*). Метафора, которая нас интересует, — это прежде всего метафора типа III. Именно здесь “рушатся классификации”: исходная категория имени противоречит входящей в семантику предиката предпосылке о том, какой эта категория должна быть; возникает категориальная ошибка⁹, например: *Шарканье прохожих как бы месило сгущавшуюся темноту* (Набоков. Дар).

⁹ О семантическом рассогласовании (на уровне буквального понимания) как конституирующем свойстве метафорического выражения написано много и за и против; см., например, Stern 2000.

Механизм метафоры и процессы, задействованные в метафорическом употреблении слова, лингвистически проницательно описаны в Black 1962/1990. Возьмем пример. Во фразе

(1) Долина *спит*

глагол *спать* употреблен метафорически: нормальное подлежащее этого глагола должно обозначать живое существо, а сам глагол — физиологический процесс. В контексте (1), где подлежащее обозначает пространственный объект, *спит* значит (впрочем, не столько значит, сколько позволяет представить себе), что долина — и прилегающие горы — спокойны, по-особому неподвижны, бесшумны и проч.; возможно, мы также заключим, что дело происходит ночью.

Описывая механизм интерпретации метафорического выражения, Блэк различает следующие сущности:

— ф о к у с метафоры, главный предикат, т. е. слово, которое не может иметь в данном контексте своего буквального смысла; в (1) это глагол *спит*;

— г л а в н ы й субъект; это слово, связанное с главным предикатом — как его подлежащее (в (1) это *долина*) или, возможно, дополнение (*Я проглотил свои слова*);

— в с п о м о г а т е л ь н ы й субъект; это таксономическая категория, составляющая категориальную предпосылку главного предиката относительно одного из участников; в (1) это ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

На основе этих понятий можно сформулировать два правила интерпретации, которые вместе описывают значение метафорического выражения, такого как (1).

ПРАВИЛО I. Главный предикат, слово *спать*, обозначая в своем основном словарном значении физиологический процесс, несет с собой целый ряд ассоциаций или коннотаций¹⁰, нормально связанных с этим процессом, — следствий, обстоятельств и проч., которые, быть может, и не входят в смысл слова, но возникают или могут возникать в сознании при его употреблении — Блэк называет их *и м п л и к а ц и я м и*¹¹. “Категориальный диссонанс” блокирует основной компонент значения *спать*, и эти импликации остаются единственными признаками, которые предикцируются субъекту; в контексте примера (1) это будет, в частности, спокойствие, особая неподвижность, бесшумность; возможно, темнота.

ПРАВИЛО II (обратное влияние предиката на имя). Главному субъекту приписывается сходство со вспомогательным; так, (1) создает *о б р а з* — заставляет нас представить себе, что *долина* (и окружающие горы) похожа на живое существо.

В результате, смысл фразы (1) может быть описан примерно так: 1) ‘долина спокойна, неподвижна, бесшумна’; 2) ‘долина похожа на живое существо’.

В Searle 1991 сопоставляются два подхода к метафоре: традиция, идущая от Аристотеля, согласно которой метафора выражает сходство, и концепция Блэка, который описывает семантическое взаимодействие между метафорически

¹⁰ См. о коннотациях в Иорданская, Мельчук 1980.

¹¹ Термин импликация не вполне удачен, поскольку имеет другое общепринятое значение, см. Karttunen 1971 и гл. III.3. Более уместно здесь понятие инференции, см. гл. I.5 § 4.

употребленным словом и его контекстом. Очевидно, два подхода отражают разные стороны одного явления.

Итак, чтобы понять живую метафору, слушающий должен мыслить объект (в нашем случае это *долина*) сразу в двух категориях. Одна — это его собственная (*долина* — пространственный объект); эта категория удаляет из значения главного, метафорически употребленного предиката все несогласованные с ней компоненты, оставляя одни ассоциации и коннотации. Другая — та, которая предсказывается категориальной предпосылкой главного предиката в его исходном, неметафорическом употреблении (*долина* — живое существо).

Категориальное рассогласование свойственно, разумеется, только живой метафоре. Если значение слова изменилось и оно допускает *к о н в е н ц и о н а л ь н о е* употребление в рамках новой категории, метафора умирает, ср. *разбитые надежды*, *раскол в либеральном движении* и проч. Соответствия Правилу II: оставшаяся часть значения главного предиката уже не содержит прежних категориальных предпосылок и не порождает прежнего образа.

Живые метафоры, в отличие от стершихся, мертвых, чаще всего, переводимы на другие языки. Так, фраза (1) не вызовет трудностей у переводчика. Между тем англ. *They shoot down in the polls* надо перевести как “Их рейтинг резко упал”, а не “прострелил вниз”: английская метафора мертва и непереводаима.

Граница между мертвой и живой метафорой, однако, зыбкая, ср. отрывок из рассказа Л. Улицкой “Счастливые” (*вести, привести* — мертвая метафора для *дорога*, а *провести* и *оставить* — скорее живая, хотя *дорога* одна и та же):

Дорога (...) *приводила* их к кирпичной ограде, *проводила* под аркой и *оставляла* на опрятной, грустной тропинке.

Оживление мертвой метафоры — вещь обычная. Так, в строчках Окуджавы

Ну как дойти до цели, когда ботинки жмут!

мертвая метафора *дойти до цели* оживает, поскольку *ботинки* уместны только в контексте буквального значения глагола *дойти*. Или у Бродского:

(3) Память о тебе *удаляется*, / как разжалованная прислуга.

В Nunberg 1987: 150–151 предлагается считать выражение метафорой, если (а) говорящий использует, в контексте *S*, для соотнесения с объектом *A* выражение *e* в м е с т о того, чтобы употребить *e'*, которое, по собственному мнению говорящего, адресат счел бы более уместным. Иными словами, Нанберг полагает, что метафорическое выражение употребляется всегда в м е с т о какого-то буквального. С этим утверждением трудно согласиться. Анализ Блэка гораздо тоньше: из него следует, что метафорически употребленный предикат не может иметь синонима, для которого это был бы его буквальный смысл. Дело в том, что в метафорическом выражении все его смысловые компоненты, т. е. активизированные инференции, связанные с главным предикатом, — неассертивны¹²; они и после выпадения главных компонентов остаются, в составе значения метафорически употребленного предиката, в статусе инференций, т. е. неоднозначных, неопределенных и необязательных ассоциаций — вообще

¹² О несводимости значения метафорического выражения ни к какому буквальному см., например, Stern 2000: 193.

говоря, для каждого адресата своих, ср. принципиальную неоднозначность высказываний *он ребенок*, *он машина* и даже *он свинья*.

Как справедливо отмечается в Stern 2000: 23, понятие буквальной интерпретации находится, с теоретической точки зрения, в худшем состоянии, чем понятие метафорической интерпретации. В гл. I.6 мы пытались представить буквальный смысл предложения как такой, который получается, шаг за шагом, в результате композиции буквальных значений его составляющих. При этом, как мы видели, иногда соединение предполагает модификацию исходных смыслов, весьма сходную с той, которой требует осмысление метафоры. Так, исходное значение слова *плыть* реализуется в контексте *человек плывет*; в контексте *бревно плывет* (по воде) отпадает компонент целеполагания и все, что связано со специфическими действиями плывущего; в контексте *облака плывут* (по небу) отпадает категориальная предпосылка о том, что среда перемещения — это вода, и т. д. Так что Правило I, которое описывает смысловое взаимодействие категориально несогласованных слов, работает не только в поэтической метафоре, но и в обыденной речи. Между тем Правило II, которое приписывает главному субъекту сходство со вспомогательным, не работает. Что и отличает поэтическую метафору от обычного категориального сдвига: второе значение слова *плыть* порождено категориальным сдвигом (от живого к неживому, т. е. Правилем I); но плывущему бревну не приписывается сходство с человеком или животным: Правило II в случае стертой метафоры не работает.

Создавая семантический диссонанс, живая метафора выставляет напоказ, обнажает наличие категорий у имен и категориальных предпосылок у предикатов: в обычных употреблениях слов, где категории и предпосылки согласованы, категориальное согласование принимается как должное и проходит незамеченным. Так что метафора своим существованием доказывает, что и категории имен, и категориальные предпосылки предикатов являются важным аспектом семантики слов.

§ 7. Метафоры, по которым мы живем

Книга “Metaphors We Live by”, Lakoff, Johnson 1980 (далее — L&J), начинается с примера, показывающего, что метафоры функционируют в языке не поодиночке, а как бы семьями: разные выражения с одним и тем же или близкими по смыслу словами оказываются не случайным образом связаны между собой. Можно предположить, что все эти выражения, взятые в своей совокупности, вытекают из принадлежности их общего слова к некоторой категории, причем не совпадающей с той, которую ему можно было бы приписать на базе его собственного смысла¹³, — потому авторы называют эти сочетания метафорическими. Так, целый ряд метафорических, согласно L&J, выражений построен на тождестве ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ (из которого далее выводятся тождества ВРЕМЯ — РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЦЕННОСТЬ). Приводим те примеры, которые допускают пословный перевод на русский язык:

¹³ Похожая мысль была высказана в Арутюнова 1976: 93—111; в Успенский 1979 найдена удачная формулировка — “вещные коннотации” абстрактных имен.

- (1) Ты зря *тратишь* свое/мое время; Эта штука *экономит* тебе массу времени; Я на этом *выгадал* время; У меня *нет* на это времени; Я не смогу сейчас *уделить* [однако не *дать!*] тебе времени; *Осталось* ли у тебя время? Ты неэффективно *используешь* время.

Такие сочетания поддерживают одновременно друг друга и ту «несобственную» категорию, к которой их общее слово приписано — фактически, на основе своей сочетаемости. Надо сказать, что англ. сочетания слова *time* с глаголами, которые применимы строго к деньгам (*invest, cost, budget*), как правило, не переводятся на русский язык: нельзя *инвестировать время* (англ. *I've invested a lot of time in her*); слово *время* не связывается со словом *бюджет* (ср. англ. *You need to budget your time*); нельзя *отложить время* на что-то в том смысле, в каком откладывают деньги (*Put aside time for ping-pong*). Англ. *spend* и русск. *тратить* не являются эквивалентами, поскольку русское *тратить* значит, по умолчанию, 'тратить напрасно'; поэтому

- (2) How do you *spend* your time these days = Как ты *проводишь* [не *тратишь!*] время?

Если сочетание временного слова с сугубо денежными глаголами, типа *стоит, одалживать*, все-таки возможно в русском языке, оно воспринимается как живая метафора:

- (3) Эта спустившая шина *стоила* мне двух часов времени;
Я живу на время, *взятое* *взаймы* [*borrowed*].

В результате оказывается, что если сочетаемость англ. слова *time* действительно предопределена тождеством ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, то русские сочетания со словом *время* основаны, скорее, на тождестве ВРЕМЯ — РЕСУРС, а проще говоря — на причислении слова *время* к категории РЕСУРС, причем эта категория не является для него очевидным образом несобственной¹⁴.

Но в таком случае пример про *время* относится к области фразеологии, а вовсе не метафоры: речь идет об устойчивых сочетаниях, т. е. о том, что устойчивые сочетания со словом *time* можно описать более систематически, приписав слову *time* псевдокатегорию ДЕНЬГИ; причем ее нужно приписать именно английскому слову — русская фразеология со словом *время* описывается на базе категории РЕСУРС.

В L&J приводится обширный материал, демонстрирующий пользу несобственных категорий для систематизации фразеологии, ср. такие тождества, как СУБСТАНЦИЯ — ВМЕСТИЛИЩЕ; ИДЕЯ — ПИЦЦА и др. Тем не менее главный пафос книги — это все-таки всеобъемлющий характер метафоры. Цель авторов — доказать, что метафора относится к сфере *мышления*, а не языка: от тождества ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ делается прямой переход к тому, что денежные отношения влияют на восприятие времени: “We are using our everyday experiences with money, limited resources and valuable commodities to conceptualize time”, Lakoff, Johnson 1980: 8. Далее метафора определяется, в общем виде, как *отображение* одного семантического поля, поля-источника, в другое поле, поле-мишень, — и это отображение служит для концептуализации объектов и ситуаций из поля-мишени.

¹⁴ Другое дело, что метафорической является для слова *время* в этих примерах категория МАССА, см. Падучева 1999г, которая явно здесь по существу.

Отвлекаясь от примера со словом *время* (который, видимо, не совсем удачен, поскольку допускает более простую трактовку), можно сказать, что L&J поднимает важную проблему. Как известно, многие семантические поля в языке (такие как восприятие, познавательная деятельность, эмоции) концептуализуются в существенной степени с помощью «языка пространства», т. е. через обращение к физическим объектам и их перемещениям: *столкнуться* может быть глаголом восприятия; *колебаться* — ментальным, *потрясти* — глаголом эмоции и т. д. Категории объектов и актантные связи между объектами более абстрактных семантических сфер — таких как время, обладание, существование — уподобляются объектам и актантным связям, которые имеют свой прямой смысл в физическом пространстве.

В самом деле, мы говорим о событиях и состояниях как об объектах физического мира и самые разные события сводим к перемещениям: *пришел май* как *пришел невод*; *Страна вышла из кризиса* как *Маша вышла из комнаты*. При этом, однако, лишь некоторые концептуализации воспринимаются как метафоры, ср. *появился на свет* в значении ‘родился’; *ушел от нас* в значении ‘умер’. L&J утверждают между тем, что вся категоризация в языке имеет метафорическую природу, и если бы это было верно, то наше определение метафоры, которое основано на категориальном несоответствии и, следовательно, принимает категории как данное, сошло бы на нет. К счастью, это не так, см. критику концепции L&J в Jackendoff 1996: 557 ff., Stern 2000: 176 ff.

Метафорическое выражение (а именно о них шла речь в § 5 и именно для них категориальное рассогласование — неотъемлемое свойство) не то же, что концептуальная метафора, т. е. метафорическая концептуализация реальной ситуации. В случае концептуальной метафоры рассогласование переходит с языкового уровня на уровень соответствия между внеязыковой ситуацией и ее концептом, ср. фразу

(4) Я стоял на перепутье,

которая, при наличии у нее “прямого” денотата, может быть также концептуальной метафорой для ситуации выбора жизненного пути: выбор решения о действии представлен (осмыслен, концептуализован) как предпочтение, которое должен отдать идущий одной из дорог.

Есть другой известный пример L&J, тождество ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ; он демонстрирует именно концептуальную метафору — без рассогласования на языковом уровне в тех случаях, когда слово *любовь* или его синонимы отсутствуют:

(5) Мы на перепутье; Посмотри, как далеко мы зашли; Мы теперь уже не можем повернуть назад; Мы сошли с пути и т. д.

О “метафорической” концептуализации ситуации можно говорить, однако, лишь в том случае, если она противопоставлена какой-то иной концептуализации той же ситуации, которую можно было бы признать за неметафорическую. Между тем язык пространства чаще всего используется там, где язык никакой другой концептуализации не предлагает. Тогда это к а т а х р е з а, заполнение лексического пробела: то, что происходит, когда в существующем словаре нет буквального выражения для некоторого понятия или свойства, см. подробнее

в Stern 2000: 189. Опираясь на абстрактными понятиями, мы то и дело обращаемся к языку перемещений в пространстве:

- (6) *время идет; отдать* лучшие годы жизни; *оставить* разногласия позади; *отложить* переговоры; *вложить* много лишних эмоций; *унести* память с собой, и т. д.

И тут мы снова обнаруживаем, что находимся не за пиршественным столом метафоры (где побывали великие умы человечества — от Аристотеля до Ортеги-и-Гассета), а у разбитого корыта фразеологии. Тождества Лакоффа и Джонсона хоть и позволяют в какой-то степени систематизировать фразеологию, но предсказательной силой не обладают (почему, например, в английском языке рейтинг может “простреливать вниз”, а в русском — нет?), см. об этом Добровольский 2003. Фразеология — бедная родственница метафоры и вынуждена довольствоваться лишь мелкими подачками.

* * *

Метафора часто возникает как следствие метонимии¹⁵: метонимия чревата метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на месте согласованной категории оказывается несогласованная, см. пример (2) из § 3. Еще пример:

- (7) а. *Левой рукой* он сжимал хрустящую бумажку;
б. *Левая рука* его сжимала хрустящую бумажку.

В (7а), где субъект — лицо, допустимо понимание глагола в значении действия, а в (7б) такое понимание исключено. Переход от (а) к (б) можно интерпретировать двояко:

1) как диатетический, т. е. метонимический сдвиг: периферийный участник ЧАСТЬ ТЕЛА (так сказать, инструмент, см. про часть тела как инструмент в Laskowski 2001) — *рукой* — переходит в позицию субъекта; глагол тем самым утрачивает валентность на Инструмент, поскольку соответствующий участник ушел вместе со своей позицией (как сотрудник со ставкой);

2) как категориальный сдвиг: субъект-лицо замещается субъектом-частью тела, а утрата валентности на Инструмент объясняется общим правилом о том, что Инструмент возможен только при наличии Агенса, см. Fillmore 1977.

Обе интерпретации имеют право на существование. С одной стороны, участник ЧАСТЬ ТЕЛА, в какой бы синтаксической позиции он ни находился, остается орудием в руках своего Посессора (аргумент в пользу метонимии); с другой стороны, позиция субъекта подтверждает способность этого участника действовать самостоятельно, по принципу “чего моя левая нога захочет” (аргумент в пользу метафоры).

Итак, метонимический сдвиг и метафорический перенос в своей совокупности объясняют большую часть семантических дериватов слова. Если метафорическое употребление становится у слова постоянным, возникает новое значение.

¹⁵ Эти два сдвига вообще не всегда различаются. О. Фрейденберг говорит: “связь остроумия с едой (...) метафорически органична” (Фрейденберг 1997: 211). Кажется более естественным признать эту связь метонимически органичной.

Пока метафора не стерлась и не освоена языком как норма, она нарушает норму и в этом смысле подобна примеру “под звездочкой”. Но метафора дает лингвисту больше, чем искусственный пример, поскольку она демонстрирует не только неправильность, но и возможность ее преодоления: не только утрату словом старой таксономической категории в новом контексте, но и обретение новой категории и нового смысла.

Метафора — лишь один из видов нарушений, в поисках которых лингвист может обращаться к языку поэзии. Есть и другие. Например, ненормативность синтаксиса. В строчках Бродского

Река — как блузка,
на фонари расстегнутая

интересна не только метафора-замещение (*пуговицы на блузке* ⇒ *фонари на берегу*), но и нарушение сочетаемостной нормы. Дело в том, что сочетание *блузка, расстегнутая на пуговицы* тоже неправильно. Слова *застегнуть* и *расстегнуть* употребляется в двух диатезах —

- 1) застегнуть / расстегнуть *блузку* [Целое];
- 2) застегнуть / расстегнуть *пуговицу* [Часть].

Если Целое занимает позицию дополнения, как в (1), то Часть (застежка), становится инкорпорированным участником и выходит на поверхность только при наличии определения или детерминанта, см. (а):

- (а) застегнуть / расстегнуть *блузку на верхнюю пуговицу*; на *одну пуговицу*; на *все пуговицы*;

Можно сказать *застегнул куртку на молнию / на пуговицы*, только если участник Застежка не инкорпорированный, т. е. если у куртки две застежки. А у *расстегнуть* нет такой возможности:

- (б) *расстегнуть *блузку на пуговицы*.

Ненормативность поэтического синтаксиса, как и метафора, обычно мотивирована; ср. пример из Маяковского в Гаспаров 1997: 14: *скользящего в небесном паркете* (надо — *ПО паркету*). Но *небесный паркет* — то же, что *паркет неба*; т. е. это метафора неба, в пространстве которого можно перемещаться как угодно, в том числе и *скользить*.

Метонимия и метафора — это глобальные механизмы, которые охватывают все сферы употребления языка, и тут мы видим один из важных аргументов в пользу динамического подхода к семантике лексики, который предполагает дополнение словарных толкований продуктивными моделями их модификации под воздействием контекста. Обязательное условие успешного проникновения в природу действующего в языке механизма метонимического и метафорического переноса — разработка системы таксономических классов, категорий и суперкатегорий лексических единиц.

Часть III

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ:
ИСХОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ**

Глава 1

ФАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ И СЕМАНТИКА НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ*

§ 1. Понятие фазового глагола

Фазовые глаголы, т. е. глаголы типа *начать*, *продолжать*, *закончить*, имеют в русском языке следующее общее свойство: подчиненный им глагол в инфинитиве может быть только несов. вида (Грамматика 1980: 41), ср.

- (1) а. начал (продолжает, кончил) *чистить*;
б. *начал (*продолжает, *кончил) *почистить*.

Еще А. М. Пешковский (1938: 124) писал: "... мы будем исходить из того замечательного факта, что глаголы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса".

Встает вопрос: вытекает ли это свойство русских фазовых глаголов — несочетаемость с глаголами совершенного вида — из их семантики? Иными словами: является ли эта особенность языкового поведения фазовых глаголов семантически мотивированной?

По нашему мнению, да. Фазовый глагол, согласно смыслу термина, обозначает какую-то фазу ситуации — начало, конец, продолжение. Тогда естественно, что инфинитив при фазовом глаголе должен обозначать ситуацию, ч л е н и м у ю н а ф а з ы; а члениться на фазы может только процесс или деятельность — которые обозначаются, в русском языке, глаголом несов. вида. Глагол совершенного вида обозначает событие, согласно традиционной формулировке — "действие в его целостности". Поэтому в семантике словоформы сов. вида процессный компонент, если даже он присутствует в лексической семантике глагола (как 'таять' в *растаять* или 'строить' в *построить*), "упакован" грамматически таким образом, что не может составлять сферу действия подчиняющего фазового глагола: он не может находиться в фокусе внимания. Так что невозможность сов. вида у подчиненного инфинитива прямо мотивирована семантикой фазового глагола: членится на фазы только процесс.

Фазовые глаголы стали объектом внимания в русской грамматике именно из-за указанной их корреляции с видом подчиненного инфинитива. Но глаголы *начаться*, *кончиться*, не способные подчинять инфинитив, тоже являются фазовыми. Участник, фаза которого обозначена фазовым глаголом, выражен у них предикатным именем; и это всегда будет имя процесса или деятельности, а не события, ср.

- (2) а. началась *перестрелка*, продолжается *бегство*, закончилась *посадка*;
б. *началась *его гибель*, *продолжается *ограбление* банка, *закончилась *авария*.

* Переработанный вариант статьи, опубликованной в Известиях РАН, Сер. лит. и яз., № 4, 2001.

Деятельность — то же, что агентивный процесс; так что ПРОЦЕСС — это общее родовое понятие для неагентивных процессов и деятельностей.

В классе фазовых глаголов можно выделить *с о б с т в е н н о* фазовые, как *начать* (именно они обозначают фазу процесса: *начал строить* \supset 'строительство в начальной фазе'); между тем к фазовым глаголам в широком смысле относятся и такие глаголы, как *наступить* или *перестать*, которые обозначают переход ситуации от небытия к бытию и наоборот.

Помимо ограничения на категорию предикатного актанта и жесткой избирательности в отношении вида, у фазовых глаголов есть и другие характерные особенности языкового поведения, которые мы рассмотрим в § 2.

В Апресян 1980: 25 была выдвинута — и справедливо отвергнута — идея о том, что видовая избирательность фазовых глаголов мотивирована семантикой начинательности. В самом деле, идея начала свойственна не только фазовым глаголам: начинательность входит в семантику всех глаголов начинательного способа действия и, более того, подавляющего большинства глаголов сов. вида. Причем из тех глаголов сов. вида, которые вообще управляют инфинитивом, многие управляют инфинитивом обоих видов: *захотел ехать / поехать один; решил строить / построить дом, отказался дать / давать информацию*, и т. д. Так что исключенность инфинитива несов. вида не может быть выведена из начинательности. На самом деле, общее свойство фазовых глаголов, предсказывающее их видовую избирательность, — это вышеупомянутое ограничение на категорию участника. Ниже мы покажем, как это ограничение вытекает из толкования.

В гл. I.2 мы различили в семантическом разложении слова два вида компонентов:

— *т е м а т и ч е с к и е*, которые определяют принадлежность глагола к семантическому полю, такие как движение, восприятие, эмоция, речь и т. п.;

— *с т р о е в ы е*, входящие в семантику большого числа самых разных классов, — такие как каузация, отрицание, начинательность, модальность и т. п.

При этом компонент, в принципе относящийся к строевым, может быть у каких-то глаголов тематическим. Так, у глаголов *начать*, *наступить*, *возникнуть* начинательный компонент тематический, так что эти глаголы естественно считать начинательными. Между тем у глаголов начинательного способа действия (*заиграть*, *застучать*) начинательность, выраженная приставкой, — это строевой компонент; а тематический компонент глагола задается основой, так что *застучать* относится к тому же тематическому классу, что *стучать*. Глаголы конца, типа *прекратиться*, *прерваться*, *перестать*, тоже содержат, в том или ином виде, начинательный компонент (во всяком случае, из Р *прекратилось* следует 'началось не-Р', Апресян 1980: 25) и обладают некоторыми свойствами начинательных глаголов; однако существенным для них компонентом является отрицание, так что они по меньшей мере двутематичны.

Начинательность не является семантическим примитивом (по крайней мере, она не входит в список примитивов из Wierzbicka 1996). Сочетанию *началось* Р было дано в статье Богуславский 1998 следующее толкование:

(I) *началось* Р = 'до некоторого момента имело место не-Р, потом имеет место Р', т. е. 'раньше не было Р, сейчас Р'.

Для глагола *начаться* это было бы, конечно, весьма грубым приближением к его смыслу (что и оговаривается И. М. Богуславским). В самом деле, идея ‘раньше не было, сейчас есть’ составляет основное смысловое содержание многих разных глаголов с начинательным значением — таких как *начаться*, *наступить*, *настать*, *возникнуть*, — отнюдь не синонимичных между собой. Формула I выражает то общее, что есть в значении всех слов и морфем с начинательным значением. Из имеющихся в русском языке слов это значение лучше всего передается не глаголом *начать*, а глаголом *наступить*, так что формула I выражает простейшую разновидность начинательного значения — так сказать, “наступительность”.

Наступительность присутствует, в качестве строевого компонента, в семантике очень многих глаголов СВ. В самом деле, глагол СВ всегда обозначает изменение (в отличие от глагола НСВ, который в исходном, актуально-длительном значении, напротив, обозначает ситуацию, д л я щ у ю с я в момент речи), а изменение — это обычно н а ч а л о нового состояния (об исключениях типа *остаться*, *сохраниться* см. Падучева 1996: 153 и гл. IV.4). Так что в семантике “типичного” глагола СВ присутствует именно это простейшее начинательное значение ‘раньше не было Р, теперь Р’.

Исходные значения глаголов *начаться*, *наступить*, *возникнуть* различаются категорией Р: *начаться* — это, как уже говорилось, о процессах (*начался дождь*, *начались занятия*); *наступить* — о состояниях (*наступило молчание*, *наступило блаженство*); *возникнуть* — можно сказать и о состоянии (*возникло замешательство*) и о сущности, в том числе — о предмете (*возникли многоэтажные корпуса*).

Ниже в § 2 речь идет о значении глаголов *начать*, *начаться* в сопоставлении с *наступить* и *возникнуть*. Мы покажем, что за собственно фазовость отвечает не наступительный компонент в семантическом представлении глаголов *начать*, *начаться*, а совсем другие.

§ 2. Собственно фазовые и просто фазовые глаголы

наступить

Глагол *наступить* имеет, согласно МАС, три значения. В своем основном значении *наступить* I он почти совпадает с “формулой наступительности”; добавляется только компонент, выражающий семантику совершенного вида:

(II) *наступило* Р (Р — отрезок времени / состояние / событие) =

- 1) в момент *t*, предшествующий моменту речи, не имело места Р;
- 2) после *t* имело место Р;
- 3) в момент речи имеет место Р.

З а м е ч а н и е. Мы ориентируем толкование на момент речи — следуя А. Вежбицкой (Wierzbicka 1996: 131), у которой моменту речи соответствует семантический примитив NOW ‘сейчас’. Толкование в таком виде годится только для речевого режима интерпретации и только для прошедшего времени глагола, причем вне контекста обстоятельства времени. Для других режимов должен быть сделан пересчет с момента речи на момент наблюдения — текущий момент текста. Упоминание момента речи необходимо потому, что *наступить* — глагол СВ, и момент

речи входит в стандартный для него формат толкования. Напомним, что у глагола СВ есть два значения — событийное и статальное. Исходным является статальное значение: семантика СВ по умолчанию (т. е. при отсутствии указаний на обратное) фиксирует позицию Наблюдателя / Говорящего как синхронную наступившему состоянию. В контексте обстоятельства времени (и ряде других) у глагола СВ возникает событийное значение, и момент речи перестает играть роль: соответствующие компоненты толкования подавляются.

Формула II не отражает маргинальных обертонов в значении *наступить* (связанных со значением приставки *на-* и корнем *ступ-*), которые у *наступить* I имеют фоновый характер, но выступают на передний план в других значениях:

наступить 2 ‘ступить ногой на кого-либо / что-либо’; с парным НСВ *наступать* 2; *наступать* 3 [о войске] ‘продвигаться вперед’, НСВ; без парного СВ.

Примеры имен, способных быть субъектом при *наступить* I.

Отрезки времени: *вечер, время, сумерки, зима, ночь, полоса невезения, пора малины, <решающая> фаза, <тяжелые> времена*; в том числе — события, служащие косвенной номинацией временного промежутка, такие как *антракт, праздник Пасхи*.

Состояния: *равновесие, блаженство, душевный покой, тьма, молчание, пасмурность, тишина, состояние пронзительной ясности и четкости восприятия*. Состояния не любые; так, про эмоциональное или ментальное состояние обычно не говорят *наступило*, см. Reuther 1998; скажем, *сомнение* не *наступило*, а *возникло*. Здесь есть ограничения сочетаемости, которые должны описываться не на семантическом, а на лексическом уровне; ср. лексическую функцию Инсер в модели “Смысл ↔ Текст”.

События: *озарение, конец света, поворот, смерть, расплата*.

Субстантивированные прилагательные, такие как *самое гнусное, нечто интересное, что-то новое*, могут иметь любую категорию; поэтому возможно, например, *Теперь наступит самое горькое*.

начаться

У глагола *начаться* значение гораздо богаче, чем у *наступить*. Состояние не имеет выделимого начала; оно наступает сразу все целиком. Между тем *началось* Р (Р — процесс) означает, что возникло начало Р, т. е. часть процесса, которая предполагает другие части. У глагола *начаться* различаются четыре значения.

начаться I: ‘Р возникло и пребывает в начальной фазе (о процессе / деятельности)’; например: *Началась перестрелка*.

Это значение можно разбить на семантические компоненты следующим образом:

(III) *началось* Р (Р — процесс / деятельность) =

- 1) в момент *t*, предшествующий моменту речи, Р не имело места;
- 2) после *t* и до момента речи имело место Р;
- 3) в момент речи имеет место Р;
- 4) момент речи близок к *t*;

- 5) Р будет иметь место и после момента речи, причем на более длинном интервале¹.

Компоненты 4 и 5, фиксируя положение момента речи на определенном отрезке ситуации Р, эксплицируют идею начальной фазы, выражаемую лексемой *начаться* 1.

Формула III выражает статальное значение СВ, при котором лексическая семантика *начаться* фиксирует положение момента речи в начальном временном отрезке ситуации. В контексте обстоятельства времени возникает событийное значение, при котором положение момента речи не фиксировано и соответствующие компоненты толкования выпадают. Так, смысл фразы *Стрельба началась в два часа ночи* не исключает того, что в момент речи стрельба кончилась. Есть и другие контексты, где СВ имеет событийное значение и не фиксирует присутствия Наблюдателя в начальной фазе ситуации; например:

Из-за собаки все и началось [сейчас, возможно, то, что началось, уже кончилось].

Начальная фаза ситуации — с присутствующим в ней Наблюдателем — выделяется тогда, когда в фокусе внимания статальный компонент; если же в фокусе событие, то никакого момента, кроме *t*, не фиксируется, см. об этом в гл. IV.3.

Значение *начаться* 1 исходное; остальные являются его дериватами.

начаться 1': 'Р имеет своей начальной фазой Q'; например: *Создание [Р] института началось со строительства [Q] замка из красного камня, воздвигнутого в 1855 году.*

Это значение можно представить как производную диатезу лексемы *начаться* 1. В *начаться* 1 участник Начало существует в "эмбриональном" виде — он выделяется только моментом речи; а в контексте *начаться* 1' Начало — это отдельный процесс или событие.

У *начаться* 1' значение СВ только событийное, и в толковании *начаться* 1' момент речи не участвует. Участники Q и Р фактически соотносятся не как фаза процесса с процессом, а как событие с цепью событий:

Следователь не сомневался в том, что *эти события* [Р] *начались с убийства* [Q] на Патриарших (ММ).

Остается еще два значения:

начаться 2: 'Q является исходным пунктом Р (Р — движение)'; например: *Наше путешествие началось от Шмаковки.*

Значение *начаться* 2 возникает в результате того, что таксономический класс участника Р в *начаться* 1' специфицируется как движение, и Q — его Исходный пункт.

начаться 3: 'Р произошло из Q (Р — предметная сущность)'; *Началась Москва с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку* (МАС).

Значение *начаться* 3 тоже дериват *начаться* 1'. Процесс Р, который *начался*, здесь специфицирован как развитие во времени, расширение в пространстве, рост, а Q — это развивающийся объект в начальной фазе развития.

¹ В Goddard 1998 в значении англ. "P began" выделяется компонент 'прошел короткий промежуток времени с того момента, когда Р не было'.

Приведем некоторые аргументы в пользу предлагаемого толкования *начаться* I, проследив отличия *начаться* от *наступить*.

1. Таксономический класс субъекта. Как мы видели, *начаться* отличается от *наступить* ограничениями на таксономический класс Р — наступает состояние или событие, а начинается всегда процесс:

- (1) а. Начался дождь; б. *Началась тишина; в. *Началась смерть.

Предложение (1б) невозможно потому, что *тишина* — состояние; (1в) — потому, что *смерть* — событие. Категория ситуации Р отличает *начаться* от *наступить*:

- (2) а. *Наступил дождь; б. Наступила тишина; в. Наступила смерть.

Примеры имен, способных быть подлежащими при *начаться*.

Процессы: дождь, буря, ветер, спуск, шарканье, сморканье, кашель, день, трудные дни, новая жизнь, революция; любая цепь повторяющихся событий составляет процесс: *начались звонки, сердечные неприятности, повороты*.

Деятельности: чтение, танцы, бегство, преследование, разговор, беседа, наступление, строительство (гаража); в том числе — мероприятие, как урок, концерт, собрание.

Некоторые типы состояний сочетаются с *начаться*, например болезни (*начался грипп*) и болезненные состояния, которые протекают как процесс (*отрыжка, жар, озноб, дрожь в колене*); состояния, охватывающие многих людей:

- (3) Сзади меня началось *смятение*; Осенью в осажденном городе начался *голод*; *Волнение* началось чрезвычайное; все заговорили (Д.); Начался *шум*, назревало что-то вроде бунта (ММ).

Существительное *расплата*, которое само по себе обозначает событие, в контексте *начаться* форсированным образом интерпретируется как процесс:

- (4) *Расплата* с Андреем Антоновичем *началась* немедленно (Достоевский. Бесы) [нормально — *расплата* наступила].

В контексте, где Р допускает двойное понимание — в значении отрезка времени и в значении процесса, — *наступить* и *начаться* отчетливо противопоставлены:

- (5) а. *наступило* время расплаты [= ‘наступил момент’];
б. *началось* время расплаты [= ‘начался временной интервал, который будет длиться’].

Аналогично: *наступил декабрь* ≠ *начался декабрь*.

В контексте, где Р — состояние, глагол *начаться*, если он допустим, имеет выветренное употребление, его значение сводится к формуле наступительности — представление о начальной фазе выпадает:

- (6) (...) *начался жар* в руке и голове, кто-то ввинчивал в темя нагретый жаркий гвоздь и разрушал мозг (Булгаков. Белая гвардия).

Итак, исходная категория субъекта у глагола *начаться* — процесс. Ограничение на категориальную принадлежность Р затемняется тем, что *начаться* I может употребляться в контексте предметного субъекта, который лишь метонимически обозначает процесс. Есть разнообразные употребления *начаться*, основанные на категориальных сдвигах (type shifts), см. Pustejovsky 1991. Так, в примерах (7)–(11) подлежащее обозначает протяженный пространственный объект, и процессом является движение Наблюдателя по или вдоль этого объекта:

- (7) *Н а ч а л с я туннель* = ‘началось движение по туннелю’.
- (8) *Скоро н а ч а л и с ь людные жилые места* ⟨...⟩ Наткнувшись взглядом на небольшой рыбацкий домик, он решил зайти (УК).
- (9) Они миновали полосу белого опасного моха, потом полосу красного опасного моха, снова *н а ч а л о с ь* мокрое *болото* с неподвижной густой водой (Струг).
- (10) Они пошли быстрее. *Н а ч а л и с ь заросли* тростника (Струг).

Движение может быть мысленным:

- (11) При допущении, что он еще увидит Антипову, Юрий Андреевич обезумел от радости. Сердце часто забилося у него. Он все снова пережил в предвосхищении. Бревенчатые закоулки окраины, деревянные тротуары. Он идет к ней. Сейчас, в Новосалочном, пустыри и деревянная часть города кончится, *н а ч н е т с я каменная* (ДЖ).

Процесс Р может быть связан с предметным субъектом *начаться* как лексическая функция; в (12) *началась трава* = ‘начала расти трава’:

- (12) Этой весной опять был сильный голод: уже второй год шла война. Когда *н а ч а л а с ь трава*, мать стала делать солянку из лебеды (УК).

В (13) процессом является течение отрезка времени с заполняющими его событиями (о метонимическом переносе от отрезка времени к событиям см. в гл. II.2):

- (13) *Суббота* *н а ч а л а с ь* со скандала;
Утро *н а ч а л о с ь* с того, что каша подгорела.

Возможны и другие типы метонимических переносов; в (14) — от места к происходящим в нем событиям; в (15) — от предмета к его восприятию:

- (14) Как называлась эта страшная картина с толстым римлянином в том первом отдельном кабинете, *с которого* все *н а ч а л о с ь*? (ДЖ)
- (15) Лично для меня хрущевская оттепель *н а ч а л а с ь с рисунков Збарского* (Довлатов).

Итак, у *наступить* субъект — состояние, а у *начаться* — процесс. Примеры (7)–(12) показывают, что именно эту категорию приобретает предметный субъект у *начаться* в результате метонимических переносов: в (7)–(10) категория у Р — движение; в (11) мысленное движение; в (12) рост.

2. Начальная фаза. Другое отличие *начаться* от *наступить* — в том, что только *начаться* (не *наступить*) выделяет в ситуации начальную фазу. И только у *начаться* есть диатеза, где этой фазе соответствует участник: у *наступить* такой диатезы нет. Пример (16) представляет диатезу с лексемой *начаться* 1' и с участником Начало:

- (16) Следующий *день* *н а ч а л с я* мелким дождем, солнце не показалось над Чевенгуром (Платонов. Чевенгур).

3. Показательно употребление *начаться* в контексте наречий образа действия:

- (17) Знакомство Коншина с Леночкой Кременецкой, работавшей в другом институте, *н а ч а л о с ь не совсем обычно* (УК) [= ‘имело не совсем обычное начало’];
- (18) О, это ⟨...⟩ *н а ч а л о с ь невинно*, с шутки, с кокетства ⟨...⟩ (Д.)

Глагол *наступить* с такими наречиями не сочетается:

(19) а. вечер *начался* весело; б. *вечер *наступил* весело.

В (19а) наречие характеризует участника Начало, инкорпорированного в значение глагола, а в (19б), где глагол не является собственно фазовым, такого участника нет.

Глаголы конца — *кончить*, *кончиться* — сочетаются с наречиями образа действия так же, как *начаться* (подобные примеры приводятся в Кириленко 1997: 11), ср.:

(20) *кончился* трагически — **прекратился* трагически;
кончил словами — °*прекратил* словами.

4. Одно из свидетельств того, что значение *начаться* не сводится к формуле I, дает частица *только*; она воздействует в семантике *начаться* на компоненты 4 и 5 ('момент речи близок к тому моменту t, когда Р не имело места' и 'Р будет иметь место и после момента речи, причем на более длинном интервале'), которые противопоставляют начало Р его продолжению; Р *только началось* = 'только малая часть Р имела место':

(21) В полночь игра еще *только* началась = 'имело место только начало';
Когда война *только* началась, паек был гораздо больше (УК).

5. У собственно фазового глагола есть отглагольное имя, обозначающее фазу процесса. А от других фазовых глаголов может быть образовано только имя события, состоящего в наступлении / окончании чего-то. Так, *начало весны* образовано от собственно фазового глагола *начаться* и обозначает фазу весны; а *наступление весны* — от *наступить*, не собственно фазового; различие в значениях очевидно. Аналогично: *конец спектакля* — это, в одном из значений, конечная фаза спектакля, а *прекращение спектакля* такого значения не имеет; то же верно для слова *продолжение*.

6. Специфику глагола *начаться* составляет обстоятельство включенного времени (Падучева 1996: 175), выраженное предлогом *с* + род.:

Р *началось с момента* t = 'Р началось в момент t и продолжается до сих пор';

(22) Пользы от этого мальчишества, конечно, не было никакой, но сейчас, вспомнив этот случай, Петр вдруг подумал: а не *с того ли самого времени* *началась* болезнь у брата? (УК)

Подтверждается позиция Наблюдателя, заданная формулой III. Глагол *наступить* с обстоятельством включенного времени не сочетается:

**С этой минуты* *наступила* тишина.

Предложение (23) может быть понято двояко — *ночь* может рассматриваться либо как заполненный событиями начальный отрезок Р, пример (13), либо в чисто временном плане, как в примере (22):

(23) *С этой ночи* *началась* для него новая жизнь.

7. Глаголы *начаться* и *наступить* различаются участием в генитивной конструкции отрицательного предложения: *наступить* входит в эту конструкцию, а *начаться* — нет. Почему? См. пример (24) (из Апресян 1985):

(24) Поворота в научно-технической пропаганде *не наступило* / **не началось*.

Конечно, прежде всего дело в том, что *поворот* (в научно-технической пропаганде) мыслится скорее как событие, чем как процесс, и потому не может "начаться". Но есть и другое отличие. Пример (25) обнаруживает следующую

особенность глагола *начаться*. Начаться вполне может нечто неожиданное, см. (25а); однако отрицание начала возможно только в контексте, когда событие в целом ожидалось, так что (25б) нормально благодаря *еще*. Но ожидание влечет определенность субъекта, а она препятствует генитиву (Ицкович 1974); так что (25в) некорректно:

(25) а. *Началась* драка; б. Драка *еще не началась*; в. *Драки *не началось*.

Дело в том, что в семантике *начаться*, в соответствии с формулой III, несколько ассерций: Р *началось* ≈ 'Р наступило; это было незадолго до момента речи; Р будет продолжаться после момента речи'. А отрицание конъюнкции ассерций возможно только в том случае, если имелось ожидание, касающееся всей конъюнкции в целом, см. Богуславский 1985: 32 и гл. I.6. Неудивительно, что сочетание *не + начать(ся)* требует контекста *еще* — или какого-то другого, еще более сложного:

(26) Куда, девочка! Мы *еще и не начали* репетицию (Петрушевская. Квартира Коломбины); Я читал до тех пор, *пока не начали* слипаться отяжелевшие веки (Булгаков. Записки юного врача); И *чуть было не начал* рассказывать про Понтия Пилата (...) (ММ); *Лишь бы* дождь *опять не начался* (В. Кунин).

Так что пример (24) подтверждает выявленное отличие *начаться* от *наступить*: у *наступить* нет трудностей с отрицанием.

Итак, из сравнения *начаться* и *наступить* следует, что наступительность сама по себе не требует, чтобы Р было процессом, членимым на фазы. Членимости ситуации Р на фазы требуют те компоненты значения *начаться*, которые как раз отличают его от более простого *наступить*².

начать

Глагол *начать*, в соответствии с МАС, имеет три значения:

начать 1 'приступить к деятельности': *начал строить дом*;

начать 1' (диатеза с участником Начало от *начать* 1): *начал речь приветствием*;

начать 2 (неагентивное): *Цены начали повышаться*; *Книга Казановы начала печататься в 1822 году*.

У *начать* (X начал Р), как и у *начаться*, Р может быть и деятельностью, и неагентивным процессом. См. пример (1); *говорить* в (1а) — деятельность, а *кружиться* [о голове] в (1б) — процесс (неагентивный) или состояние:

(1) а. Он начал *говорить* [*начать* 1];

б. У меня голова начала *кружиться* [*начать* 2].

В этом отношении *начать* отличается от других глаголов с начинательным значением — *приняться*, *приступить*, *броситься*, *пуститься*, *повадиться*, *заняться* (Грамматика 1980, II: 41), которые выражают только агентивную начинательность.

При неагентивном значении *начать* различие между *начать* и *начаться* чисто диатетическое. Так, (2а) и (2б) различаются диатезой — *начать* 2 в (2б) получается из *начаться* 1 в (2а) в результате подъема Посессора (см. гл. I.3 § 6):

(2) а. *Началось* понижение температуры; б. Температура *начала* понижаться.

² См. в этой связи об эволютивной и контактной начинательности в Шелякин 1969.

Так что *начать* 2 естественно связывать не с *начать* 1, а с *начаться* 1.

Что же касается агентивного *начать* 1, то оно заведомо сложнее, чем *начаться*, поскольку содержит каузальный компонент: субъект в (1а) является Агенсом. Считая, что Р (X) — это деятельность субъекта X, можно построить следующее толкование:

(IV) *начал* Р (X) (где Р (X) — деятельность X-а) =

- 1) в момент *t*, предшествующий моменту речи, Р (X) не имело места;
- 1') X действовал; вследствие этого:
- 2) после *t* и до момента речи имело место Р (X);
- 3) в момент речи имеет место Р (X);
- 4) момент речи близок к *t*;
- 5) Р (X) будет иметь место и после момента речи, причем на более длинном интервале.

Глагол *начать* полностью реализует свое фазовое значение только в контексте процессов: *Я начал мыть посуду; Начал накрапывать дождь*. В контекстах, где ситуация Р не процесс, а состояние, значение *начать* сводится к формуле I:

- (3) (...) означенным спорным именем *начали* *владеть* помянутые г.г. Дубровские назад сему лет с 70 (П.).

В примере (4а) *начать* тоже имеет выветренное употребление — компоненты, отличающие *начаться* от *наступить*, выпадают; (4а) почти синонимично (4б):

- (4) а. Хлеба *начало* не хватать; б. Хлеба *стало* не хватать.

Свойством иметь подчиненный инфинитив только в несоев. виде обладают глаголы *стать* и *быть*:

- (5) *стал / буду* целиться; *стал / буду* дрова рубить; *стало / будет* холодать.

Сравнение глагола *начать* с глаголом *стать* оттеняет собственно фазовую семантику *начать*:

- (6) а. *не начал* рубить дрова [осмысленно только в случае подразумеваемого 'еще не начал'];
 б. *не стал* рубить дрова [= 'отказался' — то ли от предложения, то ли от своего намерения, то ли от того, что от него ожидалось в данной ситуации].

О том же свидетельствует разная сочетаемость *не начал* и *не стал* с *даже*:

- (7) а. *даже не начал* \ рубить дрова;
 б. **даже не стал* \ рубить дрова.

(7а) осмысленно: начало действия — его часть — противопоставляется действию как целому; а в (7б) это противопоставление, необходимое для *даже*, отсутствует.

Как и у *начаться*, у *начать* есть диатеза с участником Начало (лексема *начать* 1')

- (8) а. Он *начал* лекцию [исходная диатеза; *начать* 1];
 б. Он *начал* лекцию анекдотом [диатеза с участником Начало; *начать* 1'].

Диатеза оказывает влияние на сочетаемость глагола *начать* с обстоятельством времени. Так, в исходной диатезе такое обстоятельство возможно, а при диатезе с участником Начало — нет:

- (9) а. Он начал говорить — *В этот момент* он начал говорить;
 б. Он начал речь приветствием — **В этот момент* он начал речь приветствием.

начинать — начинаться

Глаголы НСВ *начинать*, *начинаться* семантически производны от парных глаголов СВ *начать*, *начаться* (о *начинаться* 4, не имеющем исходного СВ, см. ниже). Так что дальше речь идет только об аспектуальных значениях этих глаголов.

На первый взгляд кажется, что глаголы *начинать* и *начинаться* моментальные. В диатезе с участником Начало они, действительно, имеют только тривиальное значение:

(1) Вечер нередко *начинал* он спектаклем (МАС).

Но при исходной диатезе возможен весь набор видовых значений. В (2а) видовое значение у *начинать* многократное и/или настоящее историческое; в (2б) тенденция, в (2в) — предстояние, т. е. состояние намерения (см. Падучева 1996: 113):

(2) а. Тут *начинает* звонить телефон, и он вскакивает.

б. Это *начинает* мне надоедать;

в. Я *начинаю* новую жизнь; Я *начинаю* мыть посуду; Занятия в техникуме *начинались* через два месяца.

А в (3) *начинать* обозначает актуальную деятельность в ее начальной фазе:

(3) Когда я только *начинала* мыть посуду, кончилась горячая вода;

Когда я *начинал* эту книгу в 1958 году, мне не известны были ничьи мемуары или художественные произведения о лагерях (С.).

В (4) *начали* — это сов. вид в перфектном значении, и момент речи приходится на начальную фазу действия, обозначенного инфинитивом; а *начинают* — это несов. вид в актуальном значении, и глагол обозначает начальную фазу действия *ставит* в ее временном развертывании; естественно, что (4а) и (4б) близки по смыслу:

(4) а. Смотри, они *начали* ставить палатку;

б. Смотри, они *начинают* ставить палатку.

Так обстоит дело в том случае, если Р — процесс. В других же контекстах глагол *начинать* не может выделить из ситуации Р никакой временной фазы, поскольку ее нет. Возьмем, например, глаголы становления признака: *успокаиваться*, *остывать*, *уставать*, *замерзать*, *засыхать*, *выздоровливать*. Тут *начать* и *начинать* почти синонимичны; они обозначают не фазу, а точку на шкале накопления признака³. Так, в (5) *начинать* выделяет не временную фазу, а определенный этап в серии последовательных приближений к состоянию ‘быть спокойным’ (поскольку СВ *успокоился* = ‘начал быть спокойным’):

(5) *начинает* успокаиваться \approx *начал* успокаиваться \approx успокаивается.

Аналогично:

(5') *начинаю* забывать \approx *начал* забывать \approx забываю.

Другой особый случай — глаголы состояния (непарные): ментального (*сомневаться*, *думать*), перцептивного (*казаться*), эмоционального (*надеяться*, *бояться*, *волноваться*), физического (*дрожать*). У них нет не только временной шкалы, но и шкалы накопления признака, и несов. вид *начинать* выражает

³ Подозрительно, однако, что эта точка ближе к верху шкалы, чем к началу.

неполную степень уверенности или интенсивности состояния, выраженного инфинитивом:

- (6) Я *начинаю* сомневаться в его порядочности [▷ ‘возникли некоторые сомнения’; ≠ ‘сомнения возникли недавно’]; Я *начинаю* думать, что он был прав; Я *начинал* волноваться; Я *начинал* хотеть спать; Я *начинал* скучать; Вы *начинаете* сердиться; У меня, кажется, грудь уже *начинает* болеть (Ч.); То есть я сам еще на самом-то деле только *начинал* обо всем догадываться (Петрушевская. Любовь).

Кроме значений *начинаться* 1–3, парных к *начаться* 1–3, есть лексема *начинаться* 4 ‘быть начальной частью Р’ (где Р — слово, текст, или какая-то другая упорядоченная последовательность однородных предметов, предполагающая движение взгляда Наблюдателя в определенном направлении), которая не является видовой парой ни к одной из рассмотренных выше лексем сов. вида⁴:

- (7) У нас фамилии и имена *начинались* с одной буквы; Он [роман] *начинался* с детства героя, с давних времен; Повествование *начинается* с 19 июня 1941 года (УК).

В примере (8) *начинаться* имеет значение 4; читателю предлагается мыслить фигуру Пнина в виде объекта вытянутой формы, с обязательностью предполагающий движение взгляда Наблюдателя сверху вниз:

- (8) Пожилой пассажир, сидевший у окна неумолимо мчавшегося железнодорожного вагона ⟨...⟩, был не кто иной, как профессор Тимофей Пнин. Идеально лысый, загорелый и гладко выбритый, он *начинался* довольно внушительно огромными черепаховыми очками ⟨...⟩, но заканчивался несколько разочаровывающе, парой журавлиных ног ⟨...⟩ и хрупкими, почти женскими ступнями (Набоков. Пнин).

На примерах (8) и (9) можно продемонстрировать различие между перемещением взгляда Наблюдателя, как в *начинаться* 4, и перемещением самого Наблюдателя — в контексте перемещающегося Наблюдателя наряду с НСВ возможен СВ:

- (9) Он [сосняк] *начинался* молодой рощицей искусственной посадки (УК).

Можно сказать *начался*. А в контексте перемещения взгляда Наблюдателя СВ неуместен:

- (10) Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей *начиналась* [**началась*] густая головная щетка (Булгаков. Собачье сердце).

В (11) предполагается перемещение самого Наблюдателя; замена на СВ, однако, невозможна — поскольку перемещение узуальное, оно упорядочивает само Р:

- (11) ⟨...⟩ она [улица] шла с едва заметным наклоном, *начинаясь* почтамтом и кончаясь церковью, как эпистолярный роман (Набоков. Дар).

Так что значение *начинаться* 4 демонстрирует переход от времени к пространству.

⁴ Аналогичный семантический переход — от временной упорядоченности к пространственной — у глаголов *следовать* и *предшествовать*, см. гл. 7.

возникнуть

Глагол *возникнуть*, как и *наступить*, начинательный, но не собственно фазовый.

Разница между *наступить* и *возникнуть* — в том, что наступает событие или состояние, а возникает прежде всего новая сущность: субъект глагола *возникнуть* может быть даже предметом (*новые города, облако*), не говоря об абстракциях (типа *ощущение, новая наука, рабовладельческий строй*). Кроме того, нечто *наступает* в реальном мире, а *возникать* может не в реальном мире, а в поле зрения (то же свойство у антонима *исчезнуть*) или в сознании (*возникла мысль, предположение*). Очевидно, в семантике *наступить* важна идея “ступания” — перемещения по земле; а *возникать* обозначает чистый переход от небытия к бытию.

Разные значения *возникнуть* получаются в результате взаимодействия глагола с контекстом: значения 1.1–1.2 различаются категорией Р (то, что начинает существовать / иметь место, может быть либо сущностью, либо событием / процессом); а значения 2.1–2.3 различаются таксономическим классом участника Мир бытия (т. е. Место): где именно начинает существовать / иметь место Р — в поле зрения (2.1), в сознании (2.2) или, в последнюю очередь, в реальном пространстве Субъекта сознания (2.3). Наконец, есть еще *возникнуть* 1.1' ‘произойти из’ — синтаксический дериват *возникнуть* 1.1. Теперь подробнее.

возникнуть 1.1 = ‘начать существовать (Р — сущность)’; сущность — это всё, что не протекает во времени, т. е. в том числе *вопрос, предположение, соблазн, мысль, рабство, хоккей, сила, христианство, смысл, ощущение, соперничество, повод, мнение, симпатии и антипатии*:

- (1) на месте пустырей в о з н и к л и многоэтажные *корпуса*; в о з н и к рабовладельческий *строй*; вдруг в о з н и к ш е е *чувство*;
- (2) В пространствах между реками, то больше, то меньше возвышенных, стоял повсюду *лес*, в один ярус, без подростка, без кустарника и без буреломы, ровный, как будто в о з н и к ш и й в одно мгновение (УК);
- (3) расплакалась в присутствии Феди Долгова, благодаря которому в биографии Еки в о з н и к *период* пусть недолгий, но вспоминаемый ею впоследствии с гордостью (УК).

возникнуть 1.1' = ‘произойти из Q’ (Q — сущность):

И небо в эти минуты словно бы становится вестником нашего перерождения, доносит отголоски тех бурь, из которых в о з н и к л и мы. (УК); Ее не волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что каким-то чудом мастер был возвращен к ней, что из пепла [Q] в о з н и к *роман* [P], что опять все оказалось на своем месте в подвале в переулке (ММ).

возникнуть 1.2 = ‘произойти (Р — событие) / начать происходить (Р — процесс)’ (например: *спор, переполох, конфликт, перепалка*):

- (4) однажды я стал виновником *ссоры*, в о з н и к ш е й между Валдаем и Федей (УК).

возникнуть 2.1 = ‘начать быть в поле зрения Наблюдателя’:

- (5) Наконец из шума в о з н и к слабый *звук* джаза; в о з н и к *силуэт*; д о м а *возникли* из темноты; *Голос* Алферова на несколько мгновений пропал, и когда снова в о з н и к, был неприятно певуч, оттого что, говоря, Алферов, вероятно, улыбался (Набоков. Машенька).

Поле зрения понимается в широком смысле — как поле восприятия: слово *возникнуть* чаще употребляется по отношению к звукам, чем к зрительно воспринимаемым объектам.

возникнуть 2.2 = ‘начать быть в чем-то сознании (о ментальной сущности / перцептивном образе, имеющем / не имеющем коррелята в действительности)’:

у меня возникла идея = ‘в моем сознании’.

возникнуть 2.3 = ‘начать находиться в физическом пространстве Наблюдателя’⁵:

- (6) Дядя Федя снова исчез и *возник у сарая*. — Меня ты списал со счетов? (УК); *<...>* как вдруг решетка беззвучно поехала в сторону, и *на балконе* *возникла* таинственная фигура, прячущаяся от лунного света, и погрозила Ивану пальцем (ММ).

В примере (7) значение *возникнуть* идентифицируется скорее как 2.1 — Наблюдатель только видит опушку, а сам находится вдалеке от нее:

- (7) Подождав минут двадцать, мы двинулись назад, как вдруг *на опушке* *возникла* наша собака.

В (8) читатель распознает значение 2.3, в (9) — значение 2.2:

- (8) на мгновенье *возникло* *передо мной* окровавленное *лицо* учительницы, но кровь не напугала, не отрезвила меня (УК);
 (9) *<...>* тут *перед глазами Римского* *возник* циферблат его часов... Он припоминал, где были стрелки. Ужас! Это было в двадцать минут двенадцатого (ММ).

Значения 2.3 и 2.1 связаны друг с другом многозначностью ‘начать быть видимым / начать находиться’, которая объединяет глагол *возникнуть* с ранее известным в этом плане *появиться*, Падучева 1998в. Между *возникнуть* и *появиться* есть, однако, существенное различие. У *появиться* значение ‘начать быть в поле зрения’ связано с перемещением. Между тем семантика *возникнуть* может предполагать перемещение разве что снизу вверх⁶. Поэтому употребление *возникнуть* в значении ‘начать находиться’ достигается ценой некоторого семантического насилия:

- (10) Уже одно ее [балерины] появление было настоящей поэмой. Не выходила, не выбегала, не вспархивала — она *возникала*. Как облако в небе, белые хлопья вдруг сливаются воедино, и перед вами ее фигурка (Л. Зорин. Из жизни Багрова).

Все употребления *возникнуть* в контексте очевидного перемещения, как в (10), кажутся форсированными: *возникнуть*, выражая начало присутствия объекта в новом месте, не предполагает его перемещения. В этом отличие *возникнуть* от *появиться*, *явиться*:

- (11) По вашему приказанию *явился* = ‘прибыл’.

В то же время многозначность ‘начать быть в поле зрения’ — ‘начать существовать’ характерна для *возникнуть* в той же мере, что для *появиться*, ср. *возникнуть* 2.1 и *возникнуть* 1.1.

⁵ В примерах (6)–(9) курсивом выделен участник Мир бытия.

⁶ Перемещение по поверхности блокирует приставка *воз-*, которая обозначает движение снизу вверх.

Что касается производного несовершенного вида, то глагол *возникнуть* моментальный, и основное значение у его несов. вида — многократное:

- (12) в сознании его снова и снова *возникали* глуховатый колодезник и дорога — зимняя и лунная; в памяти один за другим *возникали* другие, давно и недавно минувшие санные пути (УК).
- (13) все ему вспомнилось сразу: мокрая трава, хлещущая по движущейся икре, по спицам колес, круг молочного света, впивающий и растворяющий тьму, из которой *возникали*: то морщинистая лужа, то блестящий камешек, то навозом обитые доски моста, то, наконец, вертящаяся калитка, сквозь которую он протискивался, задевая плечом мягкую мокрую листву акаций (Н.).
- (14) ⟨...⟩ внимательно выслушивать всех, кто *возникал* перед ней в окошке; Федька умел *возникать* внезапно и так же мгновенно исчезать (УК).

Несов. вид *возникать* может иметь нетривиальное значение только что происшедшего события (как у *оказываться*, *обнаруживаться*, *выясняться*, *сталкиваться*, ср. Падучева 1996: 157): *возникает вопрос* говорят тогда, когда он уже возник. В (15) у *возникать* особое значение отрицательного состояния:

- (15) Это не было похоже на обычный ход таких разговоров — перепалки *не возникало*, и отец потерялся (УК).

У *возникать* имеется сленговое значение (согласно словарю Ермакова, Земская, Розина 1999, *возникать* = ‘давать знать о себе / своем мнении’) — агентивное (*Не возникай!*, см. в Rozina 2001 о том, что агентивное употребление неагентивных глаголов свойственно сленгу). Сленговое *возникать* означает ‘действовать с целью начать находиться в поле зрения Наблюдателя’. Это пространство не чисто физическое, поэтому в него можно попасть не перемещаясь. Тем самым устраняется парадокс, иллюстрируемый примером (10), когда начало присутствия материального предмета в некотором пространстве представляется как не связанное с его перемещением.

При анализе глагола *возникнуть* обнаружилось следующее различие между существованием и местонахождением: начало нахождения объекта в том или ином месте с обязательностью предполагает его перемещение, тогда как начало существования не требует никаких предпосылок. В Wierzbicka 1996: 82 дается обоснование новому семантическому примитиву *move* ‘двигаться’ — в предшествующих работах Анны Вежицкой движение толковалось через изменение места. Глагол *возникнуть* дает, как кажется, весьма убедительный пример того, что изменение места и движение — это не одно и то же: *возникнуть* может обозначать такие ситуации, когда объект начинает занимать новое место, но это, парадоксальным образом, не связано с его перемещением.

§ 3. Совершенный вид и начинательный способ действия

Итак, мы установили, что семантическая формула глаголов *начать*, *начаться* предсказывает их принадлежность к двум различным классам: к классу начинательных и к классу собственно фазовых глаголов — каждый со своими проявлениями в языковом поведении. Между тем глагол *наступить* не собственно фазовый: из *наступило Р* следует, что Р — состояние, а оно не имеет фаз. Смысл глагола *начать*, дополнительно к *наступить*, состоит в том, что ситуация Р, которой раньше не было, делится на две части: начало и все

остальное. Иными словами, *начать* говорит о наступлении начальной фазы Р, а *наступить* — о наступлении ситуации Р как целого.

В Иомдин, Мельчук, Перцов 1975 отмечено интересное свойство фазовых глаголов — своего рода синтаксическая прозрачность. В примере (6) субъект фазового глагола наследует от подчиненного инфинитива форму род. падежа:

(16) а. Хлеба хватило; б. Хлеба *начало* хватать / *перестало* хватать.

Свойство прозрачности не вытекает из нашего описания семантики фазового глагола; но оно и не ограничено фазовыми глаголами — им обладают, например, модальные слова:

(17) а. Хлеба хватило; б. Хлеба *могло* хватить / *должно было* хватить.

Прозрачность может касаться разных свойств слова; например, многие участники, по смыслу связанные с подчиненным глаголом в инфинитиве, могут переподчиняться глаголу в личной форме; этим свойством обладают как собственно, так и не собственно фазовые глаголы, см. (18а) и (18б):

(18) а. Когда я кончила петь, *в зале* *начало* сь что-то невообразимое — так все орали! (Г. Вишневецкая); Гарусов (...) смотрел, как *от огня* *начинали* плакать и таять на стеклах толстые наледи (УК); *между ними* *начало* сь нечто неожиданное;

б. мелодия, *от которой* *наступает* душевное успокоение.

Можно думать, что глаголу *начинать* свойственна не только синтаксическая, но и аспектуальная прозрачность. Так, глагол *опаздывать* выражает тенденцию; и такое же аспектуальное значение у *начинать* в (19):

(19) Я *начинал* *опаздывать* (Довлатов).

В формуле III представляет интерес то обстоятельство, что в нее вместо Р не может быть подставлено *не-Р*: не говорят **начал не работать*, **начал не стрелять* и т. д. Как объяснить этот запрет? Первое предположение — что это “структурное вытеснение”: сочетание невозможно, поскольку данная семантика покрывается другим сочетанием: **начал не работать* = *перестал работать*. В самом деле, есть ряд примеров, где структурное вытеснение кажется убедительным объяснением.

ПРИМЕР 1. Отсутствие декаузатива **разбудиться* от *разбудить*, противоречащее общей продуктивности декаузативов от глаголов этого класса (Падучева 2001а), можно объяснить тем, что нужный смысл выражается в языке уже существующим глаголом *проснуться* — так же как отсутствие слова **коровина*, аналогичного словам *баранина*, *свинина*, объясняется наличием слова *говядина*.

ПРИМЕР 2. Недопустимость сочетаний **под день*, **под ночь*, при наличии сочетаний *под утро*, *под вечер* (задача, которая была поставлена в докладе Г. Рубинштейна на Конференции по славянской когнитивной лингвистике в Чепел Хилл в ноябре 2000 г.), можно объяснить тем, что для этой части суток в языке есть готовые наименования *утром*, *вечером*.

Тем не менее, всегда остается сомнение — нельзя ли дать объяснение данного запрета сочетаемости на семантическом уровне. Формула III объясняет запрет подстановки *не-Р* на место Р как семантический. Дело в том, что сочетание *не-Р* обозначает не процесс, как требует формула III, а состояние его отсутствия. Между тем *начаться* семантически не сочетается с состояниями.

Известная проблема того же рода (поставленная еще в Хализева 1976), которая пока не получает решения, — это природа несочетаемости *начать* с глаголами движения (в агентивном значении): почему вместо **начал ехать* надо сказать *поехал*, вместо **начал идти — пошел*? То же ограничение распространяется на глагол *быть*: вне мощного контекста нельзя сказать **буду ехать* (как *буду читать*).

Обнаруженное отличие *начать* от *наступить* проливает свет на разницу между глаголами СВ и начинательным способом действия. Глаголы начинательного способа действия (*загрохотать*, *забегать*) почти без исключения относятся к глаголам процесса (агентивного или неагентивного, см. Исаченко 1960: 227; Зализняк 1995), и в их толкование входит ‘начать’. В большинстве случаев возможна даже соответствующая перефразировка: *заговорил* ≈ *начал говорить*. Между тем в толкованиях глаголов СВ фигурирует “формула наступительности”:

- X *успокоился* = ‘наступило состояние: X спокоен’;
 X *обрадовался* = ‘наступило состояние: X радуется’;
 X *возглавил* Y = ‘наступило состояние: X возглавляет Y’.

Глаголов СВ, обозначающих начало процесса или деятельности (таких как *заняться* = ‘начать заниматься’, см. Гловинская 2001: 115), — единицы.

Вернемся к “проблеме Пешковского”, т. е. к вопросу о семантической мотивированности запрета на сов. вид подчиненного инфинитива у фазовых глаголов. Как уже говорилось, инфинитив при собственно фазовом глаголе должен обозначать ситуацию, членимую на фазы, и члениться на фазы может только процесс, который в семантике СВ “упакован” грамматически таким образом, что не может составлять сферу действия подчиняющего фазового глагола. Правда, процессный компонент в семантике СВ может быть сферой действия для ряда операторов — для обстоятельства срока (ср. известный пример А. Вежицкой *Мицкевич написал “Пана Тадеуша” за год* = ‘писал год и закончил’); для некоторых наречий и адвербиалов (*подошел медленным шагом* = ‘шел медленным шагом и подошел’). Более того, есть языки, в которых процессный компонент семантики СВ может быть сферой действия фазового глагола; таков литовский, в котором, согласно Генюшене 1985, основные фазовые глаголы *pradeti* ‘начать’, *baigti* ‘кончить’ относительно свободно сочетаются с инфинитивами сов. вида — например, допустимо *baigė peržūrėti*, букв. ‘кончил посмотреть’. Однако для приставочных фазовых глаголов лит. языка сочетание с сов. видом инфинитива все-таки невозможно: **užbaigė padariti*, букв. ‘закончил сделать’. Как мы видим, русский фазовый глагол ведет себя более последовательно: его сферой действия процессный компонент семантики СВ быть не может. По характеру воздействия на семантику СВ собственно фазовые глаголы, выделяющие в процессе одну из его фаз, следует сопоставлять с обстоятельствами длительности типа *два часа* — которые в контексте обычного глагола СВ, не делимитатива и не пердуратива, абсолютно исключены, см. Зельдович 2002: 13 (**сварил суп два часа*).

* * *

Итак, фазовые глаголы — это интересный тематический класс, с диатезой, которая включает участника Фаза. Особая проблема связана с агентивностью

глагола *начать*: агентивное употребление представляется для него вторичным — *начать* семантически производно от *начаться*. Так или иначе, ясно, что возможности семантического предсказания сочетаемости не исчерпаны — семантический подход к сочетаемости позволяет получать все новые интересные факты.

Глава 2

ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ. ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО КЛАССА

§ 1. Глаголы восприятия как тематический класс

Казалось бы, чтобы установить принадлежность глагола к тематическому классу восприятий, достаточно убедиться в том, что его семантическая формула включает компонент «восприятие». Однако все не так просто. Дело в том, что перцептивный компонент легко входит в семантику глаголов самых разных классов. Есть глаголы наблюдаемого движения, см. (1а); наблюдаемого состояния, (1б). Семантика глаголов эмиссии света, запаха, звука, пример (1в), тоже предполагает Наблюдателя:

- (1) а. мелькать, промелькнуть, проступить, проскользнуть;
б. белеть, торчать, маячить; расстилаться, высовываться, выбиваться, раскинуться, разверзнуться, выступить;
в. блеснуть, мерцать, светиться, пахнуть, вонять, звучать.

Предполагает Наблюдателя глагол *раздаться* (как в *раздался звонок*); но и в глаголах из (2) тоже есть перцептивный компонент:

- (2) заглохнуть, заглушить, затмить, смолкнуть, умолкнуть, стихнуть, сливаться (как в *гимнастерка и серые штаны почти сливались с землей* — Солоухин).

Субъект восприятия (или Наблюдатель) — обязательный участник ситуаций, выражаемых каузативными глаголами из (3)

- (3) выразить, выказать (*он выказал мне свое расположение*); выделить, выявить, оттенить, высветить, запечатлеть, заслонить, обнажить, обозначить (границы), открыть, отметить, отобразить

и их декаузативами (*выразиться, выявить, выделиться, запечатлеться, обнажиться, обозначиться, открыться* и под.).

Есть много глаголов, описывающих идентификацию — которая требует участия органов чувств:

- (4) идентифицировать, дифференцировать, опознать, отличить, отождествить, различить (очертания), распознать, разобрать (как в *не разбираю второй буквы*).

Многие глаголы включают перцептивный компонент, но обозначают вполне специфическое действие или деятельность, для которой главное — цель, а не участие восприятия в ее достижении:

- (5) досмотреть [= ‘произвести досмотр’], зарегистрировать, искать, разыскать, отыскать, выискать, исследовать, изобразить, обрисовать, отследить, проследить, выследить, охранять, подкараулить, просвечивать, спрятать(ся), скрыться, шпионить.

Опять-таки, у этих глаголов могут быть декаузативы и другие *ся*-дериваты — такие как *регистрироваться, выискаться*. В конце концов, любой глагол передачи и получения информации, например *писать* или *читать*, предполагает

наличие сигнала, который должен быть *в о с п р и н я т* органами чувств. Так что класс глаголов восприятия имеет размытые границы. Список глаголов восприятия, на который мы ориентировались, дан в Приложении. Глаголы типа (1) и типа (5) отражены в списке непоследовательно.

Список законным образом включает глаголы *показать* и *скрыть*, поскольку в их толкование входят, помимо перцептивного компонента (и, быть может, оценочных), только строевые — каузация и отрицание; глагол *скрыться*, хотя его семантика включает, кроме того, компонент «движение»; глаголы *найти* и *потерять*, хотя у них восприятие обычно совмещено с идеей обладания.

В список включены глаголы *ослепнуть* — *слепнуть* (и *ослепить*, в одном из значений). Они описывают утрату органа зрения, в результате чего способность видеть утрачивается навечно; ср. глагол *очнуться*, который обозначает временную утрату способности воспринимать с ее последующим возвращением.

В список включены некоторые стилистически окрашенные глаголы восприятия —

- (6) *впериться, воззриться, вылупиться, глазеть, пялиться, узреть; застучать; засветиться.*

Тематическая классификация ориентируется на исходные значения слов. Между тем многие глаголы имеют перцептивное значение в качестве производного; например, у *бдеть*, согласно МАС, значение восприятия ‘неусыпно следить’ производно от значения ‘бодрствовать, не спать’; значение восприятия может быть производным от значения движения (Розина 1996б); ср. *столкнуться* (с проблемой), *проникнуть* (в тайну), *выступить*:

- (7) *Белые здания внезапно выступили из темноты.*

Слова, у которых значение восприятия производное или контекстно обусловленное — как у *бросить* (взгляд, взор), *броситься* (в глаза), *обратить* (взор, внимание), *пробежать* (глазами), *впиться* (взглядом), *скользить* (взглядом) ‘определенным образом перемещать взгляд по поверхности’, — охвачены не полностью. О слове *взгляд* см. Урысон 2003: 91—97.

Сознательно оставлены за пределами рассмотрения глаголы маркированных способов действия, в частности (терминология из Маслов 1965):

- начинательные, типа *засквозить, забелеть, зазвучать*;
- финитивные: *досмотреть, дослушать* и под.;
- сатуративные: *насмотреться, налюбоваться, наслушаться*;
- глаголы полной поглощенности действием: *засмотреться — засматриваться, заглядеться — заглядываться*;
- специально-результативные: *высмотреть — высматривать, выследить — выслеживать, отследить — отслеживать*;
- прерывисто-смягчительные: *поглядывать, послеживать*;
- семьelfактивные: *глянуть*.

Их семантика описывается соответствующей словообразовательной моделью.

Итак, класс глаголов восприятия имеет размытые границы, прежде всего — потому, что в семантике глагола перцептивный компонент, как правило, не единственный. Возьмем, например, глаголы *оглянуться* и *застать* — оба включают, помимо перцептивного, компонент «перемещение» / «изменение по-

ложения». Различаются они местом, которое занимают в их толкованиях неперцептивные компоненты:

оглянуться = ‘посмотреть, обернувшись назад’;

застать = ‘прийти в место W в тот момент, когда там еще находится X, с целью войти с ним в контакт’.

Компонент «изменение положения» в семантике *оглянуться* лишь указывает обстоятельства восприятия; а «перемещение» в семантике *застать* более по существу. Поэтому *оглянуться* — обычный глагол восприятия, а *застать* занимает в этом классе периферийное положение.

Глаголы восприятия, как и другие тематические классы, располагают своими, свойственными именно этому классу, моделями семантической деривации.

1. Характерный семантический переход — от восприятия к ментальному значению. Производное ментальное значение развивается, например, у глаголов *видеть*, *смотреть*, *замечать*, *рассматривать* (как намек; и мы *рассматриваем ваше предложение*), *чувствовать*, *казаться*, *обнаружить*, *слышать*, *воображать*, *столкнуться*, *следить*, *показаться*; *представляться*, *видеться* (та же неоднозначность у существительного *взгляд*):

(8) а. От прилавка ему хорошо *виделось* клубное крылечко (МАС) [зрительное значение];

б. Мне *видится* это так [ментальное значение].

Глагол *свидетельствовать* этимологически предполагает видение; но в контексте *Это свидетельствует о его незаурядном таланте* он имеет ментальное значение; *пролить свет* — значит ‘сделать более понятным’, хотя свет нужен для того, чтобы видеть, см. § 6. Глагол *предвкушать* вообще утратил компонент, связанный с вкусовым восприятием, и стал ментальным.

Производное ментальное значение возникает и у каузативных глаголов; так, *показать* — глагол восприятия, но может иметь и значение ‘доказать’, ментальное.

Интересно, что в числе производных от *видеть* есть и глаголы знания и путативы:

(9) а. Я *вижу*, ты молчишь [знание]; б. Он *видит* в этом препятствие [мнение].

Имеется определенная семантически естественная корреляция между тематическим классом и грамматическим видом. Так, глагол СВ *усмотреть* может иметь перцептивное значение, а глагол УСМ *усматривать*, при нетривиальном (т. е. не многократном, а стативном) значении НСВ — только ментальное; у *рассматривать* одно из его ментальных значений только в несов. виде; у *отмечать* НСВ не трив. только при ментальном (или речевом, но не перцептивном) значении. Парный НСВ для *просветить* в ментальном значении — *просвещать*, а в значении, которое сохраняет перцептивный компонент, — *просвечивать*.

Глагол *оказаться* совмещает перцептивное значение (*Его там не оказалось*) с ментальным (*Оказалось, он здоров*).

2. Производное значение реч и развивает глагол *заметить*; оно проявляет себя в сочетаемости с наречиями:

(10) Это ты *верно* заметил [= ‘верно сказал’]; ср. °*верно* увидел [в контексте *верно увидел в нем угрозу* глагол *увидеть* употреблен в ментальном, а не в перцептивном значении].

Семантический дериват в классе глаголов речи есть и у ряда других глаголов восприятия, ср. *отметить, подметить, выделить*. Нечто похожее — в примере

(11) *Обращаю ваше внимание* на следующую неточность,

где у *обращать* ⟨внимание⟩ речевое и даже, пожалуй, перформативное значение, производное от значения восприятия.

В русском языке эта деривационная модель — переход от восприятия к речи — не продуктивна. Между тем, как отмечается в статье Dobrovol'skij 2001, глаголы восприятия в немецком языке (такие как *sehen, finden, wahrnehmen, empfinden*) весьма охотно употребляются в значении речи, например:

(12) In seiner Rede *empfand er die Vorwürfe als gerechtfertigt*.

‘В своей речи он сказал, что *ошущает* (букв. “он ошутил”) упреки как справедливые’.

Выявить семантические пружины, регулирующие применимость деривационной модели ‘восприятие’ → ‘речь’ в русском языке, не удастся. В § 5.1 мы увидим, однако, почему для глагола *заметить* такой перенос естествен. Интересно, что отглагольное имя *замечание* образовано именно от речевого значения *заметить*.

3. Производное значение в о о б р а ж а е м о г о восприятия (зрительного или слухового), когда в ситуации нет участника Стимул, так что образ возникает в сознании независимо от стимула извне, — у глагола *видеть*, ср. *вижу, как сейчас*; это значение есть также у глаголов *послышаться, представиться (взору)*.

4. Глаголам *послушать, слушать, послушаться, внять* свойственна многозначность ‘воспринять’ — ‘подчиниться’: *не слушай* может значить ‘не слушайся, не подчиняйся, не относись всерьез’; *прислушаться (к мнению)* = ‘отнестись с вниманием’ (переход ‘слушать’ → ‘слушаться’ отмечен в Sweetser 1984); *их голос не был услышан* = ‘их мнение не было принято во внимание’. Об отличии пассивного *слушать* от активного *смотреть* см. в § 5.2. То же развитие у *оглядываться* (*Даже в играх он оглядывался на взрослых*).

5. Регулярным, т. е. повторяющимся, является также семантический переход ‘смотреть’ → ‘относиться’:

(13) *Я на это смотрю просто* = ‘отношусь просто’;

смотреть сквозь пальцы = ‘потворствовать’;

несмотря на ≈ ‘безотносительно к’.

Многозначность ‘смотреть’ — ‘относиться’ свойственна глаголу *коситься*:

коситься = 1) ‘смотреть искоса, сбоку’; 2) ‘смотреть косо, относиться с подозрением’, ‘выражать взглядом подозрительное отношение’.

Идея ‘относиться’ проскальзывает также в семантике *заметить*; так, *не замечать* = ‘делать вид, что не заметил, с целью выразить отрицательное отношение’. Идея выражения отношения есть в устар. *заметить* ⟨кому-л. что-л.⟩ = ‘сделать замечание’. Глаголу *видеть* это семантическое развитие не свойственно:

(14) а. *смотрю* отрицательно; б. **вижу* отрицательно.

6. Переход ‘видеть’ → ‘иметь’ представлен примерами *найти, потерять*; ср. также *не видать как своих ушей* = ‘не иметь’.

7. Переход от восприятия к межличностному контакту отмечается у глаголов *встречаться*, *заглянуть* (на огонек), *увидеться*.

8. Смысл 'видеть' может выветриваться до идеи простого контакта с объектом, т. е. пребывания в том же месте. Значение соположения — тривиальное следствие перцептивного компонента: чтобы Y мог видеть X, они должны находиться в одном месте. Стимулом семантической деривации служит здесь таксономический класс участника-субъекта:

(15) Эти стены *видели* многое; Крым всегда будет рад вас *видеть*.

То же выветривание — в производных значениях более сложно устроенных слов с перцептивным компонентом:

(16) Война [Y] *застала* его [X] в Ленинграде [W] =
'Y произошло, когда X был в W'.

9. Глаголам *возникнуть* и *исчезнуть* свойственна неоднозначность 'быть видимым' — 'существовать'⁷. Аналогичная неоднозначность у *обозначиться* — *обозначаться*; у *теряться* (ср. *Тропинка терялась в кустах* = 'переставала быть видимой' и *Живость движений понемногу терялась* = 'переставала существовать'); у СВ *пропасть* (хотя НСВ *пропадать* значит только 'не быть видимым': *Где ты пропал?*). В математическом языке *найдется X* значит 'существует X'.

10. Как уже говорилось, сема восприятия часто соседствует с перемещением: возможность восприятия требует нахождения Эксперимента в определенном месте и потому часто возникает в результате перемещения — либо Эксперимента, либо Перцепта; это отражено в семантике глаголов из (17), которые обозначают восприятие как следствие контакта, возникшего при перемещении и:

(17) *столкнуться*, *наткнуться*, *напороться*, *нарваться*; *попасться* 1 (как в *Мне попался белый гриб*), *попасться* 2 (как в *Я попался*).

Отсюда неоднозначность у *наткнуться* (а также *напороться*, *нарваться*): 1) 'двигаясь, прийти в контакт'; 2) 'случайно увидеть'.

У глагола *явиться* есть два значения, которые различаются только фокусом внимания: 'представиться взору Наблюдателя (переместившись)', как в *Гамлету явилась тень отца*, и 'переместиться (представ перед Наблюдателем)', как в *явился по первому требованию*.

Аналогичной семантической деривации подвергся англ. глагол *glimpse*, для которого словари дают значения 1) 'мельком взглянуть'; 2) 'промелькнуть'.

Следствием перемещения может быть, наоборот, выход из поля зрения, как у *скрыться*, *даться*, *задаваться*. У *скрыть* компонент «перемещение» факультативный; а у *скрыться* фактически обязательный. У *выступать*, *высовываться* в определенных контекстах появляется Наблюдатель. У глагола *проступить* значение 'начать находиться в поле зрения' стало основным.

В семантике глагола *очутиться* = 'оказаться в новом месте, неизвестно как туда попав' восприятие тоже связано с перемещением, но иначе. У глагола *очутиться* в (18а) Эксперимент — субъект, а в (18б) — Наблюдатель за кадром, субъект перемещения и субъект восприятия не совпадают:

⁷ В Пупынин 2000: 38 отмечается неоднозначность глагола *забелеть*: 'начать быть видным (о белом)' и 'начать быть белым'.

(18) а. Не понимаю, как я здесь *очутился*;

б. Как здесь *очутился* этот чемодан?

Все семантические переходы в классе глаголов восприятия в той или иной степени регулярны. Так, для глагола *вылупиться* в значении ‘смотреть, широко раскрыв глаза’ можно предложить следующую деривационную историю:

1) исходное значение (как в *вылупить яйцо*) — ‘очистить от скорлупы’, см. МАС;

2) *вылупить глаза* ‘очистить глаза от закрывающей оболочки’ [получается из *вылупить яйцо* категориальным сдвигом];

3) *вылупиться* [инкорпорирование участника *глаза*, ср. *причесаться* и *причесать волосы*].

Итак, мы очертили границы класса глаголов восприятия. Далее в § 2—3 речь идет о том, как структурируют этот класс два основных параметра глагольной лексики — категория и диатеза. В § 4 рассматривается деление глаголов восприятия на тематические подклассы, уже независимо от их категориальной принадлежности и диатезы.

§ 2. Таксономические категории глаголов восприятия

2.1. Категориально-диатетическая парадигма

Поразительный факт состоит в том, что для глаголов, выражающих основные виды восприятия — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, — можно выявить единую парадигму семантических дериватов исходной лексемы, причем она будет в существенной степени общей для разных языков. Различие лишь в том, заполнены ли клетки парадигмы 1) настоящим семантическим дериватом исходной лексемы (как *smell* ‘пахнуть’ от *smell* ‘обонять’); 2) лексическим дериватом, т. е. производным словом, как *выглядеть* от *глядеть*; или 3) другим словом или словосочетанием, как *смотреть* для *видеть*.

То, что глаголы, выражающие основные виды восприятия, подвержены в разных языках одинаковым семантическим деривациям, а значит, имеют сходные парадигмы регулярной многозначности, отмечается, например, в Апресян 1995: 357. Мы примем за основу то описание, которое дается в Leech 1975 на материале английского языка; ср. также семантическую парадигму глаголов восприятия, описанную в статье А. Роджерса “Три типа глаголов восприятия” (Rogers 1971).

Все основные глаголы восприятия в англ. языке (*see, hear, feel, smell, taste*) имеют кроме исходного значения два производных (иногда эти теоретически предсказываемые значения выражаются другим словом). Значения следующие.

I. Значение *и н е р т н о г о с о с т о я н и я* (термин из Leech 1975: 20; в Croft 1991 используется менее удачный термин *inactive actions*), когда воспринимающее лицо, Эксперимент, “is merely passively receptive”. В этом значении глагол восприятия, например *see*, не имеет формы Progressive:

(1) а. I *see* someone through the window; б. *I *am seeing* someone.

Для глагола, выражающего телесное ощущение (*bodily experience*), *feel* ‘чувствовать’, эта форма нормальна:

(2) *I feel well*—*I am feeling well*.

II. Значение деятельности (*look at*) — “активное восприятие” по Leech 1975: 23, когда Эксперимент сознательно направляет свое внимание на некоторый объект (и задерживает его на этом объекте). Глаголы с этим значением свободно допускают форму *Progressive*:

(3) *I am looking at the door*.

Аналогично для *smell, feel, taste*:

(4) *I am feeling the ground* ‘Я ощупываю почву’.

В значении I глагол описывает ситуацию, состоящую в том, что некоторое перцептивное событие (*sensation*) “случается” с Экспериментом; тогда как в значении II это не так: “*I go out of my way to focus my attention on some object*” (Leech 1975: 23). Глаголы *смотреть, слушать, пробовать*, как и другие глаголы деятельности, отвечают на вопрос *Что ты делаешь?* и сочетаются с обстоятельством цели; с инструментальным дополнением; допускают обстоятельство длительности — т. е. имеют все признаки процессности и агентивности (Падучева 1996: 143).

III. Значение пассивного состояния, т. е. диатеза с Экспериментом за кадром:

(5) *That sounds like Martha’s voice* ‘Похоже, это голос Марты’;
You look tired ‘У тебя усталый вид’.

В Leech 1975: 23 используется термин пассивное состояние, который отражает двойную противопоставленность значения III двум другим: значению II — по линии категории и значению I — по линии диатезы, поскольку пассив — это диатетический сдвиг. Однако называть глаголы типа III пассивными не совсем точно. Пассив маркирует ранговый сдвиг: участник-объект переходит в ранг субъекта, а субъект уходит на периферию. Здесь же верно только первое: участник-объект становится субъектом; что же касается воспринимающего лица, Эксперимента, то он в данном случае оказывается не на периферии, а за кадром; иными словами, переходит в наблюдатели.

Следует подчеркнуть, что в семантическом плане значения типа II и III производны от одного и того же значения I — даже если в качестве формальной основы для семантической деривации берется глагол со значением типа II, ср. *look* в (3) и в (5).

Итак, мы имеем следующую таблицу для глаголов *see, hear, smell, feel, taste*:

I. ИНЕРТНОЕ СОСТОЯНИЕ	II. ДЕЙСТВИЕ	III. ДИАТЕЗА С НАБЛЮДАТЕЛЕМ
<i>I could see / saw X</i>	<i>I was looking at X</i>	<i>X looks well</i>
<i>I could hear / heard X</i>	<i>I am listening to X</i>	<i>X sounds</i>
<i>I could feel / felt X</i>	<i>I am feeling X</i>	<i>X feels</i>
<i>I could smell / smelt X</i>	<i>I was smelling X</i>	<i>X smells</i>
<i>I could taste / tasted X</i>	<i>I was tasting X</i>	<i>X tastes well</i>

У глаголов *smell, feel, taste* значения всех трех классов выражаются одним словом, т. е. обслуживаются семантической деривацией:

This peach feels (smells, tastes) good.

А глаголы *see* и *hear* не имеют акционального употребления — эти клетки таблицы занимают *look* и *listen*.

Обратимся теперь к базовым глаголам восприятия в русском языке. Здесь имеет смысл говорить просто о трех классах глаголов, поскольку семантических дериватов нет и даже словообразовательные соотношения нерегулярны. Но сам факт наличия в другом языке тех же самых семантических соотношений представляет интерес.

Лич различает у значения инертного восприятия стативный и событийный вариант — как бы специально для того, чтобы заготовить место для русского сов. и несов. вида. Для русских глаголов *видеть*, *слышать*, *осязать*, *обонять*, *ощущать на вкус* таблица в духе Лича будет иметь следующий вид (в последней строке заполнена только клетка II — деятельность):

I. ИНЕРТНОЕ СОСТОЯНИЕ	II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	III. ДИАТЕЗА с НАБЛЮДАТЕЛЕМ
Я вижу / увидел X Я слышу / услышал X Я осязую X Я обоняю (чую) X (Я ощущаю / ощутил X на вкус)	Я смотрю / гляжу на X Я слушаю X Я ошупываю X Я нюхаю X Я пробую X	X выглядит (хорошо) ⁸ X звучит / слышится (X чувствуется) X пахнет (X имеет вкус)

Глаголы сов. вида в столбце I выражают, конечно, не состояние, а происшествие. В англ. языке *I saw* означает скорее ‘Я увидел’, а стативное значение в прош. времени выражается перифрастически — *I could see*. В русском же языке противопоставление событие vs. состояние регулярно выражается формой вида.

Глагол *ощущать*, как и англ. *feel*, неоднозначен: его основное значение — *bodily sensation*, т. е. ощущение внутри себя, а не во внешнем мире; в значении восприятия он обозначает либо тактильное ощущение, либо восприятие, для которого нет соответствующего органа. Глагол *осязать*, который заполняет тактильную клетку в столбце I, стилистически ограничен:

(6) И еще здесь, в этой вонищей яме, (...) возлюбил Илья Петрович жизнь и возрадовался тому, что уши его что-то слышат, глаза хилый свет различают и пальцы пусть стены темницы, но *осязают* (А. Варламов);

Если лишить человека возможности слышать, видеть, *осязать*, лишить контактов с миром — он перестанет осознавать себя и сойдет с ума (М. Веллер);

Высушенные пропыленные листья неприятно *осязались*, противный налёт оставался на подушечках пальцев (С.).

Итак, мы убедились в том, что знаменитые три типа глаголов восприятия — это деление по все тем же двум параметрам: категория и диатеза.

2.2. Таксономическая категория

Положение глаголов восприятия на категориальной оси весьма показательно. Дело в том, что “прототипический” глагол — это, конечно, глагол действия.

⁸ Согласно Апресян 1995: 357, в эту клетку попадает прилагательное *виден*. Однако *виден*, в отличие от *выглядит*, не исключает эксплицитно выраженного Эксперимента: *Отсюда м не видна река*.

Это верно для множества тематических классов — для глаголов движения, создания, деформации, речи и др. Конечно, есть семантические поля чисто стативные — такова, например, бытийная сфера. Между тем глаголы восприятия не обязательно стативны: в этом классе есть и акциональные глаголы (как *смотреть*, *слушать*), но они образуют в нем периферийную, семантически производную зону⁹. А базовые глаголы восприятия, такие как *видеть*, *слышать* — это состояния. Например, в паре *слышать* — *слушать* глагол *слушать* исторически производный от *слышать* (как *сушить* производный от *высыхать*): морфологически исходный глагол стативный, а акциональный глагол вторичен. У глагола *обнаружить* исходное значение — происшествие, а значение сознательного действия вторичное. Характерные черты категориальной парадигмы базовых глаголов восприятия предопределены их концептуальной структурой.

Главное категориальное противопоставление — состояние vs. деятельность. Глаголы, имеющие диатезу с Наблюдателем, не участвуют в делении на категории; для глаголов с производной диатезой Т-категория вообще часто бывает не определена. Ниже приводится разбиение глаголов восприятия по категориям. Глагол противоположного вида, если он для данного глагола семантически производный и имеет другую категорию, указывается в скобках. Глагол может принадлежать к данной категории лишь в одном из своих значений; например, *обнажиться* — происшествие (*обнажилось колено*), но может быть действием. Наличие у глагола видовой пары определяется по критерию Маслова. Некоторые тематические подклассы (см. § 4) входят в ту или иную категорию целиком: воображаемые восприятия — это состояния; ошибочные восприятия — это происшествия с действующим субъектом.

С о с т о я н и я. Исходный глагол — НСВ; семантически производный СВ, если он есть, имеет начинательное значение и обозначает происшествие или действие с акцентом на результате:

видеться,	(покоситься —) коситься,
виднеться,	(послышаться —) слышаться,
взирать,	(почувствовать —) чувствовать,
(внять —) внимать,	(почувствоваться —) чувствоваться,
(воспринять —) воспринимать,	(почуять —) чуять,
(восприняться —) восприниматься,	созерцать,
осознать,	(увидеть —) видеть,
(ощутить —) ощущать,	(услышать —) слышать.
ощущаться,	

К той же категории стативов принадлежат все глаголы, обозначающие воображаемое восприятие (так наз. “внутреннее зрение”), когда в ситуации нет участника Стимул:

(привидеться —) видеться,	(присниться —) сниться,
(вообразить —) воображать,	(представить —) представлять,
(показаться —) казаться,	(представиться —) представляться,
(померещиться —) мерещиться,	(почудиться —) чудиться.
(послышаться —) слышаться,	

⁹ О том, что глаголы восприятия могут обозначать деятельность, см., например, Dowty 1979: 114.

Деятельности. Исходный глагол — НСВ; он обозначает ситуацию, протяженную во времени. У глагола деятельности может быть семантически производный СВ со значением однократности или с начинательным, ср. *глядеть* — *взглянуть*, *посмотреть* — *смотреть*. Но не может быть парного СВ со значением завершения, иначе исходный глагол обозначал бы не деятельность, а действие. Так, *подсматривать* — деятельность, поскольку *подсмотреть* — это действие с акцентом на результате: *подсмотреть* предполагает результат, но такой, который не соответствует никакой специфицированной цели — подсматривающий не знает заранее, что он увидит. Аналогично для *нащупывать*, *подглядывать*, *подслушивать*, *подстерегать*, *подкарауливать*. Глагол *вглядываться* однозначно нерезультативный; то же верно для *вслушаться*, *прислушаться*, *всмотреться*: *прислушаться* не обозначает результата той деятельности, которая называется глаголом *прислушиваться*; *выслушивать* не есть действие, направленное на цель *выслушать*. Пара *присматривать* — *присмотреть* ⟨за ребенком⟩ того же типа, что *защищать* — *защитить*: *присмотрел* = ‘действовал и перестал в должный момент’; такая парность не мешает глаголу НСВ быть деятельностью. Итак, деятельности:

(вглядеться —) вглядываться,	(подметить —) подмечать,
(вслушаться —) вслушиваться,	(подслушать —) подслушивать,
(всмотреться —) всматриваться,	(подсмотреть —) подсматривать,
(выследить —) выслеживать,	(подстеречь —) подстерегать,
(выслушать —) выслушивать,	покоситься — коситься,
глядеть,	посмотреть — смотреть,
глядеться,	посмотреться — смотреться ⟨в зеркало⟩,
любоваться,	приглядеть за — приглядывать за,
наблюдать,	(прислушаться —) прислушиваться,
надзирать,	присмотреть за — присматривать за,
(нащупать —) нащупывать,	следить,
понюхать — нюхать,	слушать,
обозревать,	созерцать,
озирать(ся),	стеречь,
осматриваться,	сторожить,
(подглядеть —) подглядывать,	таращиться,
(подкараулить —) подкарауливать,	щупать.

Глагол *наблюсти* не пара к *наблюдать*: мало того, что эта форма малоупотребительна; важно то, что наблюденный объект не может быть достижением заранее намеченной цели наблюдения, ср. *наблюдаю звезды* и [?]*наблюл звезду*.

Деятельности противопоставлены з а н я т и я м (Падучева 1996: 149); так, *следить* 1 ⟨за полетом бабочки⟩ — деятельность, а *следить* 2 (за человеком на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени с целью выяснить, что он делает, обычно по чьему-то заказу) — занятие. Глагол *охранять* обозначает занятие; не удивительно, что СВ *охранить* практически не существует. Занятием является глагол *шпионить*.

Действия обычные. Глаголы действия, по определению, образуют предельные пары — СВ и НСВ обозначают действие:

высмотреть — высматривать,	приглядеться — приглядываться,
досмотреть — досматривать,	присмотреться — присматриваться,
обнюхать — обнюхивать,	проследить — прослеживать,

оглядеть(ся) — оглядывать(ся),
 ослепить (в значении 'лишить зрения') — ослеплять,
 осмотреть(ся) — осматривать(ся),
 ощупать — ощупывать,
 подкараулить — подкарауливать,
 показать — показывать,

просмотреть — просматривать (бегло),
 прочитав — читать,
 разглядеть — разглядывать,
 разобрать — разбирать,
 распознать — распознавать,
 рассмотреть — рассматривать.

У глагола *прослушать* парный НСВ *прослушивать* имеет значение действия лишь в определенном контексте (*Врач прослушал / прослушивает легкие*; ср. *Он прослушал / *прослушивает курс анализа*).

Действия с акцентом на результате. Глагол сов. вида; парный НСВ, если он есть, имеет либо только тривиальные значения, либо, помимо тривиального, значение перфектного состояния (например, глагол *различать* не имеет значения деятельности с результатом 'различить', так что *различить* — действие с акцентом на результате):

взглянуть,
 встретить (*встречать* — НСВ трив.),
 выделить (*выделять* — НСВ перф. состояния),
 заглянуть (*заглядывать* — НСВ перф. состояния),
 заметить (*замечать* — НСВ трив.),
 заслониться (*заслоняться* — НСВ перф. состояния),
 заставить (*заставать* — НСВ трив.),
 застичь (*застигать* — НСВ трив.),
 нащупать (НСВ *нащупывать* — тенденция),
 обнаружить (*обнаруживать* — НСВ трив.),
 оглянуться (*оглядываться* — НСВ трив.),
 опомниться,
 отметить (НСВ *отмечать* не трив. только у ментального значения),
 очнуться,
 подглядеть,
 подметить (НСВ *подмечать* не деятельность),
 подслушать,
 подсмотреть,
 проявить (*проявлять* — НСВ перф. состояния),
 различить (*различать* — НСВ перф. состояния),
 попробовать,
 расслышать,
 увидеть,
 увидаться,
 узнать (в ком кого) (*узнавать* — НСВ трив.),
 уловить (*улавливать* — НСВ перф. состояния),
 усмотреть (НСВ *усматривать* не трив. только у ментального значения),
 уставить.

П р о и с ш е с т в и я. Глагол СВ. Парный НСВ не имеет актуального значения:

заслонить (*заслонять* — НСВ перф. состояния),
 обнажиться (НСВ *обнажаться* — тенденция),
 обнаружиться (НСВ *обнаруживаться* — тенденция),
 обозначиться (*все резче обозначаются морщины* — тенденция),

ослепить [о свете] = ‘на время каузировать не мочь видеть’ (*ослеплять* — НСВ тенденция),
 ослепнуть (НСВ *слепнуть* — тенденция),
 открыться (*открываться* — НСВ перф. состояния: *Отсюда открывается вид на озеро*),
 пропасть (*пропадать* — НСВ перф. состояния),
 проявиться (*проявляться* — НСВ перф. состояния),
 утаиться (*утаиваться* — НСВ трив.),
 явиться [как в *Ты в сновиденьях мне являлся*] (*являться* — НСВ трив.).

Происшествия с действующим субъектом. Глагол СВ. Парный НСВ не может иметь акт. значения:

заслонить (*заслонять* — НСВ перф. состояния),
 нарваться (НСВ *нарываться* — интерпретация: *Ты, Зин, на грубость нарываешься*),
 наткнуться (*натываться* — НСВ трив.),
 обнаружить (*обнаруживать* — НСВ перф. состояния),
 попасться (*попадаться* — НСВ трив.),
 столкнуться (*сталкиваться* — НСВ перф. состояния).

К категории происшествий с действующим субъектом принадлежит большая группа глаголов, выражающих ошибку при восприятии:

недоглядеть, недосмотреть, обознаться, принять за, проворонить, проглядеть, прозевать, проморгать, пропустить, прослушать, просмотреть, спутать.

Несов. вид от этих глаголов либо невозможен (*проглядывать* — другое значение; *прозевывать* окказионально), либо имеет только тривиальное значение (*часто пропускаю ошибки*).

Свойства. Глагол НСВ:

видеть, слышать, выглядеть, впечатлять, звучать, пахнуть, просвечивать (как в *Занавески просвечивают*), смотреться.

В контексте родового Наблюдателя свойство могут обозначать и другие глаголы, ср. пример (4) из раздела 3.2: *Сектор обстрела просматривается плохо*.

Категория глагола восприятия предопределяет его аспектуальное поведение (наличие видовой пары и ее аспектуальный класс) и целый ряд других сочетаемостных свойств.

§ 3. Диатезы

В семантическую формулу глагола восприятия входит перцептивный компонент, так что у всех глаголов восприятия есть участник Эксперимент. Систему диатез в классе глаголов восприятия можно поэтому представить как исчисление возможных позиций Эксперимента.

У глагола восприятия полная диатеза, с Экспериментом в позиции субъекта или в какой-то другой ненулевой синтаксической позиции, противопоставлена диатезе с Экспериментом за кадром, т. е. с Наблюдателем. Диатеза с Наблюдателем может выражаться возвратной формой глагола, см. (1б) в сравнении с (1а); может не иметь специального показателя, ср. (2б) и (2а); а может быть для данного глагола единственно возможной, см. *выглядеть* в (3б) (*глядеть*

и *выглядеть* в русском языке разные слова; ср., однако, англ. *look*, которое может быть переводом для обоих):

- (1) а. Марта *смотрела* на собор; б. Собор хорошо *смотрелся*.
- (2) а. Мальчик *выглядывает* из окна [Эксперимент в номинативе];
б. Кружева *выглядывают* из-под юбки [диатеза с Наблюдателем].
- (3) а. Марта *глядит* на дорогу; б. Марта отлично *выглядит*.

3.1. Диатезы с Экспериментом

Участник Эксперимент может занимать, в разных классах и диатезах глаголов восприятия, следующие синтаксические позиции¹⁰.

1. У базовых глаголов восприятия — *видеть* (и *смотреть*), *слышать* (и *слушать*), *ощущать*, *обонять*, *воспринимать* — Эксперимент выражается, в исходной диатезе, формой номинатива.

У глаголов *застичь*, *застать* с двумя темами, восприятие и перемещение, Эксперимент тоже выражен номинативом.

2. У возвратных глаголов воображаемого восприятия Эксперимент выражается дат. падежом:

- (4) *мне* послышалось — слышится,
мне представилось — представляется,
тебе привиделось — видится,
тебе померещилось — мерещится,
ему показалось — кажется,
ему приснилось — снится,
им почудилось — чудится.

У невозвратных *вообразить*, *предвкушать* такая диатеза отсутствует, у них Эксперимент выражается только номинативом:

- (5) Я *вообразил* — *Мне *вообразилось*.

У глагола *представлять* две диатезы — исходная с номинативным Экспериментом и возвратная с дативным. Дат. падеж выражает неподвластность ситуации восприятия ее субъекту (см. о русском дативном субъекте в Wierzbicka 1992a: 406):

- (6) я *представляю* — мне *представляется*.

У глаголов *видеть*, *слышать* две диатезы; диатеза с номинативным Экспериментом выражает обыкновенное восприятие, а с дативным — воображаемое:

- (7) я *слышу* — мне *слышится* (что-то родное);
я *вижу* — мне *видится*.

У глаголов *слышаться* — *послышаться* Эксперимент в дат. падеже выражает неточное восприятие, а абсолютное употребление, как в (8б), дает генерализованную интерпретацию, при которой неточность снимается, так что в примере (8) предложение (б) означает, что есть внешний Стимул звукового Образа, а в (а) он либо есть, либо нет:

- (8) а. Мне *послышалось*, что кто-то плачет; б. *Послышался* плач.

¹⁰ Таксономические классы участников не играют для глаголов восприятия большой роли: Эксперимент — ЛИЦО или ЖИВОЕ, а Перцептом может быть что угодно. О предметных и пропозициональных аргументах глаголов восприятия см. Dik, Hengeveld 1991.

Под ударением глагол обозначает ошибочное восприятие: *Мне так послышалось* \ — так же, как *Тебе показалось* \, см. Зализняк 1988.

Дат. падеж может оформлять Эксперимента и у некоторых глаголов реального восприятия, но с более сложной семантикой:

(9) Мне *попался* хороший пример; Мне *бросилась* в глаза его бледность.

3. У глаголов каузации восприятия субъект обозначает Каузатора изменения перцептивного состояния (*Он заслонил мне экран* \supset ‘я перестал видеть’), а Эксперимент выражен дат. падежом; таковы, например:

(10) выразить, заслонить, показать, выказать (*выказал мне свое расположение*), обрисовать, открыть.

У *высветить, выявить, затмить, обнажить, оттенить* Эксперимент чаще всего родовый.

4. У глаголов *спрятать, скрыть(ся), заслониться* субъект “нежелательного” восприятия не совпадает с субъектом перемещения и выражается именной группой с предлогом *от*:

(11) Он заслонился *от меня* газетой.

5. У глаголов, допускающих пассивную диатезу, Эксперимент может выражаться агентивным дополнением:

(12) Этот астероид наблюдается *нами* с 1987 года;
Физиологами была замечена (обнаружена, выявлена) следующая закономерность.

3.2. Диатезы с Наблюдателем

Как уже говорилось, глаголы восприятия допускают такие употребления, при которых Эксперимент, в результате диатетического сдвига или какого-то иного семантического процесса, попадает в позицию За кадром и в некоторых случаях становится Наблюдателем. Глагол имеет диатезу с Наблюдателем, если его участник Эксперимент в одном из употреблений глагола не занимает никакой синтаксической позиции при этом глаголе. Такая диатеза возникает как следствие того или иного регулярного преобразования, которое “уводит” Эксперимента за кадр.

а) Декаузативная диатеза

У глаголов *потерять, найти*, у которых Эксперимент — субъект, производные декаузативы *потеряться, найтись* получают диатезу с Экспериментом за кадром:

(1) Я *потерял* щенка — *Потерялся* щенок;
Я *нашел* свои ключи — *Ключи нашлись*.

Субъект глагола *найти* выражает Эксперимента: это тот Y, который сначала не имел X-а в зоне своего внимания, а потом начал иметь. Декаузатив *найтись* обозначает то же отношение между Y-ом и X-ом; однако когда в результате декаузативации прежний объект X занял позицию субъекта, субъект-Эксперимент Y перешел в Наблюдатели: *нашелся* \supset ‘оказался в поле зрения Наблюдателя’. Аналогично для глаголов:

выделиться, выискаться, высветиться, выявиться, задеваться, запечатлеться, заслониться, затеряться, изобразиться (*На его лице изобразилось волнение*), обнажиться, обнаружиться, отобразиться, проясниться (*От его рассказа ситуация не прояснилась*), разыскаться, скрыться, утаиться.

У глагола *обнаружить* субъект является одновременно и Экспериентом и Каузатором. В декаузативной конструкции роль Экспериента выполняется Наблюдателем За кадром, а фоновый — необязательный — Каузатор может быть выражен предложной группой; так, в (2б) *при поиске ключа* — фоновый Каузатор:

- (2) а. Иван обнаружил у себя в кармане дыру;
б. При поиске ключа у Ивана в кармане обнаружилась дыра.

б) Пассивно-потенциальная диатеза с родовым Наблюдателем

Пассивно-потенциальную диатезу (см. Падучева 2001а; в Spencer 1998 такие употребления возвратного глагола называются медиальными) имеют, например, глаголы *просматриваться, проглядываться, различаться, улавливаться, усматриваться*:

- (3) X просматривается =
'X таков, что родовой Наблюдатель может просмотреть X'.
(4) Сектор обстрела просматривается плохо (МАС); Здесь проглядывается стремление ускорить события; Это свечение улавливается фотоприемником (Из Интернета); Буквы Н и П различаются плохо.

Пассивно-потенциальное употребление лучше всего представлено у глаголов несов. вида. Парный СВ с этой диатезой часто отсутствует или воспринимается как форсированный. Так, *различилось* допустимо, но уже от глагола *уловить* эта форма звучит странно, а от многих других просто невозможна. Дело в том, что пассивно-потенциальная диатеза свойственна глаголам с более явно выраженным конативным компонентом (т. е. значением попытки, см. о конативах гл. I.1).

Глагол *смотреться* в (5), казалось бы, тоже можно трактовать как пассивно-потенциальную диатезу с родовым Наблюдателем:

- (5) Картины старых мастеров лучше *смотрятся* на расстоянии.

Однако по смыслу *смотреться* — это пассивно-потенциальная диатеза от *видеть*, а не от *смотреть*:

- (6) Собор ниоткуда не *смотрится* во весь рост (МАС) = 'X таков, что родовой Наблюдатель ниоткуда не может видеть X во весь рост'.

То, что *смотреться* связано с *видеть* (а не со *смотреть*), доказываемая, в частности, тем, что *смотреться*, как и *видеть*, допускает одновременное присутствие в концепте ситуации участников Место и Перцепт — у *смотреть* они исключают один другого:

- (7) а. Как хорошо *смотрится* эта роза в ее черных волосах!
б. Я *вижу* в море корабль;
в. Я *смотрю* вдаль / *смотрю* на корабль.

Общее свойство глаголов пассивно-потенциальной диатезы — то, что отсутствие предикатива и отрицания означает, по умолчанию, положительную оценку; так, *смотрится* = 'хорошо смотрится' (как *работается* = 'хорошо работает'):

(8) Куда поставить вазу, чтобы она *смотрелась*? = ‘выглядела хорошо’.

в) Диатеза с дейктическим Наблюдателем

В отличие от примеров (1)—(8), в (9) Наблюдатель скорее дейктический, чем родовой; субъект восприятия — это те, кто находятся рядом с говорящим, не исключая его самого:

- (9) а. Я *чувствую* похолодание; б. *Чувствуется* похолодание;
 (9') а. Я *почувствовал* похолодание; б. *Почувствовалось* похолодание.

Статус Наблюдателя однозначно предсказывается тем, что таксономическая категория этих глаголов — временное состояние (о том, что временные состояния не могут иметь родового субъекта, см. Булыгина 1982). Ср. родового Наблюдателя у *выглядеть*, *бросаться в глаза*.

Декаузатив от СВ *ощутить* неупотребителен — без очевидных семантических противопоказаний:

- (10) а. Я *ощущаю* запах гари; б. *Ощущается* запах гари.
 (10') а. Я *ощутил* запах гари; б. **Ощутился* запах гари.

У глаголов *слышаться — послышаться* диатезы с дативным Экспериментом и с Наблюдателем противопоставлены — дат. падеж выражает воображаемое или неуверенное восприятие:

- (11) слышится шум \neq мне слышится шум;
 послышался шум \neq мне послышался шум.

г) Диатеза с внешним Посессором

В Апресян 1974: 155 было описано явление расщепления валентностей, иллюстрируемое примерами типа (12), (13). В результате такого преобразования Посессор попадает в позицию субъекта, а Обладанное — обычно на периферию, но иногда и в позицию объекта. Расщепление может сопровождаться снятием рефлексивного показателя, см. (12), но возможно и у невозвратных глаголов, (13):

- (12) У нее голова [= ее голова] трясется — Она трясет головой.
 (13) Решимость Джона нас удивила — Джон удивил нас своей решимостью.

Позднее расщепления такого рода были названы подъемом Посессора (см. Payne, Varshi 1999, Кибрик 2000). Подъем Посессора — это своего рода диатетический сдвиг. В результате такого сдвига возникает еще один тип употреблений с Наблюдателем за кадром — у глаголов, которые по форме не являются возвратными, но семантически производны от возвратных. В примерах (14), (15) и в (а), и в (б) имеется Наблюдатель за кадром; но в (а) возвратный глагол, как в (12), а в (б) — прямой:

- (14) а. О б н а р у ж и л а с ь солидная эрудиция Берлиоза [декаузативная диатеза];
 б. Берлиоз о б н а р у ж и л солидную эрудицию [диатеза с Подъемом Посессора].
 (15) а. Храбрость Ивана п р о я в и л а с ь в первом же бою;
 б. В первом же бою Иван п р о я в и л храбрость.

3.3. Глаголы с “врожденным” Наблюдателем

Возьмем глагол *появиться*; у него имеется участник, роль которого в ситуации по-прежнему описывается компонентом ‘У видит X’, так что семантически он неотличим от Эксперимента; однако у него нет такого употребления, где бы этот Эксперимент был его синтаксическим подчиненным: Наблюдатель тут “врожденный”.

Есть несколько классов глаголов с врожденным Наблюдателем, которые относятся к тематическому классу восприятий в широком смысле.

а) Глаголы со значением прибытия и удаления из поля зрения: *появиться*, *исчезнуть*, *пропасть*.

Различие между врожденным и проясняемым Наблюдателем семантически не значимо; так, у *исчезнуть* Наблюдатель врожденный, а *найтись*, почти антоним к *исчезнуть* и, следовательно, близок к нему по значению, — это декаузатив от *найти*, и у него проясняемый Наблюдатель, см. пример (1) из раздела 3.2.

б) Глаголы перемещения сквозь преграду (в производных значениях) — такие как:

высунуться — высовываться, проступить — проступать, выступить — выступать, выглянуть — выглядывать, проглядывать (сквозь).

Проследим, на примере глагола *высунуться*, семантические процессы, ведущие к появлению в семантике лексемы фигуры Наблюдателя и соответствующего дейктического компонента. Наблюдателя естественно считать присутствующим в ситуации, если его местоположение фиксировано. В семантическую парадигму глагола *высунуться* входит употребление с дейктическим Наблюдателем, порожаемое участником Преграда.

Ситуация преодоления преграды (имеется в виду преграда для перемещения; обычно она же служит преградой для взора) предрасполагает к Наблюдателю. При агентивном употреблении глагола *высунуться* Наблюдатель может совпадать с Агенсом (*хочу высунуться и посмотреть*). А если и не совпадает, то может занимать произвольную позицию по отношению к Преграде, которая отделяет замкнутое пространство от открытого¹¹:

(16) *Высунься* и посмотри, что там за шум [Наблюдатель внутри];

Посмотри, Петя *высунулся* из окна и глядит по сторонам [Наблюдатель снаружи].

Если же *высунуться* употребляется как глагол происшествия, Наблюдатель менее подвижен. Так, в (17а) преграда, преодоленная субъектом (*шпагой*), может не составлять препятствия для взора; тогда для Наблюдателя это единое пространство; его позиция не фиксирована, т. е. он как бы отсутствует. Однако в (17б) Наблюдатель обязательно присутствует — он находится не в старом, замкнутом пространстве, а в новом, открытом:

(17) а. Конец шпаги *высунулся* из телеги и бил по забору;

б. Коряга *высунулась* из воды.

То же в несов. виде, который ставит в фокус внимания перфектное состояние:

(18) а. Конец шпаги *высовывался* из телеги и бил по забору;

¹¹ Термины замкнутое и открытое пространство — по Апресян 1995: 494; ср. также Ферм 1990: 38.

б. Коряга *высовывалась* из воды.

в) Глаголы с Наблюдателем, мимо которого проходит траектория движущегося предмета, такие как: *проскользнуть, скользить, промелькнуть, мелькать*.

г) Глаголы пространственного расположения (ориентированного на Наблюдателя), например *развернуться, раскинуться, расстлаться*.

д) Глаголы испускания запаха, звука, света (см. о них в Levin, Rappaport Novak 1995), например: *пахнуть, вонять; звучать; светиться, блестеть, мерцать*.

Глагол *пахнуть* определяется в словарях как ‘издавать какой-либо запах’; а *запах* определяется в НОСС 1997: 120 как ‘то, что вещества и предметы распространяют в воздухе, а люди и другие живые существа воспринимают при помощи носа или аналогичных ему органов’. Так что *пахнуть* предполагает Наблюдателя:

(19) По-моему, здесь *пахнет* газом.

Врожденный Наблюдатель имеется у глаголов, выражающих наблюдаемый признак предмета: цвет (*белеть, чернеть*, см. Апресян 1986а), форму (*маячить, торчать*), звучание (*раздаться — раздаваться*). См. в Булыгина 1982: 29 о глаголах типа *реять*, выражающих непосредственную наблюдаемость ситуации.

§ 4. Тематические подклассы глаголов восприятия

Наряду с Т-категорией, диатезой и строевыми компонентами есть и другие параметры и семантические компоненты, которые повторяются в значении разных лексем семантического поля восприятия, тем самым структурируя его и объединяя слова в более или менее крупные группировки.

Тип восприятия. Восприятие может быть: зрительное (основная часть глаголов), слуховое (*слышать, слушать, (по)слышаться, выслушать, внимать, звучать*), обонятельное (*нюхать, пахнуть*), осязательное — тактильное (*осязать, оцупать, оцущать, чують*), вкусовое (*пробовать*).

Есть глаголы, у которых тип восприятия не фиксирован. Так, одно из отличий *заметить* от *увидеть* — то, что *увидеть* предполагает обязательно зрительный тип восприятия, а *заметить* выражает зрительное восприятие по умолчанию, см. § 5.1. Для *наблюдать* не обязателен зрительный тип восприятия, восприятие может быть любое. Неустойчивый зрительный тип восприятия у глаголов *отличить, различить, отождествить, распознать, обозначаться, дифференцировать*. Так,

узнать X-а (по виду/голосу) = ‘идентифицировать X-а, восприняв X зрением/слухом’.

Тип восприятия несуществен у многих глаголов ошибочного (*прозевать, пропустить, спутать*) или неотчетливого восприятия — например, *у показаться в мне показалось*.

С п о с о б. Глагол *смотреть* не фиксирует способа действия; между тем есть глаголы восприятия, для которых способ фиксирован:

рассматривать X = ‘внимательно смотреть на каждую деталь X-а в отдельности’;

различить X = ‘увидеть X, отделив его от фона’;
улюлюнить за X-ом = ‘наблюдать за X-ом так, чтобы X не знал, что его видят / слышат’.

В Faber, Pérez 1997 вводится различительный признак “затрудненное восприятие” — это восприятие, требующее приложения усилий, как у глаголов *исследовать, взглядываться, разглядывать, рассматривать, присматриваться, приглядываться, вслушиваться, прислушиваться, разбирать* (как в *не разобрал одно слово*), *различить* {*очертания*}, *искать* {*глазами*}.

Способ восприятия фиксируется закадровым Наблюдателем, который отмечает внешний вид или состояние Эксперимента. Так, в семантике глаголов *установиться, коситься, таращиться, воззриться, озираться, впериться, пляться, глазеть* очевидно присутствие Наблюдателя, который смотрит на Эксперимента со стороны: в ситуации участвуют, таким образом, два субъекта восприятия. Все эти глаголы в норме не употребляются в 1-м лице: фраза *Я на нее установился* вызывает ощущение взгляда на себя со стороны (см. о высказываниях от 1-го лица в Падучева, Зализняк 1982).

В о о б р а ж а е м о е в о с п р и я т и е. Образ в сознании возникает при отсутствии участника Стимул:

вообразить — воображать, померещиться — мерещиться, почудиться — чудиться, представить — представлять, представиться — представляться, привидеться — видеться, присниться — сниться.

Сюда же относится глагол *предвкушать* = ‘представлять в воображении будущую ситуацию, получая от этого удовольствие’. В семантику *мерещиться, чудиться, представляться* входит компонент ‘Образ не соответствует никакой ситуации / предмету действительности’.

В НОСС 2000: 185 сравниваются глаголы *заглядеться* и *любоваться* и для *заглядеться* отмечается свойство антирефлексивности, отсутствующее у *любоваться*, ср. *любоваться собой* и *заглядеться на себя*. У *любоваться*, в самом деле, нет затруднений с рефлексивным употреблением, поскольку для любования достаточно воображаемого восприятия объекта. Но и *заглядеться на себя* можно — в *зеркало*.

Нечеткое восприятие — например, у (*но*)*казаться, виднеться*.

Ошибочное восприятие — у глаголов *проглядеть, прослушать, прозевать, проморгать, пропустить* (в одном из значений) = ‘не увидеть по невнимательности’, *недоглядеть*; у *обознаться, спутать, путать* тип восприятия не фиксирован. У *проглядеть, прослушать* при этом значении нет парного НСВ, даже с трив. значением.

Оценка входит, например, в семантику глаголов *созерцать, любоваться*.

Акцент на ментальном компоненте — например, у глаголов *заметить, отметить* {*отличие*}, *узнать* {*по голосу*}, *зарегистрировать* (как в *зарегистрировал подземные толчки*), *идентифицировать, распознать, наблюсти*. Так, во фразе *Я ее не узнал* = ‘видел, но не узнал’ ассертивный компонент — «идентификация»; перцептивный компонент не в фокусе и не подвергается отрицанию.

Межличностный контакт. Восприятие может переходить в межличностный контакт — таковы почти все употребления глаголов восприятия

в контекстах, где дополнение — лицо: *увидеться, встретить, встретиться, заглянуть* (к *приятелю*). Глагол *подслушивать* не из этого класса, поскольку межличностный контакт предполагает взаимодействие участников.

Цель специфицирована, например, у *подкарауливать, подглядывать, шпионить*: цель — ‘причинить вред Перцепту’. У *следить* (в одном из значений) цель — ‘выявить плохое в X-е / нанести вред X-у’, когда *за ним следят* = ‘за ним установлена слежка’. У глаголов СВ *подглядеть, подсмотреть, подслушать* компонент «причинение вреда» менее устойчив; у *охранять, стеречь, сторожить* цель — ‘защитить, т. е. принести пользу Перцепту / его обладателю’.

П о л н ы й о х в а т, как у глаголов *выслушать, прослушать, просмотреть* (обычно бегло), *обозре(ва)ть, оглядеть, обнюхать*. У глаголов *осмотреть, просмотреть*, с НСВ *смотреть*, управляющих вин. падежом, в отличие от обычного управления *смотреть на*, фиксирован Т-класс объекта — это могут быть зрелища, предметы искусства, помещения. То же ограничение на Т-класс у *видеть* в значении ‘просмотреть / осмотреть’ в НСВ общефактическом. Семантика полного охвата выражается у некоторых глаголов с приставкой *за-* диатезой (гл. I.3 § 5).

Кроме того, любая необязательная роль может объединять глаголы восприятия в тематический подкласс — поскольку роль соответствует компоненту толкования.

Так, роль П р е г р а д а выявляет общность семантики глаголов *выглядывать, проглядывать, заглядывать* (ср. *ветки заглядывают ко мне в окно, проступать*).

Участник Ф о н позволяет выявить семантическую общность глаголов *оттенять, выделять(ся), вырисовываться, выступать* (например, *из темноты*), *обозначиться* (например, о контурах), *разбирать, различать, сливаться*. Ср. две диатезы у *различать*: а) *различаю X и Y*; б) *различаю X (на фоне Y-а)*.

Подклассы могут создаваться также за счет повторяющихся — системообразующих — компонентов. К таковым относится компонент ‘X не хочет, чтобы Y увидел X-а / некое свойство X-а (в месте W)’ = ‘X скрывает свое существование / свойства’:

Яснее *обнаружили* себя и люди, для которых революционность “большевиков” была органически враждебна (МАС).

Тот же компонент входит в смысл каузативов: *спрятать, скрыть*, а также *застичь* (в отличие от *застать*), *застукать, накрыть* и под. Компонент ‘Y не хочет, чтобы X знал, что Y видит X-а / наблюдает за X-ом’ входит в семантику глаголов *подглядывать, шпионить, следить*.

Строевые компоненты также могут быть системообразующими и делить глаголы восприятия на подклассы, например:

— каузативы: *выявить* (= ‘каузировать быть видным’), *обнажить, выразить, изобразить, обозначить* (границу);

— инхоативы: *прислушаться* = ‘стараться начать слышать’;

— глаголы с внутренним отрицанием: *пропустить* = ‘не заметить’, *скрыть* = ‘сделать так, чтобы не видели / не знали’.

При таком разнообразии различительных параметров едва ли можно построить и е р а р х и ю тематических подклассов глаголов восприятия (ср.,

впрочем, Faber, Pérez 1997). В семантике глагола разные значения различительных параметров и компоненты достаточно свободно комбинируются друг с другом. Например, у *впериться* фиксирован способ и Наблюдатель; у *подглядывать* (а также *подсматривать*, *подстерегать*, *подкарауливать*) фиксирован тип восприятия — зрительное; цель — ‘причинить вред Перцепту’; способ — ‘так, чтобы Перцепт не знал, что его видят’; фиксирована оценка — состояние наблюдения нежелательно для Перцепта; у *нарваться* фиксирован тип восприятия — зрительное; связь с местонахождением, возникшим в результате перемещения; оценка и т. д.

* * *

Итак, мы видим, что основные параметры глагольной лексики — тематический класс, категория и диатеза — помещают глагол восприятия в развернутую сеть противопоставлений, показательных для его семантики. Основные Т-категории перцептивов — это состояние и происшествие, что объясняет свойственную им видовую непарность. Диатетическая парадигма глаголов восприятия обнаруживает уникальную особенность — диатезу с Наблюдателем за кадром.

Размытость границ класса восприятий предсказывается из общекогнитивных соображений — она прямо следует из того, что восприятие лежит в основе любой физической и ментальной деятельности человека. Компонент «восприятие» обладает свойством примысливаться: многие ситуации концептуализуются в языке не как ‘имеет место Р’, а как ‘я вижу / слышу, что имеет место Р’.

§ 5. Некоторые глаголы восприятия крупным планом

5.1. *увидеть* и *заметить*

Глаголы *увидеть* и *заметить* (с видовыми партнерами *видеть* и *замечать*), при очевидной близости значений, обнаруживают существенные различия в языковом поведении — в сочетаемости, в деривационном потенциале и в аспектуальном поведении. В разделах 1–3 мы охарактеризуем эти различия, а в разделах 4–6 дадим им семантическое объяснение.

1. “Агентивная” сочетаемость. Глаголы *увидеть* и *заметить* оба имеют исходную диатезу — с Экспериментом в позиции субъекта; так что диатеза, фактор в принципе важный для структуры семантического поля восприятия, в данном случае остается в стороне.

Различия в сочетаемости между *увидеть* и *заметить* иногда (см., например, Faber, Pérez 1997) интерпретируют как проявление большей агентивности *увидеть* по сравнению с *заметить*. Так, недопустимое (1б) объясняют тем, что *увидеть* можно как нечаянно, так и специально посмотрев, а *заметить* и так уже произвольно:

(1) а. нечаянно увидел; б. *нечаянно заметил;

в. Выходя из дома, я заметил, что калитка открыта; Я заметил в толпе Петьку.

Невозможность участия в ситуации инструмента, см. пример (2), тоже может быть следствием неагентивности глагола *заметить*:

(2) *увидел* (**заметил*) в бинокль, что она улыбается;

увидел (**заметил*) только в очках.

Показателен контекст отрицания:

- (3) а. Я *не увидел* в саду скамейки \supset ‘я имел намерение ее увидеть’;
 б. Я *не заметил* в саду скамейки [не следует ‘я имел намерение ее заметить’].

Приложение усилий допустимо для *увидеть*, но не для *заметить*, что тоже, казалось бы, дает основание отличить *увидеть* от *заметить* по намеренности:

- (4) а. Постарайся / попробуй *увидеть* вон ту звездочку над самой горой;
 б. *Постарайся / *попробуй *заметить* вон ту звездочку над самой горой.
 (5) Я с трудом *увидел* (**заметил*) в толпе Петьку.

Создается впечатление, что *увидеть* если и не предполагает усилий, специально направленных на видение, то во всяком случае не исключает их (например, сочетается с *наконец*, *не сразу*, *напрягшись*); тогда как *заметить* скорее описывает ситуацию, которая наступает спонтанно. Так, в некоторых контекстах Я *заметил* X — почти точный конверсив для X *привлек мое внимание* (см. НОСС 1997: 31), а у конверсива категория, в принципе, должна быть та же, что у исходного слова, и поскольку *привлечь внимание* неагентивно, то и *заметить* должно быть неагентивно; заметивший не прилагал специальных усилий: X был выделен, его трудно было НЕ заметить.

Однако это не совсем так. С одной стороны, глаголу *увидеть* нельзя приписать тех двух значений, которые есть, скажем, у *найти*, 1) ‘найти, наткнувшись’, происшествие, и 2) ‘найти, ища’, действие с акцентом на результате — achievement по Вендлеру (как в *Найди меня!*): *увидеть* никогда не обозначает действие. С другой стороны, *заметить* употребляется не только тогда, когда восприятие произвольно, поскольку предмет бросается в глаза, но и тогда, когда, в точности наоборот, предмет незаметен, и, чтобы его заметить, надо приложить специальные усилия:

- (6) а. Как ты ухитрился ее *заметить*? Как тебе удалось ее *заметить*?
 б. Ты хорошо спряталась. Но я все-таки тебя *заметил*;
 в. Постарайся *заметить* как можно больше ее промахов;
 г. Видимо, он все-таки успел *заметить*, куда я положила ключ.

Скорее тут можно говорить о мимолетности восприятия, чем о ненамеренности.

Для *не замечать* в словарях фиксируется значение сознательного поведения: ‘не обращать внимания’, ‘игнорировать’ — особенно в контексте объекта-лица.

Больше того, пассив, который в русском языке служит показателем агентивности, возможен именно для *заметить* (и невозможен для *увидеть*):

- (7) Четвертый год существует театр, а вы уже *замечены* Москвой и границей (Станиславский, БАС).

В пользу агентивности *заметить* свидетельствует также наличие формы императива — правда, она возможна у *заметить* не в значении зрительного восприятия; но у *увидеть* императива нет ни при каком значении:

- (8) *Заметь*, что Бель приводит эту черту (...) как дело весьма обычное (П.).

Выходит, что, напротив, глаголу *заметить*, в отличие от *увидеть*, может быть приписана не только таксономическая категория происшествие, когда

- (9) Y *заметил* X = ‘X привлек внимание Y-а’ [ситуация наступила произвольно],

но и категория действие с акцентом на результате, когда

(10) *У заметил X* = ‘У обратил (свое) внимание на X’.

К равенству (10) мы еще вернемся. Ясно, однако, что сочетаемостные различия между *увидеть* и *заметить*, представленные примерами (1)–(5), нельзя объяснить агентивностью глагола *увидеть*, в противоположность *заметить*, и для этих различий следует искать другие объяснения.

2. Деривационный потенциал. Глаголы *увидеть* и *заметить* различаются своими семантическими дериватами.

Глагол *видеть* (как и *слышать*) может употребляться в (производном) значении внутреннего зрения, т. е. воображаемого восприятия:

(11) *Вижу* ее как сейчас = ‘представляю мысленно’.

Глагол *заметить* не имеет такого употребления; т. е. он не может значить ‘вообразить’, ‘видеть во сне’, ‘мерещиться’; у него нет производных типа *привидеться* и т. д. (см. о *deceitful perception* в Wierzbicka 1980a: 107).

С другой стороны, у *заметить* есть значение речи, отсутствующее у *видеть*; NB на это в (12a) и дат. Адресата, характерный для глаголов речи, в (12в):

- (12) а. Гопнер на это *заметил*, что без шпунта не обойтись (Платонов. Чевенгур);
 б. *Замечу*, кстати, что это не первый случай;
 в. Надо тебе *заметить*, что в доме у нее порядок.

Различия в деривационном потенциале мы тоже будем пытаться вывести из различий в исходном значении.

3. Аспектуальное поведение. Глаголы *увидеть* и *заметить* существенно различны в аспектуальном отношении. Оба глагола моментальные. Оба входят, согласно критерию Маслова, в видовую пару (*увидеть* — *видеть*; *заметить* — *замечать*). Но *видеть* имеет, помимо тривиального многократного значения, значение временного состояния, так что *увидеть* входит в перфектную пару с *видеть* (такого же типа пару образуют *понять* — *понимать*, описанные в Булыгина, Шмелев 1989: *увидел* ⊃ ‘вижу’, так же как *понял* ⊃ ‘понимаю’; ср. также *огорчило* ⊃ ‘огорчает’, *пообещал* ⊃ ‘обещает’); а в паре *заметить* — *замечать* несов. вид не имеет значения перфектного состояния.

Другое аспектуальное различие. У *видеть* есть производное значение, относящееся к категории свойство (эта категория является исходной, например, для глаголов *хромать*, *витья* ⟨о волосах⟩, *противостоять* и под., см. Падучева 1996: 129); *X видит* = ‘X способен видеть’. А у *замечать* такой производной категории нет.

Должны ли эти аспектуальные различия приписываться каждому из двух глаголов индивидуально или же они вытекают из их принадлежности к каким-то семантическим классам?

Ниже мы покажем, что многие из упомянутых различий между *увидеть* и *заметить* предсказываются лексической семантикой этих глаголов и выразимы через параметры и компоненты общего характера.

4. Зрительный образ и концепт. Восприятие можно представить — в свете лингвистических данных — состоящим из двух этапов. Первый этап — физиологический, когда орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия. Если речь идет о зрительном восприятии, то на этом физиологическом

этапе возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий форму, цвет, размер — все характеристики, которые можно наблюдать глазами. На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной “обработке”; производится таксономическая идентификация (*увидел березу*), а быть может, также установление тождества предмета с априорной его дескрипцией, выявление свойств, приписывание оценок (*увидел подходящее дерево*).

Где точно проходит граница между этими этапами, сказать трудно. Согласно Miller, Johnson-Laird 1976: 93, “All perceptions are to some extent conceptually shaped and controlled”. Тем не менее, Анна Вежбицкая (Wierzbicka 1980a: 112) предлагает различать два употребления глагола *видеть*: при одном восприятие практически останавливается на первом из этих этапов; другое, более естественное, включает оба; ср. (13) и (14):

(13) Я *видел* желтое пятнышко.

(14) Я *видел* вашу жену.

Предложение (14) можно вставить в контекст

(14') Я *видел* вашу жену, но не узнал ее [т. е. не понял, что это она].

А (13) в подобном контексте, см. (13'), звучит странно:

(13') *Я *видел* желтое пятнышко, но не понял, что это оно.

Можно думать, что многие сочетаемостные отличия *заметить* от *увидеть* обусловлены тем, что в семантике *заметить* первый этап (и соответствующий ему семантический компонент), создание зрительного образа, не в фокусе, а в центре находится второй, ментальный; тогда как у *увидеть* первый компонент имеет полноценный акцент. В таком случае различие между этими глаголами касается акцентного статуса (гл. I.5), а не агентивности, как предполагалось вначале.

Глаголу *увидеть* можно предложить следующее схематическое толкование. Толкование не претендует на полноту, главное требование — оно должно задавать актантную структуру глагола, набор участников обозначаемой ситуации и их семантические роли. В (15) переменные соответствуют участникам; в угловые скобки заключены переменные по инкорпорированным участникам, которым не соответствует синтаксического актанта в исходном употреблении глагола *увидеть* (они могут появиться в производных употреблениях):

(15) Y *увидел* X =

Эксперимент Y обратил *глаза* в то Место [Z], где находится Перцепт X
(или, наоборот, имел *глаза* направленными в то Место, куда переместился X)

это вызвало:

в сознании Y-а возник Зрительный образ <V> X-а

(Y сопоставил X-у ментальный Образ <K>)

Компонент «создание ментального образа» необязательный, поскольку, как показывает пример (13), никакого существенного осмысления полученных зрительных ощущений может не происходить — тогда процесс закончится на первом этапе. Ментальный образ — это концепт увиденного. Он включает таксономическую / концептуальную идентификацию, характеризацию, осмысление, оценку и проч. В определенном контексте существенной может оказаться, од-

нако, именно концептуальная идентификация. Ср. отрывок из английской баллады “Король и пастух” в переводе Маршака:

Ты думаешь, сударь, что *видишь* аббата,
меж тем пред тобою стоит свинопас,
который аббата от гибели спас.

Объект / комплемент глагола *видеть* соответствует сразу трем участникам: это сам X, его зрительный образ и его концепт. Так что в исходном употреблении участники X, V и M совпадают в одном синтаксическом актанте — дополнении; но в производных употреблениях эти участники могут различаться и на поверхностном уровне: *Они видели в Павлике [Тема] героя [Концепт]*.

Согласно Atkins 1994: 52, у глаголов восприятия различаются участники Стимул — фрагмент действительности, реально воздействующий на органы чувств; и Мишень — осознанная цель перцептивной деятельности, быть может, еще не достигнутая (как у глагола *смотреть* (*не пришел ли кто*)). Для *видеть* этого противопоставления нет: у *видеть*, в отличие от *смотреть*, Перцепт всегда Стимул.

Толкование для *заметить* отличается от толкования *видеть* тем, что компонент «зрительный образ» у него не в фокусе, а компонент «ментальный образ», напротив, обязательный и акцентированный.

Исходя из этого мы теперь можем дать иные объяснения примерам (1)–(5), а также предсказать ряд других сочетаемостных отличий *заметить* от *увидеть*.

В примере (1a) *нечаянно* относится к возникновению зрительного образа и вполне уместно, поскольку здесь возможно противопоставление ‘нечаянно’ / ‘намеренно’; а в (1б), с *заметить*, наречие *нечаянно* не может относиться к зрительному компоненту, поскольку он у *заметить* не в фокусе, и не может относиться к компоненту «приписывание концепта», поскольку это требует тех или иных мыслительных усилий и не может быть нечаянным. Больше того, *заметить* именно требует от субъекта активности на ментальном этапе и этим отличается от *увидеть* и *наблюдать*:

мне пришлось *наблюдать*, довелось *увидеть* — *пришлось / *довелось *заметить*.

Пример (5) можно объяснить так: в семантике *увидеть* акцентирован компонент «зрительный образ»; поэтому *увидеть* может употребляться в значении, близком к ‘найти взглядом’, ‘разглядеть’, ‘отделить от фона’: все это может быть затруднительно. Между тем у *заметить* участник зрительный Образ не в фокусе. И потому усилия, которые направлены на зрительный образ, в контексте *заметить* не могут быть сферой действия наречия *с трудом*; а ни о каких других усилиях в контексте примера (5) речи нет. Иными словами, глагол *заметить* (в отличие от *видеть*) описывает ситуацию, где этап создания зрительного образа не может вызвать затруднения. Трудности могут быть только концептуального плана, поэтому *Я с трудом заметил разницу* возможно.

Пример (16) показывает, что у *заметить*, в отличие от *увидеть*, инкорпорированный участник *глаза* не экскорпорируется. В самом деле, глазами создается именно зрительный образ, а у *заметить* компонент «создание зрительного образа» не в фокусе:

- (16) а. *видел* (**заметил*) собственными глазами;
б. Я своими близорукими глазами и то *увидел* (**заметил*).

По той же причине в контексте *заметить* неуместно упоминание инструментов, усиливающих орган зрения (*глаза*). Это объясняет пример (2).

В (17) *заметил* означает нечто вроде ‘наблюл’, т. е. ‘сделал наблюдение’ — речь идет о заключении, сделанном на основе достаточно длительного смотрения, причем возможности смотрящего усиливаются за счет использования инструмента (к этому немоментальному значению *заметить* мы еще вернемся):

- (17) Я навел на нее лорнет и *заметил*, что она от его [Грушницкого] взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку (Л.).

Ясно, что (17) не типичный контекст для *заметить*: *заметить* обозначает здесь целенаправленное действие и не является конверсивом к *броситься в глаза, привлечь внимание*. Впрочем, прямое подчинение глаголу *заметить* Инструмента (**заметил в лорнет*) невозможно и в контексте (17). В (18) в аналогичном контексте употреблен глагол *усмотреть*:

- (18) Соболев вновь стал приглядываться к Варе и, кажется, на сей раз *усмотрел* [не *заметил!*] в ней нечто интересное (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Обратимся теперь к примеру (6). В принципе, при создании зрительного образа предмета могут возникнуть трудности: предмет может быть сильно удален, плохо освещен, неотделим от фона и т. д. Глагол *увидеть* допускает даже сирконстанты, позволяющие охарактеризовать эти трудности, а *заметить* — нет. Так что на первый взгляд кажется, что в семантику *заметить* входит компонент «объективная заметность», выделенность предмета/ситуации, как в (1в). И в самом деле, объективная выделенность предмета — одна из предпосылок к тому, чтобы его заметили. Согласно (19), усиление — чего бы то ни было — приводит к увеличению заметности как в о з м о ж н о с т и заметить:

- (19) ⟨...⟩ вот Прокофий приведет бедных — и коммунизм у нас усилится, — тогда его сразу *заметишь*... (Платонов. Чевенгур).

Однако заметить с л у ч а й н о можно даже такой предмет, который был незаметен или даже сознательно скрыт:

- (20) Она села в самый дальний угол. Я ее *заметил* совершенно случайно.

А примеры из (6) показывают, что можно заметить и незаметное, применяя специальные усилия, что связано со свойственной глаголу *заметить* кратковременностью, мимолетностью восприятия.

О такой же двойственности по отношению к англ. глаголу *to spot* говорится в Atkins 1994: 44: в одних контекстах дополнение при *spot* обозначает объект, который легко заметить, в других — такой, который трудно. Поэтому выделенность (*salience*, в смысле Lyons 1977: 146) предмета — не обязательный компонент в семантике *заметить*: замечают и то, что легко заметить, и то, что трудно¹².

Конструкция с предлогом *по*, выражающая видимый симптом, который служит основанием для заключения, и свойственная многим ментальным глаголам (*догадался, узнал по*), более естественна для *видеть* в примере (21а), чем для *заметить*; примеры (21б, в) не вполне соответствуют современной норме:

¹² Прилагательное *заметный* употребляется, в значении зрительного восприятия, чаще всего в контекстах *еле заметный, едва заметный*; в контексте *имеется заметный сдвиг* речь идет скорее о небольшом сдвиге.

- (21) а. *по глазам* вижу;
 б. Все заметили *по краске ее лица и по живости речи*, что она была сердита (П.);
 в. Нужно знать, что во все это время мы сказали с Катей не более пяти слов; но я мало-помалу *заметила, по некоторым неуловимым признакам*, что все это происходило в ней не от забвения, не от равнодушия ко мне, а от какого-то намерения (Д.).

И ничего удивительного: видимый симптом — это опять-таки зрительный образ, который у *заметить* не в фокусе.

Примеры (22)—(25) показательны в том отношении, что *заметить* здесь употреблено не просто в контексте, где зрительное восприятие не в фокусе, а в таком, где предполагается другой тип восприятия, что для *увидеть* недопустимо:

- (22) Он *не заметил* холода.
 (23) Давыд тоже *заметил* этот шум (Тург., МАС).
 (24) Давно уже началось шарканье, сморканье, кашель и все то, что бывает, когда на литературном чтении литератор, кто бы он ни был, держит публику более двадцати минут. Но гениальный писатель ничего этого *не замечал* (Д.).
 (25) Литографированный Колчак в клозете на полу. Приказы на полу, газеты на полу... Люди пола *не замечают*, ходят — не чувствуют... (Вс. Иванов. Бронепоезд 14—69).

Полное безразличие к типу восприятия — в контексте отрицания, т.е. у *не заметил*. В (26) восприятие пропадает полностью; глагол обозначает чисто ментальный акт:

- (26) {...} в вас я *заметил* несколько более благоразумия и ясного взгляда на вещи (Д.).

Итак, для *заметить* не существенно, чтобы восприятие было именно зрительное; достаточно, чтобы было некое полученное извне впечатление (или совокупность впечатлений, распределенная по достаточно большому интервалу), которое может быть какой угодно природы. Выходит, не только у *заметить* компонент «создание зрительного образа» не в фокусе, но и, более того, образ не обязательно зрительный. Можно даже думать, что у слова *заметить* самого по себе зрительной специфики нет, она привносится дополнением и тем, что наши впечатления от внешнего мира по большей части зрительные. Надо сказать, что глагол *заметить* в этом отношении не одинок. Такое же безразличие к типу восприятия отмечено в § 5.3 у глагола *казаться*.

Существенное различие между *увидеть* и исходным *заметить* — в том, что *увидеть* совместимо с наличием намерения увидеть, как в (27), или с ожиданием определенного исхода зрительного контакта, как в (28):

- (27) а. посмотрел в окно и *увидел*; б. *посмотрел в окно и *заметил*.
 (28) а. Я увидела, что он *действительно* постарел;
 б. ?Я заметила, что он *действительно* постарел.

А глагол *заметить* в своих исходных употреблениях обозначает не о ж и д а н н ы й акт восприятия, так что часто встречается в контексте *вдруг*:

- (29) Обдумывая положение, я продолжал смотреть в окно и *вдруг заметил*, что портреты на фронтоне аэровокзала вовсе не те, с которыми я простился, улетаая отсюда несколько лет тому назад (Войнович).

Это объясняет пример (4). Компонент ‘неожиданность’ отмечается в Atkins 1994: 52 у англ. *notice*.

Различие по компоненту «ожидание» проявляется в просодическом отличии *увидеть* от *заметить*. Глагол *увидеть* может быть ударным оттого, что акт восприятия ожидался самим Экспериментом:

(30) Наконец-то я ее *увидел* \ (в значении ‘разглядел’ или ‘оказался в контакте’).

А ударение на *заметить* означает только то, что результат восприятия, т. е. возникший в его ходе концепт, упоминался в предтексте:

(31) а. — Она расползлась. — Я это *заметил* \;

б. Чепурный повел собаку в дом и покормил ее белыми пышками — собака ела их с трепетом опасности, так как эта еда попала ей в первый раз от рождения. Чепурный *заметил* \ испуг собаки и нашел ей еще кусочек домашнего пирога с яичной начинкой, но собака не стала есть пирог (Платонов).

Естественно, что н о в и з н а содержания важнее для *заметить*, у которого в фокусе концептуализация, чем для *увидеть*, ориентированного на своего рода контакт с объектом X через зрительный образ в сознании, и контакт может повторяться:

(32) а. Я один раз ее увидел, хочу *еще раз* (увидеть);

б. *Я один раз ее заметил, хочу *еще раз* (заметить).

Поэтому содержание замеченного должно быть в каком-то отношении и н т е р е с н ы м (необычным, странным, ненормальным, ср. *Хозяйки глаз повсюду нужен, / Он миг заметит что-нибудь* (П.) = ‘что-нибудь, что не в порядке’), а для *увидеть* это не обязательно. Казалось бы, пример (33), где объект ничем не интересен, этому противоречит:

(33) Я заметил *это желтое пятнышко*, но не придал ему значения.

Ясно, однако, что в момент восприятия человек не сказал “Я заметил желтое пятнышко”; он сказал это только тогда, когда пятнышко оказалось важным, концептуально выделенным.

Таким образом, следует различать п е р ц е п т и в н у ю выделенность предмета (как причину того, что он попал в поле зрения), которая для *заметить* не обязательна, и концептуальную выделенность как основание для того, чтобы придать значение перцептивному факту. Так, из

Я *заметил*, что он был в галстук

следует, что ему нормально быть без галстука (или же галстук о чем-то свидетельствует).

Компонент «выделенность» как подавляемая инференция, отличающая *заметить* от *увидеть*, демонстрируется примером (34); *не увидел* имплицитно ‘не было’, а *не заметил* — ‘не было заметно’; возможно, не было больше ничего достойного внимания:

(34) а. Я *увидел* там одни развалины ⊃ ‘больше ничего не было’;

б. Я *заметил* там одни развалины ⊃ ‘не заметил больше ничего достойного внимания’.

В семантике *заметить*, в отличие от *увидеть*, закодирована к р а т к о - в р е м е н н о с т ь, мимолетность восприятия (недаром глагол *заметить* мо-

ментальный), и этот компонент сохраняется даже тогда, когда *заметить* употребляется в значении речи. Он пропадает только тогда, когда *заметил* = ‘наблюл’, как в (17) выше или в (35):

(35) а. Коля *заметил*, что Лебедев по полчаса простаивает у двери и подслушивает, что они говорят с князем, о чем, разумеется, и известил князя (Д.);

б. Миллионеры, как я *заметил*, вообще люди прижимистые (Войнович).

Однако если зрительное восприятие вовсе второстепенно, как в (36), правильнее было бы сказать не *заметить*, а *понять*:

(36) Я у него и после бывал. С Зильберовичем и без Зильберовича. В конце концов, *заметив*, что я не имею против него никаких злостных намерений, Сымич и мне стал доверять (Войнович).

Итак, примеры (1)–(6) не доказывают большей агентивности *увидеть* по сравнению с *заметить*. Урезанную сочетаемость *заметить* можно объяснить тем, что у этого глагола компонент «создание зрительного образа» не акцентирован, а может и вовсе отсутствовать. Собственно перцептивный компонент глагола *заметить* (по крайней мере, в исходных употреблениях) действительно неагентивный: заметить можно то, что бросилось в глаза, быть может, случайно. Однако главное для *заметить* — то, что это ментальное действие. Поэтому причислять *заметить* к неагентивным глаголам никак нельзя, ср. формы пассива и императива в (7), (8). Во вторичных употреблениях *заметить* и восприятие может стать агентивным — например, когда восприятие не является кратковременным, как в (17); или в контексте косвенного вопроса, как в (6г).

Таксономическая категория глаголов *увидеть* и *заметить* заслуживает, однако, внимания, поскольку остается пример (7), с пассивом, и (8), с императивом.

Вернемся к аргументной структуре глагола *видеть*. В ситуации видения участвуют Экспериент и Перцепт (т. е. Стимул). То, что воспринимаемый объект — это Стимул, т. е. отчасти Каузатор возникшей ситуации, объясняет соотношения в (37) и (38):

(37) а. Он *остановил* внимание на небольшой картине в углу;

б. Небольшая картина в углу *остановила* его внимание (пример приводится, в иной связи, в Розина 2002).

(38) а. Царь *обратил* внимание на Гончарову;

б. Гончарова *обратила* на себя внимание царя (пример из Падучева 1985: 181).

В обоих примерах ситуация такова, что ее могут каузировать и субъект внимания (поскольку он своим вниманием в какой-то мере распоряжается) и объект — в силу своего специального свойства останавливать / привлекать (т. е. *обращать* на себя) внимание. Глагол, у которого участник-объект не только не Пациент, но даже отчасти и Каузатор ситуации, — это, конечно, семантико-синтаксическая экстравагантность. И чем большую роль в возникновении ситуации играет объект, тем более явно инициатива уходит из рук субъекта: увеличивается роль случая (показательна высокая частота сочетаний *случайно увидел / заметил*).

Для примеров (37а) и (38а) можно поэтому предположить в качестве исходной диатезы (в) с возвратным глаголом —

(37) в. Его внимание *остановилось* на небольшой картине в углу.

(38) в. Внимание царя *обратилось* на Гончарову.

Переход от (в) к (а) сводится к подъему Посессора (в самом деле, в (а) конструкция с внешним Посессором, как в примерах (6)—(9) из гл. I.3 § 6.3).

Семантическая роль субъекта проясняется при сопоставлении *увидеть* с *обнаружить*. Субъект глагола *обнаружить* — это вольный или невольный, но каузатор изменения состояния объекта (его обнаруженности), так что объект глагола *обнаружить* — Пациенс. Между тем субъект у *увидеть* только Экспериент. Поэтому у *обнаружить* совершенно иное, чем у *увидеть*, дерево производных значений: у *обнаружить* в число производных значений входит действие, см. раздел 5.5. А для *увидеть* значение действия исключено. Видимо, *заметить* приближается к *обнаружить* — в том смысле, что замеченный предмет является не только Перцептом, но и Пациентом: будучи замечен, предмет меняет состояние. Отсюда наличие пассива у *заметить*, роднящее его с *обнаружить*.

И все-таки отсутствие пассива у *увидеть* семантически необъяснимо. В самом деле, чтобы увидеть X, надо посмотреть, сознательно или нечаянно, в том направлении, где находится X (и, быть может, выделить X из окружающего фона). Дальше в ситуации сознательного желания увидеть (как и в ситуации поиска, т. е. желания найти) надо, кроме того, отождествить X, находящийся перед глазами, с имеющимся в сознании концептом искомого предмета, а при непреднамеренном видении приписать X-у концепт. А между тем языковое поведение не дает возможности приписать глаголу *увидеть* категорию действие с акцентом на результате: в задачах с картинками говорится не “Увидь утку!”, а “Найди утку!”. Очевидно несоответствие между реальной ситуацией, в достаточной мере агентивной, и ее стативной концептуализацией. Даже если сознательное намерение присутствовало в контексте употребления глагола *видеть*, оно не кодируется семантикой глагола; т. е. *увидеть* и в этом контексте не обретает значения действия. Действие, к совершению которого можно побудить, — это *смотреть*, *искать глазами*, ср. англ. *look* ‘смотреть’ и *look for* ‘искать’. Возможно, это действует принцип системного вытеснения.

5. Семантические дериваты. Глаголам *видеть* и *заметить*, как и другим глаголам восприятия, см. § 1, нормально иметь семантический дериват в тематическом классе ментальных глаголов:

(39) я *вижу*, он не придет; и не *видит* в том потери [= ‘не считает, что это потеря’]; я *вижу*, что не уедем [= ‘я чувствую’]; я *посмотрю* [= ‘я подумаю’]; *смотрю* отрицательно; *смотрю* с неодобрением; *рассматриваю* это как саботаж; *усматриваю* в этом упрек; *взгляни* на это проще; *представляется*, что; он *вообразил*, что он гений [= ‘он неправильно считает’]; *воспринимаю* как намек [= ‘понимаю, интерпретирую’].

Однако у *видеть* ментальное значение воспринимается как семантический сдвиг; а для *заметить* граница между ментальным и не-ментальным употреблением часто неясна, ср. *Вся Россия населена гибнущими и спасающимися людьми — это давно заметил Сербинов* (Платонов. Чевенгур).

Ментальное значение требует пропозиционального объекта. Пропозициональное содержание можно передать словами, а образ нельзя. Поэтому *Не могу вам передать, что я увидел* нормально, а во фразе *Не могу вам передать, что*

я заметил у не могу другая модальность. У заметить значение в большинстве случаев ментальное, и его объект пропозициональный; значение зрительного восприятия возникает у него лишь в специальном контексте.

Пропозициональная сущность объекта при заметить отчетливо проявляется в контексте косвенного вопроса и параметрического имени; равенство

(10) У заметил X = 'У обратил внимание на X'

(которое фигурирует в МАС в статьях о видеть и замечать) "прокалывается" в контексте, где X — параметрическое имя или косвенный вопрос:

(10') заметил ошибку ≠ 'обратил внимание на ошибку'.

В самом деле, заметил ошибку = 'понял, в чем она состоит', у глагола косвенная диатеза; а обратить внимание можно лишь на что-то представшее взору — диатеза должна быть прямая. Поэтому

(40) *Я обратил внимание, в чем ошибка;

(41) а. не заметил разницы = 'не понял, в чем состоит разница' ⊃ 'не думаю, что разница есть';

б. не обратил внимания на разницу = 'не счел разницу существенной'.

Дело в том, что для обратить внимание, как и для увидеть, существен первый из двух этапов нормального восприятия — тот, который заметить как раз пропускает.

В (42) заметил пропажу = 'что есть пропажа'; ничего, что можно было бы увидеть, слово пропажа здесь не обозначает:

(42) Я, как только заметил (*увидел) пропажу, выпил и схватился за голову (Вен. Ерофеев).

Таким образом, общий компонент, который есть во всех употреблениях заметить, ментальный.

В контексте параметрического имени значение заметить агентивное; поэтому допустимо сочетание чтобы заметить и форма императива:

(43) Читай внимательно, чтобы заметить опечатки.

(44) Заметь время = 'заметь, сколько сейчас времени' = 'который час'.

Значений видеть, отсутствующих у заметить, по крайней мере три.

1. Глагол видеть, как и другие глаголы восприятия, см. § 1, допускает, в качестве производного, употребление в значении 'воображать, представлять', т. е. имеет производное значение внутреннего зрения (вижу тебя как сейчас): вообразить X — значит иметь в сознании зрительный образ X-а, не соответствующий в данный момент никакому Стимулу, поступающему из действительности. Между тем у заметить значение внутреннего зрения отсутствует. Это различие естественно объяснить тем, что в семантике заметить не акцентирован компонент создания зрительного образа.

2. У увидеть в контексте объекта-лица возникает значение 'войти в межличностный контакт'; а у заметить такого значения нет:

(45) а. Постарайся / попробуй увидеть редактора;

б. *Постарайся / *попробуй заметить редактора.

Это и понятно: межличностный контакт возникает на базе зрительного восприятия, поскольку оно предполагает пребывание в одном пространстве.

3. У видеть есть выветренное значение, когда из всех семантических компонентов остается только «пространственная смежность»:

(...) дубами, *видевшими* еще самых прадедов наших (МАС).

Это значение возникает тоже на базе зрительного компонента и, естественно, отсутствует у *заметить*.

С другой стороны, у *заметить* есть невозможное для *видеть* производное значение речи, что согласуется с его ментальной ориентацией.

6. Аспектуальные различия. Главное аспектуальное различие между *видеть* и *замечать* — в том, что в паре *увидеть* — *видеть* несов. вид морфологически исконный и обозначает временное состояние; а в паре *заметить* — *замечать* несов. вид производный от обычного моментального глагола *заметить* (семантических оснований для моментальности у *заметить*, как мы видели, более чем достаточно) и не обозначает состояния. Так что *увидеть* — *видеть* составляют перфектную пару, а *заметить* — *замечать* нет.

Отсутствие у моментального глагола (*замечать*) каких бы то ни было нетривиальных значений несов. вида — вещь нормальная, ср. глаголы *находить*, *терять*, *приходить* и др., обсуждаемые Ю. С. Масловым. Интереснее то, какой отпечаток накладывает отсутствие “перфектного продолжения” на семантику СВ *заметить*. Глаголу *заметить*, в отличие от большинства других глаголов СВ, нечем фиксировать момент времени: восприятие было моментальным и кончилось; а ментальное событие момента времени не фиксирует. В результате, СВ *заметил* оказывается ближе к НСВ общефактическому *видел*, чем к СВ *увидел*, с инференцией ‘вижу сейчас’:

(46) Ты *заметил* / *видел* / **увидел* в саду скамейку?

В своем исходном лексическом значении *замечать* из всех частных видовых значений НСВ может иметь только многократное и основанное на нем общефактическое (как у *находить* (очки)). Правда, в контексте

(47) Я вообще *замечаю*: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий, он очень дурной, этот человек (Вен. Ерофеев)

видовое значение НСВ *замечать* нельзя представить как многократное повторение моментальных актов “замечания”. Однако здесь у *замечать* особое лексическое значение: ‘заклЮчить на основе наблюдения’, как в (17) и (35). В контексте субъекта 1-го лица, как в (47), НСВ и СВ синонимичны; так что в (47) НСВ *замечаю* можно заменить на СВ *заметил*, не имеющее значения единичного акта восприятия.

Аналогичное значение (с утраченным компонентом «намеренность») есть у *наблюдать*: глагол *заметить* в этом значении часто употребляется вместо нелитературного *наблюсти*.

Второе аспектуальное различие между *видеть* и *замечать* — способность *видеть* к абсолютивному употреблению в значении свойства, отсутствующая у *замечать*. Значение свойства связано с участником *глаза*: способность видеть обусловлена наличием глаз и их нормальным функционированием. Вообще, участник ОРГАН связан с идеей способности (и может быть ее воплощением, см. гл. I.4), а наличие способности — это свойство. Так что источник различия между *видеть* и *замечать* очевиден.

Скажем отдельно о различии между *видел* и *замечал* в общефактическом значении. Ср. пример (на базе Wierzbicka 1980a: 104):

- (48) а. Я *видел* человека, который переплыл Ламанш;
 б. Я **замечал* человека, который переплыл Ламанш;
 в. Я **заметил* человека, который переплыл Ламанш.

Несов. вид у *замечать* имеет прежде всего значение многократности. Поэтому запрет в (б), с глаголом в НСВ, имеет ту же природу, что и в (в), с глаголом СВ: фразы (б) и (в) аномальны потому, что дескрипция Перцепта в контексте *заметить* может включать только ту информацию, которую Эксперимент получил в ходе данного моментального акта восприятия. С *видеть* в наст. времени и с *увидеть* была бы такая же аномалия. А предложение (а) возможно за счет особого “общефактического” значения у НСВ *видеть*, которое не включает многократности, а отличается временной неопределенностью (Гловинская 1982): (а) означает, что я когда-то видел человека, а информацию о нем мог получить отдельно.

Итак, мы можем заключить о *заметить* следующее. В своем исходном значении, глагол *заметить* обозначает ситуацию, в которой:

- 1) тип впечатления, послужившего основой для наблюдения, зрительный;
- 2) замеченный объект / ситуация выделялся из фона, бросался в глаза;
- 3) поэтому впечатление не было получено в результате сознательно направленных на это усилий Эксперимента;
- 4) Зрительный контакт мимолетный;
- 5) содержание наблюдения носит частный характер.

В прототипическом употреблении, как в (1в), присутствуют все эти компоненты. Однако ни один из указанных признаков не является обязательным:

1') впечатление может быть основано не на зрительном восприятии, а на слуховом, тактильном, как в примерах (22)–(25), и вообще не на восприятии, как в (26);

2') замеченный объект может быть не выделенным, а, напротив, незаметным, как в примере (6б, г);

3') замеченное может быть результатом сознательной деятельности, как в примерах (6а), (43);

4') замеченное может быть не моментальным впечатлением, а результатом предварительного достаточно длительного наблюдения или повторяющихся актов наблюдения, как в (17) или (35);

5') содержание наблюдения может в этом случае быть генерализованным суждением, как в (35б).

Соответственно, мы можем различить у *заметить* несколько лексических значений, каждое со своим набором компонентов и с той или иной спецификой языкового поведения.

***заметить* 1.1а** ‘обратить внимание на объект X, который бросается в глаза (выделен)’:

Взглянув на него вопросительно, я вдруг *заметил*, что пока я читал, он успел переменить галстук (Д.); Он *заметил* у нее на руке кольцо; успел *заметить* ножку, с намерением выставленную (...) (П.)

***заметить* 1.1б** ‘обратить внимание на нечто не обязательно выделенное (а возможно, даже скрываемое), поняв, что это важно / интересно / странно / ненормально’:

заметил в ее реплике скрытую насмешку; хотел, чтобы я *заметил* колкости в его письме; Мервиль первый *заметил* эту взаимную склонность (П.); *заметил* в его взгляде скрытую неприязнь; он вдруг *заметил* за самим собою, что ожидает Купфера (Тург.).

Комментарий.

В ситуации ‘заметить’ часто нельзя сказать, каким органом чувств *У* воспринимает то, что он формулирует как *Х*.

заметить 1.2 ‘выделить’; ‘понять, что *Х* отличается от других в лучшую сторону и сделать свою оценку известной другим людям’ (субъект—общество/общественно значимое лицо); ср. пример (7), а также:

Старик Державин нас *заметил* (...) (П.)

Комментарий.

1) Компонент «выделенность» присутствовал в качестве фонового в значениях 1.1а и 1.1б; в значении 1.2 он выходит на передний план. 2) Употребительна форма пассива, так как в контексте *заметить* 1.2 “замеченность” *Х*-а изменяет его состояние.

заметить 2.1 (*разницу*), косвенная — параметрическая — диатеза от *заметить* 1.1, см. пример (6), а также:

с трудом *заметил* разницу; *заметил* переменную в наружности; *заметил* надвигающуюся опасность (= ‘заметил признаки опасности’ = ‘знает, в чем они состоят’); разница была замечена сразу.

Комментарий.

1) Категория у *заметить* 1.1 — происшествие; а у *заметить* 2.1 — действие с акцентом на результате. Это значение становится возможным только в косвенной диатезе, когда *Х* не образ/впечатление, а вопрос, на который надо найти ответ, или задача, которую надо решить; 2) *обратить внимание* — синоним для *заметить* 1.1, но не для *заметить* 2.1.

заметить 2.2 (как в *заметить* время) ‘обратить внимание на значение параметра и запомнить его’:

Я *заметил* место (подъезд, дом), чтобы внимательно осмотреть его на обратном пути.

Комментарий.

Управление союзом *чтобы* [= ‘потому что хотел’] идет от компонента ‘важно’ в значении *заметить* 1.1б. Компонент ‘запомнить’ делает возможной форму императива.

заметить 3 ‘сделать наблюдение’; ‘*У* накапливал произвольные впечатления; в результате *У* теперь знает / считает, что *Х*’; см. примеры (17), (35), (47).

Комментарий.

То же значение в примере: *Иосиф Бродский любил повторять: — Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается?* (Довлатов). Языковая игра строится здесь на нарушении условия неочевидности того, что можно заметить. В контексте 1-го лица (и в контексте 2-го лица в вопросе) то же значение имеет парный НСВ *замечать*:

Я *замечаю*, брат, что ты приуныл (П.); Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что *замечал* в нем скрытую к себе неприязнь (П.); А ты разве *замечаешь*, что я переменялся к тебе? (БАС)

заметить 4 ‘сказать нечто краткое’; см. пример (12), а также:

Минский мог бы ей это *заметить* (П.); с ехидством *заметил*.

Комментарий.

Компонент ‘кратко’ (и ‘мимоходом’) в латентном виде присутствуют и в *заметить* 1.1а. Компонент «знание» (см. *заметить* 1.1б) в контексте глагола речи *заметить* 4 заменяется на «мнение». В контексте субъекта 1-го лица допустимо перформативное употребление: *В скобках замечаю, что {...}* (П.). В контексте субъекта 3-го лица *замечать* 4, несов. вид, имеет значение перфектного состояния, т. е. обозначает как бы совершенное действие — *замечает* ≈ ‘заметил’: *Вольтер на это замечает, что {...}*; *Мур справедливо замечает, что {...}* (П.)

* * *

Коротко суммируем сказанное. В приведенном анализе представляется существенным тот факт, что все наблюдаемые различия в поведении *увидеть* и *заметить* выводятся из компонентов или параметров лексического значения, которые фигурируют и в других участках лексической системы.

В число различий, к которым мы апеллировали, входит акцентный статус компонента в толковании; разный статус компонента сказывается на сочетаемости возможностях этих слов, равно как и на других аспектах их языкового поведения.

В семантике глаголов восприятия можно различить два компонента: 1) собственно перцептивный — реакция соответствующего органа восприятия на некий стимул; 2) ментальный — осознание воспринятого, идентификация объекта, приписывание ему концепта. В семантической формуле глаголов *увидеть* и *заметить* эти два компонента имеют разный статус: глагол *увидеть* акцентирует компонент «зрительный образ»; тогда как семантика *заметить* предполагает восприятие не обязательно зрительное и, вообще, помещает восприятие вне фокуса внимания, акцентируя ментальный компонент.

Сопоставление глаголов *увидеть* и *заметить* подтверждает общий принцип устройства лексической системы: одни и те же компоненты и параметры могут различать как значения одного слова, так и разные слова; при этом, однако, значения одного слова часто различаются по одному-двум параметрам, а у разных слов, хотя бы и близких по значению, число различающихся параметров и компонентов, как правило, достаточно велико.

Есть соблазн связать пониженный статус компонента «восприятие» в семантике *заметить* с его синтаксической позицией — а именно, с тем, что этот компонент уже имеет атрибут ‘кратковременное’. Ср. обсуждаемую в гл. I.3 ограниченную сочетаемость глагола *мчаться* по сравнению с другими глаголами движения, которую можно объяснить тем, что компонент «движение» имеет в составе толкования атрибут ‘быстрое’.

5.2. *видеть* и *смотреть*: компонент «фиктивное движение»

Сопоставление глаголов *видеть* и *смотреть* представляет интерес, в частности, потому, что на этой паре можно продемонстрировать смысловые различия, порождаемые таксономической категорией: при безусловной смысловой близости, эти глаголы различаются тем, что *видеть* — состояние (парный СВ *увидеть* — действие с акцентом на результате), а *смотреть* — деятельность. Для глагольной системы в целом минимальные пары, основанные на прямом противопоставлении этих двух категорий, отнюдь не характерны. А в классе

глаголов восприятия такое соотношение повторяется неоднократно: примерно такая же связь между *слышать* и *слушать*; между *ощущать* (в одном из значений) и *щупать*.

Это соотношение интересно в аспектологическом плане. Можно думать, что глагол деятельности выражает тот самый гетерогенный компонент, который постулируется в семантике соответственного глагола действия с акцентом на результате (*увидеть*, *услышать* и т. д.): тот, кто хочет увидеть, смотрит; тот, кто хочет услышать — слушает.

Языковая концептуализация ситуации видения опирается на метафору движения. Взять хотя бы то, что у глаголов *смотреть* / *посмотреть* Перцепт оформляется предлогами с местным значением: *на, в, под, в направлении*; что в ситуацию видения может входить участник Место Экспериента как Исходный пункт движения; например, можно сказать *с перевала увидели знакомые крыши*. О том же говорят и многочисленные моторные коллокации со словами *взгляд, взор*:

бросить ⟨взгляд/взор⟩, скользнуть ⟨взглядом⟩, окинуть ⟨взглядом⟩, отвести ⟨взгляд⟩, перевести ⟨взгляд⟩, пробежать ⟨взглядом⟩, скосить ⟨взгляд⟩, устремить ⟨взгляд⟩, обратить ⟨взор/внимание⟩.

В Talmy 2000: 103 компонент «фиктивное движение» выявляется в семантике самых разных слов. Согласно Талми, в концепт ситуации восприятия входят два участника, Экспериент и Перцепт: нечто нематериальное (*intangible*) движется по прямой от одного к другому, в том или ином направлении; если движение идет от Экспериента к Перцепту, это значит, что Экспериент испускает некий зонд (*probe*), который обнаруживает Перцепт, когда на него наткнется.

В самом деле, многие аспекты сочетаемости глагола *видеть* заставляют предположить в его семантике компонент «движение» — это движение *в з г л я д а* от Экспериента к Стимулу, ср. Урысон 1995. Причем *видеть* и *слышать* различны: видение начинается с того, что *взгляд у х о д и т* от Экспериента к Перцепту (Стимулу), а *слышать* концептуализует ситуацию таким образом, что *звук п р и х о д и т* к Экспериенту от Источника. Отсюда разная интерпретация обстоятельства места; при глаголе зрительного восприятия оно указывает положение Экспериента, для слухового — место Перцепта / Источника:

- (1) *С веранды* я видел его машину [Экспериент на веранде];
Отсюда я вижу только крышу.
- (2) Слышу звон бубенцов *издалека* [Источник звука далеко].

Фраза (3), которая предполагает обратное направление движения, аномальна:

- (3) Что-то *издали* мелькает, словно волк бежит (Словарь Даля).

Глагол *уловить* относится скорее к слуховому восприятию, чем к зрительному — потому что звук идет *от* звучащего предмета. При зрительном восприятии, когда направление «фиктивного движения» обратное, *уловить* неуместно.

Показательное различие между *смотреть* и *слушать* демонстрирует следующий пример — у *слушать*, в отличие от *смотреть*, нет участника «Куда?»:

[Раскольников] отворил дверь и стал *слушать* на лестницу (Д.).

Разное направление метафорического движения, имплицуемого восприятием, особенно очевидно для глаголов деятельности: *смотреть* — более активный процесс, чем *слушать*, а глагол *слушать* находится на периферии деятельности — так же как, например, *получать*.

Никто не станет отрицать, что *смотреть* и *видеть* связаны как деятельность и результирующее состояние. Неожиданное свойство глагола *смотреть* (и его переводных эквивалентов в других языках) состоит в том, что *смотреть* вовсе не всегда имплицурует 'видеть'. В Rogers 1971 и Faber, Pérez 1997 отмечается, что англ. *look at* 'смотреть на' иногда предполагает 'видеть', иногда нет. В самом деле, возможно *смотрю и не вижу; посмотрел и увидел* (или: *посмотрел, но не увидел*)¹³.

В Dowty 1979 различается два значения у англ. *look* 'смотреть' — *на что?* и *куда?*; и второе значение не предполагает 'видеть'. В МАС определение исходного значения *смотреть* тоже содержит дизъюнкцию: 'направлять взгляд на что-л./иметь взгляд направленным куда-л.'. Так что глагол *смотреть*, в своем основном значении, может обозначать две различные ситуации:

— *смотреть* 1.1 означает, что человек смотрит и видит; в ситуацию входит участник Перцепт;

— *смотреть* 1.2 обозначает ситуацию, в которой участник Перцепт отсутствует: человек просто смотрит в определенном направлении (есть участник Направление) — может быть с целью увидеть некоторый предмет (Мишень), а может быть и без этой цели.

Итак, получаем:

У *смотрит* 1.1 на X = 'У имеет взгляд направленным на X и видит X'; 'У держит X в поле зрения':

(4) Я *смотрю* на костер догорающий.

У *смотрит* 1.2 в/на + предл./под + твор./вин./в + вин./в направлении + род. Z = 'У имеет взгляд направленным в/на/под/в направлении Z (с целью увидеть X)'

Компонент 'с целью увидеть X' в семантике *смотреть* 1.2 факультативный. Так, в (5а) бесцельное *смотреть*, а в (5б) — не достигшее цели:

(5) а. Целыми днями *смотрит* в окно;

б. *Смотрел* во всех углах, но ничего не нашел; Ты *смотрел* в прихожей? [здесь *смотреть* ≈ 'искать', аналогичный сдвиг в англ. *look for*].

В примере (6) мы трактуем *смотреть* как *смотреть* 1.2 — группа на нее выражает участника Место, а не Перцепт:

(6) Ты *смотрел на нее* и не видел.

Участники Перцепт и Место несовместимы (исключение — *смотреть на себя в зеркало*). Этим *смотреть* отличается от *видеть* (кого-то где-то).

У *смотреть* есть инцептив *посмотреть*. Причем по критерию Маслова *смотреть* — *посмотреть* видовая пара: *пришел, смотрю там, смотрю здесь* = 'посмотрел там, посмотрел здесь'. И у *посмотреть* те же два значения:

У *посмотрел* 1.1 на X = 'У направил взгляд на X и увидел X':

(7) Я пристально *посмотрел* на нее и принял серьезный вид (Л.).

¹³ Слушать тоже можно не слыша: *Говорите, я вас слушаю* — [когда еще нечего слышать].

У *посмотрел* 1.2 в/на + предл./под + твор./вин./в + вин./в направлении + род. Z = ‘У направил взгляд в/на/под Z (с целью увидеть X)’, например:

- (8) *Посмотрел* под диваном, но ничего не нашел; Ты *посмотрел* в прихожей? (...) я на минуту задумался, и когда снова *посмотрел* на крышу, девушки там уж не было (Л.).

Однако есть разница. Глагол *смотреть* в обоих значениях, 1.1 и 1.2, обозначает деятельность: человек, который смотрит, в любом случае делает это сознательно; нельзя неумышленно смотреть. Между тем у *посмотреть* контролируемость неустойчивая: можно сказать *нечаянно посмотрел*. Так что *посмотреть* употребляется в двух категориях — действие (с акцентом на результате) и происшествие.

У глагола *посмотреть* есть семантические производные, специфицирующие Способ: *покоситься, впериться, воззриться, вылупиться* и др. Все они со словом *намеренно* не сочетаются:

- (9) намеренно *посмотрел* — *намеренно *покосился*.

И дело не только в контроле. В семантике *покоситься* в фокусе внимания компонент Способ, и это исключает наречие, модифицирующее другой компонент; см. о явлениях такого рода в гл. I.6 § 4.

Покажем теперь, как значения *смотреть* объединяются в связанное дерево; связанное в том смысле, что каждое “последующее” значение связывается с “предыдущим” отношением семантической деривации, которое повторяется и в других парах слов или значений.

смотреть 2 = ‘заботиться’, как в *Посмотри за детьми*. Значение возникает в контексте предлога *за* (в значении ‘позади’), который воздействует на компонент «фиктивное движение» в толковании *смотреть*: ‘субъект У перемещается вслед за X-ом, видит, что происходит, и при необходимости принимает меры’.

У глаголов *подсматривать, наблюдать, следить, следовать, смотреть* в значении ‘наблюдать’ в сочетании с предлогом *за* тоже возникает дополнительный компонент ‘идти позади движущегося предмета’, с дальнейшей семантической проработкой.

Значения *смотреть* 3.1, парный СВ *осмотреть*, и *смотреть* 3.2, парный СВ *просмотреть*, возникают за счет того, что к значению *смотреть* 1.1 добавляется идея движения взгляда по Перцепту; при этом траектории движения у 3.1 и 3.2 разные: *смотреть* 3.1 предполагает круговое движение, а 3.2 — (полное) прохождение прямого пути, что предопределено Т-классом участника:

- смотреть* — *осмотреть* (**просмотреть*) квартиру, больного [*смотреть* 3.1];
смотреть — *просмотреть* (**осмотреть*) передачу [*смотреть* 3.2].

Лексемы *смотреть* 3.1 и 3.2, в отличие от *смотреть* 1 и 2, переходные; и в том и в другом случае возникает семантика полного охвата, выражаемая вин. падежом.

смотреть 4.1 = ‘иметь мнение’ получается по обычной для глаголов восприятия модели семантической деривации (см. § 1.2), которая строит из перцептивного значения ментальное:

- (10) Мы на детское горе *смотрим* очень легко;
На меня *смотрели* как на сумасшедшего.

смотреть 4.2 = ‘относиться’:

(11) *не смотри на них* = ‘не относись к ним всерьез’.

Это другая модель деривации — тоже действующая в классе глаголов восприятия.

смотреть 5 = ‘быть направленным к’; например:

(12) Окна гостиной *смотрели* в сад.

В этом значении утрачена синтаксическая позиция для Экспериента, равно как и компонент «движение взгляда»; остается только направленность одного предмета (наследника Экспериента) в сторону другого (наследника Перцепта). У *смотреть* 5 жесткие ограничения на таксономический класс субъекта. Лучшее всего это значение реализуется в контексте слова *окно*. Связь “окно — глаза” метафорическая: окно похоже на глаза, поскольку через / посредством окна человек смотрит на мир. Окно осмысливается то как Препграда, то как Исходный пункт движения. Но метонимия тоже есть, поскольку направление — то самое, куда смотрит через это окно закадровый Экспериент.

Значение *смотреть* 6 представлено примерами:

(13) а. Явилось солнце, веселое, яркое. Голубые куски неба *смотрели* из разрозненных туч;

б. Звезды *смотрят* вниз;

в. Выбери, какое на тебя *смотрит* [о яблоках в корзине].

Это значение определяется в МАС как ‘виднеться’, что неверно. В отличие от *виднеться*, которое связано с *видеть* диатетически, *смотреть* 6 не диатеза от *смотреть* 1.1, а результат своего рода семантического вывода по закону симметрии:

Если А смотрит на В, то В смотрит на А¹⁴.

Это правило согласуется с той картиной видения как движения, которая очерчена в Talmy 2000: 115; отношение между Экспериентом и Перцептом в ситуации видения может выветриваться и сводится к пространственному контакту; при этом динамика теряется, и отношение может стать симметричным. Правило вывода по закону симметрии особенно легко применяется в контексте, где Перцепту может быть приписано наличие глаз или сходство с глазом — по форме или цвету.

У глагола *смотреть* имеется синоним *глядеть*, поразительным образом совпадающий с ним в аспектуальном поведении (*глядеть* — НСВ трив. от *поглядеть*, как *смотреть* от *посмотреть*), а также во всех производных значениях, см., например, *глядеть* 6, параллельное к *смотреть* 6:

(14) Из-за отстегнутого ворота рубашки *глядела* смуглая и крепкая грудь (Гнч., МАС).

Употребления глаголов *смотреть* и *глядеть* в значении ‘выглядеть’ (*смотреть* именинником), упоминаемые в МАС, в современном языке воспринимаются как в одинаковой мере устаревшее:

(15) Николай Евграфыч *глядит* на этой фотографии простаком (Ч.);
Глядит таким смиренником (Тург.).

¹⁴ Интересно в этой связи описанное в Зализняк А. А. 1991 залоговое безразличие древнего славянского причастия глагола *видеть*; ср. польск. *niewidomy* ‘слепой’, устар. ‘невидимый’.

У *смотреть* и *глядеть* много общих лексических дериватов: *заглядеться* — *засмотреться*; *поглядывать* — *посматривать*; *проглядеть* — *просмотреть* (в двух смыслах: сквозного просмотра и ошибочного восприятия); *недоглядеть* — *недосмотреть*; *поглядеться* — *посмотреться*; *глядеться* — *вглядываться* как *всмотреться* — *всматриваться*.

Дериваты, отличающие *глядеть* от *смотреть*, — *выглядывать*, *проглядывать* {сквозь}, которые прорабатывают (как и *высовываться* из § 3.3) идею преодоления преграды. Поэтому для них, в отличие от *глядеть* б, не существенна таксономия субъекта — *выглядывать*, *проглядывать* может не только глаз, но и хвост:

- (16) Из-за деревьев *выглядывает* крыша нашего дома;
Небо *проглядывает* из-за туч.

Кроме того, у *глядеть* имеется семельфактив *глянуть*, отсутствующий у *смотреть*:

{...} подснежника *глянул* глазок голубой.

Идея фиктивного движения дает о себе знать в семантике глаголов, которые в своих производных значениях оказываются восприятиями, поскольку предполагают Наблюдателя. Таковы *просвечивать* и *проступить* — *проступать*.

У *просвечивать*, помимо значения деятельности *просвечивать* 1, имеются значения:

- просвечивать* 2 = ‘светиться сквозь что-либо’ (Сквозь деревья *просвечивали* огни изб);
просвечивать 3 = ‘виднеться сквозь что-либо’ (Сквозь широкие рукава *просвечивали* ее тонкие руки);
просвечивать 4 = ‘пропускать сквозь себя свет’ (Занавески *просвечивают*; *просвечивающий*, тонкий туман).

Как мы видим, парадигма значений глагола *просвечивать* тоже связана с симметризацией отношения между видящим и видимым.

У *проступить*, несмотря на формально очевидную связь с глаголом движения *ступить* — *ступать*, значения деятельности нет. Единственный участник-лицо — это Эксперимент за кадром, Наблюдатель:

- проступить* 1 = ‘просочиться/выступить изнутри на поверхность’ (слезы *проступили* сквозь ресницы);
проступить 2 = ‘показаться, пройдя сквозь’ (бледность *проступила* сквозь загар);
проступить 3 = ‘стать слегка или частично видимым’ (*проступили* очертания парходов).

5.3. *выглядеть* и *казаться*

Глаголы *выглядеть* и *казаться* различаются по всем основным параметрам лексического значения глагола.

Таксономическая категория (а именно, аспектуальный класс). Глагол *казаться* — временное состояние; парный сов. вид (*показаться*) как и у многих других слов этого класса, происшествие: НСВ соотносится со своим СВ как его перфектное состояние: если *показалось*, то потом еще некоторое время *кажется*. Как и у других временных состояний, возможны генерализации — по времени: *мне всегда казалось* {...} и по субъектам: *людям часто*

кажется {...}. Но исходное употребление для *казаться* — с конкретно-референтным субъектом и с заданным моментом времени:

(1) Мне *показалось* / *кажется* [сейчас], что кто-то пришел.

А глагол *выглядеть* в своем первичном употреблении обозначает свойство или по крайней мере устойчивое состояние. (В НОСС 1997 отмечается, что *выглядеть* обозначает “впечатление более стабильное”, чем *казаться*. Очевидно, стабильность — то же, что устойчивость. Важно, что это категориальный признак, который повторяется в большом числе других лексем.) Парный сов. вид у *выглядеть* закономерно отсутствует — как у всех глаголов устойчивого состояния, таких как *уважать*, *гордиться*.

Диатеза. Глагол *выглядеть* имеет диатезу с Наблюдателем: видящий субъект не может быть выражен синтаксическим подчиненным глагола, он всегда занимает позицию За кадром (даже оборот *выглядеть в чьих-то глазах*, упоминаемый в НОСС 1997, возможен только для производных употреблений, а не в исходном зрительном значении *выглядеть*); а у *казаться* диатеза полная — с Экспериментом в дат. падеже (незанятость позиции датива выражает генерализацию: *он кажется* [постороннему наблюдателю] *ребенком*):

(2) Мне *казалось*, что он по-прежнему молод;
Неужели он *кажется тебе* бледным?

Поэтому у *казаться* субъект и объект восприятия могут совпадать, см. (3а), а у *выглядеть* — нет: *выглядеть молодым* можно только в чьих-то глазах, не своих собственных; (3б) — это передача чьего-то впечатления обо мне, а не мое собственное восприятие самого себя:

(3) а. Я *казался* себе молодым; б. Я *выглядел* молодым.

Вообще, субъект в 1-м лице при глаголе *выглядеть* более естествен при наличии “загородки” (hedge) — человек может только догадываться о том, как он выглядел в глазах окружающих, см. (4а). Напротив, в контексте *казаться*, при кореферентности субъекта и объекта восприятия, модальность догадки неуместна:

(4) а. Наверное, я *выглядел* смешным; б. *Наверное, я *казался* себе смешным.

Тематический подкласс. Глаголы *выглядеть* и *казаться* различаются по параметру тип восприятия, см. § 4: *выглядеть* предполагает зрительное восприятие (человек, который идет выступать на радиостанцию “Свобода”, не думает “Как я буду выглядеть?”); а *казаться* уместно при любом типе восприятия и может описывать нерасчлененное совокупное впечатление от восприятий разных типов (*Кажется, где-то жгут костер*). Это различие тоже касается не только данных двух слов: *выглядеть* относится к тому же классу, что *смотреть* и другие глаголы зрительного восприятия; а к тому же классу, что *казаться*, относятся *чувствовать*, *чуть*.

5.4. *появиться и показаться**

Согласно МАС, у слова *появиться* есть значение *появиться* 1: ‘придя, прибыв или возникнув где-л., оказаться в поле зрения кого-л.; показаться’, а у

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной в НТИ, Сер. 2, 1998, № 12.

показаться — значение *показаться* 1: ‘стать видным, заметным; появиться’. В некоторых контекстах *показаться* и *появиться* и в самом деле имеют практически один и тот же смысл (ср. англ. *appear*, которое служит эквивалентом для обоих глаголов); так, в (1) вполне можно было бы сказать *появился*:

- (1) Между двух мраморных львов *показалась* сперва голова в капюшоне, а затем и совершенно мокрый человек в облепившем тело плаще (ММ).

Однако между этими двумя глаголами есть целый ряд наблюдаемых различий в поведении. Мы покажем, как они выражаются и объясняются с помощью очерченного круга понятий.

У глагола *появиться* через все употребления (кроме тех, в которых он означает ‘начать существовать’, явно вторичных) проходит инвариантная идея перемещения. Обычно перемещается субъект — для субъекта с презумпцией существования *появиться* в норме значит ‘оказаться в данном месте, переместившись из другого’:

- (2) Вместе с женами партизан в лагере *появилось* новое лицо (ДЖ).

В контексте, где перемещение предположить нельзя, *появиться* неуместно; так, в (3) надо сказать *оказывалась*:

- (3) “Лара”, — шептал он и закрывал глаза, и ее голова мысленно *появлялась* в руках у него (ДЖ).

При этом наречие *мысленно* все равно неуместно, поскольку у него свои сочетаемостные требования, которые тут не выполнены: *мысленно* требует, чтобы подлежащим был некто мыслящий; поэтому: *Голова *мысленно появлялась*; *Голова *мысленно оказывалась*; *Он *мысленно появлялся*. Возможно только: Он *мысленно оказывался*.

Перемещаться может не субъект, а Наблюдатель, как в примере (4), демонстрирующем относительность движения:

- (4) Показавшаяся в двух местах нива с вызревающим житом давала знать, что скоро должна *появиться* какая-нибудь деревня (Г., МАС).

Между тем для *показаться* перемещение субъекта или Наблюдателя совсем не обязательно: субъект может начать находиться в поле зрения Наблюдателя по самым разным причинам. Так, в (1) перемещается субъект; в (6) — Наблюдатель; но уже в (7) субъект оказывается в поле зрения Наблюдателя потому, что исчезает преграда; в (8) — потому, что на субъект попадает свет (свет вообще является важным участником у глаголов со значением зрительного восприятия, см. § 6). В общем, *показался* означает ‘стал виден, потому что устранилось препятствие’ (им может быть, в частности, расстояние, отделяющее предмет от Наблюдателя):

- (6) Юре казалось, что он узнает то место, с которого дорога должна повернуть вправо, а с поворота *показался* и через минуту скрыться десятиверстная Кологривовская панорама с блещущей вдали рекой и пробегающей за ней железной дорогой (ДЖ).
- (7) Распахнули окно. *Показался* желтоватый рассвет, мокрое небо в грязных, землесто-гороховых тучах (ДЖ).
- (8) При сверкании частых молний *показывалась* убегающая вглубь улица с нагнувшимися и бегущими в ту же сторону деревьями (ДЖ).

Происхождение Наблюдателя в семантике глагола *показаться* было описано в Падучева 1998в следующим образом. Наблюдатель у *показаться* унаследован от Эксперимента глагола *показать*. Человек, которому *показали* нечто, например корабль, увидел его, тем самым изменив свое перцептивное состояние (от 'не вижу' к 'вижу'). В точности то же изменение состояния претерпевает и Наблюдатель в ситуации с глаголом *показаться*; разница лишь в том, что у *показать* участник Эксперимент выражен — дат. падежом (*ему показали корабль*), а у *показаться* он за кадром.

Каким же образом Эксперимент попадает за кадр? Сама по себе декаузативация, т. е. переход от *показать* к *показаться*, в принципе, не должна затрагивать периферийного участника. Дело в том, однако, что декаузативации предшествует деагентивация (см. Падучева 2001a); она и вызывает уход дативного Эксперимента *показаться* в позицию За кадром. Уход Эксперимента за кадр при переходе от *показать* к *показаться* подчиняется следующему общему правилу:

Выражение Эксперимента каузативного глагола дат. падежом невозможно или затруднено в контексте, где Каузатор не Агенс.

Например, дательный Эксперимента невозможен при неагентивных употреблениях таких глаголов, как *обозначить*, *выделить*, *обнажить*, *выявить* и т. п.:

- (9) а. Он *обозначил* мне границы;
 б. Это *обозначило* (?мне) границы;
 в. Границы (*мне) *обозначились*.
 (10) а. Он *обнажил* мне суть явления;
 б. Это *обнажило* (*мне) суть явления;
 в. Теперь суть явления (*мне) *обнажилась*.

Тогда естественно, что Эксперимента нет и у декаузатива. Только если глагол подчеркивает ошибку в восприятии, т. е. то, что Образ, возникший у Эксперимента, не совпадает с реальным Стимулом, который мог его вызвать, — только тогда Эксперимент присутствует и в неагентивном употреблении:

- (11) *Мне* так показалось; *Ей* послышалось, что кто-то стучит.

Единственное известное нам исключение — глагол *открыться*:

- (12) а. Я открыл *ему* тайну; б. Это открыло *ему* тайну; в. *Ему* открылась тайна.

Лексему *показаться* I можно представить как результат декаузативации *показать* в контексте, где объектом восприятия является предмет (не абстрактная сущность или событие), а субъект-Каузатор обозначает снятую Препяду — препятствие для взора:

- (13) а. Раскрывшиеся губы *показали* ряд блестящих зубов;
 б. Из-за раскрывшихся губ *показался* ряд блестящих зубов.

Как видно из этого примера, декаузативация не затрагивает позиции дативного Эксперимента, и у *показаться* ее нет потому, что она отсутствует уже у *показать* в контекстах типа (13а).

Потеря позиции дат. Эксперимента при замещении Агенса нецелелеполагающим Каузатором является общим правилом. Это было продемонстрировано в Падучева 1996: 153 на примере глаголов *подтвердить*, *доказать*, *объяснить*, *указать* и под., ср.

- (14) а. Он подтвердил *мне* свое согласие;

б. Последующие события подтвердили (*мне) его правоту.

Аналогичное происхождение Наблюдателя — из Эксперимента-Адресата — у *выразиться* (декаузатив от *выразить*). Наблюдатель у *выразиться* отмечен в Падучева 1996: 412 на примере, который разбирает Г. А. Гуковский (1959), обсуждая нарушение правдоподобия в отрывке из “Старосветских помещиков” Гоголя, связанное с тем, что перволичный рассказчик этой повести не мог быть непосредственным свидетелем описанной сцены:

(15) На лице ее *выразилась* такая глубокая, такая сокрушительная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время глядеть на нее равнодушно.

При субъекте-Агенсе у глагола *выразить* Эксперимент в дат. падеже (*Я выразил ему свое недоверие; Незаметным жестом он выразил мне свое порицание*), а при других субъектах, в том числе и при употреблении глагола в возвратной форме, Эксперимент невыразим:

(16) Ее лицо *выражало* тревогу; На ее лице *выражалась* тревога; но: *Ее лицо *выразило* мне тревогу; *Его жест *выразил* мне порицание.

При этом Эксперимент — обязательный участник ситуации: *выразить* нечто — значит сделать так, чтобы кто-то это воспринял. Отсюда и Наблюдатель — говорящий или повествователь; они, по умолчанию, выступают в роли воспринимающего субъекта.

Существенный аспект семантики слова *показать* состоит в том, что способ, которым Агенс достигает изменения перцептивного состояния Эксперимента, не раскрывается: возможность зрительного восприятия в общем случае обеспечивается устранением препятствия для взора. А значит, субъектом при *показать* может быть не только лицо, но и событие.

Ниже будет рассмотрен ряд семантических различий между *появиться* и *показаться*, объясняющих различия в языковом поведении этих глаголов.

1. К а т е г о р и а л ь н а я п а р а д и г м а. Слово характеризуется определенной парадигмой регулярной многозначности: одна лексема, даже если она по смыслу близка к какой-то лексеме другого слова, несет на себе печать той семантической парадигмы, в которую она входит в пределах своего слова (Анна Вежбицкая — см. Wierzbicka 1994 — называет это явлением *резонанса*: наличие у слова других значений оказывает влияние на каждое данное).

Глаголы *показаться* и *появиться* различаются категориальной парадигмой: *появиться*, при основном неконтролируемом значении, как в

(17) На небе *появились* тучи,

легко приобретает контекстно обусловленное значение намеренного перемещения:

(18) Он *появился* ровно в три, как было условлено;
Я *появлюсь* на минуту и тут же уйду.

А *показаться* не допускает такого употребления, и там, где *появиться* обозначает контролируемое действие, замена на *показаться* невозможна:

(19) Он *появился* (**показался*) в назначенный срок.

У слова *показаться* есть значение действия:

(20) Тебе надо *показаться* врачу;

но это *показаться* 2 — значение, при котором Эксперидент находится не за кадром, а входит в перспективу и может быть выражен дат. падежом.

Различию в категориальной парадигме *показаться* и *появиться* можно дать простое объяснение: *показаться* — это грамматически маркированный декаузатив, изменение состояния, т. е. нечто противоположное действию; а глаголу *появиться*, семантически непроизводному, быть действием ничто не мешает.

2. Интерпретация обстоятельства места. Семантика *появиться* и *показаться* предполагает участника Место прибытия, поскольку ситуации, обозначаемые этими глаголами, как-то локализованы в пространстве. Однако по умолчанию (т. е. при отсутствии в предложении синтаксического актанта, обозначающего место) у *появиться* Место прибытия (Конечная точка) — это ближнее пространство, т. е. “личное пространство говорящего” (как у многих дейктических глаголов — *прийти*; *вернуться*; то же у *иметься*), см. пример (21). А у *показаться* Место прибытия, которое возникает по умолчанию, — это дальнее пространство. Обстоятельство места, если оно есть, обозначает в контексте *показаться* дальнее пространство. Так, *на повороте дороги* в (22) — это то место, куда смотрит Наблюдатель, а не то, где он находится.

- (21) а. Теперь *здесь* появились фрукты (ср. *Появились фрукты* = ‘появились здесь’);
 б. (...) *появились* разбойники и распространили ужас по всем окрестностям (П.).
- (22) Фуфлыгин посмотрел на часы, захлопнул крышку и стал *вглядываться в даль*, откуда к железной дороге приближалась шоссейная. На повороте дороги *показалась* коляска (ДЖ).

Самый обычный ответ на вопрос “Где появился?” — “Здесь”, а на вопрос “Где показался?” — “На горизонте”.

Невозможность замены *показаться* в (23а) на *появиться* объясняется именно тем, что у *появиться* по умолчанию возникает иная интерпретация локативной группы; так, фраза (23в), где есть обстоятельство, выражающее “правильное” Место, безупречна:

- (23) а. На третий день пути *показались* скалистые берега Норвегии;
 б. *На третий день пути *появились* скалистые берега Норвегии;
 в. На третий день пути *на горизонте* *появились* скалистые берега Норвегии.

Итак, семантика *появиться* и *показаться* диктует разную интерпретацию обстоятельства места: при *появиться* (в исходном значении ‘начать находиться’) обстоятельство выражает Конечную точку движения субъекта (*появился здесь* = ‘оказался, переместившись сюда’), которая является местом пребывания Наблюдателя. А при *показаться* обстоятельство места обозначает поле зрения Наблюдателя, дальние пределы которого могут быть достаточно удалены от Наблюдателя как такового. По-разному интерпретируется и отсутствующее обстоятельство.

3. Местоположение Наблюдателя. В ситуации, обозначаемой глаголом *показаться*, может быть участник, который характеризует положение Наблюдателя в момент восприятия и ничего не говорит о местоположении субъекта, см. *с поворота* в примере (б). А у *появиться* место Наблюдателя, отдельное от места субъекта, выразить нельзя.

4. **Преграда.** По-разному интерпретируется в контексте *появиться* и *показаться* участник, выражаемый именной группой с предлогами *из*, *из-за*. В контексте *появиться* эта группа обозначает Исходную точку движения субъекта, а при *показаться* — Преграду, т. е. то, что мешало зрительному восприятию. Именно это отличает *показаться* от *появиться* в (24):

(24) Из-за туч показалась / появилась луна.

Поскольку в (25) церковь — это Исходная точка, а не Преграда, фраза кажется не совсем удачной:

(25) ⟨...⟩ из церкви *показались* несомые на руках иконы (Б.).

5. **Перцептивный компонент** играет в семантике *показаться* более важную роль, чем у *появиться*. Так, Наблюдатель у *появиться* может подавляться — в (26) нет дейктивности:

(26) Первые механические часы *появились* в XIV веке,

что для *показаться* невозможно.

6. **Тип восприятия.** В контексте *появиться* Наблюдатель может быть субъектом самых разных видов восприятия. А *показаться* предполагает зрительное восприятие, что делает роль Наблюдателя более определенной и более весомой:

(27) У него *появились* боли в левом боку; В легком *появились* шумы.

7. **Регулярная многозначность** ‘находиться’ — ‘существовать’ объединяет глагол *появиться* с множеством других, таких как *возникнуть*, *исчезнуть*, *найтись*, *пропасть* и проч. В примере (28) *появиться* = ‘начать находиться’, в (29) — ‘начать существовать’:

(28) а. *Появился* Петя.

(29) а. Первые трупы, *появившиеся* в России, не привлекали народа (СЯП);

б. Теперь *появилось* новое лекарственное средство;

в. В ее движениях *появилась* некоторая плавность.

Между тем слово *показаться* этого типа многозначности лишено — оно может означать нечто близкое к ‘начать находиться’, как в примере (1) выше, но не к ‘начать существовать’, см. Вступление, примеры (7), (8).

Словари не проводят последовательно границу между значениями ‘начать находиться’ и ‘начать существовать’ глагола *появиться*, и провести ее иногда действительно трудно. Однако первое из значений моментальное, а во втором глагол способен сочетаться с обстоятельством срока:

(30) У Паши *за последнее время* появилась некоторая самоуверенность (ДЖ).

В принципе, восприятию естественно развиваться в сторону существования: *результатов не видно* значит, скорее всего, ‘результатов не существует’. Особенность глагола *показаться*, исключая это развитие, может быть связана с тем, что он не допускает фокуса внимания на статальном компоненте.

Перенос фокуса внимания на статальный компонент может выявлять наречие *сейчас*. Из примера (31) видно, что *показаться*, в отличие от большинства глаголов СВ, не допускает статального акцента:

(31) а. Эти препараты *сейчас* появились (исчезли; пропали; нашлись) [как *Река сейчас замерзла*];

б. *Корабль *сейчас* *показался* на горизонте.

8. Аспектуальное поведение. Глаголы *появиться* и *показаться* различаются в аспектуальном отношении. Оба имеют обычное для сов. вида значение — ‘к моменту наблюдения событие уже произошло, и длится его перфектное состояние’ (Падучева 1996: 153). Но у *появиться* перфектное состояние может быть продолжительным, см. пример (30) и (2), а *показался* всегда значит ‘только что показался’: акцент на событии. Поэтому можно сказать *появился давно*, но не **показался давно*. Дело в том, что в ситуации, описываемой глаголом *показаться*, Наблюдатель должен видеть сам момент прибытия субъекта в свое Поле зрения, а для *появиться* ему достаточно видеть (или как-то иначе воспринимать) результат. В примере (32) фраза (б) невозможна, поскольку тут Наблюдателем должен быть говорящий, а (в) допустимо — в роли Наблюдателя выступает Адресат вопроса:

(32) а. Откуда ты *появился*? б. **Откуда ты показался*? в. Откуда он *показался*?

* * *

Итак, глаголы *появиться* и *показаться* иллюстрируют два основных пути возникновения Наблюдателей. Глагол *появиться* — корневая лексема в своей семантической парадигме; Наблюдатель у него ингерентный; он возникает как следствие общей тенденции к метонимическому расширению границ обозначаемой словом ситуации за счет включения в нее наблюдающего субъекта. А Наблюдатель у *показаться* обусловлен семантической производностью этой лексемы; он возникает при декаузативации глагола *показать* — в результате того, что Эксперимент, который у *показать* был выражен дат. падежом, уходит за кадр.

Глагол *появиться* входит в обширное множество себе подобных. Семантика глаголов, описывающих состояния и процессы в неживой природе, часто предполагает Наблюдателя. Особенно это свойственно глаголам с бытийным значением. Как справедливо замечено в Faber, Mairal 1997, язык охотнее всего выражает идею *наблюдать* его существования, как бы подтверждая сомнения философов в объективном существовании мира и его частей.

Примысливать Наблюдателя могут как процессы (*развеваться*), так и состояния (*белеть*). Что касается тематического класса, то Наблюдатель может быть у глаголов звука (*звучать*), глаголов относительного расположения (*раскинуться*, *маячить*) и даже глаголов восприятия (*уставиться*). Получаются классы глаголов наблюдаемого звучания, наблюдаемого расположения и даже наблюдаемого восприятия; *появиться* занимает законное место в классе глаголов наблюдаемого перемещения.

5.5. Глагол *обнаружить**

1. Дерево значений. При всем разнообразии употреблений глагола *обнаружить*, имеется некий семантический общий знаменатель для всех ситуаций, обозначаемых этим словом:

У обнаружил X =
 | произошло нечто (с Экспериментом Y / с Предметом X / с преградой, их разделяющей, / с препятствием для взора / осознания)

* Опубликовано; см. Падучева 2000а.

это вызвало:

Предмет X вошел в поле зрения / в сознание Эксперимента Y
тем самым

изменилось состояние Y-а: он увидел (и тем самым узнал) нечто [ассерция]

изменилось состояние X-а (он доступен для использования — или, наоборот, уязвим) [инференция]

Например:

- (1) На галерее какой-то смятенный гражданин *обнаружил* у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом и с надписью на обложке: “Одна тысяча рублей” (ММ).
- (2) только теперь *обнаружил*, до какой степени он устал.
- (3) (...) хотя мы и не можем *обнаружить* — в данное время, по крайней мере, — каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ручаться, что их совсем нет, нельзя (ММ).
- (4) (...) *обнаружил*, что крышка с бочки сдвинута на бок (ДЖ).
- (5) Пришедший откинул капюшон, *обнаружив* совершенно мокрую, с прилипшими ко лбу волосами, голову (ММ).
- (6) *Обнаружившая* солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту (...) (ММ)
- (7) Никанор Иванович, пожимая плечами, открыл портфель и *обнаружил* в нем письмо Лиходеева (ММ).

На схеме ниже (с. 245) представлен свод допустимых употреблений — лексем — глагола *обнаружить*. Для каждой лексемы дается, после номера, краткое пояснение, касающееся ее значения и таксономической категории. Вторая строка указывает место данной лексемы в семантической парадигме слова — ее деривационную историю. Далее идут примеры; те из них, которые обсуждаются в последующем тексте, снабжены буквенными обозначениями.

В исходном словарном значении глагола *обнаружить* каузация неконтролируемая, т. е. таксономическая категория глагола — происшествие; значение действия порождается контекстом, см. пример (3).

Глагол *обнаружить* употребляется в большом числе разных конструкций. Конструкции считаются отличными одна от другой, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

- 1) одна из синтаксических позиций выражает участника с иной семантической ролью;
- 2) требует иного таксономического класса от заполняющей ее именной группы;
- 3) требует частичной кореферентности имени, замещающего позицию объекта, с именем в субъектной позиции.

Так, в (1) субъект выражает Эксперимента, а в (5) и (6) — Предмет; в (1) обнаруженный Предмет имеет материальную природу, а в (2) это не так; у объекта в (5) и в (6) подразумевается частичная кореферентность с субъектом (*голова* — пришедшего; *эрудиция* — Берлиоза), а (1) и (7) не предполагают кореференции.

Из-за обилия разных конструкций соответствие между участниками ситуации и синтаксическими позициями глагола *обнаружить* оказывается необычайно сложным. Наша задача — объяснить, как разные значения *обнаружить* связаны друг с другом, построив его парадигму (дерево) значений.

Парадигма значений глагола *обнаружить*

- обнаружить** 1.1 ‘начать видеть’ — происшествие [исходная лексема парадигмы]
- (a) Геолог *обнаружил* в тайге следы тигра; Быстро светало, и немцы могли *обнаружить* колонну, укрывшуюся в низине; Отодвинув занавеску, он *обнаружил* потайную дверь.
- **обнаружить** 1.1A — действие: с акцентом на результате [агентов от 1.1]
- (b) При повторном исследовании медицинский эксперт *обнаружил* присутствие в теле яда; На заводе *обнаружили* растрату; Вглядевшись в берег, он *обнаружил* хижину; Он *обнаружил* в документе ошибку; Пропажу (деньги) *обнаружили* только на следующий день.
- **обнаружить** 1.1A(d) — происшествие [производная диатеза от 1.1A: подъем Приема]
- (c) Повторное исследование *обнаружило* присутствие в теле яда; Проверка *обнаружила* растрату; Вскрытие *обнаружило* паралич сердца.
- **обнаружить** 1.2 ‘прийти к заключению’ — происшествие [дериват 1.1; изменение T-категории объекта: предмет → пропозиция]
- Скоро он *обнаружил*, что океанское плавание — вещь малопривлекательная; Он только теперь *обнаружил*, до какой степени был одинок [= ‘обнаружил, что одинок в высокой степени’].
- **обнаружить** 2.1 ‘сделать видимым кому-то’ [об устраненной преграде] [производная диатеза от *обнаружить* 1.1]
- (d) Широко раскрытый рот *обнаружил* большое количество золота; Раскрывшиеся губы *обнаружили* два ряда белейших зубов (УК).
- **обнаружить** 2.2 ‘проявить’ — происшествие: с объектом [дериват *обнаружить* 2.1; категориальный сдвиг]
- (e) Первое же сражение *обнаружило* его отчаянную храбрость; Петькино замечание *обнаружило* (у него) врожденный ум; Война *обнаружила* их враждебность; Резкий выкрик *обнаружил* ее досаду; Его внешность *обнаруживала* отличное здоровье.
- **обнаружить** 2.3 — Посессор-субъект [производная диатеза от *обнаружить* 2.2: декаузативация + подъем Посессора]
- (f) В первом же сражении он *обнаружил* отчаянную храбрость; Берлиоз *обнаружил* солидную эрудицию; Он кашлянул и этим *обнаружил* себя [свое существование / местоположение]; Он не *обнаружил* признаков жизни; Резким выкриком она *обнаружила* свою досаду; подтянул брюки, *обнаружив* (свои) клетчатые носки.
- **обнаружить** 2.3A — действие: рефлексивное [агентов от 2.3]
- (g) Он намерен был *обнаружить* себя [= свое существование / местоположение], появившись среди казаков; [он] считал неприличным *обнаружить* свою радость (Ч.).

Среди разных лексем выделяется исходная, корневая (*обнаружить* 1.1), у которой соответствие между участниками ситуации и синтаксическими актантами наиболее прямое. Остальные возникают в результате диатетических и категориальных сдвигов.

Остановимся на некоторых “трудных” переходах.

обнаружить 1.1A(д)

Как соотносятся друг с другом глагольные конструкции в примерах (а) и (с)?

- (а) Геолог *обнаружил* в тайге следы тигра [*обнаружить* 1.1];
- (с) Повторное исследование *обнаружило* присутствие в теле яда [*обнаружить* 1.1A(д)].

Конструкции различаются тем, что в (а) субъект — Эксперимент (лицо); а в (с) таксономический класс субъекта — событие, и Экспериментом такой субъект быть не может. Кажется бы, различие между (а) и (с) такое же, как между (а') и (с'), где в (а') субъект — лицо, а в (с') событие:

- (а') Отец *разбудил* меня в шесть;
- (с') Меня *разбудил* звонок в дверь.

Однако это не совсем так. И в (а') и в (с') субъект только Каузатор — с той разницей, что в (а') субъект, будучи Агенсом, контролирует свое воздействие на объект, а в (с') нет. Между тем у *обнаружить* в (а) субъект не только Каузатор (и вообще не обязательно Каузатор), прежде всего он Эксперимент. Поэтому простое изменение таксономического класса — замена имени лица на имя события — в контексте (а) привело бы к разрушению самой сути значения *обнаружить* как перцептивного глагола. В этом отличие *обнаружить* от *показать*, который допускает такую замену, поскольку у него субъект только Каузатор, а Эксперимент выражен дативом. (Поэтому, между прочим, в контексте

⟨...⟩ это [то, что концы башлыков у детей были завязаны узлами сзади] *обнаруживало*, что у них есть еще папы и мамы (ДЖ)

уместнее был бы глагол *показать*.)

Чтобы “дойти” от (а) до (с), надо ввести в рассмотрение конструкцию, представленную примером (b):

- (b) При повторном исследовании эксперт *обнаружил* присутствие в теле яда [*обнаружить* 1.1A].

Хотя исходная таксономическая категория у *обнаружить* — происшествие, этот глагол может употребляться и в значении сознательного действия¹⁵; номинатив в (с) обозначает не просто Каузатора, а Агенса — это подтверждено наличием твор. падежа, который выражает Способ (Прием), используемый Агенсом для достижения своей цели. Тогда через (b) можно перейти от (а) к (с) с помощью диатетического сдвига — подъем Приема:

- (b) ⇒ (с) Повторное исследование *обнаружило* присутствие в теле яда.

¹⁵ Отметим, что у *обнаружить* 1.1 есть форма пассива (*пропажа обнаружена*), что свидетельствует о полноправности его агентивного значения и отличает *обнаружить* от *увидеть* (**колонна увидена*).

При переходе от (b) к (c) Агенс оказывается За кадром. Вместе с ним туда же уходит и Эксперидент (поскольку это один и тот же участник). Однако этот Эксперидент еще не Наблюдатель: имплицитный Эксперидент глагола *обнаружить* в (c) — это тот Агенс, который предполагается смыслом слова *исследование*.

Теперь видно, что (c) отличается от (c') таксономической категорией субъекта: в (c) субъект не просто событие (как *звонок, шум*), а действие, предполагающее Агенса (как *исследование, проверка*).

Итак, лексическая семантика идентифицирует субъекта глагола *обнаружить* в его исходном употреблении прежде всего как Эксперидента. Именно по этой причине нельзя заменить имя лица на имя события в позиции субъекта глагола *обнаружить* в значении 1.1, что отличает *обнаружить* от *разбудить* и даже от *показать*, где субъект — только Каузатор.

В семантике *обнаружить* большую роль играет членение предложения на тему и рему; так, *Обнаружена пропажа* говорят тогда, когда пропажа произошла; а *Пропажа обнаружена*, скорее всего, означает, что пропавший предмет нашли (так что слово *пропажа* имеет два значения). В исходном употреблении обнаруженное в реме и глагол обозначает происшествие, см. (8). Если же обнаруженное в теме, как в (9), то глагол, скорее всего, обозначает сознательное действие:

- (8) И вот, как согрешивший херувим, / он пал на землю с облака. И тут-то / он обнаружил под рукой *трубу* (Бродский).
 (9) *Стелу* обнаружили в Ялте.

обнаружить 2.1

обнаружить 2.1 получается из 1.1 диатетическим сдвигом; участник Место, который у *обнаружить* 1.1 занимал периферийную позицию (например, *в тайге*), переходит в позицию субъекта и становится Каузатором; а Эксперидент уходит за кадр. Ср. (a) и (d):

- (d) Широко раскрытый рот *обнаружил* большое количество золота [*обнаружить* 2.1].

Такой сдвиг возможен лишь при условии, что обозначение места можно понять как снятую преграду (не просто *во рту*, а *в раскрытом рту*). Типичная грамматическая форма для этого значения *обнаружить* — деепричастная, например:

- (d') Халат у нее распахнулся, *обнаружив* колени в рваных трико (УК).

Подразумеваемый субъект деепричастия обозначает тот предмет, который служил преградой; в (d') это халат. Необходимый для семантики *обнаружить* Эксперидент оказывается за кадром: он превращается в Наблюдателя.

обнаружить 2.2 = 'проявить'

В (e) объект выражает признак (*храбрость*), а субъект — Сферу проявления признака, или просто проявление. Проявление служит причиной осознания Признака Эксперидентом:

- (e) Первое же сражение [Проявление] *обнаружило* его отчаянную храбрость [Признак].

Сфера проявления Признака — это как бы его вместительница (так, *ум* проявляется в замечании; *досада* — в выкрике, *храбрость* — в сражении), так что

предложение (е) использует конструкцию (d), наполняя ее новым содержанием: Наблюдатель видит Признак в его Проявлении, как золотые зубы во рту в примере (d).

Таким образом, *обнаружить* 2.2 получается из 2.1 в результате двойного — категориального сдвига: субъект осмысляется не как Место, а как Событие с участием Предмета (*первое же сражение*); объект — не как Предмет, а как Признак Предмета, в нем проявившийся (*отчаянная храбрость*).

обнаружить 2.3

Пример (f) — это опять новая синтаксическая конструкция — с обязательной частичной кореференцией объекта и субъекта:

(f) Берлиоз *обнаружил* солидную эрудицию.

Хотя подлежащее в (f) — лицо, оно заведомо не Эксперимент, который здесь, как в (d) и в (е), за кадром. В (f) легко распознать конструкцию с расщеплением валентности, иначе — с внешним Посессором, см. гл. I.3. Так что (f) происходит из (f') — в результате диатетического сдвига, Посессор становится вершиной группы субъекта, а Обладанное — объектом:

(f') *Обнаружилась* солидная эрудиция [Обладанное] Берлиоза [Посессор] ⇒

(f) Берлиоз [Посессор] *обнаружил* солидную эрудицию [Обладанное].

О том, что субъект у *обнаружить* 2.3 не что иное, как внешний Посессор, свидетельствует тот факт, что у объекта этой лексемы валентность на Посессора либо запрещена вовсе (**Иван не обнаружил признаков жизни Петра*), либо заполняется кореферентным местоимением — возвратным (*Резким выкриком Иван обнаружил свою досаду / *досаду Петра*).

Сама же структура (f') есть результат медиальной декаузативации, которая переводит генитивную группу из объектной позиции в субъектную:

(f') ⇐, (f'') Некто / нечто *обнаружил(о)* солидную эрудицию Берлиоза.

Противопоставление по наличию / отсутствию *свой* в структурах типа (f) значимо: *свой* означает, что говорящий имеет презумпцию наличия у Предмета данного свойства. Так, если в предложение (10) вставить *свой*, оно будет означать, что говорящему храбрость была известна заранее:

(10) В первом же сражении он *обнаружил (свою)* отчаянную храбрость.

А отсутствие *свой* показывает, что это свойство является новостью для говорящего:

(11) Ливерий, в просторечии Ливка, рос сорванцом, *обнаруживая* разносторонние и незаурядные способности (ДЖ).

обнаружить 2.3А

Значение 2.3А отличается от 2.3 только таксономической категорией; *обнаружить* 2.3 — происшествие, а 2.3А — это сознательное действие:

(g) Он намерен был *обнаружить* себя [= 'свое существование / местоположение'], появившись среди казаков (П.).

Граница между намеренным действием и происшествием нечеткая. Например, (g') допускает оба понимания:

(g') Хорошо, что он все-таки не *обнаружил* свою лень при чужих людях.

2. Модели семантической деривации. Все деривационные модели, связывающие друг с другом разные значения глагола *обнаружить*, продуктивны, т. е. многократно повторяются в семантических парадигмах других слов.

Так, агентивация субъекта (категориальный сдвиг), которая превращает невольного Каузатора в сознательного Агенса (т. е. значение 1.1 в 1.1А), является продуктивной моделью, например, для глаголов звука¹⁶:

- (12) а. спускался по лестнице, *звения* ключами [субъект — невольный каузатор];
 б. *звенел* ключами, чтобы дать о себе знать [субъект — Агенси].

Значение 1.1А(д) получается из 1.1А; это распространенный диатетический сдвиг — подъем Приема (см. гл. 4):

- (13) Мать убаюкивала ребенка *пением* ⇒ *Пение* убаюкивало ребенка;
Этим жестом он выразил свое негодование ⇒ *Этот жест* выразил его негодование.

Конструкция с внешним Посессором (*обнаружить* 2.3) — это тоже результат диатетического сдвига, см. § 3.2.

Последующая агентивация Посессора-субъекта, которая объясняет соотношение между 2.3 и 2.3А, — это категориальный сдвиг. Ему подвержены, например, глаголы звука; так, в (14б), пример из Падучева 1998б, *броненосец*, попав в позицию субъекта, воспринимается как каузатор звука, будучи на самом деле лишь Местом его Источника:

- (14) а. Якорные канаты броненосца *скрежетали* ⇒
 б. Броненосец *скрежетал* якорными канатами.

Переход от *обнаружить* 1.1 к 1.2 обосновывается деривационной моделью “спецификация объекта”; это категориальный сдвиг, главная модель семантической деривации, изменяющая тематический класс глагола (см. гл. I.2):

- (15) рассматривать *фигурку* [восприятие];
 рассматривать *вопрос* [ментальное действие].

Итак, разные употребления *обнаружить* связаны одно с другим отношениями семантической деривации. Каждому типу многозначности соответствует правило изменения значения (диатетический или категориальный сдвиг), которое действует не только на данном глаголе, но и на множестве других.

Наш деривационный анализ выявил ограничения на реализацию конструкций, фиксирующие контекстное значение глагола. Так, можно объяснить, почему *обнаружил* в примере (16) понимается в значении 2.3, а не 1.2 — почему речь идет об изменении перцептивного состояния Эксперимента за кадром, а не субъекта:

- (16) Осип Брик в ряде статей *обнаружил*, что он никогда не понимал Маяковского.

Дело в том, что комплетив с союзом *что* не может обозначать физический предмет, в ряде статей обозначает не место, а проявление свойства субъекта — непонимания им Маяковского: *ряд статей* — это то, чем руководствовался за кадром Эксперимент, пришедший к своему заключению. Если в ряде статей отбросить, станет возможным понимание *обнаружить* примера (16) в значении 1.2: ‘Брик обнаружил про себя, что он...’.

¹⁶ Модель агентивации еще шире, чем в литературном языке, используется в сфере сленга, см. Розина 2000.

Другой пример. В (17) субъект обозначает Агенса, а не внешнего Посессора, т. е. *обнаружить* имеет значение 2.3А, а не 2.3. Почему? Дело в том, что если субъект — внешний Посессор, то объект должен обозначать новый, неизвестный говорящим признак; между тем в (17) возвратное местоимение и *опять* указывают на обратное:

(17) Почти в то же самое время и Афанасий Иванович Тоцкий (...) *опять обнаружил* свое старинное желание жениться (Д.).

3. Дейктические аспекты фигуры Наблюдателя. Вернемся еще раз к траектории перемещений Эксперientа по дереву значений глагола *обнаружить*. Эксперient в исходном значении *обнаружить* 1.1 занимает позицию субъекта. В 1.1А один и тот же участник совмещает роли Эксперientа и Агенса, а в 1.1А(д) Эксперient ухаживает за кадр. Однако участник Прием предполагает Агенса, а Агенс является, по совместительству, Эксперientом. Так что Эксперient контекстуализуется через подразумеваемого Агенса, обычно упомянутого в предшествующем тексте.

Зато в значениях 2.1—2.3А закадровый Эксперient допускает только дейктическую интерпретацию и имеет право называться Наблюдателем.

Глагол *обнаружить* демонстрирует те же эффекты, связанные с присутствием Наблюдателя, что *показаться*. Так, (18б) аномально, поскольку подлежащим в нем не может быть 1-е лицо: в речевом режиме интерпретации говорящий должен быть субъектом, а не объектом наблюдения; а (18в) интерпретируется в синтаксическом режиме¹⁷, и аномалия пропадает:

- (18) а. Он не *обнаруживал* признаков жизни;
 б. *Я не *обнаруживал* признаков жизни;
 в. Иван говорил, что в тот момент я не *обнаруживал* признаков жизни.

У *обнаружить* 1.1 есть производный декаузатив; у возвратного глагола участник Эксперient находится за кадром, т. е. является Наблюдателем:

обнаружиться 1.1 (декаузатив от *обнаружить* 1.1) = ‘возникнуть в поле зрения’:

За дверью *обнаружился* коридор; Под брюками *обнаружились* клетчатые носки; Губы спящего раскрылись, и *обнаружился* ряд стиснутых зубов.

Итак, Наблюдатель бесспорно присутствует в семантике *обнаружить* и *обнаружиться*. Однако он “менее дейктичен”, чем у *показаться*. Почему?

У *показаться* перфектное состояние чисто перцептивное — оно очень кратковременное и быстро становится неактуальным, см. раздел 5.4. Между тем в семантике глагола *обнаружить* видение легко превращается в знание, которое, в отличие от видения, является устойчивым состоянием. Кроме того, знание легко передается от человека к человеку, становясь достоянием сообщества. Поэтому у *обнаружить(ся)* Наблюдатель часто ощущается как собирательный. По той же причине у *обнаружиться*, в отличие от *показаться*, может возникать значение существования¹⁸, что сближает его с *появиться*.

Семантика глагола *показаться* фиксирует расположение Наблюдателя по отношению к Предмету как удаленное, а восприятие — как зрительное. Между

¹⁷ О режимах интерпретации см. Падучева 1996: 171.

¹⁸ В СРНГ (вып. 22, Л., 1987) значение слова *обнаружиться* передается как ‘начать существовать, появиться’: *Тогда ишь людей-то некому было лечить, да и нечем. Это счас столько лекарств обнаружилось.*

тем для *обнаружить* канал, по которому Эксперидент получает информацию, не фиксирован. Во всяком случае, эта информация не обязательно визуальная. Так, из фразы (19) без контекста не ясно, было ли обнаружение результатом видения. Контекст, см. (20), показывает, что нет:

(19) Она уже за дверь *обнаружила*, что у матери гость (ДЖ).

(20) В комнату вошла девочка лет восьми с двумя мелко заплетенными косичками. Узко разрезанные, уголками врозь поставленные глаза придавали ей шаловливый и лукавый вид. Когда она смеялась, она их приподнимала. *Она уже за дверь обнаружила, что у матери гость*, но, показавшись на пороге, сочла нужным изобразить на лице нечаянное удивление, сделала книксен и устремила на доктора немигающий, безбоязненный взгляд рано задумывающегося, одиноко вырастающего ребенка (Там же).

Обнаружение может быть результатом осознания, а не просто восприятия:

(21) Она не заметила, как ушел поезд, и *обнаружила* его исчезновение только после того, как обратила внимание на открывшиеся по его отбытии вторые пути с зеленым полем и синим небом по ту сторону (ДЖ).

Все это аргументы в пользу семантической разложимости Наблюдателя.

* * *

Итак, диатетический подход к соотношению между участниками ситуации и синтаксическими актантами глаголов восприятия позволяет представить Наблюдателя как Эксперидента за кадром и тем самым включить фигуру Наблюдателя в один ряд с такими, на первый взгляд, отличными и различными между собой явлениями, как: бессубъектный пассив; “опущенный” участник *пыль* в сочетании *выбить ковер*; подразумеваемый субъект сознания слов *вдруг*, *внезапно*; и мн. др. Разумеется, не случайно, что участник Лишнее, такой как *пыль* в *выбить ковер*, действительно уходит из перспективы за кадр, а участник Эксперидент (и Субъект сознания), уходя за кадр, напротив, повышается в ранге, персонализируясь в говорящем. Представляется, что установление связи между Наблюдателем, Эксперидентом и диатезой увеличивает ценность всех трех понятий.

§ 6. О сирконстантах глагола *видеть*

В Апресян 1996 словарная статья глагола *видеть* содержит в явном виде сведения как об актантах, так и о сирконстантах: никакого деления участников на обязательные и необязательные не предполагается. Между тем, можно думать, способ представления в словаре информации об актантах (которых мало) и о сирконстантах (которых много) не одинаков. А именно, участник-актант — и соответствующий ему семантический компонент — входит в толкование в явной форме; а сочетаемость с сирконстантом можно предсказать и его компонент так или иначе в ы в е с т и из толкования.

Многих необязательных участников ситуации ‘видеть’ можно предсказать, если пополнить толкование *видеть* за счет *смотреть*. Человек, который видит, смотрит:

видеть \supset ‘смотреть’.

(Обратное неверно: как было выяснено в § 5.2, смотреть можно и не видя.) Так что мы вправе дополнить экспликацию *видеть* компонентом «фиктивное движение», который выявлен в *смотреть*. В самом деле, многие аспекты сочетаемости глагола *видеть* объясняются, если постулировать в его семантике компонент «движение». Это движение взгляда от Эксперимента к объекту восприятия.

Компонент «движение» проявляет себя в семантике *видеть* в том, что участник Место (Эксперимента) входит в ситуацию видения как исходный пункт движения; например, можно сказать *увидел с поворота дороги, с крыльца*. Этот участник сохраняется даже у *выглядеть*:

(1) Представляю, как смешно это выглядело *снизу*.

Компонент «движение» в семантике глаголов восприятия дает о себе знать также тем, что в ситуации видения могут присутствовать участники Препграда и Проход:

- (2) *в окно* видел; *вижу через полуоткрытую дверь; через щелочку;*
 (3) *вижу сквозь стекло.*

Участник Место объекта восприятия присутствует в толковании *видеть* в § 5.1 (в соответствии с Wierzbicka 1980a: 115), т. е. может претендовать на статус актанта глагола *видеть*. В статусе сирконстанта он предсказывается — на базе компонента «движение» — как Конечная точка. Место и Фон — это один и тот же участник: все дело в размещении фокуса внимания. Участник Фон активизирован у глаголов *оттенить* и *различить* (очертания на Фоне), *выделить(ся)* (из Фона); *теряться в* = ‘быть неразличимым на Фоне’; может быть — у *приглядываться* = ‘рассматривать не только X, но и окружение X-а’, т. е. его фон. Глагол *сливаться* выражает неразличимость границ между Перцептом и Фоном.

В число сирконстантов глагола *видеть* входит Инструмент (*видеть без очков, увидел в телескоп*):

(4) *А в лучший телескоп* мы можем увидеть примерно 100 миллионов звезд (Зощенко. Возвращенная молодость).

Казалось бы, инструмент плохо согласуется со стативной семантикой глагола *видеть*. Однако *видеть* относится к состояниям с внутренней каузацией (в смысле Levin, Rapoport Novav 1995: 91): чтобы видеть, субъект состояния должен обладать соответствующей способностью или органом — глазами. По-видимому, возможность участия в ситуации Инструмента, усиливающей способность, можно извлечь из того, что *глаза*, инкорпорированный участник ситуации ‘видеть’, — это тоже орудие.

В ситуации видения важную роль играет свет, см. об этом Faber, Pérez 1997. Освещенность — это условие видения, и несоблюдение этого условия исключает возможность видеть — так же как удаленность или препграда на пути:

- (5) *увидел при вспышке молнии;*
Впервые я увидел его при вечернем освещении; в ярком свете;
с трудом увидел в наступившей темноте.

Идея ‘свет’ проглядывает в словах, близких к *видеть*, ср. сленговое *засветиться* ‘быть увиденным’; *тебе не светит* = ‘тебе не видать’ (и, далее, ‘не

быть в контакте, не иметь’); у глаголов *просветить*, *высветить* в семантическом разложении есть компонент ‘увидеть’, поскольку эти действия имеют цель обеспечить возможность видеть; *пролить свет* ‘способствовать видению-пониманию’. В примере (6) *выводит его* (Юпитера) *на свет* = ‘делает так, чтобы было видно (всем)’:

(6) Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и *выводит его на свет* (П.).

В тоже время *X во мраке* = ‘X не виден / не понятен’; *затмить* = ‘погрузить во тьму, тем самым сделать невидимым’. Ср. также *отсвечивать* в значении ‘отражать свет’, т. е. ‘находиться в личном пространстве говорящего’, ‘без необходимости попадаться на глаза’ (*Ну что ты здесь отсвечиваешь?*).

Для того чтобы считать *свет* инкорпорированным участником глагола *видеть*, нет достаточных синтаксических оснований. В то же время “вычислить” его из толкования никаким образом нельзя.

Участники Степень и Ракурс, которые отражают возможность неполного видения, если и предсказываются толкованием, то чересчур сложно; их нужно специально указать:

(7) Отсюда я впервые увидел его *во весь рост*;
Я видел ее только *в профиль*.

Как и следовало ожидать, у *заметить*, с неакцентированным компонентом ‘смотреть’, участников-сирконстантов гораздо меньше; так, *увидел из окна* нормально, а сочетание *заметить из окна* сомнительно:

(8) Как я *заметил* еще *из окна*, каждый из них что-то нес. Кто горшок, кто авоську, кто кошелку (Войнович).

Таким образом, мы можем заключить, что некоторые из необязательных участников должны быть прямо указаны в толковании. Однако в целом попытка представить сочетаемость с сирконстантами как выводимую из толкования имеет смысл.

Приложение

Глаголы восприятия¹⁹

✓	белеть	возникнуть	возникать
✓	блестеть	✓	вонять
✓	вглядеться	вообразить	воображать
✓	взглянуть	воспринять	воспринимать
✓	✓	впериться	✓
✓	взирать	✓	впечатлять
✓	виднеться	вслушаться	вслушиваться
✓	✓	всмотреться	всматриваться
видеться	внимать	встретить	встречать
внять	✓		
воззриться			

¹⁹ Глаголы объединены в видовые пары. Отсутствие парного вида отмечается знаком ✓. Первым всегда стоит глагол СВ, и слова расположены в алфавитном порядке глаголов СВ. Глагол НСВ, не имеющий парного СВ, стоит на том месте, где он стоял бы, если бы был глаголом СВ.

встретиться	встречаться	оглядеться	оглядываться
выбиться	выбиваться	оглянуться	оглядываться
✓	выглядеть	✓	озирать
выглянуть	выглядывать	✓	озираться
выделиться	выделяться	оказаться	оказываться
выискаться	✓	опознать	опознавать
✓	вырисовываться	опомниться	✓
выслушать	выслушивать	ослепнуть	слепнуть
высмотреть	высматривать	ослепить	ослеплять
высунуться	высовываться	осмотреть	осматривать
выявить(ся)	выявлять(ся)	осмотреться	осматриваться
✓	глядеть	✓	осязать
заглохнуть	✓	✓	отсвечивать
заглушить	заглушать	открыть(ся)	открывать(ся)
заглянуть	заглядывать	отличить	отличать
задеваться	✓	отметить	отмечать
засветиться	✓	отобразить(ся)	отображать(ся)
заметить	замечать	отождествить	отождествлять
запечатлеть(ся)	запечатлевать(ся)	отследить	отслеживать
засвидетельствовать 1 —	свидетельствовать 1	оттенить	оттенять
заслонить(ся)	заслонять(ся)	охранить	охранять
застать	заставать	очнуться	✓
застичь	застигать	очутиться	✓
застукать	✓	ощупать	ощупывать
затеряться	✓	ощутить	ощущать
✓	звучать	✓	ощущаться
изобразить(ся)	изображать(ся)	✓	пахнуть
исчезнуть	исчезать	поглядеть	глядеть
✓	любоваться	поглядеться	глядеться
мелькнуть	мелькать	подглядеть	подглядывать
наблюдать	наблюдать	подкараулить	подкарауливать
✓	надзирать	подметить	подмечать
найти(сь)	находить(ся)	подслушать	подслушивать
наметиться	намечаться	подсмотреть	подсматривать
напороться	напарываться	подстеречь	подстергать
нарваться	нарываться	показать	показывать
наткнуться	наткаться	показаться	казаться
нащупать	нащупывать	покоситься	коситься
недоглядеть	✓	померещиться	мерещиться
недосмотреть	✓	попасться	попадаться
✓	нюхать	попробовать	✓
обознаться	✓	послышаться 1	✓
обнажить(ся)	обнажать(ся)	послышаться 2	слышаться
обнаружить	обнаруживать	посмотреть	смотреть
обнаружиться	обнаруживаться	посмотреться	смотреться
обнюхать	обнюхивать	потерять(ся)	✓
обозначить(ся)	обозначать(ся)	почувствовать(ся)	чувствовать(ся)
обозреть	обозревать	почудиться	чудиться
✓	обонять	почуять	чуять
обрисовать	обрисовывать	пощупать	щупать
оглядеть	оглядывать	появиться	появляться
		представить(ся)	представлять(ся)

привидеться	✓	распознать	распознавать
приглядеть	приглядывать	распробовать	✓
приглядеться	приглядываться	расслышать	✓
прислушаться	прислушиваться	рассмотреть	рассматривать
присмотреть	присматривать	✓	следить
присмотреться	присматриваться	✓	слушать
присниться	сниться	✓	созерцать
попробовать	пробовать	✓	светиться
проворонить	✓	✓	свидетельствовать 2
проглядеть	проглядывать	✓	скользить
✓	проглядываться	✓	скрыть(ся)
проглядеть	✓	слиться	скрывать(ся)
проглядываться	✓	смолкнуть	видеться
прозевать	прозевывать	стихнуть	✓
промелькнуть	✓	спрятать	прятать
проморгать	✓	спутать	путать
пронюхать	✓	✓	стеречь
пропасть	пропадать	столкнуться	сталкиваться
пропустить	пропускать	✓	сторожить
просветить	просвечивать	✓	тарашиться
✓	просвечивать	✓	торчать
проскользнуть	проскальзывать	увидеть	видеть
проследить	проследивать	увидеться	видеться
прослушать 1	прослушивать	узнать	узнавать (кого в ком)
прослушать 2	✓	узреть	✓
прослышать	✓	уловить	улавливать
просмотреть	просматривать	✓	улавливаться
✓	просматриваться	умолкнуть	умолкать
проступить	проступать	услышать	слышать
проявить(ся)	проявлять(ся)	усмотреть	усматривать
прояснить(ся)	прояснять(ся)	установиться	✓
✓	пялиться	утаиться	утаиваться
разглядеть	разглядывать	✓	угадываться
раздаться	раздаваться	✓	шпионить
различить(ся)	различать(ся)	✓	щупать
разобрать	разбирать	явиться	являться
разыскать(ся)	разыскивать(ся)		

Глава 3

К СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ЗНАНИЯ. ФАКТИВНОСТЬ

Глаголы знания мы рассмотрим в их отношении к фактивности.

Термин фактивность (и фактивные предикаты) получил распространение в лингвистике после влиятельной работы П. и К. Кипарских (Kiparsky P. & C. 1970), в которой была сделана первая серьезная попытка лингвистической ассимиляции понятия пресуппозиции-презюмции. Фактивный глагол был определен как глагол с презюмцией истинности своего пропозиционального дополнения, иначе — с презюмцией факта. Например, в контексте *он сожалеет, что ошибся* ошибка — факт, а в *он считает, что ошибся* это не так.

Именно в этом же значении термин фактивность использовался в работах Karttunen 1971, 1978, Shrage 1981, Зализняк, Падучева 1987, Арутюнова 1988, Булыгина, Шмелев 1988, Падучева 1988, Зализняк 1990 и многих других. Статья Вендлера (Vendler 1980/1987) связала фактивность со способностью подчинять косвенный вопрос. Вендлер спутал все карты: такой глагол, как *спросить*, способен подчинять косвенный вопрос (*Я спросил, куда она идет*), но о его фактивности, т. е. о презюмции истинности, не может быть и речи, так как косвенный вопрос при *спросить* не только истинной пропозиции, но и вообще никакой замкнутой пропозиции не выражает. Поскольку понятие презюмции продолжает играть в лингвистике важную роль, стоит вернуться, на новом этапе развития лингвистической семантики, к фактивным презюмциям (в их связи с косвенным вопросом) и к глаголам знания.

Как и ранее, мы описываем значения слов схематическими толкованиями — своего рода семантическими формулами, которые не претендуют на исчерпывающее отражение смысла и включают преимущественно такие компоненты смысла слова, которые а) проявляются в языковом поведении и б) повторяются в значении многих слов, объединяя слова в достаточно большие классы²⁰.

К числу таких повторяющихся смыслов принадлежат компоненты «знание» и «мнение». Речь будет идти о компоненте «знание» и его роли в уточнении понятия пресуппозиции.

§ 1. Понятие пресуппозиции в логике и в лингвистике

Пресуппозиция (презюмция) в логике имеет следующее определение: пропозициональный компонент Р высказывания S есть п р е с у п п о з и ц и я S,

²⁰ Ср. понятие структурной формулы в химии. Структурная формула отражает способность вещества вступать в те или иные соединения; возможна связь между фрагментом формулы и “физическим” свойством вещества, и т. д.; то же верно, *mutatis mutandis*, для семантической формулы слова.

если из истинности S следует P и из ложности S следует P; т. е. если ложность P свидетельствует о семантической аномальности S. Например, предложение

(1) Иван знает, что столица США — Нью-Йорк

аномально, потому что имеет ложную пресуппозицию. У предложения просто ложного его отрицание истинно; между тем, если отрицать (1), т. е. сказать *Иван не знает, что столица США — Нью-Йорк*, получится предложение не более близкое к истине, чем (1).

Определение презумпции через истинность / ложность непригодно для лингвистических целей: для лингвиста, в отличие от логика, истина и ложь никак не могут быть исходными понятиями. Для лингвистического использования определение презумпции следует изменить. Если логик скажет: “Высказывание S имеет пресуппозицию P”, то лингвист предпочтет сказать: “Семантическая формула высказывания S включает семантический компонент ‘Я знаю, что P’”.

Для лингвиста знание — неопределяемое понятие, оно относится к числу примитивов в Wierzbicka 1980a и 1996. Знание — это трансцендентно возникающее состояние субъекта, неясно даже, чем каузируемое, ср. нормальное *Почему ты так считаешь?* и аномальное **Почему ты так знаешь?* (Дмитровская 1998). Истинность P в обычной жизни равносильна утверждению “P”; а “P ложно” на практике эквивалентно утверждению “Я знаю, что не P”.

Заменив в определении пресуппозиции-презумпции истинность на знание, мы получаем лингвистически содержательное понятие:

Если в предложении S пропозициональный компонент P — презумпция, то семантическая формула предложения S включает семантический компонент ‘Я знаю, что P’.

Следует только уточнить, что это знание исходное, фоновое — такое, которое говорящий не подвергает сомнению, принимает за данность. Именно это придает презумптивному компоненту статус условия осмысленности; и именно поэтому презумптивный компонент переходит без изменения из утвердительного предложения в отрицательное.

Итак, отметим следующие аспекты лингвистического понимания презумпции.

1) Презумпция — это компонент смысла высказывания (тем самым отпадает проблема тавтологий, которые при логическом определении презумпции паразитически оказываются презумпциями любого высказывания).

2) Субъект (носитель) презумпции — говорящий (о том, что глагол с презумпцией эгоцентричен, т. е. ориентирован на говорящего, см., в частности, Падучева 1996: 262).

3) Презумпция — это знание говорящего. В самом деле, предложение (1) аномально вовсе не для всякого говорящего, а только для того, который знает, что столица США не Нью-Йорк.

З а м е ч а н и е. Карттунен (1985) говорит несколько иначе — “Фраза Q с презумпцией P обязывает говорящего считать, что P (т. е. что P истинно)”. Карттунен не делает различия между *считать* и *знать*; важно, однако, что уловлена зависимость ощущения аномалии от говорящего.

4) Презумпция — это ф о н о в о е, исходное, знание говорящего (background knowledge), не подвергаемое сомнению.

Отдельный вопрос — предполагает ли говорящий аналогичное знание у слушающего; это определяется презумпцией и з в е с т н о с т и (= прагматической презумпцией), которая может сопровождать или не сопровождать презумпцию истинности, см. Падучева 1977. Обычно известность не является ингерентным компонентом в семантике слова, а зависит от просодии предложения. Ср. (2а), с презумпцией известности, и (2б), без такой презумпции (здесь и ниже \ — знак главного фразового ударения, / — второстепенное ударение; — обозначает понижение тона, не имеющее выделительной функции):

- (2) а. Иван не знал \, что там есть гостиница —;
 б. Иван не знал /, что там есть гостиница \.

В (2б) говорящий не только говорит об Иване, но, одновременно, сообщает слушающему о гостинице, не предполагая, что он это знает.

Презумпция известности легко подавляется: даже если Адресат фразы (2а) не знает про гостиницу, он легко сделает вид, что знает. См. об адаптации говорящего к презумпциям в Chierchia 1995.

Презумптивному статусу компонента семантической формулы противопоставлен а с с е р т и в н ы й. Ассертивный компонент и подвергается отрицанию при отрицании предложения в целом.

Переопределив презумпцию через знание говорящего, мы можем дать объяснение ряду примеров “странного” поведения глагола *знать* — в частности, того, что осмысленность предложения с глаголом *знать* может зависеть от лица и времени глагола.

ПРИМЕР 1. Почему аномально предложение (3б)?

- (3) а. Иван не знает, что она приехала;
 б. *Я не знаю, что она приехала.

Глагол *знать* несет презумпцию истинности подчиненной пропозиции, что, как было сказано выше, порождает компонент ‘Я знаю, что Р’. Это дает для (4а) семантическую формулу, состоящую из компонентов 1 и 2:

- (4а) *Иван знает, что она приехала* =
 1) ‘Иван знает, что она приехала’ [ассерция];
 2) ‘Я знаю, что она приехала’ [презумпция].

При отрицании (4а) мы получаем для предложения (3а) формулу вида:

- (3а#) 1) ‘Иван не знает, что она приехала’ [ассерция];
 2) ‘Я знаю, что она приехала’ [презумпция].

В формуле предложения (4а) ассерция и презумпция различаются субъектами глагола *знать*. Между тем в предложении (4б), которое является исходным утвердительным для отрицательного (3б), субъекты в ассерции и в презумпции совпадают — подлежащее *я* в обоих компонентах обозначает говорящего. Поэтому в формуле (3б#) предложения (3б) одна и та же пропозиция должна отрицаться, будучи ассерцией, и сохраняться, будучи презумпцией:

- (4б) *Я знаю, что она приехала*;
 (3б#) ‘Я знаю, что она приехала’ [ассерция], [презумпция].

Отсюда и аномалия, см. обсуждение примеров типа (3) в Падучева 1977. Другие примеры такого рода, демонстрирующие целесообразность определения презумпции через знание говорящего, мы рассмотрим в § 4.

§ 2. Фактивные и нефактивные предикаты

Презумпции бывают разные по содержанию — презумпции существования, презумпции истинности, оценочные и проч. В известном примере Филлмора, сравнившего глаголы *criticise* ‘осудить’ и *accuse* ‘обвинить’, у глагола *осудить* презумпция истинности, а у *обвинить* — оценочная:

- (1) а. *осудил за P / не осудил за P* \supset ‘P имело место’;
 б. *обвинил в P / не обвинил в P* \supset ‘P плохо’; нет презумпции, что P имело место.

Два типичных класса предикатов²¹ с презумпцией истинности — эмотивы и глаголы знания:

- (2) *(не) сожалею, (не) рад, (не) удивляюсь; (не) забыл, (не) вспомнил + что P* \supset ‘P имело место’.

Между тем глаголы мнения не имеют фактивной презумпции:

- (3) *(не) считаю, (не) сказал + что P* — нет презумпции, что P имеет место.

Презумпции истинности иначе называются фактивными. Согласно одному остроумному логическому определению, факт — это то, что ИМЕЕТ МЕСТО, когда истинна соответствующая пропозиция (*Это не факт* = ‘сомнительно, чтобы это имело место’). В этой шутке есть рациональное зерно — факта нет, пока нет пропозиции (очевидно, в чьем-то сознании), см. о фактах Арутюнова 1988: 152.

Откуда же в предложении берется фактивная презумпция (которая далее обязывает говорящего к определенному образу мыслей при употреблении этого предложения в высказывании)? Очевидно, она возникает в контексте фактивного предиката, составляя один из компонентов его смысла.

В логических терминах фактивные предикаты — это предикаты с презумпцией истинности пропозитивного актанта, т. е. предикаты с фактивной презумпцией.

Если *V* — фактивный предикат, то

$$V, \text{ что } P \supset P \text{ истинно (= имеет место);}$$

$$\neg(V, \text{ что } P) \supset P \text{ истинно (= имеет место).}$$

Иными словами, *P* следует как из утверждения предложения с предикатом *V*, так и из отрицания. Определение фактивного предиката, удобное для лингвистических применений, основывается на признаках 1 и 2.

ПРИЗНАК 1. В смысл утвердительного предложения с глаголом *V* входит компонент ‘говорящий знает, что *P*’ (иначе — ‘*P* имеет место’, или *P* — факт). Т. е. в ситуации употребления *V* в высказывании говорящий знает, что *P*.

ПРИЗНАК 2. В смысл отрицательного предложения с глаголом или предикативом *V* входит тот же компонент ‘говорящий знает, что *P*’.

Чтобы предикат *V* был фактивным, необходимо²², чтобы хотя бы при одной из своих интонационных моделей предложение с этим предикатом обладало признаками 1 и 2. Например, глаголы *жалеть* и *забыть* фактивные:

²¹ Мы используем термин предикат, поскольку в рассмотрение входят не только глаголы, но и предикативы, такие как *интересно, жаль*.

²² Необходимо, но не достаточно, см. о презумпции как фоновом знании в § 1.

- (4) а. Вася *жалеет*, что соврал [в формулу входит компонент ‘говорящий знает, что Вася соврал’];
 б. Он *забыл*, что сейчас времена другие [в формулу входит компонент ‘говорящий знает, что сейчас времена другие’].

Упоминание об интонационной модели в определении фактивного глагола нужно по следующей причине. Презумпции в лингвистическом понимании являются прежде всего при взаимодействии глагола с отрицанием, а структура и смысл отрицательного предложения зависят от коммуникативной структуры исходного утвердительного, в частности — от его интонационной модели²³.

З а м е ч а н и е об общих правилах взаимодействия отрицания с линейно-интонационной структурой. Отрицание падает на рему. Формально рема — это слово с главным фразовым ударением. Содержательно — ударение зависит от известности: рема — новое; следовательно, ударное; известность, напротив, влечет безударность. Нормально фразовое ударение падает на конец фразы, но если факт известен, т. е. находится в общем поле зрения говорящего и слушающего, ударение сдвигается с конца ближе к началу и попадает на глагол главного предложения, оставляя подчиненную пропозицию безударной:

(5) А: Поздравляю тебя!

В: Спасибо. Я *забыл* \, что у меня сегодня день рождения _ .

Так что главное фразовое ударение на глаголе главного предложения означает, что содержание пропозиции Р находится в общем поле зрения говорящих; это п р е з у м п т и в н а я интонационная модель. Главное фразовое ударение на подчиненной пропозиции означает, что она не предполагается известной, а напротив, вводится в общее поле зрения участников диалога данным высказыванием. Глагол при этом либо безударный, либо несет второстепенное восходящее ударение (главное фразовое ударение в невопросительном предложении нисходящее); это и н т р о д у к т и в н а я интонационная модель. Например, в (6) она используется в речевом акте напоминания:

(6) Ты *забыл* /, что у меня сегодня день рождения \ .

У “идеального” фактивного глагола есть не только фактивная презумпция, но и презумпция известности подчиненной пропозиции слушающему. Таков, например, глагол *жалеть*, который практически не допускает интродуктивной модели, так что фразовое ударение всегда на глаголе; поэтому:

(7) НЕ (Я *жалею* \, что это сказал _) = Я не жалею \, что это сказал _ .

То же касается глагола *сожалеть* (хотя его англ. эквивалент *regret* не имеет этого ограничения):

(8) *Мы *сожалеем* /, что ваш доклад не включен \ в программу.

Но есть глаголы с двумя моделями, например *забыть*. Наличие презумптивной модели как одной из возможных — уже достаточное основание для того, чтобы считать глагол фактивным:

(9) НЕ (Я *забыл* \, что у тебя сегодня день рождения _) = Я этого не забыл \ .

При интродуктивной модели предложение не имеет хорошего отрицания; так, (10б) не есть отрицание (10а):

- (10) а. Я *забыл* /, что у нее сегодня день рождения \;
 б. Я *не забыл* /, что у нее сегодня день рождения \ .

²³ Об интонационных моделях глаголов с пропозициональными актантами см. Кодзасов 1988, Paducheva 1995.

Если глагол не несет главного фразового ударения, отрицание (частица *не*) при этом глаголе не будет выражать точного отрицания исходного предложения (ср. в этой связи Богуславский 1985: 29 и сл.); так, (11), с отрицанием на слове *я*, носителе главного фазового ударения, скорее означает ‘это не я придумал’, а не ‘неверно, что я сказал, что это я придумал’.

(11) Я не сказал /, что это я \ придумал [скорее всего, это не я придумал].

В Karttunen 1971 фактивы, т. е. глаголы с презумпцией факта, сопоставлены с другими классами глаголов с нетривиальным, но каждый раз одинаковым поведением под отрицанием. Так, глаголы, у которых из истинности предложения S семантически следует истинность его подчиненной пропозиции P, но отрицание не сохраняет истинности, Карттунен называет *и м п л и к а т и в н ы м и*; они имеют импликацию истинности. К этому классу относятся, например, глаголы восприятия; ср. (12а) и (12б):

(12) а. Я видела, что он плакал \supset ‘он плакал’;

б. НЕ (Я видела, что он плакал) = Я не видела, плакал он или нет.

Впрочем, глаголы восприятия имеют и фактивные употребления; так, (13) имеет смысловой компонент ‘я, говорящий, знаю, что они купались’:

(13) НЕ (Ваня видел \, как они купались \) = Ваня не видел \, как они купались \.

Особый класс составляют *б и м п л и к а т и в ы* (*удалось, сумел, добился*), у которых S несет импликацию P, а *не-S* — импликацию *не-P*, см. (14), и глаголы *о т р и ц а т е л ь н о й и м п л и к а ц и и*, у которых S несет импликацию *не-P*, см. (15):

(14) Он *добился* того, что статью опубликовали \supset ‘статью опубликовали’;

Он *не добился* того, чтобы статью опубликовали \supset ‘статью не опубликовали’;

(15) забыл закрыть \supset ‘не закрыл’;

делает вид \, что понимает \ \supset ‘не понимает’;

притворяется, что болен \supset ‘не болен’ [независимо от акцента].

В Зализняк 1988 для обобщения этих противопоставлений вводится понятие *и м п л и к а т и в н о г о т и п а* глагола.

Пример глагола без импликаций — *заставлять*: фраза *Он заставлял меня писать диссертацию*, равно как и ее отрицание, ничего не говорят о наличии написанной диссертации.

Фактивными являются предикаты следующих тематических классов:

— эмотивы, например: *жалеть, сожалеть, рад, огорчен*;

— глаголы знания, например: *забыть, вспомнить, напомнить, признать*;

— глаголы сообщения, например: *сообщить, информировать, предупредить*.

Нефактивными являются:

— глаголы говорения, такие как *говорить, сказать, утверждать, заявлять, объявлять, настаивать, подтверждать, отрицать, уверять*, пример (16);

— глаголы мнения, такие как *предполагать, считать*, пример (17):

(16) Вася *сказал*, что живет на Басманной;

(17) Я *считаю*, что ему надо отдохнуть.

Отдельный вопрос — является ли фактивным глагол *знать*. Как показывает пример (2) из раздела 1, *знать* фактивно во всех употреблениях, кроме 1-го ли-

ца наст. времени. Дело в том, что в этой форме у глагола *знать* пропадает фактивная презумпция²⁴:

- (18) а. НЕ (Иван знает, что она приехала) = Иван не знает, что она приехала;
 б. НЕ (Я знаю, что она приехала) = Я не знаю, приехала она или нет.

Примеры (3), (4) из § 1 показывают, как это происходит: презумпция оказывается равна ассерции.

Свои особые свойства субъект 1-го лица проявляет только в наст. времени — в прош. времени 1-е лицо неотличимо от 3-го, ср. (19) и (36) из § 1:

- (19) НЕ (Я знал, что она приехала) = Я не знал, что она приехала.

В самом деле, в составе презумпции 'Я знаю, что Р', см. пример (4) из § 1, фигурирует именно наст. время глагола *знать*²⁵.

§ 3. Глаголы, подчиняющие косвенный вопрос

До сих пор речь шла о фактивности глаголов, у которых предикатный актанта выражает пропозицию — суждение, которое может быть истинным или ложным. Вендлер (Vendler 1980/1987) применил термин фактивность к глаголам, подчиняющим косвенный вопрос. Что же выражает косвенный вопрос (КВ)?

В Хинтике 1974 дан анализ предложений с КВ, согласно которому в логической структуре предложения вопросительному местоимению соответствует переменная, которая связана квантором существования, имеющим максимальную сферу действия — (1а) имеет смысл (1#):

- (1) Иван знает, где находится его жена;
 (1#) 'Существует место X, про которое Иван знает: его жена находится в месте X'.

В логической структуре предложения (1) квантор существования находится вне сферы действия *знать* и не может быть внесен внутрь и заменен на кванторное местоимение. Для сравнения, в примере (2) квантор существования выражен словом *существует*, но может быть заменен на *какой-нибудь*; т. е. (2а) = (2б):

- (2) а. Число X не простое, если *существует* другое число, на которое X делится;
 б. Число X не простое, если оно делится на *какое-нибудь* другое число.

Между тем в (1) такая замена невозможна — (1) ≠ (3):

- (3) Иван знает, что его жена находится в *каком-нибудь* месте.

Презумпция определяется в логике как истинная пропозиция. Так что глаголы с подчиненным КВ не могут быть названы фактивными уже потому, что их актанта — не пропозиция, а пропозициональная форма.

Рассмотрим предложение с косвенным вопросом:

- (4) Вася сказал Дуне, где он живет.

²⁴ Отметим, что *знать* может быть нефактивно и в 3-м лице, ср. пример из Степанова 1996: 178: *Никто не знает, что он останавливался в этой гостинице* [фактив] и *Никто не знает, останавливался ли он в этой гостинице* [не фактив].

²⁵ Ср. о зависимости значения глагола *думать* от лица и времени в Апресян 1995: 192 и Кустова 19986.

Оно не несет презумпции, что подчиненная пропозиция Р истинна: презумпция истинности — это знание говорящего; между тем (4) не обязывает говорящего даже з н а т ь содержание пропозиции, сообщаемой адресату речи (т. е. субъекту знания):

(4) Вася сказал Дуне, где он живет \supset

- 1) адресат речи знает, что Р' (где Р' — пропозиция, составляющая ответ);
- 2) говорящий не имеет оснований сомневаться, что Р' истинно / имеет место.

Говорящий допускает, что Р' истинно / имеет место. Т. е. Вася сказал нечто, что его адресат принял за истину, а говорящий не подверг сомнению. Это не есть ситуация фактивности, где субъект знания — говорящий²⁶. Непричастность говорящего еще более очевидна в (5):

(5) Этот мальчик видел, кто сбил прохожего.

Вендлер, анализируя глаголы, подчиняющие косвенный вопрос, ставит две увлекательные проблемы.

ПРОБЛЕМА 1. Почему часто бывает так, что глагол (например, *сказать*), у которого в контексте пропозиционального аргумента (*сказал, что Р*) нет импликации истинности, приобретает ее в контексте КВ:

- (6) а. Он сказал Дуне, *что* живет в Сан-Франциско [а на самом деле он живет в Окленде, я знаю];
- б. Он сказал Дуне, *где* он живет = 'Он сделал так, чтобы Дуня з н а л а' = 'сообщил'.

ПРОБЛЕМА 2. Почему глагол мнения неспособен подчинять косвенный вопрос:

*считаю / *уверен, где он живет; *предполагаю / *допускаю, кто взял.

Проблема 1 сейчас имеет убедительное решение. Способность подчинять косвенный вопрос связана с идеей знания (см. Baker 1970, Kiefer 1981); семантические формулы глаголов с КВ содержат общий смысловой компонент «знание» (это положение было подробно обосновано в Падучева 1988):

- (7) *Он интересуется, кто ...* = 'хочет знать';
Он спрашивает, кому ... = 'хочет знать, и потому говорит нечто';
Он вспомнил, где ... = '(знал, потом забыл), сейчас снова знает';
Напомни мне, когда ... = 'сделай так, чтобы я вспомнил, т. е. снова стал знать'.

Но компонент «знание» не является в семантической формуле КВ-глаголов презумпцией. Во-первых, субъект знания у КВ-глагола не обязательно говорящий — это один из участников ситуации, обозначаемой глаголом; так, в примере (6) это некая Дуня. Во-вторых, статус компонента «знание» в толковании КВ-глаголов не презумптивный. Прямо наоборот, он обязательно ассертивный: глаголы, у которых компонент «знание» является презумпцией, не подчиняют косвенный вопрос; так, в семантической формуле эмотивов есть компонент «знание» (поскольку это глаголы с фактивной презумпцией), но в составе пре-

²⁶ Поэтому возможность продолжения у глаголов положительного суждения (о которой говорится в Булыгина, Шмелев 1988: 55, ср. *Я придумал, что ему подарить: дудочку*) возникает только в том случае, если глагол в предложении имеет, случайно, субъект 1-го лица.

зумпции, и потому эмотивы не допускают косвенного вопроса: **Мне жаль, на ком он женился*²⁷.

Неспособны подчинять косвенный вопрос и глаголы, описывающие такую ситуацию, когда состояние знания — не непосредственный результат действия или происшествия, а побочное следствие, импликация. Взять, например, глагол *доказать*: непосредственный результат доказательства — в том, что кто-то поверил; знание доказавшего есть вторичное последствие его деятельности (см. Падучева 1988), и потому не удивительно, что этот глагол не обладает (или обладает весьма ограниченной) способностью подчинять косвенный вопрос. Так что невозможность косвенного вопроса при *доказать* не противоречит сделанному обобщению.

Итак, общее свойство всех КВ-предикатов — компонент «знание» в асертивном (или имплицативном) статусе: в контексте отрицания это будет «незнание». Чтобы объяснить пример (6), следует уточнить, что подчинять косвенный вопрос могут не только такие предикаты, которые имеют в своей структурной формуле компонент «знание», как *напомнить*, но и такие, которые способны принять этот компонент в свою структурную формулу, как глагол *сказать*. В самом деле, *сказать* не имеет этого компонента в своей исходной семантической формуле, но способен его присоединять, попадая в контекст подчиненного косвенного вопроса, как в примере (6б). Иными словами, конструкция с КВ требует предиката с асертивным компонентом «знание» и допустима при тех глаголах, которые либо уже содержат этот компонент, либо могут его принять. Это глаголы, у которых компонент «знание» не противоречит их собственной семантике²⁸.

В Булыгина, Шмелев 1988 было обращено внимание на то, что в контексте предикатов с компонентом ‘не знать’ косвенный вопрос может иметь более разнообразную структуру, чем у предикатов с компонентом ‘знать’; например, возможно *Интересно, где же они были*, с частицей *же*, но не **Я знаю, где же они были*. Это не отменяет, однако, того, что КВ в любом случае требует от подчиняющего предиката смыслового компонента «знание»²⁹.

Теперь ясно, что вторая проблема Вендлера, почему глаголы мнения исключают КВ, имеет простое решение: компонент, требуемый семантикой косвенного вопроса, не только не входит в формулу глагола мнения, но и не способен присоединиться к ней, поскольку мнение противоречит знанию. Надо заметить, что *думаю*, согласно анализу в Wierzbicka 1969: 20, предполагает ‘не знаю’; компонент ‘не знаю’ имеет, однако, неасертивный статус, который недостаточен для косвенного вопроса³⁰.

²⁷ Следует уточнить, что компонентом «знание» мы называем некоторый класс фрагментов семантической формулы — ‘X знает’, ‘X не знает’, ‘X хочет знать’. Например, при отрицании *интересоваться* подвергается отрицанию компонент ‘X хочет знать’.

²⁸ Такая же ситуация с глаголами, допускающими генитивный субъект, см. гл. 9: это глаголы, которые либо имеют некоторый семантический компонент, либо могут его присоединить.

²⁹ Более сложный вопрос — есть ли общая семантика у КВ в контексте когнитивных глаголов (т. е. глаголов знания) и в контексте глаголов типа *зависеть* (см. Bogusławski 1979) — *Что она думает, зависит от того, с кем она общается*.

³⁰ В том, что КВ связан с компонентом ‘знать’, нет особой загадки: ‘вопрос’ превращается в контексте подчиняющего КВ-глагола в ‘знать ответ на вопрос’.

Глаголы в контексте подчиненного КВ имеют общую просодическую черту — они несут на себе главный фразовый акцент. Можно думать, что константное ударение на глаголе в конструкции с КВ наследуется от асертивного компонента «знание» в его толковании. Между тем глаголы мнения избегают фразового акцента: **Я считаю* \, *что она хорошенькая*, см. Зализняк, Падучева 1987.

§ 4. Примеры

Пример 1 в § 1 показывал, какие преимущества дает определение презумпции не через истинность, а через знание говорящего. Рассмотрим еще несколько примеров этого типа.

ПРИМЕР 2. Почему предложение (1б) аномально?

- (1) а. Он думает, что знает, *где* я нахожусь;
б. *Он думает, что знает, *что* я нахожусь на Кипре.

Глагол *думать* в 3-м лице совместим с контрфактической инференцией:

Он думает, я его испугался \supset 'Я его не испугался'.

В прош. времени ее не избегает и 1-е лицо:

Я *думал*, тебя нет в Москве,

см. в Зализняк, Падучева 1987 о несочувственной интерпретации глаголов мнения:

- (2) а. Он *думает*, его за это похвалят [несочувственная интерпретация: ложное мнение];
б. Иван *думает*, что урожай будет хороший [нейтральная интерпретация: просто мнение].

Предложение (1б), с несочувственной интерпретацией *думать*, аномально потому, что имеет ложную презумпцию. В самом деле, несочувственная интерпретация *думать* требует, чтобы было истинно 'Он не знает, что я нахожусь на Кипре'; но эта пропозиция, из-за своего *не знает*, имеет презумпцию 'Я нахожусь на Кипре' — очевидным образом ложную: если бы она была верна, он бы действительно знал, что я нахожусь на Кипре, т. е. несочувственная интерпретация *думать* была бы неуместна. Возникает противоречие и как следствие — аномалия. А (1а), с косвенным вопросом, не несет никакой презумпции относительно моего местопребывания³¹.

ПРИМЕР 3. У глаголов, ориентированных на будущее, например у *предсказать*, способность подчинять КВ зависит от времени глагола. Так, (3а) возможно и предполагает знание о том, что предсказание сбылось; но (3б) не допускает такой интерпретации, поскольку в настоящем не может быть знания о будущем:

- (3) а. Он предсказал, кто будет президентом;
б. °Он предсказывает, кто будет президентом.

В (3б) *предсказывает* может быть понято только в узуальном значении.

³¹ См. в Булыгина, Шмелев 1988 иную интерпретацию примеров типа (1).

ПРИМЕР 4 (по мотивам Апресян 1988). Почему (4б) аномально, т. е. почему несов. вид *вспоминать* возможен в контексте косвенного вопроса, но не в пропозициональном?

(4) а. Он *вспомнил*, как ее зовут; б. Он *вспомнил*, что ее зовут Татьяна;

(5) а. Он *вспоминал*, как ее зовут; б. *Он *вспоминал*, что ее зовут Татьяна.

Дело в том, что *вспоминает* тот человек, который не знает ответа на вопрос: на поиск ответа направлена его мыслительная деятельность. Между тем (5б) содержит уже ответ, а не вопрос. Во фразе *Он не помнит, что ее зовут Татьяна*, абсолютно нормальной, глагол обозначает не деятельность, а состояние — незнания у объекта и знания у говорящего.

§ 5. Фактивность и знание

Итак, Вендлер утверждал, что способность подчинять косвенный вопрос — это показатель фактивности глагола. Из всего сказанного выше следует, однако, что эти два свойства — синтаксическое (способность подчинять косвенный вопрос) и семантическое (наличие фактивной презумпции) задают разные классы глаголов. С одной стороны, компонент «знание» в составе толкования глагола не есть еще фактивная презумпция говорящего: субъектом знания может быть не говорящий, а другое лицо (*Мальчик видел, кто сбил пешехода*). С другой стороны, фактивная презумпция говорящего не свидетельствует о способности предиката подчинять КВ: в *сожалею, что упустил* есть фактивная презумпция — ‘упустил’; но *сожалеть* не подчиняет КВ.

Взаимно предсказывают друг друга только компонент «знание», в ассертивном (или имплицативном, но не презумптивном) статусе, и способность подчинять КВ. В семантическую формулу глаголов типа *знать, вспомнить*, одновременно фактивных и способных подчинять КВ, предикат знания входит дважды: один раз знание принадлежит грамматическому субъекту, компонент «знание» имеет ассертивный статус; другой раз — говорящему, статус компонента презумптивный. Способность подчинять КВ обеспечивает ассертивное знание, а фактивность — презумптивное.

Таким образом, между общим семантическим свойством предикатов, подчиняющих косвенный вопрос, и фактивностью (в общепринятом смысле) следующие различия.

1. В контексте подчиненного КВ *знает* некий факт — ответ на вопрос — не говорящий, а один из участников ситуации; про говорящего можно лишь сказать, что он, в общем случае, не имеет противоречащих сведений (т. е. не думает обратного), иначе он не употребил бы глагол с пресуппозицией факта по отношению к 3-му лицу.

2. В семантике предложения с КВ компонент «знание» не является презумпцией. Прямо наоборот, этот компонент должен быть ассертивным. Поэтому в контексте отрицания КВ-глагола возникает компонент «незнание» — например, *Иван не помнит, кто дал ему деньги* \supset ‘Иван не знает, кто дал ему деньги’; а тогда нет никакого факта (“неэксPLICITного положительного суждения” по Булыгина, Шмелев 1988) — не только в сознании говорящего, но и у “простого” участника ситуации.

Некоторые глаголы пропозициональной установки (например, *подозревать*, *догадываться*) допускают, в числе прочих, такое употребление, которое действительно требует фактивной презумпции говорящего. Наличие у говорящего презумпции знания соответствующего факта специально выражается ударением; так, в (1а) есть фактивная презумпция говорящего об обмане — скорее всего, он сам входит в число обманщиков; а в (1б) — нет:

- (1) а. Иван подозревает \, что его обманывают _ ;
б. Иван подозревает /, что его обманывают \.

Так что различие между фактом как презумпцией говорящего и наличием компонента ‘Субъект сознания (не говорящий) знает, что Р’ в любом случае должно быть четко проведено. Употребления *подозревать* с подчиненным КВ носят маргинальный характер, ср.:

Михаил был необычайно замкнутым человеком. Родственники даже не *подозревали*, чем он вообще занимается. (...) Михаил выступал [в эстрадных программах] с художественным чтением (Довлатов. Наши).

Необоснованное сближение фактивной презумпции со способностью подчинять косвенный вопрос объясняется чисто терминологической неурядицей, в которой повинен Вендлер, назвавший фактивами не фактивные глаголы по Кипарским, а просто глаголы знания. Сам Вендлер признается в конце своей статьи Vendler 1980/1987, что его интересовали предикаты знания и мнения, и вначале он называл их, соответственно, объективными и субъективными, а потом ему показалось, что в Kiparsky P. & C. 1970 те же самые классы глаголов названы, соответственно, фактивными и нефактивными.

Интересная и насыщенная новым материалом работа Вендлера имела многочисленные продолжения, в которых фактивность понималась по-разному.

Статья Булыгина, Шмелев 1988 “Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?” практически вмещается в рамки исконного понимания фактивности: авторы рассматривают фактивность как истинность подчиненной глаголу пропозиции (хотя и не обязательно сохраняющуюся при отрицании) и исходят из того, что для доказательства фактивности глагола следует по крайней мере найти в семантике предложения с КВ ту пропозицию, которая должна быть фактом. Так выявляется скрытая пропозиция, которая служит ответом на вопрос, содержащийся в КВ. Предлагаемое авторами деление глаголов на два класса — предикаты положительного суждения и игноративы — основано именно на том, что не всякий глагол, подчиняющий КВ, подразумевает такую скрытую пропозицию. Главным контекстом для КВ (т.е. контекстом, допускающим самый широкий круг КВ) являются как раз игноративы, не порождающие скрытой пропозиции. Так что на вопрос, поставленный в заглавии статьи, ответ дан однозначно отрицательный: способность иметь подчиненный КВ и фактивность — это разные свойства.

В НОСС 1997: XXXIII фактивами, вслед за Вендлером, называются глаголы знания, а способность глагола сочетаться с КВ признается “наиболее бесспорным признаком фактивности”. Если, однако, отказаться от использования занятого термина и назвать глаголы знания не фактивными, а именно глаголами знания, т.е. заменить термин фактив на более прозрачный — глагол знания, то вместо загадочной связи косвенного вопроса с фактивностью можно

говорить о связи косвенного вопроса с глаголами знания, которая, как кажется, установлена достаточно надежно.

Итак, если признать, что фактивные глаголы по Вендлеру — это просто глаголы знания, то все встает на свои места. Утверждение Вендлера о том, что КВ является самым надежным маркером фактивности, лишается своего парадоксального смысла: сочетаемость с КВ, как мы выяснили, действительно является характерным свойством глаголов знания; более того, у глаголов, допускающих двойное управление, таких как *сказать*, в контексте КВ толкование пополняется именно компонентом «знание», что и было, в сущности, продемонстрировано Вендлером, см. пример (6) из § 3.

* * *

Теперь, когда ясно, что есть два р а з л и ч н ы х употребления термина фактивность, стоит заметить, что между ними есть и сходство. Гениальная ошибка Вендлера заставила обратить внимание на связь глаголов, фактивных по Кипарским (глаголов с презумпцией истинности), с глаголами, фактивными по Вендлеру (способными подчинять косвенный вопрос): и у тех и у других есть семантический компонент «знание». Различие же в том, что у фактивных глаголов знание находится в пресуппозиции и его субъект — говорящий, а у глаголов, подчиняющих косвенный вопрос, обладателем знания является один из обычных участников ситуации, а сам компонент «знание» ассертивный и в первую очередь подвергается отрицанию.

Понятие фактивного глагола сейчас в какой-то степени утратило свою ценность: стало очевидно, что результатом семантического анализа должны быть не классы глаголов (классов получается слишком много), а структурная формула — толкование — каждого в отдельности (и общие правила контекстных модификаций). На формулах видно, например, что обладателем знания может быть говорящий и простой участник ситуации; что компонент «знание» может порождать положительное суждение и не порождать его; во втором случае, согласно Булыгина, Шмелев 1988, глагол может иметь подразумеваемую положительную пропозицию и не иметь ее; компонент «знание» может присутствовать в семантике глагола в исходном употреблении, с комплетивом (*вспомнить, что*), или только добавляться в структурную формулу в контексте косвенного вопроса, как у глагола *сказать*, и т. д. Формула должна содержать все эти сведения и предсказывать поведение глагола в достаточно широком классе контекстов.

Итак, обратившись теперь к глаголам знания как к тематическому классу, мы можем считать их характерным признаком наличие двух диатез — с пропозициональным актантом и с косвенным вопросом. В гл. 5 эти диатезы будут названы, соответственно, прямой и косвенной. Имеется достаточно устойчивая семантическая традиция различать у *знать* и у других глаголов с ассертивным компонентом «знание» два значения, см. Wierzbicka 1969, Хинтикка 1974. А тогда следует включить пропозитивное и вопросительное значение в парадигму регулярной многозначности этих глаголов. Надо сказать, что словари этих значений не различают; например, СЯП отождествляет пропозитивное употребление *знать*, как в *Я знал, что вы мне поможете*, с вопросительным, как в *Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья*.

§ 6. Глаголы воздействия на ментальное состояние

В гл. I.2 мы ввели понятие строевого компонента и показали, что строевые компоненты — такие как каузация, начинательность, отрицание — не меняют принадлежности глагола к тематическому классу. Так, *показать* естественно рассматривать в одном ряду с *видеть*; *молчать* — на фоне *говорить*; *объяснить* — вместе с *понять*. Ниже мы остановимся на глаголах каузации ментального состояния, которые имеют примечательную семантическую парадигму.

Глаголы воздействия на ментальное состояние (например, *объяснить* = ‘каузировать понять’), в том числе — чисто информационное (*сообщить* = ‘каузировать знать’), входят в более широкий класс глаголов воздействия на внутреннее состояние человека: перцептивное (*показать, насторожить*), волитивное (*убедить* = ‘каузировать иметь намерение’), эмоциональное (*испугать*). О глаголах воздействия на эмоциональное состояние см. в гл. 4; о волитивных глаголах — в гл. 5.

Самый естественный способ воздействия одного человека на внутреннее состояние другого — речь, см. о речевых глаголах ментального воздействия в Гловинская 1993б. Но носителем информации может быть не только речь. Каузаторм изменения внутреннего состояния может быть событие (*отъезд огорчил; приход подтвердил*); информация о событии (*его слова обрадовали*) или информация, возникшая в ходе протекания события (*проверка показала, эксперимент объяснил*). Так, во фразе *Его приход меня испугал*, где субъект обозначает событие, каузаторм изменения состояния тоже может быть не само событие, а информация о нем — метонимические сдвиги такого рода носят достаточно общий характер.

К глаголам каузации ментального состояния относятся, например:

- (1) объяснить, прояснить, доказать, подтвердить, опровергнуть, подсказать, убедить.

Семантическая парадигма глаголов изменения ментального состояния создается за счет двух параметров — таксономическая категория и диатеза.

Флективность таксономической категории у глагола связана с тем, что воздействие может быть контролируемым и не контролируемым:

- (2) а. И в а н *показал* мне, что коробка пуста;
 б. Е г о с м у щ е н и е *показало*, что он это знал;
 в. П р о в е р к а *показала*, что в кассе недостача.

Соответственно, глаголы этого класса могут обозначать действие, как в (2а), и происшествие, как в (2б). К примеру (2в) мы еще вернемся.

Что касается диатезы, то у глаголов из (1) имеется участник, который можно трактовать как Результат: для достижения своей цели, т. е. для воздействия на ментальное состояние Адресата, Агнс создает некий интеллектуальный или информационный продукт — такой как *объяснение, доказательство, подтверждение, обоснование, подсказка, аргумент* и т. д. Так, *объяснил* = ‘предложил объяснение’; *доказал* = ‘предъявил доказательство’. В гл. IV.2 подробно развивается мысль о том, что при наличии актанга, выражающего Результат, глагол СВ с акциональным значением нельзя заменить на парный НСВ. Так, у глагола НСВ в (3а) значение не акциональное, а перфектное (см. Падучева 1996: 154):

объясняют здесь значит, что уже объяснили. Между тем глагол в косвенной диатезе, без участника Результат, может быть акциональным; (3б) — вполне уместный ответ на вопрос “Что он там делает?”:

- (3) а. Отсутствие жены президента на вечере журналисты *объясняют* болезнью;
 б. Он *объясняет* отсутствие на вечере своей жены.

На базе двух параметров, таксономическая категория и диатеза, у глаголов типа *объяснить* возникает следующая характерная шестичленная семантическая парадигма. У глагола СВ с объектом-Агентом возможны два значения — с обычной диатезой, 1.СВ, действие, и с диатезой, включающей участника Результат, 2.СВ; это действие с акцентом на результате; значение 3.СВ получается из 1.СВ категориальным сдвигом — заменой Агенса на событийный каузатор и соответствующим изменением таксономической категории глагола — от действия к происшествию, ср. примеры (2а) и (2б) выше. Далее, из трех значений парного НСВ только у 1.НСВ видовое соотношение с 1.СВ стандартное; а 2.НСВ — перфектная пара к 2.СВ; и 3.НСВ — диспозиция к 3.СВ (см. о диспозициях Падучева 1996: 105):

		СВ	НСВ
Субъект — Агент	1	действие; обычная диатеза: <i>Он объяснил начальству свое отсутствие</i>	действие: <i>объяснял нам причину своего молчания</i>
	2	действие; диатеза с участником Результат: <i>объяснил головную боль переутомлением</i>	перфектное состояние: <i>объясняет головную боль: переутомлением</i>
Субъект — Событие	3	происшествие: <i>Появление Пети объяснило мне отсутствие Вани</i>	диспозиция: <i>Приход Пети объясняет отсутствие Вани</i>

Отношение производности между исходным значением *объяснить* и его семантическими дериватами показано на схеме.

-
1. СВ [действие; диатеза обычная]: *Он объяснил нам свое отсутствие* = ‘причину своего отсутствия’;
 2. СВ [действие с акцентом на результате; диатеза с участником Результат]: *Он объяснил отсутствие жены болезнью; отсутствие Вани приходом Пети*;
 3. СВ [происшествие]: *Появление Пети объяснило мне отсутствие Вани*;
 1. НСВ [действие; диатеза обычная]: *Он объясняет начальству свое отсутствие*; производное от 1.СВ, обычное видовое соотношение;
 2. НСВ [перфектное состояние]: *Он объясняет отсутствие жены болезнью*; производное от 2.СВ; перфектная пара;
 3. НСВ [диспозиция]: *Приход Пети объясняет отсутствие Вани*; производное от 3.СВ.

Глагол таксономической категории диспозиция выражает свойство информации, состоящее в способности быть причиной состояния. Способность той или иной информации быть объяснением, доказательством, подтверждением

и проч. вытекает из особого свойства этой информации: чтобы убеждать, информация должна быть убедительной. Так, в (4) *объясняет* в значении диспозиции З.НСВ выражает свойство Петиного прихода объяснить — понимающему — отсутствие Вани:

(4) Приход Пети *объясняет* отсутствие Вани.

Фраза (4) гласит, что *приход Пети* обладает способностью воздействовать на произвольный Субъект сознания таким образом, что ему становится ясна причина *отсутствия Вани*. Таким же образом предложение *Тряпка впитывает влагу* выражает свойство тряпки (гигроскопичность), состоящее в способности впитывать влагу.

При значении диспозиции участник Адресат, который есть в исходном активном значении *объяснить*, подвергается генерализации и уходит за кадр. При значении происшествия он возможен:

Приход Пети объяснил *мне* отсутствие Вани.

Диспозиция достаточно часто встречается как видовой коррелят происшествия и за пределами ментальных состояний; ср.

(5) а. Это *возвысило* ее в моих глазах [происшествие];

б. Это *возвышает* ее в моих глазах [диспозиция].

Разница между З.СВ (в прош. времени) и З.НСВ (в наст.) в том, что СВ не выявляет никакой внутренней связи между событием и изменением ментального состояния субъекта Y: констатируется только факт воздействия события X на Y-а. А З.НСВ, диспозиция, выдвигает на первый план именно эту связь: утверждается, что изменение состояния субъекта Y наступило в силу способности события X (точнее, информации, которую несет X) производить такое воздействие.

У глаголов *доказать*, *опровергнуть*, *подтвердить*, *убедить* система значений такая же, как у *объяснить*. Например, в (6а) перфектное состояние; в (6б) — диспозиция:

(6) а. Он *подтверждает* свое согласие;

б. Это исключение *подтверждает* правило.

Глагол *уговорить* близок по значению к *убедить*, но имеет неполную парадигму: у него неподдаваемый речевой компонент, и потому он неспособен к употреблению в значении происшествия (см. в гл. 6 об агентивности глаголов речи).

В принципе, структура с неагентивным субъектом может иметь два источника: категориальный сдвиг, как в (7), и диатетический, как в (8):

(7) а. Я *объяснил* истоки этих ошибок [действие];

б. Встрепанный вид Пети *объяснил* его вчерашнее отсутствие [происшествие].

(8) а. *Сплошной проверкой* редактор обнаружил массу ошибок [*сплошной проверкой* — Прием-Периф];

б. *Сплошная проверка* обнаружила массу ошибок [*сплошная проверка* — субъект].

Но если глагол неспособен (как *объяснить*) иметь участника Прием, неагентивный субъект может возникнуть у него только в результате категориального сдвига.

Противопоставление пропозитивной конструкции и косвенного вопроса, которым были посвящены § 1—5, свойственно и некоторым глаголам ментального воздействия. Однако вопрос о том, как производный каузатив наследует способность исходного глагола подчинять КВ, требует отдельного исследования. Так, глаголы *сообщить*, *объяснить* подчиняют КВ, а *подтвердить*, *доказать* — нет. Найти семантическое обоснование этому различию — отдельная задача.

Глава 4

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА ЭМОЦИИ

Майор вытащил довольно объемистую папку. На обложке была крупно выведена моя фамилия. (...) Я испытывал то, что почувствовала бы, допустим, свинья в мясном отделе гастронома.

С. Довлатов. Чемодан

Глаголы эмоции (иначе — психического состояния) раньше других получили признание как отдельный класс с характерными особенностями языкового поведения. Именно у них, прежде чем в других классах, было обнаружено сложное соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями. Разнообразие синтаксических вариаций у эмотивного глагола демонстрирует пример:

- (1) а. Меня *рассердила* его невнимательность;
- б. Он *рассердил* меня своей невнимательностью;
- в. Я *рассердился* на его невнимательность;
- г. Я *рассердился* на него за невнимательность.

Глаголы эмоции представляют интерес и в плане регулярной многозначности. Так, многие глаголы эмоции имеют производное ментальное значение, см. пример (из Зализняк 1983):

- (2) а. Я тебя *боюсь* [эмоция]; б. *Боюсь*, что ты не прав [ментальное значение].

Другой семантический сдвиг — от эмоции к выражающему ее речевому действию, см. Иорданская 1984: 214; Mel'čuk 1988: 354. Так, глагол *восхищаться*, типичное психическое состояние, в (3) обозначает речевое действие (пример из Иорданская 1984):

- (3) Гости почитали обязанностью *восхищаться* псарнею Кирила Петровича — один Дубровский молчал и хмурился (П.).

Тем самым эмоции оказываются весьма подходящим поприщем для демонстрации динамического подхода к семантике лексики. Наша задача — выявить деривационные отношения на множестве различных значений и употреблений глаголов эмоции. Каждому деривату мы сопоставим стоящую за ним деривационную модель. Конечным результатом будет семантическая парадигма глагола эмоции³².

§ 1. Глаголы эмоции как тематический класс

Начало изучению семантики глаголов эмоции было положено работой Иорданская 1970, где было показано, что значение глагола психического состояния

³² О семантической парадигме слова см. гл. II.1. В семантическую парадигму глагола эмоции включен производный имперфектив и возвратный глагол.

мало говорит о сути самого состояния — эмоции различаются прежде всего тем, какими причинами они вызваны. При этом психическое состояние вызывается скорее не самим событием, а тем, что субъект подумал о происшедшем; путь от события к состоянию лежит через мысль, интеллектуальную оценку: событие само по себе еще не предопределяет наступления эмоционального состояния. В самом деле, вопрос *Вы (не) рассердитесь, если я сделаю то-то и то-то?* естествен потому, что спрашивающий, зная, что произойдет, не может предсказать ментальную реакцию собеседника и уже как следствие — его эмоциональное состояние:

- (4) Правда, человеку необходимы и карманные деньги, хотя бы некоторые, но *вы не рассердитесь*, князь, если я вам замечу, что вам лучше бы избегать карманных денег, да и вообще денег в кармане (Д.).

Аналогично для *Вы (не) огорчитесь, если я уйду?*³³.

Причиной наступления психического состояния может быть либо информация о событии, либо непосредственное восприятие ситуации, см. об этом в Арутюнова 1976. Для глагола *огорчить* обычно первое. Однако фраза (5) неоднозначна; в интерпретации (а) будущее время фиксируется как время события, а в случае (б) — как время получения известия:

- (5) Алену *огорчит* твой отъезд =
 (а) ‘Алена будет огорчена, когда ты уедешь’;
 (б) ‘Алена будет огорчена, когда узнает, что ты уехал’.

В контексте выбор одной из этих двух интерпретаций, как правило, определен однозначно. Впрочем, неоднозначность может не ощущаться, поскольку два понимания группы *твой отъезд* метонимически связаны.

Представление о том, что имеет место событие X, может быть и ложным; ничего в состоянии субъекта Y от этого не изменится; это видно на примере:

- (6) Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже *волнуешься* (Ч.).

В Апресян 1995: 459 в формат толкования эмоции входит указание ее проявлений — симптомов эмоции. В самом деле:

- (7) *Дрожь* явление физиологическое и ничего общего с нормальным страхом не имеет. Впрочем, Анна Андреевна, услышав это, рассердилась: “Как не *страх?* А что еще?” (НМ).

Трудно, однако, сказать, что есть стандартное проявление, скажем, радости; круг действий, которые разные субъекты могут совершать *от радости*, достаточно велик:

- (8) *От радости*, что ее взяли гулять, она [Каштанка] прыгала, бросалась с лаем на вагоны (...) и гонялась за собаками (Ч.).

Есть известная философская проблема *other minds* (Austin 1961): каким образом человек узнает о внутреннем состоянии другого? На самом деле, идентификация чужой эмоции вовсе не обязательно вызывает затруднение. Чаще всего окружающие узнают о психологическом состоянии человека по тому, что он сказал. Вот как в рассказе Довлатова мы узнаем об эмоциональном состоянии гардеробщика:

³³ Вопросы *Вы (не) восхититесь, если ... ? Вы (не) разгневаются, если ... ?* менее естественны; возможно, потому, что глаголы *рассердиться* и *огорчиться* обозначают реакцию более нормальной, а восхищение и гнев в каком-то смысле чрезмерны.

- (9) Инвалид-гардеробщик за деревянным барьером пил чай из термоса. Буш протянул ему алюминиевый номерок. Гардеробщик внезапно *рассердился*:
— Это типичное хамство — совать номерок цифрой вниз!..

Другие примеры употребления глаголов *сердиться*, *рассердить* (во втором примере идентификация эмоции действительно вызывает затруднение):

- (10) — Почему же вы *сердитесь*? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное? (ММ);
— Вы его чем-нибудь *рассердили*? — отозвался князь, с некоторым особенным любопытством рассматривая миллионера в тулупе (Д.).

То, что эмоция, описываемая глаголом *рассердиться*, в принципе, наблюдаема, видно из естественности сочетания *рассердиться* с наречием *вдруг*, которое имеет семантическую валентность на Наблюдателя (Падучева 1996: 281):

- (11) Дедушка вдруг *рассердился* и сказал мне: “Ну, бери как знаешь, ступай”. Я вышла, а он и не поцеловал меня (Д.).

В формальном отношении глаголы эмоции разнородны: глагол может входить в видовую пару (*огорчиться* — *огорчаться*); может быть только несовершенного вида (*грустить*) и только совершенного (*растеряться*, *разочароваться*, *сконфузиться* если и имеют несов. вид, то только в тривиальном значении: *Я всегда теряюсь, когда мне так хамят*); быть каузативным (*испугать*) и некаузативным (*бояться*); возвратным (*радоваться*) и невозвратным (*сожалеть*). Отсюда разнообразие соотношений между участниками ситуации, заданными семантикой глагола, и их синтаксическими ролями.

Особенности языкового поведения глаголов эмоции определяются параметрами лексического значения, которые уже известны: это таксономическая категория (т. е. аспектуальный класс и агентивность), диатеза, тематический класс. Один и тот же параметр в одних случаях остается неизменным во всех употреблениях слова, относя слово к определенному классу, который соответствует данному значению параметра; в других параметр меняет свое значение, порождая разные значения / употребления одного и того же слова и тем самым структурируя его семантическую парадигму.

§ 2. Таксономическая категория глагола эмоции

В Иорданская 1970 глаголы эмоции были разделены на два класса — эмоциональные состояния (типа *бояться*, *радоваться*, *волноваться*) и эмоциональные отношения (типа *любить*, *гордиться*, *презирать*, *нравиться*). Для нас важно то, что различие между этими двумя классами глаголов категориальное: *любить*, *гордиться* — это устойчивые состояния, а *радоваться*, *обижаться* — временные. Это различие имеет ряд следствий, прежде всего — аспектуальное: глаголы устойчивого состояния принципиально не входят в видовую пару (*любить* — *полюбить* не пара по Маслову, см. определение видовой пары по Маслову в Зализняк, Шмелев 2000: 47), а у временных состояний видовой партнер, как правило, есть: *огорчиться* — *огорчаться*, *рассердиться* — *сердиться*,

и т. д.³⁴ Глаголы эмоционального отношения находятся на периферии класса эмоций, и далее речь идет только о глаголах эмоционального состояния.

Хотя глаголы эмоции часто называют глаголами психического состояния, структурное ядро класса составляют каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие (*волновать, радовать*). Глаголы психического состояния в русском языке преимущественно морфологически производные — возвратные (*волноваться* соотнесено с *волновать*; *радоваться* — с *радовать*). Впрочем, каузатив, семантически соответствующий возвратному глаголу эмоции, может выражаться другим глаголом, как *пугать* для *бояться*, или вовсе отсутствовать, как у *отчаяться*.

То, что в один тематический класс входят состояния и воздействия, вполне закономерно: каузация, которая различает эти глаголы, относится к числу строевых компонентов толкования слова (гл. 1.2 § 2), не влияющих на его принадлежность к тематическому классу.

Особенностью глаголов эмоции является их преобладающая неагентивность. Основные глаголы эмоции — такие как *возмутить, огорчить, взволновать, досадить, задеть, изумить, заинтересовать, опечалить, поддаться, поразить, прельстить, обрадовать, смутить* — не могут употребляться как глаголы действия: их парный НСВ (*возмущать, огорчать* и т. д.) обозначает состояние, а не деятельность.

К числу агентивных глаголов эмоции относятся: *вдохновить, вознаградить, воодушевить, заинтриговать, обидеть* (и в еще большей степени — *оскорбить*), *развлечь, раздражить, убедить, утешить*. Но для прототипических эмоций, таких как *огорчить, обрадовать, испугать*, агентивное употребление либо просто невозможно, либо является форсированным (ср. известную фразу *Он пугает, а нам не страшно*; в Арутюнова 1976: 157 в качестве агентивного коррелята к *пугать* приводится глагол *запугивать*). Глаголы, бесспорно агентивные (как *соблазнить* в одном из значений, см. Булыгина, Шмелев 1997: 183, или *издеваться, терроризировать*), обычно имеют спорную принадлежность к классу эмоций.

Один из путей семантического развития, идя по которому глагол эмоции может приобрести агентивность, — это присутствующий в семантике глагола эмоции (или легко в нее добавляемый) речевой компонент: причиной изменения внутреннего состояния субъекта, как правило, является информация, а лицо — носитель информации заведомо Агенс. Так, *оскорблять* — это прежде всего *говорить* оскорбительные вещи.

В статье Ruwet 1995 (о французских глаголах эмоции) приводится целый ряд тестов на агентивность, которые одни глаголы эмоции проходят, а другие нет. Среди этих тестов многие диагностируют, так сказать, неполноценную, или кажущуюся агентивность; так, употребления в контексте *вынужден / должен / боюсь вас огорчить; не хотелось вас огорчать; чтобы не огорчить* не доказывают, что глагол *огорчить* агентивный:

³⁴ Разумеется, есть исключения: *наскучить, разгневать* — СВ без парного НСВ; *забавлять, нервировать* — НСВ без СВ. Об устойчивых и временных состояниях в связи с видовой парностью см. Падучева 1996: 136 и сл.; вся эта проблематика ведет свое начало от работы Булыгина 1982.

Я не хотел вас огорчить = ‘я не хотел, чтобы мое действие — в частности, сообщение информации — было причиной вашего огорчения’.

Наличие у глагола формы императива тоже не диагностирует агентивность однозначно. Конечно, можно сказать *Удиви меня!*, однако это агентивное употребление у *удивить* форсированное и его агентивности не доказывает.

Самый сильный тест на агентивность для глагола русского языка — возможность употребления в несов. виде в значении деятельности: *оскорблял, убеждал, утешал, обижал, развлекал* обозначают деятельности. Между тем *вдохновлять* не деятельность (ср. “странный” диалог — *Что он там делает? — Кого-то вдохновляет*); а тогда и *вдохновить* не действие. Глагол *удивить* в контексте *Тебя ничем не удивил!* кажется агентивным; но *удивлять* не может быть деятельностью, и это ставит под сомнение агентивность *удивить*.

Другой тест на агентивность — сочетаемость с агентивными наречиями, например: *умело и тонко развлекал*. Этот тест диагностирует агентивность глагола совершенного вида, независимо от наличия парного несовершенного.

Агентивность глагола проявляется также в его способности выступать в пассивной конструкции: пассив в русском языке образуется только от агентивных глаголов. Так, *был вдохновлен, был утешен, успокоен* <кем-то> — это подлинные пассивные формы, и они диагностируют глаголы *вдохновить, утешить, успокоить* как агентивные. Между тем *был возмущен, огорчен, взбешен, заинтригован, восхищен, взволнован* — это сочетание связки с кратким страдательным причастием, обозначающим только состояние; эти сочетания не предполагают агентивного дополнения и не являются формами пассива (см. Князев 1989: 136):

(1) Он *огорчен*; *Он *огорчен* приятелем;

так что глаголы *возмутить, огорчить, взбесить, заинтриговать, восхитить, взволновать* не агентивные. Твор. падеж в (2) не является агентивным дополнением и не свидетельствует об агентивности глагола:

(2) раздражен *шумом*; не удовлетворен *полумерами*; испуган *появлением* полиции.

Предложение (3а) отличается от (3б) отсутствием агентивного (и вообще событийного) компонента:

(3) а. Он был *взбешен*; б. Он был *утешен* <кем-то/чем-то>.

Итак, для глагола эмоции таксономическая категория — весьма показательный параметр: в своей массе глаголы эмоции неагентивны. Категориальная принадлежность глагола эмоции предопределяет характерное семантическое соотношение в видовой паре: как правило, глагол эмоции является в сов. виде происшествием, а в форме несов. вида — состоянием или даже свойством (*это подавляет, вдохновляет, настораживает*).

В “типичной” для класса эмоций видовой паре *огорчить — огорчать* для глагола несов. вида есть две модели истолкования.

Модель 1 — как в паре *остаться — оставаться, охватить — охватывать*: состояние, обозначаемое глаголом НСВ, — это следствие того события, которое обозначено глаголом СВ. В толковании СВ и НСВ фигурируют одни и те же компоненты, меняется только их акцентный статус: у глагола НСВ акцент на статальном компоненте, а у СВ акцент переменный, см. Падучева 1996: 155—158.

Модель 2 — как в паре *задержать* — *задерживать*: глагол НСВ обозначает состояние, которое, чтобы длиться, должно чем-то поддерживаться. Таким фактором для эмоционального состояния является персеверирующая мысль о совершившемся “плохом” событии, см. Wierzbicka 1988: 105. В физической сфере такую структуру имеет, например, глагол *давить*, который обозначает состояние, являющееся следствием синхронно воздействующего фактора, см. Кустова 1998а.

§ 3. Роли и диатезы

Одна из проблем, которые интенсивно обсуждаются в литературе в связи с глаголами эмоции, — это соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями: то, что в американской лингвистике называется *linking problem*, см. Grimshaw 1990, Jackendoff 1990, Levin, Rappaport Novav 1995, Pinker 1989, Pesetsky 1995 и др.

Мы будем описывать это соответствие, опираясь на понятие диатезы. Чтобы говорить о диатезах глагола, нужны семантические роли участников, а чтобы говорить о ролях, нужно толкование (декомпозиция) значения глагола.

Нам будет достаточно упрощенного, схематического, толкования глагола эмоции. Такое толкование отражает преимущественно те аспекты семантики глагола, которые имеют очевидное проявление в сочетаемости, свойственной — иногда бóльшим, иногда меньшим — классам слов. Семантические роли участников глагола *обрадоваться* определяются следующей его декомпозицией:

- (1) Y *обрадовался* X -у (X — событие) =
произошло X
Y узнал / увидел / услышал, что X
Y подумал: X (или: то, что X имеет место) хорошо
это вызвало:
Y почувствовал нечто хорошее

В соответствии с толкованием (1), у глагола эмоции два обязательных участника: Экспериент (Y), испытывающий эмоцию, и Стимул (X), он же Причина и Содержание эмоции. Н. Д. Арутюнова (1976: 177) пишет: “В предложении *Я восхищаюсь его героизмом* (...) „его героизм“ составляет не только причину (стимул) восхищения, но и содержание эмоции”. Казалось бы, словосочетание “содержание эмоции” не может иметь никакого смысла, кроме метафорического: содержание нормально бывает у текста или мысли. Однако наше толкование позволяет придать ему прямой смысл: в (1) участник Содержание (пропозициональное) обосновывается не компонентом «чувство», а ментальным компонентом ‘ Y подумал’; X — это содержание ментального акта.

Итак, участник X — не только Причина эмоции, но и Содержание связанного с ней ментального состояния. Можно сказать точнее: X — это содержание полученной информации (быть может, воспоминания); предмет оценки — в той или иной степени интеллектуальной — со стороны субъекта; и только вследствие всего этого — причина возникновения эмоции.

Двойственная или даже тройственная роль пропозиционального участника глагола эмоции является причиной того, что возвратный дериват глагола эмо-

ции интерпретируется иначе, чем формально тождественный дериват глагола изменения состояния. В контексте глагола изменения состояния *-ся* выражает медиальную декаузативацию (см. Geniušienė 1987, Israeli 1997, Падучева 2001a); у медиального декаузатива участник Каузатор (Причина) становится необязательным, ср. *Я открыл шкаф — Шкаф открылся*. Между тем у эмотивных глаголов участник Каузатор не устраняется при декаузативации: в контексте глагола эмоции декаузативная диатеза меняет только ранги участников — Причина / Содержание эмоции покидает позицию субъекта и уходит на Периферию:

Его приход меня обрадовал — Я обрадовался *его приходу*.

Это инверсная декаузативация.

В русском языке от многих каузативных глаголов эмоции образуется инверсный декаузатив на *-ся*. Соотношение между каузативным глаголом и его инверсным декаузативом, как в (2), — это классический диатетический сдвиг:

- (2) *восхитить — восхититься, смутить — смутиться, вдохновить — вдохновиться, возбудить — возбудиться, возмутить — возмутиться, воодушевить — воодушевиться*.

Из каузативных глаголов эмоционального состояния не имеют инверсного декаузатива лишь немногие. Глагол *досадить* непереходный и не имеет декаузатива законно. Между тем *задеть* и *тронуть*, не имеющие декаузативов, составляют подозрительное исключение: не является ли запрет на декаузативацию у этих глаголов семантическим? Дело в том, что глаголы *задеть* и *тронуть* выражают контакт, возникающий в результате движения, а глаголы движения предпочитают не декаузативную, а рефлексивную интерпретацию рефлексивного показателя (Падучева 2001a), например: *передвинуться, погрузиться, поднять, приблизиться*.

Два слова о направлении семантической производности в парах типа *удивить — удивиться*. Возвратный глагол *удивиться*, с Экспериментом-субъектом, более употребителен, чем каузативный *удивить*. То же верно для *огорчиться, беспокоиться, волноваться*: ясно, что *волноваться* более частый глагол, чем *волновать*. Конечно, можно было бы, как предлагается в Мельчук 1967, повернуть направление производности — например, представить *волновать* как ‘каузировать (волноваться)’. Однако есть и обратные соотношения. Например, *раздражать* гораздо более обычное слово, чем *раздражаться*. Вполне законна поэтому деривационная модель, при которой семантическая производность соответствует формальной; так, в примерах из (3) мы считаем глаголы *удивиться (испугаться, обрадоваться, огорчиться)* производными; а именно, инверсными декаузативами от *удивить (испугать, обрадовать, огорчить)*:

- (3) а. Меня испугал (удивил, обрадовал, огорчил) его приход;
б. Я испугался (удивился, обрадовался, огорчился) его прихода / его приходу.

Какое место занимают эмотивные глаголы среди других возвратных? Эмотивные декаузативы отличаются от медиальных, поскольку валентность на Стимул / Содержание не факультативна; от пассивных, поскольку не предполагают агентивного дополнения. Это и не пассивно-потенциальное значение, которое возникает, прежде всего, в контексте конатива, т. е. “особо” агентивного глагола, значение которого складывается из попытки и успеха. Отличие

эмотивного декаузатива от возвратного глагола в пассивно-потенциальном значении демонстрирует пример (4); пассивно-потенциальное значение совместимо с наречиями *легко* / *с трудом*, а эмотивы — нет:

- (4) а. Пятна от чая *легко* / *с трудом* отстирались;
б. Дети **легко* / **с трудом* испугались.

В несов. виде различие между эмотивными и пассивно-потенциальными употреблениями не столь заметно; см., однако (5б) — наречие *с трудом* при эмотивном глаголе невозможно; а в контексте *легко*, как и *часто*, значение *пугаться* просто итеративное:

- (5) а. Пятна от чая *с трудом* / *легко* / *часто* отстирываются;
б. Дети **с трудом* / *легко* / *часто* пугаются.

В самом деле, в (5а) возвратная форма имеет пассивно-потенциальное значение, и *легко* / *с трудом отстирываются* = ‘Агенса легко / с трудом может отстирать’; а для (5б) такая перефразировка не подходит.

Соотношению между каузативными и декаузативными глаголами эмоции посвящена большая литература. В книге Grimshaw 1990 сопоставляются англ. глаголы *fear* ‘бояться’ и *frighten* ‘пугать’. Автор предлагает некую теорию, позволяющую объяснить, почему участник Эксперимент занимает у одного глагола позицию субъекта, а у другого — позицию объекта. Слегка приспособивая терминологию книги к более нам привычной, можно сказать, что Гримшо усматривает у этих глаголов различие в аргументной (ролевой) структуре: *fear* имеет набор участников ⟨Эксперимент, Содержание⟩, а *frighten* — ⟨Причина, Эксперимент⟩. Далее вводится в рассмотрение универсальная иерархия ролей, в которой Причина занимает более высокое место, чем Эксперимент, а Содержание — более низкое:

Причина > Эксперимент > Содержание.

Эта иерархия и объясняет тот факт, что у *fear* подлежащим оказывается Эксперимент, а у *frighten* — Причина.

Объяснение не кажется удовлетворительным. Во-первых, непонятна степень общности предлагаемой иерархии — возникает подозрение, что она служит ровно для этого примера, т. е. для глаголов эмоционального состояния, и тогда объяснение тавтологично. Во-вторых, неясно, по какому признаку иерархизуются роли; остается без анализа семантическая (или коммуникативная) нагруженность позиции подлежащего: в каком смысле участник-подлежащее выше остальных? За что именно ему достается главный член ролевой иерархии? Можно предположить, что иерархия приписывает универсальные коммуникативные ранги участникам с заданной ролью, но явно это не сказано. Вообще то, что роль пропозиционального участника у *fear* и *frighten* различна (у *fear* Содержание, у *frighten* — Причина), вовсе не столь очевидно, чтобы не требовать доказательств. Приписывание участникам ролей, не обоснованных компонентами толкования, сейчас уже не может считаться законной операцией.

Другая работа, где уделяется внимание глаголам эмоции, — Pesetsky 1995. Здесь предметом анализа служат не только *fear* и *frighten*, но и другие глаголы психологического состояния; рассматриваются, например, глаголы со значением ‘волновать(ся)’, ‘беспокоить(ся)’, ‘удовлетворить(ся)’, ‘рассердить(ся)’, ‘озадачить(ся)’, ‘наскучить’, а также пары типа *like* — *please*, *detest* — *irritate*,

detest—*imbitter* и под. (с. 18). Вопросы о преимущественных правах того или иного участника занимать ту или иную позицию в предложении автор не ставит — речь идет только о принципе “Тождественные смысловые соотношения должны быть выражены тождественными структурами”: существование глаголов, которые выражают одни и те же роли разными членами предложения, противоречит этому принципу. На ряде примеров, в том числе

- (6) а. *Ghosts frighten Bill* ‘привидения пугают Билла’;
 б. *Bill fears ghosts* ‘Билл боится привидений’,

ставится следующий вопрос: если роли участников в примерах типа (6а) и (6б) одни и те же, то почему тогда этим участникам соответствуют в (6а) и (6б) разные члены предложения? На этот вопрос Песетский отвечает, как и Гримшо, что набор ролей у каузативного и декаузативного глагола разный.

Аргументация такая. Каузативный глагол — такой как *frighten* — не выражает ничего, кроме каузальной связи между событием и переходом Пациенса в новое состояние, так что фраза (6а) имеет ролевой состав, стандартный для каузативного глагола, и диатезу ⟨Причина-Сб, Пациенс-Об⟩. Между тем глагол *fear* имеет диатезу ⟨Эксперимент-Сб, Содержание-Об⟩. Он описывает эмоциональное состояние Эксперимента, а наступление состояния включает в себя: получение Экспериментом информации (о Содержании), ее оценку и эмоциональную реакцию. Значит, роль Содержание у глагола *fear* скрывает на самом деле несколько разных ролей, тогда как Причина — это только Причина. Так что аргументные структуры глаголов *fear* и *frighten* различаются в Pesetsky 1995 ролями обоих участников, а не одного, как в Grimshaw 1990.

Семантические роли, предлагаемые для *пугать* и *бояться*, равно как и для других глаголов эмоции, вызывают, однако, следующее недоумение. Состояние, в которое переходит участник-Пациенс в (6а), то самое, в котором находится участник-Эксперимент в (6б). Следовательно, этот участник и в (6а) не может не быть Экспериментом (то, что один участник может иметь более одной роли, сейчас общепризнано; так что Эксперимент может одновременно быть Пациенсом). С другой стороны, если *привидения* являются Причиной (неагентивным Каузатором) страха в (6а), то они не могут не быть таковыми и в (6б).

Думается, что обе попытки описать соответствие между ролями и позициями участников глагола эмоции потерпели неудачу по одной и той же причине — из-за желания объяснить различие между конверсивами *fear* и *frighten* из одних только ролей, без учета коммуникативной семантики, которая связана с позицией подлежащего, см. о коммуникативных иерархиях, например, в Croft 1991.

Мы исходили из того, что роли участников у *бояться* и *пугать*, равно как у *рассердиться* и *рассердить*, *волноваться* и *волновать*, в принципе, одни и те же, а различие синтаксических позиций участников объясняется тем, что эти глаголы приписывают участникам разные синтаксические (и коммуникативные) ранги — как это свойственно всем конверсивам. А именно, глагол *бояться* ставит в тематическую позицию Эксперимента, а *пугать* — Причину. Тогда Эксперимент — это Пациенс психического воздействия в позиции субъекта, а Содержание — Причина в несубъектной позиции.

Конечно, каузативная и декаузативная конструкция не тождественны по смыслу: декаузатив концептуализует внеязыковую ситуацию иначе, чем кауза-

тив. А именно, каузатив, например *обрадовал*, приписывает изменение состояния Эксперientа целиком воздействию Стимула; между тем декаузатив, например *обрадовался*, представляет дело так, что Эксперient имел некоторую свободу выбора, и отчасти сам отвечает за то, что с ним произошло; все-таки формально декаузатив — близкий родственник рефлексива. Особенно большая разница между каузативной и декаузативной диатезой у потенциально агентивных глаголов — таких как *оскорбить*, *соблазнить*, *заинтриговать*. Так что различие между каузативной и декаузативной диатезой на смысловом уровне есть. Другое дело, что его нельзя свести к предлагаемому различию ролей.

Сравнив (3а) и (3б), можно усмотреть следующее различие в ролях участников. Предложение (3б), с декаузативным глаголом, имеет простую диатезу ⟨Эксперient-Сб, Содержание-Об⟩, а (3а) — диатезу с двойными ролями ⟨Причина / Содержание-Сб, Пациент / Эксперient-Об⟩. Но роли Причина и Пациент как бы вторичные, они навязаны синтаксической позицией участников. Так что остается в силе трактовка соотношения между (3а) и (3б) как диатетического — коммуникативного — сдвига.

Еще один диатетический сдвиг, характерный для глагола эмоции, — расщепление субъекта каузативного глагола, выраженного посессивной группой. Посессивная группа может разделяться на два независимых участника. Это преобразование посессивной группы называют подъемом Посессора (Кибрик 2000). Например:

- (7) а. *Статья Джона в “Times”* [Причина-С б] о б и д е л а м е н я ⇒
 б. *Джон* [Посессор-С б] о б и д е л м е н я *своей статьей в “Times”*
 [Обладаемое-Периф].

В предложении (7а) посессивная группа состоит из Обладаемого, вершины (в данном случае — *статья в “Times”*), и Посессора, подчиненного генитива (*Джона*). В результате преобразования, т. е. в (7б), Посессор (*Джон*) становится субъектом, а Обладаемое — периферийным актантами в твор. падеже (*своей статьей в “Times”*).

Менее продуктивный диатетический сдвиг — Расщепление объекта возвратного глагола (тоже подъем Посессора, см. гл. I.3). Рассмотрим пример (8):

- (8) а. Я о б и д е л с я н а *статью Джона в “Times”* ⇒
 б. Я о б и д е л с я н а *Джона за его статью в “Times”*.

Структура типа (8а) получается из структуры типа (7а) (*Статья Джона в “Times” обидела меня*) эмотивной декаузативацией, а (8б) из (8а) — расщеплением. Роль Содержание, представленная в (8а) предложной группой с предлогом *на*, расщеплена в (8б) на две. Так что *обидеться* в (8а) имеет диатезу ⟨Эксперient-Сб, Содержание-Об⟩, а *обидеться* в (8б) — расщепленную диатезу ⟨Эксперient-Сб, Посессор-Об, Обладаемое-Периф⟩ (участников Посессор и Обладаемое можно назвать, с точки зрения их роли в структуре (8б), соответственно, Мишень (эмоции) и Аспект (Мишени)).

В Арутюнова 1976: 161 *рассердиться*, *обидеться*, *разозлиться*, *разгневаться* трактуются как особый класс глаголов, обозначающих эмоцию, которая ориентирована на лицо — в противоположность другим, у которых участник Причина — ситуация, как *огорчиться*. Если бы расщепление в объекте было возможно только у глаголов типа *рассердиться*, то соотношение между роля-

ми и синтаксическими позициями этих глаголов нужно было бы описывать непосредственно, минуя промежуточную структуру (8а) с низкой степенью реализуемости: *обиделся* (а тем более *рассердился*) *на статью* сомнительно. Однако трансформация расщепления объекта достаточно широко распространена и за пределами глаголов эмоции, например у глаголов речи:

Он *осудил* [легкомысленные обещания Берлускони] ⇒
Он *осудил* [Берлускони] [за легкомысленные обещания].

Так что трактовка структуры (8б) как расщепленной представляется обоснованной.

Возникает вопрос: если Причина, Мишень и Содержание — это различные участники ситуации эмоции, то они должны быть совместимы друг с другом при одном глаголе; между тем фраза (9), где сочетаются Причина и Мишень, неправильна:

(9) *Статья в “Times” *рассердила* меня на Джона.

Наш анализ, который объясняет структуру (8б), с участником Мишень, как результат расщепления посессивной группы, дает простое решение проблемы, связанной с примером (9): Мишень — это результат расщепления Причины, и потому несовместима с Причиной.

Вообще, синтаксическая позиция с предлогом *на* возникает только у декаузатива, т. е. у возвратного глагола, см. (8); а у каузативного глагола, как в (7) или (9), отсутствует. Это обстоятельство позволяет объяснить другую серию интересных примеров из Pesetsky 1995. Ср. (10а) и (10б):

- (10) а. *The article in “Times” *angered* John at the government
букв. “*Статья в „Times“ *рассердила* Джона на правительство”;
б. The article in “Times” made John *angry* at the government
букв. “Статья в „Times“ заставила Джона *рассердиться* на правительство”.

В (10а) глагол имеет каузативное употребление, которое не обеспечивает синтаксической позиции для предлога *at* ‘на’; а в (10б), в контексте декаузатива, такая позиция возникает. Так что в русских примерах, где декаузативация формально маркирована, очевидно различие между каузативным употреблением глагола, в (10а), и декаузативным, в (10б), которое порождает синтаксическую позицию с предлогом *на*.

Законный вопрос в связи с примером (9) был бы такой. Почему при расщеплении генитивной группы, см. (9’), остается в позиции субъекта каузативного глагола Мишень (Посессор), а Аспект (Обладаемое) уходит на периферию, см. допустимое (9’); почему невозможно обратное распределение рангов, см. недопустимое (9’’) = (9):

- (9’) Статья Джона в “Times” меня *рассердила*;
(9’’) Джон *рассердил* меня своей статьей в “Times”;
(9’’) *Статья в “Times” *рассердила* меня на Джона.

На этот вопрос есть ответ: из двух участников, на которые расщепилась Причина (Мишень и Аспект), преимущественное право на ранг субъекта, т. е. темы, имеет Мишень, поскольку Мишень и Аспект связаны по смыслу как субъект и предикат, т. е. коммуникативно — как тема и рема, см. Апресян 1974: 154.

Вообще, при расщеплении посессивной группы Посессор должен занимать более тематичную позицию, чем Обладанное, поскольку Обладанное находится в референциальной (денотативной) зависимости от Посессора, см. гл. I.3. Так, в посессивной группе *статья Джона* слово *Джон* обозначает конкретного человека и является референциально автономным; а слово *статья* денотативно зависит от слова *Джон*: оно имеет референцию только в составе сочетания; поэтому *Джон* должно занимать более тематическую позицию, чем *статья* (о денотативной зависимости см. Падучева 1985: 151).

Еще один диатетический сдвиг, допускаемый глаголами эмоции, — подъем Приема. В концепт ситуации, построенный с помощью агентивного глагола, может входить участник Прием — это то действие, с помощью которого Агенс достигает своей цели, например:

На последней минуте он *метким ударом* [Прием] забил мяч в ворота “Спартака”.

Прием часто выражается твор. падежом и в этом отношении, как и во многих других, подобен Инструменту. Подъем Приема — это диатетический сдвиг, в результате которого Прием переходит в позицию подлежащего (ср. подъем Инструмента в примере *Камень разбил окно* из Fillmore 1977/1981). Пример:

- (11) а. *Сплошным просмотром* текста редактор обнаружил еще двенадцать опечаток ⇒
 б. *Сплошной просмотр* текста обнаружил еще двенадцать опечаток.

Признав участника Прием и предлагаемую трактовку примера (11б), мы обнаруживаем неоднозначность в примере (12):

- (12) Родственники *раздражали* его бесконечными вопросами.

При одном понимании *раздражать* имеет агентивное значение (см. Соловьева 1991), примерно как *злит*; тогда *бесконечными вопросами* — Прием. Другое значение *раздражать* неагентивное; тогда в (12) можно усмотреть конструкцию с внешним Посессором: *родственники* — Посессор, продвинутый в позицию субъекта, т. е. Мишень; *бесконечными вопросами* — Обладанное, вынесенное на Периферию, т. е. Аспект; (12) предстает как результат расщепления посессивной группы в (12’):

- (12’) Бесконечные вопросы родственников его *раздражали*.

Таким образом, субъект-лицо при каузативном глаголе эмоции может быть: Агенсом при глаголе контролируемой каузации, таком как *воодушевлять*; и Мишенью — в контексте стативного, т. е. не агентивного глагола, как *обидеть* в (7б).

У Субъекта не-лица тоже возможны две роли: Причина (*Грязь на лестнице меня раздражает*; *Мой проигрыш его огорчил*) и Прием, как в (11б), ср. *Его пламенная речь меня воодушевила* и *Он воодушевил меня своей пламенной речью*.

§ 4. Производные тематические классы

Еще один параметр лексического значения, конституирующий семантическую парадигму глагола эмоции, — тематический класс. Глаголу эмоции нор-

мально иметь семантические дериваты в двух тематических классах — 1) в классе ментальных глаголов и 2) в классе глаголов речи.

Ментальные дериваты глаголов эмоции были рассмотрены в Зализняк 1983, где ментальный дериват был выявлен у глагола *бояться* (см. также Зализняк 1992: 79): *Боюсь, что ты опоздал*.

Поскольку рациональная оценка входит в декомпозицию глагола эмоции, неудивительно, что ментальный компонент может выходить на передний план, становясь ассертивным; а компонент «эмоция» подавляется. Участник Содержание получает соответствующее синтаксическое оформление — союзом *что*. Так,

У испугался, что X = 'Y подумал, что X' и 'Y оценивает X как опасность'.

Например:

Я испугался, что там опять окажется что-нибудь неприличное, но ошибся (Войнович).

О речево м компоненте в семантике глагола *восхищаться* (упомянутом в Падучева, Зализняк 1982) см. Иорданская 1984; Апресян 2000. В Иорданская 1984 (т. е. в словарной статье глагола *восхищаться* в ТКС) речевой компонент 'X делает высказывания, выражающие его психическое состояние' заключен в скобки, т. е. представлен как факультативный в составе значения, единого для всех употреблений слова. Формулировка в Апресян 2000 — 'испытывать или выражать словесно сильное чувство, какое бывает...' содержит дизъюнкцию, что фактически означает, что у *восхищаться* признаются два значения. Мы склонны присоединиться к этой последней формулировке. Два значения различаются фокусом внимания: в одном случае акцентируется наличие эмоции, а в другом, когда *восхищаться* обозначает речево е выражение эмоции, сама эмоция уходит на задний план, и в фокусе внимания оказывается речевой компонент. Такой сдвиг акцента обычен при переходе слова в иной тематический класс; например, так различаются два значения слова *треснуть*, 'деформироваться' и 'издать звук', см. гл. 8.

В Mel'čuk 1988: 354 возможность производного употребления глагола эмоции в значении речи указана для шести глаголов: *возмутиться* — *возмущаться*, *восторгаться*, *восхититься* — *восхищаться*, *изумиться* — *изумляться*, *негодовать*, *удивиться* — *удивляться*. Добавим еще *ужаснуться* — *ужасаться*, *усомниться*, *утешить* — *утешать*, *оскорбить* — *оскорблять*, *сокрушаться*; ср. также *сожалеть*, который свободно употребляется в речевом — почти перформативном — значении:

Сожалею, что ваш доклад не может быть включен в программу конференции [*сожалеем* = 'выражаем сожаление (и испытываем его)'].

Речевой компонент гораздо лучше чувствуется в НСВ, чем в СВ, ср. *поражался* и *поразился*.

Почти любой глагол эмоции способен вводить прямую речь, и в этом контексте речевой компонент попадает в фокус внимания:

Римский и Варенуха, касаясь друг друга головами, перечитывали телеграмму, а перечитав, молча уставились друг на друга.

— Граждане! — вдруг *рассердилась* женщина, — расписывайтесь, а потом уж будете молчать сколько угодно! Я ведь молнии разношу (ММ).

Так что вторичное значение речевого выражения эмоции допускают почти все эмотивные глаголы. У *радоваться*, *огорчаться* речевой компонент акцентируется не с такой естественностью, как у *восхищаться*, *возмущаться*, но и для них употребление в речевом значении не исключено; откуда, например, были бы известны эмоции библиотекаря, если бы она их не выражала:

Если старуха-библиотекарша *огорчалась*, что аспиранты не читают “Капитал”, эта [читавшая Солженицына] интересовалась только “Четвертой Главой” и порядком (НМ).

В Зализняк 1983 для глагола эмоции предусматривается еще один производный тематический класс, который можно продемонстрировать на примере *Книги бояться сырости*: из всех компонентов значения *бояться* здесь остается только модальность и оценка.

В принципе, эмотивы, в отличие, скажем, от глаголов движения, не богаты производными в других тематических классах. Наоборот, сами эмотивы часто бывают производными — от глаголов воздействия (*поразить*, *покорить*, *возбудить*, *сокрушаться*, *гнести*, *давить*, *раздражать*), контакта (*тронуть*, *задеть*), движения (*колебаться*, *волноваться*, *привлекать*); см. парадигму глагола *волноваться*:

волноваться 1 = ‘пребывать в колебательном движении, порождающем волны’ [о неживом];

волноваться 2.1 = ‘пребывать в психическом состоянии возбуждения, вызванного, например, страхом, радостью, ожиданием’ [в последнем случае присутствует идея неизвестности];

волноваться 2.2 = ‘пребывать в состоянии недовольства своим положением и выражать его [о социальных группах]’.

Различие между значениями 2.1 и 2.2 определяется таксономическим классом Субъекта: Экспериментом психического состояния может быть только лицо — не группа лиц. Предложение *Вся олимпийская команда нервничала* скорее понимается в значении разделительной множественности.

§ 5. Семантическая парадигма глагола эмоции

За исходный в семантической парадигме глаголов эмоции мы примем глагол совершенного вида каузативный (т. е. невозвратный), типа *испугать*, *огорчить*. Задача в том, чтобы исчислить возможные значения / употребления глаголов эмоции и описать переходы от одного значения к другому с помощью общих моделей деривации, т. е. правил, применимых также и к другим словам.

Парадигма представляет собой таблицу, где в каждой клетке, кроме исходной, указано, какой дериват — исходного значения слова или другого производного — должен ее занимать. Дериват может иметь формальный показатель (например, его имеет декаузатив и несов. вид — семантически производный член видовой пары), а может не иметь, как в случае диатетического сдвига, см. табл. 1.

Таблица 1

Категориально-диатетическая парадигма глагола эмоции

	Невозвратный глагол		Возвратный глагол	
	Категория	Диатеза	Категория	Диатеза
СВ	I. Действие	Исходная диатеза: <i>Он воодушевил меня своим примером</i>	III. Действие	Пассивно-потенциальная диатеза: <i>?Эти люди воодушевились легко</i>
			III'. Действие с акцентом на результате	Рефлексивная диатеза: <i>Мы развлеклись</i>
	Id	Диатеза (...Прием-Сб): <i>Мой пример его воодушевил</i>	—	—
	II. Происшествие	Исходная диатеза: <i>Мой проигрыш его огорчил</i>	IV. Происшествие	Декаузатив: <i>Он огорчился, что проиграл</i>
	IIδ	Диатеза с расщепленным субъектом: <i>Я огорчил его проигрышем</i>	IVδ	Диатеза с расщепленным объектом: <i>Я огорчился за него, что он проиграл</i>
НСВ	i-I. Действие	Исходная диатеза: <i>Я утешаю Машу</i>	i-III. Действие	Пассивно-потенциальная диатеза: <i>Слабые легко терроризируются</i>
			i-III' Деятельность	Рефлексив: <i>Мы развлекались</i>
	i-II. Перфектное состояние / диспозиция	Исходная диатеза: <i>Мой проигрыш его огорчает</i>	i-IV. Состояние	Декаузатив: <i>Он огорчается, что проиграл</i>
	i-IIδ	Диатеза с расщепленным субъектом: <i>Ты огорчаешь его проигрышами</i>	i-IVδ	Диатеза с расщепленным объектом: <i>Я огорчаюсь за него, что он проиграл</i>

Таблица делится на четыре зоны — двумя противопоставлениями: прямой / возвратный глагол; совершенный / несовершенный вид. Таблица 1 отражает только мену категории и диатезы. Производные значения, получаемые меной тематического класса, — речевое (*громко возмущался*) и ментальное (*боюсь, что он занят*) в таблицу не включены.

Каждому деривату соответствует порождающее его преобразование более исходного значения. Преобразование применяется к некоторому более исходному значению глагола и вводит новое значение. Один из параметров парадигмы — таксономическая категория: римские цифры I и II обозначают, соответственно, действие и происшествие. Клетки III и IV — это, соответственно, рефлексив и декаузатив от I и II. Имперфективы, соответствующие клеткам

I–IV, имеют шифры *i-I — i-IV*. Индекс *δ* приписывается производным диатезам. Например: *Иδ* — происшествие; диатеза с расщепленным субъектом. Для каждого деривата указывается, от чего он произведен (т. е. чем мотивирован), и название производящей деривационной модели. Производный возвратный глагол и производный вид (несовершенный) включаются в число дериватов. В результате, парадигма имеет следующий вид.

Невозвратный (прямой) глагол СВ

I. Действие. Исходная диатеза: *Он воодушевил меня своей пламенной речью.*

Иδ (из I). Диатеза ⟨...Прием-Сб⟩: *Его пламенная речь меня воодушевила.*
Диатетический сдвиг: подъем Приема.

II (из I). Происшествие: *Мой проигрыш его огорчил.* Категориальный сдвиг: деагентивация.

Иδ (из II). Происшествие. Диатеза с расщепленным субъектом: *Он огорчил меня своим провалом.*

Возвратный глагол СВ

III (из I). Действие. Пассивно-потенциальная диатеза: *Эти люди воодушевились легко* = ‘их оказалось легко воодушевить’. Диатетический сдвиг: декаузативация.

III' (из I). Действие с акцентом на результате. Рефлексив: *Мы развлеклись.*

IV (из II) Происшествие. Декаузатив (инверсный): *Я рассердился на статью Джона в “Times”.*

IVδ (из IV). Диатеза с расщепленным объектом: *Я рассердился на Джона за статью в “Times”.*

Невозвратный глагол НСВ

i-I (из I). Имперфектив актуальной деятельности/состояния: *Я развлекаю Машу.*

i-II (из II). Имперфектив перфектного состояния/диспозиции: *Его проигрыш огорчает.*

i-IIδ (из *i-II*). Имперфектив. Диатеза с расщепленным субъектом: *Он огорчает меня своим провалом.*

Возвратный глагол НСВ

i-III (из III). Действие. Пассивно-потенциальная диатеза глагола несов. вида: *Слабые люди легко терроризируются.*

i-III' (из III'). Деятельность. Рефлексив: *Мы развлекались.*

i-IV (из IV). Состояние. Декаузатив (инверсный): *Я огорчаюсь его провалу.*

i-IVδ (из *IVδ*). Имперфектив. Диатеза с расщепленным объектом: *Я огорчаюсь за него, что он провалился.*

Ниже мы рассмотрим несколько глаголов эмоции с точки зрения набора возможных семантических производных и покажем, как система дериватов того или иного глагола заполняет клетки категориально-диатетической парадигмы, см. табл. 2 на с. 289. Рисунок из плюсов и минусов таблицы 2 можно назвать **п л ю с о в ы м к о н т у р о м** глагола. Плюсовой контур позволяет делить глаголы на классы.

Таблица 2

Многофакторная классификация глаголов эмоции

		Категория	Диатеза	возвратность	расщепленность	искусственность	оговорчатость	уменьшительность	усложненность	
СВ	прямой глагол	I действие	исходная диатеза	-	(+)	(+)	(+)	+	+	
		Iδ	диатеза (Прием-Сб)	-	-	-	-	+	+	
		II происшествие	исходная диатеза	+	+	+	+	+	+	
		IIδ	диатеза с расщепленным субъектом	+	+	+	+	+	-	
	возвратный глагол	III действие	диатеза пассивно-потенциальная	-	-	-	-	(+)	-	
		III' действие с акцентом на результате	рефлексив	-	-	-	-	+	-	
		IV происшествие	декаузатив (инверсный)	+	+	+	+	-	+	
		IVδ	диатеза с расщепленным объектом	-	+	+	+	-	-	
НСВ	прямой глагол	i-I действие	исходная диатеза	-	-	(+)	-	+	+	
		i-II перфектное состояние / диспозиция	исходная диатеза	+	+	+	+	+	+	
		i-IIδ	диатеза с расщепленным субъектом	+	+	+	+	+	+	
	возвратный глагол	i-III действие	диатеза пассивно-потенциальная	-	-	-	-	-	+	(+)
		i-III' деятельность	рефлексив	-	-	-	-	+	-	-
		i-IV состояние	декаузатив (инверсный)	+	+	+	+	-	-	-
		i-IVδ	диатеза с расщепленным объектом	диатеза с расщепленным объектом	-	+	+	+	-	-

возмутить

I и Id отсутствуют: глагол однозначно неагентивный.

II. Происшествие:

Клима *возмутила* грубость Дронова (Горький).

Каузатором состояния возмущения может быть: действие, как в (1), в том числе речевое; и мысль, выраженная в пропозициональной форме, как в (2):

- (1) Посылка-фольксваген, в глубине души, *возмутила* академика (Аксенов).
- (2) Его *возмутила* мысль, что он может быть орудием чужой воли.

IIд. Диатеза с расщепленным субъектом:

Ответ [Мишень-Сб] *возмутил* меня своей бесцеремонностью [Аспект-Периф] ← Бесцеремонность ответа [Каузатор-Сб] *возмутила* меня.

III и III' — это производные диатезы глагола действия: пассивно-потенциальная и рефлексивная; у *возмутить*, как и у других неагентивных глаголов эмоции, они, естественно, отсутствуют.

IV. Происшествие. Декаузатив:

- (3) Если бы сын умер дома, никто не *возмутился* бы крику и причитаниям матери, но внутренняя дисциплина не позволяла шуметь в присутственных местах (НМ).
- (4) Он *возмутился* моим поведением.

У возвратного глагола способ выражения участника Содержание колеблется — в (3) это дательный падеж, в (4) — творительный. Участник Содержание часто остается синтаксически не выраженным:

“Ну, конечно, это не сумма, — снисходительно сказал Воланд своему гостю, — хотя, впрочем, и она, собственно, вам не нужна. Вы когда умрете?” Тут уж буфетчик *возмутился* (ММ).

IVд. Диатеза с расщепленным объектом. Клетка не заполнена, что отличает *возмутить* от *рассердить*:

- (5) а. Я *рассердился* на него за грубость;
- б. *Я *возмутился* на него за грубость.

Различие в языковом поведении между *возмутить* и *рассердить* не выводится из семантики: возмущает, как и сердит, как правило, действие / поведение лица.

i-I, производный несов. вид от значения действия, естественно, отсутствует, поскольку отсутствует значение действия.

i-II, производный несов. вид от значения происшествия (со значением перфектного состояния или диспозиции):

Больше всего *возмуцало* Султанмурата то, что Анатай вовсе считал себя невиноватым (Айтматов);

Его особенно занимали споры на тему: вожди владеют волей масс или масса, создав вождя, делает его орудием своим, своей жертвой? Мысль, что он, Самгин, может быть орудием чужой воли, пугала и *возмуцала* его (Горький).

Невыраженность Эксперимента означает его родовой статус:

Убранство пятирублевых номеров понравилось ему больше, но ковры были какие-то облезшие и *возмуцал* запах (И. и П.).

i-II δ . Диатеза с расщепленным субъектом:

Я *возмуцал* его своим независимым поведением;
Воронцов-Дашков все еще дергал его [царя] за рукав, *возмуцая* этим Клима (Горький).

i-III и *i*-III', производный несов. вид от глагола действия в пассивно-потенциальной и рефлексивной диатезе, отсутствуют, поскольку отсутствуют III и III'.

i-IV. Состояние, производный несов. вид декаузатива:

Когда он лежал под кроватью, *возмуцаясь* ходом вещей на свете, он среди всего прочего думал и об этом (Паст.);

Галиуллин просматривал только что полученные "Речь" и "Русское слово" и *возмуцался* проблемами, оставленными в печати цензурой (Паст.);

Бывшие интернированные держались бодро, рассказывали где живут, учатся, работают, *возмуцались* буржуазной клеветой (С.).

i-IV δ отсутствует, поскольку отсутствует IV δ .

Тематические производные. Производное значение речи:

А теперь, ещё главный редактор "Известий", ещё кандидат Политбюро, вот он так же снёс как законное расстрел Каменева и Зиновьева. Он не *возмутился* ни громогласно, ни даже шёпотом (С.).

Будучи употреблен в значении речи, глагол *возмутиться* меняет и категорию — он обозначает не происшествие, а действие. Особенно показательны формы НСВ:

Сильно постаревший адвокат Гусев отрастил живот и, напирая им на хрупкую фигурку Спивака, вяло *возмуцался* распространением в армии балалаек (Горький).

(6) Да, Михаил Александрович куда не мог позвонить, и совершенно напрасно *возмуцались* и кричали Денискин, Глухарев и Квант с Бескудниковым (ММ).

Речевой компонент в семантике *возмуцаться* выявляют наречия — *вяло*, *громогласно*. Наречие *напрасно* в (6) способствует речевому пониманию *возмуцаться*, поскольку выявляет значение действия. В (7) речевой компонент выявляется обстоятельством места:

(7) По поводу этого последнего открытия тоже *возмуцались* на философском семинаре (Струг.).

Речевое значение глагола *возмуцаться* проявляется также в контексте прямой речи:

Старики *возмутились*: "По какому праву убили марала?" (Айтматов).

Производное ментальное значение:

{...} Что же случилось с Николаем Ивановичем? Не почувал ли он новое, надвигающееся и угрожающее всем нам? Не вспомнил ли он гетовскую метлу, таскавшую воду по приказу ученика чародея? Не успел ли он уже сообразить, что ему и его соратникам уже не удастся остановить разбуженных ими сил, как не мог остановить метлу бедный ученик чародея? Нет, скорее всего, Николай Иванович просто *возмутился*, что какой-то паршивый следователь сунул нос не в свое дело и не выполнил распоряжения старших по иерархической лестнице (НМ).

рассердить

В таблице 2 глагол *рассердить* отличается от *возмутить*, помимо наличия диатезы с расщепленным объектом, о чем шла речь выше, см. пример (5), только возможностью почти агентивного употребления³⁵: клетки I и *i*-I помечены у *рассердить* знаком (+). Примеры, обосновывающие плюсовую контур *рассердить* в таблице 2:

I. Действие:

В эпоху реабилитаций Катаев все порывался напечатать стихи О. М. в “Юности”, но так и не посмел *рассердить* начальство (НМ);

Попробую-ка я тебя немножко *рассердить*, подумал он (Струг.);

Я замечаю, что вас сегодня ужасно трудно *рассердить* (Д.).

Агентивное употребление у *рассердить* форсированное и требует специального контекста. Показательно, что контекст может заставить выражать контролируемое действие не только каузативный глагол, но и его декаузатив *рассердиться*:

Промолчали чуть не с минуту. Иван Федорович знал, что он должен был сейчас встать и *рассердиться*, а Смердяков стоял пред ним и как бы ждал: “А вот посмотрю я, рассердишься ты или нет?” (Д.);

Самгин хотел *рассердиться*, но видя, что Иноков жует сыр, как баран траву, решил, что сердиться бесполезно (Горький).

Id. Диатеза с участником Прием-Субъект у *рассердить*, как и у других глаголов, у которых значение действия разве что форсированное, отсутствует.

II. Происшествие. Эта категория является для *рассердить* основной — состояние рассерженности, как и многие другие психические состояния, наступает как следствие интеллектуальной реакции — отрицательной — на то или иное событие или ситуацию:

(...) она немного промахнулась и плечом ударилась о какой-то освещенный диск, на котором была нарисована стрела. Это *рассердило* Маргариту (ММ);

Дошло до Фомы Фомича, и, разгневавшись, он, в наказание, заставил учиться по-французски самого оппонента, Гаврилу. Вот с чего и взялась вся эта история о французском языке, так *рассердившая* господина Бахчеева (Д.);

Я сказал, что в прошлом история знала тоже много владык, которые считались вечно живыми или бессмертными, но все они в конце концов все-таки умирали.

Это замечание Искру *рассердило* (Войнович);

Магду *рассердило*, что он сразу же ее не узнал (Н.).

Id. Диатеза с расщепленным субъектом. В отличие от большинства других глаголов эмоции, для *рассердить* каузирующим событием чаще всего является нечто происшедшее с определенным лицом или совершенное лицом (хотя даже и в этом последнем случае это не обязательно действие, специально направленное на то, чтобы рассердить). Поэтому лицо выделяется как отдельный участник ситуации и *рассердить* гораздо чаще употребляется не в исходной диатезе, а в диатезе с расщепленным субъектом (а *рассердиться* — не в диатезе IV, а в IVd, с расщепленным объектом):

Иван *рассердил* ее своей статьей в “Таймс”;

³⁵ В работе над глаголом *рассердить* в базе данных “Лексикограф” принимала участие Елена Модель.

Надобно заметить тебе, что на тебя здесь все сердятся. (...) — На меня? — спросил я, в удивлении смотря на дядю, не понимая, чем я мог *рассердить* людей, тогда еще мне совсем незнакомых (Д.).

Состояние рассерженности наступает вместе с реакцией на поступок / событие, но потом внимание легко переходит на лицо, а Аспект может уйти За кадр. Так что возможна диатеза с одним только участником Мишень:

(...) она спокойно смотрела выше человека, который *рассердил* ее, и говорила что-нибудь коротенькое, простое (Горький).

III и III', пассивно-потенциальная диатеза и рефлексив, требующие от глагола актуального значения несом. вида, отсутствуют.

IV. Декаузатив.

На что она *рассердилась*?

IVд. Диатеза с расщепленным объектом.

Алеша болтал тоже иногда про какую-то графиню, за которой волочились и он и отец вместе, но что он, Алеша, одержал верх, а отец на него за это ужасно *рассердился* (Д.);

(...) радовался как ребенок, воображая, как я буду рада подарку, и ужасно *рассердился* на всех и на меня первую, когда узнал от меня же, что мне давно уже известно о покупке серег (Д.);

Наташа могла, не зная, в чем дело, *рассердиться* на меня за то, что я не приходил к ней сегодня (Д.);

(...) покраснел и *рассердился* на себя за свою ненаходчивость (Д.);

Еще в первое наше свидание я отчасти предупредил вас о моем характере, а потому вы, вероятно, не *рассердитесь* на меня за одно замечание (Д.).

i-I, значение деятельности в несом. виде (равно как и пассивно-потенциальная диатеза, *i-III*), естественно, невозможны, поскольку агентивное значение у *рассердить* все-таки форсированное. В контексте *Зачем ты меня сердишь?* глагол *сердить* выступает как интерпретация.

i-II. Перфектное состояние.

Правда, себя я не считаю обиженным, и мне жаль, что вас это *сердит*;

Ее *сердило*, что посещение Франца доставило ей странное удовольствие и что удовольствием этим она обязана мужу (Н.);

Муж хорошо изучил эту привычку, и несколько прежде она его не *сердила*, а лишь умиляла и смешила (Н.).

i-IIд. Диатеза с расщепленным субъектом.

Она *сердилась* на него тогда за значительный карточный проигрыш (Д., Бесы).

i-III и *i-III'*, пассивно-потенциальная диатеза и рефлексив, отсутствуют, см. комментарий к III и III'.

i-IV. Декаузатив.

(...) не *сердитесь* на мое многословие (Д.);

Как бы беззвучно ни открывалась дверь, Кречмар сразу поворачивался в ту сторону и спрашивал: “Это ты, Магда?” А затем *сердился* на нерасторопность своего слуха, когда Магда отвечала ему из другого угла (Н.);

(...) она готова была *сердиться* на все — на зеленое платье, приготовленное на кресле, на толстый зад Фриды, копошившейся в нижнем ящике комода, на свое же злое лицо, отраженное в зеркале (Н.);

О. М. страшно *сердился* на все подобные сопоставления (НМ);

— Вы не *сердитесь*, что я так? — Нет, не сержусь. (Д.);

Я *сердилась*, что он не отрицал всего, как подобает конспиратору (НМ).

В несов. виде вполне допустима диатеза без расщепления (*сердится, что*), при том, что СВ предпочитает расщепленную (*рассердился на меня за то, что*).

*i-IV*д. Диатеза с расщепленным объектом.

Я хочу рассказать теперь эту историю, Анфиса Петровна, во всей ее ясности и подробности, чтоб видели, с чего дело вышло и справедливо ли *на меня с е р д и т с я* маменька, *что* я не угодил Фоме Фомичу (Д.).

Конструкция с предлогом *за* при нерасщепленной диатезе в (8) — это ошибка (надо сказать *сердиться на Степана Трофимовича за карточные проигрыши*):

(8) Она создавала какие-то планы про себя и, кажется, сделалась еще скупее, чем прежде, и еще пуще стала копить и *сердиться* за карточные проигрыши Степана Трофимовича (Д.).

Многие примеры подтверждают наличие в семантике глагола эмоции компонента «интеллектуальная реакция»:

“Они меня не слушают”, — сообразил Клим и *рассердился* (Горький);

— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, *рассердившись*: “Вот прицепился, заграничный гусь!” (ММ) [скорее наоборот: ‘подумал и рассердился’].

Дело в том, что эта реакция предсказуемая; ср. сочетания типа:

не говорил, боясь, что *рассердится*; чтобы не *рассердить*; побоялся *рассердить*.

Употребление в сослагательном наклонении тоже подтверждает большую роль интеллектуальной реакции в семантике *рассердиться*:

Да и к чему было скрывать? Ведь Наташа угадала бы, что я скрываю, и только *рассердилась* бы на меня за это (Д.).

Участник Содержание при *рассердиться* может оформляться союзами *что, потому что, когда*:

Но вот *когда* хорь сделал покушение на гусыню, Федя *рассердился* всерьез (Белов);

(9) Их отцы и родственники на меня *рассердились* все, *потому что* дети наконец без меня обойтись не могли и все вокруг меня толпились, а школьный учитель даже стал мне наконец первым врагом (Д.).

В (9) *потому что* = ‘за то, что’. Однако в (10) *почему* не значит ‘за что’: вопрос касается не Аспекта, а обоснованности реакции:

(10) — *Почему* же вы *сердитесь*? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное? (ММ)

Союз *когда* в контексте глаголов эмоции (*рассердился / обрадовался / огорчился, когда*) — это дань метонимии.

Тематические производные.

Глагол *сердиться*, в отличие от *возмущаться*, не имеет производного значения речи.

испугать

I. Действие.

Тут же в буфете приютился и просто веселый люд, даже было несколько дам из таких, которых уже ничем не удивишь и не *испугаешь*, прелюбезных и развеселых, большею частью все офицерских жен, с своими мужьями (Д.).

Глагол *испугать* в большей степени действие, чем *огорчить*, но все-таки не действие, см. в таблице 2 знак (+).

Юд, диатеза {...Прием-Сб}, отсутствует. Как было сказано в § 3, у *испугать* ограниченная агентивность: *их ничем не испугаешь* ≈ 'их ничто не испугает'. А участник Прием в позиции субъекта осознается как таковой только у полноценных действий. Ср., впрочем: *Твои угрозы их не испугают*.

II. Происшествие.

Правда, пожар только еще начался, но пылало в трех совершенно разных местах, — это-то и *испугало* (Д.);

Но пугливый жест князя точно *испугал* и самого Ипполита (Д.).

IIд. Происшествие. Диатеза с расщепленным субъектом.

Пожар *испугал* нашу заречную публику именно тем, что поджог был очевидный (Д.) [т. е. пожар испугал очевидностью поджога].

III и III' отсутствуют.

Происшествие. Декаузатив (эмотивный, т. е. инверсный).

Она поскорей улыбнулась, *испугавшись*, что, может быть, ему не понравится упрёк (Д.);

{...} князь чуть не *испугался*, увидев его (Д.);

Странно, он не очень удивился Порфирию и почти его не *испугался* (Д.);

Я, по правде сказать, вчера немного *испугался*, когда он так мрачно вошел (Н.);

{...} раза два она дернулась так яростно, что я *испугался*, не треснула ли у нее кисть (Н.);

Лариска заплакала, и Валерий *испугался* (Аксенов. На полпути к луне).

IVд. Диатеза с расщепленным объектом.

Я *испугался* за него, что он не выдержит.

i-I, значение деятельности в несов. виде, как и значение действия в СВ, форсированное. По поводу *Зачем ты меня пугаешь?* см. комментарий к *сердить*.

i-II. Перфектное состояние / диспозиция.

Прасковья Федоровна {...} закрыла шторы, чтобы молнии не *пугали* больного (ММ);

Мысль о предстоящем ремонте его *пугала*.

i-IIд. Диатеза с расщепленным субъектом.

Ты всегда *пугаешь* меня своими выходками.

i-III и *i-III'*, пассивно-потенциальная диатеза и рефлексив у *пугать*, закономерно отсутствуют — пассивные употребления требуют более отчетливого, а не форсированного, как у *пугать*, значения действия.

i-IV и *i-IVд* отсутствует. У глагола *пугать* аспектуальная парадигма — по сравнению с *огорчить*, *обрадовать* — неполная: отсутствует НСВ декаузатива в значении состояния; так, *радуется моему приходу* может описывать состояние, наступившее после того, как он *обрадовался*; но состояние, наступившее после того, как он *испугался моего прихода*, не описывается словом *пугается*. Пример (11), где *пугаюсь* — состояние, не нормативен:

- (11) — Ну, чего вы, например, так боитесь? Чего вы вдруг теперь испугались?
— Я боюсь и *пугаюсь*? *Пугаюсь* вас? Скорее вам бояться меня, *sheg ami* (Д.).

Объяснением может служить то, что эта клетка семантической парадигмы (состояние, наступившее после) заполнена глаголом *бояться*. Так что *пугаться* понимается только в значении итератива. Употребления типа *Ну что ты пугаешься?!* (по отношению к единичному событию) можно понять как эмфатическую многократность, ср. об эмфатической множественности в Зализняк, Падучева 1974.

В связи с глаголом *испугаться* возникает вопрос о фактивности глаголов эмоции.

Типичные глаголы эмоции — такие как *обрадоваться*, *огорчиться* — фактивны, т. е. несут фактивную презумпцию (презумпцию говорящего о том, что X имело место) — по крайней мере в прош. времени изъявительного наклонения:

Джон *огорчился* / *не огорчился* провалу на экзамене \supset ‘Джон провалился на экзамене’.

Среди глаголов эмоции есть и нефактивные, например *бояться* и *надеяться*, которые ориентированы на будущее (нефактивным глаголам эмоции посвящена статья Зализняк 1983). Что же касается *испугаться*, то он допускает и фактивное, и нефактивное употребление, см. (12) и (12’):

(12) Я *испугался* громкого стука в дверь.

(12’) И вообще я с большим удивлением узнал потом от Варвары Петровны, что несколько не *испугался* смерти. Может быть, просто не поверил и продолжал считать свою болезнь пустяками (Д.);
{...} мы испугались, что Евгению Эмильевичу собираются что-то “пришить” (НМ).

Соответственно, у *испугаться* два значения:

X *испугался* 1 того, что Y (как в *испугался громкого стука в дверь*) =

Y имеет место

X узнал / увидел / услышал / понял, что Y

X считает, что Y — плохое (потому что мешает X-у сделать то Z, которое он хотел сделать; или потому, что чревато плохими последствиями)

это вызвало:

X находится в плохом психическом состоянии

(необязательное следствие: X не будет делать Z, как собирался)

X *испугался* 2, что Y = ‘счел, что возможно Y, что Y — плохое, и пришел в плохое психическое состояние’.

Сочетание *Я испугался шума* неоднозначно: оно может значить: а) ‘я услышал шум, и это вызвало состояние страха’; б) ‘мог возникнуть шум, я этого не хотел, и потому не сделал чего-то, что собирался’, Зализняк 1992. То же в контексте *испугался и не поехал*.

Возможное присутствие в ситуации *испугаться* 1 участника Z показывает, что эта лексема имеет отрицательную импликацию по Карттунену, см. в Karttunen 1971 о таких глаголах, как *забыть*, *поленился*, *побояться*:

хотел сделать, но *испугался* [\supset ‘не сделал’];

Ягода прочел ему [Бухарину] наизусть стихи про Сталина, и он, *испугавшись*, отступился (НМ);

Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча. Что поделаешь. *Испугался* генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами. Па-а-зор ... (Булгаков).

Значение IVд, которое мы представили как производную диатезу (расщепление в объекте) от IV, — это нефактивное *испугаться*:

X *испугался* за W (что Y) = 'X понял, что с W может произойти Y, и считает, что Y плохо для W'.

Например:

Папа не испугался ничуть. Вернее, он *испугался*, но только *за маму и за меня* (Струг).

Интересно, что у каузативного *испугать* (*его приход испугал меня*) обычное понимание фактивное.

огорчить

I. Действие. Подлинного агентивного употребления глагол *огорчить* не имеет. Употребления в (13) не являются контрпримерами — огорчение (предполагаемое, поскольку всюду контекст снятой утвердительности) является не целью субъекта, а побочным результатом его деятельности:

(13) — Ну что ж, поезжайте... — Да как же Наташа-то? Ведь я *огорчу* ее, Иван Петрович, выручите как-нибудь... (Д.);

Я пришел с тем, чтоб уговорить тебя сделать это по возможности мягче и без скандала, чтоб не *огорчить* и не испугать твою мать еще больше (Д.);

⟨...⟩ он схватил меня за ушибленную руку и мне стало ужасно больно; но я не закричала, боясь *огорчить* его (Д.);

⟨...⟩ вызвал меня в сени, поцеловал и с каким-то беспокойством, с каким-то затаенным страхом начал мне говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я, верно, не захочу *огорчить* его, что он ждет от меня какой-то большой услуги, но чего именно, он не сказал (Д.);

Только что мы заседали. Я вынужден вас *огорчить*. Видимо, кленовскую квартиру вы не получите (Войнович).

Iд, диатеза ⟨...Прием-Сб⟩, отсутствует.

II. Происшествие.

— Полно, Елена; ну что ты можешь уметь стряпать? ⟨...⟩ Елена замолчала и потупилась. Ее, видимо, *огорчило* мое замечание (Д.).

Клетка II связана с I категориальным сдвигом, а не подъемом Приема: обычный для происшествия субъект в II — это событие, а не действие.

IIд. Диатеза с расщепленным субъектом. Твор. падеж должен обозначать Аспект Мишени, а не Прием Агенса:

Ночью эти черновые куски вызывали у него слезы и ошеломляли неожиданностью некоторых удач. Теперь как раз эти мнимые удачи остановили и *огорчили* его резко выступающими натяжками (Паст.).

III и III' отсутствуют.

IV. Декаузатив.

Эта милость судьбы окрылила нас, и мы не очень *огорчились* неудаче Фадеева (НМ);

Они очень *огорчились*, что дети нарушают демократические традиции их отцов, и рассказали нам, что их посылают в общие школы и одевают ничуть не лучше их товарищей (НМ).

IVд. Диатеза с расщепленным объектом.

Я *огорчился* за него, что его не приняли.

i-I. Деятельность. Агентивность в НСВ так же сомнительна, как в СВ:

не хотелось *огорчать* = 'быть причиной огорчения';

Ларисе Федоровне не хотелось *огорчать* Юрия Андреевича тяжелыми сценами.

Она понимала, как он мучится и без того (Паст.);

⟨...⟩ не хотел *огорчать* вас таким мелким осложнением (Рыбаков) [сообщая нечто].

Агентивным можно признать употребление *огорчать* в примере (14); NB, однако, многократность:

(14) ⟨...⟩ сердито жаловалась на бога, который совершенно напрасно *огорчает* ее, посылая на землю дождь, ветер, снег (Горький).

Деепричастный оборот (*посылая*) указывает на значение интерпретации, см. гл. 5 § 5. Дело в том, что глагол *огорчить* — интерпретация, он дает косвенную номинацию события (см. об интерпретации Кустова 1996; о косвенной номинации — Зализняк 1992), например:

Норвежка Скари *огорчила* российских лыжниц. В гонке на 10 км классическим стилем она обыграла россиянок (Из газет).

i-II. Перфектное состояние / диспозиция. Выбор интерпретации зависит от таксономического класса субъекта — единичное событие, как в (15), порождает перфектное состояние; статив, как в (15'), — диспозицию:

(15) Меня так же мало радует твой выигрыш, как *огорчает* проигрыш; меня *огорчает* только твоя несчастная страсть к игре (Т.) [перфектное состояние].

(15') — Конечно, в общественности эта афиша вызвала волнение. Меня уж многие расспрашивали. *Огорчает* афишка-то! (ММ) [диспозиция]

В примере (15'') существенна многократность, поскольку поведение может мыслиться как состоящее из отдельных поступков:

(15'') Если ее *огорчало* поведение мужа, она ничем этого не показывала (НМ).

i-IIIд. Диатеза с расщепленным субъектом.

Сын *огорчал* ее своей прямолинейностью.

i-III и *i-III'* отсутствуют.

i-IV. Состояние.

А к машинам у О. М. никакого отвращения не было — он интересовался ими, любил их умную работу, охотно разговаривал с инженерами и *огорчался*, что среди них у него не было читателей (НМ).

i-IVд. Диатеза с расщепленным объектом.

Напрасно ты за нее *огорчался*.

В Кустова 1996 отмечено особое поведение под отрицанием некоторых фактивных глаголов эмоции — таких как *огорчить*, *омрачить*, *затруднить*; в будущем времени и других контекстах снятой утвердительности они допускают как фактивное, так и нефактивное понимание. В самом деле,

(16) Он не из тех, кто *огорчил* свою мать женитьбой =

а. 'он не тот человек, женитьба которого огорчила его мать', фактивное понимание;

б. 'он не такой человек, который женился, тем самым огорчив свою мать'.

(17) Я не *затруднил* ее своей просьбой =

- а. ‘не попросил, тем самым не затруднил’;
- б. ‘обратился с просьбой, которая не доставила ей труда’.

Более того, нефактивное понимание становится в этом контексте более вероятным или даже единственно возможным:

Не *оскорблю* своей судьбы слезой поспешной и напрасной (Окуджава) [т. е. ‘не буду лить слез’];

Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчить* ее женитьбой. “Жена все-таки чужой человек”, — говорит он (Горький).

утешить

У глагола *утешить* плюсовой контур более полный, чем у всех остальных, и этому есть объяснение. Начнем с толкования.

У *утешил* X-а в Z-е =

X был в плохом психическом состоянии из-за Z

У действовал: (сказал / сделал W)

это вызвало:

X перестал думать о Z-е / стал считать, что Z не плохое / что Z' важнее, чем Z
тем самым X перестал быть в плохом психическом состоянии

Участник Z редко выходит на поверхность, но все же он не инкорпорируемый:

хотелось ⟨...⟩ расспросить и утешить. В чем [Z] же *утешить*? Неля совсем не давала повода ее утешать (Белов).

I. Действие.

А они растерянно топтались возле, не зная, как быть, как *утешить* товарища (Айтмагов);

И тогда он встал, побрел назад, рыдая громко и горько. Никак и ничем [W] не мог он *утешить* себя, и некому было *утешить* его в безлюдном ночном Аксае (Айтмагов);

Михаил Александрович так и попятился, но *утешил* себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом некогда размышлять (ММ).

Глагол *утешить* имеет полноценное значение действия. Это проявляется в наличии парного НСВ с этим значением, см. ниже; в наличии формы императива (*Скажи, Саня, утешь меня!*), а также в наличии рефлексива у производного возвратного глагола.

Id. Диатеза ⟨...Прием-Сб⟩.

Это соображение его *утешило* ⇐ Он *утешил* себя этим соображением.

II. Происшествие. Категория субъекта тоже должна быть происшествием:

Он не закончил свою мысль, почувствовав легкий приступ презрения к Лидии. Это [т. е. возникшее ощущение презрения] очень *утешило* его (Горький).

Пд. Диатеза с расщеплением.

Заработок *утешил* его своим размером.

III. Пассивно-потенциальная диатеза возможна, хотя скорее в качестве формированной:

[?]Долго его утешал, но он так и не *утешился*.

III'. Действие с акцентом на результате. Рефлексив. Действие *утешать* часто направлено на самого субъекта. Отсюда активность рефлексивных дериватов:

(18) А предположить, что на земле могут существовать одновременно два Толстых, и тем *утешишься* [= 'утешиться предположением'], я, понятно, не мог (Войнович).

В контексте значений I, III и III' часто возникает участник Прием-утешение. Если объект кореферентен субъекту (а это бывает очень часто), то утешением может быть *предположение*, как в (18); *мысль*, как в (19); *соображение*, как в (20), с пропозициональным актантом:

(19) Мне показалось, она заснула, но прежде чем я *утешился* мыслью, что она не услышала, не поняла ничего из того, что убивает меня, она шевельнулась, вернула бретельки на плечи и села (Н.);

(20) Он попытался *утешить* себя, что так грубо и гадко вышло потому, что он именно отступил от своих аккуратных правил (Н.).

Как отличить Id от Пд, т. е. отличить Прием от Аспекта, которые оба выражаются твор. падежом? Предложение (21) не может трактоваться как результат расщепления в (22) (т. е. попасть в клетку Пд), поскольку (22) не соответствует клетке II своей категорией: субъект в (22) — это утешение, т. е. Прием; так что (22) однозначно трактуется как полученное из (21) по правилу подъем Приема и попадает в клетку Id:

(21) Я *утешил* его соображением, что время лечит.

(22) Мое соображение, что время лечит, *утешило* его.

IV. Декаузатив невозможен — декаузативная интерпретация возвратного глагола блокируется рефлексивом. Аналогичное явление описано в Падучева 2001a по отношению к глаголам движения.

IVd. Диатеза с расщепленным объектом невозможна.

i-I. Деятельность. Участник Прием может принадлежать к идеальной сфере, но может быть речевым и даже физическим действием:

Но мальчик *утешал* себя догадкой: его не любят, потому что он умнее всех, а за этим утешением, как тень его, возникала гордость, являлось желание поучать, критиковать (Горький);

Нас вели на кухню (...) кормили, поили, *утешали* ребячьими разговорами (НМ); (...) взялся его *утешать*, поглаживая по заду, словно бабу (Аксенов);

Жора показал Инке кулак и пошел *утешать* безутешную Алену, глядя ей колени и размазывая слезы по ее щекам (Незнанский).

Аспектуальный класс глагола зависит от таксономической категории участника Прием; так, *утешать поглаживанием* — действие, *утешать* (себя) *мыслью* — статив; в (23) утешением служит факт:

(23) И как чувствовал я в этот день всю сладость страстных рыданий матери, когда заливающийся тенор грустно *утешал* ее неизреченной красотой небесных обителей (Б.).

i-II. Перфектное состояние / диспозиция.

⟨...⟩ да *утешал* извозчика и тот неожиданный заработок, что дал ему какой-то господин из Сан-Франциско, мотавший своей мертвой головой в ящике за его спиной (Б.).

i-IIд. Диатеза с расщепленным субъектом.

Заработок *утешал* только своей неожиданностью.

i-III. Пассивно-потенциальная диатеза.

Слабонервные люди *утешаются* легко [только вынужденная интерпретация].

i-III'. Рефлексив.

Так кончали жизнь красотки моего поколения, вдовы страстотерпцев, *утешавшихся* в тюрьмах, лагерях и ссылках тайным запасом хранимых в памяти стихов (НМ).

i-IV. Состояние. Декаузатив и *i-IVд* исключены, в силу общего правила о несовместимости агентивной и декаузативной интерпретации.

Тематические производные.

Глагол *утешать* широко употребляется в значении речи:

Отец Клима словообильно *утешал* доктора, а он, подняв черный и мохнатый кулак на уровень уха, потрясал им и говорил, обливаясь пьяными слезами ⟨...⟩ (Горький);

В ногах Кузьмина на шелковом стеганом одеяле сидел седоусый профессор Буре, соболезнующе глядя на Кузьмина, и *утешал* его, что все это вздор (Булгаков).

Глагол *утешаться* принадлежит к числу немногих эмоций, которые могут обозначать деятельность, выходящую за пределы идеальной сферы, ср. *любовные утехи*.

Итак, *утешить*, возможно благодаря необязательному, но нормативному речевому компоненту, имеет полноценное агентивное значение, что обеспечивает ему большую, чем у других эмоций, полноту плюсового контура.

успокоить

Глагол *успокоить* имеет следующее простое толкование:

Y *успокоил* X-а (Z-ом) =

X находился в возбужденном состоянии
произошло Y / Y воздействовал на X-а (Z-ом)

это вызвало

X перестал находиться в возбужденном состоянии

I. Действие. Глагол *успокоить* обозначает полноценное действие — иногда даже с конативным оттенком ‘удалось’:

Чтобы *успокоить* его, ему посулили барана на завтра (Белов);

— Михаил Александрович! — крикнул он вдогонку Берлиозу. Тот вздрогнул, обернулся, но *успокоил* себя мыслью, что его имя и отчество известны профессору также из каких-нибудь газет (ММ);

Но врач быстро *успокоил* всех встревоженных, скорбных главою, и они стали засыпать (ММ);

Варенуху *успокоили*, как умели, сказали, что охраняют его и без всякой камеры (ММ);

Нужно было *успокоить* ее. А как *успокоить*? (Булгаков);

⟨...⟩ дерзкого безумца удалось *успокоить*, объяснив, что тело будет погребено (ММ);

⟨...⟩ насилу-насилу успели ее *успокоить* холодной водой и всевозможными спиртами (Б.).

Id. Диатеза ⟨... Прием-Сб⟩:

Холодный душ его *успокоил* [ср. *его успокоили холодным душем*].

Если Прием выражен деепричастием, то тогда он, конечно, не переводится в подлежащее на синтаксическом уровне:

⟨...⟩ прибежала Ксения Никитишна и совершенно его *успокоила*, сразу сказав, что это, конечно, кто-нибудь из пациентов подбросил котенка (ММ).

II. Происшествие.

Приход брата *успокоил* ее.

Id, диатеза с расщепленным субъектом отсутствует, что связано с наличием диатезы Прием-Сб.

III, пассивно-потенциальная диатеза, и III', рефлексив, у возвратного глагола отсутствуют, что закономерно связано с наличием медиального декаузатива.

IV. Декаузатив.

Он отбивал косу, плевал на кончик молотка и тюкал по бабке ⟨...⟩. Тюкал долго, размеренно, и уже совсем все встало на свое место, он *успокоился* от этого тюканья, как вдруг опять появился тот уполномоченный (Белов);

Однако постепенно он *успокоился*, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: “Ну-с, итак...” ⟨...⟩ (Булгаков).

В (24) отражается участник-Каузатор возбужденного состояния, который почти никогда не проявляется на поверхности:

(24) ⟨...⟩ лось, все еще не *успокоившийся после осеннего гульбища* (Белов).

IVd, диатеза с расщепленным объектом, невозможна.

i-I. Деятельность.

Мария плакала. Я ее *успокаивал*;

Он долго лежал, стиснув зубы, слушая эти рыдания ⟨...⟩. Затем шел *успокаивать*.

Шли *успокаивать* и заспанные девки, иногда тревожно прибежал дедушка (Б.).

i-II. Перфектное состояние / диспозиция.

Ах, как хорошо сделал господь бог, создавши свет! ⟨...⟩ Как этот свет *успокаивает*, как укрощает и душу нашу, и все окружающее нас! (Б.) [диспозиция];

Он стучал кулаком в стену, давая знать, что ждет самовара, и, кряхтя, закуривал сигарку: это *успокаивало* сердце, облегчало грудь (Б.) [перфектное состояние].

i-Id. Диатеза с расщепленным субъектом.

Мелодия *успокаивала* своей монотонностью.

i-III. Действие. Пассивно-потенциальная диатеза — в принципе, возможна, но как форсированная:

Эти дети возбуждаются легко, а *успокаиваются* с трудом.

i-III, рефлексив, невозможен.

i-IV и i-IVd, состояние, — исключены; несов. вид *успокаиваться* понимается в значении процесса:

Больному сейчас лучше. Он *успокаивается*.

Тематические производные.

В (25) *успокоить* употребляется в составе своего рода перформативной приставки, т. е. имеет речевое значение:

(25) ⟨...⟩ но я должен *успокоить* игемона: замысел злодеев чрезвычайно трудно выполним (ММ);

Я *успокоил* ее, что все будет в порядке.

Плюсовой контур глагола *успокоить* свидетельствует о том, что это глагол изменения состояния, а не глагол эмоции: участник Каузатор у него не является Содержанием. Важно также, что та форма, которая соответствует клетке *i-IV*, имеет у него значение процесса, а не состояния, как у глаголов эмоции: *успокаивается* — это как *разрушается* [процесс], а не как *радуется* [состояние].

§ 6. Некоторые итоги

Наш материал позволяет сделать следующие обобщения.

У глаголов *огорчить*, *рассердить*, *испугать* обнаруживается существенное сходство плюсовых контуров. От *возмутить* они отличаются семантически предсказуемым образом — большей агентивностью, которая проявляется в наличии дериватов категории действие и деятельность (клетки I и *i-I*), а также “личностной” ориентацией, которая у *возмутить* отсутствует, см. клетку *i-IV*.

Плюсовой контур этих глаголов можно считать типичным для глагола эмоции. Например, *восхитить* и *обрадовать* близки по своей парадигме, соответственно, к *возмутить* и *огорчить*.

Глагол *пугать* отличается от прототипа лишь в клетке *i-IV*: у декаузатива *пугаться* нет значения состояния (*Он пугается звонков* — итератив). Семантических оснований для этого нет. Объяснением можно считать структурное вытеснение (по принципу “говядина блокирует *коровина”): клетку *i-IV* занимает глагол *бояться*.

Что же касается глаголов *утешить* и *успокоить*, то они отчетливо агентивны, и это дает совершенно иную парадигму значений.

Таблица 2 (см. с. 289) открывает возможность семантического предсказания значения того или иного параметра на базе общих корреляций между значениями параметров в классе глаголов эмоции.

Плюсовой контур глагола существенно зависит от агентивности исходной лексемы. Сравним прототипический глагол эмоции *огорчить*, абсолютный статив, с более агентивным *оскорбить*. Глагол *оскорбить*, в исходном значении, связан с речью, а речь — исходно контролируемая человеком деятельность; поэтому *оскорбить* — *оскорблять*, наряду с неагентивным употреблением (*Твои подозрения меня оскорбляют*), допускает агентивное. Между тем в семантике *огорчить* каузатором психического состояния является, прежде всего, полученная Экспериментом информация, а не речевая деятельность другого человека, и этот глагол чисто агентивного значения не имеет.

Прототипическим глаголам эмоции свойствен редуцированный плюсовой контур, выражающий неполноту семантической парадигмы:

а) агентивность прямо влияет на наличие у глагола имперфектива в значении деятельности, ср. *утешать*, *оскорблять* и *огорчать*, *удивлять* — глаголы

СВ *огорчить*, *удивить* не обозначают действие, поэтому их производный имперфектив является стативом, см. минус в клетке *i-I*;

б) у неагентивных глаголов не бывает рефлексивов (клетка *i-III'*), поскольку рефлексивы (*мыться*, *одеваться*) обычно обозначают действие;

в) от агентивных глаголов инверсный декаузатив образуется хуже, чем от обычных эмотивов; но там, где он все-таки есть (*оскорбился*), отличие декаузатива от каузатива, о котором шла речь в § 3, особенно хорошо видно: *оскорбился* дает основание для инференции ‘мог бы и не’, ср. *Моя шутка его обидела* и *Он обиделся на мою шутку*.

Остается ряд вопросов — ряд случаев, когда языковое поведение глагола пока не удалось объяснить из семантики, хотя возможность семантического обоснования не кажется исключенной.

1. Диатеза с расщепленным объектом, т.е. с участником Мишень, есть у глаголов *рассердиться*, *разозлиться*, *обидеться*, *разгневаться* (*рассердился на меня за мой выкрик*), обозначающих “адресованные” эмоции. Как объяснить отсутствие этой диатезы у *возмутиться*?

2. Почему нет статального имперфектива у *растеряться*, *skonфузиться*, *сникнуть*; почти нет у *раздразниться*? Т.е. почему нельзя сказать:

Неужели ты до сих пор **раздражаешься/ *оскорбляешься* [при допустимом *обижаешься*]?

3. Почему для глаголов *восхищаться*, *возмущаться*, *восторгаться*, *ужасаться* употребление в значении речи более естественно, чем, например, для *сердиться*, *огорчаться*? Не связано ли это с тем, что *огорчать* — интерпретация? И следует ли включать компонент «речевое выражение эмоции» в семантику одних глаголов эмоции, в противовес другим, как это сделано в ТКС, или допускать ее для всех?

4. Говоря о синтаксическом поведении, нельзя забывать о сирконстантах глаголов эмоции. Бросается в глаза то, что глаголы эмоции обычно совместимы с указанием меры (*очень огорчился*, *испугался*, *рассердился*; *очень волнуясь*):

— Вы, кажется, уж слишком на него *рассердились*, — заметил Мизинчиков (Д.).

Как вывести сочетаемость с обстоятельством меры (типа *очень*) из толкования? При том, что это сочетание допускают далеко не все глаголы эмоции. Например, оно невозможно для *взбесить*, *вознаградить*, *заворожить*, *изумить*, *отчаяться*, *подавить*, *раскаяться*, *унизить* — видимо, из-за инкорпорированного показателя крайней степени, ср. *очень удивился* и **очень изумился*; *очень расстроился* и **очень отчаялся*.

В окружающем глагол контексте обычно бывают отражены какие-то аспекты его смысла. Так, в (1) *несчастье* формально не подчинено глаголу *утешать*, но отражает важный аспект его толкования; в (2) *потолковать* отражает необязательный, но характерный аспект глагола *утешать* — тот, кто *утешает*, обычно *говорит*:

(1) Вероятно, действия Банги должны были означать, что он *утешает* своего хозяина и *несчастье* готов встретить вместе с ним (ММ).

(2) Да я, впрочем, не спорить пришел, а, узнав про вторую беду твою, пришел *утешить*, *потолковать с другом* (ММ).

Эти “побочные” отражения смысла слова в его контексте пока не описывались.

5. Случайно ли то, что среди непарных глаголов НСВ больше процент таких, которые не имеют инверсного декаузатива (*угнетать, гнести, давить, нервировать*)?

6. Особое место в классе эмотивов занимает глагол *беспокоить*. Типичные глаголы эмоции не сочетаются с косвенным вопросом; так, во фразе *Он рассердился, зачем я это сказал* не КВ, а несобственная прямая речь. Между тем *беспокоить* принадлежит к числу немногих глаголов эмоции, допускающих подчиненный косвенный вопрос и параметрическое имя:

- (а) Меня беспокоит, *какое* решение он примет;
Ее беспокоит, *вернетесь ли* вы к обеду?
(б) Нас беспокоит *судьба* книги.

В НОСС 1997 глагол *беспокоиться* толкуется как ‘вызывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку не известно (разрядка моя. — Е. П.) нечто важное о ситуации, которая его касается...’. Это подтверждает связь косвенного вопроса с семантическим компонентом «знание» (см. гл. 3).

У *беспокоить* могут быть и другие типы подчиненных — ситуации, которые чреваты опасными последствиями (*ухудшение экологической обстановки*: может произойти — неизвестно, произойдет ли) и просто обращенные в будущее, которое всегда неизвестно. Так что косвенный вопрос — лишь одна из возможностей. Но факт остается фактом: не эксплицировав этой связи между незнанием и КВ, нельзя задать соответствие между участниками ситуации беспокойства и синтаксическими актантами глагола.

Скрытый вопрос можно видеть в семантике других глаголов, способных, как и *беспокоиться*, управлять предлогом *за*, — *испугаться, бояться, тревожиться, волноваться*; например: *За ваш доклад я не волновался*.

7. Отдельный вопрос — как лексическое значение глагола эмоции отражается на значении его грамматических форм и лексических дериватов. Деривационный потенциал слова проявляется не только в семантической, но и в формально выраженной деривации — в способности слова мотивировать то или иное производное значение. Пока неясно, можно ли по значению глагола эмоции предсказать значение его отглагольных имен; т.е. дает ли семантика глагола основание для таких предсказаний. В какой-то мере, определено да. Например, имя, которое обозначает состояние, образуется только от глаголов, имеющих имперфектив: *восхищение, возмущение, раздражение, изумление, обида, огорчение, смущение, удивление, возбуждение, успокоение* (*испуг* — исключение, которому не следует удивляться). Они входят в конструкции, типичные для имен состояний: *в возмущении, от возмущения*. Между тем *утешение, вознаграждение, развлечение, оскорбление* — имена того, чем утешают, вознаграждают и т.д.; *убеждение X-а* — это ‘то, в чем X убежден’.

Имена деятеля от глаголов эмоции почти не образуются; так, сочетание *возмутитель спокойствия* идиоматично. Оно и понятно: глаголы эмоции неагентивны. Интересно в этом смысле слово *огорчение*, ср. *доставить огорчение и быть в огорчении*, см. в этой связи Булыгина, Шмелев 2000.

Очень поучительно сравнение эмоций с восприятиями. У эмоций диатеза с экспериентным Субъектом маркирована возвратной частицей (*рассердился на Джона*), а исходная диатеза каузативная — такая же, как у глагола действия

(*Иван рассердил* — как *Иван наследил*). А у глаголов восприятия диатеза с экспериментным Субъектом исходная: *Я увидел, Он обнаружил*. Отсюда различие в структуре парадигмы: у глагола эмоции диатеза с подъемом Посессора (*Джон удивил меня своей статьей*) имеет в качестве основы каузативную конструкцию с тем же глаголом (*Статья Джона меня удивила*). Между тем у глагола восприятия субъектную позицию занимает Эксперимент; чтобы в нее попала посессивная группа, подлежащая расщеплению, в парадигму должен быть втянут возвратный глагол — только декаузативация позволяет переместить посессивную группу в позицию Субъекта:

восприятие	эмоция
Война яснее обнаружила враждебность этих людей	—
В войну яснее обнаружилась враждебность этих людей	Статья Джона меня удивила
В войну эти люди яснее обнаружили свою враждебность	Джон удивил меня своей статьей

Сопоставление значений по параметрам позволяет представить в наглядном виде “анатомию” значения слова; понять, как одни параметры значения предсказывают и исключают другие, тем самым увеличивая психологическую реальность тех или иных компонентов толкования.

Хотя у эмотивов много своеобразных черт, есть вещи, которые объединяют эмотивы с другими классами. Так, закономерность, состоящая в том, что рефлексивное значение возвратного глагола закрывает дорогу декаузативному (как, например, у глагола *утешаться*), проявляется и за пределами эмотивов: та же закономерность действует в классе глаголов движения, ср. *катиться*.

Глава 5

ГЛАГОЛЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

§ 1. Волитивная составляющая в семантике глаголов принятия решения

Глаголы со значением принятия (и исполнения) решения описывают поведение человека в условиях свободно выбираемого поступка и примыкают к классу волитивных глаголов. Это такие глаголы, как:

решить, задумать, замыслить, надумать, предпочесть, договориться, рискнуть, решиться, осмелиться, отважиться, одуматься, сообразить (сделать что-то);
выбрать, облюбовать, наметить, избрать, выискать;
назначить, уволить, предназначить, приговорить, ограничить, установить, постановить, рассудить;
намереваться, хотеть, планировать, собраться, забыть (как в *забыл позвонить* = 'забыл о намерении'; ср. англ. *remember* 'помнить' в *remembered to take the umbrella* = 'не забыть взять зонтик', но **вспомнил взять зонтик*), думать (как в *думаю зайти*).

Сюда же относятся глаголы *мяться, вздумать, заблагорассудиться*, замечательные тем, что не употребляются в 1-м лице, см. об этом явлении Падучева, Зализняк 1982.

Как и в других тематических классах, наша цель будет состоять в том, чтобы выявить в значениях разных слов одинаковые или близкие семантические компоненты, влияющие на сочетаемость и регулярную многозначность.

Что касается регулярной многозначности, то для данной группы глаголов наибольший интерес представляет тип 'мнение' — 'намерение'; этот тип полисемии свойствен глаголам *решить, (по)думать, забыть, предполагать* и др.

Одновременно должна быть затронута и аспектуальная проблематика. Почему у волитивных глаголов, в определенных контекстах, несов. вид не может иметь актуального значения? Одно дело глагол *назначить* — он не имеет НСВ акт. в силу общей закономерности: будучи перформативом, он принадлежит к моментальным глаголам. А другое дело — глагол *выбрать*, который не является моментальным, но обнаруживает неполноту парадигмы видовых значений в определенном контексте.

Начнем с участников ситуации выбора решения. Согласно Апресян 1995: 355, человек (в языке) задается набором определенных функций — деятельностей, состояний, реакций. Каждой функции человека соответствует, как было предложено некогда Ю. К. Щегловым, некий его орган (часть тела), предназначенный для выполнения этой функции: "*орган* — какая-то часть устройства (например, человека), которая совершает один и тот же круг действий" (Щеглов 1964: 61). Например, рука, глаза, разум — это органы, предназначенные, соответственно, для выполнения физических действий, перцептивных и ин-

теллеktуальных функций. Одним из таких метафизических — т. е. не имеющих местоположения — “органов” можно считать волю.

Типовой контекст принятия решения состоит в том, что возникает проблемная ситуация — которая требует (или делает возможным), чтобы субъект совершил действие; и человек должен понять, какое действие будет разумным — уместным — в данной ситуации. Например, в (1) необходимость совершения действия определяется наступлением ночи:

- (1) Мы с помощником посоветовались, где ночевать. *Решили* заночевать в предыдущей деревне.

Можно представить выбор решения как осуществляемый двумя “органами” — разумом и волей³⁶. Разум строит множество альтернатив, т. е. действий, в принципе уместных в данной проблемной ситуации; перебирает альтернативы и дает оценку каждому из потенциальных действий с точки зрения его свойств, возможных последствий и т. д.: целесообразные — нецелесообразные; хорошие — плохие. И вообще, правильные — неправильные; или допустимые — недопустимые, ср. Арутюнова 1983: 331, Шатуновский 1996: 285. Рассмотрим эти основные понятия более подробно.

1. РАЗУМ. Это орган, который размышляет — сравнивает альтернативы друг с другом; выводит следствия (рассматривает возможные последствия того или иного выбора), что и позволяет оценивать возможности-альтернативы поступка как хорошие/плохие. В ходе размышлений человеку иногда бывает нужна дополнительная информация, которую он может разными способами узнавать.

2. ВОЛЯ. Это орган порождения желаний, в конечном счете определяющий выбор решения. В ситуации принятия решения, концептуализуемой с помощью глагола *решить*, разум оставляет несколько возможностей в качестве допустимых, и тогда вмешивается воля, которая делает окончательный выбор.

В Апресян 1995: 352 говорится, что “воля (...) есть способность приводить в исполнение свои желания”. Кажется, однако, что воля совмещает обе функции — не только приводит желания в исполнение, но и порождает их, ср. о воле в Степанов 1997: 317.

Представление воли как органа, совмещающего указанные две функции, соответствует определению слова *воля* в СЯП: *воля*, в одном из значений, определяется как “способность хотеть и осуществлять свои желания”. Примеры:

воля и рассудок превозмогли; движение происходило не от ее *воли*; покорись моей *воле*; в нем не слабеет *воля* злая = ‘не слабеет способность порождать злые желания’.

Воля похожа на власть, которая тоже совмещает две функции, свободу выбора и возможность оказывать давление — с целью достижения выбранного положения вещей. Разница в том, что воля — это власть, в том числе и над собой.

З а м е ч а н и е. Разные языки решают вопрос о происхождении человеческих решений и намерений по-разному. В Иванов 1980: 95 говорится о том, что в гомеровских текстах в контексте принятия решения, особенно мужественного, употребляется слово *φρόνησις* ‘внутренности, душа, ум’. Такого рода решение внушали

³⁶ По Ю. К. Щеглову (1964), в принятии решения о действии участвуют также эмоции. В нашей модели эмоции влияют на возникновение желания, но в концепте выбора решения остаются за кадром.

человеку боги (Зевс, Гера); а именно, они в к л а д ы в а л и его в человека — в его *φρένες*. “Кажется вероятным, что термин *φρένες*, *φρήν* относился (...) к тому чувству внутри человека, которое быстро откликалось на приходящие извне существенные впечатления, и к той именно части человека или его сознания, через которую осуществлялось воздействие на него богов” (Иванов 1980: 98).

Так или иначе, человек обладает способностью иметь желания; как показано в гл. I.4 § 2, способность часто концептуализуется в языке как орган, и этот метафизический орган будет непротиворечиво называть волей.

Итак, мы обосновали волю как одного из участников ситуации принятия решения. Есть еще третий участник — совесть (Апресян 1995: 354), роль которого отчасти совпадает с ролью разума, поскольку разум тоже “ассоциируется с высшими, этическими понятиями, такими как добро и зло” (Урысон 2000а: 186). В рассматриваемом круге глаголов этот третий участник не дает о себе знать и не будет приниматься во внимание.

И разум, и воля — инкорпорированные участники, т. е. они не имеют регулярных синтаксических позиций при наших глаголах. Однако они могут “экскорпорироваться”, по общим правилам, и выходить на поверхность:

Может быть, *детский ум его* давно р е ш и л, что так, а не иначе следует жить, как живут около него взрослые (Гнч., МАС).

Как показывает анализ контекстов употребления глагола *решить*, принимаемая решение, человек часто не ограничивается собственными ресурсами — он может советоваться с кем-то другим (если Агенс — коллектив, то его члены — друг с другом), и это лингвистически существенно, поскольку перекидывает мост между *решить остаться* и *решить на собрании*; между *выбрать ценку* и *выбрать председателя*. В примерах (4), (5) из § 2, сочетание *решил сам с собою* выявляет близость *решить* и *договориться*. Отсюда неслучайная связь глаголов мнения, типа *решить*, с глаголами социального действия, выявляемая в § 3.

3. МНОЖЕСТВО ВЫБОРА. Решить, как поступить, — значит понять, каково желаемое положение вещей: *Я решил, куда поехать отдохнуть* значит я сделал выбор между разными возможностями — “Я поехал в Крым”, “Я поехал на Соловки” и т. д. Все это разные значения параметра Положение вещей. Положение вещей — это множество альтернатив, множество выбора. Тот же участник Положение вещей может быть выражен параметрическим словом: *выбрал маршрут* = ‘выбрал, каким путем идти’. В контексте *Это решило мою участь* слово *участь* называет параметр, значениями которого являются совокупности будущих жизненно важных для меня обстоятельств. Слово *исход* тоже параметрическое. Для *решить* в значении ‘быть решающим фактором’ следует учесть возможность метонимического переноса: *это решило спор* = ‘исход спора’.

Положение вещей — это параметр. Участник Параметр играет принципиальную роль в семантике многих глаголов; например, глагола *изменить*: меняется всегда какой-то признак предмета, ср. о фр. *changer* ‘изменить’ в Mel’čuk 1992.

В ситуации принятия решения обязательно должна принимать участие воля: если все решает разум, надо употребить не *решить*, а *определить* или *понять*, см. Арутюнова 1988: 256; Шатуновский 1996: 288; т. е. для принятия решения участие воли обязательно. В принципе, Агенс может выбрать реше-

ние и за пределами множества выбора, ограниченного разумом; например: *а что вы с Рогожиным ехатъ хотели, то это вы в болезненном припадке решили* (Д.). Вообще, выбор намерения, а иногда и само действие, могут быть произведены раньше, чем человек осознает все свои мотивы и доводы. (Характерная сцена описана в “Даре” Набокова: “И в то самое мгновение, когда он решил больше не прислушиваться и нераздельно заняться Гоголем, Федор Константинович быстро встал и вошел в столовую”.) Между тем мнение — это выбор разума.

4. НАМЕРЕНИЕ. Результатом выбора решения является намерение:

- (2) X *намеревается* Р (где Р — будущее действие X-а) =
‘X имеет в активной зоне сознания мысль: “Буду делать Р”’.

Значение намерения возникает у глаголов мнения в контексте подчиненной предикации, обозначающей контролируемое действие:

- (3) *думал бежать*, предполагал *печатать*, забыл *запереть*.

Определение (2) задает только ассертивный компонент значения слова *намереваться*; но имеется второй компонент, фоновый: намерение — это нечто, в ы б р а н н о е субъектом; то, что является результатом решения, в котором участвовали как разум, так и воля.

Есть много глаголов, у которых несов. вид обозначает перфектное состояние (Падучева 1996: 153), т. е. состояние, наступившее как результат / следствие действия или события; например, *обещать*, *огорчаться*, *выразить* — это перфектные состояния действий / событий *пообещать*, *огорчиться*, *выразить*. Между *решишь* и *намереваться* такое же соотношение, как между *пообещать* и *обещать*; т. е. *намереваться* — это своего рода супплетивное перфектное состояние глагола *решишь*. Чтобы намереваться, надо решить — хотя бы фаза п р и н я т и я решения и не была зафиксирована самим субъектом. Иными словами, в определении намерения входит то, что оно является результатом предшествующего свободного выбора, ср. Шатуновский 1996: 288.

Слова *решишь*, *выбрать* и *назначить* различаются синтактикой: *решишь* употребляется с подчиненным инфинитивом и косвенным вопросом, см. (4), а *выбрать*, *назначить* — с именами, см. (5), хотя по существу все три глагола описывают принятие решения о действии (*назначить* и *выбрать* включают и осуществление решения):

- (4) *решил* построить дом; *не решил*, где строить дом.
(5) *выбрал* отделку; *назначил* преемника.

Интересно, что со временем происходит усугубление различия в синтактике этих глаголов. Так, глагол *решишь* раньше допускал употребление в контексте непараметрических имен, сейчас сомнительное, см. (6); и наоборот, *назначить* могло употребляться с инфинитивом, см. (7), (8):

- (6) Этот визит, вероятно, уже давно был *решен* и обдуман (Д.).
(7) Кирила Петрович (...) решил не тратить времени и *назначил* быть свадьбе на другой же день (П.).
(8) Суда с вечера заняли те места, какие Ушаков *назначил* им *занять* без боя (Серг.-Ценск.).

Итак, в ситуации принятия решения есть следующие обязательные участники:

- Агенс с его разумом и волей;
- Положение вещей, задаваемое как Множество выбора, т. е. Множество альтернатив; оно может также задаваться как Параметр.
- Значение параметра; в случае выбора решения значениями Параметра являются намерения.

Кроме того, имеется два необязательных участника.

— Проблемная ситуация, или Проблема, порождающая необходимость в действии (инкорпорированный участник); она служит мотивировкой необходимости решать и возможности выбирать.

— Мотив (только у глаголов сов. вида), т. е. приоритетное из желательных возможных последствий совершения действия (*Чтобы не мешать им, я решил уйти*). Необязательность Мотива роднит решение с желанием.

В следующих разделах мы остановимся на нескольких основных глаголах принятия решения более подробно.

§ 2. Прямая и косвенная диатеза в парадигме значений глагола *решить*

Семантическая парадигма глагола *решить* строится на базе параметров лексического значения, описанных в главах I.1—4: это тематический класс, Т-категория (аспектуальный класс), диатеза и таксономический класс участника/участников. Каждой лексеме слова соответствует индекс, указывающий значение всех параметров. Индекс показывает, какое место занимает данная лексема в общей системе значений слова.

В индексе различается четыре позиции — для тематического класса, Т-категории, диатезы и таксономического класса участника/участников. Каждый параметр принимает значения “из своего алфавита” — так что, если характеристика по данному параметру для лексемы нерелевантна, ее можно опустить. На последнее место в индексе может быть помещена информация произвольного вида, не нашедшая себе места в других позициях (например, о дополнительном участнике).

Ниже мы покажем, как вышеуказанные четыре параметра отражены в индексах, характеризующих семантическую парадигму глагола *решить*.

Т е м а т и ч е с к и й к л а с с задается в индексе римской цифрой. В наборе лексем слова *решить* представлены тематические классы: воля (I), мнение (II), каузация (III).

К а т е г о р и я глагола задается латинской буквой (или буквами). В системе лексем слова *решить* представлены три таксономических категории: А(ction)— действие, Н(appeining)— происшествие, S(tate)— статив, т. е. состояние или постоянное соотношение. В своем волитивном значении глагол *решить*, равно как и его НСВ *решать*, может быть только действием. В значении мнения *решить* может быть и действием и происшествием. Употребление, относящееся к категории состояние, есть только у глагола НСВ *решать*.

Д и а т е з а. Для *решить*, как и для многих других ментальных и волитивных глаголов, существенно противопоставление прямой и косвенной диатезы,

см. § 3; обозначения — d(irect) и i(ndirect). Прямая диатеза трактуется как исходная, поскольку она включает участника Результат. Кроме перехода от прямой диатезы к косвенной, имеется много других диатетических сдвигов. В данном случае достаточно отразить в индексе лексемы сам факт наличия диатетического сдвига (у данного употребления по сравнению с тем, которое является для слова исходным), обозначение — d.

Таксономический класс участника. Каждой роли соответствует определенный исходный таксономический класс ее исполнителя (например, исходный Агенс для волитивного *решишь* — ЛИЦО), который не отражается в индексе. Отражаются только спецификации. Так, значение, при котором *решишь* обозначает волю коллектива — в том случае, если последняя выражается особой процедурой, голосованием, — получается спецификацией участника Агенс; обозначение: С[Агенс — КОЛЛЕКТИВ] (С — от слова “спецификация”); в число участников добавляется Процедура. Спецификация участника может привести к изменению Т-категории глагола, тематического класса и диатезы (см. примеры в гл. I.4) и указывается отдельно только в том случае, если она остается единственным параметром, отличающим данное значение от исходного.

Деривационный подход к значению основан на том, что нам ясно направление семантической производности между двумя значениями многозначного слова, т. е. мотивированность одного значения другим. По отношению к глаголу *решишь* возникает вопрос, какой тематический класс является для него исходным — воля (как в *решил уехать*) или мнение (как в *я решил, что ты уехал*). Если рассматривать намерение как частный случай мнения, а именно, как мнение о необходимости осуществления ситуации, в которой субъект мнения является действующим лицом или как-то иначе ее контролирует, то волитивное значение у *решишь* предстает как спецификация мнения. Однако реальное соотношение, скорее всего, обратное (Шатуновский 1996: 290) — волитивное значение у *решишь* исходное, а значение мнения возникает за счет его выветривания. В самом деле, принятие решения включает создание образа ситуации и акт воли, а в значении мнения остается только создание образа: *решишь* в ментальном значении ≈ ‘оценить положение вещей, понять’. Впрочем, даже когда *решишь* употребляется в значении мнения, мнение предстает как результат выбора — до некоторой степени произвольного: *решил, что сам виноват* — значит ‘решил придерживаться такого мнения’³⁷.

Неоднозначность ‘намерение’ — ‘мнение’ свойственна не одному только слову *решишь*. Похожая неоднозначность у глагола *убедить*, который может иметь значение ‘склонить к действию’ и ‘внушить мнение’ (согласно Гловинская 1993а, близкое различие между англ. *persuade* и *convince*).

Первичность волитивного значения *решишь* по сравнению с путативным видна на дериватах. Так, производное отглагольное имя, *решение*, имеет в

³⁷ Интересно, что глагол СВ *счесть* тоже подчеркивает момент произвольности при выборе Субъектом ментального образа ситуации (*Я счел возможным* ≈ ‘решил, что возможно’) — при том, что в семантике глагола НСВ *считать* идея произвольности мнения, которого придерживается Субъект, отсутствует. Так что *счесть* — *считать* не только не образуют видовой пары согласно критерию Маслова, но и не составляют несобственной перфектной видовой пары: *считает* не предполагает предшествующего *счел* — в том смысле, в каком, скажем, *обещает* предполагает *пообещал* (Падучева 1996: 153) или даже *видит* — *увидел*.

современном языке значение ‘намерение’, а не ‘мнение’. Для мнения отглагольное имя другое; так, в (1) в роли имени Результата для *решишь* выступает слово *убеждение*:

- (1) Пробыв в Москве, как в чаду, два месяца, почти каждый день выходя с Кити в свете, куда он стал ездить, чтобы встречаться с нею, Левин внезапно *решил*, что этого не может быть, и уехал в деревню. *Убеждение* Левина в том, что этого не может быть, основывалось на том, что в глазах родных он невыгодная, недостойная партия для прелестной Кити, а сама Кити не может любить его (Г.).

Другой пример. У возвратного *решишься* тоже центральным является компонент, связанный с действием: *решишься* ≈ ‘вознамериться сделать нечто трудное / рискованное’.

Волитивное и ментальное значение почти сливаются в контексте, где содержанием мнения субъекта является необходимость что-либо сделать: *решил, что надо / пора делать ремонт*. Однако сознание необходимости не есть еще намерение, и это семантическое противопоставление имеет языковое выражение. Так, в (2) форма буд. времени (*нужно будет*) показывает, что перед нами не мнение, а намерение:

- (2) Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо. {...} сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. {...} Увидевши в чем дело, Акакий Акакиевич *решил*, что шинель *нужно будет* снести к Петровичу (Г.).

Здесь *нужно без будет* означало бы не намерение, а мнение о необходимости.

Итак, *решишь* в исходном значении относится к тематическому классу волитивных глаголов, а его ментальное значение есть семантический дериват.

Тематический класс каузация (как в *решишь задачу*) тоже производный для *решишь*: в этом случае волитивный компонент полностью пропадает; процесс решения становится деятельностью (которая требует определенных навыков и/или использования определенных приемов), приводящей к созданию нового объекта информационной природы.

Получаем для глагола *решишь* следующую парадигму лексем:

I.A.d/i (*решил уехать / решил, кого уволить*)³⁸

I.A.d/i.C[Агенс — КОЛЛЕКТИВ] (*решил большинством голосов*)

II.A.d/i (*решил, что все к лучшему / не решил, упрекает он или хвалит*)

II.H.(d) ‘подумал’ (*Я почему-то решил, что ты уехал*)

III.A.i (*решил задачу перебором*)

III.A.i.C[Об — исход] (*Наше войско дружным нападением решило исход дела*)

III.H.i.C[Сб — СОБЫТИЕ] (*Дружное нападение нашего войска решило исход дела*)

III.A.d.C[периферийный участник — Решение] (*Она решила свою жизненную проблему замужеством*)

III.H.d+d (*Замужество решило ее жизненную проблему*)

Косая черта d/i — это сокращение: речь идет о двух индексах, т. е. о двух отдельных клетках семантической парадигмы, соответствующих прямой и косвенной диатезе.

³⁸ Индексы d (от англ. *direct*) и i (от *indirect*) означают, соответственно, прямая / косвенная диатеза.

Категория глагола может быть не действие, а происшествие (как в *Эта битва решила исход войны*); тогда от волитивной семантики *решить* остается только контроль, который и превращается в каузацию. Таким образом, в классе I *решить* — значит определить свою волю; в классе II — сформировать мнение; в классе III — создать объект или каузировать определенное положение вещей. Тем самым подтверждается мысль Ю. К. Щеглова (1964), что глагол мнения — это, в сущности, глагол создания.

Ниже приводится словарная статья для одного из значений глагола *решить*.

решить I.A.d (как в *решил уехать*)

Легенда — исходная лексема парадигмы

Активная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Агенс	ЛИЦО
P	инф./компл.	<i>Центр</i>	Намерение	ДЕЙСТВИЕ: будущее
M	∅	<i>З/кдр</i>	Множество выбора	МНОЖЕСТВО: действий A
X	∅	<i>З/кдр</i>	Проблема	/ СИТУАЦИЯ: нежелательная
(Q)	/ <i>чтобы</i> ³⁹	<i>Периф</i>	Мотив	СИТУАЦИЯ

T-категория — действие: с акцентом на результате

Схематическое толкование —

- 0) *экспозиция* — до *t* < МН *Сб* не имел намерения совершить действие P
- 1) в *t* возникла Проблема: *Сб* должен был/мог совершить действие, чтобы ее решить
- 2) *Сб* хотел знать, какое действие совершить
- 3) поэтому
- 4) *деятельность* — *Сб* действовал с целью
- 5) *способ* — обдумывал Проблема; построил Множество выбора; перебирал альтернативы из M; оценивал их разумом и волей (: учитывая Q)
- 6) *каузация* — это вызвало
- 7) —
- 8) *результат* (совпадающий с целью) — наступило и в МН имеет место состояние: *Сб* считает, что действие P больше, чем все другие, соответствует разуму или его воле (: и согласуется с Q); *Сб* имеет Намерение совершить P
- 9) —
- 10) *инференция* — при нормальном ходе событий *Сб* совершит Q

Тема — воля

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ — **решать** I.A.d (трив.)

Примеры.

Я *решил* ночевать в деревне; ⟨...⟩ *решил* стать кинематографистом. Почему *решил*?

Да я подумал, что это дело безответственное (М. Ромм);

Она *решила* как можно скорее начать самостоятельную жизнь;

Чтобы облегчить задачу, мы *решили* соорудить на работе буфет.

Итак, исходное значение *решить* волитивное. Ниже описываются семантические деривации, которые позволяют получить толкование производных значений из исходных.

³⁹ Косая черта здесь означает, что указана лишь одна из возможностей.

I.A.d \Rightarrow I.A.i

Косвенная диатеза (*Он решил, куда поедет отдыхать*) отличается от прямой тем, что не задает в явном виде принятого решения. В толковании это должно быть отражено в формулировке результата (строка 8) — ‘Агенс считает, что некто рое действие Р больше, чем все другие, соответствует разуму или его воле’, — а также добавлением инференции ‘говорящий может не знать, какую из альтернатив выбрал Агенс’.

Напротив, Множество альтернатив в прямой диатезе волитивного значения задано неявно — разве что коммуникативной структурой предложения. (Если решение заключается в том, чтобы не совершать действия, то Множество выбора состоит ровно из двух альтернатив — выраженной отрицательной и соответствующей положительной: *решил не ходить на банкет* \supset ‘выбирал, ходить или не ходить’.) При косвенной же диатезе Множество альтернатив задано косвенным вопросом; так, *решишь, куда поехать отдыхать* — значит выбрать один из множества ответов на этот вопрос.

I.A.d/i \Rightarrow I.A.d/i.C [Агенс — КОЛЛЕКТИВ]

Обдумывание Проблемы не исключает обсуждение альтернатив с другими людьми. Поэтому коллективный участник может быть и при значении I.A.d/i:

Думали-думали, толковали-толковали и, наконец, *решили*, что не худо бы еще расспросить хорошенько Ноздрева (Г.).

Однако если в ситуацию входит процедура голосования, возникает значение I.A.d/i.C и появляется новый участник W — Процедура (практически инкорпорированный, поскольку это всегда голосование):

Большинством голосов *решили* похитить покуда одну Евгению (БАС).

При процедурном решении, в отличие от индивидуального, Агенс обязательно коллектив. Здесь не только Агенс изначально не знает своей воли, но и воля у разных людей может быть разная. Следовательно, дело не только в том, чтобы найти хорошее решение, но и в том, чтобы согласовать мнения.

Участник W может проявляться на поверхности через указание меропрятия, в ходе которого эта процедура осуществлялась (*на собрании решили*). Участник Мотив при этом уходит в еще более глубокий фон.

При процедурном выборе решения, в отличие от индивидуального, решающий субъект не совпадает с исполнителем действия. Это несовпадение иногда трактуется как имеющее место только на поверхностном уровне (Шатуновский 1996):

решили, что в Казань поедет Иван = ‘решили по сл а т ь в Казань Ивана’.

Однако возможность контроля Агенса над ситуацией, в которой он не принимает участия, все же следует допустить, причем не только при процедурном решении (*решили за меня* = ‘без меня про мое действие’):

(3) Посмотри, какое я письмо от старосты получил, да *реши*, что мне делать (Гнч.).

При коллективном Агенсе глагол *решишь* сближается по значению с *договориться*:

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и *решили*, что тот,

кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами (Л.).

Даже принятие индивидуального решения может иметь форму договора человека с самим собой:

- (4) “Все выскажу ему, все заставлю его высказать и покажу ему, что я люблю и потому понимаю его”, — *решил сам с собою* Левин, подъезжая в одиннадцатом часу к гостинице, указанной на адресе (Т.).
- (5) Потом, вспоминая брата Николая, он *решил сам с собою*, что никогда уже он не позволит себе забыть его, будет следить за ним и не выпустит его из виду, чтобы быть готовым на помощь, когда ему придется плохо (Т.).

I.A.d ⇒ II.A.d

Значение II чистого мнения получается из значения намерения в результате того, что волитивный компонент выпадает и деятельность Разума, которая в исходном значении была на заднем плане и факультативна, становится центральным семантическим компонентом. Таким образом, механизм семантической деривации при переходе от воли к мнению — это сдвиг фокуса внимания, см. гл. I.5.

Мнение Агенса по поводу какой-то ситуации — это ментальный образ самой ситуации или ее причины. Как правило, мнение имеет субъектно-предикатную структуру. Так, во фразе *свет решил, что он* [Онегин] *умен и очень мил* (II.) тема — Онегин, а рема — данная ему оценка. Тема может быть неингерентной (Баранов, Кобозева 1983, Янко 2001) — тогда мнение есть *о б ъ я с н е н и е* ситуации:

А у тебя жар! ⟨...⟩ Вероятно, покушал лишнее, *решает* мама (Ч., БАС) [= ‘мама решила, что ребенок, вероятно, покушал лишнее, поэтому у него жар’].

II.A.d ⇒ II.A.i

Соответствующая косвенная диатеза, когда в центре, в позиции косвенного вопроса, Множество выбора, возможна только в контексте снятой утвердительности (Падучева 1985: 94):

- ⟨...⟩ не *решу*, упрекает он Бояна или хвалит (П.);
- Что именно находилось в куче, *решить* было трудно (Г.);
- ⟨...⟩ *решить*, которая из дам была сочинительница письма (Г.);
- ⟨...⟩ он не мог жить, не *решив* вопроса: будет или не будет она его женой (Т.).

Иначе говоря, у *решить* косвенная диатеза возможна только при условии, что участник Решение в ситуации отсутствует (т. е. если мыслительная деятельность не привела к желаемому результату), а не остается За кадром, как у *выбрать*, см. § 3.

Отличие мнения от намерения может быть нечетким: *решил, что пора ехать* — намерение или только мнение? Ср. также:

Они положили, наконец, потолковать окончательно об этом предмете и *решить* по крайней мере, что и как им делать, и какие меры предпринять ⟨...⟩ (Г.).

II.A.d ⇒ II.H.d

В Булыгина, Шмелев 1989 у глагола *решить* выделено в качестве отдельного значение ментального происшествия, когда *решить* обозначает не результат ментальной деятельности, а “непроизвольно возникшую мысль”:

⟨...⟩ а там и праздник, а там кто-нибудь в семействе почему-то *решил*, что на фоминной неделе не учатся (Гнч., МАС).

Значение происшествия во многих отношениях отлично от акционального:

— субъект не Агенс, а Эксперидент;

— нет косвенной диатезы; потому что нет идеи выбора из Множества альтернатив: Мнение предстает как заключение, сделанное на основе Признака (либо вообще как необоснованное), но не как полученное в результате обсуждения разных возможностей.

I.A.i ⇒ III.A.i

Значение *решить*, представленное примером (6), возникает в контексте, где участник объект имеет информационную природу (*вопрос, задача*), а Решение (ответ на вопрос) получается переработкой заключенной в вопросе информации. Возможен участник Прием (Инструментальное действие), указывающий вид деятельности, который привел Агенса к Решению:

(6) а. Он решил задачу *прямым перебором*.

Здесь действие Агенса не сводится к выбору: Решение — это новый объект, и в этом значении *решить* относится к классу каузативных глаголов. Если принять, что задача может состоять в получении любого результата, не обязательно информации, то *решить* в (6б) имеет то же значение, что в (6а):

(6) б. Мы *решили* эту хозяйственную задачу.

Каузативных значений несколько; они различаются спецификацией объекта. В примере (7) объект обозначает ситуацию, которая может иметь разные исходы (слова *исход, удел* “выходят на поверхность”); деятельность Агенса каузирует наступление одного из исходов; тем самым *решить* значит ‘предопределить ⟨каков будет⟩ исход’:

(7) а. Наше войско дружным нападением *решило* дело (исход дела);

б. Мы *решим* свой спор [= ‘исход спора’] пистолетами;

в. Он одним своим словом *решил* мою судьбу.

В (7а) можно усмотреть конструкцию с внешним Посессором, ср. (7а) и

(7') Дружное нападение нашего войска *решило* исход дела.

С другой стороны, употребление *решить* в примере (7'') может интерпретироваться как диатетический сдвиг — Инструментальное действие (метонимически представленное своим инструментом *пистолеты*) переходит в позицию субъекта, а Агенс выходит из числа участников ситуации:

(7'') Наш спор *решат* пистолеты.

Тогда соотношение между (7а) и (7') такое же, как между *Я резал тупым ножом* и *Нож резал плохо*. Диатетическая интерпретация возможна лишь в том случае, если событие представляет собой действие субъекта, как в (7а) и (7').

III.A.i ⇒ III.H.i C[Сб — СОБЫТИЕ]

В (8) *решить* по-прежнему значит ‘предопределить’, но каузатором является не лицо, а событие. В контексте нецелеполагающего субъекта действие переосмысливается как происшествие:

- (8) Этот выстрел *решил* мою судьбу — я стал стрелком;
 Поступок Кутузова *решил* жребий столицы;
 Падение Новгорода *решило* вопрос о самодержавии в России;
 Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен
 был *решишь* его [Грушницкого] участь (Л.);
 Победа Наполеона под Ваграмом *решила* исход войны.

В (9), (10) событие обозначено метонимически; в (11) субъект *храбрость* = ‘проявление храбрости’, т. е. тоже событие:

- (9) Эта минута *решила* его участь (П.).
 (10) Княгиня была сперва твердо уверена, что нынешний вечер *решил* судьбу Кити
 (...); но слова мужа смугили ее (Т.).
 (11) Храбрость наших войск *решила* исход боя.

Дополнением при *решишь* в этом значении являются параметрические слова типа *удел, участь, жребий, судьба, исход*; а *бой, борьба, спор, дело* понимаются как ‘исход (боя, борьбы, спора, дела)’.

В контексте дополнений типа *сомнение, недоумение, вопрос* значение *решишь* примыкает к I.A.i или II.A.i; но событийный каузатор здесь гораздо более обычен, чем Агенс, ср.

- (12) Я колебался, стоит ли идти, но сильный дождь *решил* мое недоумение [= ‘указал, какую из альтернатив следует выбрать’].

Интересен пример (13), который тождествен примеру (7б) синтаксически, но не по смыслу, поскольку в (13) участник, выраженный твор. падежом, осмысливается как само Решение, так что диатеза из косвенной превращается в прямую:

- (13) Она *решила* свою жизненную проблему з а м у ж е с т в о м.

Дальше (13') получается из (13) за счет диатетического сдвига — периферийный участник переходит в позицию субъекта:

- (13') З а м у ж е с т в о *решило* ее жизненную проблему.

* * *

Итак, мы получили систему значений глагола *решишь*, которая показывает, как динамический подход к семантике слова позволяет справиться с некоторыми из трудностей, порождаемых регулярной многозначностью: единство слова достигается за счет моделей семантической деривации, порождающих новые употребления или значения более или менее регулярного характера.

§ 3. О семантике выбора: *выбрать* и *предпочесть**

Глаголам выбора (*выбрать, предпочесть, решить* и др.) свойственна синтаксическая вариативность, которую можно интерпретировать как мену диатезы, т. е. как согласованное изменение коммуникативных рангов участников ситуации, подобное тому, которое происходит при залоговых трансформациях. Диатеза глаголов выбора заслуживает особого внимания, поскольку она оказывает влияние на семантику глагольного вида, фразовую просодию, модальность и другие аспекты языкового поведения этих глаголов.

* Впервые опубликовано в: Известия РАН. Серия лит. и яз., 1999, № 5—6.

Значения глагола *выбрать* (НСВ *выбирать*) распределяются по трем тематическим классам:

- класс I — ментально-волитивные глаголы;
- класс II — глаголы социального действия;
- класс III — глаголы физического действия.

3.1. Ментально-волитивное значение *выбрать*

Ситуация выбора как ментально-волитивного действия предполагает следующий набор участников (ср. Апресян 1998б).

A — Агенс, тот, кто выбирает (в соответствии со своим разумом и волей).

X — Ситуация-проблема (будущее действие Агенса или иная ситуация, один из параметров которой находится под его контролем). Например, в контексте *выбрать место для отдыха* ситуация X — *отдых*; параметр место этой ситуации зависит от разума и воли Агенса.

M — Множество выбора; оно может быть задано непосредственным перечислением возможностей (*Он вынужден выбирать между карьерой и здоровьем*); родовым именем (*выбирал себе лошадь*) или как множество возможных значений Параметра Y ситуации X; например, в сочетании *долго выбирал минуту, чтобы вступить в разговор* целевой оборот задает ситуацию-проблему, а *минуту* — это Y, ее Параметр. Так что Y и M — это один и тот же участник: Y — один из возможных способов задания Множества выбора.

Z — выбранная сущность; а если Множество выбора задано как Параметр, то Z — это Значение, которое принимает Параметр; например, в *выбрал местом отдыха Ялту* Параметр (Y) — *место*, а его Значение (Z) — *Ялта*.

W — Критерий (которым руководствуется Агенс при выборе — *выбирать* можно *по уму, по работе, по внешнему виду*) или желательный Признак выбранной сущности (например, *выбрал сосну повыше*). Критерий не то же самое, что Признак: в отличие от Признака, он задает аксиологическую шкалу (или даже несколько, ср. *выбирает по анкетным данным*), не уточняя, какое значение предпочтительно (например, *выбирает по весу* — неизвестно, предпочтителен большой или маленький вес). Но в каждой данной ситуации возможен лишь один из двух участников — либо Критерий, либо Признак. Участник W не обязательный: если он не выражен, выбор происходит на основе общих требований, выдвигаемых разумом и/или волей Агенса.

Способы синтаксического выражения участников в разных контекстах разные. Так, в контексте *Он выбрал себе помощника* глагол *выбрать* употреблен таким образом, что во фразе нет синтаксически выделенных частей, которые были бы прямыми эквивалентами для участников X и M (ситуация-проблема и Множество выбора). Дело в том, что у *выбрать*, как и у большинства глаголов, есть несколько вариантов модели управления, которые можно представить как разные его диатезы. В гл. I.3 диатеза была определена как соответствие между ролями участников ситуации и их синтаксическими позициями. Диатезы связаны одна с другой регулярными (повторяющимися в разных глаголах) сдвигами. Мы покажем, что понятие диатезы способствует прояснению связей между синтаксисом и значением глагола *выбрать*, а также выявлению его сходств с другими глаголами — как близких, так и далеких тематических классов.

У *выбрать* — как почти у всех волитивных, ментальных и перцептивных глаголов — различается *прямая* и *косвенная* (или параметрическая) диатеза⁴⁰. В примерах (1а), (2а) у *выбрать* прямая диатеза: позицию объекта занимает Значение параметра — имя выбранного объекта; а в (1б), (2б) параметрическая — в позиции объекта сам Параметр (разрядкой выделен объект; курсивом — Параметр):

- (1) а. выбрал *в жены* М а р и ю [прямая диатеза];
б. выбрал себе *ж е н у* [косвенная диатеза];
- (2) а. выбрал *местом* свидания К и с т е н е в с к о ю р о щ у [прямая диатеза];
б. выбрал *м е с т о* свидания [косвенная диатеза].

В примерах (1б), (2б), с косвенной диатезой, в позиции объекта и тем самым в коммуникативном Центре, пребывает Параметр, т. е., в каком-то смысле, все Множество выбора; какой именно предмет был выбран, мы из этих предложений не узнаем. А в (1а), (2а) объект обозначает результат выбора (Значение параметра); Параметр (и соответствующее ему Множество выбора, обозначенное твор. падежом или предложной группой) занимает позицию на периферии. При прямой диатезе обоим участникам ситуации — Параметру (Y) и Значению параметра (Z) — достается по синтаксическому актанту. Между тем при параметрической диатезе результату выбора не соответствует никакого синтаксического актанта: прямого наименования выбранной сущности эта диатеза не задает.

Мы рассмотрим подробно все различные синтаксические конструкции (диатезы), допустимые для пары *выбрать* — *выбирать*, поскольку от конструкции зависят многие аспекты употребления слова. Словари обычно не считают диатезы разными значениями. Дает ли каждая диатеза отдельную лексему — особый вопрос, который здесь не обсуждается (в равной мере для нас несущественно, являются ли одним или разными словами члены видовой пары *выбрать* и *выбирать*).

Диатеза понимается в широком смысле — две диатезы могут отличаться одна от другой не только коммуникативным рангом, но и спецификацией таксономической категории участников; диатезы могут быть результатом расщепления и склеивания участников. Скорее, можно думать, что нижеследующие четыре диатезы представляют одно значение: задача “диатетического” анализа в том и состоит, чтобы показать, что набор семантических ролей во всех употреблениях неизменный; а у разных значений состав участников, как правило, различается — либо ролями, либо таксономией.

Для большинства глаголов, вступающих в видовые пары, в том числе для *выбрать*, семантически исходной является форма СВ, и именно на ней лучше всего видны диатезы. У глагола *выбрать* (СВ) в его ментально-волитивном значении (т. е. в значении I) различаются следующие прямые диатезы (нумерация диатез — из словарной статьи слова *выбрать* в БД “Лексикограф”).

Начнем с диатезы 3 — не самой распространенной, но такой, при которой могут быть синтаксически выражены все участники (кроме, быть может, Критерия, о котором см. ниже):

⁴⁰ Параметрическая диатеза и косвенная — это одно и то же. У глагола *решишь*, близкого к *выбрать*, эта диатеза выражается конструкцией с косвенным вопросом: *решил, что делать*. Параметрическое слово — это эквивалент косвенного вопроса: *определить длину* = ‘определить, какова длина’.

(3) Он [А] *выбрал* местом [Y] отдыха [X] Ялту [Z].

Пример (4) демонстрирует диатезу 3':

(4) Он [А] *выбрал* для прогулки [X] тихую улицу [Z];

Диатеза 3', в отличие от 3, не указывает в явном виде, значением какого Параметра ситуации X является Z: то, что некая *тихая улица* выбрана в качестве места прогулки, устанавливается по контексту. Все остальные участники выражены (синтаксическими актантами глагола или их подчиненными). Диатеза 3' — простейшая модификация диатезы 3: различие конструкций лишь в том, что участник Y, который при диатезе 3 имел синтаксическое выражение, при диатезе 3' уходит за кадр.

При диатезе 2 (как в *выбрал советником Павла*) ситуация Проблема X сводится к тому, что некоторая вакансия Y (при каком-то лице X'; по умолчанию X' — это Агенс: *Он выбрал советником Павла* значит 'своим советником') не заполнена. Выбранный Агенсом участник Z — это тот, кто будет исполнять роль / функцию Y. Тем самым Проблема, X, выбывает из числа участников. Диатеза 2 — это результат своего рода расщепления участника X, представленного в явном виде только в диатезе 3: проблема сводится к тому, чтобы заполнить вакансию Y.

При диатезе 1 (*из всех баранов выбрал самого жирного (барана); Из Италии и Германии он выбрал Италию*) Множество выбора M присутствует в ситуации непосредственно (а не как Параметр X-a); соответствующая именная группа конкретно-референтная (*из всех баранов*). Ситуация Проблема X в явном виде не указана; по умолчанию эта ситуация — контакт Агенса с одним из элементов M. Характер и цель контакта могут зависеть от Z (*платье* — чтобы носить; *барана* — чтобы съесть, и т. д.), но могут оставаться нефиксированными. Таким образом, здесь выбранный участник Z — это тот из элементов множества M, с которым Агенс, после размышления, захотел в той или иной форме вступить в контакт, т. е. *взять* его (*выбрать* = *вы-БРАТЬ*). Ту же диатезу имеют такие употребления, когда M — объект, состоящий из множества естественных частей, а Z — одна или несколько из них; так, в (5) M — *квартира*, Z — *чулан*:

(5) из всей квартиры *выбрала* чулан.

Ниже приведено толкование для диатезы 3 значения I слова *выбрать* как оно представлено в Базе данных "Лексикограф" (эта диатеза дает самое полное соответствие между участниками и синтаксическими актантами; из наших комментариев ясны модификации, которые обеспечивают толкованиями другие диатезы).

выбрать I.3 (как в *выбрать местом отдыха Ялту*)

Легенда — исходная диатеза для всех *выбрать* I

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Агенс	ЛИЦО
Z	<i>Об</i>	<i>Центр</i>	Значение параметра	напр., <i>улица, весна</i>
X	Посессор X-a	<i>3/кдр</i>	Ситуация-проблема	/ будущее действие A
Y	/сущ. твор.	<i>Периф</i>	Параметр X-a	/ МЕСТО, ВРЕМЯ
(W)	Посессор Z-a	<i>3/кдр</i>	Признак / Критерий	СВОЙСТВО / ПАРАМЕТР

T-категория — действие: с акцентом на результате

Схематическое толкование —

- 0) —
- 1) А считал, что должно / может иметь место X
- 2) у X есть Параметр Y
- 3) значение Параметра Y зависит от А
- 4) *деятельность* — в $t < \text{МН}$ А действовал с Целью
- 5) *способ* — рассматривал возможные значения Параметра Y; оценивал их разумом — с точки зрения их соответствия сути X-а (: и степени обладания Признаком W); и волей
- 6) *каузация* — это вызвало
- 7) —
- 8) *результат* (= Цели) — в МН А имеет мнение, что Z — лучшее из значений Параметра Y Ситуации X
- 9) —
- 10) *инференция* — когда Ситуация X будет иметь место, ее Параметр Y будет иметь Значение Z

Тема — мнение; воля

Аспектуальная характеристика — СВ; производный НСВ *выбирать* I.3 трив.

П р и м е р ы.

выбрал местом для прогулки спокойную улицу; *выбрал* в качестве наблюдательного пункта чердак; *выбрал*, где поставить кровать.

В этом толковании компонент «результат» — ассерция: *не выбрал* = ‘не имеет мнения, что какой-либо Z больше всех других подходит для X’; компонент «деятельность» может быть презумпцией (*не выбрал* = ‘выбирал, но не смог выбрать’), но может и попадать в сферу действия отрицания:

(б) Вы разговариваете, а места для ночлега *не выбрали* (= ‘не начинали выбирать’).

Дробная дифференциация прямых диатез глагола *выбрать* позволяет просто задать соответствующую косвенную, если она возможна. Косвенная диатеза (обозначается той же цифрой, но с индексом *i* — *indirect*) возможна для тех прямых, у которых Множество выбора задано как множество значений Параметра, а именно, для диатез 2 и 3. Так, в примере (1) предложение (б) имеет косвенную диатезу 2*i*, парную к 2; в примере (2) — диатезу 3*i*, парную к 3:

- (1) а. *выбрал в жены* [Y] М а р и ю [Z] [диатеза 2];
б. *выбрал себе жену* [Y] [диатеза 2*i*];
- (2) а. *выбрал местом* [Y] свидания Кистеневскую р о щ у [Z] [диатеза 3];
б. *выбрал место* [Y] <для> свидания [диатеза 3*i*].

Индекс *d* в обозначении прямой диатезы можно опускать.

В парной косвенной диатезе участник Y, Параметр, переходит в позицию объекта, т. е. попадает в коммуникативный Центр, а участник Z, Значение параметра, переходит в ранг За кадром — он не имеет при этой диатезе прямого наименования. Парная косвенная диатеза отличается от прямой только коммуникативными рангами участников, т. е. перераспределением фокуса внимания в той же ситуации.

Самый ясный случай параметрической диатезы — когда позицию объекта занимает имя параметра (*выбрал место* — для какого-то действия) или просто реляционное имя: *выбрал союзника, подарок, наказание* и под. Но в принципе

почти любое родовое имя может играть ту же роль чьей-то неудовлетворенной потребности: *выбрал лошадь, дачу, пистолет*.

З а м е ч а н и е. Невозможность выразить значение параметра в конструкции, где параметр занимает позицию прямого дополнения, — это общее правило. Имеется следующее общее сочетаемостное ограничение (см. Падучева 1980): если участник Параметр занимает при глаголе позицию объекта, то Значение параметра, т. е. *Z*, не может быть выражено ни при глаголе, ни при параметрическом имени: **выбрал себе жену Марию*; **назначила цену своей любви смерть*; **изменил место встречи вокзал*. Исключение составляют некоторые нереперентные *Z*-ы, которые могут быть выражены аппозитивом при имени параметра: *назначили пенсию [Y] в 500 тысяч [Z]*; *выбрал профессию [Y] машиниста [Z]*. Чтобы выразить значение параметра, нужна полипредикативная конструкция: *Он выбрал \ жену — Марию *.

Для диатезы 1d соответствующая параметрическая возможна лишь при одной из спецификаций — когда участник *Z* задан определением к тому родовому имени, которым задано Множество выбора:

- (7) а. из всех задач [Y] *выбрал* самую трудную [Z] =
выбрал самую трудную \ задачу [прямая диатеза 1d];
 б. *выбрал* \ задачу [Y] [косвенная диатеза 1i].

Толкование *выбрать* в косвенной диатезе то же, что в прямой, — если не считать того, что участник *Z* имеет ранг За кадром, т. е. не идентифицирован для слушателя, см. об этом в § 2.

Можно думать, что все возможные употребления глагола *выбрать* (СВ) в ментально-волитивном значении распределяются между указанными прямыми и косвенными диатезами и, тем самым, обеспечены толкованием.

Из всех синтаксических позиций обязательны для *выбрать* только субъект и объект, и если в предложении другие позиции не заполнены, как это имеет место в (8), то какая у него диатеза — неизвестно:

- (8) Он *выбрал* Венгрию.

Но фраза (8) неоднозначна и по смыслу. Она может соответствовать диатезе 3d, если из контекста известно, что выбиралось место отдыха, или страна, на которую диктатор собрался напасть в первую очередь; и диатезе 2d — например, если известно, что страна выбрана как новая родина. Человек, произнесший (8), не может ответить *Не знаю* на вопрос о том, значением какого параметра и какой ситуации является Венгрия, и в соответствии с критерием из Panevová 1994, это свидетельствует о том, что *X* и *Y* — обязательные участники ситуации выбора. При диатезе 1d характер контакта, который Агенс установил с *Z*, может оставаться неопределенным, но тогда должно быть известно Множество выбора. Отсутствие Множества выбора меньше ощущается как неоднозначность, но ясно, что (8) имеет разный смысл в зависимости от того, мог ли этот человек выбирать между Венгрией и Польшей; Венгрией и Швейцарией или из всех стран мира.

Различение прямых и косвенных диатез глагола СВ *выбрать* дает возможность просто описать аспектуальное поведение глагола, т. е. дефектность парадигмы видовых значений у парного НСВ *выбирать*⁴¹.

⁴¹ В Булыгина, Шмелев 1997: 156 было выявлено свойство глаголов, подчиняющих косвенный вопрос, типа *решать*, состоящее в том, что значение деятельности возникает у них

Диатеза, как уже говорилось, задает на множестве участников ситуации иерархию рангов. Глагол СВ *выбрать* обозначает ситуацию, когда Агенса, в результате перцептивных, мыслительных и волевых усилий, т. е. напрягая разум и волю, перешел от Множества выбора к результату — выбранной сущности. Для глагола СВ *выбрать* есть две возможности: в фокусе может быть Множество выбора (при косвенной диатезе) и результат (при прямой). Более естественно, чтобы в фокусе был результат: СВ обозначает действие, дошедшее до конца, и «получение результата» — это ассертивный компонент в его толковании. Так что для СВ более естественна прямая диатеза. С другой стороны, глагол НСВ *выбирать*, при актуально-длительном значении вида, обозначает деятельность, не дошедшую до конца, и семантически исключен в контексте такого прямого дополнения, которое выражает результат уже сделанного выбора (поскольку НСВ обозначает ту временную фазу ситуации, когда результата еще не существует). Поэтому НСВ допускает только косвенную диатезу, т. е. такую синтаксическую конструкцию, при которой объект — это Множество выбора. Прямая диатеза для *выбрать* исключает актуально-длительное понимание НСВ.

В таком случае имеется следующее простое правило: глагол НСВ *выбирать* может иметь актуально-длительное значение только при косвенной диатезе — когда его прямое дополнение обозначает множество выбора (параметр, роль, вакансию), а не выбранную сущность. Например, в (1б) и (2б) возможен, наряду с глаголом СВ, глагол НСВ, а в (1а) и (2а) — нет (знак ° означает, что данная форма невозможна в значении актуально протекающей деятельности):

- (1) а. *выбрал* / ° *выбирает* *в жены* М а р и ю [диатеза 2d];
б. *выбрал* / *выбирает* себе *ж е н у* [диатеза 2i].
- (2) а. *выбрал* / ° *выбирает* *местом* свидания Кистеневскую р о щ у [диатеза 3d];
б. *выбрал* / *выбирает* *м е с т о* свидания [диатеза 3i].

Выбрать в прямой диатезе 1 имеет парный НСВ при тех же условиях, что и косвенную диатезу: 1) необходимо, чтобы М было задано родовым именем; и 2) чтобы Z было задано тем же именем (например, в (9) М — *все задачи*; Z — *самая трудная задача*):

- (9) Из всех задач [М] *выбрал* / *выбирает* самую трудную <задачу> [Z], чтобы с нее начать.

Кроме диатез, общих с СВ, глагол НСВ имеет свои диатезы — когда множество выбора в Центре и задано прямым перечислением элементов; это диатеза 4 (косвенная) с предлогом *между*, пример (10), и с союзом *или*, пример (11):

- (10) Он *выбирает* м е ж д у виллой в Испании и на Лазурном берегу;
м е ж д у дачей и машиной; м е ж д у Машей и Наташей.
- (11) *Выбирай*, жизнь и ли кошелек; *Выбирай*, я и ли он.

Коммуникативная необходимость состоит в том, чтобы выбор, сделанный среди неоднородных объектов, был выражен прямым наименованием выбранного объекта. Поэтому для глагола СВ косвенная диатеза с предлогом *между* и с союзом *или* практически исключена:

- (12) ??Он *выбрал* \ между дачей и машиной; ??Я *выбрала*, ты или он.

только в контексте косвенного вопроса; а в сочетании с союзом *что* или с инфинитивом НСВ имеет только тривиальные значения. Оказывается, что здесь допустимо обобщение на случай параметрического употребления имен, см. подробно в гл. IV.2.

Толкование для НСВ *выбирать* отличается от толкования СВ (в косвенной диатезе) тем, что СВ обозначает достигнутый результат действия, когда участник *Z* уже есть; а НСВ описывает ситуацию, в которой есть лишь соответствующая цель, так что участника *Z* в момент наблюдения не существует. Кроме того, в НСВ деятельность Агенса — это обязательная и единственная ассерция, а в СВ компонент «деятельность» не в фокусе, см. пример (6) выше.

Итак, мы установили следующую корреляцию между диатезой и видом: при косвенной диатезе глагол НСВ допускает актуально-длительную интерпретацию, а при прямой — нет.

Можно привести и другие аргументы в пользу того, что различие прямых и косвенных диатез необходимо для системного описания семантики слова *выбрать*, в частности для объяснения его сочетаемости.

1. Если *выбрать* употреблено в косвенной диатезе, то предложение имеет хорошее отрицание; а если в прямой, то нет:

- (13) а. Он *не* *выбрал* себе преемника;
б. ?Он *не* *выбрал* преемником Бибикова.

В самом деле, если выбор не сделан, то не должно существовать результата; а тогда откуда взялось его прямое наименование? Даже если имелось ожидание определенного выбора, предложение с *выбрать* звучит странно; например, надо сказать *Король Хуссейн не сделал преемником Хасана* (а не **не* *выбрал*). То же верно и для *решить*, ср. *Он не решил, куда поедет* и ?*Он не решил, что поедет в Крым*.

2. Параметрические употребления *выбрать* отличаются от прямых просодически — параметрические требуют акцента на глаголе:

- (14) Я *выбрал* \ тему диплома;

а при прямой диатезе глагол нормально не несет фразового ударения. Этого просодического признака достаточно, например, чтобы отличить диатезу *l*₁ в примере (15б) от прямой диатезы *l* в (15а):

- (15) а. Я *выбрал* \ кот\ (а не мельницу); б. Я *выбрал* \ кот\ [среди других кот\].

Дело в том, что в прямой диатезе множество выбора в презумпции, и главный фразовый акцент на результате выбора, участнике *Z* (*выбрал черного \ щенка*). Связь параметрической диатезы глагола СВ с фразовым ударением проследживается практически для всех глаголов, различающих прямую и косвенную диатезу, ср. замечание о глаголе *вспоминать* в Апресян 1988: 66.

3. При параметрической диатезе *выбрать* легко присоединяет оценочный адвербиал — который интерпретируется как оценка сделанного выбора, см. (16а); а в прямой диатезе адвербиал, если он вообще возможен, интерпретируется иначе:

- (16) а. Я *у да ч н о* *выбрал* наблюдательный пункт
= ‘я выбрал удачный наблюдательный пункт’;
б. Я *у да ч н о* *выбрал* наблюдательным пунктом чердак = ‘это удачно, что я выбрал наблюдательным пунктом чердак’ (≠ я выбрал наблюдательным пунктом удачный чердак’).

Ср. (15б') *Я удачно выбрал кот* и (15а') *Я удачно сделал, что выбрал кот*.

4. В параметрической диатезе объект-имя обычно можно развернуть в косвенный вопрос; при прямой диатезе это, естественно, невозможно:

(17) *выбрал* место для кровати \approx *выбрал*, где поставить кровать.

5. Диатетические сдвиги, будучи разновидностью метонимических переносов, обладают достаточной регулярностью. Поэтому неудивительно, что, скажем, глагол *назначить*, см. § 4, имеет те же косвенные диатезы, что *выбрать*; ср. примеры (1') и (2') с примерами (1) и (2) выше:

- (1') а. назначил Ю л а я в коменданты [прямая диатеза];
 б. назначил ко м е н д а н т а [косвенная диатеза].
 (2') а. назначил местом встречи с т а д и о н “Д и н а м о”;
 б. назначил м е с т о встречи [косвенная диатеза].

Описание, принимаемое для *выбрать*, подкрепляется аналогией с *решить*. Сходство между *выбрать* и *решить* затемнено различием в синтактике — глаголы *выбрать* — *выбирать* употребляются с именами, а *решить* — *решать* — с подчиненным инфинитивом или косвенным вопросом:

- (18) а. *выбрал* место для постройки дома;
 б. *выбрал* местом для постройки пустырь за огородами.
 (18') а. *решил* построить дом в Ялте [прямая диатеза];
 б. *решил*, где строить дом [косвенная];

однако по существу в обоих случаях Агенс принимает решение о параметре ситуации, которая будет результатом действия (поэтому участник X в том или ином виде проходит через все диатезы *выбрать*). Глаголы *выбрать* и *решить* дают разные концептуализации одной и той же ситуации: *выбрать* ставит в центр предмет или сущность (*выбрал для него наказание*), а *решить* — ситуацию в целом (как и *придумать*, ср. *я придумал, как я его накажу*).

6. С другой стороны, наличие косвенной диатезы — важное свойство, отличающее одни волитивные глаголы от других. Например, глагол *предпочесть*, очень близкий к *решить*, имеет только прямую диатезу. Это значит, что *предпочесть* хотя и предполагает Множество выбора, но исключает такую концептуализацию ситуации, при которой оно оказывается в фокусе внимания, жестко оставляя Множество выбора на периферии, как в (19а), или даже за кадром, как в (19б):

- (19) а. *предпочел* на завтрак [Y] овсяную кашу [Z]; б. *предпочел* уехать [Z].

Аналогичная неполнота диатетической парадигмы бывает и у других глаголов; так, *намазать* допускает две диатезы (*намазать хлеб повидлом* и *повидло на хлеб*), а у *наполнить* (*бассейн водой*) диатеза фиксирована, см. гл. I.3.

Итак, замена СВ *выбрать* на НСВ *выбирать* в акт. значении (без изменения конструкции) возможна только при условии, что глагол СВ употреблен в косвенной диатезе. В противном случае мена вида, если даже она не приводит к грамматической неправильности, меняет интерпретацию почти всех членов предложения, оключающих глагол.

Так, если глагол НСВ употреблен в значении актуального действия, он должен иметь косвенную — параметрическую — диатезу, а тогда прилагательное в группе прямого дополнения может выражать только желательный Признак, который Агенс принимает во внимание при выборе. Между тем если заменить НСВ на СВ, та же конструкция будет осмыслена как прямая диатеза, а прилагательное — как выражающее свойство выбранного объекта, которое

выяснилось постфактум; оно могло несколько не приниматься во внимание в процессе выбора:

(20) а. Он выбирает *мирную* лошадь; б. Он выбрал *мирную* лошадь.

(20а) означает ‘выбирает такую, чтобы была по возможности смиреннее всех других’; это желательный признак; а (20б) = ‘оказалось, что выбранная лошадь смиренная’.

В (21) прилагательное в составе объектной группы при глаголе СВ определенно выражает апостериорную оценку выбора (то ли самим Агенсом, то ли повествователем):

(21) Чтобы наблюдать казнь, он *выбрал* не лучшую, а худшую позицию (ММ).

В самом деле, глагол НСВ ставит в центр внимания деятельность, и желательный Признак уместен как участник ситуации; а при глаголе СВ в фокусе внимания результат, и признак должен касаться результата, а деятельности — лишь во вторую очередь. Так, (22) означает ‘выбирал так, чтобы была повыше, и преуспел’; а если не преуспел, то так сказать нельзя:

(22) Он выбрал сосну *повыше*.

Другое дело Критерий. Он сам имеет параметрическую природу, и его интерпретация в НСВ и в СВ одинакова. Критерий принимает участие в ситуации выбора на этапе деятельности разума и воли и в первую очередь характеризует деятельность, обозначаемую глаголом НСВ. Но он возможен и при СВ — как любое другое название параметра:

(23) Он выбирал (выбрал) сотрудницу *по анкетным данным / по внешности*.

Правда, многие адвербиалы неоднозначны — могут обозначать и Критерий, и Признак результата. При такой возможности глагол СВ, естественно, выбирает более удобный для себя вариант интерпретации — Признак. Так, в (24) *по вкусу* обозначает не Критерий выбора, а просто что еда была ему вкусна:

(24) Он выбрал себе еду *по вкусу*.

Аналогичное переосмысление возможно и для участника Множество выбора: поскольку у глагола СВ деятельность не в фокусе, слова, характеризующие Множество выбора, в СВ могут быть переосмыслены как характеристика результата. Так, в (25а) группа с предлогом *из* безусловно обозначает Множество выбора, а в (25б) может быть всего лишь признаком выбранного объекта:

(25) а. Он выбирает себе жену *из казачек*;

б. Он выбрал себе жену *из казачек* [не обязательно, чтобы Множество выбора изначально ограничивалось казачками].

3.2. Прочие значения *выбрать*; проблема инварианта

Коротко о значениях II и III и общей структуре многозначности слова *выбрать*.

Значение II получается из I за счет спецификации участника-Агенса — и только этот “незначительный” сдвиг меняет тематический класс глагола! У *выбрать* I Агенса — индивидуальное лицо с индивидуальной волей: ментально-волевитивный акт — это, по определению, действие одного лица. В значении II Агенса у *выбрать* — коллектив; коллективная воля определяется соглашением

между членами коллектива, а в предельном случае — специальной процедурой голосования. Так что значение II вводит нового участника — Процедура (*выбрали тайным голосованием*).

Значение II возводится к диатезе 2d значения I, поскольку ситуацию Проблему и тут создает все та же незамещенная вакансия.

Соотношение между значениями II и I — классический случай семантической деривации, когда меняется таксономический класс участника, а вслед за этим глагол переходит в иной тематический класс. Не удивительно, что при значении II у *выбрать* те же две диатезы, что при значении I — прямая (*выбрали председателем Иванова*) и косвенная (*выбрали председателя*).

В значении III *выбрать* — глагол физического действия, а именно, перемещения. В МАС у *выбрать* различается три “физических” значения:

III.1 (*выбрать картофель из борозды*);

III.2 (*выбрать незрелые ягоды (и выкинуть)*);

III.3 (*выбрать якорь*).

Значение физического действия восходит к диатезе 1d ментально-волитивного значения, которая предполагает вступление Агенса в контакт с выбранным объектом. Косвенные диатезы у значений класса III, естественно, отсутствуют: прямое дополнение всегда обозначает конкретный объект, а не параметр. Физическое действие, однако, подобно ментальному — в том смысле, что тоже требует отделения одних элементов множества от других (или части от целого). Так что участник Множество (= Целое) для физического действия тот же, что для ментально-волитивного. Но при физическом действии различающий признак однозначен, и перцептивно-ментальный компонент рассматривания элементов Множества уходит на задний план; а волитивный компонент выпадает вовсе.

В значении III.3 выпадает и рассматривание элементов Множества.

Значение III.2 тоже возникает на базе значения I.1, но ситуация X предполагает не постоянный контакт с Z, а временный, с целью удаления Z из M; фокус внимания смещается с Z на M:

выбрать ценка ⊃ ‘остальные элементы множества неинтересны’;

выбрать гнилые ягоды ⊃ ‘гнилые ягоды неинтересны’.

У всех “физических” значений *выбрать* несов. вид может пониматься в значении актуальной деятельности; ср. *Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни* (П.), где *выбирать* — НСВ от *выбрать* III.1. Предлогом из оформляется не Множество выбора, а Место (*из фуражки*).

3.3. Контекст снятой утвердительности и другие общие факторы

Толкование глагола СВ, при котором, в случае прямой диатезы, в ситуации возникает конкретно-референтный участник Z (результат выбора), годится для контекста, когда СВ обозначает действие, дошедшее до конца; например, когда глагол СВ употреблен в прош. времени изъявительного наклонения без отрицания. Контекст снятой утвердительности (возникающий при отрицании; будущем времени; повелительном, сослагательном и условном наклонении и проч., см. Падучева 1985: 94) модифицирует толкование глагола СВ приблизительно так же, как граммема несов. вида в актуальном значении (ср. о похожем явлении в предложениях с косвенным вопросом в Булыгина, Шмелев 1997: 389).

В самом деле, если действие не дошло до конца, то в ситуации нет участника Z в конкретно-референтном статусе, несмотря на то, что глагол в сов. виде, см. (1б):

- (1) а. выбрал *лошадь* посмирнее [есть индивидуализированная лошадь];
 б. выбери *лошадь* посмирнее [нет такой лошади].

Иными словами, глагол СВ обеспечивает своему объекту конкретно-референтный статус только при утвердительной модальности предложения. В контексте снятой утвердительности толкование глагола СВ подвергается тем же модификациям, что при НСВ актуально-длительном. Это объясняет, почему, скажем, в (2), несмотря на то, что глагол имеет форму сов. вида, уместна параметрическая диатеза 4i, которую при утвердительной модальности мы сочли для СВ коммуникативно недостаточной и невозможной (пример (12) из раздела 3.1):

- (2) Он не купил машину, потому что еще не *выбрал* между “мерседесом” и “ауди”.

Другой пример. В (3) *закоулоч* понимается как синоним слова *место* (никакого конкретного закоулочка не имеется в виду); т. е. существительное в позиции объекта понимается в параметрическом значении, как это свойственно глаголу НСВ *выбирать*, а не глаголу СВ *выбрать*:

- (3) Нельзя ли для прогулок подалее выбрать *закоулоч*? (Грибоедов)

К контексту снятой утвердительности чувствителен и участник Критерий. Как уже говорилось, ср. пример (24) из раздела 3.1, если глагол СВ употреблен в утвердительном контексте, адвербиал *по вкусу*, вообще говоря, выражающий Критерий, переосмысливается как Признак, не обязательно имевшийся в виду как Критерий при выборе. Но при снятой утвердительности та же предложная группа вновь обретает полновесное значение Критерия:

- (4) Выбери себе еду *по вкусу*.

Зависимость референциального статуса объекта от вида и модальности глагол *выбрать* разделяет со всеми глаголами создания, см. гл. IV.2 § 3. В каком-то смысле *выбрать* в волитивно-ментальном значении и является глаголом создания: в ходе мыслительной и волитивной деятельности Агенса нечто создает, а именно, мнение о параметре своего действия или какой-то иной ситуации под его контролем — это и выделяет один объект из множества ему подобных.

* * *

Итак, наш анализ глагола *выбрать* приводит к следующим заключениям общего характера. Лексическая информация (особенно информация о взаимодействии лексемы с контекстом) часто касается не одной отдельно взятой лексемы, а семантического класса слов. Как известно, многие ментально-волитивные глаголы (*предпочесть*, *рисковать*, *назначить*) моментальные, с постоянным акцентом на результате; они не допускают переноса фокуса внимания на деятельность, в силу чего их несов. вид не имеет актуального значения. Глагол *выбрать* не из их числа: его парный НСВ *выбирать*, в принципе, может иметь значение актуальной деятельности. Однако, как выясняется, возможность актуальной интерпретации зависит не только от лексического значения глагола, но и от диатезы: в косвенных диатезах глагол НСВ *выбирать* может обозначать деятельность, а в прямых — нет. Причем эта зависимость обусловлена

семантически и носит общий характер. Такая же корреляция между диатезой и интерпретацией несов. вида имеется у глаголов *договориться*, *сообразить*, *наметить*, *выискать*, *установить* и др., см. подробнее в гл. IV.2.

И еще одно примечательное свойство глаголов выбора. Наше толкование *выбрать* отражает тот факт, что в выборе участвует не только разум, но и воля. Участие в выборе воли придает этой деятельности некоторую степень произвольности, которая принципиальна для ситуации выбора. В самом деле, если участие воли исключается, выбор приобретает вырожденный характер; так, в контексте *выбрала из связки ключей нужный* трудно даже решить, идет ли речь о ментальном действии, т. е. о *выбрать* I.1, или о физическом, т. е. о *выбрать* III.1.

Участие воли, а следовательно, элемент произвольности, имеет лингвистические проявления; желательный для Агенса признак объекта Z в норме формулируется таким образом, что выбор не предполагает однозначной предопределенности результата, отсюда специальная форма у наречия:

(5) выбираю сосну *повыше*; лошадь *посмирнее*.

Чаще всего выбор происходит в ситуации неполной информации: множество выбора не актуализовано; не все признаки элементов в множестве выбора известны; не все критерии и релевантные признаки выбираемого объекта Агенса формулирует для себя с достаточной отчетливостью. Поэтому естественно, что в выборе присутствует элемент случайности: в какой-то момент Агенса может принять волевое решение. Случайность проявляется в том, что в контексте *выбрать* слова *удачно*, *неудачно* встречаются чаще, чем *правильно*, *неправильно*. Это значит, что не только актанты, но и сирконстанты глагола обусловлены его лексическим значением.

§ 4. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить**

Глагол *назначить* трактуется в словарях как имеющий от пяти до восьми значений. Наша задача — выявить связи между его значениями и представить одни значения как семантические дериваты других. Примеры ниже взяты, в основном, из словарей.

Во всех своих употреблениях *назначить* означает, что некто, обладающий достаточными для этого полномочиями, принял и привел в исполнение решение о том, что ситуация (событие, положение вещей и т. п.) будет иметь место и/или обладать определенными параметрами. Все различные употребления этого слова (которые в традиционных словарях обычно отмечаются как отдельные значения или подзначения, а в рамках московской семантической школы трактуются как отдельные лексемы) можно представить как результат одного из двух семантических переходов, которым подвергается исходное употребление. Это либо диатетический сдвиг (мена диатезы), либо категориальная спецификация одного из участников.

* В основу этого параграфа положена статья Падучева 1999а.

Как мы видели в гл. I.3, мена диатезы — это преобразование, при котором участники изменяют коммуникативный ранг, т. е. место в иерархии тематического выделения: переходят из центра в периферию и обратно; выходят за кадр; подвергаются “расщеплению”; совмещаются в одном синтаксическом актанте, и т. д. Мена диатезы можно трактовать как метонимический сдвиг, поскольку она имеет семантическим следствием перемещение фокуса внимания говорящего с одного участника на другого, тоже присутствующего в ситуации.

Категориальную спецификацию участников ситуации, т. е. сужение или даже просто изменение категориальной предпосылки глагола, касающейся того или иного участника, можно, чуть расширив изначальное значение термина метафора, трактовать как метафорический перенос.

Диатезы глагола *назначить* делятся на два класса — прямые, когда результат назначения задан непосредственно (*назначить консультацию на среду*), и косвенные, или параметрические, когда задан лишь параметр, а его значение, т. е. сам результат выбора, сделанного назначающим лицом, не указан или вообще остается нефиксированным (*назначить коменданта*).

Актантная структура глагольной лексемы характеризует участников по признакам имя, синтаксис, коммуникативный ранг, семантическая роль, таксономия, см. гл. I.1. Семантические роли — это Агенс, Пациенс, Инструмент, Место и под. Таксономические классы — это, например, ЛИЦО, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, СИТУАЦИЯ, СОБЫТИЕ, ПАРАМЕТР. На таблицах ниже представлены актантные структуры (диатезы) лексем глагола *назначить*. Таблицы в этом параграфе имеют упрощенную форму: синтаксическая позиция и ранг участника указываются в одной и той же графе, для одних участников — ранг, для других — синтаксис.

4.1. Прямые диатезы

Прямых диатез у *назначить* две: при диатезе 1.1 в позиции объекта — а значит, в коммуникативном центре — событие (*назначил свиданье в роже*); при диатезе 1.2 эту позицию занимает Значение параметра события (*назначил местом свиданья рожу*).

назначить 1.1 (корневая лексема прямой диатезы):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенс	ЛИЦО: обладает полномочиями
X	<i>Об</i>	Тема	СОБЫТИЕ: в будущем
Y	<i>З/кдр</i>	Параметр	ВРЕМЯ / МЕСТО
Z	<i>Периф</i>	Значение параметра	ВРЕМЯ / МЕСТО
(X')	датив	Участник события	ЛИЦО

Участник X', в скобках, необязательный.

Значение *назначить* 1.1 можно сформулировать так:

‘лицо А, обладающее соответствующими полномочиями, приняло решение (возможно, выполнив необходимые формальности), что событие X произойдет и что его Параметр Y будет иметь Значение Z’.

Например (в квадратных скобках указано имя, под которым данный участник фигурирует в толковании):

Дубровский [А] *назначил* им [X'] свиданье [X] в Кистеневской роше [Z].

У *назначить* 1.1 имеется три коммуникативных модели с разными толкованиями. Толкование дается только для первой, основной модели; другие модели требуют модификации толкования.

Коммуникативная модель 1 ('событие будет иметь место' — презумпция):

событие X должно / будет иметь место [презумпция]

А совершил мыслительное и волевое усилие

: принял решение, обязательное для причастных лиц [ассерция]

тем самым

Параметр Y события X будет иметь Значение Z.

Примеры.

- (1) Он [А] *назначил* отъезд [X] на 20 августа [Z] = 'что временем отъезда будет 20 августа'.
- (2) Она [А] *назначила* мне [X'] свидание [X] в метро [Z].
- (3) Нам [X'] *назначили* консультацию [X] на 2 января [Z].

При данной диатезе участник Y, Параметр, не может быть выражен синтаксическим актантами глагола:

(1') **назначил* отъезд [X] на время [Y] 20 августа [Z].

Это ограничение, как было сказано в разделе 3.1, носит общий характер: нельзя выразить объект, его параметр и значение параметра с помощью независимых синтаксических актантами одного глагола; если позицию объекта занимает сущность, то нельзя указать параметр, по которому она характеризуется, см. Падучева 1980, Семенова 1991. Впрочем, по значению параметра обычно легко понять, значение какого именно параметра выражает данный участник. Так, в (1) и в (3) подразумеваемый параметр — время, в (2) — место.

При коммуникативной модели 1 у леммы *назначить* 1.1 участник Z, Значение параметра, составляет рему предложения.

Коммуникативная модель 2. Компонент 'событие будет иметь место' является не презумпцией, а ассерцией. В толковании слова оказывается две ассерции. Соответственно, при этой коммуникативной модели в предложении с *назначить* 1.1 две ремы — само событие, X, и значение Z его Параметра. Отсюда расстановка акцентов во фразе (4):

(4) Он *назначил* ей [X] прийти в двенадцать [Z].

Коммуникативная модель 3. Участник Z, Значение параметра, получает коммуникативный ранг За кадром; в результате компонент 'событие должно / будет иметь место' остается единственной ассерцией, а участник Событие — ремой:

- (5) Она *назначила* мне встречу.
- (6) Он обязательно *назначит* ей свиданье.
- (7) Отъезд в Петербург *назначен* (П.).

В (8) значение Параметра указано, но с помощью аппозитива, т. е., так сказать, отдельной предикации; так что вторая ассерция — за этот счет:

(8) Консультация *назначена* — на пятницу.

назначить 1.1а (результат расщепления *назначить* 1.1 с коммуникативной моделью 3):

Имя	Ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенса	ЛИЦО
X'	<i>Об</i>	Участник события	МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ
X	<i>Периф</i>	Тема	СОБЫТИЕ

Примеры.

(9) Дом *назначен* на слом (MAC) = 'некто [A] назначил дом [X'] на слом [X]'.
 (10) Участок *назначен* к продаже.

Отличие диатезы 1.1a от 1.1 с коммуникативной моделью 3 в том, что участник X' (возникающий при расщеплении участника X) при диатезе 1.1a повышается в ранге. Фразы (9), (10) получают, соответственно, из (9'), (10') подъемом Посессора; Посессор (например, *слом*) поднимается в позицию объекта, а Обладемое (*дом*) уходит на периферию:

(9') *Назначен* слом дома.

(10') *Назначена* продажа участка.

назначить 1.2 (произведена от *назначить* 1.1 диатетическим сдвигом):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенса	ЛИЦО: обладает полномочиями
Z	<i>Об</i>	Значение параметра	СУЩНОСТЬ
Y	<i>Периф</i>	Параметр	ПАРАМЕТР
X	Посессор Y-а	Событие	СОБЫТИЕ: будущее
(X')	датив	Участник события	ЛИЦО

Участник Z, Значение параметра, становится Объектом, т. е. переходит из Периферии в Центр; а участник Y повышается из ранга За кадром до Периферии. В этом случае событие, X, уже не может быть отдельным участником и становится Посессором участника Y — Параметр. Это нормальный способ выражения синтаксической связи между названием сущности и ее Параметром, ср. *время прибытия, цена билета*.

Примеры.

(11) Клеопатра [A] *назначила* смерть [Z] ценою [Y] своей любви [X].

(12) Дубровский [A] *назначил* им [X'] местом [Y] свиданья [X] Кистеневскую рощу [Z].

Схема толкования такая же, как у *назначить* 1.1. Различия сводятся, как обычно при диатетическом сдвиге, к изменению синтаксических позиций (и, соответственно, коммуникативных рангов) участников. У *назначить* 1.2 рема не предопределена толкованием: ремой может быть Y, Параметр (который при *назначить* 1.1 имел статус Нуль), см. (11), и Z, см. (12). Участнику X не соответствует отдельной синтаксической позиции при глаголе, и он может быть ремой только при особом коммуникативном нажиме:

(12') Дубровский *назначил* Кистеневскую рощу местом свиданья \.

назначить 1.2a (произведена от *назначить* 1.2 расщеплением участника X):

Имя	Ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенса	ЛИЦО: обладает полномочиями
Z	<i>Об</i>	Исполнитель должности / роли	ЛИЦО
Y	<i>Периф</i>	Должность / Роль	ПАРАМЕТР

Участник X в этой диатезе расщепился на Y и Z и вышел за кадр: ситуация X, которую “назначил” Агенс, состоит в том, что значением Параметра Y является Z:

- (13) Пять веселых солдат [Z] интендантами [Y] сразу *назначил* (Окуджава).
 (14) Наследником [Y] *назначу* Карла [Z] (П.).
 (15) *назначить* Швабрина [Z] в коменданты [Y].
 (16) Он [Z] *назначен* в начальники [Y] всем корпусам.

В примерах (17), (18) возникают новые “участники” — классификаторы (*назначил его на пост министра ≈ назначил министром*):

- (17) *назначил* его на п о с т министра.
 (18) Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая *назначил* на его место.

Участник Y может быть не должностью/ролью, а предполагаемым действием или деятельностью Z-а:

- (19) *назначен* нас заменить.
 (20) *назначенный* за мной смотреть.

Но если Y не роль и не должность некоего лица (и Z — не действие, а использование), то употребление *назначить* не соответствует современной норме — нужно употребить глагол *предназначить* (примеры из МАС):

- (21) орудия [Z] были *назначены* для того, чтобы обстреливать лошину [Y].
 (22) пальмы [Z], *назначенные* в награду [Y].

назначить 1.2б (произведена от *назначить* 1.2 расщеплением участника X):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенс	ЛИЦО
Z	<i>Об</i>	Значение	СОБЫТИЕ: повторяющееся: лечебная процедура
X'	датив	Участник события	ЛИЦО
Y	<i>З/кдр</i>	Параметр события	СРЕДСТВО

Участник X расщеплен. Например:

- (23) Врач *назначил* Зине [X'] хвойные ванны [Z] = ‘назначил [Z] в качестве средства [Y] лечения [X] Зины [X']’.

Участник Параметр, Y, невыразим, потому что фиксирован как средство; соответственно, невыразим и X, поскольку он должен был быть подчинен Y-у. Объект ограничен указанной категорией; сейчас нельзя сказать

назначил ему важнейший пост в государстве (П.)

назначить 1.2в (произведена от *назначить* 1.2 категориальным сдвигом):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Каузатор	СУДЬБА
Z	<i>Об</i>	Значение параметра события	СУЩНОСТЬ
Y	<i>Периф</i>	Параметр события	УДЕЛ / ЖРЕБИЙ
X	<i>З/кдр</i>	Тема	СОБЫТИЕ / СОСТОЯНИЕ
X'	датив	Участник события	ЛИЦО

Примеры.

- (24) {...} когда б не царское рождение [Z] *назначила* слепая мне [X'] судьба (П.)
[в качестве удела Y].
- (25) Им [судьбой] *назначено* любить друг друга.

Участник X невыразим: он расщеплен на Y и Z: событие X, которое назначила судьба, состоит в том, что Значением параметра Y от X' является Z. Сам Y, поскольку он предельно специфицирован — как *удел / жребий*, — обычно тоже не выражается.

Поскольку субъект *назначить* 1.2в не Агенс, действующий целенаправленно, а сила, соответствующим образом изменяется T-категория лексемы: это уже не действие, осуществляемое субъектом, а никем не контролируемое происшествие.

4.2. Косвенные диатезы

При косвенной (параметрической) диатезе, когда имя параметра попадает в фокус и употребляется в своем, так сказать, вопросительном значении (параметрическое имя, как известно, является сокращением для косвенного вопроса), участник Z, Значение параметра, невыразим — что соответствует общей синтаксической закономерности, описанной выше. Например, Значение параметра невыразимо в контекстах *измерил температуру, определил объем*. Исключения из этого общего правила мы рассмотрим ниже.

назначить 2.1:

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенс	ЛИЦО: обладает полномочиями
Y	<i>Об</i>	Параметр события	ПАРАМЕТР
X	Посессор Y-а	Тема	СОБЫТИЕ
Z	<i>З/кдр</i>	Значение параметра	СУЩНОСТЬ
X'	датив	Участник события	ЛИЦО

Примеры.

- (1) У с л о в и я [Y] переговоров [X] я сам *назначу* = 'назначу, какие будут условия'.
- (2) С р о к и [Y] переезда [X] уже *назначены*.
- (3) Он уже *назначил* д е н ь [Y] отъезда [X].

Слова *сроки, условия* параметрические в своем исходном значении; слово *день* приобретает параметрическое значение в качестве вторичного, попадая в соответствующий контекст. Участник события и Параметр могут быть выражены совместно — в косвенном вопросе:

- (4) *Назначьте*, когда вам угодно будет выступить.

В примере (5) *судьба* имеет значение 'определенный удел' и *назначить* употреблено в параметрической диатезе:

- (5) Кому *назначено-с*, не миновать судьбы (Грибоедов) = 'кому *назначен* определенный удел [Y], его не миновать'.

назначить 2.2а (получается расщеплением X-а в диатезе 2.1; Параметр Y фиксируется как должность):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенс	ЛИЦО: обладает полномочиями
Y	<i>Об</i>	Параметр X-а	ДОЛЖНОСТЬ
Z	<i>З/кдр</i>	Исполнитель должности	ЛИЦО

Примеры.

(6) Государь сам *назначил* войскового командира [Y].

В то же время лексема 2.2а связана с 1.2а диатетическим сдвигом — так же как 2.1 с 1.1, ср. *назначил местом встречи роуцу* и *назначил место встречи*.

Участник Z может быть выражен только в том случае, если Значение параметра количественное.

назначить 2.2б (получается расщеплением X-а в диатезе 2.1):

Имя	Синтаксис / ранг	Роль	Таксономия
A	<i>Сб</i>	Агенс	ЛИЦО: обладает полномочиями
Y	<i>Об</i>	Пенсия / Жалованье	ДЕНЬГИ
Z	Аппозитив к Y-у	Размер Y-а	ЧИСЛО
X'	датив	Посессор Y-а	ЛИЦО

Примеры.

(7) *Назначили* ему п е н с и ю в 5 тысяч.

(8) Ему *назначен* небольшой о к л а д в \$300.

В примерах ниже выражение Значения параметра затруднено, поскольку лицо, имеющее право принимать решение, еще его не приняло:

(9) Когда же вы *назначите* ц е н у?

(10) ⟨...⟩ *назначьте* сыну / Приличное по званью с о д е р ж а н ь е... (П.)

Что касается характеристики Параметра, то она возможна при всех косвенных диатезах:

(11) назначил ей работу *несложную*; назначил *жесткие* условия;

Судьба назначила ему удел *тяжелый*; Удел назначен нам *неравный*.

4.3. Обсуждение результатов

Итак, мы видим, что все значения слова *назначить*, фиксируемые в словарях, связаны отношением регулярной многозначности и могут быть представлены как результат действия двух преобразований — это мена диатезы, т. е. своего рода метонимический сдвиг, и спецификация таксономического класса участника, т. е. категориальный сдвиг, родственный тому, который дает метафору. Представив отдельные значения *назначить* как получаемые одно из другого с помощью семантических переходов, действующих в классах лексем с общим компонентом значения, мы получаем значение слова в целом как определенным образом организованную структуру — парадигму значений.

В гл. I.3 § 6 мы обосновали расширение понятия диатезы за счет противопоставления прямой и косвенной диатезы. Рассмотрение в одном ряду слов *решить*, *выбрать* и *назначить* позволяет выявить их нетривиальную общность, проявляющуюся в наличии косвенной диатезы. Впрочем, это не уникальное

свойство глаголов принятия решения; косвенная диатеза есть у глаголов знания (*забыл* ⟨, кто⟩; *забыл* ⟨, где⟩) и говорения (*скажи* ⟨, кто⟩; *скажи* ⟨, где⟩).

Глагол *назначить* отличается от *выбрать* тем, что у *выбрать* очевидным образом имеется два участника — множество выбора и результат, с достаточно слабыми категориальными ограничениями; между тем *назначить*, как мы видели, со временем все больше связывается с идеей параметра⁴²; так что у *назначить* множество выбора — это множество допустимых значений параметра, а результат — значение параметра.

§ 5. Глаголы *рисковать* — *рискнуть* и проблема системности лексики

К числу глаголов, которые — хотя бы в некоторых употреблении — можно признать волитивными, относятся *рисковать* и *рискнуть*⁴³.

5.1. Глагол *рисковать* как яркая индивидуальность

Начнем с набора участников ситуации риска, обозначаемой глаголом *рисковать*. Участники будут заданы своими семантическими ролями.

В интересной и стимулирующей статье Fillmore, Atkins 1992 об английском глаголе *risk* выделяются следующие участники ситуации риска: Y, Агенса, — “Кто рисковал?”; P, Поступок, — “Что сделал?”; Q, Опасность (иначе — возможное Отрицательное последствие), — “Чем рисковал?”; и Z, Ценность (обычно это принадлежность Агенса). Мы дополнительно включим в число участников Мотив, W, — “Ради чего рисковал?” (иначе — Интерес, слово, которое используется в энциклопедическом словаре Брокгауз и Ефрон при описании термина *рисковая сделка*). Некоторые другие недостающие роли появятся в дальнейшем. В разных употреблениях глагола *рисковать* фигурируют — в качестве тематически выделенных и синтаксически выражаемых — разные подмножества этого исходного набора участников. Так что нам понадобится понятие диатезы и ранги участников — Центр, Периферия, За кадром.

В отличие от первых четырех участников, которые являются, по интуитивному ощущению, актантами глагола *рисковать*, Мотив, т. е. Цель, казалось бы, сирконстант. Однако в каких-то употреблении участник Мотив несовместим с другими, и потому он должен приниматься во внимание при описании диатез глагола, соответствующих разным его значениям. Вообще, Мотив, как выяснилось, присутствует в ситуации риска по существу.

⁴² На протяжении полутора веков глагол *назначить* сузил свой комбинаторный потенциал; например, у Пушкина этот глагол имел более отчетливый компонент сообщения решения; отсюда употребления типа *Апостол гибели, усталому Аиду/Перстом он жертвы назначал; Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить [= ‘сообщить’] мне ваши три карты, которых современный язык не допускает.*

⁴³ Глаголы *рисковать* и *рискнуть* в некоторых своих значениях входят в стандартные видовые пары; однако, как будет видно из дальнейшего, ни один из них нельзя считать видовой формой о й другого. Для краткости мы все же позволим себе иногда говорить о “глаголе *рисковать*” — следуя русской словарной традиции, в соответствии с которой глагол на *-ну* трактуется как производный семельфактив.

Глагол *рисковать* на первый взгляд кажется уникальным, т. е. не имеющим себе подобных — как в плане лексической, так и аспектуальной семантики. Укажем некоторые проявления этой индивидуальности и связанные с ней проблемы.

ПРОБЛЕМА I. Соответствие между морфологической формой подчиненных и семантическими ролями участников у *рисковать* в обе стороны неоднозначное. Одна и та же морфологическая форма — твор. падеж, инфинитив, деепричастие — может выражать разных участников.

Так, в (1а) твор. падеж обозначает Ценность, подвергающуюся риску, а в (1б), напротив, возможное Отрицательное последствие рискованного действия:

- (1) а. рисковал *армией* [твор. = Z, Ценность];
 б. рисковал *потерей* армии [твор. = Q, возможное Отрицательное последствие].

Здесь, впрочем, есть простое объяснение: Отрицательное последствие Q может, в частном случае, состоять в утрате Ценности Z, составляющей принадлежность рискующего субъекта; так что Ценность в (1а) метонимически замещает Отрицательное последствие. В дальнейшем мы обычно не упоминаем участника Z, считая, что это контекстный вариант Q.

Смотрим, однако, дальше. Инфинитив в (2а) с глаголом СВ *рискнуть* обозначает уже совершенный Поступок рискующего; а в (2б) с глаголом НСВ *рисковать* — возможное Отрицательное последствие некоего положения вещей, не зависящего от воли субъекта:

- (2) а. рискнул *остаться* один [инф. = P, Поступок];
 б. рискует *остаться* один [инф. = Q, возможное Отрицательное последствие].

Наконец, деепричастие в (3а) обозначает, как и в (2а), Поступок рискующего, а в (3б) — положение вещей, чреватое Отрицательным для субъекта последствием и возникшее не по его воле. Назовем этого участника ситуации риска (о котором мы до сих пор не упоминали) Источник опасности; Источник опасности, по причинам, которые со временем станут очевидны, мы будем обозначать через P, т. е. так же, как Поступок:

- (3) а. *Оставляя* ребенка одного [деепр. = P, Поступок], я рисковала;
 б. *Вертясь* у нее на глазах [деепр. = P, Источник опасности], ты рискуешь ей надоесть.

Верно и обратное: участник с одной и той же семантической ролью допускает разные способы синтаксического оформления (взяты из того самого набора). Так, в (2а) Поступок выражен инфинитивом, а в (3а) — деепричастием; в (4а) Отрицательное последствие выражено инфинитивом, а в (4б) — твор. падежом:

- (4) а. рисковал *потерять*; б. рисковал *потерей*.

При этом замена инфинитива твор. падежом возможна не во всех контекстах:

- (5) а. рискнул *прийти* ко мне; б. ??рискнул *приходом* ко мне.

ПРОБЛЕМА II — совместимость синтаксических позиций. Про две позиции точно известно, что они несовместимы при одном употреблении глагола; это твор. падеж и инфинитив. Так, можно сказать (6а) и (6б):

- (6) а. рискнул *купить* “мерседес”; б. рискнул *большими деньгами*.

Однако соответствующие две идеи не могут быть выражены одновременно при одном и том же глаголе, даже если и то и другое одновременно имеет место.

Предлагаемое объяснение состоит в том, что обе позиции, и твор. падеж и инфинитив, принадлежат коммуникативному центру и именно поэтому взаимно исключают друг друга: центральных позиций у глагола не более чем две; одну у *рисковать* всегда занимает номинатив, так что только одна свободна. Кстати, в европейских языках русскому твор. падежу обычно соответствует аккузатив.

В целом ясно, что актантная структура слова зависит от многих аспектов его значения, и надо выяснить значение, прежде чем можно будет говорить об актантной структуре (этого значения, т. е. этой лексемы) и ее поверхностных реализациях.

ПРОБЛЕМА III. Особенностью семантики глаголов *рисковать* — *риснуть* является сложно устроенный оценочный компонент, с разными субъектами оценки для разных контекстов. Во фразе (7а) субъект действия, скорее всего, сам оценивает свой поступок как рискованный; а в (7б) это говорящий оценивает поступок Ивана, быть может и не осознавшего рискованности своего поведения:

(7) а. Иван *рискнул* выглянуть; б. Иван *рискует* опоздать.

ПРОБЛЕМА IV. Глаголы *рисковать* и *риснуть* по-разному взаимодействуют с отрицанием:

не *рискнул* остаться на мосту \supset 'не остался';
не *рисковал*, оставаясь на мосту \supset 'оставался'.

ПРОБЛЕМА V. Что касается аспектуальной семантики, то между НСВ *рисковать* и СВ *риснуть* усматривается различие, как кажется, не зафиксированное у других глаголов. Как известно, СВ и НСВ описывают ситуацию с разными временных точек: СВ — из перфектного состояния (по крайней мере в исходном употреблении, см. Падучева 1996: 94), а НСВ — в зависимости от частного видового значения. В условиях глаголов *рисковать* — *риснуть* тот факт, что СВ и НСВ описывают ситуацию риска на разных ее временных этапах, влечет нетривиальное следствие. А именно, в случае глагола сов. вида в момент наблюдения (который приходится на перфектное состояние) Опасность наступления Отрицательного последствия продолжает сохраняться, см. (8а); а если глагол несов. вида (прош. времени), то в момент наблюдения уже ясно, что Опасность миновала, см. (8б):

(8) а. *рискнул* остаться на мосту [СВ; Опасность сохраняется];
б. *рисковал* жизнью, спасая ребенка [НСВ прош.; Опасность миновала].

Иными словами, глагол НСВ *рисковать* допускает, по крайней мере в прош. времени, только ретроспективную позицию Наблюдателя (как зрелищное *видеть*, описанное в Апресян 1980: 68), притом обогащенную специфической инференцией.

В то же время позиция Наблюдателя не фиксирована однозначно для всех употреблений глагола НСВ *рисковать* — в (3б) *рисковать* употребляется в наст. времени и обозначает не миновавшую, а актуальную Опасность.

ПРОБЛЕМА VI. Особую причуду глаголов *рисковать* — *риснуть* составляет то, что СВ и НСВ различаются своими диатезами. Глагол сов. вида допускает

позицию в центре для обоих участников — и для Поступка Р (*рискнул купить*) и для Ценности / Опасности Z/Q (*рискнул большими деньгами*), см. пример (б). А у глагола НСВ позицию в центре может занимать только Q; Поступок выражается дееспричастием, которое всегда на периферии: *защищая, рисковал*.

Налицо корреляция между видом и диатезой — явление интересное и мало изученное. Такая корреляция была отмечена у глаголов *решить* (Булыгина, Шмелев 1997: 156), *выбрать, назначить* (Падучева 1999б; Padučeva 2000). Однако эти глаголы лексически более простые и входят в естественные семантические классы. Между тем принадлежность глаголов *рисковать — рискнуть* к какому-либо определенному семантическому классу изначально неясна.

Можно думать, что поверхностное поведение глаголов *рисковать — рискнуть* станет прозрачнее, если признать наличие у них разных лексических значений. Таким образом, возникает задача выявить разные значения — лексемы — глаголов *рисковать* и *рискнуть* и сопоставить каждому семантическую формулу, которая объясняла бы языковое поведение этих лексем, в частности, решала бы проблемы I–VI. Отдельная задача состоит в том, чтобы представить значения этой пары слов не списком, а как систему, элементы которой связаны друг с другом закономерным образом — в том смысле, что те же семантические связи повторяются в других участках глагольной лексики.

5.2. О тематическом классе глаголов *рисковать — рискнуть*

Идиосинкретичность семантики глаголов *рисковать — рискнуть* происходит, в существенной степени, из того, что сов. и несов. вид, при всей ощущаемой близости их лексических значений, принадлежат к разным тематическим классам: *рискнуть* по своей семантике примыкает к глаголам типа *решиться, пожертвовать, попробовать* и т.д.; между тем у *рисковать* совсем другие родственники; например, *Ты рискуешь!* можно сопоставить с *Ты нарываешься!*

Форма СВ *рискнуть* относится к классу глаголов принятия (и осуществления) решения, т.е. к тому же, что *выбрать, предпочесть, назначить, решить, решиться, осмелиться, отважиться*. Из двух диатез, обычно допускаемых этими глаголами, — прямой (указывающей результат выбора) и косвенной (не указывающей), у *рискнуть* есть только прямая диатеза: *рискнул поехать* — это как *предпочел поехать*, а не как *решил/решаю, что делать*, где глагол допускает косвенную диатезу, а следовательно, значение актуальной деятельности.

Между тем НСВ *рисковать* относится к классу глаголов интерпретации (см. Апресян 1988, НОСС 1997: XX; ср. также в Гловинская 1989 об интерпретационном значении наст. времени у интенциональных глаголов; обычно это интерпретация поступка как поведения, см. Падучева 1996: 150), и многие его свойства объясняются принадлежностью к этому классу.

О глаголах интерпретации (таких как *ошибаться, нарушать, подводить, грешить, подражать, унижать, придирается, обижать, омрачать, портить, выручать, спасать, угодить* и мн. др., ср. Кустова 1996) известно следующее.

1. Глагол интерпретации сам по себе не обозначает никакого конкретного действия; это глагол косвенной номинации, см. Зализняк 1991б.

2. Глаголы интерпретации часто употребляются в контексте речевого акта упрека, с выраженным или подразумеваемым субъектом 2-го лица:

(1) *Ошибаетесь, батенька!; Обижаете!; Зачем вы меня обижаете?!*

3. Наст. время несов. вида глагола интерпретации может быть денотативно тождественно СВ прош.: *ошибаетесь* \supset ‘ошиблись’; это свойство отмечено в Падучева 1996: 150. Смыслового равенства, однако, нет: СВ характеризует отдельный поступок, а НСВ трактует этот поступок как тип поведения, свойственный субъекту на каком-то более широком временном интервале. Поэтому в наст. времени эти глаголы имеют значение расширенного настоящего (а в прош. — “расширенного прошедшего”: *Он подумал, что это конец, но он ошибался*). Короче говоря, все сводится к тому, что НСВ глаголов интерпретации не имеет значения актуальной деятельности.

4. Глаголы интерпретации имеют общий просодический признак — как и другие слова с оценочным компонентом, они перетягивают на себя фразовое ударение. Соответственно и семантический акцент переносится на интерпретативные — оценочные — компоненты толкования, особенно при абсолютном употреблении глагола, как в (1).

Все перечисленные свойства глаголов интерпретации присущи и глаголу *рисковать* (не *риснуть!*).

Так, характерный признак *рисковать* как глагола интерпретации — возможность употребления формы НСВ наст./прош. по отношению к единичному поступку (в примере (2) — *произнесла*):

(2) — Нет, почему ж, я вам верю, — *произнесла* она, но так, как она только умеет иногда выговорить, с таким презрением и ехидством, с таким высокомерием, что, ей-богу, я мог убить ее в эту минуту. Она *рисковала* [быть убитой] (Достоевский. Игрок).

Просодическое свойство *рисковать* как глагола интерпретации демонстрирует пример (3), с главным фразовым ударением, смещенным со своего естественного положения (в конце фразы) на *рискует*, и с акцентом на оценочном компоненте — на возможности Отрицательного последствия:

(3) Петр Степанович, конечно, знал, что *рискует*, пускаясь в такие выверты (Д.).

Еще одно свойство *рисковать* как глагола интерпретации — склонность к употреблению в форме деепричастия и возможность квазисинонимической рокировки деепричастия с личной формой:

(4) *рисковал* жизнью, *переходя* линию фронта \approx *переходил* линию фронта, *рискуя* жизнью.

(5) а. *Рискуя* жизнью, железнодорожники *защищали* пассажира от вооруженных бандитов; б. Железнодорожники *рисковали* жизнью, *защищая* пассажира от вооруженных бандитов.

В НОСС 1997 говорится, что глаголы интерпретации заполняют одну из своих валентностей деепричастием. Действительно, в (6), например, деепричастие *сказав* позволяет нам понять, какое конкретное действие Виктора интерпретируется как *выручил*:

(6) Виктор *выручил* меня, *сказав*, что я в отпуске.

Однако между главным глаголом *выручил* и деепричастием *сказав* отношение не подчинения, а *к о р е ф е р е н ц и и* (такой же кореференцией связаны,

например, *требование* и *прекратить* в словосочетании *требование прекратить*). А потому конкретное действие, подразумеваемое глаголом интерпретации, может быть связано с самим глаголом не только формой деепричастия, но также аппозитивной связью (*Он повернул налево: он ошибся*), сочинительной связью (*Он повернул налево, и ошибся*) и вообще никак не выражено синтаксически.

Так что если признать способность заполнять свою валентность деепричастием за глаголами типа *выручить*, *испортить*, надо признать ее также и за сочинительной связью (как в примерах с *изловчился*, *исхитрился* в Богуславский 1996), за аппозитивной, анафорической и вообще любой смысловой. Пример (7) показывает, что участник Поступок может присоединяться к глаголу *рисковать* через сочинительную связь:

- (7) Люди *рисковали* своей свободой, но *переводили, печатали, распространяли* (В. Суворов).

Как получается, что сочинительная связь выражает кореферентность, видно на примере (8):

- (8) а. *не сдал* вовремя статью и *этим / тем самым* меня *подвел*;
б. *не сдал* вовремя статью и (тем самым) *подвел* меня.

Кореферентность личной формы и деепричастия имеет принципиальное значение для объяснения рокировки в примере (4) выше. Как отмечено И. М. Богуславским (1977), эта синтаксическая возможность возникает именно как следствие кореферентности личной формы и деепричастия; его пример:

- (9) а. *Спускает* отходы в реку, завод *повышает* содержание в воде соединений хлора;
б. Завод *спускает* отходы в реку, *повышая* содержание в воде соединений хлора.

В самом деле, ситуация, описываемая глаголом *рисковать* в целом, кореферентна его участнику Поступок; так, в *рискнул спросить* задавание вопроса и есть риск: спрашивая, человек *тем самым* рисковал; в контексте примера (4) *переходить линию фронта* — это и значило рисковать. В примере (10), где нет кореферентности (поскольку ни одна из глагольных форм не имеет референта), рокировка деепричастия и личной формы невозможна:

- (10) Приняв сражение, он *рисковал* бы потерей армии.

Итак, *рисковать* и *рискнуть* принадлежат к разным тематическим классам: *рискнуть* — волитивный глагол (т. е. глагол выбора решения), и у него, как у всех волитивных глаголов, нет диатезы с кореферентным деепричастием; а у *рисковать*, как и у других интерпретаций поступка, нет диатезы с подчиненным инфинитивом в значении поступка.

5.3. Лексические значения глаголов *рисковать* — *рискнуть*

Значения глаголов *рисковать* — *рискнуть* можно представить пятью словарными статьями (две для *рискнуть* и три для *рисковать*).

рискнуть 1 ‘решиться сделать’; диатеза ⟨Р-Центр, Q-За кадром⟩

Лексема СВ *рискнуть* 1 имеет значение моментального действия и относится к тематическому классу глаголов выбора (и исполнения) решения. В главной

диатезе центральный синтаксический актант, инфинитив, выражает участника Поступок. Для участника Q, Отрицательное последствие, в этой диатезе нет синтаксической позиции — он должен был бы выражаться твор. падежом, который несовместим с инфинитивом. Участника Агенса мы в формуле диатезы не упоминаем: он всегда занимает одну и ту же позицию — субъектную. Примеры:

- (1) Он р и с к н у л *пойти* [P] верхней тропой, *чтобы* [W] к полудню добраться до базы.
- (2) р и с к н у л *(лечь) на операцию* [P].
- (3) Он р и с к н у л *остаться* [P] на мосту, *чтобы* [W] наблюдать за ходом событий.
- (4) Майкл просил сообщить ему об обстановке. Но как? Даже если бы я р и с к н у л *оставить* [P] Розалинду и Петру, *чтобы* [W] выйти на разведку, то вряд ли мне удалось бы вернуться (Струг.).

В примерах (5), (6) нестандартное выражение P:

- (5) Осина — дерево ненадежное, но он все-таки *рискнул*: подпрыгнул [P] и ухватился за ветку (БАС).
- (6) Там мы задержались ненадолго, решая, стоит ли *рискнуть* и выехать [P] на поляну (Струг.).

Лексема *рискнуть* 1 в формате системы “Лексикограф”:

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
Y	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Агенса	ЛИЦО
P	инф.	<i>Центр</i>	Поступок	ДЕЙСТВИЕ
(W)	<i>чтобы / ради</i>	<i>Периф</i>	Мотив	СИТУАЦИЯ
Q	∅	<i>З/кдр</i>	Отрицательное последствие	СИТУАЦИЯ

T-категория — действие: моментальное

Схематическое толкование —

- 0) до t < МН Y обдумывал, не сделать ли P
- 1) (потому что хотел, чтобы W, а P ведет к W)
- 2) Y понимал, что P может привести к Отрицательному последствию Q;
- 3) несмотря на это
- 4) в момент t Y решил, что сделает P, и сделал P [ассерция]
- 5) —
- 6) —
- 7) —
- 8) —
- 9) —
- 10) в МН, вскоре после t, говорящему неизвестно, наступило / наступит ли Q [инференция]

Тема — принятие решения; воля; разум

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ трив. — *рисковать* 1

Комментарии.

Актантная структура. Лексема *рискнуть* 1 исключает поверхностное выражение участника Q — Отрицательное последствие: в примерах (1)–(6) возможное Отрицательное последствие от Поступка рискующего Агенса находится за кадром. В (5) на возможное Отрицательное последствие намекает предыдущая фраза *Осина — дерево ненадежное.*

Участник Р, Поступок, выражается не только инфинитивом; в (5) он выражен аппозитивом (*подпрыгнул*), в (6) — сочинительной связью. Участник Р обязательный; отсутствие актанта, выражающего Р, может пониматься в обобщенном смысле: *Он не любит рисковать* = ‘не любит совершать поступков, чреватых отрицательными последствиями (в надежде достичь какой-то цели)’.

Компоненты. Ситуация, выражаемая глаголом *рискнуть* 1, включает идею угрозы, которая, по крайней мере на момент наблюдения, не реализовалась, см. компонент 10. Пример (7) не служит опровержением — Отрицательное последствие наступило после того момента наблюдения, который фиксирован в семантике *риснуть* 1:

- (7) *рискнул, для [W] выполнения задания, спуститься [P] на парашюте и убился [Q] до смерти (МАС).*

Толкование не отражает многих существенных моментов ситуации риска (например, оценки субъектом риска соотношения между возможной выгодой и возможным проигрышем — *risk-benefit ratio*; того, что рискующий обычно надеется на благополучный исход, и т. д.): выявлены только те компоненты, из которых полезные следствия в плане наблюдаемого поведения слов доступны нашему формальному аппарату. Из толкования неясно, например, почему риск — это скорее проявление смелости, чем недомыслия (что отражено в поговорке “риск — благородное дело”); не объяснено, почему *риснуть* часто употребляется в контексте слов типа *смелость, решительность* — а с отрицанием, наоборот, тяготеет к словам типа *страх, бояться*:

- (8) Гёте сказал однажды: “Я хотел еще раз прочесть „Макбета“, но *не рискнул*. Я боялся, что в том состоянии, в каком я тогда находился, это чтение меня убьет” (Олеша. Рассказы).

При глаголе *риснуть* может быть указано не последствие Q, а синхронное противопоставление к совершению действия; *несмотря на* не выражает Q, поскольку совместимо с инфинитивом:

- (9) *рискнул зайти в гавань, несмотря на опасность.*

Отрицание. Лексема *риснуть* 1 имеет хорошее отрицание:

- (10) *не рискнул подойти* = ‘решил, что не надо делать Р, потому что понимал, что это может привести к Отрицательному последствию (Q)’.

Можно думать, что есть общее правило, согласно которому отрицание (а) понимается как (б):

- (а) решил, что надо делать Р, *несмотря на то, что* возможно Q;
 (б) ‘решил, что *не* надо делать Р, *потому что* возможно Q’.

Дело в том, что отрицание уступительной связи дает причинную. В самом деле,

- Р, *несмотря на* Q = ‘Q; поэтому ожидалось, что не Р; однако Р’ (Крейдлин, Падучева 1974а).

Поэтому

- НЕ (Р, *несмотря на* Q) = не Р, *потому что* Q.

Компонент ‘Q; поэтому ожидалось, что не Р’ составляет пресуппозицию уступительного значения; так что под отрицанием, т. е. в контексте ‘не Р’, Q естественно понимается как причина ‘не Р’.

Тематический класс у лексики *рискнуть* 1 — принятие решения, что было обосновано выше. Ключевые слова *воля* и *разум* входят в семантику *рискнуть* потому, что они входят в семантику *решишь*.

Отглагольные имена: *риск* 1 — имя рискованного Поступка, т. е. действия, которое требует смелости (*Риск, соединенный с расчетом, принес ему победу*); существительное *риск* 2, имя возможного Отрицательного последствия (*с риском для жизни переправился через реку*), мотивировано глаголом *рисковать* 2, см. ниже.

рисковать 1 ‘НСВ тривиальный от *рискнуть* 1’

Лексема *рискнуть* 1 моментальная, и ее производный несов. вид *рисковать* 1 имеет только тривиальные значения, в том числе многократное и обусловленное контекстом отрицания:

Немногие *рисковали* переходить линию фронта.

Я дождался окончания обстрела — не стал *рисковать*.

Даже наст. историческое для *рисковать* 1 маловероятно.

рисковать 2 ‘подвергать опасности’; диатеза ⟨Q-Центр, P-Периф⟩

Лексема несов. вида *рисковать* 2, как и *рискнуть* 1, акциональная, т. е. обозначает действие. Отличие ее от *рискнуть* 1 касается прежде всего диатезы: у *рискнуть* 1 в центре Поступок P, а у *рисковать* 2 — Отрицательное последствие Q (обычно выражаемое твор. падежом); Поступок может быть выражен деепричастием. Чаще всего Q состоит в утрате ценности Z, так что на синтаксическом уровне Q метонимически замещено Z-ом. Так, *рисковал жизнью* [Q] = *рисковал потерей* [Q] *жизни* [Z]. Фраза (15) (перевод с английского), где это не так, многими воспринимается как аномальная:

(11) *Скрывая* [P] Стефана у себя в доме, я рисковал *жизнью* [Q].

(12) *Приняв* [P] сражение, он рисковал бы *потерей* [Q] армии.

(13) *Вкладывая* [P] деньги в корпорацию, он рисковал своей *независимостью* [Q].

(14) Животное рисковало *жизнью* (Q), *пытаясь* (P) отвести охотника от спрятавшегося олененка.

(15) Он не хотел рисковать *повторением* (Q) кубинского кризиса.

(16) Я рисковал *потерей* (Q) своих преимуществ.

(17) Он не любит рисковать.

Если *рисковать* 2 имеет форму деепричастия, то P выражено основным глаголом:

(18) А ведь вам кто-то тогда *помог*, рискуя головой (В. Суворов).

(19) Рискуя *увечьем* [Q], он *защитил* [P] женщину от хулигана⁴⁴.

Уникальное свойство *рисковать* 2 состоит в том, что у этой лексики главное значение несов. вида — ретроспективное (т. е. так называемое “общефактическое”): говорящий (Наблюдатель) смотрит на ситуацию апостериори — из такой временной точки, когда уже известно, что опасность миновала, т. е. возможное Отрицательное последствие рискованного Поступка не наступило.

Разумеется, *рисковать* 2 допускает также тривиальное прочтение — итеративное:

⁴⁴ У деепричастия *рискуя* много специфических свойств, которых мы здесь не касаемся.

(20) *рисковал* жизнью, перенося сообщения через линию фронта.

Семантическая формула лексемы *рисковать* 2.

Аквантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
Y	Сб	Центр	Агенс	ЛИЦО
P	деепр.	Периф	Поступок	ДЕЙСТВИЕ
Q/Z	твор.	Центр	Отрицательное последствие	СОБЫТИЕ / принадлежность Y-а
W	∅	3/кдр	Мотив	СИТУАЦИЯ

T-категория — действие: моментальное: в ретроспективе

Схематическое толкование —

- 0) —
- 1) —
- 2) в t < МН Y совершил / совершал P [пресуппозиция]
- 3) (потому что хотел, чтобы W, а P ведет к W)
- 4) Y понимал, что P может привести к Отрицательному последствию Q [ассерция]
- 5) —
- 6) —
- 7) —
- 8) —
- 9) —
- 10) в МН, отдаленный от t, говорящему известно, что возможное Отрицательное последствие Q не наступило (т. е. что опасность Q миновала) [инференция]

Тема — интерпретация поступка

Аспектуальная характеристика — НСВ общефактическое

Лексема *рисковать* 2 в каком-то смысле главная для всей системы значений глагола *рисковать*, поскольку это единственное значение, при котором, во-первых, выразимы все участники ситуации риска, а во-вторых, ситуация описывается из такой временной точки, где она видна целиком; парадоксальным образом, у *рисковать* “ситуацию в ее целостности” описывает несов. вид.

Основной для этого значения контекст — прош. время, которое обеспечивает ретроспективную позицию Наблюдателя. В наст. времени, которое требует синхронного Наблюдателя, стирается различие между *рисковать* 2 и *рисковать* 3 (см. ниже). В самом деле, лексема *рисковать* 2 описывает ситуацию сознательного выбора поступка, с осознанием риска. Между тем (11') может быть понято как оценка последствий ситуации, сложившейся спонтанно:

(11') *Скрывая* Стефана у себя в доме, она р и с к у е т ж и з н ю.

В контексте многократности позиция Наблюдателя при каждом отдельном повторении ретроспективная, и *рисковать* 2 в наст. времени идентифицируется однозначно:

(21) Она, конечно, знала, что *рискует* \, отказываясь от его предложений.

Аквантная структура *рисковать* 2 определяется тем, что в центре внимания Q, Отрицательное последствие рискованного Поступка. Как уже говорилось, значение *рисковать* 2 является следствием сдвига фокуса внимания: у *рисковать* 1 в центре Поступок, у *рисковать* 2 — Отрицательное последствие; в результате, глагол переходит в иной тематический класс — из волитивного он

становится глаголом интерпретации. Значение интерпретации у *рисковать* 2 проявляется с особенной ясностью, если на глагол падает ударение, как в (22); Q здесь выражено в отдельном предложении:

(22) Излагая столь ясно свои либеральные убеждения, он ведь и *рисковал*. Он ставил на карту все свое административное будущее (Салтыков-Щедрин, МАС).

В контексте твор. падежа, обозначающего Ценность, (23а), *рисковать* 2 понимается как ‘каузировать возможность потерять Z’, а не ‘подвергать Z опасности’, как предлагается в Fillmore, Atkins 1992 для соответствующего англ. примера:

(23) а. рисковал *двумя кораблями*, посылая их на край света;

б. He had risked *two of his submarines* by sending them to the edge of the American beaches.

В контексте *рисковать* 2 участник Поступок Р может быть выражен деепричастием. Можно думать, что препозиция / постпозиция подчиненного деепричастия относительно глагола *рисковать* в личной форме на семантику глагола *рисковать* 2 не влияет. Если деепричастие препозитивное, то предложение понимается в точном соответствии с толкованием, которое отражает именно препозитивную позицию деепричастия как наиболее обычную, см. пример (11). Но если главное фразовое ударение не на деепричастии, как в (23), деепричастие и в постпозиции понимается так же. А постпозиция деепричастия с переносом на него главного фразового ударения, по-видимому, вообще невозможна.

Инференция 10 ‘опасность миновала’ возникает только в утвердительных контекстах. В примерах (12) или (15), при отсутствии актуальной референции, ее нет.

Отрицание. Совершение действия относится к прошлому и составляет, в самых типичных случаях употребления *рисковать* 2, пресуппозицию. Поэтому, скажем, предложение (11) имеет нормальное отрицание:

НЕ (Скрывая Стефана у себя в доме, я *рисковал* жизнью) = Скрывая Стефана у себя в доме, я *не рисковал* жизнью = ‘совершая Р, понимал, что это не может привести к отрицательному последствию’.

Аспектуальная семантика. Различие между НСВ *рисковать* 2 и СВ *рискнуть* 1 определяется локализацией момента наблюдения. Основное видовое значение у агентивного *рисковать* 2 — общефактическое, т. е. ретроспективное. Отсюда в толковании *рисковать* 2 компонент 10 — ‘говорящему / Y-у известно, что Q не имело места’. А у глагола сов. вида *рискнуть* 1 этого компонента не может быть: сов. вид представляет ситуацию из такой временной точки, когда поступок совершен, но последствия еще не известны.

При ретроспекции момент принятия решения совершить действие уходит в глубокий фон (в нашем схематическом толковании он не отражен вовсе). В самом деле, при ретроспекции в фокусе внимания находится то состояние, когда уже ясно, что Отрицательное последствие не наступило: только после этого можно сказать, что риск относится к прошлому.

Пример (24) демонстрирует свойственную глаголам интерпретации склонность к несов. виду; поскольку *отказавшись* — деепричастие сов. вида, глагол *рисковать* тоже должен был бы быть в сов. виде, его несом. вид объясняется значением интерпретации:

(24) Отказавшись, она *рисковала* — *Отказавшись, она *рискнула*.

То же предпочтение несов. вида демонстрирует пример (2) из раздела 5.2.

Участники Z и P совместимы с обстоятельством причины (*почему*):

(25) *Почему он рисковал честью [Z], заступаясь [P] за мало знакомого человека?*

Кроме диатезы, представленной примерами типа (11), где деепричастие выражает Поступок, у *рисковать* 2 есть другая диатеза (*рисковать* 2а), в которой участник Поступок вытеснен участником W Мотив:

- (26) а. рисковал жизнью *ради дешевого удовольствия*;
 б. рисковал собой *во имя благородной цели*;
 в. рисковал большими деньгами *в надежде получить еще больше*.

В контексте *чтобы / ради / во имя* деепричастие, выражающее Поступок, невозможно:

(27) *Спасая ребенка [P], он рисковал собой *во имя благородной цели* [W].

Интересно, что в контексте *рискнуть* 1 участники Мотив и Поступок не исключают один другого, см. примеры (1), (3).

Семантическая формула для лексемы *рисковать* 2а отличается от формулы для *рисковать* 2 только актантной структурой (и, соответственно, рангом компонента, вводящего Мотив).

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
Y	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Агенс	ЛИЦО
W	<i>чтобы / ради / во имя / из</i>	<i>Периф</i>	Мотив	СИТУАЦИЯ
Z	твор.	<i>Центр</i>	Ценность	принадлежность Y-а
P	∅	<i>З/кдр</i>	Поступок	ДЕЙСТВИЕ

T-категория — действие: моментальное: в ретроспективе

Схематическое толкование —

- 0) —
 1) —
 2) в t < МН Y совершил / совершал P [пресуппозиция]
 3) Y хотел, чтобы W, а P ведет к W [ассерция]
 4) Y понимал, что P может привести к Отрицательному последствию Q (потере Z) [ассерция]
 5) —
 6) —
 7) —
 8) —
 9) —
 10) в МН, отдаленный от t, говорящему известно, что возможное Отрицательное последствие Q не наступило (т. е. что опасность Q миновала) [инференция]

Тема — интерпретация поступка

Аспектуальная характеристика — НСВ общефактическое

В семантике лексемы *рисковать* 2а две ассерции, поэтому она, в отличие от *рисковать* 2, не имеет хорошего отрицания:

НЕ (он рисковал жизнью ради дешевого удовольствия) = ?

Участник Мотив может выражаться не только с помощью *ради*, но и предлогом *из-за* — но лишь в том случае, если говорящий считает риск неоправданным:

Ради них [денег] на преступление идти не стоит и р и с к о в а т ь *из-за них* незачем (В. Суворов);

⟨...⟩ глупо-де р и с к о в а т ь жизнью *из-за* одной только гордости (Струг.).

Валентность на Мотив может заполняться наречием *попусту*:

Зачем р и с к о в а т ь *попусту*? = ‘ради несущественного W’.

Надо сказать, что предложная группа с *из-за* (появляющаяся в отрицательно-модальном контексте ‘не буду / не стоит рисковать’) иногда с трудом поддается ролевой идентификации. Так, в (28а) *из-за свиданий* = ‘ради свиданий’; а интерпретация (28б) основана на длинной цепочке метонимических переносов:

(28) а. Видеться мы с тобой и не будем, пока придет мой муж: р и с к о в а т ь *из-за свиданий* непростительно (Лесков. На ножах);

б. Недавно я на классном часе докладывала о политической обстановке в Гондурасе. Честно сказать, какое мне дело до Гондураса, а ему до меня, но Мария Ефремовна сказала, что аполитичных не будут переводить в девятый класс. Я подготовилась как миленькая и провела политинформацию. Буду я р и с к о в а т ь *из-за Гондураса* (УК).

Итак, у *рисковать* 2 участник Поступок не может быть в центре; акцент фиксирован на потенциальном Отрицательном последствии или потенциально утрачиваемой Ценности; и в этом значении *рисковать* относится к классу глаголов интерпретации поступка.

***рисковать* 3 ‘быть под угрозой’; диатеза ⟨Q-Центр, P-Периф⟩**

Значение *рисковать* 3 мотивировано значением *рисковать* 2 и является результатом деагентивации *рисковать* 2. В контексте, где центральный участник P является не поступком Y-а, а непроизвольно сложившейся ситуацией, значение интерпретации поступка переходит в значение оценки ситуации с точки зрения ее возможных последствий.

Лексема *рисковать* 3 не акциональная, как *рисковать* 1 и 2, а стативная: она оценивает — как чреватое отрицательным последствием — положение вещей, возникшее не по воле субъекта. Так что роль у участника, которого мы по-прежнему обозначаем как P, не Поступок, а Источник опасности. Грамматический субъект (Y) лексемы *рисковать* 3 не является Агенсом. Роль Y-а — субъект ущерба; его таксономический класс произвольный — а вовсе не обязательно лицо, свободно выбирающее свой поступок, как у *рисковать* 1 и 2. В толковании отсутствуют все компоненты, касающиеся внутреннего состояния Y-а: ‘Y понимает...’, ‘Y надеется...’, ‘Y готов...’.

Примеры.

(29) В этой легкой куртке [P] ты р и с к у е ш ь простудиться [Q].

(30) Он р и с к у е т остаться один [Q].

(31) Отвечая ей небрежно [P], ты р и с к у е ш ь потерять ее доверие (Q).

(32) Если [P] лингвистика окажется неподготовленной к новым условиям своего существования, она р и с к у е т утратить [Q] авторитет в смежных областях.

(33) Разумеется, я р и с к о в а л тем [Q], что Зильберович психанет и не возьмет меня, но риск, честно говоря, был в общем-то небольшой (Войнович).

Участник Р выражается непоследовательно: в (29) Р — *в этой легкой куртке*; в (30) и (33) Источник опасности не указан. В (34), (35) Р — это условие, выполнение которого порождает возможность Q, в (34) — [мы] *не поторопимся*, в (35) — *вы поторопитесь*:

(34) Мы *р и с к у е м* опоздать на семинар, *если* не поторопимся;

(35) *Если* вы поторопитесь, вы *р и с к у е т е* попасть к такому же Мельнику, от которого столь поспешно сбегаете (Маринина).

См. также пример (2) из раздела 5.2: отрицательные последствия поступка, скорее всего, не осознаются его субъектом.

Семантическая формула лексемы *рисковать* 3.

Активная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
Y	<i>Сб</i>	<i>Центр</i>	Субъект ущерба	ЛИЦО / ПРЕДМЕТ
P	деепр. / <i>если</i>	<i>Периф</i>	Источник опасности	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / СОСТОЯНИЕ Y-a
Q	инф. / твор.	<i>Центр</i>	Отрицательное последствие	СОБЫТИЕ: негативное

T-категория — состояние

Схематическое толкование —

0) Y делает P (по необходимости / неведению) или находится в состоянии P; т. е. имеет место P (Y) [пресуппозиция]

- 1) —
- 2) —
- 3) —
- 4) —
- 5) —
- 6) —
- 7) —
- 8) —
- 9) —

10) говорящий считает, что P (Y) может привести к Отрицательному последствию Q [ассерция]

Временная позиция Наблюдателя у *рисковать* 3 чаще всего синхронна ситуации P; но может быть и ретроспективной, как в примере (2) из раздела 5.2 (*Она рисковала* [быть убитой]); тогда отличие *рисковать* 3 от *рисковать* 2 только в агентивности P.

Инфинитив при *рисковать* 3 (*рискуешь надоесть*) выражает, как и при *рисковать* 2, Отрицательное последствие, а не Поступок, как при *рискнуть*; твор. падеж как средство выражения Q в контексте *рисковать* 3 не исключен (*рискует опозданием*), но менее естествен, особенно если твор. выражает Q, а не Z; примеры из МАС — **редактор рискует судом*, **рискую пожаром* — аномальны.

Субъектом сознания, констатирующим угрозу, т. е. наличие у данной текущей ситуации возможного Отрицательного последствия, является говорящий,

который совпадает с Y-ом только в случае субъекта в 1-м лице: *Я рискую опоздать на семинар*. Лексема *рисковать* 3 отличается от *рисковать* 2 временной позицией Наблюдателя— у *рисковать* 3 она обязательно синхронна Р. Поэтому как правило значение *рисковать* 3 фиксируется у глагола в наст. времени— форма прош. времени *рисковал* в (6) понимается в значении *рисковать* 2 и требует соответствующего оформления участников:

- (а) Я *рискую* опоздать (^{??}опозданием) на семинар [*рисковать* 3];
- (б) Я *рисковал* ([°]опоздать) опозданием на семинар [*рисковать* 2].

Деепричастие *рискую* обеспечивает устойчиво синхронную позицию Наблюдателя, независимо от времени главного глагола, и потому в (26) *рисковать* 3:

- (36) Матросы вынуждены были спускаться за борт под обстрелом, *рискую* сорваться в воду (МАС).

А с п е к т у а л ь н а я с е м а н т и к а. Значение *рисковать* 3 стативное, и отсутствие у него парного СВ закономерно (Падучева 1996: 127).

***рискнуть* 2** ‘подвергнуть опасности’; диатеза ⟨Q-Центр, Р-3/кдр⟩

Остается еще употребление *рискнуть*, при котором участник Q, Отрицательное последствие, занимает позицию в центре, выражается твор. падежом и вытесняет участника Р, Поступок, за кадр. Твор. падеж тут обозначает Ценность Z (потенциально утрачиваемую), т. е. принадлежность, но не неотъемлемую принадлежность Y-а:

- (37) Нет, я бы не рискнул своим *процессором*.
- (38) тот, кто рискнул бы для нас своим *состоянием* ⟨...⟩
- (39) Я рискнул *пятью рублями* и выиграл тысячу.
- (40) Банк в свое время рискнул значительной *частью* уставного капитала.
- (41) “Playboy” запускает новый Интернет-сайт для любителей *рисковать деньгами*.
- (42) Каким *объемом* средств вы желаете *рисковать* и сколько прибыли хотели бы получить?
- (43) хочешь *рисковать* и есть *чем* *рисковать*.

Пример (44), где твор. падеж обозначает не Ценность, а Отрицательное последствие, звучит не вполне по-русски:

- (44) для этого ⟨иногда⟩ приходится *р и с к н у т ь* даже и временным *ослаблением* коммуникационной линии (Тарле. Наполеон).

Употребление глагола *рискнуть* в диатезе ⟨Q-Центр, Р-3/кдр⟩ имеет маргинальный статус, поскольку создает внутреннюю коллизию: категория у глагола— действие, а участник Поступок в его диатезе находится за кадром и не может быть выражен. Чаще всего лексема *рискнуть* 2 употребляется в контексте денежного риска, см. примеры (38)–(43), так что Мотив— это выигрыш или прибыль, а Поступок сводится к тому, чтобы вложить деньги или, в широком смысле, поставить на кон.

Казалось бы, лексему *рискнуть* 2 можно трактовать как сов. вид от *рисковать* 2, поскольку она имеет диатезу, где в центре участник Q, Отрицательное последствие. Однако глагол сов. вида *рискнуть* не подчиняет деепричастие (**отдавая паспорт, я рискнул*), так что у *рискнуть* 2 Поступок даже не на периферии, как у *рисковать* 2, а за кадром. Вообще, в паре *рисковать* 2—*рискнуть* 2 видовое соотношение было бы семантически нестандартным, так

что более стройная система получается, если трактовать *рисковать* 2 как диатезу (косвенную) от *рисковать* 1.

Показательно, что *рисковать* 2 употребляется преимущественно в неактуальных контекстах — в инфинитиве, как в (41), или в сослагательном наклонении, как в (38). В этом случае Ценность, которая ставится под угрозу, даже может быть неотъемлемой принадлежностью; так, (45а), где неактуальный контекст, нормально, а сказать (45б) можно только в шутку:

(45) а. ради этого *можно рисковать* здоровьем; б. Я *рисковал* здоровьем и закурил.

Тематический класс у *рисковать* 2 тот же, что у *рисковать* 1.

В таблице ниже представлены значения глаголов *рисковать* — *рисковать* и их связи друг с другом.

Семантическая парадигма глаголов *рисковать* — *рисковать*

Категория глагола и Т-классы участников	Вид глагола и позиция Наблюдателя	Диатеза и тематический класс	Лексема
I. Действие; Р — поступок, У — лицо	СВ	⟨Р-Центр, Q-3/кдр⟩; выбор решения о действии	<i>рисковать</i> 1; НСВ трив. — <i>рисковать</i> 1
		⟨Q-Центр, Р-3/кдр⟩; выбор решения о действии	<i>рисковать</i> 2
	НСВ позиция Наблюдателя ретроспективная	⟨Q-Центр, Р-Периф⟩; интерпретация поступка	<i>рисковать</i> 2; парного СВ нет
		⟨Q-Центр, W-Периф⟩; интерпретация поступка	<i>рисковать</i> 2а
II. Статив; Р — ситуация, У — произ- вольный	НСВ позиция Наблюдателя синхронная / ретроспективная	⟨Q-Центр, Р-Периф⟩; оценка ситуации	<i>рисковать</i> 3; парного СВ нет

Как показывает таблица, различия (в сочетаемости, в интерпретации синтаксических позиций через роли участников и проч.) между разными употреблениями глаголов *рисковать* — *рисковать* можно представить как результат семантических сдвигов общего характера.

1) Категориальный сдвиг: акциональные значения *рисковать* 1, 2 отличаются от стативного *рисковать* 3 таксономической категорией.

2) Изменение тематического класса при переходе от *рисковать* 2 к *рисковать* 3, т.е. от интерпретации поступка к оценке положения вещей как чреватого отрицательным последствием, обусловлено изменением категории участника Р.

3) Временная позиция Наблюдателя отличает значение *рисковать* 2, с ретроспективным значением несов. вида, от *рисковать* 3, преимущественно син-

хронного, а также от *рискнуть* 1, 2, с позицией Наблюдателя, свойственной сов. виду.

4) Тематический класс противопоставляет лексему *рискнуть* 1 (тематический класс — принятие решения) лексеме *рисковать* 2 (тематический класс — интерпретация поступка). Существенно, что изменение тематического класса достигается в данном случае меной диатезы, а именно, удалением участника Поступок из центра на периферию.

Итак, мы вправе сделать вывод, что хотя система значений глаголов *рисковать* — *рискнуть* уникальна, все значения противопоставлены друг другу по признакам, которые многократно используются в других участках лексической системы языка.

5.4. Разбор примеров

Разбив слова *рисковать* — *рискнуть* на лексемы, мы можем теперь дать простые решения проблемам из раздела 5.1 (проблемы II и V были решены на месте, и мы к ним не возвращаемся).

ПРОБЛЕМА I. Различная интерпретация инфинитива в примере (2) из раздела 5.1 объясняется тем, что в (2а) лексема *рискнуть* 1, а в (2б) — *рисковать* 3: инфинитив при *рискнуть* 1 выражает Поступок, а при *рисковать* 3 — Отрицательное последствие.

Отсюда и “странная” зависимость между ролью, допустимой для инфинитива, и видом глагола: при глаголе СВ *рискнуть* 1 инфинитив Поступка возможен, см. (2а), а при глаголе НСВ *рисковать* 2 — нет, см. (2б). В принципе, глагол несов. вида *рисковать* сочетается с инфинитивом, но инфинитив при этом не обозначает намеренно совершаемого действия:

Он *рисковал* / *рискует* попасть за решетку.

Поэтому *рисковать* не сочетается с инфинитивом однозначно акционального глагола:

**рисковал* предложить, **рисковал* выглянуть.

Различная интерпретация деепричастия в примере (3) объясняется тем, что в (3а) лексема *рисковать* 2, а в примере (3б) — *рисковать* 3.

Участник Отрицательное последствие может иметь разные способы выражения только в контексте *рисковать* 3, как в примере (4); и это объясняет пример (5), с глаголом несов. вида. Твор. падеж мог бы выражать Отрицательное последствие в контексте *рискнуть* 2, но *приходом* в примере (5б) не подходит на эту роль по смыслу, и потому (5б) аномально.

ПРОБЛЕМА III. Субъекты оценки и интерпретации ситуации в примере (7) из раздела 5.1 разные, поскольку в (7а) лексема *рискнуть* 1, которая описывает ситуацию с участием Агенса, — он и является субъектом оценки и интерпретации; а в (7б) *рисковать* 3; субъект оценки говорящий: здесь вообще говорящий — это единственный участник, который обязательно является лицом.

ПРОБЛЕМА IV, аспектуальная семантика. В семантическом плане глагол НСВ *рисковать* нельзя считать ни исходным, ни производным от СВ, поскольку в паре *рисковать* 1 — *рискнуть* 1 исходный вид — совершенный, как у всех моментальных глаголов принятия решения (несов. вид имеет только

тривиальные значения), а у *рисковать* 2 исходный вид несовершенный, как у всех глаголов интерпретации.

При том, что СВ *рискнуть* и НСВ *рисковать* — глаголы разных тематических классов, толкования для разных видовых форм и контекстных вариантов, как мы видим, очень близки друг к другу. Дело в том, что разная принадлежность к тематическому классу — следствие изменения акцента (фокуса внимания); сдвиг акцента отражается в диатезе, т. е. в коммуникативных рангах участников. Если Р — сознательное, обдуманное действие, то акцент на поступке, и мы получаем глагол выбора решения. Если этап выбора поступка уходит из фокуса внимания, глагол меняет акцентировку компонентов и смысл.

ПРОБЛЕМА VI, корреляция между видом и диатезой. В разделе 5.1 было отмечено, что диатеза с участником Поступок в центре есть только у глагола сов. вида *рискнуть*; у лексем несом. вида *рисковать* 2, 3 в центре Отрицательное последствие. Теперь у нас есть ключ к пониманию природы этой корреляции между видом и диатезой у глагола *рисковать*: дело в том, что сов. и несом. вид глагола *рисковать* принадлежат (в своих нетривиальных значениях) к разным тематическим классам: сов. вид — к глаголам принятия решения, несом. вид — к глаголам интерпретации; естественно, что у глагола интерпретации в фокусе внимания находится участник Отрицательное последствие с оценочной семантикой.

Итак, мы показали, что разные варианты поверхностного поведения глагола *рискнуть* определяются значениями параметров, которые повторяются и во многих других словах; уникальной оказывается только их комбинация.

Предлагаемый анализ глагола *рисковать* проливает новый свет на механику метонимических сдвигов, понимаемых как смещение фокуса внимания. Сдвиг фокуса внимания может быть выражен словесным акцентом (ср. два противоположных смысла поговорки “что было, то было”: один закрепленный фразеологически: ‘от этого никуда не денешься’, а другой — ‘что было, то прошло’); изменением синтаксического ранга участника, т. е. меной диатезы: *заткнул щель наклей* vs. *заткнул деньги в щель* (см. гл. I.3); наконец, смещение фокуса внимания может само по себе быть семантической деривацией и менять тематический класс слова, что и демонстрируется глаголом *рисковать*. Все это разновидности единого феномена, который надо уметь опознавать в разных его проявлениях.

Глава 6

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

§ 1. К определению речевого действия

Класс глаголов речевого действия (speech act verbs) своим существованием во многом обязан теории речевых актов (speech act theory), совершившей свое победное шествие по философской логике и лингвистике в 70-е и 80-е годы прошедшего века. Попробуем сейчас охарактеризовать этот класс сугубо лингвистически.

В семантике многих глаголов выявляется, обычно в качестве сирконстанта, участник Способ⁴⁵:

(1) Мать убаюкивала ребенка *тихим пением*.

Иногда он выражается деепричастием, как в (2), иногда метонимически представлен инструментом, как в (3):

(2) Я успокоил ее, *объяснив*, в чем дело.

(3) Пришлось забивать гвоздь *топором* [= ‘используя топор’].

Глаголы речевого действия (или, в дословном переводе с английского, “речевого акта”) объединяются в единый класс именно за счет участника Способ: глаголы речевого действия — это глаголы, в которых Агенс достигает своей цели (для разных глаголов разной) говорением. Подчеркнем два момента.

1) Субъект у глаголов речевого действия обязательно Агенс: это глаголы в своем исходном значении акциональные. Так что речевые глаголы действия отличаются от речевых глаголов происшествия, типа *проговорился, заговорился*, таксономической категорией.

2) Речевые акты — это именно речевые действия, а не деятельности: действия имеют цель и заканчиваются, когда цель достигнута. Так что речевые действия отличаются от речевых деятельностей, типа *разговаривать, беседовать, болтать*. Это противопоставление тоже категориальное.

Итак, в определении глагола речевого действия используется два категориальных противопоставления, с которыми мы уже неоднократно встречались в других классах слов: действие — происшествие; действие — деятельность. Получаем простое — чуть ли не тавтологическое — определение: глаголы речевого действия обозначают действие, которое можно осуществить при помощи речи.

Глаголы речевого действия входят в более широкий класс глаголов речи, у которых тот же тематический компонент, но другая таксономическая категория и, следовательно, концептуальная структура. Скажем, глаголы *шептать, бормотать* можно отнести к глаголам речи, но не к глаголам речевого действия,

⁴⁵ Способ как компонент был выявлен прежде всего в семантике глаголов движения: *катиться, скользить* — это, в англоязычной терминологии, verbs of manner of motion, см. Pinker 1989, Levin, Song, Atkins 1997, Iwata 2002. Способ — приблизительно то же, что Прием; но, в отличие от Приема, может быть смысловым компонентом и у неакционального глагола.

поскольку у них акцент на способе произнесения, а не на цели говорения. Итак, предмет нашего рассмотрения — те глаголы речи, которые являются глаголами речевого действия.

Речевые действия — это единственный в своем роде тематический класс, в котором общность основана на способе действия: как правило, объединение глаголов в тематические классы основано на общности цели и, соответственно, результата; таковы глаголы деформации, присоединения (иначе — контакта с поверхностью), разрушения, создания и др. В случае глаголов создания разнообразии способов действия, приводящих к однотипному результату, особенно показательно, ср. *построить дом, написать стихотворение, выкопать яму*. У глаголов речевого действия, наоборот, способ действия одинаков; различны — цели.

Различие целей порождает деление речевых действий на подклассы, в соответствии с результатом речевого действия. Ниже мы приводим, с некоторыми изменениями, классификацию речевых действий (иначе — речевых актов) из Searle 1975:

— констативные речевые акты (ассертивы), в которых говорящий субъект берет на себя ответственность за истинность пропозиции; например, *утверждать, заключать*; к ним примыкают глаголы воздействия на ментальное или информационное состояние адресата: *сообщить, объяснить, убедить*; см. о различии между *сообщить* и *сказать* в Шатуновский 2001: 28 (*сказать*, в отличие от *сообщить*, не исключает того, что Адресат не воспринял сказанное как факт, см. гл. 3);

— обязательства (касающиеся будущего действия субъекта); например, *обещать, предлагать, угрожать; согласиться, отказаться*;

— экспрессивы, т. е. выражения говорящим своего психологического состояния: *благодарить, приветствовать, извиняться, поздравлять*;

— побуждения т. е. попытки воздействовать на волитивное состояние адресата и каузировать действие адресата; сюда относятся глаголы, выражающие просьбу, требование, приказ; совет, запрет / разрешение, угрозу, предупреждение; так, вопрос — это попытка каузировать речевое действие (ответ).

Остается разнородный остаток: *объявлять <войну, перерыв>, назначать <срок>* и другие.

На современном уровне развития семантики классификации играют ограниченную роль. В значении одного глагола может уживаться много разнородных компонентов. Например, *угрожать* обычно попадает в один класс с обязательствами (комиссивами), типа *обещать*, поскольку предполагает будущее действие Субъекта (*угрожал исключением*), но одновременно у *угрожать* много общего с глаголами побуждения, типа *требовать*, поскольку угрожая, человек хочет вынудить другого что-то сделать. Так что отнести глагол (даже в одном определенном значении) к одному классу речевых действий может быть затруднительно, см. Tsohatzidis 1993: 733.

Поскольку речевое действие имеет цель, глаголы речи обычно по крайней мере двутематичны: одна тема, общая, — речь, а другая может быть своя для каждого подкласса. Так, *объяснить*, глагол речи, относится также к глаголам воздействия на ментальное состояние и, следовательно, к ментальным; *назначить* — к глаголам речи и волитивным.

Речевой акт часто бывает встроен в тот или иной диалог⁴⁶. С этой точки зрения можно различить два типа глаголов речевого действия:

- 1) глаголы-реакции — такие как *согласиться, отказаться, ответить*;
- 2) глаголы-стимулы, напротив, предполагающие последующую реакцию адресата, — типа *спросить, предложить*.

В семантике глаголов-стимулов имеется так называемая “дальняя цель”, которая не может быть достигнута говорением. У такого глагола сов. вид, обозначая достижение ближней цели, всегда выражает одновременно попытку достичь дальнюю. Так, *спросить* — значит задать вопрос, гарантированно достигнув ближней цели, и, тем самым, попытаться получить ответ и достичь дальней. Есть глаголы, которые не принадлежат ни к одному из двух классов — ни к стимулам, ни к реакциям; например, нет обязательной встроенности в диалог у *предупредить*.

Глагол *обещать* может быть отнесен к реакциям: “Как правило, обещанию предшествует просьба” (Typically, promises follow requests, Wierzbicka 1987: 206); это дает основание А. Вежбицкой включить в толкование глагола *promise* ‘обещать’ компонент ‘Я знаю, что ты этого хочешь’. Показателен отрывок из Ходасевич 2001, где В. Ф. Ходасевич описывает свой диалог с М. Гершензоном:

- Вот какой вы народ, поэты: мы о вас пишем, а нет того, чтобы кто-нибудь написал стихи об нас, об историках.
- Погодите, Михаил Осипович, вот я напишу о вас. (...)
- Я потом всегда помнил свое обещание.

§ 2. Перформативы и квазиперформативы

Как известно, теория речевых актов началась с обнаружения перформативов: Джон Остин (Austin 1962) обратил внимание на то, что существует большой класс глаголов, употребление которых в высказывании равносильно осуществлению соответствующего действия, так что высказывание, будучи по форме индикативным, оказывается ни истинным, ни ложным (см. о перформативах Бенвенист 1974: 299; обзор литературы о речевых актах — например, в Падучева 1985: 19–29; современное состояние лингвистического изучения речевых актов отражено в Wierzbicka 1991, Vanderveken, Kubo 2001).

Перформативность — важное свойство, которое многими нетривиальными способами отражается в языковом поведении глагола. Поэтому возникает вопрос, выводима ли возможность перформативного употребления глагола из его толкования.

Анна Вежбицкая пишет: “на данном этапе я не могу предложить общего правила, которое предсказывало бы, какие глаголы могут, а какие не могут иметь перформативное употребление” (Wierzbicka 1987: 179). В описании глагола *threaten* ‘угрожать’ она указывает, однако, формальный признак толкования, который препятствует перформативности: не могут быть перформативными глаголы, которые выражают свою иллокутивную цель косвенным

⁴⁶ Так, в Chojak 1991 глаголы *отказаться* и *согласиться* рассматриваются как реплики микродиалога между (подразумеваемым) говорящим и его Адресатом — субъектом данного глагола.

образом — в том смысле, что иллокутивное намерение говорящего не совпадает с диктумом, т. е. пропозициональным содержанием высказывания. Согласно анализу Вежбицкой, человек, который *угрожает*, говорит: “Я сделаю Тебе нечто плохое (если Ты не совершишь действия D)”, а имеет в виду *з а с т а в и т ь* Тебя сделать нежелательное для Тебя D. В этом смысле иллокутивное намерение говорящего не совпадает с пропозициональным содержанием того, что он говорит. К вопросу о том, является ли условие ‘если Ты не сделаешь D’ компонентом, хотя бы и факультативным, глагола *угрожать*, мы вернемся в § 4.

Итак, по Вежбицкой, у перформативного глагола цель должна совпадать с диктумом. Поэтому, например, не является перформативным глагол *убедить* — диктум не специфицирован в толковании вообще: что *г о в о р и т* убеждающий, из смысла глагола *убедить* узнать нельзя. Намеренное несовпадение диктума и цели — у глагола *намекать*: его перформативное употребление означало бы, по Вендлеру, иллокутивное самоубийство, поскольку цель намекающего состоит именно в том, чтобы довести некоторую идею до Адресата неявно.

Можно предложить и другие семантические критерии перформативности. Глаголы речевого действия делятся на два класса. Одни обозначают действие, цель которого *д о с т и г а е т с я* произнесением слов, а у других произнесение означает лишь *п о п ы т к у* достичь цели, ср. Goddard 1998: 137. Перформативные глаголы — это такие, у которых цель, фиксированная в семантике данного глагола (т. е. иллокутивное намерение), гарантированным образом достигается произнесением этого глагола (в определенной грамматической форме, в определенных условиях и т. д., ср. понятие гарантированной каузации в Падучева 1994). Ясно, что глагол не может быть перформативным, если он выражает всего лишь попытку⁴⁷.

Если, например, речевое действие предполагает переход Адресата в новое внутреннее состояние — ментальное или волитивное, — глагол не может быть перформативным: воздействие на мнение или волю другого не достигается одним лишь произнесением слов. Поэтому не относятся к перформативам глаголы *одернуть*, *оборвать*, *осадить*, *срезать*. Глагол *уверить*, в отличие от *убедить*, не предполагает *у с п е ш н о г о* воздействия на ментальное состояние Адресата, он всего лишь выражает веру самого говорящего; так что неудивительно, что он перформативный: сказав *Уверяю вас!*, я тем самым уверил. Между тем информационное состояние другого можно изменить словами, отсюда перформативность *сообщить*. Заведомо можно изменить словами свое собственное внутреннее состояние, как это бывает при произнесении обязательства; поэтому *обещать* — типичный перформатив.

Глагол не может иметь перформативного употребления, если у него нет парного СВ, в котором выражена иллокутивная цель: только СВ описывает речевое действие полностью. Этого достаточно для объяснения различия между *возражать* и *перечить*; между *хвалить* и *восхвалять* (эти пары глаголов сопоставляются в Апресян 1986б): *перечить* и *восхвалять* не допускают перформативного употребления, поскольку их семантика не включает обозначения

⁴⁷ В НОСС 2000 *пытаться* определено как ‘прилагать усилия к тому, чтобы сделать Р, не зная, приведут ли эти усилия к нужному результату’.

предела; они семантически обоснованно не имеют парного сов. вида. Между тем, сказав *Возражаю!*, я возразил, сказав *Хвалю!*, похвалил.

Глагол *говорить*, в соответствии с толкованием из Зализняк 1991а, означает ‘произносить текст, несущий смысл’. Это деятельность, с помощью которой говорящий осуществляет свою иллокутивную цель, всегда отличную от простого произнесения слов. Попадая в перформативный контекст, этот глагол наращивает смысловые обертоны: *Я говорю, что...* ≈ ‘повторяю’; *Говорю тебе, что...* ≈ ‘уверяю’. Не то что он не перформативный; скорее дело в том, что при перформативном употреблении он меняет смысл.

Аналогично с глаголом *спрашивать*. Чтобы просто задать вопрос, достаточно произнести вопросительное предложение; поэтому *спрашиваю* в (1) означает нечто вроде ‘настойчиво спрашиваю’ или ‘спрашиваю еще раз’:

(1) *Я спрашиваю*, хотите ли вы чаю.

В работе Кустова, Падучева 1994б было введено понятие квазиперформатив. Это употребление перформативного глагола в 3-м лице, когда говорящий выступает в роли посредника при передаче сообщения его Адресату:

(2) Хозяин *просит* дорогих гостей послушать пастораль “Искренность пастушки”.

В отрывке из главы 23 “Мастера и Маргариты”, *прощают* — квазиперформатив:

(3) Тебя *прощают*. Не будут больше подавать платок.

Подразумеваемый субъект глагола *прощать* не говорящий, т. е. не Маргарита (не она и подавала платок); она, несмотря на все наущения Воланда, рассматривает себя только как посредника между Воландом и Фридой. Об особом значении форм вида и времени у перформативного глагола см. Падучева 1996: 161.

§ 3. Глаголы речевого действия и теория речевых актов

Глаголы речевого действия многим обязаны книге Austin 1962 и многочисленным продолжателям Остина, в первую очередь Джону Серлю (Searle 1969).

Серль описывал основные типы речевых актов через условия успешности, как бы забыв о главном открытии Дж. Остина — о том, что многие речевые акты могут быть осуществлены произнесением перформативного глагола. Ведь если речевому акту соответствует глагол, то чтобы описать речевой акт, достаточно дать толкование соответствующему глаголу. И условия успешности речевого акта — не что иное, как компоненты толкования. Как сказано в Wierzbicka 1991: 202, “разложить слово *order* ‘приказать’ на его семантические компоненты — это то же, что проанализировать иллокутивную силу речевого акта *приказа*”. То же верно и для других речевых актов, выражаемых глаголами речевого действия.

Сейчас лингвистическая семантика оставила теорию речевых актов далеко позади. С одной стороны, было выяснено, что описание речевого акта, для которого есть глагол, сводится к описанию смысла соответствующего глагола, и лингвистика располагает для этого гораздо более изощренными средствами, чем философская логика, см. описание глаголов речи в Wierzbicka 1987

(на английском материале); в Гловинская 1993а (на русском) и в ряде других работ. С другой стороны, — и в этом главный стимул, воспринятый лингвистикой от теории речевых актов, — говорящие могут выражать свои иллокутивные намерения не только глаголами. Понятие речевого акта, как показала Анна Вежбицкая, гораздо важнее в тех случаях, когда глагола для выражения соответствующего иллокутивного намерения нет. См. примеры (1), (2):

- (1) а. Вы *посмотрите* мои картины? б. Вы *не посмотрите* мои картины?
 (2) а. Ты *не знаешь*, зачем он приходил? б. Ты *знаешь*, зачем он приходил?

Носитель русского языка понимает, что (1а) выражает вопрос, а (1б) — нечто вроде мягкого предложения; что (2а) — не вопрос о знании, а желание узнать; что (2б), скорее всего, выражает намерение говорящего сообщить ответ. Все это речевые намерения, и язык позволяет выражать весьма тонкие речевые намерения, не сводимые к смыслу того или иного глагола.

В Wierzbicka 1987 сравниваются компоненты толкования глагола *promise* ‘обещать’ с условиями успешности по Searle 1969. Для каждого условия Серля есть компонент толкования соответствующего глагола, и при расхождении преимущество всегда на стороне толкования. Например, ‘Адресат хочет, чтобы X имело место’ (Wierzbicka 1987: 205) — более сильный и одновременно более верный компонент значения англ. *promise* ‘обещать’, чем серлевское ‘Адресат предпочитает, чтобы X имело место, чем чтобы не имело’. У Серля в толкование *promise* входит слово *обязательство*, которое сопоставимо по сложности с самим *обещать*, а Вежбицкая элиминирует понятие обязательства, сводя его к более очевидным семантическим примитивам.

Для важнейших понятий теории речевых актов сейчас найдены лингвистические аналоги. Так, иллокутивная сила высказывания — это цель говорящего, когда она достигнута. Условие успешности речевого акта — это компонент в семантическом разложении соответствующего глагола; семантические источники перформативности, скорее всего, тоже со временем будут выявлены.

Тем не менее, о том вкладе, который теория речевых актов внесла в изучение глаголов речи, нельзя забывать. Так, понятие иллокутивной функции поставило на четкую основу традиционную классификацию предложений “по цели высказывания”, именно типы речевых актов (или, как мы сейчас скажем, глаголов речевого действия), описанные в Searle 1969, позволили выявить закономерности употребления несов. вида в императиве, см. Падучева 1996: 66. Понятие перлокутивного глагола используется при описания видовой парности, см. Гловинская 1993а. Не говоря о том, что перформативность как отсутствие истинностного значения объясняет, почему условия успешности, по Остину, заменяют перформативам условия истинности.

§ 4. О структуре толкования глагола речевого действия. Примеры толкований

Глаголы речевого действия образуют полноценный тематический класс — со своим набором участников, схемой толкования и моделями регулярной многозначности.

В Гловинская 1993а глаголы речи толкуются в наст. времени несов. вида (как бы в наст. историческом) — как если бы все компоненты толкования описывали состояния и действия, которые имеют место одновременно. Форматы толкования глагола в системе “Лексикограф” развивают идею сценария по Вежбицкой, см. также Goddard 1998. Толкование-сценарий отражает развитие ситуации во времени, т. е. в явном виде представляет временную последовательность событий в той маленькой драме, которую составляет семантика глагола речи.

Структура толкования глагола речи в системе “Лексикограф” отлична от той, которая принята в Wierzbicka 1987, где мотивировка речевого действия отнесена в конец толкования. Дело в том, что мотивировка хронологически предшествует действию, так что ее законное положение — начальное. Например, в семантике глагола *отказаться* волитивное состояние субъекта (т. е. то, что он не хотел делать D) мотивирует его речевое действие — то, что он об этом сказал.

Главные участники речевой ситуации — Агенс-говорящий; Адресат; Содержание. У глагола побуждения, такого как *предлагать*, Адресат речевого акта и исполнитель действия могут быть одним и тем же лицом. У глаголов-реакций, типа *отказаться*, есть Контрагент, т. е. второй, теневой Агенс. Показательно, что Адресат у них часто за кадром: **отказаться кому*.

В Wierzbicka 1987 толкования глаголов речи даются от 1-го лица, т. е. сентенциальная форма, которая толкуется, — это, например, не X *обещает* Y-у, а Я *обещаю* Тебе. При всей привлекательности этой идеи, она вызывает ряд серьезных возражений.

Рассмотрим, например, глагол *согласиться*. Смысл этого глагола (в его главных значениях) предполагает предложение. В простом случае предложение исходит от некоторого лица, и с точки зрения предлагающего лица Я (субъект) ситуации согласия, это не Я, а Ты. Сценарий включает два речевых акта, в которых участники Я и Ты меняются ролями, так что эти обозначения нельзя использовать для их идентификации.

Далее, есть речевые акты (такие как *ябедничать*, *доносить*), в семантику которых входит Субъект сознания — носитель отрицательной оценки; и его, а не субъекта речи естественно отождествлять с говорящим, ср. Булыгина, Шмелев 1997: 406.

Есть глаголы типа *намекать*: человек, который намекает, выражает свою мысль неявно или неполно, в расчете на то, что Адресат сам догадается, что имеется в виду; так что в семантике намека по существу присутствует участник, который является Адресатом речи в одних компонентах и ее субъектом — в других.

У *хвастаться* компонент ‘X хочет показать, что он лучше других’, возможно, тоже возникает в ходе интерпретации высказывания Адресатом, так что Агенсом (X) в этом компоненте будет Ты или Он, а вовсе не Я.

Короче говоря, семантика глагола речевого действия часто предполагает не одну, а несколько речевых ситуаций, в которых говорящий и адресат меняются ролями. Так что надежнее использовать в толковании глаголов речи переменные — как и в других тематических классах.

Ниже даны толкования значений нескольких глаголов речевого действия, для *отказаться* — в форматах системы “Лексикограф”, для *подтвердить*, *угрожать*, *грозить* — в упрощенных формулировках.

отказаться 1.1 (как в *отказаться от предложения*)

Легенда — исходная лексема парадигмы

Аквантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
X	Сб	<i>Центр</i>	Агенс	лицо
D	инф. / компл.	<i>Периф</i>	Содержание	СИТУАЦИЯ: с участием X-а: будущая; конкретно-референтная
K	∅	<i>3/кдр</i>	Контрагент	лицо

T-категория — действие: моментальное

Схематическое толкование —

- 0) *экспозиция* — в $t < \text{МН}$ лицо K предложило X-у совершить D [презумпция]
- 1) *волитивное состояние* — X не хочет совершать D [фон]
- 2) —
- 3) поэтому
- 4) *категориальный компонент* — X сделал нечто [ассерция]
- 5) : сказал лицу K: X не имеет намерения совершить P
- 6) *каузация* — это вызвало [импликация]
- 7) —
- 8) *результат* — K (и другие люди) знает: X не имеет намерения совершить D [импликация]
- 9) тем самым X вправе не совершать D
- 10) *инференция* — X не совершит D

Тема — речь

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ — *отказываться* 1 [перф.]

П р и м е р ы.

- Я *отказался* от ее предложения;
Он *отказался* идти со мной на концерт;
Иван *отказался* от путевки и теперь жалеет.

К о м м е н т а р и и.

1. Действие лица K может специфицироваться как *угостить*, *дать / предложить* нечто; тогда D пополняется соответственно: *отказался от мороженого* = ‘отказался есть мороженое’.

2. Сочетание *не откажусь* понимается как литота (understatement), т. е. в значении ‘приму с удовольствием’.

3. Условие на D сформулировано как конкретно-референтная ситуация, относящаяся к будущему. Такое сочетание референциальных показателей наводит на размышления: будущее событие пока не имеет места, так что возникает презумпция единственности без существования. Важно, однако, что если X отказался от прогулки, это значит от одной прогулки — той, которая была предложена и относилась к конкретному временному моменту, — а не от прогулок вообще.

4. Примечательно, что в ситуации отказа участник K(онтрагент) принципиально лишен синтаксической позиции при глаголе: не может быть выражен как подчиненный глаголу синтаксический актант. Возможно, эта позиция пала

жертвой декаузативации: глагол *отказать*, мотивирующий возвратное *отказаться*, не управляет аккузативом; но какая-то позиция должна же была при образовании возвратного глагола утратиться! Возможно, это был Датив: *отказал* ⟨кому⟩.

5. Существенно, что *отказаться* — действие-реакция. Толкование принимает во внимание это свойство глаголов следующим образом: у всех глаголов-реакций в экспозицию входит действие другого лица; именно оно мотивирует категориальный компонент ‘X сделал нечто’.

6. В Chojak 1991 выявляется отличие *отказаться* от *не согласиться*, состоящее в том, что в случае *отказаться* К п р е д п о л а г а л согласие субъекта, тогда как у *не согласиться* именно согласие находится в центре внимания и не может предполагаться заранее. Этот момент не отражен в толковании. Скорее всего, ориентация на согласие вытекает из смысла глагола *предложить* (см. экспозицию): предлагающий может предполагать согласие Адресата, поскольку если считать, что он соблюдает условие искренности, то действует в его интересах.

отказаться 1.2 (как в *отказаться выполнить требование*)

Легенда — дериват 1.1

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
Р	инф.	<i>Периф</i>	Требование	ДЕЙСТВИЕ: будущее: конкретно-референтное
К	∅	<i>З/кдр</i>	Субъект требования	ЛИЦО: имеет полномочия

T-категория — действие: абстрактное

Схематическое толкование —

- 0) *экспозиция* — К требовал, чтобы X совершил D / X должен был совершить D в силу социальных установлений [презумпция]
- 1) *волитивное состояние* — X не может не совершать P / может не совершать P только с согласия К
- 2) X не хотел совершать P
- 3) поэтому
- 4) *деятельность* — X действовал [ассерция]
- 5) : сказал К, что не будет совершать P
- 6) *каузация* — это вызвало [импликация]
- 7) —
- 8) *цель / результат* — началось и имеет место состояние: информационное: К знает, что X не будет совершать P [импликация]
- 9) —
- 10) *инференция* — возможны отрицательные последствия для X-а

Тема — речь; конфликт

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ — *отказываться* 2 [перф.]

Пример.

Солдаты *отказались* стрелять в рабочих.

Комментарии.

1. Семантика лексемы *отказаться* 1.2 фиксирует ситуацию конфликта желаний. При значении 1.1 X-у достаточно только сказать, чтобы уже не быть обязанным делать то, что он не хочет. В контексте *отказаться* 1.2 X поставил

К в известность о том, что не хочет, но не перестал быть обязанным делать Р: Компонент экспозиция — ‘К потребовал, чтобы X совершил D/X должен был совершить D’ — презумптивный. Поэтому субъект не имеет права на выбор (Goddard 1998): отказ грозит ему отрицательными последствиями. Компонент 10, «отрицательные последствия», обосновывается примером:

Кроме того, по данным следствия, Буданов и его подчиненный, начальник штаба 160-го танкового полка подполковник Иван Федоров, приказали командиру разведроты Багрееву начать обстрел дома в селе Танги, который, по данным разведки, был нежилым и использовался боевиками как наблюдательный пункт. При этом Федоров потребовал открыть огонь на поражение. Старший лейтенант Багреев *отказался* выполнять приказ, за что Буданов и Федоров избили его и посадили в яму (Из Интернета).

2. В ситуации отказа от наследства нет Контрагента: предложение получить нечто поступает X-у в силу определенных социальных установлений. В экспозицию входит компонент ‘X должен был совершить D’, но отказ в этом случае не влечет санкций.

3. Выделяемые нами два значения *отказаться* — 1.1 (от предложения) и 1.2 (от требования) — не различаются ни в словарях, ни в Wierzbicka 1987. Между тем это различие существенно — оно начинается в экспозиции и кончается в инференции. Требование не предполагает отказа, так что отказ выполнить требование влечет отрицательные последствия. Между тем отказ от предложения ничем не грозит X-у; предложение — это ненавязчивое побуждение: К создает для X-а возможность (подумать, не сделать ли D), которую X отвергает.

отказаться 2 (как в *отказаться продолжать*)

Легенда — дериват 1.1

Актантная структура —

Имя	Синтаксис	Ранг	Роль	Таксономия
X	Сб	Центр	Агенс	ЛИЦО
Р	от + Род	Периф	Деятельность	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

T-категория — действие: моментальное

Схематическое толкование —

- 0) экспозиция — на интервале до t X совершал D [презумпция]
- 1) *волитивное состояние* — X не имеет намерения продолжать совершать D [импликация]
- 2) —
- 3) это мотивировало
- 4) *категориальный компонент* — X сделал нечто [ассерция]
- 5) : принял решение
- 6) *каузация* — это вызвало [импликация]
- 7) —
- 8) *результат* — X не имеет намерения продолжать совершать D [импликация]
- 9) —
- 10) *следствие* — X не будет совершать D [импликация]

Тема — фазовый глагол

Аспектуальная характеристика — СВ; парный НСВ — *отказываться 2* [перф.]

Пример.

Посещения стали реже, а потом я вынужден был вообще от них *отказаться*.

Комментарии.

1. Лексема *отказаться* 2 не обозначает речевого действия. Это фазовый глагол: *отказался от посещений* \approx 'перестал посещать'.

2. Фраза *Я отказался от ее услуг* неоднозначна: 1) 'от предложения', *отказаться* 1.1; 2) 'продолжать принимать ее услуги', *отказаться* 2.

Обратимся теперь к глаголу *подтвердить*.

подтвердить 1; X *подтвердил* P = 'Y сомневался в том, что P; X сказал Y-у (в высказывании Z), что P'. Например:

Там в присутствии всех, кого он желал видеть, прокуратор торжественно и сухо *подтвердил*, что он утверждает смертный приговор Иешуа Га-Ноцири (ММ).

T-категория у *подтвердить* 1 — действие, тематический класс — речь; в исходном употреблении — звучащая речь, но при естественном, т. е. регулярном, расширении значения (meaning extension) может быть и письменная.

Участник X, в прототипическом случае, лицо. Если X — организация (*министерство подтвердило*), то это уже категориальный сдвиг: дело не только в том, что организация порождает письменный текст, а не звучащую речь, но и в том, что за речевым действием стоят другие подготовительные условия.

Участник Z — это речевое произведение (текст, информационный документ), ср. *В этом интервью президент Буш подтвердил свою верность идеалам демократии*.

Участник P — это либо ситуация (*подтвердил, что знает; подтвердил существование*); тогда *подтвердил, что P* = 'подтвердил, что P имеет место'; либо информация / мнение (*подтвердил сведение, мнение, догадку, прогноз, подозрение, предположение, слух*); тогда *подтвердил, что P* = 'подтвердил, что P верно'. Подтвердить можно, кроме того, решение (обычно свое собственное, но не обязательно), намерение, распоряжение, приказ; тогда *подтвердил, что P* = 'подтвердил, что P остается в силе'.

Капитан *подтвердил* приказ рано утром выйти в море;

Николай еще раз *подтвердил* свое распоряжение Воронцову (...) усиленно тревожить Чечню (П.);

Высшее учреждение *подтвердило* незаконное решение низшего;

После собрания кто-то сострил, что пока не разошлись, надо собрать новое собрание, чтобы *подтвердить* решение этого собрания (Войнович).

При этом антонимы *подтвердить* в разных случаях разные: *опровергнуть* можно слухи (и доводы, аргументы, см. *подтвердить* 2.1), но не свое решение, которое можно только *отменить*. Интересно, что *подтверждать* допускает перформативное употребление, а *опровергнуть* — нет: чтобы опровергнуть, надо сказать не *Опровергаю* (...), а *Заявляю, что не* (...).

Как правило, P — это ситуация, о которой, в той или иной модальности, уже шла речь: подтверждение является реакцией на выраженное или не выраженное сомнение Адресата / Аудитории Y в истинности P. Этим *подтвердить* отличается от *сообщить*.

Интересно, чем отличается *подтвердить* от *согласиться*. В ситуации *согласиться*, как и *отказаться*, приоритет имеет Адресат. Между тем *подтвердить* отдает приоритет говорящему как обладателю истины, ср. Шатуновский 2001: 48. Авторитетность подтверждающего видна в примерах:

Он не пользовался самоструйным пером — верное указание (как *подтвердит* вам всякий психиатр), что пациент — репрессивный ундинист (Н.);

Вот тут находится молодой студент, он изучил предмет и, думаю, *подтвердит* мое мнение (Н.).

Особое значение возникает у *подтвердить* в специфическом контексте судебного разбирательства:

— Ах ты негодяй! — задыхаясь, крикнула Варя. — Доносчик, вот ты кем оказался. Только попробуй! Ничего ты Софье Александровне не сделаешь, запомни это! Скажешь о ней хоть слово, я *подтвержу*, что не она, а ты все это говорил, ты, понимаешь, ты! (Рыбаков)

Если Р — мнение, оно не обязательно должно быть высказано; достаточно, чтобы Р подразумевалось присутствующими как вероятная возможность — таково, например, мнение о бессмертии души в примере:

(...) мне в моем углу становилось восхитительно весело и легко, словно Бог *подтвердил* мне бессмертие души или гений похвалил мои книги (Н.).

Значение глагола *подтвердить* однозначно идентифицируется как речевое в контексте, где есть дательный Адресата:

Всякий душеврачитель, как и всякий растлитель, *подтвердит* в а м, что пределы и правила этих детских игр расплывчаты (Н.);

Когда ф и л о с о ф у *подтвердили* настойчивое желание Остапа, черноглазый старец заволновался (И. и П.).

Обстоятельства места, времени, способа действия тоже идентифицируют значение *подтвердить* как речевое:

Свидетели, очные ставки! Какая невидаль! Свидетель любую чепуху подтвердить может! Я вот сейчас скажу своим ребятам. И они *где хочешь* подтвердят, что никакого Турецкого в расположении части не было (Незнанский);

(...) он прервал свой рассказ, спросив у меня: “А его книга действительно называлась „Камнем“?” Ему было приятно, *когда* я подтвердила, потому что он лишний раз на этом проверил свою память (НМ).

Лексема *подтвердить* I может вводить прямую речь:

— (...) они вам, чего доброго, второй обыск устроят.

— Может быть, очень может быть, — *подтвердил* высокий специалист Николка (Булгаков).

Итак, все контексты употребления *подтвердить* I объединяются тем, что для подтверждения Агенту достаточно совершить речевое действие.

***подтвердить* 1a** — производная диатеза от *подтвердить* I; участник Речевое произведение (Z) переходит в позицию субъекта; участник Агенса уходит за кадр:

Ее рассказ подтвердил мою версию событий ⇐

Она подтвердила мою версию событий *в своем рассказе*;

(...) *письмо* подтвердило, что Аня и Костя будут завтра, с вечерним поездом (Б.).

***подтверждать* 1a** — несов. вид в значении диспозиции от *подтвердить* 1a:

— А то ведь дело в том, что этот человек на лестнице... Вот когда мы проходили с Азазелло... И другой у подъезда... Я думаю, что он наблюдал за вашей квартирой...

— Верно, верно! — кричал Коровьев, — верно, дорогая Маргарита Николаевна! Вы *подтверждаете* мои подозрения. Да, он наблюдал за квартирой (ММ).

В этом примере *подтверждать* не обозначает речевого действия; подтверждение подозрений Коровьева не составляет прямой цели рассказа Маргариты: *вы подтверждаете* = ‘то, что вы говорите, подтверждает’.

подтвердить 2.1 означает ‘У сомневался в том, что Р; X получил новую информацию Z, которая является аргументом в пользу Р; в результате У теперь не сомневается (или в меньшей степени сомневается) в том, что Р имеет место’.

Здесь участник X по-прежнему лицо; Z — информация, из которой следует, что Р, или факт, так или иначе связанный с тем, что Р имеет место, т. е. аргумент. Участник У обычно за кадром (и не исключено, что X и У — одно и то же лицо):

И только надежду надо таить, что когда-нибудь *подтвердят* документами [Z] рассказ моего живого свидетеля (С.);

Мне стало известно из надежных источников, что за Вашей спиной группа каких-то лиц из СД налаживает контакты с врагом, зондируя почву для сделки с противником. Я не могу строго документально [Z] *подтвердить* эти сведения, но я прошу Вас принять меня и выслушать мои предложения по этому вопросу (Ю. Семенов).

Участник Z может быть выражен косвенно; так, *подтвердил экспериментально* = ‘экспериментом’.

При переходе от *подтвердить* 1 к *подтвердить* 2 меняется тематический класс: *подтвердить* 2 — это ментальное действие.

подтвердить 2.1a — производная диатеза от *подтвердить* 2.1: участник Z переходит в позицию субъекта (сдвиг “подъем Приема”). Примеры:

жизнь его была безукоризненна, новая проверка *подтвердила* этот неожиданный факт [*проверка* = ‘сведения, полученные в результате проверки’]; показания Джона косвенно *подтвердили* вину Билла; медицинское заключение не *подтвердило* его подозрений.

подтверждать 2.1a — НСВ в значении диспозиции от *подтвердить* 2.1a:

— Подтверждается только то, что вы были пьяны, — сказал он. — Медэкспертиза не *подтверждает*, что вы были избиты (Струг.).

подтвердить 2.2, деагентив от *подтвердить* 2.1, значит ‘У сомневался в том, что Р; факт X, ставши известным У-у, стал аргументом в пользу Р; в результате У теперь не сомневается (или в меньшей степени сомневается) в том, что Р’.

Здесь X не лицо, как в *подтвердить* 2.1, а факт, и по общему правилу (см. гл. 2 § 5.4) У, в контексте неагентивного каузатора, уходит за кадр, т. е. переходит в Наблюдатели (Эксперимент в дативе возможен только в контексте Каузатора — лица, т. е. Агенса):

не находил ничего, *что* [X] могло бы подтвердить или опровергнуть роковой слух (Тург.);

(...) *поспешное выступление* Билова подтвердило справедливые слухи (П.);

Дальнейшее подтвердило мои предположения (Аксенов);

Немедленно разыскал он *медицинское заключение* и, не обнаружив в нем ровно ничего такого, что подтвердило бы его подозрения, казавшиеся такими естественными, потребовал разрешения обратиться ко мне (Струг.).

Лексема *подтвердить* 2.2 отличается от *подтвердить* 2.1a тем, что X — просто факт, а не результат деятельности субъекта.

подтверждать 2.2 — НСВ в значении диспозиции от *подтвердить* 2.2:

Гнусная слякоть под ногами, мутный свет, *заплеванные стены* подтверждали и поддерживали это ощущение (Струг.).

В примере (1) *подтверждать* — НСВ многократное от *подтвердить* 2.2:

- (1) ⟨...⟩ *всякий новый день* все страшнее подтверждал, что она для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдает кому-то другому себя и свою любовь (Б.) [*день* = ‘события дня’, см. гл. II.2].

подтвердить 2.2a — производная диатеза от *подтвердить* 2.2, результат экстрапонирувания Обладаемого (т. е. расщепления в субъекте):

- (2) а. *Отсутствием* на собрании он подтвердил плохое мнение о себе ⇐
 б. *Его отсутствие* на собрании подтвердило [подтвердить 2.2] плохое мнение о нем.

подтвердить 3 = ‘X имел атрибут P; Y сомневался, что это так; X совершил поступок Z, который дал возможность Y-у по-прежнему признавать, что X имеет P’:

подтвердил *мандат*;

подтвердил свое *право* называть принцев прямо по имени;

Максим подтвердил мастерский *результат* и занял 2-е место;

подтверждать 3 — НСВ от *подтвердить* 3:

А прикажу я вам идти ⟨...⟩ не из чувства долга перед Городом или, упаси бог, перед Гейгером, а потому, что у меня есть власть, и эту *власть* я должен постоянно п о д т в е р ж д а т ь — и перед вами, паскудниками, п о д т в е р ж д а т ь, и перед собой (Струг.).

В значении 3, где субъект — Агенс, участник Y выходит на поверхность: *и перед вами... и перед собой*. Тематический класс у *подтвердить* 2.1–2.2a — ментальное действие. А *подтвердить* 3 обозначает действие, которое X осуществил в реальном мире (его конечной целью является воздействие на ментальное состояние другого лица). Но глагол абстрактный — интерпретация (см. гл. 5, § 5): что именно было сделано X-ом для подтверждения своего атрибута P, нам неизвестно.

Показательно, что лексема *подтверждать* 1 допускает перформативное употребление, а *подтверждать* 2 и 3 — нет.

Перейдем теперь к глаголу *угрожать*. У него два речевых значения: *угрожать* 1.1 — побуждение, *угрожать* 1.2 — возмездительное действие, в ситуации, когда Адресат угрозы сделал нечто нежелательное и угрожающий уведомляет о своем намерении совершить возмездительное действие. Кроме того, у *угрожать* два неречевых значения: *угрожать* 2 = ‘X может быть причиной плохого для Y-а’ и *угрожать* 2a = ‘с Y-ом может произойти плохое Z’.

угрожать 1.1; X угрожает Y-у Z-ом, если Y не сделает D =

до MP X хотел, чтобы Y сделал D;

Y не хотел делать D;

тогда X сказал Y-у, что сделает Z, плохое для Y-а;

X сказал это потому, что хотел, чтобы Y испугался и по этой причине сделал бы D;

в MP Y находится в состоянии, когда он знает, что X намерен сделать Z

Примеры.

Разбойник [X] объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров [Y] увещевал не сопротивляться [D], *угрожая* казнию [Z] в противном случае (П.);

угрожал спустить [Z] на меня собак, если я не изменю [D] своего решения;

Кремль [X] *угрожает* закрыть [Z] московское отделение радио “Свобода”.

угрожать 1.2; X *угрожает* Y-у Z-ом (за D) =

до MP Y сделал / делает D

D нежелательно для X-а

X сказал Y-у, что сделает Z, плохое для Y-а

X сказал это потому, что хотел возместить (себе) нанесенный ущерб (т. е. наказать или отомстить)

в MP имеет место состояние, когда Y знает, что X намерен сделать Z (и испытывает страх по этому поводу)

Пример.

(3) Немецкая еврейская организация [X] *угрожает* судом [Z] интернет-провайдеру [Y], предоставляющим [D] доступ к неонацистским сайтам.

Впрочем, если D — действие, актуально совершаемое Y-ом, как в (3), то *угрожать* 1.2 является не только возмездительным действием, но и попыткой воздействовать на Адресата, чтобы он перестал делать то, что он делает, так что значения 1.1 и 1.2 не так легко разграничить.

В Гловинская 1993а: 187 предусматривается употребление *угрожать* в контексте неспровоцированной агрессии; тогда в толковании остаются только компоненты ‘X намерен сделать Z’ и ‘Z нежелательно для Y-а’:

(4) Они *угрожают* убить всех заложников.

(5) Незвестный *угрожает* взорвать здание ГУВД Москвы.

В Wierzbicka 1987: 179 такая возможность исключается. В самом деле, если контекст предложений (4), (5) не содержит никаких “если” или “потому что”, то либо это просто попытка напугать, либо не угроза, а предупреждение.

Теперь о неречевых значениях *угрожать* (они возникают из речевых в результате деагентивации, см. Падучева 2001а).

угрожать 2; X *угрожает* Y-у (Z-ом) =

имеет / может иметь место X

возможно, что X вызовет то, что с Y-ом произойдет нечто плохое [Z]

Примеры.

Интеграция [X] с Россией не *угрожает* [никаким Z-ом] украинскому суверенитету [Y]; Ее ревность [X] *угрожала* их счастью [Y].

угрожать 2а (диатеза от *угрожать* 2); Z *угрожает* Y-у = ‘возможно, что с Y-ом произойдет нечто плохое Z’.

Примеры.

Затопление [Z] *угрожает* сотням домов [Y] в райцентре Майма на Алтае;

Полям [Y] Омской области *угрожает* нашествие саранчи [Z].

Местному самоуправлению[Y] *угрожает* опасность [Z].

Лексемы *угрожать* 2 и 2а различаются тем, что у *угрожать* 2 субъект — событие, само по себе нейтральное (например, *интеграция*), но чреватое опасным последствием, а у *угрожать* 2а — сама опасность (например, *затопление*).

Практически те же значения есть у *грозить* (см. о *грозить* НОСС 2000: 81—84).

грозить 1.1 ≈ *угрожать* 1:

Microsoft [X] *грозит* бомбой [Z] собственным партнерам [Y] — чтобы не заглядывались на конкурентов [D];

Тимошенко [X] *грозит* Кучме [Y] Страсбургским судом [Z];

Бородин [X] *грозит* дать [Z] показания против Путина.

грозить 2.2 ≈ *угрожать* 2:

России [Y] *грозит* стать свалкой ядерных отходов [Z];

В четверг областному центру *грозит* отключение электроэнергии = ‘в четверг возможно отключение электроэнергии в областном центре’;

“Эху Москвы” *грозит* национализация. Радиостанция может повторить судьбу НТВ;

Ему *грозит* пожизненное заключение;

Метеорологи предупреждают: Москве *грозит* ураган;

Новосибирскому городскому аэропорту *грозит* банкротство;

Потепление нам не *грозит*.

Обратим внимание на невозможность неагентивного употребления *грозиться*, *отказаться* и других глаголов речи на *-ся* в собственном возвратном (не декаузативном) значении. Этот запрет имеет структурное объяснение: *грозить*, *отказаться* — агентивные глаголы (Вежибцкая 1999: 60), и у них запрет на деагентивацию, так сказать, заложен в морфологической форме.

§ 5. Регулярная многозначность

В классе глаголов речевого действия имеется следующий набор типов регулярной многозначности и семантической деривации.

Тип I: ‘речь’ — ‘мнение’. Эти два значения совмещаются, например, у глаголов *осуждать* и *обвинять*. Такая же неоднозначность у *противопоставлять*, *различать*, *расценивать*. Исходным является значение мнения — речевой компонент «выражение мысли» навязывается контекстом. Так, в высказывании *Вы упрощаете!* он есть, но исходное значение глагола ментальное. То же для *указывать*, *настаивать*, *соглашаться*. Вторичность речевого употребления проявляется в несовместимости этих глаголов с обстоятельством места: **Он всюду настаивает, что ему нужно помещение* (у глаголов речи, акциональных, сочетаемость с обстоятельством места вытекает из категории).

Однако у глагола *отозваться* — *отзываться*, совмещающего значения ‘речь’ (*Я звал — он не отозвался*) и ‘мнение’, речевое значение первично, что видно из естественности сов. вида в *Он хорошо отозвался о моей работе* = ‘высказал положительное суждение’.

Тип II: ‘сказать’ — ‘побудить’:

(1) а. *напомнил*, что сегодня воскресенье [= ‘сказал’];

б. *напомнил* мне позвонить [= ‘побудил’].

- (2) а. *сказал*, что остается [= ‘сказал’]; б. *сказал* остаться [= ‘побудил’].
 (3) а. *спрашивать* ⟨что у кого⟩ [= ‘говорить’];
 б. *спрашивать* ⟨что с кого⟩ [= ‘требовать совершения действия’].

Имеется безусловная корреляция между значением побуждения и подчиненным инфинитивом, см. (1), (2).

ТИП III: ‘сказать’ — ‘сделать’:

- (4) а. *подтвердить* приказ [= ‘сказать, что P’];
 б. *подтвердить* право [= ‘сделать нечто, подтверждающее P’].
 (5) а. *ответить* ⟨на что⟩ [= ‘сказать’];
 б. *ответить* ⟨за что⟩ [= ‘понести наказание’].
 (6) а. *повторить* ⟨сказанное⟩ [= ‘сказать’];
 б. *повторить* действие [= ‘сделать еще раз’].

Примерно те же два значения есть у глагола *доказать*.

ТИП IV: деагентивация. Например:

- (7) а. Он *грозил* мне судом; б. Разговор *грозил* перейти в драку.
 (8) а. Он мне *отвечает*;
 б. Диссертация *отвечает* [= ‘соответствует’] требованиям ВАК.

Данный семантический переход продуктивен во многих языках. Например, то же совмещение значений у англ. *threaten* и у фр. *menacer* ‘угрожать’.

Другие примеры глаголов речи, допускающих деагентивное употребление: *доказать*, *подтвердить*, *опровергнуть*, *определить*, *напомнить*; *просить* (Физиономия *просит* кирпича = ‘кирпич желателен’), *требовать* (Обувь *требует* ремонта = ‘ремонт необходим’), *повторять*, *подчеркивать* (в НСВ в основном состоянии, в СВ — речевое действие, но в принципе оба значения возможны в обоих видах, ср. Он *подчеркивает* — Композиция *подчеркивает* главную мысль произведения), *приглашать* (в значении ‘провоцировать’), *грозить*, *угрожать*, *извинять* (как в Это *тебя* отчасти *извиняет*), *обещать* (Урожай *обещает* быть высоким), *сулить*, *таить* (ср. у Пушкина: от старой графини таили смерть ее ровесниц и Все, что нам гибелью *грозит*, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья), *предупреждать*, *свидетельствовать*, *показывать* (речевое значение ‘дать показания’) и др.

Однако не все глаголы речи допускают этот семантический сдвиг. Например, он невозможен для *уговаривать*, у которого неподавляемый речевой компонент: Это *убеждает*, но *Это *уговаривает*.

ТИП V: мена диатезы ⟨Автор-Сб⟩ ⇒ ⟨Текст-Сб⟩. Например:

- (9) а. Он *подтвердил* в письме свое согласие;
 б. Его письмо *подтвердило* его согласие.
 (10) а. В своем романе он *описывает* андерграунд;
 б. Его роман *описывает* андерграунд.
 (11) а. Он *оговаривает* это в примечании; б. Его *примечание* это *оговаривает*.

Как показано в Зализняк 1991a, в ситуации речи всегда есть участник Текст (= Речевое произведение), быть может, инкорпорированный; диатеза ⟨Текст-Сб⟩ (как в англ. *the label reads* ‘наклейка гласит’) выводит его на поверхность:

- (12) а. он *предписывает*; б. правило *предписывает*.
 (13) а. Миллер и Джонсон *говорят*; б. теория Миллера и Джонсона *говорит*.

Аналогично для: *воспеть, воспроизвести, изобразить, восславить, высмеять, извратить, изложить* (только в НСВ), *обнажить, очернить, разоблачить, разъяснить, смешать, сообщить, уточнить, упомянуть, сравнить*.

Тип VI: от устной речи к произвольному способу выражения (письменному тексту, рисунку, неречевому звуку и проч.). Возникает семиотическое значение самого общего соответствия между означающим и означаемым: многозначность ‘речь’ — ‘речевой жест’, ср. *грозить* и *грозить пальцем, кулаком*.

Связь между значениями у глагола *вызвать* кажется на первый взгляд уникальной:

вызвать 1 = ‘попросить / предложить, т. е. речью (попытаться) каузировать прийти’ (*его вызвали к директору*);

вызвать 2 = ‘каузировать’ (*короткое замыкание вызвало пожар*).

Однако второе значение получается из первого двумя преобразованиями, каждое из которых в отдельности достаточно распространено:

1) переход от слова к делу демонстрируется на глаголах *подтвердить, доказать*, тип III;

2) переход от ‘(каузировать) прийти’ к ‘(каузировать) P’, где P — произвольная ситуация, — это деспецификация, ср. англ. *invite* ‘пригласить кого-то’ и *invited inference*, букв. приглашенная, т. е. спровоцированная инференция.

* * *

Итак, мы видим, что глаголы речевого действия обнаруживают весьма характерное поведение по отношению ко всем основным параметрам лексического значения — в плане таксономической категории (агентивность), актантной структуры (инкорпорированный участник Текст) и деривационного потенциала. Отличительной чертой глаголов речи как тематического класса является то, что их общность задается не результатом, а способом действия; отсюда разнообразие иллокутивных целей и само понятие речевого акта. Уникальное свойство глаголов речи, естественно вытекающее из их особого положения в языке, — перформативное употребление.

Глава 7

ДВИЖЕНИЕ

§ 1. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения

Семантика глаголов движения — это обширная область, из которой мы коснемся лишь нескольких моментов, существенных для понимания природы полисемии.

1.1. Английское *come* в сопоставлении с русскими *идти* и *прийти*

Значение движения часто, и скорее всего справедливо, рассматривают как прототипическое для глагола вообще: для движения обязательна динамичность, т. е. развитие во времени. В Wierzbicka 1996 движение рассматривается как семантический примитив, не сводимый к изменению места. Дело в том, что в ситуации движения существенно не только место, но и время: движение предполагает не момент, а обязательно *п е р и о д* времени, оно развертывается на временном интервале. (В Goddard 1998: 202 развивается мысль, что именно за счет этого преодолевается парадокс Зенона, состоящий в том, что если движущееся тело в каждый момент находится в некоторой точке, то нет такого момента, когда оно движется.) Глаголы, которые представляют ситуацию движения как нечто, происшедшее в момент времени, уже тем самым описывают не движение, а нечто иное. Так что моментальный глагол типа *прибыть*, *отбыть* — это деструкция идеи движения.

В этой связи обратимся к глаголу *прийти*, таящему в себе загадку, которую загадал еще Ю. С. Маслов в 1948 г., обратив внимание на то, что этот глагол (наряду с рядом других приставочных глаголов, но нам достаточно одного примера⁴⁸) не допускает понимания своего несов. вида *приходить* в значении актуально протекающей деятельности / процесса.

Простую разгадку дает понятие акцента, или фокуса внимания. В семантике *прийти* в фокусе Конечная точка; тем самым глагол *прийти* описывает не движение, а *н а с т у п л е н и е с о с т о я н и я*, когда движущийся объект находится в конечной точке своего движения. Несвершенный вид в значении актуальной деятельности требует акцента на “срединой” временной точке описываемой глаголом ситуации. Например, *у спуститься* есть НСВ актуальной деятельности *спускаться*, поскольку этот глагол допускает фокусировку внимания в том числе на такой стадии ситуации, когда движение имеет место и конечное состояние еще не наступило. Между тем семантика глагола *прийти*

⁴⁸ О различии между глаголами с приставкой *при-*, типа *приходить*, моментальными, и с приставкой *под-*, типа *подходить*, имеющими актуальное значение в несов. виде, см. в Апресян 1988. Впрочем, глаголы с *под-* неоднородны: в контексте *поезд подходит к станции* нормальное акт. значение, а глаголы *подбежать*, *подскочить* практически моментальные.

такого смещения фокуса внимания не допускает: НСВ *приходить* не имеет актуального значения.

Разумеется, наше решение приемлемо в рамках семантической концепции, которая не обрекает себя на слишком бедный семантический язык и допускает “разметку” компонентов семантического разложения — в частности, с точки зрения их отношения к фокусу внимания говорящего, см. гл. I.5.

Объяснение, апеллирующее к понятию акцента, может показаться неокончательным: почему *прийти* не допускает смещения акцента, а, скажем, *подойти* допускает (*подошел — подходит*)? Вообще говоря, на такие вопросы не всегда есть ответ. Так, различие между глаголами *выбрать* и *предпочесть* почти полностью сводится к тому, что *выбрать* допускает перенос фокуса внимания на деятельность, а *предпочесть* — нет:

выбрал: выбирает ≠ предпочел: предпочитает,

и неподвижность фокуса внимания у *предпочесть* не имеет никакого объяснения, кроме того, что так устроен словарь русского языка. В случае *прийти*, однако, объяснение есть, и мы изложим его в конце § 1.4.

Слово “фокус” иногда употребляется, так сказать, не терминологически, но в нужном нам смысле. Так, Годдар (Goddard 1998: 204) пишет про английское *go* ‘идти’, что оно “seems more focused on leaving or ‘moving on’ than on the possibility of arriving anywhere”. Речь идет о том, что из полного сценария, описывающего ситуацию перемещения человека из одного места в другое, семантика глагола *go* выделяет некую часть, оставляя все остальные в тени. И именно в этом мы видим специфику глагола *прийти*: он оставляет основные компоненты “полного сценария” ситуации перемещения за кадром, делая их тем самым категорически недоступными для воздействия оператора имперфективации, который, как и другие операторы (например, отрицание), применяется к семантическим компонентам, занимающим некую центральную позицию в толковании.

Если так, то отсутствие несом. вида со значением актуальной деятельности у *прийти* объясняется так же, как у *выиграть*, *достичь* и других глаголов достижения. В Падучева 1996: 110 обосновано включение глаголов типа *прийти* и достижений в единый класс глаголов с акцентом на результате, т. е. с фокусом внимания, фиксированным на результате.

Для глагола *уйти* факт затрудненности акт. значения у парного несом. вида *уходить*, быть может, не столь очевиден, но тоже имеет место и так же объясняется.

Глаголы *прийти*, *уйти* интересны не только своей видовой спецификой, но и тем, какие требования они предъявляют к участникам-ориентирам — Исходной и Конечной точке. Это последнее и сближает их с английскими *come* и *go*.

Дейктичность английских *come* и *go* посвящены известные работы Филлмора (в частности, Fillmore 1971c), которые фактически положили начало массированному изучению дейксиса в 80-е и 90-е годы. Филлмор отмечает следующее различие между *come* и *go*: если при глаголе *come* указано время, то это время прибытия; тогда как у *go* обстоятельство времени фиксирует время отправления, ср. (1a) и (1б):

(1) а. When did he *come*? ‘Когда он пришел?’

б. When did he *go*? ‘Когда он ушел?’

Сравнение *come* с русским *прийти* обнаруживает целый ряд различий. В Апресян 1986а было показано, что *прийти* не дейктично в том же смысле, что *come*. Попытаемся, однако, обратить внимание не только на различия, но и на сходства.

Различия между *come* и *прийти* видны прежде всего в контексте обстоятельства места. Для *come* прямое указание места, при самой естественной интерпретации, означает присутствие в нем говорящего:

(2) John is coming to the shop to-morrow =

‘Джон завтра придет в магазин’ + ‘я буду там, т. е. в магазине’,

‘я буду там’ — импликатура. Между тем для русского *прийти* это вовсе не обязательно; делая высказывание (3), я не имею в виду, что сам буду у Марии:

(3) Завтра Джон *придет* к Марии.

Вообще, в простом случае *John came* значит ‘Джон пришел ко мне’, так что вне специального контекста *John came to him* ‘Джон пришел к нему’ аномально⁴⁹.

Есть, правда, в англ. языке более сложные правила интерпретации — они могут “спасти” аномальные на первый взгляд употребления, т. е. употребления, нарушающие то правило, которое демонстрируется примером (2).

1. Одним из них является правило дейктической проекции — так можно коротко, используя термин, введенный Лайонзом (Lyons 1977: 579), назвать такое правило интерпретации, когда вместо ориентации на говорящего возникает ориентация на второго участника речевой (дейктической) ситуации — адресата (см. о дейктической проекции подробно и с примерами из русского языка в Падучева 1996: 260): если ориентация на говорящего невозможна, дейктический элемент может переориентироваться на слушающего. Так, то же предложение (2) может быть понято с другой импликатурой:

(2') John is coming to the shop to-morrow \supset ‘ты будешь там’.

Характерная смена ориентации происходит в вопросе:

Ваня *дошел* = ‘до меня’;

Ваня *дошел?* = ‘до тебя’.

2. Другая возможная стратегия — ориентация на то, что Ю. Д. Апресян называет “личной сферой говорящего” (в терминологии Филлмора — “home based factor”). Так, в (4) следствия ‘я буду там’ и ‘ты будешь там’, которые слушатель выводит, интерпретируя, соответственно, примеры (2) и (2'), очевидным образом блокируются; но (4) приемлемо, поскольку магазин как-то связан с говорящими “вообще”:

(4) It's a pity John is coming to the shop to-morrow when neither of us will be there
‘Жаль, что Джон придет в магазин завтра, когда никого из нас там не будет’.

3. В повествовательном тексте, т. е. в нарративном режиме, ориентация на говорящего может быть заменена ориентацией на литературного героя (в Падучева 1996: 268 такой сдвиг значения назван нарративной проекцией):

⁴⁹ Автор благодарен Барбаре Парти за проверку и обсуждение английских примеров.

(5) The thief came *into her bedroom* ‘Вор вошел в ее спальню’.

В Goddard 1998: 208 к этим трем возможностям не прямой интерпретации глагола *come* и его участников добавляется четвертая, не предусмотренная Филлмором, — обстоятельство может задавать место о ж и д а е м о г о присутствия говорящего или адресата, хотя бы ожидания и не сбылись:

(6) She came *to the corner* as we'd arranged, but I'd got stuck into the traffic and didn't make it ‘Она пришла в условленное место, но я застрял в пробке и не смог туда попасть’.

Возникает вопрос, в какой мере такие правила проекции носят общий характер. В самом деле, проекции могут быть возможны для одних слов и невозможны для других. Так, Лайонз обращает внимание на то, что дейктическую проекцию допускает *come*, но не допускают *here* и *now*. Этот упрек, однако, легко отводится: нужно признать, что возможность участвовать в тех или иных проекциях сама по себе входит в лексическую семантику слова. Так, нарративная проекция возможна для русских *здесь* и *сейчас* (равно как и для англ. *here* и *now*) и невозможна для *вон* и *вот* (Падучева 1996: 260). Как отразить такие различия в толкованиях слов — это отдельный вопрос.

Итак, англ. *come* требует дейктичности от обстоятельства конечной точки. У русского *прийти* это свойство проявляется в слабой степени; ср., однако:

(7) а. Ты *придешь* завтра к Ивановым? [скорее всего, имеется в виду ‘я буду там’];

б. Ты *пойдешь* завтра к Ивановым? [нет такой импликатуры].

(7') а. Ваня завтра не *придет* в школу [скорее всего, имеется в виду ‘в мою школу’];

б. Ваня завтра не *пойдет* в школу [нет такой импликатуры].

(7'') Завтра я прихожу к вам / *к своему другу.

Сходство русского *прийти* с англ. *come* можно видеть и в другом — в том, что оба фиксируют положение Наблюдателя в конечном пункте траектории движения. Тогда описанное выше различие можно свести к тому, что *come*, в своем первичном значении, требует, чтобы в роли Наблюдателя выступал говорящий, а русское *прийти* этого условия не ставит; ср. пример, приведенный с другой трактовкой в Апресян 1986а:

(8) Они уже две недели путешествуют по Кавказу и вчера *пришли* в Терск.

Кого эта фраза выдвигает на роль Наблюдателя, мы увидим позднее.

Теперь про *идти* и *go* (которые, как и *прийти* и *come*, словарь считает переводными эквивалентами). Здесь разница гораздо больше. Английский глагол, как показывает анализ Филлмора, тоже дейктичен — он помещает Наблюдателя в начальную точку траектории движения, т. е. должен сопоставляться скорее с русским *уйти*. Между тем русское *идти* никак не фиксирует в своей семантике положения Наблюдателя, и при отсутствии показателя Исходной (= Начальной) или Конечной точки в предложении оно совместимо с любым. Присутствие Наблюдателя в той или иной точке траектории движения может вытекать из соответствующих контекстов, и семантика глагола *идти* не противоречит ни одному из них:

(9) Немедленно выключи телевизор и иди к себе в комнату. — *Иду* [= ‘ухожу’; Наблюдатель в Исходной точке];

- (10) — Кто-то *идет*. — К нам? — Нет, кажется, мимо [Наблюдатель может быть и в Конечной и в Срединной точке траектории].

1.2. Непроизводные и приставочные глаголы движения. Наблюдатель

Итак, мы представили дейктичность английского *come* как наличие в его семантике встроенного Наблюдателя-говорящего (который должен находиться в Конечной точке, что обуславливает дейктичность обстоятельства Конечной точки) и именно этим объяснили невозможное в речевом режиме **I came to him*.

Русское *прийти* в этом смысле не дейктично. Однако можно говорить о его дейктичности в другом смысле — глаголу *прийти* свойственна дейктическая интерпретация нуля: о т с у т с т в и е предложной группы (ПГ), выражающей Конечную точку, интерпретируется как сигнал того, что Конечная точка задана местонахождением Наблюдателя: *Иван пришел* = ‘Иван пришел сюда’.

Дейктичность этого рода известна у глаголов других классов. Например, у *иметься* часто остается невыраженным участник Обладатель; при этом понимание однозначно: *имеется* означает, грубо говоря, ‘имеется у меня / у нас’, см. гл. 9 § 2. Глаголы движения дают более сложную картину, но предпочтительность дейктической интерпретации нуля при глаголах прибытия несомненна.

Есть следующие возможности интерпретации предложения с синтаксически не выраженным семантически обязательным участником (см. гл. 1.3 § 3).

1) Анафорический нуль: *Ты видел этот фильм, а я не видел* [\emptyset = ‘этого фильма’]; *Я захожу в комнату — на полу* [\emptyset = ‘этой комнаты’] *лежит раскрытая книга*.

2) Дейктический нуль, т. е. отсылка к Наблюдателю: *Иван приехал* [\emptyset = ‘сюда, т. е. туда, где я нахожусь’]; *На горизонте показался корабль* [\emptyset = ‘вошел в мое поле зрения’].

3) Квантификация (обычно в модальном контексте): *Чувствуется рука мастера* [$\emptyset \approx$ ‘любой может почувствовать’].

4) Инкорпорированный участник: *Я поел* = ‘я съел нечто, что едят’.

Сочетаемость с направлятельными ПГ и интерпретация нуля различны у производных и приставочных глаголов. Дело в том, что интерпретация нуля зависит от наличия у того же глагола участников-ориентиров, а они имеют у производных и приставочных глаголов разный синтаксический статус. Нас будут интересовать приставки, выражающие ориентацию движения (*куда?* и *откуда?*), и соответствующие участники-ориентиры. От многочисленных прочих аспектов семантики направленного движения — от существования других участников, таких как Путь (*обошел вокруг дома*); от различия между движением к границе объекта и внутрь; между собственно пространственным ориентиром и целью — мы отвлекаемся. Рассматриваются только непереходные глаголы.

1.3. Непроизводные глаголы движения

Бесприставочные глаголы движения, как правило, имеют валентности Начальной и Конечной точки (ср. Ферм 1990: 46, Всеволодова, Мадаени 1998 и др.), но обе валентности — и *откуда?*, Исходная точка, и *куда?*, Конечная, —

необязательные; например, *идти* можно в равной мере откуда-то, куда-то, и неважно, откуда и куда:

- (1) Мама идет с *рынка*; Шел отряд по берегу, шел *издалека*.
- (2) Иди в *школу*.
- (3) *Мимо* идет пьяный; *По мосту* идет Иван.

Ясно, однако, что направление *куда?* для *идти*, как и для других глаголов движения, коммуникативно более значимо, так что эта валентность гораздо чаще оказывается выраженной. Это вытекает из (и является языковым отражением) общей асимметрии направления “вперед—назад”, обсуждаемой в Lyons 1977: 691. Направленное движение — это всегда движение вперед⁵⁰. У человека есть перед и зад (лицо и спина), основные органы восприятия направлены вперед — человек движется туда, куда он смотрит. Кроме того, Конечная точка может выражать Цель движения целеполагающего субъекта и тогда является обязательным участником. Так что Конечная точка как основной ориентир движения вытекает из природы человека. Между тем существование Исходной точки обосновывается скорее логически: если X стал находиться в Y-е, значит он был в не-Y-е. Присутствие этого участника в концепте ситуации зависит от наличия предложной группы (ПГ) в предложении: нет ПГ — нет участника.

В силу определения из гл. I.3 § 3 у бесприставочного глагола и Конечная и Исходная точка имеют статус сирконстанта — в том смысле, что при интерпретации предложения они не включаются в концепт ситуации, порождаемый данным глаголом, если соответствующая ПГ отсутствует в предложении — по общему правилу о том, что сирконстантные участники не могут “подразумеваться”⁵¹.

Позиция Наблюдателя у бесприставочного глагола, как уже говорилось, не фиксирована: она может быть любой. Возьмем в качестве примера, опять таки, глагол *идти*. Варианты следующие.

I. Если у *идти* нет в предложении никаких ПГ, фиксирующих крайние точки, то Наблюдатель может находиться в любой из крайних точек пути, а также и в середине. Позиция Наблюдателя не фиксирована (а именно она определяет дейктическую интерпретацию нуля). Фраза *Автобус идет* чаще всего понимается как ‘идет сюда’, но это обусловлено прагматическим контекстом, а не смыслом фразы.

Направление движения вообще может быть неизвестным или множественным; так, в (4) *идут* = ‘идут в разные стороны’:

- (4) Люди *идут* на работу, торопятся; по воде *идут* круги [= ‘расходятся’]; И про тебя, душа моя, *идут* кой-какие толки [= ‘распространяются’], которые не вполне доходят до меня (П.).

II. Если у *идти* заполнена, не дейктически, валентность Конечной точки, то эта позиция исключена для Наблюдателя; тем самым повышаются шансы на

⁵⁰ Оно может обозначаться даже глаголами движения, в семантике которых фиксировано направление ‘назад’: как сказано у Бродского, “Я пыхчусь всегда вперед”.

⁵¹ В Goddard 1998: 204 принято другое решение — у *go* ‘идти’ различается три разных значения, каждое со своим набором участников, так что, скажем, X *went from A to B* требует отдельного толкования, поскольку нет композиционного правила сложения смыслов, которое обслуживало бы это сочетание.

то, что дейктически фиксирована будет Исходная точка. При глаголе в императиве Исходная точка фиксируется речевым актом как общая для говорящего и адресата: *Иди же к Невским берегам* = ‘иди отсюда, т. е. из места, где находимся и я и ты’. В неканонических речевых актах единство места говорящего и слушающего не обязательно: *иди, куда влечет тебя свободный ум* (П.). В прочих формах глагола Наблюдатель может быть в других точках (или вообще не участвовать в интерпретации высказывания):

Я встретил его, когда он *шел* к врачу.

III. Если заполнена валентность Исходной точки, то Наблюдатель обычно находится в Конечной: *Мама пришла с рынка* — скорее всего, ‘сюда’; *От камина идет жар* = ‘идет сюда’. Однако в *Я иду от мамы* Конечная точка не задана.

IV. Если заполнены обе валентности, Наблюдатель склонен расположиться посередине траектории (впрочем, роль Наблюдателя здесь минимальна):

Из Нью-Йорка в Лиссабон / *Шел* корабль в сильный шторм (Из песенки).

Итак, необязательный ориентир бесприставочных глаголов участвует в их интерпретации следующим образом: если обстоятельство (недейктическое) присутствует в предложении, то нахождение Наблюдателя в этой точке исключено. Наблюдатель как бы достраивает концепт ситуации движения до полного — имеющего начало и конец. Но лексическая семантика глагола положения Наблюдателя не фиксирует.

1.4. Приставочные глаголы движения

У ч а с т н и к и. У приставочных глаголов картина иная: приставка меняет смысл глагола, создавая обязательную “направительную” валентность. Можно сказать, что приставка вносит определенность акцента — фиксирует акцент на одном из ориентиров, чего не было у исходного глагола. В результате интерпретация нуля, определяемая позицией Наблюдателя, как мы увидим, для некоторых приставочных глаголов фиксирована самим глаголом.

Результатом присоединения направительной приставки является то, что один из двух участников — Конечная точка, *Куда?*, или Исходная точка, *Откуда?*, — становится обязательным. Возникает два класса глаголов:

- лативные глаголы, с обязательным участником *Куда?*;
- элативные глаголы, фиксирующие параметр *Откуда?*.

К лативным приставкам относятся: *в-* (*войти в дом*), *вз-* (*взойти на вершину*), *до-* (*дойти до порога*), *за-* 1 (*зайти за кустик*), *за-* 2 (*зайти к приятелю*), *на-* (*на меня нашло уныние*), *под-* (*подойти к столу*), *при-* (*прийти к другу*).

К элативным — *вы-* (*выйти*), *от-* (*отойти от края*), *с-* (*сойди с лыжни*, в данном случае — в сторону, ср. Розина 1999а), *у-* (*уйти из дома*).

Не фиксируют направление (и далее не рассматриваются) такие приставки, как *о-/об-*, *пере-* и *про-*, у которых ориентир выражен прямым дополнением.

Приставку *по-* (*пойти в магазин*) обычно не относят к пространственным; однако она выражает начинательность и, косвенным образом, Исходную точку: *Сейчас пойду* значит, скорее всего, ‘пойду отсюда’.

Возникает вопрос, в какой мере участник Конечная точка, который у лативных глаголов обязателен, исключает участника Исходная точка; и наоборот,

как участник Исходная точка у элативного глагола влияет на валентность Конечной точки. Здесь имеется несимметричность, которая была обнаружена, в предварительной форме, еще в работе Апресян 1965. С учетом материала из Ферм 1990 вырисовывается следующая картина.

У элативного глагола его валентность на Исходную точку не препятствует наличию предложной группы, выражающей Конечную точку:

- (1) вышел *во двор*, отошел *к стене*, сойди *к нам*, ушел *в горы*.

Что же касается лативных глаголов, с их обязательной валентностью на Конечную точку, то при них участник Исходная точка хотя и не исключен, но безусловно затруднен. Свободно сочетаются с показателями Исходной точки только глаголы с приставкой *при-* (ср. *пришел из Алабамы*); существенно хуже — с приставкой *в-*.

Вовсе исключен участник Исходная точка для глаголов с приставками *за-* 1 (т. е. *за-* в значении обходного движения), *вз-*, *на-* и *под-*; например: **зашла за кустик с тропинки*.

Там, где сочетание возможно, оно обычно имеет непрямую интерпретацию; так, в (2) *с юга* обозначает не Исходную точку, а подступы к Конечной:

- (2) подошел к городу *с юга*.

Обе валентности, Исходная и Конечная точка, вообще заполняются одновременно довольно редко. Одно из возможных объяснений состоит в том, что эта двойная ориентация имплицитно перемещающегося Наблюдателя. Так, фраза (3) на первый взгляд кажется построенной неудачно:

- (3) В это время *из зала в гостиную* вошла незнакомая Ларе девушка (ДЖ).

Она уместна в своем контексте — “елка у Свентицких”: героини все время переходят из зала в гостиную и обратно, и Лара, которая находится в этот момент на границе этих двух пространств, вполне подходит на роль Наблюдателя.

И все-таки, почему *выйти + в* лучше, чем *войти + из*? Видимо, элативному глаголу легче “принять в себя” коммуникативно важную для любого движения семантику Конечной точки, чем лативному добавить участника, который к собственной, естественной, направленности движения вперед добавит ретроспективу — скорее всего несущественную, поскольку если бы она была по существу, то говорящий выбрал бы элативный глагол. Исходная точка для лативного глагола — заведомо сирконстант. Между тем Конечная точка для элативного глагола, как и для непроизводного, может быть актантом.

Интерпретация нуля. Теперь про интерпретацию нуля, которую мы хотели бы связать с позицией Наблюдателя.

В статье Panevová 1994 рассматривается оригинальный тест, позволяющий отличить необязательных участников (сирконстантов) от обязательных, но “опущенных” (deleted). Ср. примеры (4) и (5):

- (4) А: Он приехал на поезде.
 Б: Когда он приехал?
 А: Не знаю.
- (5) А: Он приехал на поезде.
 Б: Куда он приехал?
 А: Не знаю.

Ответ *Не знаю* на вопрос *Когда?* допустим, а на вопрос *Куда?* — нет. Это потому, говорится в Ranevová 1994, что *Время* — сирконстант, а *Конечная точка* — актант. Тест очень остроумный. Мы дадим, однако, другое объяснение тому, как он работает.

В диалоге (4) и вопрос *Когда?* и ответ *Не знаю* законные, а участник *Время* необязательный, сирконстант. Что же касается диалога (5), то вопрос собеседника Б, казалось бы, свидетельствует всего лишь о коммуникативной неудаче А: поскольку *Конечный пункт* здесь обязательный участник, он должен быть выражен, чтобы высказывание имело смысл. Однако когда мы слышим ответ А, то разверзается бездна: получается, что А сам не понимает, что он сказал, — высказывание со словом *приехал* бессмысленно, если говорящий не знает, куда приехал его герой. Но на самом деле фраза, сказанная А, *Он приехал на поезде*, имеет вполне определенный смысл: отсутствие актанта означает дейктическое (или, возможно, анафорическое) связывание переменной *Куда?*: *приехал* в (4), как и в (5), значит 'приехал сюда'.

Можно думать, именно дейксис, а не просто актантный статус *Конечной точки* является причиной того, что ответ *Не знаю* может быть неуместен. Рассмотрим два других примера, которые это подтвердят.

ПРИМЕР 1. Место — безусловно обязательный участник глагола *прибывать*: прибывают всегда к чему-то; однако в контексте примера (6) ответ *Не знаю* на вопрос *Где?* вполне возможен — ответ обязан знать Коля, а не говорящий:

(6) Коля наконец прибил вешалку.

ПРИМЕР 2. Место объекта, в соответствии с анализом из Wierzbicka 1980a: 102, — это актант глагола *видеть*. Однако тест на *Не знаю* даст противоречивый ответ — диалог (7а), аномальный, отнесет Место к актантам, а диалог (7б) — к сирконстантам:

- (7) а. — Я вижу огонек. — Где? — *Не знаю.
б. — Он видел огонек. — Где? — Не знаю.

Очевидно, дело в том, что тест диагностирует не актантный статус, а дейктическое заполнение валентности Место: ответ *Не знаю* неуместен, если опущенный участник фиксируется через отношение к речевой ситуации.

Вернемся теперь к направительным глаголам движения.

При абсолютном употреблении все элитивы допускают дейктическое связывание переменной *Исходной точки*:

- (8) *я выйду* = 'отсюда'; *я отойду* = 'отсюда'; *я уйду* = 'отсюда'; *я сойду* = 'отсюда'.

То же в прош. времени 3-го лица и в императиве:

- (9) *он вышел* = 'отсюда'; *он отошел* = 'отсюда'; *он ушел* = 'отсюда'; *он сошел* = 'отсюда'.
(10) *выйди* = 'отсюда'; *отойди* = 'отсюда'; *уйди* = 'отсюда'.

Так, *Сойди сейчас же!* (обращенное к ребенку, забравшемуся на лестницу) означает 'сойди сверху' (т.е. с того места, где ты находишься, дейктическая проекция) а не 'сойди ко мне'⁵².

⁵² В 1-м и 2-м лице наст. и прош. времени интерпретация может быть неоднозначна: что значит "Я вышел"?

С глаголом *пойти*, который мы отнесли к элативным, не так чисто. У *пойти* обязательная синтаксическая валентность на Конечную точку, препятствующая абсолютному употреблению, так что *Пойди!* странно. Но скорее ‘пойди отсюда <куда-то>’, чем ‘пойди сюда’.

Казалось бы, лативные глаголы при абсолютном употреблении должны допускать дейктическое связывание переменной Конечной точки; это так и есть в примерах (11)—(14):

- (11) *войдите* = ‘войди сюда’,
- (12) *подойди* = ‘подойди сюда’,
- (13) *приходи* = ‘приходи сюда’ / ‘ко мне’,
- (14) *зайди* = ‘зайди сюда’ [*за-2*].

Но это отнюдь не общее правило. Многие лативные глаголы не допускают “опущения” участника Конечная точка; т. е. дейктическое связывание этой переменной должно быть выражено эксплицитно — нельзя сказать (15а), имея в виду (15б):

- (15) а. *дойди*; б. *дойди до меня*.

Получается, что в концепте ситуации, построенном с помощью глагола *дойти*, Наблюдатель не может мыслиться в Конечной точке: дейктическая интерпретация исключена.

Впрочем, следует оговорить, что пример (15) демонстрирует запрет на дейктически фиксированную Конечную точку в императиве, который, как мы видели, акцентирует Начальную точку. В личной форме, особенно в неакциональном контексте, дейктическое связывание переменной Конечная точка глагола *дойти* возможно: *пакет дошел* может значить ‘дошел до меня’.

Глагол *зайти* (с *за-1*) обозначает движение в место, отделенное преградой; Наблюдатель остается по эту сторону от преграды, а не в Конечной точке, так что *зайти за дом* — это только *зайти туда*, никак не *сюда*.

При не абсолютном употреблении элативный глагол по-прежнему не исключает дейктического связывания своей переменной Конечной точки:

- (16) Однажды в студеную зимнюю пору / Я из лесу вышел (Некрасов) [= ‘вышел сюда’: нарративный дейксис].

Однако *отошел от края, ушел из дома* не значит ‘отошел/ушел сюда’.

У лативного глагола *дойти*, при наличии участника Исходная точка, участник Конечная точка не может быть понят как “опущенный”, т. е. связанный дейктически. В (17а) нельзя опустить *до Москвы* в надежде на дейктическое понимание — оно не возникнет, и сочетание будет просто аномальным, см. (17б):

- (17) а. Он *дошел* от Казани до Москвы;
- б. *Он *дошел* от Казани.

Только *прийти* исключение: *Я пришел из Алабамы* = ‘сюда’.

Итак, у производных глаголов стратегия интерпретации синтаксического нуля принципиально иная, чем у приставочных. Можно сформулировать следующие общие закономерности.

1. У производных глаголов, которые не имеют обязательных участников, Наблюдатель с большей вероятностью сживается с тем из участников, который остается невыраженным; в (18а) это Исходная точка, в (18б) — Конечная:

- (18) а. *идет* в школу — скорее всего, ‘отсюда’;
 б. *идет* из школы — скорее всего, ‘сюда’.

2. У приставочных глаголов Наблюдатель обслуживает обязательную валентность. Так что при абсолютном употреблении у элативного глагола, с обязательной валентностью Исходной точки, нуль значит ‘отсюда’, пример (19а), а у лативного — ‘сюда’, пример (19б):

- (19) а. *я выйду* ⊃ ‘отсюда’; б. *вошла* женщина ⊃ ‘сюда’.

Конечно, тут играет роль коммуникативная структура, которая может смещать позицию Наблюдателя:

- (20) а. В этот момент женщина вышла из кабинета [Наблюдатель внутри];
 б. Из кабинета вышла женщина [Наблюдатель снаружи].

Ср. в этой связи отрывок из романа Набокова “Дар” — *вошел* вместо ожидаемого *вышел* объясняется тем, что герой смотрит на себя глазами героини — из ее пространства:

И в то самое мгновение, когда он решил больше не прислушиваться и нераздельно заняться Гоголем, Федор Константинович быстро встал и *вошел* в столовую. Она [Зина] сидела у балконной двери.

В роли Наблюдателя может выступать не только говорящий (с его нарративными заместителями), но и сам движущийся субъект.

3. Особая точка — глагол *прийти*. Он склонен к употреблению без обстоятельства Конечной точки, и в таких контекстах, как мы видели, действителен. Как же, однако, быть с тем, что *прийти* употребляется и в контексте недейктического обстоятельства?

До сих пор мы исходили из того, что Наблюдатель совпадает с говорящим. Однако если *прийти* обозначает запланированное перемещение, Наблюдатель не обязательно должен быть лицом внешним по отношению к действию: он может совпадать с перемещающимся субъектом, для которого пребывание в Конечной точке составляет цель. Это дает объяснение примеру (8) из раздела 1.1: здесь участник Конечная точка у *прийти* не действительный (в *Терскол*); Наблюдателем является сам движущийся субъект. Так что *пришел* с опущенным обстоятельством Конечной точки значит ‘пришел сюда’, а с выраженным не действительным — ‘пришел, куда хотел’. В примерах (7) и (7') из раздела 1.1 Наблюдатель совпадает с говорящим и более очевиден.

В Рахилина 2001: 309 было обращено внимание на то, что *идет*, в абсолютном употреблении, чаще всего понимается в значении ‘идет сюда’; на этом основании предлагалось даже объяснение отсутствия акт. значения у *приходить* как обусловленного “системным вытеснением”: *приходит* должно было бы значить ‘идет сюда’, но в этом значении “нет необходимости”, поскольку оно уже выражается глаголом *идет*. Наш анализ показывает, однако, что оба факта — преимущественно лативное понимание глагола *идти* и отсутствие акт. значения у *приходить* — имеют простое объяснение и без обращения к структуралистскому принципу системного вытеснения. Для *идти*, как для многих других глаголов движения, валентность Конечной точки является коммуникативно более важной (асимметрия, отмеченная Лайонзом); именно поэтому мы чаще встречаем *идти* с участником Конечная точка (как бы он ни был выражен, с помощью предложной группы или действительно), чем Исходная. А *прийти*,

как и другие глаголы с приставкой *при-*, имеет несдвигаемый акцент на конечном состоянии, который не способен переходить в несом. виде на ведущий к нему процесс.

Теперь очевидно, что между аномальным аспектуальным поведением *прийти*, обсуждавшимся в разделе 1.1, и его квазидейкитичностью есть связь. В семантику глагола *прийти* входит Наблюдатель. Он является свидетелем наступившего состояния. Поэтому в семантике *прийти* коммуникативный акцент смещен на состояние; динамический компонент оказывается не в фокусе и потому не может составить сферу действия для оператора имперфективации.

§ 2. Стативные дериваты глаголов движения*

Тема данного параграфа — динамика на пути ее превращения в статику, т. е. движение, которое естественным путем, в ходе семантической деривации, переходит в неподвижность. Нас будет интересовать синхронная совместимость динамического и статического значения в пределах слова, а также модели семантической деривации (как продуктивные, так и непродуктивные), соотносящие одни значения с другими.

Глагол движения от глагола не-движения не всегда легко отделить: всякий тематический класс имеет размытые границы, в том числе и класс глаголов движения. На метафоре движения построена семантика многих ментальных глаголов⁵³ (см. Розина 1999б) и других глаголов внутреннего состояния, ср. *дрожать* в значении ‘бояться’, *колебаться* в значении ‘сомневаться’; *издвигаться*, *трепетать*, *тянуться*, *сжаться*, *сникнуть*, *отойти*; *всколыхнуть*, *донимать*, *доводить*, *увлекать*, *захватывать* и др.

Почти всякое изменение физического состояния так или иначе предполагает движение. Возьмем, например, глаголы контакта (*закрывать*, *наполнить*) — нужно движение, чтобы войти в контакт; глаголы воздействия (*побить*, *уколоть*) — нужно движение, чтобы оказать воздействие; глагол *тонуть* иногда относят к классу глаголов движения вниз. Движение в узком смысле — это перемещение (перемена места), не осложненное дополнительными целями и последствиями. Но если говорить о движении в широком смысле, т. е. о глаголах с семантическим компонентом «движение» независимо от того, какое место этот компонент занимает в их семантической структуре, то в класс глаголов движения попадут:

1) *звать* — ‘каузировать *п р и й т и*’; *пропустить* — ‘каузировать *п р о й т и*’; *преследовать* — ‘п е р е м е щ а т ь с я вслед за, с целью’ (NB тот факт, что эти глаголы не допускают показателя скорости: **преследовать быстро*);

2) *закрывать*, *наполнить* — глаголы, ориентированные на результат, а не на способ действия (см. об этом делении глаголов Levin, Rappaport Novav 1991);

* Опубликовано в сб.: Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999.

⁵³ Так, *постичь* и *достичь* имеют и.-е. корень *stig-* со значением ‘шагать’, ср. нем. *steigen* ‘подниматься’. Связь между *постичь* и *достичь* обыгрывает Бродский: “Искусство и вообще всегда возникает в результате действия, направленного вовне, в сторону, на достижение (постижение) объекта, непосредственно отношения к искусству не имеющего” (Об одном стихотворении).

ситуация предполагает перемещение, но оно за кадром: *наполнить X Y-ом* = ‘налить / насыпать Y-а в X до краев’;

3) у глаголов в примерах (1), (2) есть компонент «движение», хотя субъектом перемещения является участник в ранге За кадром — Наблюдатель в (1); ЗВУК в (2):

- (1) а. И тогда желанный берег из тумана *выйдет* к нам [потому что Наблюдатель продвинется вперед];
 б. *Следующая станция* — “Пролетарская” [“следует” не станция, а Наблюдатель].
- (2) Уста жуют. Со всех сторон / *Гремят* тарелки и приборы (П.) [звуки со всех сторон движутся к Наблюдателю].

Изучение глаголов движения с точки зрения структуры их семантической парадигмы показывает, что многие стивные глаголы являются семантическими дериватами того или иного глагола движения. Если же не ограничиваться глаголами движения, а включить в рассмотрение другие тематические классы, например глаголы создания, то показатель продуктивности перехода из динамики в статику возрастет еще больше. Так что сам переход в стивы не специфичен для глаголов движения. Скорее, типично для стивных глаголов быть производными. Как пишет Вендлер, “actions fade into qualities and relations” (Vendler 1967: 109). Ср., например, *образовывать* в контексте *река образует изгиб*; *охватывать* (*плотина охватывает озеро с юга*); *делить* (*комнату с приятелем*); *устраивать* (*смена губернатора их не устраивает*).

Стивное значение часто возникает у глагола НСВ, производного от парного СВ, как единственно возможное, если семантика СВ не допускает акцента на процессной фазе ситуации, так что для динамического производного НСВ нет “семантического материала”: *свелю / сводит ногу*; *их доход составил / составляет 2,5 миллиона*. Рассмотрим некоторые модели семантической деривации, приводящие к образованию стивного значения у глаголов движения.

1. Одна из самых продуктивных деривационных моделей, порождающих стивное значение из динамического, — это НСВ перфектного состояния от СВ глаголов изменения состояния (change of state verbs).

Перфектное соотношение в видовой паре демонстрируют примеры

- (3) В этом здании *разместились / размещаются* редакции газет;
 Два университетских здания *соединил / соединяет* бульвар,

в которых глагол СВ обозначает прежде всего изменение состояния (этот тип видовой пар рассмотрен в Гловинская 1982: 91—100; перфектное соотношение выявлено в Падучева 1996: 116 и 157). Идея деятельности / процесса, ведущего к изменению состояния, в семантике СВ этих глаголов почти отсутствует; в результате у парного НСВ формируется значение перфектного состояния.

У многих глаголов СВ значение изменения состояния является производным от значения движения. Возьмем, например, глагол *войти*. В своем первичном значении глагол *войти* относится к тематическому классу глаголов движения и имеет категорию действие. Итоговое состояние, наступившее в результате этого действия, — пребывание субъекта в новом месте; т. е. глагол описывает изменение местоположения как результат деятельности целенаправленного субъекта:

- (4) В комнату *вошла* молодая женщина.

Упрощенная схема толкования для лексемы *войти*-действие такова:

X вошел в Y =

X действовал с целью: шел по направлению к \langle месту \rangle Y это вызвало наступило состояние: X находится в Y

Семантический сдвиг «действие → изменение состояния» состоит в том, что компонент «деятельность» либо выпадает, либо уходит на коммуникативную периферию — в фон. Остается компонент «наступление итогового состояния», который становится главной ассерцией (при том, что у исходного акционального значения ассертивный компонент — деятельность). Глагол *входит* в значении изменения состояния можно продемонстрировать на примере (5):

(5) В дом *вошла* радость [\approx ‘радость начала находиться в доме’].

В (6) семантический сдвиг обусловлен меной таксономического класса. Для значения ‘местоположение’, как в примерах (4) и (5), существенно, чтобы участник Y принадлежал к Т-классу ВМЕСТИЛИЩЕ. Если Т-класс Y -а меняется, меняется итоговое состояние и значение в целом. Изменение определяется инференцией, которая описана в Wierzbicka 1972: 93:

X находится в месте $Y \supset X$ является *как бы* частью Y .

С опущенным *как бы* это заключение дает приемлемое толкование для примера (6):

(6) Венгрия *вошла* в НАТО = ‘наступило состояние: X есть часть Y -а’.

Возможны вариации — в зависимости от того, является ли Y местом, организацией, коллективом людей и т. д.; так, если Y — множество, то быть частью Y -а значит быть его элементом.

Наконец, третий сдвиг в семантике *войти* происходит при образовании от СВ изменения состояния производного НСВ. В примере (6), с глаголом СВ, имеется инцептивный компонент — ‘наступило состояние’. В (7), с глаголом НСВ, он пропадает (или уходит в фон), остается компонент «итоговое состояние», стативный; глагол выражает отношение часть — целое между участниками X и Y :

(7) Венгрия *входит* в НАТО = ‘ X есть часть Y -а’.

Интересно, что в английском языке глаголы изменения состояния довольно редко дают семантические дериваты со значением перфектного состояния (впрочем, один пример описан в Kimball 1973b: англ. *I've got* может иметь, и чаще всего имеет, не буквальное значение ‘я получил’, а семантически производное ‘я имею’, где ‘ X имеет’ — это в точности итоговое состояние от ‘ X получил’). Зато инцептивы в английском являются регулярными семантическими дериватами стативных глаголов (*She stands there* = ‘она стоит там’, а *Stand there!* может значить не только ‘стой там’, но и ‘встань туда’). В русском же инцептивы не могут быть семантическими дериватами стативов — для этого есть специальная словообразовательная модель:

(8) а. Она *стоит* там; б. Пусть она *встанет* туда!

Примеры стативных глаголов несков. вида, соотносимых с глаголами СВ, которые в своем первичном значении обозначают движение, а во вторичном — изменение состояния:

входить (*поездка входит в мои планы* = ‘является частью’);
 высовываться (≈ ‘торчать’);
 выступать (*скулы выступают* = ‘расположены так, что образуют выступ’; ср. *отступающий подбородок* — Набоков. Машенька);
 выходить (*Из одной точки выходят два луча*);
 доходить (*Линия не доходит до краев; Сад теперь доходит до самой реки*);
 заваливать (*Камень заваливает вход в пещеру*)⁵⁴;
 нависать (*Скала нависла над пропастью*);
 обнимать (*Горы обнимают городок с трех сторон*);
 падать (*Подозрение падает на вас; Тень от лампы падает на тетрадь*);
 подступать (*Сад подступает к самой реке*);
 проступать (от *проступить* в значении ‘стать видным / начать существовать’);
 сводить (*Ногу сводит*);
 составлять (*Генеральскую свиту составляют молодые офицеры*);
 упираться (*Балка упирается в стену*).

В примере *Ласковые морщинки отходили от ясных, умных глаз* (Н.) *отходить* обозначает состояние. В Taylor 1989 такого рода соотношения трактуются как метонимические; действительно, *морщинка* здесь концептуализуется как траектория пути, оставшаяся после его прохождения в виде следа: движение и оставшийся от него след в каком-то смысле смежны.

Усиление стативного компонента (и подавление акционального) в семантике глагола действия может происходить за счет усиления роли Наблюдателя. Именно это способствует перфектной интерпретации глаголов *высовываться*, *проступать*, *выступать*. Обязательное присутствие в ситуации воспринимающего ее субъекта объясняет однозначно стативное понимание *заслонять* (НСВ от *заслонить*) при неоднозначном — стативном и динамическом — *закрывать*.

По содержанию итоговые состояния у разных глаголов разные. Это может быть местонахождение (*располагаться*), контакт (*заваливать*), восприятие (*закрывать*, как в примере *Стена соседнего дома закрывала небо*); относительное расположение (*упираться*, как в примере *коридор (...) упиравшийся в полуоткрытую дверь кухни*), отношение часть — целое (*Венгрия входит в НАТО*).

В примерах из (9), казалось бы, нельзя усмотреть описание уже наступившего, т. е. итогового состояния:

- (9) выпадать (*этот случай выпадает из общего ряда*),
 выходить (*выходит, что я прав*),
 наталкиваться (*здесь мы наталкиваемся на сопротивление*),
 отпадать (*желание отпадает*),
 пропадать (*пропадает охота*),
 складываться (*складывается впечатление*).

Однако (10) говорится тогда, когда случай в голову уже пришел:

- (10) Мне *приходит* в голову один случай.

Значение итогового (перфектного) состояния имеет несомн. вид от *пропасть*: *Где ты пропадаешь?*

⁵⁴ Так же ведут себя многие другие глаголы “полного охвата”, см. Падучева, Розина 1993.

II. Другой тип стативов составляют имперфективные дериваты от каузативных глаголов движения — несов. вид сохраняет присутствующий в семантике исходного глагола СВ каузативный компонент:

вести, вызывать, затрагивать, задевать, звать (*путь, на который эти книги зовут вас*)⁵⁵; направлять, отталкивать, влечь, гнать, манить, оттягивать (*Бутылки оттягивали нам карманы*), приводить, продавливать, привлекать, призывать (*Статья призвала к решительным действиям*).

Эти глаголы в НСВ выражают свойство (диспозицию, предрасположение) субъекта определенным образом воздействовать на объект и вызывать наступление соответствующего итогового состояния. Так, наступление итогового состояния у глагола *привести* (СВ), в исходном значении, есть следствие деятельности X-а, которая, вообще говоря, могла окончиться и неудачей:

X привел Y-а в Z =

X действовал с Целью: шел, определенным образом воздействуя на Y-а
это вызвало
Y пришел в Z

Между тем у производного НСВ способность к воздействию, которое переводит Y в определенное новое состояние, представлена как свойство X-а, ср. *Дорога ведет в Абрамцево*. Пациент Y при этом генерализуется и выходит за кадр.

З а м е ч а н и е. Несовершенный вид со значением диспозиции широко представлен в сфере ментальных глаголов, см. о значении диспозиции у глаголов воздействия на ментальное состояние — таких как *объяснять, доказывать, подтверждать, убеждать* — в гл. 3.

Несов. вид от некаузативного глагола тоже может выражать свойство; но это не есть способность воздействовать, т. е. не диспозиция:

клавиша западает = ‘обладает свойством западать’;

волосы лезут = ‘обладают свойством выпадать’;

X вмещает = ‘может вместить’.

Значение свойства имеют в НСВ многие возвратные глаголы:

X сводится к Y-у = ‘X можно свести к Y-у, и это есть свойство X-а’ (*замысел сводится* = ‘можно свести’);

ящик выдвигается = ‘можно выдвинуть’;

кресло помещается = ‘можно поместить’.

III. Особый класс стативных производных дают глаголы движения (такие как *доходить, проходить, поворачивать*) в контексте подлежащих, обозначающих протяженные пространственные объекты, типа дорог, рек, каналов, границ, заборов и т. п., которые если не однозначно предопределяют направление движения по себе / вдоль себя, то, во всяком, случае естественным образом ограничивает его.

Уникальность аспектуальных свойств этих ‘географических’ употреблений глаголов движения была выявлена в Апресян 1986а: 25. Но они интересны также и в плане модели семантической деривации, которая связывает, скажем,

⁵⁵ Глагол *звать* в исходном значении предполагает участие голоса, но этот компонент здесь выветривается.

проходить в исходном для него значении действия, т. е. целенаправленного перемещения субъекта в пространстве, с тем стативным значением, которое возникает при подлежащем, обозначающем неподвижный пространственный объект, как в примере

(11) Дорога *проходит* через лес.

Географические глаголы интерпретируются как стативы:

впадать (*Енисей, вечно впадающий в Ледовитый океан* [Е. Попов]);

вытекать (*Волхов вытекает из озера Ильмень*);

доходить (*Лестница доходит до самой воды*);

идти (*Граница все время идет по правому берегу реки*);

обрываться (*У реки дорога обрывается*);

поворачивать (*Тропинка поворачивает то направо, то налево*);

подниматься (*Дорога поднимается в гору*);

проходить (*На одном участке дорога проходит по ущелью; вдоль озера; под мостом; через поле*);

сворачивать (*Из передней направо был короткий проход, сразу сворачивавший под прямым углом направо же* [Набоков. Дар]);

спускаться (*Лестница спускается к реке*).

Впрочем, для подлежащего *дорога* можно предположить, по крайней мере в некоторых контекстах, метафору (дорога сама идет, поскольку она направляет движение человека, *ведет* его), так что глагол остается глаголом движения, и значение НСВ — актуально-длительное:

(12) Потом дорога *входит* в лес. Вскоре она *выходит* к реке.

Общее у дороги и границы то, что это с в е р х п р о т я ж е н н ы е пространственные объекты. Их нельзя сразу охватить взглядом, поэтому пространственное расположение такого объекта (а также форму его частей) легче всего описать, представив себе, что по нему/вдоль него кто-то движется. В таком случае НСВ описывает не само по себе расположение объекта или его части в пространстве, а скорее путь, который должен проделать в этом пространстве, хотя бы мысленно, движущийся предмет. Иначе говоря, можно мыслить семантику этих форм как предполагающую Наблюдателя, который движется вдоль нашего объекта в определенном, заранее известном направлении:

(13) а. После переправы дорога *уходит* влево; б. Тут река *повернула* влево.

В Taylor 1989: 127 путь трактуется как след от движущейся точки, а расположение неподвижного предмета в пространстве — как перемещение движущегося. Нам кажется идея перемещения мысленного взора Наблюдателя вдоль протяженного объекта более естественной. Именно перцептивное событие, т. е. событие с Наблюдателем, дает здесь материал для семантики СВ, которая требует исходного и нового состояния:

(14) У сторожки тропинка *повернула* направо и *спустилась* к реке.

Для глаголов *впадать*, *вытекать* (о реке) Наблюдатель, который мог бы засвидетельствовать такого рода события, маловероятен. Но теоретически не исключен:

Гляди, Волга таки *впала* в Каспийское море.

Примеры (12)–(14) показывают, что в ситуации, описываемой географическим глаголом, одним из участников является о т р е з о к пути; именно этого

участника выявляет семантика СВ. Так, ориентир у *сторожки* в (14) выделяет отрезок тропинки. Отрезок может быть задан через время, см. *потом* в (12). В примере (13) неоднозначность: *после переправы* и *тут* могут быть показателями как отрезка пути, так и момента времени.

Итак, у географических глаголов НСВ отличается от СВ в двух отношениях. В семантике НСВ 1) Наблюдатель может перемещаться лишь *мысленно* и 2) *знает*, как обстоит дело. Семантика СВ 1) в норме предполагает Наблюдателя, который *реально* идет по/вдоль дороги, реки и проч.; 2) по ходу своего движения Наблюдатель может *обнаружить* те или иные свойства определенного отрезка протяженного объекта X, о которых он ранее не знал.

НСВ глаголов пространственного расположения отличается от НСВ перфектного состояния по взаимозаменяемости с СВ. В самом деле, несов. вид перфектного состояния почти синонимичен сов. виду:

Ивы *нависли*, целуют в ключицы (Паст.) [*нависли* ≈ ‘нависают’];

Короткий коридор *уперся* в кухонную дверь [*уперся* ≈ ‘упирается’];

Песчаная отмель глубоко *врззалась* в море [*врззалась* ≈ ‘врззается’]⁵⁶.

А у глагола пространственного расположения НСВ обозначает существенно иную ситуацию, чем СВ; так, (15а) может быть описанием устройства квартиры, а (15б) — это своего рода репортаж с места происшествия (см. Апресян 1986а):

(15) а. Короткий коридор сразу же *сворачивает* направо;

б. Коридор *свернул* направо.

Чтобы представить географические глаголы как стивы, необходимо поместить компонент «движение» в фоновую часть толкования:

X *проходит под Y-ом* ≈ ‘некий участок X-а находится под Y-ом’ [ассерция];

‘говорящий представляет X как движущийся объект’
[фон];

X *вытекает из Y-а* ≈ ‘X имеет началом Y’ [ассерция]; ‘X течет’ [фон].

Однако в контексте неистребимой дейктивности (в частности, временного дейксиса), как в примерах (12), (13а), стивная интерпретация НСВ невозможна.

Есть употребления географических глаголов, которые не предполагают движущегося Наблюдателя — например, потому, что объект целиком помещается в поле зрения. Так, в (16) глагол движения выражает “форму существования” протяженного объекта и имеет бытийное значение:

(16) а. С горы *сбегает* ручей; К реке *сбегала* коленчатая лестница;

б. Неподалеку *протекает* река.

IV. Стивное значение может возникать у глагола НСВ за счет мены диатезы. Пример из Янко 1999: *вода течет в лодку* — процесс, а *лодка течет* — свойство. Модель непродуктивна: *лодка течет* допустимо, а **мешок сыпется* — нет.

В семантической деривации, позволяющей объяснить соотношение в паре (17а)—(17б), тоже участвует мена диатезы; в результате диатетического сдвига

⁵⁶ Пример приводится в другой связи в Гловинская 1982.

предмет внимания переходит в позицию подлежащего и становится носителем свойства **воздействовать**:

- (17) а. Он *обратил внимание* на эту женщину;
б. Эта женщина *обращает* на себя *внимание*.

Ниже приводится, уже без указания предполагаемых моделей семантической деривации, еще ряд изначально динамических глаголов в статических значениях:

- достигать (*Нильские крокодилы достигают 10 м в длину*);
обходить (*Он обходит этот вопрос молчанием*);
влекать (*Катя влекла его к себе все сильнее*);
вытекать (*Отсюда вытекает, что...*);
выходить (*Из килограмма муки выходит 20 пирожков*);
вызывать ('речью каузировать прийти' ⇒ 'обладать свойством каузировать');
доводиться (*Кем он ей доводится? Иметь такого наставника не всем доводится*);
допускать (*Допускаю, что смысл был, но понять я его не смог*);
идти [о часах]; идти (*ей идет*);
исходить (*из конкретной обстановки*);
кончаться (*Роман кончается свадьбой*);
начинаться (*Письмо начиналось приветствием: отношение часть — целое*),
подходить 1 (*Это мне подходит*);
подходить 2 (*Он подходит к этому вопросу философски*);
пропадать (*Где ты пропал?*);
располагать (*двумя часами*);
располагаться (*Породы там располагаются в необычном порядке*);
составлять (*составляет главное препятствие = 'является'*).

Семантический путь от динамики к статике прошли, в частности, глаголы *следовать*, *предшествовать* и их причастия *следующий*, *предшествующий* (с синонимом *предыдущий*) — в тех контекстах употребления, где они связаны с показателями времени. Эти глаголы служат предметом нашего внимания в разделе 3.2. Но вначале надо сказать несколько слов о семантике времени.

§ 3. Движение времени

Читатель словаря Срезневского (Срезневский, т. 1: 910, т. 2: 906) сталкивается с диковинной энантиосемией:

[**передьнии, прѣдьнии**⁵⁷ = 'прежний, прошлый']:

Како оуставили **п е р е д н и и** кн(ѡ)зи, тако платите **дань** (Новг. I л.);
Молю вы, за п р е д н е е вездумье **поканте(сѡ)** (Серап. сл.)

[**передьнии, прѣдьнии** = 'будущий']:

Задьнаа оубо **забываа**, а на **п р ѣ д њ н ѡ а** **простирааа** (Панд. Ант.)⁵⁸

[**здесьнии** = 'будущий']:

Бѣ **порядисѡ** **Тѣшата** съ **Іѡкимомъ** про **складьство** про **первое** и про **з а д њ н е е** (Ряд. зап.)

⁵⁷ Слово **прѣдьнии** — вариант с неполногласием; могло писаться также через **ѣ** и без **ь** после **д**.

⁵⁸ Ср. также: А в *передние* годы с росолу **дань** платит(ь) старцемъ, а за прошлые годы с росолу **дани** старцемъ не платити (цит. по СлРЯ XI—XVII. Вып. 14).

[**задьнии** = ‘прежний, прошлый’]:

З а д ъ н ѧ оубо забываа, а на прѣдънѧа простирааа (Панд. Ант.)

Текст иногда непонятен. Есть известная загадочная фраза в “Слове о полку Игореве”:

Преднюю славу сами похытимъ, а заднюю съ сами подѣлимъ.

Срезневский переводит здесь **заднюю** (надо: **заднею**, твор. пад.) как ‘прежнюю’, а **преднюю** — как ‘будущую’ (под вопросом: в других своих употреблениях слово **передьнии** может значить ‘впереди находящийся’ — **Не сяди на прѣдънѧи мѣстѣ** — и ‘предыдущий’, т. е. ‘прежний’ — **Возвратимся на предняя словеса**). Поскольку **задьнии** тоже может значить и ‘прошлый’ и ‘будущий’, понимание фразы в целом неоднозначно. Срезневский приводит фразу из Ипатьевской летописи

Хронографоу же ноужа естъ писати все и всѧ бывшаа, швогда же писати в передняа, швогда же востоупати в задънѧа

как пример, где **передьнии** = ‘будущий’, но полной уверенности в том, что это прочтение правильно, нет. В Новгородской берестяной грамоте (Зализняк 1995: 531) слово *заду* может быть прочтено как ‘то, что было’ и как ‘то, что будет’ (второе чтение признается более вероятным):

Исправи слово то, ты моѧ брат (...), а *заду* не боѧся, азъ в томъ = ‘Что я говорил, то слово исполни, а *последвий* того, что ты сделаеш, не бойся, я в том порукой’.

Так как же могла возникнуть такая парадоксальная ситуация, что слова **передьнии** и **задьнии**, будучи антонимами, имеют каждое по два противоположных смысла — и ‘прошлое’, и ‘будущее’. На этот вопрос мы ответим в разделе 3.3.

3.1. Модели времени

Наш анализ опирается на работу Булыгина, Шмелев 1997, где приведен обширный материал, касающийся отражения идеи времени в русской лексике. Мы исходим, однако, из следующих двух положений, которые позволяют по-новому взглянуть на проблему направления движения времени.

1. Если слово имеет два значения, то начинать надо с предположения о *регулярной* многозначности и, следовательно, о том, что между этими значениями можно установить деривационные отношения.

2. Употребление слова основано на его принадлежности к той или иной таксономической (онтологической) категории. Это касается не только глаголов (где важность различения действий, процессов, состояний, свойств и т. д. получила всеобщее признание), но и имен.

Едва ли верно устоявшееся мнение, что все употребления слова *время* основаны на пространственной метафоре: у этого слова есть и своя собственная онтологическая категория. И прежде чем думать, **КУДА** идет время, следует понять, **ЧТО** же все-таки идет. Поскольку, скажем, человек, дождь, поезд, часы, занятия (*Тише, идут занятия!*) “идут” совершенно по-разному.

Дело в том, что в языке всякое имя (нарицательное) склонно иметь денотат, т. е. соотноситься с классом, в норме бесконечным, объектов «реального мира», принадлежащих одной и той же онтологической категории, см. гл. I.4.

Слово *время* тоже понимается как обозначение чего-то существующего, и надо понять, к какой онтологической категории относится его денотат.

Семантический анализ слова *душа* в Wierzbicka 1992a открыл дорогу в семантику для метафизических сущностей: душа имеет родовую категорию ОРГАН. К какой же родовой категории относится слово *время*? В словарях у слова *время* различается несколько значений, из которых нам понадобятся два:

время 1 — бесконечный процесс прохождения мира через последовательность моментов (часов, дней, лет и т. д.):

- (1) *время* идет; *время* подошло к полуночи.

Лексема *время* 1 встречается и в каузативном контексте:

- (2) *время* изменило его черты; серебро почернело от *времени*.

время 2 — промежуток времени в 1-м значении, т. е. отрезок или интервал процесса, обозначаемого как *время* 1:

- (3) Прошло то *время*, когда сегодняшний день был похож на вчерашний.
 (4) Во *время* ужина он встал из-за стола (Бродский); В это *время* она была в Австралии.
 (5) Некоторое *время* он сидел спокойно.

Гипонимы лексем *время* 2 (*суббота*, *вечер*, *год*) относятся к той же онтологической категории, что и само *время* 2.

В литературе было обращено внимание на наличие двух противоречащих друг другу способов говорить о времени. С одной стороны, есть обороты речи, которые заставляют предполагать, что будущее впереди, а прошедшее — позади:

- (6) а. У нас еще две недели *впереди*; Нам *предстоит* одно интересное дело ['в будущем' = ВПЕРЕДИ];
 б. Сейчас все несчастья *позади* ['в прошлом' = ПОЗАДИ].

С другой стороны, есть слова, в семантике которых заложено предположение, что будущее позади настоящего, а прошлое — впереди (пример — на базе английского из Lakoff, Johnson 1980: 41 со ссылкой на устное замечание Филлмора):

- (7) на *следующей* неделе = 'на неделе, которая следует за данной, т. е. находится позади нее' ['в будущем' = ПОЗАДИ];
 на *предыдущей* лекции = 'на лекции, которая шла перед данной' ['в прошлом' = ВПЕРЕДИ].

Ср. также пример (8):

- (8) Подожди, *придет* время; *Наступила* полночь; *Пришла* зима; *Близится* Рождество.

Здесь, как и в (6), будущее впереди; но есть важное отличие: в (8) как бы время движется на человека (*приходит*, *наступает* и т. д. — такова интерпретация в Булыгина, Шмелев 1997); а в (6) движется человек.

Можно думать, что разные употребления основаны на разных языковых концептуализациях определенных участков мира, причем речь идет не об отдельных метафорах, а о целых моделях; каждая модель покрывает сразу определенную систему словоупотреблений. Разные модели могут сосуществовать в одном языке.

МОДЕЛЬ 1 (текущего времени) представляет время как особого рода процесс — выходящий за пределы трехмерного пространства, т. е. метафизический. Субъект процесса, обозначаемого словом *время*, — это мир, со всеми находящимися в нем объектами, состояниями, событиями, процессами: мир развивается, проходя через последовательность моментов (часов, дней, лет и т. д.), по которым мы определяем одновременность и последовательность всех частных событий и процессов. Этот процесс развития язык представляет как движение, поскольку он имеет направление: когда говорят *Время идет*, оно движется, а по умолчанию всё, что движется, движется вперед. Вместе с миром движется, глядя вперед, находящийся в мире Наблюдатель. В рамках модели текущего времени слово *время* понимается в значении 1.

Модель текущего времени объясняет пример (6) и вообще большую часть действительных употреблений временных слов. Представление о будущем как о месте, куда мы, идя вперед, должны прийти, отражено, например, в выражении *по достижении намеченного срока* (Булыгина, Шмелев 1997: 374). *Прошел год* — это как *Прошло собрание*: и то и другое идет вместе с нами. Присутствие Наблюдателя доказывается тем, что (9а) и (9б) почти синонимичны:

(9) а. Век подходил к концу; б. Мы подходили к концу века.

МОДЕЛЬ 2 (скалярная). Движение в прямом физическом смысле — это перемещение в пространстве, которое, в прототипическом случае, неподвижно. Это значит, что у трассы предмета, движущегося согласно Модели 1, т. е. мира, должна быть “обочина” и на ней — верстовые столбы: вехи, отмечающие моменты времени и делящие время на измеряющие его отрезки. Это *шкала* времени, своего рода бесконечный календарь-часы⁵⁹. Шкала времени — это та “трасса”, по которой, трансцендентным образом, движется время, концептуализуемое в рамках Модели 1.

Шкала времени неподвижна:

(10) За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра,
как сказуемое за подлежащим (Бродский. Часть речи).

Наличие трассы — дополнительное основание считать, что *время* 1 обозначает движение. Таким образом, процесс развития мира — это движение уже по двум причинам: этот процесс имеет, во-первых, направление и, во-вторых, трассу.

Скалярная модель объясняет употребление временных слов в примере (7). В рамках той же модели интерпретируются слова *прежде*, *перед тем*, *вслед за тем*, *затем*, *после*.

В отличие от Модели 1, скалярная модель статична: слова *следующий* и *предыдущий* выражают соотношение между точками и отрезками на неподвижной шкале:

⁵⁹ Модель 2 представляет время как четвертую координату пространственно-временного континуума, т. е. близка к той модели, которая была введена Эйнштейном в современную физику.

Другое отличие скалярной модели от Модели 1 — в том, что она не требует Наблюдателя. Сами точки и интервалы — засечки на шкале — могут даже быть обозначены дейктически (словами — *сегодня, сейчас*); но для выражения временного отношения между ними Наблюдатель не нужен.

Остаются еще примеры из (8); для их объяснения служит

МОДЕЛЬ 3 (встречного движения). Движение мира (с впередсмотрящим-Наблюдателем) в соответствии с Моделью текущего времени порождает встречное *как бы* движение засечек на Шкале времени. Когда человек плывет на лодке по реке, ему навстречу *как бы* движутся сосны, дома и вообще все, что неподвижно стоит на берегу. Возникает псевдодвижение засечек на шкале в о б р а т н у ю с т о р о н у, порождаемое движущимся Наблюдателем. Время, которое идет м и м о человека, можно объяснить только Моделью 3:

Шли годы. Они *шли* мимо меня (Пастернак 1998).

Модель встречного движения, подобно Модели текущего времени и в отличие от скалярной Модели, дейктична и динамична, т. е. предполагает движение. Но, в отличие от Модели текущего времени, здесь движется не бесконечное *время* 1, а отдельные его моменты и промежутки, засеченные на Шкале времени. Это сущности той же таксономической категории, что *время* 2; к той же категории относятся и события, метонимически связанные со своими отрезками времени. Мир, согласно Модели 1, движется вперед, и то, что движется на него, в лице его Наблюдателя, это не *время* 1, как бесконечный процесс, а события — в частности, состоящие в наступлении такого-то отрезка времени:

- (11) Миг вождеденный *настал*; *Наступил* конец;
 Когда же *придет* настоящий день? *Пришла* весна;
Близится час разлуки; *Приближаются* праздники;
Подошел день свадьбы;
 День за днем *идет*, мелькая (П.);
Летят за днями дни, и каждый час *уносит* / Частичку бытия (П.);
 Эти обычаи *ушли* в прошлое; *отошли* в прошлое; *остались* в прошлом [за счет того, что мы продвинулись в будущее].

У шкалы времени есть своя структура — начало, передняя часть, и конец, задняя часть. Для Наблюдателя, движущегося в соответствии с этой структурой, задняя часть шкалы оказывается впереди, перед ним, а передняя — позади.

Концептуализация действительности не предсказывается языком однозначно; одна и та же ситуация может концептуализоваться в разных моделях времени:

Жизнь *вступила* в новую фазу [Модель 1];
Наступила новая фаза жизни [Модель 3].

Некоторые ограничения относительно того, какие отрезки времени и события могут *настать* и *прийти*, до конца не ясны. Почему, например, *скандал возник*, а не *наступил*, т. е. не *пришел* вместе с временем (а точнее — в ходе развития мира), — хотя допустимо *Наступили холода*, *Наступила тишина*; почему **наступило начало*, хотя *наступил конец*, см. гл. 1.

Итак, имеются три модели концептуализации времени, которые несколько не противоречат одна другой. Модель 1 дейктическая, с н а с т о я щ и м временем; Модель 2 объективная, она лучше всего подходит для описания временных соотношений между уже происшедшими событиями, т. е. для п р о ш е д -

шего, или внедейктического времени. Как справедливо отмечено в Lakoff, Johnson 1980: 43, слова типа *предшествовать* и *следовать* ориентируют временные отрезки друг относительно друга, а не относительно Наблюдателя в мире. Модель 3 — с Наблюдателем, который смотрит в будущее, — это модель прежде всего будущего времени. Далее главным предметом нашего внимания будет скалярная Модель 2, которая описывает статические соотношения между отрезками времени.

3.2. Статическое время и семантика глагола *следовать*

Скалярная модель времени позволяет понять лексическую и аспектуальную семантику слов *следовать*, *следующий*, *предшествовать*, *предшествующий*, *предыдущий*.

У глагола *следовать* три значения, относящихся к семантическому полю движению⁶⁰.

следовать 1

X следует за Y-ом = ‘Y движется; X движется, будучи позади Y-а, в том же направлении’, где X и Y — материальные предметы. Участник X, скорее всего, одушевленный, и данные параметры (расположение по отношению к Y-у и направление своего движения) он поддерживает сознательно. Категория глагола — действие; тематический класс — движение. Например⁶¹:

- (1) *Следуйте* за мной; За обзом чинно *следовали* женщины; Грушницкий *следует* за княжной везде.

Поскольку лексема *следовать* 1 обозначает действие, ее форма НСВ имеет актуально-длительное значение. Глагол СВ *последовать* составляет с НСВ *следовать* 1 видовую пару по Маслову (семантически здесь СВ инцептив от НСВ):

- (2) Еще ребенком он *последовал* за отцом, которого сослали в Сибирь;
За обзом чинно *последовали* женщины.

Нестандартность *следовать* как глагола движения состоит в том, что в его семантике не фиксирован способ движения: субъект может идти, как Грушницкий в примере (1), плыть (*Крейсер следовал за миноносцами*); или ехать. Глагол ставит акцент не на характере движения, а на его атрибуте, выражаемом предлогом *за*, что облегчает переход к стативной семантике⁶².

следовать 2

Для этой лексемы исходной является форма СВ.

X последовал за Y-ом = ‘X наступил после Y-а’, где X и Y — отрезки времени или события, т. е. ситуации, занимающие отрезок / момент времени:

- (3) Ночь *последовала* за днем без промежутка, как это бывает на юге (Л.);
На “Гаврииле” показался огонь, за которым *последовал* взрыв;
За чаем *последовал* длинный и скучный вечер.

⁶⁰ Значений ‘быть логическим следствием’ и ‘поступать согласно’ мы здесь не рассматриваем.

⁶¹ Многие примеры в этом разделе — из МАС.

⁶² Впрочем, этот самый важный компонент, ‘после’, тоже может утрачиваться, и тогда *следовать* 1 значит просто ‘перемещаться’: *Корабль следовал в Кронштадт*.

Парный несов. вид *следовать* обозначает не действие, а соотношение; динамика остается только как таксономическая предпосылка об участниках X и Y — они упорядочены во времени; актуально-длительное значение невозможно, поскольку семантика СВ не включает процесса; так что для НСВ остаются только тривиальные значения — например, генерализованное: *За ночью следует день* — не ‘сейчас’ а ‘за каждой ночью, вообще’.

следовать 3

X *следует за* Y-ом = ‘X и Y — составляющие некоторой последовательности (т. е. объекта, имеющего структуру однозначно упорядоченного ряда), и X занимает в этой последовательности место непосредственно позади Y-а’. Иначе говоря, X *следует за* Y-ом = ‘X располагается за Y-ом’. При этом X и Y не обязаны быть событиями, как при значении 2; это могут быть материальные объекты или объекты семиотической природы:

(4) В греческом алфавите буква γ *следует* непосредственно за β .

Ассертивным здесь становится компонент, который у *следовать* 1 в пресуппозиции — ‘X находится позади Y-а’. В этом значении *следовать* выражает отношение порядка на двух объектах, которые не обязательно являются временными сущностями. Например, *следовать* 3 может выражать относительное расположение слов в тексте: в норме текст — это последовательность. Динамический компонент утрачен теперь уже и в семантике X и Y. Именно в этом значении употреблено *следовать* в примере (5):

(5) В 2000 году за 28-м февраля *следовало* 1-е марта.

Иное дело, когда X и Y стоят не в последовательности, а в ряду⁶³, по которому можно проходить в двух направлениях — туда и обратно. Так, *следующая станция* в ряду станций Камышинской ветки или лондонского метро будет разной, в зависимости от направления движения пассажира. В контексте ряда употребление *следовать* предполагает движущегося Наблюдателя, который самым фактом своего движения превращает ряд в однозначно упорядоченную последовательность. Примеры употребления *следовать* с движущимся Наблюдателем:

(6) За огородами *следовали* крестьянские избы;
За первой, комбинированной линией огня *следует* вторая, заградительная.

В МАС *следовать* толкуется как ‘располагаться, находиться непосредственно за чем-либо’; движущийся — актуально или узуально — Наблюдатель не упоминается. Между тем он для *следовать* 3 обязателен: пространственное *за* — это дейктический предлог, и избы будут для Наблюдателя *за* или *перед* огородами в зависимости от актуального (или узуального) направления его движения. А *следовать* 2, которое выражает следование во времени, лишено дейктичности — направление на шкале времени задано однозначно.

⁶³ В математике *ряд* обозначает последовательность, что не соответствует значению слова *ряд* в обыденном языке.

Казалось бы, *следовать* 3 можно представить как полученное из *следовать* 1 за счет того, что движение субъекта переосмысливается как движение его взора⁶⁴:

(7) Марья Ивановна, *следовавшая* глазами за всеми ее движениями, испугалась (П.); Старик (...), *следуя* за взглядом Ковшова, повернул голову (МАС).

Однако в примере (7) *следовать* употреблено в значении 1, поскольку сохраняется предположение о том, что участник Y пребывает в движении. Между тем у *следовать* 3 Y статичен; так что *следовать* 3 имеет смысл возводить к *следовать* 2, а не к *следовать* 1.

Последовательность и ряд — это разные таксономические классы, ср. законное *прошел деревню из конца в конец*, где *деревня* — ряд, и у нее два конца (и два начала, *из конца в конец* на итальянский переводится как *da capo al capo*); в строчке из Окуджавы *Из конца в конец апреля путь держу я* аномалия — у апреля один конец (и одно начало).

В силу однонаправленности движения времени *отложить* планируемое событие можно только на более поздний срок:

(...) если бы я следил за этой работой времени, я одумался бы и перестал *откладывать* исполнение своих желаний (Пастернак 1998),

тогда как *отложить* вещь (отодвинуть от себя) можно в любом направлении. Несколько иначе для *передвинуть*, *перенести*, см. Булыгина, Шмелев 1997: 374; однако у Пастернака в тех же письмах *передвинутое на десять лет* значит ‘передвинутое вперед’, отложенное.

Итак, шкала времени — это последовательность, и употребление *следовать* по отношению к ее элементам или частям не требует Наблюдателя (хотя и не исключает его): лексема *следовать* 3 выражает статическое отношение — линейное расположение “пространственных” объектов, см. пример (4).

Три значения *следовать* вместе взятые образуют типичную для русского глагола категориальную парадигму, см. Падучева, Розина 1993. Лексема *следовать* 1 — это деятельность (тематический класс — глагол движения); у нее имеется парный СВ *последовать* 1 (ср. *бежать* — *побежать*). Далее, *следовать* 2 — это тривиальный НСВ от *последовать* 2, категория — происшествие; при этом (*по*)*следовать* 2 уже не относится к тематическому классу глаголов движения. Наконец, *следовать* 3 — это соотношение; как у всех глаголов категории свойство / соотношение (таких как *принадлежать*, *гласить*, см. Падучева 1996: 129), парного СВ у этой лексемы нет. Семантический переход, засвидетельствованный в *следовать* 3, вполне обычен; так, *обозначаться* 2 [= ‘быть видным’] входит в видовую пару с *обозначиться*; но *обозначаться* 3 [= ‘иметь условное обозначение’] не имеет парного СВ.

Глагол *предшествовать* имеет, по сравнению со *следовать*, дефектную парадигму семантических дериватов. Во-первых, свое исходное значение физического движения он в современном языке фактически утратил (*precede* в англо-русском словаре переводится чаще как ‘идет перед’ или ‘находится / стоит перед’, а не как ‘предшествует’); его употребление в значении движения в (8) — сознательная архаизация:

⁶⁴ Впрочем, по-русски лучше в этом случае сказать не *следовать*, а *следить*; английское *follow* более свободно в этом отношении.

- (8) Когда курфюрст въехал на площадь, ему *предшествовали* двести рыцарей с обнаженными, на солнце сверкавшими саблями (Форш, МАС).

Во-вторых, *предшествовать* не имеет парного СВ, поэтому значения происшествия (ср. *следовать* и *последовать* 2) у этого слова нет. Событийное значение выражается так наз. НСВ общефактическим:

- (9) думала о ⟨...⟩ размовке, *предшествовавшей* его [Григория] поездке в сотню (Шолохов, МАС)—

предшествовавшая значит только ‘наступившая перед’. Итак, значение типа 1 отсутствует; *предшествовать* 2, как и *следовать* 2, употребляется в контексте генерализации:

- (10) крутящиеся ветерки, которые обыкновенно *предшествуют* грозе (МАС).

Значение 3, стативное, у *предшествовать* такое же, как у *следовать*:

- (11) В греческом алфавите букве γ непосредственно *предшествует* буква β .

Выявленные стативные значения глаголов *следовать* и *предшествовать* позволяют объяснить, почему у причастий *следующий* и *предшествующий*, образованных от этих значений, особые отношения с грамматическим временем. Причастие наст. времени *следующий* (от *следовать* 3) употребляется в том числе и для обозначения соотношений между прошлыми событиями: причастия прош. времени от *следовать* 3 не существует; слово *последующий* не является причастием от СВ *последовать*.

То же для *предшествующий*: если это причастие от *предшествовать* 2, то оно должно быть согласовано по времени с X-ом, см. форму прош. времени в (9); а у причастия от *предшествовать* 3 форма наст. употребляется и в значении прош.:

за *предшествующий* период; *предшествующие* поколения;

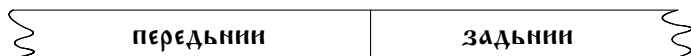
Понемногу в уме моем восстановились *предшествующие* обстоятельства (МАС).

Для слова *предыдущий* соответствующей формы прош. времени (**предшедший*) просто нет, форма наст. употребляется в значении прош.; поэтому в примере (7) из раздела 3.1 *на предыдущей лекции* = ‘на лекции, которая ш л а перед данной’.

Наст. время причастия *следующий* может интерпретироваться в нарративном режиме — через текущий момент времени (*а на следующий день...*); но если оно понимается дейктически, то относит к будущему: *на следующей неделе* = ‘на будущей неделе’.

3.3. Пример из древнерусского

Вернемся теперь к древнерусским примерам. В свете сказанного ясно, что употребления, где *перѣдънии* = ‘прежний, прошлый’, а *задънии* = ‘будущий’, соответствуют Модели 2 (скалярное время): каждое прилагательное обозначает свою зону шкалы:

А употребления, где *перѣдънии* = ‘будущий’, а *задънии* = ‘прошлый’, — Модели 1 (текущее время с впередсмотрящим-Наблюдателем). Таким образом,

- переднее** — 1) то, что ВПЕРЕДИ согласно Модели 1, т. е. БУДУЩЕЕ;
 2) то, что относится к ПЕРЕДНЕЙ части шкалы времени, Модель 2, т. е. ПРОШЛОЕ.
- заднее** — 1) то, что ПОЗАДИ согласно Модели 1, т. е. ПРОШЛОЕ;
 2) то, что относится к ЗАДНЕЙ части шкалы времени, Модель 2, т. е. БУДУЩЕЕ.

При этом **передний** в значении ‘прошлый’, производном от *вперед* и ориентированном на неподвижную шкалу времени, это статив. Семантика этого употребления свободна от идеи движения. А **передний** в значении ‘будущий’ производно от *вперед* и ориентировано на модель текущего — идущего — времени.

Современный язык концептуализует шкалу времени как бесконечную и допускает только указания об относительном расположении засечек на шкале, а не отсылку к ее передним или задним участкам. Так, в современном языке можно сказать *в первое время* только по отношению к выделенному конечному участку шкалы (например: *в первое время пребывания в Дубне, в первые дни месяца, в первые годы жизни*); т. е. *первый* может значить ‘начальный’, только если есть начало. А у наших предков “полная” шкала времени тоже имела начало и конец.

Следует сказать, что неоднозначная временная интерпретация слов со значением ‘передний’, ‘задний’ вовсе не является уникальной особенностью древнерусского языка. Вот как описывается в словаре Macdonell 1954 значение санскритского *pūrva*:

pūrva — being in the front; fore, fronting; being to the east of; preceding; former, earlier; prior to, ancient, traditional, of the olden time.

Модели семантической деривации обнаруживают здесь свою универсальность.

Противопоставление динамической и статической модели времени позволяет объяснить многие факты современного русского языка. Почему, например, один и тот же корень *пред-* входит в состав слова *прежний* ‘прошлый’ и *предстоящий* ‘будущий’? Простой ответ состоит в том, что *пред-* в *прежний* относится к передней части шкалы времени (Модель 2), а *пред-* в *предстоящий* — к тому будущему, которое стоит перед движущимся, согласно Модели 1, Наблюдателем.

* * *

Итак, мы рассмотрели семантику ряда глаголов движения, употребляющихся во временном контексте, и показали, что в некоторых случаях там, где предполагались метафоры, раскрывающие языковую картину движения времени, на самом деле выражаются статические соотношения на временной шкале. Концепт слова *время* пополняют те слова, которые навязывают ему свои сочетаемостные предпосылки. Относительно слов *следовать*, *предшествовать* и их причастий мы показали, что они в контексте существительных, обозначающих отрезки времени, сами меняют свое значение — с динамического на стативное (что отражается в дефектности их видо-временной парадигмы). Тем самым наш анализ подтверждает предположение о том, что в русском языке наряду с динамическими есть и статическая модель концептуализации времени, описывающая соотношение между его моментами и/или интервалами.

Глава 8

ПАРАДИГМА РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ ГЛАГОЛОВ ЗВУКА*

Как мы уже видели, каждый тематический класс имеет свою характерную парадигму семантических дериватов. Парадигма глаголов звука была одной из первых, которую удалось выявить.

К “идеальным” глаголам звука принадлежат:

гремять, гроыхать, грохать, грохотать, гудеть, дребезжать, звенеть, звонить, звучать, свистеть, скрипеть, стучать, тарыхтеть, трещать, хлопать, хлюпать, хрустеть, шелестеть, шипеть, шуметь, шушать, шелкать⁶⁵.

Эти глаголы образуют плотно структурированную область: семантические деривации здесь в достаточной степени продуктивны. Так что идеальный глагол звука обычно имеет полную парадигму, в которой “пустые” клетки могут быть представлены как дефекты парадигмы, имеющие семантическое объяснение.

§ 1. Структура парадигмы

Общее свойство идеальных глаголов звука — то, что у них одним из участников является Источник звука, отдельный от Каузатора. Поэтому глаголы звука допускают диатетическое варьирование типа *Нянечки в коридоре грохочут кружками* — *В коридоре грохочут кружки*: в одном случае Каузатор занимает позицию субъекта, в другом — находится на периферии или за кадром. Между тем такой глагол, как *завывать*, не выявляет Источника звука:

(1) (...) и неважно, о чем там пурга *завывала* протяжно (Бродский);

нельзя спросить **Чем завывала пурга?* (ср. *Чем грохотали нянечки?*). Поэтому если принять глагол *грохотать* за прототип, то глагол *завывать* имеет, так сказать, дефектную парадигму⁶⁶.

Другое свойство идеальных глаголов звука: деятельность / процесс, сопровождающиеся звуком, не специфицированы; так, дребезжание может сопровождать самые разные деятельности и процессы. Поэтому не относятся к идеальным глаголам звука *хранеть* (= ‘спя, издавать звук’), *топать*, *хрипеть*, *стонать*, *сопеть*, *пыхтеть*, *журчать*; *плакать* вообще не глагол звука — у

* В основу данной главы положена статья в ВЯ 1998 № 5.

⁶⁵ Список составлен по словнику из Зализняк А. А. 1978. Кроме того, в нашем распоряжении был список глаголов звучания, составленный С. А. Крыловым с помощью его базы данных по словарю С. И. Ожегова.

⁶⁶ По этой причине дефектна также парадигма глаголов типа *лаять*, которые в своем первичном значении обозначают издавание звуков животными. Возможно, *завывать*, как и *выть*, — это прежде всего о *волке*.

него издавание звука не является обязательным компонентом (хотя существительное *плач* имеет родовую категорию ЗВУК).

Парадигма определяется прежде всего набором участников типичной ситуации издавания звука. Как пишет А. Вежбицкая [Wierzbicka 1980a: 111], “семантическая структура большинства глаголов звука основана на соотношении с типической ситуацией. В случае глагола *rustle* ‘шуршать, шелестеть’ эта типическая ситуация, по-видимому, включает движение в контакте с сухими листьями”. Здесь сухие листья — переменная, но движение Каузатора (или исходящее от Каузатора) и его контакт с Источником звука — инвариант, который проходит через все идеальные глаголы звука; так, в *гудеть*, *свистеть* каузатором звука является движение воздуха. Схема толкования корневой лексемы идеального глагола:

Источник находится в контакте с Каузатором

Каузатор движется

движение передается Источнику

Источник издает звук.

Один из видов контакта — трение, как у *шуршать*, другой — удары, как у *звенеть*.

В число участников ситуации издавания звука входит Наблюдатель, т. е. Эксперимент в коммуникативном ранге За кадром. Присутствие Наблюдателя доказывается, в частности, тем, что место Источника звука может быть выражено дейктически — относительно Наблюдателя; так, в (2) предлог *за* показывает, что Наблюдатель находится по эту сторону от шторы:

(2) море гремит *за волнистой шторой* (Бродский).

Наблюдатель исчезает из толкования лексемы, как только издавание звука из процесса становится деятельностью или действием (о принципиальной роли Наблюдателя в семантике глаголов процесса см. Кустова 1994). Более того, с появлением деятеля и специфицированной цели факультативным может стать и сам звук:

(3) Я *звонил* в дверь, но звонка не было.

Парадигма строится на базе четырех основных параметров лексического значения — тематический класс, Т-категория, диатеза, семантическая характеристика (в частности, таксономический класс) участника / участников. Структуру парадигмы демонстрирует таблица 1 (см. с. 403). Строка таблицы 1 — это набор совместимых друг с другом значений четырех параметров. Каждому набору соответствует номер. Например, у слова *звенеть* лексема с номером 2.1, процесс в диатезе с фоновым каузатором, соответствует употреблению слова *звенеть* в контексте

(4) Стекла *звенели* от проезжающих карет.

Лексемы одного слова можно, таким образом, выстроить в столбец, сопоставив каждой лексеме номер, расшифровываемый таблицей 1, см. систему основных лексем слова *звенеть* в таблице 2. Мена тематического класса переводит глагол звука в глагол перемещения, воздействия и проч., см. ниже.

В парадигме различается основная часть и дополнительная. Основная часть включает те значения, которые возникают при исходных — так сказать, внутренне присущих — таксономических классах участников. Например, для *зве-*

неть в значении свойства употребление с субъектом МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ принадлежит к основной части парадигмы, а с субъектом УСТРОЙСТВО (*будильник звенит*) — к дополнительной.

Таблица 1

Фрагмент парадигмы семантической деривации глаголов звука

Тематический класс		Таксономическая категория глагола	Диатеза	Таксономические классы участников
I		II	III	IV
звук	1	процесс-каузация	(каузативная)	ЛИЦО/ПРИРОДНАЯ СИЛА, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ
	2.1	процесс	декаузативная; с фоновым каузатором	МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, ЛИЦО/ПРИРОДНАЯ СИЛА ...
	2.2	процесс	декаузативная; без фонового каузатора	МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ ...
	3	свойство	(без фонового каузатора)	МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ УСТРОЙСТВО ...
перемещение	1	действие
...

Рассмотрим вначале основную часть парадигмы.

Место глагольной лексемы в основной части парадигмы определяется ее Т-категорией и диатезой. У глагола звука, как правило, есть лексемы трех категорий — процесс-каузация, процесс и свойство. Категория процесс-каузация, см. пример (4), — это характерная особенность глаголов звука:

(5) Он спу́скался по лестнице, *звения* ключами.

Дело в том, что каузация звука может быть контролируемой и неконтролируемой, и неопределенность не воспринимается в данном случае как неоднозначность: во фразе (5) не только неизвестно, но и неважно, было ли издавание звука сознательным или непроизвольным, см. Апресян 1974: 177 (к той же категории глаголов с нефиксированной агентивностью могут быть отнесены многие глаголы движения, например *двигать, качать, вращать, наклонять*).

В Апресян 1995: 548 группа *от* + сущ. в род. падеже отмечена как сочетаемостная особенность глаголов непроизвольного движения, т. е. как своего рода показатель непроизвольности:

Он блуждает (мигает, моргает) глазами *от яркого света*; Большой скрипит (скрежещет) зубами *от боли*; Птица трепещет крыльями *от страха*.

Глаголы, обозначающие процесс издавания звука, имеют специальное предрасположение к такому управлению, ср. *Ржавые ставни скрипели от порывистого ветра*.

У лексем категории процесс-каузация диатеза однозначно каузативная — (Каузатор-Сб, Источник-Об). У лексем категории свойство один синтаксический актант и потому диатеза тоже единственная. Для процесса же остаются две возможности — диатеза с фоновым Каузатором, когда процесс идет за счет притока энергии извне (субъект — Источник, а Каузатор периферийный, как в *Стекла звенели от проезжающих карет*; это процесс с пассивным субъектом, медиальный), и диатеза без фонового Каузатора, когда Каузатор либо совмещается с Источником звука в одном поверхностно-синтаксическом актанте (*Звенят цикады*), либо просто исчезает.

З а м е ч а н и е о категории процесс-каузация. Нижеследующие примеры с глаголами *звенеть*, *стучать* (из ММ) показывают, что даже широкий контекст не всегда дает возможность понять, было ли звуковое событие контролируемой деятельностью субъекта, т. е. было ли издавание звона / стука его сознательным действием:

Римский же *позвенел* ключом, вынул из ящика несгораемой кассы деньги, отсчитал пятьсот рублей, позвонил, вручил курьеру деньги и послал его на телеграф. Один уже подносил спичку Бегемоту, вынувшему из кармана окурок и всунувшему его в рот, другой подлетел, *звеня* зеленым стеклом и выставляя у приборов рюмки, лафитники и тонкостенные бокалы, из которых так хорошо пьется нарзан под тентом...

На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо *звеня* золотой цепью повода, темнофиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом.

Конвой поднял копыя и, мерно *стуча* подкованными калигами, вышел с балкона в сад, а за конвоем вышел и секретарь.

Сперва она бросилась меня целовать, затем, хриплым голосом и *стуча* рукою по столу, сказала, что она отравит Латунского.

Прокуратор *стукнул* чашей, наливая себе вина. Осушив ее до самого дна, он заговорил.

В таблице 2 представлен набор лексем слова *звенеть*; номера лексем, как было сказано, соответствуют строкам таблицы 1.

Таблица 2

Основная часть семантической парадигмы глагола *звенеть*

<i>звенеть</i> 1	процесс-каузация	<i>Кони [Каузатор] тихо звенели уздечками [Источник]</i>
<i>звенеть</i> 2.1	процесс: с фоновым Каузатором	<i>Ветки [Источник] звенят на морозе [Каузатор]</i>
<i>звенеть</i> 2.2	процесс: без фонового Каузатора	<i>Звенят бокалы</i>
<i>звенеть</i> 3	свойство	<i>Эти бокалы звенят как колокольчики</i>

Например, глагол *стучать*, с исходным значением *стучать* 1, процесс-каузация (*Дождь стучит по крыше*), имеет семантический дериват с контролируемой каузацией — деятельность (*Кто-то стучит в дверь*); это значение возникает в контексте целенаправленного субъекта, когда деятельность обретает цель. Так что изменение таксономического класса участника приводит к изменению категории глагола.

Разные цели дают разные деятельности. Так, у *хлопнуть* есть два производных значения с категорией деятельность: *хлопнуть* = ‘ударить, произведя глухой звук’ (например, *по плечу* — обычно с целью выразить отношение) и *хлопнуть* = ‘убить’ (*А все-таки зря старичишек хлопнул*, МАС). Одновременно меняется и тематический класс глагола.

Тематический класс глагола зависит от таксономического класса участника. Так, лексема *свистеть* 2.2, процесс, имеет — в контексте, где субъект обозначает движущийся предмет, — производное значение звука, сопровождающего движение, и, далее, движения, сопровождаемого звуком (*Свистят пули*). В контексте, где таксономический класс субъекта — ЗВУК, значение 2.2, процесс издавания звука, закономерно преобразуется в бытийное значение. Например, *Звенела музыка в саду* обозначает уже не процесс издавания звука, а только наличие звука в поле зрения Наблюдателя — поскольку субъект уже звук. В контексте *Прогремель выстрел*, где субъект (*выстрел*) — событие, глагол *прогреметь* обозначает не звук, а событие, сопровождаемое звуком. В контексте *Соколовская гитара до сих пор в ушах звенит* глагол *звенеть* приобретает значение воображаемого восприятия, см. об аналогичном семантическом переходе у *видеть* в главе 2 (NB: *звон в ушах* — это другое явление, из области физиологии). Значение 3, свойство, в контексте, где субъект — устройство, преобразуется в значение функционирования — как в *Свисток не свистит* [▷ ‘испорчен’].

Номера используются для различения значений только в контексте цельной парадигмы слова. Вне такого контекста предпочтительны не номера, а краткие пояснения — это может быть иллюстративный контекст, гипероним, категория. Скажем, *звенеть* ⟨ключами⟩ — это то значение *звенеть*, которое возникает в контексте типа *шел, звеня ключами*, т. е. в каузативной диатезе; *звенеть* [о музыке] — это как в контексте *В саду звенела песня*, бытийное значение, и т. д.

Члены парадигмы связаны отношением семантической деривации, и, в принципе, толкование для производной лексемы может быть получено модификацией толкования более исходной, см. § 3. Исходная лексема парадигмы имеет, естественно, независимое толкование. Например, *звенеть* в значении 1, т. е. при категории процесс-каузация, имеет следующее схематическое толкование:

X *звенит* Y-ом (как, например, в *Кони звенят уздечками*) =

экспозиция	— Источник [Y] находится в контакте с Каузатором [X]
Каузатор	— X пребывает в движении; X воздействует на Источник [Y]
это вызывает	
эффект	— Источник [Y] издает звук: такой, как...
рамка	— Наблюдатель слышит звук

Рамка — это тот участок толкования, где фигурируют закадровые участники — говорящий, Наблюдатель.

Схематические толкования глаголов звука не ставят задачи точно охарактеризовать качество звука (например, отличить *грохотать* от *громыхать*, *шуршать* от *шелестеть*), поскольку оно не отражается на сочетаемости глагола с достаточно крупными классами слов.

Выбор исходного значения в парадигме глагола звука составляет проблему. Одна возможность — принять за исходное то значение, которое реализу-

ется в каузативной диатезе. Идеальные глаголы звука — это произвольные действия: в Апресян 1995: 348 глаголы издавания звука *скрипеть*, *скрежесть* идут в одном ряду с глаголами *моргать*, *трепетать* (крыльями), *вилять* (хвостом), *блуждать* (глазами). Часто эти глаголы обозначают произвольные последствия (действий, деятельности, процессов или реакции на события). Деятельность как нечто, осуществляемое сознательно, для многих глаголов звука — производная категория, а для некоторых вообще исключена. Так что, в принципе, можно было бы считать корневой лексемой в парадигме глагола звука процесс-каузацию, как в *Кони звенят уздечками*.

Другой претендент на роль корневой категории в парадигме глагола звука — процесс (*звенят шпоры*, *гремит посуда*, *скрипят половицы*). Быть может, даже более законный, поскольку некоторые глаголы звука (например, *шипеть*, *шуметь*) практически не имеют каузативной диатезы в стандартном не фразеологическом употреблении: **Паровоз шипит паром*.

Проблема в том, что ни при одном, ни при другом решении нельзя предложить естественную модель семантической деривации, которая связывала бы эти употребления друг с другом и работала за пределами класса глаголов звука. В Падучева 1998а за исходный член деривационной парадигмы была принята лексема с каузативной диатезой, а значение процесса у слова *греметь* в сочетании *гремит посуда* было представлено как результат семантической деривации, а именно, медиальной декаузативации. Действительно, декаузативация как семантическая модель в русском языке весьма продуктивна, ср. глаголы на *-ся* типа *разбиться*, *открыться*, соотнесенные с невозвратными *разбить*, *открыть*. Однако декаузативация последовательно маркируется частицей *-ся*, а присоединение *-ся* к глаголам звука абсолютно исключено: **уздечки звенятся*. Кроме того, декаузативируются переходные глаголы, а двухактантное употребление глаголов звука принципиально непереходное. Не говоря о том, что каузативное употребление глаголов звука интуитивно неисходное: оно возможно далеко не для всех глаголов и накладывает большие ограничения на таксономический класс Каузатора; например, исключен событийный Каузатор, который является основным для типичных декаузативов: *Стекла звенели от проезжающих карет* несоотносимо с *Проезжающие кареты звенели стеклами*.

С другой стороны, если признать исходным одноактантное употребление, мы сталкиваемся с тем, что каузативация — а формально немаркированная каузативация тем более — русскому языку абсолютно не свойственна (ср. сочетание *оттаивать мясо*, которое находится за границами литературной нормы). Мы оставляем поэтому вопрос о направлении семантической деривации в парадигме глаголов звука открытым.

Обратимся теперь к тому участку парадигмы, где происходит выход за пределы тематического класса. Здесь два случая: глагол звука — исходный пункт семантической деривации и глагол звука — дериват. Так, *громыхать* в исходном значении — глагол звука (*Слышно, как на кухне громыхают кастрюли*), а в производном — глагол перемещения (*Каталка с кружками и ложками громыхала по коридору*). С другой стороны, глагол *плескать* в исходном значении — глагол перемещения (*плескал воду себе на грудь*), а в производном — глагол звука: *Море тихо плещет* = ‘вода, ударяясь обо что-то, издает звук’.

Наличие у слова значений, относящихся к разным тематическим классам, вполне естественно. Для возникновения у лексемы значения, относящегося к иному тематическому классу, часто достаточно, например, смещения акцента (в толковании) с одного компонента на другой, см. гл. I.5. Так, *грохотать*, *грохнуть* — глаголы издавания звука, причем этот звук может сопровождать падение; но кроме того, *грохнуть* может значить ‘упасть’, ‘бросить / уронить с грохотом’ (*грохнул мешок с инструментами на пол*); падение становится главным, акцентуемым компонентом. Слово *загреть* в значении ‘упасть’ (*загрел с лестницы*) — дериват от *грать*, хотя компонент издавания звука становится уже даже не обязательным.

Как мы видели неоднократно, значение глагольной лексемы существенно зависит от таксономического класса участников. В этой связи требует пояснения таксономический класс слова *голос*, которое, естественно, часто встречается в контексте глаголов звука.

В своем первичном значении *голос* — это *голосовые связки*, т. е. орган, предназначенный для издавания звука (орган можно определить как устройство / инструмент, составляющий часть тела), ср. *Чей-то голос произнес*.

З а м е ч а н и е. Кроме того, слово *голос* обозначает способность выполнять соответствующую функцию, ср. *голос пропал*. Однако СПОСОБНОСТЬ — абстрактная категория, без которой можно обойтись; все соответствующие употребления объяснимы на базе родовой категории ОРГАН: *слабеет голос мой* — это как *слабеет фонарик* или *слабеет насос* (см. о регулярной многозначности ‘орган’ — ‘способность’ в гл. I.4). *Голос* как ОРГАН характеризуется, прежде всего, с точки зрения свойств издаваемых звуков (Крейдлин 1994), поэтому *низкий голос* — это орган, издающий низкие звуки; *голос мой отроческий зазвенел* (П.) — значит ‘стал издавать звенящие звуки’ и т. д.

Во втором значении *голос* — это звук, актуально издаваемый органом: *раздался, послышался голос, вдали звенели голоса*. И поскольку *орган* — это инструмент, а инструмент, предназначенный для издавания звука, — частный случай Источника звука, получается, что *голос* — это Источник звука и одновременно сам звук. Контекст может снимать неоднозначность. Так, во фразе *Голос у нее звенит* глагол *звенеть* обозначает свойство Источника (*голос* — ОРГАН), как в *Эти бокалы звенят как бубенчики*, а в контексте *В вечернем воздухе звенели женские голоса* глагол *звенеть* имеет бытийное значение (*голос* — ЗВУК), как в *Звенела музыка в саду*. Но фраза

Буду слушать твой голос

имеет две интерпретации: одна — как *слушать радио* (*голос* — УСТРОЙСТВО), а другая — как *слушать музыку* (*голос* — ЗВУК), хотя по существу она однозначна.

Регулярная многозначность типа ‘источник звука’ — ‘звук’ объединяет слово *голос* с названиями музыкальных инструментов: все имена музыкальных инструментов (и их активных частей, таких как *струна*) могут обозначать и самих себя и, метонимически, издаваемый звук, ср. *играю на скрипке* и *слышу скрипку*. И здесь та же неоднозначность:

(6) *Гремят литавры* =

а) *литавры* обозначают источник звука, и *гремят* имеет значение процесса с фоновым Каузатором;

б) *литавры* обозначают звук, и у *гремят* бытийное значение.

Особый — слабо ощутимый — характер неоднозначности в примере (6) объясняется тем, что два значения слова *литавры* связаны метонимически.

§ 2. Дефектные парадигмы

У глагола звука семантика корневой лексемы дает возможность предсказать всю парадигму (в ее основной части). В принципе, глагол звука имеет полную парадигму, а если это не так, т. е. если у какого-то глагола парадигма дефектная, то тому должны быть семантические или какие-то иные причины.

Глагол *звенеть* имеет все четыре лексемы, принадлежащих к основной части парадигмы, т. е. его основная парадигма полная. Примерно такая же парадигма у *греметь*, *грохотать*, *гудеть*, *скрипеть*, *трещать*, *стучать*, *шелестеть*, *шуршать*.

З а м е ч а н и е. У *звенеть* обнаруживается, в дополнительной части парадигмы, следующий дефект, отличающий *звенеть*, например, от *свистеть* и вообще от всех других глаголов звука. В контексте субъекта Т-класса УСТРОЙСТВО (со специальным предназначением для издавания определенного рода звуков) этот глагол не употребляется в значении функционирования, а должен быть замещен своим “дальним родственником” — *звонить*: сказать про звонок, что он не работает, можно только словами *Звонок не звонит*; а *Звонок не звенит* понимается исключительно в актуальном смысле. Дело в том, что значение свойства всегда производно от итератива, а *звонить* — исторически каузатив и итератив от *звенеть* (как *носить* — каузатив и многократная форма от *нести*). Таким образом, в парадигме глагола *звенеть* строка “функционирование” отсутствует; это значение передается глаголом *звонить*: из-за наличия *звонить* соответствующее значение у *звенеть* не развивается — в силу “принципа системного вытеснения”.

У глагола *скрежетать* употребление в значении свойства вынужденное — так сказать, форсированное (*Колеса у велосипеда скрежещут, надо смазать*). Основная категория у этого глагола — актуально текущий процесс:

(1) Колеса отвратительно *скрежетали* по щебню (Горький).

Напротив, *дребезжать* чаще употребляется в значении свойства (*пианино, голос дребезжит*); хотя и значение актуального процесса не исключено:

(2) Когда гремел мазурки гром, / В огромной зале все дрожало, / Паркет трещал под каблуком, / Тряслися, *дребезжали* рамы (П.); Подвязанное снизу ведро ожесточенно *дребезжит* (Серафимович); *дребезжит* сдаваемая посуда (Бродский).

Синтаксис глагола *скрежетать* отражает тот факт, что условия, при которых возникает скрежет, могут варьироваться: скрежетать может единый предмет, состоящий из металлических частей; но тот же звук получается при ударах одного предмета о другой. Пример (3) демонстрирует соответствующие две диатезы глагола *скрежетать*:

(3) а. Лодка *скрежетала* цепями;
б. Лодка *скрежетала* цепями о причал.

Здесь *о причал* — участник, который может быть назван Медиатором⁶⁷: в контексте контролируемой каузации его роль близка к Инструменту, но, в отличие от типичного инструмента, этот участник неподвижный, ср. *разбила очки о камень; бьется головой об лед, вытерла руки о подол*.

Той же “денотативной двойственностью” характеризуется и ситуация, описываемая глаголом *свистеть*. Свист может производиться двумя способами:

— при прохождении струи воздуха под напором через узкое отверстие; оно участвует в издавании звука, но не может трактоваться как полноценный Источник (ни, тем более, как «инструмент для издавания свиста») и не оформляется твор. падежом; скорее, это Место⁶⁸:

(4) ветер *свистит* в проводах;

— при рассекании воздуха быстро движущимся предметом (*наотмашь свистнул шапкой*) и при трении; за счет этого употребления в парадигме *свистеть* есть лексема 2.1, процесс с фоновым Каузатором (*Свистят на осях колеса; Где-то свистнула дверь*).

У *стучать*, в отличие от *свистеть*, корневая лексема со значением процесса-каузации хорошо внедрена в лексикон, поскольку есть много предметов, которые издают этот звук под воздействием движущегося предмета. Неконтролируемый стук встречается в природе, а контролируемое употребление (например, *стучать в дверь, стучать соседу*) получается по общему правилу — слово переходит в тематический класс глаголов передачи информации, когда звук производится субъектом с семиотической целью.

Глаголы *шелестеть* и *шуметь* не обозначают деятельности. Им свойственно обозначать эффект, сопутствующий деятельности, отсюда их преимущественно деепричастная форма. У этих глаголов практически не употребляется форма 1-го лица ед. числа: **Я шелещу*, **Я шумлю*. В контексте 1-го лица множ. числа чувствуется эмпатия к собеседнику:

(5) Мы тут *шумим*, наверное, вам мешаем.

У *шуметь* весьма ощутимый оценочный компонент (шум — это плохо) и почти полное отсутствие спецификации звука⁶⁹ — это глагол интерпретации, см. о них гл. 5 § 5. Он не имеет каузативного употребления: *На кухне гремят (*шумят) кастрюлями*.

Глагол *звонить* — белая ворона в классе глаголов звука: у него отсутствуют лексемы со значением процесса-каузации: невозможно **Ветер звонил колоколом*. Основная категория для *звонить* — деятельность (*Квазимодо звонит в колокол*); допустимо бытийное значение (*Звонят колокола*) и значение свойства (*Будильник не звонит* при одном из пониманий означает ‘не функционирует’). Источником у *звонить* может быть только устройство: (*не*) *звонит* может быть сказано только о звонке, будильнике, колоколе — при том, что (*не*) *звонит* можно сказать о любом предмете, (*не*)способном издавать этот звук. По этой причине

⁶⁷ Медиатор — это гиперроль, объединяющая таких участников, которые 1) являются либо обычным Инструментом, либо пассивным посредником между Каузатором и Пациентом и 2) либо сознательно используются Агенсом, либо невольно оказываются в таком положении.

⁶⁸ То же для *гудеть*, ср. *Ветер гудит в трубе, Трубы гудят (*от ветра)*.

⁶⁹ Некоторое ограничение на характер звука все-таки есть: шум всегда создается совокупностью разнородных звуков.

у *звонить* нет диатезы с фоновым Каузатором: пользоваться устройством может только целеполагающий субъект, а он не может быть фоновым Каузатором.

Дефектную парадигму имеет глагол *звучать* (см. о нем в § 5), который уникальным образом соединяет свойства глагола звука и глагола восприятия.

В парадигме глагола звука есть семантические дериваты, подобные тем, которые есть у глагола восприятия. Например, соотношение между бытийным *звенеть* (*Звенит песня*) и метафорическим (*Ее голос звенит у меня в ушах*) такое же, как между обычным *вижу* и *вижу* в значении ‘представляю’: *вижу как сейчас*. Во втором случае человек воспроизводит в сознании зрительный образ предмета, с которым в данный момент нет перцептивного контакта, тогда как у обычного *видеть* зрительный образ порождается зрительным же контактом субъекта с воспринимаемым объектом. Глаголы звука роднит с глаголами восприятия Наблюдатель и соответствующий ему перцептивный компонент значения.

Значения слова неравноценны: одни более независимы, другие возникают под влиянием контекста. В Апресян 1995: 150 вводится понятие синтаксически обусловленного значения, которое легко проиллюстрировать на глаголах звука. Так, в примере (9) *по коридору, по ступи* — обстоятельства, обозначающие Среду движения, и именно они заставляют переосмыслить глагол звука как глагол движения:

(6) *По коридору* застучали знакомые каблуки; Только пули свистят *по ступи*.

Ту же роль играет *мимо* в (7) (ср. Кронгауз 1998, Филипенко 1997):

(7) Поезд громыхал в темноте *мимо запертых ставень* (Бродский).

В (6), (7) синтаксический актант не только обуславливает, но и *в ы н у ж д а е т* у глагола звука значение движения. То же в примере (8) — благодаря управлению, возможному только для глагола речи (*на ухо*), у *дребезжать* возникает значение ‘говорить дребезжащим голосом’:

(8) — Вставай, вставай! — *дребезжала* ему на ухо нежная супруга (Г., МАС).

Не всегда, однако, можно сказать, контекст ли обуславливает изменение значения или, наоборот, изменение значения отражается в синтаксисе. Так, переходя в класс глаголов сообщения информации, глагол звука приобретает свойственную глаголам речи валентность Адресата, ср. *стучать пальцами по столу* и *стучать кому-то*. Показателем перехода в иной тематический класс могут также быть: объект, ср. *щелкнуть языком* и *щелкнуть кого-либо по носу*; Результат — звуковой объект определенной структуры: *свистеть мелодию*; Инструмент — ср. *бренчать ключами* и *бренчать на гитаре*. Но едва ли значение глагола в этих контекстах следует считать синтаксически обусловленным, ср. дискуссии по этому поводу в связи с Goldberg 1995.

Итак, на глаголах звука подтверждается гипотеза о том, что между разными лексемами одного слова существуют регулярные деривационные соотношения, позволяющие сопоставить слову не список, а парадигму лексем, связанных одна с другой продуктивными типами семантической деривации. В следующем параграфе речь идет о моделях семантической деривации, которые действуют в классе глаголов звука.

§ 3. Семантическая деривация

Можно различить четыре типа семантических дериваций — в соответствии с основными параметрами глагольного значения:

- изменение тематического класса глагола;
- изменение категории глагола;
- диатетический сдвиг, т. е. изменение коммуникативных рангов участников;
- изменение таксономических, референциальных и прочих характеристик участника.

Мы рассмотрим эти деривации в разделах 3.1—3.4.

3.1. Изменение тематического класса глагола

Глагол может принадлежать к тематическому классу глаголов звука либо в своем основном, исходном значении, либо в производном. В последнем случае лексема со значением звука является выходцем из иного тематического класса, как *треснуть*, см. примеры (1), (2) ниже. На примерах (3)—(6) демонстрируются семантические дериваты глаголов звука, принадлежащие к иным тематическим классам: *тарахтеть*, *звенеть*, *хлопать* в значении движения; *стучать* в семиотическом значении.

Мена тематического класса часто является результатом смещения акцентов с одного компонента толкования на другой. Такого рода семантическая деривация возможна в том случае, если в значении глагола имеется по крайней мере два полнозначных компонента. Преобразование может состоять тогда в том, что периферийный звуковой компонент, который с о п р о в о ж д а л воздействие (или деформацию, перемещение и под.), становится центральным.

Семантическая деривация задается правилом, которое позволяет из толкования исходной лексемы получать толкование производной. Мы ограничимся указанием схемы толкования для исходного и производного члена деривационной пары — общее правило будет самоочевидно. Здесь и далее в § 3 пример (а) — исходная лексема, пример (б) — дериват.

1) ‘деформация / воздействие’ ⇒ ‘издавание звука’ [такого, как при этой деформации / воздействии]:

- (1) а. *Х треснул* (например: *Банка треснула*) =
экспозиция — *Х* был целый
фондовый Каузатор — произошло нечто
это вызвало
последствие — в *Х-е* имеется разлом [Центр]
(возможное последствие — *Х* издал звук: треск [Периферия])
- б. *Х треснул* (например: *Что-то треснуло в овраге — это медведь*) =
фондовый Каузатор — произошло нечто (возможно — разлом в *Х-е*)
это вызвало
последствие — *Х* издал звук: треск [Центр]

Различие между (1а) и (1б) в том, что в (1а) в Центре находится событие (возможно, но не обязательно каузирующее звук) — возникновение разлома;

а в (1б) это событие уходит в фон и издавание звука становится центральным компонентом. То есть компоненты обмениваются акцентными статусами. Аналогично в (2):

- (2) а. А стукнул X-а Y-ом (как в *Он [А] стукнул меня [X] прикладом [Y] по голове*) =
Каузатор — А действовал с Целью
способ — резким движением привел Y в контакт с X-ом
 это вызвало
результат — X претерпел воздействие (болевое ощущение, деформация и под.) [Центр]
возможное последствие — X издал звук: стук [Периферия]
- б. А стукнул Y-ом по X-у (как в *Он стукнул кулаком по столу*) =
Каузатор — А действовал с Целью
способ — резким движением привел Y в контакт с X-ом
 это вызвало
результат — X издал звук: стук [Центр]
возможное последствие — Y претерпел воздействие [Периферия]

Данный тип семантической деривации непродуктивен.

Заметим, что признание наличия у слова *стукнуть* двух лексем из разных тематических классов — 1) воздействие (*стукнул палкой по голове*) и 2) издавание звука (*Кто-то тихонько стукнул в окно*) — наталкивается на трудности при аспектуальной идентификации этого глагола. Дело в том, что *стукнуть* в значении воздействия имеет производный итератив *стучать* (не *стучать!*); а у глагола звука *стучать*, как и у всех других глаголов звука, исходной является форма НСВ, и *стукнуть* — производный от нее СВ семельфактив⁷⁰.

Аналогично с глаголом *треснуть*: он может иметь значение деформации (*Лед треснул в нескольких местах*) и издавания звука (*В лесу что-то треснуло*). Однако от *треснуть* в значении деформации ближайший НСВ — *трескаться*; так, *Лед трещит* означает прежде всего ‘издает звук’. Тем самым одна лексема *треснуть* — корневая в семантическом поле глаголов деформации, а другая, со значением звука, — ее производный СВ, семельфактив от лексемы *трещать* из поля звука.

2) ‘издавание звука’ ⇒ ‘движение, сопровождаемое данным звуком’:

- (3) а. Слышишь, как *тарахтит* Ванин мотоцикл?
 б. Мотоцикл весело *тарахтел* по проселочной дороге.
- (4) а. Стекла *звенели*; б. По улицам *звенели* трамваи.
- (5) а. Ваня [X] *хлюпал* носом и размазывал слезы по щекам.
 б. Два часа мы [X] *хлюпали* по болоту [Z].

В (5а) центральный компонент — ‘X издает всасывающие или чмокающие звуки’; а схема толкования для (5б) —

- Каузатор* — X действует: перемещается по Z-у [Центр]
 это вызывает
эффект — Z, находящийся в контакте с X, издает всасывающие или чмокающие звуки [Периферия]

⁷⁰ Таковую же аспектуальную тройку составляют *бурчать*, *буркнуть* и *буркать* (все относятся к тематическому классу глаголов звука): от многоактного *бурчать* производный СВ семельфактив *буркнуть*, а от *буркнуть* НСВ с итеративным значением — *буркать*.

Деривация достаточно продуктивна — такие глаголы, как *бахнуть*, *брякнуть*, *бухнуть*, *ухнуть*, *грохнуть*, *загремять*, все имеют производное значение перемещения, особенно в возвратной форме (*бухнулся в реку*).

Связь между глаголами звука и глаголами движения (*manner of motion verbs*) отмечается в Levin, Rapoport Novav 1996.

3) ‘издание звука’ ⇒ ‘использование звука в семиотической функции’⁷¹:

(6) а. *X стучит* (например, *Стучат колеса*);

б. *X стучит Y-у* (например: *Петя [X] стучал соседям [Y] — никого нет*) = *Каузатор* — *X* действует с *Целью*

способ — резким движением многократно приводит свою часть тела или инструмент в контакт с *Y-ом* с целью передать сообщение *Z-у*
это вызывает

эффект (соответствующий *Цели*) — *X* производит звук

следствие — тем самым *X* подает сигнал *Z-у*

Участники *Y* и *Z* не могут быть выражены одновременно иначе, как в диатезе с внешним Посессором, пример (7в):

(7) а. Петя [X] стучал в окно [Y];

б. Петя [X] стучал соседям [Z];

в. Петя [X] стучал ей [Z] в окно [Y] ⇐ Петя стучал в ее окно.

Компонент ‘*X* действует с *Целью*’ показывает, что дериват, принадлежащий к классу семиотических глаголов, имеет категорию деятельность. Деривация продуктивна: окказиональный семиотический дериват возможен у любого глагола, в денотат которого хоть как-то входит издание звука, ср. известное *Я не тебе плачу*.

Менее продуктивный переход — ‘издание звука’ ⇒ ‘воздействие, сопровождаемое данным звуком’. Пример — *треснуть* в значении ‘ударить’.

3.2. Изменение таксономической категории глагола

1) процесс-каузация ⇒ деятельность.

Значение неконтролируемого процесса-каузации перейдет в значение деятельности, если добавить в семантическую формулу слова целевой компонент. Так, издание звука становится деятельностью, если звук приобретает семиотическую функцию — превращается в сигнал, как в случае *стучать*, *звонить*, см. пример (6б) выше⁷². Глагол деятельности, даже такой как *отдыхать*, *играть*, всегда имеет словарно фиксированную цель.

В контексте наречий типа *нарочно*, *намеренно* или целевого показателя, как в (8), значение деятельности является синтаксически обусловленным:

(8) нарочно *звенел* ключами, чтобы было не страшно.

2) процесс ⇒ свойство.

В (9а) глагол обозначает процесс испускания звука, а в (9б) — свойство источника испускать данный звук:

⁷¹ Т. е. в функции означающего по отношению к некоему означаемому.

⁷² Направление производности между лексемами с неконтролируемой и контролируемой каузацией в разных классах глаголов разное. В основных тематических классах — таких как создание, разрушение, речь — исходная лексема имеет значение действия, а неконтролируемое значение возникает как производное. У глаголов звука, как и у глаголов восприятия, направление производности обратное. См. в этой связи Розина 2002.

(9) а. За стеной *дребезжит* пианино \; б. Пианино *дребезжит* \.

Этот семантический сдвиг маркируется просодией: значение процесса акцентирует Источник звука или Звук, см. (9а), а значение свойства продвигает носителя свойства в тематическую позицию и требует акцента на глаголе, см. (9б).

3.3. Диатетические сдвиги

На основании примеров типа (10) можно подумать, что глаголы издавания звука принадлежат к числу лабильных, т. е. употребляются как декаузативы самих себя:

(10) а. Цыганка *звенела* серебряными браслетами;
б. *Звенели* серебряные браслеты.

Однако лабильность русскому глаголу не свойственна — как правило, переход Пациенса в позицию субъекта требует возвратной частицы:

(11) Река *разрушила* мост — Мост *разрушился*.

Другое дело, что в (11) глагол переходный, тогда как Источник звука в (10а) — это периферийный участник в твор. падеже; для периферийных участников переход в позицию субъекта — вещь обычная.

Принципиальная непереходность глаголов звука составляет загадку. Можно думать, что глаголы звука — это, по сути, глаголы создания; их внутренний объект — ЗВУК, который, однако, остается инкорпорированным участником (проявляя себя в конструкциях типа *звенели тихим звоном*). Участник ЗВУК дает себя знать также в отглагольных именах: слова типа *звон*, *скрежет* — это имена звука, т. е. внутреннего объекта (*cognate object*) глаголов *звенеть*, *скрежетать*, а не имена ситуации (ср. Урысон 1997). Слово *шум* связано с *шуметь* как *добыча* с *добывать*, *наследство* — с *наследовать*, а не как *дрожь* с *дрожать* или *преследование* с *преследовать*. Русский язык трактует источник звука не как Пациенса, а как Инструмент.

В основе парадигмы глаголов звука лежит диатетическое варьирование: Каузатор переходит из Центра в Периферию и становится фоновым Каузатором (или наоборот). С формальной точки зрения удобнее описывать диатетические сдвиги в направлении уменьшения числа обязательных участников, т. е. как декаузативацию. Возникает следующее соотношение:

⟨Каузатор-Сб, Источник-Периф⟩ ⇒ ⟨Источник-Сб, Каузатор-Периф, факультативный⟩.

Примеры.

(12) а. спускался по лестнице, брэнча *мелочью*;
б. Не брэнчи ты в кармане, *мелочь!* (Бродский)
(13) а. Ветер гудит *в проводах*; б. *Провода* гудят (от ветра).

Изменения в толковании видны на схеме. Строки 4—8 составляют Центр; остальное — Периферия.

ПРОЦЕСС-КАУЗАЦИЯ:	ПРОЦЕСС С ФОНОВЫМ КАУЗАТОРОМ:
0) Источник в контакте с Каузатором	0) (Источник в контакте с Каузатором)
1) —	1) (Каузатор находится в движении)
2) —	2) (Каузатор воздействует на Источник)
3) —	3) (в результате этого)
4) Каузатор находится в движении	4) Источник издает звук
5) Каузатор воздействует на Источник	5) —
6) это вызывает	6) —
7) Источник издает звук	7) —
8) —	8) —
9) —	9) —
10) Наблюдатель слышит звук	10) Наблюдатель слышит звук

Три из четырех компонентов, которые в формате процесса-каузации соответствовали переднеплановому Каузатору и входили в Центр, в формате процесса с фоновым Каузатором входят в зону Периферия и к тому же являются факультативными (если в предложении нет соответствующих синтаксических показателей, они стираются, см. гл. I.6).

Одновременно с меной диатезы изменяется Т-категория: *Ветер стучит ставней* [процесс-каузация] — *Ставня стучит* [процесс].

В результате диатетического сдвига возникает фоновый Каузатор — факультативный участник, сирконстант.

Существенные соображения против декаузативной трактовки употреблений типа *грохочут кружки* выдвинуты в работе Levin, Song, Atkins 1997. Дело в том, что каузатор в каузативной структуре не совпадает с фоновым каузатором по таксономическому классу. Центральный каузатор — это чаще всего человек,двигающийся без специальной цели издавания звука; а фоновый каузатор к этому классу относиться не может. Получается, что для двух диатез единственный общий Т-класс — природная сила, ср. *Ветер хлопал дверью — От порывов ветра хлопала дверь*.

Фоновый Каузатор возможен у глагола звука не при всех его значениях: он отсутствует в контексте, где глагол выражает свойство: *Дверь скрипит, надо смазать* — в контексте *Дверь скрипит от малейшего прикосновения* категория у *скрипеть* ‘процесс’, а не ‘свойство’.

Лексему со значением процесса без фонового Каузатора можно представить как полученную семантической деривацией совмещения ролей (трансформация, обратная расщеплению валентностей, Апресян 1974):

⟨Каузатор-Сб, Источник-Периф⟩ ⇒ ⟨Каузатор-Источник-Сб⟩.

Так, в (14б) значение “активного” процесса (без фонового Каузатора) обязано своим существованием контексту такого субъекта, который содержит Источник звука в себе самом (или является Источником звука, который приходит в активное состояние *как бы* сам по себе). Таким субъектом может быть устройство, предназначенное для издавания этого звука, а также живой организм:

- (14) а. Ваня *звонит* ключами;
 б. *Звонит* звонок; *Звенят* цикады.

3.4. Изменение таксономического класса участника

Изменение значения глагола может быть обусловлено изменением таксономического класса участника-субъекта. Ниже стрелка → обозначает соотношение между таксономическим классом субъекта при исходном значении и при производном.

1) МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ → ЗВУК:

(15) а. *Посуда* гремит [процесс]; б. Гремит *музыка* [бытийное значение].

В результате этой замены у глагола возникает бытийное значение. У лексемы с бытийным значением все компоненты, связанные с возникновением звука, отходят в фон: звук уже существует — он обозначен синтаксическим актантом глагола; на передний план выходит компонент 'Наблюдатель слышит звук'. Это и позволяет идентифицировать значение как бытийное.

Метонимическая связь между источником и звуком столь тесная, что, в нарушение закономерности самого общего характера (см., например, Апресян 1974: 186), одно слово может пониматься в предложении одновременно в этих двух своих значениях (такая возможность отмечена для метонимически связанных значений в Шмелев Д. 1973: 220). Так, в (16) *пианино* в его отношении к сказуемому *бередит* должно обозначать не сам музыкальный инструмент, а его звук, поскольку только звук может воздействовать на слух; между тем *разбуженное* относится к инструменту⁷³:

(16) Одним пальцем разбуженное *пианино* бередит слух (Бродский).

2) ЗВУК → СОБЫТИЕ / ПРОЦЕСС, которые сопровождаются издаванием данного звука:

(17) а. *Гремит* музыка; б. *Гремит* выстрел.

В (17а) субъект — ЗВУК, и значение глагола сводится к указанию на наличие процесса издавания звуков определенного вида. В (17б) субъект — СОБЫТИЕ, сопровождающееся звуком; предложение выражает поэтому наличие не только звука, но и процесса. Нечто похожее в примере (18):

(18) Морозно, остро пахло зимним лесом, а на безвестных станциях вдоль эшелона *хрустели* торопливые *шаги* (МАС).

Видимо, шаги по морозному снегу сопровождались хрустящим звуком.

Изменение таксономического класса участника требует модификации схемы толкования глаголов процесса (см. о модификациях толкования в Апресян 1980: 86, ср. также Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 9): если субъект процесса — устройство, специально предназначенное для подачи сигнала, издавание звука имеет семиотическую цель (*звонит будильник, звонок; звонит колокол*), и в толковании к компоненту 'Наблюдатель слышит звук' должен быть добавлен компонент 'Наблюдатель воспринимает сигнал'. Модификация толкования происходит также в контексте субъекта, обозначающего устройство или инструмент, у которого издавание звука свидетельствует о том, что

⁷³ Проблема такого рода совмещения значений обсуждается в Перцов 1996, где приводится пример из работы Н. Н. Перцовой (1988): *Через край полная аудитория была неспокойна и издавала глухой, сдавленный гул* (Герцен. Былое и думы); слово *аудитория* совмещает значения 'помещение' и 'люди, находящиеся в помещении'.

идет определенный процесс (*скрипят перья, трещит пулемет*) или произошло определенное событие (*щелкнул курок*).

§ 4. Метафорические и метонимические переносы; вовлечение в ситуацию несобственных участников

Издавание звука может переосмысляться как движение звука по направлению к Наблюдателю — возникает дейктическая ориентация ситуации на Наблюдателя. Местоположение Источника звука интерпретируется в этом случае как Исходный пункт движения; тем самым в ситуацию вовлекается несобственный участник Исходный пункт:

(1) Откуда-то сверху *гудит* колокол; Колокольчик *звенит* издалека.

О метафорической концептуализации восприятия как движения см. Talmy 2000: 99.

Участники ситуации издавания звука могут быть связаны отношением части и целого, что служит основой для метонимических замен. Так, в (2) звук реально издает не печь, а находящиеся в ней — или составляющие ее часть — поленья:

(2) (...) Веселым треском / *Трещит* затопленная печь (Пушкин. Зимнее утро).

Аналогичную трактовку можно предложить для (3), где (а) и (б) связаны как вместилище и содержимое:

(3) а. Магнитофон *гудит*; б. Вся квартира *гудит* (от этого магнитофона).

Глагол *гудеть* в (3б) имеет обычное значение процесса (с фоновым Каузатором), но за счет метонимического сдвига: говорящий представляет квартиру как единый источник звука.

Вообще, части и вместилища “собственных” участников ситуации издавания звука могут стать несобственными участниками этой ситуации — такими, которые отсутствуют в исходном употреблении, но возникают в производных. См. пример (4); поскольку струны — это часть гитары, *струны* являются имплицитным участником в ситуации примера (4а); а в (4б) становятся эксплицитным. Значение у *звенеть* одно и то же, а различие между двумя концептуализациями ситуации только коммуникативное — смещается фокус внимания, предметы выходят из тени на свет:

(4) а. *Звенела* гитара; б. *Звенели* струны гитары.

То, что метонимический сдвиг небезразличен для концепта ситуации, очевидно. См. пример (5), где между (а) и (б) различие смыслов еще более существенное:

(5) а. Он судорожно *хрустел* бумажками;

б. Правая рука его судорожно *хрустела* бумажками (МАС).

У одушевленного субъекта всегда остается возможность контролировать ситуацию — смысл глагола не исключает этой возможности; а подстановка на место субъекта его части тела делает движение однозначно неконтролируемым.

Формирование значения, представленного примером (б), тоже включает метонимический перенос “часть → целое”, но он касается не обычного участника, а Наблюдателя:

(6) Ее голос до сих пор *звонит* у меня в ушах.

Инкорпорированный участник *уши* неявно входит в толкование всех глаголов звука — через Наблюдателя, который *слышит*, т. е. воспринимает ухом.

В примере (7) оба участника метонимического сдвига (из которых одна часть другого) представлены в предложении:

(7) Броненосец грозно *скрежетал* якорными канатами.

Участник *броненосец* в (7) допускает двойную ролевую интерпретацию:

Схема 1. *броненосец* — Каузатор, воздействующий на *канаты* — Источник звука; тогда *скрежетать* обозначает процесс-каузацию;

Схема 2. *броненосец* — расширенный Источник, как *квартира* в (3б); звук представляется исходящим не от канатов, а от броненосца в целом (*канаты* — лишь место максимального сосредоточения звука, как *магнитофон* в (3а)); глагол *скрежетать* имеет значение процесса, каузируемого извне — фоновым Каузатором. Диатеза у *скрежетать* в (7) может быть тогда представлена как результат расщепления посессивной группы в (7'), т. е. как конструкция с внешним Посессором:

(7') Якорные канаты *броненосца* [или: *на броненосце*] грозно *скрежетали*.

В этом значении (7) синонимично (7') с точностью до коммуникативной структуры.

Контекст может усиливать различие между этими двумя интерпретациями; так, в (8а) злобность приписывается мотору, а в (8б) — мотоциклу:

(8) а. Неисправный мотор мотоцикла злобно *тархтел*;
б. Мотоцикл злобно *тархтел* неисправным мотором.

Для (7) каузативная трактовка предпочтительна. Она поддерживается тем, что броненосец — транспортное средство, способное двигаться как бы самостоятельно. А части транспортных средств могут трактоваться как отдельные сущности, подвергающиеся воздействию со стороны целого; например:

(9) Поезд, *скрежеща* тормозами, остановился;
Танки двигались к вокзалу, рыча моторами, *скрежеща* гусеницами.

Чем меньше “каузирующая способность” у субъекта, тем менее вероятна каузативная интерпретация глагола. Так, в (10б), где целое (*лодка*) не воздействует на часть (*днище*), категория глагола — процесс:

(10) а. [Днище лодки] *скрежетало* о камни;
б. [Лодка] *скрежетала* [днищем] о камни.

Здесь (а) и (б) практически синонимичны. Аналогичная синонимия в (11):

(11) а. [Конец весла] *задел* подол ее платья;
б. [Весло] *задело* своим [концом] подол ее платья.

В примере (12б), (13б) субъект явно не Каузатор; но будучи Целым по отношению к Источнику — Части, он понимается как расширенный Источник, т. е. как участник, вовлеченный в ситуацию в результате метонимического сдвига. Глагол имеет значение процесса:

(12) а. [Ветки деревьев] слабо *звенели*; б. [Деревья] слабо *звенели* [ветками].
(13) а. [Стремена конной статуи] *звенели*; б. [Конная статуя] *звенела* [стремениами].

Имя части тела одушевленного лица может трактоваться как отдельная сущность, испытывающая воздействие (т. е. как Источник; тогда само лицо — Каузатор), и просто как часть. Отсюда возможность двоякого понимания (14б); *больной* — либо Каузатор издаваемого звука, и тогда *зубы* — Источник, либо расширенный Источник:

(14) а. [Больной] *скрежетал* [зубами]; б. [Зубы у больного] *скрежетали*.

Интерпретация твор. падежа зависит от семантики глагола. Так, в ситуации, обозначаемой глаголом *свистеть*, как уже говорилось, звук издает не Инструмент, а Место. Поэтому в (15) субъект — расширенный Источник, а твор. падеж обозначает его активную часть, тоже Место:

(15) Старик *свистит* в с е й г р у д ь ю [когда дышит].

Из рассмотренных примеров видно, что расщепление — это метонимический сдвиг, который меняет расстановку акцентов в концепте ситуации. Если же субъектом является такой участник, со стороны которого можно допустить хотя бы частичный контроль над ситуацией, то значения трансформов различаются еще больше. Так, в примере (16а), из Апресян 1974 категория *шелестеть* — процесс-каузация, а в (16б) и в (17) либо процесс-каузация, либо деятельность:

(16) а. Платье на красавице *шелестело*;

б. Красавица *шелестела* платьем [возможно, чтобы обратить на себя внимание].

(17) Собака шла через зал, *стуча* когтями по паркету; Танцоры *стучали* каблуками в такт музыке.

Но в (18) смысловое различие между двумя диатезами *стучать* минимальное:

(18) а. Тут Маргарита взволновалась настолько, что у нее *застучали* зубы и по спине прошел озноб (ММ);

б. Его затрясло, тело его наполнилось огнем, он *стал стучать* зубами и поминутно просить пить (ММ).

§ 5. О глаголе *звучать*

В заключение рассмотрим глагол *звучать*, который в своем исходном значении является глаголом звука, но имеет широкий спектр значений из других тематических классов.

Ниже приводится иерархия значений слова *звучать*⁷⁴. Так наз. “легенда” указывает, как данное значение связано с каким-то из предыдущих.

звучать 1а, устар. — ‘лицо К воздействует на [физический предмет] X таким образом, что X издает звук’:

Наш брат [К ,] *звуча* цепями [X], ссыльный/Под ним сидит, обритый, пыльный (Некрасов); Отряды конницы летучей, /Браздами, саблями *звуча*, /Сшибаясь, рубятся сплеча (П.).

Легенда: *звучать* 1а — исходная лексема парадигмы⁷⁵.

⁷⁴ Примеры в этом параграфе взяты, в основном, из текстов, помещенных в Интернете.

⁷⁵ Выбор исходного значения продиктован структурными соображениями: значение “звукоспускания” дает для *звучать* самое стандартное соотношение между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями.

звучать 1б [об источнике звука]— ‘X издает звук [Z]; Наблюдатель слышит звук’:

- (1) Как звонко под его копытом / *Земля* [X] промерзлая звучит! (П.);
Звучат *ключи, замки, запоры* (П.); звучали, перестукиваясь, *буфера*.

Легенда: *звучать* 1б — дериват *звучать* 1а, как бы декаузатив: Каузатор звука, который у *звучать* 1а занимал позицию субъекта, уходит за кадр.

Участник Z звук при этом значении инкорпорированный.

Лексема *звучать* 1б может употребляться в генерализованном значении, т. е. в значении свойства источника звука (то же значение есть у *звенеть* и у других глаголов звука):

- Рояль в этом зале *не звучит* [т. е. звучит плохо] = ‘звучание рояля плохое’;
Комплект [пластинок] *звучал* очень хорошо, но не могу сказать, что его *звучание* было выдающимся.

звучать 2а [о звуке / процессе]— ‘в момент t имеется звук Z / идет процесс, сопровождаемый издаванием звука Z; Наблюдатель слышит Z’:

- Сзади нее звучали *шаги* [Z];
Поканье подкованных каблучков *звучало* еще громче, чем тиканье часов;
Старинные, знакомые *мотивы* / Порой вечернею откуда-то звучат (Плещеев, МАС).

Легенда: *звучать* 2а — дериват *звучать* 1б; категориальный сдвиг в позиции субъекта: у *звучать* 1б субъект обозначает источник звука, а у *звучать* 2а — сам звук.

В примере (2) *звучать* 2а, а не 1б, как в примере (1): *земля (промерзлая)* сама является источником звука, а в (2) таковым является дерево, которое рубят, так что *топор* понимается как метонимическое обозначение звука, а не как прямое обозначение его источника:

- (2) *Топор* звучал все глуше и глуше.

В контексте качественного наречия глагол понимается как имя способа действия; например, *песня звучала глухо* = ‘звучание песни было глухое’. Это стандартное изменение значения глагола в контексте наречия.

звучать 2б [о речевом произведении]— ‘в момент t произносится текст Z; Наблюдатель слышит и понимает Z’:

- Много *слов* [Z] взаимной благодарности звучало на торжественном вечере;
Надо ли говорить, сколько *шутки, каламбуров и остроумия* звучало во время пленарных заседаний;
Он вдруг стал вспоминать, *что* звучало по радио в то время.

Легенда: *звучать* 2б — дериват *звучать* 2а; таксономический сдвиг в позиции субъекта: участник Z у *звучать* 2а — невербализованный звук.

Лексемы *звучать* 2а и 2б охотно сочетаются с обстоятельствами места, времени, длительности и даже с обстоятельством исходной точки метафорического движения звука (т. е. звук идет откуда-то / где-то / в некий момент):

- Само слово “скандал” [Z] практически не звучало с экрана телевизора.

Слово *речь* входит и в класс ЗВУК / ПРОЦЕСС, и в класс РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ, поэтому *звучать* в (3) может быть понято как *звучать* 2а и как *звучать* 2б:

- (3) Консул жалеет, что с новосибирского телеэкрана не *звучит* украинская р е ч ь.

звучать 3а [о речевом произведении, знаке] — ‘текст/знак R (созданный лицом А)⁷⁶ Наблюдатель N понимает как Z’:

Его *вопрос* [R] звучал *упреком* [Z];

Однако русские *имя и фамилия* звучали *заклинанием*;

Это *высказывание* в устах Пал Палыча звучало *как похвала*.

В примере (4) метонимия — *колоколá* замещает *звон колоколов*:

(4) *Колокола* звучали *как напоминание*.

В *звучать* 3а участник Z раздваивается; возникают: R, означающее, и Z, означаемое.

звучать 3б — ‘в тексте/знаке R (созданном лицом А) (с точки зрения Наблюдателя N) выражается Z’:

В его *вопросе* [R] звучал *упрек* [Z]; В этих *словах* звучит *недоверие*;

Сколько *сарказма* [Z] звучало в новогодних *поздравлениях* [R]!

Легенда: *звучать* 3б — конверсив от *звучать* 3а, ср. В ее *словах* звучала *угроза* и Ее *слова* звучали *как угроза*.

звучать 4 — ‘быть/казаться’; ‘текст/знак R (созданный лицом А) представляется Наблюдателю N (или является) Z-овым’:

Индивидуализм стал массовым явлением, как бы *парадоксально* [Z] *это* [R] ни звучало;

Звучит *солидно*, но не очень понятно;

Твое предложение звучит *привлекательно* = ‘кажется привлекательным’;

Наверно, мой вопрос звучит *наивно* = ‘является наивным с точки зрения N’;

Его доводы звучали *убедительно*.

Глагол *звучать* становится всего лишь связкой между субъектом и адьюнктом.

Понимание *звучать* в значении ‘быть/казаться’ возникает в контексте таких наречий, которые выражают отношение Наблюдателя (а точнее, Субъекта сознания, см. Падучева 1996: 280) к сути дела — а не к тому, что может в буквальном смысле “звучать”, т. е. к означаемому, а не к означающему. При этом значении возможно поверхностное выражение Наблюдателя:

По его мнению, это предложение звучало бы *для жителей Запада* [N] более привлекательно.

В XIX веке глагол *звучать* еще мог употребляться подобно глаголам звука, таким как *звенеть*, и иметь категорию процесс-каузация. В современном языке это употребление воспринимается как устаревшее. Сейчас *звучать* — это своего рода конверсив к *слышать*; т. е. *звучать* 1б, равно как и *звучать* 2а, б ≈ ‘слышаться’. Конверсив “своего рода”, потому что у *звучать* Эксперимент, т. е. слушающий, находится за кадром, как Наблюдатель:

(5) а. Я *слышу* смех, крик, соловья [Эксперимент — субъект];

б. *Звучит* смех, крик, соловей [Эксперимент — За кадром, Наблюдатель].

Лексема *звучать* 2б все чаще используется в современном языке для описания речевого действия, т. е. ситуации, в которой есть участник Субъект речи. Тем самым *звучать* покрывает не только зону ‘слышать’, но и ‘говорить’ — произносить слова и в словах выражать, т. е. делать доступным окружающим,

⁷⁶ Слова *речевое произведение* и *текст* употребляются как синонимы.

некий смысл. Весь фокус в том, что у глагола *звучать* нет синтаксической позиции для автора речи. Для восполнения этой недостачи *звучать* эксплуатирует участника R — Речевое произведение⁷⁷. Автор речи, т. е. тот, кто произносит слова и выражает мнение, может быть выражен генитивом или посессивом в составе именной группы, обозначающей Речевое произведение:

(6) Это звучало в субботу в заявлении [Z] Юрия Михайловича [автор Z-а].

Другой вариант выражения автора речи представлен примерами (7), (8):

(7) *Похвалы* [Z] в честь любимого издательства из уст ребятишек [автор Z-а] звучали наиболее торжественно;

(8) В *Его устах* [автор Z-а] слово “стадо” [Z] звучало совсем иначе, нежели в наши дни.

В контексте *звучать* 2а, где звуки неречевые, больше возможностей выразить Агенса:

Романсы звучали в исполнении солистки областной филармонии;

В большом читальном зале звучали песни на его стихи в исполнении лучших певцов;

Во второй части концерта звучали песнопения знаменного распева, исполненные тем же хором;

Драматично звучало у нее [= ‘в ее исполнении’] “Вниз по Волге-реке”.

Особый парадокс — в том, что этим ущемленным и оттесненным на задний план субъектом речи может оказаться даже сам говорящий:

Это звучало и в моем выступлении.

Глагол *звучать* оттесняет говорящего, поскольку представляет ситуацию речи с позиции слушающего. Но и слушающий остается за кадром.

Участник Речевое произведение позволяет “объяснить” лексемы *звучать* 3а и *звучать* 3б — описать их место в системе значений *звучать*. Эти лексемы выражают отношение между означающим и означаемым знака⁷⁸, в частности — речевого произведения. Так, *звучать* 3а — это конверсив от *выражать*. Конверсив — особого рода, поскольку участник Эксперимент у *выразить* входит в число синтаксических актанта, а у *звучать* он за кадром. Иными словами, у *выразить* есть синтаксическая позиция для Эксперимента, а у *звучать* это может быть только Наблюдатель:

В своем вопросе [R-Периф] он [A-Сб] выразил нам [N-Дат] упрек [Z-Об] ⇒
Его вопрос [R-Сб] звучал упреком [Z-Периф].

Лексема *звучать* 3б помещает участника R не в позицию субъекта, как *звучать* 3а, а на периферию, так что *звучать* 3а — это, приблизительно, ‘выражать’, а *звучать* 3б — ‘выражаться’ (так что сами *звучать* 3а и 3б оказываются конверсивами)⁷⁹:

Он [A-Сб] выразил нам [N-Дат] в своем вопросе [R-Периф] упрек [Z-Об] ⇒
В его вопросе [R-Периф] звучал упрек [Z-Сб].

⁷⁷ Участник Речевое произведение (иначе — Текст) в семантике глагола *говорить* был выделен в работах Зализняк 1991а и 2000; участник инкорпорированный; ср., однако, *сказал в своем ответном слове*.

⁷⁸ В Зализняк 1991а это значение — соответствия между означающим и означаемым знака — названо семиотическим.

⁷⁹ Другой глагол, который тоже ставит в центральную позицию Речевое произведение, — *гласить*.

Развитие значений, представленное лексемами *звучать* 3а и *звучать* 3б, полезно сопоставить с соответствующими значениями глагола *видеть*. У *звучать* 1б, *звучать* 2а, б, выражающими слуховое восприятие, и *звучать* 3а, б, выражающими осмысление звучащего объекта, соотношение друг с другом такое же, как между обычным *видеть* и *видеть* в контекстах типа *он видит во мне конкурента*, для которого в Апресян 1996 дается следующее толкование:

А *видит* в Y-e X =

‘человек А имеет в сознании образ Y-а, наделенный свойством X’.

Диатеза 3а сближает глаголы *звучать* и *выглядеть*: у обоих Перцепт выражен субъектом, а Эксперимент за кадром. Не удивительно, что *звучать* 4, у которого значение именно слухового восприятия стерто, практически синонимично *выглядеть*:

Его предложение *звучало / выглядело* следующим образом.

Значение 2а тоже может выветриваться; так, *звучали песни* подразумевает, что песни исполнялись, пелись — в общем, существовали как звук (поэтому *звучать* — генитивный глагол, см. гл. 9 § 3):

В этих выступлениях еще не *звучало* настоящей критики = ‘не было’;

Помимо авторских песен, *звучали* известные песни Александра Розенбаума.

У каузативного глагола *озвучить* значение развивается примерно так же, как у *звучать*:

Лужков *озвучил* мысли президента по поводу Чубайса; Антон Носик *озвучил* свои планы по развитию Рамблера; Председатель горизбиркома на заседании комиссии Городской Думы *озвучил* несколько фактов грубейшего нарушения закона.

Категория у *звучать* 3а, б (в отличие от всех предыдущих лексем) — соотношение. Поэтому несовершенный вид у них не имеет актуального значения.

Итак, глагол *звучать* начинает свой семантический путь как глагол каузации звука (*звучать* 1а); потом переходит в семантическое поле восприятия (*звучать* 1б и *звучать* 2а, б — конверсивы к *слышать*); далее вторгается в сферу речи (*звучать* 3а, б) и заканчивает на выветренном значении, когда связь со звучанием утрачивается вовсе: *звучать* приближается по смыслу к *выглядеть* и *быть* (о связи между *выглядеть* и *быть* см. НОСС 2000).

Необыкновенная изысканность диатезы и таксономических предпосылок глагола *звучать* приводит к тому, что он часто употребляется неправильно. Поскольку у *звучать* нет синтаксической позиции для субъекта речи, у него не может быть ряда других сочетаемостных возможностей, свойственных глаголу речи, см. в примерах (9), (10) *что* и *о чем*, присвоенные не по праву:

(9) Часто в обсуждениях *звучало, что* без Тарасова не может быть качественного поединка;

(10) Есть проблемы и в самом игорном бизнесе, *о чем звучало* в выступлении Иванова.

Мы говорили, что субъект у *звучать* 2б — речевое произведение; однако не смысл. Поэтому аномальны (11)–(13); ведь *сведение, заявление, вопрос* — это содержание речи, т. е. означаемое, а не означающее:

(11) *удалось в 10-дневный срок опровергнуть *сведения*, которые *звучали* в программе “Итоги”.

- (12) *на нем [собрании] были сделаны *заявления*, которые еще не звучали в Москве.
 (13) *ответить на *вопросы*, которые часто *звучали* в последние дни.

Наречия, которые по смыслу относятся к произнесению или слуховому восприятию текста или отрезка текста, не всегда можно перенести на *звучать*. Так, в примерах (14), (15) нарушение нормы; *сокращенно* можно только произносить, *четко* можно говорить, а слышат только *отчетливо*:

- (14) *Его имя *сокращенно* звучало как Мор или Мавр;
 (15) *Обращение “товарищ маршал” над площадью звучало не менее *четко*.

Конечно, правила “наследования” сочетаемости не вполне предсказуемы. Мы не считаем аномальной известную фразу *Человек — это звучит гордо*, хотя она должна пониматься как ‘слово *человек* п р о и з н о с и т с я с гордостью’.

* * *

Итак, семантическое развитие глагола *звучать* обнаруживает ряд уникальных черт. Будучи неагентивным в исходном значении, он употребляется для концептуализации ситуации речи, которая изначально предполагает агентивного субъекта.

В отличие от *говорить*, который выделяет создателя речи, *звучать* выводит на первый план и ставит в центр внимания речевое произведение, затушевывая его создателя.

Семантика глагола *звучать* оказывается ареной борьбы между субъектом, производящим речь, и тем, кто ее воспринимает: победитель — слушатель, поскольку на переднем плане слуховое восприятие речи. При этом, однако, участник слушатель занимает в актантной структуре глагола отнюдь не престижную позицию — он за кадром, поскольку синтаксической позиции для слушателя у *звучать* тоже нет.

Употребляясь для обозначения речевого действия, глагол *звучать*, в соответствии со своим исходным значением, акцентирует в нем аспект произнесения — при том, что в норме речь все-таки имеет целью выражение содержания. Акцент на произносительном аспекте в ущерб смысловому становится особенно заметным, когда, в результате метонимических замен, речевое произведение оказывается представлено метонимически своим автором: субъект речи попадает в позицию синтаксического субъекта, но в оскорбительной функции неодушевленного звучащего предмета:

- Кто разборчивее *звучит*, того и слышат;
 Собеседники *звучали* теперь как люди, разуверившиеся в прогрессе.

В целом, набор значений глагола *звучать* представляет интерес, показывая, как далеко можно зайти, идя по цепочке семантических (метонимических) переходов, вполне стандартных для лексической системы языка.

Глава 9

БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ГЕНИТИВНЫЙ СУБЪЕКТ

§ 1. Существование и местонахождение

Бытийным предложениям и бытийным глаголам посвящена книга Арутюнова, Ширяев 1983. Бытийное значение, т. е. значение существования, противопоставлено в ней значению локализации, при котором существование составляет презумпцию.

Ниже в § 2 будут рассмотрены глаголы *находиться*, *присутствовать*, *иметься*, *существовать* — под углом зрения их тематического класса; таксономической категории; референциального статуса субъекта, таксономического класса и синтаксической обязательности участников; поведения в контексте отрицания; коммуникативной структуры. Мы покажем, что перечисленные параметры задают для этих глаголов своего рода шкалу: на одном конце располагается глагол локализации (*находиться*), на другом — экзистенциальный (*существовать*). А остальные равномерно распределены между этими двумя полюсами. Так что четкой границы между бытийными и не бытийными глаголами нет.

Тем не менее, выделение класса бытийных глаголов, у т в е р ж д а ю щ и х существование своего субъекта и противопоставленных основной массе глаголов, у которых существование субъекта составляет презумпцию, безусловно имеет смысл.

Общим свойством бытийных глаголов является то, что все они стативны: они обозначают либо состояние, либо происшествие — наступление состояния. Имеется также постоянство в наборе участников — это Место и “Бытующий объект” (термин из Арутюнова, Ширяев 1983; в Борщев, Парти 2002 этот участник именуется Вещь; его семантическую роль, если пользоваться американской терминологией, см. Jackendoff 1990: 51, следовало бы назвать Тема; но поскольку для бытийных глаголов особенно существенно противопоставление Тема—Рема в смысле теории актуального членения, мы избегаем называть этого участника через его роль).

Яркой особенностью бытийных глаголов является то, что они допускают в отрицательном предложении г е н и т и в н у ю к о н с т р у к ц и ю — конструкцию с род. падежом субъекта. Этой конструкции посвящен § 3, в котором показано, однако, что генитивная конструкция отрицательного предложения маркирует не только отрицание существования / наличия (*Денег не осталось*), но и отрицание восприятия (*Следов его присутствия не обнаружено*). Во многих случаях неизвестно, что именно из двух, поскольку существование и восприятие, как мы видели в гл. II.1, связаны отношением регулярной многозначности: соответствующие компоненты значения глагола легко переходят один в

другой — настолько, что часто неизвестно, с каким из них мы имеем дело, как во фразе *Желающих не появилось*.

З а м е ч а н и е. Мы оставляем открытым вопрос, является ли предложение с генитивным субъектом безличным и является ли генитивный субъект подлежащим. Отметим, что при рефлексивизации генитивный субъект ведет себя иначе, чем прототипическое подлежащее, ср. известный пример из Chvany 1975: 134: (а) Иван *не был* в своей комнате; (б) *Ивана *не было* в своей комнате. Субъектом мы называем того из участников, который обозначался бы подлежащим при отсутствии отрицания (это то, что в Падучева 1985: 182 называется семантическим подлежащим); так что у глагола в пассиве и в личной форме субъекты разные.

Главу заключает § 4, посвященный глаголу *быть*. Этот глагол, на первый взгляд, разрушает представление о наличии у генитивной конструкции семантических и референциальных корреляций, поскольку при глаголе *быть* генитивная конструкция возможна и в таких контекстах, где *быть* выражает локализацию (местонахождение), так что существование Вещи составляет презумпцию и не отрицается: *Меня не было дома; Моего паспорта в сумке нет; Иванова нет в Москве*. Предлагается описание генитивной конструкции, которое снимает кажущуюся исключительность глагола *быть*.

То, что генитивный субъект может порождаться не только экзистенциальным компонентом, но и перцептивным, не вызывает сомнений. Но именно этот перцептивный компонент и служит объяснением генитивного субъекта при локативном *быть*: в ситуации с локативным *быть* генитивная конструкция маркирует присутствие Наблюдателя, который засвидетельствовал отсутствие Вещи в Месте (или Субъекта сознания, для которого Место входит в его “личную сферу”). Тем самым *быть* попадает в один класс с глаголами восприятия, типа *обнаружиться, наблюдать* и под., описанными в § 3.

Другое обстоятельство, важное для понимания условий употребления генитивной конструкции в контексте глагола *быть*, состоит в том, что у не экзистенциального *быть* различается два лексических значения: *быть* 1, стативное (ср. *Я был дома / в Москве* и *Меня не было дома / в Москве*), и *быть* 2, агентивное (ср. *Я был вчера у Ивановых*, т. е. ‘пришел, побыл и ушел’, с номинативным субъектом в отрицательном предложении *Я не был вчера у Ивановых*). Лексема *быть* 1 выражает локализацию пассивного участника, а *быть* 2 — перемещение активного, Агенса. То, что генитивная конструкция не употребляется в контексте *быть* 2, более чем понятно: она несовместима с агентивностью глагола.

Материалы этой главы интенсивно обсуждались в 1999—2002 гг. на семинаре под руководством Барбары Парти в рамках проекта National Science foundation under Grant № BCS-9905748 ‘Интеграция лексической и композиционной семантики’. Многими примерами и уточнением формулировок я обязана участникам этого семинара — Барбаре Парти, В. Б. Борщеву, Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестельцу.

§ 2. Глагол *быть* и его синонимы: *находиться, присутствовать, иметься, существовать**

Глаголы *находиться, присутствовать* (с антонимом *отсутствовать*), *иметься* и *существовать* объединяются тем, что могут иметь в качестве синонима глагол *быть*. Различаются они прежде всего коммуникативным потенциалом, т. е. предназначенностью к употреблению в предложении с той или иной коммуникативной структурой⁸⁰ — которая, следовательно, у этих глаголов зафиксирована в значении лексемы (хотя у обычного глагола коммуникативный потенциал достаточно широк).

Глаголы этой группы уже были предметом внимания; ср. Paducheva 2000, а также Шатуновский 1996: 133—171, где выявлен важный общий компонент в семантике *находиться* и *существовать*. В этой последней работе, однако, изложение строится без специального внимания к нуждам лексикографии. Мы же хотим представить семантическую информацию об этих словах таким образом, чтобы она могла найти себе место в словаре: до сих пор многие важные сведения о бытийных глаголах (из работ Арутюнова 1976, Селиверстова 1975, Арутюнова, Ширяев 1983 и др.) в какой-то мере утекали в щель между словарем и грамматикой.

Все указанные глаголы обозначают ситуацию с двумя обязательными участниками, один из которых выражается подлежащим, а другой — локативом. Мы будем называть этих участников, соответственно, *Вещь* и *Место*.

Семантика наших глаголов определяется двумя отношениями — локализация и часть — целое⁸¹. Локализацию можно представить как временно отношение часть — целое (*Тифлис на Кавказе* значит, что он составляет часть Кавказа, а *Мяч в воротах* значит, что он временно составляет как бы часть ворот); тогда существование Вещи предстает как тот факт, что Вещь составляет часть реального мира. Так что все пять глаголов образуют естественное единство.

Поскольку *быть* может выступать как синоним указанных глаголов, он тоже должен быть принят во внимание. Однако глагол *быть* выражает, помимо локализации, наличия и бытия, много других отношений: элемент — множество (*Среди его друзей есть бизнесмены*), обладаемое — обладатель (*У Юдиной была комфортабельная дача*), объект — свойство (*У него есть талант*), объект — состояние (*У нее был грипп*) и, возможно, что-то еще. И полнозначные глаголы, выражающие эти отношения, и *быть* в этих значениях остаются за рамками нашего рассмотрения.

Отношение локализации связывает, в норме, два референциально независимых объекта (ср. понятие денотативной, т. е. референциальной зависимости в Падучева 1985: 151), такие как мяч и ворота; или Тифлис и Кавказ: один — Вещь, другой — Место. Между тем в предложении

* Опубликовано в сб. Chrakovskij 2001.

⁸⁰ О коммуникативной — тема-рематической — структуре предложения см. Boguslawski 1977, Hajičová, Partee, Sgall 1998, Янко 2001, Mel'čuk 2001.

⁸¹ Попытка свести отношение местонахождения к отношению часть — целое сделана в Wierzbicka 1972: 93.

(1) У Ефросиньи есть седые волосы

соответствие между синтаксическими актантами и участниками ситуации более сложное. Предложная группа в (1) вовсе не Место, а аргумент в составе ИГ, обозначающей Вещь, и выражаемое отношение не локализация, а часть — целое; оно связывает не *седые волосы* и *Ефросинья*, а *седые волосы Ефросиньи* и *волосы Ефросиньи* в целом. Так что референциальная независимость Вещи и Места — это важный критерий, позволяющий отграничить локальное значение *быть* от ряда других.

Чтобы облегчить сопоставление разных глаголов друг с другом, мы будем описывать их по единой схеме.

Прежде всего, выявляются основные семантические компоненты в толковании лексемы; хотя бы один из них должен определять принадлежность лексемы к тематическому классу. Компоненты толкования должны позволить отличить основное, исходное, значение глагола от вторичных (которые могут отличаться от основного также таксономической категорией и другими параметрами). Кроме того, указываются:

1) референциальный (= денотативный) статус участников обозначаемой глаголом ситуации (актантов);

2) таксономические классы участников; дополнительные участники (помимо Вещи и Места);

3) синтаксические позиции участников;

4) таксономическая категория глагола;

5) коммуникативный потенциал глагола, т. е. множество допустимых коммуникативных (= тема-рематических) моделей.

Описание каждого глагола завершает комментарий, касающийся глагола *быть*, употребленного в том же значении (о значениях глагола *быть* см. Апресян 1995: 503—537). Это может быть форма наст. времени (нулевая или ненулевая?); отрицательная форма (обычная или слитная?) и прочее. Как правило, то, что верно для того или иного из полнозначных глаголов, верно и для *быть* в соответствующем значении; но *быть* может обладать собственными свойствами, и они оговариваются отдельно. Разница между *быть* и ближайшим полнозначным глаголом, даже чисто семантическая, есть всегда. Хотя бы потому, что у полнозначного глагола это значение единственное, а у *быть* — одно из возможных (так что возникает то, что Анна Вежбицкая называет явлением резонанса): компоненты значения, которые у “полнозначных” глаголов составляют часть их семантики, у *быть* в большой степени обусловлены контекстом. Хотелось бы, конечно, отличить контекстно обусловленную семантику глагола *быть* от той, которая заключена в самом глаголе. Но для этого пока нет адекватного аппарата.

2.1. *находиться; быть* в значении ‘находиться’

(1) Воланд, по своему обыкновению, *находился* в спальне, а где был кот — неизвестно (ММ);

(2) Собака все время *находилась* при мне.

СЕМАНТИКА.

Компонент I. ‘Вещь временно является как бы частью Места’.

Вторичное значение *находиться* демонстрирует пример (3):

- (3) Тифлис *находится* на берегах Куры; Манагуа *находится* где-то в Южной Америке.

Здесь толкование упрощается до компонента ‘Вещь есть часть Места’. Соответственно, T-категория этой лексемы — постоянное соотношение.

Описание *находиться* в его основном значении.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ. Участник Вещь, чаще всего, референтный определенный, см. пример (1). Он может быть и неопределенным, как в (4а–в), но не может быть нереферентным (как у *существовать*) — в любом случае в значение глагола *находиться* входит презумпция существования Вещи:

- (4) а. В небе *находится* неопознанный летающий объект;
 б. На одном из верхних этажей здания в это время *находилась* уборщица, которая и предотвратила пожар;
 в. Какая-то черная собака *находится* у вас на участке.

То же верно и для Места — как правило, этот участник референтный и определенный, см. (4в), но может быть неопределенным, см. (4г):

- (4) г. Они сейчас *находятся* где-то на севере.

ТАКСНОМИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УЧАСТНИКОВ: Вещь — СУЩНОСТЬ / СУБСТАНЦИЯ, локализуемая в пространстве; Место — УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА.

СИНТАКСИС. И для *находиться*, и для *быть* в значении ‘находиться’ участник Место синтаксически обязателен, хотя у всех остальных глаголов Место может подвергаться анафорическому эллипсису, как в (5б), или дейктическому, как в (5в):

- (5) а. *Я тоже *находился*; б. Я тоже *присутствовал*; в. *Имеются* пирожки.

ТАКСНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ глагола *находиться* в его исходном значении, как в (1), (2), — временное состояние; отсюда возможность “актуальных” временных модификаторов, типа *сейчас* в примере (4г).

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ глагола *находиться*. Основной (для исходного значения *находиться*) является тематическая коммуникативная модель, т. е. такая, где Вещь — тема, см. (6). Допустима и модель с инверсией — интродуктивная, когда Вещь — рема, см. (7) (ниже в схемах глагол обозначается буквой *v*; T и R — это, соответственно, тема и рема).

- (6) Ельцин *находится* в Екатеринбурге: [Вещь + *v*]_T [Место]_R.

- (7) В Москве *находится* сейчас кардинал Люстиже: [Место + *v*]_T [Вещь]_R.

Разумеется, при выборе допустимой для предложения с *находиться* коммуникативной модели референциальный статус Вещи принимается во внимание; однако коммуникативная структура не предопределена статусом Вещи однозначно. Так, в (4в) участник Вещь неопределенный, но составляет тему.

Глагол в обеих моделях входит в состав темы: непреложное правило состоит в том, что глагол *находиться*, а тем более *быть* в значении ‘находиться’, не может быть в предложении одиночной ремой. Для *находиться* вообще исключены все употребления, которые требуют фразового ударения на глаголе, например, общефактическое значение:

- (8) *Ты когда-нибудь *находился* в Казани? (пример из Падучева 1996).

Видимо, в толкование *находиться* входит компонент, который носит характер общей аксиомы, однако в данном случае актуализован: 'Являясь материальной сущностью, Вещь должна где-нибудь находиться'; он обеспечивает глаголу обязательное вхождение в тему.

Поскольку *находиться* не может быть ремой, для предложения с этим глаголом невозможно общее отрицание. Например, отрицанием для (6) не может служить фраза (9), уместная лишь в сугубо полемическом контексте:

(9) Ельцин *не находится* в Екатеринбурге.

Это отличает *находиться* от остальных глаголов нашей группы, которые, напротив, тяготеют к рематической позиции во фразе и свободно употребляются в общеотрицательном предложении.

быть в значении 'находиться'

МОРФОЛОГИЯ. Глагол *быть* в значении 'находиться' имеет в наст. времени нулевую форму:

(10) Отец сейчас, наверное, ∅ в банке.

РЕФЕРЕНЦИЯ. У *быть* в значении 'находиться' еще более строгий запрет на неопределенность участников (как Вещи, так и Места), чем у *находиться*:

(11) а. *Что-то на столе; *Кто-то в комнате⁸²; б. *На столе что-то.

(11') а. *Чайник где-то; *Иван где-то;

б. *Где-то чайник; *Где-то Иван.

Предложения типа (11б) станут правильными, если вставить *есть* или какой-то другой бытийный глагол (*В холодильнике что-то есть*); но тогда *быть* не будет иметь значения локализации.

ОТРИЦАНИЕ. У *быть* в значении 'находиться' нет хорошего общего отрицания: какому утвердительному предложению соответствует отрицательное (13), выяснится позже; (12б) может быть отрицанием для (12а) только в контрастивном контексте:

(12) а. Иванов в Москве; б. Иванов не в Москве \.

(13) Иванова нет в Москве.

З а м е ч а н и е. Для понимания предложений с отрицанием при обстоятельстве места принципиально важно, означает ли обстоятельство ожидаемое (в частности, обычное) местоположение/местопребывание Вещи или просто некое место. Отрицание при обстоятельстве обычного (или ожидаемого) местопребывания, типа *дома, здесь, в Москве* [для москвича], дает обычное отрицательное предложение, без контраста. А с прочими обстоятельствами будет не так. Это объясняет различие между (а) и (а'):

(а) Маша была не дома (а также *Маша не здесь; Я не дома*).

(а') Маша была не в Киеве (а также *Маша не в Киеве; Я не в Киеве*).

Предложения из (а') воспринимаются либо как вставленные в полемический контекст, либо как контрастные (т. е. требующие уточнения), либо еще как-то. Для предложений из (а) это не так: они воспринимаются как информативные сами по себе, в то время как предложения из (а') оставляют у слушающего ощущение неудовлетворенности — быть может, сознательно вызываемое говорящим, который имеет более точную информацию, но не хочет ее сообщать.

⁸² В прош. времени, как в предложении *В комнате кто-то был*, другое значение *быть* — экзистенциальное, см. § 4.

Парадоксальным образом, обстоятельство ожидаемого местопребывания притягивает фразовое ударение; ср.

- (б) Иванова не было в Москве\; Меня не было дома\
 (в) Иванова не\ было в Киеве.

В (в) ударение на обычном месте, на глаголе; а в случае обстоятельства ожидаемого местопребывания, как в (б), ударение смещается на обстоятельство. Видимо, конечное ударение выражает тот факт, что глагол и обстоятельство составляют единую смысловую группу.

Избегают отрицательного контекста все глаголы, выражающие постоянное местонахождение; например, (14а) естественно, а (14б) — нет; даже (14в), в отличие от (14г), сомнительно:

- (14) а. Мой дом *стоит* на горе;
 б. Мой дом *не стоит* на горе; Мой дом *стоит не* на горе;
 в. ?Где *стоит* твой дом?
 г. Где *стоит* твоя машина?

То же верно для глаголов *помещаться*, *располагаться*, *растлаться* — как и *находиться*, устойчиво безударных (очевидно, в силу упомянутой выше аксиомы).

ПРОСОДИЯ. У *быть* в значении ‘находиться’ те же две коммуникативных модели, что у самого *находиться*; (15) реализует тематическую модель, (16) — интродуктивную:

- (15) Собака во дворе.
 (16) Во дворе злая собака; На полу окурки.

У *быть* в значении ‘находиться’ тот же, что у *находиться*, запрет на общефактическое значение НСВ в прош. времени: в контексте фразы (8) глагол *быть* имел бы значение ‘посетить’, а не ‘находиться’, см. § 4.

2.2. присутствовать; быть в значении ‘присутствовать’

- (1) На собрании *присутствовали* все члены кооператива.
 (2) Он *присутствовал* на дуэли в качестве врача.

СЕМАНТИКА.

Компонент I: Вещь находится в Месте.

Компонент II: Вещь участвует в Мероприятии, которое происходит в Месте.

Вторичное значение *присутствовать* демонстрирует пример (3):

- (3) В растворе *присутствуют* примеси,

где компонент I выветривается до I' — Вещь есть часть Места, а компонент II пропадает. Соответственно, Т-категория этой лексемы — постоянное соотношение.

Описание основного значения.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ тот же, что у *находиться*: участник Вещь, чаще всего, референтный определенный, см. примеры (1), (2). Он может быть и неопределенным, см. (4), но не может быть нереперентным, что отличает *присутствовать* от *существовать* — в значение *присутствовать* входит презумпция существования Вещи:

- (4) В зале *присутствуют* иностранные гости.

ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УЧАСТНИКОВ; дополнительные участники. Вещь у *присутствовать*, при исходном значении, обязательно ЛИЦО. Дополнительный (по сравнению с *находиться*) участник — МЕРОПРИЯТИЕ (присутствовать можно на лекции, уроке, собрании, свадьбе, спектакле, концерте, репетиции и под. видах деятельности, предполагающих главных и второстепенных участников; тот же таксономический класс имен нужен для глагола *участвовать*), см. о таксономическом классе МЕРОПРИЯТИЕ в гл. I.4. Возможен еще один дополнительный участник — Роль (Вещи в мероприятии), см. *в качестве врача* в примере (2).

СИНТАКСИС. Участник Место синтаксически не обязателен: возможен эллипсис — как контекстный, так и ситуативный, ср. пример (5а) из раздела 2.1. Место и Мероприятие плохо совмещаются друг с другом в одном предложении. В Шатуновский 1996: 164 справедливо отмечается шероховатость во фразе

(5) Соня *присутствовала* в зале при укладке хрусталя и фарфора (Т.):

надо сказать либо *находилась в зале во время укладки*, либо *присутствовала при укладке*, либо, наконец, *присутствовала в зале во время укладки*. Показатель места в контексте *присутствовать* метонимически указывает на происходящее в нем мероприятие, поэтому *присутствовал в зале, в классе* ничуть не аномально.

ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ глагола *присутствовать* в его исходном значении — временное состояние (как и у *находиться*), см. (1), (2). Не вполне понятна, однако, ограниченная сочетаемость *присутствовать* с показателями длительности, которой у временных состояний быть не должно:

(6) *два часа *присутствовал* на собрании \Rightarrow *присутствовал* на собрании в течение двух часов.

(7) *уже два часа *присутствует* на собрании (ср. нормальное *уже две недели болеет*).

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Основной для исходного значения *присутствовать* является интродуктивная коммуникативная модель, т. е. такая, где Вещь — рема, см. (8); допустима и тематическая модель, когда Вещь — тема, см. (9):

(8) На лекции *присутствовал* Иванов: [Место]_T [v + Вещь]_R.

(9) Иванов *присутствовал* на лекции: [Вещь]_T [v\ + Место]_R.

Глагол в любом случае входит в состав ремы: если *находиться* всегда в теме, то *присутствовать*, напротив, предпочитает рему и может даже, при наличии контраста, один составлять рему, см. (10а); модель (10б), где глагол входит в тему, требует особо мощного контекста:

(10) а. Кое-кто/ | на лекции *присутствовал*\: [Вещь]_T [Место + v\]_R;

б. На лекции/ *присутствовал* | Иванов\: [Место/ + v]_T [Вещь]_R.

Таким образом, *находиться* и *присутствовать* различаются тем, что первое принципиально безударно, а второе спокойно переносит позицию под ударением.

Некоторый свет на ударность *присутствовать* проливает его антоним *отсутствовать*, который, имея отрицательное значение, гораздо менее ограничен в сочетаемости: значение у *присутствовать* слишком тривиально; отрицательный глагол употребляется чаще, чем положительный, “спасаясь” своей

презумпцией. Аналогичная тяга к отрицательному контексту у *существовать*, см. ниже.

быть в значении ‘присутствовать’

Значение ‘присутствовать’ порождается у *быть* участником МЕРОПРИЯТИЕ. МОРФОЛОГИЯ. В значении ‘присутствовать’ *быть* имеет в наст. времени только нулевую форму:

- (11) Иванов *присутствует* в классе [на уроке] \approx Иванов в классе (не **есть в классе*).

ОТРИЦАНИЕ. В отличие от *быть* в значении ‘находиться’, *быть* в значении ‘присутствовать’ отрицается с помощью *нет* в составе генитивной конструкции, что сближает значение присутствия с бытийным (экзистенциальным) и противопоставляет его значению местонахождения:

- (12) Иванова на лекции (на занятиях, в зале, на заседании) *нет*.

Как мы видим, значение присутствия в системе значений слова *быть* — это своего рода кентавр: нулевая форма наст. времени сближает его со значением местонахождения, а генитивная конструкция отрицания — с бытийным.

2.3. *иметься*; *быть* в значении наличия

Можно различить у глагола *иметься* три употребления. Исходным для *иметься*, так же как для *иметь*, является такое, при котором Вещь есть часть Места⁸³. Это дает первое значение. Употребление глагола *иметься* в контексте, где Вещь и Место референциально независимы (второе значение), требует специальной контекстной поддержки — наличия заинтересованного лица, которое может воспользоваться Вещью. И третье употребление — такое, где отношение часть — целое трансформируется в более общее отношение предикатно-аргументного типа, а Вещь обозначает абстрактную сущность, вообще не локализуемую в пространстве.

иметься 1

- (1) На вокзале *имеется* камера хранения.
- (2) В номере *имеется* телефон.
- (3) У него на спине *имеется* шрам.
- (4) В работе *имеются* ссылки на Якобсона.
- (5) *У тебя на носу *имеются* чернила.

СЕМАНТИКА.

Компонент I «часть — целое»: Вещь есть часть Места — неотъемлемая (т.е. она не может отделяться и самостоятельно перемещаться), но не обязательная (т.е. ее наличие в/на Месте не вытекает из его конструкции / природы).

⁸³ Глагол *иметь* в русском языке предпочитает неодушевленное подлежащее (см. Падучева 1974: 237), ср. нормальное употребление, типа *Ромб имеет ось симметрии*; *Ромб имеет ось симметрии диагональ*, и аномальное **Я имею дачу*. Чаще всего подлежащее при *иметь* заполняет обязательную валентность дополнения; например, во фразе *Это решение имеет один недостаток* незаполненную валентность слова *недостаток* заполняет группа *это решение*, ср. *недостаток этого решения*. Согласно А. Мейе (Meillet 1926), глагол со значением ‘иметь’ появился в индоевропейских языках довольно поздно. О том, насколько уже сфера употребления русского *иметь* по сравнению с франц. *avoir*, см. Гак 1977: 246.

Компонент II «местонахождение» (следствие): в силу I, Вещь может восприниматься как находящаяся в/на Месте.

Пример (5) показывает, что если Вещь не является частью Места, *иметься* неуместно.

иметься 2

- (6) На складе *имеется* мука и сахар.
- (7) На веранде *имеется* кресло — ты можешь отдохнуть.
- (8) Сообщить отрядам, в каких пунктах *имеются* {...} продовольственные склады белых (ДЖ).
- (9) В городе *имеются* {...} продовольственные склады белых.

СЕМАНТИКА.

Компонент I «местонахождение»: Вещь находится (временно) в Месте.

Компонент II «Субъект сознания»: Субъект сознания мыслит себя в Месте; поэтому он способен воспринимать Вещь и считает наличие Вещи существенным свойством Места — например, потому, что он или кто-то другой может воспользоваться Вещью⁸⁴.

Когда Вещь референциально независима от Места, компонент «местонахождение» становится полноценным, а наличие компонента «Субъект сознания» — необходимым условием осмысленности. Так, (10а) осмысленно разве что в том случае, если цветы можно вынуть, чтобы как-то использовать в другом месте; а (10б) просто аномально:

- (10) а. ?В большой вазе *имеются* цветы;
- б. *На полу *имеются* окурки.

Идея ‘воспользоваться’ имплицитно подразумевает присутствие в ситуации участника. Заинтересованное лицо, который часто, но не всегда совпадает с Субъектом сознания. В семантике *иметься* 1 участник Субъект сознания тоже может присутствовать, но в качестве необязательного. Некая предрасположенность к “положительной” Вещи есть и у глагола *находиться* (как ни как, производного от *найти*). Поэтому *На полу окурки* ≈ *На полу валяются* [не *находятся*!] окурки.

иметься 3

- (11) Были неприятности, *имеются* последствия. Например, долго нельзя на государственную службу (ДЖ).
- (12) *Имеется* соглашение с военным командованием не вмешиваться в оперативные распоряжения (ДЖ).
- (13) *Имеются* признаки, что условия жизни у нас действительно переменятся (ДЖ) [*признак* — это наблюдаемый факт, который к о м у-т о о чем-то говорит]

СЕМАНТИКА.

Компонент I «существование»: Вещь есть часть Реального мира (т. е. существует или имеет место).

Компонент II «Субъект сознания»: Вещь входит в личную сферу Субъекта сознания.

В семантике *иметься* 3 нет компонента «местонахождение», поскольку Вещь не имеет пространственной локализации. Это значение близко к ‘существовать’.

⁸⁴ Субъект сознания в семантике *иметься* может быть следствием деривационных отношений между *иметься* и *иметь*, где он подлежащее: *Имеются сведения* ⇐ *Я имею сведения*.

Ниже дается более подробное описание слова *иметься*—*иметься* 1, *иметься* 2, *иметься* 3 (всех трех его лексем).

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ.

Участник Вещь неопределенный, но референтный: говорящий имеет в виду некоторый объект—хотя бы в статусе слабо определенного (Падучева 1985: 90). Именная группа, которая обозначает Вещь при *иметься* 1, обычно референциально неполноценна⁸⁵—она соотносится с определенным объектом только в контексте Места: *шрам* в (3)—это рубец на чьем-то теле. Так, в (14) необходимо восстановить референциально полноценную ИГ *последователи Федорова*.

(14) У Федорова *имеются* последователи.

(15) У нашей фирмы *имеется* представитель в Красноярске.

У участника Вещь лексемы *иметься* 1 презумпция единственности, нормально связанная с именной группой данной структуры, может подавляться. Так, фраза (1) может быть сказана в ситуации, когда камера хранения на вокзале не единственная.

Участник Вещь может быть даже квантифицированный:

(16) В деле *имеются* все необходимые документы = ‘все документы, которые должны быть в деле, налицо’.

Однако имена собственные и имена с однозначной определенностью в контексте *иметься* 1 неуместны:

(17) *На кухне *имеется* мама.

Участник Место—референтный определенный; он обозначает личное пространство Субъекта сознания—говорящего или Бенефицианта. Если детерминант в предложении отсутствует, то по умолчанию Местом является личная сфера говорящего: *Имеется крупа и сахар* = ‘имеется у нас’. Это основное отличие *иметься* от *существовать* с предпочтительным “чужим” Местом.

ТАКСНОМИЧЕСКИЙ КЛАСС УЧАСТНИКОВ. Участник Вещь, как правило, не лицо: **В комнате кто-то имеется*.

СИНТАКСИС. У лексемы *иметься* 3 участник Место отсутствует, см. (11)—(13), поскольку Вещь не имеет пространственной локализации. В примере (18), где есть Место—*в доме*, лексема *иметься* 2:

(18) У него в доме *имеется* плантация марихуаны.

ТАКСНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ лексем *иметься* 1 и *иметься* 3—постоянное соотношение; *иметься* 2 обозначает временное состояние.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Для предложения с *иметься* (во всех трех значениях) предпочтительная коммуникативная структура с тематическим Местом; так, (1) не только вводит Вещь, но и выражает свойство Места—наличие камеры хранения предстает как свойство вокзала:

(1) На вокзале *имеется* камера хранения: [Место]_T [v + Вещь]_R.

Вещь может попадать в тематическую позицию только в мощном контексте:

(1') Камера хранения на вокзале, конечно, *имеется* [Вещь]_T [Место + v]_R.

⁸⁵ См. понятие денотативной (= референциальной) зависимости в Падучева 1985: 205.

Толкование, чтобы оно предсказывало это предрасположение *иметься* к тематическому Месту, должно содержать фоновый компонент ‘Субъект сознания мыслит себя в Месте’. В ситуации, концептуализуемой глаголом *присутствовать*, говорящий тоже может мыслить себя в Месте; но семантика *присутствовать* не диктует это как единственную возможность.

Глагол *иметься* во всех трех значениях входит в состав ремы, т. е. ведет себя в коммуникативном отношении как *присутствовать* и *существовать*, а не как *находиться*.

Общее значение глагола *иметься* — это значение наличия.

быть в значении ‘иметься’

Морфология. У *быть* в значении ‘иметься’ форма наст. времени — *есть* (а не нулевая, как в значениях ‘находиться’ и ‘присутствовать’):

- (19) а. Ты устал? На веранде *есть* кресло. (Пример из Арутюнова, Ширяев 1983.)
б. — У него в руках *есть* сверток? — Есть. (Пример из Шатуновский 1996: 170.)

Поэтому в (20) нулевая форма *быть* понимается с подразумеваемым ‘находиться’, а в (21) *быть* в значении ‘иметься’:

- (20) На полу окурки; В огороде чья-то свинья.
(21) Почему ты пьешь из бутылки? На кухне *есть* стакан.

В примере (22) предложения (а) и (б) различаются тем, что нулевая форма глагола *быть* выражает локализацию, а значение ‘иметься’ выражается формой *есть*:

- (22) а. В комнате девочки [= ‘находятся’; т. е. комната занята];
б. В комнате *есть* девочки [= ‘имеются’; возможные продолжения: *так что выбирай выражения*].

В (23) нельзя употребить *есть*; значение *иметься* 1 отпадает потому, что чернила не есть неотделимая часть носа, а *иметься* 2 — потому, что эту Вещь нельзя использовать:

- (23) *У тебя на носу *есть* чернила.

Итальянскую фразу *Da fuori c'è rumore* нельзя перевести на русский как **На улице есть шум* — нет того субъекта, который был бы “потребителем” шума при *быть* в значении ‘иметься’.

У *быть* в значении наличия слитная отрицательная форма наст. времени — *нет*:

- (24) Этой книги в библиотеке *нет*.

Ср. различие между *иметься* (и *быть* наличия) и *находиться*:

- (25) а. В каких населенных пунктах *есть* склады?
б. В каких населенных пунктах *находятся* склады?

(25а) — это вопрос о свойстве населенного пункта: имеет ли он своей частью склад. Ответ: *В пункте А есть, в Б есть*, и т. д. А в ответ на (25б) надо про каждый склад указать, где он находится: *склад 1 — в пункте А, склад 2 — в Б*, и т. д.

В примере (26) *лежит* однозначно понимается как ‘имеется’, а не ‘находится’, поскольку на него падает фразовое ударение, а *находиться*, равно как *быть* и другие глаголы в значении ‘находиться’, должны быть безударными (см. также пример (11) из раздела 2.1):

(26) На столе что-то *лежит*.

2.4. *существовать*; *быть* в значении ‘существовать’

Глагол *существовать* ставит неожиданную проблему. Естественно было бы ожидать, что этот глагол, поскольку он утверждает существование, требует, чтобы актант Вещь был нереферентным. Или, по крайней мере, неопределенным, т. е. таким, который вводится говорящим в поле зрения слушающего; в противном случае возникает презумпция существования Вещи, что делает утверждение ее существования бессмысленным. Между тем участник Вещь при *существовать* может быть референтный определенный, и это, между прочим, отличает *существовать* от *иметься*, ср. (а) Этот дом *существует*; Этот дом не *существует*; Этого дома не *существует* и (б) *Этот дом *имеется*.

Будем различать у глагола *существовать* лексемы *существовать* 1, с неререферентной или неопределенной Вещью, и *существовать* 2, с определенной. МАС дает, кроме того, значение *существовать* ≈ ‘жить’ (*Без пищи люди не могут существовать*), которое мы не рассматриваем.

существовать 1

- (1) *Существуют* равнобедренные прямоугольные треугольники.
- (2) *Существуют* реки, которые летом пересыхают.
- (3) *Существуют* положения, из которых нет хорошего выхода.
- (4) Он чувствовал, что между им и ею *существовала* преграда (Тург.).
- (5) {...} относительно Лары *существовал* на случай этих летних поездок такой неписанный уговор (ДЖ).
- (6) Насчет того, что следует брать с собой и от чего воздерживаться, *существовала* целая теория (ДЖ).

СЕМАНТИКА. Участник Вещь расщепляется на два — Класс и Свойство.

Компонент I. ‘Класс объектов [или, быть может, индивид], обладающих Свойством, является частью Места — реального мира’.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ И ОТРИЦАНИЕ. Участник Вещь — неререферентный или референтный неопределенный: в (1)—(3) этот участник выражает класс объекта и свойство, выделяющее подкласс объектов из этого класса (например, в (2) *реки* — класс; *летом пересыхают* — свойство); в (4)—(6) индивидуальный объект, неопределенный. Отрицание предложения означает отсутствие какого бы то ни было объекта. Поэтому отрицание в (1)—(3) более осмысленно, чем в (4)—(6), где есть слабая определенность.

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ КЛАСС УЧАСТНИКОВ. Вещь — неживое; в основном это абстрактные сущности или классы, т. е. нечто не склонное к локализации в конкретном физическом пространстве (*Существуют рыбы, способные передвигаться по суше*). Место — реальный мир или фрагмент реального мира (большой: *в Австралии, на севере, в пустыне*).

СИНТАКСИС. Участник Место синтаксически не обязателен — если синтаксический актант Место в предложении отсутствует, подразумевается ‘в реальном мире’ (можно подумать, не является ли *мир* инкорпорированным участником для *существовать*!). Местом может быть *в мире, на свете*. Но не на самом деле, в действительности: эти слова ударные и допустимы только там,

где реальный мир противопоставлен альтернативному, что дает лексему *существовать 2*.

ТАКСОНОМИЯ. Место — мир или большой фрагмент мира:

- (7) В Англии *существует* “Закон о выдаче тела”.
- (8) В стране *существует* сейчас около двух миллионов безработных.
- (9) Советской власти было выгодно, что на окраине России *существует* такое образование, как Дальневосточная республика (ДЖ).

Чаще всего утверждается существование объектов, не имеющих локализации в пространстве. В этом смысле примеры (7)—(9) — исключение. Что касается (10), (11), то тут локативная группа заполняет валентность Вещи; так, в (10) у слова *власть* есть валентность “Над чем?”, и локатив *на Дальнем Востоке* ее заполняет:

- (10) ⟨...⟩ существовавшая *на Дальнем Востоке* буржуазная власть (ДЖ).
- (11) Земство, прежде существовавшее только *в губерниях и уездах*, теперь вводят в более мелких единицах, в волостях.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Основная коммуникативная модель — с инверсией: *v + Вещь* — рема; тема, в случае нулевого Места, отсутствует (или формируется из случайного материала; так, предложная группа *насчет того*, которая составляет тему в (6), заполняет валентность Вещи *теория*):

- (12) На свете *существуют* добрые люди: [Место]_T [*v* \ + Вещь]_R.
- (13) = (6) *Насчет того*, что следует брать с собой ⟨...⟩, *существовала* целая теория: [∅]_T [*v* + Вещь \]_R.

существовать 2

Субъект, выражающий Вещь, референтный определенный. Возникает вопрос: как же может быть осмысленным утверждение существования, если оно касается объекта, обозначенного определенной ИГ — с презумпцией существования? А дело в том, что презумпция существования, выражаемая именем, относится к одному миру, а глагол выражает существование в другом, ср. похожие соображения в Селиверстова 1977. Противопоставление миров может создаваться разными способами. Мы рассмотрим несколько случаев.

Случай 1. Подлежащее обозначает индивид или род предметов, существующий в мифологическом, сказочном или каком-то другом коллективном сознании (возможно, в мире научных предположений):

- (14) ⟨...⟩ главное ⟨...⟩ в том, что Иисуса-то этого, как личности, *вовсе не существовало* на свете (ММ).
- (15) Санта Клаус *существует*.
- (16) Атлантида *существовала*.
- (17) Кентавры (русалки, ведьмы) *существуют*.

СЕМАНТИКА.

Компонент I: Вещь (индивид или род предметов) является частью мира, альтернативного реальному, — мифологического, сказочного; мира коллективного сознания [презумпция];

Компонент II: Эта самая Вещь является также частью реального мира [ассерция].

При отрицании предложения презумпция существования в альтернативном мире может оставаться, но может и пропадать, как в примерах (18), (19) с субъектом в род. падеже:

- (18) Русалок *не существует* = ‘русалок не существуют в реальном мире’.
 (19) ⟨...⟩ никакого наследства в действительности *не существует*, одни долги и путаница (ДЖ) [наследство существовало в мире ожиданий, до того как выяснилось, что его нет].

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Основная коммуникативная модель — с тематической Вещью:

- (20) Р у с а л о к *не существует* = [Вещь]_T [v + Место]_R.

В контексте *существовать* 2 может возникнуть вопрос о трансмировом тождестве объекта (Шатуновский 1996: 149):

- (21) П а р н а с *существует*, но не как обиталище Аполлона и муз.

Случай 2. Имеются два мира, разделенные во времени, — настоящий и прошлый. Вещь — определенная ИГ в том мире, который существовал в прошлом:

- (22) Что нашли вы дома? Да полно, *существует* ли он еще, э т о т д о м? (ДЖ)
 (23) ⟨...⟩ чтобы возврата к прошлому больше не было, чтобы Т в е р с к и х - Я м - с к и х больше не *существовало* (ДЖ) [улиц и, метонимически, всего, что на них происходило].

Презумпция существования объекта относится к реальному миру прошлого. А утверждение касается существования этого объекта в реальном мире настоящего, т. е. речь идет о продолжении существования:

- (24) Классовое общество не могло бы *существовать*, если бы о н о подчинялось заповедям “не воруй”, “не укради” (Горький) [= ‘не продолжало бы существовать’, а не ‘не существовало бы’, иначе местоимение *оно* не имело бы antecedента].

Случай 3. Мир, альтернативный реальному, в котором объект существует (или не существует), возникает в сослагательном наклонении или в контексте миропорождающего предиката; т. е. ситуация обратная той, что в Случае 1 (в примерах курсивом выделены показатели ирреальности):

- (25) *Казалось*, этой зависимости, э т о г о п л е н а не существует, доктор на свободе и только и только не умеет воспользоваться ей (ДЖ) [в реальном мире “этот плен” существует].
 (26) Отчего она ни словом не обмолвилась о них и о том, где они, *точно* и х и вообще не существовало (ДЖ) [в реальном мире “они” существуют].
 (27) *Если бы* мои родители не встретились, м е н я *бы* не существовало.

Случай 4. Альтернативный мир — это мир индивидуального сознания.

- (28) Только что приподнялась портьера и он увидел Настасью Филипповну — все остальное перестало для него *существовать* (Д.) [≈ ‘с того момента, как он увидел Настасью Филипповну, он перестал воспринимать все остальное’].

Этот пример интересен с точки зрения регулярной многозначности ‘существование’ — ‘восприятие’ (характеризующей глаголы *появиться, исчезнуть, возникнуть, найтись, пропасть, обнаружиться* и многие другие), см. § 3. Обычно за регулярной многозначностью стоит та или иная модель семантической деривации, т. е. какое-то простое соотношение. Так, в примере (29) (б) получается из (а) диатетическим сдвигом: в (а) субъект — деятель, а в (б) — природная сила.

- (29) а. Я залил картошку водой; б. Вода залила луга.

В примере (28) дело обстоит иначе: несуществование подменяет невосприятие; то, что субъект не может воспринимать X, представлено как несуществование X-а в его мире, согласно схеме:

Я *сейчас* не воспринимаю X \supset X-а *сейчас* не существует в мире моего восприятия
 \supset X-а для меня *сейчас* не существует.

Возможна и обратная подмена — в (30) несуществование выражено как невозможность воспринять:

(30) Вам *не видать* таких сражений = ‘их *не будет* на протяжении вашей жизни’.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Когда утверждается существование объекта в альтернативном мире, презумпция существования в реальном мире может быть, а может не быть; соответственно, возможна коммуникативная структура с тематической Вещью, как в (31), и с рематической, как в (32):

(31) *Это наследство* существовало только в его воображении
 [Вещь]_T [v + Место]_R.

(32) В его воображении существовало *какое-то наследство*
 [Место]_T [v + Вещь]_R.

Выше говорилось, что *иметься* предполагает участника Место, который входит в личную сферу говорящего; у *существовать* такого участника нет:

(33) а. *Имеется* выход [сейчас я его предложу];
 б. Наверняка *существует* выход, но я его не знаю.

(34) *Имеются* [у нас] (**существуют*) заявления от пострадавших.

Что касается глагола *быть*, то он может значить только ‘существовать 1’:

(35) *Есть* женщины в русских селеньях / С спокойною важностью лиц (Некрасов).

Здесь *женщины* — класс; *с спокойною важностью лиц* — свойство.

* * *

Итак, вместо ожидаемого деления глаголов бытия на два класса — локализация и существование — мы получаем цепь плавных переходов от одного из этих классов к другому. Ясно, однако, что глаголы *находиться* и *присутствовать* не бытийные.

§ 3. К семантике бытийного глагола: родительный субъекта в отрицательном предложении*

3.1. Генитивная конструкция: синтаксис или семантика?

Генитивная конструкция в отрицательном предложении (т. е. конструкция с родительным падежом субъекта и безличным сказуемым — как, скажем, в предложениях *Препятствий не возникло*, *Ответа не пришло*) широко продуктивна как в русском, так и в других славянских языках. Но условия “замещения” нормального именительного падежа родительным в отрицательном контексте не были ясны. Почему, например, *Сомнений не возникло* правильно, а **Сомнений не исчезло* — нет?

* В основу этого параграфа положена статья Падучева 1997б.

Проблеме генитивного субъекта посвящена обширная литература. Важная веха — монография Babby 1980, где предлагаются решения в рамках семантических формулировок. Однако в последующих работах возможность семантических решений проблемы генитивного субъекта была подвергнута сомнению. Согласно Апресян 1985, род. падеж субъекта в отрицательном предложении обусловлен “семантически немотивированным или не вполне семантически мотивированным” синтаксическим признаком, который приписывается лексемам в словаре. Мы покажем, опираясь на богатый материал, собранный исследователями этой проблемы (см., прежде всего, Ицкович 1974, Guiraud-Weber 1984), что генитивная конструкция (ГК) в отрицательном предложении имеет четкий семантический инвариант (хотя и не столь простой, как первоначально предполагалось); что условия ее употребления могут быть описаны в семантических терминах и что в ходе этого описания выявляются важные аспекты глагольной семантики.

Проблемы с семантикой ГК могут быть продемонстрированы на следующих примерах. Есть контексты, в которых возможен и род. и им. падеж субъекта, причем мена падежа влечет отчетливое изменение значения, например:

- (1) а. Тьма была кромешная. *Ни одного фонаря* не горело (= ‘не было горящих фонарей, а возможно, не было никаких’);
 б. *Ни один фонарь* не горел (= ‘фонари были, но не горящие’).

Однако для многих глаголов род. падеж субъекта при отрицании обязателен, ср.:

- (2) Разницы *не усматривается*;
 Семантической общности в классе генитивных глаголов *не обнаруживается*;
 Финансовой катастрофы *не вырисовывается*,

а без противопоставления семантика ГК смазывается. Кроме того, возможна мена падежа, которая не дает ощутимого различия в значении:

- (3) а. *Договоренности* не достигнуто; б. *Договоренность* не достигнута.

Так как же согласовать инвариантную семантику ГК с обязательностью род. падежа в (2) и с синонимией род. падежа именительному в (3)?

Мы считаем, что генитивная конструкция во всех приведенных примерах — (1а), (2), (3а) — имеет один и тот же смысл; а именно, она маркирует наличие определенного компонента в семантической структуре предложения. В (2) этот компонент возникает в отрицательном предложении как следствие семантики глагола, а в (1) наличие или отсутствие этого компонента есть вопрос свободного выбора говорящего. Им. падеж в (3б) — это вариативность, обусловленная своего рода экспансией именительного: “генитивный” компонент есть в семантике предложения, но им. падеж оставляет его формально не обозначенным⁸⁶. Тем самым примеры (2), (3) не противоречат предположению о том, что у ГК имеется семантический инвариант.

Описание условий употребления генитивной конструкции естественно начать с выявления класса глаголов, способных в отрицательном предложении

⁸⁶ В ситуации экспансии мы вправе принимать во внимание только “исконный” вариант, пренебрегая употреблениями типа [?]*Затруднения не возникли*; [?]*Разница не усматривается*; [?]*Падение курса не произошло*, хотя они и не исключены.

входить в ГК (слова этого класса мы назовем *г е н и т и в н ы м и*)⁸⁷. Мы покажем, что все слова генитивного класса имеют общий семантический компонент (точнее, это два компонента, различных, но “родственных”; в семантике генитивного глагола присутствует один из них). В самом деле, если есть инвариантный смысл у генитивной конструкции, то естественно искать семантическую общность и в классе генитивных глаголов.

В любом случае, список глаголов, не охарактеризованный семантически, не исчерпывает проблемы выбора падежа субъекта в отрицательном предложении.

Во-первых, принадлежность глагола к генитивному классу обеспечивает лишь потенциальную возможность генитивного субъекта при этом глаголе. Так, при определенных коммуникативных условиях падеж субъекта у генитивного глагола с отрицанием может быть только именительный, см. (4б):

- (4) а. Реорганизации *не было проведено*;
 б. *Реорганизации *не было проведено* в СРОК.

В Ицкович 1974, Babby 1980, Guiraud-Weber 1984, Апресян 1985 отмечались и другие параметры контекста, препятствующие генитивной конструкции при генитивном глаголе: одушевленность субъекта; референтность; ед. число. В § 3.5 мы покажем, что все эти факторы существенны ровно постольку, поскольку они препятствуют формированию в отрицательном предложении того смыслового компонента, который маркируется генитивной конструкцией.

Во-вторых, генитивная конструкция может возникать, под давлением контекста, и при не-генитивном глаголе. Такие ее употребления мы трактуем как *в ы н у ж д е н н ы е* (как известное *Вас здесь не стояло*), или *ф о р с и р о в а н н ы е*. Вынуждение состоит в том, что семантический компонент, требуемый конструкцией, отсутствует в семантике глагола, а появляется в предложении лишь под давлением генитивного субъекта. Описать форсированные употребления можно только при семантическом подходе.

В Апресян 1985 отмечено, что на употребление ГК влияет частица *ни* — как сама по себе, так и в сочетаниях *ни один, никакой, ни единый, ни малейший* и под. Употребления, обусловленные контекстом “усилительных” отрицательных частиц, мы тоже относим к форсированным. Например, глаголы *находиться, тронуться* в (5), (6) не генитивные, и при отсутствии слов *никакой, ни один* род. падеж субъекта был бы невозможен:

- (5) *Н и к а к о г о* атомного снаряда на борту корабля *не находилось* (пример из Ицкович 1974).
 (6) *З а ж е г с я* зеленый свет, но *н и о д н о й* машины *не тронулось* с места (Babby 1980).

З а м е ч а н и е. В этом параграфе мы исходим из предположения, что семантический компонент, который кодируется генитивной конструкцией (при нефорсированном ее употреблении), должен входить в семантику генитивного глагола. В § 4 будет показано, что это предположение верно для большинства употреблений ГК, но все-таки не для всех: генитивная конструкция может добавлять в отрицательное предложение свой собственный смысл, отсутствующий в исходном утвердительном.

⁸⁷ Кроме глаголов, в генитивный класс входит небольшое число кратких прилагательных (*видно, слышно, нужно* и др.).

Генитивная конструкция дает большой разбой в оценках грамматической правильности. Например, нам кажутся неприемлемыми предложения

[?]Таких примеров *не рассматривалось*;

[?]Афазий и других отклонений от нормы раньше *не изучалось*

из Ицкович 1974. Широкий диапазон различий в оценке говорящими допустимости ГК требует объяснения.

План дальнейшего изложения такой. Раздел 3.2 посвящен семантическому инварианту генитивной конструкции отрицательного предложения; разделы 3.3 и 3.4 — семантике генитивных глаголов в ее отношении к этому инварианту; раздел 3.5 — условиям, которые препятствуют появлению в семантическом представлении предложения с генитивным глаголом генитивного компонента; в разделе 3.6 речь идет о форсированных употреблениях ГК за пределами генитивного класса и о причинах разбоя в оценке правильности⁸⁸.

3.2. Семантика генитивной конструкции

В отрицательном предложении с генитивной конструкцией обязательно присутствует один из двух компонентов:

I. Вещи X не существует в мире / Месте;

II. Вещи X нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания.

Вещь — это предмет или явление, которое обозначается (синтаксическим) субъектом глагола. Место выражается локативом (если локатив отсутствует, речь идет о существовании в мире). Субъект сознания — это прежде всего Наблюдатель, см. гл. 2 § 3. Находиться в перцептивном пространстве Субъекта сознания — значит восприниматься им.

Перцептивное пространство — это либо поле зрения Субъекта сознания, т. е. зона его актуального внимания, либо привычная для него сфера бытия, его “личная сфера” в смысле Апресян 1986а. Возможны и другие формы интеллектуального контакта между Вещью и Субъектом сознания — знание, ожидание и даже просто посессивное отношение.

Компонент I называется э к з и с т е н ц и а л ь н ы м, компонент II — п е р ц е п т и в н ы м (о том, что генитивная конструкция может выражать не только существование, но и восприятие, см. Падучева 1992а). Так, в (а) за семантику ГК отвечает экзистенциальный компонент, а в (б)–(д) перцептивный:

(а) *Существенных изменений* не произошло;

(б) *Колы* на месте не оказалось; (в) *Деревни* на берегу не видно;

(г) *Хозяина* в доме не чувствуется; (д) *Новых пассажиров* в купе не появилось.

Совмещение существования и восприятия в значении одной конструкции не удивительно: существование и восприятие связаны отношением регулярной многозначности, см. гл. II.1. Язык представляет существование как нахождение в Месте (по умолчанию — в мире); а нахождение Вещи в Месте, входящем в поле зрения Субъекта сознания, равносильно восприятию Вещи Субъектом сознания. Связь местонахождения (в том числе перемещения — изменения местонахождения) с существованием и восприятием порождает отношение регулярной многозначности в обширных слоях предикатной лексики (ср. Кустова

⁸⁸ Многие примеры этого параграфа взяты из цитируемых лингвистических работ, поскольку они уже стали своего рода обозначением соответствующих проблем.

1999а). Так, Вещь может *появиться* или *исчезнуть* в Месте, составляющем перцептивное пространство Субъекта сознания (это будет перцептивное событие), и в мире (тогда Вещь начнет / перестанет существовать).

В примере (д) глагол *появиться* может интерпретироваться и как ‘начать быть видимым’, и как ‘начать существовать’, поскольку если новых пассажиров не появилось в купе, то их не появилось и вообще: человек, который не вошел, с точки зрения сидящих в купе не называется “пассажир”.

Связь местонахождения с восприятием имеет в своей основе сходство актантной структуры соответствующих глаголов: в диатезе с закадровым Экспериентом, Наблюдателем, падежная рамка глаголов восприятия и местонахождения состоит из одних и тех же двух актантов — это Вещь и Место⁸⁹. В контексте, где актант Место обозначает поле зрения, как в (16), (26), или Вещь — наблюдаемую сущность, как в (36), (46), глагол с исходным значением начала существования / местонахождения обозначает начало восприятия:

- (1) а. выступил пот; б. выступили горы *из-за облаков*.
- (2) а. возникли сомнения; б. возникло здание *из темноты*.
- (3) а. представился случай; б. представилось *зрелище*.
- (4) а. открылась школа верховой езды; б. открылась *панорама*.

Во фразе *На экране появились странные изображения*, где и Вещь и Место имеют перцептивную природу, противопоставление существования, местонахождения и восприятия вообще снимается.

3.3. Две группы генитивных глаголов: экзистенциальная и перцептивная

Отрицательное предложение естественно представить как результат применения оператора отрицания к исходному утвердительному. Вопрос ставится так: какова должна быть семантика глагола в исходном утвердительном предложении, чтобы при отрицании в нем возник (или мог возникнуть) один из двух указанных семантических компонентов?⁹⁰ Именно в этом случае говорящий должен (или может) употребить в своем отрицательном предложении генитивную конструкцию.

Глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент, причем в таком коммуникативном статусе, что при отрицании предложения он подвергнется отрицанию: этот компонент может быть ассерцией или импликацией, но не может быть пресуппозицией.

Утвердительные аналоги компонентов I и II имеют вид:

I'. Вещь X существует в мире / Месте.

II'. Вещь X находится в перцептивном пространстве Субъекта сознания⁹¹.

Соответственно, генитивные глаголы делятся на две группы. В примере (5) семантика глагола (группы I) включает компонент ‘X существует’ (или ‘X имеет

⁸⁹ См. в Wierzbicka 1980a: 102 о том, что Место — обязательный участник для перцептивного глагола.

⁹⁰ В § 4 показано, что эту формулировку следует скорректировать.

⁹¹ В обоих случаях имеется в виду, что субъект не выполняет в концепте ситуации никакой другой, более активной роли: все генитивные глаголы стативны.

место'), причем в таком коммуникативном статусе, что отрицание предложения даст отрицание этого компонента, — т. е. в статусе ассерции или импликации:

- (5) *Существуют безвыходные положения* — 'X существует';
Были затруднения; Произошла катастрофа — 'X имел место';
Возник скандал — 'стало: X имеет место';
Требуется справка с места работы — 'необходимо: X существует'⁹²;
Сигнал повторился — 'раньше X имел место, сейчас снова X имел место';
За выстрелом последовал взрыв — 'после или в качестве следствия чего-то имел место X';
Выпал осадок — 'части чего-то переместились вниз; тем самым стало: X существует'.

В примере (5') за генитивную конструкцию отвечает глагол группы II, перцептивный:

- (5') Отклонений от нормы *не было замечено*.

Способностью иметь генитивный субъект может обладать не глагол, а его пассивная форма. Так, глагол *построить* — как и все другие переходные глаголы — в активном залоге не относится к генитивным глаголам, поскольку участник Вещь у него не субъект, а объект:

Y построил X из Z =
 | до t < МР X-а не существовало [презумпция]
 | в t Y действовал с целью: определенным образом: воздействовал на Z [ассерция]
 | это вызвало:
 | в МР существует X [импликация]

А в пассивной форме он может иметь генитивный субъект, поскольку трансформация пассива переводит участника Вещь в позицию субъекта:

- (6) *Гостиницы не построено*.

Как мы видим, экзистенциальный компонент возникает в отрицательном предложении с глаголом I группы как результат нормального взаимодействия значения глагола с оператором отрицания и семантикой грамматических форм.

В группе II различаются подгруппы IIa и IIб.

Группу IIб составляют слова, которые относятся к классу восприятий, ср. *Мороза не чувствуется, Деревни не видно*. Естественно, генитивными могут быть только такие предикаты восприятия, которые имеют либо пассивное значение, как *заметно*, либо пассивно-возвратное употребление, как *чувствуется*. Наблюдателем тут является Эксперидент — который, однако, не может быть подлежащим, как в исходных диатезах глаголов восприятия (*Лисица видит сыр*), поскольку ГК требует, чтобы позицию субъекта занимал участник Вещь; но Эксперидент может быть выражен дат. падежом (*Знакомых по дороге н а м не встретилось; Рыжиков е м у не попалось*).

У глаголов группы IIa Эксперидент участвует в толковании в статусе Наблюдателя, Эксперидента за кадром. Наблюдатель входит в семантику глаголов проявления признака (*Не белело вдали знакомых очертаний домов*); он может входить в семантику глаголов перемещения (*Ответа не пришло*). Кроме того,

⁹² При отрицании слов "модальной" подгруппы существование Вещи не отрицается, а подвергается сомнению.

Наблюдатель может “примысливаться” к локативному *быть* (см. о нем § 4) и другим глаголам местонахождения (*Снега на полях уже не лежало*).

К группе Па относятся, например, *белеть, блестеть, звучать, прийти, дойти*; к группе Пб — *виднеться, выражаться, доноситься, встретиться, наблюдаться* и др.

Соотношение между группами генитивных глаголов представлено в таблице:

I. существование в мире / наличие в Месте	II. местонахождение	
	а) [+ изменение состояния] Наблюдатель имплицитный:	б) [+ восприятие / мнение] Наблюдатель-актант:
(1) <i>Сомнений не возникло</i>	(3) <i>Ответа не пришло</i>	(5) <i>Деревни не видно</i> (мне здесь)
(2) * <i>Сомнения не возникли</i>	(4) <i>Ответ не пришел</i>	(6) <i>Деревня не видна</i> (мне отсюда)

Итак, в экзистенциальной группе ГК выражает несуществование Вещи, а в перцептивной — ее отсутствие в поле зрения. При глаголе экзистенциальной группы субъект всегда нереферентный (см. пример (а) из раздела 3.2) — это вытекает из семантики существования. А в перцептивной группе ничто не мешает субъекту быть референтным (*Иванова в Москве нет и не предвидится*): для глагола группы II необходимо, чтобы обозначаемая им ситуация включала — или допускала — Наблюдателя (Эксперимента, Субъекта сознания). В подгруппе Па всегда возможно противопоставление по наличию / отсутствию Наблюдателя; а в Пб Наблюдатель может быть обязателен. Так, глагол *оказаться* (*Маши дома не оказалось*) означает, что Наблюдатель переместился — быть может, фигурально (*Я звонил Маше, но ее дома не оказалось*) — в то место, где фиксировал отсутствие субъекта, и генитивная конструкция обязательна.

Все генитивные глаголы группы II хоть в каких-то своих употреблении допускают нереферентный субъект; напротив, глаголы *присутствовать, участвовать, находиться, размещаться, располагаться*, которые, в отличие от *быть*, с обязательностью требуют референтного субъекта, т. е. несут неподдаваемую презумпцию существования Вещи, не относятся к генитивным.

Различие между *быть* и *находиться* — в том, что *быть* способно “примысливать” Наблюдателя, а *находиться* — нет.

Границы между группами I и II нечеткие. Во-первых, один и тот же глагол часто означает и существование, и восприятие:

- (7) а. *Аргументов не нашлось* = ‘аргументов не возникло, не начало существовать’ [существование];
- б. *Нужного лекарства в аптеке не нашлось* = ‘Вещи нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания’ [восприятие; не утверждается, что ее нет в другом месте].
- (8) а. *Денег не осталось* = ‘стало: Вещи не существует’ [существование];
- б. *Людей на площади не осталось* = ‘стало: Вещи нет в перцептивном пространстве Субъекта сознания’ [восприятие; не утверждается, что ее нет в другом месте].

Во-вторых, перцептивная группа сближается с экзистенциальной за счет слабых, легко подавляемых семантических компонентов — инференций. В контексте глагола группы Па генитивная конструкция часто добавляет (в случае нереперентного X-а) к отрицанию присутствия / наличия Вещи в Месте инференцию *н е с у щ е с т в о в а н и я* Вещи в мире: ‘возможно, X-а не существует вообще’. Чтобы отменить инференцию несуществования, надо употребить им. падеж, ср.:

- (9) а. *Письма* не пришло = ‘письма нет в Месте; возможно, его не существует’;
 б. *Письмо* не пришло = ‘письмо существует, но его нет в Месте’.

Это противопоставление возникает в контексте глаголов появления в поле зрения — когда в концепте ситуации фигурируют два пространства: отсутствие Вещи в пространстве, которое составляет поле зрения Наблюдателя, в равной мере совместимо с его существованием и несуществованием в другом пространстве — в мире.

В группе Пб дело обстоит иначе. Здесь на базе отсутствия Вещи в Месте, которое составляет поле зрения Наблюдателя, может возникнуть инференция *о т с у т с т в и я* Вещи в Месте: компонент ‘X не воспринимается Субъектом сознания (в Месте)’ усиливается до компонента ‘X-а нет в Месте’. Эта инференция легко подавляется контекстом; так, в (10а) она есть, а в (10б) ее нет:

- (10) а. Деревни *не видно* \supset ‘возможно, ее здесь нет’;
 б. Отсюда деревни *не видно*, надо доплыть до поворота.

Инференция отсутствия имеет когнитивную основу, т. е. возникает в силу самых общих законов мышления: если мы чего-то не видим (не слышим, не ощущаем) — там, где предполагали увидеть, — мы склонны заключить, что этого нет, поскольку восприятие привычно лежит в основе наших знаний о мире.

Возможен и дальнейший переход, от отсутствия в Месте к несуществованию в мире, — такой же как в группе Па. Например:

- (11) Хозяина в доме *не чувствуется* \supset ‘возможно, его нет в доме’ \supset ‘нет вообще’.
 (12) Звуков с улицы (сюда) *не доносилось* [возможно, звуков на улице не было].

Опять-таки, номинативная конструкция несет презумпцию существования Вещи:

- (12') *Звуки с улицы* не доносились сквозь двойные рамы [= ‘звуки были, но недоступные восприятию Субъекта сознания’].
 (13) а. *Новых слов* в тексте не встретилось;
 б. *Новые слова* в тексте не встретились;
 в. **Незнакомые слова* в тексте не встретились.

В (13а) никаких презумпций; в (13б) презумпция существования новых слов в качестве заранее известного говорящему и тем самым существующего множества; например, речь может идти о словах, записанных на уроке. А предложение (13в) странное, поскольку имеет презумпцию существования множества незнакомых слов.

Для имен объектов с презумпцией существования, в частности для имен лиц, инференция несуществования в контексте глаголов группы П не возникает. Так, утверждая (14а), говорящий не ставит под сомнение существование Маши. Противопоставление (14а) и (14б) касается только присутствия Маши “здесь”:

- (14) а. *Маши* не видно = ‘Маши нет в поле зрения, и, возможно, ее здесь нет’;

б. *Маши* не видна = ‘Маши нет в поле зрения, хотя она находится здесь’
[например, могло быть, что Маша спряталась].

Граница между несуществованием и отсутствием размывается в контексте имен массы, когда Субъект сознания может быть одновременно Посессором Вещи. Так, в примере (5а) деньги перестали существовать, поскольку речь идет о деньгах в личной сфере Посессора; то, что эти деньги существуют в другом месте, нерелевантно, поскольку они уже не мои. В (15) из отсутствия Вещи в Месте (т. е. инференции отсутствия) следует ее несуществование, поскольку представляет интерес только тот “объем” Вещи, который мог бы находиться в (перцептивном) пространстве Посессора; т. е. существование Вещи в принципе ограничено рамками личной сферы Посессора:

(15) *Мороза не чувствуется* [здесь] \supset ‘мороза нет [здесь]’ \supset ‘мороза нет’.

В работе Babby 1980: XXII основной вывод об условиях замены им. падежа на род. формулируется в виде метаязыкового утверждения: род. падеж выражает тот факт, что именная группа находится в сфере действия отрицания. В сущности, это та же формулировка, что у Якобсона и Карцевского: в предложении с родительным субъекта “отрицается само подлежащее”, а в предложении с именит. падежом “отрицается не подлежащее, а его деятельность”. Эта формулировка не допускает буквального понимания: отрицание — сентенциональный оператор, и его сферой действия может быть только утверждение. Под отрицанием подлежащего эти авторы понимали отрицание сущест-во-а-н-и-я предмета или ситуации, обозначенных подлежащим (см. Апресян 1985: 295), и речь идет о том самом семантическом компоненте, который возникает в экзистенциальной группе как обязательный, а в перцептивной — в качестве инференции. Однако, как явствует из примеров (7)–(15), свести семантику генитивной конструкции к отрицанию существования нельзя. Глаголы восприятия протаскивают в генитивный класс семантику местонахождения.

Перечень генитивных глаголов (достаточно представительный — в нем более 300 единиц), см. в Приложении “Генитивные глаголы”. Как справедливо говорится в Guiraud-Weber 1984, широкая продуктивность вынужденных употреблений генитивной конструкции не оставляет надежды на составление полного списка генитивных глаголов, что повышает ценность семантических формулировок.

Итак, при глаголе перцептивной группы генитив и номинатив отчетливо противопоставлены: номинатив выражает презумпцию существования Вещи, а генитив свободен от презумпций. Что же касается экзистенциальных глаголов, то они, как правило, вообще не допускают номинативной конструкции под отрицанием. В самом деле, если из отрицания глагола следует несуществование Вещи, то семантически уместна только генитивная конструкция — если не считать “экспансивного” им. падежа, когда несуществование Вещи остается невыраженным, см. пример из МАС:

Побежал в адресный стол узнать о Тамаре. Но ему сказали, что *такая* не значит.

Противопоставление номинатива и генитива возможно и в контексте глаголов I группы, но имеет иной смысл. Так, экзистенциальные каузативы, типа *строить*, *совершать*, в пассивной форме выражают возникновение, т. е. начало

существования. При них им. падеж допустим; он выражает *запланированность* данной (еще не существующей) Вещи:

- (16) а. Гостиницы *не было построено*;
 б. Гостиница *не была построена* [= ‘но была запланирована’].

Глагол *состояться*, казалось бы, тоже бытийный; но он не является генитивным, потому что в его лексическое значение входит запланированность события, выражаемого субъектом:

Господа, мы должны употребить все усилия, чтобы *эта дуэль* не состоялась (Ч., МАС).

В (17), (18) (примеры из Падучева 1985) недопустим род. падеж, поскольку субъект имеет “гипотетическое существование” в смысле Reichenbach 1947: 274.

- (17) **Установки* не было введено в действие [ввести в действие можно только установку, которая так или иначе существует].
 (18) **Заговора* не было раскрыто [чтобы раскрывать заговор, нужно иметь гипотезу о его существовании].

Особая интерпретация у номинатива родового субъекта. Ср. примеры (19а) и (19б):

- (19) а. *Лоси* в нашем лесу не водятся;
 б. *Лосей* в нашем лесу не водится.

Предложение (19а) — о лосях в мире: они существуют, но водятся (т. е. “находятся”) в других местах; предложение (19б) — о лосях нашего леса: они *не водятся*, т. е. их не существует. В примере из Guiraud-Weber 1984 — *Даже лебеды не родилось* [нисколько] — не генитивная конструкция, а *genitivus partitivus*; ср. *Даже лебеда не родилась*.

Представляет интерес пример (20):

- (20) а. *Оригинала этого списка* не сохранилось;
 б. *Подлинник* не сохранился.

В (20б) говорящий осуществляет референцию к конкретному предмету, который он имеет в виду. Про этот предмет говорится, что он не сохранился, т. е. пропал; а пропажа предмета имеет обязательную презумпцию его существования. Между тем именная группа *оригинал этого списка* в (20а) — дескрипция, которая имеет атрибутивную референцию, см. Donnellan 1966. Генитивная конструкция выражает отсутствие какого бы то ни было объекта, удовлетворяющего дескрипции. В Борщев, Парти 2002 отмечается, что фраза *Ответа не пришло* звучит существенно лучше, чем *Письма не пришло*. В самом деле, *ответ* — это дескрипция, которая не обязывает говорящего иметь в виду конкретный предмет и легче утрачивает конкретную референцию в отрицательном контексте, чем прямая номинация *письмо*.

Противопоставление номинативной конструкции, несущей презумпцию существования, и генитивной, свободной от презумпций, возможно в модальном контексте:

- (21) а. *Твоя справка* не потребуется; б. *Справки* не потребуется.
 (22) а. *Твои советы* мне не нужны; б. Не нужно мне *твоих советов*.

3.4. Кажущиеся контрпримеры

В работах Ю. Д. Апресяна (1985, 1995: 34) отстаивается тезис о том, что генитивные глаголы если и обладают какой-то семантической общностью, то заведомо недостаточной для однозначного предсказания синтаксического поведения. Приводятся примеры семантически близких глаголов, из которых один допускает генитивную конструкцию, а другой — нет:

- (1) а. Симптомы болезни *не появились*; б. *Симптомов болезни *не исчезло*.
- (2) а. Старосты на собрании *не было*;
б. *Старосты на собрании *не присутствовало*.
- (3) а. Перемен в технической политике фирмы еще *не наступило*;
б. *Перемен в технической политике фирмы еще *не началось*;
в. Перемены в технической политике фирмы еще *не начались*.

Наш анализ позволяет дать семантическое объяснение этим различиям. Глагол *исчезать* не генитивный потому, что его отрицание выражает наличие, а не отсутствие Вещи. Глагол *присутствовать* не принадлежит к числу генитивных: он выражает локализацию и мог бы принадлежать к группе II, но, в отличие от *быть*, не способен примысливать Наблюдателя. Глагол *начаться* тоже не генитивный на семантической основе: *Х началось* ≈ ‘Х имеет место сейчас и будет продолжаться в течение времени более долгого, чем уже прошло’ (см. о *начаться* гл. 1 § 1). Поэтому *начаться* вообще не допускает отрицания иначе как в контексте, где Вещь “запланирована”, а запланированность, как мы видели, требует номинатива; в (3в) запланированность подчеркнута словом *еще*.

Все генитивные глаголы стативны: движение и агентивность несовместимы с пребыванием в генитивной группе. Показателен пример из Борщев, Парти 2002:

- (4) а. *Письма* не пришло;
б. **Автобуса* не пришло.

В (4а), в контексте слова *письмо*, глагол *прийти* имеет стативное значение — он обозначает только появление Вещи в поле зрения Наблюдателя; и ГК допустима. А в (4б), в контексте субъекта *автобус* (класс — ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО), глагол обозначает движение, и в этом значении не относится к генитивным.

Отсюда недопустимость сочетаний

- (5) **не идет* дождя, **не идет* дыма:

глагол *идти* не генитивный, поскольку обозначает не существование, а течение времени; даже в переносных употреблениях у него сохраняется динамический ореол (исключение — *не идет речи*).

Один из парадоксальных генитивных глаголов — *существовать*. Казалось бы, его значение — это и есть экзистенциальный компонент в статусе ассерции; между тем *существовать* часто имеет при отрицании номинативный субъект. Однако все употребления *существовать* с номинативом (см. § 2) семантически мотивированы⁹³.

В Селиверстова 1977 различаются существования в реальном мире и в мире вымысла. Таким же — т. е. отличным от реального мира говорящего — может быть внутренний мир отдельного лица или какой-то другой альтернативный

⁹³ В этом разделе мы существенно опираемся на Guiraud-Weber 1984: 97–102.

мир, см. (9). В примерах (6)–(9) им. падеж выявляет мир говорящего (в котором Вещь существует), противопоставленный миру Субъекта сознания:

- (6) *Для него* не существовал обще заводской распорядок дня (Панова. Кружилиха);
- (7) Друзья не существуют *для человека*, если только он не захочет их признавать (Тургенев. Отцы и дети);
- (8) Этот реальный мир сейчас не существовал *для нее* (Гладков. Повесть о детстве);
- (9) *В географическом смысле* Малая земля не существует (Культура и жизнь, 1978, № 1).

В предложениях несуществования у *существовать* есть особый актант — мир несуществования; он выделен в (6)–(9) курсивом и является обязательным — как с точки зрения синтаксиса, так и истинностного значения. Например, (6') не только сомнительно синтаксически, но и явно ложно в ситуации, где (6) было истинно:

- (6') Обще заводской *распорядок* дня не существовал.

Есть другая возможность: номинатив может противопоставлять несуществование в наст. или будущем существованию той же Вещи в прошлом:

- (10) *Владимир* уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов (П.).

Это особенно ясно в контексте примера (11), где номинатив, см. (11а), дает значение 'перестать существовать', а генитив означает полное несуществование:

- (11) а. Я бы дорого отдал, чтобы *они* [мои поэмы] вообще не существовали на свете;
- б. Я дорого бы отдал, чтобы *их* [моих поэм] вообще не существовало на свете (Богословский. Тургенев).

Итак, у большей части генитивных глаголов генитив все-таки выражает, хотя бы в статусе инференции, несуществование Вещи (быть может, в ограниченном мире). Так что противоречат первоначальной простой гипотезе о том, что ГК выражает несуществование, только слова (II группы) *быть, оказаться, ожидать, предвидеться, обнаружиться, обнаружено, замечено, заметно, видно, слышно* — при них генитивом может быть оформлен однозначно референтный субъект, и ГК в этом случае маркирует отрицание восприятия, но не существования⁹⁴:

- (12) *Ивана* не оказалось (не ожидается, не было, не обнаружено, не замечено, не видно, не слышно).

Глагол *быть* этом в списке из десяти слов кажется исключением, поскольку допускает ГК с конкретно-референтным субъектом и не выражает восприятия. Ему посвящен § 4. Все остальные генитивные глаголы конкретно-референтного — тем более одушевленного — субъекта в генитиве не допускают:

- (13) а. *Мужиков в деревне* не осталось; б. **Ивана* не осталось.
- (14) а. Тебе *рыжиков* не попадалось? б. *Тебе *Ивана* не попадалось?
- (15) а. *Более простых решений* мне неизвестно; б. **Его адреса* мне неизвестно.

⁹⁴ Во фразе *Иванова в списке* не значится слово *Иванов* — фамилия, а не человек, так что значиться в список исключений не входит.

Исключением противоположного рода являются слова *возможно, желательно, допустимо, исключено, обязательно*, которые не допускают генитивного субъекта в контексте, где семантически ощущим экзистенциальный компонент, ср. **Провала не исключено, *Справки не обязательно* (хотя *Справки не нужно, не требуется*).

3.5. Контексты, препятствующие употреблению ГК при генитивном глаголе

Препятствием к употреблению генитивной конструкции является все то, что препятствует возникновению в семантическом представлении отрицательного предложения с генитивным глаголом компонента ‘Вещи нет (в мире/ в поле зрения Наблюдателя/ в личной сфере Субъекта сознания)’.

Переходность глагола всегда отмечается как категорическое препятствие для ГК (Пешковский 1956, Ицкович 1974). У этого факта есть семантическое объяснение: переходный глагол — это обычно глагол действия, и он имеет активный субъект, а ГК требует пассивного — который всего лишь существует или является объектом восприятия. Кроме того, у глагола действия существование Агенса всегда составляет презумпцию (ср. Кеenan 1976) — которая, естественно, не поддается отрицанию.

Есть, правда, аргументы в пользу того, что непереходность работает и как формальный признак. Так, *разбиться* и *потерпеть аварию, произойти* и *иметь место* — это семантически почти одно и то же; однако:

- (1) а. Никакого судна там *не разбивалось*; б. *Никакого судна аварии *не потерпело*.
 (2) а. Аварии *не произошло*; б. *Аварии *не имело места*.

Другое препятствие — **одушевленность** субъекта; многие глаголы перцептивной группы в контексте одушевленного субъекта требуют им. падежа, хотя при неодушевленном субъекте допускают генитивную конструкцию:

- (3) а. *Деревни* не появилось [вопреки ожиданию];
 б. **Пожарной команды* не появилось [надо: *Пожарная команда не появилась*].

Дело в том, что одушевленный субъект — это активный субъект, и в контексте такого субъекта глагол обычно обозначает действие, ср. Ицкович 1974: 78: “Возможность употребления род. падежа находится в обратной зависимости от способности сказуемого выражать активное действие”. Активный субъект составляет понять предложение с данным глаголом как высказывание о действии этого субъекта, а не о его наличии/ присутствии. Так, фраза (4б) понимается как ‘друзья ушли’, что и исключает генитив:

- (4) а. Друзей у нас *не осталось*; б. *Друзей с нами *не осталось*.

Что же касается экзистенциальной группы, то здесь вообще преобладают глаголы, обозначающие устойчивое положение неодушевленного субъекта Вещи. Чуть ли не единственный глагол устойчивого положения с одушевленным субъектом — *жить*. Он никогда не обозначает активного действия, и одушевленность его субъекта не служит препятствием для ГК:

- (5) Знакомых никого в ней *не жило* (пример из Guiraud-Weber 1984).

Вообще, одушевленность существенна лишь в том случае, если речь идет о единичных, индивидуализированных объектах. Во мн. числе имена лиц могут

уподобляться именам веществ (mass terms), и одушевленность перестает играть роль (примеры из Guiraud-Weber 1984):

- (6) Огни реклам погасли, не осталось *ни покупателей, ни продавцов*.
 (7) На такой фабрике не осталось бы *работниц*.

О том, что **референтность** субъекта препятствует ГК, уже говорилось — определенный, т. е. конкретно-референтный субъект, даже при генитивном глаголе, оформляется номинативом (исключение составляют слова перцептивной группы, упомянутые в разделе 3.4):

- (8) а. *Книги* [подходящей] не нашлось; б. *Книга* [потерянная] не нашлась.
 (9) а. *Знакомых* нам на пляже не встретилось;
 б. *Наши знакомые* нам на пляже не встретились.

Ср. в этой связи пример из Борщев, Парти 2002:

- (10) а. *Газеты* не поступили; б. *Газет* не поступило.

В (10а) имеются в виду определенные газеты (которые обычно поступают в киоск); а в (10б) — неопределенные, нереперентные “газеты вообще”: например, в противоположность журналам. Можно сказать, что для (10б) исходное утвердительное предложение — *Газеты поступили*, а для (10б) — *Поступили газеты*.

В контексте глаголов, которые выражают истекающее время — *истечь, миновать, пройти*, — определенный субъект оформляется номинативом, а неопределенный — генитивом:

- (11) а. *Кириллин день* еще не миновал;
 б. *Дня* не проходило без скандала; *Двух недель* не прошло.

Ед. число субъекта является препятствием для ГК, поскольку навязывает именной группе предпочтительно референтную интерпретацию:

- (12) а. НЕВЕРНО (Принят новый сотрудник) = *Новых сотрудников* не принято;
 б. **Нового сотрудника* не принято.
 в. **Новый сотрудник* не принят.

Фраза (12в), с субъектом в номинативе, тоже неправильна, поскольку человек становится новым сотрудником после того, как он принят.

Напротив, мн. число способствует генитивной конструкции, поскольку превращает имя индивида в имя массы; тем самым генитив получает партитивное значение и дополнительную семантическую мотивацию.

Препятствием для ГК в контексте генитивного глагола может быть **коммуникативная структура** предложения:

- (13) а. Разницы не усматривается;
 б. *Разницы не усматривается *невооруженным глазом* \.
 (14) а. Уличных звуков сюда не доносится;
 б. *Уличных звуков не доносится *сквозь двойные рамы* \.
 (15) а. Формы ед. числа не существует;
 б. *Формы ед. числа не существует *вне оппозиции чисел* \.

В предложениях (13б)–(15б) есть акцентно выделенный модификатор (обстоятельство) и отрицается только этот модификатор, а экзистенциально-перцептивный компонент, отрицание которого входит в семантику ГК, остается неотрицаемым (схожие явления обсуждаются в связи с так наз. definiteness effect в Szabolcsi 1986, Kiss 1995). Это дает объяснение примеру (4) из раздела 3.1, а также примеру из Апресян 1985: 294.

*Ни одной болезни не протекает *без осложнений* \.

В Guiraud-Weber 1984: 105 отмечается невозможность ГК в контексте обстоятельства образа действия:

(16) а. Такой мысли не возникает; б. *Такой мысли не возникает *неожиданно* \ [надо: *Такая мысль не возникает неожиданно*].

А дело здесь в том, что генитивный глагол дает генитивную конструкцию только в рематический позиции.

Глагол может не допускать ГК просто потому, что он вообще не допускает отрицания. Отрицательное высказывание ‘не-Р’, как заметил еще Рассел, обычно бывает коммуникативно уместно в ситуации, когда есть ожидание, что Р (в частности, когда нарушено некоторое нормальное положение вещей). При глаголе, семантика которого имплицитно подразумевает случайность, неожиданность наступления события, отрицание звучит странно:

(17) ?Несчастья не случилось; ?Беды не приключилось.

Контекст вопроса, косвенного вопроса, условного и сослагательного наклонения снимает эту помеху — Р и не-Р рассматриваются как равновероятные возможности:

(17') От этого *большой беды* не приключится [от этого = ‘если это произойдет’].
(17'') пошел узнать, не случилось ли *несчастья*.

Контекст ожидания Р может сделать возможным отрицание (а как следствие — и ГК) для глагола, вообще говоря, неотрицаемого. Так, в (18б) генитивная конструкция уместна, поскольку речь идет о прекращении состояния, еще недавно имевшего место (когда раздавались выстрелы; это выражено словом *больше*):

(18) а. ?Выстрелов не раздавалось; б. Выстрелов *больше* не раздавалось.

Так что если создан уместный контекст для отрицания глаголов *случиться, раздаваться*, то нет препятствий и для генитивной конструкции.

3.6. Форсированные употребления генитивной конструкции

Нам осталось лишь ответить на вопрос об источниках широкого разброса в оценке правильности предложений с ГК разными говорящими. Один источник — это смена языковой нормы, экспансия им. падежа, о которой уже шла речь⁹⁵. Но есть и другой источник — широкая возможность форсированных употреблений (ср. англ. термин *coerced meaning*, например, в Pustejovsky 1991) генитивной конструкции, т. е. употреблений, требующих мощного контекста, в котором происходит перестройка словарного толкования глагола.

Форсированное употребление ГК допускают глаголы, нормально не имеющие хорошего отрицания. Так, требуется специальный контекст, чтобы стали уместны отрицания предложений из (1а), со схемой толкования ‘Х начал существовать; определенным образом’:

(1) а. Разразился скандал, Грянул выстрел; Воцарилась тишина; Открылась гангрена;

⁹⁵ Процесс угасания ГК идет во всех славянских языках, хотя и с разной скоростью. Об употреблении генитивной конструкции в языке Пушкина см. Падучева 2001б.

- б. *Скандала не разразилось, *Выстрела не грянуло; *Тишины не воцарилось;
*Гангрены не открылось.

Генитивная конструкция невозможна, но и им. падеж не спасает положения. В семантической структуре предложений из (1а) компонент 'X существует' находится в сфере действия модификатора, который осмыслен только в предположении, что X существует, см. гл. I.6 и Падучева 1996: 244. Например, *воцарилась тишина* означает нечто вроде 'тишина наступила; она носит всеобъемлющий характер'.

Похожий класс составляют глаголы, смысл которых включает — помимо компонентов 'X находится в Месте' и 'Наблюдатель это видит' — модификатор 'X является таким-то/находится в таком-то состоянии':

- (2) Передо мной *простиралась* бескрайняя равнина; Вместо зуба *зияла* дыра;
Развеваются флаги; На его груди *блистали* звезды.

И здесь модификатор служит помехой для отрицания, независимо от падежа субъекта:

- (3) *Флаги не развеваются; *Звезды не блистали.

Отрицание глагола с модифицирующим компонентом (а следовательно и генитивная конструкция) становится возможным, если модификатор попадает вместе со всей ситуацией Р, в модальную рамку ожидания (это явление описано в Богуславский 1985: 32, см. также гл. I.6). Имеется в виду ожидание того, что если ситуация Р будет иметь место, то в данной модификации. Ожидание соединяет генитивный компонент с модификатором в единую пропозицию, способную отрицаться:

- (4) Ожидаемого скандала *не разразилось*; Звезд на его груди уже *не блистало*.

Форсированное здесь отрицание: это оно требует мощного контекста. Когда такой контекст создан, препятствий для употребления ГК уже нет.

Другой пример форсированного употребления ГК. Глаголы *стоять*, *висеть*, *сидеть* при целеполагающем субъекте обозначают деятельность, и ГК невозможна. Однако они могут переосмыслиться и, в контексте множественного субъекта, обозначать привычное для наблюдателя устойчивое положение Вещи. Это дает им возможность окказионально вступать в ГК:

- (5) У школы не стояло детей (ср. *У реки не стояло домов*).
(6) На заборах не висело мальчишек (ср. *На стенах не висело ковров*).

К тому же представить ситуацию как устойчивое состояние, длившееся на продолжительном интервале, предшествующем наст. моменту, значит создать контекст ожидания этой ситуации (*На заборах не висело мальчишек* [вопреки обыкновению]), оправдывающий отрицание.

Есть большая группа глаголов, обозначающих движение, — *бегать*, *блуждать*, *крутиться*, *кружиться*, *лезть*, *мчаться*, *плавать*, *ползать*, *проскальзывать*, *проскакивать*, *прыгать* и др.; они легко допускают контекстное примысливание Наблюдателя, что приравнивает их к генитивным глаголам перцептивной группы. Так, в примере (7) употребление ГК форсированное:

- (7) Между бревнами и по косякам окон не *скиталось* резвых прусаков, не *скрывалось* задумчивых тараканов (Тург.).

Генитивный компонент не входит в толкование глагола *скитаться*, хотя и может быть выведен из него в качестве следствия: *скитаться* для определенного вида объектов равносильно ‘находиться’. В контексте присутствующего Наблюдателя это следствие оказывается главным коммуникативно важным компонентом. В Borschev, Partee 1998 генитив во фразе *Парусов не белело* трактуется как обусловленный ее синонимичностью фразе *Парусов не было* в контексте знания о том, что паруса бывают белые.

Допустимость генитивной конструкции в таких контекстах оценивается говорящими по-разному. Так, предложения (8), (9), где происходит семантическое выветривание глагола под действием локатива (который семантически не что иное, как типовое имя места действия, обозначаемого данным глаголом), как будто более удовлетворительны, чем (10), (11):

- (8) Таких у нас на предприятии *не работает*.
- (9) Таких людей у нас в санатории еще *не отдыхало*.
- (10) Свечи на столе *не горело*.
- (11) *Не прыгало* лягушек на обочине.

Характерный пример форсированного употребления генитивной конструкции — клишированная шутка: *Вас здесь не стояло (не сидело)*. Генитив переводит деятельность целеполагающего субъекта — *стоять (сидеть)* — в наблюдаемое местонахождение; на первый план выходит Наблюдатель, а субъект предстает как неодушевленный предмет — что и придает высказыванию его уничижительный смысл.

Семантический компонент, обосновывающий ГК, может порождаться не за счет “насилия” над значением глагола, как в примерах (5)—(10), а за счет особой референциальной семантики субъекта. Как уже говорилось, частица *ни*, как сама по себе, так и в сочетаниях — *ни один, никакой, ни единый, ни малейший* и под., — может обуславливать употребление генитивной конструкции за пределами класса генитивных глаголов. В самом деле, при наличии *ни один* ГК употребляется в контексте глаголов разрушения, нанесения ущерба и прекращения существования:

не разрушено *⟨ни одного дома⟩*; не разбито *⟨ни одной тарелки⟩*.

Дело осложняется тем, что *ни* в разных сочетаниях дает разные наборы таких квазигенитивных глаголов. Коротко остановимся на *никакой* и *ничто*.

Кванторное прилагательное *никакой*, войдя в состав референтной именной группы, может отменить презумпцию существования, связанную с этой группой, и выражать “глобальное” отрицание, когда говорящий не только отвергает рему предложения, но и подвергает сомнению существование его темы. Отсюда возможность ГК за пределами генитивного класса, см. примеры (5), (6) из раздела 3.1. Выражая речевой акт эмфатического несогласия с собеседником, слово *никакой* и в номинативе способно отменить презумпцию существования, см. диалог:

(12) — Произойдет катастрофа! — *Никакая катастрофа* не произойдет.

Если воздействие, оказываемое на падеж субъекта словом *никакой*, предсказывается из его лексической семантики, то поведение *ничего* семантически необъяснимо — *ничего* может быть субъектом при таких глаголах, как, например, *кончиться, измениться, перемениться, выясниться, болеть, интересо-*

вать, чудиться; при словах *кончено, забыто, спрятано, начато* и др. (отнюдь не генитивных):

(13) а. *Ничего* не кончилось; б. **Войны* не кончилось.

(14) а. *Ничего* не болит; б. **Головы* не болит.

Ничего может нарушать даже непреложный для всех остальных слов закон о несовместимости ГК с переходностью, пример из Guiraud-Weber 1984 (ср. также Guiraud-Weber 1973):

(15) Его *ничего* не интересует.

Экспансия *ничего* в семантически не предусмотренную область может быть объяснена на уровне морфологии. Поскольку слово *ничего* употребляется только в отрицательном контексте, у него в значении вин. падежа почти всегда выступает родительный (*Я ничего не вижу*), и это положение закрепилось в парадигме. С другой стороны, для русского языка на протяжении всей его истории актуально правило о том, что у слов среднего рода им. падеж совпадает с винительным. В результате *ничего* приобрело, особенно в разговорном языке, функцию не только вин., но и им. падежа — что и объясняет примеры (13)—(15)⁹⁶.

* * *

Итак, мы можем заключить, что проблема лексических границ генитивной конструкции — это, в значительной мере, проблема выявления класса стативных глаголов, лексическое значение которых либо не включает презумпции существования своего субъекта, либо маркирует присутствие в ситуации Наблюдателя.

Наш анализ позволяет, в конечном счете, вывести смысл генитивной конструкции из смысла ее частей: и безличность, и род. падеж ущемляют в правах синтаксический субъект, который либо нереферентен, либо оттирается на задний план вторгшимся в ситуацию Наблюдателем. Трактовка, предложенная для пассивных форм (пример (6) в разделе 3.3), позволяет надеяться на возможность переноса семантических формулировок с субъектного генитива на объектным, ср. Timberlake 1975.

Принадлежность к генитивному классу можно вывести из семантических свойств глагола, которые должны быть фиксированы в его словарном описании даже и независимо от проблемы ГК. В русском языке, где генитивная конструкция в ряде контекстов грамматически обязательна, наличие генитивного компонента в толковании слова (или, в случае форсированного употребления, совместимость с этим компонентом) должно быть отмечено, если мы хотим достичь интерактивности словаря и грамматики. Но и для других языков “генитивный” класс глаголов не может не быть семантически релевантным (ср., например, данные о венгерском языке в Kiss 1995).

⁹⁶ Это решение предложил А. А. Зализняк.

§ 4. Генитивный субъект глагола *быть**

Генитивная конструкция отрицания — мощный аргумент в пользу семантического подхода к синтаксису, представленного работами Анны Вежибской: подхода, который ставит задачей предсказать сочетаемость и другие особенности поведения слов и форм в языке на базе семантики слов и синтаксических конструкций, см. Wierzbicka 1988.

Влиятельная книга Л. Бэбби (Babby 1980), посвященная генитивной конструкции, называлась “Бытийные предложения”, и это долгое время не давало возможности понять, что на самом деле имеется не одна, а две группы генитивных глаголов.

Первая, основная (обычно она считается единственной) — это бытийные глаголы, т.е. глаголы, которые имеют в составе толкования семантический компонент ‘X существует’ (где X, Вещь, — это то, что обозначено субъектом), причем не в статусе презумпции, а в статусе ассерции или импликации. При отрицании предложения с таким глаголом возникает, по общим законам взаимодействия отрицания с ассерцией, компонент ‘X-а не существует’. Субъект X при глаголе первой группы, в силу семантического согласования с предикатом существования в составе компонента ‘X существует’, естественно, имеет нереферентный статус:

- (1) *Сомнений не осталось* [= ‘никаких’];
Возражений не возникло [= ‘никаких’ или ‘ни одного’].

Но есть вторая группа генитивных глаголов (и предикативов) — перцептивная; семантический инвариант этой группы — компонент ‘X находится в поле зрения Наблюдателя’. Субъект X в этой группе может быть референтным. Примеры с глаголами второй группы (в (2г), (2д) референтный субъект):

- (2) а. *Мороза не чувствуется*;
 б. *Деревни пока не видно*;
 в. *Хозяйки в доме не заметно*;
 г. *Маши дома не оказалось*;
 д. *Иванова не предвидится*.

Для бытийного глагола генитив субъекта в отрицательном предложении, как правило, обязателен, см. (1). А там, где генитив порождается перцептивным компонентом, возможно противопоставление генитивной и номинативной конструкции. В контексте, где субъект не имеет однозначной конкретной референции, может возникнуть “инсинуация” его несуществования, как в (2в); тогда генитив маркирует наличие сразу двух компонентов — перцептивного и бытийного. В других случаях генитив субъекта просто выражает присутствие в ситуации Наблюдателя или Субъекта сознания — это примеры (2г), (2д).

К той же перцептивной группе принадлежит глагол *прийти* в контекстах типа *Ответа не пришло*, где он теряет семантику целенаправленного перемещения и выражает просто появление Вещи в поле зрения.

* Параграф 4 (исключая Постскрипtum) — это, с небольшими изменениями, статья Падучева 1992а. Статья была написана гораздо раньше, чем § 1—3, и некоторые пересечения оказалось трудно устранить. Последнее десятилетие внесло в эту проблематику существенные коррективы, см. Постскрипtum.

Обратимся теперь к глаголу *быть*. У *быть* с давних времен различается (среди прочих) два значения — с у щ е с т в о в а н и я, как в (3а), и л о к а л и з а ц и и, как в (3б) (см. об этом, например, Арутюнова 1976: 210):

- (3) а. *Такая партия* была [экзистенциальное значение];
 б. *Геологическая партия* была на базе [локативное значение].

При экзистенциальном значении субъект отрицательного предложения оформляется род. падежом:

- (3') а. *Такой партии* не было,

что нормально, поскольку в этом случае как значение *быть*, так и референциальная характеристика субъекта в точности соответствуют семантическому инварианту генитивных глаголов бытийной группы.

Однако генитивный субъект возможен и при локативном *быть*:

- (3') б. *Геологической партии* не было на базе.

На первый взгляд, т. е. если иметь в виду только основную, бытийную группу генитивных глаголов, род. падеж субъекта при локативном *быть* кажется двойным исключением:

1) в значении локативного *быть* нельзя усмотреть асертивного или имплицитивного, т. е. отрицаемого, компонента 'X существует', который бы "отвечал" за род. падеж при отрицании; прямо наоборот, локализация объекта связана с п р е з у м п ц и е й его существования:

Геологическая партия *была* на базе \supset 'Геологическая партия существует';

2) генитивная конструкция при глаголах бытийной группы предполагает нереперентный субъект; а у локативного *быть* субъект может быть конкретно-реперентным, примеры (3б) и (3'б).

Глагол *быть* локативный мог бы быть генитивным глаголом второй группы, которая допускает реперентный субъект; но тогда в его семантике должен быть перцептивный компонент. Ниже будет показано, что это так и есть. А именно, мы покажем, что имеется два локативных значения глагола *быть* — *быть* 1 и *быть* 2; причем:

быть 2 не относится к классу генитивных глаголов, т. е. имеет подлежащее всегда в им. падеже;

быть 1 допускает генитивный субъект в отрицательном предложении, т. е. относится к классу генитивных глаголов, причем принадлежит к нему "семантически законно", поскольку включает семантический компонент, который позволяет отнести его к генитивным глаголам перцептивной группы. Дело в том, что в семантике лексемы *быть* 1 может включаться фигура Наблюдателя — воспринимающего субъекта.

Ниже приведены толкования лексем *быть* 1 и *быть* 2, из которых должно быть ясно, что *быть* 1 — генитивный глагол (перцептивной группы), а *быть* 2 — нет; толкования даются для прошедшего времени:

- (I) X был 1 в месте Y [в момент t_0] =

- 1) X находился в месте Y в момент t_0 ;
- 2) имеется лицо, которое
 - либо тоже находилось в момент t_0 в Y — в роли Наблюдателя,
 - либо мыслит себя находящимся в Y в момент t_0 ,
 - либо Y — это его нормальное местонахождение;

(II) *X был 2 в месте Y [в момент t₀] =*

- 1) X находился в месте Y в момент t₀;
- 2) X не находился в Y в некоторый момент t_i, предшествующий моменту t₀ (и не находился в момент t_j, после t₀);
- 3) пребывание X-а в Y есть результат намеренного действия X-а.

Как видно из толкования, *быть 2* ≈ ‘побывать’; т. е. *быть 2* — это глагол действия (перемещения), так что он никак не может быть генитивным, поскольку все генитивные глаголы стативные.

Особенностью лексемы *быть 1* является то, что она фиксирует участие в ситуации Наблюдателя (или Субъекта сознания): Наблюдатель либо находился в Y в тот момент, когда там не было X-а, см. (4а), либо Y — это его нормальное, постоянное местонахождение, и тогда его местонахождение в момент t₀ несущественно, см. (4б):

- (4) а. Мы зашли к Ивану, но его *не было* дома [Наблюдатель — *мы* — находится в момент t₀ в месте Y, т. е. там, где нет X-а];
- б. Меня вчера *не было* дома [Наблюдатель — я; его нормальное местонахождение — дома].

С помощью Наблюдателя можно объяснить, почему противоречиво предложение (а) *Меня нет дома*, в отличие от (б) *Я не дома*. Поскольку говорящий — главный исполнитель роли Наблюдателя, род. падеж в (а) имплицитно присутствует в говорящем в доме, тогда как фраза в целом утверждает его отсутствие.

Фактор нормального местонахождения Наблюдателя/Субъекта сознания демонстрирует пример (5):

- (5) а. Меня не было *в Москве*;
- б. Меня не было *в Париже*.

Фраза (5б) кажется на первый взгляд аномальной, поскольку для нее первое прочтение, которое нам приходит в голову, — с глаголом *быть* в значении *быть 2* — ‘Я никогда не приезжал в Париж’, а оно требует им. падежа субъекта. Однако если допустить говорящего-Наблюдателя, для которого нормальным местонахождением является Париж, то фраза (5б) будет столь же законна, как и (5а), ср. Guiraud-Weber 1984: 96.

Понятен источник аномалии в (6б):

- (6) а. Меня вчера не было *дома*;
- б. ?Меня вчера не было *в кино*.

Дом — нормальное местонахождение человека, а кино — нет, что и объясняет неестественность (6б): человек должен отсутствовать в Месте (доме) как участник и присутствовать как Наблюдатель.

Более естествен генитивный субъект в (7), где можно допустить, что говорящий “вживается” во 2-е лицо и его местонахождение (ставит себя на его место) и тем самым мыслит себя находившимся в Месте в определенный момент (типичный случай дейктической проекции, см. гл. 7 § 1):

- (7) Жаль, что меня вчера *не было с вами* [или *с вами в кино*].

В примере (8) фраза (а), на первый взгляд, звучит странно:

- (8) а. Неужели тебя у них *не было*?
- б. Неужели ты у них *не был*?

Однако (8а) вполне уместно, например, в ситуации, когда говорящий был “у них” — в некоторый фиксированный момент — и, как ему кажется, видел адресата, а адресат это отрицает. Здесь Субъект сознания — это субъект ожидания, выраженного в *неужели*. Другие примеры:

- (9) а. — Почему Вани *не было* в школе? [спрашивает учитель или одноклассник, которые были в школе, когда Вани там не было];
 б. — Почему ты, Ваня, *не был* в школе? [спрашивает отец].
- (10) а. Я *не был* дома [= ‘не приходил домой, когда должен был прийти или когда естественно было прийти’];
 б. Меня *не было* дома [скорее всего, это ответ кому-то, кто пытался в некоторый момент меня застать].
- (11) Знаешь, наших детей *не было* в цирке.

Одна из ситуаций, восстанавливаемых за высказыванием (11): говорящий сам был в цирке и засвидетельствовал тот факт, что его детей там не было; или же он передает слова какого-то другого лица, которое было синхронным Наблюдателем “ситуации отсутствия”. Фраза *Наши дети не были в цирке* синхронного наблюдателя не подразумевает.

Итак, мы можем сделать вывод, что лексема *быть* 1, с генитивным субъектом в отрицательном предложении, имеет семантический компонент, который позволяет отнести ее к одной из семантических групп генитивных глаголов (см. компонент 2 в ее толковании): *быть* 1 — это генитивный глагол перцептивной группы.

Теперь вернемся к сопоставлению толкований двух глаголов — *быть* 1 с генитивным субъектом и *быть* 2 с номинативным. Можно указать ряд семантических и синтаксических следствий, которые вытекают из указанных различий в их толкованиях.

I. В Апресян 1980: 70 описывается следующий замечательный факт. Как известно, утвердительному предложению, например,

Отец *был* на море

может соответствовать два отрицательных:

- (12) а. Отец *не был* на море;
 б. Отца *не было* на море.

Ю. Д. Апресян обнаруживает следующую зависимость между падежом субъекта и видовым значением глагола в отрицательном предложении:

— при им. падеже субъекта, как в (12а), возможно только общефактическое понимание несомн. вида:

Отец *не был* на море [скорее всего — ‘никогда не был’];

— при родительном, как в (12б), предпочтительно актуально-длительное:

Отца *не было* на море [например, когда я туда пришел].

Связь между падежом субъекта и видом глагола кажется на первый взгляд синтаксическим курьезом. На самом деле эта корреляция имеет простое семантическое объяснение. А именно, если различить у глагола *быть* два указанных локативных значения, т. е. лексему *быть* 1 стативную и лексему *быть* 2 агентивную, то, с одной стороны, из толкования этих лексем вытекает различный выбор падежа субъекта при отрицании (о чем шла речь выше), а с другой сто-

роны, из тех же толкований вытекает различие в наборах видовых значений, допускаемых этими лексемами.

Мы покажем, что пример (12) демонстрирует зависимость видового значения не от падежа, а от лексического значения глагола *быть*.

1) Связь номинативного субъекта с общефактическим значением вида. Поскольку *быть* с номинативным субъектом — это *быть* 2, а у *быть* 2 лексическое значение фиксирует две временных точки, t_i и t_0 , временная позиция Наблюдателя во фразе с *быть* 2 может быть только ретроспективной (или проспективной): Наблюдатель должен находиться в такой временной позиции, из которой он может видеть обе точки одновременно. Таким образом, тот факт, что несов. вид лексемы *быть* 2 имеет только общефактическое значение, обусловлен ее лексической семантикой.

2) Связь между генитивным субъектом и актуально-длительным значением вида. Лексическое значение *быть* 1 фиксирует местоположение Наблюдателя — он находится в “ситуации отсутствия X-а”. Ясно, что *быть* при этом употребляется в актуально-длительном значении, которое возникает при синхронной временной позиции Наблюдателя. Однако если в ситуации с *быть* 1 фигурирует не Наблюдатель, а Субъект сознания, который “мыслит” себя в данном месте, то возможно понимание формы несов. вида генитивного *быть* в общефактическом — ретроспективном — значении:

- (13) — Как, ты ничего не знаешь?
— Меня *не было* в Москве. [Сейчас я в Москве.]

Поэтому для *быть* 1 актуально-длительное понимание несовершенного вида является лишь более частым, но не единственно возможным.

Итак, различив лексемы *быть* 1 и *быть* 2, мы получаем объяснение для различной интерпретация формы несов. вида в (12).

II. Глагол *быть* 1 (в отличие от *быть* 2) допускает дейктический эллипсис обстоятельства места со значением ‘здесь’, т.е. ‘в том месте, где находится говорящий’. Это неудивительно, если учесть, что *быть* 1 фиксирует местоположение говорящего — его нахождение в “ситуации отсутствия”:

- (14) а. Жаль, что Ивана *не было*! [там, где я был — *быть* 1]
б. *Жаль, что Иван *не был*! [им. падеж субъекта показывает, что это *быть* 2, и потому дейктический эллипсис невозможен; предложение неполное]

Для *быть* 2 возможен только анафорический эллипсис:

- (15) Я был *в кино*_i, а Иван не был \emptyset _i.

III. При отсутствии указания на время лексема *быть* 2 может быть понята двояко — с конкретно-референтным и с квантифицированным подразумеваемым показателем времени; а *быть* 1 обязательно фиксирует конкретный момент времени — момент наблюдения (Ицкович 1984: 53):

- (16) а. Кто *не был* в музее Толстого? [= ‘никогда не был’ или ‘не пошел в тот момент, когда ожидалось, что некоторая группа людей туда пойдет’];
б. Кого *не было* в музее Толстого? [= ‘в тот момент, который имеется в виду’, например, ‘когда кто-то там был’].

Соответственно, *быть* 2 не накладывает никаких ограничений на референциальный статус показателя времени, а при *быть* 1 он может быть только конкретно-референтным:

- (17) а. Ваня здесь *ни разу* не был [*быть* 2];
 б. *Вани здесь *ни разу* не было [невозможно понимание с *быть* 1];
 *Вани здесь *никогда* не было.
- (18) а. Я *никогда* в этом доме не был [*быть* 2];
 б. *Меня *никогда* в этом доме не было [невозможно понимание с *быть* 1];
 *Меня *ни разу* в этом доме не было.

IV. Еще одно различие между *быть* 1 и *быть* 2 касается денотативного статуса локализатора: *быть* 2 допускает нереферентный локализатор, а *быть* 1 требует конкретно-референтного (см. Апресян 1995: 521):

- (19) а. Иван [никогда] не был *в таком театре* [*быть* 2];
 б. *Ивана никогда не было *в таком театре* [невозможно понимание с *быть* 1].

Это различие тоже можно вывести, в конечном счете, из дейктичности *быть* 1 — из того, что *быть* 1 так или иначе требует присутствия Наблюдателя в ситуации отсутствия субъекта: ситуация является, в силу этого, конкретно-референтной — единичной, а тогда и локализатор ее должен быть конкретно-референтным.

V. Наблюдатель принимает участие в интерпретации предложений с кванторными словами. В Борщев, Парти 2002 фигурирует увлекательный пример:

- (а) Иван нигде не был; (б) Ивана нигде не было.

Мы предлагаем альтернативную трактовку различию между (а) и (б) — с участием Наблюдателя. Известно, что в естественных контекстах употребления слов со значением общности квантифицируемая область так или иначе сужается. Но в (а) она сужается неопределенным образом — за счет более или менее широкого контекста высказывания; между тем (б) означает, с полной определенностью, ‘Ивана не было там, где Наблюдатель его искал’.

VI. Из толкований *быть* 1 и *быть* 2 вытекают характерные различия в сочетаемости этих лексем с частицами *еще* и *уже*. Так, в примере (20) в предложении (а), с *еще*, возможна номинативная конструкция, а в (б), с *уже*, лучше употребить генитивный субъект, поскольку *быть* в контексте *уже* не может быть понято в значении *быть* 2:

- (20) а. В два часа я *еще не буду* в институте [в одном из пониманий — ‘еще не приду’];
 б. В два часа *меня уже не будет* в институте.

То же самое для случая, когда значение ‘еще’ и ‘уже’ лишь подразумевается:

- (21) — Давай встретимся в твоём институте. Я приду в два часа.
 — Нет, в два часа я *не буду* в институте.

Здесь *я не буду* — при включенном обстоятельстве времени *в два часа* — может пониматься как ‘я еще не буду’, т. е. ‘я еще не приду’, и тогда допустимо понимание *быть* в значении *быть* 2, как этого требует номинативный субъект. При генитивном субъекте возможны и *еще*, и *уже*, см. (22), а при номинативном только *еще*:

- (22) Через два дня *меня уже / еще не будет* в Москве [*быть* 1; генитивный субъект].
- (23) а. Через два дня я *еще не буду* в Москве [= ‘еще не приеду’ — *быть* 2; номинативный субъект];

- б. *Начиная с двух часов я уже не буду в институте [*быть* 1; номинативный субъект невозможен — надо сказать: *меня уже не будет*].

Теперь мы можем вернуться к семантическому источнику род. падежа референтного субъекта в предложениях с *быть*, как в примере (3'б). Говоря о присутствии в ситуации с *быть* 1 Наблюдателя, мы имеем в виду, что в семантику *быть* 1 входит перцептивный компонент. Он и несет ответственность за род. падеж субъекта при отрицании *быть* 1: Наблюдатель конституирует в семантике *быть* 1 тот самый компонент, который является семантическим инвариантом во второй, перцептивной, группе генитивных глаголов.

Но в таком случае обнаруженная Ю. Д. Апресяном связь между видовым значением глагола и падежом субъекта не является уникальным свойством глагола *быть*: аналогичный эффект — генитив субъекта — дает “примысливание” синхронного Наблюдателя к другим глаголам, выражающим локализацию, ср. *не висело, не стояло, не лежало, не торчало* и проч. (при этом как следствие возникает актуально-длительная интерпретация вида). Так, в примере (24б) генитив субъекта гораздо более естествен, чем в (24а), поскольку в (24а) ситуация отсутствия зафиксирована ретроспективно:

- (24) а. Этот портрет здесь никогда раньше *не висел* [общезаконное значение несов. вида];
 б. Я окинул взглядом кабинет. Портрета на стене *не висело* [акт. значение несов. вида].

Есть и другие глаголы, при которых род. падеж субъекта маркирует не что иное, как присутствие Наблюдателя или появление субъекта в зоне наблюдения. Так, в примерах (25)–(30) генитивная конструкция выражает значение ‘X не появился в зоне наблюдения’; а при движении в противоположном направлении — прочь от Наблюдателя — субъект может быть только в номинативе:

- (25) а. *Ни одна дыня не попала* в магазин [взгляд извне];
 б. *Ни одной дыни не попало* в наш магазин [взгляд изнутри магазина].
 (26) а. Все ждут. Пока что *ни один человек не ушел*;
 б. Мы ждем. Пока что *не пришло ни одного человека*.
 (27) а. Посыпали тротуар песком, чтобы *ни один человек не упал* [ср. недопустимое **чтобы ни одного человека не упало*];
 б. Вырыли яму, чтобы ловить людей, но *ни одного человека* в нее *не упало* [*упасть* здесь означает ‘появиться в зоне восприятия’].
 (28) а. Дома с дороги не видно. Сквозь плотные ставни *свет* ламп *не проникает* наружу;
 б. Сквозь эти шторы *не проникает* дневного *света* [внутри, к Наблюдателю].
 (29) а. До него эти *звуки* *не доносятся* [о человеке вдалеке];
 б. Здесь тихо. Уличных *звуков* *не доносится* [= ‘не доходит до Наблюдателя’].
 (30) а. Механизмы отказали, и *ни одна подлодка* *не всплыла*;
 б. Мы ждали, но *ни одной подлодки* *не всплыло* [т. е. не появилось в зоне наблюдения].

Последний пример приводится в работе Babby 1980 именно с такой интерпретацией: генитивный субъект маркирует присутствие Наблюдателя.

То, что *быть* не является семантически уникальным глаголом, можно показать, сравнив *быть* и *оказаться*:

(31) а. Вани *не было* дома; б. Вани *не оказалось* дома.

В обоих предложениях генитив маркирует присутствие в ситуации Наблюдателя, которого нет в поверхностной структуре предложения (хотя, конечно, глагол *оказаться* кодирует присутствие Наблюдателя с большей определенностью, чем *быть*). См. схематическое толкование для *оказаться* — в том значении, в котором оно представлено в (31б):

X-а *не оказалось* в Y-е =

- | Наблюдатель ожидал, что X находится в Y-е
- | Наблюдатель переместился в Y
- | Наблюдатель увидел, что X-а нет в Y-е

Как и в других случаях, требуется поправка на возможное не-зрительное восприятие, ср. ситуацию телефонного звонка.

У *быть* тот участник, который обеспечивает генитив субъекта, может быть, как мы видели, не только Наблюдателем, но и Субъектом сознания (как в (5)) — в частности, лицом, для которого данное Место является нормальным местопребыванием. Между тем *оказаться* предполагает именно Наблюдателя. Отсюда следующее различие в сочетаемости — (32а) нормально, а (32б) можно сказать только в шутку:

(32) а. Меня *не было* дома; б. Меня *не оказалось* дома.

Постскриптум

1. В статье Падучева 1992а глагол *быть* рассматривался только в контексте одушевленного субъекта. Неодушевленный субъект ставит под сомнение наши формулировки касательно агентивности *быть* 2 и требует уточнений.

С большинством обстоятельств места неодушевленный субъект в номинативе просто несовместим:

(1) а. **Мой паспорт* не был в сумке ⇒ б. *Моего паспорта* не было в сумке.

Однако для примеров из (2) мы легко домысливаем ситуацию, когда номинативный субъект возможен:

- (2) а. *Телевизор* (явно) не был в мастерской [: он по-прежнему работает плохо];
- б. *Этот костюм* не был в химчистке;
- в. *Журнал* не был в учительской;
- г. *Шампанское* не было в холодильнике.

Во всех этих примерах интерпретация несов. вида ретроспективная: *быть* в (2), как и в предложениях с агентивным *быть* 2, означает, приблизительно, ‘побывать’. И хотя субъект неодушевленный, есть ощущение, что за всеми ситуациями примера (2) стоит какая-то воля — которая нашу Вещь куда-то отнесла, подержала и принесла обратно (о том, что делимитативное *по-* предпочитает агентивный контекст, см. Flier 1985 и Падучева 1996: 145). Здесь, конечно, играет роль характер Места: оно предполагает определенное целенаправленное воздействие на Вещь (ремонт, чистку, охлаждение и т. д.). Собственно, только в таком контексте *быть* 2 и возможно: (1а) воспринимается как аномалия, поскольку контекст не допускает подобной интерпретации. Толкование *быть* 2 необходимо, однако, обобщить: целеполагающим субъектом, который обеспечивает временное пребывание Вещи в Месте, может быть не сама Вещь, а некоторое лицо за кадром.

2. По поводу участия в толковании *быть* 1 синхронного Наблюдателя следует высказать соображения более радикального характера.

Наблюдатель в генитивной конструкции, т. е. при *быть* 1, чувствуется при неодушевленном субъекте даже лучше, чем при одушевленном. Так, предложение (3) с полной определенностью предполагает контекст, когда человек пришел в мастерскую и не обнаружил своего телевизора:

(3) *Телевизора* не было в мастерской.

Еще лучше это видно в наст. времени, ср. предложение (4а), которое выражает наблюдаемое отсутствие, и (4б), которое выражает просто знание об отсутствии (знание может быть в том числе и из наблюдения, но наблюдение не отражается в том концепте, который сопоставляет ситуации говорящий):

(4) а. *Телевизора* нет в мастерской; б. *Телевизор* не в мастерской.

В Арутюнова, Ширияев 1983: 91 рассматривается следующий пример. На вопрос: *Твой брат дома?* может быть, в принципе, дано два ответа — с генитивной конструкцией, как в (5а), и без нее, как в (5б):

(5) а. Нет, моего брата нет \ дома;
б. Нет, мой брат не дома \.

Кажется очевидным, что ответ (5а) предпочтителен (что и утверждается в Арутюнова, Ширияев 1983). Однако нам это кажется исключительно в силу предположения, что говорящий (и тот, кто задает вопрос) находится “в ситуации отсутствия”. Если разговор происходит, скажем, в университете, то ответ (5б) на вопрос *Твой брат сейчас дома?* будет более чем уместен. Но в таком случае мы приходим к непреложному выводу:

| присутствие Наблюдателя кодируется не семантикой лексемы *быть* 1, а семантикой самой генитивной конструкции.

В самом деле, стивное *быть* вне контекста отрицания, как в *Отец был на море*, предполагает Наблюдателя лишь в той мере, в какой он входит в семантику актуального значения несов. вида.

Если в предложении есть обстоятельство длительности с замкнутым интервалом, которое однозначно фиксирует ретроспекцию (Падучева 1996: 175), то возможно противопоставление генитивной и номинативной конструкций:

(6) а. Его *не было* дома два дня [Наблюдатель в доме; *быть* 1];
б. Он *не был* дома два дня [\approx ‘за два дня ни разу не побывал дома’; *быть* 2].

То же для неодушевленного субъекта в контексте “агентивного” Места:

(7) а. Куртки *не было* на вешалке два дня [*быть* 1];
б. Телевизор *не был* в мастерской два года [*быть* 2].

Итак, нетривиальный синхронный Наблюдатель появляется только в генитивной конструкции и порождается самой конструкцией. Предположение о Наблюдателе в семантике лексемы *быть* 1 возникло как следствие подхода к отрицательному предложению с позиций трансформации отрицания: если Наблюдатель есть в отрицательном предложении, он должен быть и в исходном утвердительном — иначе откуда ему взяться? Между тем, как выясняется, смысл отрицательного предложения не всегда складывается из двух частей (смысл исходного предложения + отрицание): в примере (5а) т р е т ь е й со-

ставляющей является смысл самой генитивной конструкции. Говорящий выбирает ту или иную конструкцию в зависимости от смысла, который он хочет выразить. Можно думать, что наш анализ примера (5) демонстрирует преимущества композиционного подхода к значению перед трансформационным.

3. В статье Падучева 1992а при анализе глагола *быть* в значении локализации принимался во внимание только конкретно-референтный субъект. Предложения с нереферентным субъектом, типа *На полу окурки*, пример (20) из § 2.3, или *В комнате девочки*, пример (22а) там же, требуют комментариев.

Нереферентный субъект в предложениях локализации практически всегда занимает рематическую позицию, что сближает предложения локализации с бытийными. В Арутюнова, Ширяев 1983: 65 допускается даже, что предложения с нереферентным субъектом не выражают местонахождения, а относятся к бытийному типу. Однако в бытийном значении наст. время глагола *быть* выражается формой *есть*, и отличие нулевой формы, выражающей чистое местонахождение, от формы *есть*, с бытийным значением, несомненно: *есть* может добавлять к местонахождению значение ‘часть — целое’ (*В комнате есть девочки* = ‘среди присутствующих’), нужность (*На полу есть окурки* осмысленно, если они кому-то нужны) — возможно, что-то еще. Так что бытийная трактовка для примеров (20), (22а) не проходит.

Хороший контекст противопоставления *есть* и нулевой формы можно построить на базе примера Н. Д. Арутюновой. На вопрос *Где тут есть булочная?* может быть дано два вполне адекватных ответа, (8а) и (8б):

(8) а. Булочная есть за углом; б. Булочная за углом [= ‘находится за углом’].

Ясно, однако, что в (8а) отвечающий оставляет статус субъекта *булочная* неизменным — нереферентным, и предложение бытийное; а в (8б) говорит про знакомую ему определенную булочную, указывая ее местонахождение, — в контексте функциональных имен эта разница почти незаметна. На вопрос *Где мама?*, в котором субъект однозначно референтный, ответ может быть только по типу (8б), с локальным *быть*.

Предложения с *быть* I и нереферентной Вещью, типа *На полу окурки* (\approx ‘на полу валяются окурки’), не имеют хорошего отрицания («плохим» отрицанием для *В комнате девочки* было бы нечто вроде *Комната пуста*; для *На полу окурки* — *На полу чисто*). Что естественно: особый — интродуктивный — статус ИГ *окурки* в этой фразе возможен только в утвердительном предложении. Что же касается отрицательных предложений с генитивной конструкцией (*В классе нет девочек*; *На полу нет окурков* и *Окурков на полу нет* и т. д.), то их естественно считать отрицаниями бытийного *быть*, см. подробное обсуждение других возможных интерпретаций в Арутюнова, Ширяев 1983: 53–91.

Итак, ограничившись, при рассмотрении локального *быть*, конкретно-референтным субъектом, мы ничего не упустим из виду, поскольку предложения локализации с перфектным субъектом не имеют хорошего отрицания.

4. Сравним следующие три предложения:

- (9) а. Бутылки *нет* в холодильнике;
 б. Бутылка *не была* в холодильнике;
 в. Бутылка *не* в холодильнике.

Очевидно, что (9а) — это высказывание, основанное на непосредственном наблюдении. В (9б), напротив, нет прямого наблюдателя — говорящий судит о ситуации (в прошлом) по косвенным данным: по ее следам, последствиям в настоящем; т.е. судит о прошлом по состоянию на текущий момент. А (9в) не дает оснований судить, какими источниками информации пользовался говорящий: это может быть и знание, полученное от третьих лиц, и нежелание сообщать более точные сведения — что угодно⁹⁷.

Из анализа этих примеров следует, что генитивная конструкция может трактоваться как способ выражения противопоставления по эвиденциальности⁹⁸: смысловые различия в (9а)—(9в) можно считать грамматическим выражением источника информации, которым пользуется говорящий, см. об эвиденциальности Плулунгян 2000: 322. В русском языке категории эвиденциальности никогда не усматривалось, так что эти факты представляют интерес.

То, что противопоставление по эвиденциальности возникает только в отрицательном контексте, типологически правдоподобно. Так, в Fici 2001 показано, что в македонском языке противопоставление аориста в утвердительном предложении перфекту в вопросительном связано с эвиденциальностью; т.е. эвиденциальности в принципе естественно быть скоррелированной с неутвердительным контекстом.

5. Отметим одно изменение общих установок, которое имеет отношение к семантике *быть*. В 90-е годы не считалось необходимым накладывать ограничения на то, какие разные лексические значения можно постулировать у одного слова. Между тем современные семантические концепции предполагают, что совмещение значений в одном слове должно быть семантически (или типологически) правдоподобно. Работы последних лет проливают свет на факт совмещения в одном глаголе стативного значения (как у *быть* 1) и динамического (как у *быть* 2)⁹⁹. То, что глаголы перемещения могут иметь производное стативное значение, отмечалось неоднократно. Так, в гл. 7 производное стативное значение зафиксировано у многих глаголов движения — таких как *входить*, *следовать*, *нести* и т.д. Между тем у глагола *быть* семантический сдвиг явно в обратном направлении — от стативного значения к перемещению. Оказывается, однако, что и этот семантический переход не уникален. Возьмем, например, глагол *касаться*: его исходное значение стативное (*Ветки сирени касаются подоконника*); между тем в производных он становится агентивным глаголом перемещения (*коснулся ее руки*), см. Гиро-Вебер, Микаэлян 1999. Так что в соответствии с нашими определениями семантическое соотношение между *быть* 1 и *быть* 2 следует признать регулярной многозначностью. Значение меняется по двум параметрам: тематический класс — от локализации к перемещению; и таксономическая категория — от пассивного состояния к действию.

⁹⁷ При этом (9а) и (9в) допускают перевод из настоящего времени в прошедшее, а в (9б) возможно только прошедшее: (9а') *Бутылки не было в холодильнике*; (9в') *Бутылка была не в холодильнике*.

⁹⁸ Эту трактовку предложил Я. Г. Тестелец.

⁹⁹ Интересно, что и *быть* 1 может предполагать перемещение, ср. заполнение двух направительных валентностей — “Откуда?” и “Кому?” (свойственных глаголам перемещения) — во фразе *От дяди Олега мне ничего не было* (Набоков. Дар), где *не было* ≈ ‘не пришло’.

Приложение

Генитивные глаголы

В нижеследующих списках глаголы приводятся в форме наст. или прош. времени 3-го лица (или среднего рода) ед. числа. Глаголы, составляющие видовую пару, фигурируют как отдельные единицы; так, *останавливаться* — генитивный глагол, а *остановиться* — нет, ср. *Иностранных туристов у нас в гостинице еще не останавливалось* и **Иностранных туристов не остановилось*; генитивный глагол *улавливаться* (*Различия не улавливается*) не имеет парного СВ. Если глагол допускает генитивный субъект только в пассиве, он и приводится в пассивной форме — сов. и несов. вида. Возвратные глаголы трактуются как словарные единицы, отдельные от мотивирующих невозвратных. Несов. вид дается только для тех возвратных глаголов, которые не имеют, помимо возвратного, также и пассивного употребления; например, для *припомнилось*, *образовалось* парный несов. вид приводится, а для *обнаружилось* — нет, поскольку есть пассивная пара *обнаружено* — *обнаруживается*.

Список делится на две части. В первую входят слова, для которых возможность вхождения в ГК подтверждена примерами реального употребления в текстах (парный глагол противоположного вида мог быть добавлен, не будучи документирован). Во второй части глаголы с соответствующей семантикой были подобраны по словарю, а допустимость ГК проверялась на информантах.

I

не белеет ⟨ли парусов на горизонте⟩; *не блистает* ⟨теперь бриллиантов в ее прическе⟩; *не бывает* ⟨здесь песчаных бурь⟩; *не было, нет* ⟨такой возможности; Иванова в Москве⟩; *не введено / вводится* ⟨ограничений на вывоз валюты⟩; *не ведется* ⟨наблюдений; строительных работ⟩; *не взято* ⟨обязательств⟩; *не виднеется* ⟨ли вдали жилья⟩; *не видно* ⟨деревни⟩; *не внесено / вносится* ⟨ценных предложений⟩; *не водится* ⟨уток в этом пруду; за ним этого греха⟩; *не возбуждается / возбуждено* ⟨дела⟩; *не возникло / возникает* ⟨особых проблем⟩; *не всплыло* ⟨трупов убитых бойцов⟩; *не вспыхивает* ⟨ни искорки⟩; *не встретилось* ⟨На кладбище не встретилось глазам никого, Серг.-Цен.⟩; *не выдалось* ⟨ни одного теплого дня⟩; *не выделено / выделяется* ⟨средств на оборудование⟩; *не выкопано* ⟨сточных канав⟩; *не вынесено* ⟨постановления⟩; *не выпало* ⟨осадка; счастливого жребия⟩; *не выписано / выписывается* ⟨даже газет⟩; *не выпущено / выпускается* ⟨книг по лингвистике⟩; *не выработалось / вырабатывается* ⟨привычки⟩; *не выразилось* ⟨тревоги⟩; *не высказывалось* ⟨таких мнений⟩; *не выступило / выступает* ⟨ни капли крови из сосуда⟩; *не вышло* ⟨бы ошибки⟩; *не выявилось* ⟨способностей⟩; *не выяснилось / выясняется* ⟨подробностей⟩; *не дано / дается* ⟨названия⟩; *не держится* ⟨Слуг в доме не держалось⟩; *не доносится* ⟨звуков⟩; *не допущено* ⟨грубых промахов⟩ / *не допускается* ⟨ни малейших отступлений⟩; *не досталось / достается* ⟨билетов⟩; *не достигнуто* ⟨договоренности⟩ / *не достигается* ⟨нужного эффекта⟩; *не дошло / доходит* ⟨сведений⟩; *не живет* ⟨знаменитых людей⟩; *не заведено / заводится* ⟨дела⟩; *не завелось* ⟨друзей; мышей; денег⟩; *не задано / задается* ⟨лишних вопросов⟩; *не затевается* ⟨ли новых развлечений⟩; *не замечто* ⟨сдвигов⟩; *не замечается / замечено* ⟨Вани среди присутствующих⟩; *не запечатлелось* ⟨подробностей⟩; *не запланировано / планируется* ⟨палисадника⟩; *не зарегистрировано / регистрировалось* ⟨вспышек⟩; *не звучит* ⟨пышных речей⟩; *не значится* ⟨его в списке; этих расходов в смете⟩; *не идет* ⟨дороги по берегу; О колокольне речи не шло⟩; *не издается* ⟨книг⟩; *не имеется* ⟨возражений⟩; *не исходит* ⟨запаха⟩; *не кроется* ⟨ли подвоха⟩; *не куплено / покупается* ⟨еще муки на зиму⟩; *не лежит* ⟨газет на журнальном столике⟩; *не мелькнуло* ⟨ни искры интереса⟩ / *мелькает*; *не наблюдается* ⟨оживления в экономике⟩; *не набралось / набирается* ⟨тридцати человек⟩; *не набрано* ⟨команды⟩; *не названо / называется* ⟨имен⟩; *не найдено* ⟨желающих⟩; *не накоплено / накапливается* ⟨материалов⟩; *не наложено / накладывается* ⟨запрета⟩; *не наладилось / налаживается* ⟨дружбы⟩; *не намечено / намечается* ⟨поездки⟩; *не напи-*

сано / пишется (еще таких романов); не наступило (поворота); не начато / начинается (строительства); не нашлось / находится (Думаешь, на тебя управы не найдется?); не нужно (его согласия); не обеспечивается (точности); не обнаружено / обнаруживается (отклонений); не обнаружилось (Вани); не обозначилось (тенденции); не образовалось (корки) / образуется (форм пассива); не обращено / обращается (достаточно внимания); не объявилось / объявляется (добровольцев); не ожидается (зарплаты; Вани); не оказалось (препятствий); не оказано / оказывается (должного уважения); не опубликовано / публикуется (сводок); не осталось / остается (сомнений; следов); не открыто / открывается (детских учреждений); не открылось / открывается (Ни протек ни поля не открывалось за стволами, Трифонов); не отметилось (момента в памяти) / отмечается (отклонений); не отпечаталось / отпечатывается (следов); не ощущается (враждебности); не передалось (ему отцовских склонностей); не перепало (нам любви ни на грош); не повторится (такого безобразия); не подвернулось / подворачивается (возможности); не подведено / подводится (итогов); не поддерживается (связей с внешним миром); не поднято / поднимается (вопроса); не поймано (новых бабочек); не показано / показывалось (изображений на экране); не полагается (обуви); не положено (тебе халата); не получилось / получается (разговора); не получено (сведений); не понадобится (белья); не попало (арбузов в магазин); не попалось / попадает (нужного примера); не последовало (ответа); не поставлено / ставится (вопроса); не построено / строится (гаража); не поступило / поступает (сведений); не потрачено / тратится (денег); не появилось / появляется (новых лиц); не предвидится (улучшений; конца); не предоставлено / предоставляется (общезития); не предлагается (защиты); не предпринято / предпринимается (попытки); не представлено (доказательств); не представлялось / представляется (случая); не предстоит (подлинного выбора); не предусмотрено / предусматривается (ограничений на подписку); не прибавилось / прибавляется (ума); не прибыло (обещанных платформ); не приведено / приводится (данных); не привязывалось (ко мне никогда такой хвори); не придает (значения); не приложено / прикладывается (усилий); не применяется (удобрений); не принято / принимается (решений; мер); не принято (у нас таких чаепитий); не приснилось / снится (такого успеха и Элвису Пресли); не пришло (мне в голову такой мысли) / приходит; не пришло / приходит (Не приходит на нашу станцию таких поездов); не пробивается (Ни одной травинки вокруг него не пробивалось); не пробито / пробивается (туннеля); не проведено / проводится (электричества; мероприятий); не проектируется (новых самолетов); не производится (таких деталей) / произведено (подсчетов; вскрытия); не происходит / произошло (существенных изменений); не произошло (ни капли крови); не пролито / проливается (слез); не проложено / прокладывается (новых дорог); не проникло / проникает (света); не прошло (дня) / проходит (там дороги); не прячется (ли за печкой тараканов); не растет (травы); не родилось / рождается (таких смельчаков); не рождено (еще на свет такого гения); не сдано / сдается (в эксплуатацию новых печей); не сделано / делается (поправки на возраст); не сидит (галок на заборах); не сказано / говорится (нужных слов); не сквозит (тревоги); не скитается (Между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, Г.); не скрывается (Между бревнами (...) не скрывалось задумчивых тараканов, Г., примеры из Арутюнова, Ширяев 1983); не случилось / случалось (неприятностей); не слышится / слышалось (привычного шума); не слышно (победных труб); не собрано / собирается (сплетен); не соблюдено / соблюдается (таможенных формальностей); не содержится (прямого приглашения); не создано / создается (условий); не состоит (больших спидом на учете); не сохранилось / сохраняется (следов; дома); не спрашивается (желания); не стоит (подписи на документе; у дороги таких домов); не существует (безвыходных положений); не сформировалось / формируется (рефлекса); не шито / шьется (мешков); не таится (в нем ничего привлекательного); не требуется (точности); не уделено / уделяется (внимания); не улавливается (энтузиазма в голосе); не упало (ни одного волоса с ее головы); не упоминается (имен); не усматривает-

ся (даже трещинки); не установилось (дружбы) / устанавливается (ограничений); не уцелело (свидетелей); не фиксируется / зафиксировано (колебаний); не числится (его по спискам; за ним грехов); не чувствуется / почувствовалось (перемен); неизвестно (простых решений).

II

[?]не бегают (по двору мальчишек); [?]не бежит (в траве ручейков); [?]не блстело (В овраге не блстело теперь битого стекла); не блуждает (ли по земле других таких несчастных); не бродит (котов по помойкам); не брошено (вызова); не вернулось / возвращается (обратно никаких писем); [?]не ведет (Хорошей дороги на ферму не вело); не взмоло (нового светила); не висит (картин на стенах; игрушки на елке); не воздыгается / воздвигнуто (памятника); не вошло / входит (Не входило еще в наш порт таких кораблей); не вселилось / вселяется (новых жильцов); [?]не встало (новых зданий) / стоит (на столе кувшина с цветами); [?]не вывелось / выводится (больше утят); не выглянуло (из тумана новых вершин); не выезжало (ли из подворотни иностранной машины?); не выходило (ли подозрительных людей); не вылезало (из норки полевых мышей); не вылилось (ни капли из бутылки); [?]не вынырнуло (из мглы белых зданий); не выросло (даже лебеды); не вырвалось (вздоха); не выскочило (на экране нужной цифры); не высовывается (ли из ящика листа бумаги); не вытекает (такого следствия); не вытекло / вытекает (ничего из крана); не выходит (отсюда никаких путей); не вьется (флагов над судами); не въезжало (машин через эти ворота; давно новых жильцов); [?]не горит (Все было по высшему разряду, разве что свечей не горело); [?]не грохотало (телег по мостовой; водопада); не гремело (по этому поводу победных маршей); не ездило (машин по улицам); не желтело (на ветках яблок); [?]не жужжит (пчел над лугом); не забежало / забегают (Не забегало ли собак на участок?); [?]не завивается (больше белокурого локона над бровями); не загорелось / загорается (почему-то звезд на небе); [?]не залезло / залезает (теперь мальчишек в огород); не застряло / застревает (ли в щели горошины); не звенело (теперь музыки по ночам); не зеленело (бутылок на столе); не зимует (теперь у нас птиц); не капнуло / капает (ли сюда чего-нибудь); не краснело (на ветке яблок); не кружилось (хлопьев снега); не крутилось (в голове ни одной полезной мысли); не легло (на стол белоснежной скатерти); [?]не лезло (пены из пивной кружки); не летало (по крайней мере самолетов над головой); не мерцало (огоньков в тумане); не мокло (привычного белья на веревке); [?]не мчалось (машин по улицам); не нависло / нависает (угрозы); не наизрело / наизревает (пока новых противоречий); не настало (потепления); не несло (бешеных воплей из лаборатории); не ночевало (таких людей); не обрушилось (бы еще более страшных бед) / обрушивается; [?]не опустилось / опускается (вертолетов); не отделяется / отделяется (сляны); не отдыхает (таких людей в нашем санатории); не переводится (детских сказок); не плавает (ли чего-нибудь подозрительного поблизости); [?]не погрузилось (желанного троса); не подходит (к ферме хороших дорог); не ползает (змей по берегу); не порхает (бабочек по лугам); не приехало / приезжает (туристов на базу); [?]не приземлилось / приземляется (больше парашютистов); [?]не присоединилось / присоединяется (Хоть бы ко всем его несчастьям не присоединилось болезни!); не пристало (ли какой ниточки к его платью) / пристаёт; не причалило / причаливает (к нашему берегу корабля с алыми парусами); не пробежало / пробегают (собак; таких мыслей в голове); [?]не провалилось / проваливается (больше никого в нашу яму); не проглянуло / проглядывает (ли где голой земли); не проживает (здесь Ивановых); не прорвалось / прорывается (солнечного луча); не прорезалось (еще зубов); не прорисовывается (знакомых контуров); не просвечивает (ли голого тела); не проскользнуло / проскальзывает (ни тени иронии); не проскочило / проскакивает (даже намек); не проснулось (желания); [?]не простиралось (уже широких равнин за окном); не проступило / проступает (знакомых очертаний); не протекает (ли там какой-нибудь реки); не проявилось (особых талантов); не прыгало (больше лягушек по обочине); не пылает (костров; прежне-

го румянца на щеках); *не разбито / разбивается* (лагеря); *не развевается* (флага); *не развелось / разводится* (мух); *не развилось* (дурных наклонностей); *не раздалось* (призывного клича); [?]*не распустилось* (новых цветков); [?]*не разразилось* (бы скандала); [?]*не расходится* (ли кругов по воде); [?]*не расцвело* (цветов на лугу); *не реализовано / реализуется* (ни одной возможности); *не реализовалось*; [?]*не ревело* (коров на лугу); [?]*не режутся* (детей на лужайке); [?]*не решено / решается* (проблем); [?]*не сбегает* (школьников с лестницы); [?]*не свалилось* (бы кирпича на голову); [?]*не сверкает* (звезд); *не светится* (больше надежды в ее глазах); *не сидит* (рыбаков на льду); *не сияет* (на небе звезд); *не скакало* (лягушек по обочине); *не скользит* (лодок по воде); *не скопилось* (ли толпы на площадке) / *скапливается*; *не следует* (из ваших слов такого вывода); *не служит* (такого в нашем полку); [?]*не созрело* (еще слив); *не сошло* (на него благодати); [?]*не сохнет* (белья на веревке); [?]*не сыпется* (больше муки из мешка); *не течет* (реки под горой); *не толпится* (студентов у ворот); *не торчит* (ли у него ручки из кармана); *не хранится* (документов); *не ходит* (по улицам шумных компаний).

Часть IV

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ГРАММАТИКА

Глава 1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МОМЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА*

§ 1. Что такое моментальный глагол?

Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего...

А. Блок

Следуя Ю. С. Маслову, которому принадлежит этот термин, мы называем моментальными и такие глаголы СВ, которые не имеют парного НСВ в его исходном — актуальном — значении, когда глагол обозначает деятельность (или процесс), актуально протекающую в некоторый момент времени (см. уточнения в определении видовой парности по Маслову в Зализняк, Шмелев 2000). В соответствии с этим определением, моментальными являются и глаголы типа *опомниться, скончаться, очнуться, поспать* (парный НСВ отсутствует), и типа *найти, признать* (парный НСВ *находить, признавать* есть, но не употребляется в актуальном значении).

Моментальными, по Маслову, являются также семельфактивные глаголы типа *вздрагнуть* — парный НСВ *вздрагивать* имеет актуальное значение, но не обозначает результата “процессуализации” той ситуации, которая обозначена глаголом СВ: *вздрагивать* — это, скорее, итератив от *вздрагнуть*.

Моментальным, строго говоря, может быть только глагол СВ: моментальным является (или не является) событие, а событие обозначается прежде всего глаголом сов. вида. Но парный НСВ моментального глагола тоже называют моментальным — например, считая совершенный и несовершенный вид одним словом, см. Апресян 1988.

Глагол СВ, согласно русской грамматической традиции, обозначает ситуацию в ее целостности, так что парный НСВ, который выхватывает из ситуации некую ее срединную фазу, естественно считать семантически производным от СВ — не только в случае имперфективации (*открыть* — *открывать*), где это поддерживается морфологией, но и при обратном направлении формальной деривации, как в случае *сделать* — *делать*.

Грубо говоря, моментальными являются все глаголы СВ, которые не являются предельными, т. е. не входят в предельные пары. Видовая пара называется предельной, если в ней СВ обозначает итог / предел, на который направлены деятельность или процесс, обозначаемые глаголом НСВ (см. о предельности Падучева 1996: 16–19; ср. Mehlig 1992).

* Опубликовано в сб.: Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: МГУ, 1998.

Особняком стоят глаголы типа *увеличиваться* (уникальный класс, описанный в Гловинская 1982): пара *увеличиться — увеличиваться* не является предельной; но, с другой стороны, глагол *увеличиться* трудно признать моментальным: нельзя отрицать, что *увеличиваться* в контексте *количество воды в реке увеличивается* обозначает процесс. В других контекстах вообще нельзя с уверенностью сказать, что глагол *увеличиваться* семантически произведен от *увеличиться* или наоборот (Падучева 1996: 119), ср. *цены на мясо увеличиваются*.

Русский глагольный вид позволяет представить ситуацию, описываемую глаголом, в двух перспективах: СВ задает ретроспективу (или проспективу, если это буд. время), а НСВ обозначает ту же ситуацию, но в синхронной перспективе¹. В предельной паре смена перспектив при переходе от СВ к НСВ сопровождается всего одним семантическим сдвигом: если глагол СВ обозначает действие (имеется в виду контролируемое действие, как *запереть дверь*), которое, по определению, имеет результат, этот результат переходит в статус цели; если глагол обозначает неагентивный предельный процесс (как *растаять*), который, по определению, имеет итог, этот итог переходит в статус предела.

Удачным образом, слово “предел” в своем употреблении не зависит ни от контролируемости (оно скрывает различие между контролируемым действием и неконтролируемым — неагентивным — процессом / событием), ни от перспективы (несущественна разница между ситуацией, рассматриваемой в тот момент, когда она лишь направлена на достижение предела, и такой, которая уже достигла его). Например, слово “предел” позволяет выявить общность аспектуальной семантики четырех глаголов — *запереть, запирать, растаять, таять*: во всех случаях ситуация, контролируемая или неконтролируемая, либо направлена на предел, либо уже его достигла. Предельный глагол является предельным в обоих видах.

В противоположность предельным, моментальный глагол, в силу своей лексической семантики, не допускает представления всех компонентов ситуации иначе как в ретроспективе. Синхронная перспектива для моментального глагола либо невозможна вовсе, либо дает существенно трансформированную ситуацию.

И для предельного, и для моментального глагола СВ возможность интерпретации семантически производного НСВ определяется семантическим потенциалом исходного СВ. Вопрос в том, какие особенности семантики глагола СВ в одном случае дают возможность рассматривать ситуацию, описываемую глаголом СВ, также и в синхронной перспективе, т. е. как актуально длящийся во времени процесс, а в другом — препятствуют этому. Можно думать, что такой подход к семантике видového противопоставления оправдан и с типологической точки зрения.

¹ По поводу связи видového значения глагола с перспективой в Маслов 1976: 128 говорится (со ссылкой на Э. Кошмидера): “Главными компонентами ситуационных типов оказываются „Währen“, т. е. продолжающееся (еще протекающее в соответствующий момент времени) действие или состояние, и „Eintritt“, т. е. наступление чего-то нового. „Währen“ передается формами несовершенного, а „Eintritt“ (кроме случаев многократности) — формами совершенного вида”.

Моментальность может быть обусловлена либо таксономической (онтологической) категорией глагола, либо тематическим компонентом его толкования. Мы рассмотрим эти факторы, соответственно, в § 2 и 3.

§ 2. Таксономические категории моментальных глаголов

У предельного глагола действия в толкование СВ входит компонент «деятельность» — ‘X действовал с целью’. Так, *X открыл окно* означает 1) ‘X действовал с целью’ и 2) ‘достиг результата, соответствующего цели’. Компонент «деятельность» в толковании СВ гарантирует ситуации синхронную перспективу в качестве одной из возможных. У моментального глагола этот компонент либо вовсе отсутствует — таков подкласс глаголов происшествия (куда относится, например, *простудиться*), либо так или иначе «дискредитирован» и не может служить основой для семантической деривации, которая преобразовала бы значение СВ, ретроспективное, в актуальное значение НСВ, синхронное.

Ниже мы покажем, что в семантике разных моментальных глаголов есть повторяющиеся фрагменты, которые позволяют разделить их на естественные классы.

1. Происшествия. Моментальными являются глаголы *происшествия* — глаголы, в семантике которых компонент «деятельность» (направленная на достижение определенной цели) отсутствует потому, что они не агентивные. Это такие глаголы, как *начаться, кончиться, лишиться, погибнуть, пропасть*.

Подкласс происшествий составляют происшествия с действующим субъектом. Это глаголы типа *задеть, опоздать, отдавить, отсидеть* (ногу), *подавиться, потерять, поскользнуться, проиграть, свалиться, споткнуться, стукнуться, удариться, упасть, уронить, ушибиться, забыть, испортить, недооценить, ошибиться, переоценить, перепутать, польститься, проговориться, прозевать, промахнуться, пропустить, прослушать, сбиться, спутать, упустить, упустить из виду; выпустить* (из рук), *найти, опрокинуть, порвать, разбить, разорвать, сломать, толкнуть*, ср. Grzegorzczukowa 1991.

В семантике глагола *промахнуться*, например, деятельность подразумевается (*X промахнулся* \supset ‘X целился’); но «новое состояние» (компонент, обязательный для глагола СВ) не есть результат, совпадающий с ее целью, поэтому *промахнуться* — это происшествие с действующим субъектом, моментальный глагол.

Для глагола *уронить* в системе “Лексикограф” принято (предложенное Г. И. Кустовой) следующее схематическое толкование:

У уронил X (как, например, в *Иван уронил чашку*) =

экспозиция — до момента $t < \text{МН } Y$ держал X;
 тем самым X имел опору и Y находился выше “нижнего уровня”;
Каузатор — в момент t с Y-ом произошло нечто;
 это вызвало:
 процесс — X потерял опору; начался процесс: X перемещался вниз;
 новое состояние — в МН X находится на “нижнем уровне”

В этой ситуации деятельность, направленная на достижение цели, присутствует ('Y держал X'); но каузатором нового состояния является не она, а некое не уточняемое или неизвестное событие. Иными словами, новое состояние не является достижением той цели, на которую была направлена деятельность субъекта. Оно возникает как следствие какого-то побочного события, в толковании не идентифицируемого, см. компонент 'произошло нечто'. Каузация неконтролируемая.

Глагол может выражать неконтролируемую каузацию — и, вследствие этого, быть моментальным — в одном из своих значений. Глаголы *порвать, разорвать, сломать, разбить, выпустить* (из рук), *опрокинуть, толкнуть, найти, встретить* в этом отношении неоднозначны: *встретить* может употребляться и в моментальном значении 'встретить случайно', и в значении действия.

В принципе, неконтролируемые ситуации могут быть предельными, см., например, глагол *разрушить*: *Река разрушает / разрушила мост*. Так что причина моментальности глагола происшествия не в том, что каузация неконтролируемая, а в том, что Каузатор — событие.

2. Действия. Обратимся теперь к глаголам действия. В толковании глаголов действия есть компонент «деятельность», причем деятельность, направленная на "нужный" предел. Однако компонент «деятельность» может быть дискредитирован — заблокирован. И тогда глагол все-таки будет моментальный. Факторы, блокирующие влияние компонента «деятельность» на аспектуальный потенциал глагола, позволяют различить следующие классы моментальных глаголов действия.

1) Моментальными являются глаголы с акцентом на результате. Это глаголы, у которых компонент «деятельность» несобственный — деятельность, осуществляемая Агенсом в данной ситуации, либо обозначается другим глаголом, либо вообще в толковании глагола не специфицирована; поэтому глагол не допускает сдвига фокуса внимания с результата на деятельность. Например, для моментального глагола *выиграть* деятельностью будет то ли *играть*, то ли *спорить*, *держат пари*, то ли что-то еще. Для *понять* — то ли *разбираться*, то ли *вдумываться*: 'прилагать мыслительные усилия'; у *достичь* не специфицирован способ движения, ср. *достичь вершины, совершеннолетия, высшей власти*. Другие примеры:

победил ⊃ то ли 'боролся', то ли 'воевал', то ли 'состязался';

догнал X-а ⊃ то ли гнался, то ли соревновался с X-ом как-то иначе;

попал (в цель) ⊃ целился; то ли стрелял, то ли бросал камнем, то ли что-то еще;

успел ⊃ 'стремился завершить действие к сроку'.

Ср. также *покорил, одолел, преодолел, выдержал* (испытание). Деятельность у *найти* (в контролируемом значении) выражается глаголом *искать*, который означает, приблизительно, следующее:

X ищет Y ≈ 'просматривает одно за другим те места, в которых, предположительно, мог бы находиться Y'.

Ситуацию 'X ищет Y' русский язык (как, впрочем, и многие другие) не концептуализует как деятельность с дискретной целью, которая обеспечила бы глаголу *искать* входение в предельную пару. Почему это так — особый вопрос. Ю. С. Маслов (1948) относит *искать* к глаголам "бесперспективного протека-

ния”. Ясно, что *искать* не относится к глаголам с накоплением результата: искомый предмет не становится все более найденным по мере деятельности ищущего² — он вообще не является объектом воздействия.

Глаголы *подсматривать* — *подсмотреть*, *подслушивать* — *подслушать* тоже не образуют предельных видовых пар. В этих парах глаголы НСВ и СВ выражают разные ситуации: НСВ обозначает сознательную деятельность, но без дискретной цели: Агенса не знает, что он увидит / услышит; а СВ обозначает результат, полученный в какой-то мере случайно, см. гл. III.2.

2) У глаголов с дейктической семантикой, типа *прийти*, компонент «деятельность» тоже несобственный. Новое состояние, наступившее как результат деятельности субъекта, рассматривается с иной пространственной позиции, чем ведущая к нему деятельность: деятельность представляется с точки зрения идущего — ‘X идет к Месту’, а новое состояние — с точки зрения тех, кто находится в Месте: *Посмотрите, кто пришел!* (см. гл. III.7). Отсюда моментальность *прийти*.

3) Предрасположение к моментальности имеют абстрактные глаголы, см. гл. I.1, т. е. глаголы, у которых характер деятельности не специфицирован. Актуальное значение НСВ у них затруднено. Однако обычно не исключено полностью. Абстрактными являются многие глаголы изменения состояния (*облегчить* ⟨сани⟩, *утеплить* ⟨помещение⟩) и изменения значения параметра: *удвоить* ⟨удой⟩; *превзойти*; *исчерпать* X (⊃ ‘больше нет X-а’); *искупить* ⟨вины⟩ (⊃ ‘больше нет ⟨вины⟩’).

Абстрактными являются многие глаголы общей каузации: *вынудить*, *принудить*, *ввергнуть*, *изменить* ⟨курс⟩, *помочь*, *спасти*, *выручить*, *учредить*, *основать*, *создать* ⟨прецедент⟩, *оказать* ⟨услугу⟩. Их семантика не специфицирует “способа деятельности” (деятельность может быть как физическая, так и психическая, ср. *предотвратить*), и этот компонент с трудом перетягивает на себя фокус внимания. Однако у *подвергать* ⟨воздействию⟩, *причинять*, *защищать* акт. значение несомн. вида не исключено.

4) Моментальными являются глаголы интерпретации, типа *рисковать* (гл. III.5); СВ и НСВ у них не соотносимы: *рискнуть* — это действие, а *рисковать* — статив, в большинстве контекстов обозначает интерпретацию поступка.

5) Глаголы сингерентной ретроспекцией — например, *посетить*, *зайти*, *заглянуть*, *навестить*, *переночевать* — моментальные. Семантика этих глаголов фиксирует точку начала и конца деятельности. Две временных точки могут быть видны одновременно только в ретроспекции (или в перспективе). Отсюда невозможность синхронного наблюдателя, которого требует актуальное значение НСВ. Об обязательной ретроспекции у *быть* в значении ‘побывать’ см. гл. III.9 § 4.

6) Глаголы, у которых процесс в объекте не синхронен деятельности субъекта, тяготеют к моментальности: деятельность задает лишь начальны́й импульс этого процесса. Так, несомн. вид *отравлять*, *взрывать* от *отравить*, *взорвать* не имеет акт. значения. Вопрос о том, имеет ли акт. значение несомн. вид глаголов *выстрелить*, *бросить*, *отбросить*, *сбросить*, остается

² Ср. в этой связи понятие incremental theme (≈ накопитель эффекта), см. гл. I.1 раздел 3.2.

ся открытым; отрицательный ответ относительно *стрелять* дается в Апресян 1988.

Моментальными являются глаголы ряда самых распространенных способов действия.

а) Семельфактивы — глаголы, у которых СВ обозначает действие, совершаемое в один прием (*шевелинуть, чихнуть, кольнуть*). Разложимость действия на временные фазы, которой требует акт. значение НСВ, здесь противоречит значению словообразовательного аффикса, который обозначает одну фазу (один квант) деятельности как неразложимое целое. Ср. англ. *to cough* и русск. *кашлянуть*, пример из Comrie 1976: в английском в Progressive употребляется тот же глагол (*is coughing*), а в русском языке *кашлять* не есть результат процессуализации *кашлянуть*.

б) Делимитативы — *поспать, поплакать, покурить*; так, *поспал* ≈ ‘спал в течение некоторого времени’; акт. значение невозможно:

*Он сейчас *спит* в течение некоторого времени.

в) Пердуративы (*просидеть полчаса*) и другие глаголы с количественным пределом или допускающие количественный предел (*уничтожил полроты вражеских автоматчиков*), см. Падучева 1996: 182.

г) Тяготеют к моментальности глаголы, обозначающие начальную или конечную фазу действия; так, глаголы *побежать, залаять, отпраздновать, поужинать* не имеют парного НСВ. Ср. также фазовые глаголы: *начать, кончить, прервать, отложить, перенести*, у которых несов. вид не имеет значения актуального процесса / деятельности.

§ 3. Тематические классы моментальных глаголов

Кратковременность действия, особенно физического, сама по себе не является достаточным основанием для того, чтобы глагол был моментальным: физическое действие всегда может быть представлено “замедленной съемкой”, см. Парти 1997³. Ср. близкие по смыслу глаголы *откусить* и *укусить*; *откусить* входит в предельную пару с *откусывать*, а глагол *укусить* — моментальный; или *включить* — *включать* — предельная пара, а глагол *щелкнуть* (выключателем) — моментальный. Ясно, что моментальность глагола не прямо связана с кратковременностью действия.

Моментальность гораздо шире распространена среди глаголов, обозначающих идеальные ситуации, не касающиеся материальных предметов. Можно указать некоторые семантические компоненты, “семантические темы”, — порождающие моментальность глагола или способствующие ей.

1. П е р ц е п т и в н ы й компонент как источник моментальности (новое состояние — восприятие). В самом деле, базовые глаголы восприятия моментальные: *увидел, услышал, почувствовал*. Моментальностью компонента «вос-

³ Впрочем, допустимая замедленная съемка обычно не влияет на “нормальную” интерпретацию глагола. Так, *отдернуть* — моментальный глагол: фраза *Зачем ты отдергиваешь руку?* значит, что рука была отдернута. Между тем замедленная съемка вполне позволяет представить отдергивание руки как процесс.

У застиг X-а в Z-е (как в *Эти парни застигли меня ночью на улице*) =

экспозиция	— X не хотел, чтобы Y видел его / видел его в Z-е
Каузатор	— Y произвел действие с целью: пришел в Место
это вызвало:	
новое состояние	— Y увидел X-а.

Аналогичное толкование для *застать*, *спугнуть*. Другие моментальные глаголы с перцептивным компонентом: *оказаться*, *показаться*, *появиться*, *явиться*.

У всех этих глаголов моментальность обусловлена моментальностью восприятия, т. е. наступления состояния 'Y видит X'.

Интересен источник моментальности глагола *украсть*: для *красть* акт. понимание затруднено потому, что акт. значение НСВ связано с наблюдаемостью ситуации.

Глагол *проникнуть* моментальный тоже благодаря перцептивному компоненту: процесс попадания скрыт от глаз, и потому ситуация лишена синхронной перспективы. Глагол *прокрасться* моментальный (вместо *прокрадывается* надо сказать *крадется*), скорее всего, потому, что обозначает действие невидимое и неслышимое. Сама по себе трудность проникновения еще не служит надежным гарантом моментальности; так, у *пробираться* акт. значение есть.

2. Моментальными являются многие м е н т а л ь н ы е глаголы, например: *открыть* ⟨закон⟩, *изобрести*, *заключить*, *обнаружить*, *счесть*, *передумать*, *подумать*, *догадаться*, *поверить*, *представить себе*, *задумать* ⟨число⟩. При этом семантика глагола не исключает, а иногда даже предполагает компонент «деятельность»:

учел, принял во внимание ⊃ 'делал нечто'.

Тем не менее, НСВ *учитывать* принципиально не может обозначать этой деятельности в ходе ее развертывания.

Ментальный глагол может включать перцептивный компонент, который порождает моментальность в соответствии с п. 1, ср. *узнал* (*твою жену*) ⊃ 'увидел'. О моментальности глаголов *подумать*, *узнать* см. Булыгина, Шмелев 1989.

3. Моментальности способствует компонент «контакт»; новое состояние — приобретение / утрата контакта, ср. *тронуть*, *притронуться*, *дотронуться*, *обнять*, *коснуться*, *нажать*. Глаголы со значением приобретения / утраты контакта (в том числе нефизического) либо имеют в НСВ только стативное значение (таковы *прислониться*, *примкнуть*, *разлучить*, *напасть*, *оставить*, *остаться*, *столкнуться*, *привлечь* ⟨к себе⟩), либо вообще не имеют нетривиальных значений: *подхватывать* ⟨простуду⟩, *сваливаться*, *приходить* ⟨в голову⟩, *получать* ⟨выговор⟩, *встречать* [случайно], *терять*, *находить*.

4. Моментальными являются многие глаголы речевого действия, т. е. глаголы совершения действия путем говорения (*потребовать*, *попросить*, *велеть*, *запретить*, *привести* ⟨пример⟩, *разрешить*, *признать*, *отпустить*, *обязать*, *обещать*, *откликнуться* и мн. др.). Деятельность говорящего не сводится к произнесению звуков или даже слов. Произнесение высказывания требует какого-то времени. Но во время речевого акта время не движется; поэтому высказывание занимает один момент — «момент речи», см. Vendler 1970: 86.

Например, толкование для *потребовать* (по мотивам Гловинская 1993а: 190) таково:

X *потребовал от* Y-а P =

X имеет более высокий статус или позицию, чем Y
X хотел, чтобы Y сделал P
это вызвало: X сказал, что Y должен сделать P;
тем самым
Y пребывает в состоянии, когда он должен сделать P.

5. Моментальными являются многие глаголы принятия решения и спонтанного действия. Например: *предпочесть, пренебречь, воздержаться, оставить намерение, погнушаться* (гнушаться — интерпретация), *побрезговать* (*брезговать* — интерпретация), *избежать* (*избегать* — интерпретация), *ввязаться, вступить, заступиться, уступить* (в споре), *довериться, ввериться, удостоить, порвать / разорвать* (отношения), *восстать, одуматься, прибегнуть*.

§ 4. Онтологические категории глаголов НСВ, парных к моментальным

... слова, которые иной раз черт знает что и значат.

Гоголь

Парный НСВ моментального глагола, если даже он имеет нетривиальное значение, обозначает не ту же самую ситуацию, что исходный моментальный.

Не будучи в состоянии найти простой синхронный коррелят для ситуации в целом, имперфективация ищет более сложный и находит его у разных глаголов по-разному. Тем не менее, здесь можно выявить некоторые закономерности: семантика СВ позволяет предсказать не только моментальность парного НСВ (т. е. отсутствие акт. значения), но и онтологическую категорию того значения, которое возможно.

1) Перформативный глагол в НСВ обозначает, у глагола не первого лица, перфектное состояние (см. Кустова, Падучева 1994б): X *обещает* — это состояние, наступившее после того, как X пообещал, т. е. связал себя обязательством.

2) В контексте экзерситива (термин Дж. Остина) несов. вид имеет значение *предстояния* (см. Падучева 1996: 115), ср.

X *назначает* Y-а Z-ом (например, *комендантом*) =

компетентный X принял решение;
X дал кому-то распоряжение произвести соответствующие формальности.

Несов. вид уместен по отношению к тому временному периоду, когда решение уже принято, а формальности еще не произведены.

К классу экзерситивов принадлежат, кроме *назначить*, глаголы: *осудить* (на пять лет), *вынести* (приговор), *издать* (указ), *упразднить*, *избрать* (президентом), *исключить*, *вступить* (в общество охраны природы), *развестись*, *разойтись*, *уволить*, *отозвать* (посла), *включить* (в список), *зачислить*, *пе-*

реименовать, присвоить ⟨звание⟩, обложить ⟨налогом⟩, выдать замуж, привлечь к ⟨ответственности⟩. Деятельность за кадром; в центре внимания — состояние, наступившее после принятия решения.

В Розина 1998 показано, что близки по семантической структуре к экзерситивам глаголы обладания: *приобрести, лишить, принять ⟨подарок⟩, дать, взять, подарить, предоставить, получить, потратить, завладеть, одолжить, уступить ⟨за два миллиона⟩*; так, *Он дает мне на субботу свой велосипед* значит, что согласие получено, но передача еще не состоялась.

3) Парный НСВ глагола происшествия может иметь просто стативное значение: *доставаться (По завещанию имущество достается жене и детям; при том, что Ему здорово от нее достается — итератив), напоминать, нарушать, прерывать, заменять (Она заменяет ему мать), заслонять, лишать(ся) (Если народ окажет доверие президенту, то съезд практически лишается возможности отстранить его от должности); приобретать, наследовать, вызывать, причинять, создавать, порождать, возбуждать, подвергать, возникать.*

4) Парный НСВ глагола происшествия может иметь значение т е н д е н ц и и (когда предстоящее событие не контролируется его субъектом): *проигрывать, опаздывать (Мы опаздываем; при этом Он опаздывает — в ситуации, когда время его прихода уже прошло, а его еще нет — статив), терпеть поражение, забывать (Теперь он Одессу забывает; в контексте Ты забываешь закрыть окно значение забывать может быть только тривиальное), замирать (сердце замирает), вытеснять.*

У многих глаголов приведенного перечня возможны, помимо конкретных значений, переносные (*свалиться, столкнуться, потерять, приобрести*). При переходе от конкретного значения к фигуральному у моментального глагола НСВ может возникнуть помимо тривиального значения стативное (*Теперь на меня сваливается новая беда*).

5) Парный НСВ глагола происшествия может иметь значение п о в е д е н и я. В семантике глаголов поведения (согласно НОСС 1997: XX — интерпретационных) действие субъекта подвергается оценке — подводится под тот или иной тип поведения, ср. *губить, портить, приставать, нарушать, разглашать, выдавать ⟨секрет⟩, изменять ⟨жене⟩, обходить ⟨закон⟩, предавать ⟨родину⟩, подводить ⟨товарища⟩, мстить, заступаться, сваливать вину, уходить от ответа, пренебрегать, компрометировать, позорить, совершать ⟨грех⟩, кривить душой, присваивать, жертвовать, жульничать, обманывать, подтасовывать ⟨факты⟩, подавать пример, обижать, преувеличивать, упрощать, впадать в крайность и др. НСВ глагола поведения не имеет акт. значения: конкретную деятельность или поступок, этот глагол представляет как обыкновение.*

В семантическую структуру глагола поведения входят компоненты: ‘способ действия неспецифицирован’; ‘говорящий оценивает деятельность Агенса отрицательно’.

У глаголов поведения НСВ наст. денотативно тождествен СВ прош. (см. Падучева 1996: 150): *Я пошутил ≈ Я шутил*; форма наст. времени имеет значение расширенного настоящего. Поэтому значение видовой формы не может быть актуальным.

Поведение иногда плохо отличимо от тенденции; так, *Ты отвлекаешься* значит то ли ‘ты опять отвлекся’, поведение, то ли ‘еще немного, и можно будет сказать *Ты отвлекся!*’, тенденция.

* * *

Итак, семантические источники моментальности разнообразны. Тем не менее, мы соглашаемся с Ю. Д. Апресяном в том, что “свойство моментальности во всех случаях имеет единую семантическую основу” (Апресян 1988: 59). Эта основа, как кажется, такова: глагол является моментальным, если он не допускает синхронного взгляда на ситуацию в целом, т. е. если в его семантике зафиксирована ретроспекция. Форма НСВ такого глагола, если она и существует, не может иметь актуального значения.

Такая формулировка позволяет объединить воедино и объяснить моментальность глаголов происшествия, типа *свалиться*, *уронить*, где моментальность есть следствие событийной каузации; глаголов действия с акцентом на результате, типа *выиграть*, где деятельность не специфицирована и потому не может быть в фокусе внимания; глаголов восприятия, поскольку восприятие принципиально моментально; глаголов с ингерентной ретроспекцией, типа *зайти*, фиксирующих две временных точки начала и конца; глаголов с процессом, не синхронным деятельности, типа *выстрелить*, *отравить*, и ряда других.

Глава 2

ГЛАГОЛЫ С УЧАСТНИКОМ РЕЗУЛЬТАТ И ИХ АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА*

Тематический класс глагола, как мы видели, часто предполагает наличие в его аргументной структуре участника с определенной ролью — взять хотя бы участника Адресат у глаголов речи. В то же время у глаголов разных тематических классов может быть один и тот же участник. Участник Результат конституирует тематический класс глаголов создания, таких как *строить*, но возможен и в ряде других тематических классов.

Совместное рассмотрение всех глаголов с валентностью на Результат оказывается полезно в аспектологическом плане — что неудивительно, ввиду несомненной связи видового значения с результативностью. В самом деле, глаголы с семантической валентностью на Результат обнаруживают нетривиальную общую особенность аспектуального поведения. А именно, у глаголов этого класса употребление несовершенного вида в значении актуально протекающей деятельности возможно, как правило, только при диатезе с о т с у т с т в у ю щ и м участником Результат.

§ 1. Участник Результат и его коммуникативные ранги

Участника с семантической ролью Результат естественно, конечно, искать у глагола совершенного вида. Глагол сов. вида обозначает и з м е н е н и е — это инвариант семантики СВ (см. Antinucci, Gebert 1975): раньше не было чего-то, сейчас это есть (или наоборот, раньше было, теперь нет). Изменение предполагает исходное и новое состояние. Семантический компонент «результат» — это новое состояние, вызванное воздействием каузатора-Агенса и соответствующее цели его деятельности (при этом новое состояние может сводиться к прекращению исходного). У ч а с т н и к Результат входит в семантику глагола в том случае, если новое состояние предполагает возникновение нового участника.

Многие глаголы СВ не имеют участника Результат, например: *прийти, встать, покрасить (забор)* — есть новое состояние, но нового участника нет.

Участник Результат обычно выражается объектом, т. е. прямым дополнением глагола: *Иван построил дом*. Но не обязательно. Во фразе *Он дополнил свой рассказ новыми подробностями* именную группу в твор. падеже *новыми подробностями* естественно рассматривать как Результат: $X \text{ дополнил } Y = \text{'X сделал дополнение к } Y\text{'}$, а *дополнение к } Y\text{-у} = \text{'то, чем X дополнил } Y, \text{ создав его'}.*

* Расширенный вариант статьи, опубликованной в: Вопросы филологии, 1999, № 3.

Если взять переходные глаголы в целом, то самая частая роль у участника, обозначенного объектом, — это Пациенс, т. е. объект воздействия. Соответствующий ему компонент толкования глагола — ‘Агенс воздействует на X’. Другая возможная роль у объекта — Тема, т. е. носитель свойства/ субъект состояния; его семантический компонент — ‘X переходит в новое состояние’. (В данном контексте нам удобно считать перемещение, т. е. изменение местоположения предмета, воздействие, и участника с соответствующей ролью мы называем Пациенсом; хотя, скажем, в Talmy 2000 такой участник называется Темой). Наконец, еще одна роль, которую часто выполняет объект, — это Результат, см. о многообразии ролей объекта в Levin 1999.

Участник, занимающий позицию объекта, может быть одновременно Пациенсом и Темой; так, *забор* в контексте глагола *покрасить* совмещает обе эти роли:

- (1) Том покрасил *забор* [забор в результате воздействия перешел в новое состояние].

Но роли Пациенса и Темы могут быть поделены между разными участниками. Так, в (2) позицию объекта занимает участник, который переходит в новое состояние, т. е. Тема (*ребенок*); а Пациенс, перемещенный предмет (*платок*), выражается периферийным падежом — творительным:

- (2) Мать укрывала *ребенка* платком.

В примерах (1), (2) при глаголе СВ нет участника Результат. Основной тематический класс глаголов с участником Результат — это глаголы создания; у них новое состояние сводится к возникновению нового участника.

Среди глаголов создания семантически непроемкие (такие как *родить*, *создать*) составляют меньшинство. В основном, глаголы создания образуются от глаголов способа (verbs of manner, см. Levin, Rappaport Hovav 1998: 147), иногда с помощью приставок, ср. *вырыть яму* от *рыть*, *вырезать изображение* от *резать* и под.

Значение создания часто не является у глагола единственным. Так, *сварить суп* значит создать его; но *сварить овощи* — значит обработать их определенным образом. Многочисленные примеры двоякого употребления глагола — с обычным дополнением и с “дополнением результата” — приводит Есперсен (1958: 183):

- dig the ground* ‘копать землю’ — *dig a grave* ‘копать могилу’;
bore the plank ‘просверлить планку’ — *bore a hole in the plank* ‘просверлить отверстие’;
light the lamp ‘зажечь лампу’ — *light a fire* ‘зажечь огонь’;
He ate an apple ‘он съел яблоко’ — *The moths ate holes in curtains* ‘моль проела дырки в занавеске’;
hatch an egg ‘насиживать яйцо’ — *hatch a chicken* ‘высидеть цыпленка’;
roll a hoop ‘катить обруч’ — *roll pills* ‘скатывать шарики’ и др.

Есть много глаголов, которые понимаются в значении создания только при условии, что имеют диатезу, в которой участник Результат занимает позицию объекта. Ниже следуют примеры (на базе Апресян 1974: 205 и ТКС), когда глагол становится глаголом создания за счет того, что его участник Результат переходит из периферийной (или даже закадровой) позиции инкорпорированного участника в позицию объекта (в примерах (3)–(7) курсивом выделен объект).

а) ‘деформация’ ⇒ ‘разделение на части’. В (3а) в позиции объекта Пациенс, подвергающийся деформации, в (3б) — части, Результат:

(3) а. Он порезал *мясо* на мелкие куски; б. Ты режешь слишком мелкие *куски*.

Глагол становится глаголом создания, а один из его участников — Результатом, ценой того, что Пациенс, т. е. материал, подвергающийся воздействию Агенса, уходит За кадр; так в контексте (3б) для участника *мясо* уже нет синтаксической позиции при глаголе. Участник Результат вытесняет другого претендента на позицию объекта и сам становится на его место.

б) ‘деформация’ ⇒ ‘создание отверстия или полости’. В (4а) объект — Пациенс, в (4б) — Результат:

(4) а. Пуля пробила *фуражку*; б. Пуля пробила *дырку* в фуражке;
а. прорубить *стену*; б. прорубить *окно* в стене;
а. продавить *диван*; б. продавить *ложбинку*;
а. рыть *землю*; б. рыть *яму*.

в) ‘деформация’ ⇒ ‘создание части’:

(5) а. выжать *лимон*; б. выжать *сок* из лимона.

г) ‘контакт’ ⇒ ‘создание формы’:

(6) а. выстроить *детей* в шеренгу; б. выстроить *шеренгу*;
а. нагромоздить *книги* грудой; б. нагромоздить *грудку* книг;
а. сложить *дрова* в поленницу; б. сложить *поленницу* дров.

д) ‘украсить X изображением’ ⇒ ‘создать изображение на X-е’:

(7) а. вышить *подушку*; б. вышить *узор* на подушке.

Во всех этих случаях семантика создания возникает за счет того, что участник Результат переходит в коммуникативно более сильную позицию объекта. Еще пример:

превратить полена в к у к л у [преобразование] ⇒
сделать из полена к у к л у [создание].

У образцового глагола создания нет Пациенса (каковым мог бы быть Материал, см. Wierzbicka 1980a: 175). Так, в (8) слова *из соломы* и *из трех яиц* скорее следует интерпретировать синтаксически как отнесенные к имени, а не к глаголу:

(8) построил дом *из соломы*; зажарил омлет *из трех яиц*.

Таким образом, обнаруживается поразительная особенность глаголов создания: они склонны игнорировать участника Пациенса, который по здравому смыслу должен играть на уровне деятельности, ведущей к Результату, достаточно важную роль: Пациенс и Результат борются за позицию объекта; и чтобы получился глагол создания, Результат должен победить. В § 3 мы вернемся к этой проблеме.

Итак, мы видим, что есть глаголы создания, у которых это значение является следствием семантической деривации: значение создания возникает после перехода участника Результат в сильную коммуникативную позицию — позицию объекта.

Следующий раздел посвящен участнику Результат у таких глаголов, которые обычно не причисляются к глаголам создания.

§ 2. Участник Результат и актуальное значение глагола несовершенного вида

В число факторов, оказывающих влияние на состав частных видовых значений у глагола, входит диатеза. А именно, у целого ряда глаголов употребление несов. вида в значении актуально протекающей деятельности возможно только при такой диатезе, в которой отсутствует участник Результат. Мы рассмотрим четыре класса глаголов с валентностью на Результат — 1) глаголы выделения элемента из множества, типа *выбрать*; 2) фазовые глаголы, типа *закончить* (что-л. чем-л.); 3) глаголы воздействия на внутреннее состояние — например, ментальное, ср. *объяснить* (что-л. чем-л.); 4) глаголы создания интеллектуального результата, такие как *определить* (что-л. как что-л.).

2.1. Глаголы выбора

У глагола типа *выбрать* сущность, составляющая результат деятельности, не создается в буквальном смысле слова, а выделяется из множества (реального или виртуального) — ментальным и/или волевым актом. К тому же классу, что *выбрать*, относятся *назначить*, *наметить*, *выявить*, *выделить*, *установить*, *договориться*, *подобрать*, *найти* (программиста), *решишь* и мн. др. Например:

(1) *договорились* о сроках конференции; *подобрали* кандидата на эту должность.

Продемонстрировать влияние участника Результат на аспектуальное поведение глагола (а именно, на наличие у НСВ значения актуальной деятельности) можно на таких глаголах, которые:

а) имеют в СВ диатезу, включающую участника Результат, и диатезу без этого участника;

б) не являются моментальными, т. е. в контексте без участника Результат их парный НСВ имеет актуальное значение.

Глагол *назначить* удовлетворяет условию (а) (ср. *назначил коменданта — назначил комендантом Беликова*), но не условию (б). Глагол *выбрать* удовлетворяет обоим условиям. У этого глагола две диатезы:

(2) а. Король Хуссейн *выбрал* себе в преемники своего сына Абдуллу;

б. Король Хуссейн *выбрал* себе преемника.

В диатезе, представленной примером (2а), в позиции объекта находится Результат выбора; это *п р я м а я д и а т е з а*. Пример (2б) иллюстрирует диатезу, где в позиции объекта находится Множество выбора (должность, роль), а участник Результат не назван — это *к о с в е н н а я д и а т е з а*. Результат выбора — за кадром, а может и вообще отсутствовать, если выбор относится к плану будущего: *Когда он выберет себе преемника, ситуация прояснится*.

Если диатеза прямая, т. е. Результат указан явно, употребление глагола несов. вида в значении актуальной деятельности невозможно. Так, в (3) описывается ситуация, когда выбор уже сделан; наст. время в (3) — это настоящее историческое; несов. вид обозначает событие:

(3) Король Хуссейн *выбирает* себе в преемники своего сына Абдуллу.

Невозможность актуальной интерпретации несов. вида в контексте участника Результат семантически обоснована: если Результат выбора уже присутствует среди участников ситуации, то бессмысленна деятельность, направленная на его достижение.

То же верно для несобственной видовой пары *искать — найти*. В (4а), где глагол употреблен в косвенной диатезе, так что участник Результат не выражен, возможна замена СВ на НСВ наст. со значением соответствующей деятельности; а в (4б), где в состав участников входит Результат поисков, т. е. найденное, такая замена невозможна:

- (4) а. нашел / ищет помощника;
б. нашел помощника *в лице своей жены*.

Наличие в ситуации участника Результат порождает запрет на употребление глагола *выбрать* в значении актуально протекающей деятельности. Так, в (5а) *меньшее из двух зол* не обозначает Результата — это Критерий выбора, который еще не сделан: Агнс пока не знает, какое же зло меньшее, и несов. вид в актуальном значении возможен. А в (5б) *меньшая из двух сестер* обозначает конкретное лицо, и употребить НСВ в акт. значении в этом контексте нельзя:

- (5) а. Он *выбирает* из двух зол меньшее;
б. Ленский *выбрал* из двух сестер меньшую.

2.2. Фазовые глаголы

Участник Результат есть и у некоторых фазовых глаголов: *закончить, начать, заключить* (*речь словами*), *дополнить*. В таком контексте парный НСВ этих глаголов не имеет значения актуальной деятельности. Так, в (6а), где нет участника Результат, актуальное понимание формы несов. вида возможно, а в (6б) — нет, и причиной запрета является ровно то, что глагол употреблен в диатезе с участником Результат:

- (6) а. Подожди, я *заканчиваю* письмо [акт. значение несов. вида];
б. Он *заканчивает* письмо словами “Yours sincerely” [несов. вид не имеет акт. значения].

2.3. Глаголы ментального воздействия

Глаголами ментального воздействия, т. е. каузации ментального состояния, являются, например:

- (7) объяснить, прояснить, доказать, подтвердить, опровергнуть, подсказать, убедить.

Эти глаголы имеют две диатезы — с участником Результат, как в (9), и без него, как в (8). В примере (8), где нет участника Результат, *объясняет* можно понять в значении актуальной деятельности, а в (9) *объясняет* предполагает ‘объяснил’:

- (8) — Что он там делает? — *Объясняет* происхождение этих пятен.
(9) Он *объясняет* обморок у ребенка избытком впечатлений.

Аналогично в (9’):

- (9’) Они *объясняют* свой отказ цензурными соображениями.

Глаголы из (7) можно трактовать как глаголы создания: Агнс создает, в качестве орудия для достижения своей цели (ср. твор. падеж в (9)), некий интеллектуальный или информационный продукт — *объяснение, доказательство, подтверждение, обоснование, подсказка* и проч. Это и есть Результат его деятельности: *объяснил* = ‘предложил объяснение’; *доказал* = ‘предъявил доказательство’ и т. д. Тем самым мы получаем третий класс глаголов, у которых наличие в обозначаемой ситуации участника Результат исключает возможность актуальной интерпретации НСВ.

В диатезе с участником Результат глагол СВ нельзя заменить на парный глагол НСВ, имеющий актуальное значение: во фразе (10а) (где *болезнью* — объяснение, т. е. Результат) НСВ имеет не актуальное значение, а перфектное. Между тем фраза (10б) с глаголом в косвенной диатезе, т. е. без участника Результат, вполне уместна как ответ на вопрос “Что он там делает?”:

- (10) а. Он *объясняет* отсутствие аппетита утомлением;
 б. Он *объясняет* отсутствие на вечере своей жены [= ‘причину отсутствия’].

То же для *доказать* — несов. вид наст. времени в контексте (11) может быть понят только в событийном значении:

- (11) Блестяще проведенным экспериментом он *доказал / доказывает* свою гипотезу.

Если твор. падеж при глаголе из списка (7) выражает не Результат, получение / нахождение которого *з а к а н ч и в а е т* деятельность Агенса, а инструментальное действие, в котором *и с о с т о и т* эта деятельность, то актуальное понимание НСВ возможно; так, в (12б) НСВ понимается в актуальном значении:

- (12) а. Сторож стуком колотушки *доказал*, что он не спит;
 б. Сторож стуком колотушки *доказывал*, что он не спит.

2.4. Глаголы создания интеллектуального объекта

К глаголам ментального воздействия близки глаголы создания интеллектуального объекта, которые тоже имеют участника Результат. Здесь субъект меняет прежде всего свое собственное ментальное состояние. А участник, воспринимающий информацию, существует разве что как Эксперимент за кадром, Субъект сознания. Его существование можно допустить лишь потому, что если об изменении ментального (внутреннего) состояния не было никому сообщено, то неизвестно, как о нем узнал говорящий. Это, например, глаголы

- (13) определить, обосновать, ограничить (*ограничил присутствие тремя часами*), причислить, сформулировать.

На ментальных глаголах подтверждается отрицательная связь участника Результат с актуальным значением НСВ:

- (14) а. Гегель *определил* свободу как познанную необходимость;
 б. Гегель *определяет* свободу как познанную необходимость.

Во фразе (14а) определение свободы как познанной необходимости есть Результат деятельности; поэтому (14б) никак не может обозначать актуально происходящую деятельность — это не актуальное, а перфектное значение НСВ (*определяет* = ‘определил, и это определение сохраняет силу в настоящий момент’).

§ 3. Глаголы создания материального объекта

Возникает, однако, вопрос: если у глаголов типа *выбрать* диатеза с участником Результат исключает понимание НСВ в значении актуальной деятельности, то почему может употребляться в этом значении несом. вид глаголов типа *построить*, у которых тоже есть участник Результат? Иначе говоря, почему у глаголов создания (*построить*, *вышить*, *прорубить*, *испечь* и проч.) этого разрушительного влияния участника Результат на актуальное значение НСВ не зафиксировано? Вполне допустимо

(1) он *строит* дом, *печет* пирог, *вышивает* розочку и т. д.

Очевидно, дело в самом характере Результата. У *выбирать* (и других глаголов из этого класса) а б с о л ю т н ы й запрет на знание Результата выбором выбирающим Агенсом, поскольку деятельность, состоящая в выборе, осмысленна только при этом условии: Агенса не может заранее знать результата своего выбора. Поэтому участник Результат никак не может присутствовать в диатезе глагола, обозначающего эту деятельность. Между тем у обычных глаголов создания, типа *строить*, знание Агенса о том, что будет результатом его деятельности, не превращает деятельность в бессмыслицу. Так, Агенса может заранее знать, что то, что он создаст, будет симфония или даже роман в стихах с названием «Евгений Онегин».

З а м е ч а н и е. Набоков в своем интервью А. Аппелю (см. Набоков 1989) говорит: "...с первых же шагов перед моими глазами стоит удивительно ясное видение всего романа (...) в моем случае не написанная еще книга как бы существует в некоем идеальном измерении, то проступая из него, то затуманиваясь, и моя задача состоит в том, чтобы все, что мне удастся в ней рассмотреть, с максимальной точностью перенести на бумагу". Как видно, Набоков, в отличие от Пушкина, обходился даже без "магического кристалла".

В работе Крейдлин, Рахилина 1981 был поставлен вопрос об особом референциальном статусе объекта у несом. вида глаголов создания. Однако если различие между *выбирать* и *строить* в референциальном статусе, то оно идет по совершенно новой линии, чем прежде выявленные противопоставления: у *строить* презумпция и з в е с т н о с т и объекта без презумпции его существования; известен в таком случае может быть лишь некий образ будущего Результата, находящийся в голове у его создателя. Между тем у глаголов выбора никаких проблем со статусом объекта нет: не будучи выбран, он существовал.

Как было показано в § 1, см. примеры (3)—(7), в аргументной структуре глагола создания плохо совмещаются участники Пациенс и Результат, которые оба претендуют на позицию объекта, и Результат склонен вытеснить Пациенса. Так, в (2) именная группа, явно обозначающая Результат, как бы подставлена н а м е с т о ожидаемого Пациенса:

(2) заплетать *косу*; зажигать *огонь*;
косить *сено*; рубить *дрова*;
сушить *изюм*; завязывать *узел*.

В своем буквальном значении сочетание из (2) просто аномально: огонь нельзя зажечь — он уже горит; заплетают не косу, а волосы; и уж косят, конечно, не сено, а траву. Между тем такие сочетания с успехом используются в речи,

и глагол НСВ имеет в них актуальное значение. Как же преодолевается их аномальность? Каким образом в концепт глагола, обозначающего актуальную деятельность, может входить участник Результат?

Результат может войти в концепт глагола актуальной деятельности ценой изменения его семантики: глагол способа (*manner of action verb*) может быть переосмыслен как абстрактный полувспомогательный глагол, выражающий лексическую функцию Oper 1, ‘каузировать существовать’, от своего дополнения:

(3) *рубить* дрова [в лесу]= ‘рубкой деревьев/веток и з г о т а в л и в а т ь дрова’.

Это изменение можно представить как сдвиг фокуса внимания — Способ действия, а с ним и Пациент, требуемый прямым значением глагола *рубить*, уходят на задний план; а именная группа, которая в своем прямом значении обозначает Результат, переосмысливается как конечная Цель деятельности.

Другой способ преодоления того же противоречия представлен примером (4). Осмысление сочетаний типа *строить дом, печь пирог* достигается за счет расширения круга потенциальных референтов именной группы. Мы способны воспринимать недостроенный дом уже как дом; неиспеченный пирог — уже как пирог, и т. д. Так, (4) может означать ‘пора ставить в печь будущий пирог’, т. е. неиспеченный:

(4) Пирог пора печь.

Пример (5) показывает, что одна и та же именная группа может обозначать, на разных этапах деятельности, сначала Пациента, а потом Результат; ср. также:

(5) Она вышивает *розу* [узор, т. е. Образ, и Результат, т. е. изображение].

Примеры (3)—(5) показывают, с каким трудом язык справляется с идеей времени. Несов. вид представляет ситуацию статически, в некий “средний” момент ее развития. В случае глаголов создания физического предмета из исходного Материала про ситуацию в ее срединной фазе нельзя сказать, сколько в ней участников: в начальной точке нет Результата, в конечной — Материала. Пациент и Результат конкурируют друг с другом за позицию объекта. Эта борьба кончается тем, что прямое дополнение обозначает в один момент Пациента, в другой — Результат.

Если Результат получается метаморфозой Пациента, который по мере возникновения Результата исчезает (ср. *деревья и дрова, трава и сено, виноград и изюм*), возникает коллизия, к которой русский язык относится довольно спокойно, но английский, например, ее избегает: глагол деятельности, фиксирующий способ действия, заменяется на более абстрактный, чтобы избежать семантической перестройки типа той, которая происходит в примере (3); ср. русск. *косить сено* и англ. *make hay* ‘делать сено’ (**tow hay*); русск. *жарить яичницу* и англ. *fry eggs* ‘жарить яйца’.

§ 4. Заключение

Сравнение разных классов глаголов с участником Результат позволяет в новом свете представить семантическое соотношение между сов. и несов. видом.

Глаголы СВ и НСВ, образующие предельную пару, приписывают ситуации близкие, но не тождественные концепты: различие состоит в размещении фо-

куса внимания. Глагол сов. вида ставит в центр Результат; а деятельность, с ее участниками и способом, отходит на задний план, в фоновую зону толкования. У глагола в несов. виде в фокусе внимания деятельность, а Результат присутствует в виде цели, на которую направлена деятельность, — это проекция Результата из будущего на настоящий момент. Форма этого присутствия будущего в настоящем зависит от семантики глагола.

Результат может находиться целиком в идеальной сфере, т. е. быть знанием, мнением, намерением. Наличие такого участника Результат исключает преобразование концепта события в концепт деятельности, направленной на получение Результата, — концепт СВ не может быть перестроен в концепт НСВ. Отсюда эффекты, возникающие в глаголах выбора, ментального воздействия, создания интеллектуального объекта и фазовых.

Если же будущий Результат имеет материальную природу, то он может присутствовать в настоящем — в виде *о б р а з а* Результата, более или менее четкого (который не только может, но и должен быть заранее известен Агенсу в процессе его деятельности), а то и в виде *н е о к о н ч е н н о г о* Результата. Поэтому в “материальном” случае перфективному концепту ситуации соответствует имперфективный с тем же набором участников, а в “идеальном” — нет.

Глава 3

ВИД И ВРЕМЯ ПРИЧАСТИЙ НА *н/т**

Причастиям на *н/т*, типа *построен, открыт*, как ни странно, не было уделено должного внимания в грамматиках русского языка. Мы исходим из того, что пассивно-причастный оборот с глаголом *быть* — *был построен, был открыт* (в наст. времени — в нулевой форме: *открыт, построен*) — это аналитическая форма, входящая в систему глагольных форм русского языка, а не сочетание “именная форма + связка”. Но в таком случае необходима грамматическая атрибуция этих форм; возникает задача охарактеризовать их по всем грамматическим параметрам — таким как вид, время, залог. Речь будет идти о виде и времени, причем из временных форм — только о настоящем и прошедшем.

§ 1. Вид

Увлекательная семантическая особенность регулярно образованного причастия на *н/т* состоит в том, что оно имеет два значения — событийное и статальное, — которые соотносены как бы метонимически. В самом деле, на денотативном уровне ситуация, описываемая пассивно-причастным оборотом, при обоих значениях одна и та же. В ней два компонента — событие (в частности, действие), которое приводит к возникновению нового состояния (1-й компонент), и само это состояние (2-й компонент). Но при событийном значении в фокусе внимания событие, а при статальном — состояние. См. примеры из книги Ю. П. Князева, специально посвященной этой проблеме (Князев 1989: 153, 154):

- (1) Все стены, крыши, балкон минарета и даже купол мечети в считанные секунды *были заполнены* солдатами и казаками (Б. Васильев) [событие].
- (2) Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что его ружье слишком долго *было заряжено* (П.) [состояние].

Предложение с причастием на *н/т*, взятое само по себе, может быть неоднозначным; контекст обычно проясняет значение:

- (3) а. В этот момент окно *было открыто* ⟨и в комнату ворвался ветер⟩ = ‘на данный момент приходится действие открывания’ [событие];
б. В этот момент окно *было открыто* ⟨и мы наслаждались прохладой вечера⟩ = ‘в данный момент окно пребывало в открытом состоянии’ [состояние].

Неоднозначность свойственна только акциональным глаголам. Причастия на *н/т*, соотносённые с медиальным глаголом (например, *влюблен, убежден*,

* Опубликовано в: ПОЛТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индик, 1998.

грамматически соотнесенные с глаголами *влюбиться, убедиться*), имеют только статальное значение, см. (4а); соответствующее событийное значение передается глаголом в личной форме, см. (4б):

(4) а. Он *был влюблен* [состояние]; б. Он *влюбился* [событие].

Ср. также *расстроен — расстроиться, растерян — растеряться, расстрелян — расстреляться, взволнован — взволноваться*.

Особый случай составляют так наз. стативы, типа *болен, удален, расположен* (Князев 1989):

Район *удален* от центра; Поселок *расположен* высоко в горах.

Статив вообще не соотнесен грамматически (т. е. семантически) с глаголом; в частности, для обозначаемого им состояния нет события, с которым данное состояние было бы связано вышеуказанной метонимической связью. Статив — это отдельное слово, значение которого, конечно, связано со значением глагола, но не как его форма; ср. попытку систематического отражения различий такого рода в Сазонова 1989.

Итак, пассивно-причастные обороты — это определенный ряд аналитических предикативных форм, и нужно определить их место в парадигме глагола. Для грамматической атрибуции пассивно-причастных оборотов необходимо прежде всего разделить их на две части, отделив форму со вспомогательным глаголом (например, *был открыт*) от формы без глагола, чистого причастия (например, *открыт*). Дело в том, что именно безглагольная форма имеет свою собственную «идиоматическую» семантику, тогда как у форм с ненулевым вспомогательным глаголом значение целого полностью композиционно, т. е. выводимо из значения частей.

1.1. Форма со связкой

Пассивно-причастные обороты с ненулевой формой глагола *быть* (например, с глаголом *быть* в прош. времени) никаких затруднений не вызывают — в этом случае значение аналитической формы неидиоматическим образом складывается из значения частей. В частности, грамматический вид формы *был открыт* с причастием, образованным от глагола СВ *открыть*, может считаться совершенным.

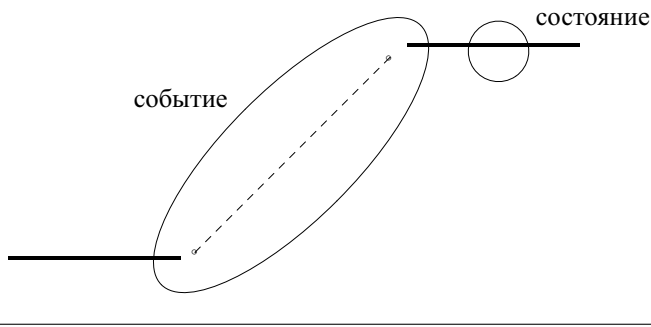
Так, пример (5) показывает, что глаголу СВ в личной форме активного залога свойственна та же неоднозначность событие / состояние, которая демонстрировалась примерами (1), (2):

(5) а. Ко мне *приехали* родственники [событие; и состояние, актуальное в момент речи];
б. Только один раз ко мне *приехали* родственники [событие].

В (5б) актуальность последующего состояния снимается обстоятельством *только один раз*. А в (5а), по умолчанию, предполагается, что состояние длится в момент речи. Форма СВ в значении состояния совместима даже с временным модификатором, указывающим на время состояния: *Сейчас там провели электричество*, см. гл. 4.

То, что событийное и статальное значение часто совмещаются в одной форме, несколько не удивительно. В самом деле, между событием и последу-

ющим состоянием всегда имеется пространственно-временная смежность, т. е. метонимическая связь, что демонстрируется схемой ниже:

Известно небольшое число глаголов СВ, у которых значение только статальное (см. Исаченко 1960: 435), например:

Крыша *покосилась*; Я *устал*; Ты *загорела*.

Акцент падает на *нынешнее* состояние (положение дел); а событие, которое к нему привело, теряется во мраке — и вообще неизвестно, было ли. Как быть, например, с сочетанием *Крыша наполовину обвалилась*? Глаголов, которые имели бы только событийное значение, скорее всего, не существует. Так что, как правило, личная форма глагола СВ имеет ту же двойственность значений, что и пассивно-причастный оборот с ненулевым вспомогательным глаголом. Тем самым ничто не мешает трактовать вид пассивно-причастного оборота в примерах (1)—(3) как совершенный.

З а м е ч а н и е. Сочетаемость следствия статального употребления для глагола СВ в личной форме и в пассивно-причастном обороте, правда, совпадают не во всем; например, статальное употребление глагола СВ активного залога никогда не обеспечивает ему возможности сочетаться с обстоятельством длительности, как при статальном употреблении причастий на *н/т*, ср. *слишком долго* в примере (2). Но сочетаемость с обстоятельством длительности зависит не только от вида, но и от каких-то не вполне ясных лексических условий, ср. *Утюг 45 минут был включен* / **Отопление два дня было выключено*; *Два часа связь была оборвана* / **прервана*.

1.2. Форма без связки

Затруднения с аспектуальной идентификацией возникают при отсутствии вспомогательного глагола, т. е. при нулевой форме глагола *быть*, выражающей наст. время:

(6) Балконная дверь *заперта*.

Предикативная причастная форма обозначает состояние; однако ее грамматический вид заведомо нельзя трактовать как несовершенный — хотя бы потому, что морфологически это форма СВ. В то же время, она кардинально отличается от СВ по своим сочетаемым возможностям: она не сочетается с препозитивным обстоятельством времени, которое указывало бы время события. Если

у личной формы глагола СВ значение актуальности последующего состояния допустимо наряду с событийным (скорее как вторичное), то у причастия значение актуального состояния оказывается единственно возможным: событийное значение вовсе исключено. В примере (7а) обстоятельство *в данный момент* локализует состояние; а предложение (7б), где обстоятельство времени могло бы задавать временную локализацию события, аграмматично:

- (7) а. В данный момент окно балконная дверь *заперта* [состояние];
 б. *Вчера балконная дверь *заперта*.

Предложение (7а) допустимо, поскольку обстоятельство выражает время актуального состояния; а (7б) недопустимо, поскольку контекст требует событийного значения, а оно исключено формой глагола. Еще пример.

- (8) а. Картина *продана* [состояние];
 б. *На прошлой неделе картина *продана* (надо: *была продана*);
 в. Сейчас картина *продана* [обстоятельство локализует время состояния].

Примеры (9) и (10) демонстрируют отличие личной формы, с обычным СВ (у которой значение актуального состояния является слабым компонентом, подавляемым в противоречащем контексте), от причастной формы, у которой значение актуального состояния является единственно возможным, поскольку событийная интерпретация исключена:

- (9) а. Магазин *закрыли* [событие; и состояние, актуальное в момент речи];
 б. *Вчера в два часа* магазин *закрыли* и открыли только сегодня [событие].
 (10) а. Магазин *закрыт* [состояние, актуальное в момент речи];
 б. **Вчера в два часа* магазин *закрыт* [событийная интерпретация исключена].

Фраза (11) может быть понята только в узуальном значении, тоже статальном:

- (11) Магазин в два часа *закрыт* [узуальное состояние: ‘каждый день в два часа бывает закрыт’].

Начальная фраза стихотворения Лермонтова “Бородино” не выражает в современном языке того смысла, который имелся в виду Лермонтовым:

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу *отдана*?
 (пример из Падучева 2001б)

Сейчас надо было бы сказать *была отдана*, поскольку в момент разговора молодого солдата с ветераном войны 1812 года, описываемый в стихотворении, это состояние уже не актуально (в Булаховский 1954: 316 об “опущении связки” — т. е. закреплении нынешнего положения — говорится как об изменении, происшедшем в русском языке во 2-й половине XIX века).

Характерный пример, демонстрирующий семантическое отличие причастия на *н/т* от глагола СВ в личной форме, приводится в Маслов 1983. Фраза

(12) а. *Он увидел телегу и понял, что она *сломана* и после починена (пословный перевод с болгарского) по-русски неправильна; форма *сломана* обозначает актуальное состояние, что противоречит контексту. Допустимо (12б), с глаголом СВ в личной форме, и (12в), с глаголом *быть* в ненулевой форме, когда пассивно-причастный оборот может трактоваться как имеющий совершенный вид:

- (12) б. Он увидел телегу и понял, что ее *сломали* и после починили;
 в. Он увидел телегу и понял, что она *была сломана* и после починена.

Итак, мы видим, что в семантике глагола СВ стательный компонент слабый, неустойчивый (см. о неустойчивых компонентах Зализняк 1992: 24) и подавляется противоречащим контекстом, пример (5б). Это верно как для личных форм, так и для причастных оборотов с ненулевым вспомогательным глаголом. А у безглагольной причастной формы он сильный: в контексте, где состояние потеряло актуальность, такая форма не может быть употреблена, поскольку она обозначает именно состояние, длящееся в момент наблюдения.

Мы принимаем для примеров типа (6) трактовку, изложенную в (Маслов 1983: 44), где у пассивно-причастных оборотов при отсутствующем вспомогательном глаголе признается *о с о б о е* видовое значение (третий вид) — стательный перфект; эта форма обозначает состояние, вызванное событием в прошлом и актуальное в настоящем.

В самом деле, причастие на *n/t* (употребленное без вспомогательного глагола) полностью соответствует, и по смыслу, и по сочетаемости, перфекту наст. времени в английском языке — форме Present Perfect, которая обозначает состояние, представленное как результат соответствующего события и длящееся в момент речи — так трактуется эта форма в Есперсен 1958: 314.

З а м е ч а н и е. Трактовка финитных причастных форм как перфектных имеет богатую традицию. Ср. Шахматов 1941: 489: “Перфект означает действие, осуществившееся в результивной форме к настоящему моменту, осуществленное к моменту речи говорящего: *стол накрыт, письмо отослано*”. (Заметим, что Шахматов обходится без допущения о нулевой форме наст. времени глагола *быть*: “значение личных форм получило само причастие”). Фактически, такую трактовку принимает и В. В. Виноградов (Виноградов 1947: 564, 566), который сочувственно приводит свидетельство С. И. Соболевского о семантическом соответствии русских страдательных причастий на *n/t* латинскому презентному перфекту.

Сходство русского причастия на *n/t* с англ. Present Perfect демонстрируется сравнением примера (10б) с примером (13):

(13) *Yesterday my uncle has broken his leg.

И русское причастие СВ, и английский в Present Perfect обозначают состояние, актуальное в момент речи; а событие, приведшее к этому состоянию, не в фокусе и не может быть сферой действия временного модификатора.

Ориентацию состояния на момент речи выявляет пример (14). Аграмматичное сочетание финитного причастия на *n/t* с обстоятельством времени порождает особый эффект, поскольку говорящий — Человек театра — существует одновременно и в наши дни и как современник Герострата, т. е. *в четвертом веке до нашей эры*, когда состояние было актуально:

(14) Ч е л о в е к т е а т р а . В четвертом веке до нашей эры в греческом городе Эфесе сожжен храм Артемиды (Горин. Забыть Герострата!).

Следует подчеркнуть, что не сочетается с причастием на *n/t* только такой временной модификатор, который занимает в предложении тематическую позицию. Ремагическое обстоятельство времени в русском языке совместимо пассивным перфектом⁴, см. пример, который приводится в Маслов 1983: 50:

(15) а. Письмо написано; б. Письмо написано *вчера*.

⁴ Причины, порождающие это различие между препозитивным и постпозитивным обстоятельством времени, обсуждаются в Падучева 1986а.

В (15б), как и в (15а), присутствует идея актуальности состояния в момент речи; но предложение (15б) имеет двойную временную локализацию: *вчера* указывает время события, а форма перфекта характеризует постсобытийное состояние как актуальное в момент речи⁵. В самом деле, недопустимо (16), поскольку неактуальность состояния входит в наши энциклопедические знания (церковь существует), или (17), где актуальность состояния опровергается последующим контекстом:

- (16) *Церковь Спаса на Нередице *разрушена* во время Второй мировой войны;
 (17) *Телега *сломана* два дня назад, но сегодня ее починили (надо: *была сломана*).

Предложение (18) было бы уместно, например, в ситуации вопроса “А где же обещанный велосипед?” — если бы не было неправильным:

- (18) *Велосипед *куплен* два дня назад, но его украли (надо: *был куплен*).

Рематическое обстоятельство времени совместимо, однако, тоже не со всякой перфектной формой; позитивные состояния совместимы с временным показателем в большей степени, чем негативные:

- Отопление *включено* (*отключено) *неделю назад*;
 Телега *починена* (*сломана) *вчера*;
 Магазин *открыт* (*закрыт) *час назад*.

Противопоставление статального и событийного значения однозначно задается сферой действия обстоятельства времени: при событийном значении обстоятельство локализует момент наступления события (в частности, завершения действия), при статальном — время актуальности состояния, см. примеры (1), (2). Оно и понятно: сферой действия модификатора оказывается тот из компонентов, который коммуникативно выделен.

Однозначности выражения событийного или статального значения могут способствовать и другие модификаторы. Так, в (19) глагол СВ однозначно понимается в событийном значении, поскольку обстоятельство намеченного срока (*на этот период*) предполагает Агенса (наметившего срок), а следовательно, *закрыт* — действие (т. е. событие):

- (19) Ресторан был *на этот период* закрыт.

Еще примеры:

- (20) Вот то, что нам с тобой дано.
Надолго. Навсегда. До гроба (Бродский. Пень без музыки).
 (21) Я прочел его [Достоевского], том за томом, на третьем курсе и сразу же, *на всю жизнь* был захвачен (Померанц. Открытость бездне).

Условия, способствующие и препятствующие возникновению статального и событийного (акционального) значения, описаны в Князев 1989.

Итак, что касается форм вида, то у причастий на *н/т* различается перфект (в наст. времени) и обычный сов. вид (во всех формах со вспомогательным глаголом в прош., буд. времени и в инфинитиве). Обе формы описывают событие в прошлом, но перфект означает, что постсобытийное состояние длится в момент речи, а претерит — что оно прекратилось или (если состояние необратимо) что его последствия перестали быть актуальными.

⁵ В англ. языке двойная временная локализация невозможна, и потому обстоятельство времени исключено и в рематической позиции: **My uncle has broken his leg yesterday*.

Отметим, что перфектное значение форм на *н/т* сформировалось в русском языке относительно недавно (Булаховский 1954: 316).

§ 2. Время

Время формы со вспомогательным глаголом, как и вид, не вызывает затруднений, и речь будет идти только о форме без вспомогательного глагола. Ее грамматическое время естественно трактовать как настоящее — с нулевой формой наст. времени глагола *быть*. Посмотрим, что вытекает из этой трактовки.

Время — это дейктическая категория, и семантика временных форм зависит от режима интерпретации (Падучева 1986а, 1996).

Различается три режима интерпретации форм времени — речевой, синтаксический и нарративный. В речевом режиме точкой отсчета для временных форм служит момент речи, в синтаксическом — время главного предложения, в нарративном — текущий момент текста.

Главная особенность “типологически типичного” перфекта наст. времени — его небезразличие к точке отсчета: презентный перфект ориентирует постсобытийное состояние относительно момента речи и исключает произвольную точку отсчета, обычную для форм прош. времени. Русский язык, однако, склонен употреблять свои временные формы недифференцированно, во всех трех режимах: он не имеет специальных форм ни для синтаксического режима (отсутствует “согласование времен”), ни для речевого в противоположность нарративному (ср. о специально нарративных формах во франц. языке в Бенвенист 1974: 270–284, Waugh 1990). Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что форма наст. времени перфекта в русском языке ведет себя неотличимо от формы просто наст. времени (которая возможна в активном залоге, естественно, только у глаголов НСВ), т. е. употребляется во всех трех режимах.

— В речевом режиме:

(1) Окно *открыто*.

— В синтаксическом режиме:

(2) Он увидел, что окно *открыто*; Я понял, что телега *сломана*.

— В нарративном режиме форма наст. времени, естественно, невозможна, если базовое время нарратива — прош.; см. (3а). В этом контексте должна быть употреблена соответствующая форма прош. времени, см. (3б).

(3) а. Он стоял и осматривал комнату. *Окно *открыто*;

б. Он стоял и осматривал комнату. Окно *было открыто*.

Если, однако, нарратив строится на базе наст. времени (*praesens historicum*), наст. время причастно-пассивного оборота может выражать одновременность с текущим моментом текстового времени:

(4) Он входит в комнату. Окно *открыто*.

Это еще одно отличие русского презентного перфекта от английского, который однозначно связан с речевым режимом.

Одно замечание по поводу формы прош. времени в статальном значении. Поскольку она, как уже говорилось, сближается с НСВ, она, как и НСВ прош., по-разному интерпретируется в речевом и нарративном режиме: в речевом

она выражает предшествование точке отсчета, а в нарративном — одновременность. Поэтому, например, в речевом режиме она не сочетается с *сейчас*, а в нарративном такое сочетание возможно⁶:

- (5) а. *Сейчас картина *была вывезена* в Америку [речевой режим];
 б. Сейчас картина *была вывезена* в Америку и продана музею [нарративный режим].

§ 3. Обсуждение результатов

Нам остается сравнить традиционную трактовку системы видо-временных глагольных форм с той, которая получается при добавлении перфекта.

Традиционная схема

Активный залог			Пассив		
НСВ	наст.	<i>открывает</i>	НСВ	наст.	<i>открывается</i>
	прош.	<i>открывал</i>		прош.	<i>открывался</i>
СВ	наст.	—	СВ	наст.	—
	прош.	<i>открыл</i>		прош.	<i>был открыт</i>

Предлагаемая схема

Активный залог			Пассив		
НСВ	наст.	<i>открывает</i>	НСВ	наст.	<i>открывается</i>
	прош.	<i>открывал</i>		прош.	<i>открывался</i>
Перфект		—	Перфект	наст.	\emptyset <i>открыт</i>
				прош.	—
СВ	наст.	—	СВ	наст.	—
	прош.	<i>открыл</i>		прош.	<i>был открыт</i>

Предлагаемая схема содержит много пустых клеток и потому на первый взгляд кажется неудовлетворительной. Посмотрим, однако, внимательнее.

В традиционной схеме прочерк в клетке СВ наст. семантически мотивирован: СВ исключает синхронную точку зрения на ситуацию. То, что тот же прочерк повторяется в пассиве, следовательно, не должно вызывать возражений. Эти два прочерка повторяются в предлагаемой схеме.

Обратимся к другой пустой клетке предлагаемой схемы — отсутствию перфекта в прош. времени. Одно из отличий видо-временной системы, полученной для русского языка, от английской, с классическим перфектом, состоит в том, что в английском языке перфект есть и в наст. и в прош. времени, а в русском он ограничен настоящим. Посмотрим, однако, что представляет собой английский Past Perfect. У этой формы различается два употребления (см. Есперсен 1958, Kamp 1991):

- (6) а. When I phoned Mary *had already left*;
 б. [I phoned at 7.] Mary *had left* at 6 this morning.

⁶ Примеры этого рода обсуждаются в Lehmann 1992, 1996; ср. также Гаврилова 1975.

В (6а) точка отсчета задается придаточным времени — это некий момент в прошлом, и Past Perfect локализует постсобытийное состояние у глагола в главном предложении как предшествующее точке отсчета. Это статальный перфект, т. е. видовое значение формы то же, что в наст. времени. Между тем в (6б) точка отсчета задана контекстом предшествующего предложения, и форма Past Perfect локализует событие *had left* как предшествующее этой точке. Таким образом, форма Past Perfect может иметь не только статальное, но и событийное значение. Отметим и другое различие между Past и Present Perfect: (6б) — это повествовательный текст, и момента речи, обязательного для Present Perfect, в нем нет вообще. Но в таком случае в плане аспектуальной семантики ничто не противоречит тому, чтобы форма Past Perfect трактовалась как совершенный вид — который тоже может иметь событийное и статальное значения. Перфект, строго говоря, это именно статальный перфект.

Остается пустая клетка для перфекта активного залога. Но система, в которой перфект есть только в пассиве, имеет типологические соответствия в целом ряде систем индоевропейских языков. Так что единственный слабый момент предлагаемого построения состоит в том, что русский пассив вообще недоразвит, а включение статального перфекта в систему аналитических форм русского глагола держится именно на пассиве.

Признание формы перфекта в русском языке принципиально важно для типологии перфекта. Событийное и перфектное значение формы СВ — это регулярная многозначность, которая обусловлена денотативно: смежностью события и его перфектного состояния в пространстве и во времени. Так что совмещения этих значений в одной форме следует ожидать в самых разных языках.

Глава 4

СЕМАНТИКА СОВЕРШЕННОГО ВИДА И НАЧИНАТЕЛЬНОСТЬ*

Неоднократно высказывалась мысль о том, что в семантику совершенного вида славянских языков входит начинательность. Эта идея, в неявной форме, присутствует уже в Wierzbicka 1967, а в Гловинская 1982 начинательность обсуждается как инвариант семантики СВ. В самом деле, глагол совершенного вида обозначает изменение, а что такое изменение, как не наступление нового состояния? В Падучева 1996: 153 было показано, однако, что начинательность свойственна не всем глаголам СВ. Теперь мы рассмотрим эту проблему более подробно.

Начинательное значение выражается формулой I из гл. III.1 (см. Богуславский 1998):

(I) ‘раньше не было P, сейчас P’ (P — состояние).

Это значение адекватно передается глаголом *наступить*: *у начать* более сложный смысл, см. гл. III.1. Но в семантике типичного глагола СВ присутствует именно эта простейшая разновидность начинательного значения — ‘раньше не было P, теперь P’, где P — состояние. Начало процесса обозначают глаголы начинательного способа действия — такие как *заговорить*, *побежать*; ср. также *отправиться*.

Лучше всего начинательный компонент “ложится” в семантику глагола СВ, не входящего в предельную пару, т. е. не такого, как *построить*, а такого, как *увидеть*. Дело в том, что в семантику предельного глагола СВ входит идея завершенности того процесса, который имеет место на интервале между не-P и P. Между тем семантика моментального глагола СВ ничего не говорит о том, что происходит “на пути” от не-P к P, т. е. на временном интервале, о котором наша формула начинательности умалчивает. Поэтому для моментальных глаголов формула начинательности охватывает более существенную часть их семантики. Пример. Начинательный компонент в семантике глагола *сломаться*:

(1) *сломался X* (как в *Сломался топор*) =

в момент *t*, предшествующий моменту речи, X был целым и функционировал нормально
потом произошло нечто
это вызвало
в некоторый момент после *t* наступило и в момент речи имеет место состояние: X перестал быть целым и не функционирует нормально

Такие же схемы для *испугать*, *наполнить*, *загородить*, *открыть*, и т. д. (в неагентивных употреблениях): различно только исходное состояние, до *t*, и новое состояние, после *t*.

* Опубликовано в сокращенном виде в: Die Welt der Slaven, XLVII, 2002.

Отличие толкования (1) от формулы I — в том, что в (1) вторая половина формулы начинательности — ‘сейчас Р’ — расчленена на две части: не просто ‘имеет место Р’, а ‘Р наступило и в момент речи имеет место’. Дело в том, что когда глагол СВ реально употребляется в речи, могут возникать разные “проекции” его исходной семантики на зоны внимания говорящих (разные фокусировки внимания, расстановки акцентов, разные актуализации исходного смысла). А именно, возможны две проекции — с о б ы т и й н а я (когда актуализовано ‘не было Р — наступило Р’) и с т а т а л ь н а я (когда актуализовано только ‘имеет место Р’, а ‘не было — наступило’ уходит на задний план), см. Князев 1989 и примеры (1)–(3) в гл. 3 § 1. Событийная проекция акцентирует н а с т у п л е н и е нового состояния, а статальная — само состояние. Толкования типа (1) позволяют эти две проекции различить.

Конечно, во многих контекстах акцент никак особенно себя не проявляет. Есть, однако, глаголы, у которых акцент на одном из компонентов фиксирован в их лексической семантике, см. *об устать, загореть* в гл. 3.

Мерцание акцентов в семантике формы СВ имеет “реальную базу”: в реальности событие и порождаемое им состояние находятся в отношении пространственно-временной смежности, и в концепт ситуации, порождаемый глаголом СВ, входят оба компонента; но в контексте высказывания один из компонентов попадает в фокус внимания, а другой подавляется.

Смещение фокуса внимания в семантике формы СВ (с событийного компонента на статальный) можно представить как метонимический сдвиг, см. гл. II.2. Эти компоненты описывают смежные отрезки внеязыковой действительности: событие порождает состояние, и это то н о в о е состояние, которое порождено событием.

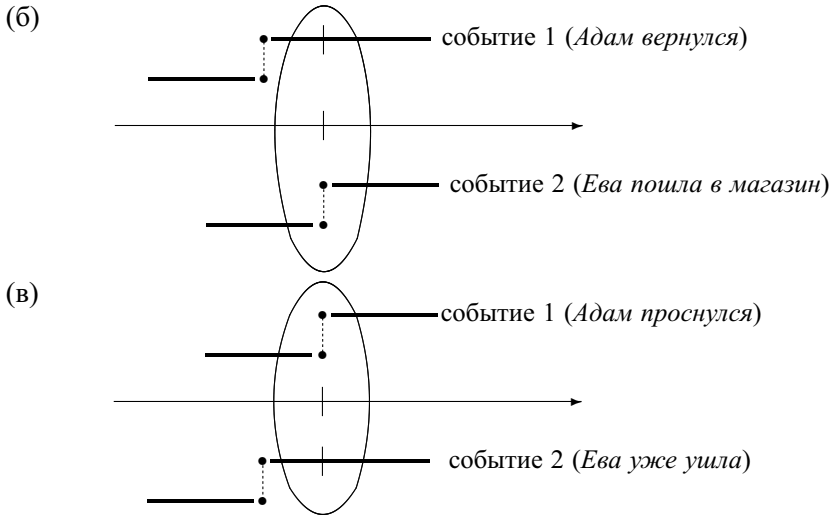
О сдвиге акцента с событийного компонента на статальный в семантике глагола СВ шла речь в гл. 3. Здесь мы приведем несколько примеров, демонстрирующих следствия, которые проистекают из этой подвижности акцента.

ПРИМЕР 1. Перенос фокуса внимания с событийного компонента на статальный позволяет объяснить кажущуюся многозначность союза *когда*. Ср.

- а. *Когда* Адам пахал, Ева пряла [2-е событие одновременно 1-му];
- б. *Когда* Адам вернулся, Ева пошла в магазин [2-е событие после 1-го];
- в. *Когда* Адам проснулся, Ева уже ушла [2-е событие раньше 1-го].

Допустить, что здесь три разных значения *когда*, значило бы бросить вызов здравому смыслу. Гораздо естественнее считать, что *когда* не только в (а), но и в двух других предложениях обозначает одновременность, только в (б) 2-е событие одновременно не событию, а перфектному состоянию 1-го (оно наступило, когда еще длилось это перфектное состояние), и потому оно после 1-го; а в (в) 1-е событие приходится на перфектное состояние 2-го; следовательно, 2-е событие, *Ева уже ушла*, произошло раньше⁷. На схемах ниже стрелка изображает ось времени; засечка обозначает временную позицию Наблюдателя:

⁷ См. о несимметричности отношения одновременности в Козинцева 2001.

ПРИМЕР 2. Совмещение событийного и перфектного значения в глаголе СВ как бы повторяет совмещение этих же значений у слова *давно* (см. Экскурс 2). У *давно* два значения, ‘long ago’ и ‘for a long time’:

(2) Мы ж и в е м здесь *давно* = ‘for a long time’, *живем* — только состояние.

(3) П о к у п а л эти часы отец *давно* = ‘long ago’, *покупал* — только событие.

В (2) и (3) *давно* однозначно понимается в одном из своих значений. А в (4), где сферой действия *давно* является глагол СВ, *давно* взаимодействует с обоими компонентами значения формы совершенного вида, т. е. совмещает оба значения:

(4) Он *давно* пришел = ‘давно наступило событие, и долго длится его перфектное состояние’.

ПРИМЕР 3. Сдвиги акцентов в семантике начинательности осуществляют частицы *еще* и *уже*, которые вообще играют большую роль в семантике совершенного вида, см. Падучева 1996: 59.

Частицы *еще* и *уже* по-разному сочетаются с глаголами СВ и НСВ; *еще* выражает длящееся состояние (или процесс) и сочетается с НСВ, пример (5а), а *уже* обозначает наступившее событие и сочетается с СВ, пример (5б):

(5) а. еще *спит* [НСВ]; б. уже *уснул* [СВ].

Тем не менее, сочетание *уже* с НСВ возможно, см. примеры из (6). Дело в том, что глагол НСВ может пониматься как обозначающий состояние, наступившее вслед за событием, т. е. смежное с ним (например, состояние *спит* — за событием *уснул*):

(6) а. Я уже *вижу* ≈ ‘я уже увидел’;
б. Он уже *спит* ≈ ‘он уже уснул’.

У *спит* в (6б) событийный компонент перехода в новое состояние возникает только в контексте *уже* и под воздействием *уже*: оператор, как это часто бывает, “прорабатывает” свою сферу действия. Поэтому чтобы сочетание глагола с *уже* было возможно, не обязательно, чтобы глагол сам по себе обозначал событие; достаточно, чтобы семантика глагола не противоречила возможности быть

представленной как событие — например, за счет присоединения начинательного компонента. Именно так обстоит дело в (6б), которое значит приблизительно ‘он уже уснул’, хотя в словарную семантику *спать* не входит начинательность.

Почему, скажем, в примере (7) *уже* аномально в контексте *предпочитала*?

- (7) Как ни расхваливал я Китса,
Я ничего не мог добиться,
Поскольку вся моя семейка
Уже предпочитала Блейка (Б. Заходер).

Стилистический эффект основан здесь на том, что оператор *уже* применяется к событиям и сочетается в первую очередь с глаголами СВ; а из глагола НСВ, обозначающего состояние, “выжимает” событие, состоящее в наступлении состояния. Однако из временных состояний, как в примере (5а), событие выжимается легко, а из устойчивых, как в (7), — нет: *предпочесть* — *предпочитывать* не пара по Маслову, *предпочитает* не предполагает предшествующего ‘предпочел’.

Однако и из глаголов СВ *уже* сочетается не с любым. Чтобы сочетание *уже* с глаголом СВ было естественно, нужно, чтобы глагол СВ обозначал возникновение нового состояния. Например, для интерпретации сочетания *уже остался* в (8), где это не так, нужен мощный контекст:

- (8) ?Он *уже* остался дома.

Дело в том, что глагол СВ *остаться* не имеет семантики начинательности: *X остался* [где-то] означает, что состояние X-а сохранилось прежним. Событие произошло (в ментальном мире, т. е. это когнитивное событие): была возможность, что X уйдет, которая не реализовалась — X принял решение не уходить; но никакого нового состояния X-а не наступило.

Получается, что каков бы ни был вид глагола, *уже* прорабатывает ситуацию таким образом, чтобы в ней были оба компонента начинательной формулы — ‘раньше не было Р’ и ‘сейчас Р’. При этом из двух компонентов семантики СВ *уже* акцентирует, скорее всего, стательный. Так, именно *уже* обеспечивает однозначное понимание *когда* в значении предшествования 2-го события 1-му во фразе (в) Примера 1.

Что же касается *еще*, то оно с типичным глаголом СВ — имеющим начинательную семантику — просто не сочетается:

- (9) *Ребенок *еще* уснул.

Итак, *уже* совместимо с обоими видами, а *еще* только с одним. Получаем:

НСВ	<i>еще спит</i>	<i>уже спит</i>
СВ	* <i>еще уснул</i>	<i>уже уснул</i>

Возникает, однако, вопрос: если, как мы говорили, в семантике глагола СВ, действительно есть не только событийный, но и стательный компонент, то почему невозможно сочетание *еще* с СВ? Иначе: почему в (9) *еще* не может иметь сферой действия то состояние, которое выявляется в семантике СВ согласно формуле I; т. е. почему (9) не означает ‘уснул и еще спит’?

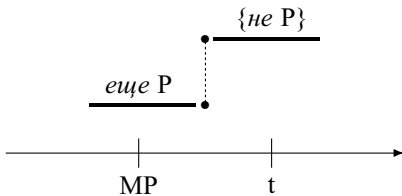
Мы видели выше, что стательный компонент в семантике СВ может служить сферой действия для других слов; например, для *когда*, ср. (в) в Примере 1. Стательный компонент может также служить сферой действия для *сейчас*:

(10) Он *сейчас* уснул \approx ‘уснул и *сейчас* спит’.

Тогда что же мешает этому статальному компоненту глагола СВ быть сферой действия для *еще*?

Слову *еще* (в одном из главных его значений) было предложено (в Падучева 1992б) следующее толкование:

еще Р [где Р — состояние] =
 | в момент речи имеет место Р [ассерция, соответствующая значению Р];
 | ожидается (в момент речи), что в некоторый более поздний момент t будет
 | не Р [презумпция, соответствующая значению *еще*]

На схеме фигурные скобки в {не Р} означают, что этот компонент соответствует не реальному положению вещей, а ожиданию говорящего, причем ожидание локализовано на том временном отрезке, которого касается содержание ожидания, а не на том, в котором имеет место само ожидание. Ассертивным является компонент, описывающий положение вещей в момент речи.

Из этого толкования вытекает следующее условие совместимости *еще* с ситуацией Р: Р должно быть состоянием, которое либо в самом себе несет залог своего прекращения / окончания (ср. *быть молодым*, в отличие от *быть старым*), либо по крайней мере с о в м е с т и м о с идеей своего прекращения. Если первое, то *еще* всего лишь усиливает презумпцию ожидания конца; если второе, то ожидание прекращения состояния выражается непосредственно смыслом *еще*; так, *еще болеет* — значит ‘ожидается, что выздоровеет’. В любом случае, сферу действия *еще* должно составлять такое состояние, к которому может быть “примыслен” естественный конец.

Теперь понятно, почему сферой действия *еще* не может быть то состояние, которое является статальным компонентом семантики СВ: перфектное состояние — это такое состояние, которое, в силу грамматической семантики вида, ориентировано на момент наступления; *уснул* хоть и предполагает состояние (*спит*), но компонент ‘будет не Р’ (*проснется*) к нему уже не может быть примыслен. Состояние, которое входит в семантику СВ, ориентировано на начало и уже не может мыслиться одновременно как ориентированное на конец, т. е. долженствующее прекратиться.

Но неужели нет исключений, т. е. таких глаголов СВ, которые все-таки могут составлять сферу действия *еще*?

Исключения есть, и они интересны, поскольку проливают свет на семантику СВ, демонстрируя противопоставление начинательных и не-начинательных глаголов СВ.

К числу глаголов СВ, которые способны присоединять *еще*, принадлежат *остаться*, *сохраниться*, *успеть*, *застать*⁸. Например:

⁸ За глагол *застать* автор благодарен Светлане Михайловне Толстой.

- (11) Крепостные валы ⟨старые обычаи, кое-какие следы⟩ еще *сохранились*.
 (12) а. Рис еще *остался*; б. Отец еще *остался* на работе.
 (13) Они еще *успели* купить билет.
 (14) Неужели ты его еще *застал*?

Как легко видеть, все эти глаголы не имеют начинательной семантики. Например,

X сохранился (как в *Крепостные валы еще сохранились*) =
 в *t* до момента речи *X* существовал / был в наличии / в поле зрения
 после *t*, но до момента речи была возможность того, что *X* не будет суще-
 ствовать / не будет в наличии / в поле зрения
 в момент речи *X* существует / имеется в наличии / в поле зрения

Первый и третий компоненты в своей совокупности задают длящееся состояние, и это как раз то, что требуется для *еще*. Мы исходим, однако, из того, что форма СВ обозначает изменение, см. гл. 2. Изменение состоит не в том, что наступило новое состояние *X*-а; прямо наоборот, состояние *X*-а осталось прежним. Изменение относится к области сознания — это когнитивное событие: изменение представлений о возможности. Событийная семантика глагола *сохраниться* — в исчезновении возможности.

Поскольку состояние *X*-а, упоминаемое в толковании, не порождено событием, оно не ориентировано на начало. Поэтому семантика глагола *сохраниться*, в принципе, совместима с ориентацией на конец, которой требует *еще*, см. примеры (11), (12).

Возможность соединения глагола *сохраниться* с *еще* зависит от контекста наличия угрозы прекращения состояния; поэтому (15) менее естественно, чем (11) — крепостным валам естественно разрушаться от времени:

- (15) Подлинник еще *сохранился*.

У глагола *остаться*, в одном из значений, угроза прекращения состояния заложена в самом глаголе:

- (16) *X остался* ⟨в количестве *Z*⟩ (как в *Рис еще остался*) =
X был в количестве *Z'*
 произошло нечто
 это вызвало:
 наступило и в момент речи имеет место состояние:
X имеется в количестве *Z*, меньшем, чем *Z'*

В основе допустимости предложения *Рис [X] еще остался* лежит следующее правдоподобное заключение (инференция): поскольку причина, вызвавшая изменение состояния *X*-а, может повторяться (таксономический класс участника *X* — РЕСУРС, т. е. расходуемый материал, который имеется в ограниченном количестве), количество *X*-а будет уменьшаться и наступит состояние, когда его не станет. Отсюда в семантике *остаться* угроза прекращения состояния и ориентация на конец.

Тот же имплицитный компонент убывания ресурса обеспечивает законное употребление *еще* в контексте *хватить*, как в *Тебе еще хватило супа*?

Другой глагол СВ, способный присоединять *еще*, — *успеть*:

- (17) X успел сделать Р до t =
 | сделать Р можно было только пока не наступил t
 | X намеревался сделать Р
 | X сделал Р

Толкование *успеть* имеет структуру, нестандартную для глаголов СВ; в нем нет не только семантики начинательности, но и отсылки к моменту речи, как это было в формулах I и II из гл. III.1.

Итак, мы можем заключить, что глагол СВ может сочетаться с *еще*, если он не имеет семантики начинательности, которая исключает ориентацию состояния на его конец⁹.

Число глаголов СВ, у которых перфектное состояние ориентировано на конец, как мы видим, очень невелико. В то же время, есть огромный класс состояний, выражаемых глаголами СВ, которые допускают ориентацию на свою конечную точку. Это глаголы СВ с отрицанием:

еще *не* пришел, еще *не* понял, еще *не* уснул.

Ненаступление события может осмысляться как состояние, ориентированное на конец, т. е. на момент, когда событие наступит. И эта ориентация выражается частицей *еще*.

То, что язык неохотно лексикализует состояния, ориентированные на конец, верно не только для глаголов, но и для прилагательных. Прилагательное *беременный* обозначает состояние, безусловно имеющее естественный конец. Тем не менее, трудно подобрать уместный контекст для вопроса *Она еще беременна?* Нормально спросить: *Она еще не родила?*

Заметим, что и толкование, предложенное для *еще*, и вытекающее из него следствия верны только для глагола в прош. времени без отрицания: глагол в будущем времени сочетается с СВ и с *еще* свободно (*Вы еще это поймете; Он еще об этом пожалеет*) — в момент речи событие Р не произошло: возникает “состояние ненаступления”, совместимое с ожиданием его конца.

Итак, вот ответ на вопрос, почему *еще* не может иметь сферой действия статальный компонент типичного глагола СВ: это состояние ориентировано на начало, а *еще* ориентировано на конец; такое сочетание породило бы противоречие в акцентах.

ПРИМЕР 4. Наконец, последний пример — сочетаемость глаголов сов. вида со словом *опять*. Наречие *опять* сочетается как с совершенным, так и с несовершенным видом глагола; соответственно, Р может быть и событием, и состоянием:

- опять* Р [о событии] (как в *Он опять пришел*) =
 | Р происходило раньше (по крайней мере однажды);
 | Р произошло сейчас.
опять Р [о состоянии] (как в *Жена уехала к матери, и он опять живет один*) =
 | Р имело место раньше и прекратилось;
 | Р имеет место сейчас.

⁹ Интересно, что *пока*, близкое к *еще*, сочетается с *остаться* и *сохраниться*, но не с *успеть* и *застать*, см. о *пока* Барентсен 1980, 1983.

Словари дают для *опять* толкование ‘еще раз, снова’, не замечая того, что *еще раз* уместно только в случае события, поскольку состояния плохо поддаются счету “на разы”, в стативном же случае больше подходит *снова* (ср. Marcowicz, Paillard 1989, Киселева, Пайар 1998: 115):

- (18) Замолкли звуки чудных песен, / Не раздаваться им *опять* (Л.) [= ‘они не будут раздаваться больше, снова’; *раздаваться* — перцептивное состояние, см. гл. III.2].

Существенно при этом, что *опять*, как и *уже*, сочетаясь с сов. видом глагола начинательного значения, может иметь сферой действия не событие, а последующее перфектное состояние — то состояние, которое “началось”, т. е. наступило:

- (19) Время шло медленно. *Всё было тихо*. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, — и всё умолкло *опять* (Пушкин. Пиковая дама).

Ясно, что хотя *опять* стоит при глаголе *умолкло*, обозначающем событие, речь идет о возобновившемся состоянии ‘всё тихо’, а не о повторившемся событии ‘всё умолкло’: ранее сказано *Всё было тихо*. Аналогично в (20):

- (20) {...} на минуту подняла глаза, но сейчас же *опять* опустила (Гаршин, МАС) [= ‘глаза были снова опущенные’ — как и до того, как она их подняла].

Итак, *опять* предполагает своего рода анафору, поскольку отсылает к предшествующему тексту; но, присоединяясь к глаголу СВ, обозначающему событие, *опять* может обозначать повторение не только того с о б ы т я, которое обозначено этим глаголом и в предшествующем тексте упомянуто явно, но и того с о с т о я н и я, которое этим глаголом подразумевается. Так, в (21) *опять открылось* означает, что окно до того было открыто (а не то, что оно до того открывалось, — хотя бы это и было верно):

- (21) Окно закрыли, а оно *опять* открылось.

Не следует, однако, думать, что в контексте *опять* состояние всегда может заменять инцептив и наоборот, ср. *все умолкло* и *все было тихо* в (19). Так, в (22) нельзя заменить, без изменения смысла, *понимал* на *понял*; в (23) *опять* имплицитно скорее ‘уже по крайней мере один раз терял’, чем ‘уже один раз не видел’:

- (22) Затмение прошло, и я *опять* ясно *понимал* суть происходящего.

- (23) Я *опять* *потерял* [СВ] нить [▷ ‘опять не вижу связи’].

При этом можно сказать *Я только что видел их, а сейчас опять потерял (из виду)*. Здесь *опять* отсылает, пожалуй, к состоянию невидения, которое предшествует моменту, обозначенному как *только что*. Без ограничений замена возможна в контексте глаголов движения, поскольку *опять* сохраняет в этом контексте свое исконное значение ‘вспять, назад’ (этим соображением я обязана А. А. Гиппиусу) и тогда имеет событийную семантику, см. (20), (21). Остается, однако, бесспорный пример (19), и вопрос о том, при каких условиях *опять* может иметь сферой действия статальный компонент в семантике СВ, остается открытым.

В Добровольский 2001 разбирается фраза из “Пиковой дамы” Пушкина:

- (24) Свечи вынесли, комната *опять* *осветилась* одною лампадою,

которая останавливает внимание как в чем-то неправильная (ср. об *осветиться* Виноградов 1947: 633). Согласно Д. О. Добровольскому, она описывает парадоксальную ситуацию, поскольку “в современном русском языке СВ глагола *осветиться* передает изменение состояния из (относительно) темного в более светлое” (2001: 175), а изменение, наступившее после того, как вынесли свечи, направлено в точности в обратную сторону. Наши данные о статальном компоненте в семантике сов. вида позволяют кое в чем дополнить анализ этого примера.

Несколькими строками ранее у Пушкина сказано:

Германн вошел в спальню [графини]. Перед кивотом, наполненным старинными образами, *теплилась* золотая лампада.

И если в (24) заменить *осветилась* на *была освещена*, получится нужный смысл — возврата к прежнему состоянию, когда комната освещена т о л ь к о лампадой:

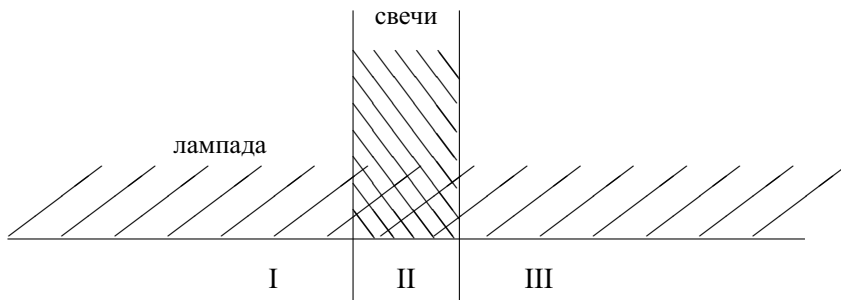
(24') Свечи вынесли, комната опять *была освещена* одною лампадою.

Так что фраза (24') может иметь смысл (24#) и быть вполне уместной в своем контексте:

(24#) ‘опять началось состояние: комната освещена только лампадой’.

В самом деле, состояние ‘комната освещена только лампадой’ могло «опять начаться», т. е. возобновиться, не только потому, что только лампада зажглась, но и потому, что все остальные источники света потухли — что и имело место. Так что *осветиться* не обязательно передает изменение состояния из более темного в более светлое.

В чем же разница между *осветилась* в (24) и *была освещена* в (24')? Почему вторая форма передает нужный смысл, а первая нет? На схеме ниже редкой штриховкой обозначено состояние освещенности лампадой; частой штриховкой — свечами; I и III — это интервалы, на которых комната освещена только лампадой:

По поводу формы *осветилась* можно было бы предположить, что во времена Пушкина она понималась как пассив сов. вида от *осветить*. Согласно Булаховский 1954, возвратная форма СВ еще в середине XIX века свободно употреблялась в значении пассива. В самом деле, именно так интерпретируется в Добровольский 2001 пример (25):

(25) Служба *совершилась* с печальным приличием (П.) = ‘была совершена’.

Однако здесь это объяснение не проходит: форма *была освещена* в (24') не пассив. Подлинная пассивная конструкция должна быть а) агентивной; б) событийной, т. е. включать начинательный компонент. Глагол *осветить* хоть и с трудом, но допускает такое употребление:

- (26) а. Фреска *была освещена* мною с помощью карманного фонаря;
 б. Фреска *была освещена* мною в 12 часов.

Ясно, однако, что грамматическая форма *была освещена* в (24') имеет иной смысл, чем в (26): она обозначает состояние и лишена событийного значения — т. е. значения начинательности.

Итак, объяснить пример (24) через известные нам изменения в интерпретации грамматических форм не удастся. Можно поставить вопрос так: каково то гипотетическое изменение, которое давало бы возможность осмыслить предложение (24) в значении (24#) 'опять началось состояние: комната освещена одной лампадой'? Но и на него нет ответа. Фраза Пушкина должна пониматься как имеющая семантическую структуру

НАЧАЛОСЬ (ТОЛЬКО...):

значение 'только' входит в сферу действия начинательности. Между тем в современном языке начинательность, выражаемая формой СВ, не может включать в свою сферу действия ТОЛЬКО:

- (27) Комнату *осветила* только лампада =
 'комнату осветила лампада' & 'ожидалось, что осветит что-то еще'.

Фраза (27) имеет структуру вида ТОЛЬКО (НАЧАЛОСЬ...). Как мы видим, включать в свою сферу действия ТОЛЬКО может начинательность, выраженная наречием при глаголе несов. вида, как в (28а), но не формой СВ, как в (28б):

- (28) а. Теперь комнату *освещала* только лампада = 'комнату освещала лампада' & 'что-то другое перестало ее освещать' = НАЧАЛОСЬ (ТОЛЬКО ...);
 б. Теперь *осветился* только потолок = 'не осветилось ничего, кроме потолка', т. е. ТОЛЬКО (НАЧАЛОСЬ ...), а не 'только потолок остался освещенным'.

Нужная Пушкину семантическая структура, когда ТОЛЬКО входит в сферу действия начинательности, может возникнуть лишь при условии, что начинательность выражена с помощью наречия типа *теперь*, *опять* при глаголе НСВ, а не формой сов. вида.

Форма *осветилась* сама по себе могла бы быть понята как декаузатив, и это тоже дало бы удовлетворительную интерпретацию для (24) — ср. пример (21), где стальной компонент вычитывается из декаузатива *открылось*. Однако в контексте (24) декаузативное понимание исключено: декаузатив не допускает участника Инструмент (*лампадою*), поскольку он предполагает Агенса, см. Падучева 2001а. Впрочем, декаузатив — событийная форма, и нарушения правила о сфере действия она не объясняет. Короче говоря, фраза (24) противоречит правилу о том, что в сферу действия начинательности, выражаемой глаголом СВ, не может входить ТОЛЬКО, и остается загадочной. Предположить, что со времен Пушкина произошло изменение, касающееся сферы действия начинательности, выражаемой глаголом СВ, довольно трудно.

Что же касается наречия *опять*, то при отсутствии "отягчающих обстоятельств" оно охотно взаимодействует с входящим в семантику глагола СВ стальной компонентом: *опять* может обозначать повторное наступление не

только события, но и его перфектного состояния. Так что к статальному компоненту в семантике СВ следует относиться с уважением.

* * *

Итак, начинательность в своем простейшем виде — это формула ‘раньше не Р, сейчас Р’. С помощью этой формулы строится компонент «состояние, ориентированное на начало», который входит в лексическое значение всех, за небольшим исключением, глаголов СВ: в семантике русского глагола СВ, который по всеобщему признанию выражает событие, на самом деле присутствует весьма активный статальный компонент. Интересно, что симметричная идея — «состояние, ориентированное на конец», лексикализуется в языке очень редко. Эта идея выражается аналитически — как *еще* + НСВ или как *еще* + *не* + СВ. Дело в том, что состояние, ориентированное на начало, — это результат метонимического сдвига (смещения фокуса внимания) в семантической структуре обычного событийного глагола. А для состояния, ориентированного на конец, такой реальной основы нет: состояние вообще плохо сочетается с идеей конца.

Метонимическая основа многозначности ‘событие / новое состояние’ принципиальна с типологической точки зрения: эта многозначность в природе вещей, и потому она свойственна многим языкам.

Экскурс 2. ДАВНО и ДОЛГО: К ВОПРОСУ О СТАТАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ В СЕМАНТИКЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА*

Я давно питаю к ней нежные чувства.

Из частного письма

Словари различают у слова *давно* два значения — *давно 1* = ‘задолго до настоящего момента’ и *давно 2* = ‘в течение долгого времени, долго’ (в Смирницкий 1948/1992 для *давно* дается два перевода — ‘long ago’ и ‘for a long time’). Можно сказать, что *давно 1* — это обстоятельство времени, а *давно 2* — обстоятельство длительности. Так, во фразе (1) реализуется значение *давно 1*, а во фразе (2) — *давно 2*, похожее на *долго*:

- (1) Он умер *давно*, больше столетия тому назад.
- (2) Мы живем здесь *давно*, третий год.

Остается, однако, несколько недоумений. Во-первых, *давно 2* все-таки не то же, что *долго*; так, в контексте нашего эпитафия *давно* нельзя заменить на *долго*:

- (3) *Я *долго* питаю к ней нежные чувства.

См. также пример (4); в (4б), с наст. временем глагола, *долго* невозможно; а в (4в), при прош., *долго* не синонимично *давно*:

- (4) а. Квартира *давно* пользуется/пользовалась странной репутацией;
б. *Квартира *долго* пользуется странной репутацией;
в. Квартира *долго* пользовалась странной репутацией.

Значит, *долго* и *давно 2* в чем-то различны.

Во-вторых, обращает на себя внимание уникальное сочетание в одном слове *давно* значений обстоятельства времени и длительности. В современном русском языке эти два временных показателя обычно различаются по форме. Так, например, *в воскресенье* — обстоятельство времени, а *все воскресенье* — обстоятельство длительности. Желательно, таким образом, представить значение *давно* так, чтобы это совмещение двух значений в одном слове получило объяснение. Ниже рассматриваются обе эти проблемы — различие между *давно 2* и *долго* и связь между двумя значениями самого *давно*.

§ 1. Дейктичность *давно*

Разница между *давно 2* и *долго* состоит в том, что *долго* — это временной показатель с обычным — *з а м к н у т ы м* — референциальным интервалом, а *давно 2* — *с о т к р ы т ы м* (важность этого противопоставления обоснована в Падучева 1996: 175). Остановимся на понятии открытого референциального интервала более подробно.

* Впервые опубликовано в сб. Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997.

Для начала исключим из рассмотрения контекст глагола в будущем времени. В контексте наст. и прош. “обычные” обстоятельства длительности имеют замкнутый интервал, т. е. обозначают длительность уже закончившейся ситуации: *Он гулял два часа* означает, при речевом режиме интерпретации, что сейчас он уже не гуляет — обстоятельство длительности *два часа* предполагает прош. время. Если такое обстоятельство употребляется с глаголом несов. вида наст. времени (*Он гуляет два часа*), то видо-временная форма не может быть понята в актуальном значении: либо видовое значение глагола узуальное, либо время не наст. речевое, а наст. историческое. Именно к таким обстоятельствам принадлежит *долго*. Его неуместность в контексте предложения (3) объясняется тем, что оно предполагает закончившуюся ситуацию, которая должна была бы выражаться глаголом в прош. времени; а в (3) время настоящее. Напротив, во фразе

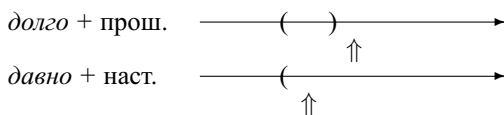
(5) Она *долго* смотрела ему вслед,

с глаголом в прош. времени, *долго* уместно: прош. время интерпретируется, в речевом режиме, как выражающее предшествование моменту речи. Форма наст. времени в этом контексте (*долго смотрит*) не могла бы быть понята в актуальном значении: *долго* диагностирует это наст. время как наст. историческое.

Временные показатели с открытым, т. е. неистекшим, интервалом пока не привлекали к себе внимания, хотя их довольно много — как среди показателей времени (*сейчас, на этой неделе*), так и среди показателей длительности: *с тех пор, со вчерашнего дня, шестой год, последние дни* (не *первые!*), *до сих пор, все это время, вот уже два дня* и под.

Различие между открытыми и замкнутыми интервалами можно представить как различие в положении точки отсчета по Рейхенбаху, или во временной позиции наблюдателя. Обычному временному показателю соответствует внешний наблюдатель, при прош. времени — ретроспективный, для которого ситуация уже закончилась (при буд. времени — проспективный). А временной показатель с незамкнутым интервалом предполагает наблюдателя в синхронной временной позиции. Иными словами, семантика показателя длительности с открытым интервалом предполагает свидетеля ситуации, который констатирует, что ситуация, уже продлившись определенное время, еще продолжает иметь место. Ясно, что *давно 2* фиксирует именно эту синхронную позицию наблюдателя, т. е. предполагает незакончившееся состояние или процесс. Отсюда связь *давно 2* с наст. временем. Она и отличает *давно* от *долго*, которое тяготеет к прош. времени, ср. пример (3) и эпиграф. Разумеется, *давно 2* уместно также и в прош. нарративном (*Эти смутные предположения да в н о уже терзали его*): позиция наблюдателя при этом тоже синхронная.

Различие между *давно 2* и *долго* можно продемонстрировать на следующих схемах (стрелка \uparrow обозначает временную позицию наблюдателя):

Ретроспекция, входящая в семантику слова *долго*, дает о себе знать разными способами. Например, из

(6) Ехали мы *долго*

семантически следует, в речевом режиме, ‘сейчас не едем’. Иначе говоря, у *долго* имеется импликация: *долго* (S) \supset ‘S прекратилось’. А *давно* устроено иначе:

(6′) Ехали мы уже *давно*.

Прош. время глагола может быть понято только как прош. нарративное и влечет ‘мы и сейчас — в текущий момент текстового времени — едем’.

Возможны употребления, где импликация конца ситуации, связанная с *долго*, подавляется, т. е. ретроспективная позиция наблюдателя заменяется на синхронную. Но эта замена требует “мощного” контекста; так, в (8) таким синхронизатором является *уже*:

(7) Я жду его *уже* довольно *долго*.

Менее ясно, что служит синхронизатором в (8):

(8) Что-то *долго* он гуляет.

Однако снятие прагматических обертонов в (8) делает синхронную позицию наблюдателя и понимание формы времени в значении наст. речевого невозможным.

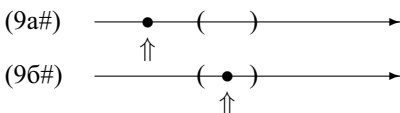
Теперь о контексте будущего времени. Различие между *давно* и *долго* сохраняется; по-прежнему у *долго* замкнутый интервал, см. (9), а у *давно* — открытый, см. (10):

(9) а. — Я поеду к матери. — Ты *долго* у нее пробудешь?

б. И *долго* буду тем любезен я народу {...} (П.).

(10) К этому времени он *давно* уже будет где-нибудь за границей.

В (9а) позиция наблюдателя проспективная, в (9б) — синхронная: ситуация уже начала иметь место. Это различие представлено на схемах (точка • обозначает момент речи):

Между тем у *давно* позиция наблюдателя в норме совпадает с моментом речи; т. е. *давно* в своих основных употреблениях дейктично. Употребление *давно* с буд. временем возможно только в контексте обстоятельства, которое сдвигает наблюдателя с момента речи и переносит в будущее, см. *к этому времени* в (10); тем самым обеспечивается позиция наблюдателя, синхронная ситуации в будущем, см. схему (10#):

Итак, мы заключаем. В контексте *долго* наблюдатель в норме не синхронный; он либо ретроспективный, либо проспективный, так что без специального контекста *долго* с наст. временем в речевом режиме не сочетается, см. пример (3). Совместить *долго* с синхронным наблюдателем может *уже*, пример (7), а также будущее время и подразумеваемое *еще*, пример (9б), где *долго* = ‘еще долго’.

А лексема *давно 2* фиксирует позицию наблюдателя как синхронную; в ее толкование входит момент речи. Отсюда второе различие: *давно 2* в своих основных употреблениях дейктично, а у *долго* позиция наблюдателя к моменту речи никак специально не прикреплена.

§ 2. Два значения или одно?

Обратимся теперь к соотношению значений *давно 1* и *давно 2*. Действительно ли это разные значения? Толкования для *давно 1* и *давно 2* во многом сходны: различие определяется, по существу, таксономической категорией глагола, который составляет сферу действия *давно*: *давно 1* возникает в событином контексте (*Дождь давно кончился*), а *давно 2* — в стативном (*Он давно спит*). Лексема *давно 2* фиксирует позицию наблюдателя как синхронную ситуации или ее перфектному состоянию. Толкования:

давно 1 (S) =

- а) в момент *t* произошло событие E, результатом которого является состояние S;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к моменту речи (MP)¹⁰;
- в) состояние S длится в MP;

давно 2 (S) =

- а) в момент *t* наступило состояние S;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к MP;
- в) состояние S длится в MP.

Толкование для *давно 2* можно было бы свести к толкованию для *давно 1*, считая, что наступление состояния S (предполагаемое толкованием *давно 2*) — это и есть событие E, о котором идет речь в толковании *давно 1*. Однако для начала мы разделим два употребления *давно*, чтобы получить более наглядную картину.

Имеется три контекста, в которых *давно* имеет значение *давно 1*.

I. Событийное *давно 1* наиболее полно реализуется в контексте глагола сов. вида:

- (1) *Д а в н о настала зима. Стояли трескучие морозы (ДЖ);*
Грозовые тучи д а в н о разошлись (ДЖ);
 Он ведь не раз бывал в подобных положениях, продумал все возможности и
д а в н о признал эти планы спасения непригодными (ДЖ);
 О, Тоня, бедная девочка моя! Жива ли ты? Где ты? Господи, да ведь она должна
 была *родить д а в н о!* (ДЖ);
 Приближается час, которого я не люблю, потому что *д а в н о уже потерял*
 сон (Б.);
 он уже *д а в н о заметил*, что есть в нем еще кто-то — глупей его (Б.);
д а в н о прошло то время, когда он с наивной гордостью верил, что и впрямь
 до самого Афона дошли слухи о нем (Б.);
 узнали, что *д а в н о сошла* с ума — от несчастной любви — и тетя Тоня (Б.);
 сам *окоченел уж д а в н о* (Б.);
 картуз-то уж *д а в н о свалился* (Б.);

¹⁰ Отсылка к моменту речи ориентирует толкование на речевой режим интерпретации. В нарративном режиме это будет текущий момент текстового времени, момент наблюдения, т. е. наст. время наблюдателя; в общем виде можно говорить о точке отсчета.

я тебя да в н о полюбил (Б.);
 уже да в н о стемнело (Б.);
 Да в н о потонула в черном бархате долго переливавшаяся алмазами цепь
 огней Коломбо (Б.);
 большинство нашего населения сознательно и да в н о перестало верить сказ-
 кам о боге (ММ);
 Рассказчик указывал рукою куда-то в сторону луны, которая да в н о уже
 ушла с балкона (ММ);
 Да в н о уже начало мести с севера, и метет и метет, не перестает (Булгаков.
 Белая гвардия).

В контексте причастий и других отглагольных образований с перфектным значением, типа *подано, готово*, событие Е, служащее началом состояния S, легко усматривается — оно выражается тем глаголом, от которого образовано данное причастие (*подать, приготовить*):

- (2) Лыжи, мешок с сухарями и все нужное для побега *было* давно *запасено* у него (ДЖ); то место, где стояла луневская усадьба, *было* уже давно *распахано* и *засеяно* (Б.); все давно *скошено* (Б.).

Компонент в) в толковании *давно* 1 обосновывается примерами типа

- (3) *Он *давно* пришел, а потом ушел.

Аномалия в (3) возникает из-за того, что конец фразы — *а потом ушел* — противоречит перфектному компоненту в) в определении *давно* 1: ‘состояние длится в момент речи’. Надо сказать — *приходил какое-то время назад, а потом ушел*, поскольку *давно* 1 только усиливает перфектный компонент, входящий в семантику СВ (см. гл. IV.3 и IV.4).

В контексте глаголов, которые не фиксируют перфектного состояния, *давно* не употребляется: *Я *проспал да в н о* \.

II. Можно употребить *давно* 1 в контексте глагола НСВ в общефактическом значении, и тогда компонент в) ‘состояние S длится в МР’, не будучи поддержан семантикой глагола, пропадает:

- (4) Я *виделся* с ней да в н о; Мы *обедали* да в н о.

При этом позиция *давно* в коммуникативной структуре обязательно рематическая:

- *Мы да в н о *обедали* \; *Я да в н о с ней *виделся* \.

Чтобы сохранить порядок слов, нужен сов. вид: *давно* *увиделся*, *давно* *пообедали*.

Еще примеры событийного *давно* в контексте НСВ общефактического:

- (4') *Покупал* их [стенные часы] отец да в н о, когда женщины носили смешные пузырьчатые у плеч рукава (Булгаков. Белая гвардия).
 (4'') — Как у вас нынче сады? — *Цвели* да в н о, ваше преподобие, но ветер, господь с ним, всю завязь обил (Б.).

К коммуникативным аспектам семантики *давно* мы вернемся в разделе 3.

III. Отдельно следует выделить контекст глаголов *видеть, слышать*, при которых, несмотря на несов. вид глагола, толкование *давно* 1 реализуется полностью:

- (5) а. ⟨...⟩ объявила, что она да в н о уже *слышала* очень многое об его дочерях и *давно* уже привыкла глубоко и искренно уважать их (Д.);

- б. О посягательствах некоей Madame Alice, проживающей с детьми под фамилией Живаго в Париже, я *слышал* да в н о (ДЖ).

Эти глаголы — остаток древнего неразличения видов. В современном языке формы *видеть*, *слышать* трактуются как НСВ общефактическое; однако они имеют перфектное значение: *слышал* значит ‘услышал и знаю’; *видел* ≈ ‘увидел’ (хотя сказать *увидел* здесь нельзя), и значение *давно* в (5) такое же, как в (1), (2), а не как в (4). Например, *давно* не обязано занимать в контексте *видеть*, *слышать* рематическую позицию, см. (5а). Но время должно быть прошедшее; так, в (6), в контексте наст. времени, значение *давно* не событийное (*давно* 1), а статальное (*давно* 2):

- (6) ⟨...⟩ да в н о *слышу* я, Горизонтов, о причудах твоих (Б.).

Теперь обратимся к *давно* 2, у которого сферой действия служит состояние (или процесс, деятельность). Компонент а), «наступление состояния», занимает фоновую позицию. Например:

- (7) *Я жду его давно* =
 а) в момент *t* наступило состояние S ‘Я жду его’;
 б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
 в) состояние S длится в точке отсчета.

Для *давно* 2 самое характерное употребление — в контексте глагола несов. вида наст. времени:

- (8) О каком хлебе речь, когда его да в н о *нет* в природе? (ДЖ);
 один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже да в н о *плавает* то на одном, то на другом корабле (Б.);
 Гаврила Ардалионович Иволгин, которого она знает и у себя принимает, да в н о уже *любит* ее всею силой страсти (Д.);
 он знал, что его уже да в н о *зовут* Тугоногим... нет человека без прозвища! (Б.).

Форма прош. времени несов. вида в контексте *давно* 2 интерпретируется, как правило, в нарративном режиме:

- (9) Половина да в н о уже *хранела* по углам вповалку (ДЖ);
 Семья партизан да в н о *следовали* на телегах за общим войском (ДЖ);
 Надо сказать, что квартира эта — № 50 — да в н о уже *пользовалась* если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией (ММ);
 он спрашивал меня о том, кто я таков и откуда я взялся, да в н о ли *пищу* (ММ);
 бараний тулуп его *служил* так да в н о, что весь пошел лысынами (Б.);
 осинового бревна, да в н о *лежавшие* на дворе за окном, ослепительно белели при вспышках (ДЖ);
 Часы идут медленно. Надя ⟨...⟩ да в н о уже *гуляла* в саду, а все еще тянется утро (Чехов. Невеста).

В примере (10) между двумя фразами происходит сдвиг текстового времени, так что позиция наблюдателя синхронная:

- (10) Настасья Петровна да в н о *собиралась* погостить к знакомым в город. И наконец собралась и уехала (Б.).

Есть, однако, два специальных контекста, где *давно* 2 допустимо в контексте глагола НСВ в прош. времени речевого режима.

Один такой контекст составляют глаголы внутреннего состояния — *хотеть*, *желать*, *ждать*, *подозревать*; они допускают сочетание с *давно* в прош. речевом. Прош. время здесь денотативно тождественно настоящему. Так, в (11а) вместо прош. можно было бы употребить наст. время, поскольку состояние имеет место и “сейчас”; а в ситуации, стоящей за примером (11б), напротив, можно было бы вместо наст. употребить прош. время:

- (11) а. Она призналась, что сама *да в н о* *желала* спросить дружеского совета (Д.); Расскажите, как вас расстригали. Я *да в н о* *хотел* спросить (Б.);
 б. Я *да в н о* уже *чувствую*, что случилось что-то роковое и непоправимое в его жизни.

Нельзя сказать, что в контексте этих глаголов формы наст. и прош. времени синонимичны; тем не менее, форма прош. здесь не значит, что ситуация прекратилась (*давно чувствовал* не значит, что сейчас не чувствую), а форма наст. не всегда означает, что она длится: фраза *Я давно тебя жду* [≈ ‘ждал’] может быть сказана тогда, когда человек уже пришел и ожидания прекратилось.

Второй контекст, в котором *давно 2* сочетается с глаголом НСВ прош. времени речевого режима, — это отрицание. Здесь компонент *в*) толкования *давно 2* заменяется на *в')*:

Он давно нам не писал =

- а) в момент *t* наступило состояние S ‘не пишет’;
 б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
 в') состояние S длилось непосредственно до точки отсчета; не утверждается, что в точке отсчета оно прекратилось.

Поэтому *Он давно нам не писал* значит приблизительно то же, что *долго не писал*, только при *долго* интервал, занимаемый состоянием, никак не соотносится с моментом речи, а при *давно* он примыкает к нему:

- а. Он *долго не писал*, и вдруг я получаю сразу два письма;
 б. Он *да в н о* нам *не писал*.

Опять-таки, формы наст. и прош. времени не синонимичны. Наст. время выражает продолжающееся состояние ненаступления или неповторения некоторого долженствующего наступить / повториться события; а прош. означает, что “сейчас” состояние может измениться (ср. *я давно не бреюсь* и *я давно не брился*) или уже изменилось. При прош. ситуация ‘ни разу не...’ рассматривается как казус; а при наст. ‘узально не...’ имеет место в порядке вещей. Ср. (12), с прош. временем, и (13) — с настоящим:

- (12) К группе читавших подошел исхудалый, *давно не мывшийся* и оттого казавшийся смуглым человек одичалого вида с котомкой за плечами и палкой (ДЖ); *давно уже не озарялось* оно такою добротою, такою старчески-детскою радостью (Б.).
 (13) лежал в своем темном доме уже *давно не встающий* с постели, седовласый, распухший, с заплывшими мрачными глазами о. Кир (Б.); и в зеркале, помещавшемся в передней, *давно не вытираемом* ленивой Груней (ММ); она жаловалась, что вы *давно уже не даете* ей отпуска (ММ).

То же различие демонстрирует пример (14). Фраза (14а) предполагает, что “сейчас” люди либо прошли, либо пройдут, и состояние кончится, а в (14б) состояние продолжается:

- (14) а. Видно было, что по ней [тропинке] давно уже *не ходили* люди;
 б. Видно, что по ней [тропинке] давно уже *не ходят* люди.

Состояние несовершения действия при *давно* и *долго* разное: *долго* предполагает однократное несовершенство, а *давно* — несовершенство действия, которому естественно было бы повторяться многократно; поэтому *долго не отвечал* нормально, а *давно не отвечал* — странно. Это объясняет изысканную квази-синонимию:

давно не звонил \approx звонил *давно*.

Между тем *долго не звонил* не предполагает, что перед этим звонил:

Я попросил его позвонить. Он *долго не звонил*.

Отметим, что при наличии отрицания глагол СВ с *давно* не сочетается вовсе (ср. Акимова 1989) — *давно* требует, чтобы в семантике глагола был статальный компонент; так, примеры в (15) звучат странно:

- (15) а. Какое забвение своих собственных предначертаний и мероприятий, *давно не оставивших* в жизни камня на камне! (ДЖ);
 б. Это дает ощущение, *давно не испытанное*, ощущение чистоты и юношеской свежести (Б.).

Причем пример (15а) гораздо лучше, чем (15б); а пример (16) свидетельствует об особых свойствах глагола *остаться* (см. гл. IV.4):

- (16) В душе его уже давным-давно *не осталось* ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств (Б.).

Дело в том, что *давно* плохо сочетается со всеми глаголами СВ, в семантику которых не входит переход в новое состояние (см. о них в Падучева 1996: 153):

*Мы *давно* посидели на лавочке; *Плащ *давно* защитил меня от дождя.

Это сочетаемостное свойство прямо вытекает из толкований *давно* 1 и *давно* 2.

Итак, наши толкования обслуживают обе таксономические категории глаголов, которые могут составлять сферу действия *давно*: состояние и событие. В контексте состояний выступает *давно* 2, стативное; в контексте событий — *давно* 1, событийное. Ретроспективно наблюдаемое состояние — например, *цветли* в примере (4'') — трактуется как событие, а несовершенство действия на некотором интервале — как состояние.

Значения *давно* 1 и *давно* 2 связаны между собой таким образом, что есть контексты, которые позволяют реализовать все семантические компоненты обеих лексем одновременно. Рассмотрим типичный глагол перехода в новое состояние — *приехать*. В контексте такого глагола *давно* интерпретируется одновременно и как обстоятельство времени (событие произошло давно), и как обстоятельство длительности (состояние, возникшее как следствие события, длится долго)¹¹:

- (17) Он приехал *давно*.

Казалось бы, должна быть неоднозначность: при одном понимании *давно* = *давно* 1, при другом — *давно* 2. Между тем в (17) никакой неоднозначности нет: реализуются оба значения *давно* одновременно. Еще пример.

¹¹ Так что синхронную точку отсчета (не истекший временной интервал) можно считать инвариантом для всех употреблений *давно*.

(18) Юра давно *обещал* им статью о Блоке (ДЖ).

Здесь тоже значения *давно* 1 и *давно* 2 сливаются воедино: давно произошло событие ‘пообещал’, и долго длится состояние ‘обещает’. Это прош. нарративное, которое подобно настоящему: *давно обещает* = ‘пообещал, и обещание актуально в текущий момент’, поскольку глагол *обещать* может иметь значение перфектного состояния (см. Кустова, Падучева 1994б).

В контексте глагола СВ, который не имеет событийного значения, а только перфектное, у *давно* не может быть событийного значения — только статальное (*давно* 2):

(19) Слова, которые произносил Гинц, давно *навязли* у них в ушах (ДЖ).

Одно замечание о дейктичности *давно*. Словарные толкования *давно* обычно апеллируют к наст. времени (так, в МАС *давно* определяется как ‘задолго до наст. времени’). Как уже говорилось, момент, который должен фигурировать в толковании *давно*, — это, в общем случае, не момент речи, а момент наблюдения, точка отсчета; совпадение точки отсчета с моментом речи — лишь одна из возможностей. Так, *давно* может интерпретироваться в нарративном режиме, и точкой отсчета будет текущий момент текстового времени. Да и в речевом режиме точка отсчета может задаваться не моментом речи, а референциальным моментом обстоятельства времени, как в (20); или моментом, который фиксируется подчиняющим предикатом пропозициональной установки, см. *не знал* в (21):

(20) *К этому моменту он да в н о уже будет* вне досягаемости.

(21) Юра *не знал*, что отец *да в н о бросил* их, ездит по разным городам Сибири и за границы, кутит и распутничает, и что он *да в н о просадил* и развеял по ветру их миллионное состояние (ДЖ).

Виктору Шкловскому приписывается (свидетельство Вяч. Вс. Иванова) фраза: *В мои годы Толстой давно уже умер*. Здесь за точку отсчета следует принять тот — никогда не существовавший — момент в жизни Толстого, когда ему было столько лет, сколько Шкловскому “сейчас”, — т. е. когда он делал это высказывание.

§ 3. Коммуникативная структура

Последняя проблема, связанная со словом *давно*, — его роль в коммуникативной структуре предложения.

Различается три коммуникативных позиции, которые в принципе может занимать наречие времени, — *ре м а т и ч е с к а я*, пример (1а), обычная тема (которая может быть контрастной), как в (1б), и *п о д а в л е н н а я* тема, как в (1в) (она же — атрибут ремы, см. гл. I.5).

- (1) а. Он приходил *вчера* \;
 б. *Вчера* приходил Иван \; *Вчера* / он приходил \;
 в. Он *вчера* приходил \.

Наиболее характерна для статального *давно* 2 позиция подавленной темы, т. е. положение между подлежащим и сказуемым, как в примерах (8) и (9) из § 2. Рематическая позиция тоже допустима:

- (2) Косматый, рваный дым костров, скрип шагов и визг полозьев способствовали впечатлению, будто они *едут* уже Бог знает как давно и заехали в какую-то ужасающую даль (ДЖ);
Они *разговаривали* уже да в н о, несколько битых часов, как разговаривают одни только русские люди в России (ДЖ).

В то же время, *давно 2* (как и *давно 1*, но в отличие от большинства других обстоятельств времени), неспособно занимать в предложении позицию обычной темы. Так, *давно* в позиции подавленной темы возможно, а в позиции обычной темы — нет:

- (3) а. Они да в н о *живут* в Стрелецке;
б. *Да в н о они *жили* в Стрелецке.

Примеры (4) и (5) (последний — из Падучева 1989а: 22) демонстрируют отличие *давно* от *давным-давно*¹² и от *недавно*:

- (4) *Давным-давно* они жили в Стрелецке;
(5) *Недавно* (**давно*) к нам приехал знакомый из Болгарии.

Тематическое *недавно* сочетается с НСВ прош., т. е. допускает синхронный взгляд на ситуацию, обозначенную глаголом в прош. времени и не имеющую места в настоящем:

- (6) Еще *недавно* / мы гуляли с ним по этим лесам \ ;
иду *недавно* ~ по ярмарке \ (Б.);
недавно / под сельцом Басовым катилось в сумерки тележное колесо (Б.).

Эти факты заслуживают дальнейшего анализа. Конечно, желательно было бы, чтобы толкование полностью предсказывало роль слова в коммуникативной структуре предложения. Между тем, некоторые коммуникативные свойства *давно* остаются загадкой (ср. о *давно* в Янко 1998, 2001: 255—265).

* * *

Итак, наречие *давно* позволяет продемонстрировать следующее примечательное семантическое явление. В семантике *давно* есть два компонента, и оно имеет два значения, *давно 1* и *давно 2*, которые различаются фокусом внимания: значение *давно 1*, событийное, делает акцент на событийном компоненте и выражает отдаленность события; *давно 2*, статальное, выражает длительность состояния. Если, однако, глагол допускает двоякую фокусировку (что для глагола сов. вида, вообще говоря, допустимо), адвербиал “накладывается” на контекст двумя своими компонентами одновременно; у *давно* возникает эффект двойного фокуса. Надо думать, такой эффект двойного фокуса, т. е. одновременной реализации двух компонентов, в норме порождающих разные значения, возможен при условии, если, как в данном случае, между компонентами имеется метонимическая связь.

¹² О коммуникативном своеобразии *давным-давно* см. Апресян 1988.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга подошла к концу. Так что же, все-таки, нового обнаружили в семантике лексики динамические модели?

Две идеи имели для нас первостепенное значение: системное устройство лексики и многозначность, принципиальная изменчивость, внутренне присущая словам — как, впрочем, и всем другим языковым единицам.

Семантика словаря неисчерпаема. Даже в отношении одного отдельного слова не всегда можно быть уверенным, что, описав его, мы исчерпали его смысл. А что уж говорить обо всем словарном составе языка! Нашей целью в этой работе была не столько полнота описания отдельного слова, сколько структура лексикона в целом: задача была — понять, в каком смысле лексику можно мыслить как систему.

В рамках этого подхода удалось выявить целый ряд важных параметров лексического значения, т. е. признаков, по которым слова объединяются в большие классы — таким образом, что слова одного и того же класса имеют нетривиальные сходства в языковом поведении. Одно слово проливает свет на другое, позволяя увидеть в нем свойства, которые раньше не привлекали внимания.

Для глагола такими параметрами являются (см. главы I.1—I.4):

— таксономическая категория (например, *видеть* — состояние, *смотреть* — деятельность, *высматривать* — *высмотреть* — действие, *выглядеть* — свойство);

— тематический класс, иначе — семантическое поле (*резать* — глагол физического действия; *просить* — глагол речи, *думать* — ментальный);

— актантная структура (набор семантических ролей) и диатеза; например, у *выбрать* есть прямая диатеза (*выбрал преемником Абдуллу*) и косвенная (*выбрал преемника*), когда результат выбора не назван; а у *предпочесть* — только прямая: *предпочел Абдуллу*; см. гл. III.5 и IV.2;

— таксономический класс участника (так, *литься* — это о жидкостях, *сыпаться* — о сыпучем).

Выявив эти параметры, мы столкнулись с парадоксальной на первый взгляд ситуацией: параметры, при том что они характеризуют слово и делят слова на классы, одновременно являются теми аспектами значения, которые наиболее очевидным образом подвержены изменению, т. е. являются для слова переменной характеристикой: именно параметры служат основными мишенями семантической деривации. Так, *интересоваться* — свойство; но *Пойди поинтересуйся* (\approx 'спроси') — действие. Действие, в свою очередь, легко переходит в состояние: *Она требовала повышения зарплаты* — действие; *Обувь требовала ремонта* — состояние; *обнадежить* — (речевое) действие, а в контексте *Это обнадеживает* тот же глагол обозначает диспозицию, т. е. способность вызывать состояние. В обоих случаях глагол под влиянием контекста меняет категорию. Другая серия примеров: *открыл дверь* — действие физическое; *открыл закон* —

действие ментальное; *страдать* — эмоция, *пострадать* в значении ‘потерпеть ущерб’ (*Замок пострадал от наводнения*) — изменение состояния; глагол меняет тематический класс. И так со всеми параметрами.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что эта двойственность основных параметров не случайна. Дело в том, что изменение значения тоже происходит системно: деривационные процессы обычно затрагивают не отдельные слова, а целые классы слов. Параметры отражают те аспекты смысла, которые роднят данное слово с множеством других, и неудивительно, что классы слов с одинаковым значением того или иного параметра подвержены одинаковым моделям деривации, воздействующим на значение этого параметра. Так, одна из мощных моделей деривации, деагентивация, переводит действие в неагентивный процесс: *Ваня/ветка стучит в окно*. Другая модель, спецификация таксономического класса участника, может перевести глагол движения в ментальный, ср. *столкнуться с грузовиком/с непонятным явлением*.

В результате получается, что параметры различают, с одной стороны, разные слова, а с другой — разные значения одного и того же слова. И этот факт не должен вызывать удивления — так же как не вызывает уже удивления сходство между лексической деривацией (словообразованием), которая дает новые слова, и семантической деривацией, которая приводит к появлению нового значения у того же слова. Закономерно и то, что одни и те же смысловые модификации оказываются в одном языке производными значениями слов, а в другом — новыми словами. Так, англ. *bake* ‘печь’ может иметь и каузативное и медиальное значение, а в русском это различие маркируется возвратной частицей, ср. *печь <пирог>* и *печься [о пироге]*.

Для описания динамики лексического значения, т. е. перехода одних значений в другие, нужно иметь так или иначе формализованное представление смысла слова. Формализация нужна, конечно, не только для описания семантической деривации, она необходима для любых моделей, призванных предсказать языковое поведение из семантики; но в данном случае семантическому метаязыку придавалось особое значение. Мы опирались, в конечном счете, на представление значения слова в базе данных “Лексикограф” — пользуясь там, где можно, упрощенными формулировками.

Во многих семантических метаязыках большое внимание уделяется семантическим примитивам, из которых складывается толкование (семантическое разложение) слова. В самом деле, системные соотношения в лексике данного языка опираются на исходные, неразложимые понятия, повторяющиеся во многих словах, — такие как ‘существовать’, ‘каузировать’ (т. е. ‘вызывать’), ‘знать’, ‘видеть’, ‘быть частью’, ‘быть в контакте’ и т. д. (Не менее важную роль играют примитивы при сопоставлении разных языков, см. Wierzbicka 1994.) Наш опыт формализации показывает, однако, что метаязык семантики должен быть достаточно богатым; в нем должны найти себе место не только семантические компоненты, но и параметры.

Другое расширение языка представлений лексического значения (которое тоже обосновано опытом системы “Лексикограф”) связано с понятием акцентного статуса семантического компонента, см. гл. I.5. Акцентный статус — это обобщение для целого ряда противопоставлений:

— рематических (ассерция, пресуппозиция, имплицатив, атрибутив);

— тематических, т. е. связанных с фокусом внимания (различаются компоненты переднего плана и фоновые; у участников различаются ранги: Центр, Периферия, За кадром);

— “этимологических” (ординарный компонент, инференция, импликатура).

Возможно — и каких-то еще; например, особый статус, скорее всего, имеют компоненты, отражающие позицию говорящего / Наблюдателя. Так, у глагола *высовываться* при стативном значении фиксировано местоположение Наблюдателя во внешнем пространстве, а в других значениях Наблюдатель не участвует (гл. III.2 § 3.3).

Акцентный статус — это не только различие между ассерцией и пресуппозицией; важный тип акцентного противопоставления порождается сдвигом фокуса внимания. В Экскурсе 1 показано, как фокус внимания различает два значения слова *вина* — ‘плохой поступок’ (*его вина была в том, что...*) и ‘состояние ответственности’ (*свалить вину*). Фокусом (акцентом) различаются два значения слова *залить*: ‘перемещение’, как в *залить бензин в бак*, и ‘изменение состояния’, как в *залить бак бензином* (гл. I.3); слова *треснуть* — ‘деструкция’, как в *банка треснула*, и ‘издавание звука’, как в *где-то треснула ветка* (гл. III.8); два значения слова *рисковать*, как в *рискнул пойти* и как в *рисковал, пряча пленного* (гл. III.5). В главе III.2 идет речь о связи между двумя значениями глагола *решишь*: значение чистого мнения получается из значения намерения в результате того, что волитивный компонент выпадает, и деятельность разума, которая в исходном значении была на заднем плане и факультативна, становится центральным семантическим компонентом — попадает в фокус внимания. Таким образом, сдвиг фокуса оказывается главным механизмом семантической деривации при переходе от воли к мнению.

В исходном значении слова семантический акцент может быть контекстно обусловленным (*смотрел, как скребут палубу* — акцент на компоненте «физическое воздействие»; *слышно, как скребет мышь* — акцент на компоненте «звук»), а в производных он фиксируется. Это явление иллюстрируется в главе II.2 примером глагола *выйти*, у которого в одной группе производных значений в фокусе внимания компонент ‘перестать’ (например: *вышел из повиновения*), а в другой — ‘начать’ (например: *вышел на прогулку*).

Как и параметры, акцентный статус семантического компонента различает, с одной стороны, значения слова (или грамматической категории), а с другой — разные слова. Так, в главе III.2 идет речь о том, что акцентный статус перцептивного компонента — это главный источник смыслового различия между глаголами *увидеть* и *заметить*.

Существенный момент — общность акцентных явлений в семантике отдельного слова и на уровне предложения. В этой связи представляет интерес понятие атрибутивного компонента (гл. I.6): в контексте отрицания возникает одинаковая неопределенность у сочетания *резко затормозил* (*неверно, что резко затормозил* = ‘то ли не затормозил, то ли затормозил, но не резко’) и у глагола *опираться*, с компонентами «контакт» и «давление в точке контакта» (*неверно, что опирается* = ‘то ли нет контакта, то ли контакт есть, но нет давления’). Идея о единстве семантических процессов в лексеме и в предложении возникла еще в 60-е годы, но и сейчас не исчерпана до конца.

Итак, динамический подход к лексическому значению позволяет выявить акцентный статус компонента как важный фактор лексического значения, а акцентный сдвиг — как один из механизмов семантической деривации. Там, где раньше видели зачеркивание компонента смысла, сейчас взору предстало смещение фокуса, перенос акцента с одного компонента на другой. Контекстные сдвиги значения гораздо чаще состоят в изменении акцентов, чем в вычеркивании компонентов из толкования.

Понятие фокуса внимания находит применение не только в лексике, но и в грамматике, в частности в семантике вида. В гл. IV.3 и IV.4 идет речь о событийном и стательном акцентах, которые оба допустимы для формы сов. вида (*Ко мне приехал брат* — в фокусе внимания состояние; перфектное значение СВ; *Брат приехал вчера* — в фокусе внимания событие; событийное значение). В то же время, у словоформы сов. вида предельного глагола есть смысловой компонент, который не допускает акцента. А именно, не может быть в фокусе внимания динамический компонент значения словоформы СВ (например, компонент ‘открывать’ в семантике глагола *открыть*).

Этот парадоксальный аспект семантики СВ подробно обсуждает А. М. Пешковский. Отвечая на вопрос “как протекают во времени те процессы, которые обозначаются основами сов. вида”, он приходит к выводу: “они совсем не протекают во времени” (Пешковский 1938: 126). Разрешить этот парадокс можно с помощью понятия фокуса внимания, четко разграничив грамматический и лексический аспекты значения видовой словоформы (ср. в этой связи так наз. двухкомпонентную теорию вида, Смит 1998). Процессный компонент не является обязательным для СВ; он порождается не значением грамматической формы, а лексическим значением глагола (например, он есть в *построил* ⟨дом⟩ и отсутствует в *сломался* ⟨топор⟩). Но даже там, где он есть, он не попадает в фокус внимания и потому не может составлять сферы действия для большинства семантических операторов, в частности — для фазового глагола, см. гл. III.1. Отсюда известный факт несочетаемости фазовых глаголов с СВ (**начал построить*).

Семантическое соотношение в предельной видовой паре определяется сдвигом фокуса внимания с результата на деятельность: в *сварить* акцент на результате, в *варить* — на деятельности. Отсюда прагматическая потребность в общефактическом акциональном употреблении глагола НСВ, как в контексте *Кто варил этот борщ?»: только употребив несов. вид, можно поставить в фокус деятельность — форма сов. вида акцентирует результат, т. е. перфектное состояние; а деятельность отходит на задний план — на периферию зоны внимания. В гл. III.4, посвященной глаголам эмоции, речь идет о том, что в перфектной паре *огорчить* — *огорчать* видовое противопоставление просто сводится к сдвигу фокуса внимания.*

Словоформы сов. и несов. вида различаются, впрочем, не только акцентом, но и во временном аспекте: НСВ фиксирует момент, когда деятельность еще не достигла результата. Отсюда корреляция между несов. видом и косвенной диатезой у глаголов с участником Результат — например, у глаголов выбора, ср. *договариваются* — *договорились, кого послать в Казань*, косвенная диатеза, и *договариваются* — *договорились послать Никиту*, прямая диатеза; при прямой диатезе несов. вид не может иметь значения актуальной деятельности,

поскольку деятельность по выбору бессмысленна, если результат известен, см. об этой корреляции главу IV.2.

Семантические эффекты, связанные с акцентированием стательного компонента словоформы сов. вида, рассмотрены в гл. IV.4. Выявлена группа глаголов СВ (*остаться, сохраниться, успеть, застать, смочь*), которые не имеют собственного, вообще говоря, сов. виду начинательного компонента, и обосновано наличие двух видов стательных компонентов в семантике СВ — с ориентацией на начало и на конец. Отсюда *уже пришел* — **еще пришел* vs. *еще остался* — **уже остался*.

Итак, первый круг рассмотренных проблем — это системная организация лексических значений. Второй круг — динамичность значения и семантическая деривация.

Мощный рывок вперед семантика последнего десятилетия осуществила благодаря тому, что в лингвистическом дискурсе семантическая структура языкового выражения была переосмыслена как концептуальная структура фрагмента действительности. Стало ясно, что языковые выражения не о б о з н а ч а ю т объекты и ситуации реального мира, а, в определенном смысле, их с о з д а ю т. Концептуальная структура может материально совпадать с семантической; но функционально отлична от нее, поскольку ассоциируется с альтернативными концептами (осмыслениями) “одной и той же” внеязыковой реальности. Множественность концептуализаций — это следствие избирательности человеческого восприятия, которая лежит в основе когнитивной деятельности в целом, — тема, широко обсуждаемая в научной и научно-популярной литературе последних лет, см., например, Князева, Турбов 2002.

Первый выигрыш на поприще концептуальных структур сорвала метонимия: стало ясно, что одному фрагменту действительности можно сопоставить много разных концептов, и различаются они прежде всего за счет фокусировки внимания. Но метонимия — это и есть сдвиг фокуса внимания (гл. II.1), ср. *Бокалы пенились и шипели* и *Шампанское* *⟨в бокалах⟩* *пенилось и шипело*. Оказалось, что большая часть известных регулярных многозначностей основана на метонимических сдвигах, ср. соотношение типа ‘процесс’ — ‘результат’, как в словах *изобретение, изображение*; ‘ситуация’ — ‘первый участник’, как в словах *защита, обвинение*, и мн. др. (Апресян 1974: 193 сл.). Раскрытие природы метонимии позволило выявить новые пласты неоднозначности и сделало предметом лингвистики совершенно новые виды семантических соотношений — между явно не синонимичными языковыми единицами.

Сблизились друг с другом явления, которые никогда не осознавались как имеющие что-либо общее. Казалось бы, какая связь между метонимией, которая всегда была уделом поэтики, и семантической деривацией, т. е., попросту, многозначностью? Общность обнаружилась в том, что семантическая деривация, как и метонимический перенос, часто (хотя и не всегда) является результатом сдвига фокуса внимания.

Даже в семантике метафоры большую роль играет сдвиг фокуса внимания: метафора *Павел — это машина* может иметь совершенно разные интерпретации; вопрос в том, какой из аспектов многогранного концепта *машина* попал в фокус.

Метонимия — благодатное поле исследования. Метафора предсказывается с трудом: какой из огромного множества сдвигов закрепится в языке — это во многом дело случая, ср. “охотничий” подтекст во фразеологизмах *след простыл* и *по горячим следам*. Между тем метонимические переносы, хотя бы на ограниченных участках лексической системы, все-таки предсказуемы: можно исчислить диатезы глагола; можно исчислить набор значений слова, которые возникают за счет переноса фокуса внимания с одного смыслового компонента на другой.

Понятие концептуализации создает плодотворную основу для сопоставления языков, в частности родственных. Как известно, в чешском языке несомненно виднее, чем в русском, употребляется “в значении совершенного”; например, НСВ не употребляется в императиве в значении побуждения, как в русск. *Проходите!*, *Садитесь!*. В том месте, где в газете “Правда” было в свое время написано “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, в “Rude pravo” фигурировало *Proletáři všech zemí, spojte se!*, букв. “...соединитесь!”. Трудно себе представить, чтобы это различие между русским и чешским языком касалось собственно семантики вида. Скорее речь идет о разнице в концептуализациях, привычных для той или иной языковой модели мира: там, где русский язык ставит в фокус внимания деятельность (которую, как известно, самое трудное — начать, ср. принцип “лиха беда начало” и статью Зализняк, Левонтина 1996 о глаголе *собираться*), чешский, следуя европейскому стандарту, упрощает дело, сосредотачиваясь на результате, ср. Петрухина 2001. Языковая модель мира определяется набором свойственных данному языку концептов, и концепты, можно думать, различаются в первую очередь акцентами, поставленными на разных сторонах явлений “объективной действительности”.

Многозначность слова, будучи представлена как результат смещения акцента, может дать новый толчок идее инварианта. Инвариант как общая часть (теоретико-множественное *п е р е с е ч е н и е*) разных значений слова обычно исчезающе мал и бессодержателен. Между тем инвариант можно попытаться представить как теоретико-множественную *с у м м у* всех значений слова, из которой в каждом употреблении ничто не утрачивается, а наоборот, может в любой момент попасть в резонанс и стать актуальным.

Итак, метафора и метонимия — это основные механизмы семантической деривации, и большая часть регулярной многозначности возникает за счет метонимических или метафорических переносов. В нашей работе описан, однако, важный семантический переход, который не может быть отнесен ни к тому ни к другому классу. Регулярная многозначность ‘быть видимым’ — ‘существовать’ (гл. III.9 § 3.3) свойственна большому числу языков, ср. русские слова *появиться*, *исчезнуть* и огромное количество мифологических сближений между невидимостью и смертью — несуществованием — в разных языках (Иванов 2000: 78). Эта многозначность имеет особую — эпистемическую — природу: видение лежит в основе наших знаний о существовании.

В гл. II.2 говорится о том, что изменение таксономической категории участника приводит к подавлению компонентов семантики глагола, несовместимых с новой категорией. Происходит *в ы в е т р и в а н и е*, обесцвечивание (англ. *bleaching*) значения, которое мы наблюдали на глаголах *знать* (*пальцы не знали игл*), *видеть* (*стены видели*), *решить* (*Этот удар решил судьбу* [‘исход’])

матча) и, в массовом масштабе, на бытийных глаголах (*не плавало* [= ‘не было’] *уток*). Ср. противоположный процесс — о б о г а щ е н и е значения за счет контекста; например, для глагола *дрожать*, с исходным значением ‘трястись’, МАС приводит производные значения: ‘бояться’, как в *дрожать перед*; ‘испытывать тревогу’, как в *дрожать за*; ‘скупо расходовать’, как в *дрожать над* *〈копейкой〉*.

В гл. II.1 мы исходили из того, что регулярная многозначность — это повторяющаяся многозначность. Возможны, по-видимому, и другие определения. В работе Арутюнова 2002 обращено внимание на производные значения слова *всё*, которые возникают в контекстах *вот и всё* (= ‘вот и конец’) и *всего пять* (= ‘пять, и это мало’). Едва ли можно привести другое слово с аналогичным набором значений. И тем не менее, оба эти значения слова *всё* воспринимаются как естественные — очевидно, потому, что они являются естественными порождениями контекста. Значение ‘конец’ возникает на метаязыковой основе — в контексте перечисления фактов одного за другим — и означает ≈ ‘теперь кончается все, что я хотел сказать’. Значение ‘и это мало’ у *всего* связано с фразовой просодией:

- (а) *Всего* он привел пять примеров [= ‘в общей сложности’];
- (б) Он привел *всего* пять примеров [= ‘это мало’],

ср. фразу из “Шинели”, обсуждаемую в гл. I.6: *Петрович провозился с шинелью всего две недели* — которую надо, видимо, понимать по типу (а), а не (б). Так что и не регулярный переход может быть закономерным, будучи следствием контекста.

У глагола *запретить* в др.-русс. языке, наряду с современным значением ‘повелеть не делать’, как в (в), было значение ‘повелеть’, как в (г):

- (в) *такъ запрѣти ѹмоу паки творити* (пример из СДРЯ, т. III: 339);
- (г) *и запрѣти имъ да ничьсоже не въземають на пѣть* (Мариинск. ев., Мк 6 8);

отрицание должно быть “вычтено” из значения глагола в контексте отрицания в подчиненном предложении. Такого рода влияние контекста тоже закономерно.

Вернемся теперь назад к параметрам лексического значения.

Т а к с о н о м и ч е с к а я к а т е г о р и я. Самое существенное здесь — это попытка дать определение категориям через формат толкования, гл. I.1 (приблизительным аналогом понятия формата является *event structure template* в Levin, Rapoport Novav 1998). Категория проявляет себя в сочетаемости глагола; в актантной структуре. Одно из самых очевидных проявлений — аспектуальное; см. о категориях глаголов восприятия и их аспектуальных свойствах в гл. III.2 § 5.1.

В формате толкования многих слов фигурируют компоненты, отражающие способ действия. Например, глаголы движения, в семантике которых фиксирован способ перемещения, типа *ползти*, *плыть*, многими признаками поверхностного поведения отличаются от глаголов типа *переместиться*, *сдвинуться*, которые лексикализуют только результат, конечное состояние. Глаголы способа, типа *sweep* ‘мести’, *rub* ‘тереть’, и глаголы результата, типа *break* ‘разбить’, *open* ‘открыть’ противопоставлены в Levin, Rapoport Novav 1998. Глаголы результата сближаются с глаголами изменения состояния; в Падучева 2001а

показано, что производные декаузативы образуются от глаголов, которые не специфицируют способа, ср. *разбилась чашка* и *?порезался хлеб*.

Компонент, характеризующий способ, несет большую смысловоразличительную нагрузку, причем не только у акциональных глаголов. Ср., например, глаголы *знать* и *понимать*; конечным результатом понимания является то же самое состояние знания. И отличает понимание от знания в наибольшей степени то, каким способом состояние знания было достигнуто: понимание может возникнуть у субъекта только в результате собственных мыслительных усилий, направленных на извлечение чего-то изначально скрытого. Поэтому невозможны сочетания *понимаю фамилию (номер телефона, исполнителя роли Гамлета)* — хотя *фамилию, номер телефона, исполнителя* можно *з н а т ь*, ср. Булыгина, Шмелев 1997: 164.

Т е м а т и ч е с к и й к л а с с тоже оказался мощным орудием выявления системности в глагольной лексике. Роль тематического класса в форматировании толкования прослежена на глаголах звука, см. гл. III.8.

Проникновение в природу тематического класса стало возможным благодаря понятию *с т р о е в о г о* компонента: такие смысловые компоненты, как каузация, отрицание, начинательность, у большинства слов являются строевыми, и различие в этом компоненте не мешает двум словам принадлежать к одному тематическому классу; так, *видеть* и *показать* — глаголы восприятия; *говорить* и *молчать* — глаголы речи; *прыгать* и *запрыгать* — глаголы движения.

Переход от семантических структур к концептуальным и подход к метонимии как к сдвигу фокуса внимания вдохнули новую жизнь в понятие *д и а т е з ы* (гл. I.3): диатеза получила надежную семантико-коммуникативную интерпретацию, с опорой на понятие ранга участника. Так, выявление позиции для фонового Каузатора в актантной структуре декаузатива (*Казна истоцилась от постоянных войн*) позволило отказаться от трактовки декаузативов как спонтанных событий. В самом деле, уход переднепланового Каузатора на периферию и превращение в фоновый при декаузативации вполне аналогичен уходу Агенса в позицию агентивного дополнения при трансформации пассива. Собственно, форма этого периферийного участника дифференцировалась в русском языке относительно недавно — предлог *от*, которым сейчас оформляется только неагентивный Каузатор, раньше оформлял и агентивное дополнение: у Пушкина *исполнен долг, завещанный от Б о г а мне грешному* = ‘завещанный Богом’; или в памятнике XIV в.: *снѣдени быша отъ лъвъ* = ‘были съедены львами’ (СДРЯ, т. 6: 213). И фоновый Каузатор и агентивное дополнение в одинаковой мере и по одинаковым причинам имеют тенденцию опускаться.

Идея о том, что диатетический сдвиг — это метонимический перенос, в той или иной форме встречается в литературе; например, в Dowty 2000 соотношения типа *Змеи кишат в саду* — *Сад кишит змеями* представлены как имеющие метонимическую основу.

Существенное обобщение понятия диатезы было достигнуто благодаря тому, что в иерархии коммуникативных рангов нашлось место для нулевого ранга, который приписывается участникам в коммуникативной позиции За кадром (в тех иерархиях, которые известны из литературы, — см., например, topicality hierarchy в Croft 1991, ранг За кадром отсутствует). В результате, понятие

диатезы обогатилось за счет понятия закадрового участника; ср. *выбить пыль из ковра* и *выбить ковер*: участник *пыль* (вскользь упоминавшийся в Мельчук, Холодович 1970), который в результате диатетического сдвига уходит за кадр, получил теперь законное место в диатетической парадигме глагола.

Свой триумф идея закадрового участника отпраздновала на примерах типа *Охотник обнаружил следы — Берлиоз обнаружил незаурядную эрудицию*, которые показали, что Наблюдатель по Апресяну — это Эксперимент в позиции За кадром, см. гл. III.2. Наблюдатель стал участником и вошел в один ряд с такими на первый взгляд отличными и различными между собой явлениями, как: бессубъектный пассив; “опущенный” участник ‘пыль’ в сочетании *выбить ковер*; Субъект сознания, который входит в семантику слов *вдруг, внезапно*; и многое другое. Разумеется, не случайно, что, участник с ролью Лишнее, такой как *пыль*, уходя за кадр, действительно уходит из перспективы, а участник Эксперимент (и Субъект сознания), уходя за кадр, становится Наблюдателем, т. е., напротив, повышает свою значимость, персонализируясь в говорящем. Установление связи между Наблюдателем, Экспериментом, диатезой и конверсивом увеличивает ценность всех этих понятий.

Семантика лексемы (равно как и грамматической категории) может фиксировать позицию Наблюдателя не только в пространстве, что было описано в Апресян 1986а, но и во времени; так, общефактическое значение несов. вида (в прош. времени) было истолковано в Падучева 1996: 42 как такое, которое требует ретроспективного Наблюдателя. Наблюдатель как носитель времени оказался полезен при решении аспектуальных проблем, связанных с противопоставлением генитивной и номинативной конструкции, гл. III.9. Так, предложение (а) правильно, если признать присутствие в ситуации ретроспективного Наблюдателя (того, кто вычислил, что бутылка не была в холодильнике, поскольку она теплая):

(а) Бутылка *не была* в холодильнике.

А понимания с синхронным Наблюдателем это предложение не допускает, т. е. соответствующий смысл предложением (а) быть выражен не может; надо сказать:

(б) Бутылки в холодильнике *не было*.

Предложения (а) и (б) различаются режимом интерпретации времени (Падучева 1996: 291): в (а) речевой режим; прош. время обозначает предшествование моменту речи, а в (б) — нарративный, с синхронным Наблюдателем; прошедшее выражает отнесенность к некоему моменту текстового времени.

При новом определении диатезы обретает себе законное место инкорпорированный участник (такой как *уши у слышать*), который выходит на поверхность только в специальном контексте, например: *слышал своими ушами*.

Современная лингвистика исходит из предположения, что поверхностное поведение языковой единицы (сочетаемость, наличие таких-то форм от таких-то слов; таких-то значений у таких-то форм, просодия и т. д.) в существенной степени предопределено ее значением. Это предположение лежит в основе семантического подхода к синтаксису, провозглашенного в работах Анны

Вежбицкой (Wierzbicka 1987, 1988); оно вытекает также и из общей предсказательной ориентации современной семантики — ориентации на построение объясняющих моделей, см. Апресян 1999.

В последние десятилетия усилия многих лингвистов были обращены к проблеме соответствия между актантной структурой и синтаксическими позициями участников с данной ролью. Уже примеры Филлмора (Fillmore 1977/1981: 519) показывали, что это соответствие далеко не взаимно-однозначное:

- (1) а. Джон *открыл* дверь; б. Ветер *открыл* дверь;
в. Джон *открыл* дверь моим ключом; г. Только мой ключ *открыл* дверь.

Филлмор трактует (1б) и (1г) одинаково — как категориальный сдвиг, т. е. как метафорический перенос. Между тем в (1г) естественнее видеть смещение фокуса внимания, т. е. метонимию: Агенса присутствует в концептуальной структуре фразы (1г) так же, как и в (1в), поскольку ключ действует только в присутствии Агенса; разница в том, что в (1г) он за кадром.

Это тем более ясно для примеров (2а)—(2г), где во всех ситуациях очевидно присутствие всех участников, и разница только в том, какое место они занимают в иерархии тематического выделения:

- (2) а. Я *купил* у Джона машину за 1000 долларов;
б. Джон *продал* мне машину за 1000 долларов;
в. Я *заплатил* Джону за машину 1000 долларов;
г. Доллар *покупает* всё.

Попытки лингвистов решить “linking problem”, не обращаясь к рангам, доказали свою несостоятельность, см. гл. III.4 § 3.

Диатетический подход к соответствию между актантной структурой и ее поверхностными реализациями оставляет, однако, много проблем. Мена диатезы часто сопровождается осязаемым приращением смысла. Иногда для описания этого приращения требуется лексическое правило, которое преобразует словарное толкование, порождая новую лексему.

И последний параметр — таксономический класс участников. О его роли в семантике глагольной лексики см. в гл. I.4 и III.1: глагол *растаять* в исходном значении имеет субъектом субстанцию, которая переходит в жидкое состояние под действием тепла; а в переносном (которое можно назвать метафорическим, поскольку оно получается в результате категориального сдвига) этот глагол применяется к субъектам других категорий, так что от исходного смысла остается только инференция: в контекстах *толпа растаяла*, *капитал растаял* это прекращение существования; в *растаял от удовольствия* другая инференция — ‘размягчился’.

Таксономические классы, которыми пользуется язык, могут иметь метафорическую, а то и метафизическую природу; последнее мы видели на примере категорий ОРГАН (гл. I.4, III.8) и БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРОЦЕСС (гл. III.7).

Одно и то же слово часто позволяет рассматривать свой денотат в разных аспектах, т. е. фигурирует в разных классах, не будучи неоднозначным. В гл. II.2 это было продемонстрировано на примере совместимости родовых категорий ОРГАН и ВМЕСТИЛИЩЕ у слова *память*; категорий ПРОСТРАНСТВО и ПОВЕРХНОСТЬ у слов *море*, *снег* и др.

В главах 1–9 Части III мы рассмотрели выборочно несколько тематических классов глаголов. В гл. III.1, посвященной н а ч и н а т е л ь н ы м глаголам, бы-

ло установлено принципиальное различие между началом процесса и началом состояния. Это позволило отличить глаголы сов. вида, обозначающие начало состояния, от глаголов начинательного способа действия, обозначающих начало процесса / деятельности.

Неожиданный результат дало изучение класса глаголов речи, гл. III.6. Обычно слова объединяются в тематические классы на базе цели и результата, ср. глаголы создания, эмоции, перемещения объекта и др. Между тем общим признаком глаголов речи является способ действия — речь. Отсюда в классе глаголов речи набор подклассов, соответствующих цели — в разных случаях разной. Так возникает понятие речевого акта.

Исследование класса глаголов в о с п р и я т и я (гл. III.2) позволило уточнить понятие Наблюдателя — можно сказать, краеугольный камень современной семантики.

Класс бы т и й н ы х глаголов, гл. III.9, представляет интерес, в частности, в связи с генитивной конструкцией отрицательного предложения и принципом композиционности. Принцип композиционности стал всерьез приниматься во внимание в лексической семантике относительно недавно. Идея композиционности обнаружила ограниченность трансформационного подхода к семантике отрицательного предложения, который долгое время представлялся единственно возможным. В §4 гл. III.9, показано, что генитивная конструкция отрицательного предложения может вносить свой собственный вклад в структуру целого, не сводимый к смыслу исходного предложения плюс отрицание: семантику н а б л ю д а е м о г о отсутствия. Так, (3а) отличается от (3б) тем, что предполагает непосредственного Наблюдателя ситуации отсутствия:

(3) а. Нет, моего брата нет \ дома; б. Нет, мой брат не дома \.

Подход к отрицательному предложению с позиций трансформации отрицания требует предположения о том, что в семантику лексемы *быть* в локативном значении входит Наблюдатель: если синхронный Наблюдатель есть в отрицательном предложении, он должен быть и в исходном утвердительном — иначе откуда ему взяться? На самом деле, однако, это заключение неверно: лексическое значение глагола *быть* синхронного Наблюдателя не предполагает. Он возникает в отрицательном предложении, поскольку входит в смысл генитивной конструкции. Таким образом, выясняется, что смысл отрицательного предложения не всегда складывается из д в у х частей (смысл исходного предложения плюс отрицание): в примере (3а) т р е т ь е й составляющей является смысл самой генитивной конструкции — наблюдаемость. При этом одни глаголы локализации (такие как *быть, лежать, висеть*) допускают примысливание Наблюдателя и, следовательно, генитивную конструкцию (*их не было / не лежало / не висело*), а другие (*находиться, присутствовать, располагаться*) — нет. Этот пример демонстрирует преимущества композиционного подхода к значению перед трансформационным.

Что касается моделирования многозначности с помощью семантических переходов, то вопрос о том, насколько адекватна эта модель, все-таки подлежит обсуждению. Всегда ли регулярная многозначность слова может быть представлена как и з м е н е н и е значения, повторяющееся на достаточно больших массивах? Иными словами, всегда ли одно из двух значений слова мотивируется другим, так что одно можно принять за исходное, а другое — за производное?

Неоднократно отмечалась возможность обратного соотношения между направлением семантической и формальной производности, как в примерах типа *растворять* — *растворяться*, *испарять* — *испаряться*, где возвратный глагол описывает природный процесс, т. е. нечто по своей сути максимально простое, а невозвратный не может быть представлен иначе, как каузация этого процесса; глагол *размножаться*, который обозначает некое естественное явление в живой природе, следует признать более исходным, чем морфологически более простой, но абстрактный *размножать*. Поскольку в парах типа *открыть* — *открыться* дело явно обстоит иначе, ясно, что направление деривации во всяком случае не может быть для всех возвратных глаголов единым, см. Падучева 2001а. Еще сложнее с направлением производности в парах типа *грохочут сапоги* — *грохочут сапогами*, гл. III.8.

Тем не менее в целом направленные семантические переходы дают больше, чем простая регистрация многозначности. Обратимся к типологии и к параметрам типологического сравнения языков. В качестве примера возьмем каузатив и декаузатив.

И каузатив и декаузатив принадлежат к числу широко распространенных глагольных дериватов. Одни языки отдают предпочтение одной деривационной модели, другие — другой, но часто в одном языке присутствуют обе. Например, в русском есть и каузативные дериваты (как *гноить* от *гнуть*), непродуктивные, и декаузативные (как *разбиться* от *разбить*), продуктивные в высокой степени. Наличие этих двух, как бы взаимно-обратных, деривационных моделей вызывает недоумение. Естественно исходить из того, что в языке действует некий принцип иконического соотношения между формальной стороной деривационной модели и ее семантикой, так что направление формальной и семантической производности обычно совпадает — как в словоизменении, так и в словообразовании: формально маркированный член пары является и семантически более сложным. Так устроены, например, число, вид, степени сравнения в словоизменении; уменьшительность и предикатные имена в словообразовании, см. Haspelmath 1993.

Семантическое соотношение может быть формально не маркированным, ср. в англ. языке транзитивное и нетранзитивное *to open*; транзитивное и нетранзитивное *to march*. Но и тут можно видеть семантическую деривацию. Из данных Levin, Rappaport Hovav 1995 можно заключить, что нетранзитивное *open* — это декаузатив от исходного транзитивного *open*, а транзитивное *march* — каузатив от исходного нетранзитивного *march*. Принцип иконичности здесь тривиализуется (производным членом пары признается тот, который является более сложным семантически), но не нарушается.

В концепции, которая приобрела популярность, каузативы и декаузативы — “антикаузативы” — оказываются примером взаимно-обратных деривационных моделей, т. е. таких, существование которых противоречит принципу иконичности. К взаимнообратности каузативов и декаузативов склоняется Б. Комри (Comrie 1989: 167). Рассмотрев три типа производных каузативов — синтаксический, морфологический и супплетивный, — он пишет: “Однако можно найти примеры с обратным направлением деривации, где предикат, выражающий чистый эффект, несет в себе больше морфологического материала, чем каузативный”. В качестве примера Комри приводит русское *сломаться*, морфо-

логически производное от каузативного *сломать*, и заключает, что “взаимно-обратное направление производности составляет загадку”.

Идея о взаимно-обратном направлении каузативации и декаузативации возникла вследствие того, что две разных деривационных модели

глагол (широкой семантики) \Rightarrow каузатив;
каузатив \Rightarrow декаузатив

были представлены (в Недялков, Сильницкий 1969) как единое семантическое соотношение:

глагол (преимущественно стативный) \Leftrightarrow каузатив.

Получилось, что в случае морфологически выраженной производности движение по двойной стрелке слева направо, к каузативу, дает нормальное (иконическое) семантическое соотношение — бóльшую семантическую сложность, а при движении справа налево возникает описанный в Мельчук 1967 феномен обратного словообразования — каузативный компонент “вычитается”.

При том подходе, который принят в настоящем исследовании, каузативация (взятая в полном объеме, а не только в применении к глаголам состояния) и декаузативация не являются взаимно-обратными деривационными моделями — ни семантически, ни по классу глаголов, где они применимы. Каузативация — это явление из области словообразования, а декаузативация — разновидность диатетического сдвига, по своему коммуникативному назначению (а в русском языке — и по форме) очень близкая к пассиву. Если от глагола изменения состояния образуется каузатив (*сохнуть — сушить*), а от этого каузатива — декаузатив (*сушить — сушиться*), начало и конец пути не совпадают: *сохнуть* \neq *сушиться* (Мельникова 2002).

Представляется, что каузатив и декаузатив должны быть отдельными категориями при типологическом сравнении языков. Только при этом условии предметом исследования может стать свойственная тому или иному языку структура многозначности грамматического показателя, типа “семантической карты” среднего залога в Kemmer 1993.

В работе Haspelmath 1997, посвященной типологическому анализу неопределенных местоимений, строится семантическая карта значений неопределенного местоимения. Значения соединены друг с другом таким образом, что те, которые покрываются в каком-либо из языков одним и тем же формальным показателем, всегда составляют связную часть карты. М. Хаспельмат исходит из того, что это условие можно соблюсти, поскольку смежные узлы карты семантически близки. Между тем в Dahl 1999 говорится: “Два значения можно считать смежными только при условии, что одно может перейти в другое в ходе диахронического развития”; О. Даль считает, что семантическая близость не позволяет делать предсказания о том, какие диахронические переходы возможны, а какие — нет. Можно думать, что понятие семантической деривации дает решение проблемы. С одной стороны, диахронический переход можно рассматривать как частный случай семантической деривации. С другой стороны, семантический сдвиг (отражающий регулярную многозначность) — это хорошая экспликация идеи семантической близости.

Современная семантика продолжает использовать внедренный структурализмом метод противопоставлений, который для обоснования граммы или

лексемы требует поиска минимальных пар. Грамматические и понятийные категории и их категориальные формы; грамматические и лексические парадигмы — все эти понятия сохраняют свою ценность для лингвистики и по сей день. Часто, однако, лингвист скорее прибегает сейчас не к методу противопоставлений, а к более широкому набору приемов, который можно назвать методом *о т р а ж е н и й*. Смысл слова предстает как совокупность его отражений:

- в других словах — синонимичных и антонимичных, близких и не очень близких по смыслу, формально связанных и не связанных с данным;
- в естественных и противоестественных контекстах употребления слова;
- в словах-эквивалентах из других языков и т. д.

В сущности, изучение языка в типологической перспективе можно рассматривать как признание эффективности метода отражений. Одним из выигрышей от подхода к русскому языку с типологической меркой было выявление эффекта эвиденциальности: оказалось, что генитивная конструкция отрицательного предложения может трактоваться как способ выражения значений, которые в других языках подпадают под категорию эвиденциальности (гл. III.9).

Хотелось бы надеяться, что предлагаемое читателю исследование не оставляет впечатления, что семантика лексики — это такая “цветущая сложность” в духе Константина Леонтьева. Мы стремились показать, что во многих своих аспектах — на многих, и притом обширных, участках — лексика представляет собой систему, которая устроена просто.

В непререкаемое кредо современной лингвистики до сих пор входила установка на точность и проверяемость лингвистических описаний. В тех подходах к семантике, которые формировались на Западе в существенной степени как реакция на формальные теории (порождающую грамматику и формальную семантику), установка на точность почти эксплицитно дискредитируется. Есть, однако, надежда, что лингвистика в целом, какие бы эпитеты она ни наращивала, сохранив унаследованную от структурализма установку на формальные модели, будет и впредь отторгать такие построения, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

- БАС—Словарь русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965 (= “Большой” академический словарь).
- МАС—Словарь русского языка. В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1981 (= “Малый” академический словарь).
- НОСС 1997—*Апресян Ю. Д.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М.: Языки рус. культуры, 1997.
- НОСС 2000—*Апресян Ю. Д.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М.: Языки рус. культуры, 2000.
- СДРЯ—Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). В 10 т. Отв. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2000.
- Словарь Брокгауз и Ефрон—*Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1906.
- Словарь Даля—*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М., 1880—1882.
- СлРЯ XI—XVII—Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1975—.
- Срезневский—*Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб., 1893—1903.
- СРНГ—Словарь русских народных говоров. Вып. 1—23 / Отв. ред. Ф. П. Филин; Вып. 36— / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. Л./СПб.: Наука, 1965—.
- СЯП—Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
- ТКС—*Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wien, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 14).
- Фасмер—*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. М.: Прогресс, 1964—1973.

Литература

- Акимова 1989—*Акимова Т. Г.* Значение и употребление наречия *давно* // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1989. С. 18—26.
- Апресян 1965—*Апресян Ю. Д.* Опыт описания значений глагола по их синтаксическим признакам (типам управления) // ВЯ. № 5. 1965. С. 51—66.

- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1980 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл \Leftrightarrow Текст”. Wien, 1980. (Wiener Slawistischer Almanach. SBd № 1).
- Апресян 1980а — *Апресян Ю. Д.* К формальной модели семантики: Правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск: ВЦ СОАН, 1980. С. 47—78.
- Апресян 1985 — *Апресян Ю. Д.* Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. № 2—3. 1985. С. 289—317.
- Апресян 1986а — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- Апресян 1986б — *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 208—223.
- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 57—78.
- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М.: Научный совет по комплексной проблеме “Кибернетика”, 1990. С. 70—95.
- Апресян 1991 — *Апресян Ю. Д.* Словарная статья глагола РИСОВАТЬ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М.: ВИНТИ, 1991. С. 16—41.
- Апресян 1992/1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на материале глагола БЫТЬ) // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 503—537.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов: Проспект / Ред. Ю. Д. Апресян. М.: Рус. словари, 1995. С. 7—118.
- Апресян 1996 — *Апресян Ю. Д.* О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь, грамматика, текст: Сб. в честь Н. Ю. Шведовой. М., 1996. С. 13—43.
- Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология Словаря // НОСС 1997. С. XVI—XXXIV.
- Апресян 1997а — *Апресян Ю. Д.* Словарная статья БЕСПОКОИТЬ 1 // НОСС 1997. С. 3—5.
- Апресян 1998а — *Апресян Ю. Д.* Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского /

- Отв. ред. Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин. СПб.: Наука, 1998. С. 273—281.
- Апресян 1998б — *Апресян Ю. Д.* Некоторые трудности описания многозначных слов (на примере глагола *выбирать* — *выбрать*) // Русский язык в его функционировании: Тез. междунар. конф. М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 1—7.
- Апресян 1999 — *Апресян Ю. Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 4. С. 39—53.
- Апресян 2000 — *Апресян Ю. Д.* Словарная статья *восхищаться* // НОСС 2000. С. 34—38.
- Апресян 2001 — *Апресян Ю. Д.* Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 5—26.
- Апресян 2002 — *Апресян Ю. Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 10—29.
- Апресян В. 1991 — *Апресян В. Ю.* Словарная статья глагола *гореть* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М.: ВИНТИ, 1991. С. 16—33.
- Апресян, Гловинская 1996 — *Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я.* Юбилейные заметки о неюбилейных словах // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 11—26.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова 1980 — *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 4.
- Арутюнова 1983 — *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики 1981. М.: Наука, 1983. С. 3—22.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998; 2-е изд., испр. М., 1999.
- Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н. Д.* Всё про всё (по текстам Ф. М. Достоевского) // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 363—400.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М.: Рус. яз., 1983.
- Ахманова 1986 — *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1986.
- Бабенко 1999 — *Бабенко Л. Г.* Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание: Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 7.

- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 — *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Псковский и партнеры, 1993.
- Барентсен 1980 — *Барентсен А.* Об особенностях употребления союза *пока* при глаголах ожидания // *Studies in Slavic and General Linguistics*. I. Amsterdam, 1980. С. 17—68.
- Барентсен 1983 — *Барентсен А.* О характере временных форм с элементом *буд-* и их функционировании в сложных предложениях с союзом *пока* // *Dutch Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*. Amsterdam; Rodopi, 1983. С. 1—33.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Бирюлин 1984 — *Бирюлин Л. А.* Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Богуславская 2000 — *Богуславская О. Ю.* И нет греха в его вине (*виноватый* и *виновный*) // *Логический анализ языка: Языки этики* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 79—89.
- Богуславский 1977 — *Богуславский И. М.* О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1977. Т. 36. № 3. С. 270—281.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
- Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Богуславский 1998 — *Богуславский И. М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 8—18.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983.
- Бондарко 2002 — *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Борщев, Кнорина 1990 — *Борщев В. Б., Кнорина Л. В.* Типы реалий и их языковое восприятие // *Язык логики и логика языка: Сб. ст. к 60-летию В. А. Успенского*. М.: ВИНТИ, 1990. С. 106—134.
- Борщев, Парти 1999 — *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // *Типология и теория языка: От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика* / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 159—172.
- Борщев, Парти 2002 — *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 59—77.

- Бочаров 1985 — *Бочаров С. Г.* О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985.
- Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Отв. ред. О. Н. Селиверстова. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—85.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 46—62.
- Булыгина, Шмелев 1989 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31—54.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Булыгина, Шмелев 2000 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Индрик, 2000. С. 277—288.
- Вайс 1999 — *Вайс Д.* Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру // Типология и теория языка: От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 173—186.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
- Всеволодова, Мадаени 1998 — *Всеволодова М. В., Мадаени Али.* Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М.: Диалог: МГУ, 1998.
- Выготский 1968 — *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
- Гаврилова 1973 — *Гаврилова В. И.* Особенности активных и пассивных конструкций в абстрактно-логических научных текстах // НТИ, Сер. 2. 1973. № 12. С. 20—26.
- Гаврилова 1975 — *Гаврилова В. И.* Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ВИНТИ, 1975. С. 144—164.
- Гаврилова 1990 — *Гаврилова В. И.* Квазипассивная конструкция и система залоговых противопоставлений русского языка // Язык логики и логика языка: Сб. ст. к 60-летию В. А. Успенского. М.: ВИНТИ, 1990. С. 26—40.
- Гаврилова (в печати) — *Гаврилова В. И.* Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения самопроизвольно развивающихся процессов

- и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 5 / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: МГУ (в печати).
- Гак 1977 — Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак 1998 — Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки рус. культуры, 1998.
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Генюшене 1985 — Генюшене Э. Ш. Двупредикатные фазовые конструкции в литовском языке // Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1985. С. 151—154.
- Гиро-Вебер, Микаэлян 1999 — Гиро-Вебер М., Микаэлян И. Л. Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках: *toucher, касаться, трогать* // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека “Дубна”; М.: ИЯ РАН, 1999. С. 18—35.
- Гладкий 1973 — Гладкий А. В. Формальные грамматики и языки. М.: Наука, 1973.
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Гловинская 1989 — Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1989. С. 74—145.
- Гловинская 1993а — Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых форм // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158—217.
- Гловинская 1993б — Гловинская М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82—88.
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник: Рус. словари, 2001.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1—2 / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Григорьян 1986 — Григорьян Е. Л. Семантические и прагматические аспекты диатезы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Григорьян 2000 — Григорьян Е. Л. Синтаксические структуры как способы представления ситуаций // Филол. вестник Ростовского гос. ун-та. 2000. № 2. С. 25—32.
- Гуковский 1959 — Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
- Дмитровская 1988 — Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 6—17.
- Добровольский 2001а — Добровольский Д. О. О языке художественной прозы Пушкина: аспекты лексической сочетаемости // Ressel G. (Hrsg.).

- A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rüßlands. Heidelberg: Peter Lang: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2001. S. 167—188. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Bd 13).
- Добровольский 2001б—*Добровольский Д. О.* К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 161—178.
- Добровольский 2003—*Добровольский Д. О.* Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Долинина 1991—*Долинина И. Б.* Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 327—345.
- Ермакова, Земская, Розина 1999—*Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались. М.: Азбуковник, 1999.
- Есперсен 1958—*Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Англ. изд.: *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London, 1924.
- Жолковский 1964—*Жолковский А. К.* Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1964. С. 3—16.
- Жолковский 1992—*Жолковский А. К.* Блуждающие сны. М., 1992.
- Зализняк 1983—*Зализняк Анна А.* Семантика глагола бояться в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 59—66.
- Зализняк 1987—*Зализняк Анна А.* О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: [ИЯ АН СССР], 1987.
- Зализняк 1988—*Зализняк Анна А.* О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 107—120.
- Зализняк 1990—*Зализняк Анна А.* О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21—32.
- Зализняк 1991а—*Зализняк Анна А.* Словарная статья глагола ГОВОРИТЬ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М.: ВИНТИ, 1991. С. 71—83.
- Зализняк 1991б—*Зализняк Анна А.* Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
- Зализняк 1992—*Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992.
- Зализняк 1994—*Зализняк Анна А.* Праздник жизни проходит мимо: заметки о неоднозначности некоторых русских слов // Wiener Slavistischer Almanach. Bd 34. 1994. S. 261—278.

- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 19. 1995. P. 143—185.
- Зализняк, Левонтина 1996 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б.* Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: *Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // *Russian Linguistics*. Vol. 20. 1996. P. 237—264.
- Зализняк 2000 — *Зализняк Анна А.* Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // *Язык о языке*. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 381—402.
- Зализняк 2001 — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект каталога семантических переходов // *Вопр. языкознания*. 2001. № 2. С. 13—25.
- Зализняк А. А. 1967 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк А. А. 1978 — *Зализняк А. А.* Краткий русско-французский словарь: Ок. 13500 слов. М.: Рус. яз., 1978.
- Зализняк А. А. 1991 — *Зализняк А. А.* Об одной берестяной грамоте XII века // Grochowski M., Weiss D. (eds). *Words are Physicians for an Ailing Mind*. München: Otto Sagner, 1991. P. 503—508.
- Зализняк А. А., Падучева 1974 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода / Отв. ред. Ю. А. Шрейдер. М.: ВИНТИ, 1974.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2003 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые слова русской языковой картины мира. М.: Языки рус. культуры, 2003.
- Зализняк, Падучева 1987 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* О семантике вводного употребления глаголов // *Вопросы кибернетики: Прикладные аспекты лингвистической теории*. М.: НСК, 1987. С. 80—96.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Лекции по русской аспектологии // М.: Языки рус. культуры, 2000.
- Зельдович 1998 — *Зельдович Г. М.* О типах семантической информации: слабые смыслы // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1998. № 2. С. 27—37.
- Зельдович 2002 — *Зельдович Г. М.* Русский вид: семантика и прагматика. Toruń, Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2002.
- Земская 1992 — *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
- Золотова 1988 — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988.
- Иванов 1980 — *Иванов Вяч. Вс.* Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // *Структура текста*. М.: Наука, 1980. С. 81—117.
- Иванов 1987 — *Иванов Вяч. Вс.* Поэтика Романа Якобсона // *Якобсон Р. Работы по поэтике*: Переводы. М.: Прогресс, 1987. С. 5—22.

- Иванов 2000 — *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Иванова, Казенин 1993 — *Иванова С. А., Казенин К. И.* О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем // *Вопр. языкознания.* 1993. № 5.
- Иомдин, Мельчук, Перцов 1975 — *Иомдин Л. Л., Мельчук И. А., Перцов Н. В.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса // *НТИ, Сер. 2.* 1975. № 7.
- Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // *Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13.* М.: [МГПИИЯ им. М. Тореза], 1970. С. 3—26.
- Иорданская 1984 — *Иорданская Л. Н.* Словарные статьи *восторгаться, восхищаться* // *ТКС.* С. 211—212; 214—215.
- Иорданская 1988 — *Иорданская Л. Н.* Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics.* Vol. 12. 1988. P. 239—267.
- Иорданская, Мельчук 1980 — *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach.* Bd 6. 1980. S. 191—210.
- Иорданская, Мельчук 1996 — *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* К семантике русских причинных предлогов // *Московский лингвистический журнал.* Вып. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 162—211.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
- Ицкович 1974 — *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы // *Синтаксис и норма.* М.: Наука, 1974. С. 43—106.
- Карттунен 1985 — *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16.* М., 1985. С. 303—332.
- Кибрик 1992 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Кибрик 2000 — *Кибрик А. Е.* Внешний посессор как результат расщепления валентности // *Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна / Ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин.* М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 434—446.
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетея, 2003.
- Кириленко 1997 — *Кириленко Е. И.* Фазовые глаголы в английском языке. М.: ИЯ РАН, 1997.
- Киселева, Пайар 1998 — *Киселева К. Л., Пайар Д.* Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.

- Кнорина 1988 — *Кнорина Л. В.* Классификация лексики и словарные дефиниции // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. Перепеч. в кн.: *Кнорина Л. В.* Грамматика, семантика, стилистика. М., 1996. С. 87—90.
- Князев 1989 — *Князев Ю. П.* Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н*, *-т*. München: Otto Sagner, 1989. (Specimina philologiae slavicae, Bd 81).
- Князева, Туробов 2002 — *Князева Е., Туробов А.* Познающее тело: Новые подходы в эпистемологии // Новый мир. 2002. № 11. С. 136—154.
- Ковтунова 1995 — *Ковтунова И. И.* О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Вып. 5. Опыты описания идиостилей. М., 1995. С. 132—207.
- Кодзасов 1988 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 23—32.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.
- Козинцева 2001 — *Козинцева Н. А.* Таксисные конструкции в русском языке: одновременность // Chrakovskij V. S., Grochowski M., Hentschel G. (eds). Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages: Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of His 70th Birthday. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 225—240.
- Крейдлин 1994 — *Крейдлин Г. Е.* Голос, голосовые признаки и оценка речи // Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 141—152.
- Крейдлин, Падучева 1974а — *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ, Сер. 2. 1974. № 9. С. 31—37.
- Крейдлин, Падучева 1974б — *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *А* // НТИ, Сер. 2. 1974. № 10. С. 32—37.
- Крейдлин, Рахилина 1981 — *Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В.* Денотативный статус отглагольных имен // НТИ, Сер. 2. 1981. № 12. С. 17—22.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки рус. культуры, 1998.
- Крылов 2001 — *Крылов С. А.* Диатеза // Энциклопедия “Россия on-line”. www.krugosvet.ru.
- Крысин 1984 — *Крысин Л. П.* Словарная статья слова *резать* // ТКС. С. 700—716.
- Кузнецова О. 1966 — *Кузнецова О. Д.* О глаголах, изменяющих значение в связи с переменной субъекта действия // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 56—63.
- Кузнецова 1988 — *Кузнецова Э. В.* Лексико-семантические группы русских глаголов. Свердловск, 1988.

- Кустова 1994 — *Кустова Г. И.* Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // НТИ, Сер. 2. 1994. № 6. С. 16—31.
- Кустова 1996 — *Кустова Г. И.* О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Вып. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 240—261.
- Кустова 1998а — *Кустова Г. И.* Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 19—40.
- Кустова 1998б — *Кустова Г. И.* Некоторые проблемы описания ментальных предикатов // НТИ, Сер. 2. 1998. № 2. С. 22—28.
- Кустова 1999а — *Кустова Г. И.* Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 229—238.
- Лённгрен 1996 — *Лённгрен Л.* О производности конструкций с глаголами полного охвата // Словарь. Грамматика. Текст / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 230—240.
- Лотман 1969 — *Лотман Ю. М.* Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1969. С. 206—238.
- Мартемьянов 1964 — *Мартемьянов Ю. С.* Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1964. С. 125—148.
- Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303—316.
- Маслов 1965 — *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53—80.
- Маслов 1976 — *Маслов Ю. С.* Рец. на кн.: *Andersson S. G.* *Aktionalität im Deutschen* // Вопр. языкознания. 1976. № 2.
- Маслов 1983 — *Маслов Ю. С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Недалков. Л.: Наука, 1983. С. 149—160.
- Мельникова 2002 — *Мельникова К. А.* В поисках семантической структуры медиальных глаголов и декаузативов (на материале отадъективных глаголов изменения состояния) // НТИ, Сер. 2. 2002. № 2. С. 30—36.
- Мельчук 1967 — *Мельчук И. А.* К понятию словообразования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1967. Т. 26. Вып. 4. С. 352—362.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей “Смысл ⇔ Текст”. Ч. 1. Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели “Смысл ⇔ Текст”. М.; Вена: Языки рус. культуры, 1995.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.

- Мельчук, Холодович 1970 — *Мельчук И. А., Холодович А. А.* К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.
- Муравенко 1998 — *Муравенко Е. В.* О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 71—81.
- Набоков 1989 — *Набоков В.* Рассказы. Приглашение на казнь: Роман. Эссе, интервью, рецензии. М., 1989.
- Недялков, Сильницкий 1969 — *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив / Отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1969. С. 5—19.
- Падучева 1964а — *Падучева Е. В.* О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопр. языкознания. 1964. № 2. С. 99—113.
- Падучева 1964б — *Падучева Е. В.* Опыт логического анализа значения союза *или* // Философские науки. 1964. № 6. С. 145—148.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. М., 1969. С. 5—35.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1975 — *Падучева Е. В.* Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 6. С. 548—559.
- Падучева 1977 — *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 91—124.
- Падучева 1978 — *Падучева Е. В.* Актуальное членение и структура имен объектов // *Maýenowa M. R. (ed.). Text. Język. Poetyka. Wrocław etc.: Ossolineum, 1978. S. 59—71.*
- Падучева 1979 — *Падучева Е. В.* Обнаружение сферы действия кванторов в предложениях математического текста // Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения / Отв. ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск: Наука, 1979. С. 47—76.
- Падучева 1980 — *Падучева Е. В.* Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 20. М.: МГПИИЯ, 1980. С. 3—44.
- Падучева 1982 — *Падучева Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. 1982. Т. 41. № 4. С. 305—313.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1986а — *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424.
- Падучева 1986б — *Падучева Е. В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ, Сер. 2. 1986. № 1. С. 23—31.

- Падучева 1988 — Падучева Е. В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 33—45.
- Падучева 1989а — Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики: Семиотические исследования. М.: НСК, 1989. С. 18—29.
- Падучева 1989б — Падучева Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопр. языкознания. 1989. № 2. С. 15—25.
- Падучева 1991 — Падучева Е. В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ, Сер. 2. 1991. № 5. С. 21—31.
- Падучева 1992а — Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // Russian Linguistics. Vol. 16. 1992. С. 53—63.
- Падучева 1992б — Падучева Е. В. *ЕЩЕ* и *УЖЕ* в контексте обстоятельства времени: точка отсчета // Le mot, les mots, les bons mots: Hommage à Igor A. Mel'čuk par ses amis, collègues et élèves à l'occasion de son soixantième anniversaire. Montréal: Univ. presse, 1992. P. 279—294.
- Падучева 1992в — Падучева Е. В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 69—77.
- Падучева 1994 — Падучева Е. В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // Russian Linguistics. Vol. 18. 1994. С. 1—16.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Падучева 1997а — Падучева Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // НТИ, Сер. 2. 1997. № 1. С. 18—30.
- Падучева 1997б — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопр. языкознания. 1997. № 2. С. 101—116.
- Падучева 1998а — Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 3—23.
- Падучева 1998б — Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 82—107.
- Падучева 1998в — Падучева Е. В. Наблюдатель и его коммуникативные ранги // НТИ, Сер. 2. 1998. № 12. С. 23—28.
- Падучева 1998г — Падучева Е. В. Вид и время русских причастий на Н/Т // Polytronon: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 294—306.
- Падучева 1999а — Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // Теория и типология языка:

- От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 488—502.
- Падучева 1999б — *Падучева Е. В.* Семантика глаголов выбора // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. № 5—6. С. 34—42.
- Падучева 1999в — *Падучева Е. В.* Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопр. языкознания. 1999. № 5. С. 3—23.
- Падучева 1999г — *Падучева Е. В.* К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 761—776.
- Падучева 2000а — *Падучева Е. В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: Сб. памяти Д. Н. Шмелева. М.: Азбуковник, 2000. С. 395—417.
- Падучева 2000б — *Падучева Е. В.* Наблюдатель как Экспертиент за кадром // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна / Отв ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 185—201.
- Падучева 2001а — *Падучева Е. В.* Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 52—79.
- Падучева 2001б — *Падучева Е. В.* Русский литературный язык до и после Пушкина // G. Ressel (ed.). A. S. Pushkin und die kulturelle Identität Russlands. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. S. 97—108.
- Падучева, Зализняк 1982 — *Падучева Е. В., Зализняк Анна А.* Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*: Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 142—148. Перепеч. в кн.: *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. С. 136—142 (ч. II, гл. VI).
- Падучева, Розина 1993 — *Падучева Е. В., Розина Р. И.* Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопр. языкознания. 1993. № 6. С. 5—16.
- Парти 1997 — *Парти Б. Х.* Вид и интерпретация именных групп // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 121—140.
- Пастернак 1998 — *Пастернак Б.* Начало пути // Знамя. 1998. № 4, 5.
- Перцов 1996 — *Перцов Н. В.* О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах / Редкол.: А. Д. Кошелев, Н. В. Перцов. Вып. 1. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 9—66.
- Перцова 1988 — *Перцова Н. Н.* Формализация толкования слова. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Петрухина 2001 — *Петрухина Е. В.* Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. С. 56—66.

- Пешковский 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Пискунова, Минлос 2002 — *Пискунова С. В., Минлос Ф. Р.* Конструкции с внешним посессором в русском языке: семантика и синтаксис глаголов физического контакта // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. семинара “Диалог-2002”. Т. 1. Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002. С. 347—350.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
- Плунгян, Рахилина 1990 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Сирконстанты в толковании? // *Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich.* Białystok, 1990. S. 201—210.
- Плунгян, Рахилина 1998 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 108—119.
- Пупынин 2000 — *Пупынин Ю. А.* О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2000. С. 36—51.
- Рахилина 1990 — *Рахилина Е. В.* Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Otto Sagner, 1990.
- Рахилина 1992 — *Рахилина Е. В.* Лексическое значение и коммуникативная структура (к постановке проблемы) // НТИ, Сер. 2. 1992. № 6. С. 27—30.
- Рахилина 1998 — *Рахилина Е. В.* Семантика отыменных прилагательных // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 298—304.
- Рахилина 2001 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2001.
- Рахилина, Филипенко 1988 — *Рахилина Е. В., Филипенко М. В.* Об употреблении числительного ОДИН // Тез. конф. аспирантов и молодых сотрудников. М.: Наука, 1988.
- Розина 1998 — *Розина Р. И.* Дарю (релевантный семантический класс глаголов обладания) // Лики языка. М., 1998. С. 305—314.
- Розина 1999а — *Розина Р. И.* Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность / Отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 161—173.
- Розина 1999б — *Розина Р. И.* Движение в физическом и ментальном пространстве // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна; М.: Междунар. ун-т природы, общества и человека “Дубна”: ИЯ РАН, 1999. С. 108—118.

- Розина 2000 — *Розина Р. И.* От происшествий к действиям (семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. в честь Д. Н. Шмелева. М.: Азбуковник, 2000. С. 418–432.
- Розина 2002 — *Розина Р. И.* Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вopr. языкознания. 2002. № 2. С. 3–16.
- Сазонова 1989 — *Сазонова И. К.* Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М.: Рус. яз., 1989.
- Селиверстова 1975 — *Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
- Селиверстова 1977 — *Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977. С. 5–67.
- Семенова 1991 — *Семенова С. Ю.* Алгоритм извлечения информации о параметрах из текстов рефератов и первичных документов // НТИ, Сер. 2. 1991. № 6. С. 22–32.
- Сичинава 2002 — *Сичинава Д. К.* К задаче создания корпусов русского языка в Интернете // НТИ, Сер. 2. 2002. № 8. С. 25–31.
- Смирницкий 1956 — *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956.
- Смирницкий 1948/1992 — Русско-английский словарь / Под общ. рук. А. И. Смирницкого. М., 1948; 17-е изд. / Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1992.
- Смит 1998 — *Смит К. С.* Двухкомпонентная теория вида: Пер. с англ. // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 404–421.
- Соловьева 1991 — *Соловьева А. А.* Словарные статьи глаголов РАЗДРАЖАТЬ и БРЕЗГОВАТЬ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 165–170.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Степанова 1996 — *Степанова Е. Б.* Семантика и употребление косвенных вопросов с лексемой *ли* // Актуальные проблемы современной русистики. М.: МГУ, 1996. С. 151–184.
- Тарский 1948 — *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук: Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1948.
- Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Томмола 1986 — *Томмола Х.* Аспектуальность в финском и русском языках. Helsinki, 1986. (Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, № 28).
- Туровский 1985 — *Туровский В. В.* О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика. Вып. 26. М.: ВИНТИ, 1985. С. 83–104.
- Туровский 1991 — *Туровский В. В.* Словарная статья глагола *напоминать* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М.: ВИНТИ, 1991. С. 171–175.

- Урысон 1995 — *Урысон Е. В.* Фундаментальные способности человека и “наивная анатомия” // *Вопр. языкознания.* 1995. № 3. С. 3—16.
- Урысон 1996а — *Урысон Е. В.* Душа и сердце // *Русский язык: Ежедневное приложение к газете “Первое сентября”.* Вып. 17(41). 1996.
- Урысон 1996б — *Урысон Е. В.* Аспектуальные компоненты в значении существительного // *Московский лингвистический журнал.* Вып. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 380—385.
- Урысон 1997 — *Урысон Е. В.* Отглагольные существительные со значением ситуации и наивная энциклопедия // *Тр. междунар. семинара ДИАЛОГ 97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям.* М., 1997. С. 283—286.
- Урысон 1998 — *Урысон Е. В.* “Несостоявшаяся полисемия” и некоторые ее типы // *Семиотика и информатика.* Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 226—261.
- Урысон 2000а — *Урысон Е. В.* Голос разума и голос совести // *Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева.* М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 184—189.
- Урысон 2000б — *Урысон Е. В.* ЗВЕНЕТЬ // *НОСС 2000.* С. 124—130.
- Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Успенский 1977 — *Успенский В. А.* К понятию диатезы // *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка.* Л.: Наука, 1977. С. 65—83.
- Успенский 1979 — *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика.* Вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979. С. 142—148. Перепеч. в кн.: *Семиотика и информатика.* Вып. 35. Opera selecta. М.: Рус. словари, 1997. С. 146—152.
- Успенский Б. 1996 — *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Ферм 1990 — *Ферм Л.* Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. Упсала, 1990. (Acta universitatis upsaliensis. Studia slavica upsaliensia).
- Филипенко 1992 — *Филипенко М. В.* О сочетаемости глагола с наречием // *Инт лингвистических исследований РАН: Тез. докл. XI конференции.* СПб., 1992.
- Филипенко 1997 — *Филипенко М. В.* Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов — определителей “процесса”) // *Вопр. языкознания.* 1997. № 5. С. 121—134.
- Филипенко 1998 — *Филипенко М. В.* Адвербиалы с плавающей и фиксированной сферой действия // *Семиотика и информатика.* Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 120—140.
- Филипенко 2003 — *Филипенко М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.
- Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

- Хализева 1976—*Хализева В. С.* Сопоставительный семантический анализ глаголов начала // Рус. яз. за рубежом. 1976. № 4. С. 74—77.
- Хинтиikka 1974—*Хинтиikka Я.* Вопрос о вопросах // Философия в современном мире. М., 1974.
- Ходасевич 2001—*Ходасевич В. Ф.* Некрополь. М.: Вагриус, 1991.
- Храковский 1974—*Храковский В. С.* Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Храковский 1981—*Храковский В. С.* Диатеза и референтность // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5—38.
- Храковский 1998—*Храковский В. С.* Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 141—153.
- Цветаева 1967—*Цветаева М.* Мой Пушкин. М.: Сов. писатель, 1967.
- Чуковская 1997—*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М.: Согласие, 1997.
- Шатуновский 1996—*Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереперентные слова. М.: Школа “Языки рус. культуры”, 1996.
- Шатуновский 2001—*Шатуновский И. Б.* Дескриптивные высказывания в русском языке // Russian Linguistics. Vol. 25, № 1. 2001. С. 23—53.
- Шахматов 1941—*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.; Л., 1941.
- Шведова 2000—Русский семантический словарь / Ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000.
- Шелякин 1969—*Шелякин М. А.* Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969.
- Шмелев 1994—*Шмелев А. Д.* Метафора судьбы: предопределение или свобода? // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 227—231.
- Шмелев 1996—*Шмелев А. Д.* Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Шмелев Д. 1964—*Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.
- Шмелев Д. 1973—*Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
- Шмелев Д. 1977—*Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М.: Просвещение, 1977.
- Щеглов 1964—*Щеглов Ю. К.* Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964. С. 50—66.
- Якобсон 1987—*Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Его же.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324—338.

- Янко 1998 — Янко Т. Е. Давно и недавно в коммуникативной перспективе // Русский язык в его функционировании. М., 1998.
- Янко 1999 — Янко Т. Е. Движение к худшему: глаголы движения в значении порчи // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека “Дубна”; М.: ИЯ РАН, 1999. С. 506—510.
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Янко-Триницкая 1962 — Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Antinucci, Gebert 1975 — *Antinucci F., Gebert L. L’aspetto verbale in polacco // Ricerche Slavistiche, XXII—XXIII. 1975. P. 5—60.*
- Atkins 1994 — *Atkins B. T. S. Analysing verbs of seeing: a frame semantics approach to corpus lexicography // Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1994. P. 42—56.*
- Atkins, Kegl, Levin 1988 — *Atkins B. T., Kegl J., Levin B. Anatomy of a Verb Entry: from Linguistic Theory to Lexicographic Practice // International Journal of Lexicography. Vol. 1. № 2. 1988. P. 84—126.*
- Austin 1961 — *Austin J. L. Other minds // Idem. Philosophical Papers. Oxford: At the Clarendon Press, 1961. P. 44—84.*
- Austin 1962 — *Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962.*
- Babby 1980 — *Babby L. H. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1980.*
- Babby 1998 — *Babby L. H. Voice and diathesis in Slavic // Comparative Slavic Morphosyntax. Bloomington, Indiana, 1998. [Ms].*
- Bach 1989 — *Bach E. Informal Lectures on Formal Semantics. N. Y., 1989.*
- Baker 1970 — *Baker C. L. Notes on description of English questions // Foundations of Language. Vol. 6. 1970.*
- Black 1962 — *Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1962.*
- Black 1962/1990 — *Black M. Metaphors // Idem. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1962. P. 25—47. Рус. пер.: Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Сост. и вступит. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.*
- Bogusławski 1977 — *Bogusławski A. Problems of the Thematic-rhematic Structures of Sentences. Warszawa, 1977.*
- Bogusławski 1979 — *Bogusławski A. Indirect questions: one interpretation or more // Linguistica sylesiana. Vol. 3. Katowice, 1979. P. 31—40.*
- Borschev, Partee 1998 — *Borschev V., Partee B. H. Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // Z. Boskovic, S. Franks, W. Snyder (eds). Formal Approaches to Slavic Linguistics 6:*

- The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 75—96.
- Borschev, Partee 1998—*Borschev V., Partee B. H.* The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)* / Eds E. Hajičová, P. Sgall, J. Hana and T. Hoskovec. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 2002. P. 185—250.
- Brown, Yule 1983—*Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge Univ. Press, 1983.
- Bybee et al. 1994—*Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Carlson 1998—*Carlson G.* Thematic roles and the individuation of events // S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 35—51.
- Chafe 1976/1982—*Chafe W. L.* Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Ch. Li (ed.). *Subject and Topic*. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 27—55.
- Chierchia 1995—*Chierchia G.* Dynamics of Meaning: Anaphora, Presupposition, and the Theory of Grammar. Chicago, 1995.
- Chojak 1991—*Chojak J.* Uwagi o znaczeniu wyrażen *odmówić i nie zgodzić się* // M. Grochowski, D. Weiss (eds). *Words are Physicians for an Ailing Mind*. München: Otto Sagner, 1991. P. 107—111.
- Chomsky 1977—*Chomsky N.* Essays on Form and Interpretation. N. Y.: North-Holland, 1977.
- Chomsky 1981—*Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publication, 1981.
- Chrakovskij 2001—V. S. Chrakovskij, M. Grochowski, G. Hentschel (Hrsg.). *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages: Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of His 70th Birthday*. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001.
- Chvany 1975—*Chvany C. V.* On the Syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers, 1975.
- Chvany 1984—*Chvany C. V.* Backgrounded perfectives and Plot-line imperfectives: towards a theory of grounding in text // M. Flier, A. Timberlake (eds). *The Scope of Slavic Aspect*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1984. P. 247—273.
- Comrie 1976—*Comrie B.* Aspect. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Comrie 1985—*Comrie B.* Causative verb formation and other verb-deriving morphology // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 3. Grammatical Categories and Lexicon. Cambridge: Cambridge UP, 1985. P. 301—348.

- Comrie 1989 — *Comrie B.* Language Universals and Linguistic Typology. 2nd ed. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1989.
- Croft 1991 — *Croft W. A.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: The cognitive organization of information. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Dahl 1999 — *Dahl Ö.* [Review on]: *Haspelmath M.* Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997, xvi + 364 p. // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 22. 1999. P. 663—678.
- Davis 1998 — *Davis W. A.* Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- DeLancey 1984 — *DeLancey S.* Notes on Agentivity and Causation // *Studies in Language*. Vol. 8. 1984. P. 181—213.
- Dik 1978 — *Dik S. C.* Functional Grammar. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1978.
- Dik 1989 — *Dik S. C.* The Theory of Functional Grammar. Dordrecht (Holland): Foris Publications, 1989.
- Dik, Hengeveld 1991 — *Dik S. C., Hengeveld K.* The hierarchical structure of the clause and the typology of perception verb complements // *Linguistics*. Vol. 29. 1991. P. 231—259.
- Dobrovol'skij 2001 — *Dobrovol'skij D.* Lexical semantics and pragmatic conventions // E. Németh (ed.). PRAGMATICS IN 2000: Selected Papers from the 7th International Pragmatics Conference. Vol. 2. Antwerpen: International Pragmatics Association, 2001. P. 165—173.
- Donnellan 1966 — *Donnellan K. S.* Reference and definite descriptions // *The Philosophical Review*. Vol. 75. № 3. 1966. P. 281—304. Рус. пер.: *Доннеллан К. С.* Референция и определенные дескрипции // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции) / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Радуга, 1982. С. 134—160.
- Dowty 1979 — *Dowty D. R.* Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht (Holland): Reidel, 1979.
- Dowty 1991 — *Dowty D. R.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. Vol. 67. Part 3. 1991. P. 547—619.
- Dowty 2000 — *Dowty D. R.* 'The Garden Swarms with Bees' and the Fallacy of «Argument Alternation» // Y. Ravin, C. Leacock (eds). *Polysemy: Theoretical & Computational Approaches*. Oxford (UK): Oxford Univ. Press, 2000. P. 111—128.
- Faber, Mairal 1997 — *Faber P., Mairal R.* The paradigmatic and syntagmatic structure of the semantic field of existence in the elaboration of a semantic macronet // *Studies in Language*. Vol. 21. № 1. 1997. P. 129—167.
- Faber, Pérez 1997 — *Faber P., Pérez Ch.* Image schemata and light: a study in contrastive lexical domains in English and Spanish // *Acta universitatis lodsiansis. Folia linguistica*. Vol. 36. 1997. P. 63—107.

- Fici 2001 — *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // Македонски јазик. Год. LI—LII, 2000—2001. Скопје, 2001. С. 61—88.
- Filip 1999 — *Filip H.* Aspect, Eventuality, Types and Nominal Reference. N. Y.; L.: Garland Publishing, 1999.
- Fillmore 1968a — *Fillmore Ch. J.* The case for case // E. Bach, H. Harms (eds). *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968. P. 1—90. Рус. пер.: *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.
- Fillmore 1968b — *Fillmore Ch. J.* Lexical entries for verbs // *Foundations of Language*. Vol. 4. № 4. 1968.
- Fillmore 1971a — *Fillmore Ch. J.* Types for lexical information // F. Kiefer (ed.). *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht, 1969.
- Fillmore 1971b — *Fillmore Ch. J.* Verbs of judging: an exercise in semantic description // Fillmore, Langendoen (eds). *Studies in Linguistic Semantics*. N. Y. et al., 1971. P. 273—280.
- Fillmore 1971c — *Fillmore Ch. J.* How to know whether you're coming or going // *Linguistik*. Athenäum, 1971. P. 369—379.
- Fillmore 1976 — *Fillmore Ch. J.* The need for a frame semantics within linguistics // *Statistical Methods in Linguistics*. Vol. 1. 1976. P. 37—41.
- Fillmore 1977/1981 — *Fillmore Ch. J.* The case for case reopened // *Syntax and Semantics*. Vol. 8. N. Y. etc., 1977. P. 59—81. Рус. пер.: *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1981. С. 496—530.
- Fillmore, Atkins 1992 — *Fillmore Ch. J., Atkins B. T.* Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // A. Lehrer, E. Kittay (eds). *Frames and Fields*. Erlbau Publishers, 1992.
- Flier 1985 — *Flier M.* The scope of prefixal delimitation in Russian // M. Flier, A. Timberlake (eds). *The Scope of Slavic Aspect*. Ohio: Slavic Publishers, 1985. P. 41—58.
- Frege 1892 — *Frege G.* Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. № 100. 1892. Рус. пер.: *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семантика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181—210.
- Geis, Zwicky 1971 — *Geis M. L., Zwicky A. M.* On invited inferences // *Linguistic Inquiry*. Vol. 11. 1971. P. 561—566.
- Geniušienė 1987 — *Geniušienė E.* The Typology of Reflexives. Berlin; N. Y.; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
- Givón 1990 — *Givón T.* Syntax: a functional-typological introduction. Vol. II. Amsterdam: Benjamins, 1990.
- Goddard 1998 — *Goddard C.* Semantic Analysis: A practical introduction. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Goldberg 1995 — *Goldberg A. E.* A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago; London: Chicago UP, 1995.

- Green 1996 — *Green G. M.* Pragmatics and Natural Language Understanding. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.
- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58. Рус. пер.: *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Grimshaw 1990 — *Grimshaw J.* Argument Structure. L. etc.: MIT Press, 1990.
- Gruber 1965 — *Gruber J. S.* Studies in Lexical Relations: Ph. D. Dissertation, MIT.
- Gruber 1976 — *Gruber J. S.* Lexical Structures in Syntax and Semantics. Part 1. Amsterdam: North-Holland, 1976.
- Grzegorzczkova 1991 — *Grzegorzczkova R.* O działaniach zamierzonych i mimowolnych // M. Grochowski, D. Weiss (eds). Words are Physicians for an Ailing Mind. München: Otto Sagner, 1991. P. 195–200.
- Guiraud-Weber 1973 — *Guiraud-Weber M.* Concurrence des formes “NIČTO” et “NIČEGO” en Russe moderne // Cahiers de linguistique, d’Orientalisme et de slavistique, 1–2. 1973. P. 127–143.
- Guiraud-Weber 1984 — *Guiraud-Weber M.* Les propositions sans nominatif en russe moderne. P., 1984.
- Hajičová, Partee, Sgall 1998 — *Hajičová E., Partee B., Sgall P.* Topic-Focus Articulation, Tripartite Structures and Semantic Content. Dordrecht: Kluwer, 1998.
- Haspelmath 1993 — *Haspelmath M.* More on typology of the inchoative/causative alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds). Causation and Transitivity. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 87–120.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Ibarretxe-Antuñano 1999 — *Ibarretxe-Antuñano I.* What clauses and constrains polysemous structures? // ICLC Stockholm, 10–16 July. 1999. P. 1–6.
- Ikegami 1993 — *Ikegami Yo.* What does it mean for a language to have no singular-plural distinction? Noun-verb homology and its typological implication // R. A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn (eds). Conceptualizations and Mental Processing in Language. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 801–814.
- Iordanskaja, Mel’čuk 1995 — *Iordanskaja L. N., Mel’čuk I. A.* *Glaza Maši golubyje vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between Two Russians Constructions in the Domain of Body Parts // *Мельчук И. А.* Русский язык в модели “Смысл⇔Текст”. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 135–164.
- Iordanskaja, Paperno 1996 — *Iordanskaja L., Paperno S.* A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1996.
- Israeli 1997 — *Israeli A.* Semantics and Pragmatics of the Reflexive Verbs in Russian. München: Otto Sagner, 1997.
- Iwata 2002 — *Iwata S.* Does MANNER count or not? Manner-of-motion verbs revisited // Linguistics. Vol. 40. № 1. 2002. P. 61–110.

- Jackendoff 1990—*Jackendoff R. S.* Semantic Structures. Cambridge etc.: MIT Press, 1990.
- Jackendoff 1996—*Jackendoff R. S.* Semantics and Cognition // Sh. Lappin (ed.). The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford, UK: Blackwell, 1996. P. 539—559.
- Jakobson 1936/1985—*Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // TCLP. VI. 1936. Рус. пер.: *Якобсон Р.* К общему учению о падеже // *Его же.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133—175.
- Jakobson 1957/1972—*Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1957. Рус. пер.: *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. О. Г. Ревзина. М.: Наука, 1972. С. 95—113.
- Janda 1985—*Janda L.* The meaning of Russian verbal prefixes: semantics and grammar // M. Flier, A. Timberlake (eds). The Scope of Slavic Aspect. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. P. 26—40.
- Kamp 1991—*Kamp H.* The perfect and other tenses in French and English // Tense and Aspect in English and French. Deliverable R 2.3. В. 1991.
- Karttunen 1971—*Karttunen L.* Implicative verbs // Language. № 47. 1971. P. 340—358.
- Karttunen 1973—*Karttunen L.* La logique des constructions anglaises à complément prédicatif // Langages. № 30. 1973. P. 56—80. Рус. пер.: *Карттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 303—332.
- Keenan 1976—*Keenan E. L.* Towards a Universal Definition of “Subject” // Ch. N. Li (ed.). Subject and Topic. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 303—333. Рус. пер.: *Кинэн Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. и ред. А. Е. Кибрик. М.: Прогресс, 1982. С. 236—276.
- Kemmer 1993—*Kemmer S.* The Middle Voice. Amsterdam: John Benjamins, 1993. (Typological Studies in Language, 23).
- Kiefer 1981—*Kiefer F.* Questions and attitudes // Crossing the Boundaries in Linguistics. Dordrecht (Holland): D. Reidel, 1981.
- Kimball 1973a—*Kimball J. P.* The grammar of existence // Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society. Univ. of Chicago, 1973. P. 262—270.
- Kimball 1973b—*Kimball J. P.* Get // Syntax and Semantics. Vol. 2. N. Y.: L., 1973.
- Kiparsky 1997—*Kiparsky P.* Remarks on Denominal Verbs // A. Alsina, J. Bresnan and P. Sells, eds. Complex Predicates. Stanford: CLSI Publication, 1997. P. 473—499.
- Kiparsky P. & C. 1970—*Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds). Progress in Linguistics. The Hague: Mouton, 1970. P. 143—173.

- То же в кн.: D. D. Steinberg, L. A. Jakobovitz (eds). *Semantics*. Cambridge, 1971. P. 344–369.
- Kiss 1995 — *Kiss É. K.* Definiteness effect revisited // I. Kenesei (ed.). *Levels and Structures*. Szeged, 1995. (Approaches to Hungarian, Vol. 5).
- Kulikov 1998 — *Kulikov L. I.* Passive, anticausative and classification of verbs: the case of vedic // L. Kulikov, H. Vater (eds). *Typology of Verbal Categories*. Tübingen, 1998. P. 139–153.
- Kuno, Kaburaki 1977 — *Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and Syntax // *Linguistic Inquiry*. Vol. 8. 1977. P. 627–672.
- Lakoff 1977 — *Lakoff G.* Linguistic gestalts // *Papers from the 13th Regional Meeting Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1977. Рус. пер.: *Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 350–368.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live by*. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Langacker 1987 — *Langacker R. A.* *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 — *Langacker R.* *Concept, Image and Symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin, 1991.
- Langacker 1993 — *Langacker R.* Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*. Vol. 4. 1993. P. 1–38.
- Laskowski 2001 — *Laskowski R.* Body parts as instruments // V. S. Chakovskij, M. Grochowski, G. Hentschel (Hrsg.). *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages: Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of His 70th Birthday*. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 241–263.
- Leech 1975 — *Leech G. N.* *Meaning and the English Verb*. L.: Longman, 1975; [first published 1971].
- Leech 1983 — *Leech G. N.* *Principles of Pragmatics*. L.; N. Y.: Longman, 1983.
- Lehmann 1992 — *Lehmann V.* Le prétérit déictique et le prétérit narratif en polonais moderne // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éd.). *Linguistique et Slavistique: Mélanges P. Garde*. Aix-en-Provence; P., 1992. P. 544–557.
- Lehmann 1996 — *Lehmann V.* Die Rekonstruktion von Bedeutungsentwicklung und -motiviertheit mit Funktionalen Operationen // W. Girke (Hrsg.). *Slavistische Linguistik* 1995. München, 1996. S. 255–289.
- Levin 1993 — *Levin B.* *English Verb Classes and Alternations: A preliminary investigation*. Chicago: Chicago UP, 1993.
- Levin 1999 — *Levin B.* Objecthood: An event structure perspective // *Chicago Linguistic Society* 35, Vol. 1. The Main Session. 1999.
- Levin, Rappaport Hovav 1991 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Wiping the slate clean: a lexical semantic exploration // *Cognition*. Vol. 41. 1991. P. 123–151.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

- Levin, Rappaport Hovav 1996 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Lexical Semantics and Syntactic Structure // Lappin S. (ed.). The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford, UK: Blackwell, 1996. P. 487—507.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Building verb meaning // M. Butt, W. Geuder (eds). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors. CSLI Publications, 1998. P. 97—134.
- Levin, Song, Atkins 1997 — *Levin B., Song G., Atkins B. T. S.* Making sense of corpus data: A case study of verbs of sound // Journal of Corpus Linguistics. Vol. 2(1). 1997. P. 23—64.
- Levinson 1983 — *Levinson S.* Pragmatics. L.; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Levinson 2000 — *Levinson, St. C.* Presumptive Meanings. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2000.
- Lyons 1968/1978 — *Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968. Рус. пер.: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику М.: Прогресс, 1978.
- Lyons 1977 — *Lyons J.* Semantics. Vol. 1—2. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1977.
- Macdonell 1954 — *Macdonell A.* A practical Sanskrit Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 1954.
- Maienborn 2001 — *Maienborn Cl.* On the Position and Interpretation of Locative Modifiers // Natural Language Semantics. Vol. 9. Dordrecht, Netherland: Cluwer Academic Publishers, 2001. P. 191—240.
- Marcowicz, Paillard 1989 — *Marcowicz D., Paillard D.* Le neuf et l'ancien: à propos de *snova* et *opjat'* // La Licorne, Publication de l'UFR de langues et littératures de l'Université de Poitiers, № 15, 1989.
- McConnell-Ginet 1982 — *McConnell-Ginet S.* Adverbs and logical form: a linguistically realistic theory // Language. Vol. 58. 1982.
- Mehlig 1981 — *Mehlig H. R.* Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen: (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistische Beiträge. Bd 147. München: Verlag Otto Sagner, 1981. S. 95—151. Сокр. рус. пер.: Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. С. 227—249.
- Mehlig 1992 — *Мелиг Х. Р.* Предельность и неопредельность в пространстве и во времени // Т. Reuther (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Klagenfurt. München: Otto Sagner, 1992. S. 242—250. (Slavistische Beiträge. Bd 292).
- Meillet 1926 — *Meillet A.* Sur les caractères du verbe // *Idem.* Linguistique historique et linguistique générale. 2e éd. P., 1926. P. 175—198.
- Mel'čuk 1988 — *Mel'čuk I. A.* Dependency Syntax: Theory and Practice. Albany: State Univ. of N. Y. Press, 1988.
- Mel'čuk 1992 — *Mel'čuk I. A.* Changer et changement en français contemporain (étude sémantico-lexicographique) // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. LXXXVII. 1992. P. 161—223.

- Mel'čuk 2001 — *Mel'čuk I. A.* Communicative Organization in Natural Language: (The Semantic-Communicative Structure of Sentences). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Miller 1970 — *Miller J. E.* Stative verbs in Russian // *Foundations of Language*. Vol. 6. № 4. 1970. P. 488—504.
- Miller, Johnson-Laird 1976 — *Miller J., Johnson-Laird P.* Language and Perception. Cambridge MA, 1976.
- Nishimura 1993 — *Nishimura Y.* Agentivity in cognitive grammar // R. Geiger, B. Rudzka-Ostyn (eds). *Conceptualizations and Mental Processing in Language: including a selection of papers from the First International Cognitive Linguistic Conference, Duisburg, Germany, March / April 1989*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 487—530.
- Nunberg 1979 — *Nunberg G.* The non-uniqueness of semantic solutions: polysemy // *Linguistics and Philosophy*, 3. 1979. P. 143—148.
- Nunberg 1987 — *Nunberg G.* Poetic and prosaic metaphor // Y. Wilks (ed.). *TINLAP-3: Theoretical Issues in Natural Language Processing-3*. Las Cruces, NM: New Mexico State Univ., 1987. P. 198—201; Repr.: Y. Wilks (ed.). *Theoretical Issues in Natural Language Processing-3*. Hillsdale, N. J: Erlbaum, 1989. P. 177—180.
- Nunberg, Zaenen 1992 — *Nunberg G., Zaenen A.* Systematic polysemy in lexicology and lexicography // *Euralex'1992*. Part II, 1992. P. 387—396.
- Nuyts, Pederson 1997 — *Nuyts J., Pederson E.* Overview: on the relationship between language and conceptualization // J. Nuyts, E. Pederson (eds). *Language and Conceptualization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. P. 1—13.
- Onians 1954 — *Onians R. B.* The Origins of European Thought. L.: Cambridge Univ. Press, 1954.
- Padučeva 1987 — *Padučeva E. V.* La particule ŽE: sémantique, syntaxe et prosodie // *Les particules énonciatives en russe contemporain*. Vol. 3. P., 1987. C. 11—43.
- Padučeva 1995 — *Padučeva E. V.* Theme-Rheme structure: Its exponents and its semantic interpretation // B. H. Partee, P. Sgall (eds). *Discourse and Meaning: Papers in Honour of Eva Hajičová*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 273—287.
- Padučeva 2000 — *Padučeva E. V.* Verbs implying semantic role of Result: correlation between diathesis and aspectual meaning // *Linguistische Arbeitsberichte 75*. 3. Europäische Konferenz "Formale Beschreibung slavischer Sprachen, Leipzig, 1999". Leipzig: Institut für Linguistik, Universität Leipzig, 2000. S. 125—136.
- Paducheva 2000 — *Paducheva E. V.* Definiteness effect: the case of Russian // K. von Heusinger U. Egli (eds). *Reference and Anaforic Relations*. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 133—146.
- Panevová 1994 — *Panevová J.* Valency frames and the meaning of the sentence // Ph. A. Luelsdorff (ed.). *The Prague School of Structural and Functional Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 223—243.
- Partee 1984 — *Partee B. H.* Compositionality // *Varieties of Formal Semantics*. Dordrecht, 1984. P. 281—311.

- Payne, Barshi 1999 — D. Payne, I. Barshi (eds). External Possession. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.
- Pesetsky 1995 — *Pesetsky D.* Zero Syntax: Experiencers and Cascades. Cambridge (Mass.); L.: MIT Press, 1995.
- Pinker 1989 — *Pinker S.* Learnability and Cognition: The Acquisition of Argument Structure. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.
- Podlesskaya, Rakhilina 1999 — *Podlesskaya V. I., Rakhilina E. V.* External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian // D. L. Payne, I. Barshi (eds). External Possession. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 505—521. (Typological Studies in Language. Vol. 39).
- Popper, Eccles 1977 — *Popper K. R., Eccles J. C.* The Self and Its Brain. Springer International, 1977. P. 148—210.
- Postal 1970 — *Postal P. M.* On the surface verb remind // Linguistic Inquiry. Vol. 1. № 1. 1970.
- Pustejovsky 1991 — *Pustejovsky J.* The generative lexicon // Computational Linguistics. Vol. 17. 1991. P. 409—441.
- Pustejovsky 1998 — *Pustejovsky J.* The Generative Lexicon. Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press, 1998.
- Reichenbach 1947 — *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: The MacMillan Co., 1947.
- Rogers 1971 — *Rogers A.* Three kinds of physical perception verbs // Chicago Linguistic Society. Vol. 7. 1971. P. 206—223.
- Rozina 2001 — *Rozina R.* Cultural constraints on meaning extension: Derivational relations between actions and happenings // Pragmatics and the Flexibility of Word Meaning. Cambridge (Mass.); L.: Elsevier, 2001. P. 245—271.
- Reuther 1998 — *Reuther T.* О сочетаемости фазовых глаголов с существительными в чешском и русском языках // E. Hajičová (ed.). Issues in Valency and Meaning: Studies in honour of Jarmila Panevová. Prague: Charles Univ. Press, 1998. P. 62—74.
- Ruwet 1995 — *Ruwet N.* Les verbes de sentiment peuvent-ils être agentifs? // A. Balibar-Mrabeti (éd.). Grammaire des sentiments. [P.]: Larousse, 1995. P. 28—39. (Langue française. Vol. 105. Février 1995).
- Searle 1969 — *Searle J. R.* Speech Acts: An essay in the philosophy of language. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1969. Рус. пер. одной из глав: *Серль Дж.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Лингвистика и логика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 179—202.
- Searle 1975 — *Searle J. R.* Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Vol. 3. N. Y.: Acad. Press, 1975. P. 59—82. Рус. пер.: *Серль Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195—222.
- Searle 1991 — *Searle J. R.* Metaphor // S. Davis (ed.). Pragmatics: A reader. N. Y.; Oxford: Oxford UP, 1991. P. 519—539. Рус. пер. (с издания 1979 г.):

- Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры / Сост. и вступит. ст. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 307—341.
- Shrage 1981 — *Shrage L.* Factivity and the emotives // *Studies in Language*. Vol. 5. № 2. 1981. P. 279—285.
- Spencer 1998 — *Spencer A.* Middles and genericity // *Essex Research Reports in Linguistics*. Essex: Univ. of Essex: Dept. of Language and Linguistics, 1998.
- Stalnaker 1972 — *Stalnaker R. C.* Pragmatics // D. Davidson, G. Harman (eds). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: D. Reidel, 1972. P. 380—397.
- Stern 2000 — *Stern J.* *Metaphor in Context*. Cambridge (Mass.); L.: MIT Press, 2000.
- Sweetser 1984 — *Sweetser E.* *Semantic structure and semantic change: English perception verbs in an Indo-European context*. Trier: LAUT, 1984.
- Szabolcsi 1986 — *Szabolcsi A.* From the definiteness effect to lexical integrity // W. Abraham, S. de Meij (eds). *Topic, Focus and Configurationality*. Amsterdam, 1986.
- Talmy 1983 — *Talmy L.* How language structures space // H. L. Pick, Jr., Acredolo (eds). *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. N. Y.: Plenum Press, 1983. P. 225—282.
- Talmy 1985 — *Talmy L.* Lexicalization patterns: semantic structure of lexical forms // T. Shopen (ed.). *Language, Typology and Syntactic Description*. Vol. 3. Cambridge (Mass.): Cambridge UP, 1985.
- Talmy 2000 — *Talmy L.* *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 2. *Concept Structuring Systems*. Cambridge (Mass.); L.: A Bradford Book: The MIT Press, 2000.
- Taylor 1989 — *Taylor J. R.* *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Timberlake 1975 — *Timberlake A.* Hierarchies in the genitive of negation // *Slavic and East-European Journal*. Vol. 19. № 2. 1975.
- Traugott 1997 — *Traugott E. C.* *Semantic change: An overview* // *Glott International*. Vol. 2. № 9—10. 1997. P. 3—6.
- Tsohatzidis 1993 — *Tsohatzidis S. L.* Scenes and frames for orders and threats // R. Geiger, B. Rudzka-Ostyn (eds). *Conceptualizations and Mental Processing in Language; including a selection of papers from the First International Cognitive Linguistic Conference, Duisburg, Germany, March / April 1989*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 731—740.
- Ungerer, Schmid 1996 — *Ungerer F., Schmid H. J.* *An Introduction to Cognitive Linguistics*. L.; N. Y., 1996.
- Van Valin, LaPolla 1997 — *Van Valin R. D., LaPolla R. J.* *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. (Cambridge Textbooks in Linguistics).
- Van Valin, Wilkins 1996 — *Van Valin R. D., Jr., Wilkins D. P.* The Case for 'Effector': Case Roles, Agents and Agency Revisited // M. Shibatani, S. A. Thompson (eds). *Grammatical Constructions*. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 289—322.

- Vanderveken, Kubo 2001 — *Vanderveken D., Kubo S.* (eds). *Essays in Speech Act Theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Vendler 1967 — *Vendler Z.* *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967.
- Vendler 1970 — *Vendler Z.* *Say what you think* // J. L. Cowan (ed.). *Studies in Thought and Language*. Tuscon: Univ. of Arizona, 1970.
- Vendler 1980/1987 — *Vendler Z.* *Telling the facts* // F. Kiefer, J. Searle (eds). *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980. Рус. пер.: *Вендлер З. Факты в языке* // *Философия. Логика. Язык*. М.: Прогресс, 1987. С. 298—318.
- Veyrenc 1980 — *Veyrenc J.* *Diathèse et constructions pronominales* // *Idem.* *Le verbe russe*. P.: Institut d'Etudes Slaves, 1980. P. 233—235. Рус. пер.: *Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. *Современная зарубежная русистика*. М.: Прогресс, 1985. С. 286—302.
- Waugh 1990 — *Waugh L.* *Discourse functions of tense-aspect in French: Dynamic Synchrony* // N. Thelin (ed.). *Verbal Aspect in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Weinreich 1966 — *Weinreich U.* *Explorations in Semantic Theory* // T. A. Sebeok (ed.). *Current Trends in Linguistics*. Vol. 3. L.; The Hague; P.: Mouton, 1966. P. 395—477. Рус. пер.: *Вейнрейх У. Опыт семантической теории* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. *Современная лингвистическая семантика* / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1981. С. 50—176.
- Wierzbicka 1967 — *Wierzbicka A.* *On the semantics of the verbal aspect in Polish* // *To Honor Roman Jakobson*. The Hague; P.: Mouton, 1967. P. 2231—2249.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* *Dociekania semantyczne*. Wrocław etc.: Ossolineum, 1969.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* *Semantic Primitives*. Frankfurt am M.: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka 1980a — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. Sydney etc.: Acad. Press, 1980.
- Wierzbicka 1980b — *Wierzbicka A.* *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Caroma, 1980.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Sydney etc.: Acad. Press, 1987.
- Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A.* *The Semantics of Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka 1992a — *Wierzbicka A.* *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 1992b — *Wierzbicka A.* *Talking about Emotions: Semantics, Culture, and Cognition* // *Cognition and Emotion*. Vol. 6. № 3/4. 1992. P. 285—319.

- Wierzbicka 1994 — *Wierzbicka A.* Semantic primitives across languages: A critical review // C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Foundings*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* *Semantics: Primes and Universals*. Oxford; N. Y: Oxford UP, 1996.
- Wilson, Sperber 1986 — *Wilson D., Sperber D.* Inference and implicature // C. Travis (ed.). *Meaning and Interpretation*. Blackwell, 1986. P. 45–75. Repr.: S. Davis (ed.). *Pragmatics: A reader*. N. Y.; Oxford: Oxford UP, 1991. P. 377–392.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПРИ УКАЗАНИИ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

В качестве источников примеров использовался собранный автором машинный корпус текстов. Основная его часть — это так наз. “Упсальский корпус”: тексты из машинной базы данных Упсальского университета, составленной под руководством профессора Леннарта Лённгрена. Большой блок текстов был подарен автору профессором Лейденского университета Адрианом Барентсеном. В очень небольшом объеме — на самом последнем этапе работы — использовались тексты из архива “Национального фонда русского языка”, см. Сичинава 2002. Некоторые примеры взяты из словарей. При ссылке на пример из словаря указание прямого источника может опускаться.

Б. — И. А. Бунин
Г. — Н. В. Гоголь
Гнч. — И. А. Гончаров
Д. — Ф. М. Достоевский
И. и П. — И. Ильф и Е. Петров
Л. — М. Ю. Лермонтов
Мам.-Сиб. — Д. Н. Мамин-Сибиряк
Н. — В. В. Набоков
НМ — Н. Я. Мандельштам
Остр. — А. Н. Островский
П. — А. С. Пушкин
Паст. — Б. Л. Пастернак
С. — Солженицын

Серг.-Ценск. — С. Н. Сергеев-Ценский
Струг. — А. Н. и Б. Н. Стругацкие
Т. — Л. Н. Толстой
Тург. — И. С. Тургенев
ДЖ — Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго
ММ — М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита
УК — Упсальский корпус: тексты из машинной базы данных Упсальского университета, составленной под руководством профессора Л. Лённгрена.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абсолютивное употребление 209, 228, 341, 381–383
- абстрактность, абстрактные глаголы **41**, 174–175, 239, 363, 368, 407, 433, 437, 479, 493, 536
- абстрактное имя 135, 172, 191
- автономная референция 69–70, 284
- агентивация 249
- агентивное дополнение 51, 61, 210, 271, 279, 532
- агентивность (контролируемость) 30–31, 39, 63, 73, 76, 80–81, 132, 153, 180, 187–188, 193, 195–196, 203, 213, 217–220, 225–228, 234, 239–240, 246, 269, 271, 275–277, 279, 281–282, 284, 290, 292–293, 295, 297–298, 301, 303–305, 310, 312–314, 315, 319, 329, 335, 347, 350, 367, 370, 372, 403–404, 409, 413, 417, 424, 426, 450, 452, 461, 465–466, 468, 476–478, 481, 484, 504, 512, 526, 532 ↪ деагентивация, каузация, неконтролируемый итог
- адвербиал (адвербиальный атрибут) 60, 120, 125–126, 195, 325, 327, 329, 524 ↪ агрибул, наречие, сирконстант
- аддитивность 129
- адресат (слушающий) 71, 101–102, 105, 107, 114, 121, 139, 171–172, 258, 260, 263, 357, 359, 361, 375–376, 379, 421–422, 430, 437, 461 ↪ ^[R]Адресат
- адьюнкт 72, 76, 116, 120–122, 128, 153
- актант 25, 60–61, 72, 74–78, 87, 118, **120**–121, 337, 344, 380–381, 428, 444, 446, 451 ↪ сирконстант, участник; *ср.* синтаксический актант
- актантная структура (ролевая структура, состав участников) 33, 36, 43–44, 62, 65, 132, 220, 331, 339, 343, 346, 348, 372, 424, 444, 525, 531–532, 534
- активная зона толкования (по Langacker 1987) 99
- актуализация компонента 77, 93, 98–99, 107, 111, 128–129, 131, 139, 143, 157–158, 161, 164, 166, 221, 225, 227, 231, 253, 286, 330, 349, 356, 382, 385, 396, 407, 414, 424, 430, 497, 505, 507, 510, 524, 527–530 ↪ акцентный сдвиг, акцентный статус, фокус внимания
- актуально-длительное (актуальное) значение несов. вида 14, 32, 37–41, 48–49, 129, 181, 189, 207–208, 250, 288, 293, 307, 324–326, 328–329, 340–341, 369, 373–374, 383, 389, 396–397, 408, 423, 461–462, 464, 466, 475–477, 479–480, 482–486, 489–493, 516, 528
- актуальное членение 70, 113, 425
- акцент (фразовый) *см.* фразовое ударение
- акцент *см.* фокус внимания
- ~ на результате *см.* действие с акцентом на результате
- акцентный сдвиг 19, 37, 98–100, 110, 127–130, 135–136, 140, 143, 285, 341, 354, 407, 411, 419, 505–506, 528, 530 ↪ переменный акцент
- акцентный статус 29, 35, 45, 93–112, 128, 215, 220, 231, 277, 412, 526–528
- акциональное значение 110, 119, 204–205, 269–270, 317, 352–353, 355, 370, 382, 386–387, 495, 500, 528, 532 ↪ действие
- альтернация *см.* диатетический сдвиг
- анафора 70, 75–76, 342, 377, 381, 429, 462, 511 ↪ нуль, эллипсис (анафорические)
- антирефлексивность 215
- антонимы 18, 46, 191, 365, 392, 427, 432, 538; квазиантонимы 18, 41, 213
- апозитив, апозитивная связь 66, 137, 323, 332, 336, 342, 344
- аргумент (*vs.* адьюнкт) 72, 116–117, 120, 122, 134, 428
- аргументно-предикатная структура 27, **62**, 93, 114, 116–118, 225, 280–281, 433, 486, 492
- аспектуальная прозрачность 194
- аспектуальная характеристика (поле словарной статьи) 36
- аспектуальное значение 38, 46, 111, 189
- аспектуальный класс (по Вендлеру–Даути) 29–31, 208, 236, 275, 300, 311 ↪ таксономическая категория
- ассерция (ассертивный компонент, статус) 35, 48, 93–96, 98, 103, 105, 109–111,

* Указатель состоит из основной части и трех приложений. Пометы ^[T] и ^[R] отсылают, соответственно, к Приложениям 1 (“Тематические классы и компоненты”) и 2 (“Семантические роли”); Приложение 3 содержит список таксономических классов имен. Знак ↪ указывает понятия, близкие к основному.

- 122–124, 127–129, **131**, 139, 171, 187, 215, **258**, 262–266, 268, 285, 310, 322, 324–325, 332, 386, 397, 444–445, 450, 458–459, 508, 526–527
- ~ вторая 125–126, 332, 348
- ~ главная 128, 386
- ассоциация 106–108, 168, 170–171 → коннотация, импликация
- атрибут 57, 74, **76–77**, 120, 124–129, 231, 396
- ~ ремы 123–**127**, 129
- атрибутив (атрибутивный компонент, атрибутивный статус) 94–95, 112, **123–129**, 498, 526
- атрибутивная референция 449, 527
- атрибутивная связь 124, 127
- Базовый компонент толкования 130
- безличность 426, 440, 457
- безуспешная попытка 26, 38 → конатив
- бинимпликативные глаголы 261
- будущее время 44, 85, 265, 274, 296, 298, 305, 313, 319, 328, 356, 362, 393, 396, 399–400, 451, 476, 489, 494, 500, 510, 516–517
- бытийные предложения 425, 458, 467 → ^[T]бытийные глаголы
- Валентность (семантическая) 54, 60, 70, 80, 116–117, 159, 175, 248, 275, 279, 341–342, 349, 377–381, 383, 410, 438, 486, 489 → семантическая роль, запрет ~и, совмещение ~ей, расщепление, синтаксическая ~
- ~ нереализуемая 134–135
- вариативность 42, 135, 318, 338, 441
- вводное употребление глагола 26
- вендерловская категория *см.* аспектуальный класс
- вещная коннотация 135, 172
- вид 27, 31, 66, 115, 199, 476, 495, 501, 507, 528, 536 → аспектуальный класс, несовершенный, совершенный вид, перфект, парадигма видовых значений
- видовая пара 26, 32, 36–37, 39–40, 48–49, 111, 190, 205–206, 208, 217, 219, 228, 233, 253, 271, 275–278, 286, 312, 320, 337, 340, 351, 353, 360, 385, 396, 398, 469, 475 → перфектная, предельная ~ ~
- ~ ~ несобственная 312, 490
- видовая тройка 412
- внеязыковые знания 103
- внутренний объект 414
- внутренняя каузация 252
- возвратность, возвратные глаголы 28, 59, 67, 72, 98, 208–209, 211–212, 225, 240, 250, 273, 275–276, 278–280, 282–283, 286–288, 290, 299–300, 302, 306, 313, 363, 370, 388, 406, 413–414, 469, 512, 526, 536 → рефлексивные, рецессивные глаголы; медиальность
- временная локализация ситуации 498
- ~ ~ двойная 500
- временной интервал 100, 128, 167, 184, 341, 373, 504, 522
- ~ ~ обычный / сверхдолгий / сверхкраткий 38 → сверхдолгота / сверхкраткость
- временное состояние 212, 219, 228, 236, 275–276, 429, 432, 435, 507
- выветренное значение 43, 49, 57, 86, 129, 132, 134, 142, 151, 184, 188, 201, 227, 235, 312, 388, 423, 431, 456, 530
- Генерализация 209, 229, 236–237, 271, 388, 391, 397, 399, 420
- генитивная группа 67, 69, 117–118, 137, 248, 282–283 → посессивная группа
- генитивная конструкция 151, 186–187, **425–426**, 433, **440–459**, 464, 466–469, 533, 535, 538
- ~ ~ объекта 248, 457
- ~ ~ субъекта (генитивный субъект) 26, 81, 86, 151, 187, 194, 264, **425–426**, 438, 440–442, 445, 448, 451–453, 456–465, 469
- генитивные глаголы 86, 423, 441–446, 448–462, 464, 469
- генитивные предикативы 442, 445, 457–458
- гиперлексема 97
- гипероним 405
- гиперроль 55, 409
- глаголы результата **41**, 115, 372, 384, 531 → изменение состояния
- ~ способа 41, 234, 372, 384, 487, 493 ⊇ способ действия; ^[T] движение
- говорящий 13–17, 39, 47, 52, 54, 58, 64, 69–72, 97, 101–108, 112, 114, 120, 132, 139, 160, 171, 212, 240, 243, 248, 250–251, 257–260, 263, 265–268, 296, 315, 339, 343, 345–350, 353, 356–361, 365, 375–377, 379–381, 383, 390, 405, 417, 422, 424, 430, 435–437, 441, 443–444, 447, 449–450, 454, 456, 460, 462, 466–468, 482, 484, 491, 499, 508, 527, 533
- грамматика конструкций 77
- Данное 93, 95, 257
- дательный падеж (датив) 75, 115, 209–210, 212, 219, 237, 239, 241, 243, 246, 290, 331, 333–336, 363, 366–367, 445
- деагентивация 32, 150, 239, 288, 349, 367, 369–371, 526
- деепричастие 51, 247, 298, 302, 338, 340–342, 345, 347, 351, 353, 355, 409
- дейксис 105, 118, 242, 373–379, 381–382, 390, 394–395, 397, 399, 402, 417, 463,

- 501, 515, 517–518, 523 ↪ нуль, эллипсис, наблюдатель (дейктические), говорящий дейктическая проекция **375–376**, 381, 460 дейктическое связывание переменной 381–382
- действие 30–33, 35–41, 45–46, 63–64, 74, 81, 84–88, 110–111, 121, 142, 158–159, 175, 197, 203–207, 222, 226, 240–241, 244–246, 247–248, 264, 269–271, 276–277, 287–292, 295, 297, 299–304, 306, 310–311, 313, 314, 317, 334–335, 345, 351–352, 355, 358, 361, 363, 365, 385–387, 389, 392, 396, 402–404, 406, 452, 460, 468, 476–481, 525; инициация / исполнение ~я 133; ↪ акциональное значение, моментальность, сверхкраткость, сверхдолгота, конатив, предельное ~, способ ~я; ^[T]возместительное, ^[T]социальное, ^[T]физическое ~
- ~ идеальное 37
- ~ обычное 36, 37, 39, 41, 206
- ~ с акцентом на результате 31, 37–38, **39–41**, 84, 111, 205–207, 218–219, 226, 230–232, 234, 245, 270, 287–288, 300, 314, 322, 324–325, 327, 329, 374, 478, 485, 528, 530–531 ↪ достижение
- ~ с количественным результатом 40–41, 480
- ~ с несинхронным процессом 40 ↪ достижение, интерпретация
- ~ спонтанное 483
- ~ ^[T]волитивное 28, 37
- ~ ^[T]ментальное 28, 33, 37, 148, 225, 249, 330, 367, 368, 526
- ~ ментально-волитивное 44, 319, 320, 323, 327, 328, 329
- ~ ^[T]речевое 37, 45, 84, 273, 290, 300, 365, 368, 371, 421, 525, 535
- ~ ^[T]семиотическое 44, 159
- декаузатив, декаузативация 26, **62**, 67, 98, 148, 194, 197, 212–213, 239–241, 243, 245, 250, 279–281, 283, 286–287, 290–293, 295, 297, 300–303, 306, 363, 370, 414–415, 420, 513, 532, 536–537 ↪ медальный ~
- ~ инверсный 279, 288, 295, 304–305
- декаузативная диатеза 210, 212, 279, 282, 403
- декомпозиция 16, 31, 34, 278, 285 ↪ толкование
- делIMITATив 32, 195, 465, 480
- денотат 17, 89, 96, 155–156, 165–166, 174, 341, 392, 413, 495, 503, 534
- денотативная двойственность 409
- денотативная зависимость *см.* референциальная зависимость
- дерево зависимостей 34, 114
- дерево значений 14, 28, 226, 234, 243–244, 250 ↪ парадигма лексем, иерархическая структура
- derivационная модель 14, 16, 148–150, 153, 159, 167, 199–200, 202, 234, 249, 273, 279, 286, 288, 318, 384–385, 388, 391, 400, 406, 439, 526, 536–537
- derivационный потенциал 19, 27, 44, 154, 158, 217, 219, 305, 372, 476; *ср.* словообразовательный потенциал
- derivация *см.* семантическая, словообразовательная ~; ↪ интерпретирующая актантная ~, понижающая актантная ~, направление ~и, регулярная многозначность, семантический переход
- деспецификация 372
- детерминант **68–70**, 176, 435
- детранзитивация 148 ↪ переходность
- дефектная парадигма 13, 32, 126, 149, 271, 295, 303, 307, 323, 326, 398, 400–401, 408, 410
- дефолтная интерпретация 104, 121–122, 182
- деятельность 14, 28, 31–33, 37, 40, 49, 82, 88–89, 151, 164–165, 168–**180**, 182, 184, 187–188, 195, 197, 203–207, 231–234, 236, 266, 276–277, 287–288, 293, 295, 298, 300–304, 313, 323–325, 327, 329, 334, 355, 359, 374, 385–386, 398, 401–402, 404–406, 409, 413, 419, 448, 455–456, 475, 477–479, 482, 484–485, 490, 492–494, 520, 525, 528, 530, 535
- ~ с накоплением эффекта 37–38, 44, 479
- ~ ^[T]речевая 355
- деятельность (поле словарной статьи) 36–37
- диагностический участник 43, 45
- диатеза 27, 29, 32–33, 49, 51–52, 59–60, 62–63, 65–66, 68, 72, 78, 83, 97, 150, 161, 176, 185, 187–188, 195, 202–204, 208, 214, 216–217, 235, 251, 269–270, 275, 278, 281–282, 305–306, 311, 318–321, 324, 331, 337, 339, 342, 345, 348, 351, 354, 402–403, 489, 492, 525, 530, 532–533 ↪ каузативная, декаузативная, пассивно-потенциальная, рефлексивная, расщепленная ~; категориально-диатетическая парадигма
- ~ активная 136; ~ пассивная 210 ⊇ залог
- ~ исходная 51, 53, 57–58, 64, 67, 136, 188, 217, 225, 312, 343, 445; ~ производная 54, 57, 183, 205, 246, 288, 290, 366–368
- ~ косвенная (параметрическая) **66–67**, 139, 227, 230, 268, 270, 311, 313–316, 318, 320, 322–326, 328–329, 331, **335–336**, 340, 352, 489–491, 525, 528
- ~ прямая 66–67, 227, 268, 311, 313–315, 318, 320, 322–326, 328–329, 331, 336, 340, 489, 525, 528

- ~ с внешним Посессором 49, 67–69, 212, 226, 248–250, 284, 317, 413, 418 → подъем, экстрапозиция Посессора
 ~ с Наблюдателем 67, 203–205, 208–212, 217, 237, 444
 диатетический сдвиг 33, 51–52, 56, 58–69, 71–72, 91, 96–98, 129, 136, 150, 158, 161–162, 175, 203, 210, 212, 246, 247–249, 271, 279, 282, 284, 286–288, 312, 317–318, 326, 330, 333, 336, 353–354, 371, 390, 411, 414–415, 439, 532–534, 537
 дизъюнкция в толковании 73, 143, 233, 285
 диктум 34, 358
 дискурс 101–102 → инференция, имплицатура, коммуникативные постулаты Грайса
 диспозиция (предрасположение) 31, 270–271, 287–288, 290, 295, 298, 301–302, 366–367, 388, 525
 дистрибутивная единственность 57
 добавление (приращение) компонента 43, 57, 76–77, 119–120, 128, 150, 268, 315, 413, 442, 447 → контекстное приращение
 дополнение 52, 60, 72, 78, 170, 176, 203, 216, 221–223, 256, 318, 487, 493 → агентивное ~
 достижение 31, **38**, 40–41, 374 → действие с акцентом на результате
 За кадром (коммуникативный ранг) 45, 56–59, 63, 67, 78–79, 96–98, 105, 112, 159, 161, 201, 203, 210–212, 217, 236–237, 239, 241, 243, 247–251, 271, 293, 308, 316, 321–323, 326, 331–333, 337, 342–343, 351, 361, 366–367, 374, 380, 383, 385, 388, 401–402, 420–424, 438, 445, 465, 487–489, 491, 527, 532–534 → Центр, Периферия
 заключение по очевидности 44
 залог 51, 60–61, 235, 495
 ~ активный 51, 61–62, 445, 496, 501–503
 ~ пассивный 26, 51, 59, 61, 62, 83, 97, 203, 225–226, 246, 277, 279, 445, 448, 457, 469, 499, 512, 532, 537
 залоговая трансформация 51, **60–61**, 66, 318, 445, 532
 занятие 28, 32, 47, 206
 запрет валентности 68, 135 → синтаксическая невыразимость
 затушевывание компонента 59, 95, 97, 157, 424
 зачеркивание компонента 112–113, 119–121, 128–129, 143, 150, 528
 Игноративы 267
 идиоматичность 75, 86, 305, 496
 иерархическая структура (значения) 14, 36, 159, 419 → дерево значений
 изменение состояния, глаголы ~ 39, 41, 45–46, 55, 62, 64–65, 77, 83, 100, 226, 239–241, 249, 269, 279, 282, 303, 385–386, 446, 479, 509, 512, 526–527, 531, 537
 иллокутивная сила 359–360
 иллокутивная цель 34, 357–360, 367, 372
 иллокутивное самоубийство 358
 имя деятеля 88, 305
 имя ситуации см. отглагольное имя
 императив 26, 218, 225, 227, 230, 277, 299, 328, 360, 379, 381–382, 530
 имперфект 44
 имперфектив 273, 287–288, 304–305, 388, 494; исходно имперфективные глаголы 49
 имперфективация 374, 384, 475, 483
 имплицатив 94–95, 98, 112, 125, 127–128, 130–131, 132, 134, 138–140, 264, 266, 362–364, 444–445, 458–459, 517, 526
 ~ отрицательный 26, 94, 261, 296
 ~ положительный 26
 имплицативные глаголы 261 → биимплицативные глаголы
 имплицатура 39, 93, **101–110**, 112, 375–376, 527
 ~ общезначимая / частная 107–109
 импликация (ассертивный статус) см. имплицатив
 импликация (стандартная ассоциация) 107, **170**; см. инференция
 имплицитность 96, 121, 133, 157, 247, 417, 446, 509
 инвариант 15, 18, 148–149, 238, 327, 402, 441, 443, 458–459, 464, 481, 486, 504, 530
 ингерентная ретроспекция 243, 479, 485
 инертное состояние (по Leech 1975) 202–204 → ^[T]восприятие (инертное)
 инкорпорирование 58, 75, 159, 202
 ~ обязательное 58
 инкорпорированный участник 47, 53, 57–58, 77, 79, 81, 96, 132, 159, 176, 186, 220–221, 252–253, 299, 304, 309, 311, 315, 371–372, 377, 414, 418, 420, 422, 437, 487, 533; эскорпорирование ~ 57, 68, 79, 221, 309
 интерпретация (рамка) (поле словарной статьи) 39–41 → ^[T]интерпретация, ^[R]Субъект ~и
 интерпретирующая актантная деривация 61–62, 66, 75
 интонационная модель 259–260 → интродуктивная, презумптивная ~; линейно-интонационная структура, просодия
 интродуктивная интонационная, коммуникативная модель 260, 429, 431–432, 438
 интродуктивный статус 467

- инференция 93, **101**–102, 104, 106–107, 109–110, 112, 114, 118, 152, 170–171, 224, 228, 244, 265, 304, 339, 347, 386, 447, 451, 509, 527, 534
- ~ несуществования 152, 447, 458
- ~ необязательная 109–110
- ~ общезначимая / частная 109
- ~ потенциальная 101, 102, 109
- инцептив *см.* начинательный способ действия
- инцидентное следствие **131**
- инцидентный компонент толкования 130
- исходная лексема 15, 34, 36, 149, 158–159, 202, 243, 246, 303, 402, 405–406, 408, 412
- исходное значение 14–16, 27–28, 34, 36, 46, 49, 99, 149, 158, 182, 198, 219, 268, 286, 312, 330, 405, 411, 419, 527, 534–535 → производное значение
- итератив, итеративное (тривиальное) значение несов. вида 46, 189, 193, 199, 207–208, 219, 228–229, 235, 280, 296, 298, 303, 322, 345–346, 368, 398, 408, 412, 475, 484, 517, 522
- Казахеза 174**
- категориальная ошибка 160, 169–170
- категориальная парадигма 33, 205, 240, 398
- категориальная предпосылка 53, 58, 82, 115, 119–120, 170–172, 174, 331, 397, 423
- категориально-диатетическая парадигма 33, 202, 217, 287–288, 326, 533
- категориальный каркас значения 35
- категориальный признак, свойство 39–41, 237
- категориальный сдвиг 32–33, 35, 45, 63–64, 82, 84, 110, 121, 143, 150, 158–159, 172, 175–176, 184, 202, 245–246, 248–249, 270–271, 287–288, 291, 297, 336, 352, 365, 404, 411, 413, 415, 420, 428, 468, 525, 530, 534
- категория *см.* таксономическая ~
- каузатив, каузативация 43, 46, 98, 148, 154, 216, 272, 276, 281, 304, 393, 406, 408–409, 418, 526, 536
- каузативная диатеза 306, 403–406
- каузативные глаголы 47, 83–84, 197, 199, 275, 279–281, 283–284, 286, 292, 297, 317, 388, 423, 448, 481
- каузация 27, 43, 46–47, 97, 153, 180, 198, 269, 276, 311, 313–314, 485, 526, 532, 536 → внутренняя, фоновая ~; процесс-каузация; ^[T]каузация, ^[T]волитивные глаголы, ^[T]восприятие, ^[T]ментальные глаголы, ^[T]физическое воздействие
- ~ гарантированная 38, 358
- ~ импульсом 38–40, 479
- ~ контролируемая 30, 284, 403–404, 409, 413
- ~ неконтролируемая 30, 244, 413, 478
- каузация (поле словарной статьи) 35–37
- квазиперформатив 359
- квантификация 53–54, 75, 117
- кванторные слова 53, 57, 70, 262, 456, 463
- классификатор 141, 334
- когнитивная структура, когнитивный подход 16, 19, 99, 217, 447, 529
- количественная оценка 141–142
- количественный результат 39, 41 → действие с количественным результатом
- коммуникативная неудача 102, 381
- коммуникативная структура 70, 76, 93, 115–116, 134, 136, 260, 315, 383, 418, 425, 427, 429, 440, 453, 519, 523–524 → актуальное членение, тема, рема, линейно-интонационная структура
- коммуникативные постулаты (максимы) Грайса 101–104, 108, 110, 114
- коммуникативный потенциал 427–429, 432, 435, 438–440
- коммуникативный ранг 33, 36, 51–52, 56–58, 59–62, 64–65, 69, 76, 93, 97–98, 105, 112, 280–281, 283, 320, 322, 331, 337, 348, 486, 532; иерархия рангов 52, 58, 281, 324, 331, 532, 534 → Центр, Периферия, За кадром
- коммуникативный статус 124, 126, 131, 444
- комплетив 249, 268
- композиционность 17, 76–77, 113–129, 140, 172, 467, 496, 535
- компонент (значения) (семантический, смысловой компонент) 27–28, 34–36, 41–43, 48, 52, 55–56, 82, 93–94, 99, 101, 109, 111, 116, 129, 150–153, 219, 526 → базовый, инцидентный, конвенциональный, неустойчивый, ординарный, строевой, тематический, факультативный ~; ассерция, презумпция, атрибутив, имплицатив, фон; актуализация, добавление, зачеркивание, подавление ~а
- конатив, конативный глагол 26, 37–39, 40–41, 47, 211, 279, 301, 358, 369 → безуспешная попытка
- конативное значение несов. вида 38
- конвенциональный компонент 101–104, 131, 171
- конверсив 18, 65, 95, 97, 140, 218, 222, 281, 421–422
- конкретно-референтный статус 53, 57, 70, 237, 321, 328, 362–363, 429, 431, 435, 437–439, 442, 446, 449, 451, 453, 456, 458, 462–463, 467, 490
- коннотация 84, 106, 170–171
- констативный речевой акт (ассертив) 356

- контекст 29, 32, 39–40, 43, 54, 80, 84, 86, 93, 100, 103, 106–108, 114–115, 117, 120–121, 131, 143, 148, 171, 268, 304, 329, 538
 ~ лексический / синтаксический 114, 116
 ~ “мощный” 26, 507
 ~ противоречащий 498–499
 ~ прототипический 143
 контекстное приращение 110, 226, 244, 370, 531
 контекстный сдвиг 15, 28, 86, 112, 114–115, 117, 130, 135, 143, 148, 176, 191, 198, 240, 268, 410, 428, 527–528
 контроль *см.* агентивность; ↗ деагентивация, (контролируемая) каузация, неконтролируемый итог
 контрфактическая модальность 118
 контрфактическая презумпция 47
 контрфактическое значение 88, 265
 концепт 17, 113, 155–156, 220–221, 224, 226, 493–494, 529–530 ↗ метафорический, родовой ~
 ~ актанта 76, 116–117, 119–120
 ~ ситуации 52, 57, 60–61, 76–78, 113–115, 118, 121, 128, 130, 156–157, 162, 174, 211, 217, 226, 232, 284, 308, 326, 378–379, 382, 417, 419, 424, 436, 447, 466, 478, 494, 505, 529,
 ~ участника 53, 57–58, 76, 116
 концептуализация 17–18, 52, 72, 84, 86, 96, 155–158, 160, 162, 165, 173–174, 220–221, 224, 231–232, 281, 326, 387, 393–395, 400, 417, 530
 концептуальная структура 17, 113, 155–156, 158–160, 205, 355, 529, 532, 534
 ~ ~ исходная 158–159
 концептуальная выделенность 224
 концептуальная метафора 174
 кореферентность 53–54, 66, 135, 137, 237, 244, 248, 300, 341–342, 367
 корневая лексема *см.* исходная лексема
 косвенная номинация 134, 136, 182, 298, 340
 косвенный вопрос 26, 66, 139, 152–153, 225, 227, 256, 262–268, 272, 305, 310, 315–316, 320, 323, 325–326, 328, 335, 454 ↗ диатеза (косвенная)
 ~ речевой акт 152
 критерий Маслова 205, 219, 233, 275, 312, 396, 475, 507
- Легенда (поле словарной статьи) 36
 лексикализация 69
 “Лексикограф” 18–20, 27, 34–35, 98, 361, 526
 лексико-синтаксическая структура 114, 116
 лексическая предпосылка 118, 134, 400
 лексическая функция 46, 86, 182, 185, 493
 лексическое правило 16–17, 65, 149, 534
- линейно-интонационная, линейно-акцентная структура 59, 93, 113, 115–116, 125, 260
 литота 362
 личная сфера говорящего 241, 253, 375, 426, 434–435, 440, 443, 448, 452
 логическое следствие 103, 114, 158, 201
 локализация *см.* местонахождение
- Макророль 55
 маркированность 37–39, 115
 маркированный способ действия 32, 37, 198
 медиальность 211, 404, 445, 495, 526, 537 ↗ пассивно-потенциальная диатеза
 медиальный декаузатив 61, 248, 279, 302, 406
 метафора, метафорический перенос 15, 19, 88–89, 107, 120, 135, 157–160, 168–176, 232–233, 235, 278, 331, 336, 384, 389, 392, 393, 400, 410, 417, 420, 529–530, 534; главный / вспомогательный субъект ~ы 170, 172; ↗ концептуальная, онтологическая ~; фокус ~ы
 ~ живая 142, 162, 171–173, 176
 ~ стершаяся 162, 171–172
 метафорический концепт 89–90, 141, 165, 417
 метонимия, метонимический перенос 15, 19, 56, 63, 72, 82–84, 90, 92, 119, 130, 133, 141, 157–169, 175–176, 184–185, 235, 243, 246, 269, 274, 294, 309, 317, 326, 331, 336, 338, 345, 349, 354–355, 387, 395, 407, 416–421, 424, 432, 439, 495–497, 505, 514, 524, 529–530, 532, 534
 ~ живая / стершаяся 162
 многократное значение несов. вида *см.* итератив; ↗ эмфатическая многократность
 модальность 25, 43, 47, 54, 118–119, 180, 194, 227, 237, 286, 318, 329, 349, 365, 377, 449 ↗ контрфактическая ~, ^[R]Субъект ~и
 модель “Смысл⇔Текст”, 72, 134, 182
 модель управления 62, 68, 319
 модификатор 94, 111, 125, 128, 429, 453, 455, 496, 499–500
 момент наблюдения 181, 224, 241, 325, 339, 344, 347, 462, 499, 518
 момент речи 181–183, 186, 189, 482, 496, 498–501, 503, 508, 510, 516–518, 521, 523, 533
 моментальность, моментальные глаголы 37, 39–41, 44, 164, 189, 193, 219, 222, 224, 228, 242, 307, 329, 342–343, 345–346, 348, 353, 362, 364, 373, 475–481, 483–493, 504
 моментальный переход 39
 мотивированность значения 14, 28, 89, 176, 179–180, 195, 312, 441, 450, 502

- Наблюдатель 39, 43, 45, 53–54, 59, 67, 71, 91, 100, 128, 151, 183, 186, 190–193, 197, 201, 203, 208, 210–215, 217, 236–243, 247–251, 275, 367, 376–380, 382–385, 387, 389, 394–400, 402, 405, 410, 415–418, 420–422, 426, 443–447, 450, 452, 455–466, 468, 479, 527, 533, 535 → диатеза с ~ем; временная позиция ~я 182–183, 186, 339, 350–353, 462, 505, 516–518 → точка отсчета; синхронная, ретроспективная, проспективная позиция
 ~ “врожденный” 213–214
 ~ дейктический 212–213, 250
 ~ перемещающийся 184, 190, 238, 377–380, 389–390, 394–397
- намеренность см. агентивность
- напоминание (речевой акт) 260
- направление деривации, производности, семантического перехода 28, 147–148, 279, 312, 406, 413, 468, 475, 536–537
- наречие 60, 87, 111, 117, 121, 125, 129, 195, 199, 221, 234, 238, 275, 277, 280, 291, 330, 349, 413, 420–421, 424, 510, 513, 523–524
- нарративный режим 375, 382, 399, 501–502, 518, 520, 523, 533
- настоящее время 26, 229, 262, 271, 339, 341, 346, 351, 381, 395, 399, 428, 430, 433, 436, 451, 466–469, 484, 490–491, 495, 497, 499–503, 515–518, 520–521, 523
 ~ историческое 66, 189, 345, 361, 489, 501, 516
 ~ расширенное 341, 484
- начинательность 43, 46, 124, 150, 179–181, 269, 504, 507, 509, 513–514, 529, 532;
 оператор ~и 124; → ^[T]начинательные глаголы
- начинательный способ действия, глаголы
 ~~~ (инцептивы, инхотативы) 32, 48, 99, 153–154, 180–181, 195, 198, 205–206, 216, 233, 269, 379, 386, 396, 504–511, 513, 535
- нейтрализация 49, 153
- неконтролируемый итог 39–40
- нексус 135
- неопределенный референтный статус 429, 431, 435, 437, 453
- нереферентный статус 53, 66, 323, 429, 431, 437, 446–447, 453, 457–459, 463, 467
- несобственная категория 173
- несобственный участник 417
- несовершенный вид 179, 206, 277, 288, 339, 373, 475–476, 483, 530 → актуально-длительное, итеративное, конативное, общезначительное, перфектное, процессное, стативное значение; имперфектив
- несочувственная интерпретация 265
- неспецифицированный способ действия 37, 41, 214, 240, 396, 478–479, 484, 532
- неустойчивый компонент 93–94, 120–121, 138, 216, 234, 499 → агрибутив
- новое 95, 260
- номинативный субъект, номинативная конструкция 426, 440–442, 447–454, 456, 458–466, 533
- нормативность 176, 301
- нулевая форма глагола *быть* 428, 430, 433, 436, 467, 495–499, 501
- нулевой ранг см. За кадром
- нуль (синтаксический), нулевой заместитель 68, 70, 74, 377, 380, 382 → эллипсис
 ~ анафорический 75–76, 342, 377
 ~ дейктический 54, 75, 241, 377–379, 383, 479
- Общезначительное значение несов. вида 216, 228, 345–348, 352, 399, 429, 431, 461, 464–465, 477, 519–520, 528, 533
- объект (синтаксический) 51, 55–56, 58–60, 76, 80, 82, 84–85, 487–488, 492–493
- обязательность 73, 220–222, 224, 229, 301, 304, 309, 325, 402, 407, 429, 433, 448, 477, 481, 528 → синтаксическая ~, факультативный участник, инкорпорирование
- обязательный участник 43, 56, 58, 60, 72–75, 96, 118, 121, 131–132, 153, 197, 201, 213, 240, 251, 278–279, 310, 323, 344, 377–382, 387, 414, 427, 444, 451
- обязательство (комиссив) 356
- одновременность 394, 501–502, 505
- одушевленность / неодушевленность 81–82, 84, 87, 97, 142, 150, 169, 396, 417, 419, 424, 433, 442, 451–452, 456, 465–466
- онтологическая категория 30, 89, 135, 392–393, 477, 483
- онтологическая метафора 89
- опорное имя генитивной группы 67–68
- определенность 61–62, 85, 187, 229, 430, 435 → слабая ~, конкретно-референтный статус
- опущение неспецифицированного актанта 26, 58, 61–62, 74–75, 78, 251, 380–383, 533
- ординарный компонент 93, 102, 109–110, 121, 527
- “осциллирующее” значение 115
- отглагольное имя 26, 36, 86, 88, 129, 132, 134–135, 142–143, 164, 179, 186, 200, 262, 305, 312, 345, 414, 536
- отрицание 25, 38–40, 44, 46, 51, 54, 94, 112, 116, 122–128, 131, 137, 139, 142, 180, 186, 198, 211, 215–216, 218, 223, 257–260, 264, 266–269, 286, 298, 322, 325, 328, 339, 344–345, 347–349, 374, 425–426,

- 428, 430–433, 437–438, 440–442, 444–445, 448–459, 461, 466–467, 510, 521–522, 527, 531–532, 535, 538
- отрицательная пропозиция 44, 47
- оценка 46, 94, 106, 120, 143, 156, 211, 215, 217, 220, 281, 285, 316, 325, 327, 341, 344, 346, 349, 352, 354, 409, 484 → количество ~, презумпция (оценочная), ^[R]Субъект ~и
- Падежная рамка 52
- парадигма видовых значений 26, 32, 295, 307, 323, 400
- парадигма лексем (парадигма семантической деривации, регулярной многозначности 15, 19, 27, 44, 149–150, 153–154, 166, 202, 213, 236, 240, 244, 249, 268–270, 273, 275, 284, 286, 303, 311, 314, 336, 385, 398, 401–403, 405–406, 408–410, 414, 457, 538 → дефектная, категориальная, категориально-диатетическая парадигма параметр (vs. атрибут) 74, 76, 120–121, 125 параметр значения (семантический параметр) 25, 27–28, 30–34, 43, 45, 50, 82–83, 112, 116, 120, 150, 157, 219, 526 параметрическое имя 66, 90, 139, 227, 305, 309–310, 318, 320, 322–323, 332, 335 паргитив 449, 453 пассив, пассивная конструкция см. залог; → псевдопассивная конструкция ~ безагенсный 61 пассивно-потенциальная диатеза 211, 280, 287–288, 290–291, 293, 295, 300–302 → медальность пассивно-причастный оборот 495–499, 501 пассивное состояние 203, 468 → ^[T]восприятие (пассивное)
- переменная 19, 52–54, 56–58, 62, 66, 72, 76–77, 80, 116–117, 262, 361, 402 → связывание ~ой
- переменный акцент (глаголы с ~) 37, 277
- переход в новое состояние 30, 39, 148, 167, 281, 487, 506–507, 522 → моментальный переход
- переходный глагол, переходность 81, 234, 279, 377, 406, 414, 445, 452, 457, 487, 536 → транзитивация, детранзитивация
- Периферия (коммуникативный ранг) 33, 36, 51, 56–59, 63–64, 67, 69, 97–98, 112, 157–158, 160–161, 175, 203, 212, 239, 247, 279, 282–284, 314, 318, 320, 326, 331, 333, 337, 340, 351, 353, 401, 404, 411, 414–415, 422, 487, 527–528, 532 → Центр, За кадром
- перлокутивный глагол 360
- перспектива 57–58, 60, 96, 161, 241, 251, 476, 533 → коммуникативный ранг
- перфект 468, 499–503, 519
- перфектная видовая пара 219, 228, 270, 312, 385, 528
- перфектное значение несов. вида 207
- перфектное значение сов. вида 189, 506, 523, 528 → стативное значение
- перфектное состояние 207–208, 213, 219, 231, 236, 243, 250, 269–271, 288, 290, 293, 295, 298, 301–302, 310, 339, 362–364, 385–387, 389–390, 483–484, 491, 498, 503, 505–506, 508, 510–511, 514, 518–520, 523, 528
- перформативность 26, 200, 231, 285, 303, 307, 357–360, 365, 368, 372, 483 → квази-перформатив
- перцептивная выделенность (salience) 222, 224, 229–230
- перцептивное пространство 443–444, 446, 448 → поле зрения
- побуждение (речевой акт) 356, 361, 364, 368, 370–371, 530
- подавление компонента 102, 108, 111, 182, 258, 271, 285, 371, 435, 446–447, 498–499, 505, 517, 530
- подавленная тема 523–524
- подлежащее 51–52, 60, 69–70, 72, 76, 83, 87, 96, 136–137, 151, 170, 184, 238, 248, 250, 258, 280–281, 284, 302, 388–389, 391, 426–427, 438, 445, 448, 459, 523
- подчеркивание см. актуализация компонента подчиняющий оператор, предикат 25, 69, 114–115, 117–118, 134, 136, 138, 143, 179, 194–195, 264, 341, 523
- подъем Посессора 67–68, 187, 212, 226, 245, 282, 306, 333 → диатеза с внешним Посессором, экстрапозиция Обладаемого; ^[R]Посессор
- подъем Приема 245–246, 249, 284, 288, 297, 300, 367 → ^[R]Прием
- поле зрения 46, 91, 96, 151, 191–193, 201, 210, 213, 224, 233, 237–238, 244, 250, 260, 377, 390, 405, 437, 443, 446–447, 450, 452, 458, 464, 509
- полипредикативная конструкция 323
- понижающая актантная деривация 61
- понятийная категория 538
- попытка см. конатив; → безуспешная ~
- порождающая грамматика 52, 538
- порядок слов 70, 93, 95, 115, 125, 127, 519 → линейно-интонационная структура
- посессив, посессивная группа 67–68, 69, 71, 282–284, 306, 418, 422, 443 → ^[R]Посессор, ^[R]Облаемое
- правдоподобное заключение 110 → инференция
- прагматика, прагматическая характеристика 51, 58–59, 92, 104, 258, 336, 378, 517
- предел, предельность, 36, 46, 159, 359, 478

- предельная видовая пара 206, **475–476**, 478–480, 493, 504, 528
 предельное действие / происшествие / процесс, 31, 36–37, 164, 476
 предельные глаголы 37–39, 111, 129, 475–477, 528
 предикат 52, 259, 445 ⇢ глагол, предикатив
 предикатив 211, 259, 496
 предикативное употребление 132, 137, 142
 предикатное имя *см.* отглагольное имя
 предикатный актант 36, 180, 262
 предметное имя 138, 183–185, 209
 predisposition *см.* диспозиция
 предстояние 31, 189, 483
 презумптивная коммуникативная модель 260
 презумпция (пресуппозиция), презумптивный статус 38, 85, **93–96**, 98, 103, 110–111, 122–124, 131, 139, 142, 248, 256–**257**, 259–260, 262–263, 265–266, 268, 322, 325, 332, 344, 347, 364, 397, 426, 433, 444, 447, 458, 508, 526
 ~ единственности 362, 435
 ~ известности 258, 260, 492
 ~ истинности *см.* фактивная ~; ⊃ контрфактическая ~
 ~ оценочная 259
 ~ существования 139, 151, 158, 238, 259, 362, 425, 429, 431, 437–438, 440, 446–449, 452, 456–457, 459, 492
 препозиция / постпозиция 124, 347, 497, 499
 пресуппозиция *см.* презумпция
 Принцип кооперации 101–103
 приставочные глаголы 65, 81, 109, 148, 180, 182, 195, 216, 373, 377, 379–380, 382–384, 487
 продуктивность 16, 46, 63, 65, 88, 105, 148–149, 162–163, 166–167, 176, 194, 200, 249, 282, 384–385, 390, 401, 406, 410, 413, 440, 448, 536
 производное значение 13–16, 18, 28, 34, 44–46, 49, 88, 99–100, 107, 109, 134, 147–149, 151, 158, 189, 193, 196, 198–203, 205–206, 212–213, 219–220, 227–228, 234–235, 237, 243, 270, 279, 285–288, 305, 312, 314, 385–386, 388, 400, 405–406, 408, 411–412, 416, 468, 475–476, 526–527, 531, 535 ⇢ исходное значение
 производность ⇢ семантический переход
 происшествие 30–33, 35, 44, 98, 121, 158, 204–205, 207, 213, 217–218, 234, 244–248, 264, 269–271, 277, 287–288, 290–292, 295, 297, 299, 302, 311, 313, 314, 317, 335, 355, 398–399, 425, 477–478, 481, 484–485 ⇢ предельное ~
 ~ каузативное / некаузативное 33, 37
 ~ с действующим субъектом 31, 33, 205, 208, 477, 479
 ~ с субъектом ответственности 33
 ~ ^[T]ментальное 33, 44, 49, 316
 ~ ^[T]речевое 355
 ~ ^[T]физическое 44, 49
 пропозициональный актант 88, 117, 119, 152, 209, 224, 258, 260, 265–260, 262–263, 266, 268, 272, 278, 280, 290, 300
 пропозициональный предикат, оператор 117, 122–123, 138–139, 448
 просодия 27, 88, 93, 95, 106, 112, 115, 123, 128, 142, 224, 258, 260, 265, 325, 341, 414, 431, 533 ⇢ интродуктивная, презумптивная интонационная модель
 проспектива, проспективная позиция Наблюдателя 462, 476, 479, 516–517
 профилирование 99; *см.* фокус внимания
 процесс 14, 26, 30–33, 38, 40, 63, 84–85, 88, 111, 129, 142, 147, 149, 159, 164–165, 179–189, 191, 194–195, 203, 233, 243, 302–303, 373, 384–385, 390, 392, 397, 401–406, 408–409, 413, 415–418, 475–476, 504, 506, 516, 520, 526, 528–529, 534–536 ⇢ предельный ~
 ~ в объекте: (не)синхронный деятельности субъекта 37–39, 49, 479, 485
 ~ ^[T]физиологический 170
 процесс в объекте (поле словарной статьи) 36–37, 39
 процесс-каузация 403–406, 409, 413, 415, 418–419, 421
 процессное значение несом. вида 85, 148–149
 процессный компонент сов. вида 195
 прошедшее время 26, 44, 181, 204, 262, 265, 271, 296, 328, 339, 341, 346, 351, 381, 393, 395, 399, 430–431, 468–469, 484, 495–496, 500–502, 510, 515–517, 520, 523–524, 533
 ~ ~ расширенное 341
 прямая речь 285, 291, 305, 366
 псевдопассивная конструкция 83
 Разделительная множественность 286
 рамка 39 *см.* интерпретация
 ранг *см.* коммуникативный ранг
 расщепление, расщепленная диатеза **49**, **67–69**, 161, 212, 248, 282–284, 287–288, 290–295, 297–302, 304, 306, 320–321, 331–336, 368, 415, 418–419, 437, 481
 регулярная многозначность 14–16, 19, 26–28, 30, 34, 88, 142–143, **147–149**, 151, 153, 200, 202, 242, 273, 307, 318–319, 326, 336, 360, 370, 386, 392, 407, 410, 425, 439, 443, 468, 503, 529–**531**, 535, 537 ⇢ парадигма ~ ~, семантическая деривация

- режим интерпретации 181, 250, 501, 533 ↗
речевой, синтаксический, нарративный
~~
- резонанс 240, 428
- результат 26, 33, 35, 37–39, 129, 148, 198,
224, 243, 310, 312, 317, 324–331, 356,
385, 460, 475–480, 486, 499, 528–532,
535 ↗ количественный ~, действие с
акцентом на ~е; глаголы ~а, ^[R]Результат
- результат (поле словарной статьи) 35–37, 39,
315
- результующее состояние 128–129, 133, 233
- реляционное имя 69–70, 117–118, 322
- рема 69, 76, 95, 100, 112, 117, 123–125, 127,
129, 247, 260, 283, 316, 332–333, 425,
429–430, 432, 436, 438, 440, 454, 456,
467, 499–500, 519–520, 523 ↗ атрибут
~ы, коммуникативная структура
~ главная / побочная 124, 332
- рематическое выделение (рематический ак-
цент) 93–96, 110–112, 526
- реструктурирование толкования 128–129,
140, 454
- ретроспектива, ретроспективная позиция На-
блюдателя 339, 345–348, 350, 352, 380,
462, 466, 476, 479, 485, 516–517, 522,
533 ↗ ингерентная ретроспекция, обще-
фактическое значение несов. вида
- референциальная вершина 70
- референциальная зависимость 57, 69, 70–
71, 284, 426–428, 433–435 ↗ автономная
референция, argument dependence
- референциальная компактность 70
- референциальный идентификатор 66
- референциальный интервал
~~ открытый / замкнутый 515
- референциальный статус 29, 53, 76, 85, 116,
329, 411, 425, 428, 456, 459, 462–463,
492 ↗ конкретно-референтный, неопре-
деленный референтный, нереферентный,
родовой, интродуктивный статус; опре-
деленность; автономная, атрибутивная
референция
- рефлексивы, рефлексивные глаголы, рефлекс-
ивизация 59, 66, 69, 215, 279, 282, 287–
288, 299–302, 304, 306, 370, 426 ↗ дей-
ствие (рефлексивное)
- рефлексивная диатеза 287, 290–291, 293, 302
- рецессия, рецессивные глаголы 59
- речевой акт 355–361, 379 ↗ действие (ре-
чевое); косвенный, констативный ~~,
напоминание, обязательство, побуждение,
упрек, экспрессив, эмфатическое несо-
гласие; условие успешности ~~; теория
речевых актов
- речевой режим 181, 250, 377, 501–502, 516–
518, 520, 523, 533 ↗ режим интерпрета-
ции
- родовая категория, концепт 19, 83, 90, 134–
135, 165, 180, 393, 402, 407, 534
- родовое имя 319, 323–324
- родовой референциальный статус 57 ↗ гене-
рализация
- родовой Агенс 54
- родовой субъект 47, 212, 449
- родовой Эксперимент / Наблюдатель 47, 208,
210–212, 290
- ролевая структура см. актантная структура
роль см. семантическая роль
- Сатуратив 198
- сверхдолгота, сверхдолгое действие 38, 40–
41, 46
- сверхкраткость, сверхкраткие глаголы 37–38,
41 ↗ временной интервал
- сверхкраткое действие: с несинхронным
процессом: с неконтролируемым итогом
40
- свойство 28, 31–32, 33, 35, 63, 75, 121, 165,
168, 208, 219, 228, 237, 277, 321, 388,
390, 392, 398, 403–405, 408–409, 413,
415, 420, 427, 435, 437, 440, 525 ↗ соот-
ношение
- связочные глаголы 134, 136–137, 277, 421,
495–497
- связывание переменной 75–77, 116–117, 119–
120, 381–382
- сдвоенные роли см. совмещение ролей
семантическая аномалия 118, 121
- семантическая вершина толкования 136, 143
- семантическая деривация 13–14, 17–19, 27–
28, 34, 44, 48, 49, 81–82, 85–86, 97, 99,
107, 130, 147–154, 157–159, 175, 183,
200–204, 219, 226, 234, 249, 270, 273,
279, 285, 287–288, 313–314, 316, 328,
330, 354, 370, 384–386, 390, 392, 401,
404–406, 410–413, 477, 488, 525–530,
536–537 ↗ деривационная модель; деривационный, словообразовательный потен-
циал; направление деривации, парадигма
лексем, регулярная многозначность
- семантическая карта 537
- семантическая компетенция говорящего 118,
129
- семантическая парадигма см. парадигма лек-
сем
- семантическая роль 36, 43, 49, 51–60, 62,
64, 66, 68, 74, 76, 80, 87, 91, 97, 115–
116, 119, 220, 244, 273, 275, 278, 280–
282, 312, 319–320, 331, 337–338, 352,
419, 486, 525, 534 ↗ валентность, гипер-
роль (макророль), тета-роль, совмещение

- ролей, семантическое обоснование ролей; см. Приложение 2
- семантическая структура 17, 30, 43, 48, 95, 113–114, 116, 124–125, 155–156, 160, 384, 402, 441, 455, 484, 513–514, 529, 532
- семантические сандхи 114; см. семантический стык
- семантический мостик 148
- семантический переход (сдвиг, изменение значения) 15, 27–28, 54, 82, 88, 92, 98, 109, 129, 135, 147–148, 150, 152–153, 163, 166, 190, 226, 249, 273, 352, 371, 386, 410, 414, 416, 420, 441, 468, 476, 526, 535, 537 → акцентный, диатетический, категориальный, контекстный, тематический сдвиг, направление ~
- семантический стык 114, 116–118, 120, 122, 129
- семантическое обоснование ролей 55–56
- семантическое поле 42–43, 173, 180; см. тематический класс
- семантическое представление 76, 80, 114, 117, 125, 443, 452 → толкование
- семантическое ядро 35 → категориальный каркас
- семельфактив 198, 236, 337, 412, 475, 480
- синонимы 14, 18, 28, 35, 47, 132, 171, 174, 181, 189, 228, 230, 235, 329, 390–391, 421, 423, 427, 441, 515, 521, 529, 538
- ~ контекстные 151
- синонимическое преобразование 13, 34, 49, 51, 134, 156, 341, 394, 418, 456, 522
- синтаксическая валентность 55, 137–138
- синтаксическая невыразимость 53–54, 57, 59, 78, 96, 105, 132, 159, 210, 235, 240, 290, 299, 302, 309, 315, 334–335, 343, 362, 422–424, 533
- синтаксическая обязательность 74–75, 323, 382–383, 425, 432–433, 437
- синтаксическая позиция участника 36, 51, 53, 57–62, 64, 68, 74–75, 80, 91, 97, 133, 159, 175, 208–209, 244, 273, 278, 281–283, 285, 319, 331, 333, 352, 419, 422, 428, 534
- синтаксическая прозрачность 194
- синтаксическая структура 13, 34, 113–114, 118–119, 248, 458
- синтаксическая форма 53 → синтаксическая позиция участника
- синтаксический актанта 52–53, 60, 66, 76–77, 80, 87, 116, 241, 245, 251, 305, 320–321, 331–332, 343, 362, 404, 410, 416, 422, 428, 437
- синтаксический контроль 68, 70, 76
- синтаксический режим 250, 501
- синхронная позиция Наблюдателя (синхронная перспектива) 40, 182, 346, 350–353, 461–462, 464, 466, 476–477, 479, 482, 485, 502, 516–518, 520, 522, 524, 533, 535
- синхронность 44, 278 → действие (с несинхронным процессом), процесс (синхронный деятельности)
- сирконстант 25, 60, 72–79, 110, 116, 118, 120–121, 153, 222, 251–253, 304, 330, 337, 355, 378, 380–381, 415 → атрибут, параметр
- системное вытеснение 194, 226, 303, 383, 408
- системный подход 16, 18–19, 25, 27, 173, 525, 529
- слабая определенность 126, 435, 437
- слабая степень проявления признака 126–127
- слабый компонент см. атрибутив
- следствие (семантическое) 48–49, 77, 103, 114, 131, 136, 170, 375, 434, 456, 461 → инцидентное, логическое ~
- следствие (поле словарной статьи) 36 → инференция
- словообразовательная деривация 13–14, 18, 28, 134, 147–150, 154, 163, 198, 202, 204, 236, 305, 386, 407, 434, 475, 480, 526, 536–537
- словообразовательный потенциал 26–27 → деривационный потенциал
- слушающий см. адресат
- смежность (перенос по ~и) 160, 162, 166, 168
- ~ временная 160, 497, 505
- ~ причинно-следственная 160
- ~ пространственная 160, 227, 497, 505
- снятая утвердительность (контекст ~) 297–298, 316, 328–329
- собственное имя 53, 162, 164, 435
- событие 30, 32, 55, 88, 94, 104–105, 121, 126–128, 163, 165, 174, 179, 181–187, 191, 193, 204, 239–240, 243, 246, 247, 269–271, 274, 277–278, 281, 291–293, 297–298, 310, 317–318, 330, 389, 394–397, 399, 411–412, 417, 454, 475, 484, 489, 491, 494–500, 503, 505–507, 509–514, 518–523, 532 → ^[R]Событие
- ~ когнитивное 507, 509
- ~ ^[T]перцептивное 203, 389, 444
- событийное значение сов. вида 69, 100, 129, 161, 168, 182–183, 204, 495–498, 500, 503, 505–507, 509, 513–514, 518–519, 523–524, 528
- совершенный вид 19, 36, 39, 100–111, 121, 179, 181, 193, 195, 228, 277, 288, 339, 475–477, 486, 497, 503–505 → ставное /
- событийное значение сов. вида
- совмещение значений (в одном контексте) 43, 84, 143, 165, 167, 198, 266, 313, 339,

- 357, 370–371, 384, 416, 443, 462, 468, 479, 496, 503, 506, 508, 515, 522, 524
- ~ ролей (валентностей) 54, 56, 71–72, 99, 211, 221, 250, 281–282, 320, 331, 380, 404, 407, 413, 415, 432, 448, 487, 492
- соотношение 31–33, 287, 311, 397–398, 423, 429, 431, 435
- состояние 30–32, 48, 55, 75, 83, 86, 88, 100, 121, 129, 135, 139–140, 143, 147–149, 161, 167–168, 174, 181–182, 184–185, 187–189, 191, 193–194, 204–205, 217, 228, 231, 243, 257, 266, 276–278, 287–288, 291, 293, 295, 298, 301–303, 305, 311, 347, 350–351, 361, 371, 384, 387, 392, 425, 427, 495–496, 497–499, 504–511, 513, 520, 522–523, 525, 528, 535, 537 → временное, устойчивое, перфектное, результирующее, узуальное, инертное, пассивное ~; переход в новое ~; ^[T]каузированное психическое ~, ^[T]изменение ~я,
- ~ наблюдаемое 197
- ~ ориентированное на начало / конец 508–510, 514, 529
- ~ ^[T]волитивное 85, 269, 356, 356, 358, 361
- ~ ^[T]ментальное 33, 43, 45, 182, 189, 269, 271–272, 279, 278, 356, 358, 368, 388, 489, 490–491, 494
- ~ ^[T]перцептивное 189, 210, 239–240, 249–250, 269, 511
- ~ ^[T]физиологическое 33
- ~ ^[T]физическое 33, 189, 384
- ~ ^[T]эмоциональное 33, 103, 131, 138, 140, 182, 189, 273–276, 278, 280–281, 286, 290, 292
- сочетаемость 13, 25–27, 31, 41, 44–46, 66, 73–75, 77–78, 84–86, 89–90, 110–111, 113, 122, 153, 173, 176, 179, 182, 188, 194, 196, 199, 208, 217, 219–221, 225, 231–232, 238, 251, 253, 277–278, 304, 307, 323, 325, 352, 370, 377, 400, 403, 405, 423, 432, 458, 463, 465, 497, 499, 510, 522, 531, 533
- способ действия 41, 78, 217, 356, 372, 480, 493–494, 531–532, 535 → маркированный, неспецифицированный, начинательный ~~, глаголы ~а; ^[R]Способ
- способ (поле словарной статьи) 35–37, 39
- средний залог *см.* медиальность
- ставив, ставивность 32, 48, 69, 204–205, 226, 252, 300, 303–304, 311, 349, 352, 386, 388–390, 396, 399–400, 426, 450, 461, 466, 468, 479, 496 → состояние, соотношение
- ставивное значение несов. вида 40, 48, 85, 149, 199, 277, 304, 385, 387, 390, 482, 484, 518, 523
- ставивное (статальное) значение сов. вида 69, 100, 129, 161, 168, 182–183, 242, 495–501, 503, 505, 507–508, 510–511, 513–515, 522, 528–529 → перфект
- ставивные глаголы 75, 284, 384–386, 457, 460, 537
- строевой компонент 43, 45–47, 180, 198, 214, 216, 269, 276, 532
- субъект 30, 51, 53, 56, 58–59, 76, 80–88 → генитивный, номинативный, родовой ~; происшествие, процесс; ^[R]Субъект восприятия, модальности, оценки, сознания
- сфера действия 65, 77, 111, 115, 117–119, 122–124, 126, 128, 139, 143, 179, 195, 221, 262, 322, 384, 448, 455, 499–500, 506–508, 510–511, 513, 518, 520, 522, 528
- схематизация 157
- Тавтология 103–104, 106, 122, 257
- таксономическая категория глагола (Т–категория) 19, 27–44, 83, 150, 169, 202–204, 214, 217, 231, 269–270, 275, 277, 287, 311, 355, 392, 402–403, 405, 425, 428, 477, 518, 525, 531 → аспектальный класс, категориальная парадигма, категориальный сдвиг
- ~~ предикатного актанта 36, 89, 180–181, 184, 191, 247
- таксономический класс участника (Т–класс) 27, 29, 32, 36, 45, 53, 58, 62, 64, 80–89, 80–92, 115, 119, 150, 158–159, 170, 172, 174, 209, 216, 236, 244, 299–300, 311–312, 320, 330–331, 334, 395, 402, 425, 428, 525, 534; иерархия Т–классов 84; *см.* Приложение 3
- текущий момент текста 181, 399, 501, 517, 523
- тема (*vs.* рема) 59, 69–71, 76, 95–97, 111–112, 247, 281, 283–284, 316, 414, 425, 429–430, 432, 438–440, 456, 499, 523–524 → подавленная ~, коммуникативная структура
- тематическая коммуникативная модель 429, 431–432, 435
- тематическое выделение 93, 95, 97, 111–112, 331, 337, 527, 534, :
- тема (поле словарной статьи) 36
- тематический класс 19, 27, 29, 32–34, 36, 42, 43–46, 50, 66, 83, 149–150, 158, 180, 198–199, 202, 205, 209, 216–217, 226, 237, 243, 268–269, 275–276, 284, 286, 307, 311, 319, 340, 352–354, 356, 360–361, 384–385, 401–402, 405–406, 413, 419, 425, 428, 468, 486, 525, 532, 534–535; *см.* Приложение 1

- тематический компонент 42–43, 45, 47, 180, 355, 477; *см.* Приложение 1
- тематический сдвиг 44–45, 64–65, 84, 99, 159, 249, 285, 287, 291, 294, 301, 303, 327, 346, 352, 367, 405, 410–411, 526
- тенденция 31, 189, 194, 207, 484–485
- теория референции 155
- теория речевых актов 355, 357, 359–360
- тета-роль 52
- толкование 15–17, 19, 27, 30, 34–35, 42, 44, 46, 48, 52, 54–56, 65, 73, 76, 78, 86, 88, 93–94, 97, 110–111, 114–115, 117, 128–129, 131, 135–136, 143, 149, 158, 180–181, 280, 359, 405, 411, 428, 526; модификация ~я (decomposition) 416; формат ~я 20, 31, 34, 36, 182, 531–532; ↪ активная зона, реструктурирование ~я, дизъюнкция в ~и
- ~ схематическое 20, 27, 35–36, 127, 220, 256, 268, 278, 360
- точка отсчета 501–503, 505, 516, 518, 523 ↪ наблюдатель; проспективная, ретроспективная, синхронная позиция наблюдателя
- транзитивация 148 ↪ переходность
- трансформационная грамматика 13, 34, 51
- трансформационный подход 467, 535
- трансформация 13, 26, 34 ↪ залоговая ~
- треугольник Фреге 17, 155
- троп 160, 168
- Узуальность 46, 190
- узуальное состояние 498
- узуальное употребление 397, 498, 516, 521
- уменьшительность 536
- упрек (речевой акт) 341
- условие успешности речевого акта 359–360
- условное наклонение 125, 328, 454
- устойчивое состояние 100, 237, 250, 275–276, 455, 507
- уступительность 107, 110, 344
- участник 29, 52–56, 60, 62, 80 ↪ диагностический, инкорпорированный, обязательный, факультативный ~; концепт ~а, несовместимость ~ов; актант, сирконстант
- Фаза 179, 183, 187, 189, 193 ↪ состояние, ориентированное на начало / конец
- ~ конечная 86, 129, 186, 373, 384, 480, 483, 493, 531
- ~ начальная 86, 182–185, 189, 194, 480, 493
- ~ срединная 86, 475, 493
- фактивность 26, 83, 256–268, 296–299, 356
- фактивная презумпция 26, 47, 256, 258–263, 266–268, 296
- факультативный компонент 47, 233, 285, 316, 358
- факультативный участник 73–75, 98, 153, 201, 251, 253, 279, 311, 319, 331, 378, 414–415, 434
- фигура—фон 19, 60, 157
- фокализация 68, 95 ↪ тематическое выделение
- фокус внимания 17, 19, 37, 49, 58, 63, 65, 78, 96–97, 99–100, 111–112, 130–131, 137, 140, 156–157, 161, 179, 183, 201, 213, 215, 220–221, 223–224, 231, 234, 242, 252, 285, 313, 324–327, 335, 347, 363, 373–374, 379, 384, 412, 424, 484–485, 493, 495, 499, 505, 524, 527–530; сдвиг (смещение) ~ ~ 93, 98–100, 128, 130, 156, 158–162, 175, 242, 316, 322, 328–329, 331, 346, 354, 374, 417, 478–479, 493, 505, 514, 527–530, 532, 534 ↪ акцентный сдвиг, переменный акцент
- ~ метафоры 170
- ~ эмпатии 69, 71
- фон 100, 130–131, 143, 157, 182, 230, 310, 315, 347, 362, 386, 390, 412, 416, 436, 494, 520, 527; *ср.* фигура—фон
- фоновая каузация, фоновый Каузатор 211, 402–404, 407, 409–411, 414–415, 417–418, 532
- фоновая пропозиция 125
- фоновое знание 257, 259
- формализация 20, 34, 118, 526
- формальная семантика 15, 31, 113–114, 116, 538
- форматирование 34; *см.* толкование (формат толкования)
- формула значения 16–17, 25, 27, 31, 36–37, 43, 46, 98, 193, 197, 208, 231, 256–258, 263–264, 266, 268, 340, 348, 413
- форсированное употребление 184, 192, 211, 276–277, 292–293, 295, 300–302, 408, 442–443, 448, 454–455, 457
- фразеологически связанное значение 106, 173, 175, 354, 406, 530
- фразовое ударение 26, 47, 94, 127, 210, 318, 325, 332, 341, 347, 354, 429, 431, 436, 453, 531
- ~ ~ главное / второстепенное 26, 115–116, 120, 142, 260–261, 265, 325, 341, 347
- Целеполагание 30, 37, 63, 159, 172, 378, 385, 404, 410, 455–456, 465
- цель 32, 36, 39–40, 48, 55, 64, 66, 73–74, 119, 159, 197, 206, 216–217, 233, 245, 269, 284, 297, 314, 322, 325, 337, 344, 355–358, 368, 378, 383–384, 402, 404–405, 413, 476–479, 486, 491, 493–494
- цель (поле словарной статьи) 35–36
- Центр (коммуникативный ранг) 36, 57–58, 64, 98, 112, 128, 157–158, 160–161, 320,

- 322, 324, 331, 333, 337, 339–340, 342–343, 345–346, 349, 351, 353–354, 411–412, 414–415, 494, 527
 центральный / периферийный падеж 58
- Эвиденциальность 468, 538
 экзерситив (по Остину) 483–484
 экспансия падежа 441, 448, 454
 экспликация *см.* толкование
 экспозиция (поле словарной статьи) 35–36
 экспрессив (речевой акт) 356
 экстрапозиция Обладаемого 67–69, 368
 ~ Посессора 49, 67, 69
 эллиipsis → нуль, опущение неспецифицированного актанта
 ~ анафорический 75, 377
 ~ дейктический 429, 462
 ~ контекстный / ситуативный 432
 эмпатия 69–71, 409 → фокус ~и
 эмфатическая многократность, множественность 296
 эмфатическое несогласие (речевой акт) 456
- Юнкция 135
- Языковое поведение 13–14, 25, 26–27, 37, 39, 48, 89, 153, 179–180, 193, 217, 226, 231, 240, 256, 273, 275, 290, 304, 318, 340, 344, 357, 525–526
- Accomplishment 31 *см.* предельное действие
 achievement 31, 218 *см.* действие с акцентом на результате
 activity 31 *см.* деятельность
 alternation (альтернатива) 26, 148 → диатетический сдвиг
 argument dependence 69 референциальная зависимость
- Background knowledge 257 *см.* фоновое знание
 bleaching (выветривание) 530 → выветренное значение
- Change of state verbs 385 *см.* изменение состояния
 coerced meaning 454 *см.* форсированное употребление
 cognate object 414 *см.* внутренний объект
 comment 95 *см.* рема
 container 89 *см.* вместитель
 continuous causation 37 *см.* процесс-каузация
 conversational implicature 101 *см.* имплицатура
 conversational inference 102 *см.* инференция
 cross word identification (отождествление семантических полей) 56
- Definiteness effect 453
- demotion 59, 97 *см.* затушевывание
- Entailment 103 *см.* следствие
 evidential inference 44 *см.* заключение по очевидности
 expectation (ожидание) 106
- Focalization 95 *см.* фокализация; → тематическое выделение
 focus 95 → тематическое выделение
 foregrounding 95 → тематическое выделение
- Genitivus partitivus 449 *см.* партитив
 genus proximum 19, 83 *см.* родовая категория
- Happening 30 *см.* происшествие
 home based factor 375 *см.* личная сфера говорящего
- Image creation verbs 91 *см.* ^[T]создание образа
 implicature 101 *см.* имплицатура
 ~generalized / particular (общезначимая / частная) 107
 inactive action (по Croft 1991) 202 *см.* инертное состояние
 incremental theme (накопитель) 37
 inference 93, 101 *см.* инференция
 instigator (инициатор процесса) 63
 invited inference (“приглашенная” инференция) 101
- Juncture 116 *см.* семантический стык
- Lexical rule 65 *см.* лексическое правило
 linking problem 278, 534
- Mass terms (имена веществ) 453
 meaning extension / shift 15, 365 *см.* семантический переход
- Promotion (продвижение) 59, 95, 97 → тематическое выделение
- Salience 222 *см.* перцептивная выделенность
 speech act verbs 355 *см.* ^[T]речь и передача сообщения
 state 31 *см.* состояние
- Topic 95 *см.* тема
 topicality hierarchy 58, 532 → коммуникативный ранг
 topicalization 95 → тематическое выделение
 type shift 184 *см.* категориальный сдвиг
- Understatement 362 *см.* литота
 unspecified object deletion 58 *см.* опущение неспецифицированного актанта
- Verbs of manner 41 *см.* глаголы способа
 verbs of result 41 *см.* глаголы результата

Приложение 1. Тематические классы и тематические компоненты

- бытийные глаголы 42, 128, 158, 205, 243, 390, 405, 407, 409–410, 416, 425–467, 531, 535 → местонахождение, существование
- внутреннее состояние, глаголы ~ 349, 384, 521 → волитивные, ментальные глаголы, эмоции
- воздействие *см.* физическое ~
- воздействие на волитивное состояние, глаголы ~ 269, 356, 358
- воздействие на ментальное состояние, глаголы ~ 43, 269–272, 279, 356, 358, 368, 388, 489, 490–491, 494
- возмездительное действие, глаголы ~ 42, 74, 368–369
- воля, волитивные глаголы 28, 37, 85, 307, 309–314, 316, 320, 322, 330, 337, 343, 345–346, 356, 361, 527 → воздействие на волитивное состояние
- восприятие, глаголы ~я (перцептивы) 27, 33, 42–47, 49, 53, 67, 71, 91, 112, 136, 147, 150, 152, 174, 180, 185, 189, 197–252, 261, 269, 274, 306, 320, 328, 378, 387, 389, 410, 413, 417, 423, 425–426, 439, 443–448, 451–453, 455, 458–459, 461, 464–465, 480–482, 485, 511, 526–527, 530–532, 535; каузация ~я 210; → перцептивная выделенность, перцептивное пространство; событие, состояние (перцептивные); наблюдатель; ^[R]Субъект ~я, ^[R]Экспертиент
- ~ активное 200, 203; ~ пассивное ~ 200, 445
- ~ воображаемое 200, 205, 209, 212, 215, 219, 227, 405
- ~ затрудненное 215
- ~ зрительное 200, 202, 214, 217–221, 223, 225, 227, 229, 231–232, 237–238, 240, 242, 251
- ~ инертное 202, 204
- ~ нечеткое ~ 209, 212, 214–215
- ~ ошибочное ~ 205, 208, 210, 214–215, 236, 239
- ~ слуховое ~ 200, 202, 214, 229, 232, 423–424
- выбор, выделение элемента из множества, глаголы ~а 489, 492, 494, 528
- географические глаголы 388–389
- градуальные глаголы 77, 121–122
- движение (направленное перемещение), глаголы ~я 27, 42–43, 45, 49, 55, 65, 74, 81, 87, 99, 109–110, 115, 174, 180, 183–185, 192–193, 195, 198–199, 201, 205, 209, 213, 231–232, 235–236, 238, 240, 252, 279, 286, 300, 306, 373–400, 402, 406, 410–411, 413, 417, 443, 445, 450, 455, 458, 460, 468, 478, 511, 526, 532; глаголы способа ~я 82, 355, 478, 531
- ~ наблюдаемое ~ 197, 243
- ~ произвольное 403
- ~ фиктивное 231–232, 234, 236, 252
- деформация, глаголы ~и 36, 46, 99, 107, 130, 205, 356, 411–412, 488
- желательность 73
- звук, глаголы ~а 26–27, 39, 42–45, 49, 57, 74, 84, 99, 111, 130, 149, 158–159, 161–162, 243, 249, 385, 401–423, 527, 532
- знание, глаголы ~я 27, 42, 47, 49, 119, 152–153, 199, 231, 250, 256–268, 305, 337, 494, 526, 532
- идентификация, глаголы ~и 91, 197, 215
- изменение значения параметра или признака 46, 55, 479
- интерпретация, глаголы ~и 39, 41, 45, 76, 208, 293, 298, 304, 340–342, 346–349, 352–354, 368, 409, 479, 483–484
- инициативы *см.* начинательность
- испускание запаха, звука, света, глаголы ~... 197, 214
- каузация, глаголы (общей) ~и 42, 47, 83, 311, 313, 479, 526, 532, 536
- каузированный психическое состояние, глаголы ~ 83, 269, 276, 303, 489
- контакт, глаголы ~а 46, 48–50, 73, 109, 123, 127, 201, 279, 286, 384, 321, 323, 328, 387, 482, 488, 526–527
- ~ временный / постоянный 328
- ~ зрительный 223, 410
- ~ как предпосылка / следствие 49, 148, 201
- ~ межличностный 152, 201, 215, 227
- ~ ментальный 69
- ~ обязательный / потенциальный 148
- ~ плотный 111
- ~ пространственный 169, 235
- ~ прочный 49
- ~ с поверхностью 89
- ~ с приложением силы 48, 127, 527
- ~ физический / идеальный 48, 148, 443
- лативные глаголы 379–380, 382–383
- ментальные глаголы 28, 33, 37, 42–45, 49, 72, 119, 143, 148, 174, 182, 189, 199, 207, 215, 222–223, 225–226, 228, 231, 234, 249, 271, 273, 278, 285, 287, 291, 312–313, 316, 319–320, 323, 327–330, 356, 367–368, 370, 384, 388, 482, 491, 525–526 → воздействие на ментальное

- состояние, знание, мнение; действие, происшествие, состояние (ментальные)
- местонахождение, глаголы ~я 43, 46, 49, 55, 87, 193, 217, 242, 387, 425–428, 430–431, 433–434, 436, 440, 443, 446, 448, 450, 456, 459, 464, 467–468, 535 → бытийные глаголы
- мнение, глаголы ~я (путативы) 42, 44, 119, 131, 199, 231, 256, 259, 261, 263–265, 267, 307, 309–313, 316, 322, 358, 365–366, 370, 446, 494, 527
- наблюдаемое состояние, глаголы ~ ~ 197
- намерение 44, 223, 226, 269, 307–308, 310–312, 316, 368, 494, 527
- начинательность, начинательные глаголы 48, 85–86, 124, 180–196, 450, 454, 504, 534 → фазовые глаголы
- обладание, глаголы ~я 42, 49, 153, 174, 198, 200, 484
- ожидание 47, 105, 107, 109, 125–128, 187, 223–224, 325, 376, 430, 443, 454–455, 461, 508, 510, 521
- ответственность 130–132, 134–140, 527
- относительное расположение объектов 45, 243, 387
- перемещение (направленное) *см.* движение
- перемещение объекта, глаголы ~ ~ 42, 45–46, 48–49, 54, 64, 83, 328, 385, 388, 403, 406, 411, 468, 487, 527, 535
- перцептивы *см.* восприятие
- поведение, глаголы ~я 140, 218, 290, 298, 307, 340, 484 → ^[Г] глаголы интерпретации
- подача сигнала, глаголы ~ ~ 42–44, 159, 372, 409, 411, 413, 416
- полная поглощенность действием, глаголы ~ ~ ~ 198
- полный охват, глаголы ~ ~ 65, 89, 216, 234, 387
- положение в пространстве, глаголы ~ ~ ~ 46, 49, 153–154
- прекращение существования / состояния 82, 107, 159, 454, 456, 486, 508–510, 534
- преобразование, глаголы ~я 488
- прибытие, глаголы ~я 81, 377
- принятие положения, глаголы ~ ~ 42–43, 153
- принятие решения, глаголы ~ ~ 42, 44, 307–353, 483
- приобретение признака, глаголы ~ ~ 41–42, 189
- причина — следствие 18, 103, 133, 140, 157, 168, 344
- пространственное расположение, глаголы ~ ~ 45, 214, 389–390
- проявление признака, глаголы ~ ~ 445
- психическое состояние *см.* каузированное ~ ~, эмоции
- путативы *см.* мнение
- разрушение, глаголы ~я 84, 356, 413–414, 456, 478
- разум 90, 307–311, 314–316, 319, 324, 327, 330, 343, 345, 527
- реакция, глаголы ~и 74, 357, 361, 363
- ~ интеллектуальная 274, 278, 292, 294
- речевой жест, глаголы ~ ~ 372; *ср.* языковой жест
- речь и передача сообщения, глаголы речи 37, 42–43, 45, 72, 84–85, 180, 199–200, 205, 219, 225, 228, 261, 269, 271, 273, 276, 285–287, 290–291, 294, 300–301, 303–304, 355–372, 413, 421, 423–424, 482, 525, 535
- семиотическая цель *см.* подача сигнала
- создание, глаголы ~я 42–43, 46, 55, 107, 205, 329, 356, 413, 448, 487–488, 491–492, 535
- ~ изображения 42, 46, 91–92, 488
- ~ интеллектуального объекта 269, 313, 489, 491, 494
- ~ образа 91
- ~ зрительного образа 220–221, 223, 225, 227
- ~ ментального образа 220–221, 312, 316
- ~ препятствия / преграды 48
- социальное действие, глаголы ~ ~ 44, 309, 319
- стимул (глаголы-~ы) 357
- существование, глаголы ~я 119, 138–139, 150–152, 174, 193, 201, 242–243, 250, 390, 425–427, 430, 433–434, 437–440, 443–453, 458–459, 526, 530 → презумпция существования, бытийные глаголы
- удача 37, 47 → конатив, успех
- уничтожение 46, 55, 107, 111
- ущерб 74, 107, 131, 138, 141, 216, 369, 526; глаголы нанесения ~а 456
- фазовые глаголы 42, 48, 122, 179–195, 364–365, 480, 489–490, 494, 528; собственно ~ ~ 180–181, 186, 188, 193–195
- физиологические глаголы 33, 81, 170 → процесс, состояние (физические)
- физическое воздействие, глаголы ~ ~ 42, 49, 86, 99, 278, 286, 402, 527
- физическое действие, глаголы ~ ~ 33, 44, 48–49, 85, 148, 189, 300, 319, 328, 330, 384, 479–481, 525 ⊇ происшествие, состояние (физические)
- холистическое значение *см.* полнота охвата
- часть — целое 49, 86, 118, 148, 157, 168, 188, 321, 328, 386–387, 391, 417–418, 427–428, 433, 467, 526
- чувство, глаголы чувства *см.* эмоции
- экзистенциальные глаголы *см.* существование, бытийные глаголы
- элативные глаголы 99, 379–383

эмоции, глаголы ~ий (эмотивы) 33, 42, 44, 71, 82, 85–86, 89, 103, 107, 131, 138, 140–141, 143, 174, 180, 182, 189, 259, 261, 263–264, 273–306, 308, 526, 528, 535 → каузированное психическое состояние

эмоциональное отношение, глаголы ~ ~ 275–276

языковой жест, глаголы, обозначающие ~ ~ 81

Приложение 2. Семантические роли

Автор 371

Агнс 30, 33, 36–37, 39, 51–56, 58–59, 61–64, 66, 72, 75, 80, 87, 97, 115, 137, 159, 161–162, 175, 188, 213, 239–240, 246, 247, 249–250, 269–270, 276, 280, 284, 297, 309, 311–319, 321, 323–331, 333–337, 343, 346, 348–349, 353, 355, 361, 364, 366–368, 409, 422, 426, 452, 478–479, 484, 486–488, 490–492, 494, 500, 513, 532, 534 → родовой ~

Адресат 43, 55–56, 58, 74–75, 115, 219, 240, 243, 269, 271, 356–358, 360–361, 363, 365, 368–369, 410, 486 → Аудитория, Слушатель

Аспект 282–284, 290, 293–294, 297, 300

Аудитория 365

Бенефициант 55–56, 435

Вещь 425, 427–431, 433–438, 440, 443–448, 450–452, 455, 458, 465, 467

Время 74, 381

Деятельность 364

Должность 333–334, 489

Заинтересованное лицо 433–434

Звук 407, 414, 416, 420

Значение параметра 66, 311, 319–323, 331–337

Изображение 91–92, 493

Инструмент 30, 33, 36–37, 41, 54–58, 62–63, 73, 75, 78, 80, 87, 162, 175, 217, 222, 252, 284, 331, 355, 409–410, 414, 419, 513

Инструментальное действие 317, 491

Исполнитель должности / роли 333, 336

Источник звука 45, 49, 53, 232, 249, 401–402, 404–405, 407, 409, 413–420

Источник опасности 338, 349–350

Исходная точка 39, 55, 85, 87, 99, 183, 232, 235, 242, 374, 376–377, 379, 381–383, 417

Каузатор 30, 40, 45, 53, 55–56, 61–62, 63–64, 76, 84, 98, 119, 159, 210–211, 225, 239, 246, 247, 249, 269–270, 279, 281, 290, 302–303, 317–318, 334, 367, 401–402, 404, 406, 409, 414–415, 418–420, 478, 532 → Причина, фоновая каузация

Класс 437

Конечная точка 43, 54–55, 65, 74, 87, 99, 241, 252, 373–374, 376–377, 379, 381–383

Контрагент 57, 59, 361–362, 364

Концепт 221 → Содержание

Критерий 319–321, 327, 329, 490

Лишнее 87, 251, 533

Материал 488, 493

Медиатор 409 → Инструмент

Мероприятие 432

Место 32, 49, 51, 55–56, 58–59, 64–65, 75,

78, 87, 92, 153, 161, 191, 211, 220, 232–

233, 241, 247, 249, 252, 328, 331, 381,

409, 419, 425–435, 437, 439–440, 443–444,

446–448, 455, 459–460, 463, 465–466

Мир бытия 191–192

Мир несуществования 451

Мишень 221, 233, 282–284, 290, 293, 304

Множество выбора 75, 78, 309, 311, 314–316, 319–328, 330, 337, 489

Мотив 311, 314–315, 337, 343, 346, 348–349, 351

Наблюдатель 53–54, 59, 67, 210, 250, 382–

385, 402, 405, 417, 421, 443–447 → наблюдатель

Назначение 78

Намерение 314

Направление 233

Начало 183, 185–188

Обладаемое 67–68, 212, 248, 282–284, 333

Образ 47, 91, 200, 209, 215, 220–221, 239, 493

Означаемое 421

Означающее 421

Опасность 337, 339–340, 346–348, 370 → Источник опасности

Основание 44

Отрицательное последствие 337–339, 341, 343–346, 348–354, 364

Параметр 66, 309, 311, 319–323, 331–336

Пациент 36, 39, 45, 49, 51, 54–57, 60, 63–65, 82, 87, 115, 161, 225–226, 281–282, 331,

388, 391, 409, 414, 479, 487–488, 492–493

Пенсия / Жалованье 336

Перцепт (объект восприятия) 45, 47, 67,

78, 88, 152, 201, 206, 209, 211, 216–217,

- 220–221, 224–226, 229, 232–235, 237, 239, 250, 252, 410, 423, 452
- Покупатель 66, 97
- Поле зрения 241, 243
- Положение вещей 309, 311
- Поссессор 67–68, 70–71, 115, 175, 246, 249, 282–284, 333, 448 → подъем, эстрапозиция ~а, диатеза с внешним ~ом, генитивная группа
- Поступок 337–338, 340, 342–343, 345–351, 353–354, 368
- Преграда 213, 216, 235–239, 242, 247, 252, 382
- Прием 246, 250, 271, 284, 288, 292, 295, 297, 299–300, 302, 317, 355 → подъем ~а
- Признак 214, 247–248, 317, 319, 321, 326–327, 329
- Причина 55, 74–76, 278–284 → Каузатор
- Проблема 311, 314–315, 319, 321, 328
- Продавец 66, 97
- Проход 252
- Процедура 312, 315, 328
- Путь 377
- Ракурс 253
- Результат 36, 43–44, 63, 66, 72, 269–270, 312–313, 320, 337, 340, 410, 477, 486–494, 525, 528
- Речевое произведение 365–366, 371, 422–424 → Текст
- Решение 314, 316–318
- Роль 333–334, 432, 489
- Свойство 437
- Слушатель 424
- Событие 248, 270, 332–333
- Содержание 55, 65, 85, 136, 278–283, 285, 290, 294, 303, 361–364
- Способ 245, 355, 493 → Прием
- Среда 43, 159, 172, 410
- Срединная точка 373, 377
- Средство 37, 52, 54–56, 60, 64–65, 87
- Срок 121
- Степень 122, 253
- Стимул 47, 91, 200, 205, 209, 215, 221, 225, 227, 232, 239, 278–279, 282
- Субъект восприятия 51, 78, 168, 197, 201, 212, 215, 237, 250, 410 → наблюдатель, Эксперидент
- Субъект модальности 131
- Субъект оценки 51, 62, 64, 131, 278, 339, 353
- Субъект сознания 131–134, 139, 141, 151, 191, 251, 257, 267, 271, 276, 310, 313, 350, 361, 421, 426, 434–436, 443–444, 446–448, 451–452, 458, 460–462, 465, 491, 533
- Сфера проявления признака 247
- Текст 72, 77, 371–372, 422
- Тема 51–53, 55, 64–65, 71, 91, 331, 333–335, 425, 487
- Товар 66, 97
- Транспортное средство 75, 78
- Участник события 331, 333–335
- Фаза 195
- Фон 216, 252
- Целое 176, 328, 418
- Ценность 66, 337–338, 340, 345, 347–349, 351–352
- Часть 176, 418
- Эксперидент 47, 54–56, 65, 67, 87, 152, 201–202, 204, 208–213, 215, 217, 220, 224–226, 229, 232, 235–237, 239–240, 243–246, 247, 249–252, 278–282, 286, 290, 303, 306, 317, 367, 402, 421–423, 444–446, 491, 533 → Субъект восприятия

Приложение 3. Таксономические классы имен

- БОЛЕЗНЬ 84, 87, 162
- ВЕЩЕСТВО 81, 85, 87
- ВМЕСТИЛИЩЕ 80, 83–84, 88–90, 160, 162, 166, 168, 173, 386, 417, 534
- ВОЛЯ 90
- ВРЕМЯ 90, 162, 164, 172–173, 190, 321, 331; ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ 119, 162–164, 181–182, 184–185, 395
- ГОЛОС 90
- ГРАНИЦА 166
- ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ 92
- ДЕЙСТВИЕ 81, 132–133, 135–136, 140, 164–165, 343, 346, 348; КОЛИЧЕСТВО ДЕЙСТВИЯ 142
- ДЕНЬГИ 172–173, 336
- ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 89, 350, 364
- ДОЛЖНОСТЬ 336
- ЖИВОЕ (СУЩЕСТВО) 43, 45, 81–82, 159, 166, 170–171, 209, 415
- ЖИВОТНОЕ 136
- ЖИДКОСТЬ 80, 159, 525
- ЗНАК 162
- ИДЕЯ 173
- ИЗДЕЛИЕ 162

- ИЗОБРАЖЕНИЕ 92
ИНСТРУМЕНТ 83–84, 85, 87, 175, 407
ИНФОРМАЦИЯ 83, 269–271, 365, 367
ИСТОЧНИК ЗВУКА 162
КОЛЛЕКТИВ 85, 309, 312–313, 315, 327, 386
ЛИЦО 30, 32–33, 36, 45, 53, 58, 61, 71, 80–85, 87–88, 115, 132, 152, 175, 209, 216, 218, 227, 236, 240, 246, 248, 276, 282, 284, 286, 292, 312, 314, 317, 321, 327, 331, 333–336, 343, 346, 348–350, 352–353, 362–363, 365, 367, 415, 419, 432, 435, 439
МАССА 48, 59, 64, 80–81, 83, 85, 87, 89–90, 135, 141–142, 165–166, 173, 448, 453
МАТЕРИАЛ 162
МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ 36, 81–85, 88–89, 115, 153, 181, 183–185, 191, 193, 239, 244, 328, 331, 333, 350, 396–397, 403, 416, 430, 480, 492, 494; ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ 166
МЕРОПРИЯТИЕ 81, 164, 184, 315, 432–433
МЕСТО 58, 64, 85, 87, 92, 162, 165, 185, 321, 331
МНОЖЕСТВО 80, 85–86, 386, 427
НАПИТОК 83
ОБРАЗ 91
ОРГАН 47, 90, 228, 309, 393, 407, 534
ПАРАМЕТР 82, 151, 321, 328, 331, 333, 335
ПИЦЦА 173
ПОВЕРХНОСТЬ 165–166
ПОМЕЩЕНИЕ 84, 87, 166
ПОСТУПОК 130, 133–141, 293, 341, 352, 527
ПРЕДМЕТ *см.* МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ
ПРИРОДНАЯ СИЛА 30, 32, 64, 81, 84, 403, 415, 439
ПРОДУКТ 162
ПРОИЗВЕДЕНИЕ 160, 162, 168
ПРОСТРАНСТВО 165, 190, 534; ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ 167, 170–171, 184, 388–389, 398; УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА 85, 87, 157, 166, 429
ПРОЦЕСС 83–85, 89, 165, 180, 416, 420; БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРОЦЕСС 534
РАСТЕНИЕ 82
РЕСУРС 166, 172–173, 509
РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ 420–421
СИТУАЦИЯ 83–85, 88, 132, 194–195, 282, 314, 326, 331, 343, 346, 348, 352, 362, 365, 372
СОБЫТИЕ 81, 83–85, 89, 119, 162, 314, 331–335, 346, 350, 370, 405–406, 416, 449, 476, 478, 485
СОДЕРЖИМОЕ 160, 162, 166, 168, 417
СОСТОЯНИЕ 83, 85, 89, 334, 350
СПОСОБНОСТЬ 47, 90, 228, 252, 309, 407
СРЕДСТВО 334
СУБСТАНЦИЯ 84, 89–90, 115, 140–142, 173, 429, 534 → МАССА
СУЩНОСТЬ 181, 191, 326, 332–335, 429
ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО 43, 81–82, 85, 418, 450
УДЕЛ, ЖРЕБИЙ 318, 334–335
УСТРОЙСТВО 81, 84–85, 166, 403, 405, 407–409, 415–416
УЧРЕЖДЕНИЕ 84, 162, 166
ФАКТ 83, 90, 138–139, 367
ЦЕННОСТЬ 172
ЧАСТЬ ТЕЛА 68, 81, 87, 90, 162, 175, 417
ЧЕЛОВЕК *см.* ЛИЦО
ЧИСЛО 336

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акимова Т. Г. 522
Антинуччи Ф. (Antinucci F.) 486
Аппель А. 492
Апресян В. Ю. 63, 111
Апресян Ю. Д. 14–20, 28, 32, 38, 39, 42, 46, 47, 52–56, 59, 63, 65, 67, 69, 73, 77, 78, 81–83, 85, 87–89, 91, 95, 96, 99, 100, 104, 113, 115, 119, 122, 128, 134, 135, 142, 143, 147, 148, 150, 152, 180, 186, 202, 204, 212–214, 251, 262, 266, 274, 283, 285, 307–309, 319, 325, 339, 340, 358, 373, 375, 376, 380, 388, 390, 403, 406, 410, 415, 416, 419, 423, 428, 441–443, 448, 450, 453, 461, 463, 464, 475, 480, 485, 487, 524, 529, 533, 534
Аристотель 170, 175
Арутюнова Н. Д. 20, 44, 68, 83, 122, 135, 172, 256, 259, 274, 276, 278, 282, 308, 309, 425, 427, 436, 459, 466, 467, 531
Аткинс Б. Т. С. (Atkins B. T. S.) 221, 222, 224, 337, 347, 355, 415
Ахманова О. С. 14
Бабенко Л. Г. 42
Байби Дж. Л. (Bybee J. L.) 101
Баранов А. Н. 316, 416
Барентсен А. (Barentsen A.) 20, 510, 570
Барши И. (Barshi I.) 67, 212
Бах Э. (Bach E.) 116
Бейкер К. Л. (Baker C. L.) 263
Бенаккио Р. 20
Бенвенист Э. 357, 501
Бирюлин Л. А. 57
Блэк М. (Black M.) 107, 170, 171
Богуславская О. Ю. 130
Богуславский А. (Bogusławski A.) 264, 427
Богуславский И. М. 20, 70, 73, 76, 94, 113, 116, 120, 123–125, 180, 181, 187, 261, 342, 455, 504
Бондарко А. В. 38
Борщев В. Б. (Borshev V.) 20, 72, 81, 91, 117, 157, 425, 426, 449, 450, 453, 456, 463
Бочаров С. Г. 15
Браун Дж. (Brown G.) 101
Брокгауз Ф. А. 140, 337
Булаховский Л. А. 498, 501, 512
Бульгина Т. В. 20, 26, 30, 31, 86, 89, 94, 106, 107, 130, 212, 214, 219, 256, 263–268, 276, 305, 316, 323, 328, 340, 361, 392–394, 398, 482, 532
Бэбби Л. Х. (Babby L. H.) 441, 442, 448, 458, 464
Вайс Д. (Weiss D.) 20, 69, 71
Ван Валин Р. Д. (Van Valin R. D.) 17, 39, 52, 55, 95
Вандервекен Д. (Vanderveken D.) 357
Вежбицкая А. (Wierzbicka A.) 16–19, 30, 31, 33–35, 44, 46, 55, 59, 74, 78, 81, 83, 85, 87, 93–95, 104–106, 121, 131, 143, 155, 158, 180, 181, 193, 195, 209, 219, 220, 228, 240, 252, 257, 264, 268, 278, 357–361, 364, 369, 370, 373, 381, 386, 393, 402, 427, 428, 444, 458, 488, 504, 526, 534
Вейнрейх У. (Weinreich U.) 113
Вейренк Дж. (Veyrenc J.) 59
Вендлер З. (Vendler Z.) 29–31, 152, 218, 256, 262–264, 266–268, 358, 385, 482
Виноградов В. В. 499, 512
Во Л. (Waugh L.) 501
Всеволодова М. В. 377
Гаврилова В. И. 33, 149
Гак В. Г. 99, 433
Гаспаров М. Л. 18, 162, 168, 176
Геберт Л. (Gebert L.) 486
Гейс М. Л. (Geis M. L.) 101
Генюшене Э. Ш. (Geniušienė E.) 66, 195, 279
Гжегорчикова Р. (Grzegorzczkowska R.) 477
Гивон Т. (Givón T.) 58
Гиппиус А. А. 511
Гиро-Вебер М. (Guiraud-Weber M.) 441, 442, 448–450, 452–454, 457, 460, 468
Гладкий А. В. 114
Гловинская М. Я. 37, 38, 135, 195, 229, 269, 312, 340, 360, 361, 369, 385, 390, 476, 483, 504
Гоголь Н. В. 15, 118
Годдард К. (Goddard C.) 18, 35, 183, 358, 361, 364, 373, 374, 376, 378
Голдберг А. Э. (Goldberg A. E.) 77, 410
Грайс Г. П. (Grice H. P.) 101–104, 107, 114
Григорьев О. 159

- Григорьян Е. Л. 63
Григорян М. Н. 21
Гримшо Дж. (Grimshaw J.) 62, 278, 280, 281
Грин Дж. М. (Green G. M.) 102
Грубер Дж. С. (Gruber J. S.) 52, 58, 157
Гуковский Г. А. 240
- Даль В. И. 25, 232
Даль О. (Dahl Ö.) 537
Даути Д. Р. (Dowty D. R.) 16, 19, 31, 37, 52, 58–60, 65, 149, 205, 233, 532
ДеЛанси С. (DeLancey S.) 55, 84
Джонсон М. (Johnson M.) 19, 30, 89, 135, 172, 173, 175, 393, 396
Джонсон-Лэйрд П. (Johnson-Laird P.) 220
Джэккендофф Р. С. (Jackendoff R. S.) 34, 55–57, 157, 174, 278, 425
Дик С. Ч. (Dik S. C.) 30, 58, 59, 87, 209
Дмитровская М. А. 257
Добровольский Д. О. (Dobrovol'skij D.) 20, 175, 200, 511, 512
Доннеллан К. С. (Donnellan K. S.) 449
Достоевский Ф. М. 15
Дэвис У. А. (Davis W. A.) 104
- Ермакова О. П. 193
Есперсен О. 115, 135, 487, 499, 502
Ефрон И. А. 140, 337
- Жолковский А. К. 98, 169
- Зализняк А. А. 20, 86, 235, 296, 401, 457
Зализняк Анна А. 17, 18, 20, 26, 65, 94, 109, 121, 195, 210, 215, 256, 261, 265, 273, 275, 285, 286, 296, 298, 307, 340, 359, 371, 392, 422, 475, 499, 530
Звигки А. М. (Zwicky A. M.) 101
Зельдович Г. М. 94, 124, 126, 128, 195
Земская Е. А. 14, 193
Зенон 373
Золотова Г. А. 165
Зэнэн А. (Zaenen A.) 153
- Ибаррече-Антуньяно И. (Ibarretxe-Antuñano I.) 147
Иванов Вяч. Вс. 20, 88, 90, 168, 309, 523, 530
Иванова С. А. 111
Ивата С. (Iwata S.) 355
Израэли А. (Israeli A.) 71, 279
Икегами Ё. (Ikegami Yo.) 157
Иомдин Л. Л. 20, 194
Иорданская Л. Н. (Iordanskaja L. N.) 73, 75, 81, 95, 103, 106, 170, 273, 275, 285
Исаченко А. В. 195, 497
Ицкович В. А. 151, 187, 441–443, 452, 462
- Кабураки Э. (Kaburaki E.) 69, 71
Казенин К. И. 111
Камп Х. (Камп Н.) 502
Карттунен Л. (Karttunen L.) 94, 170, 256, 257, 261, 296
Карцевский С. И. 448
Кеммер С. (Kemmer S.) 537
Кибрик А. Е. 16, 20, 58, 67, 69, 212, 282
Кимбалл Дж. П. (Kimball J. P.) 26, 386
Кинэн Э. Л. (Keenan E. L.) 69, 158, 452
Кипарский К. (Kiparsky C.) 256, 267, 268
Кипарский П. (Kiparsky P.) 57, 256, 267, 268
Кириленко Е. И. 186
Киселева К. Л. 511
Кифер Ф. (Kiefer F.) 263
Киш Э. К. (Kiss É. K.) 453, 457
Кнорина Л. В. 83, 91
Князев Ю. П. 277, 495, 496, 500, 505
Князева Е. 529
Кобозева И. М. 316
Ковтунова И. И. 169
Кодзасов С. В. 12, 20, 26, 260
Козинцева Н. А. 505
Комри Б. (Comrie B.) 61, 95, 480, 536
Крейдлин Г. Е. 47, 344, 407, 492
Кривнова О. Ф. 12, 26
Кронгауз М. А. 109, 410
Крофт У. А. (Croft W. A.) 58, 155, 202, 281, 532
Крылов С. А. 20, 21, 66, 401
Крысин Л. П. 148
Куайн У. ван О. (Quine W. von O.) 18
Кубо С. (Kubo S.) 357
Кузнецова О. Д. 63, 149
Кузнецова Э. В. 42
Куно С. (Kuno S.) 69, 71
Кустова Г. И. 18–20, 34, 82, 87, 99, 107, 150, 262, 278, 298, 340, 359, 402, 443, 477, 483, 523
Кьеркья Дж. (Chierchia G.) 258
- Лайонз Дж. (Lyons J.) 26, 27, 222, 375, 376, 378, 383
Лакофф Дж. (Lakoff G.) 19, 30, 55, 89, 135, 172, 173, 175, 393, 396
Лангакер Р. А. (Langacker R. A.) 16, 69, 99, 157
ЛаПолла Р. Дж. (LaPolla R. J.) 17, 39, 95
Левин Б. (Levin B.) 26, 33–35, 41, 42, 58, 65, 91, 148, 150, 153, 214, 252, 278, 355, 384, 413, 415, 487, 531, 536
Левин Ю. И. 169
Левинсон С. (Levinson S.) 103, 105, 107, 108
Левонтина И. Б. 18, 530
Леман Ф. (Lehmann V.) 20, 502
Лённгрен Л. (Lönngren L.) 20, 149
Леонтьев К. Н. 538

- Лефельдт В. (Lehfeldt W.) 20
 Лич Дж. Н. (Leech G. N.) 33, 103, 202–204
 Лотман Ю. М. 168, 169
 Лясковский Р. (Laskowski R.) 20, 87, 175
 Ляшевская О. Н. 20, 21
- Мадаени Али 377
 Майенборн К. (Maienborn Cl.) 75
 Майрал Р. (Mairal R.) 43, 150, 243
 Макдонелл А. (Macdonell A.) 400
 МакКоннелл-Джиней С. (McConnell-Ginet S.) 77, 116, 120
 Маркович Д. (Marcowicz D.) 511
 Мартемьянов Ю. С. 112
 Маслов Ю. С. 14, 198, 205, 219, 228, 233, 275, 312, 373, 396, 475, 476, 478, 498, 499, 507
 Мейе А. (Meillet A.) 433
 Мелиг Х.-Р. (Mehlig H. R.) 20, 30, 475
 Мельникова К. А. 75, 537
 Мельчук И. А. (Mel'čuk/Mel'chuk I. A.) 14, 16, 19, 20, 46, 51, 54, 59, 60, 62, 68, 72, 73, 75, 78, 82, 86, 89, 93, 95, 106, 148, 170, 194, 273, 279, 285, 309, 427, 533, 537
 Микаэлян И. Л. 468
 Миллер Дж. Э. (Miller J. E.) 30, 220
 Минлос Ф. Р. 49
 Мишина Е. А. 21
 Модель Е. 292
 Муравенко Е. В. 56, 81
- Набоков В. В. 492
 Нанберг Дж. (Nunberg G.) 15, 153, 171
 Недялков В. П. 537
 Нисимура Й. (Nishimura Y.) 63
 Нуйтс Дж. (Nuyts J.) 155
- Ожегов С. И. 401
 Онианз Р. Б. (Onians R. B.) 90
 Ортега-и-Гассер Х. 175
 Остин Дж. Л. (Austin J. L.) 274, 357, 359, 360, 483
- Павич М. 18
 Падучева Е. В. (Paducheva E. V./Padučeva E. V.) 18, 19, 26, 30–34, 38, 41, 44–48, 51, 53, 54, 56, 57, 60, 61, 64, 66, 68–70, 74–76, 82, 85, 86, 89, 94, 95, 98–104, 113–115, 117, 122, 124, 126, 128, 130–132, 135, 136, 148, 149, 151, 153, 173, 181, 186, 189, 192–194, 203, 206, 211, 215, 219, 225, 239, 240, 243, 249, 250, 256–258, 263–265, 269, 270, 275–277, 279, 284, 285, 296, 300, 307, 310, 312, 316, 323, 328, 330, 332, 339–341, 344, 351, 357–360, 369, 374–376, 385, 387, 398, 406, 421, 426, 427, 429, 433, 435, 440, 443, 449, 454, 455, 458, 465–467, 475, 476, 480, 483, 484, 498, 499, 501, 504, 506, 508, 513, 515, 522–524, 531, 533, 536
- Пайар Д. (Paillard D.) 511
 Паневова Я. (Panevová J.) 323, 380, 381
 Паперно С. (Paperno S.) 81
 Парти Б. Х. (Partee B. H.) 20, 72, 81, 113, 117, 157, 375, 425–427, 449, 450, 453, 456, 463, 480
 Пастернак Б. Л. 395, 398
 Педерсон Э. (Pederson E.) 155
 Пейн Д. Л. (Payne D. L.) 67, 212
 Пекунова И. С. 21
 Перез Ч. (Pérez Ch.) 43, 215, 217, 233, 252
 Перцов Н. В. 15, 20, 148, 194, 416
 Перцова Н. Н. 416
 Песетский Д. (Pesetsky D.) 278, 280, 281, 283
 Петрухина Е. В. 530
 Пешковский А. М. 71, 179, 195, 452, 528
 Пинкер С. (Pinker S.) 16, 65, 278, 355
 Пирс Ч. С. (Peirce Ch. S.) 18
 Пискунова С. В. 49
 Плуноян В. А. 20, 41, 60, 61, 66, 75, 76, 416, 468
 Подлесская В. И. (Podlesskaya V. I.) 69
 Поппер К. (Popper K.) 90
 Постал П. М. (Postal P. M.) 32
 Пупынин Ю. А. 150, 201
 Пустейковский Дж. (Pustejovsky J.) 16, 114, 184, 454
- Работнов Н. 18
 Раппапорт Ховав М. (Rappaport Hovav M.) 26, 33–35, 41, 150, 153, 214, 252, 278, 384, 413, 487, 531, 536
 Рассел Б. 118
 Рахилина Е. В. (Rakhilina E. V.) 18–20, 34, 41, 54, 60, 69, 72, 75, 76, 110, 119, 166, 383, 416, 426, 492
 Рейхенбах Г. (Reichenbach H.) 120, 449, 516
 Роджерс А. (Rogers A.) 202, 233
 Розина Р. И. (Rozina R.) 15, 18–20, 33, 34, 48, 56, 64, 82, 85, 89, 149, 193, 198, 225, 249, 379, 384, 387, 398, 413, 484
 Ройтер Т. (Reuther T.) 20, 86, 182
 Рубинштейн Г. 194
 Рювет Н. (Ruwet N.) 276
- Сабольчи А. (Szabolcsi A.) 453
 Саввина Е. Н. 20
 Сазонова И. К. 496
 Санников А. В. 20
 Сгалл (Sgall P.) 427
 Селиверстова О. Н. 427, 438, 450
 Семенова С. Ю. 19–21, 82, 332

- Серль Дж. Р. (Searle J. R.) 152, 170, 356, 359, 360
Сильницкий Г. Г. 537
Сичинава Д. В. 570
Смирницкий А. И. 42, 43, 515
Смит К. С. (Smith C. S.) 528
Соболевский С. И. 499
Соловьёва А. А. 20, 284
Сонг Дж. (Song G.) 355, 415
Спенсер А. (Spencer A.) 211
Спербер Д. (Sperber D.) 101
Срезневский И. И. 391, 392
Сталнейкер Р. Ч. (Stalnaker R. C.) 118
Степанов Ю. С. 308
Степанова Е. Б. 262
Стерн Дж. (Stern J.) 169, 171, 172, 174, 175
Суитсер Э. (Sweetser E.) 200
- Талми Л. (Talmy L.) 19, 51, 60, 157, 167, 232, 235, 417, 487
Тарский А. 103
Тейлор Дж. Р. (Taylor J. R.) 161, 387, 389
Теньер Л. 60
Тестелец Я. Г. 58, 114, 426, 468
Тимберлейк А. (Timberlake A.) 20, 457
Толстая С. М. 508
Томмола Х. 20, 38
Топоров В. Н. 495
Трауготт Э. Ч. (Traugott E. C.) 110, 155
Туробов А. 529
Туровский В. В. 32, 149
- Уилкинс Д. П. (Wilkins D. P.) 52, 55
Уилсон Д. (Wilson D.) 101
Улицкая Л. Е. 171
Унгерер Ф. (Ungerer F.) 162
Урысон Е. В. 17, 73, 89–91, 143, 166, 198, 232, 309, 414, 481
Успенский Б. А. 84
Успенский В. А. 20, 60, 72, 97, 135, 172
- Фабер П. (Faber P.) 43, 150, 215, 217, 233, 243, 252
Фасмер М. 88, 152
Ферм Л. 213, 377, 380
Филип Х. (Filip H.) 37
Филипенко М. В. 18, 20, 34, 60, 74, 77, 111, 116, 118, 410
Филлмор Ч. Дж. (Fillmore Ch. J.) 19, 30, 52, 55, 56, 58, 60, 65, 84, 87, 91, 101, 175, 259, 284, 337, 347, 374–376, 393, 534
Фичи Ф. (Fici F.) 20, 468
- Флайер М. (Flier M.) 465
Фрере Г. 17, 18, 85, 113, 118, 155, 156
Фрейденоберг О. М. 175
- Хазагеров Г. 18
Хаичова Е. (Hajičová E.) 427
Хализева В. С. 195
Хасина Е. Н. 20
Хаспельмат М. (Haspelmath M.) 536, 537
Хенгевельд К. (Hengeveld K.) 209
Хинтиikka Я. 262, 268
Хойак И. (Chojak J.) 357, 363
Холодович А. А. 51, 54, 60, 533
Хомский Н. (Chomsky N.) 17, 52
Храковский В. С. (Chrakovskij V. S.) 51, 60, 66, 427
- Цветяева М. И. 99
Цохацидис С. Л. (Tsohatzidis S. L.) 356
- Чвани К. В. (Chvany C. V.) 426
Чейф У. Л. (Chafe W. L.) 69
Чехов А. С. 20
- Шатуновский И. Б. 20, 308–310, 312, 315, 356, 365, 427, 432, 436, 439
Шахматов А. А. 499
Шведова Н. Ю. 42, 68
Шелякин М. А. 187
Ширяев Е. Н. 425, 427, 436, 466, 467
Шкловский В. Б. 523
Шмелев А. Д. 18, 26, 44, 57, 86, 88, 89, 94, 106, 107, 130, 219, 256, 263–268, 275, 276, 305, 316, 323, 328, 340, 361, 392–394, 398, 475, 482, 532
Шмелев Д. Н. 63, 68, 147, 162, 164, 416
Шмид Х. Й. (Schmid H. J.) 162
Шраге Л. (Shrage L.) 256
- Щеглов Ю. К. 90, 307, 308, 314
- Эйнштейн А. 394
Экклес Дж. С. (Eccles J. C.) 90
- Юл Дж. (Yule G.) 101
- Якобсон Р. О. (Jakobson R.) 18, 58, 153, 162, 168, 169, 448
Якубова Н. М. 18, 19, 21, 34
Янда Л. (Janda L.) 19
Янко Т. Е. 18, 19, 33, 34, 316, 390, 427, 524

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель вошли слова, которые так или иначе обсуждаются в тексте, в том числе — входят в тот или иной перечень или по существу упомянуты в примерах (не вошли в указатель глаголы из Приложений к гл. III.2 и III.9). Глаголы сов. и несов. вида, а также глаголы с *-ся* и без *-ся*, считаются разными словами (однако если глагол на *-ся* имеет пассивное значение, то он представлен в указателе в активной форме); краткое страдательное причастие помещается отдельно от глагола.

- анализировать 72
аргумент 269
- бахнуть 413
бдеть 198
бегать 455
бежать 77, 121, 398
белеть 197, 214, 445, 456
бередить 416
беременный 510
беседовать 355
беспокоить 305
беспокоиться 279, 305
бессознательно 121
бить 73, 107
биться 409
благодарить 356
благодаря 120
блестеть 197, 214, 446
близиться 393
блистать 455
блуждать 403, 406, 455
болен 496
болеть 456, 508
болтать 355
больница 84
большинство 108
бормотать 355
бояться 65, 94, 189, 273,
275, 276, 281, 285–287,
296, 303, 305
братъ 57, 148
брезговать 483
бренчать 410, 414
бросаться 210, 212
бросить 38, 40, 42, 46, 49,
198, 479
броситься 187, 198, 222
брякнуть 413
буркать 412
буркнуть 412
- бурчать 412
бухнуть 413
бухнуть 413
быстро 115, 117, 120
быть 27, 42, 49, 59, 61, 75,
88, 150, 151, 188, 423,
426, 427, 429–431, 433,
436, 445, 446, 450, 451,
456, 458–468, 479, 496,
533, 535
- варить 528
ввергнуть 479
ввериться 483
вести 449
ввязаться 483
вглядеться 206, 236
вглядываться 206, 215, 236
вдохновить 276, 277, 279
вдохновиться 279
вдохновлять 277
вдруг 275, 533
вдумываться 478
велеть 482
весить 55
вести 388
весь 86
ветер 84
взбесить 277, 304
взволнован 496
взволновать 276, 277
взгляд 199
взглянуть 206, 207, 226
вздрагивать 475
вздрыгнуть 475
вздумать 307
взирать 205
взойти 379
взор 198
взорвать 40, 479
взрывать 38, 479
- взять 54, 57, 81, 87, 484
вид 91
видать 200, 440
видеть 26, 32, 42–44, 46, 47,
50, 53, 57, 58, 78, 79, 88,
91, 152, 199–202, 204,
205, 208, 209, 211, 216,
217, 219, 221, 222, 225–
228, 231, 232, 251–253,
261, 312, 339, 381, 405,
410, 519, 525, 530, 532
видеться 199, 205, 209, 215
виднеться 205, 215, 235, 446
видно 442, 443, 445, 447,
451, 458, 464
вилять 406
вина 83, 130–142, 527
виноват 130–136, 138, 142
виновность 139
висеть 154, 455, 464, 535
включать 480
включен 497, 500
включить 38, 480, 483
влечь 388, 391
влюбиться 496
влюблен 495, 496
вмещать 388
внезапно 533
внимать 205, 214
внять 200, 205
во время 164
вода 89
водиться 42, 449
возбудить 279, 286
возбудиться 279
возбуждать 31, 484
возбуждение 305
возвысить 271
возвышать 271
возглавить 195
воздержаться 40, 483

- воздух 89
воззриться 198, 215, 234
возможно 108, 452
возмутить 276, 277, 279, 289, 290, 303
возмутиться 279, 285, 291, 304
возмущать 276, 290
возмущаться 285–287, 291, 304
возмущение 305
вознаградить 276, 304
вознаграждение 305
возникать 193, 454, 484
возникнуть 26, 46, 150, 181, 191, 192, 201, 395, 439–441, 444–446, 458
возражать 358, 359
возразить 74
войти 379, 380, 382, 383, 385
волновать 276, 281
волноваться 189, 275, 276, 279, 281, 286, 304, 305
волочить 49
воля 89, 90, 308
вон 376
вонять 197, 214
вообразать 199, 205, 215, 227
воображение 89, 90
вообразить 205, 209, 215, 226
воодушевить 276, 279, 287, 288
воодушевиться 279, 287, 288
вопрос 423
воровать 32, 46
воспеть 372
воспитать 38, 40, 41
воспитывать 46
воспринимать 205, 209, 226, 440
восприниматься 205
воспринять 205
восприняться 205
воспроизвести 91, 372
восславить 372
восстать 483
восторгаться 285, 304
восхвалять 358
восхитить 277, 279, 303
восхититься 279, 285
восхищаться 273, 285, 286, 304
восхищение 305
вот 376
воцариться 454
впадать 389, 484
впасть 389
вперед 400
впереди 393, 400
впериться 198, 215, 234
впечатлять 31, 208
впитаться 198
впустить 47
вращать 69, 403
вращаться 69
врѣзаться 390
время 163, 173, 392, 394, 400
всѣ 531
все 86, 108
всѣ это время 516
всегда 108
всего 531
всколыхнуть 384
вскрывать 72
вслед за тем 394
вслушаться 206
вслушиваться 206, 215
всматриваться 206, 236
всмотреться 206, 236
всплыть 464
вспоминать 266
вспомнить 39, 42, 259, 261, 263, 266, 268
встать 154, 386, 486
встретить 45, 207, 216, 478
встретиться 216, 445–447, 453
встречать 207, 482
встречаться 151, 201
вступить 483
вступиться 483
входить 80, 88, 386, 387, 389, 468
выбивать 96
выбиваться 197
выбирать 66, 319, 320, 322–324, 326–330, 374, 489, 492
выбить 40, 87, 533
выбрать 42, 44, 66, 75, 76, 78, 148, 307, 309, 310, 318–329, 336, 340, 374, 489, 490, 525
вывезти 502
выводить 253
выглядеть 28, 151, 202, 204, 208, 209, 212, 236, 237, 252, 423, 525
выглядывать 209, 213, 216, 236
выглянуть 213
выгравировать 91
выдавать 484
выдать 46, 484
выдвигаться 388
выделить 197, 200, 207, 239, 252, 489
выделиться 197, 211, 252
выделять 207, 216
выделяться 216
выдержать 478
выжать 488
вызвать 42, 47, 83, 94, 372
вызывать 388, 391, 484
выиграть 38, 40, 95, 374, 478, 485
выискать 197, 307, 330
выискаться 197, 211
выйти 85, 379–383, 385, 527
выказать 197, 210
выкинуть 40
выключен 497
выключить 38
выкопать 33, 356
вылечить 87
вылупить 202
вылупиться 198, 202, 234
вымести 39, 54
вымыть 39
вынести 483
вынудить 479
выпадать 387
выпасть 445
выплавить 39–41
выплавливать 40
выпустить 477, 478
выражать 240, 310, 422
выражаться 240, 446
выразить 197, 210, 216, 240, 310, 422
выразиться 197, 240
вырастить 38, 40, 41
вырезать 56, 487
вырисовываться 216, 441
выручать 340
выручить 40, 341, 342, 479
вырыть 487
высветить 197, 210, 253
высветиться 211
высечь 73
выследить 197, 198, 206
выслеживать 198, 206
выслушать 206, 214, 216
выслушивать 206
высматривать 198, 206, 525
высмеять 372
высмотреть 198, 206, 525

- высовываться 197, 201, 213, 387
 высохнуть 42, 82
 выстрел 84
 выстрелить 40, 479, 485
 выстроить 488
 выступать 32, 201, 213, 216, 387
 выступить 32, 197, 198, 213, 444
 высунуться 213
 высушить 39
 вытекать 389, 391
 вытереть 37, 54, 409
 вытеснять 484
 вытирать 37
 выть 401
 выходить 69, 387, 389, 391
 вычислить 31
 вычислять 72
 вышивать 492, 493
 вышить 488, 492
 выявить 197, 210, 216, 239, 489
 выявиться 197, 211
 выявлен 210
 выяснить 42
 выясниться 456
 выясняться 72, 193
- гладиться 47
 глаз 90
 глазеть 198, 215
 гласить 32, 398, 422
 глухой 122
 глядеть 28, 32, 202, 204, 206, 208, 235
 глядеться 206
 глянуть 198, 236
 гнать 388
 гнести 286, 305
 гнить 536
 гноить 536
 гнушаться 483
 говорить 57, 77, 261, 359, 371, 424, 532
 год 516
 голод 84
 голодать 31
 голос 90, 407
 гордиться 275
 гореть 57, 63, 64, 111, 441, 456
 горячий 108
 готово 519
 греметь 28, 158, 385, 401, 402, 406–408, 416
- греть 81
 грешить 340
 грозить 80, 81, 362, 370–372
 грозиться 370
 гроыхать 401, 405, 406
 грохать 401
 грохнуть 407, 413
 грохотать 42, 45, 401, 405, 407, 408, 415, 536
 грустить 275
 грянуть 454
 губить 484
 губы 161
 гудеть 401, 402, 408, 409, 414, 417
 гулять 31, 84
- давить 278, 286, 305
 давно 506, 515–523
 давным-давно 524
 даже 188
 дано 500
 дать 42, 81, 484
 двигать 403
 делать 475
 делать вид 261
 делить 385
 день 335, 516
 держать 48, 57
 деться 201
 дифференцировать 197, 214
 до 119, 164
 до сих пор 516
 добиться 39, 41
 добывать 414
 добыча 414
 довериться 483
 доводить 384
 доводиться 391
 догадаться 42, 44, 482
 догадываться 119, 267
 догнать 39, 478
 договариваться 528
 договориться 307, 309, 315, 330, 489, 528
 дождь 84
 дойти 46, 375, 379, 382, 446
 доказательство 269, 491
 доказать 83, 138, 239, 264, 269, 271, 272, 371, 372, 490, 491
 доказывать 26, 388, 491
 долго 515–517, 521, 522
 должно 108
 дом 87, 89
 понимать 384
 доносить 361
- доноситься 446, 447, 453, 464
 дописать 121
 дополнить 486, 490
 допускать 391
 допустимо 452
 дорога 389
 досадить 276
 дослушать 198
 досматривать 206
 досмотреть 197, 198, 206
 доставаться 484
 статья 41
 достигать 391
 достигнут 441
 достичь 38, 374, 384, 478
 дотрагиваться 32
 дотронуться 32, 48, 482
 доходить 387–389
 дребезжать 401, 408, 410, 414
 дрожать 189, 384, 414, 531
 дрожь 414
 думать 44, 189, 264, 265, 307, 310, 525
 дуть 84
 душа 90
- если 103
 есть 32, 75, 104, 106, 428
 ехать 75, 195
 еще 47, 463, 506–510, 514, 517, 529
 еще больше 77
 еще раз 511
- жалеть 259–261
 жаль 264
 жарить 493
 ждать 521
 жевать 81
 желательно 452
 желать 521
 желудок 90
 женат 58
 жениться 75
 жертвовать 484
 жить 452
 жмуриться 81
 жребий 334
 жульничать 484
 журчать 401
- забавлять 276
 забелеть 198, 201
 забивать 355
 забить 37

- заблагорассудиться 307
 забывать 484
 забыт 457
 забыть 26, 42, 259–261, 296, 307, 310, 337, 477
 заваливать 85, 387
 завалить 65
 завладеть 484
 заморозить 304
 завывать 401
 завязать 46
 завязывать 492
 заглохнуть 44, 46, 197
 заглушить 197
 заглядеться 198, 215, 236
 заглядывать 207, 216
 заглядываться 198
 заглянуть 152, 201, 207, 216, 479
 заговорить 504
 заговориться 355
 загоразивать 45
 загореть 497, 505
 загородить 63, 504
 загрометь 407, 413
 загрузить 59, 65
 задевать 388
 задеваться 201, 211
 задержать 41, 278
 задерживать 278
 задеть 276, 279, 286, 418, 477
 задумать 307, 482
 задыхаться 31
задыни 391, 399
 зажарить 488
 зажигать 492
 зазвучать 198
 заиграть 180
 заинтересовать 276
 заинтриговать 276, 277, 282
 зайти 81, 379, 380, 382, 479, 485
 заканчивать 490
 заключать 356
 заключить 482, 490
 закончить 179, 489, 490
 закончиться 179
 закрывать 30, 48, 387
 закрыт 500
 закрыть 46, 48, 111, 384, 498
 залаять 480
 заливать 48
 залить 33, 64, 83, 89, 149, 439, 527
 заменить 52
 заменять 484
 заметить 26, 44, 47, 199, 200, 207, 214, 215, 217–219, 221–224, 226, 227, 229–231, 253, 527
 заметно 445, 451, 458
 замечание 26, 200
 замечать 72, 199, 200, 207, 217–219, 223, 228, 230
 замечен 210, 445, 451
 замирать 484
 замыслить 307
 заняться 187, 195
 западать 388
 запереть 476
 заперт 497, 498
 запечатлеть 91, 197
 запечатлеться 197, 211
 записать 48, 129, 476
 заплатить 534
 заплетать 492
 заполнить 85, 495
запрѣтити 531
 запретить 482, 531
 запрыгать 532
 запугивать 276
 заработать 82
 зарегистрировать 197, 215
 зарыть 83
 заряжен 495
 засветиться 198, 252
 засквозить 198
 заслонить 35, 149, 197, 207, 208, 210, 481
 заслониться 207, 210, 211
 заслонял 149, 207, 208, 387, 481, 484
 заслоняться 207
 засматриваться 198
 засмотреться 198, 236
 заставить 207
 заставить 42
 заставлял 261
 застать 28, 32, 43, 46, 47, 198, 199, 201, 207, 209, 216, 482, 508–510, 529
 застегнуть 176
 застелить 65
 застенографировать 91
 застигать 207
 застилат 48
 застичь 46, 47, 207, 209, 216, 481
 застучать 47, 198, 216
 заступаться 484
 заступиться 483
 застучать 180, 410, 419
 засыпать 65
 затем 394
 затеряться 211
 заткнуть 59
 затмить 197, 210, 253
 затормозить 527
 затрагивать 388
 транскрибировать 91
 затруднить 298, 299
 затуманивать 48
 затупиться 121, 122
 захватывать 384
 захвачен 500
 захлопнуть 111
 захотеть 180
 зачислить 483
 защита 529
 защитит 206
 защищать 206, 479
 заявление 423
 заявлять 261, 365
 звать 384, 388
 звенеть 32, 42, 57, 81, 158, 401–408, 410–412, 414–418, 421
 звон 26, 414
 звонить 26, 401, 402, 408, 409, 413, 416
 звонок 84
 звучать 25, 43, 45, 46, 197, 204, 208, 214, 401, 410, 419–424, 446
 здесь 118, 119, 376
 зиять 455
 злить 284
 знать 26, 50, 55, 59, 75, 108, 119, 122, 257, 258, 261, 264, 266, 268, 360, 532
 значиться 448
 зрелище 91
 и 104, 108
 играть 413
 идентифицировать 197, 215
 идти 37, 43, 45, 46, 83, 121, 195, 373, 376, 378, 379, 383, 389, 391, 450
 избегать 483
 избежать 26, 33, 483
 избрать 307, 483
 извиниться 56
 извинять 371
 извиняться 356
 извратить 372
 издаст 483
 издаваться 276
 издергаться 384
 излагать 72

- изловчиться 76
 изложить 372
 изменить 69, 82, 309, 323, 479
 измениться 69, 82, 456
 изменять 484
 измерить 82
 изобиловать 59
 изображать 41
 изображение 529
 изобразить 41, 63, 91, 197, 216, 372
 изобразиться 211
 изобрести 482
 изобретение 529
 израсходовать 46
 изредка 126
 изумить 276, 304
 изумиться 285
 изумление 305
 изумляться 285
 изучать 72, 443
 или 103, 108
 иметь 42, 49, 433, 434
 иметь вид 151
 иметь место 452
 иметься 377, 425, 427, 429, 433–436, 440
 импульсивно 121
 иногда 108
 интересно 264
 интересоваться 457
 интересоваться 263, 525
 интуиция 89
 информировать 261
 искать 37, 197, 215, 226, 478, 490
 исключено 452
 исключить 483
 искупить 479
 испарять 536
 испаряться 536
 испечь 492
 испортить 40, 41, 342, 477
 исправить 82, 161
 испуг 305
 испуган 277
 испугать 31, 83, 269, 275, 276, 279, 286, 289, 295, 297, 303, 504
 испугаться 279, 285, 296, 297, 304, 305
 испытывать 86
 исследовать 72, 197, 215
 истечь 453
 истощить 26
 истощиться 26, 532
- исход 309
 исходить 391
 исчезнуть 26, 46, 110, 150, 201, 213, 439, 440, 444, 450, 481, 530
 исчерпать 479
- казать 152
 казаться 189, 199, 205, 209, 215, 236, 237
 карикатура 92
 касаться 32, 45, 48, 123, 124, 468
 катиться 355
 качать 84, 403
 кашлянуть 480
 кашлять 480
 кивать 81
 кипеть 31
 кишеть 532
 кланяться 81
 когда 505, 507
 кое-как 126
 колебаться 45, 286, 384
 колотить 73, 82
 кольнуть 480
 компрометировать 484
 конец 186
 контур 91
 кончатся 391
 кончен 457
 кончить 42, 186, 480
 кончиться 179, 186, 456, 477
 кормить 46
 косить 28, 492
 коситься 200, 205, 206, 215
 коснуться 32, 48, 468, 482
 красить 37
 краснеть 74
 красть 32, 482
 красться 482
 кривить 484
 круг 166
 кружиться 455
 крутиться 455
 купить 42, 66, 96, 534
 куплен 500
 кусать 81
 кусаться 32
 кутать 111
- лаять 401
 легкие 90
 легко 280
 лежать 56, 87, 436, 446, 464, 535
 лезть 388, 455
- лес 89
 лечить 96
 лить 83
 литься 525
 лишать 484
 лишаться 484
 лишить 484
 лишиться 46, 477
 любить 66, 275
 любоваться 206, 215
- манить 388
 махать 81
 маячить 197, 214
 мгновение 163
 мелькать 25, 197, 214
 мерещиться 205, 209, 215
 мерцать 197, 214
 мигать 403
 мимо 109, 410
 миновать 453
 минута 163
 многие 108
 мозг 90
 молодой 508
 молчать 532
 моргать 81, 403, 406
 море 166, 167, 534
 мочь 108, 122
 мстить 484
 мчаться 77, 455
 мысленно 238
 мыться 304
 мяться 307
- на этой неделе 516
 наблюдать 26, 82, 206, 214, 221, 228, 234
 наблюдаться 151, 210, 426, 446
 наблюдение 26
 наблюсти 206, 215, 228
 набросать 91
 навесить 479
 нависать 387
 нависнуть 390
 нагромоздить 488
 нагрнуть 94
 надеяться 94, 189, 296
 надзирать 206
 надоесть 67
 надумать 307
 нажать 482
 назначать 335, 356, 483
 назначить 66, 80, 307, 310, 323, 326, 329–334, 336, 337, 340, 356, 483, 489

- найти 37, 38, 40, 41, 85, 198, 200, 210, 213, 218, 379, 475, 477, 478, 489, 490
 найтись 46, 71, 150, 201, 210, 213, 439, 453
 наказать 42
 наклониться 42
 наклонять 403
 накопать 40
 накопить 63
 накрыт 499
 накрыть 47, 216
 налюбоваться 198
 намазать 326
 намекать 358, 361
 намереваться 307, 310
 намеренно 121, 413
 наметить 307, 330, 489
 напасть 482
 написан 499
 написать 42, 356
 наполнить 48, 56, 63, 89, 121, 147, 149, 326, 384, 504
 наполнять 48, 51, 55, 147–149
 наполовину 121, 497
 напоминать 484
 напомнить 32, 42, 261, 263, 264, 370, 371
 напороться 201
 направлять 388
 нарваться 201, 208, 217
 нарисовать 41, 42, 46, 91
 нарочно 121, 413
 нарушать 340, 484
 нарушить 40, 55
 нарываться 208, 340
 наскучить 276
 наследовать 414, 484
 наследство 414
 наслушаться 198
 насмотреться 198
 настаивать 261, 370
 настать 181, 395
 настораживать 31, 277
 настожить 269
 наступать 393
 наступить 85, 86, 180–182, 184–187, 191, 193, 195, 393, 395, 450, 504
 наступление 186
 наталкиваться 387
 наткнуться 201, 208
 наткаться 208
 нахмуриться 74
 находить 475, 482
 находиться 87, 425, 427–432, 436, 446, 535
 начат 457
 начать 42, 179–181, 186–188, 193, 195, 196, 480, 490, 504
 начаться 48, 85, 86, 179–187, 190, 193, 194, 196, 450, 477
 начинать 189, 194
 начинаться 189, 190, 391
 нащупать 206, 207
 нащупывать 206, 207
 не 122, 126, 514
 небо 165, 167
 негодовать 285
 недавно 524
 неделя 167
 недоглядеть 208, 215, 236
 недооценить 477
 недосмотреть 208, 236
 неизвестно 451
 некоторый 108, 126
 немного 126
 нервировать 276, 305
 нервничать 286
 нервы 90
 несмотря на 344
 нести 46, 408, 468
 нечаянно 121
 ни 442, 456
 ни единый 442, 456
 ни малейший 442, 456
 ни один 442, 456
 никакой 442, 456
 ничего 456
 ничто 456
 носить 408
 нравиться 275
 нужен 442, 449
 нюхать 28, 42, 204, 206, 214
 обагрять 48
 обвалиться 497
 обвинение 529
 обвинить 259
 обвинять 370
 обдумывать 55
 обещать 26, 85, 310, 312, 356–358, 371, 482, 483, 523
 обида 305
 обидеть 276, 282
 обидеться 282, 283, 304
 обижать 277, 340, 484
 облегчать 98
 облегчить 41, 479
 обложить 484
 облысеть 46
 облюбовать 307
 обманывать 484
 обмотать 65
 обнадёжить 525
 обнажаться 207
 обнажить 197, 210, 216, 239, 372
 обнажиться 197, 205, 207, 211
 обнаружен 210, 425, 451, 469
 обнаруживать 207, 208
 обнаруживаться 193, 207, 441, 469
 обнаружить 26, 47, 67, 151, 152, 199, 207, 208, 211, 212, 216, 226, 243, 244, 246–251, 306, 482, 533
 обнаружиться 67, 152, 207, 211, 212, 248, 250, 306, 426, 439, 451, 469
 обнимать 48, 387
 обнюхать 206, 216
 обнюхивать 206
 обнять 48, 482
 обознаться 208, 214, 215
 обозначаться 201, 207, 398
 обозначить 197, 216, 239
 обозначиться 197, 201, 207, 216, 239, 398
 обозревать 206, 216
 обозреть 216
 обойти 377
 обонять 204, 209
 оборван 497
 оборвать 358
 обоснование 269, 491
 обосновать 491
 обрадовать 83, 276, 279, 282, 303
 обрадоваться 195, 278, 279, 282, 295, 296
 образ 91
 образоваться 469
 образовывать 385
 обратиться 198, 225, 227, 391
 обратиться 226
 обращаться 200, 391
 обрисовать 197, 210
 обрываться 389
 обсуждать 71, 72
 обходить 391, 484
 объявлять 72, 261, 356
 объяснение 269, 491

- объяснить 38, 42, 239, 269–272, 356, 489–491
 объяснять 38, 270, 271, 388, 490
 обязательно 108, 452
 обязать 482
 огласить 32
 оглашать 32
 оглохнуть 122
 оглядеть 207, 216
 оглядеться 207
 оглядывать 207
 оглядываться 200, 207
 оглянуться 43, 47, 198, 199, 207
 оговаривать 72, 371
 огорчать 276, 277, 287, 288, 298, 299, 303, 304, 528
 огорчаться 275, 286–288, 298, 304, 310
 огорчен 261
 огорчение 305
 огорчить 83, 219, 274, 276, 277, 279, 286–289, 297, 298, 303, 528
 огорчиться 274, 275, 279, 282, 287, 296–298, 304, 310
 ограничить 307, 491
 одевать 111
 одеваться 304
 одернуть 358
 одеться 59
 одолеть 478
 одолжить 484
 одуматься 307, 483
 ожидать 451
 озвучить 423
 озирать 206
 озираться 206, 215
 оказать 479
 оказаться 25, 47, 199, 443, 446, 451, 458, 464, 482
 оказывать 86
 оказываться 193, 238
 омрачать 340
 омрачить 298
 опаздывать 484
 опереться 127
 опечалить 276
 опираться 527
 описывать 72, 371
 опоздать 26, 477
 опознать 197
 опомниться 207, 475
 определенный 126
 определить 309, 371, 489, 491
 определять 72, 491
 опровергнуть 269, 271, 365, 371, 490
 опрокинуть 477, 478
 опустить 511
 опять 88, 510, 511, 513
 орган 90
 осадить 358
 осветить 68, 91, 512, 513
 осветиться 91, 511–513
 освещать 513
 освещен 512, 513
 оскорбить 276, 282, 285, 303
 оскорбиться 304
 оскорбление 305
 оскорблять 277, 285, 299, 303
 ослепить 198, 207, 208
 ослеплять 207, 208
 ослепнуть 198, 208
 осматривать 207
 осматриваться 206, 207
 осмелиться 26, 307, 340
 осмотреть 207, 216, 234
 осмотреться 207
 основать 479
 осознать 42
 оставаться 277
 оставить 482, 483
 останавливаться 469
 остановить 225
 остановиться 46, 226, 469
 остаться 181, 277, 425, 446, 451, 452, 458, 482, 507–510, 522, 529
 осудить 259, 283, 483
 осуждать 370
 осязать 204, 205, 214
 от 73, 532
 отбросить 479
 отбить 373
 отважиться 307, 340
 отвести 81
 ответ 449
 ответить 74, 357, 371
 отвечать 371
 отвлекаться 485
 отвлечься 485
 отдавить 477
 отдан 498
 отдергивать 480
 одернуть 480
 отдыхать 413, 456
 отзывать 370
 отказать 363
 отказаться 40, 74, 180, 356, 357, 361–365, 370
 отказываться 362, 363
 откликнуться 482
 отключен 500
 открывать 149, 475, 502
 открываться 208, 502
 открыт 495, 500–502
 открыть 31, 37, 39, 46, 62, 128, 149, 197, 210, 406, 475, 477, 482, 496, 504, 525, 528, 534, 536
 открыться 59, 197, 208, 239, 406, 444, 454, 511, 536
 откусить 480
 откусывать 480
 отличаться 52, 75
 отличить 197, 214
 отложить 398, 480
 отметить 197, 200, 207, 215
 отмечать 72, 207
 отобразить 91, 197
 отобразиться 211
 отождествить 197, 214
 отозвать 483
 отозваться 370
 отойти 379–382, 384
 отослан 499
 отпадать 387
 отправиться 504
 отпраздновать 480
 отпустить 482
 отравить 38, 40, 479, 485
 отравлять 38, 479
 отразить 91
 отрезать 44
 отрицать 261
 отсвечивать 253
 отсидеть 477
 отследить 197, 198
 отслеживать 198
 отступать 387
 отсутствовать 427, 432
 оттаивать 406
 отталкивать 388
 оттенить 197, 210, 252
 оттенять 216
 оттуда 87
 оттягивать 388
 отходить 387
 отцовство 83
 отчасти 126
 отчаяться 276, 304
 отчетливо 424
 отыскать 197
 охватить 277
 охватывать 277, 385

- охранить 206
охранять 197, 206, 216
очернить 372
очертание 91
очистить 87
очнуться 198, 207, 475
очутиться 47, 201
ошибаться 340, 341
ошибиться 342, 477
оштрафовать 42, 74
ощупать 207, 214
ощупывать 204, 207
ощутить 204, 205, 212, 481
ощущать 204, 205, 209, 214, 232
ощущаться 205, 212
- падать 387
память 89, 90, 534
панорама 91
пахнуть 28, 197, 204, 208, 214
пейзаж 91
первый 400
перед тем 394
передать 45
передвинуть 398
передвинуться 279
передумать 482
перёдний 391, 399
переименовать 484
перемениться 456
переместиться 531
перенести 46, 398, 480
переночевать 479
переоценить 477
переписать 91
перепутать 477
перестать 122, 123, 180
перечить 358
пестрить 59
печь 492, 493, 526
печья 526
писать 54, 197
письмо 449
питаться 32
плавать 455, 531
плакать 80, 401, 413
планировать 307
плач 402
плескать 406
плыть 32, 43, 82, 172, 531
победа 89
победить 89, 478
побежать 398, 480, 504
побелеть 46
побить 49, 54, 73, 384
- поблагодарить 74
побледнеть 74, 77
побояться 296
побрезговать 483
повадиться 187
поверить 482
повернуть 389
повесить 154
повиснуть 154
поворачивать 388, 389
повторить 371
повториться 445
повторять 371
повязать 65
погибнуть 477
поглядеть 32
поглядеться 236
поглядывать 198, 236
погнушаться 483
погрузиться 279
подавать 484
подавить 276, 304
подавиться 477
подавлять 31, 277
подан 519
подарить 42, 115, 484
подать 519
подбежать 373
подвергать 479, 484
подводить 340, 484
подглядеть 206, 207, 216
подглядывать 47, 206, 216, 217
подгонять 84
подкарауливать 206, 207, 216, 217
подкараулить 197, 206, 207
подметить 200, 206, 207
подмечать 206, 207
подниматься 389
поднять 57
подняться 279
подобрать 489
подозревать 26, 46, 119, 120, 267, 521
подойти 374, 379, 380, 382
подражать 340
подсказать 269, 490
подсказка 269, 491
подскочить 373
подслушать 206, 207, 216, 479
подслушивать 206, 216, 479
подсматривать 206, 217, 234, 479
подсмотреть 206, 207, 216, 479
- подстергать 206, 217
подстеречь 206
подступать 387
подтасовывать 484
подтвердить 239, 269, 271, 272, 362, 365–368, 371, 372, 490
подтверждать 261, 271, 366–368, 388
подтверждение 269, 491
подумать 37, 307, 482
подхватывать 482
подходить 373, 374, 394
подходить 1 391
подходить 2 391
подчеркивать 371
поесть 61
поехать 75, 78, 195
пожалеть 510
пожелтеть 42
пожертвовать 340
позади 393
позвенеть 404
поздравлять 356
позорить 484
поймать 39
пойти 67, 69, 195, 379, 382
пока 510
показать 46, 47, 91, 198, 199, 207, 210, 239, 240, 243, 246, 269, 371, 532
показаться 47, 53, 54, 59, 88, 109, 152, 199, 205, 209, 214, 215, 236–243, 250, 482
показывать 43, 46, 151, 152, 207
покорить 286, 478
покосяться 205, 206, 234, 497
покрасить 37, 39, 486, 487
покрывать 48
покрыт 83
покрыть 48
покупать 57, 63, 96, 534
покурить 480
поле 89
полениться 296
ползать 455
ползти 531
получать 233, 482
получить 59, 484
полыхать 111
польститься 477
померещиться 205, 209, 215
помешать 48
помешаться 388, 431

- помнить 42, 266
 помогать 98
 помочь 479
 понимать 47, 148, 219, 510, 511, 532
 понюхать 206
 понять 40, 42, 47, 48, 82, 148, 219, 478, 510
 пообещать 26, 38, 219, 310, 312
 попасться 210
 попадаться 151, 208, 451
 попасть 40, 46, 81, 464, 478
 попасться 208, 445
 попасться 1 201
 попасться 2 201
 поплакать 480
 поправить 161
 попробовать 340
 попросить 482
 поражать 68
 поражаться 285
 поразить 44, 276, 286
 поразиться 285
 порвать 33, 107, 477, 478, 483
 порезать 49, 77, 107, 488
 порезаться 532
 породить 484
 поргить 340, 484
 посадить 46, 154
 поселиться 75, 76
 посетить 479
 поскользнуться 477
 послать 39
 после 164, 394
 последний 516
 последовать 396, 398, 445
 слеживать 198
 послушать 200
 послушаться 200
 слышаться 47, 200, 205, 209, 212, 214, 239, 407
 посматривать 236
 посмотреть 206, 226, 232, 233, 360
 посмотреться 206, 236
 поспать 475, 480
 поспешить 104
 поставить 46, 47, 154
 постановить 307
 постепенно 77
 постесняться 26
 постичь 384
 пострадать 526
 построен 449, 495
 построить 42, 46, 55, 356, 445, 486, 488, 492, 504, 528
 поступить 453
 постучать 42
 посыпать 65
 потерпеть 452
 потерять 198, 200, 477, 484, 511
 потеряться 71, 210
 потолковать 304
 потому что 344
 поторопиться 104
 потратить 484
 потребовать 482, 483
 потребоваться 449
 поужинать 480
 поцеловать 121
 починен 500
 починить 498
 почта 84
 почувствовать 205, 212, 480, 481
 почувствоваться 205, 212
 почувдиться 205, 209, 215
 почувять 205
 пошутить 484
 появиться 27, 46, 95, 150, 192, 213, 237, 238, 240–243, 426, 439, 443, 450, 452, 482, 530
 превзойти 479
 превосходить 31
 превратить 488
 преграждать 48
 предавать 484
 предвидеться 451, 458
 предвкушать 199, 209, 215
 предлагать 356, 361
 предложить 357
 предназначить 307, 334
 предоставить 484
 предотвратить 41, 47, 479
 предписывать 371
 предполагать 261, 307, 310
 предпочесть 26, 37, 42, 67, 307, 318, 326, 329, 340, 374, 483, 507, 525
 предпочитать 374, 507
 предсказать 265
 представить 91, 205, 215, 482
 представиться 200, 205, 209, 215, 444
 представлять 151, 205, 209, 215
 представляться 199, 205, 209, 215, 226
 предстоящий 400
 предупредить 38, 261, 357
 предупреждать 38, 371
 предшествовать 391, 396, 398–400
 предшествующий 391, 396, 399
 предыдущий 391, 393, 394, 396, 399
 прежде 394
 прежний 400
 презирать 275
 прекратить 40
 прекратиться 46, 48, 180
 прекращение 186
 прельстить 276
 пренебрегать 484
 пренебречь 483
 преодолеть 478
 прерван 497
 прервать 480
 прерваться 180
 прерывать 484
 преследование 414
 преследовать 384, 414
 претендовать 75
 преувеличивать 484
 прибегнуть 483
 прибить 73, 78, 381
 приблизиться 279
 прибыть 373
 привезти 81
 привести 47, 388, 482
 приветствовать 356
 привидеться 205, 209, 215
 привлекать 48, 286, 388
 привлечь 48, 222, 482, 484
 приводить 388
 приглашать 371
 приглядеть 206
 приглядеться 206
 приглядываться 206, 215, 252
 приговорить 307
 приготовить 519
 придирается 340
 придумать 326
 приехать 81, 87, 380, 381, 496, 522, 528
 признавать 475
 признак 434
 признать 138, 261, 475, 482
 призывать 388

- прийти 37–39, 54, 57, 58,
 75, 81, 373–377, 379, 380,
 382, 383, 393, 395, 440,
 445–447, 449, 458, 464,
 479, 486, 510, 529
 приказ 84
 приклеить 49
 приключиться 454
 приколоть 46
 прикрепить 49, 73
 прилететь 123, 124
 примкнуть 48, 482
 примыкать 48
 принадлежать 398
 принести 55, 57, 81
 принудить 479
 принят 453
 принять 482, 484
 принять за 208
 приняться 187
 приобрести 484
 приобретать 484
 приостановить 61
 припомниться 469
 присваивать 484
 присвоить 484
 прислать 39
 прислониться 482
 прислушаться 200, 206, 216
 прислушиваться 206, 215
 присматривать 206
 присматриваться 206, 215
 присмотреть 206
 присмотреться 206
 присниться 205, 209, 215
 приставать 484
 приступить 187
 присутствовать 425, 427,
 429, 431, 432, 436, 446,
 450, 535
 притворяться 261
 притронуться 48, 482
 приходить 373, 374, 383,
 387, 482
 причесать 202
 причесаться 202
 причинять 479, 484
 причислить 491
 пришить 49
 пробежать 198
 пробираться 482
 пробить 63, 107, 488
 пробовать 203, 204, 214
 пробудить 46
 проведен 442
 проверить 82
 проводить 61
 провозиться 118
 проворонить 208
 проглядеть 208, 215, 236
 проглядывать 208, 213, 216,
 236
 проглядываться 211
 прогнозировать 44
 проговориться 355, 477
 прогреметь 405
 продавать 28, 57, 96
 продаваться 47, 54
 продавить 488
 продавливать 388
 продан 498
 продать 26, 66, 96, 534
 продаться 26
 продолжать 179
 продолжаться 179
 продолжение 186
 продолжить 47
 проезжать 109
 проехать 109
 прожечь 63
 прозвенеть 81
 прозевать 208, 214, 215, 477
 прозевывать 208
 проиграть 95, 477
 проигрывать 484
 произвести 86
 произойти 441, 443, 452
 пройти 43, 394, 453
 прокрадываться 482
 прокрасться 482
 пролить 199, 253
 проломить 63
 промахнуться 46, 54, 477
 промелькнуть 197, 214
 промолчать 46, 54
 проморгать 208, 215
 проникать 464
 проникнуть 198, 482
 пропадать 201, 208, 387, 391
 пропажа 227, 247
 пропасть 46, 150, 201, 208,
 213, 387, 439, 477
 прополоть 54, 87
 пропускать 208
 пропустить 43, 208, 214–216,
 384, 477
 прорезать 63
 прорубить 488, 492
 просветить 199, 253
 просвечивать 197, 199, 208,
 236
 просвещать 199
 просидеть 480
 просить 359, 371, 525
 проскакивать 455
 проскальзывать 455
 проскользнуть 197, 214
 проследить 197, 206
 прослеживать 72, 206
 прослеживаться 72
 прослушать 207, 208, 215,
 216, 477
 прослушивать 207
 просматривать 207
 просматриваться 54, 208, 211
 просмотреть 207, 208, 216,
 234, 236
 проснуться 508
 простираться 455
 простуда 482
 простудиться 477
 проступать 213, 216, 236,
 387
 проступить 197, 201, 213,
 236
 протекать 390, 454
 противопоставлять 370
 профиль 91
 проходить 388–390
 прочитать 207
 прощать 359
 проявить 151, 207, 212
 проявиться 208, 212
 проявлять 207
 проявляться 208
 прояснить 269, 490
 проясниться 211
 прыгать 31, 455, 456, 532
 прятать 47
 прятаться 47
 пугать 42, 65, 276, 281, 295,
 303
 пугаться 296, 303
 пуситься 187
 путать 215
 пылесосить 57
 пыхтеть 401
 пялиться 198, 215
 работать 456
 рад 122, 261
 радовать 28, 276
 радоваться 28, 42, 275, 276,
 286, 295
 раз 103
 разбирать 207, 215, 216
 разбираться 478
 разбит 456
 разбить 42, 61, 62, 81, 82,
 85, 406, 409, 477, 478,
 536

- разбиться 61, 62, 406, 452, 532, 536
 разбудить 84, 246
 разбуженный 416
 развеяться 455
 разверзнуться 197, 214
 развестись 483
 развлекать 277, 288
 развлекаться 287, 288
 развлечение 305
 развлечь 276, 277
 развлечься 287, 288
 развязать 46
 разглашать 484
 разглядеть 207
 разглядывать 207, 215
 разгневать 83, 276
 разгневаться 282, 304
 разговоривать 58, 355
 раздаваться 214, 454, 511
 раздаться 214, 407
 раздражать 83, 279, 284, 286
 раздражаться 279, 304
 раздражен 277
 раздражение 305
 раздражить 276
 раздувать 84
 различать 207, 216, 370
 различаться 211
 различить 197, 207, 211, 214, 215, 252
 разлучить 482
 разместить 385
 размещаться 385, 446
 размножить 536
 размножаться 536
 размолоть 46
 разоблачить 372
 разобрать 197, 207
 разозлиться 282, 304
 разойтись 483
 разорвать 107, 477, 478, 483
 разочароваться 47, 275
 разразиться 454
 разрезать 35
 разрезать 36
 разрешить 482
 разрубить 85
 разрушать 84
 разрушен 456, 500
 разрушить 414, 478
 разрушиться 414
 разум 90, 308
 разъяснить 372
 разыскать 197
 разыскаться 211
 раскаться 304
 раскинуться 197, 214
 расколоть 37, 38, 40
 раскрыт 449
 распахнуть 76
 распахнуться 76
 расплываться 31
 распознавать 207
 распознать 197, 207, 214, 215
 располагать 391
 располагаться 387, 431, 446, 535
 расположен 496
 распробовать 207
 рассердить 273, 275, 281, 283, 289, 290, 292–294, 303, 306
 рассердиться 273–275, 281, 282, 285, 288, 292, 294, 304, 305
 рассказывать 72
 расследовать 72, 82
 расслышать 207
 рассматривать 199, 207, 214, 215, 226, 443
 рассмотреть 207
 расстегнуть 176
 расстилаться 128, 197, 214, 431
 расстроен 496
 расстроить 83
 рассудить 307
 растаять 147, 148, 152, 476, 534
 растворить 28, 49
 раствориться 28
 растворять 536
 растворяться 536
 растерян 496
 растеряться 275, 304
 расти 75
 растрепан 496
 расценивать 370
 расшатать 41
 рвать 107
 регистрироваться 197
 резать 33, 35, 56, 63, 73, 85, 107, 487, 488, 525
 резко 527
 речь 420
 решать 26, 38, 55, 311, 314, 316, 317, 323, 326, 340
 решение 312
 решить 26, 39, 41, 42, 44, 67, 77, 80, 180, 307–312, 314–318, 320, 325, 326, 336, 340, 489, 527, 530
 решиться 307, 313, 340
 риск 345
 рискнуть 307, 329, 337–346, 351, 353, 479
 рисковать 36, 39, 337–349, 351–353, 479, 527
 рисовать 41
 родить 59, 487, 510
 родиться 449
 рот 161, 162, 166
 рубить 87, 161, 492, 493
 рука 90
 рыть 487, 488
 рядом 109
 с грехом пополам 126
 с тех пор 516
 с трудом 221, 280
 сбежать 390
 сбиться 477
 сбросить 38–40, 479
 сваливать 484
 свалиться 482, 484
 свалиться 477, 484, 485
 сварить 42, 528
 сведение 423
 свернуть 390
 свести 385
 свет 90
 светить 252
 светиться 197, 214
 свидетельствовать 199, 371
 свистеть 401, 402, 405, 409, 410, 419
 сводить 385, 387
 сводиться 388
 сворачивать 389, 390
 связать 43
 сдвинуться 531
 сделать 475, 488
 сегодня 395
 сейчас 242, 376, 395, 496, 507, 516
 сердить 83, 293
 сердиться 275, 293, 294, 304
 сердце 90
 сесть 42, 154
 сжаться 384
 сжечь 499
 сжимать 175
 сидеть 49, 154, 455, 456
 силуэт 91
 сказать 42, 43, 46, 73, 152, 259, 261–264, 268, 337, 356, 371
 скитаться 455
 складываться 387

- скользить 198, 214, 355
сконфузиться 275, 304
скончаться 475
скопировать 42, 91
скорость 56
скрежет 414
скрежетать 403, 406, 408,
414, 418
скрести 99, 527
скрипеть 401, 403, 406, 408,
415, 417
скрывать 45–47, 75
скрыть 43, 198, 201, 210,
216
скрыться 110, 197, 201, 210,
211
слегка 121, 126, 127
след 530
следить 47, 199, 206, 216,
234
следовать 161, 234, 391,
396–398, 400, 468
следующий 385, 391, 393,
394, 396, 399
слепнуть 198, 208
сливаться 197, 216, 252
сложить 488
сломан 498, 500, 501
сломать 477, 478, 498, 537
сломаться 59, 504, 528, 536
слух 89
случайно 121, 222
случиться 454
слушать 200, 203–206, 209,
214, 232, 407
слышать 47, 57, 58, 199,
204, 205, 208, 209, 214,
219, 232, 407, 418, 421,
519, 533
слышаться 204, 205, 209,
212, 214
слышно 442, 451
смешать 372
смеяться 80
смолкнуть 197
смотреть 33, 63, 68, 199,
200, 202–206, 209, 211,
214, 216, 221, 226, 231–
235, 251, 252, 525
смотреться 206, 208, 209,
211
смочь 529
смутить 276, 279
смутиться 279
смущение 305
снег 534
сникнуть 304, 384
сниться 205, 209, 215
снова 511
со вчерашнего дня 516
соблазнить 276, 282
соблазнять 38
собрать 38
собраться 307
совершать 448, 484
совершиться 512
совпадать 31
совсем 121
согласиться 356, 357, 361,
363, 365
соглашаться 370
содержать 59
соединить 385
соединять 31, 385
сожалеть 26, 256, 259–261,
275, 285
сожжен 499
создавать 484
создать 46, 479, 487
созерцать 205, 206, 215
сознание 90
сознательно 121
сойти 379–381
сокращено 424
сокрушаться 285, 286
сомневаться 189
сообразить 307, 330
сообщать 61, 72
сообщить 261, 269, 272, 356,
358, 365, 372
соответствовать 68
сопеть 401
составить 385
составлять 385, 387, 391
состояться 449
сохнуть 537
сохраниться 181, 449, 508–
510, 529
спасать 340
спасти 47, 479
спать 170, 480, 506–508
спешить 110
спокойствие 305
спорить 478
способность 90
способствовать 98
споткнуться 477
спрашивать 263, 359, 371
спросить 256, 357
спрятан 457
спрятать 43, 197, 210, 216
спрятаться 197
спугнуть 482
спускать 32
спускаться 373, 389
спустить 32
спуститься 373, 389
спутать 208, 214, 215, 477
сравнить 372
срезать 358
срок 335
сталкиваться 193, 208
старый 508
стать 188
стащить 39
стереть 87
стеречь 206, 216
стихнуть 197
столкнуться 49, 198, 199,
201, 208, 482, 484, 526
стонать 401
сторожить 206, 216
стоять 154, 386, 431, 455,
456, 464
страдать 526
стрелять 75, 480
строить 448, 492, 493
стряхнуть 87
стукнуть 49, 404, 412
стукнуться 477
стучать 32, 43, 84, 158, 159,
401, 404, 408–413, 415,
419, 526
судить 88
судьба 88, 335
сулить 371
сушить 492, 537
сушиться 537
существовать 42, 425, 427,
431, 433, 435–439, 445,
450, 453
сформулировать 491
сфотографировать 91
схватить 48
счесть 312, 482
считать 44, 46, 108, 256,
257, 259, 261, 312
съесть 55
сын 69
сыпать 83
сыпаться 390, 525
тайть 371
там 87
тарактеть 99, 401, 411, 412,
418
тарачиться 206, 215
тащить 49
таять 129, 148, 476
тварь 88
темнота 165

- тень 91
 теперь 513
 тепло 165
 теплый 108
 терпеть 484
 терроризировать 276
 терроризироваться 287, 288
 терять 482
 теряться 71, 201, 252, 275
 теснота 165
 течь 33, 80, 390
 толкать 42, 49
 толкнуть 40, 477, 478
 только 186
 тонуть 159
 топать 401
 торговать 28
 торопиться 110
 торчать 197, 214, 464
 требовать 43, 356, 371, 525
 требоваться 445
 тревога 89
 тревожиться 305
 трепетать 384, 403, 406
 трескаться 412
 треснуть 99, 130, 411–413, 527
 трещать 401, 408, 412, 417
 трогать 48
 тронуть 44, 279, 286, 482
 тронуться 442
 трясти 212
 трястись 212
 туда 87
 тянуть 42, 49
 тянуться 384
- у 69, 71
 убаюкивать 355
 убедить 38, 39, 43, 269, 271, 276, 356, 358, 490
 убедиться 496
 убежать 75
 убеждать 38, 277, 371, 388
 убежден 495
 убеждение 305, 313
 убить 38, 40, 51, 62
 увеличиваться 476
 увеличить 28, 32, 41, 46, 55
 увеличиться 28, 476
 уверить 358
 уверять 261
 увидеть 44, 46–48, 53, 57, 199, 204, 205, 207, 214, 217–221, 223, 224, 226–229, 231–233, 252, 253, 306, 312, 480, 481, 504, 527
 увидаться 201, 207, 216
 увлекать 384
 уволить 307, 483
 угадать 82
 угнетать 83, 305
 уговорить 39, 41, 271
 угодить 340
 угрожать 356, 358, 362, 368–371
 удален 496
 удалиться 45
 ударить 40, 42, 44, 49, 87
 удариться 477
 удаться 26
 удвоить 479
 удел 334
 удержать 40
 удивительно 117
 удивить 68, 212, 277, 279, 304
 удивиться 279, 285
 удивление 305
 удивлять 277, 303
 удивляться 259, 285
 удовлетворен 277
 удовлетворить 47
 удостоить 483
 уезжать 31
 уехать 76
 ужасаться 285, 304
 ужаснуться 285
 уже 47, 463, 506, 507, 517, 529
 узнавать 207
 узнать 42, 82, 91, 207, 214, 215, 482
 узреть 198
 уйти 42, 374, 376, 379–382, 464
 указать 239
 указывать 370
 уколоть 384
 украсить 39, 40
 украсть 39, 46, 482
 укрепить 41, 63
 укрепиться 63
 укрыть 487
 укрыться 35
 укусить 480
 улавливать 207
 улавливаться 211, 469
 уловить 207, 211, 232
 уложить 161
 улучшить 41
 ум 90, 309
- умолкнуть 197, 511
 унижать 340
 унизить 304
 уничтожить 46, 480
 уничтожиться 46
 упасть 33, 87, 464, 477
 опереться 390
 опираться 45, 127, 387
 упоминать 72
 упомянуть 372
 упразднить 483
 упростить 41
 упрощать 370, 484
 упустить 477
 упустить из виду 477
 уронить 31, 477, 485
 условие 335
 услышан 200
 услышать 44, 204, 205, 232, 480, 481
 усматривать 199, 207, 226
 усматриваться 211, 441, 453
 усмотреть 199, 207, 222
 уснуть 46, 506–508, 510
 усомниться 285
 успеть 26, 478, 508–510, 529
 успокаивать 302
 успокаиваться 302
 успокоение 305
 успокоить 55, 277, 289, 301, 303, 355
 успокоиться 121, 195, 302
 уставиться 207, 215
 устанавливать 72
 установить 83, 307, 330, 489
 устать 497, 505
 устраивать 385
 уступить 483, 484
 уснуть 33, 48, 89, 149
 утаиваться 208
 утаиться 208, 211
 утверждать 261, 356
 утеплить 479
 утешать 277, 285, 287, 300, 301, 303, 304
 утешаться 301, 306
 утешен 277
 утешение 305
 утешить 276, 277, 285, 289, 299, 303
 утешиться 300
 утомить 98
 утомиться 98
 уточнить 372
 утратиться 71
 утюжить 57
 ухнуть 413

- уходить 374, 389, 484
 участвовать 432, 446
 участь 309, 318
 учеба 89
 учесть 482
 учитывать 482
 учиться 89
 учредить 46, 479
 уши 533
 ушибиться 477

 фигура 91

 хвалить 358, 359
 хвататься 361
 хватить 509
 хлопать 63, 159, 401, 415
 хлопнуть 45, 405, 415
 хлопать 401, 411, 412
 ходить 57, 77
 хотеть 307, 521
 хотя 47
 храпеть 401
 хрипеть 401
 хромать 31, 55
 хрустеть 54, 401, 416, 417

 целовать 57

 часто 280
 чашка 89
 чернеть 214
 черта 166, 167
 четко 424
 чистота 165
 читать 55, 75, 77, 197, 207
 чихнуть 480
 чувствовать 199, 205, 212, 237, 521
 чувствоваться 54, 204, 205, 212, 443, 445, 447, 448, 458
 чудиться 205, 209, 215, 457
 чують 205, 214, 237

 шевельнуть 480
 шелестеть 401, 405, 408, 409, 419
 шептать 355

 шипеть 401, 406
 шпионить 47, 197, 206, 215, 216
 шум 414
 шуметь 401, 406, 409, 414
 шуршать 401, 402, 405, 408
 шутить 484

 шелкать 401
 шелкнуть 410, 417
 шупать 206, 232

 ябедничать 361
 явиться 192, 201, 208, 482
 являться 68, 152, 208
 ярость 89

 accuse 94
 an 163
 anger 283
 année 163

 bake 526
 bore 487
 break 531

 chase 56
 come 373–377
 convince 312
 cough 480
 criticize 94

 destroy 84
 dig 487

 eat 487

 fear 280
 feel 202, 203
 frighten 280
 fry 493

 glimpse 201
 go 374–376, 378

 hang 153
 hatch 487
 hear 202–204
 here 376

 hide 167

 invite 372

 jour 163
 journée 163

 lie 153
 light 487
 listen 204
 look 28, 203, 204, 226, 233
 look at 203, 233
 look for 226, 233

 make 493
 make angry 283
 march 536
 matin 163
 matinée 163
 menacer 371

 notice 224
 now 376

 open 531, 536

 persuade 312
 promise 357, 360

 read 371
 remember 307
 risk 337
 roll 487
 rub 531
 rustle 402

 see 202–204
 sit 153
 smell 28, 202, 203
 sound 203
 spot 222
 stand 153, 386
 sweep 531

 taste 202, 203
 threaten 371
 time 173
 tydzień 167

Научное издание

Елена Викторовна Падучева

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
Ю. Саевича и С. Жигалкина

Редактор М. Григорян
Корректор О. Заикина

Оригинал-макет подготовила А. Шипунова

Подписано в печать 02.11.2003. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Times».
Усл. п. л. 49,02. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).